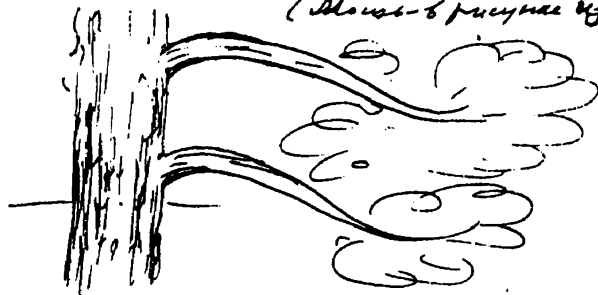

ДЛЯ ПАМЯТИ

... Буйные зриси соловья коот...

Войсакленн мочу соловья ветвей:
(Моча-в ричунах изгиба)

28-IX. 5-7. вер.

"Если жать, - как войти в нее
и жать - как быть в ней, -
то, почитине, что, как кощунств
Сущности вещей;
как войти в вещь в себе".
"В ней."

Кебади, 2-й изгнана:

"Имаже себе, а посмотрю - казу!"
(Аринов "Дереву Урана"),

"

... Там - Тарука ... и пашаем..."
(Урлов - Урлов -
"Дереву Кайтано
Урлов")

Грант Президента Российской Федерации

*Можно ли прожить без музыки?..
Как будто она не относится
к первейшим потребностям человека.
Но лишиться ее — равносильно утрате счастья...*

Александровский

Евгений
МРАВИНСКИЙ

**Записки
на память**

Дневники. 1918—1987

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2004

УДК 930.25

78

ББК 85.2

79.3

М88

Грант Президента Российской Федерации «Для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства»

Федеральная целевая программа «Культура России». (Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

При поддержке издательства «Композитор. Санкт-Петербург»

Текстологическая подготовка, составление и вступительная статья
А. М. Вавилиной-Мравинской

Составитель Летописи жизни и творчества Е. А. Мравинского
Ю. Н. Кружнов

Художник *Л. Е. Миллер*

Фотоиллюстрации — из архива А. М. Вавилиной-Мравинской

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
какими бы то ни было средствами без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

И след мой «бесследный»...
тянется цепочкой в Вечности...
И кто захочет, и кому дано —
тот увидит его и уследит.

Е. А. Мравинский

4 июня 2003 года исполнилось ровно сто лет приходу Евгения Мравинского в мир земной. И пятнадцать минуло с той поры, как он вознесся над нами небесной радугой музыки.

Будь на то Божья воля и отпущены сроки, весь домашний архив — дневники за семьдесят лет жизни, записные книжки, письма, путевые заметки, рабочие партитуры — мог быть упорядочен самим Евгением Александровичем. Еще в 1948 году, «земную жизнь пройдя до середины», он загадывал: «...хочется думать, что материал — для чего-то, что когда-то напишется, чтоб еще раз прикоснуться к прожитому, осознать происшедшее, а иногда — и часто — просто жаль забыть куски жизни, коли они сами-то канули в Лету...»

И только теперь настал срок услышать слово *Правды* от сына Музыки. Теперь, когда успела осыпаться шелуха поношений его, когда приутихла греховная хула, когда *время* — неумолимый и неподкупный судья деяний человеческих — встало на защиту *правоты его*. Пришло время, когда приметить «цепочку следов» Мравинского — и тем самым приоткрыть для себя тайну его человеческого пути — стало необходимостью. Какой след оставил нам путник, пройдя отпущенный Богом жизненный срок? Добро или зло? Храм или руины?

Горестная непогода России XX века — войны, революции, социальные катаклизмы — вторгалась в судьбы людей. Не миновала общей участи и семья Мравинских: утраты, покидаемые вновь и вновь очаги. Разметало и значительную долю дневников, родительских писем и родовых документов. Но даже немногие чудом уцелевшие записки Мравинского воссоздают во всем объеме незауряднейшую личность, страстного человека и Богом благословенного музыканта.

Судьба распорядилась так, что бремя издания дневников должно было лечь на мои плечи. Отдать сокровенное свидетельство многих лет жизни Евгения Александровича в чужие руки — словно совершить предательство, так мне казалось. Ведь ни научное любопытство, ни тем более праздный интерес не заменят ревнивой любви к потаенному знаку, слову, мысли. Публикация записок была для меня вопросом совести, то есть дозволенности совершить этот акт.

Первым человеком, обратившимся ко мне с советом опубликовать дневники, была Надежда Вадимовна Кожевникова — корреспондент газеты «Советская культура». В июне 1991 года она специально приехала из Москвы в Ленинград. Посетив места, связанные с именем Е. А. Мравинского, взяла у меня пространное интервью и поместила его в своей газете, включив несколько фрагментов из дневников Евгения Александровича, скончавшегося в 1988 году.

Сейчас Надежда Вадимовна в Америке. Но расстояние для нее — не преграда. Весной 2002 года в ночи раздался телефонный звонок: «Все вы преступники! Не удосужились за все эти годы опубликовать...» — справедливо расстреливала она меня из своего далека высоким, взволнованным голосом. Пообещав ей заняться дневниками, я собрала остатки душевных сил и 18 июля открыла самый «читабельный» из них. В этом же году издательство «Искусство—СПБ» предложило мне сотрудничество в работе над изданием дневников Евгения Александровича.

Его «записки на память» рождались подчас на попавшем под руки клочке бумаги или в крохотном блокноте, умещавшемся в нагрудном кармане пиджака. Это была скоропись, пестрившая кодовыми значками. Правда, отдельные черновики аккуратно переписывались начисто, но и то, как правило, почерком «для себя», с сокращениями.

Вживание в написанное дорогой мне рукой заставило возвратиться в ушедшие дни, переоценить все свои поступки, осознать цену каждого счастливого мига, укоряться, заливать бездонный колодезь осиротения запоздалыми слезами; да еще «пробыть» с ним, его некороткую жизнь *до меня!*

Сегодня жаждущими подлинной музыки Мравинский востребован как никогда. Почему? Почему, слушая «Море» К. Дебюсси в исполнении Мравинского, мы до галлюцинаций погружаемся в его аромат и стихию? Почему наши души устремляются ввысь, когда А. Брукнер звучит под управлением Мравинского? Отчего спазм в горле не позволял соединиться ладоням в благодарении за «Патетическую» Петра Ильича Чайковского? (После последнего в своей жизни исполнения этой симфонии Евгений Александрович медленно закрыл партитуру под гробовое молчание зала, пока не нашелся «смельчак», решивший как-то разрядить нависшее безысходное безмолвие. Укладываясь на ночь, Евгений Александрович признался, что минута той тишины показалась ему вечностью... «Мне больше нечего им сказать...»)

Какие силы, кроме Бога, правили душой музыканта и бережно несли его над бурями земными и страстями человеческими? Дневник — сокровенная исповедь, пристанище совести и собеседник — ответит многим слушающим его сегодня и знавшим только по забываемым концертам потрясающей повестью *Правды*.

Для Мравинского существовали незыблемые жизнестроительные принципы: *правда и воля, порядок и честность, труд, как*

путь к совершенству, и понимание малости своей как частицы Мировоздания.

Правда — краеугольный камень всей его деятельности: и в отношениях с людьми, и в суждениях о самом себе, и в музыке. Миссия дирижера — услышать то единственное звучание ноты, которое слышалось самому автору, проникнуться его душевным состоянием, убедить в своей правоте оркестр и донести все это в зал — Слушателю.

Зал Е. А. Мравинский «слышал» спиной — мембраной — и никогда не делил публику на «подготовленную» и «неподготовленную». «Искусство должно потрясать», — утверждал он. Если в зале «ничего не происходит», если он ранодушен, — значит, нет полной *Правды*, значит, зал обкраден, и в ответе за все — как хорошее, так и плохое — дирижер! «Партитура для меня — человеческий документ. Звучание партитуры — новая стадия существования произведения...»^{*}

Порядок во всем — это стержень характера Мравинского: порядок в партитуре, порядок в оркестре, порядок, несмотря на неприязнительность, в быту, одежде. Вальтер Феддер, немецкий импресарио, долгие годы боровшийся в Москонцерте за «получение» Мравинского, подшучивал над ним: «Я знаю, почему тебя не жалует начальство, — ты слишком любишь порядок!» Сам Евгений Александрович писал в «Автобиографии»: «Мне вспоминается, что начал я с введения строгой дисциплины. Вначале это не всем понравилось. А музыканты — народ с юмором, и надо было обладать выдержкой, чтоб не растеряться и настойчиво утверждать свои принципы в работе. Понадобилось время, чтоб мы полюбили друг друга...» Действительно, на фоне канканирующего разгильдяйства и общей безответственности Филармония при Е. А. Мравинском была как бы островком настоящего порядка.

Для оркестра Евгений Александрович никогда не был дирижером-«регулирующим», он строил свои отношения с оркестрантами как терпеливый, самоотверженный учитель, помощник, сотворец. Впрочем, в подобных категориях он свой труд не оценивал, чаще же говорил о точности и дисциплине: «В репетициях я спрашиваю с себя много. Как дирижер, иду на репетицию подготовленным. Ведь я понимаю, что я не „хозяин музыкантов“, а посредник между автором и слушателями. <...> Я ничего особенного не требую: прошу лишь точного проникновения в авторский замысел и в мое понимание произведения».

В профессии Мравинский всегда оставался бескомпромиссен! Его репетиции с оркестром, будь они запечатлены в полном объеме, могли бы стать подлинной академией исполнительского и дирижерского искусства. К великому счастью, сохранилось несколько записей, иллюстрирующих процесс второго рождения

^{*} Здесь и далее цитируется текст «Автобиографии», составленный Е. А. Мравинским в 1953 году. — *Примеч. автора.*

музыки, превращения «авторского документа» в звучащее море образов. «Еще разок, пожалуйста, восьмушку с точкой сыграйте точно», — многократно, терпеливо, отстукивая по пульта ритм, добивается Евгений Александрович точности, грамотной фразировки, окрашенного тона и выразительности. Уроки Мравинского сохранились и, так сказать, в изустной традиции. Если собирается компания музыкантов, работавших с ним или просто знавших его, разговор с любой темы неизбежно переключается на воспоминания об Евгении Александровиче и счастливом времени совместного творения музыки. Он был требователен и скуп на похвалу, но для профессионалов Мравинский и по сей день — даже когда он уже высоко над нами — признанный и почитаемый Маэстро.

Порядок и в «записках на память». Восхищает чеканная форма изложения. Она неизменна от юношеских дневников до последнего листка 1987 года, написанного последним в его жизни летом. Утро нового дня, настроение природы, обед, сумерки («нехороший час»), вечер, итог, уход в ночь. С партитурной точностью запечатлены подробности прожитого.

Работоспособность, чистоплотность в деятельности — тоже характерные свойства таланта, отпущенные Мравинскому Богом. Дневники — неопровержимые свидетели истины: *таланту нужно служить*, нести Божью ношу, в каком бы «материале» она ни оказалась. Эта истина была усвоена Мравинским еще в юности: «В 1921 году я поступил штатным пианистом в Хореографическое училище* для игры на уроках классического танца. Музыкальное сопровождение танцевальных упражнений — дело весьма трудное. По традициям училища, от меня требовали импровизации, причем достаточно выразительной, чтоб поддерживать в течение всего урока высокий эмоциональный настрой. Этому утомительному занятию я отдал почти десять лет. Одновременно учился в Консерватории сразу на двух факультетах, дирижировал самодеятельным оркестром Союза совторгслужащих, участвовал в „живых газетах“, пробовал сочинять музыку... Когда вспоминаю это время, то не могу понять, как все это удавалось успевать. Учебные нагрузки в Консерватории были высокими, Александр Васильевич Гаук и другие профессора не снижали требовательности».

Ответственность — не что иное, как взыскательность к себе, прежде всего к себе. Так, во всяком случае, она проявлялась у Мравинского. Вадим Николаевич Салманов** вспоминал: «...Когда Евгений Александрович работает с автором, то всегда поражаешься глубине прочтения им партитуры. Сидя на репетиции, удивляешься его экономии времени и вместе с тем тща-

* Ныне Академия балета им. А. Я. Вагановой. — *Примеч. автора.*

8 | ** В. Н. Салманов — известный русский композитор, чьи все четыре симфонии были исполнены Мравинским впервые. — *Примеч. автора.*

ности отделки. Иногда записываешь себе на бумажке, что вот там-то хорошо бы то-то, а придешь в антракте в его дирижерскую и не успеешь рта открыть, как он, опережая тебя, говорит то, о чем хотелось его попросить. И сказать нечего: он все знает и все слышит, чувствует, *что надо автору*. Сплошь и рядом даже у взыскательного к себе автора появлялось недоумение: неужели он — Мравинский — знает и чувствует музыку лучше, правильнее самого композитора? Да! Когда ваша партитура в руках этого художника, вы как за каменной стеной. Вам остается только наслаждаться совершенством исполнения и осуществлением вашего замысла, а остальное — „дело рук“ Евгения Александровича и его замечательного оркестра».

Но даже если Мравинский дирижировал неоднократно играными сочинениями, то партитура их «раскрывалась» как бы впервые. Скрупулезно изучал он каждую авторскую пометку, заново вглядывался и вслушивался в каждую ноту, вспоминал о недостаточно четко прозвучавшем эпизоде на предыдущем концерте, возмущался собой и самозабвенно внедрялся в сокровенную глубину партитуры. Оркестр знал: если из партитуры, лежащей на дирижерском пульте перед Мравинским, свисают «хвостики» закладок, значит, вчера на репетиции не все было в порядке. Пока не будет безукоризненного ансамбля, пока каждый не уяснит свою миссию — работа не закончится.

Честность — во всем (перед собой и перед людьми, в труде и в любви). Это приводило порой к драматическим последствиям, но ни при каких обстоятельствах честь не разменивалась на фальшивое благообразие. В 1974 году, когда Россия (СССР) остервенело изгоняла своего гражданина — Александра Солженицына — из дома своего, Мравинскому настоятельно рекомендовали выступить со статьей о писателе-отщепенце или подписать заранее подготовленный опус. Упорным молчанием отразил Евгений Александрович многодневный натиск радетелей идеологической «чистоты рядов». Он был одним из немногих представителей интеллигенции, не увековечивших сей позор своим автографом. Опасно?! Но *ради правды* — только так. Честно. Лганье же, фальшь, рвачество (ныне сиречь — «прагматизм») повергали его в неистовое негодование, глубоко ранили, врезались в память, и хотя усилием воли, по-христиански, со временем прощались, но не забывались никогда. Всегда стремился понять мотив неблагоприятного поступка и никогда не мстил.

Несговорчивый, «неудобный» руководитель коллектива, Мравинский был «трудновоспитуем»; единственный метод обуздания «непокорного» — «не пушать за рубеж». Чиновникам-то и в голову не приходило, что для кого-то эти «крайние меры» не наказание, а радость: «Алеша! Быстренько собери барахлишко и отправь меня в Усть-Нарву. Да побыстрей, вдруг невзначай передумают?!» Шуку наказали — бросили в реку! Одно только тревожило Евгения Александровича — кто вместо него будет при этих вынужден-

ных отлучениях «поводырем» оркестра и как будут обращаться с музыкантами на гастролях.

Для Мравинского же каждый гастрольный выезд — огромная проблема: высочайшая ответственность за уровень исполнительства перед взыскательной публикой, волнение за режим работы, борьба за приемлемое устройство оркестра и оплату его непростого труда, споры с руководством и импресарио (чьи интересы часто смыкались) как о количестве концертов, так и о программах, отстаивание расписания переездов оркестра, так как составители умудрялись подчас измерять на карте расстояние между городами карманным сантиметром, без учета времени переезда и рельефа местности. («От Вены до Линца два сантиметра» — оркестр добирался к утренней репетиции по обледеленному серпантину всю ночь, а инструменты вообще прибыли к пострепетиционному часу.) Неудивительно, что Мравинский редко был понастоящему удовлетворен прошедшим гастрольным концертом.

Основным, базовым капиталом оркестра является спокойная, тщательная работа в своем «филармоническом доме»; за границей разумно расхотать лишь проценты с него; неумная эксплуатация коллектива — неизбежный путь к банкротству, считал Мравинский.

Зарубежные друзья, хорошо осведомленные о том, как живет и работает Евгений Александровичу, не раз искренне и бескорыстно предлагали ему обрести в Европе достойные условия проживания и свободу творческой деятельности. Был он обожаем итальянкой-импресарио Эмми Мореско; убеждали остаться преданные ему Рудольф Гамсбюгер и Вальтер Феддер, приглашал проводить отпуска во Франции президент фирмы «Шант дю Монд» Жан Руар, японцы мечтали заключить длительный контракт с оркестром ННК (Эн-эйч-кей)...

Все предложения наталкивались на неприступную крепость: домой, в Россию. Там покоятся чтимые им предки, там Тверская, Усть-Нарва, набережная Невы, друзья с Колокольной, Театральная площадь... Там согревающие сердце пригороды, особенно Павловск, где все связано с детством...

От предложения Моисея Абрамовича Гринберга в 1968 году переехать в Москву и возглавить Государственный оркестр, стараясь никого не обидеть, деликатно отказался, хотя тогда уже испытывал дискомфорт, интуитивно ощущая сгушавшуюся атмосферу в Филармонии. Но нрав «перекасти-поле» или «невозвращенца» ему не был свойствен. Восхищался культурой и народами Японии, Испании, Италии, почти родной Скандинавии и Германии, но... неизменно, подобно журавлю, тянулся домой, в Россию, пусть и обреченную на многостраданье; «да мне не так уж много и нужно-то... главное — быть „в своей среде“».

Масштаб сделанного Мравинским для Музыки еще предстоит оценить. Чтобы представить, о чем может идти речь, напомним сказанное И. Соллертинским в 1941 году о не перешагнувшем

рубеж сорокалетия дирижере: «Мравинский провел титаническую работу. Ему, в его амплу главного дирижера, пришлось взять на себя весь монументальный и весь остальной мировой симфонический репертуар. Он должен был проводить и Бетховена, и Чайковского, и Берлиоза. Он должен был овладеть и Малером, и Брукнером. Ему принадлежит честь дирижирования Пятой и Шестой симфониями Шостаковича. Скажу без преувеличения: всякий другой дирижер меньшего масштаба сломился бы под этой непосильной ношей, и у нас, музыкантов, друзей Мравинского, не раз возникало сомнение: не поплатится ли он менингитом, взяв на себя репертуар, который доньше был разделен между первоклассными западноевропейскими дирижерами. Но, к чести Мравинского (я говорю это как музыкант, а не как художественный руководитель Филармонии), он из этого испытания — действительно испытания огнем — вышел блестяще».

Изредка с уст Евгения Александровича слетал приглушенный минорный подголосок: «Жаль, жизнь на исходе и вся прошла не в том материале!» Сетовать были все основания, — мне думается, что в любом избранном им другом «материале» он также состоялся бы в качестве Мравинского и внес бы в него не меньший вклад, чем в музыку.

По детским гимназическим табелям можно судить о его успехах в иностранных языках: латыни, греческом, французском, немецком. На слуху еще был финский, да и английский текст переводил для себя сам.

Учитель рисования советовал Елизавете Николаевне, матери Евгения Александровича, обратить внимание на художественные способности мальчика в рисунке и рукоделии.

Поразителен в Мравинском талант «видения» любого живого существа, интуиция диагноста! Он мог бы стать чутким врачом.

Остались тысячи фотографий, сделанных Мравинским. В кажущихся непримечательными лицах он своей зоркой душой воспринимал внутреннюю красоту, мог сотворить фотоснимок, не уступающий живописному портрету. Он умел «не только смотреть, но и видеть» — это ведь тоже искра Божья.

Непобедимый в отрочестве длинноногий бегун, неустомимый путешественник, знаток рыбалки и всевозможных лодок — с моторами и без, — поклонник ловких и сильных спортсменов — все это тоже штрихи таланта.

Книги любимых писателей и поэтов не просто читал и перечитывал, а погружался в них с головой. Помнил по имени и отчеству главных героев и проживал с ними все коллизии. Нежно относился (в отличие от советской интерпретации этого персонажа) к Илье Ильичу Облому, плакал над бунинской «Ликой» (последнее прочтенное им произведение). На страницах книг сохранились пометки — «NB Е. Мр.».

Легко, экспромтом рождались под настроение стихи, адресованные или очередной «Ей», или маме, или друзьям, всегда

глубокие и мужественные по содержанию. Последнее стихотворение, помню, было написано замечательному человеку и другу — Кавашима Мидоре-сан* в семидесятых годах, буквально за считанные минуты!

Природа — своя среда, быть неразлучным с ней — душевная и духовная потребность. Но мама (для Мравинского — «абсолют») напишет на обратной стороне их совместного портрета: «Мне было бы очень больно, если бы я ошиблась в звучании твоей души». Елизавета Николаевна, свободно владевшая искусством игры на фортепьяно и пением (как водилось в дворянских семьях), дом которой был увешан портретами «небожителей» — артистов Мариинки, — кумиром которой была музыка, настойчиво воплощала в жизнь свою мечту — предназначение — даровать миру музыки сына своего. *Он уступил маме*, пожертвовав биологическим факультетом университета, и обрек себя Музыке. «Природоведение — моя вторая специальность. В молодости я очень серьезно занимался биологией, даже учился в университете, — да вот музыка пересилила. Всегда много времени проводил в лесу, в степях, на озере. Это входит в режим творческой работы. Без преувеличения скажу, что без этого я не смог бы сделать того, что сделал. Природа помогает осознать меру вещей, их истинную цену. Вы обращали внимание на удивительную гармонию в природе? Она же должна присутствовать и в музыке». Но... *ведь музыка — это город, одетый в камень и асфальт, «забронированный» от неба и земли!..* — чужая среда, в которую возвращаться после желанного пребывания в природе приходилось сквозь слезы и насилие над собой.

И это не единственное противоречие в судьбе Мравинского. Врожденная застенчивость на людях («Моя сутулость — стремление занимать как можно меньше места в пространстве», — возражал он маме на замечания: «Женя, не сутулься!»), нередко воспринималась окружающими как нелюдимость или высокомерие. Он вынужден был в связи с публичной профессией дирижера усилием воли загонять ее вовнутрь.

Пытливость Мравинского — жажда открытий и познания — была особым свойством, предназначалась им только для своего внутреннего мира. Однако репетиционная работа обязывала «учительствовать», убеждать, настаивать, что приводило подчас к отчаянию, сомнениям в своих возможностях добиться желаемого результата, к искушению расстаться с этим всем навсегда. В начале 1988 года мы возвратились из Вены, где ему была оказана довольно эффективная помощь в оздоровлении. Не пожелал задержаться там. «Хочу умереть в своем доме». «Давай уйдем оба из Филармонии, будем всегда вместе...» — осмелилась я «обrado-

* Кавашима Мидори-сан — японская переводчица, большой друг Святослава Рихтера, Нины Дорлиак, а с 1973 года и Мравинского. Член общества «Евгений Мравинский» в Японии. — *Примеч. автора.*

вать» Евгения Александровича. «*Ты хочешь лишить меня Музыки?!!*» — услышала я в ответ.

Лейтмотивом в записях звучит грустная нота *одиночества*. Сызмала покидаемый в своей спаленке после предночной сказки, погружаясь в полутьму сна, был он обречен на неизбывную, как напишет позже, необъяснимую печаль. И это несмотря на любящее окружение в детстве — самой счастливой поре, на коллективное послереволюционное интернатство в 1919 году и публичную деятельность, связанную с неперменной «толпой талантов и поклонников». Не избавляют от ощущений грызущей тоски ни тепло домашнего очага, ни черед «любовей»... Желание и доброе намерение обрести сподвижника, единомышленника натываются порой на неискренность или корысть, что переносится болезненно и обостряет чувство недоверия.

После кончины близких ему друзей — Николая Черкасова, Ефима Бейлиса и особенно Дмитрия Шостаковича — остро почувствовал состояние покинутости. Примечательно грустное выражение глаз Евгения Александровича на некоторых фотографиях его: в раннем детстве — в преддверии будущего, в зрелом возрасте — «самовзгляд» как итог прбжитого.

Почти постоянен поиск старца-духовника; постоянна жажда испросить совета, услышать ответ на животрепещущий вопрос, прикинуть, притулиться. Последнее слово последней страницы дневника — «Ювеналий». Можно предположить, что имя это связано с надеждой обрести *Старшего над собой*. (Мне думается, судьбы гениев так редко пересекаются, что душевное одиночество становится их уделом.)

Как сумел человек, шедший сквозь лабиринт душевных противоречий, сохранить свою целостность, чистоту помыслов, силу духа и любви — поведают «Записки для памяти».

Был ли счастлив Мравинский? Считая себя мельчайшей частицей мироздания, вечности, он физиологически ощущал движение времени и его быстротечность, с печалью провожая каждый свершившийся миг. И потому *знал*, что счастье означает — быть, дышать, любить, слышать в природе музыку и в музыке являть природу, человека, Бога. «Ничем не обрастать!» Посох и «лейка» (фотоаппарат) вместо сумы. Любить любовь. Всегда. До конца своего пути.

Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

Дорогие Мравинскому, любимые им бунинские строки могут служить исчерпывающим ответом на вечный для каждого вопрос. Дневники Евгения Мравинского — невольное напоминание

живущим об извечных истинах: дорожить *Мигом*, беречь того, с кем ты сегодня, укоряться несправедливостью в своих поступках, не разлучаться с любимыми.

Сумерки — «нехороший час», когда неизбежна печаль души, — стали его прощальным часом (19 часов 30 минут). Это был день Крещения Господня — 19 января. Бытует поверье, будто Господь призывает к Себе в этот день святых. *Я верю в это*. В ночь на 23-е в Преображенском соборе *он остался один*, слушал Псалтирь (слух умирает последним). В утро 23-го внимал Божественной литургии и пронзительному скорбному слову отца Бориса (Глебова). Прощальная вереница верных ему потянулась к собору для последнего поклона тому, кто делил с ними свой дар любви к *Музыке и Правде*. Филармония. Последнее за полвека касание сцены в белой ладье-колыбели. Слушал «свою музыку со своим оркестром». Всем простил все. Подобно Зигфриду, несомый преданными, любящими руками, медленно уплывал в звуках вагнеровского траурного марша. В сумерках, в исчезающем свете, лег в землю, избранную им, оставив нам надгробное рыданье, оставив дар своей души — Музыку и «Записки на память» — *неизгладимый след Правды*.

январь 2004 г.

А. М. Вавилина-Мравинская*

Хочу выразить глубокую благодарность Дине Алексеевне Горб и Виктору Васильевичу Стрелкову, помогавшим в подготовке архива Мравинского к публикации.

А. М. Вавилина-Мравинская

* Александра Михайловна Вавилина — флейтистка, педагог. Засл. арт. РСФСР (1974), засл. деят. искусств РСФСР (1983). С 1962 г. артистка симфонического оркестра Ленинградской филармонии. С 1969 г. преподает в Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) консерватории, проф. (с 1988).

Дневники.
1918—1987

15 января (пн). Как хорошо, что я делаю успехи, спасибо моей Олечке¹. Я очень люблю ее. Моя мать² начинает «приручать» меня — но баста.

16 января (вт). Ужас что творится всюду: и дома, и в политике... Проснулся сегодня и так стало безрадостно. Учился, был у Ольги Ивановны. Славненькая, такая милая. Купил преинтересную «Тарантеллу» Годара (?). Солдаты на фронте продают австрийцам за 200 рублей орудия и за бутылку рома пулемет! Купил кольцо и колечки.

17 января (ср). Ночью мутило, и в гимназии болел живот немного. Что-то не было истории тоже. На географии были вместе с первым отделением. Два часа примерно играл, учил географию, английский, читал «Бессмертный идол».

После обеда смотрел рыболовные принадлежности, варил подлески (уютно так). Господи, дай попасть в Мустамяки и с дядей Никсом³ (Дай Бог)... Сейчас приходит (9 ч.) мама и говорит, что получит место; она мне будет давать по 5 рублей в месяц, и будет позволять тратить бесконтрольно.

Я поступлю после роспуска служить с Геней.

18 января (чт). Пришел домой из гимназии, занимался с папой⁴ три четверти часа и Антошкой один час, потом работал на кухне (до 5 часов). Потом произошел скандал с моей благовернейшей мамашей: одна товарка Муры К. предлагала место (печатать на машинке) за 800 рублей. Ну и довела меня до того своими упреками в воспитании, что я сказал: «Я тебе ни копейки не дам». Ну, плачь и рев. Хотела меня поссорить с дядей Никсом, но ей не удалось, и мы печатали вечером. Для этого места надо все бросить; у нас в гимназии этот идиотский политэ.

19 января (пт). Взял с собой в гимназию книжечку; первый урок вел Баранов; отчитывал Орловского и Рыбакова; я был на молитве. Сейчас (9.30) идет русский язык.

20 января (сб). Рисую карты. Играю на рояле. Студент не был.

21 января (вс). Пришел к отцу какой-то тип и сказал, что будут обыски. Дал номера телефонов «скорой помощи». Всю ночь была перестрелка. Ужасно. Папину турку купили в аукционе за 1200 рублей.

22 января (пн). Утром стало известно, что грабили церковь?! На Сенной убили батюшку.

У подъезда были с Ольгой Ивановной (милая). Окончил карты. Выучил «Тарантеллу». Продать завтра в гимназии вещи. Сейчас (в 10 часов) меня проклинали. Здорово?! В таких случаях хочется наверх, к Ольге... И из-за чего! Спички. Боже! Неужели право, что у меня тебя нет? Оля! Оля! Получил рецепты на хлороформ, будет стоить 3 р. 95 к.

23 января (вт). Надо сегодня выучить английский, а то буду завтра плавать на уроке. Складывал дрова. На улице пальба, все около церкви. Громят квартиры. Были вечером наверху у Ачкасовой. Милая, славная О. И. <...> Завтра география, брр...

24 января (ср). Гермогена не было, говорят, его арестовали; бедный. Пришел домой рано (после второго урока). Писал на машинке до 2 часов, потом до пяти с половиной часов рисовал по нечаевской тетради, теперь, в 6 часов, пишу это. После обеда учил «Поэта» и был у Ачкасовой (играл на рояле). У Веревкина оставил кто-то записку с требованием 5000 рублей — вот так фунт. Стрельба продолжается. Я так надеялся на этот завтрашний театр: О. И. мне уже сказала номера мест, а этот демон, злой дух и это запретил. Треклят будь!

Милая Оля... а впрочем, черт меня знает, я во всех влюбляюсь... но — это чувство во мне возвышенно. Ведь она уже согласилась приехать, и вот?! <...>

25 января (чт). Был вечером у Ачкасовой. Милая.

26 января (пт). Играл на рояле у О. И. Потом хотела меня заставить играть, но я не мог себя заставить. Боже! Как хочется иногда играть с одушевлением, а тут вокруг все надутые хари, так тяжело. Кроме того, тяжело то, что во мне разлад. Я играю и думаю: ну зачем я играю, ведь все равно ничего не выходит... А играть охота... Только думая об О. И., и становится легче. Душа так и просит что-то, ноет, тоскует, ищет поэзии, даже любви. Были сегодня вечером наверху и слушали концерт.

27 января (сб). Были до часу ночи у Оли. Мать моя пела, потом «Она» играла!.. и как! Я думаю, в нее вселяется сам бес во время игры... она — соловей, носик.

28 января (вс). Утром гулял: надеялся ее увидеть, поговорить; да с ней был Иван Матвеевич.

После завтрака читал, опять гуляли. До обеда с двух часов делали опыты с Мишенькой. Банку он умудрился открыть. После обеда пошел к Оле. Она играла, но перестала, увидев меня, и заставила меня сесть. Очень я доволен этим *vis-à-vis* был. Потом вышла, скоро пригласила маму, которая пела потом! Но пение не клеилось, и мы ушли. Что бы я дал, чтобы жениться на О. И.!! Я бы был ее рабом до конца дней... Ах, если б она была помоложе, а я постарше...

29 января (пт). Был в гимназии; пришел, приготовил уроки, наклеил ярлычки на баночки... 4 часа. Заварил чай; узнал, что папина служба закрывается. <...> Я все время думаю об Оле. Так отрадно... Ах, скорей бы в тихую заводь... Менял воду в аквариуме. Читал, после обеда играл на рояле и окончил рассказ. Сегодня у Олечки был... Ноет сердце...

30 января (вт). Случилась маленькая неприятность: мне в баскетболе расквасили нос. Нос сильно распух и ноет немного! Вот так штука! Был на уроке у Оли. Ну, не знаю... Я задыхался и еле-еле сдерживался! При каждом удобном случае она мне гладила руку... конечно, только из желания приласкать. Но во мне это «желание» подымало целый ад. Я был угрюм, и она на меня несколько раз посмотрела вопросительно. Сейчас (8.30), она играет, я здесь, внизу, лежу, пишу эти строки и тоскую, мучительно тоскую. Боже, помоги мне! Может быть, что я ее называю «Олей» и «Олечкой», так это грех и некрасиво, но я ее так, дорогую, люблю... Авось, если ей достанутся эти записки (о чем я втайне мечтаю), может быть, она и простит, и полюбит меня. Молиться об этом Серафиму Саровскому? Мама говорит, что он очень помогает.

31 января (ср). Задана масса уроков по русскому и географии. Целый день учусь. <...> Был наверху, так приятно. Оля, милая, такая веселая, ласковая. Сейчас окончу последнее стихотворение.

Восемь часов, сейчас Оля у нас и мать моя портит все своим пением... Сейчас дядя Никс приходит и говорит, что Оля хуже Валентинихи аккомпанирует. Ха! Ха! Разве Олечка моя будет унижаться до аккомпанимента, ведь она и играет просто так, делая одолжение.

1 февраля (чт). У нас в гимназии устраивается струнный концерт. Сегодня была сыгровка. Купил ноты. Мама была первый раз на службе. Завтра праздник. Олю видел мельком на улице. Играл до 8.30 на рояле, был наверху, смотрел на Олю... Да! Приехал С. М.!! (Завтра добуду серную кислоту).

2 февраля (пт). Утром был у Вас. Вас., который подарил мне бутылку с серной кислотой. До 12.30 гулял. После завтрака был у тети Адели⁵ и, придя домой, отправился брать урок музыки, которого не было. Сидели с мамой у Оли до 4.30. Очень было неудобно, т. к. была моя... После обеда добывал хлор. Добыв, пошел показывать его, но «там» был какой-то офицер. Я ушел.

3 февраля (сб). После гимназии с м^адам^а в магазин обуви, но галош не нашли. Пришел домой, читал «Белый клык»⁶. Очень интересно. После обеда с Сережей опять помирились.

А после чаю играли перед *Ея* дверями на балалайке (я стал очень хорошо играть). Оля несколько раз высказывала, но мы удирали вниз. Весело и тоскливо! Голодно.

4 февраля (вс). Утром и после завтрака гулял... голодал. В 3 часа пришел Мишенька, и мы с ним до 6 часов делали опыты. <...> Олю видел лишь в садике и за вечерним чаем слушал звуки отдаленной *ея* игры. Сережка расквасил губу, бедный. <...> Да и вообще! Что-то завтра в гимназии? Ах моя Олинька... Оля.

5 февраля (пн). Сегодня опять распустили на завтра. После гимназии был с тетей Верой⁷ в бегах до четырех часов. С 7 часов до 8.30 играл; потом был у Ольги Ивановны (фу...). Ну, и пришел домой совсем иным, чем ушел. Оля говорит за чаем (до него она играла) «что я могу записывать в дневник только глупости». Я улыбнулся и промолчал. Боже! Даже писать неохота, так невозможно высказать все мои стремления и всё... всё. «Гений!..»

6 февраля (вт). Утром с 9 до 11 читал. До завтрака был на уроке у Олечки... Она меня похвалила и сказала про Баха: «Я не думала, что вы можете так играть». Я даже вздрогнул от удовольствия. После завтрака мы с ней были в саду. Потом учился; сейчас 8.30, читаю. Сегодня к ним не пойду — неудобно. Ах, Оля, будь молода! <...>

7 февраля (ср). Пришел из гимназии, гулял, «Ея» не видел. После обеда сел играть, проиграл только час, только начал переходить к Баху, как эта... дриндулетка прикатила с треском и потребовала меня печатать... ну, ничего. Опять пошел и пропечатал полтора часа, до 7 часов. Но какое ощущение я испытывал: оборванное вдохновение, желчь, обиду за Олечку, злобу и ненависть к дриндулетке... О, я им покажу всем за Олю и за себя!! Сейчас у меня Фифайкин и — гвалт на весь дом! Ур-ра, гивалт [караул], гетть! Оля, Оля...

8 февраля (чт). М<ама> скандалит целый день из-за службы. Упрекнула меня в том, «что, мол, мать не обязана для тебя служить» <...> говорит уже против хождения к Оле. (К Олечке ходил, но не остался, т. к. у ней были гости). Ужас, и это нелзя: Боже! Боже! Сейчас: «Ты пишешь глупости!» <...> Завтра к Олечке. Единственная отрада.

9 февраля (пт). Боже мой! Как я счастлив. С 2 до 6 я с ней вместе гулял, брал урок. В саду мы играли, шутили, и она меня несколько раз спросила, что пишу в дневники? Я не сказал. Вообще, поговорил с ней задушевно. Милая, дорогая... С Сережкой катался с горы. В гимназии дежурил, будь они все... Сейчас буду писать на машинке завещание... Оля, Ольга Ивановна...

10 февраля (сб). Купил какао... «оторвал». Читал, после обеда играл на рояле, на меня находит такое вдохновение. Ах, музыка, что ты можешь сделать с сердцем человека (?) Потом бегал к ней за «Парсифалем», забыл спросить про завтрашний сад. Оля, Оля, ты меня надрываешь... Она смотрит ласково, ласково, когда отворила дверь и осветила меня улыбкой! Боже, почему я не старше и не красивее?! <...>

11 февраля (вс). Утром с ней гулял... Все время ласкова. После завтрака составлял каталог и бегал за Верой. За завтраком была история со мной из-за того, что я слопал свой хлеб... Да ну их... До обеда все время возился с книгами. А Миша ведь уехал! Жаль! После обеда учил латынь и ходил «туда».

Она пошла укачивать Сережку и на меня так ласково, ласково посмотрела и тихо сказала: «Мы с вами еще поиграем». И вдруг бух! вваливаются гости (черт их дер!), и мне приходится уходить. Боже, милая Оля, я с ума сойду. Я ужасно голоден.

12 февраля (пн). Целый день прошел в моем «избиении»: сначала после гимназии из-за моего «грубого ответа», потом из-за прожженных штанов. <...> Вечером не мог играть на рояле.

После 8 часов я отнес деньги Олечке, которая меня встретила улыбнувшись глазами, и бегу за записью уроков, но обратно не попадаю, т. к. остановлен из-за подштанников... Бедная Лёлик, опять меня не дожидется. Завтра хочу с ней поговорить, выплеснуться. <...> Милая Оля, милая...

13 февраля (вт). Что-то 13-го будет? Чертова дюжина. Целый день писал сочинение. После обеда был у Лёлика. <...> Дала мне сделать 12 программ.

14 февраля (ср). Умер Трубецкой — бедный человек. Пришел рано, до трех писал на машинке; гулял до 4.30, потом до 6 часов писал программки. Написал 8 штук.

После обеда до 8.30 на рояле. Потом был у милой Ольги Ивановны, отнес ей программки. Долго с ней говорили по душам... Она мне очень, по-видимому, сочувствует, с интересом со мной разговаривает и серьезно на меня смотрит... Она была на репетиции. Хочет мне устроить публичный экзамен. Говорил с ней до 9.30. Милая, дорогая...

15 февраля (чт). Целый день писал программки. Одну смачно разрисовал для моей Олечки. Сегодня ей, бедной, чуть голову не раздавили в трамвае. Бедняжка! После игры был у нея, но не удалось поговорить по душе.

1 марта (чт). У Оли был только полчаса... мимолетно. Ничего нового. Утром с ней гулял, говорил по душе. (Тоже,

ведь это с первым человеком, я говорил так). Люблю ее горячо, страстно, всю... Вечером был на «Иоанне Лейденском»⁸ и тосковал по Олечке, дорогой, милой Олечке.

6 марта (вт). Странная Олечка! Не пойму ее никак. Так она на меня странно, испытующе, именно испытующе смотрит, что прямо иногда еле-еле сдерживаю свои порывы. Была у нас, и я счастлив, что за один этот вечер она увидела проявление нашего дома, понемножку! Надо будет ее спросить об этом. Ах, любовь, ты доводишь иногда до иступления! Читаю: «История детской души»⁹, делаю записки на память и потом дам ей прочесть: пусть узнает меня понемножку.

11 марта (вс). Опять она была у нас с малышом, торопилась как на пожар: что, мол, «Женя должен учиться». А Жене об учении и думать невозможно! У меня такая страсть развивается... и чем дальше, тем хуже! После обеда был у ней. Опять не удалось поговорить в этом отношении! Оля! Милая, дорогая, Оля!

12 марта (пн). Вечером, после целого дня учения и труда, был у моей мышеньки милой! Играли на двух роялях. Она несколько раз подходила ко мне: первый раз облокотилась на мое плечо, потом обняла меня за шею, потом взяла незаметно меня под руку, потом, наконец, обняла мою голову и крепко, крепко стиснула и прижала к себе... и при этом так нежно смотрит! Можно себе представить, что со мной творилось?! А вдруг она хитрит, желая «победить»?

15 марта (чт). Ну, и выразить я не могу все мои ощущения и огни! Был у нея вечером, играли с ней... потом она под села ко мне и начала, как всегда, трепать меня по щеке и шее. На этот раз как-то особенно настойчиво прижала свою ладонь к моим губам; я не выдержал и поцеловал, сам смертельно испугался! Она, ничего... Только смотрит на меня своими милыми глазками. Говорили о завтрашнем «Парсифале»¹⁰. Я сказал, что из-за кашля не попаду; [она]: «Ну, это будет хорошо».

16 марта (пт). Ну, были на «Парсифале». Я не дерзаю описывать Его! Но опишу лишь то, что касается Ольги!

Первое действие она сидела вдали от нас. Ко второму перешла ко мне — со мной рядом! Она несколько раз наклонялась к моему уху и касалась его своими пышными волосами... Шли обратно с ней под руку; подойдя к дому, мы пропустили стариков [родителей] вперед, и тут несколько раз она крепко прижимала мою руку к себе и при этом так на меня смотрела! Я ей погладил руку, она мне пожала... простились с ней!.. Но странно, что при других она как будто ни при чем, — вот тут-то и загвоздка!

21 марта (ср). Завтра должна быть письменная работа по географии, но у меня, на счастье, заболел живот, и я завтра не иду! С Ольгой, моей милой Ольгой не видались даже издали. Мне интересно ее испытать, но что это мне самому стоит?! Оля, Оля!

22 марта (чт). Утром зашла она с Сережкой... Ах, какая красавица! В летнем пальто, думка прелесть! Ах, какая хорошенькая... но тем не менее я держусь, черт меня побери, холодно! Вечером — тоже, так что даже Н. С. спросил, что со мной?

Днем играл у них 2 часа и отдыхал от «чистой атмосферы» нашего любезного семейства! Дорогая моя Оля! Чтобы я дал, чтоб сейчас тебя ласкать! Но ничто не суждено человеку творить по своей воле! Завтра урок для меня как праздник! Надо объясниться во всем...

24 марта (сб). Были на концерте в Петро-Павловской церкви — божественно было! Особенно потому, что мы сидели с Олей тесно прижавшись друг к другу! Я придвинулся вперед настолько, что она мне сама рассказала о своих отношениях с Брандтом.

А все-таки, чего-то нет и нет, и я, несмотря на все старания, не пойму «чего» нет?! Несколько взглядов все-таки было...

25 марта (вс). Гуляли с Сережей на Островах. Пришли домой и встретили Олю с матерью. Как хороша! Днем опять прошлялся за ней 1 час целый и говорил с ней только 5 минут. Она мне все хочет этот несчастный рубль отдать. Я эти билеты сохраняю как святыню. Сейчас, вероятно, она возвратилась уже из гостей, и, вероятно, опять в моей милой малиновой блузке...

26 марта (пн). Утром к нам забегала на минутку, обещала прийти вечером; целый день после нея тосковал, делал ящики, читал «Божественную комедию»¹¹. Вечером пришла, но мы с ней пошли к ней наверх играть на двух роялях... В субботу Вагнер в Капелле; она не идет (завтра спрошу: отчего?), а идет в воскресенье в церковь. <...>

Сегодня в гимназии не был, надеюсь также и завтра. Как хороша!

29 марта (чт). ...Вообще я ушел от нея опять «горячим» как тлеющий уголь. Как хороша в своей задумчивости. Не могу писать!.. «Женя, если бы вам было 34 года, а не 14 лет, я бы вам сказала, что я думаю, а теперь...» — это она сказала, прикладываясь лбом к моей руке... Уходя, 5 раз поцеловал руку.

30 марта (пт). Работа по русскому.

2 часа, только и живу сегодня воспоминаниями об этой милой головке, приложившейся к моей руке. 4 час., утром от тети Веры, т. к. чуть не умер с тоски и от разговоров

про финтифлюшки разных родов... Встретил Ольгу, просияла мне улыбкой, увидя меня, и долго смотрела мне вслед...

10 часов, был на исповеди... Ольгу видел лишь мельком. Ужасно нервен, вероятно потому, что у нея не был. Ах, Ольга!..

2 апреля (пн). Все налажено... с ее стороны «кажется» любовь, и вдруг... опять разговоры, что я туда слишком часто бегаю. Итак, опять буду жить от урока до урока, от одного, из двух вечеров в неделю, к другому... Ужасно! Милая, дорогая Олечка. Опять сегодня прижалась и стиснула руку... О, моя мать — злой Демон...

Живу до завтрашняго вечера и среды.

3 апреля (вт). Работы по истории с алгеброй. Нечего написать. Опять... страстнее и ужаснее люблю с каждым часом. Конеч! Завтра во время пути на концерт клянусь объяснить-ся... Брррр... Какие муки я переживаю!

Сейчас иду — весна, вечернее освещение и, вдобавок ко всему, у меня опять появилась эта весенняя страсть, тоска по чему-то... Ольга! Заклинаю... То порывы, то отчаянье... Нет, завтра — конец!..

4 апреля (ср). Работу по русскому написал хорошо! Были на концерте, она была очень усталая и вялая, но все же, как могла проявлялась... шли обратно: она, видно, еле держалась на ногах, бедняжка... Я все сильнее и сильнее, безумней люблю... О Боже, вот бы летом жить вместе!

5 апреля (чт). <...> С ней не виделся... опять спасибо розенкрейцерам¹² и т. п., т. к. только благодаря им я смог завладеть своим мышлением: в гимназии ушел ото всех и долго сосредоточивался, пока *curbis* [вдвойне] стало ясно, как вода... и пришел опять к здравому плану действий. Сегодня не показываться, завтра тоже, послезавтра на уроке — при первом удобном случае излиться... Чуть ее голос сейчас опять меня не толкнул с ума. А то такие муки переносить больше не в состоянии.

8 апреля (сб). Утром рыскал за ней — ни черта! <...> После завтрака тосковал и метался, т. к. она отказалась в пользу Н. С. от билета (!?) Ах, это были ужасные минуты; но она все же пришла! Шли с ней вдвоем обратно. Я ее начал дразнить, что она, мол, хотела от меня на концерте отделаться... Она не на шутку рассердилась... крепко пожала на прощанье руку. Милая! Дорогая! Драгоценная! До вторника теперь!

12 апреля (чт). Получил свидетельство: «переводится в шестой класс с наградой II степени»! Ну да ладно, не об этом речь.

Ольгу днем видал лишь в трамвае. Весь день шлялся, разбирал на рояле. Вечером играл (завтра к ней, дорогой, милой!), потом пошел к ней; она меня спросила: что я подра-

зумевал под «психологией»? Я отмолчался. Завтра... Неужто развязка?!

Прямо поражаюсь моему умению владеть собой! Она мне сказала: что я должен быть человеком с волей... почему?

13 апреля (пт). Проклятое число 13! Не повезло. Ольга меня любит — это ясно; я ее боготворю; все есть... только лета, проклятые лета и «положение», мое и ея, как она выразилась, ставят нас в безвыходное положение. <...> И всё, или я не могу договорить, или нас прерывают! Вот и сегодня! А я люблю все страстнее и страстней! Бедная Ольга!

20 апреля (пт). С ней еле-еле видался вечером, когда она пришла ко всенощной. Очень мне обрадовалась, просияла, а у меня сердце заколотилось, как всегда, когда я ее вижу после долгого промежутка! Она крепко опять сжала мои пальцы. У меня отчего-то тревожные ожидания...

21 апреля (сб). Были все на заутрени. На обратном пути подарил ей яичко. «Вот вам капля моей крови», — сказал я. Подходя к дому, она хватает руку и долго держит ее. Мама оборачивается, и она резко отпускает... Да, она меня любит! Она меня любит! О счастье...

22 апреля (вс). Все выяснилось. Писать не стану. Запишу как-нибудь в другой раз, когда кипеть не буду. Она мне открыто призналась... Поцеловались в губы... Что-то будет? Бедная!!

23 апреля (пн). Да, да! Любовь и дружба и благодарности! О... этот поцелуй! Оглядываясь на «все» пройденное... и тоска, и счастье, бешеное счастье, и отчаянье наполняют меня! Был «на телефоне». Ее не было дома. Пошел к Лёвё [домашний врач Мравинских]. Рассчитал время так, что по прибытии моем к подъезду — встретились. Она просияла... На лестнице нежно, страстно взял ея руку. Она ластилась голосом. Меня дернула нелегкая сказать: «До свиданья». Она надула губки и говорит: «Вы все удираете!» — и самой жалко. Так и ушла. Милая!

24 апреля (вт). Я бешусь... Не видимся с ней совсем. Вечером пошла неожиданно на «Бориса»¹³. Кто-то ее пригласил; этот «кто-то» возбуждает во мне целый ад. Уж я, бр-р-р... Ну, закачу сцену! Вот страсть!!

25 апреля (ср). Конец! Но счастливый конец! После концерта она все допрашивала, о чем я думаю. Я думал все: «любит или нет?» Я не сказал. Она обиделась, глаза покраснели... Я не выдержал, ушел.

После обеда я пошел к ней упражняться перед тем, как играть пред лицом мамулেক. Она — мимоходом поцеловала, глаза блестят! Отыграл, все ушли, я, как всегда, последний

в темноте! Вдруг она страстно привлекает мою голову к своей и... долгий страстный поцелуй в губы. Я в первый раз ее обнял и, целуя, крепко ее сжал в своих объятиях!!! Пошла за нотами, принесла — опять!

На этот раз я первый ее привлек... Мои мускулы были как стальные... какой-то страстно-приятный холодок пронизывал меня. Уходя, говорю: «Теперь вы понимаете?» Она: «Понимаю» — и в свою очередь: «А вы понимаете?» Ну, ясно, что я ответил!! Как пуля, слетел с лестницы и до сей поры натянут, как струна. Вечером был у нее — все смотрит на меня «такими» глазами, но я уже знаю, что они означают... Говорили о лете; я сказал, что даже отъезд, может быть, будет к лучшему. «Да, — сказала она, — это верно, и вы, Женя, через 10 лет вспомните „это“ и будете смеяться...» Я ушел совсем убитый! На лестнице прильнул к ее руке и долго, долго не отпускал.

Покончить — жалко и больно, *продолжать*: если навеки — хорошо, а если до отъезда — расставание будет драмой? «Такой или иной конец — все будет мерзкий», — сказала она... Может быть — и да.

28 апреля (сб). Достигнул любви и поцелуев; потом наступил перерыв из-за ее «порядочности». Сегодня я подвинулся довольно далеко вперед и ее колебания склоняются в (л + м) сторону! «Но что дальше?» — раздается из глубины души моей...

29 апреля (вс). Сегодня моя мать меня здорово поколебала, сказав, что Ольга ей передала: «Женя мне сказал, что в случае моего отъезда, он бросит музыку...» И сегодня из-за этого с ней слова не сказал, так что она впотьмах мне сказала, целуя меня: «Вы нехороший мальчик!» Потом: «Чем объясняется ваше поведение ко мне?» Я ответил: «А вами?!» Она искренне плакала, может быть с раскаянья, что водит меня за нос... Я одурачен... и я сумею одурачить!!

30 апреля (пт). Черт знает, что творится... Она мне на улице начинает делать сцену за то, что я вчера нагрубил моей уважаемой мамаше... Ну, я повернулся и ушел!.. Что, черт побери, она думает надо мной иметь власть? Фюить!! Как бы не так! Надо же с ней наконец выясниться! А пока — молчание!

1 мая (вт). Вечером отнес обратно к ней кувшины (молока не достал), она мне возвратила «талисманчик» и сказала, пожимая руку: «Я еще доберусь до вас!» Я сказал: «Нет!» — и удрал...

Ах, черт возьми, меня это начинает бесить! Скорей бы объясниться! А все-таки люблю страстно, глубоко, да кажется, судя по зрачкам, и она сдерживается лишь своей «порядочностью»...

2 мая (ср). *Завтра ее рождение.* Был вечером у нея. Начала допрашивать насчет драмы с матерью. Я выпалил: «Это все из-за вас», — и сказал все, как и почему. Она: «Мне надо стереться с лица земли!..» Но вечером не сдержалась и обняла меня за шею. Ах, Господи, избавь ты ее от ее проклятых сомнений и «порядочности»!.. Ольга, Ольга...

3 мая (чт). Был на «Валькирии»...¹⁴ Дрожь меня пробирала! В антракте мучился и думал о ней...

7 мая (пн). Она на меня все сердится или, вернее, желает это показать... И все из-за того, что я не захотел играть вчера при моей матери! Опять мать примешалась... Она мне все объяснила и я, пораскинув умом, решил, что она ни при чем. Она все время ко мне льнула, хотела целовать, но я не дался. Достиг этим обещанья никогда не злиться! Но она сказала, что не имеет права мне говорить свои печали, но я ее *почти* убедил. «Вы мною, не я вами, играете!» — сказала она. Ну, слава Богу... вся любовь ушла.

Перечитываю эти записки и удивляюсь, как они хладнокровны, видно и вправду, у меня еще воля есть, что так умею сдерживать то, что рвется из нутра наружу.

9 мая (ср). Были с ней на консерваторском акте... Она на меня опять(!) «так» смотрела и часто прижималась к моему плечу! «Что вас мучило?» — спросил я в последний раз. Она предложила догадаться. Я спросил, во-первых, продолжает ли «это» ее мучить, а во-вторых, когда она уедет, «это» ее перестанет мучить? И на оба вопроса получил: «Да». Ясно, ее мучает отношение ко мне, но довольно странно... Милая, дорогая, любимая Оля! Вечером целовала меня.

10 мая (чт). На службе провалился... У нее был в 11 часов. Вечером, после генерального скандала.

Она даже не пожала как следует руку! Какое-то тайное сомнение все же грызет меня! Дай Боже, если она меня так любит, как я ее...

11 мая (пт). не могу писать! Так устал... Тоскую по тебе...

14 мая (пн). Был утром у Мар. Ал., продал игрушки за 40 рублей. Решил копить! А то, чего доброго, и вправду лето здесь просидишь. Играю прилежно 2 часа. Завтра на урок. Интересно, если что будет? Ах, милая...

16 мая (ср). Устал страшно, т. к. провожал только что Мар. Ал.

С ней не видимся! Ах, Боже мой...

17 мая (чт). Завтра в Антропшино. Все сегодня приготовил; провизии на 25 р. С ней видался *vis-à-vis*. Высказал все, кроме, черт меня возьми, «люблю»... Говорил, что из благо-

разумья «все» в себе погасил... и не обнял, хотя она начала жаться и целовать... Да, странно создан человек, а в особенности я! Бедная моя Оля...

18 мая (пт). Не попали из-за дождя, пришлось отложить до 21-го или 22-го (мое рождение!). С ней еле-еле перемолвился несколькими словами. На Сенной с Сережей работали. На поездку накопили целую кучу провизии. Опять у меня 15 рублей! Яблоков приехал. Увидя его, чуть не поцеловал, так обрадовался. Завтра одна четверть фунта хлеба! Да еще столовая. Оля, Оля — грызет меня...

19 мая (сб). Слава Богу! Хоть пока поборол *это* в себе! Она опять начинает дуться заодно с моей уважаемой родительницей! Ну, я и этой новой союзнице покажу. Больно будет... Поступил на место к Воскресенским. На лето в Царское Село и в Финляндию!! 50 рублей жалованья, чудная еда, свобода, отдохновение!.. Смак.

20 мая (вс). Завтра еду с дядей Никсом. Счастлив во всех отношениях. Был на «месте» — отлично. С ней — ни гу-гу. Посмотрим.

21 мая (пн). Завтра день моего рожденья. Как-то он пройдет? Интересно, даже весьма!

Была у нас вечером — сама напросилась!?? Играла; я ни пол слова, даже не показался. Она, видимо, старается довести дело до примирения, но нет, спасибо! Знаю я ея милый нрав. Через 5 минут опять то же! А в душе сверло! Но я и его, хоть говорят, что это невозможно, все же умаю, а там, что матушка-судьба пошлет... В общем, я «собой, обедом и женой» доволен. А в душе все же — милая, любимая!

22 мая (вт). Получил кучу провизии: 1 фунт какао, банку сардин, сгущенный кофе, плитку шоколада, 7 кило сахару, 10 лепешек сахараина, одну с четвертью белой булки. Был у В. В. Обжирался, а вчера заболел! Обожрался?

23 мая (ср). Утром — 38,3°; днем — 37,8°; вечером — 39,1°.

24 мая (чт). Утром — 37,5°; в 12 часов — 37°; в 4 — 37,1°; вечером — 37,2°.

Ольга была... Боже, как быть охота!

25 мая (пт). [Температура] 36,2°! Ур-ра, опять здравомыслящее и здравосуществующее существо!!

Вижу во сне Ольгу, каждую ночь! Милая. Но она не звонила. Даже сегодня! Пупсик, достала мне место... С Сергеем едем на Карповку.

26 мая (сб). Пупсик достал урок! 100 рублей в месяц — 4,25 за урок!! А Оля едет в Сестрорецк. Был вечером у Ольги. Хотела поцеловать меня, но я отстранился.

29 мая (вт). С Ольгой имел опять, вроде «тех», разговор. Господи! Дай Бог... Хотя на прощанье. Вот поднесу ей из урочных двадцати пяти рублей цветы: ведь из-за нее только я с музыкой-то связан. Брауер меня принял, похвалил, сказал: «браво». Милая, дорогая моя Оля, скольким я тебе обязан!..

Завтра к Иоанну Кронштадтскому¹⁵ с Сережей. Мимоходом на Карповке наудим.

30 мая (ср). Устал как собака... Только думой об Ольге и утешаешься...

31 мая (чт). Тоска, беспросветная тоска, тьма осиливают меня, а тут еще и Ольга уедет; целыми днями как белка в колесе. Завтра: 9.30 звонить к Брауру и идти играть к нему, с 11 до 2 к Л. О., в три на урок и к Мар. Ал. (ну, хоть там отдохну!). И буду думать об Ольге — это меня поддержит. Милая...

1 июня (пт). Ничего особенного, только в воскресенье к Глазунову. Ее не видел... но на душе радостнее. Господи! Неужели это она нагоняет такие сомнения?!

2 июня (сб). Господи, помоги мне! Завтра к Глазунову и Владимирову...¹⁶ Был у отца Иоанна, а все-таки дрожу. Вечером был у нея; она была очень утомлена, бледна, как в тот милый, зимний вечер... Так, вообще, хладнокровен, но иногда, после того как я «потопил то», я временами сам не свой, — такие бури во мне! Сегодня все вылил в игре... Ах, что-то завтра?!

3 июня (вс). Глазунов разочарован, зато Владимиров в восхищении. Ничего, с Божьей помощью выберемся на свет эстрады... Сыт, как свинья: с Сережкой нажрались «тюри» и каши манной. Ольгу видал только, когда ходил за весами. Очень крепко пожала руку... укладывается. Ах да, воспеть бы сейчас и вылить в звуках все воспоминанья о тех милых, дорогих, зимних вечерах, и уроках, и вообще, вообще постараюсь сейчас не засыпать... нечего делать, надо поклониться!

4 июня (пн). Ничего нового: ее не видал, ну то есть, она как-то «совсем странно» обращалась со мной то краткое мгновение, что я был с ней. Я зарвался совсем: спёр 1 фунт крупчатки, чашку манной крупы, масла; 2 лепешки... ужас, не знаю, чем это все кончится!? Завтра Дуня спечет булку.

5 июня (вт). Нашло какое-то странное настроение... сел за рояль, играть по нотам неохота, а между тем душа так и рвется, так и бунтуется!.. Да! Надо скорее учиться гармонии. И это не по Ольге, которая, между прочим, на меня дует, после того как мой папаша ей сказал насчет Глазунова; нет, не по ней, а по чему-то неведомому, грандиозному! А в глубине души что-то скрипит: «А Ольга, а твой „хладнокровный“ несбывшийся план?»

6 июня (ср). Они через неделю уезжают: убирал у них вечером картины, и она блеснула на меня сильно сдерживаемым огнем. В общем, ничего нового.

7 июня (чт). Первый день подавал в *cafe*. Вечером опять гоняли туда из дома! С Ольгой ни гу-гу. Уже устал!

8 июня (пт). Н-да, положение хуже рака на мели!

9 июня (сб). Без моей милой, дорогой Ольги и мыслить и писать не о чем... О... устал во всем.

10 июня (вс). Днем у Владимировых до 7 часов был. Потом пошел к Ольге; в первый раз после долгого перерыва она заговорила на «ту» тему. «У меня о вас, Женя, в общем, осталось приятное воспоминание!» Потом как «когда-то» пожалала мне руку — меня всего так и передернуло; удивительно, как я выдерживаю эту стихийную, прямо стихийную борьбу, разнородность и силу чувств, бушующих во мне... Теперь я вполне понимаю слова «душевная буря». Ах, Ольга...

11 июня (пн). Был в Павловске с Жоржиком Оттенем. Массу всего наловили, устали, как собаки. Вечером был наверху, но ничего...

12 июня (вт). Боже мой! Мог ли я ожидать такой удар?! Они уезжают в четверг, она уезжает... горе, горе... Ночью не раздевался.

13 июня (ср). Писать даже не могу... Одно на уме: «Ольга уезжает». Так щемит сердце, ужас... Всё отъезды, и всё я провожаю... Неужто и на этот раз и навсегда... Боже мой... Мысли путаются, приходит в голову Сестрорецк-Курорт, Мустамяги, отъезд Софиано¹⁷ осенью... и теперь сегодня.

14 июня (чт). И вот они уехали... Только что вынес их вещи, и их уже нет... Боже, пустота, пустота...

Я опять со своими зверьками и коллекциями. Один, один... тоска!.. Сижу, а надо мной уже не раздается веселого топанья Сережки, двиганья стульев — все как вымерло. Так и рвешься наверх, но нет: ведь там пусто... Все с ними прощались, говорили ласковые слова, целовались, а я стоял в стороне и дикая борьба глодала меня...

Я думаю, она поймет меня! Господи! Даже слез нет, чтоб выплакать все... Единственно, что осталось от нея — это яичко и реторта. А они уже едут; они уже на половине пути от вокзала; может быть, уже забыли обо мне; нет, а может быть говорят, как знать? Дождь, слякоть; мне чудится, будто я слышу гудки паровоза... О, дай Боже, чтоб это все прошло и дошло до осени, до «иду на урок!» ...Нет, это невыносимо — пустота, пустота, тоска...

15 июня (пт). Ничего нового. Ея нет...

16 июня (сб). Был у Башкирова — удовлетворительно! Обещал устроить в Консерваторию. Съел целую банку «Fosfotin» с рисом, сваренным.

Все о ней милой, дорогой думаю, что-то она? Как *мы с ней* будем осенью? Вечером написал ей длиннейшее письмо. Много высказал...

17 июня (вс). Были в Павловске — наловили массу! А все внутри: «Что-то моя милая Оля?»

18 июня (пн). Ничего нового. Тоска. Я истощаюсь и истощаю весь свой запас энергии... Она меня хоть своим присутствием поддерживала!

19 июня (вт). В кафе целый день. Все думы о ней...

20 июня (ср). И писать без нея нечего. Раньше писал (до нея) всё разные мелочи, а теперь их и неохота писать. Скажу одно, что коллекции мои растут не по дням, а по часам.

Милая! Что-то ты?

21 июня (чт). Дома у нас драма на драме. Как бы это не кончилось плохо¹⁸.

22 июня (пт). То же самое.

23 июня (сб). Вечером примирение... надолго ли?

24 июня (вс). Утро. Удрал из дома!! Я так и думал... Дядя Никс меня ударил кулаком по виску, мать щеткой платяной по голове, и меня заперли в мою комнату. Я оделся во все старое и удрал. Сейчас я у тети Веры; намерен идти к Оттенам, просить угла за семь с половиной рублей, на прокормку у меня хватит...

25 июня (пн). Но у меня так умильно просили прощения, что я не удрал *окончательно*, а лишь переселяюсь на днях к тете Вере! Здорово!

7 января. Все есть жизнь, а жизнь есть энергия; четыре стадии в ней: Реакция, Рефлекс, Инстинкт и Разум.

8 января. Кажется, уж чего противоположней: человек изучающий и животное (в широком смысле) изучаемое. Одно служит объектом для другого; но если внимательно вдуматься, то оказывается, что (как это ни парадоксально) «амеба» сама себя изучает. Какой круг! Вот доказательство, что закон Космоса — *круговорот*.

10 января. Все в свете одно и то же: изучающий *Ното* с изучаемой «низшей» его природой; жизнь и смерть. <...> Пока наука и религия борются и стремятся поработить одна другую. Но они *должны слиться*, пойти рука об руку, иметь одного общего «Бога». Когда же так будет — будет и *все известно, все ясно*. Середину меж ними занимают «теософские» науки, науки «искусства». <...> Что *не само собою* (односторонне) состоялось, то неорганично, непрочно.

1 февраля. Нельзя ли теорию о том, что тепло есть превращенная работа (энергия), превратить в *материализацию Энергии-Жизни*?

4 июля. Душа. Ведь душа *есть эманация клеток*. Если так, то это, иначе говоря, соединение атомов, в данном случае атомов клетки, благодаря которому и явилось: изучение — проявление — эманация — душа. Когда клетка распадается на атомы, то космическая пыль «из *этих* материальных» атомов остается, но эманация, то бишь *душа*, исчезнет, хотя, может быть, оставит качественное накопление в атомах энергий. Ибо неизвестно, что *часть* целого (никогда?) не сохраняет всех свойств *целого*. Но эманация уже излученная ведь тоже есть — и она тоже существует после распада клеток. Но во время процесса эманации она [душа] все время расплывается, как расходится тепло, не принимая определенного облика. Следовательно, из нее тоже получается нечто вроде «космической пыли атомов», но уже «духовных», которые из всех эманаций людей дают тоже духовную, как бы первичную туманность в Космосе. Как и что же из нее будет? Не получатся ли атомы, которые победят в борьбе за существование, атомами «материальными»? (*качественное накопление*).

17 августа. Когда человечество дойдет до своего апогея и *конца* (соединения религии и науки), до исчерпания всех *научных* источников миропонимания, космогоний, куда войдут гар-

мории искусства, и закончит, таким образом, существование вида *Homo sapiens* [человек разумный], — то не дойдет ли оно при этом и до возможности чисто математически выводить будущий внешний вид человека (личностей) и предсказывать, благодаря тому, насколько жизнеспособен данный человек (по современному: «будет ли он жить» или «такие не живут»). После всего этого человечество (в широком смысле) перейдет в новый вид (скажем, *Homo secundus* [человек второй] или что-нибудь вроде), фундаментом (накопление; геммариин) развития которого будет то, что «наэволюционировано» *Homo sapiens*. В случае «гибели земли» человечество где-нибудь в другом месте — другое — возникнет путем подбора и начнет тоже со своего *Homo primigenitus'a* [человека перворожденного], но уже начать ему будет легче и быстрее нежели «нам», ибо благодаря неисчезающей энергии, последняя перельется «туда», нами подвинутая на пути своего развития.

27 августа. Несомненное родство между творчеством в искусстве (напр. роаяль) и «копаниями» и «изречениями» души.

31 августа. Вижу две группы: ум и чувство *горячие* и ум и чувство *холодные*; оба могут быть всеобъемлющи (и то и другое в творчестве). <...>

1 сентября. «Добро» и «худо» — условны. «Морской волк» Джэка Лондона прав в этом.

Человек в своих жизнепониманиях (отношениях к людям) всегда после долгих скитаний, *накопления*, приходит к тому же, но, по возможности, с наиширочайшими горизонтами (взгляда) на вещи.

Каким мне надо быть: хладнокровным, обдуманым, сдержанным, наблюдательным. О сдержанности: на людях осторожная, тактичная сдержанность; с женщинами выбор и тактика, до некоторой степени можно дать волю чувству, но первое — это разум.

Когда рассказывают что-либо очень хорошее (о детстве и т. п.), то появляется особое чувство смутного радужного состояния, возвышенного, чистого, и невольно говорят об идеалах. «Ах, как хорошо, Господи!» Это значит: человек всегда ищет (активно) лучшего или стремится избежать худшего (пассивно). Когда же ему рисуют «идеальные» (равные почти высшим условия), то это его (человека) еще как бы подталкивает на стремление к лучшему. Первое, что в нем пробуждается, это желание быть «там», *слиться* с ним сейчас, как бы познать его. Сейчас нельзя, но надо его достигнуть. И вот пробуждается стремление (все это в подсознании) заставить промежуточные «условия» (находящиеся между «сейчас» и «тем») скомбинироваться так, чтобы они создали «то»; как бы обратное

применение или овладение условиями. И это последнее есть превращенное желание *слиться* (познать). Нечто аналогичное и в Природе (напр. на воде ночью). Сладкая тоска, желание *слиться*, но сознание гласящее: «не стоит огорчаться всем земным — все тщета». А у человека, изучающего природу, даже бывает, что говоришь: «не стоит торопиться и в изучении», но это ничто иное, как желание слиться, самоцель, переходящая в предыдущую фразу в сознании, в преклонение пред простотой, целомудрием и величием Мира и в желание его *познать* для того, чтобы опять-таки слиться. Средство к этому: *тахітит* работы с необращением внимания на пустяки. Конечно, я не достигну и не сольюсь. Но толкать приближение к познанию и *слиянию* я должен, хотя бы ради себя, ибо энергия «моя» (моментально) перейдет и «кругом» создаст опять *меня*.

Если душа — функция мозга, то она должна быть и у животных.

2 сентября. Где там коммуна, когда люди ненавидят друг друга. Итак, можно сделать борьбу за существование менее заметной, чего и достигает цивилизация, но уничтожить ее *совсем* — невозможно. Ибо тогда в этой плоскости наступит смерть *личностей и «личного»*.

3 сентября. Все в жизни «вместе», смешано. Восприятие наше несовершенно! Как из цветов мы видим преимущественно фиолетовый, так мы видим *или* радость, *или* горе. Но это не значит, что с горем у нас где-то нет счастья, и наоборот; надо только различать «скрытые цвета».

4 сентября. В церкви: вера и церковь есть одна из грандиознейших глав неисследованной нами книги. <...>

21 сентября. Мысль (идеальная) — как математическое уравнение.

10 ноября. Любопытная параллель: обилие мыслей у современных писателей и сравнительная скудость *плода* их (произведений); и такое же обилие мыслей при громадных плодах у классиков (Амфитеатров — Пушкин).

15 ноября. Возможно применять математическую логику понятий к жизненной тактике (выход из затруднительных положений).

20 ноября. Безбрежный океан жизни. Попал в него случайно и плыл. Начал усовершенствоваться — ради самого усовершенствования — способ плавания, причины и следствия. Достиг культуры и апогея развития XX века. Колоссальное сооружение — мир в мире. А *все* так же бессмысленно осталось, как и вначале — без цели. Только прогресс. Все основано на безбрежном нуле.

———— 1921 ————

2 ноября. *Все едино.* И никогда невозможно сделать «лучше». Возможно лишь стремиться к этому. Тем самым куется эволюция.

О том, что такое вдохновение: возвышенное чувство и другие эмоции с порывом — в основе познать нечто? Лежит ли их причина в обстановке, во «вне» человека? Иначе, функции ли они условий или они суть величина независимая от них?

Чувство вдохновенья сходно с чувством страха. Тут возникает мысль о разнице настоящего, специфического творчества с действиями в повседневной жизни. Первое есть впечатление само по себе (как таковое), пропущенное чрез призму человеческой индивидуальности (перевосприятие!), второе, наоборот, — лишь *реакция* прямая на раздражение. <...>

13 апреля. Идя от Бершадской, зашел на минутку в пивную (угол Монетной и Каменноостровского). Подсел человек, на вид рабочий; из старых, темный, заскорузлый; глаза, как часто бывает у таких — маленькие, голубые, с острым, по доброму затаенным огоньком. Разговорились. Вот схематично то, что он (назвался В. Поляковым) говорил: «1) Верю ли я?.. Идет много слонов к далекой поляне. По пути — колючки, препятствия, смерть, но последний слон дойдет. Я хочу быть этим последним слоном.

2) Только «сейчас»?.. А завтра «проснусь»?.. Это не важно. Важно, что эта мысль живет где-то. А проснусь я там, на полянке, когда эта мысль воскреснет.

3) Верю в людей. Свободная совесть — мой закон.

4) Ты же (23 года) не имеешь права даже говорить о полянке, даже критиковать мои слова.

5) Только не надо быть трусом! Шире! Глубже! Во все заглядывать. Не только в пивную, — и тогда профессору на зачете будет страшно от твоих ответов. Ему ничего не останется, как бежать (!!) или ставить поскорее «пять».

6) Люби людей — люби эту маленькую землю. *Помогай ей вертеться и не сойти с оси!* Ты любишь мать? Так люби и то, откуда она произошла. Ты частица — вот будет твоя неуязвимость.

7) Когда я потеряю веру, то стану *не от мира сего*.

8) Ты, если не веришь — не имеешь права жить на земле.

9) Я тебя всегда найду (?!)».

Лето. Медведково

26 июня. Настал час, как полная чаша. Несу вам чашу эту. Бережно и осторожно, чтоб ни единая капля из часа того не расплескалась и не померкла. <...> Примите ее, уловив каждую искру и каждое отражение глубины.

Первый день сегодня, когда проникла в меня тишь великая и непоколебимая. И спал бред мук и болей. До сего дня царили во мне светотени переходности и переутомленья. Не находил тиши и спокойствия, в которых бы могло возникнуть и воспарить предельное напряжение сил. И вот сегодня, незаметным влияньем Матери-Природы замкнулся круг исходный — раскрылась мысль и освободился дух от всего наносного и фиктивного. Теперь хотя и будут муки — знаю, не

могут не быть, но самый тяжелый, хоть и малый самый, отрезок пути сделан: найдена исходная точка преодоления.

Целый день сегодня ходил по лесу. Далеко. Хвоей и солнечностью дышит лес. Напоен зноем. Сырая земля испаряет тлен. <...> Полноводная, светлоструйная быстрая речка. Берега ее — начинающие расцветать ковры, дурмящие ароматом трав, полные гудения и мелькания искрящихся крылышек живых тварей. А там, где ковер этот переходит в тень опушки, там — папоротник, перистый и высокий, сплошной яркой завесой, легко склоняясь, скрывает грудь земли и хранит ее животворную сырость. <...>

Сейчас поздний вечер. Воскресный вечер на деревне. Только что она стихла и спит, четко вырисовываясь крышами в бледном, звездном небе. Только мельница шумит. Было гулянье в сумерках. В темнеющей деревенской улочке у забора гудела и хмыкала гармошка; девки плясали, пели частушки; говорно было. <...> На минуту оборвалась гармошка... и смело в наступившую резкую тишь ворвался голос соловья.

Спустился я к реке; с другого берега из темных застывших контуров кустов и деревьев лилась песнь малой пташки. Сколько силы в ней звучало: могучая любовь, земная сила пели в ней, рассыпались в трелях и громких шелканьях и по-свистах смелым, дерзким вызовом; вызовом мига немому оку ночи и бледному небу с дрожащей в нем звездой. Вызовом сочным и гордым в силе своей. И невольно вспомнился соловей, пред которым благоговел и плакал даже жестокий и не знающий сомнений китайский богдыхан; могучий властелин, преклонившийся перед более могучим даром маленькой гор-тани серенькой, незаметной пташки.

А сейчас — только тишь. Только ночь. Ощущаю в душе льющиеся в нее новые, свежие струи, будящие новые, свежие силы глубины самой души; и боюсь радоваться, чтоб не спугнуть, не ослепить их радостью своей. Трепещет мысль и трепещет в ней слово: *Да будет воля Твоя.*

10 августа. ...Поймал в сжатом поле махонького зайчонка. Величиной с большую крысу. Добыл клетку. Иногда выпускаю бегать по избе. Он ест капусту и сегодня из блюда пил молоко. Потом сел на задние лапки и мылся. Сейчас сидит в уголке на соломе, наставил ушки и поводит носом. Глазки большие и задумчивые.

Увлечение контрапунктом. Весной переход от Чернова к Щербачеву¹. (А. Животов² — сюита для рояля). Возникновение теории танца (от полифонии). <...> Статьи об искусстве.

Лето. Тверская губ., д. Сундуки

21 июля. Утром писк птенца, провал его в подполье и смерть. Завтрак. Письма: Марианне³ (7), маме (4), Жене (3), Зауеру (2). Сон крепкий. Гомон колес и голос Нила⁴: «Женюш, досужный?» Возка сена мимо Дуньки (элементы разбойнических повадок до сих пор у мужика). Холодный морской ветер, тучи. Вечером письмо А. Животову⁵, нервничанье (тяга в город). Потом осознание. С А. баня. Закат — дымный пожар за лесом... незабываемо. Сильный порыв в тупик (Елена⁵).

22 июля. Воскресный день мужиков, характерный вид, их тоска. Мятущее. Грозные силы мятежей, талящиеся в глубине их душ, естественность порывов к водке.

Минутка в паренине [поле «под паром»]: забытые камни; достоинство земли. Но за этой забытостью величайшие процессы, от которых зависит все, что об ней забыли. <...>

Вечером дома: большой порыв, почти экстаз, оказывается творческий. Желанье творить: 1) боль от замкнутости и неизреченности внутреннего творчества; 2) осознание этой боли как желание воплотить (низы) вне; 3) творчество придет; 4) когда оно своевременно? Здесь или в городе? (При очищении или преодолении?); 5) подтверждение мыслей о «покое», простоте — отдыхе (не торопись!); 6) темы музыки и стихотворений в голове, пророческого характера благодаря экстастическому состоянию. (Пожалуй, все это верно? Кто бы мне ответил?); 7) мысли о творчестве задним числом (например, о «вакхической» сюите).

23 июля. Слабость (уже второй или третий день — знаю отчего). Всю ночь дождь и ветер. Очень холодно. Чтение «летописи» (очень продуктивно). 5 час.: молоко и письмо для слепой бабки. Потом круг через паренину, лес, в яровые к косцам. Без мыслей. Ясно. Воздух чист и тенист до морозности. Образы детства (Сиверской⁶); в нем объятья двух берез и ели. Образы азбуки Бенуа. Нельзя ли ее для музыки? Мысли об ассоциативных образах. У косцов — костер. Сочные и высокие изумрудные яровые. Ясность. По приходе домой вживание в боль одиночества (А.). Желание письма ей; но... незачем.

Позыв стихотворства, очень сильный и конкретный. Помешали, позвав к ужину. (Ничего! — не пропадет). <...>

24 июля. Вторник. (Четвертая годовщина первой ночи у Анны в Киеве). Записываю в 9 час. вечера у сарая. Ближняя деревня — 10 верст. Кругом сосновый бор до Мологи⁷ и Волги. Лесная стража. В связи с Дунькой — уход в путь. Дивный сосновый бор, не «ощущаю» его потому, что я как дома в нем. Бесконечные лесные просеки и дальние светá (как в снах в детстве). Хутора на Сорогоже, ее заводи (двор с палисадами). Лесник — поляк. Его мнение о Тверской: 1) тверская свинина; 2) у мужика нет воскресенья, а лишь престольный праздник; 3) люди завоевали всю землю, а все всего боятся.

Сейчас некоторая нервность (пролет сорокопута: «душа тебе родная»). Темно на сене...

25 июля. После нервности заснул крепко. Утром — с лесником до 6 вечера по пути (о медведях, ногах и ходьбе). *Подвели сапоги*. Комары. Вдали гроза. Пороги — неприятное село. Дождь. Ожидание у гармониста (крестьяне — поставщики пролетариата). Семья И. — светлое, почти немецкое впечатление (крестьяне — поставщики через партию беспартийных «интеллигентов»). Положен спать над хлебом, с сыновьями. Ночью овцы, лошадь и петух. Дождь!! Закат. Низкие тучи; на западе буро-ржавая прорезь. Рыже-туманное небо с багрянцем, розовая церковь. Широта вздохов.

26 июля. Ноги отдохнули. Дождь и ветер: холодно и сыро, как осенью. Все же решение идти дальше и сразу в Спас [Спас-Забережье] (30 верст!). Молога под серым небом. Встреча в лесу с беженцами из Самары (хлеб, Сибирь, дрова — круг жизни).

Быстрый ход: 9 верст; потом опять сапоги. Обед на хуторе (подлинные мужики земли). <...> Путь к Спасу (глухой старик с сеном). Дорога болотами; заводи, масса птиц, крыканье, камыши, чахлый лес. Мимо мельницы. Разговор на горе с идеалистом-ленинцем (неискренно и необоснованно). *Путь берегом*. Солнце над горизонтом. Черное небо и река. Двойная радуга и берег ярко-зеленый с косцами, как между безднами. Моя тень в радуге. Усталость, как никогда. Сон наверху в комнатке. Вид из окна: стальная река, силуэт деревьев и церкви, багровый месяц за розовыми облаками. Очень хороший сон. Но невозможность причастия; итог пути: сбитость со сплошной медитации из-за торопки. Последняя же из-за погоды, сапог и отчасти А. Ж<ивотова> и Г., но несомненное *оздоровление*.

28 июля. Долгий сон. Разговор с Г. о любви, ее «взоры» и мое полуслово. В общем — я в порядке. Проводы до паромы

попа. Очень легкий путь домой. Дрема на солнце. Мысли об «отдыхе» и решение вопроса со вскрытием второго символа — «Природа». Сон. Топка печи. Три письма от Марианны и три от мамы.

29 июля. Сон плох. *Первый* дивный летний день. День отдыха (сон и еда). Написание «этюдов» в связи с вопросами в письмах о выполнении заданий. Днем Настасья позвала носить сено (крест и ясность). Писание. Первая поездка с А. за сеном к лесу (о медведе, песни). Первый дивный летний вечер. Усики ячменя на закате. Ужин. Часок в паренине, четвертый этюд. Схемы ответов М<арианне> и маме. Долгое сидение. Стук в окно. Ночь и звезды.

30 июля. *Годовщина Толмачева*. С утра до двух письма маме и М<арианне>. В связи с «этюдами» удовлетворение. <...> Обалдел от сметы Нила. Путь в Сорогорское (4—8 час.). Рабта на клевере у А. Миротворцева: еще раз гипноз молчаливой и сближающей работы. По приходе — торговля с Нилом. Весь путь был отравлен деньгами.

Я — ослепление стихами. Горение уха. Сомнения неясных низов (звездное небо — память — заработки). Постепенное отрезвление; темное небо; капли дождя... Потом покой. *Мысли о звездном небе*: а) высоком, но не убедительном и плоском; б) темном, низком, на первый взгляд, и — подлинно бездонном.

31 июля. Разбужен «вместях» пить чай; тихое вставание из снов. Чтение летописи (до 1875 г.). Как и в первый раз плодотворно (о классиках и Бахе особенно). <...>

Вечером большой миг в овсах и жите. Первая настоящая лунная ночь с тенями; зарево луны на седых усиках ячменя. Луна на избах, как год назад, когда ночью проснулся... Поклон — вот я весь... Миг, как всегда, не подвластный памяти и неповторимый. Может, не следует и стараться помнить его? Но шепот колосьев; мысли об условиях ночи, допускающих видеть не с земли, а полет *земли* и землю в бездне, которая в таких случаях все топит в своем свете. Белизна цветов на земле. О неизреченность... На крыльце: полная ночь. Когда видишь звезду с ее благим мерцанием — чувствуешь себя не одиноким. Как неизъясним свет вечности. Избы, залитые этим светом, точно стоят над бездной. Под крышей сонное щебетание ласточек; тихое бульканье колокольчика в хлеву. Милые, маленькие... Воистину, вспомнился разговор в пивной. <...>

1 августа. <...> Правота мнения Конухеса [детского врача] обо мне. Ибо чтобы отдохнуть — надо бросить работу; моя же работа есть то, что он называет «невропатией». Еще, за чаем хныканье Любки в колыбельке. Мое сначала раздражение,

потом (через вживание) понимание: это первые слезы души человека от незащитности и неосознанной еще вечной печали. Сон и слезы *во сне*.

2 августа. Сонливость. Уход всей деревни на праздник. Мы с дядей Дороней на завалинке. Чтение главы «Римский-Корсаков (1875—1876 гг.)». Сон. Обед с Любкой и Лисой-бабой.

Круг: Хмелёвка, болото, заказник, яровые (Сундуки). Очень благотворное, непосредственное восприятие. Неуловимые и всепроникающие образы (ассоциации) детства, местами в Природе. За это лето раза два чувство, будто *вижу все это в последний раз*. Сейчас не могу даже восстановить его.

Радуга — напоминание о солнце (совпадение этой трактовки по смыслу с библейской). Мох — остатки первобытного леса. <...> Непередаваемые горизонты и тучи ржи в яровых. Песня

как звучит!!

Вечером разговор и рассказ Дуни. У меня пьяные с гармошкой и луком.

11 августа. День бездействия и ожидания денег. С утра дождь, грязь... Физический отдых. *Верхом в Сорогорское*. Несказанно хорошо: рысь, галоп. Часок у А. Миротворцева. Баня. Солнце к вечеру (после дождя!). Безумно сжалось сердце перед разлукой с любимой и родной волей, сыростью, тихостью и травами... (Полина).

Получение денег (Нил за домами в поле). Обратно верхом, с письмом от мамы... Как дорога эта спутанная рыжая Грива. Отвод лошади в клеверник. Часок на заборе... ржание... Вечером баня, письма, девки в избе. Ночью ливень (как ехать? грязь!).

12 августа. Утром — расплата с Нилом. Укладка (не в чемодан). Письмо бабки и ее рассказы: не дети искали матерей, а отец и мать — детей. *Круг*: Хмелёвка, Сундуки, рожь: яровые в молчании закатного дня. Безветрие. Беловатость пшеницы, голубизна овса, плоскости вики. Чертополох в овсе. Цветистые межи. Еще совсем лето, а мне надо уйти... Но нет тоски и сознания *грядущей* борьбы, как бывало. Нет и противопоставлений. Единство найдено. В простоте и истинной мгновенности. Символ вскрыт и кончился в своем неведомом и фиктивном значении, перенесся во внутрь «я».

В последний раз, без мыслей, впитываю просторную, душистую тишину полей и высокого неба. Она мне ближе, чем «то» (замечательна наглядностью воздействия). Но это ничего не значит. *Всюду* неизбывное глухое осознание и простота мига. Они *во мне*. Здесь лишь временный отдых; через очищение им повышение активности творческого сознания. Пишу это, лежа в овсах; мудрые овсинки... Мушка покачнула одну из них, какая тяжелая!!! Опять мысли о сказке: муха, пригнувшая травку; «какой ужасный шум в лесу» — гул шмелей. Тишь.

Зимний сезон

Сентябрь/октябрь. Начало учебного года [в консерватории] у В. Щербачева¹ и 2-й курс Н. Малько² (или пан, или пропал).

Ноябрь. Приезд Галины; встречи на Гороховой. Мои визиты на Загородный. Разговоры записками. Мое: «Приблизиться к цветку не значит сорвать его, да и пожалуй, — не надо, (почти никогда); ибо то смерть его. Но отказаться от вдыхания его, ведь это тоже — не надо; самое ценное, острое и хрупкое — это не касаясь, целовать его взором».

Первого ноября пошел в культотдел ССТС [Союз совторгслужащих] к Я. В. Геншафту. С тех пор — регулярно в оркестре. Организация «ЛОСТ»: набор оркестра, труппы (Гельнбек, Г. В. Иванов). Писание сюиты для скрипки, флейты и фагота. Начало «Степана Разина» по заказу П. А. Маржецкого. *Купил три абонементы в Филармонию — все посещал.*

Декабрь. Покупка снегира. Письмо в Спас-Забережье. С 21 декабря — игра в «Титане» (Зильбер и авторские).

29 февраля. «Чистая» самосознательная мысль не есть форма (вид) мышления, а высшая (пока) его стадия. Она может воплощаться как в понятиях, так и образах и эмоциях.

В феврале — *появление Гаука*³.

Итоги зимы:

1) Композиция: Сюита для скрипки, флейты и фагота (зачет 4.III.29; Малый зал; оставлен на 4-м курсе); «Степан Разин»; Танго (по заказу Галейзовского; 11.II.29 мюзик-холл); Фокс; Concerto grosso (одночастный);

2) Дирижерство: Шуберт — Симфония h-moll; Бородин — увертюра к опере «Князь Игорь»; Бетховен — Четвертая симфония; Глинка — «Руслан и Людмила», 2-й акт; Вагнер — увертюра к опере «Риенци»; Мендельсон — Итальянская симфония (с оркестром ССТС; 1-я репетиция 11.IV); Моцарт — Серенада № 7 (первый раз в жизни с оркестром; 11.II); Глазунов — Сюита из «Раймонды» (зачет и перевод на 3-й курс; 22.IV, Малый зал);

3) Рояль. 2 этюда: Бах, Лист; наизусть (зачет, перевод на 4-й курс);

4) Исторический материализм (курс Разумовского; зачет);

5) Политэкономия (Лапидус; зачет);

6) Композиторская практика (Нардом, Маржецкий; Малый зал).

Лето

23 мая. Вечеринка дирижеров: «Чтобы познать явление — познай его пафос. Гений — следует этому». <...>

На основании успешных репетиций с оркестром ССТС — 11.IV — получил летний сезон в симфоническом оркестре совторгслужащих. И поэтому отказался от поездки куда бы то ни было. Всего-навсего трижды выезжал за город: 1) на Сиверскую (один) 15.VI; 2) бродил с Жоржем 29.VI, через Озерки; 3) ездил осенью на две недели в Киев. Поездки в Царское (также в Александровку) — не считаю. Это было тяжкое, изнурительное лето. Особенно концерты с их волнениями. С июля по сентябрь включительно играл в кино сада Дзержинского (Каменоостровский, 77) сначала с трио (Зауер и Штригель и я), потом один. Там были и репетиции, и концерты оркестра.

Осенью познакомился с Натальей Штерн в Детском Селе. Светлая творческая разрядка.

19 июля. Первый концерт с оркестром ССТС. Программа: увертюра к «Князю Игорю» Бородина; вальс-фантазия Глинки; сюита из «Лебединого озера»; Шуберт (орк. Зауэра); фрагменты из «Пер Гюнта» Грига; марш из «Тангейзера» Вагнера.

5 августа. Второй концерт в Филармонии на слете пионеров. Программа: увертюра к «Эгмонту» Бетховена; Шуберт; увертюра к «Кармен» Бизе.

16 августа. Третий концерт. Программа: увертюра к «Хованщине» Мусоргского; Пятая симфония Чайковского (andante); сюита из «Спящей красавицы» Чайковского; фанданго Направника; увертюра к «Кармен» Бизе; вальс-трист из «Оберона» Вебера; фрагменты из «Сигурта Йорсальфора» Грига.

До 29 августа подготовка к открытию зимнего сезона: «Ночь на лысой горе» Мусоргского; увертюра к «Руслану и Людмиле», сюита из «Щелкунчика» Чайковского.

Зима

Итоги зимы:

I. Службы (места работы)

1. Хореографическое училище;
2. «Живгазета» центр. клуба ССТС (с ноября, без перерыва);
3. «Живгазета» «Пролетарий» (с ноября по апрель);
4. «Живгазета» ЛСПО (с февраля, без перерыва);
5. Разовая игра в кино центр. клуба ССТС.

II. Композиция (окончил консерваторию 14.VI.30)

1. Туш для симфонического оркестра к октябрьским торжествам (концерт);
2. Песня (для 3-х виолончелей, 3-х тромбонов, баса, фагота и ударных);
3. Музыка к литмонтажу «пять — в четыре» (центр. клуб ССТС);
4. Начата оркестровка 2-й ч. «Стеньки» (взято к исполнению симфоническим оркестром ССТС; исполнено в ноябре 1930 г.);
5. Музыка для «Живгазет».

III. Дирижерство (перешел на 4-й курс)

1. Вторая симфония Бетховена;
2. Третья симфония Глазунова;
3. «Спящая красавица» Чайковского (вся);
4. «Оберон» Вебера;
5. 4-я ч. Четвертой симфонии Чайковского;
6. Первая симфония Калининкова;
7. Первая симфония Чайковского (с орк.);
8. «Кавказские эскизы» Ипполитова-Иванова (с орк.);
9. Полонез Лядова, C-dur (с орк.);
10. Adagio Глазунова (с орк.);
11. «Ночь на Лысой горе» Мусоргского (с орк.);
12. Увертюра к «Руслану и Людмиле» Чайковского (с орк.);
13. Отвертки из «Снегурочки» Римского-Корсакова (с орк.);
14. Вальс из «Лебединого озера» Чайковского (с орк.);
15. «Робеспьер» (с орк.);
16. «Эгмонт» Бетховена (с орк.);
17. Танец Брамса (с орк.);
18. Сюита Грига (с орк.);
19. Увертюра к «Кармен» Бизе (с орк.);
20. Моя «Песня» (с орк.);

21. Секстет Тер-Мартirosяна (с орк.);

22. Квintет Томилина (с орк.).

IV. Рояль. Программа за 4-й курс (зачет);

V. Переложения

1. «На нивы желтые» Глиэра;

2. «Мне грустно» Даргомыжского;

3. 1-я ч. Тгю Хиндемита;

4. 1-я ч. Первой симфонии Скрябина (зачет);

VI. Немецкий язык и Мелодика — неожиданные зачеты.

VII. Выступления

1. Выступления в «Живгазетах» (и по радио);

2. Малый зал Рабочего университета (6 часов — симфонии Чайковского со Щербачёвым, в 8 рук [на двух роялях, со студентами]);

3. Концерт симфонического оркестра Консерватории в детском доме 23.III.30 (дирижировал);

4. Выступления на концертах-лекциях (центр. клуба ССТС);

5. Концерт оркестра ССТС на курсах (дирижировал);

6. Композиторский концерт в Малом зале (окончание; песня; 23.V.30);

7. Концерт оркестрового класса театрально-художественной студии в ЦДИ 10.VI.30 (дирижировал).

С апреля по 10 июня работал как руководитель оркестрового класса Первой гос. худ. студии.

Предприняты успешные шаги к прикреплению к Гос. балету по дирижерской линии (май, 1930).

Общественная работа:

1) Худ. совет культотдела ССТС.

2) Муз. комиссия при культотделе ССТС.

3) Выбран в бюро оркестра ССТС, выбран вторым руководителем оркестра ССТС.

4) Написана статья в стенгазету актива ССТС «Мнение о самодеятельности в искусстве».

24 января. На спектакле «Топаз» у Феона¹: 1) о воспитании рабочих не только «рабочей» тематикой; 2) по поводу «Топаза» подтверждение неприкосновенности авторского разреза пьесы; иначе получается неорганичность формы; 3) режиссер не имеет прав на автора; но он сам может быть автором; это противоположные вещи, на смешении которых строится абсурдный спор авторов и режиссеров и противопоставление театра (современности) чистому искусству (несовременность).

26 января. Неправильно обвинение психологии в неэкспериментальности, ибо — жизнь сама есть сплошной эксперимент для наблюдения над психологическими явлениями.

Весь сезон ушел на окончание ЛГК [Ленинградской государственной консерватории] по классу дирижирования и на поступление в ГАТОБ [Государственный академический театр оперы и балета], что и увенчалось успехом.

После спектакля «Времена года» Глазунова в Мариинском театре <...> работал только в хореографическом училище и с октября по декабрь в клубе Дзержинского, в агитбригаде. Потом из клуба ушел, а по зачислении (15.III.31) в театр ушел и из школы. После «Времен года» оставлен дирижером-стажером. Все внимание было сосредоточено на работе в Оперной студии ЛГК, которую окончил 24 мая 1931 г.

Первое полугодие ушло на работу с Пазовским над оперой «Риголетто», которой он дирижировал (18?) декабря.

23 февраля. Опера Гуно «Фауст» (с одной репетицией 22/II). Первая опера.

13 марта. Опера Верди «Риголетто» (репетиции 7, 12/III).

18 марта. Второй спектакль «Риголетто» (платный).

18 апреля. Второй спектакль «Фауст».

23 апреля. Премьера «Кармен» (репетиции 4, 9, 17, 19, 22/IV).
Очень удачно.

28 апреля. Второй спектакль «Кармен» (репетиция 27/IV).

19 мая. Проба в филармонии (сюита «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова, Седьмая симфония Бетховена, 1-я ч.; получение Первого места).

17 июня. Корректур балета Глазунова «Времена года».

18 июня. Общая репетиция [балета].

19 июня. Генеральная репетиция [балета].

22 июня. Спектакль «Времена года». *Очень удачно.*

28 июня. Репетиция концерта в Саду отдыха (Бетховен: увертюра из «Эгмонта», песни Клерхен, марш «Афинские развалины», «Леонора № 3»; Мусоргский: «Ночь на Лысой горе», «Персидки» из «Хованщины», «Думка Параси» и увертюра к «Сорочинской ярмарке»).

30 июня. Концерт.

Кроме того, провел подготовку (6, 11, 16, 21, 26.VI и 4, 6, 11/V) концерта Мусоргского в ССТС, где из состава бюро выбыл. Концерт не шел по просьбе Генштафта, против которого начались интриги.

Сданы все зачеты и получено свидетельство об окончании ЛГК. Всего был в ЛГК семь лет (с осени 1924 — по весну 1931).

У мамы — пятницы. Борьба между восприятием ее как человека и как уходящее.

Получил право на второй концерт в филармонии, но из-за халтурности постановки — отказался. Тем не менее надолго никуда не уезжал, а был с Марианной в Строганове по Варшавской ж. д. Желал этим дать ей некоторую компенсацию истекших лет. Но это сорвалось из-за встречи с Г. (она кончила хореографическое училище этой же весной и уехала новоиспеченной восемнадцатилетней артисткой ГАТОБа!), из которой (после ее отъезда на юг) хотел создать себе импульс. (Иллюзорность.) Марианна нашла письмо. Результат был трагичен. Тем не менее поехали, хотя и «отравлено». Приезжала один раз мама со всем «своим светом», «прошлым» и материнским.

Лето. Строганово, д. Заозерье на Орлинском (мамино) озере

25 июля. С 4-х утра до 12 дня ловля [рыбы]. Обед и сон на сеновале. Ласточки. Носка писем. Вечером с собакой до риги (сгоревшей).

26 июля. Утром зной. М<арианна> на сеннике, я — на воде. Лодка — «с дорожкой»: 2 окуня. Ужин. Потом за письмами и полем — пот земли; ячмень, освещенный закатным солнцем; ауканье; болото; часок на камне и запись этих дней; потревоженный муравейник; кузнечики; «з-з-ум» жуков. Прodelки Буяна; розовая луна.

28 июля. В лес за черникой. *Непрятие.* Царство растений и их первородность, близость к земле. Мхи и их аромат; волна любви к «среде». Мысли о среде и ее последствиях (влиянии). Например, о вероятном замолкании «творчества» в тайге. А может быть, для *освобождения внимания* — придется переселиться на север? На лужайке грусть замолкания (не молчания), даже в мамино письмо... Вечером за письмами. Непередаваемость молчания и *духа* полей. Но все же точно *утрачен* угол зрения на среду. В чем дело?.. А? Кажется в том, что я не уходил в настоящую чистую среду, а был все время в деревне... вот и угол зрения... *Мысль* о работе в искусстве и *наставшей поре*, взять ее как *средство* и часть остального. <...>

1 августа. Встреча мамы. Клетчатый плед, грибок, ее ощущения — «как во сне» (служба, 5 лет без отдыха, старость).

Отдых в просеке по пути домой. Обед и мое купание. Потом устройство постели. Уборка сена. Головнойкой Марианне, моя нервность. Чай. Миг на дороге.

11 августа. Розовый туман. Капли на травах. Туманная перспектива деревни. Проводы М<арианны> до околицы и сон до 11 часов. *Часок у гумна*: 1) Все злаки (лен). 2) Познание мгновения rompilus'a [дорожной осы] через воспоминание миротворческого труда у Нила. <...> Обед и один через поле, краем леса вдоль забора. Высокая и немая мгла. Мысли: 1) Переломы в природе через дождь (по ассоциации, как у Вагнера через питье или огонь). Покорно — светлая молчаливость осени; крик ворон. 2) Напор пения и слез. Запись в просеке, сидя на заборе, этих строк. 3) Хвост ящерицы и предположение длительного рефлекса, заменяющего память.

Зима

Работал по двум линиям: 1) В театре стажером, где ограничен был сидением в оркестре, но дирижирования не получал. Под весну, наконец, подал подробное заявление в местком, но потом взял его обратно. Оно тем не менее было прочитано где следует, и перед концом сезона я был зачислен с 10 июня штатным дирижером-ассистентом и получил на сезон два балета: «Спящую» и «Корсар», с надеждой (в 1931—1932 гг.) на «Жизель». 2) С осени был приглашен в Ленинградское хореографическое училище (по-видимому, на основании моей работы со школой над «Временами года») на должность заведующего музыкальной частью. Там предстояло поставить музыкальную часть заново, что я и делал (экспериментально) в течение года. <...>

25 марта через Животова завязал отношения с кинофабрикой Белгоскино, где и имел несколько съемок с перспективой войти в штат (как дирижер). С осени до 1 января вел оркестровый класс в бывшей Первой художественной студии (то, что было у Гладковского весной 30-го года), но дело развалилось целиком и закрылось в декабре 1931 г. (Был оркестр, состоявший из 4—5 первых скрипок и т. п.). Мама всю зиму в *загсе*. Больна бронхитом весной, использовала в это время свой летний отпуск. После болезни — появление астматических удуший. Я с ней у Ланге. Мое мучение «веры без дел», наконец, решительный разговор с ней перед моим отъездом в Тверскую — о режиме, продажах и питании. Вообще, за эту зиму окончательное понимание ее. Решение с осени 1932 взять ей прислугу и наполнять ей ее оправдание и смысл жизни... очень постарела. <...> Я бывал у Гаука, заведя с ним близкие отношения (через Гердт в школе). Внутренне — общее (сначала) спокойствие обеспеченности. <...> Минутами кажущееся освобождение от чувства «успеха» и «неуспеха» через «всюду жить можно» и «не смерть же». Перед отъездом (до 11.VII) в Тверскую окончательная сломленность и потеря путей. На всех концертах Филармонии. К весне — образ «юности», обычной «волчьей» тоски — Алексейково; и на основе потери — конкретизация («Спящая» и пр.), но в результате с внезапной, резкой, потом опять ушедшей мыслью о безликой (после сна, когда видел «Ее», но без лица) и потери надежды на ее воплощение и унижение идеи и себя «поисками».

Итоги зимы:

1) Первый спектакль в Михайловском театре из постановок Яacobсона (29/III).

- 2) Второй спектакль Якобсона (4/IV).
- 3) Написано либретто «Тиля» на музыку Р. Штрауса.
- 4) Экспериментальная музыкальная программа Муз. техникума на основе динамического учения.
- 5) «Интернационал» для колоколов.
- 6) Спорт. танец (по заказу).
- 7) Два стихотворения.
- 8) На лето получен заказ написать «Теорию танца» для хореографического вуза.
- 9) Пройден с солистами ряд балетов.
- 10) *Глубоко продумана теория внутреннего посыла в дирижировании* (через Вацлава Талиха¹).
- 11) Отказ ехать в Москву со школой (из-за недостатка репетиций).
- 12) Работа над звуковым кино (3, 4 съемки).
- 13) Зачислен в театр дирижером-ассистентом.
- 14) Задумана «Покаянная» симфония.

30 марта. После спектакля в Михайловском театре — к маме. Давно, давно не сидел я ночью за письменным столом. Яркий круг лампы вокруг него. Глубокая, бархатная тишина и сквозящий бликами предметов — мрак. Как давно не был я наедине с собой и мигом — не встречался. Внутренний слух и зрение будто вновь поражены этой встречей. Звучит тишина и звучит в сознании, в едином мгновении все, что было, есть и будет... все, чего не было, нет... и не будет. Как часто раньше звучали мои ночи порывами чувств, мыслью — и много писано в них.

Ты спишь сейчас... завтра новый, вечный день... белый день... Передо мной твой вчерашний букетик подснежников. Как я хотел бы дать Тебе все, о чем ты пишешь в своих письмах, и розы — те самые, мечта о которых тебя заставляет живописать их лепестки, краски и запахи. Посмотрел сейчас твою кожаную зеленую книжку с выписками, в ней папина открытка: «Жили были мальчик пумпанчик, папа и мама...» Уже весна, мама, на днях прилетели грачи... Только два пути, мама: или в молчании и молитвенном трепете преклониться перед неизбежностью, или уснуть от печали... Одно — от силы, другое — от бессилия и усталости.

Все, что есть, было и будет
 Все, чего не было, нет и не будет...
 Звучит...

Пока возблагодарим неизбежное — давшее нам увидеть еще одну весну. Спи спокойно. Твой сын.

24 апреля. Токсово. (Один). 9 часов утра поезд. Ясно, легкие перистые облака. Сильный довольно ветер с северо-запада. 51

Озеро подо льдом. У берегов вода сажени на три. Только что отцвела ольха. Зацветает орешник. Вербы еще не цветут, но сплошь в барашках. В лесу в теневых ложбинках еще довольно много снега. Вид озера подо льдом и склоны нежных пружинистых лесных зарослей в почках и барашках (призрачность воскресшего, по ассоциации — гиацинты после заутрени; светлая смерть? потому что из смерти воскресает нежное и непобедимое).

Наум и его раскулачивание («было дело под Полтавой»). Энергичная дачница в галошах.

Звучно поют зяблики. На насыпях немногочисленна мать-и-мачеха. Насекомые пробуждаются во всю; «березовая» столовая: на стволе березы, внизу, стекающая талая вода и вокруг нее мухи, пауки, наездники, и бабочки (*vanessa urticae* [крапивница малая], *orgyia antiqua* [кистехвост обыкновенный], лимонница) — нынешние и прошлогодние — греются на солнышке и пьют хоботками воду. Лежание под этой березой. Колесики проходящего по насыпи поезда на фоне озера. Черемуха накануне зазеленения. Запах ее среза.

Дали: теплые нежные склоны; вспухшее озеро; ветер, пахнувший льдами; яркость хвойных и между ними фиолетовая дымка лиственных — как туман; воздух! воздух! Земля вступает в свой новый день. Чтение маминого «портрета масляными красками». Пахота прошлой осени.

Закусил у Наума (3 ч.), девочки дразнят по-фински. Небо заволочло. Холодно. Пошел наверх за вербами.

Чтение маминых «писем» до конца 19(2)5 года... Застывшее серое озеро... будто не лед, а ставшие волны. Как трудно «прियाсть». Это верно длань среды, длань города. Холодно... Глубокая боль от (2)5-го года. Это от «призраков», уже рожденных или грядущих. Точно за стеной, где-то губительна, верно, та боль, которая заставит «призраки» сразу вскрыться и сломить эту стену. Помню такой порыв по Елене после бани в Сундуках, при виде багровой зари заката. <...>

Лето. Тверская губ.

11 июля. <...> Бологое: огни путей, буфет. Дрема, 3 часа: Еремково.

12 июля. Мокасины. *Не верится; кошмарность*. Восход солнца; холодно; палка; ввиду Дубровского — завтрак (звон). В Бобылихе — молоко (бабка). Чем дальше, тем кошмарнее и вид мест, и деревня, и мука. Первая кульминация в сарае; вторая в еловой аллее Погорелок и самая мучительная на хуторе (как дирижировать будучи покаянным?). Потом понята суровость и маска дела, за которое покаяние. <...> Забилось

сердце перед Глатихой (порубки Любина, снесенная мельница). Одна тропка сохранилась; и тут *восприятие себя и среды и М<арианны> как покойников*. Издали и вблизи безлюдное Медведково. Крыльцо. «Когда же, наконец, кончится этот Тверской кошмар?» Вот-вот проснусь. Авдотья; обед; сразу за сеном (мысли вскользь о «буднях» в этой среде). Все не верится; пустоши. Мытье в реке!! Мост, берега — все иное. Мамин платочек. Ужин, семилетний Пойдемка (!!!). Новые дети. Вечером приход коммунаров и боязнь Авдотьи. Моментальный сон в заколоченной избе.

13 июля. План дней. Утром сквозь сон дождь. На Гриву. Блавское — крест вьонка на тропинке к роднику. Порубы, склоны — оголены. Лес вдоль реки тоже. Пожни и сплав. Крестьяне из Дора, вброд к ним; перекурка. На Гриве все нетронут.

Здесь вообще три рода мест: 1) «нетронутые» — забытые (моя тропка); 2) «нетронутые», но думанные; 3) «погубленные» (двойное чувство). Молитва крестам. *Итоговые мысли*: теперь и надо, чтоб видел все это в последний раз, ибо среда как необходимость — кончена, тем более что Тверская сама в себе умирает. Теперь — *отвлеченная наглядность*. В этом новое; и в этом — *конец жизни* (моей прошлой). <...>

Сундуковая тропинка. Два прощания с Гривой. (Возвращенный миг!!) Озеро мелкое и глубокое, в зависимости от подхода.

Митяево. *Место часовни* (птичка с птенцами). Опять боль от вида Глатихи. Переезд к Андрею. Дождь. После за околицей в паренине; сильная боль. Запахи дали, земли; и грудь ломится... Что это? Весна (творческий пласт — грядущее) или муки (поколение ушедших здесь вообще)? Нормально было бы — просто запах шири. <...> Пойдемка и его ласка.

14 июля. Тяжкое, болезненное утро. Не мог даже сразу припомнить достигнутого вчера. Две открытки: маме и М<арианне>.

Алексейково. Рывок даже к Лукерье (!) Подвез дядька (его разговоры). Между прочим, о панике в Костовском из-за милиционера (почти Ходынка). Ужас... убит не кулак, а мужик как идеология. Ветер. Тучи. Председатель коммуны; обошел дом.

17 июля. <...> О Слава одиночеству! Оно страшно лишь в первой стадии своей острой муки — от нахлынувшего, до сих пор таившегося полчища «призраков». <...> Обед. Радяхинский лес; отдаленная гроза; ослепление тоской воскресных мужиков и серой пеленой неба. Низом — в Блавское. (Конюх; журчание речки; комары; капли на листьях. Зеленеющая пустота и молчание. Пастух у Краснухи:

«Полтора рубля — большие деньги»). Обратно лесом. Начало стиха:

Как сон, как сон опять перед усталым взором
Чуть розовая рожь, синеющий овес,
Закатным заревом пылают сосны бора,
И пряным духом трав туманится покос.

19 июля. Нездоровье. Попытка идти в Сундуки (это после долгих сомнений: слабости... чуть ли ни в город!). Потом решил: «что это?», ведь помимо всего среда — мое родное! Останусь так. А «так» — и в Сундуки через Гриву дойду. Так и решил и полдня пролежал около Васьковской дороги. Решил «лечиться».

Вечером уборка сена с Дуней (2 воза). Ужин — сметки. Перенос постели (хотел на сеновал). Лунная ночь. Открыл окно и лежал, усталый здоровой усталостью; без забот и сомнений, отдаваясь мигу молчания и ветерка. Благая звездочка. Сверчок на печи.

20 июля. Впервые полное здоровье; вкусное осознанно-бревенчатое пробуждение. Бодрое мытье. На востоке тучи.

Голопузый Ильюшка. Завтрак; и с одной курткой через Гриву в Сундуки в 10 часов утра; облачный дождь на горизонте. Дивный душистый лес. Речка слепящая от обилия света, даже без солнца. *Остановка у Гривы*; дождичек; питье воды; стрекозки и шелуха их личинок... Грива пышет как из сосновой духовки, порой свежестью. <...>

Вторая остановка: встреча с девочками, покупка ягод, чистка палки (чуть сжалось сердце «моим»). Наконец сундуковские леса. Прежнее ощущение. (Волжские массивы. Дивный солнечный соснячок и сухой ельник; березняк с мостами. Началась радость. Земляника и муравейник у самой колеи; глушь лесной деревни).

Третья остановка на лужайке, не доходя большой дороги. Комары. Решение... вопроса среды: потому не ощущал ее необходимости, что (самодавляющие) творческие пласты, захватив своей инерцией, — стали *ненужными* (!). Понял это, представив себя богатым, и представил себе иллюзорность ее... ненужность. (*Всегда помни исходную ненужность!*) <...>

Вспомнился вопрос творчества: *молчания — немолчанием* (Бетховен); вновь выяснилось. Все зависит от материала и техники мысли.

Сундуки: встреча со старыми лицами. Поле; при выходе — паренина; ряды камней; большая радость. Белый, белый старичок в окошке крайней избы, что-то делающий и тихо напевающий детским голоском: «Солнце всходит и заходит», а кругом тишина... Дети бегут навстречу. Христя — как родная;

чай. Плачущая Лиса-баба. Сразу после чая с детьми в бывшую паренину. Там рожь. Варя на руках. До Хмелёвки. Тут не может быть боли, хотя и 4 года [прошло], ибо здесь все было *самое высшее* и вечное, ничто не связано с личным и «во времени». Посмотрел домик — покосился, живут... То же чувство: внутреннее дрожание и проникновение. Поиски букв... Печечка, лавки, окошечки... чувство будто увидел родного умершего. (Почти возврат мига.) Потом до сорогорского леса; вид издали на часовенку. Дома Трофима — нет. Школы — нет; но тот же вид?... нет! Так здесь хорошо; эта лесная глушь, что всякая боль исчезает в миге молчания. Желание даже пожить... но нет: люди, условия... Эх, так мгновенно открылось вновь: надо бы осесть на недельку и утвердить... Шел и все старался представить истекшие четыре года. Нет! — отвлекает окружающее и его благо. Только изредка, как и в Хмелёвке, сознание действительности через вопрос себе: «*С чем же ты пришел сюда?*» И не столько через то, что было, как через воспоминание о том, *как думал* о том, что было. <...>

Ночь на сеновале: проснулся, еще в голове туман — не выспался. Почти светло. Из щелей крыши и ворот чуть доходит дуновение свежего, рассветного ветерка и виднеется кусочек светлого утреннего неба с тучками; полное молчание, только изредка на деревне поют петухи, комар звенит где-то и шелестит под локтем сено. Около меня, упершись коленками мне в спину, крепко спит и сладко дышит маленький Санька. Не успели мы вчера в темноте прийти сюда, разостлать ошупью дерюжку, лечь, а уж он засопел и крепко заснул, так и не снимая ничего, даже шапчонки.

Долго не спал, городские нервы... вдыхал запах свежего сена, доносившейся сырости травы и крепкий душок маленького мужичонки, лежащего рядом. Он вдруг задержал ножками, ухватил меня за спину и сквозь сон: «Постой, постой, куда же ты?»

Все светлее щели и небо в них. Реже сырость свежей струйки ветерка. Вон, видно, как шевелятся травинки и соломинки, повиснувшие на бревнах стен, посапывает мой мальчонка... Вспомнился Вильгельм Телль...² бродить бы так с сыном... В голове туманно, как-то мглисто, но тихо-тихо и хорошо так... Заснуть еще... Чу, будто издалека, издалека долетал клик журавлей... еще... Да — журавли! Далекие журавли, смыкаются глаза.

21 июля. Еще за вчерашний день: вспомнил у лесного мостика, как провожал Г. На минутку сжалось сердце (бабушка и все тогда живое...). Потом сидел на лавочке перед домом Нила. Дядя Дороня, его просьба в город, «ау». Дунька с ведрами. Иван Лебедев (его грустные глаза). Беседа с Дунькой.

Она с луком. На крыльце кошки. О больном муже, *браке*. Ее: «Так-то ходишь — ноги-то идут, а в голове: „нет, не ладно — не так“». Ужин с тетей Христей и Санькой. Рабочие-постояльцы. Темная изба, похлебка. Трагикомическая поездка Христи в Москву.

23 июля. «В Испании есть король; король этот — я»³. А в Блавсом бору появился молодой князь Путятин, и по мнению и к радости (!) доровцев и красухинцев, князь этот — я (и значит «скоро все повернется!»). День жаркий, неистовый. Громыкает. Облака — как в лете из «Времен года» [Чайковского]. После мытья лежал под яблоней, изнемогая и борясь с «низами» через сознание отдыха и окружающей родины. Думал еще о возможности крестьянства: 1) нет, это (тоже) «ненужно»; 2) рискованно «конкретное», хотя все, как — все. И помещичье тоже возможно, но все же предпочтительнее лесничество и свобода от собственности. <...>

Выпил молока и Блавским лесом к Шиповнику. Обвалившиеся берега. Прощание с Блавским. Обрато лесом. К Андрею. Возка сена. Близко гроза. Сидение на пороге с Мишенькой (его глаза — васильки на рахитичном личике, его тихая еда мякиша хлеба). Мысль о том, что раз всегда исхожу из прошлого, то почему *все-таки* не исходить из будущего (через постоянное сознание факта смерти). Не думал. Вытекло это из проникновения в Мишенькино будущее. Срочная ловля рыбы. <...>

Понял еще раз смысл и необходимость «прощания» с Тверской: ибо нет *нового*, что при поисках наглядности необходимо. Если совсем менять среду — это тогда неважно, но пока — да. Молитва. Звездочка. Проверил себя: могу ли (готов ли) сейчас умереть? Через проникновение (грядущее исчезновение) всего окружающего смог ответить утвердительно.

24 июля. Последний день... Восход. Бабка — топка печи. Завтрак и долгое мытье. Вниз, на речной покос Андрея (с ним Павлуха, зарабатывающий лошадей). Сидение на реке на камушке. Мысли о деятельности человека; например закон — *человек умирает без деятельности*. Отдыхающий в санатории; его деятельность — в подавлении всякой привычной деятельности: чревоугодие-бездействие есть род его действия.

Проверил, готов ли умереть? и вдруг «нет»... и увидел, что все же очень конкретен в вопросе ожидания в городе. Как только уяснил, стал ближе к готовности. Теперь поправлю: *не готовым надо быть ежесекундно к смерти* (и этим проверять себя), *но ежесекундно знать (понимать), что может мешать готовности умереть*. <...> Пение иволги.

Вспомнил об отъезде: завтра не увижу — невероятная очевидность, как смерть... В просеке (где в 1928 году была улыб-

ка мха) такое мягкое солнце заката, что кажется не светом, а улыбкой земли. При выходе из леса — золотые ели темной тропинки. Паук. Сырость пожней. Теплота деревни. В общем, благодарю судьбу. Такое чувство, что реально помолодел на 5 лет. Пройдено пешком: со станции — 30 верст; 13.VII на Гриву — 12 верст; 14.VII в Алексейково — 20 верст; 15.VII в Фофаново — 10 верст; 20.VII в Сундуки — 33 версты; 22.VII в Андрейково — 10 верст. Всего: 115 верст (не считая мелочей).

27 июля. Дома, второй день в городе. Утром проследил, как ненужное становится нужным. По существу бесцельное — иллюзорно целесообразным и осмысленным. Вредная среда — средой желанной. <...>

Отъезд из Новосибирска:

29 августа погрузка с 9 до 10 часов вечера.

30 августа отъехали в 6 часов утра.

Прибытие в Ленинград: 7 сентября.

1—6 октября. Дома: очухивался от всего и от Москвы...

7—20 октября. Мучительное включение в музыку. Пройдено: Третья Бетховена; «Экстаз» Скрябина; Седьмая Шостаковича; «Неоконченная» Шуберта; Моцарт, Es-dur.

21 октября. В 12 часов первая пробная репетиция: «Эгмонт» Бетховена; Шестая Чайковского (1-я ч.); «Неоконченная» (1-я ч.); Пятая Шостаковича (4-я ч.). (Тихий ужас...)

23 октября. С 11 до 2 час. групповая репетиция Q [квинтета струнных: скрипки I, скрипки II, альт, виолончели, контрабаса]: Третья Бетховена (1, 4-я ч.). 2.30—3.30 проигрывание Седьмой Шостаковича.

24 октября. 11—2 час. групповая репетиция Q: Третья Бетховена (2 и 3-я ч.); 2.30—4 час. групповая репетиция «духовых» (1 и 2-я ч.); 4—5 час. настройка «медных»; 5.30—7 час. — совещание с Шальманом¹.

25 октября. 10—11 час. утра — распределение духовых по программам [концертов] до 6 декабря; 11—12 час. Q — доделки Третьей Бетховена; 12.30—2 час. общая репетиция Третьей Бетховена (1, 2-я ч.); 2.30—4 час. «духовые» — Третья Бетховена (3, 4-я ч.). (Строй!.. Форсировка звука!..)

26 октября. В 11—12 час. и 12.30—1.30 общая репетиция Третьей Бетховена (4, 1-я ч. и кусочки 2 и 3-й ч.). В антракте с «медными» разговор о строе: Бесчинский, Шмидт². После репетиции совещание с концертмейстерами. 2—4.30 у Пономарева³ — штатное расписание оркестра. Вечером повторение Пятой Чайковского и подготовка репетиции Третьей Бетховена.

27 октября. Генеральная репетиция Третьей Бетховена; вальс из Пятой Чайковского (работа); проигрывание Пятой симфонии (2 ч.).

28 октября. 11—2 час. Пятая Чайковского (2 ч., вальс и прогон); вечером, с 9 до 10 час. генеральная Пятой Чайковского.

29 октября. 12—2 час. второе отделение программы и куски Пятой Чайковского.

Вечером концерт (1-й):

Чайковский, Пятая симфония

Мусоргский, «Рассвет на Москве-реке»

Глинка, «Иван Сусанин», вальс, краковяк, хор
поселян

Глазунов, антракт и испанский танец из «Рай-
монды»

31 октября. 10—11 час. групповая репетиция v-ni I [1-х скрипок], v-ni II [2-х скрипок], Vcl. [виолончелей]; 11—2 час. работа над Третьей Бетховена.

1 ноября. 12—1.15 — кусочки Пятой Чайковского и Третьей Бетховена. Присутствует Энтелис⁴.

Вечером концерт (2-й):

Бетховен, Третья симфония

Чайковский, Пятая симфония

Успешно, в Третьей — особенно 2 и 3-я ч., в Пятой — пиво...

Теперь можно начать работать нормально.

2 ноября. С 11 до 2 час. на репетиции Курта [Зандерлинга]⁵.

4 ноября. Вечером концерт Зандерлинга («Серенада» Моцарта; Пятая симфония Дворжака; вальс Равеля). Симфония на волоске — скованность и волнение, вальс — хорошо.

5 ноября. 12—5.30 дома — Первая Брамса; 8—9.30 подготовка репетиции Седьмой Шостаковича; 9.30—11.30 с Саркисовым⁶ — абонементы на 1945 год и план декабря 1944 года.

6 ноября. 1—3.30 репетиция с «духовыми» — Седьмая Шостаковича (эпизоды 1, 3 и 4-й ч., где связано с добавочными; 4-ю ч. не доделал).

7 ноября. 11—1 час. репетиция Q «духовых» (повтор вчерашнего; 2-я ч. и кусок начала 1-й ч.); 1.15—3.30 репетиция Q (1 и 2-я ч.); 3.30—4 час. беседа с Друскиным⁷ об издании двух книг [о Бахе] и баховских планов мессы *h-mol*; 8—9.30 дома предварительное проигрывание увертюры из «Фрейшюца» [«Вольного стрелка»] Вебера (странный все же форма!..)

8 ноября. В 2 часа дня прослушивание виолончелиста Резникова (принят). 6.45—9.15 дома: *финал и 1-я ч. Первой симфонии Брамса* и подготовка завтрашней репетиции. Очень скверно себя чувствую...

9 ноября. 11—2 час. репетиция Q (квинтета) Седьмой Шостаковича (3 и 4-я ч.; повтор 2-й ч.); 2.30—4 час. общая репетиция 1-й ч. и финала (все + Fl [флейты] + Агре [арфы]), куски из 2-й ч.

10 ноября. 11—4 час. общая репетиция: 2 и 3 ч., сведение воедино, потом генеральная. (Болезни: Генслера, Дмитриева, 59

Елизарова⁸; беда с добавленным С. Ingl. [английским рожком].)

11 ноября. 12—1.15 краткие куски и основательная доработка 2 ч. Седьмой Шостаковича (исчезновение Коршунова?⁹).

Дай Бог здоровья Боре Шальману!! Просто незаменимый друг и работник.

Вечером концерт (3-й):

Шостакович, Седьмая симфония

Тишина после 1-й ч., откашливание после 2-й ч. (Даже мне кажется, что *хорошо*.)

12 ноября. С 3 до 5 час. совещание у Пономарева об абонементах.

13 ноября. Дома 12—5 час. повтор Мясковского, Двадцать четвертой симфонии.

14 ноября. Вечер: авторский [концерт] Шостаковича.

15 ноября. Вечер: Зандерлинг (Танеев; Прокофьев). Дома 1—2 час. повтор Седьмой Шостаковича.

16 ноября. 11.30—2 час. струнный квинтет — репетиция Седьмой Шостаковича (1, 2, 3-я ч., начали 4-ю ч. и прочли среднюю часть 5-й ч.).

17 ноября. 11.30—2 час. «духовая» репетиция Седьмой Шостаковича (1-я ч. начисто; 2-я ч. вчерне). Нет фактически флейтовой группы; прямо беда...

Вечером сольный [концерт] Ойстраха¹⁰.

18 ноября. 10.30—11.15 репетиция на вечер.

Вечером концерт (4-й):

Глинка, «Руслан и Людмила», ария Руслана

Мусоргский, «Рассвет на Москве-реке»

Глинка, «Иван Сусанин», два танца, хор поселян

Глазунов, фрагменты из «Раймонды»

С успехом!! — День артиллерии...

19 ноября. С 1 до 4 час. у Коли Р<абиновича>¹¹ на репетиции («Песня о земле» Малера).

20 ноября. Дома с 3 час. до 6.30: 1 и 2-я ч. Первой Брамса и «Фрейшюц» Вебера — бегло. Вечером Ал. Животов показывал свою новую «Поэму».

21 ноября. Дома с 2 час. до 9.30 с небольшими перерывами (приход О. Вольф, Янцат¹², обед) финал и 1-я ч. (основательно) Первой Брамса, а также в общих чертах 2 и 3-я ч. (из 2-й особенно гобойный эпизод). Чем больше «учишь», тем дальше кажется освоенность вещи.

Растет понятие «готовности» в сторону «наизусть». А Брамс особенно труден инструментально (кажущаяся «случайность») и гармонически (ткань гармоническая), часто слагается из

взаимодействия линий голосов, не будучи в то же время чисто полифонической (?)

Неприятность с Генслером, тяжело больным, устройство которого все, и я в том числе, прозяпали.

Просмотрел Пятый концерт Бетховена. Вот величие! (2-я ч.).

22 ноября. Дома 12—4 час. окончание Первой Брамса и «Фрейшюца» Вебера. Бегло вспомнил «Неоконченную». Проиграл в первый раз шумановского «Манфреда» — воистину, это как плод, источающий сок и мощь Прекрасного и Божественного!!

Вечером [концерт]:

Малер, Первая симфония с Рабиновичем; Шопен с Обориным.

23 ноября. 11—2 час. репетиция общая (Первая симфония Брамса).

Успел только финал (с него начал, причем на 8, что лучше) и до заключительной партии 1 ч. (Позорная история со вторыми скрипачами в разбитых гаммах вступления к финалу?!)<...> 3.30—5 час. на производственном совещании доклад Оника [Саркисова] об абонеентах. Вечер у Черкасовых¹³. Лихорадочное — что редко бывает — и жадное нетерпение продолжать работу над Брамсом.

24 ноября. 11—2.15 общая репетиция Первой Брамса (закончил 1-ю ч. и прошел 2 и 3-ю ч.). Очень хорошо и тонко — даже оркестр, несмотря на бесчисленные остановки, видимо, «увлекся». (Очень удачно по колориту 3-я ч.) Потом бегло проработал «Фрейшюца». Здорово играли и даже пытались хлопать. Только бы не потерять жадности и хотения музыки завтра вечером! Боюсь за простую усталость... кой-какие неточности оставлял сознательно (в 1-й ч.) ради свежести общего.

Вечером дома приготовил завтрашнюю репетицию и проиграл «Сирены» Дебюсси (непонятно, что он хочет с темпами перед *tempo I*). Надо позвонить в фонотеку.

25 ноября. 11—1.30 общая репетиция (к сожалению, не обычная, облегченная в день концерта, а рабочая). Пройден бегло Шуберт, повторен Вебер. Отдельные такты симфонии и потом *quasi* («якобы») с пропусками — генеральная (очень устали).

Вечером концерт (5-й):

Вебер, «Фрейшюц» [«Вольный стрелок»]

Шуберт, Неоконченная симфония

Брамс, Первая симфония

Мучения перед концертом. Но очень удачно (опасался напрасно) все было. Правда, спад сил. Поддержал [себя] в антракте пивом. В целом — идеальное музицирование.

26 ноября. Воскресенье. Полное отлеживание до трех дня. Немного партитуры Моцарта и после обеда наконец имел возможность попечатавать фотографии. (Нина Васильевна Шостакович¹⁴ достала поташ).

27 ноября. 11—2 час. общая репетиция по Моцарту (симфония Es-dur), прошел 1, 4 и потом 3-ю ч. До обеда опять немного фото. Вечером перелистал Шестую Чайковского.

28 ноября. 11—2 час. общая репетиция (2-я ч. Моцарта, доделки финала; по Шестой Чайковского: 1-я ч. до побочной в репризе). Красавин, Козлов¹⁵ — впервые; удачные находки в кульминации *allegro tenuto* [скоро, выдержанно] у всех и полные смычки на переключках в *h-moll'e* [си миноре].

Вечером — Цирк. Субъективно приятно, объективно грустно. (Нет конюшни и столь решающего и незаметного внешне *подсобного персонала*... наш Шальман, Воронов...). Вечером вдруг одолели сомнения в Моцарте (темпы 1-й ч., менуэта). Бегло, но очень внимательно проглядел партитуру.

29 ноября. Утром 11—1.30 репетиция общая (довольно тщательно). Закончил Шестую Чайковского, местами повторил отдельные такты 1-й ч. Моцарта и финала; затем генеральная (с пропусками) Моцарта. Солнечный, легкий мороз — полный покой, настороженная собранность и легкость в душе. Крепкий сон два часа (немного болит сердце).

Вечером концерт (6-й):

Моцарт, симфония Es-dur

Чайковский, Шестая симфония

[Моцарт] удачно, особенно 2-я ч., потом 1-я ч. [Шестая], несомненно, из моих всех — самая сильная и зрелая. Потрясающий — наш старик — оркестр...

30 ноября. 3.30—4.30 квинтет по Восьмой Шостаковича (3, 4 и 5-я ч. до фуги включительно). Все — как сонные мухи.

Свoločная статья Шапорина в «Советском искусстве» о Шостаковиче¹⁶. Приезд Юдиной¹⁷. Звонок В. О. Оттен¹⁸. У нее часок и у Янцата до двух ночи.

1 декабря. 2 час. — собрание группы контрабасов. 2.45—3.45 квинтет по Восьмой Шостаковича (закончил 5-ю ч. и повторил кусочки из 3 и 1-й ч.).

Утром по пути в Филармонию продолжает свербеть Шапорин и по поводу статьи и вообще как «сила». (В отношении меня тоже). В общем, очень болят нервы и общая колючесть напряженности.

Лютик¹⁹ — уход на Васильевский остров к своим и мое несопутствие ей (ужас трамваев, усталость и беспокойство о Восьмой, а также о предстоящей нагрузке и деньгах. (Книги «Царская охота», сторгованные мной на завтра, и комодик;

желание купить — нет свободных ресурсов; надо их делать: концерты, количество партитур и т. д.) Остался дома и весь вечер занимался: проиграл почти всю Девятую Брукнера (обидно, как забывается — в частности трудность темповых нюансов 3-й ч.). Затем начерно продумал и восстановил форму и драматическую линию Восьмой Шостаковича (потрясает с каждым разом все глубже. Особенно линия Великого Ужаса... 1-й части!!) Окончил все сие в 12 ч. 50 мин. А зайца [Ольги Алексеевны] все еще нет...

2 декабря. Утром за книгами «Царская охота». Днем дома занимался Восьмой Шостаковича.

Вечером: концерт Зандерлинга (Бетховен). Все, особенно финал, быстро. Просьба скрипачей отменить групповую с 10 до 11 час. 4 декабря.

3 декабря. Приезд Шостаковичей²⁰, и вечером они у нас.

4 декабря. 11—3.30 общая репетиция Восьмой Шостаковича. Основательно проработаны 1 и 2-я ч. и в основном 3, 4 и 5-я ч. (обостренные ситуации с первыми скрипками из-за неготовой в цифрах: 8—13 1-й части. На репетиции кроме Шостаковича — Левитин, Гликман, Каменский²¹ и др. Усталый, к пяти домой; Нина Хотхова со своей любовной экстазией. Без отдыха вечером на спектакль выпуска балетной школы.

5 декабря. С 11 до 3 час. общая репетиция. Закончена работа над 3, 4 и 5-й ч. и генеральная (очень удачная) 1 и 2-й ч. V-ni I [1-х скрипок] остались на групповую.

Дома — Кута со своим безвыходным житьем. Чтение Лавренева (рассказы). Вечером охватила растерянность от осевшей неправильности исполнения [двух быстрых ноток] во вступительных тактах и «незнание» до «последней возможности» ряда мест. Вскикивал в рубашке — проверял.

6 декабря. 11—1.15 по всей симфонии доделки (и вначале) и генеральная 3, 4 и 5-й ч. (очень чисто). Восторги присутствующих. (Долго повторял партитуру, почти до 3.30). На душе беспокойство. По дороге домой: о билетах директору «Книжной лавки». Очень крепкий сон, пробуждение — одно из редких и давно не бывшее, из цикла «полное счастье». Причина — сон: вечерняя, в золотых облаках и тиши, как наяву с жадностью увиденная, благостная улица в Медведково, у избы Авдотьи; затем алмазная слезинка в глазу против света лампы; и какой-то светлый маршок, доносящийся одновременно откуда-то из другой квартиры.

Вечером концерт (7-й):

Шостакович, Восьмая симфония

Очень удачно. Кругом восторги по адресу оркестра и моему. На самом же деле — чуть скованно (накладки *v-ni I*, вероятно, «от перегрева» на репетициях в побочной теме 1-й ч. и в 4-й ч.; у *v-ni II* — в конце, отчасти и от моего волнения).

Потом никудышная ночь у Эрмлера²² и утром обязательная (почти всегда) ложка дегтя — в виде напоминания Эрмлером (в связи с премиями) моего «провала» Брамса и «неудачи» Шестой Чайковского в Москве год назад. В связи с этим очень заботит необходимость ехать в январе в Москву. Как бы избежать этого?! Во всяком случае — оркестра СССР. Радио-оркестр мог бы быть приятным и радостным.

Очередная вонючая сложность моих взаимоотношений с ВКИ [Всесоюзным комитетом искусств]. Рано или поздно открытая драка, вероятно, состоится... Домой пришли с Жаем [Ольгой Алексеевной] часа в три. <...>

9—13 декабря. Сам почти ничего не делал (сильная реакция вступает в свои права). Посещал репетицию и 13 декабря концерт Зандерлинга (Третья Брукнера). Эпизод с кровавым хрусталиком люстры во время второго (альтового) материала 2-й части — как капля крови Сына Человеческого; и предстоящий Всевышнему — старик Брукнер. Аналогичный случай на репетиции Зандерлинга в Новосибирске во время валторнового (рядом с гобойным) соло 1-й части Третьей симфонии Брамса, и связь последнего с простым ионическим орнаментом карниза, освещенным ярким зимним днем. Тогда ясно ощутил, как уместно было бы звучание этих тактов «над входом» в храм Аполлона. Столь велика чистота этой музыки; она — как купол света и строгости. Помню, как понравилась (и искренно) эта моя ассоциация покойному И. И. Соллертинскому²³, отсутствие которого, кстати, все острее и острее ощущаю... ибо говорить не с кем... <...>

14—19 декабря. Трудно включился опять в работу (16-го — концерт Хайкина²⁴, 17-го — рождение Янцата). В итоге: 1) Подготовил программу 23-го; 2) Прочел Вейнгартнера²⁵; возился с «редакцией» Зандерлинга. Начерно («по первому разу») прошел Четвертую Бетховена; 3) начал Пятый ф-п концерт Бетховена.

Ажиотаж с домами в Финляндии. Покупка кой-чего из книг. Полное безденежье; очень тяжело висит вопрос о необходимости ехать в Москву... <...>

21 декабря. Ровно два месяца тому назад условился о «встрече» с березкой на Чернышевой площади²⁶ на 21 апреля.

Третью срока до этого — окутанного надеждой на просветление — дня уже истекла. Было это в тяжкий день 21 октября...

11—2 час. общая репетиция «Экстаза» Скрябина (успел меньше, чем думал).

22 декабря. С 11 до 4 час. общая репетиция (цейтнот). Закончил «Экстаз» и на *курьерских* (хотя по настоящему) прошел всю симфонию Мясковского; нотация оркестру о профессиональном исполнении, независимо от симпатий.

23 декабря. 11—2 час. разразился результат цейтнота, выразившийся в снятии последней части сюиты «Китежа» (колокол в *fis* вместо *f* и т. д.) «Дохлая» генеральная «Экстаза» и Мясковского.

Вечером концерт (9-й):

Мясковский, Двадцать четвертая симфония

Римский-Корсаков, сюита из оп. «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»

Скрябин, «Поэма экстаза»

2-е отделение хорошо: удалось импровизировать. Ценные замечания Каменского об отдельных материалах и тактах «Экстаза». Вчера — аплодисменты оркестра и особенно старика флейтиста.

24 декабря. 12—2.30 репетиция «Щелкуна» на 27-е. Чудесная, легкая репетиция. Успел всю вещь. «Как в любительском оркестре в лучшем смысле этого слова», — сказал Леви́тин²⁷. Утром трогательная похвала моей работы стариком Родэ: «У вас не бывает „эря“».

Прослушивание нового флейтиста: впечатление удовлетворительное.

Вечером с ночевкой у нас Алеша Животов (его «путь» в общественниках).

25 декабря. Отсыпался и днем готовил «Времена года» Глазунова. Вечером собираюсь на юбилей Радио (приглашен в президиум?!!). Вечером впечатление насквозь серое. Мысли о *прирожденном «туше»* каждого дирижера в связи с поистине «суконным» тоном Радио-оркестра.

26 декабря 11—3.30 общая репетиция «Времен года» Глазунова. Инцидент с Тризно²⁸, сорвавшего налаживающееся настроение. С великим надрывом прошли всю вещь.

Вечером приготовил репетицию на завтра. Читал великолепное (истинно реалистическое) «На горах» Мельникова [Печерского]²⁹.

27 декабря. Краткая, очень легко идущая генеральная репетиция с доделками с 11 до 1.15. Бесконечная общая усталость и чрезмерное спокойствие, которое вечером отозвалось

на 1-м отделении, лишенном праздничности (безобразия и демонстрация Тризно).

Вечером концерт (10-й, последний в 1944 г.):

Чайковский, «Щелкунчик»

Глазунов, «Времена года»

После концерта дружеское и светлое *zusammensein* [спаянность] Хотовых, «Куртов», Коли Рабиновича, Пономаря-отца [А. В. Пономарева], Бори Шальмана. Дома у нас — Аня.

28 декабря. На репетиции у Элиасберга³⁰. <...> В 2 часа «порка Тризно» за все грехи.

После обеда Кутя с окотом. <...> Маялся весь вечер, т. к. хотел разобрать папки с дирижерскими бумагами. Поздно вечером проиграл Четвертую Брамса — *музыка, излучающая тепло, музыка пламенеющего сердца*.

29 декабря. Работал над редакцией Шестой Бетховена — исправлял «точки и запятые» (особенно динамику). После обеда — бухгалтерия. Вечером — вспомнил и проиграл «Иллюзии» Асафьева. Весь спектакль легко и с обычной скорбью вспомнился... ушедший, как и все многое, иное... Что до музыки, то вся она — *функционально и драматургически* — великолепна, являя прекраснейшие образчики «формы» (понимая сие синтетически). Не хватает лишь... подлинного таланта создавать *материал*...

30 декабря. Отчаянное самочувствие и сон. Проработал над 1 и 5-й ч. Шестой Бетховена с 12 до 4 час. Затем начерно разобрал папки архива. Вечером на концерте Элиасберга. <...> Минутка в пустом, ночном зале.

31 декабря. Отсыпался. Потом тщательно мылся, брился и пр. Лютик, как всегда, в коловращении лавок. Несмотря ни на что, витает некая торжественность «нового года» и нисходит какая-то аккуратность и тихость, как давно-давно... <...> Давно не было так *просто*, покойно, без всякой примеси ретроспекций или «ауспекций». <...>

В мире завершается очередной микроцикл... Конечно, все да будет, как будет, но если бы можно, хотелось бы, чтоб... «рухнутость» еще не окончательно перешла в новое качество, которое будет ничем иным, как уже начатком дряхлости. <...> Для этого надо, чтоб отдых, полный и настоящий, пришел до фиксации этого нового качества и чтоб до него оно не успело все поглотить... ибо пока еще только перетруженность, но еще не конец... А коли не конец еще, то хочу всей душой и помыслами, чтоб не приходил он дольше-дольше, чтоб когда уж он придет, встретить его душой — полной чашей, а не наполненной судорогами ужаса и скрежета уничтожения... В ожидании же его *Видеть и Слышать, молясь*, и еще кой-что выполнить,

как, например, «нотатки» [от *NB*]. С ними пройти по всему бывшему, еще раз понять, охватить, *прикоснуться* к нему (а их можно делать только пока будет пульс биться не мертвыми ударами) и сказать свое слово о пути *Шостаковича — брата по Дням*. Всем, кто пожелает этого и помыслит об этом в пределах мига, — шлю я помыслы и пожелания «долгого блага»... Да будет так. <...>

Пока это писал (7—8 часов вечера), несколько раз звала Жай [Ольга Алексеевна]; там в кухоньке — очаг горит. У него — Рыжик, хозяйюшка вокруг теста, а тесто-то живое, таинственное, поднимается, живет по-своему... Там — я и булочки переворачивал, и рис промыл, и яйца очистил. Благо земное...

Звонил, с теплом, Пономарев. Идет в больницу к Люсе и сыну...

Итак, 1945 год...

1 января. Вчера, после записи, еще тихо и уютно готовили стол. Сыграл 2-ю ч. Пятого ф-п концерта Бетховена. Переоделись. Со звонком будильника встретили вчетвером (Рыжик за столом, со своим блюдцем). Звонки по телефону, потом ненадолго к Янцатам. Утром встали поздно.

До обеда — 2, 3 и 4-я ч. Шестой Бетховена и начерно «Приглашение к танцу» Вебера. Потом вместе на тахте читали. Дрема. Разобрал папку с театральными материалами и дирижерскими, фото (начерно: Новосибирск, Москва; последовательно). Перед сном на часок к Нонне [Лощинской] (открытки «Феи кукол»). Хороший тихий день.

2 января. Проиграл всю Шестую Бетховена по клавиру, выяснял нетвердые места и проходил их. Также довольно тщательно «Эврианту» Вебера. С 5.30 появление ребят — Володи, Лельки, потом Томми с Куртом и Ниной [Зандерлинг]. Лютик, елочка, подарки в мешочках (смутное ощущение предвзятости ретроспективного восприятия этого и подобного...). После их ухода еще занимался до прихода Рабиновичей (до 9.30). Библия; интересные Колины [Рабиновича] мысли о Шестой Бетховена — как о романтической симфонии; думаю, в целом не может все же получиться.

Чтение (как и 1-го, перед сном) «Петра» Мережковского¹, с его смутной ассоциативной сферой кошмаров (Тихон во 2-й главе), таких знакомых вообще, и особенно в последнее время окутывающих и пронизывающих подчас все восприятие... и особенно перед сном, когда ложусь и тушу свет. Вот отсюда и рождается желание молитвы, пристанища лампадного, иллюзорного (вероятно?) *приклонения*... Но хочу надеяться, что все еще раз дано будет *преодолеть* — как писал — 31 декабря вечером... и *стать в покое*.

3 января. 12—4 час. занятия Шестой Бетховена и Вебером у стола («начисто», если так вообще может быть).

4 января. 11—2 час. репетиция Шестой Бетховена. Ужас перед необходимостью что-то «излучать». Откровенное признание в том оркестру. Сочувственное их отношение. Помаленьку наладилось. Прошел 1 и 2-ю ч. В антракте беседа с Пономаревым о необходимости мне «чиниться».

5 января. 11—1.45 репетиция 3,4 и 5-й ч. Шестой (с трудом, но с толком). 2.30—3.15 «Приглашение к танцу».

6 января. 11—1.30 общая репетиция «Оберона», «Эврианты» — «крупным помолом». Генеральная «Приглашения к танцу». Отдельные такты и затем целиком Шестая.

Вечером концерт (11-й):

Вебер, увертюры к оп. «Оберон», «Эврианта»;
«Приглашение к танцу»;

Бетховен, Шестая симфония

«Оберон» — очень удачно; «Эврианта» — усталость от однообразия. Шестая — в общем хорошо, но хуже, чем в 1941 г. (кроме 2-й ч., которая очень совершенно вышла, за исключением рывка в последнем *F* [*forte* — сильно] из-за невозможности так свежо ощутить источники образов в связи с общим переутомлением и пр.

7 января. Дохлый день. Вечером укладка и сборы. В 11 часов поездом — на Пюхьярви (мамино «напутственное карканье»). Легкий намек на бывшее «бродяжное», сон на полке не раздеваясь, покуривание и пр. В 5 часов утра высадка в снежную ночную мглу.

8 января. Трудное шагание гуськом по цельному снегу; частые присаживания и передышки: в беззаконном домике со свечой, на чем-то крылечке против группы сосен, на закрайках мостов. Следы зайцев и вдоль всего пути лисья цепочка. На рассвете отдых в сарае. Шумит в ушах, и все же некие «ладность» и безмятежность — такие знакомые — проглядывают даже сквозь усталость. Первое неприятное впечатление домов: «по-чужому», «по раздору»². Прибыли к девяти в домик. Печь, тепло, женское заботное устраивание «на жердочке» (между прочим, самая уютная, «благодатная» форма устройства). Завтрак. В 12 часов на осмотр домов. Не покидает смутное и основное ощущение «полумерности» в осуществлении всего сего — задуманного всеми нами... вообще. А в частности, у меня с Жаем еще и дух «пустошки» существующей, и опыт «пустошки», по существу, и не сбывшейся. <...> Так до четырех, когда, разомлевшие в тепле, еле дождались обеда. Быстрые сумерки и крепкий сон на сене, рядком все. Пробуждение (из счастливых) в сильном тепле, с ощущением выпанной ночи и наступившего завтра. Горохов со свечой в горенке. На часах: 11.30. Лютик: «какого?» Горохов: «вчерашнего...» Опять легли, и уж с окончательной безмятежностью сон до девяти утра.

9 января. Бодрый завтрак и опять к домам. Приезд на «виллисе» Черкасовых, Г. И. [Георгия Ивановича Васильева]³ и Вали [Янцата]. Мы с Валей, с ружьем по лесу: следы и пути зайцев, танцы их; остальные — с осмотром домов. Коля Ч<еркасов> все больше с мелкокалиберкой. Раскаленная

печь. Чудесный ужин, пахнувший юностью (уют, безмятежность, смехи всякие). После ужина «мужики» пошли на сеновал покалякать. Происшествие с «диверсантами».

10 января. Разлеглись спать. В 5 часов пробудка, Нинкино: «Пожилые люди, а что выдумали!..» Мы — на машине на станцию (ночной снег в фарах). На станции сон. Беседа с начальником станции. В 11 часов поезд и к 6 часам дома. У нас — О. Соллертинская⁴, принесящая обещанное.

11 января. 11—2 час. общая репетиция Пятой симфонии Шостаковича (1, 2 и 3-я ч.). В первый раз в жизни не листал партитур перед репетицией — просто уж немислимо: будь что будет... 2—3 час. под рояль с солистами — Моцарт (симфония для альта и скрипки). В 3 часа у Пономарева совещание. <...>

12 января. 11—12 час. общая репетиция. Закончил 4 ч. симфонии [Шостаковича] и репетиция Моцарта: симфония и начерно увертюра к «Фигаро».

13 января. 11—1 час. отработка увертюры, генеральная с солистами и отдельные места Шостаковича.

Вечером:

Моцарт, увертюра к оп. «Свадьба Фигаро»

Моцарт, альтово-скрипичная симфония

Шостакович, Пятая симфония

Исключительно удачно; присутствие и впечатление Голованова⁵. Шостакович получился со всей свободой, импровизацией, ищущей от ретроспекций, «автобиографичности», текущих «болестей» и пр.; Моцарт — на спокойствии и мудрой красоте.

14 января. Присутствовал на всей репетиции Голованов. Все в порядке; оркестр не подкачал: читали и играли очень хорошо. (Прошел всю Третью симфонию Рахманинова).

Вечером печатание с анемичной пленки на засвеченную бумагу (!) поездки в Пюхьярви. Получилось одно огорчение...

15 января. Свердловка и всякие «дела» и сумленья: надо и «чиниться», и успеть выполнить программы, и деньги, деньги, д-е-нь-ги! на лето... И Жай, опять Жай не отдыхает... И все прочее «главное», и мама с ее «ейным». Трудное время... трудные «обстоятельства». Недаром Рыжка хворае, видимо, и с глазком и с лапками что-то... как-то все и куда выплыветсЯ??.

16—19 января. «Устройство» дел и Свердловка⁶.

19 января. Вечером концерт Голованова: Рахманинов, Третья симфония; Чайковский, вариации на тему Аренского; Чайковский, торжественная увертюра «1812-й год».

«Неправильно» — все: очень много дурного вкуса. Технически непозволительно, в смысле рук, и все же, вопреки

всему — радует подлинностью дарования и убежденностью силоустремлений. Что до «1812-го года», то сей «перл» только так и можно, только так и надо. Вот, дескать, материал — сам по себе? — знай лепи его, спасай лепкой, компенсируй «литературщиной»: отсебятиной, «напором», колером. И что же? — вышло *Нечто* и вышло *Здорово*.

Доведенные до пороков свойства Голованова, как то: 1) «неясная», «дерганая», короткая рука; 2) непрерывные *rubato* [ритмически свободное исполнение] и особенно 3) *accelerando* [ускорение] — имеют в основе своей либо правильные цели, либо полезные результаты в отношении подчинения оркестра и его максимальной мобильности. Ибо: «1» и «2» заставляют оркестр, «не надеющийся» на руку, проявлять *maximum* внимания и опасения, буквально за каждую \downarrow [ноту], а «3» исключает возможность всякого «традиционного» отставания «меди».

Эти же свойства, вправленные в рамки настоящей культуры и вкуса, выразились бы: 1) в руке, экономной до *maximum'a*, заставляющей «приходить» к ней оркестр, притягивающей его «силой»; 2) в абсолютном соответствии возникновения звука во времени с указанием руки. Мы, «помогающие» играть оркестру, часто вредим напряженностью внимания и мудрим излишне. Я уже давно, например, понял, что «специальные духовые» *auf* такты [из-за тактовой черты] — ерунда (как правило) и абсолютно не нужны, за редкими исключениями.

Симфония Рахманинова — как человеческий документ небезынтересна; в этом смысле даже слегка перекликается с Восьмой Шостаковича: невеселые попытки подвести невеселые итоги. И в итоге — даже невозможность их подведения. (У Шостаковича — кульминация финала; у Рахманинова — неожиданный эпизод джаз-гримасы тоже в финале).

<...> Пора сформулировать мою догадку о неосуществимости в искусстве утверждения окончательного, всеобъемлющего или синтезирующего; о невозможности поэтому создания финалов, содержащих все это, т. е. истинно и только «мажорные» финалы в большом искусстве, попросту говоря, невозможны; те, что есть — или «юны», или «боевые», или фальшивы, или поверхностны, или есть вопль о желании утверждать (Девятая Бетховена) самих себя. И это потому, что истинный синтез всегда трагичен (оптимистический пессимизм или пессимистический оптимизм), как заключающий в себе диалектически «утвердительное отрицание», или наоборот — и просто в «утвердительное» никак не укладывающийся.

<...> Возвращаясь к Рахманинову, могу сказать одно: не весело было у старика на душе. Вокруг сутолока «фиатов»

и джаза сверхцивилизованного общества, а на устах оскудевшие следы былых полновзвучий, в соединении давшие произведение, хотя и богатой техники и колорита, но говорящее о жалобе одинокой, растерянной старости, правда, еще не утратившей своей самолюбивой и немного жесткой гордости и тщательно спрятавшей растерянность свою за резко обобранной, как бы *наильно* достигнутой тоникой конца.

После концерта поздние сборы. Заснули все «с нервами», и каждый со своим, около четырех часов ночи.

«Осиновая роща» (санаторий)

20 января. Алеша Животов ночевал. Встали в 8 часов.

10 часов машина. Радостной зимней набережной, мимо смутных солнечных воспоминаний и образов «сегодня», и протестом и грустью против совершающегося, — через Неву, на Васильевский остров, за докторшей. К часу дня прибыли на место. Неожиданно приятно встретили елки усадьбы и деревянные лестницы дома⁷. <...> Маленький миг в светлой, тихой комнатке с топящейся печкой и глухим стоном в сердце — обычным при встрече нового одиночества с тишиной. Жалкий и милый, но героически пытающийся не растерять — даже в жалкости — интеллигентности, Щербачёв. Наташина как бы раздавленная фигурка в кресле, в очках и шубке, у входа. Прогулка с Щ^{ер}бачевым до шоссе (мимо сорок) и кругом. Чудесный снег и воздух.

21 января. Один направо в «поле». Охваченность снегом, ветром, воздухом, простором, их радость. Радость «своей» среды, хотя и жалостной сравнительно.

Голос маленьких сосен — жесткий и одинокий. Трудность уяснения объединяющей сущности окружающего зимнего мига — его «образа». Мешает также сугубая утилитарность текущего использования окружающего: виснут сроки («Фантастическая» Берлиоза и пр.). Ночью сон: обмелевшая яма; разлив Сорогожи; три хозяина и беседа с ними о сроках.

22 января. С Наташей и фотоаппаратом у дома. Потом со Щербачевым по «аллее» через шоссе к озеру, назад тропкой. Гудящие в небе истребители; крепкий мороз и солнце; липовые почки; вырубленная череда зелено-серебристых кусков льда на озере; снегири, со своим нежно-сипловатым пересвистом-разговором; красные грудки у травинки в снегу; синички-белощеки; окопы с сорочьими следами-цепочками.

На заходе солнца один по первой тропке, потом влево без дороги. Розовый на выпуклостях, как бы просвечивающий изнутри румянцем — снег на скате холма (под голыми прутьями кустарника), обращенного к западу, на закат. Вершинки снеж-

ных неровностей багряны. На пне — проводы солнца; миг... и дивная встреча со звездой, еще первой и единственной в небе. <...> Синеющие и заворачивающие петлей глубокие следы моих шагов в рыхлом снегу. Прибывающий полумесец, уже горящий и серебряный, в зеленеющем небе. Воскликание к нему: о желании вечном вечно «их» лицеизреть... а не только «быть» как-то. Лиловатая мгла сумерек между ветвями кустов. Миг ощущения молодости тела. Дома дрема, нехороший час (физически). <...> На ночь чтение Лескова «Час воли Божией»⁸. Решил даже записать отдельные «слова» — уж больно хороши.

24 января. 8.30 пробуждение, как почти всегда, без всякой свежести. Но лучше вчерашнего. Сладкая дрема до завтрака (до 1.30) и после очень бодро — на улицу. В сторону Песочной почти 2 км. Затем направо по утоптанной тропке. Часок на пеньке: 1) баба с дровами на саночках; 2) осенило «совершенство», вчера не уловленное. Оно, как и всегда, — *в молчании*. Вчера за внешним «неуютом» — ветром и сумеречной мглой, вьюжкой — *не расслышал* его. Не прав был и во вчерашнем представлении вечных льдов и прочего «застылого»; ведь и в них тот же путь движения, в видимой застылости мига, также как и в «живом» (в ветвях). Там начертание — в нагромождениях, здесь — в ветвях и пр., что хорошо знаю. Сегодня помог все это схватить момент тишины и безветрия (своей наглядностью). Что до «затаенности» *сугубой* — в зиме — всего сущего, то это верно само по себе: стихия все закрывает; 3) тетеревиное (!) бормотание в березовом перелеске. Прошлогодняя брусника на «дне» рыхлого снега под пеньком. Голос сосенок — в связи с «осененьем», как «безвестное»; 4) срезал почки (букетик).

Пришел прямо на обед. Наташа со своей проблемой «Быть» и всем... («только бы Лешку женить»).

Отъезд Щербачева, свежего с лица, но с раздутыми на висках венами, с бодростью в осанке и полной бедой в душе. Появление Певзнера Григория Абрамовича и пронзительная человеческая между нами разрядка. О разрыве между мудростью и специальностями (партитуры и невропатология: и тут и там метод вживания); его неожиданное упоминание католицизма и фанатизма (зерна этого во мне); <...> его экскурс о монастыре, как об изоляции для него самого; о гениальности — как потенции (!) Мое подтверждение правильности тезиса о фанатических зернах во мне, с оговоркой... Ибо глаза его, а также дар и опыт его специальности, заставили меня допустить в нем «диавола» и «знания от древа добра и зла», направленного на меня как на «кролика». На прощание просил его принять чувство *уважения*, в ответ на что имел мол-

чаливый наклон головы, «с почтением». Беседа шла настолько по самой трепетной сущности, что по уходе его проступили в душе острые слезы и готовы были пролиться из глаз (горючая сокровенность). Анна Максимовна⁹ потом у Наташи свидетельствовала, что в беседе он участвовал, во многом, своей сущностью.

Да, еще говорил ему о жизни моей без руки наставника, без «старца»; а ведь это тема непролитых слез; казалось это из *желания* поверить в его «*большое*» и «*магическое*»... Потому так и «слезно» потом стало. Но увы, как всегда, самообман, и по разговорам Анны Максимовны он не «наставник», но лишь «*брат*»... Тогда ясно стало, что смеющийся огонек в глазах на самом деле не дьявольский, но ищущий... высматривающий (может даже — похвалу). Устал сегодня мозгами, не надо сейчас даже думать и «решать» о снеге, о «совершении». Буду лишь дышать морозным воздухом и радоваться мне доступной радостью — не в бедном смысле. А там само придет, что должно быть.

26 января. Утром долго морили голодом. Наконец, допущение до завтрака. Приезд Щербачева. Наташа с киской. Процедура массажа и «электропалочки». Крепкий сон до обеда с киской, обедавшей со мной. Она же ворчит крупными басовыми морщинками, понимает свою желанность и безопасность, заваленная и исчезнувшая в складках одеяла. Иногда только удивленно что-то высматривает в воздухе широко округленными, зелеными, но еще ребячьими глазами. Долго не мог понять, что это ей папиросный дым вчуже: непривычен, удивителен и не совсем еще достоин доверия. Проснулись оба вместе, опять ели на краю кровати — на стуле. Затем небольшая прогулка (по пути самой первой прогулки в первый день). Покорное и какое-то мудрое (?) покачивание в ветерке на снегу прошлогодних редких стебельков злаков. Тропкой домой. Часок на пеньке. Полная тишина. За мной, сквозь ветки двух черных силуэтов елок, горящая, почти полная луна уже золотистая; на снегу загораются отдельные искорки сегодня выпавших крупных кристаллов пороши (от чего при свете весь снег казался чешуйчатым, а ветви как бы припудренными). Сиплые и грустно-нежные голоса снегирей где-то поблизости.

Отдаленные раскаты арт-учебы упорно и тупо стараются *разламывать* молчание; но каждый раз поглощаются и бесследно тонут в беззвучии морозных сумерек и зеленого на юге, мглисто-лилового на севере небосклона, с зажигающимися иголочками. (Кстати, думаю, даже в самом сильном шуме, где-то можно услышать таящееся в нем молчание). <...> Ну, вот с 8 по сейчас (т. е. до 10.30) писал эти строчки.

Спокойной ночи всем... Схожу к Наташе. Между прочим, вошел к ней как-то, а она лежит в темноте. Я присел, а она вдруг вслух задекламирровала, видимо, что-то болит в сердце и голове:

Ты жарко целуешь чьи-то губы, —
Что ж, целуй! — я рада за тебя... —

и оборвала... Да, перед ней задача вырастает и надвигается неразрешимая... никем, вернее не решимая. Почти?..

Благодарю судьбу за то, что дает мне. *За все*. И за эту встречу, очередную и неожиданную, с самим собой, и за то, что еще, оказывается, способен в ней участвовать...

27 января. Проснулся со страхом в 5 часов утра. На стене лунный блик. Зажег свет, читал, курил. 9 часов. Разбудили с градусником. Решил встать. Долгое ожидание завтрака, еще дольше — топки (очень холодно) и еще дольше — массажа и электропроцедур.

Наташа с температурой 34 с чем-то (?!). Щербачева внимание: принес котенка, когда я сидел читал после завтрака Пришвина. Котенок сытый, не стал есть даже сыр, уснул на руках. Затопили печь. После процедур — краткая проминка [прогулка] по маршруту «№ 1» в обратном направлении (с 2.30 до 3). Хмурым, тихий день; дали в туманной мгле; сильный мороз (–19°). Деревья покрыты тонким инеем, как бы в легкой седине; обычно резкие, прозрачные очертания оголенных берез на фоне чернеющих елей выступают закругленными, точно покрытыми седым пухом кронами. Несмотря на пасмурность — все странно пронизано ярким, точно предвсенним светом; с высокого снежного холмика у шоссе понял причину: на юге, между горизонтом и краем пелены, закрывающей небо, полоса бледно-зеленого и светозарного чистого небосклона, медленно растущая; видно будет солнце.

Дома долгое ожидание обеда сквозь клонящие в сон «вливания». Разбросанное, дерганое состояние, вероятно, от всех ожиданий и отчасти от утомления (?) вчерашней записью. <...>

После «вливания» с 5.30 до 7 сон. Долго лежал с «тяжкой» кровью, смутными томлениями (между прочим, с точки зрения общего состояния добрый знак), и темными, и светлыми. После ужина сел писать отзыв Генслеру и письмо Пономареву. Щербачев вторично со вниманием притащил котенка... Наташе плохо, [температура] 37,2 и очень трудно дышит. Текут слезы: «Не могу всю жизнь болеть...»

Писал, включая «сегодняшнее», до 12 часов ночи. С глубокой радостью вновь жду завтра Жайку.

28 января. После массажа и гальванизации вниз. Со Щербачевыми пошли встречать Колю [Черкасова] и Лютика. 75

Метель, сильный мороз, резкий ветер. Все кругом во мгле крутящегося мелкого, сухого снега. Снегирек на обочине шоссе, со своим голоском... Прошло несколько машин, дровней с лошадаками. Наших — нет. Вернулись. После обеда кино! Часок между обедом и кино у Наташи, которой очень плохо. У себя неприкаянно и беспокойно (из-за неприезда). Как-то изнутри уцепился за кино. Кроме того, обрадовала именно «Серенада солнечной долины»¹⁰, т. к. уже знал, какое «удовольствие» и от чего получу.

Сочетание аудитории и действия на экране. Наташа на носилках, с пронзающие огромными глазами и сломленностью раненого зверька, маленькая, просветленная страданием... На секунду представил себе Лютика на ее месте... мысленно скорей отогнал. Избави, сохрани Господь... Да благо ей будет и да долголетна будет на земле...

Как всегда в этих зарубежных картинах — манящее неизведанное; навстречу ему неистраченные, неиспользованные грани существа тянутся, как в Мечту, вырастая до соревнования с *главным* и даже застилая его сомнением. Уж больно разителен контраст хотя бы уже указанной аудитории и изображений, да еще субъективная текущая ситуация вообще и в частности (убогость внешняя заставляет предположить и такую же внутреннюю). По размышлении <...> объективным остается только! *возраст* и физически непоправимые изменения тела (волосы, зубы и пр.). Такие, которые даже при неожиданной возможности воспользоваться, даже при полном сознании истинного соотношения всех ценностей... уже «не дадут пить из чаши той», так как из нее пить было бы можно и надлежало бы в минувшем.

И оттого стало глубоко грустно, а на фоне неприезда Лютика — и томительно. Оделся — и вышел после ужина в снег и метель. <...>

30 января. В полной мере растительный день: лежание с дремами и пробуждениями (градусник, лекарства, завтрак, затопление печки). Мокрые дрова нипочем не горят, топил сам до обеда, украл несколько полешек и все-таки добился хоть небольшой кучки переливающихся, струящихся, звонких, шуршащих жаром угольков. Дочитал Пришвина. Коля [приехавший Черкасов] — на свои заветные темы, когда еще лежал. После обеда прогревание; за окном все еще снегопад. У себя массаж. Потом чтение «Юдоли» Лескова; приход Коли. Марианна была тогда, в 25-м году, на 4 года моложе (!) нас, теперешних: Коли, меня, Лютика. Разговор в связи с периодом «зверья» и вообще моего вторжения и разрушения мной, хотя и абсолютно без «зла», скорей наоборот, ибо все шло во мне от правды и непосредственности, без

учета чего-либо привходящего. Что и получилось, как зло для них: всей жизни ее [Марианны], М<аксимилиана>, Г<алочки>...¹¹

После ужина втроем налево по шоссе, до выхода тропки и обратно. Темно; видно завеса туч толще, чем в предыдущие ночи; все идет снег; ложные тени; фары машин в идущем снеге, точно бледное зарево.

Об обликах деревьев: горделивая осанка лип (вознесенные, стройные, с аккуратной густой кроной дерева придорожной аллеи); ель — хранительница тайны земли; склоненная, прислушивающаяся завороченность больших берез; воздетость сосен и т. д. Причем общий образ дерева, его графика совпадает, по-видимому, с реальным соотношением дерева с окружающим; например ель, которая никак не воспринимается как устремленная, а как бы «установленная» и которая действительно служит укрытием в своих распростертых шатром ветвях для потаенной ночной жизни существ земных. Кроме того, схема: ↑ — копьевидная, охраняющая, наименее «возносятся», по сравнению с сосной, обычно имеющей схему обратную: √. Конечно, это не правило, и очень много смешанных обликов деревьев, и одни и те же породы часто «выражают» разное, но все же можно о них что-то сказать в этом смысле «персональное». Как лесник о них говорил по поводу их «голосов», нечто о «выразительности» дерева и о совпадающих с этой выразительностью реальных соотношениях ночного мира.

После прогулки немного чтения и в 12.30 — сон.

31 января. Наконец-то (на десятый день) наступило расторможение и вступила в свои права способность спать, сколько хочет и как хочет организм. После побудок и после завтрака спал еще два часа крепчайшим сном; стало сразу «бодрее и радостно». Воистину, качество сна решает физическое благополучие организма, у меня так особенно. <...> С 2 час. до 3.30 втроем направо, в сторону Песочной. Перлы Щербачева: вчера — «брамсы и бетховены» (по поводу французской музыки); сегодня — «стиранье в порошок» Европы и т. п. Вероятно, мы ныне ничтожностью данных, скажем, об ассириовавилонской культуре обязаны неким персам, которые в свое время (в те времена) рассуждали à la Щербачев... И видимо, такая его «отечественная» платформа не есть только его нынешний загиб — это явствует из некоторых рассуждений его из времен юности 1914 года и т. п. После обеда электро-массаж. Появление Коли [Черкасова] и недоумение [его] по поводу трещащей печки (!) Появление Щербачева с котенком — его кормление. Увы, бедняжка киска, видимо, подвергался эти дни «сильным впечатлениям» от кого-то из «хрес-

тия», т. к. боится ног, сжимается при виде приближающейся руки, отбегает даже от блюдца с молоком и пр. Это вызывает тем большую жалость и сочувствие, что он очень смысленный и видно, как на протяжении малого времени он поддается на убеждения и усваивает обретенную безопасность и как бы даже проявляет некую благодарность; да и мал больно: весь-то граммов на 200; лапки крохотные, черепушка со спичечную головку и глаза совсем ребячьи, хотя весьма и весьма наблюдающие и на все любопытствующие. Можно было бы из него воспитать хорошего «вумника», но, вероятно, судьба его дичковая, воровская и неприютная: опыт жизни предвидится сугубо односторонний... жаль очень малыша. Весь-то как комок и косточки как у курицы...

Ну, словом, улеглись мы с ним и спали с 5 до 7 час. (!), когда разбужены были Анной Максимовной. До 8 записывал «вчера» и «сегодня». Кончился уже и январь: надо подумывать о партитурах... 8.45, пока писал — у Щербачева был сердечный припадок. Трагичная все же судьба... и неразрешимая проблема его «итогов» — надо отдать ему должное — переносится им в меру возможного по-патрициански (не стал лежать — встал, закурил...). А котенок после совместного ужина торчит и играет на постели с резинкой и обрывочком веревки, со всей невинной доверчивостью забывший горький свой маленький опыт (не вошедший еще в плоть и кровь). Вечером совместное мытье с Колей: он — в ванной, я — под душем. Попытка раньше лечь спать. Но сглазил способность «засыпания»: то ли переспал, то ли от горячего душа, но долго не мог заснуть. К тому же котенку понадобилось «за маленькое»; сажал его на газету с золой. Потушил [лампу] около двух.

В 4 часа ночи (с простуженностью в одной ноздре) — кис опять разбудил. Посадил его писать в печку, где он немедленно уселся и напрудил лужицу. Долго курил, читал, маялся — жарко, наконец заснул часов в 5. В 10 часов разбудили «градусником».

1 февраля. <...> Записочка (торопливая) от Лютика. Весь день прошел как-то незаметно, но довольно уютно и безмятежно, в разговорах. <...> После ужина с Колей взяли по стулу и вышли сидеть на площадке, разметенной от снега перед домом.

Темная, темная ночь; освещенные от окон деревья; ствол старой ели; отметенный у поворота дорожки снеговой вал; за ним пелена искристого сугроба; несколько оснеженных еловых лап, протянутых из мрака аллеи; легкий морозный ветерок. Уселись. Невольно, вдохнув всей грудью, сказал: «Как прекрасен мир, Боже ты мой, как прекрасен!..»

Немедленно стали разворачиваться мысли: 1) через неизбежный конфликт между наслаждением быть, жадностью к жизни и конкретно и реально близким концом (41 год и пр.), уже исключаящим «обобщенное и творческое» его [мира] приятие... 2) через приметы старости, усталости жить, исключаящие восприятие мира и жизни как прекрасных и часто даже как желанных; восклицание мое стало мне понятно уже не как мир представляющее, а как определяющее *мое с миром соотношение* в данное время и выявляющее *мои тайные тяготения в мире*; 3) возникло и вспомнилось соображение, что конкретно разрешима эта проблема, вероятно, только в момент непосредственной встречи с концом (уж чего конкретнее); причем разрешение в ту или иную сторону («ужаса» или «приятия») в зависимости от текущих данных жизни и состояния психофизики в момент «встречи»... Следует стремиться создать максимум предпосылок для подготовки *приятия* в миг неизвестно когда состоящейся «встречи» (конечно, при предпосылках протеста в «я»); 4) кроме того, конец отрицает и поглотит само приятие его, равно как и неприятие, как бы ты его «не решил»; 5) <...> 6) откуда же этот сегодняшний конфликт? А по-видимому, от выросшего за последнее время стремления к «своей среде», как к средству избавиться от «настоящих» текущих бед (дирижирования и пр.), и через это вращение превращаю эту «свою среду» в самоцель, чтобы достигнуть «желанного блага вообще» и во что бы то ни стало; 7) в связи с этим отдельные мысли-намерения (давно уж возникшие) через правильное отношение превратить дирижерство, «вынашиваемость» и раскрытие партитур — в акты Пути; 8) попутно со всем этим констатировал в себе давно не бывшую спокойную наполненность, «несение» себя *в правильном*; видимо, краткие эти дни отдыха, возникшие размышления и встречи с природой и омыли, как бы обнаружили главное; 9) Вспомнил намерение, возникшее при разборке новосибирских материалов (дирижирование в Москве¹² и пр.), выяснить *внутреннюю* линию последних этих трех лет. Что ж, бегло суммируя, я должен констатировать заметное *установление* некой *повседневной* умудренности, если допустимо сказать, практически *осуществляемой* в деятельности, ощущениях и в общем «упокоении»; некое прощание всей жизни, подчеркиваю, не только творческой (умозрительной), *но всего самочувствия* — Бытием. Бегло суммируя также причины такого «очищения», перечислю: травму эвакуации; освобождение дирижерства и «дела» от ложного, «сравнительного»; пронизания его, следовательно, чистым «музичированием»; и *особенно*, соприкосновение с содомом Москвы, окончательно отбравшего (перед лицом истинных

наглядных ценностей и горя) меня от суетного, «конкурентного», устремленного во вне; а все это, как через призму, концентрировалось, стало органичным и суммировалось благодаря остро пережитому рубикону сорока лет — поставившему во всей неумолимости вопрос уже *не о предстоящих вообще*, а о ближайших и очень сравнительно малых «сроках»... когда надо просто отобрать и выбросить *ненужное*. Просто говоря, не тратить жизнь зря...

Очень было все это сбито во всех отношениях спецификой последних четырех месяцев (резвакуация, новое становление филармонии и мое, оркестр, полное истощение всех сил и пр.). Ныне вновь возникает надежда на чистое, ровное, мудрое и немалое (боюсь сказать «большое», т. к. опасаясь за наличие достаточных сил).

2 февраля. Сон был хороший... Массаж. Затем решение хорошенько подышать. Налево по шоссе (через тропку «№ 1») мимо повортки, рыжей сосны до мостика; на пеньке; и кругом через главный вход домой. Хотя до таяния далеко (-6°), но деревья и перелески не в седой, а в голубой, туманной, как при лесных пожарах, дымке; снег при шагах слипается, тяжелеет, и в воздухе чувствуется некая влажность. Очень тихо; а мне — очень смутно и грустно; вчерашние недоведенные мысли о «должном» или «данном», о единстве, тождественности и различии того и другого... как всегда бывает при неясности — беспокойство и неприятие окружающего... Долго сидел на пеньке против колка в овражке: мысли разбросаны; в одном из бросков — полемика (как, между прочим, часто бывает с И. И. [Соллертинским]) о вчерашнем моем «прекрасен мир». <...> Общая дымность мысли. Тихое, долгое пребывание в «своей среде» и на сей раз, как всегда, утомило... Пошел, не торопясь, домой. Поразила интенсивная краснота молодой березовой поросли и ее контраст с пастельной, матовой зеленью стоящих за ней сосен с округлыми кронами. Яркая почти желтизна, на фоне других ветвей, густого куста козьей ивы.

Пошел домой, пообедал. Хотел писать и не стал из-за общей вялости, туманности. Прилег дремать. (Опаска: не теперь ли только начинается настоящая реакция организма после временного скачка *ложной* интенсивности, происшедшей от встречи со снегом, «своей средой», собою?) Подремал, потом все же стал записывать *вчерашний* и сегодняшний дни. В процессе записывания как-то кое-что выяснилось, нащупалось, прояснилось для меня самого довольно вразумительно, но еще не на 100%, чтоб быть сразу и просто кратко изложенным. И еще... просто *устаю легко и, как всегда, очень все формирую*: давно ли только довольствовался простой радостью

мороза и снега, только что с трудом (!) восстановил «миг» (ощущение) зимнего молчания — но уж хочу такой легкости и свободы, а главное сил, как будто по меньшей мере год целиком пребываю «во всем», а не издыхал в буквальном смысле только десять дней назад! Полегче, попроще... поестественней! как *Дано!* (а сколько и, главное, качество «дано»??? Вот что знать хочется...). 11 часов вечера. Сейчас котенок обнаружен в поддувале печки в кабинете Анны Максимовны, я обвинен в «наущении».

А еще небывалая потребность изложения вызвана и проверкой возможности создания «нотаток» [от *NB*]: вроде репетиций, хотя стиль совсем не тот, который, вероятно, там должен быть. И еще: многое намеченное, между прочим, в мыслях в «нотатки» может быть написано только на основе «немудрого», иллюзорного и любимого — от прорывов боли...

4 февраля. Пробуждение со свинцом в душе. Сразу встал. Прогулка до спуска на «болото». После вчерашнего как-то заново — жадно и празднично — дышится. Способствует, хотя серый и тихий, но яркий день; деревья, еловые заросли — весь «лес» — насквозь припорошены прошедшими снегопадами; каждая ветка, каждый прутик оснежены, снег на стволах, во всю вышину их. Воздух прозрачен. Особый уют расчищенных от снега и окруженных снежными валами территорий у домиков (подчеркнутый «безвестный» уют *очажности*, ассоциации с дуплами белок, мышинными «очагами»-интимами в снегах). Забыл: вчера, когда шли на станцию — роящиеся искры из труб землянок.

Обед. Чуточная дрема. Отъезд «гостей». <...> Сидение у входа. Тяжкое качание в ветре снежных еловых лап; тяжесть чувствуется и в том, как широко и медленно пружинит обратный размах ветви.

Вечером визит к Корчагиным¹³, прибывшим сегодня втроем.

5 февраля. <...> Безветренный день. По-прежнему серо и очень светло. С Колей по тропке через шоссе на озерцо. Он на берегу на пне, я — к двум кускам вырубленного льда. Два мужика и баба на паре цугом вытягивают в горку зарывающееся в сугробы сосновое бревно. Настоящее молчание. Давно знакомое мреяние [мерцание] в глазах при лицезрении неподвижности мига; взор как бы ищет движение застывших ветвей; при этом ощущаешь все зримое в своей неподвижности вкупе — будто несется в неприметном и стремительном движении... Покров сугробов до того ослепительно бел, что глаз не улавливает его поверхности; снег кажется белой бездонностью (нескончаемой субстанцией). Коля сказал, что издали — на льдинах, — сгорбленный, я был «как гном».

После обеда сон и, ввиду решения заниматься... в сумерках пошел на свои пеньки «собраться с силами». <...> Пни в круглых высоких снеговых шапках, по бокам тоже облепленные снегом, со сквозящей чернеющей корой — стоят как исполинские грибы молодые (без развернувшейся шляпки), больше всего напоминающие красные, с их пестрой, бело-черной ножкой в заусенцах. Над моей головой широко раскинулась графика ветвей и сучьев большой березы: точно кровеносная система сосудов в живом теле резко виднелись они в небе; наглядно видно, как и почему складывался путь во времени сучьев и мельчайших веточек, своим «телом» фиксирующих его в настоящем миге.

Настала такая минута, когда сумеречный снег на ветвях елей сравнился с цветом неба, и тогда стало казаться, что все деревья — сплошь в просветах. Очень издалека и еле слышно доносилась песня красноармейцев: «Белоруссия родная»; из снежной дали она прозвучала как голос Новосибирска. Живое представилась наша комнатка, с прильнувшей к окну зимней ночью. Тахта, уголок с лампой, пианино... Сообразил, что сейчас там около 10 часов вечера. И вдруг вспомнил, что сейчас, год тому назад, был антракт во время первого исполнения Восьмой симфонии Шостаковича...

Вечером, с 8 до 11 час., занимался «Фантастической». Начерно прошел 1-ю ч. Вначале — форменный припадок отчаяния и протеста. В итоге заснул около четырех часов... (Щербачев рядом тоже «плавал»...)

6 февраля. Несмотря на невыспанность, встал рано. С 11 до 1 час. прошел 2-ю ч. «Фантастической» Берлиоза. После «Д'Арсонваля» [процедуры] вышел свободный на сегодня; долго и с непосредственным наслаждением открывал новые места: вниз на прудок, мостик, новые тропки; присматривал «кадры»; заготовил площадочку на холме для съемки чудесной, тяжело оснеженной, огромной еловой лапы и ствола. Коля в это время на лыжах, по маршруту «№ 1». Вдалеке — его высокая, четкая фигура сквозь кусты. Очень тепло, безветренный редкий снежок; незаметно оседание инея: сосны и березы поседели. Обед, визит тети Кати (??) Не за котенком ли, который с воплями вломился утром прямо ко мне?

Неужели же, наконец, дается счастье сделать партитуры неизбежным «трудовым часом»?! С истинной простотой и без власти их над всей жизнью?! Надо их делать всегда *с утра*. <...> И в них осуществить мгновение, суммируя тем самым опыт и намерения трех лет! Вот было бы истинное счастье...

Хотел идти на пеньки проводить день, но Щербачев намеком просил помочь в проводах В. И., что я и сделал.

На обратном пути вдалеке — зарево фонаря паровоза, пыхтение и погромыхивание поезда. Щербачев: «Сколько чаяний связано с ним!» Вспомнилось аналогичное с Любошом, весной 1942 года в Толмачеве; только тогда о весеннее дуновение из степных просторов, «пахнувшее несбывшимся». Любош тогда остановился, повернулся к ветерку и солнцу, понюхав, утвердительно сказал: «Пахнет»; и мы пошли дальше.

Вечером неожиданно приступ вздернутости, сердцебиения и всего прочего, знакомого по городу. Пение с Колей «Уж вечер»¹⁴; собеседование у Щербачева. Краткое чтение «Очарованного странника» [Лескова]. 11.30 — сон.

7 февраля. Встал около десяти. Разбил чашку, очень жалко... Выпущенный с вечера «Кис» явился без аппетита и, видимо, нездоровенький: сразу лег спать. С 11 до 2 час. с небольшими перерывами газета, «вламыванье» — занимался. (Пройдена в целом 2 ч. «Фантастической».) В 2 часа прояснело: засветило — хотя и очень нежно еще — солнце. Быстро снимать «лапу» и «грибы». Затем на пеньке под березой. Явные проблески весеннего веяния: после ухода солнышка за лес потрескивает слабый наст; освещенная береза роняет льдинки с обмерзших ветвей; стрекочет сорока; нежно-голубые, чуть лиловые тени в следах и на тропках (свежий след русака). Неверно говорят: «наступила» тишина, надо говорить: «выступила» (или, в крайнем случае, «возникла»). <...> Характерным в этом отношении и был ответ Коли на озере (на мое указание на тишину): «Какая же тишина: стреляют, кричат...»

Дома массаж и сразу обед, «Кис» играл и пошамал; вот пишу (5 часов). Сейчас немного прилягу (за обедом грустно и тревожно екнуло сердце, когда подумал, что надо ехать в воскресенье и осталось 4 дня...). В сумерках, круг: из главного въезда налево, на озеро; часок на свае; затем на пенек (к себе) и домой. На озере мреяние и наплывы в глазах; вдали давешняя изогнуто-наклоненная береза, дзот, как курган, и две сосны.

Вечером все у Анны Максимовны в кабинете.

8 февраля. Неуверенное и тщетное ожидание приезда Лютика. После завтрака (с 11 до 3) занятия «Фантастической» (4 и 5-й ч.; у рояля — 3-я ч. и «места»).

Прогревание; после обеда — сон. Дочитал «Очарованного странника». Вечером с Колей час сидели внизу. (О Шапорине, о старом прошлом и пр. — легкий осадок; нарушается простота с ним во мне). В постель 11.45 (до этого у Анны Максимовны на минуту). Гомон соседей.

9 февраля. Рано, бодро навстречу [Лютику]. За ночь завал снега. Сидение в пурге на колышке; в крутящемся снеге зна-

комая фигурка; завтрак; маленький роздых и к *Дворцу Вяземского*: новый забор и старые, как из сна или Люшиных, или билибинских сказок, ворота дачи Кузнецова; березовая и липовая аллеи; рыхлый, неутоптанный снег дороги; «мои» елки — однобокие, серые, вечные, суковатые; искусственно-коренастые липы перед фасадом; скамеечка; липовые почки как крошечные румяные яблоки.

Очарование фасада старого деревянного дворца, зимнего пруда напротив, склоненной над ним березы, смешанных деревьев парка. Облик певучей *задумчивости* отличает подобные усадебные места, отражает свободный — «избыточный» — лирический досуг. *А ведь всякое «пение», строго говоря, тоже от избытка или от «досуга».* Существо прелести этого облика заключается в сочетании упорядоченной, удобной, «приветной» Природы, с ее полной свободой и неизбежным одичанием. Все, что в ней явно (за редким исключением). Ведь подлинная Природа человеку негостеприимна; она с трудом принимает, редкого. (Вспомни «благодатный лес» как исключение в дикой Природе.) Во всем сказанном есть что-то аналогичное с существом эмоции «охоты», сочетающей инстинкт первородности с «высшим» созерцанием. <...>

10 февраля. ...Разбросанность, продолжение коловращений. В итоге «из-за сроков» и на основе «дерготни» мое ослепление и бунт: «еду в город завтра». Ее горе и слезки... клубок взаимного проникновения, неудержимость инерции, очень сильная боль нервов, звонки Пономареву: заказ и отмена машины... вскрытие напряжения в добро и «кровность». Обед. Отъезд Лютика. Я — на пеньке, отгрусить и утишиться в чистоте и тишости сумерек. <...> Часок грусти, стремящейся вылиться; попытка стихов. Всего две строчки:

Смеркается. Лиловые снега
Ушедший день скрывают мглой былого.

Вечером прилаживаю лампу и фото Коли, нас с ним; появление тети Кати с дочкой. В постели — страх грядущей ночи. Коля у меня довольно поздно; он — о сроках (!), затем о своем «первом» Медведкове. Неожиданно крепкий сон, спасло утомление и шок сегодняшнего дня. Киска ночевала.

11 февраля. Сквозь сон чувствую переступание крохотных лапок по ногам. Долгая усидчивая работа: с 11 до 5 час. В промежутках Леша, Нина Ник.; обед; ответ на записочку Лютика. Прошел 5-ю ч. «Фантастической» и основной анализ «Болеро» (всего 5 проведений!). Проводы внизу отъезжающих; с Наташей и Щербачевым (!) до пеньков; затем один направо, до последних сосен у поля; часок на пеньке. Сумерки;

неуловимые ассоциации от группы сосен на фоне бледных, туманных зубцов дальних перелесков; сумрачно; очень тепло; похоже, что во влажной дымке земли совершаются первые попытки весеннего «претворения»: с ближайшим солнышком сырость может обернуться Капелью весенней радости; и хотя ветер еще не тревожный и «не пахнет волчьей мокрой шерстью», но если мороз, все равно на солнышке сосульки на кончиках сверкнут капелями и к ночи будут вырастать.

Вечером Коля и Щербачев. Сущность Щербачева — несбывшийся вождизм (из рассказа его о приемах воспитания «рядовых»). <...> С 9 «вечеруха» у персонала; полчаса перед сном с Колей у входа — отдых. Вечером до половины прочел «Манфреда» и Асафьева «О Манфреде»¹⁵. Ну и язык!!!

12 февраля. 9 час., встал и т. д. «Кис» опять пришел. Занятия: учил наизусть темы «Болеро» и дальнейший анализ целого; 1 и 2-я ч. Четвертой симфонии Брамса и немного у рояля. В общем, с 10 до 5 час., включая обед. Но не продуктивно: тяжело голове и смутно, беспокойно... (Смешение вещей; срок — четверг.) 5 час. — 6.30 на пни, маршрут «№ 1»... Сначала неорганичность: начал насильно возвращаться к проблеме обратного мгновения. Понялось: 1) мука от партитур в природе еще в «пустошке» (Малер), потому что, будучи в инерции произведений, рефлекторно минуя внутреннюю готовность — «вникал» в совершение среды. Этого нельзя: в этих случаях природа только среда-целительница, врачующая благом; надо ей только отдаваться пассивно... Догадка о том, что хорошо бы переключаться в подобных случаях новым «действием», ассимилирующим со средой (например, рыбной ловлей и т. д.) <...> 2) нормальное течение общего возможно только при *отсутствии сроков* и непомерных *норм* (в профессиональной работе — партитуры, в смысле количества часов и обязательных сроков), которые не только обессиливают и *физически* губят голову, но неизбежно завладевают своей целеустремленностью, захватывают «одержимостью», при несущественности же всего «дела» — родят кошмар и *беду*...

Дома на лесенке сидит «Кис»; узнал меня в шубе. Долго гулял по мне, по шее и курлыкал. <...> Мы с Колей полчаса внизу, у входа (воспоминания Новосибирска, Токсова и пр.). Тихо; каплет... 11.30 передают о Конференции. Всеобщее сидение в коридоре; Щербачев на лесенке разъясняет; его бледность и какая-то наполовину отторженность и застылость, неуловимая и жуткая (одни глаза живут). Вспомнил Ивана Ивановича Соллертинского незадолго до смерти... Пошел к себе; киска ночует.

13 февраля. Проснулся в 7 часов, выпустил раздутую кискину фигурку; потом сон до десяти. С 11 до 2.30 без усилия и с удовольствием вникновение в вещи и работа: 1 и 2-я ч. «Фантастической»; 1 и 2-я ч. Четвертой Брамса; последняя немного на рояле. Проигрывание.

После обеда несколько взволнованное состояние всех: сборы к отъезду Щербачева. Каждый возвратится отсюда на свою стезю; надолго ли?.. Мое: «как паровозы, выходящие из ремонта». Щербачев дрожащий, «приливный»...

Я — направо и по тропке к пеньку (дальнему), за почками для города. Смеркается; очень темное небо; по-прежнему подтаивает; без мыслей спешу до темноты; тяжелая, рыхлая и скользкая дорога; разогрелся до испарины, хорошо! Показалось, что дали все же предвесенние и чуть-чуть томят (рельефностью куш).

Дома устройство почек; все спят; минуты томления; котенок так и не явился; все думают пропал. Немного дремы; ужин; с Наташей на минутку к тете Кате. <...> Лег поздно, в 1 час, недоволен...

14 февраля. В 7 часов утра кискин «выпуск». В 9 час. — два трогательных появления: Верочки с прощанием и киски, вернувшейся «домой». С 11 до 3.30 занятия: 3 и 4-я ч. «Фантастической»; 3-я ч. бегло и 4-я ч. Четвертой Брамса; углубление схемы Болеро. Не очень складно: опять «порция» и невыспанность (немного). В 3.45 — звонок Лютика. Обед; массаж с «Д'Арсонвалем» и разрешил себе напоследок соснуть. Спал с 5 до 6 час. Маленький выход на воздух: минутка у входа на скамеечке, затем в сторону железной дороги до горы и обратно. <...> Над спуском к равнине: еще не совсем стемнело; падает редкая пороша; прозрачность и омытость воздуха; легкий мороз; полное безветрие. В глубоких сумерках вдалеке, на путях, группа ярких фонарей; редкие огоньки домиков вблизи среди деревьев; от прозрачности и ясной тишины как то особенно благостно и мирно, мирно...

Дома полежал после «вливания». Ужин и спешный душ; холодно и сыро, обогревался горячей струей; быстро к себе. Явился «Кис». Запись дня, на минутку у [доктора] Рысса (о «творческом» в лекторстве). Последний вечер мой здесь истекает. Благодарю судьбу за данное мне; задача одна сейчас: с полученным пополнением сил обеспечить всем нам должное лето. Осталось только 3 месяца... Как это выйдет? Пока не вижу.

Сейчас же вечная грусть заключенного отрезка жизни; радость дома, взволнованное беспокойство: не утратить бы вновь установленного равновесия и осознанного опыта трех

с половиной лет (помогшего установить это равновесие) в связи с «делами» и задачами жизни. *Не забыть*: в случае невозможности сочетать «внутреннее» и «внешнее», временно, в силу специфики периода, *разрешишь* себе уйти целиком в «дела» (в количественную их сторону), не забывая о *сознательности и временности* этого ухода. <...> Благодарю снега, елки, жизнь — и в ней моего спутника, единого и кровного. Да Благо будет Всему и Всем, и моей старухе бедной... и моему домовичку, очажному бесику — Рыжику; пусть его деньки так же продлятся до крайности.

Зашел Коля, вместе к Наташе, там — Анна Максимовна. Коля еще ко мне, тепло и с грустью «покурить».

Пюхьярви

29 августа. Еще раз на разрозненных, кажущихся мне бесследными путях своих, в этот час глухого осеннего вечера на чуждой мне земле, еще раз открываю эти листочки, чтоб тем самым внести еще кусочек неупорядоченного, несобранного... Ну, что ж. Но что же делать-то, Господи?.. Или уж и ничего не делать?? Так-таки и ничего? Видимо, так. И след мой «бесследный», видно так, а не иначе, тянется цепочкой в вечности, как след «Оленя Песчаного Холма». И кто захочет, и кому дано — тот увидит его и уследит. Но может так стать, что некому будет и уследить: никто не захочет или просто не будет никто... Не будет. «Бог увидит», «Бог — все-е-е видит». Так говорилось, и поднимался палец вверх... И тогда слушалось это, и виделся этот чей-нибудь поднятый перст; и было *безопасно душе* в окружающем теплом сумраке горниц — как в норке зверьку; и сны были сладки тогда... «Бог все видит», «Накажет». А вдруг — простит? Если попросить? Если помолиться?? Кому помолимся? Кто простит? Кто накажет? А вдруг — простит?! *Нет*. Говорил раньше: вот — иду, вот — пойду. Теперь — тихо ступаю, переступаю хромо. Ужели так... Как скоро... Пока мыслил и созерцал «быстротечность» и «проходимость» — уже и срок мысли и созерцанию приблизился и вот-вот наступает... Не предвиделось только одно: иссяканье, убогость и немощь.

А было ныне вот что: восьмого июля переехали в Пюхьярви. Долго пребывали «пластом» и... ловили рыбу, много. Немного отдышался... Приезжал на два дня Кирилл, и мы горько и горестно припали один к другому и — с нежностью и теплом конца — расстались опять: он скрылся, прихрамывая, за поворотом дорожки, полуобернувшись сутуло, как бывало скрывался в кулисе Квазимодой в «Эсмеральде»... Еще: умерла Тася, умерла Галочка. Мама срачивает ногу в больнице; мама — абсолют; мама сейчас и всегда — та самая, которая глядит мне из детства; мама потому без уступки; поэтому в своем кошмарном уродстве (для стороннего глаза) неустанна, в своем ужасе неприятия истинного мира, неустанна и в фикции и действительности абсолютного своего существа... Помню, как подобное «абсолютное» в лице Марианны чуть не пригвоздило меня к себе навсегда... Но сказать это, конечно, не скажу ей, не смогу или не сможет как-то, как всегда...

А с 21-го «надо заниматься» стало нестерпимым, и я — «начал».

21 августа просмотрел «Поэму» Алеши Животова; 22-го — разобрал ее половину; 23-го — ее вторую половину; 24-го — 1-ю ч. Восьмой симфонии Брукнера; 27-го — 2 и 3-ю ч. Брукнера; 28-го — *начерно* разобрал финал; 29-го — разобрал Мендельсона «Сон в летнюю ночь».

Вот, пока что... и еще: есть котенок Тишка, а Рыжик, о котором несколько страниц назад написана «просьба о продлении его деньков», покоится — *совершенный, исполненный* — в земле, под камушками и дерном, положенными дедушкой — папой Лютика (меня всегда, внутри где-то, потрясает, когда она называет «папочкой»). И Тишка бывает на могилке... Умер Рыжик уже больше года: 8 августа 1945 г. Так...

30 августа. Проработана половина «Дон Жуана» Штрауса.

31 августа. Пропустил из-за ловли.

1 сентября. Вторая половина Штрауса.

3 сентября. Рыбная ловля.

4, 5, 6 сентября. Ленинград (5-го вечером занимался с А. Животовым «Поэмой» и флажолетами).

7 сентября. 4 и 5-я ч. «Фантастической» Берлиоза («вообще»); 1, 2, 3-я ч. (общее «восстановление»).

11 сентября. 5 ч. «Фантастической» и треть «Поэмы» А. Животова.

12 сентября. Неожиданная поездка с Пановым на Острова.

13 сентября. 1-я ч. «Фантастической» и треть «Поэмы».

14 сентября. 2-я ч. «Фантастической» и треть «Поэмы» (также немного вспомнил 1-ю ч. Второй симфонии Брамса).

15 сентября. 3 и 4-я ч. «Фантастической».

«Мельничный Ручей» (санаторий)

4, 5, 6 января — лежу с простудой.

7 января. В 1 ч. 10 мин. дня с Жаем, которая меня провожала, в санаторий Горкома в Мельничном Ручье. Еду с большой неохотой по множеству причин; в основном — не вижу необходимости. Докторское обследование.

Обед: щи; жареный цыпленок; 2 яблока.

Чтение.

Полдник: чай; булочка.

Чтение.

Ужин: жареная осетрина; пирог с ливером; чай. Кино: 2-я серия «Петра Первого»¹. С теплом, интересом и грустью воспринимались и тема, и лица, и персонажи, и актеры, и музыка — такие всячески и в самых разных ракурсах «свои», пережитые и в книгах (Мережковский), и в жизни (Коля — Алексей; фагот с гобоем в музыке Щербачева; дирижировал; Амосов; Васильев²).

После кино — простокваша. Ночью — стуки, шаги и пр. от уровня санаторных понятий, а главное — запросов.

8 января. С 8 утра не спал.

Завтрак: лососина свежепросольная; 6 кусков колбасы; рисовая каша; кофе (масло).

Кружок вдоль оград и на «вершок» — в снежок, к сорокам. Хорошо кругом — покойно, чисто, тихо. Чтение. В 1 час дня к докторше с локтем. Там же кварц и укол.

Немного на скамейке. Кристаллы тихих крупных снежинок.

Обед: бульон с рисом; жареный цыпленок; желтый кисель.

Чтение. Закончил — «Тайная война против Советской России». Начал «Тайная война против Америки» (Сайрес и Кан). 5.30 — полдник: чай и булочка. Звонок Вербицкого (!?) и разговор с Пономаревым («события» в Москве. Мурадели³).

8.15 — ужин: голубцы; творог со сметаной; чай.

Кинофильм «Депутат Балтики»⁴. Кино — несомненное искусство, вернее, может быть таковым при известных условиях. Второй вечер я сердечно взволнован им. Особенно сегодня и помимо личных ассоциаций. Как женщина оттеняет неповторимую ценность и *многогранность* человеческого пути! (Жена Полежаева, жена Мичурина... Правду сердца?)

Две беседы с лохматым Иваном Ивановичем.

Простокваша.

9 января. 9.30 проснулся от чьих-то шагов и с песком в глазах.

Завтрак: 2 яйца всмятку; манная каша с маслом; большой кусок сырковой массы с изюмом; кофе.

Сладкая дрема и сон до 1.10. Процедуры: укол и «воротник». Тихонько на озеро. Немного на скамейке: дятел на верхушке ясеня, стучит, из развилки поел снега, перелетел вверх, на сосну, сел — крикнул; мелкие нежные комочки пушистого снега слетели от него наискось и на меня. Улетел ныряя.

Обед: протертый суп с гречками; жареная осетрина; 3 яблока; чай.

С обеда, как вчера, в воротца и направо к «лесу». Немного на пеньке: сороки. О невозможности представить бесконечность мира, но невозможно себе представить его также конечным (!!). Сознание мыслит, видимо, только цепью сопряженностей, «продолжений» — отрезками (?). Сереют сумерки. Непрестанное ощущение Лютика. Дома — дочитал «Тайная война против Америки». Приходила докторша. Полдник — чай с ватрушкой. Дома начал продолжение листков «Vita»⁵ и переписал одну страницу репетиций (сводных материалов) за сезон 1944—1945.

Ужин: бефстроганов; кисель с разведенным сгущен. молоком; кусок шоколада.

Кино — «Возвращение»⁶ (Симонов). В столовой — «пачка» секретарей; ушел с очередной волной грусти домой. По дороге — телефон: Лютика нет дома.

Сыплет мелкий, тихий снежок. Вспомнил, как часто видел его у лампочки на Театральной площади, когда ночью возвращался и ждал, чтоб Илларион открыл ворота. Возвращался из студии, от Марианны, еще и еще... С людьми — а *как* в пустыне... Пошел перекинулся парой слов с дежурной Анной Андреевной... Начал Лескова «Некуда».

10 января. Завтрак: пара яиц; «ветчинная» колбаса; манная каша; кофе.

10.30—12.30 занятия («потихоньку»): 1-я ч. Второй Брамса, немного 2-й ч. Процедуры: укол и кварц. <...> Дома — чтение. На столе записка: «Не приедет никто». До обеда кружок. Ветер. Промеж деревьев облаками снежная пыль... как метель.

Обед: суп («всякий»); жар. курица; компот.

Дома — латка сметаны на столе. Какая-то вялость, хочется лечь. Поспал часок. До ужина дописал сводку репетиций за 1944—1945 гг. Попутно читал тогдашние записи: есть все же небезынтересные. Немного почитал. Посмотрел план Филармонии: Лютик сегодня на концерте Зандерлинга.

Ужин: «холодец»; пончики; чай (полдник пропустил).

Кино «Александр Пархоменко»⁷ — «тот» фильм... Долго ждали начала сеанса; все развлекались: стук киев, трескотня

домино, визг радиолы и «грудные ноты» мощей Вергинского. Догадка о «поющем нутре», оно есть у каждого! — что-то вроде этого, по-видимому. <...> Вышел домой — пусто и обычно...

11 января. Воскресенье. Все позже и позже засыпаю: вчера в три. Просыпаюсь не позже 9.30 — мало сна. Бритье.

Завтрак: блины со сметаной; 2 яйца; кофе.

11.10—12.50 занимался: еще раз 1 и 2-я ч. Брамса, тщательно 3-я ч., немного 4-я ч. <...> Приезд Лютика со Щукаревым; стоят в вестибюле. Часок у меня: о концерте Курта; о Москве, Тишкиных глазках (котенка); вместе восстановили кое-что из «Vita». Л.: «слишком тихий», «поскуливаешь». Я: «помалкиваю». Отъезд. Покачивающийся, скрывшийся за снежным поворотом [служебный] «зис». Вокруг чистота сугробов и ясная озаренность верхушек оснеженных сосен и прутистых перелесков вдали. <...>

Забыл записать обед: суп с осетриной; рубленый шницель; яблоки.

Появление Анны Андреевны с чаем, вином (!) и банками. Капельку подремал, затем читал.

Ужин: ветчина с пюре; рис с «персиками»; чай с шоколадом.

Кино: «Нахимовцы» и «Белый клык»⁸. Ожидание от последнего никак не оправдалось: очень плохая картина и идиотская (иначе не скажешь) музыка: взлетела птичка — в музыке «фр-р-р-р-р», упал камень — в музыке «бум-м», набегают волки — в музыке назойливый, трагический органнй пункт и «нарастание», на экране весна — в музыке перебор мажорных трезвучий и т. д. Причем ни единой живой темы или чего-либо вообще: облика Белого клыка — каков он в книге — нет совсем. Просто очень хорошая и умная овчарка. Хороши только отдельные кадры природы: великолепные соболята, компания енотов, лани и волчата с волчицей. Что до соболят, то вот уж пуговики, так пуговики!! Улыбался до слез и ощущал Лютика... Звонил домой — никто не подошел. Перед сном еще заходила Анна Андреевна, заставила выпить чай (взял до этого у нее Luminal), побеседовали об «анатомичке»; немного почитал и благополучно уснул. Сон: дирижирование «Руслана» и будничное отношение к этому окружающих.

12 января. Понедельник. Встал в 10 час.

Завтрак: колбаса, масло; 2 яйца; творожники, какао.

Занятия 11.10—1.40: финал Второй Брамса и бегло слабые места по всей симфонии. Опять цикл неудовлетворенности, мысли о готовности и стопроцентном знании вещи, о природе и признаках этого знания (Штидри⁹: наизусть и гармонию») и о возможностях моих «знать» вещь. Судя

[по всему], настоящее знание мне недоступно, а если и доступно, то через такую затрату, что игра не стоит свеч. Тема о знании вещи непосредственно ассоциируется с темой, именуемой Чулаки¹⁰ как «умение слышать *tutti* [все]» у композитора, что бесспорно относится и к дирижеру. Тема, о которой я размышлял нынче, в первой половине года, может быть названа: об умении (или способности) слышать *необходимость* в произведении (вернее в партитуре) и, *увы...* уметь это конкретно изобразить либо на инструменте, либо на бумаге...

Процедуры: кварц, укол. Немного на скамейке у столовой.

Обед: куриный суп; вареная осетрина; клюквенный кисель.

Дома — запись до сих пор. 4—5 час., не зажигая огня, в сумерках дрема в кресле. С 5 до 9.15 читал и начал «осваивать» сводные и дирижерские материалы по давним годам; как всегда — осадок, в самом деле, если сама «деятельность» в основном рисуется как бессмыслица, то приведение в порядок архивов ее тем более ощущается как квинтэссенция тшеты. Теперь, после того как за последние года два привел в порядок программки, фото и остальное (в основном), неоднократно с особой ясностью вижу, как своими руками упорядочиваю собственный посмертный музей. Ибо, по существу, приведенное в порядок мне не нужно, ведь срок остался небольшой — и мне в этом сроке не пользоваться уж этим порядком, да и ни к чему. А останется ли после меня порядок или нет — совершенно все равно. А ежели понадобится, то его наведут. А если что и не так, опять-таки безразлично. Да, пожалуй, ни к чему это все копить. Но по инерции все дорожишь, дорожишь всякой программкой; иногда, как неоднократно писал, хочется думать, что это материал для чего-то, что когда-то напишется, а иногда часто просто жаль забыть куски жизни, коли они сами-то канули в Лету... Ведь начиналось-то копление *вначале для будущей* жизни... Так и пошло. Ан уж и жизнь под гору пошла, а то, что от начала ее, все функционирует... Так что не знаю: факт только тот, что всегда осадок (и тем не менее, наверное, буду продолжать).

8.20 ужин: вареные битки с макаронами; творог со сметаной; молоко.

Обратно домой; полная тишина и неподвижность, искрится снег на дорожках. Несколько беглых образов и воспоминаний из цикла «великого молчания» и первой встречи с «совершением» за клеверником у Сундуков; о действительно потрясающей действенности *наглядности*. По телефону с Жаем: хочет завтра приехать. У Анны Андреевны с Сидоровым о книгах, дворцовой посуде. К себе. Вообще же как-то смутно, пониженно, возможно от кварца.

13 января. Хороший сон до 10 часов (сон: Шостакович, Свиридов¹¹, церковь, розовая колокольня). Все еще вчерашняя приниженность и грусть.

Завтрак: семга с картошкой; сыр, масло; рисовая каша; кофе.

Занятия с 11 до 12.30: 1, 2, 3 ч. Моцарта, *g-moll*, начерно. Вызвала Валя; под лесенкой Жай: «Я — здесь». Немного у меня: о «Белом клыке»; о большой и маленькой «овчарке».

Моя «неладность», как всегда, когда какое-то время живешь «в себе», когда бываешь наедине со своими «путями». И если более или менее порядок, то обычно водворяется такая тихость, но тихость напряженная, вчера и сегодня вдобавок тяжелая (чуть-чуть мученическая — капелка крови всегда в основе «пути»). При встрече с противоположным «одинокому» (в данном случае с Жаем, с теплом сокровенным) состояние это испытывает своеобразную реакцию, в которой элемент напряженности (мученичества) в тишости, в видимом равновесии становится как оголенная вибрация души и воспринимается как исстраданность. Сегодня же я ушел от работы в момент, когда заболел вопросом темпа *menuetto* [менуэта], а отвлечение от «творческих беременностей» тоже всегда болезненно раздваивает. В итоге — «неладность» и Жайкино немного болезненное вопрошание. Пошли погулять на озеро и кругом по «моей» тропке, и дальше (о маме, о Кирилле, о телеграфных столбах; о смешных оснеженных соснах!!!). <...>

Быстро обедать: молочный суп; жареная курица; яблоки.

У меня до 4.30. Постепенно отеплялся и освещался от Лютика: стало тепло и чисто. <...> Зашел Евгений Михалыч Сидоров, и они уехали: опять в окне машины — финка, помпон и привет и тепло...

Метет, вьюжит, сумерки... Вернулся к себе, записывал это и отдельные (вкратце) «мысли» в блокнот. До ужина читал.

Ужин: вареники; омлет; чай.

Кино: «Подвиг разведчика»¹². Приключенческий, но в общем, ничего. Домой. Ветер. Потеплело. Очень снежно. В одиночестве, осеннем дневным.

14 января. Среда. Проспал: 10.30. Быстро к телефону: «о московском», о Загурском, Михоэлсе¹³.

Завтрак: рисовая каша; колбаса, масло; 2 яйца; кофе.

Занятия 11.30—1.30: финал Моцарта и по всей симфонии. Опять звонок: Лютик, Загурский (о двадцать седьмом). <...>

Обед: куриный суп с фрикадельками; жар. кура; компот.

Опять телефон: Пономарев и Загурский не доехали из-за заносов; беседа с П-вым о Москве (об упрощенчестве «классиков», формализме «Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна» (!?), о классике, «качестве», отсталости в целом (??)

нашей музыки, но и о критерии «выключенных приемников» (?!), о Михоэлсе, о 27-м, об Андроникове¹⁴).

Домой; беглые размышления о тезисах и положениях, с которыми мог бы выступить в Москве: 1) соотношение (истинное) между хорошим новым и классикой, при моем отношении к последней; 2) о музыкальной демагогии и спекуляции (Дзержинский); 3) о сравнительном уровне с Западом (Стравинский; чехи); 4) практические возможности исполнительства: уровень и самооценка (сравнение и случай: Дзержинский — Паршин); 5) о порочном критерии приемников (выключают и Пятницкого и т. д. и т. д. Да!); 6) требование трех вечеров в присутствии *всех*.

С 4 до 7.45 читал и начал сверять мамины «нотатки» со своими листками «Vita». В 7.45 — мытье в ванной под душем. Остывание в зубном кабинете. Анна Андреевна; с ней о том, как жить «потихоньку».

Ужин: творожники со сметаной; ватрушка (от полдника); печенье, конфеты; чай с лимоном.

Кино «Марите»¹⁵. Фильм во время сеанса порвался. Оборвавшаяся инерция увлеченности. За окном сейчас: снег, ели, ночь. <...> Дома — появление Елены Константиновны, предписавшей банки. Ну вот, иду в постель.

16 января. Тропка — санный след — шла нетронутой целиной сугробов по взлобкам и ложбинкам среди оснеженных сосен. Местами по обочинам тропки лежали клочки оброшенного сена, отдельные травинки, а раз даже кусочек бледно-зеленого мха: зацепил его летом зубец грабеля и стряхнул у стога. От крепкого морозного воздуха во рту становилось льдисто и пресно, будто глотнул снежной воды. Из ближайших кустов выбежала цепочка коротких следов и, завернув под низко наклоненную к самому снегу ветку, — пропала. Алым пятнышком мелькнул за деревьями дятел.

...Канавка, еле заметная под снегом, пересекала тропку. В двух местах на ней снега почему-то не было; виднелся ледок. Захотелось остановиться; скрип шагов смолк; в тишине послышался равномерный звук: вдалеке шел поезд. Он шел гулко; было слышно позвякивание и погромохивание; долго он шел и шел, не приближаясь и не удаляясь. Вдруг звякнуло как-то очень близко, и стало ясно: в канавке подо льдом и снегом бежала вода: шорох ее об лед был гулкостью поезда, а позвякиванием были подснежные колокольцы струек.

...Вот, у поворота, за сугробом, ложбинка. По краю одного ее склона толпа одетых снегом елочек: совсем маленьких и немножко побольше; посредине склона, напротив, две постарше. Было так, точно они все живые, столпились сюда что-то делать; одни (те, две) — уже начали это дело, другие

еще не успели начать, а может быть, внимательно смотрели за теми, внизу. А пришел человек, и перед человеком они все застыли и притворились просто заснеженными (среди сугробов), отдельными елочками. Вот, летом бы им так не притвориться: беседа их слышна была бы в тайности самого молчания.

...Если сильно качнуть оснеженную ветку, с нее, шурша, попадают комья снега; они, рассыпаясь в воздухе снежной пылью, падая в сугробы, будут говорить: «Пуф-ф-ф, пуф-ф-ф, пуф-ф-ф...»

17 января. Суббота. Вчера забыл: часов в 8 слышу, передают что-то «кровное», поднялся — моя Шестая Шостаковича.

1) Колоссальное произведение!

2) Отдельные мысли (опять) о чувствованиях Шостаковича, иногда доходящих до осязаемой «температурности», что даже получается иногда как сентиментальность.

3) В целом, здорово исполнено, но три дефекта: конец 1-й ч. *pizzicato* [играть щипком] не вместе; конец *scherzo* [скерцо] вроде ускоряется; местами финал тоже несет. Мне все казалось, помню, что он тормозится; отпустить его и надо. Но здесь получилось просто «недержание». Я догадывался тогда об этом — но не проверил строго. Результат перегиба в преодолении оркестра... Очень плохой переход на 3/4 в финале; что очень хорошо — это весь эпизод перед кодой.

В кино еще показывали мультик «Лиса и дрозд». Вообще, не так уж плохо.

Сегодня: 10 часов, разбудили.

Завтрак: семга; 4 кусочка колбасы; блинчики со сметаной; кофе.

После завтрака, налево вдоль забора в лес и до шоссе. Получилось даже вроде открывания новых мест. Стандартный поселок. Шоссе, с его «волнующим спокойствием дороги» (Дорогойченко «Село Большая Каменка»), уютно напомнило рисунок из «с севера на юг». Обратно — на крылечке стандартного домика, сколоченного из «репараций».

Дымка и тучки разошлись. Яркое зимнее, низко стоящее солнышко сразу протянуло длинные сизые тени; засеребрились, засмеялись (никак целый день не могу найти нужные слова для определения) снежные лапы деревьев; кой где на фоне чистого, нежного, бездонно-голубого неба загорелась темным изумрудом зимняя хвоя. Непонятное легкое стрекотание в тишине. Когда встал, увидел верхнюю часть стволов сосен, ту, что летом на закате окрашивает сосновый бор в розовеющий багрянец и всегда шелушится нежными заусенцами, тонкими как бумага; вот такой один заусенец, вися на тонкой, почти бумажной ниточке, трепетал в ветерке, ударяясь

Альбом 1
Amoroso

*Боже! Как хочется иногда играть с одушевлением. <...>
Я играю и думаю: ну зачем я играю,
ведь все равно ничего не выходит...
А играть охота... Душа так и просит что-то,
поет, тоскует, ищет поэзии, даже любви.*

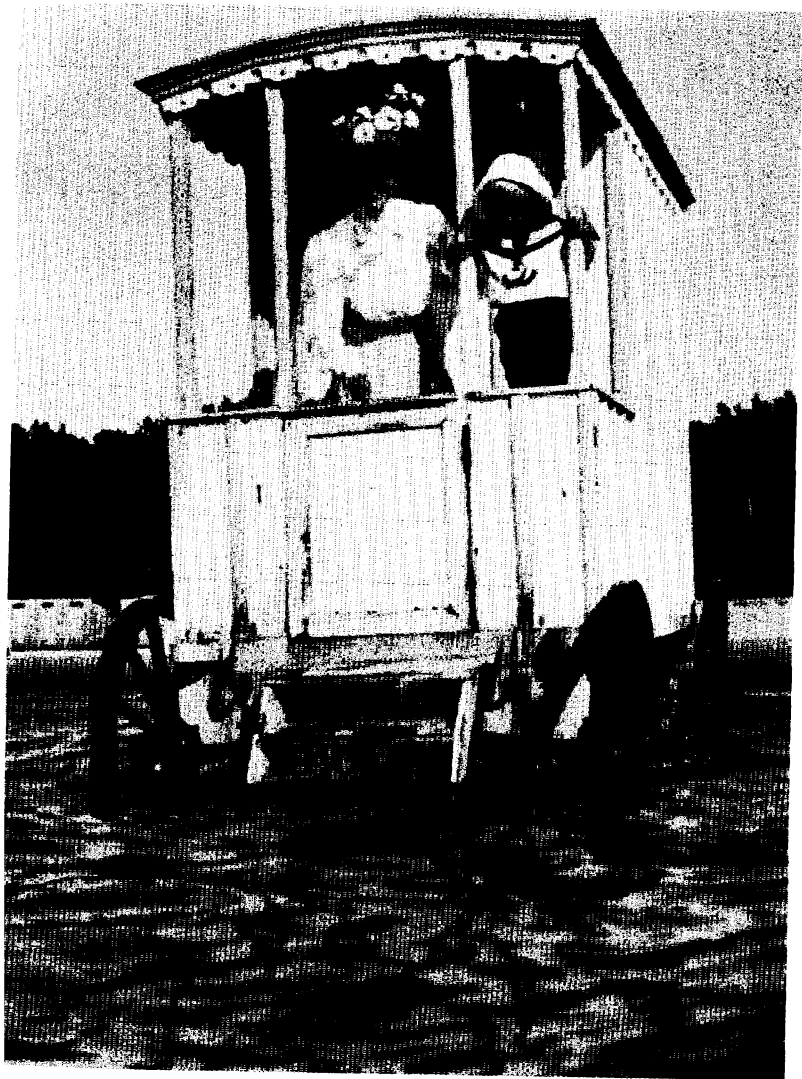
*Женя Мравинский с родителями —
Елизаветой Николаевной и Александром Константиновичем.
1906*

*Женя Мравинский.
1907*

Александр Константинович с сыном.
1906

Елизавета Николаевна с Женей.
1906

На берегу Финского залива.
1906

Квартира Мравинских на Большой Подъяческой.
1906

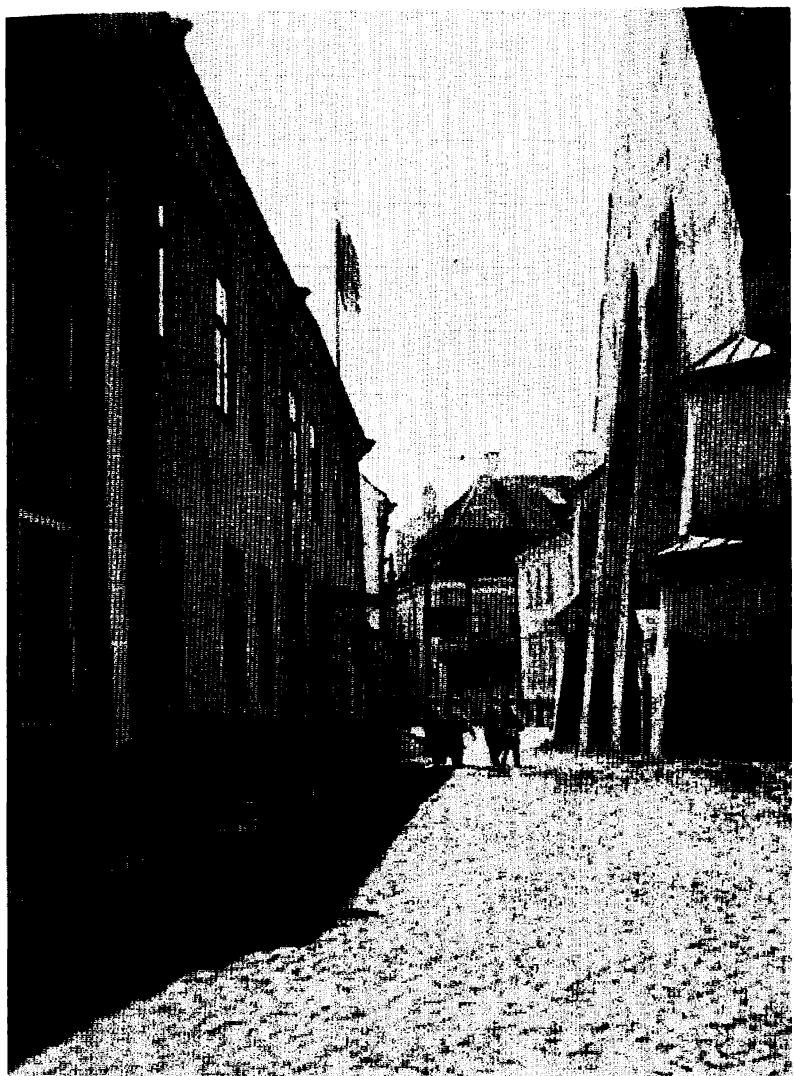

*Семья Мравинских в Гунгербурге (Усть-Нарва).
1909–1910*

Женя с няней.
1906

Harbin.
1917–1918

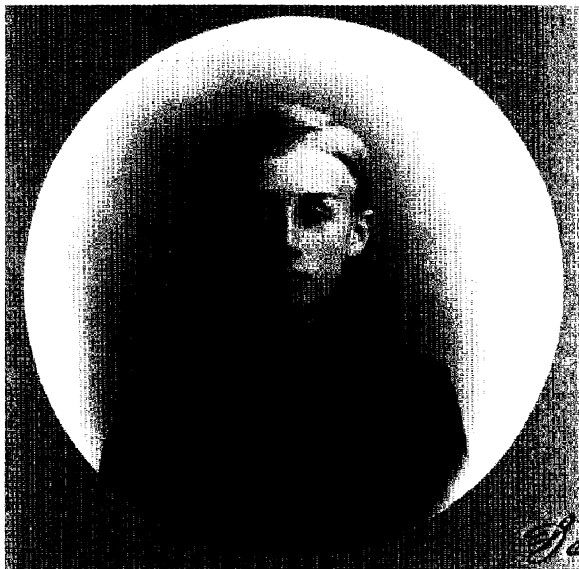
*Ученик 2-го класса гимназии.
1914*

*Женя с отцом Александром Константиновичем (слева)
и дедом Константином Иосифовичем (справа). 1914*

*Летом в Сиверской.
1914*

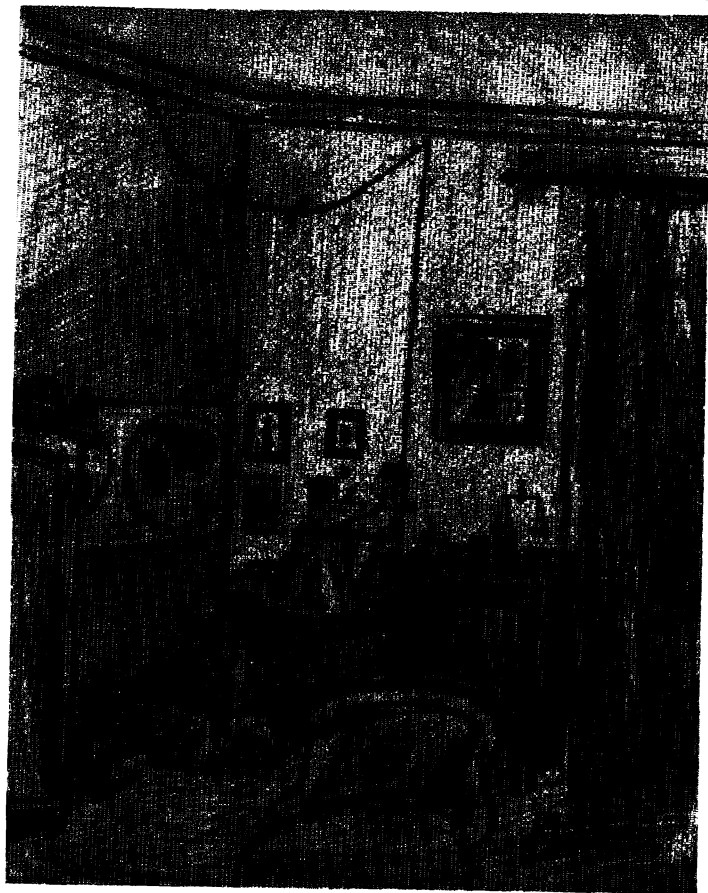

Женя Мравинский.
1915

Урок музыки.
1914

*Рисунки Жени Мравинского.
1913, 1910*

*Елизавета Николаевна Мравинская.
Конец 1930-х гг.*

*Евгений Мравинский, его жена Ольга Алексеевна
и Елизавета Николаевна.
1932—1933*

Евгений Мравинский.
1928

*Инна Михайловна Серикова.
1959*

*Евгений Александрович с женой Инной Михайловной
в квартире на Тверской улице. 1963*

о ствол, как бабочка, и стрекотал. В общем, проходил с 11.15 до 1.15.

Дома прочитал как по заказу попавшийся рассказ Пришвина¹⁶ (в «Огоньке») «Осударева дорога». Прекрасно. Знакомые по прежним вещам имена, образы, но в новом качестве обобщений, и совершенство мастерства. «Пишу не спеша, потихоньку роман, которому прототипами...» — пишет он в аннотации к рассказу. Видимо, трудный путь старика венчается успехом и дошел он — до своего «большого искусства», которому все «досельное» было главным образом материалом — «нотатками» (правда, во многом вполне самостоятельными и очень ценными).

Полчаса сна (потерянное одеяло обнаружено под кроватью).

Обед: куриный суп с вермишелью; творожники; компот.

Дома записал до сих пор. До ужина — дочитал «Огонек» и... заново стал перемалывать (?) Шестую Чайковского: целый ряд, как говорят, белых мест на карте (!), 1 и 4-ю ч. Как-нибудь изложу, т. к. в значительной степени проблема данной симфонии — вообще вопрос *ощущения и раскрытия* материала. 8 часов, разговор с Лютиком: простужена. Завтра не приедет.

Ужин: судак с яйцом и картошкой; пирог с яблоками; булка и конфеты (от полдника); чай.

Кино: «Сельская учительница»¹⁷. Так хорошо и сокровенно, что писать не хочется ничего... Позвонил домой, у Лютика — Оля Щербинская... Все тихо. Так...

18 января. Проснулся неважно, в 10 часов.

Завтрак: манная каша; творог со сметаной; 4 кусочка колбасы, масло; какао.

11 час. — 12.30 по тропке (новой) к большому озеру; густой заснеженный овражек; возвышенности; синички и вроде овсяночки. <...> Озеро; прорубь с темной холодной глубиью; рыбаки — пингвины у лунок; лыжники из санатория. Захотелось как они, захотелось, потому что уголок вроде настоящей природы, и потянуло войти в нее, бродить в ней. Перелез через сугробы и часок на свае среди верб, уже выпускающих барашки; опять ясный, солнечный день в сиянии голубого неба и чистоте снега. Опять все искал слов для (снежных) лап — так и не нашел; показалось только, что без солнца снег в лесу и на ветвях — снег укрывающий, погасший, а на солнце — снег торжествующий...но это не то, не совсем то. Зашел в медпункт: укол. Звонок домой: Жай нездорова совсем; вчера — 38°, сегодня 37,8°... Немного посидел в санках у дома. Как-то клонит все в покой, в сон. То ли воздух, то ли больной укол? Дома дрема до обеда.

Обед: молочный суп; вареная курица; пирожное с чаем.

Дома с 3.30; пришел с «висящей» надо мной Шестой симфонией. Попытался — не могу; весь организм протестует, и клонит в сон (как в Кисловодске). Уступил; поспал. Потом все же, хотя с трудом, довольно тщательно проглядел 2 и 3-ю ч.; особенно структуру 3-й ч. и опять возвращался к «проблемным местам» 1 и 2-й ч. (а о скольких мелочах и понятия не имел!!).

Дважды заходила Анна Андреевна; тетя Таня принесла чай. Да, около четырех, когда сел заниматься, за окном снежные комья на вершинах деревьев стали нежно-розовыми, по мере захода потемнели, стали почти оранжевыми, и, покачиваясь в ветре, стали похожи на огромные пышные страусовые перья; потом постепенно все побледнело, посерело, и — стали сумерки. Ясный полумесяц в чистом небе; лохматые ветви елей — силуэтами.

Ужин: жареный судак; пирог с повидлом; чай.

Кино: «Ошибка инженера Гарина». Ничего. Осталось быть мне здесь (если буду жив) два дня: чуть защемило. Как всегда, когда расстаешься с отрезком жизни, заключавшем размеренные, строгие, иногда просветленные, но большей частью печальные дни, встречи с самим собой...

19 января. Понедельник. 10 часов, встал. Сумрачный день. Снег. Звонок к Онику и домой.

Завтрак: рисовая каша; творог со сметаной; 2 яйца, масло, кофе.

11.15—11.45 небольшой кружок по самому первому маршруту. Запорошенный забор. С деревьев падает снег; немного метет; сумрачно.

Дома, до обеда чтение Лескова. 2.30 — звонок еще раз Онику и Пономареву о завтрашнем отъезде.

Обед: уха с двумя пирожками (с рыбой и с рисом); телячьи котлеты рубленые; желтый кисель.

Дома — немного чтения; перечитывание маминых «нотаток» (с 1903 по 1918 г. Да...). Переписка на один лист разрозненных «нотаток» за эти дни (из блокнота). Сейчас (5 часов) запись этих строк. Еще немного почитал, затем на полдник: булочка, чай, 3 конфетки. После полдника немного на скамейке у медпункта — «напоследки подышать». Домой; дома часиков до 7 почитал опять. Затем появление Сидорова с головной болью и длинный разговор с ним о «кадрах» Комитета по делам искусств. Вместе до телефона, разговор с Лютиком о завтрашнем дне.

Ужин: вареный судак с яичным соусом; блинчики с вареньем, чай.

Нежданное (вернее неполагающееся) в понедельник кино «Юность Максима»¹⁸. Ряд беглых мыслей и наблюдений за

последнее время, образующих своего рода цикл: народ — не народ. Риск. (И все к этому.) На основании этих дней — выяснение многого из окружающих; реакция на «кадры» (листовки, гудки, также в «3-х песнях») как на самое неотвратимое в снах детства и как на *пафос*; еще о предпосылках, критериях и границах (степень интереса к фильмам) и т. д. и т. д. о многом, что часто мелькает. В целом же от фильма стало как от книг Максима Горького — тот же круг.

Взволнованность завтрашним днем (где-то глубоко) уже не дает полной возможности быть в «сейчас». Да это и естественно. В целом, краткие эти дни все же дали то, что было возможно: немного смазан и, по возможности, выверен мотор; и шел это время на минимальной скорости; те тысячи километров, что отделяют этот час от следующего микрорубежа — весны, думаю, *если буду жив*, могут быть пройдены благополучно. Благодарю, как всегда, судьбу; молю ее о мудрости ежечасной и прошу сил и проникновения... Ибо срок ближе и ближе и совсем, совсем недалек... А так еще теплятся, будто даже нетронутые мечты... будто *вначале*... неужели так и умереть, не включив их в «русло единого приятия»?! Наверное, да; уже поздно, не дано, видимо. Но привет тебе, завтра, и в нем дорогое, ценное, близкое через первоначальное качество и последующее количество...

20 января. Завтрак; укладка; чтение; звонок в Филармонию и домой. Снег. Приезд Пономарева. Прогулка и беседы о «ситуациях». 3.15 выезд; 5.15 — дома.

4 января (пт). Дома: 12—4.30 Калининков, Вторая симфония, 1 и 2-я ч. 6—7 час. с Лизой¹ (Уствольская²). Вечером Володя Щербинский.

5 января (сб). Дома: 11.30—3.30 Калининков, 3 и 4-я ч. 5—7.30 Уствольская (динамика и пр.).

6 января (вс). Дома: 5.30—7 час. с Уствольской и певцом. Вечером — на концерте Рождественского³.

7 января (пн). Дома: 11—3 час. Калининков, 4, 1 и 2-я ч.; «Ночь на Лысой горе» Мусоргского — бегло.

9 января (ср). Дома: 11.30—3.30 Калининков, 3 и 2-я ч.; «Лысая гора»; Второй концерт Рахманинова.

10 января (чт). 1—3 час. репетиция с хором в Капелле (Уствольская).

11 января (пт). 11—2 час. репетиция (Уствольская; хор и оркестр; первый час — только оркестр). (Галя с кубком!)

12 января (сб). 11—1.15 репетиция (доделки и два прогона Уствольской). 3 час. — юбилей Лизы Кудрявцевой.

13 января (вс). 10.30—11 час. репетиция (прогон в полголоса).

Концерт № 14. Показ Уствольской — 12 часов. (**Первый раз**). 1.30—3.30 обсуждение.

Вечер у Ипатьевых.

14 января (пн). 11—1 час. дома: повторение Калининкова. 4—6 час. на лекции по эстетике в ССК [Союзе Советских композиторов].

15 января (вт). 11—3 час. репетиция Калининкова (1, 2-я ч. — проработка и 3, 4-я ч. — прогон).

16 января (ср). 11—2.30 репетиция 3, 4-й ч.; прогоны 1 и 2-й ч.; черновая «Лысой»; 2.30—3.30 — комитет по качеству. Обсуждение Г. Рождественского; 3.30—5 час. репетиция под рояль с Заком⁴.

17 января (чт). 11—2.30 репетиция: доделка «Лысой горы», прогон; доделка и генеральная симфонии; прогон концерта с Заком; 3—4 час. Владимирский по записям; 4—4.30 прослушивание Квартета Цинцадзе к смотру; 7—8.30 дома: партитуры на завтра.

18 января (пт). 11—1.30 репетиция (доделки; концерт целиком).

Концерт (15-й):

Мусоргский, «Ночь на Лысой горе»

Рахманинов, Второй концерт (Я. Зак)

Калинников, Вторая симфония (в первый раз)

19 января (сб). 11—1.30 прослушивание дирижера Тюлина⁵; прогон на вечер: 1.30—2.30.

Концерт (16-й): повтор 18 января.

20 января (вс). На репетиции Грикурова⁶; 2—4 час. показ (смотр оркестра: Трио *cotti* [валторн]; Квартет Цинцадзе).

21 января (пн). Дома: 11.30—1.30 симфония Овсяннико-Куликовского, 1 и 2-я ч.; 4—6 час. в ССК на лекции по эстетике. В 6 час. в кабинете Пономарева встреча с Галантером⁷ (о московских поездках: моей и оркестра).

22 января (вт). Дома: 11.30—2.30 Овсяннико-Куликовский (3 и 4-я ч.). В 3 часа в Филармонии встреча с Каганом⁸ (начало цикла по эстетике). 4—5 час. там же с Ключнером⁹ поправки его увертюры.

23 января (ср). С Ниночкой в музей в Ломоносове. Разговор с Еремкиным¹⁰ о «деревянной» группе (о трудностях). Вечером с Ниной на «Раймонде»¹¹.

24 января (чт). Дома: 11.30—1 час. и с 2.30 до 5.30 Овсяннико-Куликовский (1, 4 и 2-я ч.). (В 2 часа проводы Ниночки в Алексейково).

25 января (пт). Дома: 11.30—3.30 Овсяннико-Куликовский (2-я ч. и повтор 1, 3 и 4-й ч.).

Вечером на концерте Курта [Зандерлинга] (Девятая Бетховена).

26 января (сб). Немного на репетиции Гаука (Делиб). 2—5 час. конкурс в оркестр (гобоисты и трубачи). Вечером на концерт Курта (Девятая Бетховена).

27 января (вс). 1.30—4 час. дома: Первая симфония Балакирева (1 и 2-я ч.). 5—6.30 у меня Салманов¹² с эскизами 1 ч. своей симфонии. Вечером на первом отделении концерта Гаука, потом у Триумфовых.

28 января (пн). С 12 до 8.30 вечера конкурс в оркестр (гобоисты, альтисты, трубачи).

29 января (вт). Беготня по делам медведковского Коли; зоосад. Вечер с Черкасовыми в кино.

30 января (ср). Дома с 12 до 2.30 повтор Овсяннико-Куликовского и Шестой Чайковского.

31 января (чт). Репетиция 11—1.45: Овсяннико-Куликовский, читка всей [симфонии] (1 и 2-я ч. — работа; прогон

4-й ч.). 2—3 час. беседа с Левитиным (партком) о соцсоревновании, Третьякове¹³ и альтовой группе.

Дома 3.30—5 час. доработка партитуры Овсяннико-Куликовского.

1 февраля (пт). Репетиция 11—2.15: доделка и прогон Овсяннико-Куликовского; кусочки Шестой Чайковского. 3—4 час. работа с Квartetом (солистов) Бородина.

Дома 6—7 час. партитуры на завтра.

2 февраля (сб). Репетиция 11—12.15: доделки и почти прогон Овсяннико-Куликовского; несколько мест из Шестой симфонии Чайковского.

Концерт (17-й):

Овсяннико-Куликовский, симфония (в первый раз)

Чайковский, Шестая симфония

Присутствие Гаука...

3 февраля (вс). Утром на репетиции Гаука (Вторая симфония Бородина). В Филармонии с 12 до 1.30 партитуры на вечер.

Концерт (18-й): повтор вчерашнего, очень удачная Шестая. Ночью у нас Черкасовы.

4 февраля (пн). На «Адрес неизвестен»¹⁴ с Ниной Игнатьев-ной [Зандерлинг].

5 февраля (вт). На репетиции Гаука. В 5 часов они у нас.

6 февраля (ср). На репетиции Гаука; 2—5 час. у Пономарева с Левитиным и Островским¹⁵ (об альтах и пр.).

Вечером его [Гаука] концерт: (Бородин, Вторая симфония; Чайковский, «Франческа да Римини»).

7 февраля (чт). 10.30—1 час. на репетиции Ферреро¹⁶; 5—7 час. [там же].

Вечером «Дворянское гнездо»¹⁷.

8 февраля (пт). 11—1 час на репетиции Ферреро; 5—7 час. [там же].

9 февраля (сб). 11—1 час. на репетиции Ферреро.

Вечером на концерте Ферреро. Потом у Гоши [Васильева].

10 февраля (вс). Днем (2.30) на репетиции Ферреро. Вечером на концерте Ферреро.

11 февраля (пн). Дома: 12—3 час. симфония Балакирева (3, 4 ч.); 4—6 час. на лекции по эстетике в ССК.

12 февраля (вт) 12—4.30 прослушивание на радио [записанных с оркестром произведений] Кужамьярова и Мачавариани¹⁸.

13 февраля (ср). 12—4.30 дома: Балакирев (1, 2-я ч.). 6—7 час. на радио прослушивание вчерашних вещей.

14 февраля (чт). 12—4.30 дома: Балакирев (3, 4-я ч.). 7—8 час. на радио прослушивание.

15 февраля (пт). 12—5 час. дома: Кужамьяров; Балакирев (4, 3-я ч.). 7—8 час. в Филармонии репетиция под рояль Мачавариани с Вайманом¹⁹. Вечером на концерте Ферреро, потом у него.

16 февраля (сб). 1.30—3 час. прослушивание в Консерватории Первой симфонии Бородина. (Потом — Средняя Подьяческая²⁰ и др. ...) Вечером у нас Ипатьевы и Щербинские.

17 февраля (вс). Дома 12—3.30: Балакирев (4 и 1-я ч.); Первая симфония Бородина (1-я ч.).

18 февраля (пн). Дома 12—4: Балакирев (2 и 3-я ч.) и Бородин (2 и 3-я ч.). 6—7 час. на радио прослушивание.

19 февраля (вт). Дома 12—3 час. Мачавариани. Днем — Эрмитаж. 6.30—8 час. у меня Салманов со своей симфонией.

20 февраля (ср). Дома 10.30—2.30: Балакирев (1 и 4-я ч.); Кужамьяров. 3.30—4.30 на радио прослушивание.

Вечером у меня Ромушка [Добротин].

21 февраля (чт). Дома 12.30—3.30 (2 и 3-я ч. Балакирева; бегло финал Бородина). 6—7 час. репетиция с Вайманом под рояль.

22 февраля (пт). 1.30—3.30 репетиция: Балакирев (1-я ч. — вся; 2-я ч. — намечена; 3-я ч. — прогон; Кужамьяров — прогон).

Обедает у нас Шостакович.

Вечером — на концерте Свешникова²¹: Первое [в Ленинграде] исполнение Хоров Шостаковича.

23 февраля (сб). 12—3.40 репетиция: 3 и 4-я ч. Балакирева; еще раз прогон Кужамьярова.

24 февраля (вс). 11—3 час. репетиция: доделки финала и скерцо, потом прогон 1 и 3-й ч. Балакирева; немного — финала Мачавариани; работа над Кужамьяровым. 3—4.30 комиссия по качеству: «итоги» по концертам Ферреро и «близлежащие» темы (мое заявление о «группировке» в оркестре).

25 февраля (пн). В 12 час. «Ревизор»²² в Пушкинском театре; в 4 часа — у Коли Черкасова. Вечером — у дедушки [Алексея Никитича].

26 февраля (вт). 10.30—2.30 репетиция: работа над концертом с Вайманом; генеральная — симфонии; доработка «Ризвангуль». С 3 до 5 час. Левитин, Пономарев, Островский — на больные темы.

Дома 6—7.30 партитуры на завтра.

27 февраля (ср). Репетиция 11—12.30: концерт, куски симфонии; «Ризвангуль» — прогон.

Концерт (19-й):

Балакирев, Первая симфония (**первый раз**) Мачавариани, Скрипичный концерт (М. Вайман) (**первый раз**)

Кужамьяров, «Ризвангуль» (**первый раз**)

Очень плохо...

28 февраля (чт). 11—12 час. повтор партитур. 2—3 час. *открытое собрание* комиссии по качеству. (Безобразия Столлера, Зильпера и предложение «выяснить» Дистеля, в ответ на мое замечание по поводу не всегдашней собранности).

Концерт (20-й): повтор вчерашнего.

Очень хорошо!

29 февраля (пт). Весь день со Свешниковым. (У нас обед с Черкасовым и Лизой [Кудрявцевой]). Вечером — на концерте и вокзале.

1 марта (сб). На репетиции Мусина²³; совещание. <...>

2 марта (вс). Дома 11.30—2 час. Прокофьев. У Лизы 3—4.30 Прокофьев.

4 марта (вт). 11.30—4 час. дома: Прокофьев. С 5 до 6 час. на радио с Беюл²⁴, Оником и стенографистской прослушивание Прокофьева. Дома у меня Лиза (по Прокофьеву) до 10.30 вечера. Вечером «Тарзан»²⁵.

5 марта (ср). Дома 11.30—4.30 симфония Бородина (1 и 3-я ч.); дома 6—7.30 Прокофьев: корректура с Шальманом.

В 8 часов вечера умер В. В. Щербачев.

6 марта (чт). Дома 12.30—5.30 Бородин (4 и 2-я ч.; немного 3-й ч.). Обедает А. Животов. Вечером в концерт (Россини).

7 марта (пт). Дома 12.30—2.30 (штрихи в Бородине). 3—5 час. на репетиции в Капелле.

Дома 7.30—11 час. вечера Прокофьев (корректура и штрихи финала).

8 марта (сб). 10.30—11.30 Капелла. 1—4 час. панихида в ССК по В. В. Щербачеву.

Концерт (21-й): (Женский день)

Глинка, «Руслан и Людмила»

Мусоргский, «Рассвет на Москве-реке»

Чайковский, вальс из «Щелкунчика»

Бородин, хор поселян из «Князя Игоря»

Глазунов, 3 отрывка из «Раймонды»

После концерта у Ипатьевых.

9 марта (вс). Дома 12.30—3.30 (отдельные места Бородина).

10 марта (пн). 11—1 час. Капелла. 1—2 час. мальчишки (?!?). Вечером на концерте Хренникова²⁶.

11 марта (вт). 11—3 час. оркестровая репетиция (корректуря Прокофьева и наметка Бородина); 3—4 час. с чтницей под рояль.

12 марта (ср). 11—2 час. Капелла (дети — лучше). Днем в Филармонии (телеграмма Беспалова о Девятой симфонии [Шостаковича]).

Вечером с Лизой и Алешей на «Тарзане».

13 марта (чт). Дома 11—12.30: Прокофьев. 1—3 час. Капелла (после Лизы сам прогонял финал). Вечером — «Младший партнер»²⁷ в Большом драматическом [театре].

14 марта (пт). В Капелле с 2 до 4.30 репетиция с хором (с мальчиками). Вечером — «Лебединое озеро» с Лизой²⁸.

15 марта (сб). 11—3 час. репетиция (1-я ч. Бородина, немного скерцо; наметка 1-й ч. Прокофьева). 6—7 час. в Капелле репетиция с хором и мальчиками.

16 марта (вс). 12—4 час. репетиция (2 и 3-й ч. Бородина и Прокофьев — до конца).

17 марта (пн). Репетиция 12.30—4 час. Работа с хором и оркестром над Прокофьевым; 4 ч. Бородина. <...>

18 марта (вт). С 12 до 3 час. репетиция (работа и прогон Прокофьева; «заплатки» и прогон Бородина). Вечером — «Яблоневая ветка»²⁹. Выписка из Москвы мальчика [солиста].

19 марта (ср). 12—3 час. репетиция: генеральная, с остановками, Бородина и генеральная Прокофьева. Дома 6.30—8 час. партитуры и «хвостики».

20 марта (чт). 11—12.15 репетиция: очень легко и хорошо; кусочки Бородина и Прокофьева.

После репетиции вредительское сволочинство дирекции Капеллы с мальчиками («эпидемия гриппа»!).

Концерт (22-й):

Бородин, Первая симфония (первый раз)

Прокофьев, оратория «На страже мира» (З. Долуханова, Женя Таманов) (первый раз)

Внутренне — все сорвано дневным происшествием. Ночью (12.30—2 час.) подготовка Мясковского, Двадцать седьмой.

21 марта (пт). Репетиция 12—1.40 (Мясковский). 6—7 час. дома партитуры на завтра.

22 марта (сб). 11—12.30 репетиция (почти весь Прокофьев с хором и кусочки Мясковского; финал — весь).

Концерт (23-й):

Мясковский, Двадцать седьмая симфония

Прокофьев, «На страже мира»

23 марта (вс). 7 часов утра смерть Дедушки... [отца Ольги Алексеевны]. 12—2 час. репетиция и показ увертюры Кляуз-

нера. С 2 до 10 часов вечера «историческое» общее собрание оркестра по вопросу Резниковской группировки.

24 марта (пн). Запись с 12—7 час. (записана 2-я сюита из «Ромео и Джульетты» Прокофьева).

25 марта (вт). Похороны Дедушки: 10.30 — вынос; 1.10 — тронулись из церкви; 3.40 — на кладбище; 4 часа — Всѣ.

26 марта (ср). Хлопоты по комнате.

27 марта (чт). 11—2.30 дома Вторая симфония Калининкова (1, 2 и 4-я ч.).

28 марта (пт). Дома 11—12 час. Калининков (3-я ч.). У меня Саркисов. <...>

29 марта (сб). 11.30—1.30 дома: Глинка. 3—5 час. смотр оркестра (Завидов, Жислин³⁰).

30 марта (вс). 12—1 час. Салманов (с готовой симфонией). В 1—3 час. дома — порядок в штрихах «Арагонской хоты». Со «стрелой» в Москву — на концерты с Госоркестром.

31 марта (пн). 12.15 — прибытие; обед в ресторане; 3—4 час. в Комитете у Холодилина³¹ и Чулаки; 6—7 час. Лютик в Сокольники, я — в сквере, часок тишины. Вечером Мусичка [подруга Ольги Алексеевны] у нас.

1 апреля (вт). Утром Эльга у нас. С 3 до 6.15 репетиция: 1 и 4-я ч. Калининкова, читка медленной части. Вечером — у Гаука (Павлушка!). В 12 часов ночи переезд в гостиницу «Москва».

2 апреля (ср). Репетиция с 10 до 2 часов (скерцо, повтор 1-й ч.; начало работы над «Арагонской»). 3 ч. — обед в «Гранд-отеле». Дома [в гостинице] — дрема и чтение «Пустыни». Вечером Лютик у Мусички, у меня — И. С. Гродзянский.

3 апреля (чт). Весь день предрепетиционная агония... В 2.30 Лютик — «в город». 4—8 час. репетиция: окончание «Хоты»; работа над «Черномором», вальсом, прогон увертюры.

4 апреля (пт). 10.30—1.45 репетиция: места и генеральная Калининкова; места и генеральная «Хоты» и всего пр. 3.30—5.15 дома — партитуры. К шести — к Сбродовым [друзьям по Новосибирску]. 9.30 — у Голованова; Лютик у Литы.

5 апреля (сб). 11—12.30 репетиция «заплатки»; «Хота» — целиком (агония...).

Вечером концерт (24-й):

Глинка, увертюра к «Руслану и Людмиле», вальс-фантазия, восточные танцы, «Арагонская хота» Калининков, Вторая симфония

6 апреля (вс). В 1 час дня концерт (25-й): повтор вчерашнего.

После у Самойловых (Федины). В 9 вечера встреча с Гродзянским на бульваре.

7 апреля (пн). Утром Воловник³². Потом Оник, с ним в час дня у Свешникова; в 2 часа у Холодилина. 5—6 час. репетиция под рояль с Рихтером³³ в Консерватории. В 7 часов обед и вечер у Гаука.

8 апреля (вт). 11—1 час. репетиция в Доме культуры им. Горбунова.

Вечером концерт (26-й):

1-е отд.: повтор Глинки

2-е отд.: Чайковский, Концерт для ф-п. с орк. (С. Рихтер), вальс из «Щелкунчика»

9 апреля (ср). В 1 ч. дня у Холодилина (визирование моих программ на будущий год); 4 ч. — у Ю. Левитина; 7 ч. — дома (деньги).

Вечером у нас Мусичка, Гауки, Ниночка Тимофеева³⁴.

11.30 — на вокзал (приход делегации от оркестра). 12.30 — домой.

10 апреля (чет). В 12.15 дома. (Валин [Янцата] инфаркт...)

12 апреля (сб). 2—4 час. вновь на парткомиссии по делу Дис-теля и К^о (очная ставка с Генслером).

13 апреля (вс). 12—3.30 дома: симфония Ляпунова (1 и 2-я ч.). Вечером в Филармонии свидание с Локтевой по делу Дины Шнейдерман³⁵. Потом у Щербинских.

14 апреля (пн). 12—3 час. дома: Ляпунов (3 и 4-я ч.).

15 апреля (вт). Кульминация плохого самочувствия. Прогулка на Неву. В 4 ч. на сессии (8-й) Ленсовета.

16 апреля (ср). 12—3 час. дома (финал Ляпунова; «Поэма экстаза» Скрябина; немножко Третей Брамса); 3.30—4.30 прослушивание Квартета Дворжака к смотру.

У нас Сиротинин.

17 апреля (чет). 12—3.30 дома: Брамс (1 и 2 ч.). Вечером — на концерте Аносова.

18 апреля (пт). 2—4 час. смотр оркестра: Октета духовых, Квартета О. Гальнбек; 4 час. — «доквалификация» ударника. Вечер — дома (чтение — «Двенадцати»³⁶). <...>

19 апреля (сб). 12—3 час. дома: Брамс (4 ч.); Ляпунов (1 и 3-я ч.).

20 апреля (вс). Производственное совещание с 2 до 5 часов (доклад Пономарева по итогам 1951 года). Вечером у меня Рома [Добротин], потом Триумфовы.

21 апреля (пн). 12—3 час. дома (2 и 4-я ч. Ляпунова; бегло «Баба Яга» Лядова и «Экстаз»).

22 апреля (вт). Дома с 12 до 1 часа повторение «Экстаза» и «Бабы Яги».

Поездка на Крестовский, к стадиону, с 1 до 4 час. Встреча с весной: массовое появление лягушек и начало (первый день) икрометания; цветет мать-и-мачеха; крапивница летает; поют зяблики; в небе трепещут жаворонки и их песни; пролетный ястреб; летают жучки-мягкотелы; вербы в барашках.

Обедает у нас Шостакович; вечером у нас Щербинский и Ипатьевы.

23 апреля (ср). 11—3 час. репетиция (работа над 1 и 2-й ч. Ляпунова; потом прогон их). В 6 час. — у нас А. Животов.

Вечером первая гроза.

24 апреля (чт). Репетиция 11—2.30. Работа и прогон 3 и 4-й ч. Ляпунова; доделки по 1 ч.; прогон «Бабы Яги».

Пульс (до 88) и давление: 140/95; в антракте: 92; 140/120! Концерт Шостаковича в Малом зале Филармонии (трио, сонаты, фуги).

25 апреля (пт). Репетиция 11—2.45 (тяжелая работа над «Экстазом»; генеральная — симфонии). Пульс и давление (84, 80/140; 88, 120/150).

Вечером у Вали [Янцата]; проводы на «стрелу» Шостаковича.

26 апреля (сб). Репетиция 11—11.40 (маленькие кусочки «Экстаза» и скерцо; «Баба Яга» — доделка). Пульс и давление (80, 70/130; 86, 80/140).

Вечером концерт (27-й):

Ляпунов, Вторая симфония

Лядов, «Баба Яга»

Скрябин, «Поэма экстаза»

Перебои сердца (84, 150/80; 88, 160/90).

27 апреля (вс). 12—1 час. дома: партитуры к вечеру.

Вечером концерт (28-й): повтор вчерашнего.

Очень удачно и, как ни странно, легко!

Пульс и давление (70, 140/80; 102, 120 ?/80).

28 апреля (пн). Дома 12—1.30 (бегло — симфонию Гайдна); 7—8.30 Уствольская со своей «новой» редакцией.

Зацветает вяз.

29 апреля (вт). 12.30—3.30 дома: Брамс (1 и 3-я ч.); Гайдн (1-я ч.).

В 3 часа — гроза. 6—10 час. (!) Салманов с симфонией.

30 апреля (ср). 11.30—3.30 дома: Брамс (4 и 2-я ч.); Гайдн (4-я ч.); приход Уствольской и сверка обеих редакций.

7—8 час. Салманов.

1 мая (чт). Дома 12—5.30... Салманов (3 и 2-я ч.).

2 мая (пт). 12—5 час. дома: Салманов (1-я ч.); Брамс (весь). Мысли о цикле Брамса...

3 мая (сб). 12—3 час. дома: Гайдн; штрихи в Брамсе; Салманов с доделками.

4 мая (вс). Репетиция 11—2 час. (работа над Салмановым). С 2 до 4.30 смотр оркестра (Лонгинов, Лейбенкрафт, Квинтет Моцарта). 5—6 час. беседа Коршунова и Акима Козлова со мной и Пономаревым.

Вечером у Зандерлинга.

5 мая (пн). 12.30—2 час. у меня Салманов. 2.30—4.30 репетиция и проигрывание для ССК симфонии Салманова (первый раз).

6 мая (вт). Дома 12—2.30 (повторение симфоний Брамса и Гайдна).

7 мая (ср). 11—2 час. репетиция: мучительная работа над 1-й ч. Брамса; затем прогон 2, 3 и 4-й ч. Дома поиски выхода — наметки завтрашней репетиции. Именины Вали Янцата. Ночью спал часа 2, не больше...

8 мая (чт). 11—3 час. репетиция: работа над 4-й ч. Брамса; доделки 1, 2 и 3-й ч.; черновая работа над Гайдном — всеми частями.

9 мая (пт). Репетиция 11—1.45 (доделки и прогон Гайдна; генеральная Брамса; прогон «Оберона»). 5.30—7.30 дома: партитуры на завтра.

10 мая (сб). Репетиция 11—12. «Слово» оркестру о технических приемах выразительности, как гарантии (защиты) от недостатка или избытка так называемых эмоций (1-я ч. Брамса, кусочки 2, 3 и 4-й ч.; доделки и полупрогон Гайдна; кусочки «Оберона»).

Концерт (29-й):

Вебер, «Оберон»

Гайдн, симфония *G-dur*

Брамс, симфония № 3

Слава Богу, хорошо.

12 мая (пн). 12—1 час. у меня Клюзнер со своей увертюрой; 3—5 час. беседа в Филармонии с Пономаревым о будущей реорганизации v-ni I [скрипок-1] и Vcl [виолончелей].

13 мая (вт). 3—6 час. совещание по v-ni I и Vcl (Пономарев, Зандерлинг, Шальман).

14 мая (ср). 1.30—3 час. в райкоме у Первого секретаря с Пономаревым по вопросу «Дистелиады» и пр. 3—6.30 на партбюро Филармонии доклад Синицыной³⁷ о работе комиссии

по качеству: 1) Разгром Коршуновым, Козловым и Назаровым — В. И. Генслера; 2) Намечается критика «струнных»!!

15 мая (чт). 2—5 час. дома: Уствольская (партитура). 6—7.30 у меня Уствольская с певцом.

Вечером — на Реквиеме Моцарта. Замечание Шаку³⁸ о неполноценности звука *v-ni I*.

16 мая (пт). 2—3.30 объяснение со Шпильбергом³⁹ по поводу его скандала из-за разговоров о несовершенстве квинтета.

17 мая (сб). 2—5 час. совещание у Пономарева (Зандерлинг, Шпильберг) о мероприятиях (реорганизации) по *v-ni I*. <...>

Вечером — на концерте Зандерлинга (Моцарт, реквием).

18 мая (вс). 11—2 час. репетиция: корректура и работа по Уствольской; черновая работа над Клюзнером. <...>

19 мая (пн). 12—1 час. репетиция с хором в Капелле. 3—4 час. дома: Клюзнер (увертюра). Ответ на письмо Шостаковича о Восьмой симфонии.

20 мая (вт). 11—2 час. (первый заезд — доработка Клюзнера; второй — прогон, работа и чистовой прогон Уствольской).

21 мая (ср). 12.30—2 час. дома: партитуры на завтра. 4—4.30 репетиция (прогон увертюры). Вечером с 10 до 12 час. у меня Пономарев и Саркисов по итогам парткомиссии.

22 мая (чт). 11—12 час. репетиция (генеральная увертюры и Уствольской).

Вечером концерт (30-й):

Клюзнер, Увертюра

Уствольская, «Человек с горы высокой»

25 мая (вс). 3—6 час. совещание с Пономаревым и Саркисовым «по всему текущему» в связи с отъездом Пономарева в Прагу.

26 мая (пн). 6—9 час. у меня Лонгинов и Титов по вопросу И. Левитина и его «тенденций».

27 мая (вт). 11.30—1 час у меня композитор Пригожин на консультации «вообще». (Дилетантизм!! форма!); 7—9 час. заседание культкомиссии Ленсовета по кинофикации (доклад Медведева).

28 мая (ср). С 2 до 4 час. смотр оркестра (Титов, Левант, Вейспапир, Фурер). 6—7.30 час. у меня Салманов по вопросу переделок своей симфонии.

29 мая (чт). В 9 часов утра у командующего Ленинградского Военного округа (по вопросу призыва оркестрантов в лагеря).

Объяснение с Шаком по поводу моей попытки проверки Фурер⁴⁰ на 1-й пульт и его отказом сесть временно (!) на 2-й пульт.

30 мая (пт). 12—3 час. на репетиции Н. Рахлина⁴¹.

1 июня (вс). 11—2.30 час. дома: партитуры Глинки. 3 часа — на концерте Рахлина. 4.30—6.30 собрание альтовой группы. <...>

3 июня (вт). 11—3 час. репетиция «Аррагонская» и увертюра к «Ивану Сусанину». 3.30—6 час. совещание по вчерашнему посещению с Сериковой и дирекцией.

4 июня (ср). 11—2 час. (певец, танцы Наины, Черномор, краковяк из «Руслана и Людмилы»); 2—3 час. прослушивание гобоиста для лета; 3—4.30 объяснение с Резниковым по вопросу его «непригодности» к 3-му пульту *v-ni I*.

У нас обедают (мой день...) Коля Черкасов, Таня Соболева, Анна Алексеевна с мамой.

5 июня (чт). Репетиция 11—1 час. (увертюра к «Руслану», вальс-фантазия; вальс из «Ивана Сусанина», кусочки остального; генеральная «Хоты»).

Вечером концерт (31-й): Монография Глинки.

После концерта моего абонемент (в антракте отчаяние — приход Щукарева; несмотря на это, все хорошо вышло и даже зал тепло как бы благодарил за абонемент).

6 июня (пт). 11—2.30: а) подготовка и выпуск приказа по прослушиванию Дистеля и Венгловского (Холодилин); б) вступительное слово на партсобрании по работе Тризно («о советском музыканте»). В 3 час. у Анны Максимовны — кардиограмма. 5—6 час. в редакции «Правды» по вопросу музыкальной критики. Вечером — на одном отделении «Пер Гюнта».

7 июня (сб). Утром — покупал путевки Лютику. 12.30—3.30 — подготовка с Шафраном⁴² материалов к завтрашней читке; с Саркисовым — организационные стороны. <...>

8 июня (вс). 1—2 час. прослушивание в Филармонии «опуса» Чичериной. <...>

Вечером на «Пер Гюнте».

9 июня (пн). 12 час. совещание в Филармонии по оформлению вчерашнего постановления [решение комиссии о непригодности на 3-м пульте *v-ni I* Дистеля]. В 1 час в Смольном с Оником («доклад» Сериковой⁴³).

10 июня (вт). Заседание РКК по вопросу увольнения Дистеля и положительное согласование вопроса.

11 июня (ср). Отъезд в 4 часа «на Гоше» в Пюхярви. (Выпуск приказа по увольнению Дистеля).

23 июня (пн). Прибытие в Ленинград к 12 час. дня.

24 июня (вт). 11—12.05 репетиция (увертюра Кюзнера; начерно сюита из «Спящей»); 2—4 час. смотр оркест-

рантов: выступление группы Vcl, *v-ni I*; Толстой (арфа); Апельсин с Шендеровой. Потом совещание со Шпильбергом о *v-ni I*.

Вечером концерт (32-й; ЛСК для Обкома партии):

Клюзнер, Увертюра (потом Зандерлинг «Дмитревский»)

Присутствие Андрианова⁴⁴.

25 июня (*ср*). 11—2 час. репетиция: Пятая симфония Шостаковича. 2.30—3.30 со Шпильбергом, Л. и Е. совещание о группе *v-ni I* (варианты реорганизации группы).

Возвращение Пономарева из Праги.

26 июня (*чт*). 11—1 час. репетиция: доделка «Спящей»; кусочки «Франчески»; кусочки симфонии.

Вечером концерт (33-й): закрытие сезона

Шостакович, Пятая симфония

Чайковский, вступление, панорама и вальс из «Спящей красавицы», «Франческа да Римини»

Присутствовал Шостакович с Галей и Максимом.

После концерта собрание группы 1-х скрипок (с 11 до 1 час. ночи) о принятии решения по переигровке всех, начиная с 3-го пюльта (срок — 1 декабря 1952 г.).

27 июня (*пт*). 11—12.30 у меня Саркисов по плану X, XI и XII 1952 года. 8 час. вечера у меня Салманов со своей симфонией. 9 час. — Векслер по планам будущего сезона в Москве (мои даты и программы).

28 июня (*сб*). 3.30 — отъезд «на Гоше» в Пюхьярви.

Пюхьярви

30 июня (*пн*). Птичье щебетанье росистым утром, как игра пузырьков в роднике.

4 июля (*пт*). Движения ткущей в цветке шиповника гусеницы: наличие явного выбора точек прикрепления нитей (??).

8 июля (*вт*). <...> Вечернее солнце в кухне. Появление Татуськи; ей навстречу лучи в глазах ее матери; голубой половичок; синева седьмого неба — царствия небесного... (вспомнил Спиридона в подизбице...). Медовый отстой летнего вечера.

10 июля (*чт*). Звяканье ведер, звонкие струи воды; по земле и цветам шорох воды из лейки; в косых лучах солнца пляска поденок [початых копен]; тихий вечерний час. Вода из ведер: широкая, стеклянистая струя, немножко с пеной.

30 июля (ср). 11—1 час. встреча у Пономарева с Совковым и Карташиной по вопросу «кадров». <...> 6—8 час. у меня Салманов с оконченной редакцией симфонии. 9.50 — поезд на Пестово.

д. Алексейково

31 июля (чт). 10 час. 58 мин. — прибытие. 11.35 на машине из Пестова; 12.25 — Никольское; 1.35 — Лесное; 2.20 — Алексейково. Трапеза (шофер, Вова Гусаров, двое Тимофеевых). <...> Знакомая, «все та же» поворотка от городка на Завьяловскую дорогу. Конец сенокоса (заканчиваются клевера), спелая рожь. У друга. С ним до его дома — появление Ниночки (после бани). Я — домой: разборка, развеска, всякие «устройства» и «порядок». Мытье и малый час на раскладном стуле в «садики» в тени. <...>

Чаек с Любовью Дмитриевной⁴⁵. К Аркадию Ивановичу с «подношениями». С Ниной за ним в больницу (зарплата). В знакомых сумерках вокруг самовара о том, о сем (залет орла!). 10.30 — дома. Свечечка. Тишина.

1 августа (пт). 8 часов — встал. В кухне записка от Любви Дмитриевны: я на запоре (!). (Бабка с внуком.) За завтраком вспомнил про неотосланную телеграмму маме; тут же повернувшаяся машина у больницы из Сорогожского (шофер Ольги из Васькова). С ней — на почту. Тихонько домой. <...>

Как вчера все грозное вокруг и жарко. Аптека, одеколон и аптекарша «занимающаяся видом». В лавку. Там Любовь Дмитриевна. С ней домой, ее заботы о сенокосе. Дома, будто только переночевавший где-то Петр Сидорыч. Гушина, сухая черника, беседа, будто не прерывавшаяся с прошлого года... о мельницах на Кезе, лошадях.

Я у себя: бритье, порядок в спиннинге, и эти записи. 2.30 — обед. Колюнька: «Готовы ли?!» К Аркадию Иванычу; туча, гром. Спасение сена: телеги с мальчишками рысью в поле, жеребята около; у больницы — копание клевера; маленький дождь. У Арк. Ив. смазка катушки спиннинга; потом с ним и Коленькой — на дальний Иловец. Уборка клеверов (копна — запах лучше персидских ароматов, клеверный дух меда). Разъясняет; веселая ловля, Колины взвизги, охи и «ай-ай» Аркадия Иваныча. Закат на озере. Встреча с человечком-«килограммом» (окуньки в его сумке). Прохладными горницами бора, вдоль зеркала озера — домой; сумерки, дух влаги. Ворчание грома, в тишине наползание мглы с юга. Кровавые землянички, красная ее листва, красный, белый грибок, утка в заливишке. Встреча на горке у еловой аллеи Ан. Еф. с Ниночкой. Телеграмма от Л<юттика>. У Аркадия

Иваныча — чистка рыбы, телефонограмма Л., ужин с лампой, о цыганах (Мих. Ив.). С латкой рыбы — домой; силуэт береговой дороги, звездочки...

3 августа. ...Перед сном — до опушки на чайниковской дороге. Густые сумерки. Благодать несказуемо родного, кровного и Великое таинство вершения... Так знакомого... Мелкая, прохладная, бархатная пыль дорожки... Почему так дорога эта земля? Почему так хочется приникнуть к ней?.. Молчание, воздетые очертания деревьев, темный багрянец неба; чернеющая грива берез, дороги и рощи, силуэт церковной луковки и золотая, полная луна близ нее... звездочка над опушкой, трепет ее в бездне летящего молчания... Поклон земле... За воротами, у сарая, — дух сена, волны тепла, запахи зерна, и откуда-то [тянет] дымком и соломкой...

5 августа. Сплошное царство рыжих муравьев; два красных гриба. Прибой крошечных волн озера; куличок с хроменькой ножкой сел в ямку прибрежного песка, как в гнездышко, а шейка и головка все продолжают делать кивки-нырянья, как если б куличок бегал на лапках; у большой купальни поздние землянички, сладкие как варенье, только живое; на лысой горке, над озером, трепет прибрежных осин, дрожание их в набегавшем ветре было как образ идеального, сплошного, тревожно ровного *tremolo* [дрожания] струнных.

6 августа. [Посвящается Любви Дмитриевне]

Цветет сирень, кусты в кистях лиловых,
Жужжанье пчел так сладко в блеске дня...
О, сколько чувств и сколько песен новых
Опять в душе и в сердце у меня...

Когда ты ощутишь, что можешь умереть, как вернуться Домой, — вот тогда-то, в действительности, ты сможешь (по-настоящему) жить до положенного тебе часа... «Не для меня — мне...»; Искусство — на основе Великого созерцания (ох, если бы...).

Общность образов. Сходство моего: «Так воцарился золотой вечер» с переходом от 4 к 5 части в Восьмой симфонии Шостаковича. <...>

8 августа. На мельнице — собачонка-злючка со щенком, трапеза на вынесенном в сени столе. Внезапный визит милиции. Испуг мельника и арест лесника за моток проволоки. (Шествие их через плотину...) Перед сном кружок: лунной дорожкой и лужайкой. Тревожный ветерок, все еще соприкосновение. Оно (это ощущение) даже как-то «сытнее», когда идет от какой-либо деятельности (любой) в Природе, без элементов сознания и созерцания: сенокос например... точно

(Левин!!) физически вырастаешь в Природу, становишься частью ее деятельного начала.

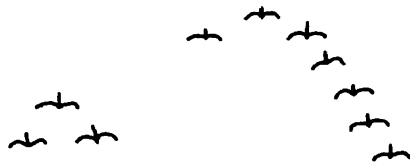
1952

9 августа. Опять под бузину с «Пчелами» [Халифман И. Пчелы. М., 1952]. Мысли о причинах впечатления здесь «неба на земле». В городе — привычно изолирующий небо некий «средний этаж» между землей и небом, в броне грохота и злобония провозгласивший свое главенство в мире и увенчавший себя венцом дымной мглы, в нем и земля; и та не под ногами, а небо привычно далеко... Здесь же совсем не так. Здесь каждая травинка, только показавшаяся из земли, кончиком своим уже уходит в небо, а небо дыханием ветра и синевой своей непосредственно касается земного праха. И земля, и все, что на ней, купаются в его неизмеримости. И это — правда. И ее надо всегда помнить.

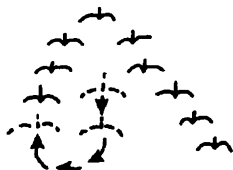
13 августа. ...Да, очень, очень горько: жизнь на исходе — и вся пройдена не в «том материале»... Конечно, повторяю, в сокровенном осмыслении это не играет большой роли, и горечь идет, вероятно, от остаточных желаний что-то «воплотить», «оставить след»... Но все же горько на душе, и в этой горечи заново всплывают тени *сроков минувших и грядущих*, пусть давно изведанных и... ведомых...

22 августа. ...«Леса стоят, как вкопанные» — здесь ассоциация идет отнюдь не от лопаты, а от динамики остановки.

После обеда, сразу с прекращением дождя <...> через бор, вниз, налево к Иловцу. Потемневшие стволы сосен. Рябь ветра на воде. Вдруг в небе гортанно-тихое и нежно-мелодичное «кр-р-ру»... *Журавли!* Трое и семеро — с северо-запада.

Потом — двое (из трех) присоединились, а третий перешел в конец.

И спокойно ушли за леса, на юго-восток. Верно с Глухого озера у Дворищ — на Осотенские пожни или на Кезу, уже к сбору...

А не доходя «Сосновой горы», вдруг размашистое «ф-фа, ф-фа, ф-фа» крыльев: близко поднялась желна [большой дятел] и уселась на ствол сосны, выглядывала из-за него светлоклювой черной головой в алой камиллавке, чистила перышки, что-то свое пронзительно пищала...

24 августа. ...Не буду себя насиловать. Пусть так, отдыхается само «как хочет»... Тем более денек можно партитур и не трогать. За окном — то порывы ветра, то дождь; то светлеет, то опять хмурится. В комнате чистенько, «тишина присутствующая»...

1 сентября. Забороненная пашня — покой заверщенного цикла (от дела — к ожиданию часа); удовлетворенность человека, *причастного* к нему: бывшая — мужика, теперь — моя, здесь рожденная «присутствием при...», которая и есть форма моей *причастности*.

Свернул с дороги и посидел на солнышке у риги, с ее вновь ожившим осенним теплом и запахами; на одуванчике нарядная осенняя крапивница (ах ты, маленький праздничек!) приникает, как бы клюя, к каждому цветочку; вот другая пролетела: невозможно удержаться от улыбки радости, глядя на нее! На бывшем хуторе против пинякинских земель, с писком два ястреба из ледины [низменности]. Один стал снижаться, потом шарахнулся и взмыл — разглядел меня. Земля — «миленькая, родименькая, сыренькая, голубушка...». Запах ее сначала острый, крапивный, потом — согретый травяной душой. У Старого Чайникова — стадо с пастушонком (стадо в пять голов да несколько овец и телят). «Это какая гора?» — «Эт-та? Вот позабыл... Да это к Спирову!» — «А может, это Воронья гора?» — «Ни-и, во — Воронья гора». — «Ну, а там что, за самыми дальними далями каемкой чуть голубеет?» — «А, это. Это там, где живут твои сны...»

На середине поля, против Нового Чайникова. Какая чепуха: «Не ветер, вея с высоты...»(!) Ветер всегда по земле шепчет! Вот как сейчас, когда дрожат в нем сухие метелочки злаков... У Грудницы. Над головой нежная, истайивающая полоска облачков, вокруг них холодная непорочная синева. «Господи! — и вправду, — Риза Твоя пречистая!» Острый холодок и запах листьев в перелесках. Закатным золотом залиты первые багряные осинки. Звучит вступление Четвертой симфонии Глазунова... И еще, прав ты, Сережа [Есенин]:

Блажен, кто жизнь свою украсил
Дорожной палкой и сумой...

После чая в сельсовете киносеанс: «Тарзан» (!) Я ушел из дома и до конца сеанса просидел на чурке у дома соседки Марии Алексеевны в светлой, но задернутой пологом легкой облачности, ночи, в запахах сырой земли; смотрел, как в изгороди чернеющих елей то просвечивает, то закрывается тучами плывущая луна, и слушал, как по Алексейкову разносятся неистовые вопли Тарзана, рыканье львов, причитания обезьян, рев битвы с дикарями и чуждые, резкие слова чужой речи и опять зовы, и опять рыканье... Но странно, окружающее было само по себе: ни стрекотание мотора, ни все чуждые шумы не могли нарушить *молчание мига*... не помешать мне внимать ему.

В «тишине присутствующей» как-то немножко подкралась тоска пустоты дома, специфическая, «жилая», никогда не могущая возникнуть в Природе... Вышел на крыльцо: дождь, тишина, коровы бродят. Вспомнилось — осозналось: не надо противиться ни пустоте, ни тишине, ни неприкаянности; надо отдаться им слепо, погрузиться в них, утонуть в них и слушать, как где-то (может из тебя?) корешки растут, как густеют сумерки; стать ими, а став, — забыть и их, и себя в молчании и покое уходящего времени... Так и сделал — стало просто и легко...

8 сентября. Дома с 12 до 2 час. 1-я ч. и немного 2-й ч. *g-moll* [соль минорной] симфонии Моцарта. Знать вещь — значит, войти в ее атмосферу (знание текста вещи — *не определяет знания вещи*). 2—3 час. чтение «Введения в биологию» (об одноклеточных).

9 сентября. У фундамента дома старого Алексея вдруг клики журавлей в небе; и как последнее благословение сегодняшнему здесь, протянулся большой косяк — в двадцать три журавля; протянулся к югу, но над Медведковым вожак, а за ним и весь треугольник завернул, сделал два широких круга, и только тогда протянулся дальше, уже прямо — и скрылся... Сердце мое исполнилось Великого счастья и благодарности: судьбе, дню, часу...

10 сентября. ...Дома, в наполовину опустошенной комнате (вещи уложены), встреча с «тишиной остающейся». Косое солнышко лежит на стене и пустом столике... От 6 до 7, часок в ржаном поле, за кузницей. К снопам ржи приник... Солнце зашло... *Все*.

1 января (чт). С 2 час. дня до 9 час. вечера запись 3-й ч. Седьмой симфонии Шостаковича.

2 января (пт). С 12 до 7 час. запись 4-й ч. Седьмой Шостаковича.

3 января (сб). 12—1 час. у меня Пригожин¹ со своей симфонией. День — дома, порядок в бумагах и пр.; обедает Петр Сидор. и «Лисенок»! Вечером у Щербинских (Наташин день).

4 января (вс). Днем на [нрзб] в кино «Правда», вечером — Рома («Старосветские помещики» [Н. Гоголя]), елка.

5 января (пн). Репетиция с Q [квинтетом] с 10.30 до 11.30 (по 2-й ч. Седьмой Шостаковича); 3—4 час. разговор о бедах Островского с ним. Вечером на концерте Аносова².

6 января (вт). С 11 до 7 час. вечера запись 2-й ч. Седьмой Шостаковича и 1-й ч. Концерта Чайковского с П. Серебряковым³.

7 января (ср). С 12 до 2 час. у меня Пригожин с симфонией.

9 января (пт). С 11 до 5.30 запись (дописка Седьмой Шостаковича и окончание Концерта Чайковского). Вечером с Катюшей и Лютиком у Ани.

10 января (сб). В Филармонии объяснение с Островским о его поведении; по приказу (и договоренности с Капельницким) его перевод на 4-й пульт. Вечером на концерте Вагнера.

11 января (вс). Днем на концерте Тюлина (в антракте разнос «дерева» и «меди» за строй).

12 января (пн). 11.30—2 час. дома: Вторая симфония Калинникова (1 и 2 ч.); 3.30—5 час. в Филармонии с Е. П. Кудрявцевой по «Кантате» Шостаковича.

13 января (вт). На репетиции Гаука. В 4 час. — сессия Ленсовета.

14 января (ср). 12—2 час. дома: Калинников (3 и 4-я ч.); чтение Лациса «Сын рыбака»⁴; неполадки в желудке.

15 января (чт). 11—13.30 дома: Калинников (1 и 2 ч.). Вечером на концерте Гаука.

16 января (пт). Прослушивание записи «Болеро» Равеля и 1-я ч. Седьмой Шостаковича в Капелле. Вечером у нас наши «бабы».

17 января (сб). В 4—5 час. у Сериковой в Горкоме (моя ей консультация по ЛГК [Ленинградской государственной консерватории]. 7—8 час. у меня Пригожин. «Пожар» и ожоги.

18 января (вс). Днем срезка пузырей на руке. Вечером на концерте Гаука («Фауст» Листа). Отмена моих концертов «23» и «24» из-за ожога руки.

23 января (пт). 3—4 час. прослушивание альтистки Манизер (на предмет годности).

24 января (сб). С 1 до 2 час. у меня Пригожин с экспозицией и разработкой 1 ч. симфонии.

26 января (пт). Утром с Понамеревым в Смольный и Свердловку за путевкой и снять повязку с руки. Вечером с 10 до 11.30 прослушивание Гайдна и Дебюсси (запись).

27 января (вт). В 12 час. в Мельничный Ручей. 2.30 — обед; 3 час. — отъезд домой Лютика и Пономарева. Жай [Ольга Алексеевна] в меховой шапке в окне машины... Опять — лицом к лицу со снежной тишиной...

«Мельничный Ручей»

29 января (чт). После завтрака в 10.15 позвонил домой. Кажется, сюда собирается Коля... [Черкасов]. 10.30—11.30 пошел через озеро, мимо населенного пункта, кругом вчерашней дороги домой. Светлый день; местами проглядывает бледно-голубое небо. Дома — попытка дозвониться Черкасову: не отвечают. Очередные любезности старшей докторши (заботы о еде, телефон). Сел читать. Работать, конечно, здесь в комнате немислимо: непрерывно вещает, полькирует и взлаивает радио... даже дрянную книгу Германа — и ту не сразу понимаешь... К тому же самочувствие паршивое: все еще скулит кишечник, да еще горло заболело. Пошел взял «тройчатки» у сестры. В 3.30 насильно запихал в себя сладкий суп-пюре и какую-то массу из курицы. После обеда продолжал читать не весьма добросовестную и, в общем, слабую (за редкими страницами) книгу Ю. Германа. В 5.30 начались сумерки, зажег лампу, записал эти строки. А там, опять завели радио... Да, если не удастся получить тихую комнату, то пребывание здесь окажется малоосмысленным. Разве что надышусь чистого воздуха да в одиночестве хорошенько погляжу на зло в себе и всю мелкость, чтоб еще раз постараться не творить непоправимо злого, не тонуть в ничтожестве и бессилии... (Лютик! Мама!)

С 6.30 до 7 час. посидел на своей (вчера расчищенной) скамейке в темноте. Придя на ужин, застал конец кинокартины «Пирогов»⁵. От игры Скоробогатова, а особенно музыки, вдруг пахнуло большим искусством (как чем-то забытым!!)...

До чего же огромен дар Шостаковича! Сколь великолепны, неожиданны обобщения, создаваемые им как бы случайно, как бы помимо собственной воли! Обобщения эти далеко перерастают данный образ, тему, которые становятся в итоге лишь поводом для гигантских высказываний... И какое чутье в прорицаниях, приемах, «составе» и «работе» музыки там, где она одна из «участных» элементов синтетического искусства (здесь — кино); какой идеальный, слинный, контрастный образ создается из музыки и зримого действия! Все сказанное относится хотя бы к сцене ожидания нашей армией боя (под Севастополем); и в следующей за этим сцене взрыва и атаки наших войск, где звучащее вначале простое *ponticello* [«играть» у подставки] с *pizzicato* [«играть» щипком] басов создает напряжение, большее любых *tutti!* [вместе], где незаметно появляющиеся в *pizzicato* интонации I—V ступеней параллельного минора, чередующиеся с таковыми же соответствующие мажоры несут в себе жесткие элементы напева «Со святыми упокой» — и превращаются затем в неистовый гимн Неизбежности, как таковой, какую-то Песнь Песней всеисчерпывающей неотвратимости всего вообще... и т. д. и т. д. Я сидел — и мурашки бежали по спине, и слезы навернулись на глаза... (Давно этого не испытывал!)

31 января. ...Если бы не «знать» и не «надеяться», каждое расставание людей было бы как смертный час... ведь только предположительность «знания» и только надежда на вероятность благополучия отличают пусть даже самую короткую разлуку от вечной...

5 февраля (чт). После обеда — переезд в новую комнату.

6 февраля (пт). С 6 до 7 час. партитура «Тиль Уленшпигеля» Р. Штрауса.

7 февраля (сб). 11—2 час. дома [в санатории]: «Тиль» весь (кроме «фуги»).

8 февраля (вс). 11—1.30 дома: Седьмая Шостаковича (1 и 2-я ч.); Калинников (2-я ч.).

9 февраля (пн). 11.30—2 час. дома: Калинников (1-я ч.); Шостакович (2-я ч.), а также первая треть «Тиль».

10 февраля (вт). В 11.15 позвонил Лютику — приехала в Ленинград в 10.30, а в 1.30 приехала ко мне, в 5 ч. — уехала домой.

11 февраля (ср). Дома с 11.30 до 2 час. Шостакович (3-я ч. и повтор 1 и 2-й ч.).

12 февраля (чт). Дома 11.15—1.30: 3 и 4-я части Калинникова.

13 февраля (пт). Дома 12.15—2.45: 4 и 3-я части Шостаковича.

14 февраля (сб). Приехала Жай. Встретились на дороге в 1 час. 25 мин., уехала на Колиной машине в 8 час. 45 мин. вечера.

15 февраля (вс). 10 час. 45 мин. — 1 час. 45 мин. дома: «Тиль» и Седьмая Шостаковича (3 и 4-я ч.).

16 февраля (пн). Дома с 12 до 1 час. «прогон» симфонии Калинникова.

17 февраля (вт). 12 час. 20 мин. приехала Лютик с Пономаревым. 2 час. 50 мин. отбыли домой. 4 час. 20 мин. — дома [в Ленинграде].

19 февраля (чт). 12—3 час. репетиция (1, 4-я ч. и середина 3-й ч. Седьмой Шостаковича). 3.30—6 час. прослушивание в Капелле записей: Седьмой симфонии Шостаковича и Концерта Чайковского.

20 февраля (пт). 12—2 час. 45 мин. репетиция: 3 и 2-я ч. и середина 1-й ч.; половина финала Седьмой Шостаковича (присутствовал Шостакович); прогон 1, 2, 4-й ч. Калинникова. 8.30—9.30 встреча с избирателями.

21 февраля (сб). 11—12 час. репетиция: кусочки по всей симфонии. Был Шостакович.

Концерт № 14:

Шостакович, Седьмая симфония

Очень удачно! Присутствовал Шостакович — очень доволен.

22 февраля (вс). 1—2 час. репетиция Второй симфонии Калинникова: 1-я ч. и прогон 2-й ч., прогон 3-й ч.; с 3 до 4 час. панихида по Родионову (бас-кларнетисту Филармонии).

23 февраля (пн). С 12 до 1 час. 15 мин. у меня Пригожин с готовой 1-й ч. симфонии. 1.15—3.15 дома: Второй концерт Рахманинова и «Шелест леса» Вагнера. 3.15—4.15 подготовка завтрашней репетиции.

24 февраля (вт). 11—2.30: 4, 3 и 2 части Калинникова и «Ромео и Джульетта» Прокофьева. 3—4 час. репетиция с Обориным⁶ под рояль.

У нас Гоша [Васильев] и Нов-ва <...>

25 февраля (ср). Репетиция 11—2 час.: доделки 1-й ч. Калинникова, генеральная всей симфонии, работа над Рахманиновым с Обориным.

Вызов к Сериковой по вопросу кадров.

Вечером у наших: именины дедушки.

26 февраля (чт). 11—12.30 репетиция: кусочки симфонии и «Ромео», Рахманинов — весь. 1 час. — получение депутатского мандата.

Концерт (15-й):

Прокофьев, фрагменты из «Ромео и Джульетты»
Рахманинов, Второй концерт (Л. Оборин)
Калинников, Симфония № 2

27 февраля (пт). 12—2 час.: на Радио прослушивание вчерашней записи концерта в Филармонии. Сопровождение с Пономаревым и Шаком по «подписям» и пр.

Концерт (16-й): повтор вчерашнего (выездной) в ДК им. Горького.

28 февраля (сб). С 1 до 3 час. прослушивание в Филармонии и обсуждение «Фантазии» Баласаняна⁷.

1 марта (вс). 2.30—4 час. дома: Гайдн «Прощанье». У меня: Серикова со своей диссертацией и Генслер (по своим вопросам). Со «стрелой» в 12.30 ночи — в Москву.

2 марта (пн). 12.15 в Москве. 6.30—8 час. дома [в гостинице] партитуры на завтра. Вечером — у Мусички [подруги Ольги Алексеевны].

3 марта (вт). 11.30—2.45 репетиция: прогон Гайдна целиком, работа над 1 и 2-й ч.; 3—4 час. репетиция под рояль с И. И. Петровым⁸ («Вотан» Вагнера). 9—10 час. у Чулаки (о пересадках и «вообще» [о соответствии штатному расписанию]).

Болезнь И. В. Сталина.

4 марта (ср). 11—2 час. репетиция (работа над 4, 3-й ч. и прогон 1-й ч. Гайдна, начало работы над «Шелестом леса»); замены программы... («холодный» грипп).

5 марта (чет). 1.30—4.30 репетиция (доделки и прогон Гайдна, доделки «Шелеста»). Вечером у Мусички. По приходе домой в 12 час. вызов к Чулаки в ВКИ: **смерть Сталина**⁹ (и С. Прокофьева...¹⁰)

Составление репертуара, очереди оркестров и пр. Были все дирижеры: Оркестра Союза ССР, оба радио, Большого театра.

6 марта (пт). К 10 час. в Консерваторию. Там — Ойстрах, дирижеры: Кондрашин, Грикуров, Иванов¹¹; жилеты, галстуки черные, просмотр партитур. К 2 час. в Колонный зал всем коллективам. Играли с 4 до 6 час.

Программа Госоркестра у гроба И. В. Сталина:

1) Шестая симфония Чайковского (4-я ч.); Девятая симфония Бетховена (1-я ч.); дирижер Иванов.

2) «Меланхолическая серенада» Чайковского (Ойстрах); Элегия из струнной серенады Чайковского; Пятая симфония Бетховена (2-я ч.); дирижер Кондрашин.

3) Пятая симфония Чайковского (2-я ч.); Четвертая симфония Брамса (2-я ч.); дирижер Мравинский.

4) «Неоконченная симфония» Шуберта (2-я ч.); «Смерть Озе» Грига; Третья симфония Бетховена (марш); дирижер Грикуров.

(Вся программа шла без перерыва).

7 марта (сб). Сон про сосенку, рожь, осу... К 7.30 утра — в Консерваторию. В 9 — в Колонном. (Окончили в 1.30.) Безвыходно — в гостинице.

8 марта (вс). 1 час. — 3.30 дома: партитуры «Лоэнгрина» (один и другой), еще раз «Прощанье», «Полет». В 10 час. — ночевать к Гаукам.

9 марта (пн). 3 час. утра — будильник; 5.45 поезд метро. Играть начали часов в 8; в 10 час. — вынос (Иванов: 1-я ч. Девятой Бетховена, Кондрашин: 2-я ч. Первой симфонии Гайдна; я: 2-я ч. Пятой Чайковского). Около двенадцати — к Гауку, около 2 час. — дома, 4 час. дня — зал Чайковского. Вечером у Шостаковичей.

10 марта (вт). Утром у Галантера по будущим планам. 12.20 отъезд в Ленинград.

11 марта (ср). Дома у нас Аркадий Иванович из Алексейкова. Вечером — у Черкасовых. С 11 до 12 час. ночи у меня Янсонс¹² (консультация по Пятой Глазунова).

12 марта (чт). 5—6 час. в Филармонии с Янсонсом (Пятая Глазунова) под рояль. Вечером — на концерте Курта [Зандерлинга].

13 марта (пт). Утром: на репетиции Янсонса; в 5—7 час. он же у меня дома с партитурой Пятой Глазунова. Вечером Лютик у Литы, у меня — Рома.

14 марта (сб). Вечером на концерте Янсонса (Глазунов). (Смерть К. Готвальда¹³).

15 марта (вс). 12.30—3.30 дома: «Фантастическая» (1 и 2-я ч.) и бегло — «Мефисто-вальс» Листа. Вечером у Курта.

16 марта (пн). Конкурс в оркестр Филармонии. Первый день с 1.40 до 6 час. вечера прошли 10 человек. Дома — посмотрел «Ромео» Берлиоза.

17 марта (вт). Дома с 11.30 до 1.30 Берлиоз (3 и 4-я ч.). Конкурс с 2.30 до 7.15 (2-й день) — 12 человек.

18 марта (ср). Репетиция 12—1.30 с солистами под рояль (Тризно и Синицына) Моцарта. Днем с 2.10 до 5.45 конкурс (3-й день) — 11 человек.

19 марта (чт). Конкурс (4-й день) — читка с листа, с 11 час. утра до 6.30 дня. Вечером у нас Коля с Ниной [Черкасовы].

20 марта (пт). На репетиции Гаука.

21 марта (сб). 11–1.30 дома: «Фантастическая» (5 и 1-я ч.)
С 4 до 10 час. (!) обсуждение конкурса.

22 марта (вс). С 1 до 3.30 у меня Смолин — новый скрипач.
4.30–6.15 дома «Фантастическая» (4, 3 и 2 ч.). Вечером на
концерте Гаука (Двадцать седьмая Мясковского).

В 1 час. ночи умер Стася [муж сестры Ольги Алексеевны].
А под утро — годовщина дедушки... <...>

24 марта (вт). 11.30–2.30 дома: вся «Фантастическая».
4–5 час. репетиция под рояль Моцарта (с солистами). Вече-
ром на концерте Гаука («Буря», Шестая симфония Чайков-
ского).

25 марта (ср). Репетиция 12–3 час.: вся симфония, прогон
и работа над 4 и 5-й ч. 4–7 час. похороны Стаси.

26 марта (чет). 11–3 час. репетиция: доработки по всей сим-
фонии, прогон Моцарта с оркестром и солистами.

Неожиданная выписка из 6-цы Аркадия Ив. и его спешный
выезд в 6.01 на Брусово! (Дым...)

27 марта (пт). Отменил репетицию, т. к. очень хорошо
и успешно прошли репетиции «25» и «26».

28 марта (сб). 11–3 час. куски по симфонии, генеральная
симфонии (очень тяжелая работа), «Оберон», Моцарт.

29 марта (вс). Репетиция 11–1.30. Болезнь арфистки, замена
концерта, работа над увертюрой «Фигаро», «Приглашением
к танцу», «Обероном» Вебера; кусками симфонии.

Вечером концерт (17-й):

Моцарт, увертюра к «Свадьбе Фигаро»

Вебер, «Приглашение к танцу», «Оберон»

Берлиоз, «Фантастическая симфония»

30 марта (пн). Дома: 8–9 час. партитуры на завтра.

31 марта (вт). 11–12.15 репетиция (кусочки по всей про-
грамме).

Вечером концерт (18-й): повтор программы 29 марта.

Беседа с Лейкиным о его переводе на 2-е место 5-го пульта
vcl [виолончелей].

1 апреля (ср). 1–4 час. у Пономарева — вопрос о Юфите,
Никитине (трубачах), зачисление без «и. о.», о репертуаре
будущего года.

Вечером — подготовка рыболовных снастей.

2 апреля (чет). 12.30–4.30 дома: «Мефисто-вальс», с переры-
вом с 2 до 3, когда пришел Должанский¹⁴ с «радиостатьей»
обо мне.

3 апреля (пт). Первый выезд с Гошей [Васильевым] до
«Черной речки». Здесь еще зима! Даже ольха не цветет.

4 апреля (сб). 1—3 час. с Оником в Филармонии о репертуаре будущего года. 3.30—4.30 на радио прослушивание записей от 31 марта, их браковка.

5 апреля (вс). 3—4 час. прослушивание в Филармонии концерта хора Университета. Вечером у Ипатьевых.

6 апреля (пн). Со «стрелой» (12.30 ночи) в Москву.

7 апреля (вт). 12.15 дня — прибыли. 1—3 час. дома [в гостинице] Гайдн и «Мефисто». Днем в Комитете... 6—10.30 у Мусички. Тревога за концерт: заболел Рихтер.

8 апреля (ср). 10—1.30 репетиция с Госоркестром (Гайдн, вся симфония). 4—5 час. получил деньги за запись (январскую).

9 апреля (чт). Репетиция с 12 до 4 час.: «Мефисто-вальс» — всю репетицию!.. какая-то кровавая пытка, а оркестр доволен?! Весь день и вечер сердцебиение и пр. Ночью перенос матраца в другую комнату: шумит ночная столица...

10 апреля (пт). 11—2.30 репетиция (доделка и генеральная «Мефисто», генеральная Гайдна). Я — «по покупкам». <...> Лютик у Вавиловой. Вечером — у нас Лита.

11 апреля (сб). Репетиция 11—1 час. (заплатки: 1, 4-я ч. целиком; 2 и 3-я ч. — кусочки; генеральная «Мефисто», концерт весь, с Обориным).

Вечером концерт (19-й):

Гайдн, симфония *D-Dur* [Ре-мажор]

Чайковский, Концерт для ф-п. с орк.

Лист, «Мефисто-вальс»

Очень хорошо.

12 апреля (вс). Днем, в 2 час. концерт (20-й): повтор вчерашнего.

Гайдн — гораздо лучше, просто хорошо. Лист бледнее: не «дневное» сочинение. Вечер — у Обориных (Никольский!)

13 апреля (пн). Утром появление в пижаме Коли Черкасова. 4.30—5.30 прослушивание сочинения Разоренова¹⁵ в ССК. В 6 час. обед у Шостаковича. Поздно, с Н. Черкасовым у Беспалова по поводу Карлсбада.

14 апреля (вт). Репетиция 12.45—4.45 с Радио б. оркестром (черновая работа по 1 и 4-й ч., прогон 2 и 3-й ч.). Бедлам и кошмар новичков!

Вечером за Лютиком к Мусичке. (Днем похороны Д. С. Фединой¹⁶).

15 апреля (ср). 12—4 час. репетиция (доработка и прогон 1 и 4-й ч.).

У нас обедает Ниночка Тимофеева.

16 апреля (чт). Утром очень плохо с сердцем, слабость... 3—6.30 репетиция (работа над 2 и 3-й ч., их прогон; прогон и половины 1-й ч.). Вечером у Мусички.

17 апреля (пт). 11—2.30 репетиция (доделки по всей симфонии, генеральная и еще доделки). Был Шостакович. Дома 8—9.30 партитура на завтра.

18 апреля (сб). Репетиция с 11 до 12 час.: кусочки и 2-я ч. целиком.

Вечером концерт (21-й):

Шостакович, Седьмая симфония

Был Шостакович. Хоть и еле доехал до финиша, но удачно...

19 апреля (вс). Утром Юдин¹⁷. С Галантером на Воробьевы горы (Университет). 5 час. — у Холодилина; вечером у Гаука.

20 апреля (пн). Утром Юдин, скульпторша, контрабасист из радио. 2—4 час. у Твердохлебова (о симфонических делах); один час с Холодилиным, прослушивание Шестой Шостаковича; 5 час. — гастрольбюро. Прослушивание флейтистки. Вечером у нас: Белоцерковский, Галантер, Лита с Н. Вл., Гаук.

Со «стрелой» — домой.

21 апреля (вт). 11 ч. 50 мин. утра — дома. Днем у Пономарева — по всем вопросам; вечером у нас Аня и Лида. «Художества» пономаревских старичков.

22 апреля (ср). 11.30—3 час. дома: Четвертая симфония Бетховена — вся и немного Седьмой Брукнера!!! Вечером на концерте К. Иванова (Бетховен).

23 апреля (чт). Дома с 1 до 4 час. Четвертая симфония Бетховена (1 и 4-я ч.) и вступление к «Лоэнгрину».

24 апреля (пт). Утром у Сериковой в Смольном по вопросу ликвидации Радиооркестра. Дома с 2.30 до 4 час. партитуры на завтра. 4—5 час. у В. М. Андрианова (опять о Радиооркестре). 9 час. — в постель.

25 апреля (сб). Репетиция с 11 до 3 час. Четвертой симфонии Бетховена (1, 2 и 4-я ч.). С 3 до 4 час. прослушивание увертюры Гана у Оника. В 7 час. с Жаем на Стрелке [Васильевского острова] и ненадолго к Черкасовым.

26 апреля (вс). 11—2.30 репетиция Бетховена (3-я ч. и доделки по 4-й ч. и ее прогон); работа по вступлению и антракту «Лоэнгрина», прогон «Полета». 2.30—3 час. Пригожин с симфонией (в Филармонии).

27 апреля (пн). Возня с сердцем: в три у Анны Максимовны.

28 апреля (вт). Репетиция 11—2.45, долгая работа над «Шелестом», доделка «Полета» и генеральная вступления, антракта из «Лоэнгрина» и Четвертой Бетховена.

29 апреля (ср). 11—12.30 репетиция (доделки по всей программе).

Вечером концерт (22-й):

Бетховен, Четвертая симфония

Вагнер, вступление и антракт из «Лоэнгрина»,
«Шелест леса», «Полет Валькирий»

30 апреля (чт). Всю ночь беды с сердцем... весь день отлеживался.

Вечером концерт (23-й): повтор вчерашнего.

Был Андрианов с Ладановым! После — у нас Пономаревы.

1 мая (пт). На кладбище с нашими, вечером все у Лиды.

2 мая (сб). 11.30—4 час. дома: «Времена года», «Раймонда», начерно «Экстаз». Вечером — почта (Шостакович) и по родным местам: Средняя Подъяческая, Никольский собор, голуби...

3 мая (вс). 10.30—3 час. дома: «Экстаз», «Баба Яга», «Времена года» и немного симфонии Пригожина.

4 мая (пн). 11.30—12.30 партитуры на завтра. 2.30—5.30 конкурс в Филармонии на должность бас-кларнета. Вечером на концерте Тонса¹⁸ [ЭССР].

5 мая (вт). 11—3 час. репетиция «Времен года» и прогон вальса из «Раймонды».

6 мая (ср). 11—3 час. репетиция «Раймонды» и «Экстаза» (работа и прогон). 3.30—7.30 конкурс на бас-кларнет.

7 мая (чт). 11—3 час. репетиция («Бабы Яги», перерыв репетиции из-за альтов; прогон с доработкой «Времен года», генеральная «Экстаза», прогон симфонии Пригожина дважды).

Вечером на перевыборах Правления ССК [Союза Советских композиторов].

8 мая (пт). 11—12.30 репетиция кусочков «Раймонды»; прогон «Времен года», «Бабы Яги»; кусочки «Экстаза».

Концерт (24-й):

Глазунов, «Времена года», сюита из «Раймонды»

Лядов, «Баба Яга»

Скрябин, «Поэма экстаза»

Все плохо. Ужасное состояние сердечной слабости...

9 мая (сб). Был в Михайловском саду днем.

Концерт (25-й): повторение вчерашнего.

Хорошо.

14 мая (чт). Отъезд в Пюхьярви (с Лютиком и Леночкой [сестрой Ольги Алексеевны]).

Пюхярви

14 мая (чт). 10.15 выехали с Лютиком в Пюхярви! На В. О. за Леночкой. 2.40 — на месте. Тепло. Тихо. После обеда на озеро. Тропинка к нему под водой. Плывущая поперек нее водяная крыса. Рыбьи круги среди затопленного ивняка. Лодка под водой тоже: течет как решето. Ни единой поклевки. *Кричат гагары; кукует кукушка, блеет бекас.*

К вечеру — за нашими, к домику: Л<ютик> и Леночка на землянике. (Березка!) Ранний крепкий сон.

15 мая (пт). Солнечно, очень тепло. Рано утром выходил на крыльцо. Воздух — как струя животворная... Поют жаворонки, скворцы, еще разные птички; вдалеке бормочет тетерев... залиvistые трели кроншнепов, восклицания чибисов, с озера щелкают соловьи.

На Корновский ручей. Елочка возлюбленная; к сараю: все заросло. Отдых на спуске к нижней тропинке (горестная дряхлость, зрение...); часок у бегущего из лесу через дорогу ручейка. Его струйки и пена. Кружевная прозрачная зелень мелколесья, нежно-счастливая, пронизанная солнцем и овеванная синевой небесной... По листе впереди всех — рябина; маленькими, еще клейкими, но готовыми листиками зеленеет береза. Позади — ольха (чуть высунулись листики) и совсем голая — осина: только-только просыпаются почки на верхушках. Черемуха выпустила довольно большие кисти бутонов и светлые мелкие листочки; на соснах свечечки, сантиметра полтора-два. Елки только еще засветлели пупочками — будущими зелеными «бантиками» новых лапок. Массами цветет мать-и-мачеха.

Иван-чай уже торчит пучками в четверть. *Зацветает калужница* по лужицам. В лесу массовое цветение *белой перелески*, а на папоротниковых местечках, сейчас совсем голых, нежнейше голубеют группы *перелески голубой* («увидь нас!»). Видел несколько *папоротниковых вай*, совсем маленьких, а у одной лужицы уже и нынешнего лягушенка.

Цветет *примула*, много *гусиного лука*, и зацветает самый нежный лесной цветик — *кисличка*. На песчаной дорожке видел, видимо, первых помпилков: суетливо ищут места для норок; вокруг перебегают их враги: скакуны (*cicindela*). Вообще, ожило все. Летают *c-album*, лимонницы, шмели (*B. hypnorum*, *B. terrestrum*), видел стафилина, навозника. На смородине уже кисточки будущих соцветий, яблони местами выпускают алые бутончики. Там и сям в саду глазки маргариток.

После обеда опять ездил на озеро, опять ничего, видимо, вся рыба где-то в глубине. Видел первого майского жука.

16 мая (сб). Рано утром пришли Коля, Митя и Женюшка; пошли все после завтрака делать гряды и сажать картошку.

Я — на болото (вчера там кричали журавли). Часок на скамейке у Осипенок. (Голубые перелески?) Немного в торфяном сарае на большом болоте. Вольный ветерок по сосенкам; на кочках «падающая» клюква, свежие следы лосей на тропе. Перешел болото, посидел в лесу. Не оставляют мысли и чувства вокруг события с Л<ютиком>... всяческая проверка ее, себя... тяжесть и грусть... и все-таки главное — неизменно, и только это и важно! — как мог я позабыть свою клятву дедушке?!

На обратном пути собрал Л<ютику> подснежной клюквы и один цветок перелески (ее отношение к этому?). Часок на кочке у болотинки и *встреча с журавлем*: вышел из лесу и медленно, не заметив меня, прошагал через лужайку... видимо, шел от гнезда.

В 3 часа с нашими обедать. Л. обо мне: «натурфилософия» (?). После обеда сон. С Гошей в Пюхьярви и к Грану, узнать насчет клева. На обратном пути посидел у него и Натальи — и пошел к своим. Л. с ивовыми прутиками у клумбы. «Перевернувшееся» у меня сердце: нарезал ей хороших веток, очистил. Свежо вечером. Ветерок не стихает. Народился узенький серп нового месяца.

17 мая (вс). Ночью будили собаки. Поэтому встал позже всех. Хотел на озеро, но появившийся Титов¹⁹ только что бросал «у Грана» — ничего. Тепло, даже жарко при сильном юго-восточном ветре.

Вчера еще стали появляться цветы одуванчиков. Вообще, события идут очень быстро: за два дня заметно увеличилась, погустела листва; свечи на соснах удлиннились почти вдвое, зацвела красная смородина! На яблоне уже порядочные бутоны свесились из почек.

Вместо того, чтоб ехать на озеро, после беседы с Титовым пошел к нашим. Они собираются чистить сортир. Я сел у амбарушки и записал все эти дни — до сих пор. После обеда с Иваном и Толей выволокли лодку — сушить. Леночка, Митя, Женя и Коля в 3.30 ушли на станцию.

О Машином хозяйстве: козлята, Фунтик (кот), Жука с Катаем (сыном), наш теленок — гигант (обсуждение его судьбы в связи со сдачей мяса). Придя, полежал, как-то разморился. Немного попробовал коротенький спиннинг в огороде, потом пошел за Л. — к дому. Ветер и тепло, но небо затнуло. (Л. все убирает, копошится).

Около дома в «дедушкином» перелеске обнаружил небольшой ландышник. Уже по два, два с половиной листа на растеньице. Черника за эти 3 дня покрылась молодыми листи-

ками. А еще 15-го только выпускала их остренькие кончики из почек.

Л. сгребает сухую листву. Посидел на «въезде» на сеновал, глядел на «священнодейственно» копошащуюся Л. в платочке, передничке и сапогах, впитывал окружающее.

На березке заливается скворушка. Думал, как и все эти дни, о своей «нетрудовой» роли в Л. хозяйствовании, которое она так любит, о причинах этого, путях — исполнившихся и несбывшихся («пустошка»...), о всяческих оправданиях... и т. д. и т. д.

Ветер стих, на западе засинела туча; потемнело; и будто еще интенсивнее стала зелень молодой травы и листвы. Принес 2 ведра песку из ямы на дороге, посыпали перед крылечком. Уходя, Л. перекрестила дверь... (Благословение всему еще уцелевшему?..) На стене в кухне календарь. На нем 28 сентября прошлого года, день последнего отъезда...

Заморосил теплый, мелкий дождичек. Зашли к Гоше с Нат. Ал. Дома — молоко и спать.

18 мая (пн). 6 часов утра, пробуждение, спешка. Около семи появление Гоши с Титовым и Игорем на машине. Л. села, уехали... (оставила образок: «там мой цветок»). Вернувшись, лег и мгновенно и крепко заснул до 9.30. В 10.30, позавтракав, ушел в лес, в сторону грушевых мест.

По сосняку в сухом брусничнике цветут *анемоны* (?), белые и бледно-лиловые. *Цветет толокнянка*. Видимо, массовый выход [нрзб] и видел более 20 экземпляров на дороге, окаймленной вереском. Несколько пар копулируют (не с него ли паразитируют они на пчелах?).

Сцена неудавшихся «уговоров» самцом самки! Спутнул глухарку. Часок у «грушевых» березок. Высокая, тонкая, сплошная облачность. Иногда сквозит солнце. Южный ветерок. Слабый, но непрерывный, то набегающий, то стихающий шум леса... Птичьи голоса. Дрозд налетел, трещал на меня с ближней сосенки. Шмель долго гудел вокруг: все что-то обследовал на земле и в прошлогодней листве.

На обратном пути встретил лису: трусит рысцой; близко подбежала, потом, видимо, заметила — как сквозь землю провалилась.

Зашел к нашему домику, посидел у столика...

До ужаса ясно коснулся призрачности Всего... вещей и сроков... и годы, дедушка, Стася... (заглянул в окно кухни — дедушкина поза дремы у стола). Перед лицом наглядности следов единственно близкого (Лютика), живой связи с ними, особенно устрашающая и полна скорби стала эта встреча с неизбежным... А домик (земля вокруг) стоит прибранный, приготовленный к Новым дням своим и тем,

кто будет... прибранный с любовью и верой, и вечной надеждой сердца...

Домой пришел в четвертом часу. Пообедал, полежал — и вот записал эти строчки. 5 час. дня уже. На окне дождинки. Похолодало. Полистал «Ниву». 6—9 час.: зайдя к Нат. Ал., прошел запустелым, размытым большой водой берегом озера, мимо бывшего сарая — к «мызе». Там посидел в тоске окружающих руин (покинутые дупла, а мы в них все, как бивуачники), в живительном чистом воздухе.

Рыжий пастушонок с коровами на холме. На обратном пути зашел к Ив. Мих. за книжкой (какой-либо). Немой повел в сарай — рыться в ящике, в котором вперемежку лежали книги и старая обувь. Дома Машкина забота — творожники. *Цветет селезеночник.*

19 мая (вт). Проснулся 9.15, солнышко на углу (совсем сиверского!) шкафа-буфета, в окне голубое небо, тепло. <...> На огороде у себя — Мичурин; как всегда, окликнул глупым поставленным «гласом». Прошел на Гошин участок, посидел минутку с Нат. Ал. и ее резвящимся котенком и потом направо, лесом, по высокому берегу вдоль озера. Райская Безвестность: на защищенных от ветра, согретых горячим солнцем местечках торчат уже высокие, как живые существа, причудливо свернувшиеся группы (уже высотой в полторы четверти) вай папоротников, некоторые *уже разворачиваются в листья*; на просвечивающихся солнцем ландышниках показались бутоны; *зацвела черника* нежными своими колокольцами.

Все вокруг усыпано молодыми зелеными трилистниками и беленькими цветочками кислички, вперемешку с (уже осыпающимися) голубыми глазками перелески; местами желтеют колонии селезеночника. Будто убрана земля весенним убором — точно светозарным ковром — навстречу невидимой невесте...

Без надежды на удачу (где уж взять это все на пленку!) снимал все это. Кучки недавних лосиных орешков: глухое это местечко. Помет лисы, состоящий из совсем белой шерстки беляка и его косточек. Березовая рощица сияет и золотится в солнце и теплом ветре. От нее — полянка, круто сбегаящая к озеру. Голубая его ширь, по ней бегут темные полосы и пятна ряби. Бездонно-нежное голубое небо над ней. Спустился к воде. Посидел на корнях склонившегося над водой векового вяза. Листики его еще свернуты и тянутся из почек светлыми стрелами в разные стороны, каждый к своему будущему месту в солнечных лучах... Тихий плеск воды о прибрежные валуны; первородная чистота дуновений воздуха. Зацветает гравилат речной; на купальнице уже большие бутоны.

В 2 часа был дома, попил молока, подождал Ивана, помогавшего сгружать лодку Корнов, и вместе с ним на озеро — смолить лодку (с Толей).

К пяти дома, очаровательный Катай, обед, немного «чтива» (М. Гарный «Только мельком»: о Берлине и Париже 1928 года), отдых и запись сегодняшнего дня — до сих пор. 7 час. 15 мин.: за окошком изумрудный предвечерний час; но сильный южный ветер все шумит, не утихает... Через поле пошел к домику. 5 штук чибисов преследуют ворону, та изо всех сил улепетывает. Ворона только побряхтывает...

У дома: часок на «утренней» скамеечке; косое солнце на грядах, тени между ними; коричневатый румянец на стволах молодых березок. Оглядел все... опять заглянул в окошко: тишина встречающая и остающаяся... Тропкой, прямо на шоссе; на маленьких осинах, растущих вдоль него, повисли бледные коричневатые листики. А вот на больших осинах еще их нет почему-то? По дороге зашел к Нат. Ал. Котенок ее поел наконец, сидит моется; прехорошая рожица, а хвост как у белки...

К 9-ти дома. Солнышко низко. Пощелкивает соловей; с поля — трель кроншнепа...

20 мая (ср). Проснулся в 5 час. утра. Тихо. Сразу встал — на озеро. Соловьи вдоль тропки. Доплывал до Грана — ни одной поклевки. Тихо, солнечно. Домой — к 10-ти. После завтрака поспал до 12-ти. Хотел выйти — дом заперт снаружи. Вылез в окно. Пошел в мармитку [уборную]. Пока сидел там, 2 лося, по свидетельству Трофимычева работника — мальчишки, проходили по шоссе! До 1 час. дня побыл дома: на крылечке с собаками. Пришел Иван, тоже посидел, вышла Марья — постояла. Потом к домику. По дороге зашел к Наталье. У нее машина Корна. Написал записочку Жаю — пошел к Корнам, отдать шоферу. Встретился с ним на дороге. Зашел в «дедушкин перелесок» проверить ландышник и напротив; черемуха сплошь в белых кистях: *зацвела сегодня*. И в лесу видел зацветшую черемуху. Первый этот, увиденный в лесу, цветик черемухи вложил в записку Жаю. Сирень выпустила маленькие бутоны. На суходолах — *зацветает бессмертник*. Видел группы цветущих полевых *анютиных глазок*.

В лужах в лесу появилась масса комариных личинок. Стоит безоблачный, почти жаркий, весенний день. В легком ветерке слабо переливаются вершинки берез; яркая зелень слепит глаза. Все цветет, гудит; вокруг черемухи на несколько шагов стоит в солнечном воздухе аромат ее цветов. Благодать... идешь в ней, и хождение это — хождение в *Счастье*. Вот оно, здесь, — истинное *Весенней земли*...

Появились малые щелкуны. В 3.30 дома; в заулке — толчея: тут и Корны с телегой за вещами, и «Цоцка», и коров выго-

няют, и собаки играют, козлята бегают, петух, куры... После обеда немного подремал... очень жарко, как летом.

Потом записал день до сих пор (5.30 дня). У столика в заулке (пришла туда тень) почитал. В 7 час. с Толей отправились на озеро. Доезжали и в наш заливчик, но ничего не поймали. Одна щука клюнула в малом заливе Черкасовых «на дорожку», да и та сорвалась у самой лодки.

Вернулись в 10-м часу. Тишина; молчание на озере полное. Садилось солнышко, а высоко в голубом небе, на юге, белела краюшка месяца. У берега осмотрели сеть: попался налимчик, плотичка и щуренок.

21 мая (чт). В 5 утра выходил, подышал. Потом смутно сквозь сон слышал приезд и чаепитие Левы. В 9 — день начался как в детстве: заглянула Маша: «Не спите — глядите?» Дала письмо от Жая, очки, молока попить, папироску, спички. После завтрака (день солнечный, но ветряно) пошел проверить ландышник за Васильевыми: еще не цветет, верно ждет Духова дня или Троицы... На березовой лужайке лег: набежали рядами чешуйки высоких облаков, солнышко закрыли, стали комарики покусывать, потом отстали... Когда приходишь в Природу и затаишься — все потревоженное твоим приходом и запахом постепенно о тебе забывает (даже комары теряют путь к тебе, раз ты не тревожишь движением своим и запахом воздух) и начинает заниматься своим делом. Пеночка села в двух шагах от меня на ветку, посидела... оглядела — «не поняла меня» и «на всякий случай» все-таки отлетела. Уплыли облака, опять засияло все в солнце; каждый молодой листик березок, еще клейкий, заблестел как зеленое зеркальце... сладко в тени задремалось на несколько минут. На обратном пути ветерок разносит по солнечному лесу запах повсюду цветущей черемухи. Нарвал ее немного для Нат. Ал., вернее, как-то через Гошу — Лютику!

Зацвела купальница на лужайках. Дома с 1 до 3 час. не без интереса поработал над Пятой Чайковского (проглядел 3 ч.). Написал записочку к Жаю. Пришел Лева. Все вместе обедали. Катай хотел утащить из кухни бутылку, потом взялся за мою туфлю. Симпатия страшная! После обеда прилег; свистит за окном усилившийся ветер. Что-то неладная у меня сегодня голова: видно, вчера пересидел на озере в слепящем солнце. Ничего не поделаешь: «все в свой час», к тому же очень жарко, да и от очков как-то устаю... Полежав, записал день до сих пор (5.30 дня). Потом взял ведро, по пути у Нат. Ал. лейку и тихонько пошел к домику поливать клумбы. По дороге обнаружил зацветшее растение: *вороний глаз*. Стал поливать; совсем стал немощный: вытащу ведро из колодца — сердцебиение. Отдыхал, помаленьку все полил.

В лесу, за дорогой, свистит иволга; *за последние сутки большие осины полностью выпустили* молодые листочки и уже слабо лепечут в ветре. Яблоня *разворачивает* цветочки — вот-вот зацветет.

Посидел у столика, все размышлял об июне: много «за», чтоб не ехать в Тверскую... (Л. — готовка, ремонт, будущий Карлсбад и т. д.). Думал и о Мише [видимо, Смелкове], не послать ли ему денег, чтоб приехал, — хоть еще раз повидаться всем на этом свете... И чтоб пожил здесь...

Дома, около 8-ми посидел на амбаре, пара скворушек на нем; пришли с поля коровы; Маша ходит, окруженная живностью. Приехал Иван с Толей со станции, заулком проехали в сарай — за сеном. В 9 час. с Толей выехали на часок на озеро, привезли щуку (1 кг 800 г). За ужином с Машей вспоминали тверские места. Комаров стало довольно много, лезут в дом, невзирая на неулегшийся ветер. Долго не мог заснуть: гудит ветер, серебряный полумесяц светит прямо на постель, как-то тревожно...

22 мая (пт). Встал довольно поздно. Скулит немного сердце, отдает в руку. После завтрака (10.30) покурил на амбаре, угостил Катая булочкой, пришли с ним вместе в комнаты. Он лег, спит около меня, я записал вчерашний вечер и до сих пор.

День сегодня опять солнечный, сияющий, но свежий: легкий ветер дует с севера. С 11 до 1.30 занимался финалом Пятой Чайковского и «Мефисто-вальсом» Листа. Сначала было очень трудно, весь организм точно восстает против «эмоций», потом постепенно вошел в атмосферу — и наладилось. Катай лежал около и во сне чмокал — видно, сосал мамку... Маша рядом копошится у печки.

1.30 — пошел к домику. Сиротинин на огороде сажает горох, посидели с ним на скамейке. Он многословно рассказывал про «болезнь» своей подсадной утки, о своей охоте весной на селезней. Девчушка их ездит вокруг на велосипеде, а Атька то и дело выглядывает из окна и рычит на меня.

С Г. В. [Гошей Васильевым] вместе пошли к домику, оглядели все (яблоня еще не расцвела) и прошли на «верхнюю» дорожку — я ему показал примулы. Заглянул к Наталье. Пришел домой к 3.30. Очень жарко и маятно, да и сердце все ноет — ничего не охота. Немного почитал после обеда и все-таки решил пойти на озеро — не терять воздуха и простора. Проехал «с дорожкой» за наш залив до вязов, спускался к которому с высокой луговинки; в тени высокого берега полежал в лодке; полный штиль, чуть переливается солнечная гладь озера. С берегов струится медовый запах цветущих черемух; многочисленные купы ее светлеют среди яркой зелени лесов.

Как всегда, где-то разговаривают гагары. К острову протянул кроншнеп. Птичье щебетание в лесу...

Приехал домой к 10-ти вечера. Хозяева в бане. Вечером значительно стало прохладнее. Заснул крепко и скоро, заставившись одеялом от лучей серебристого полулуния... <...>

23 мая. Суббота. (Уже!..) Проснулся бодрый от сладкого сна в 6 час. утра. Сон про Пономарева и мою ссору с ним из-за Бори Шальмана. Как всегда, прошел к конюшне. (Токует бекас «те-ке, те-ке».) Катайка встретил приветами, увязался в комнаты; покормил его, с трудом выставил; появился с «мявами» с чердака Фунтик, я поскорей захлопнул дверь, а то всех перебудуешь! Наплывают тучки. Опять лег спать. Проснулся в 9 час. с худой головой; подремал еще до 10-ти. Потом долго копошился: брился, мылся и т. д.

День солнечный, жаркий, но с очень сильным юго-восточным ветром. Толенька пошел сдавать арифметику, Маша к Наталье, а я записал эти строки (12 час. дня).

Пошел к домику. Все на месте. Воздух с каждым днем все богаче и богаче запахами: все новые и новые «человечки» зацветают, все гуще и сочнее травяной дух... Домик наш навстречу идущему глядит из леса беленьким оконцем-глазком.

Сегодня, наконец, зацвела наша старая яблоня, стоит убранная, как невеста, вся в полураскрывшихся бледно-розовых, нежных цветках; полностью раскрылись они только на ветвях, ближних к стенке дома, где тише и теплее.

И вот надо тоже до конца дней быть как невеста, и все новое, каждый день принимать, как первое счастье! («не помни»!!) Вот так в мудром мире растений: пока есть жизнь, есть цветение; и каждая новая весна — как первое счастье! И так до последнего часа (как в первую свою весну).

На дальнем болоте раскричались журавли; пошел мимо песчаной ямы, мимо сухого желобка, налево тропкой к шоссе. На обратном пути на минутку зашел к Наталье, у них все прибрано и готово к приезду Гоши. Видел, у нее на огороде *цветут незабудки*. Слышал в поле перепела. Может ли это быть? В канаве видел первую зацветшую нежно-голубенькую *веронику*. Солнце сильно палит, ветер теплый, все крепчает; на западе плывут гроззовые тучи. Громыхает гром, молнии.

Вернулся домой в третьем часу. Зной усиливается; наконец, дальний грозвой ливень постепенно повернул к нам, ветер переменялся, повеяло холодком, клубящийся край туч протянулся над головой, ветер стих, и пошел благодатный дождик; к сожалению, вероятно ненадолго: задело нас только краем, и гром, удаляясь, ворчит уже где-то за озером (5 час. дня). Но дождик разошелся и, теплый и крупный, шел больше часу.

В 6.30 приехал Гоша с Ипатьевыми, привез баульчики от Жай с олифой, булками, мармеладом и даже икрой.

Пока шел дождь, я читал («Ерофей Хабаров» Романенко²⁰). Потом пошел к Гоше. Опять тепло, плотный, влажный ветер с юга, парко, с поля даже потянуло летним «медвяным отстоем». С 8-ми поехали с Иваном на озеро. Большая волна, тепло, а все клева нет как нет. Объехали залив, вернулись; Иван ушел, я еще остался покидать; Ипатьевы копошатся у себя на огороде. За ужином стали вспоминать войну, блокаду. Маша подробно рассказывала, как добиралась в 1942 г. из Ленинграда в Сундуки. До наглядности прошли перед глазами страшные те дни... темные поезда, толпы на узлах, вещи, «эвакуалоны», смерть Нади...

Лег, но долго не мог заснуть: жарко и влажно, как в парнике...

24 мая (вс). Троицын день. Прошелся в поту, наши за стеной топчут: Иван едет на станцию, Маша — в Кексгольм [ныне Приозерск] за поросенком. Серо, небо обложено, дождь. Опять лег спать и маятно проспал до 10. (Сон, будто мы с Жаем в Париже...) Проснулся — солнышко проглядывает, низкая, мутная облачность, тепло, влажно, западный ветер; похоже, будет еще дождь.

Позавтракал с Иваном и Фунтиком на коленях; записал вчерашний день и до сих пор; надел новую рубашечку — ковбойку, что купила мне Жай. Пошел на большой ландышник через Гошу. Там Иван. Пошли вдвоем к лодкам (в сарай Янцата) посмотреть, что надо ремонтировать. Потом вернулись с Гошей, и я пошел в лесок. Травы лесные уже стали высокими. Всякие стебельки, листики уже закрыли землю и прошлогоднюю листву.

Уже высокие группы папоротника почти совсем развернулись. И наконец, *сегодня зацвел ландыш*. Пока раскрылись и благоухают только отдельные нежные колокольчики соцветий. Собрал Жаю букетик ландышей с *фиалками* (уже цветут несколько дней). Наташе нарвал на лужайке купальниц. Зацвели какие-то розовые куколеобразные цветочки. Очень милые. Поставил в воду ландыши у Гоши и пошел проститься с домиком. Там со вчерашнего дождя на всех грядках и всех клумбах полез крохотный зеленый «народец»: и лук, и редиска, горох, георгины высунули ростки; вся лужайка у двора в одуванчиках; на елках — зеленые бантики, старушка-яблоня забелела раскрытыми цветами... на малине появились бутоны, вишня готовится зацвести... Пока все осматривал, небо затянулось, подул с северо-запада холодный ветерок, пошел дождь.

Пересидел его в амбарушке, смотрел, как вздрагивают под дождинками травы, покрываются капельками; как трепещет

мелкая, блекло-коричневатая, какая-то утешительная листва осины; как скворцы, невзирая на дождь, носят червячков и букашек в скворешники... Слушал, как по крыше, то усиливаясь, то стихая, шуршит дождик, как поет жаворонок...

Прошел дождик, и я пошел к Васильевым обедать. После обеда пришел домой, покормил Катая, немного подремал, записал эти строки (4.30). За окном набежал короткий ливень, прекратился — и опять выглянуло солнышко. Стал укладываться помаленьку, Катай — поглядывает. Иван уехал встречать Машу.

Зашла Нина Серг. по устройству своей Нинки сюда на дачу. Прошли Сиротинины к Триумфовым. Пришла Варя с удоем. Запер дом и с зашедшим Ипатьевым пошел к Гоше. Там попили чайку. Ипатьевы уехали «на Гоше». Я с дождавшейся меня Жукой — домой. Моросит дождичек. Тихий, чистый воздух... «Волнующее спокойствие дороги...» (Скоро и моя очередная дорога.) 7.30 — дома. Окорок, укладка мелочей. Заехал Гоша, условились на завтра, в 7 часов. Толя принес от Васильевых Жайкины ландыши. Тихий, теплый, серенький вечер. Сiju читаю, Маша готовит ужин, Фунтик — у меня на постели. Тикают за перегородкой часы.

25 мая (пн). В 7 час. утра выезд из Пюхярви, в 10 час. утра — дома.

26 мая (вт). 12—2.30 репетиция «Мефисто-вальса».

27 мая (ср). 11—2 час. репетиция: доделки по «Мефисто» и тщательно — места по Пятой Чайковского; 2—3 час. репетиция под рояль с Рихтером; 3—5 час. прослушивание и обсуждение Островского.

28 мая (чт). 11—2 час. репетиция (генеральная — симфонии и «Мефисто»; последний с остановкой; концерт Листа с Рихтером: прогон, работа, еще раз прогон). 7—8 час. дома — партитуры на завтра.

29 мая (пт). 11—12.30 репетиция: кусочки по симфонии; прогон «Мефисто» и концерта.

Концерт (26-й):

Чайковский, Пятая симфония

Лист, Концерт *Es-dur* (С. Рихтер), «Мефисто-вальс»

[Лист, концерт] хорошо.

30 мая (сб). 11.30—12.30 дома — партитуры к вечеру.

Концерт (27-й): повтор вчерашнего.

Удачно; много цветов; неожиданное чествование оркестром.

4 июня (чт). Вечером у нас были: Черкасовы (Коля и Нина), Янцаты (Валя и Шура), Должанские, Зандерлинги, Поно-

маревы, Саркисов, Янсонс, Щербинские, Б. Шальман, Лида, Гоша Васильев. Разошлись в 6 часов утра, уже был новый день и солнышко...

9 июня (вт). В 1 час. с филармонической машиной — в Пюхярви (с нами Мусичкин Митька), около пяти прибыли.

Пюхярви

10 июня (ср). Массовое цветение *вероники, лютика, бессмертника*; начинает цвести *иван-да-марья*, зацветает *поповник*; много гравилата; начинает отцветать сирень; отцветает *рябина*; *ландыша* еще много. С Лютиком и Митей — на прудок, после обеда на лодке Ивана.

11 июня (чт). Целый день мелкий дождь. Сидели дома; утром переписывал сводку сезона.

12 июня (пт). Жай с Митей и Т. — за тритонами на «аленушкин» прудок. Зацветает колокольчик обыкновенный и красный клевер, первые васильки (!) и вдовый цвет, рожь колосится. Утром — переписывал сводку года. После обеда на веслах — в «магазинчик». Очень устал.

13 июня (сб). Ночью и рано утром — дождь. Очень теплый парной день. До обеда переписывал. Разъяснено. После обеда на буксире у Володи Щербинского на ипатьевской лодке — в «магазинчик». <...> Выпуск тритонов.

14 июня (вс). Целый день сидение с записями. Полное и горькое недоумение: как приступить? Сомнения в качестве и своих силах. Целый день туманно и дождливо, хотя очень тепло. В травах — царство зонтичных!

15 июня (пн). Общая плохая ночь: сожрали комары. В половине 7-го утра отъезд Мусичкиного Митьки. До обеда — опять над записями; сделал пока опись: какие годы — в каких блокнотах.

Тепло, тихо. Жай на земляничке. Вечером заходил к Ипатьевым попросить на завтра (утром) лодку. На обратном пути встретил уходящего Колю, бабуся, Женю и Татку. Комаров нет — затащили форточку. В комнате заходящее солнце. Часок я — с Моцартом, Жай — пасьянсом.

16 июня (вт). С 6 утра до 12 час. дня на озере. В нашем заливе Жорж, Коля «дергают» мотор. Дома сидение у крылечка. Утром у Лютика — печенка! (К счастью, легко). Леночка, Жай полют клумбы, Женя — с коровами, коты бегают, Тобик посиживает — все хозяйствуют вокруг. Солнечно, жарко-жужнящий ветер. После обеда сон, ответ Вечесловой²¹. С Лютиком — к Янцатам; с дамами на скамейке. (Ложный Любош).

17 июня (ср). Лечение живота. Тихость — «дряхлость». Жай «устраивает» плющ. Налаживание поплавочных удочек. К обеду неожиданно Нина с Люшей. В 5 час. мы с Жаем, до 11 часов, на ипатьевской лодке в заливе и около (окуньки). Тишина, шар заката, серп месяца. Молочно-опаловая земля (поле ржи). Белая ночь.

18 июня (чт). Утром обход участников будущего спуска лодки (Иван, домработницы, Ипатьевы, Пуся с Лютиком, я). На берегу. Живот опять... После обеда дрема. Опять к Ипатьевым: все поливают огород у озера. («Неприкаянность» моя). Вечером они у нас. До них немного, но ярко: «Ромео» Берлиоза.

Можно считать, третий настоящий летний день. Полянки сплошь в цвету: целые колонии темно-алых «дрем», розовые островки бессмертника, белые звездочки поповника, пупочки клевера, ярко-нежные, лиловые группы колокольчиков. Высокая рожь в колосе. Но больше всего — высоких белых зонтичных цветов (?) по канавам и краям дорог, образующих кружевные, пышные белые бордюры вдоль них. Травы высоко поднялись и зацветают бесчисленными метелочками и колосками полевых злаков.

Жаркое солнце; южный и юго-восточный ветер колышет вошедшую в силу листву деревьев и яркие, еще нежные, не потускневшие листья папоротника.

По вечерам в холодеющем воздухе стоит густой «медовый отстой летнего дня»: ароматы трав, цветов, влаги, земли... В олешнике вечерами особый его могучий дух; иногда пахнёт земляной сыростью, точно из векового погреба, порой входяшь в полосу ласкового тепла — струю неразвеянного дневного зноя...

Множество щебетов и песенок птичьих в кустах... кукует порой кукушка; уже зацвел и шиповник.

Вечерами и по утрам выпадает обильная, теплая роса... Солнце закатывается за озером раскаленным шаром, а на юге, высоко в бледном небе, бледный, показывается серп молодого месяца.

Сегодня зацвела на припеке гвоздика полевая («часики»). Зацвела также рожь и малина.

19 июня (пт). Утром отмена спуска лодки на воду: не по мне это сейчас. Дома до обеда — выписки из дневников «музыкальные пути» (сводных материалов). После обеда один я — как Илья Ильич Обломов — «Ну неси, неси — не урони».

На ипатьевской лодке с удочками — на окуней. Волны. Даже и тут как-то устал. Женя-«маленькая», накопав мне червей, уехала в город.

20 июня (сб). Ночью неизвестно как проникшие в дом комары съели всех. Утром их избиение. До обеда продолжение выписок. Лютик у Васильевых, за телятиной. Цветет белый и красный шиповник. После обеда — на раскладушке под березками. Тиша на камне у канавки, Тобка тут же. Лютик и Татка — пасьянсы.

Прошел по летнему дню до первой лужи. Потом у Гоши. Приезд Коли. У него. Письма, «торты».

Благодатный знойный день раннего лета. *Зацвела льнянка, цветет крушина*. Ликующие в сухом зное, цветущие полянки: цветочки всякие, как разноцветные огоньки на них...

21 июня (вс). Ночью опять кошмары. Утром спуск малой лодки. Жарища. Дома — полог и тщетная попытка уснуть. Небо заволокло. Безветрие. Наползает туча. Издали гром. Лютик в лавочку. Обедает у нас Коля Черкасов.

Коля после обеда, как всегда, играл свой обычный репертуар: «Раймонду», «Бориса» и т. д. С особой остротой почему-то зазвучала мне трепетная жизнь образов этой музыки. Белая дама... особое чувство времени сцены под звуки музыки, ее «событий» и их течения. Ярко понялась разница между восприятием искусства как жанра и глубоким в него погружением, когда открывается в нем сокровенная жизнь и цель человеческого духа — стихия образа, единая сущность всех жанров... Множество мыслей: о великих обобщениях самого, конечно, *гениального*, исконно русского композитора — Мусоргского (например, в «Марше» Самозванца — как звучащая поступь «часов» истории Руси в бескрайности еловых лесов...); еще раз вспомнилась решающая роль в силе впечатления от искусства *родственных связей*; ясно увиделось, что не только язык словесный поэтому, но и образный, количественно крайне ограничен в возможностях быть «понятым»... и что, следовательно, высказывания искусства — высказывания почти что «для себя» и т. д. Но и другая вспомнилась мысль: люди «хороши» в действии и неприемлемы — в рассуждениях и регламентации действий. В «действии» (например, в непосредственном состоянии слушания музыки) люди, вероятно, способны подсознательно касаться глубин, но никогда почти не способны осознать их и фиксировать их впоследствии. Отсюда невыносимость суждений «публики» о музыке; сами «не ведают», чего коснулись.

Заодно портрет ранней юности — в выражении лица — всегда несет некое «видение» будущей жизненной кульминации, всегда как бы устремлен к ней. Портреты старости, наоборот, как бы устремлены вспять: к той же кульминации, как минувшему. Очень редко, когда портрет молодого лица самоуглублен, а портрет старого человека глядит «вперед».

Когда это бывает, то портрет всегда принадлежит человеку незаурядного Духа.

В 6 час. с Гошей на озеро. Тишина. У «коралловых» островов — окуни. Беловато-голубые сумерки озера.

22 июня (пт). Из-за комаров встали поздно: в 11 час. Лютик с молоком — к Ипатьевым. Я — бритье, мытье. Туча с юга; дождь; громыхает гром, высокий, по всему высокому небу. Птички щебечут, «теплота». Тихо. Я в 1.30 сел писать. Тиша под пологом. Писал до 4.30. После обеда под пологом с Тишей. Потом с Лютиком к Ипатьевым (съемка пионов, чай на улице, бинокль, Володя и Коля — тарахтят на озере). Тихий, прекрасный вечер. <...>

У нас — чай (самовар), заливное из окуней; сидим почти до двенадцати. Появление в сумерках тропки Коли, издали: «Эва ты юш!» Мы с ним [изображали] «маленьких лебедей». Ему ужин, водочка. После — воспоминания о 1925 годе (язы, подъязки...); легли во втором часу, а с брюхом у меня все плохо: поет, скулит, болит...

23 июня (вт). Встали в 10. Коля запел «лебедей» из «Садко»... Жарко. Копка червей. На озеро; Коля к себе, я — к мал<енькой> лодке (забыл ключ, весла). Часок на ипатьевском мысу. Кругом гроза. Наползание тучи с севера, внезапный северный ветер, волны, ураган. Срочно на берег. При помощи Вари и Наташи вытащили лодки, выгрузились. Дождя нет; ветер, тучи. Посидел немного с ними в доме, — и домой.

Пришел, отогрелся, полежал в теплой кухне. (Е. И. у керосинки; блики за ходиками; пастушонок обедает). Ветер стих, все заволокло, пошел тихий споркий дождик. Лютик в это время где-то «по моим следам», я — записал эти строчки. Л<юттик> к пяти пришла, сели обедать. После обеда немного дрема. Погода восстановилась: тепло, солнечно, южный ветер. Со спиннингом к лодке, оставленной у Ипатьевых во время бури.

По дороге: *зацветает медуница*. Густой дух поля цветущей ржи. Пушистые густые полосы; их «спинки», переливы, тени межей.

Коля у Янцатов, уславливается об отъезде. С ним — дальше. С девочками спустили лодки. Коля «торчит», моется на мостках, я ловлю. При нем окунь и щука. [Я] завернул за мыс, до дома (своего залива) вытащил еще 2 щуки. Прицепил лодку — и наверх. М. Ник. под березами готовит букеты ромашек, васильков в город. Валя в это время на машине за Жоржем.

Ожидание (Кл. Давыд., топка плиты, Аня с ромашковым венком, Вася). Появление Коли со свитой (Ипатьевы, Наташа)

и букетами пионов. Приезд Вали без Жоржа (нет поездов из Л-да и в Л-д), ему сосиски, мой улов. Общие уютные проводы отъезжающих. Потом каждый в свою сторонку. Очень пахучий (травы! сено!), но сырой и холодный вечер. У нас — пастушок со своими ужимками и хихиканием. Около двенадцати в постели.

24 июня (ср). Ночью в 2 часа появление Жени с Володей и Лилей. Мы с Л<ютиком> обнаружили их утром. Опять роскошный день. Рассказы приключений прибывших. Зашла Нона. Я — дома с 12 до 2 час. просмотрел 1 ч. и половину 2 ч. Пятой симфонии Прокофьева, и до 2.30 — записи дня. Перед обедом за Лютиком, Т., Женей и Лилей на озеро. (Осипенко собирается на ловлю, Сиротинин с уткой.)

Зацветает иван-чай (уже). Весь мой шиповник зацвел розовыми бантиками. После обеда — чтение книг, присланных с Женей Марией Львовной (Ульянов «Мои встречи» и знаменитый «Дипломат» [Олдриджа]).

Немного в раскладушке под березой. Но комары не дают сидеть. Потом с Л<ютиком> к Ипатьевым (отнести записки уезжающей Наташе). Благодатный предвечерний час. Тихо. В тени 26°! Сидели все на скамейке между домиков. К вечеру над неподвижным озером даже парок; потом зашли к Ивану, где хотел взять «уклеечную» удочку. По дороге — к Ив. Мих. насчет кирпичей. *Нынешние лягушата на дороге*: они уже дня три как скачут. Посидели в Машином заулке на бревнышке около Катая; Маша загоняет козлят. Домой — ржаным полем.

Дома — чтение. Прохладно, пахуче, тихо вокруг: опаловые сумерки неба и озера.

25 июня (чт). Дома (11.30—2.30) 3, 2-я и немного 4-й ч. Пятой симфонии Прокофьева. Лютик с Лелей и Женей за земляникой. До обеда — эти строки и обход владений (огород, землянички, яблони, лесной уголок — все горячее!). После обеда — немного сон и чтение под березой. Один; Лютик — на канавке, остальные — купаться. Сравнение нашего уголка: в мае — приготовленный; и теперь — цветущий, распахнутый.

В нежности и яркости весны заключены будущая сила и изобилие будущего лета.

Теплый дух обжитого хлева; тихо; в молодом березняке — сочный щебет птички... Все собрались. Мы с Л<ютиком> на ипатьевской лодке у тростничков, но переменившийся (с запада) ветер развел большую волну; покачались и — ничего не поймав — домой. Теплый, душный, безросный вечер. Как всегда, самоварчик. Потом Л<ютик> с ребятами — в «козла». Я еще немного почитал и спать. Очень душно...

26 июня (пт). Дома с 11 до 2 час. — финал Прокофьева и 1-я ч. Второй симфонии Брамса. Эти записки. С утра был дождичек, к 2-м разъяснело. Баба Женя готовит, Лютик с Лилей и Женей на землянике. Тихон (киса) вернулся, на Лютиковой постели облизывается. С 2 до 3 час. просматривал блокноты 1948 г. (лета). После обеда читал, вышел: никого, все отдыхают. Татуська бродит; с ней по полосам — до ручья, по лесной дорожке домой.

Переносы Татуськи через канавки, ее «спасибо, дядя Женя»... Апогей цветения: каких только цветочков, колосков, метелочек вокруг нет! Все ярко, изобильно. Зацвел *черноголовик*, много льнянки, белого «манного»... а кто уже и плодики завязывает...

Дома опять чтение. Ранний чай. После него — наши с картами в кухне, я — в постель с книгой. Все плохо с животом: поет и ноет; вообще, очень плохо со всей «физической базой»... очень огорчен этим.

27 июня (сб). Дома с 11 до 1.30 — 2-я ч. Второй симфонии Брамса; повтор 1-й ч. и проглядка 4-й ч. Наши на землянике. Прогулка с Тишей, налево по дорожке (микробукетики). После обеда — чтение. Л<ютик> и Володя нарезают палочки для огорода. К ним. Хотел к Щербинским, но раздумал. Вернулся и долго читал блокноты 1948 года. Кое-что нащупывается?

День холодный; тучи; северо-восточный сильный ветер. Около восьми вновь с Тишей — направо до ямок — навстречу Лютику и Жене ходили на большое болото наведать морошку. Л<ютику> — «анютиковы дары» (цветущий багульник, клюква). Небо очистилось, солнце, но все еще холодно. Быстро к Гоше; там письма, Нонна, «холодец», остервевшая Валя-маленькая. Скорей, к себе домой. Ужин. Появление Лютиковой оравы в Гошиной машине, отъезд к ним. По дороге война с Бетти, забравшейся в флоксы. Чай у Ипатьевых, их возня с машиной, «новости» и т. д. По сумеркам, к 12-ти дома. Небо в тучах, с осенними прорезями. Холодно. *Зацвел зверобой*.

28 июня (вс). Первое вставание в восьмом часу. Пекутся пироги и ватрушки. Когда проснулся первый раз, Тиша забрался ко мне под полог. Долго лежали «друг на дружке». Не заснуть. Тогда все вместе вошли в кухню, на уютный «печной бряк», к пирогам... Чай. Вновь крепкий сон. Пробуждение в 12-м часу. Опять завтрак. Теплее; появляется солнышко. Целый день дома: чтение и около домика (голубяночка на огороде — кусочек неба!). Жай на флоксах, потом на горошке. С 6 до 10 час. с Гошей на озере. Вечером они у нас; чай (Гоша и Ник. Ив., Федя и их молодежь). Поздний приход Тиши, ожидание его; козодой в низинке.

29 июня (пн). Вчера (28-го) зацвел белый тысячелистник. Дома (10.30—1.30) — 3 и 4-я ч. Второй Брамса. Л<ютик> — на земляничке. До обеда пошел встретить Лютика из лавки, через поле. На обратном пути часок во ржи.

После обеда, дома чтение «Дипломата». Сходил было с нашими на озеро, но ветер, холодно, несмотря на солнце, и вернулся читать. После ужина с Л<ютиком> по душистым (косят сено), прохладным сумеркам к Ивану, потом зашли к Янцатам и — домой.

Во ржи.

По краям ржаного поля, вдоль заросших брединой [ивой] канавок... Медовые, цветущие углы, горячие от солнца. Несколько шагов в сторону от межи — густая рожь совсем скрыла, сел. Сухая земля. Вокруг нежно-зеленые коленчатые стебли колосьев, синие воротнички васильков — нежные, жемчужные. В ветре клонится и переливается рожь. Уже начала «звенеть»; совсем рядом поднялся с песней жаворонок, просвечивая в солнце перышками (по краям), точно в маленьком сиянии.

Все налетала с тревожным писком «пти, пти» желтенькая трясогузка, — верно, испуганная моей близостью к гнездышку — все проверяла: «Сидит ли еще?» Теплый, густой и нежный дух цветущей ржи, горячей земли, солнца... Один из колосков, качаясь, случайно задел мое лицо да так, прислонясь, и остался. Так мы долго и были вместе, точно прильнули друг к другу в молчаливом единении. Так остро было это проникновение в единую неисчислимую Неповторимость Живущего вокруг меня, так утешительна общность пути его с путем моего одиночества, что светлые слезы полились по щекам... и стало чисто и счастливо...

30 июня (вт). Дома 10.45—3.30 (I) — тяжелая, неспоркая работа над первым «вникновением» в «Ромео» Берлиоза: «Бал» и «Любовная сцена». К обеду появление Лютькиной Елены Ивановны. Л<ютик> же, уйдя с Таткой встречать ее, разошлась с ней. После обеда — дрема. Перебой, досада от утренней работы; сильное утомление ею. В 6 час. — записи, до 7.30. На озеро, где наши с Ел. Ив.; чудный тихий вечер. Дома, Ел. Ив. о Сиверской. Чтение. Ужин. Приезд Кости.

1 июля (ср). Дома 11—1.30 — Берлиоз, скерцо «Фея Маб» (сегодня легче!). Прошелся к Л<лютику> — у Ипатьевых на землянике. Дома подготовка «щучье-живцовой» удочки. Долгое ожидание Л<ютика> всеми. Общая ее «порка».

Чтение после обеда до вечера. В кухне уютно расположившаяся Ел. Ив. со швейной машинкой. <...> После ужина с ней (Ел. Ив.) и с Л<лютиком> немного по шоссе до прудочка.

2 июля (чт). Появление Ромочки²², с ним после завтрака на ипатьевской лодке до магазинчика. Зеркало озера, зной, внезапная облачная гроза, дождь, короткая буря. На берегу «Толубеевщина». После обеда Рома спит. Я — за чтение. В 7 час. отъезд Леночки с Костей. Проводы их В. Л., Лютиком и Таткой. Рома к Кутьке, я у Наташи (Ноннин «комар»). Вечером у нас чай с Сиротиниными. Короткий дождь. В домике — как в норке.

3 июля (пт). С утра и до обеда — чтение (окончил «Дипломата» Олдриджа). Обед в пятом часу. <...> Новые букетики. В 6 с Ромой на лодке до Грана, где он высадился, чтоб идти к поезду.

Я — тихонько, в абсолютном покое вечернего озера со спиннингом. В 9 час. причалил. Варя встречает: голубеет платье в сумерках. Лютик встречает тоже. Лягушата около Янцатов. Дома рассказы о наслаждении мытьем на озере наших «баб»; их лук со сметаной. Ночью неожиданное возвращение Ромы.

4 июля (сб). Встали поздно. Очень жаркий день. То да се. Наметка, что взять из партитур в Карлсбад. Записки. Очень тяжелый, жаркий (в тучах) день. *Беседа* у Нонны об ее «комаре» (ящерка на блокноте!). В 2 час. — дома. После обеда — у Володи Щербинского на озере. Беседа с Варей (о матери), с ней и с Васильевым. Приезд Гоши. Дома чтение Го Мо-жо²³.

В окно с вечерним холодком доносится пение малиновки. Приход Нонны. Чай. Грустная импровизация в сумерках. Проводы Нонны. Близкая кукушка. Сон.

5 июля (вс). Встал в одиннадцатом часу. К Гоше — о вечере. Дома, под березкой с Тишей. Запись вчерашнего дня. Чтение Го Мо-жо.

С свежим ветерком особенно пахуч и ласков воздух, глубок, легкий, живителен; песенки птиц в нем, аромат шиповника... шелест березки.

Приезд Пономарева. Его Степка [собака] и обиды Тиши. Концентрические грозы.

6 июля (пн). Утром — у Сиротинина за консультацией по Карлсбаду. В 5 час. приход Ипатьева и его отъезд с Пономаревым.

7 июля (вт). 11.15 отъезд с Гошей в Ленинград; 2.45 — на Бородинской [дом 13]; чистая квартира.

29 августа (сб). 6 час. вечера с Гошей — в Пюхьярви; 9.30 — на месте.

31 августа (пн). У Вали, о том о сем; проба его мотора на озере. В 4 час. с Володией Щербинским на «коралловые»; полулуние «с дорожкой».

Время Великого покоя природы. Покоя плодоношения перед зимним сном. Птиц нет: только редкие синицы да дятлы.

В небе клики предлетных журавлей. Немая тишина. Освобожденность...

1 сентября (вт). Проводы Вали [Янцата]; с ним у его сарая и их отъезд (грызущая тоска...). В 5 час. с Володей на болото до темна, «с дорожкой». Жай на мостках.

2 сентября (ср). С Жаем за грибами. В лесу — как в огромном опустелом храме.

3 сентября (чт). 10.15—1.15 дома: 1 и 3-я ч. Третьей симфонии Бетховена; немного увертюры «Голландца» Вагнера.

4 сентября (пт). Дома 2—3.30: финал Третьей Бетховена, немного — «Тристана и Изольды» Вагнера. Приезд Леночки и Мити.

С Володей Щербинским до сумерек «с дорожкой». Ненастно: тучи, дожди. Лютик с фонариком на мостках.

5 сентября (сб). Дома 10.15—2.15: 2-я ч. и финал Третьей Бетховена; бегло — 1, 2 и 3-я ч. Первой симфонии Чайковского.

Ветер, дожди. С Вaley, Диком и Жаем немного в лес, за брусникой.

6 сентября (вс). Дома 1.15—2.30: 1-я ч. Пятой симфонии Прокофьева; 2.30—3.15 — раздумья над Брукнером (Седьмой симфонией).

Ясно, но очень ветрено и холодно. Озеро в белых гребнях. Пошли после обеда с Лютиком на березовую лужайку над озером, где бывал в мае и где в радостный Троицын день <...> зацвели первые ландыши. Все иное сегодня: беспокойна свинцово-серио-фиолетовая ширь озера со вскипающими то тут, то там пенными гребнями волн... В прорези быстро плывущих серых тяжелых туч проглядывает светлая бирюза осеннего неба... Шумят и роняют листья деревья... Листья ландышника полегли, побурели.

Огромные папоротники, помертвевшие, шуршат неживым шорохом; на елках и траве лежат опавшие листья, но не золотистыми копеечками, как в прошлом году — у «лесных потайных человечков», а бурые, серые, скрюченные, ссохшиеся... Много старой, покинутой паутины и поникших, увядших трав... Воздух чист, просторен и пуст; только чуть пахнет стынувшей, влажной землей... новая осень пришла... Все в свой час...

7 сентября (сб). Дома 10—12.30 — 2-я ч. Пятой симфонии Прокофьева. С 2-х до вечера, с заездом для чаепития, с Володей Щербинским по озеру «с дорожкой».

Результат: 1 щука и намокли...

8 сентября (вт). Дома 11—2 час.: 3-я ч. Пятой Прокофьева. Ангина... Вечером у Гоши (именины Натальи).

9 сентября (ср). Дома 11—1 час.: 4-я ч. Пятой симфонии Прокофьева (не кончил, плохое самочувствие). Полоскание горла керосином...

10 сентября (чт). Не могу заниматься: дурная голова; компресс, полоскание, пр. лечение...

11 сентября (пт). Дома 11—12.30 — окончил 4-ю ч. Пятой симфонии Прокофьева. Приезд Пригожина, наконец, с оконченной симфонией. Зашел Гоша.

12 сентября (сб). Вышел подышать, навестить Гошу. Неожиданный приезд Арс. Арс. Петрова²⁴. Чудный солнечный день. Вечером, на солнечной опушечке за банькой с Тишей. Папин день... Александра Невского...

13 сентября (вс). Утром к Гоше. Там Ипатьев. Потом потихоньку к Лютику и Лиде — в «треугольничек». Обедает у нас Володя Щерб. С ним вечером немного по их заливу «с дорожкой». Суровые северные сумерки осени... багровая черта над закатом.

14 сентября (пн). Дома 11.15—2 час.: симфония Гайдна *G-dur*, кроме нее еще его симфонии просмотрел — «Весеннюю» и «Оксфордскую», а также углубился в первые две странички «Изольды» Вагнера. Какая гениальная импровизационность партитуры и вместе — несокрушимая ее логика!

Вот человек, несомненно, так или иначе ясно представлявший себе (слышавший?) *tutti* своего оркестра! (того, что хотел в нем!).

Вечером с Лютиком на черкасовском мысу встречали Володю, блеснившего на озере с нашим Митей.

О волшебных превращениях действительности в мечту и мечты — в действительность. Вот так, стоять на пульте перед тем как начать, а, закрыв глаза, увидеть — это!.. но так, чтоб мочь дохнуть!! Запоминал свинцовый, темный, подвижный блеск ночного озера; непрестанный плеск и шорох его волн; чернеющие камыши; темные низкие тучки, звездочки; голубоватую мглу неба, ниже — зеленоватого, светлого, по горизонту залитого темным, почти оранжевым румянцем; Великая чистота его бесконечности и, одновременно, — сокровенной Близости (Прикосновенность... мило-сердное небо).

Подошли Лида с Леночкой. Все вместе ненадолго в Володькины «хоромы» (лампа). И все вместе к нам — пить чай. Дома самовар, светло, тепло... Над домиком звездное небо. Тихо и нехолодно.

15 сентября (вт). Дома 11—2 час.: симфония Гайдна; размышления над темпами (формой) «Нюрнбергских мастер-зингеров» Вагнера; вспомнил, перелистнул Шестую Шостаковича: великое Произведение!

16 сентября (ср). 8 час. утра с Гошей на Тайполе. С нами Корн и Щербинский с Диком. Теплый, тихий день. К трем даже солнышко. Комары!!! <...> К 8-ми вечера — дома.

17 сентября (чт). Утром встреча с зарей (когда выпускал Тишу). Предраассветный час: над головой еще звездная мгла ночного неба. На нем легкие пряди, чуть тронутые лиловым отблеском. Около — сияющая, переливающаяся огромная Венера.

Так тихо, что с озера доносится легкий ропот и всплеск набегающих волн. Вот на дальнем конце поселка прокричал петух, другой, еще... некоторое время они перекликались, потом внезапно смолкли (неожиданность петухов; в их крике настойчивость земли; умолкли в своей укутной, крохотной безопасности).

Еще раз глянул ввысь — уже меньше звездочек... мелкие исчезли в посветлевшем небе. А Венера все также светла и ярка. Она сейчас — как Афродита «Юлиана Отступника»²⁵ — сияет в еще поголубевшем небе с уже рдеющими румянцем облачками. Долго не мог уйти домой...

Голубой, теплый день, солнце, тихо — легкие кучевые облака. К Ивану — о лодке, к Вале условиться о вечере. Голубое зеркало озера. Летят гуси. Над домиком у нас пролетели даже 6 лебедей...

Днем 17-го, уже после пролета над нашим домиком лебедей, у Володи в заливе эти же лебеди на плесе озера. Неподвижные, они и все вокруг в солнце. Приближение к ним в лодке; их тревожные переговоры, подъем и полет огромных белых крыльев низко над зеркалом вод...

18 сентября (пт). Дома 11—2 час.: 1, 2-я ч. Пятой Прокофьева. Приезд Арс. Арс. [Петрова] и Бори с «Приглашением» Пика. Приезд Ромочки. С ним до Осипенок в сумерках. Голубой сентябрь! Совсем по-летнему тепло.

19 сентября (сб). Дома 11—1.30 — 3 и 4-я ч. Пятой Прокофьева. Третий день тепло точно летом... но нет, так не бывает летом. Хоть и жарко греет солнце, но голубая вознесенность, неподвижность, покой всего вокруг, а особенно чистота, пронзительная чистота холодноватого воздуха, бездонного света неба бывает лишь осенью... золотистой осенью, перед светлой смертью, успеньем зимы... Таков сегодня день, что видел на вершине высокой березы, опрокинутой в теплую светозарность небес, поющего по-весеннему (!) скворца (одного толь-

ко «итогового» посвиста не было, а так — все коленца и шелканье, и переливы были налицо). Вообще же скворцы табуны большими стаями, летают по полям; в полете тихонько верещат между собой об изобилии сил, о радостной бодрости, об отлете.

За последние дни заметно побурела и пожелтела и редееет листва. Большой остров весь теперь в бурых, желтых, иногда багровых и кровавых пятнах осенней листвы (как весной был в белеющих купах черемухи). Дальние берега по-над водой опоясаны тонкой светлой опояской желтого тростника и четко отражаются в неподвижной голубизне озера. Тихи, чисты — эти дни преображения земли, природы.

С Ромой и Митей вспаханным полем (трактор еще гремит) — к Машке за Бетиным тряпьем, оттуда с Ромой к красной осине на мысу. Обед. Потом до вечера у Володи Щерб. перевозка его лодки и пр. Костер. Серо; постепенно — дождь. Ветрено, мгlisto.

20 сентября (вс). Дома 11—12 час.: 1-я ч. Третьей Бетховена. Появление Ипатьева. С ним на машине на мыс. Поднятие в сарае моей лодки. В пустом ипатьевском доме — письмо Краснобородову со Щербинским.

21 сентября (пн). Дома 11.30—2.30 — 4-я ч. Бетховена; «Ромео» Берлиоза. Немного у Сиротининых на подъеме «ветряка». Потом до сумерек переноска и посадка шиповников и подготовка клумб к будущему!.. году (все участвуют, даже коты).

22 сентября (вт). В 9 ч. утра с Гошей, Иваном и Кнычем — в Кексгольм [ныне Приозерск] за толем. Дома около 1 часа. Лютик и Лида на грибах. Ненадолго к уезжающим Янцатам. Низом, озером, через Гошу — домой. Холодный, светлый, затученный день; сильный северный ветер, как в прошлом году.

Интересно, что при быстром пожелтении и интенсивном листопаде последних дней — почти нет красных осин; все они светло-желтые, золотистые. ...В лесу бушует желто-бурое, недвижимое пламя папоротников. ...Дерево к осени также «неузнаваемо», как и человек в старости. Его траурные багрово-лиловые, буро-зеленые лиственные одежды (*черемуха*), но дерево ведь вновь воскреснет, станет (почти) таким, как было прошлой весной... оно только уснет... сон — смерть...

Потрясающе: на соснах уже готовы смолистые будущие свечи; на ольхе, березе — сережки; на сирени завязались большие зеленые почки!.. А в почках ивы сидят уже крохотные серебристые барашки!! На некоторых кустах шиповника почти вся листва покоричневела, омертвела; только отдельные,

новые ветки еще дорастают свое, они еще сочны и зелены. (Покой Природы; «частные» в нем задачи у живого?..)

Осенью видно — лес как бы «толпится»; в нем выступают различно окрашенные отдельные деревья. Летом же лес как бы единая масса; в нем не видно, как теснятся отдельные существа.

23 сентября (ср). С 9 час. до 8 вечера с Васильевыми на машине за Кексгольм (обозревать места). Дорога плавно выгибает спину навстречу колесам машины... Ярко-желтые сосны, кровавые клены. Ненастно, ветрено; к вечеру — дождь. Сортавальские скалы. Ужин в машине у мостика.

24 сентября (чт). Утром — начало укладки дома; у Ивана проверка всего «хозяйства». Тихо, тепло, солнышко. Лютик, Лида, Женя и Татка — на бруснике. Я за ними. Набежали тучи, холодок в тиши леса. Наши — как грибки на вырубке. Домой — мимо Эренбергов... После обеда к Гоше, который заходил. С ним на Лысую и через Костерму — домой. Луна...

25 сентября (пт). Утром наши за волнушками для Жени. Я за ними до Осипенков. Потом — на большое болото.

На большом болоте. (В торфяном сарае.) Желтеют неопавшие грошки листьев тундровой березки. По розовым и зеленым кочкам сфагнума разбросаны клюквины: некоторые из них совсем темные и «винные» — обморозились. Багульник завязал будущие почки. Тоже и у болотных сосенок. Бегут низкие тучи; дождь. Неприятная безвестность — навечно приютна мшинкам... На дне луж кроваво краснеют листики клюквы, а по воде их бегают какое-то неизвестное существо: по виду среднее между водомеркой и ширококрылым комаром. Кто такой?

Дождь перестал. Прошел в конец болотистой полянки, в глухое местечко опушки (где весной видел журавля). У границы леса и болота темнеет водой, проложенная во мхах, окруженная усатой травой, тропка. Лосевая? Долго сидел на пеньке здесь; слушал набегающий ветер, смотрел, как опадают желтые листики, падают на розовые сфагнумные кочки... Ни птички, ни зверя, никого; долго сидел, вникал, часто без мыслей... в душу Безвестности, «самой в себе»...

Когда шел по болоту, видел взлетевшую вдаль стаю тетеревов: уже табуняются к зиме. Многие березки и осинки совсем почти оголены. Особенно маленькие. Заметил, что раньше опадают листья с нижних ветвей, а дольше держатся на верхушке (проверить: так ли?) Некоторые березы понизу оголены, а наверху еще в листе. Почему?

Вот еще один цикл кончился; вчера на озере видел: в березовых колках многие деревья совсем оголены и чернеют вет-

виями по-зимнему... Благодарю судьбу, что видел и осязал весь этот цикл: от первых листиков, мушек и пчелок до начала зимнего сна; от первой неодолимой нежности к мощи разрешенного изобилия и до великого успокоения завершенности... (вспомни прошлогоднюю осеннюю пашню на застижской дороге!) Слава Богу! Серо, принимается моросить дождь. В 2 часа дома. Продолжение укладки своего ящика. После обеда — Лютик укладывает варенье. К 6-ти к Гоше: долг и вообще (мотор, лодка и пр.). Все обложено низкой облачностью. Моросит. В 7.30 уже и темно. Все у лампы в кухоньке. Наряды Таткиной куклы.

26 сентября (сб). Рано встал, побрился, помыл сапоги. С Лютиком к Гоше, зашить «Эвенруд» [лодочный мотор]. Оттуда обмер лодки. Потом к Маше. Там Варя. Потом на озеро: проверка сапог. Встреча с Иваном. Потом с Лидой и Татуськой. Серо, тепло, слабый ветерок. Дома — запись 24-го (в саду). Жай с семенами и палками. Митя у кустиков. Вырубка с Митей лишних олешин. После обеда дрема, потом отвозили к Ивану пионы. Все в лес за мхом. Я с Тишей до ямки. Потом дома на месте «беседки». Все у Сиротининых, после них — дома мой «пляс».

27 сентября (вс). В доме укладка. Я в лес по сакколовской дороге — проститься. На западе оранжевая полоса заката. С востока — гряда свинцовых туч. И тучи, и холодный воздух пронизаны зловещим багрянцем заката. Окна домов слепо горят его отраженным пламенем. Сами дома розово-серые, сливаются с тяжким свинцом темнеющего неба. Наступают густые сумерки. Вернулся к обеду. После обеда эти записи. Перемена ветра, теперь с севера, и к 5-ти солнышко. Записки и сегодняшнего «прощания» с лесом. С Лютиком к Гоше с бирочкой и условиться о завтра. Дома самовар и «хальма» [карточная игра]. В 6 час. 40 мин. зашло солнышко. Чистое звездное небо.

28 сентября (пн). 11 час. — тронулись «на Гоше». Около двух в Ленинграде. В 5 часов вечера разговор с Шостаковичем о его Десятой симфонии (!).

29 сентября (вт). Со «стрелой» в Москву.

30 сентября (ср). Утром, у окна поезда: 1) грачи еще здесь! (их игры в воздухе); 2) листья — желтые, их, крутящихся в солнышке, рои; 3) ...работа — поезд. Жизнь — из окна поезда... (за окном). Надо, чтоб сама работа была жизнью!

Днем у Мусички. Вечером у Кузнецовых.

1 октября (чт). В 9 час. утра «навестил» Холодилина. Днем у Мусички. 7.30—10.30 — прослушивание новой (Десятой)

симфонии Шостаковича у него дома. Готовы в партитуре 1, 2, 3-я ч. и начало 4-й части.

2 октября (пт). «Новости» Холодилина и Твердохлебова (до этого — у Галантера). Днем — Мусичка. 4 час. — Саша Сбродов заезжал, вечером — Гаук (о планах).

Со «стрелой» — домой.

3 октября (сб). 11.30 — дома. Днем Филармония (обо всем).

4 октября (вс). Дома 11—3.30 — Пятая Шостаковича и «Франческа да Римини» Чайковского.

5 октября (пн). Дома с 9.45 до 11.30 — Пятая Прокофьева и скрип. конц. Чайковского.

6 октября (вт). Репетиция 11—12.20 (читка Пятой симфонии Прокофьева и «Тристана и Изольды» Вагнера). 3—4.30 на радио прослушивание Поэмы Ходжи²⁶. Вечером у Ипатьевых. Скончалась В. И. Мухина²⁷.

7 октября (ср). 11—1.40 работа над 1, 2 и 4-й ч. Пятой Шостаковича. 6—8.30 прослушивание новых сочинений в ССК (Балкашина, Дзержинского²⁸ и др.).

8 октября (чет). Репетиция 11—1.40 (работа над «Франческой» Чайковского и 3 ч. Пятой симфонии Шостаковича). Вечером с Лютиком на «Домби и Сын» МХАТа (ДК им. Горького).

9 октября (пт). Репетиция 11—1.40 (полугенеральная Пятой симфонии и работа над Концертом с Ойстрахом).

10 октября (сб). Репетиция 11—12.30 (доделки по «Франческой», места из 1 ч. Пятой Шостаковича, прогон Концерта).

Вечером концерт (1-й):

Шостакович, Пятая симфония
Чайковский, скрипичный концерт (Д. Ойстрах),
«Франческа да Римини»

Удачно.

11 октября (вс). Репетиция 11—12 час.: концерт Чайковского с Серебряковым.

Концерт (2-й):

Шостакович, Пятая симфония
Чайковский, ф.-п. концерт (П. Серебряков),
«Франческа да Римини»

Тоже удачно. И 10-го, и 11-го присутствовал Шостакович.

12 октября (пн). В 11—2 час. на репетиции Арвида Янсонса в Малом зале (Глинка) и Зандерлинга в Большом зале (Шостакович, Первая симфония).

13 октября (вт). Дома с 11 до 1 час.: Прокофьев, Пятая симфония (1 ч. и немного его концерт).

4 час. 5-я сессия Ленсовета. Вечером у нас Каменская²⁹.

14 октября (ср). Отдых (плохое самочувствие, горло что-то...). В 4 час. у Оника беседа о записи; 5 час. — корректура партитуры Прокофьева с Борей [Шальманом] и еще раз прослушивание Балкашина. 6—7 час. с Арвидом о Пятой Бетховена. Вечером на концерте Курта [Зандерлинга].

15 октября (чт). Дома 12—2.30 — Прокофьев Пятая симфония (4 ч.) и его же концерт. Вечером, с 6-ти в Университете на защите Ромочкиной [Добротина] диссертации. Потом у них.

16 октября (пт). Дома 1—2.30 — Прокофьев (3-я ч.). 3.30 — отъезд Лютика с Гошей в Пюхярви.

17 октября (сб). Дома 11—12 час.: Прокофьев (2-я ч.). Лютик вернулась в 11-м часу вечера.

18 октября (вс). Репетиция 11—3 час. (первый час — 1-я ч.; второй — окончил 1-ю ч. и начал 4-ю ч.; третий — окончил 4-ю ч.). 3—4.30 заседание комиссии по качеству. Вечером у Щербинских (фото).

19 октября (пн). Дома 12.30—1.30 — партитуры на завтра. 4—5 час. репетиция под рояль с Рихтером; 5—6 час. объяснение с Левитиным о состоянии альтов. Вечером у Курта, прослушивание моих пластинок.

20 октября (вт). Репетиция 11—3 час.: 2 и 3-я ч. Пятой Прокофьева и доделки по 1 и 4-й ч. Дома — порядок в шкафчике с игрушками. Увязка комплектов старых журналов («Советская музыка»).

21 октября (ср). Репетиция с 11 до 3 час. (11—12.15 — аккомпанемент с Рихтером; 12.45—2 «Ромео» и доделки по симфонии; 2.15—3 генеральная симфонии).

Дома 5—6 час. партитуры на завтра. Вечером Пономарев и Саркисов у меня по вопросу гастролей оркестра.

22 октября (чт). Репетиция 11—1 час.: доработка и прогон Концерта, доработка и прогон ответственных мест симфонии. Вечером концерт (3-й):

Прокофьев, «Ромео и Джульетта»,
Первый ф.-п. концерт (С. Рихтер),
Пятая симфония

Хорошо!

23 октября (пт). Дома 1—2 час. — партитуры на вечер.

Вечером концерт (4-й): повтор вчерашнего.

«Ромео» лучше; симфония — рыхлее, жуткая аудитория...

24 октября (сб). Вечером у наших (у Коли на 5-й линии).

25 октября (вс). 1) утром, письмо к юбилею Гаука; 2) на ба-рохолке; 3) на утреннике (дир. Гнутов).

Подготовка завтрашней поездки. Вечером — Ромочка и Мусичка, приехавшая из Москвы днем.

Окончено сочинение Десятой симфонии Шостаковичем.

26 октября (пт). С Ин. Ин. Титовым — на Вуоксе. Выехали 5.45 утра, дома в 8-м часу вечера. Таинственная уточка «саук», которая вселила ужас Тише и всем зверям Лидии Ивановны!

27 октября (вт). 12—2 час. на баховской репетиции Курта. Вечером у Мицкевича, А. Животов (эксцесс с ним). Дома у нас — Мусичка.

28 октября (ср). 12—2 час. на репетиции Курта (Бах).

Большая прогулка по Неве до Мариинского театра. Вечером на премьере «Доброе имя» в Пушкинском театре³⁰.

29 октября (чт). На концерте Курта [Зандерлинга] (Бах).

30 октября (пт). Капелла: на репетиции Рабиновича (Вагнер). 2—3.30 совещание с концертмейстерами 2-го оркестра; 4—5.30 консультация квартету в Малом зале.

Синицына привезла в Ленинград партитуру Десятой Шостаковича.

31 октября (сб). На репетиции Тюлина («Шехеразада» Римского-Корсакова и пр.).

Вечером в Капелле на концерте Рабиновича (Вагнер).

1 ноября (вс). Дома 12—4 час.: 1 и 2-я ч. Третьей симфонии Бетховена, 4.30—6.30 на репетиции польского дирижера. 7—8.30 Салманов у меня с симфонией. Вечером у нас Мусичка.

2 ноября (пт). Дома 10.30—1 час.: 2 и 3-я ч. Третьей Бетховена.

3 ноября (вт). Дома 1—1.30 и с 2 до 4-я час.: 3 и 4-я ч. Третьей Бетховена. Днем в 1.30 заходил Коля Черкасов за деньгами. Вечером у нас Володя Щербинский.

4 ноября (ср). Дома 11.15—2.30 — 4-я ч. Третьей Бетховена; Гайдн, 1, 2-я и немного 4-й ч. Прогулка: Летний сад — Михайловский сад (встреча с совушкой в Летнем саду). Вечером на концерте поляков.

5 ноября (чт). Дома 11—12 час.: 3-я ч. Гайдна и партитуры на вечер. Репетиция 1.30—2 час. «Лебединое» и «Франческа».

Концерт (5-й; в Филармонии для райкома; одно отделение):

Чайковский, фрагменты из балета «Лебединое озеро», «Франческа да Римини»

6 ноября (пт). 3—4 час. на проигрывании симфонии Богданова-Березовского. 4—5 час. экстренный местком. *Принес домой 1 и 2-ю ч. Десятой Шостаковича.* Первое знакомство с партитурой двух частей Десятой Шостаковича.

7 ноября (сб). Дома 12.30—2.30 — 1, 2-я ч. Бетховена, 1-я ч. Гайдна; 2.30—4 час.: 1 и 2-я ч. *Десятой Шостаковича* (!!).

Обедает у нас Мусичка, вечером у нас Курт и Коля Рабинович с женой.

8 ноября (вс). Дома 11.30—2 час.: 4, 3-я ч. Бетховена; 4, 2, 3-я ч. Гайдна. В 2 часа Боря [Шальман] принес 3-ю ч. *Десятой симфонии Шостаковича*. С 2 до 3 час. предварительное знакомство с ней.

6—7 час. у меня композитор Пригожин. Вечером у наших на Васильевском.

9 ноября (пн). Ночевала баба Женя. Утром — подготовка завтрашней репетиции.

В 1.30 принесли 4-ю ч. *Десятой Шостаковича*. Дома с 1.30 до 2.30 знакомство с ней.

10 ноября (вт). Репетиция 11—2.30 — прогон 1-й ч.; кусочки 2-й ч.; 4-я ч.; работа над 1-й ч. [Гайдна] и наметка Третьей Бетховена.

3—4.30 работа с Шостаковичем (приехавшим на один день из Москвы для этого) над его *Десятой симфонией* (темпы!)

Вечером — у Софьи Васильевны Шостакович³¹ и проводы Шостаковича.

11 ноября (ср). Репетиция 11—3 час.: работа над 2-й ч.; работа и прогон 4-й ч.; прогон 1-й ч. Бетховена; наметка 1 и 4-й ч. Гайдна. 3—3.30 объяснение с Друскиным о Пригожине. 3.30—5.30 комиссия по качеству с партитурой (обсуждение статьи Назарова). Вечером Ли́ка.

12 ноября (чт). Репетиция 11—2.30 — доработка и прогон Гайдна; доработка скерцо и фуг из Бетховена; генеральная Бетховена.

У нас Маруся.

13 ноября (пт). Репетиция 11—12.30 — куски симфонии Бетховена; генеральная Гайдна.

Вечером концерт (6-й):

Гайдн, симфония

Бетховен, Третья симфония

Был директор Дрезденской консерватории.

14 ноября (сб). Репетиция 12—12.15 — начало Гайдна: опаздывание квартета!

Вечером концерт (7-й): повтор вчерашнего.

Был чилийский дирижер.

15 ноября (вс). В 2 час. совещание с Рабиновичем о конкурсе во 2-й оркестр. 3—5 час. на концерте Янсона.

Вечером дома (Рома; Лютик — у Маслоковцов).

16 ноября (пн). Дома 10.30—1.45 — симфония Салманова. 4—7.30 на конкурсе во 2-й оркестр (Мал. зал).

В 9 вечера ввалилась Чичерина со своей Увертюрой...

17 ноября (вт). В Тайпелениоки с Н. Черкасовым и Большаковым; выехали в 6.15 утра; дома — к 8 час. вечера.

18 ноября (ср). Дома 11—1.30 (симфония Салманова). С 3 до 5.30 мой доклад на Бюро (партком) о морально-этическом состоянии оркестра. 6.30—8 час. у меня Ключнер со своим скрипичным концертом. Вечером на концерте Курта и у Ани (Ляльке 18 лет).

19 ноября (чт). 12—3 час. на репетиции Янсонса («Поэма Балкашина»). 3—5 час. совещание с Саркисовым о собраниях групп, январском плане и концертах с Десятой симфонией Шостаковича. С 7 допоздна у меня Салманов.

20 ноября (пт). Репетиция 11—2 час.: 1 и 3-я ч. симфонии Салманова. 2—3 час. на репетиции Янсонса («Оды» Дзержинского). 3.30—6.30 производственное совещание группы v-pi I [первых скрипок].

21 ноября (сб). Репетиция 11—1.40 (2-я ч.; доделки; прогон всей симфонии Салманова). Заход в Малый зал (буза во 2-м оркестре на репетиции Курта и вообще). Вечером у нас Вильниц³² с женой.

22 ноября (вс). Репетиция 11—11.30 (прогон симфонии).

Вечером концерт (8-й): Смотр ленинградских композиторов.

У меня 1-е отделение: Салманов, Симфония.

На концерте был Шостакович. После концерта у нас Арвид и Люся П<ономарева>.

23 ноября (пн). У меня дома 1—2.30 Д. Шостакович с М. Вайнбергом³³ играли в четыре руки Десятую симфонию (о темпах). Обедали. Ушли в 5.30. Вечером Лютик с Люсей в кино: «Их было пятеро»³⁴.

24 ноября (вт). Дома 12—1.30 опять Шостакович и Вайнберг играли Десятую симфонию (пили кофе). 3—5 час. беседа с Эпштейном³⁵ по вопросу производственных характеристик членов партии. Потом на репетиции Рахлина; потом план января, февраля и марта с Оником и о репетициях 4 и 5 декабря по Десятой симфонии. 5.30—7.30 у Софьи Вас. Шостакович, где опять игралась Десятая симфония (был обед).

25 ноября (ср). 3—5.30 вновь беседа по характеристикам с Эпштейном; совещание производственной комиссии по соревнованиям и «смотрам». 6.30—8.30 у Богданова-Березовского³⁶ (о его «судьбах»).

26 ноября (чт). Днем немного на репетиции Рахлина. Дома — уборка книг на 1-й полке в столовой (после ремонта

квартиры). 5.30—6 час. у меня Шостакович (немного о темпе 1-й части).

Вечером на концерте Рахлина (Восьмая Бетховена, Вагнер).

27 ноября (пт). Дома 1—5 час. (1-я ч. Десятой симфонии). Вечером — порядок на 2-й полке в столовой.

28 ноября (сб). Дома 11—3 час. (2 и 1-я ч. Десятой симфонии). Страшные приливы после занятий. Вечером на 1-м отделении Рахлина («Шехеразада»). С десяти — в ССК (соната Богданова-Березовского).

29 ноября (вс). Дома с 11 до 1 час. (3 и 2-я ч. Десятой симфонии). 3.15—8.15 (!) производственное совещание группы альтов.

Вечером — у Лиды [сестры Ольги Алексеевны] на Сызранской.

30 ноября (пт). Дома 11.30—2 час. и с 4 до 5 час. (4-я ч. Десятой симфонии). В промежутке появление Гауков. На Неве с 6 до 7 час. (крупа-ливень).

Вечером на концерт пленума (Курт, Коля). Безобразная проповедь Соловьева-Седого³⁷. Ночь...

1 декабря (вт). Дома 1—2 час. (2-я половина финала Десятой). 3—4 час. в горкоме у Сериковой (о проводимых собраниях в оркестре; о 2-м оркестре; о невыносимой рапмовщине; вчерашней выходке Сол.-Седого). По Неве — домой. 7 час. просмотр эрмлеровского фильма. Вечер у А. Животова, беседы на больные темы... Вторая ночь...

2 декабря (ср). Дома 12—3.30 (4 и 1-я ч. Десятой симфонии). Потом разборка накопившихся бумаг, фото и рецензий. Заходила Лида с зарплатой. Вечером — на Рахлине («Манфред», Каприччио).

3 декабря (чет). Дома 11—2.15 (2 и 3-я ч. Десятой; повторение 1-й ч.). 3—5 час. заседание Бюро совместно с дирижерами (Зандерлинг, Тюлин, Янсонс). Потом с Б. Шальманом и Арвидом — шашлык.

Вечером на концерте Рахлина.

4 декабря (пт). Репетиция 12—3 час.: Десятая симфония Шостаковича: прогон 1-й ч.; подготовка трудных мест и прогон 2-й ч.; прогон 3 и 4-й ч.; повторение 4 и 1-й ч.; читали очень удачно. Были: Зандерлинги, Янсонс, Каменская, Жай и приехавший утром Шостакович. Вечером с Ромочкой на концерте Гмыри³⁸.

5 декабря (сб). Высыпался. 4—6 час. был Шостакович (обедал). 6—7.30 пришли Холодилин, Оник и Арвид (о поездке оркестра). 11.40 — проводы Шостаковича.

6 декабря (вс). В 11 час. — гражданская панихида по Дмитревскому в Капелле (дирижировал финал Шестой Чайков-

ского). Потом дома — отдых (сидели, читали, Тиша под лампой).

7 декабря (пн). Дома 12.30—3.30 (1 и 2-я ч. Десятой симфонии). 5—6 час. в Консерватории у Брюшкова³⁹ (предложение мне там работать). Вечером на концерте Коли Рабиновича (Вагнер).

8 декабря (вт). Дома 12—4 час. и 7—8 час. (3-я ч. и половина финала Десятой симфонии). Трудность темпового соотношения в 3-й ч.! 4.30—6 час. совещание с Холодилиным о созыве главных дирижеров в Москве. Вечером у нас Черкасовы (с Катаняном⁴⁰).

9 декабря (ср). Дома 12—2 час. (4-я ч. Десятой симфонии). 3—5.30 Смотр в оркестре (выступал Зис, Шебанов⁴¹ и Секстет Чайковского). 5.30—6.30 — у Богданова-Березовского (по его композиторским делам). Рано лег в постель. Потом смотрел фото.

10 декабря (чт). Репетиция 12.30—1.30 с «ударными». До этого, у Шостаковича в гостинице (приехавшего со «стрелой») всякие вопросы по партитуре. С 6 до 8 час. — по книжным лавочкам. Вечером на концерт Хайкина (Берлиоз, Реквием).

11 декабря (пт). Репетиция 11—3 час. (струнные: 1, 4 и 3-я ч.); репетиция 4.30—8 час. (духовые: 1, 4 и 3-я ч.).

Вечером разбирал новые книги по биологии. Заходил Ромочка.

12 декабря (сб). Репетиция 11—3 час. (с 11 до 12 струнные — 2-я ч.; после сводка 2-й ч. — все вместе; потом прогон всей симфонии; доделки и еще раз 3 и 4-я ч.).

Вечером на концерте Рахлина. (Тишка болен: кошмар...)

13 декабря (вс). Репетиция 11—3 час. (2 «заезда» по вчера приготовленным листам; в 3-м «заезде» прогон 2-й ч., середины 3-й ч. и всей 4-й ч.).

В магазин за книгой для Вали Янцата. Вечером — читал «Абрамцево» (тихо и хорошо).

14 декабря (пн). 1—3 час. дома партитуры 1-го отделения на 17 декабря. Письма: Золотареву⁴², Пришвину.

Вечером на рождении у Вали Янцата.

15 декабря (вт). Репетиция 11—3.15 (доделки «pp» [pianissimo — очень тихо] в финале, «pp» во 2-й ч., начало 1-й ч.; генеральная, доделки по ней; «Приглашение к танцу», «Фигаро»). Устал до изнеможения.

Дома читал; приходила Леночка. С 9 до 11 заезжали Шостаковичи.

16 декабря (ср). Репетиция 11—2.45 (работа над «Обероном»; куски по симфонии; генеральная симфонии; повтор Моцарта

и «Приглашения к танцу»). Дома 5.30—8 час. партитуры на завтра.

17 декабря (чт). Репетиция 11—1 час. (немного — кусочки по симфонии; куски 1 ч., прогон 2, 3 и 4-й ч.; доработка и прогон «Фигаро» и «Оберона»; кусочки «Приглашения»).

Концерт (9-й):

Моцарт, увертюра к «Свадьбе Фигаро»

Вебер, «Приглашение к танцу» и «Оберон»

Шостакович, Десятая симфония (**впервые**)

[Шостакович] очень успешно. После концерта у него в гостинице.

18 декабря (пт). Дома с 12.30 до 3 — партитуры к вечеру.

Концерт (10-й): повтор вчерашнего.

Не только успешно, но и действительно хорошо. После концерта опять у Шостаковича в гостинице.

20 декабря (сб). Отдых дома. Приходила В. Петрова (о пенсии).

Вечером на концерте Конвичного⁴³. После — банкет в «Европейской».

21 декабря (сб). На репетиции у Конвичного (Четвертая Чайковского). Вечером на 1-м отделении Конвичного. 11.30 со «стрелой» в Москву.

22 декабря (вт). 11.15 — в Москве. Буфет и дрема. К пяти — у Левитина (обед). Вечером — Друскин (NB).

23 декабря (ср). Репетиция 10—2 час. (дважды читка всей симфонии; отдельные доделки). 4 час. — у Мусички обед. Там же Моисей и Юра Левитин. Поздно вечером у Микоянов (NB).

24 декабря (чт). Репетиция 10—4 час.! (10—2.30 — струнные, потом — духовые). К 12-ти приехал из Ленинграда Шостакович. Обед — дома. Вечером у нас Литя.

25 декабря (пт). Репетиция 11—2 час. (сначала сводка кусков финала; сводка 2-й ч.; прогон всей симфонии). 3—4 час. дома — закладки на завтра. С 5 до 10 у Сбродовых.

26 декабря (сб). Репетиция 10—1.45 (тщательная работа по кускам по всей симфонии; прогон финала; работа над «Приглашением»).

Звонки и подготовка беседы с министром.

Приезд Оника, Бори, Леночки С. В 11 вечера — чествование Галантера. Смертельная усталость...

27 декабря (сб). Репетиция 10—1.30 (работа над «Обероном»; начало «Фигаро»; 1-я генеральная симфонии; доделка 3-й ч.; кусочки из «Приглашения»). Обед и вечер (до 10-ти) у Мусички (Иг. Евг.; Олинька!).

28 декабря (пн). Репетиция 11—2.30 (доделки и прогон по 1-у отделению; генеральная симфонии; потом чистка накладок и прогон финала еще раз). 3—5 час. у П. К. Пономаренко⁴⁴. Дома у нас — Пономарев с Люсей, Оник, Шостакович. 7—10 час. — «Арагви» (рождение Левитина).

29 декабря (вт). Репетиция 11—12.40 (доделки и прогон 1-го отделения и 1-й ч. симфонии кусками; после перерыва прогон 2-й ч., кусков 3-й ч. и всей 4-й ч.).

Концерт (11-й):

Моцарт, «Свадьба Фигаро»

Вебер, «Приглашение к танцу» и «Оберон»

Шостакович, Десятая симфония (**первое исполнение в Москве**)

«Катастрофа» с фаготом в финале... [Десятой].

30 декабря (ср). Репетиция 12—1 час. (категорические поправки 2-й ч. симфонии; куски 3 ч. и весь финал; «Фигаро» и куски «Приглашения»). Снятие трубача Юрьева с концерта за вчерашнее (ничего не дал во 2 ч.).

Концерт (12-й): повторение вчерашнего.

Очень хорошо; присутствовал Пономаренко.

31 декабря (чт). С 12 до 2 час. у меня Гринберг⁴⁵ (о «концепции», общих вопросах оркестра ССР в связи со мной; о будущем посещении министра). В 11 часов вечера заехали Левитины.

Встреча Нового года у Шостаковича. 4 часа утра — дома.

1 января (пт). Отсыпался, отлеживался. У Л<ютика> — скулит печень. В 6.30 вечера пешком к Пришвиным (у Л. — Верочка, «малыш»). 9.20 заехали туда Шостаковичи и вместе — к ХолодILINE. Дома в 12.30.

2 января (сб). Утром у нас Полежаева, Мусичка, Пришвина¹. Я с 5 до 8 час. у Шостаковича (обед и метрономы в Десятой симфонии). Лютик до вечера лежит. Вечером у нас Лита и Ник. Влад.

3 января (вс). Днем: Консерватория; Анисимов² о концерте; Гастрольбюро, звонки к Гринбергу, Чаплыгину³ и т. д. Обедает у нас Мусичка (до этого «пропавший» заяц, а деньги кончились). История о необходимости еще раз исполнить Десятую (!); у Твердохлебова — вечером. 11.55 со «стрелой» — домой (Галантер, Шостакович, ХолодILINE, оркестранты).

13 марта (сб). Днем на репетиции Гаука (Мясковский, Двадцать седьмая и Левитин). В 5 часов у нас обедает Левитин. Вечером на концерте Гаука.

14 марта (вс). 12—3 час. прогон Десятой симфонии; маленькая работа по 1 и 2-й ч.; прогон «Ромео». Сыграли «Ромео» чудесно! После своей репетиции остался на репетицию Рабиновича со 2-м оркестром (Прокофьев; Шостакович, Пятая). Вечером у Ипатьевых.

15 марта (пн). Утром подготовка завтрашней репетиции. Днем, после «финала», читал «Дерсу»⁴. Обедает у нас Таня. Вечером у нас Каменская.

16 марта (вт). Репетиция 11—2 час. (места 1-й ч.; места и прогон 2-й ч.; тоже по 3-й ч. Вначале — репетиция и прогон «Спящей»). Утром приехал Шостакович. Для присутствия на репетициях и концерте. С 3 до 6 час. с Лютиком у Черкасовых (его «мрак» после... столкновения с датой облигации). Вечером с Л. у Гоши [Васильева] (встреча с полковником из поселка).

17 марта (ср). Репетиция 11—1.15 (работа над 4 ч. Десятой; работа над «Спящей»). Вечером на концерте Свешникова. Дома около 12-ти, на полчаса у нас Рома (книга ему).

18 марта (чт). Репетиция 12—2.30 (доделки и прогон «Ромео»; вальс из «Спящей»; генеральная симфонии). Обедает у нас Свешников. Вечером с Л. в кино: «Рим в 11 часов»⁵.

19 марта (пт). Репетиция 11–11.50 (отдельные места по программе).

Вечером концерт (19-й):

Чайковский, «Ромео и Джульетта»; сюита № 3 из
«Спящей красавицы»

Шостакович, Десятая симфония

Удачно.

После концерта у нас Шостаковичи и Коля Рабинович.

20 марта (сб). Утром по делам черного материала, атласа (геогр.). 2 час. — собрание партгруппы по соцсоревнованию. 3.30 на репетиции Шомоди⁶. 5 час. — обед, у нас Шостаковичи. Вечером на 1-м отделении юбилея Ходжи-Эйнатова.

21 марта (вс). Утром на репетиции Шомоди до трех. По непроверенным сведениям 21-го прилетели грачи (под Москвой). Днем: в кассу за деньгами. Вечером у нас Каменская. 11.30 *отъезд в Москву*.

22 марта (пн). Москва. 12.30 на радио: о программе записей с ленинградским оркестром. С 4 до 10 вечера у Мусички. Перед сном — немного у Курта (после его «Реквиема»).

23 марта (вт). Репетиция 12–2.30 (прогон Десятой симфонии и черновая работа по «Ромео»). Обед — дома. Вечером у нас Литя и Лиля.

24 марта (ср). Репетиция 10.30–1.30 (тщательно, по закладкам вся симфония; прогон 3 и 4-й ч.). С 4 до 11 час. у Мусички (до этого я в гастрольбюро у О. И. Зиминой — отдал ей свои фото).

25 марта (чт). Репетиция 10–1.15 (долгая работа над «Ромео» с проигрыванием каждой части; прогон «Ромео»; прогон 2 и 4-й ч. симфонии). На репетиции был Мусичкин Митюшка. Втроем, по солнышку — домой. Втроем в буфете. Л. — к Эмми⁷. Я по Кузнечному и в «садики». Зашел в кафе «Националь». Там — Вайнберги. С ними обед. Вечером заехал за Л. к Верочке Власовой (у нее «малыш»).

26 марта (пт). Репетиция 10–12.30 (генеральная и доделки «Ромео»; генеральная симфонии). С 3 до 6.30 у Пришвиной (о дневниках; о Дудине⁸; фотографии; «торжественное дело» и снежное солнце на фото с лайкой... чтение об их «встрече»...). С 8 до 11 час. у Литы и Лили (козленок).

27 марта (сб). Репетиция 11–12.15 («Ромео» целиком; кусочки симфонии).

Вечером концерт (20-й):

Прокофьев, сюита из «Ромео и Джульетты»

Шостакович, Десятая симфония

После концерта звонки: поздравляют со званием «Народного СССР» (?) Шостакович был на репетициях 24, 26 и 27-го и, конечно, вечером. После концерта — его объятия и слезы...

28 марта (вс). Утром приезд Саркисова. Указ о звании в «Известиях». В 1.30 на кладбище у Толеньки, зашли и к М. М. Пришвину. Потом обед у Мусички (с «про все»...), у нее до 8.30, после чего у Холодилина с Оником [Саркисовым] до двух ночи.

29 марта (пт). В 11 час. с Оником у Холодилина в Главке. Потом с Холодилиным у Твердохлебова (об условиях парижской поездки). В 2 час. БЗК [Большой зал Консерватории], свидание с Кин⁹. Оттуда — на дом к Гринбергу (о будущем сезоне и общих планах). К пяти в Гастрольбюро. В 6.30 заехала Н. В. Шостакович; поехали обедать к Левитину. Дома в 10 вечера. В 11.55 — отъезд домой со «стрелой». Из поезда: грачи, скворцы, но мало; снег почти сошел.

30 марта (вт). 11.15 — дома. Обедает у нас Коля Черкасов. Я съездил вечером за фотографиями к Щербинскому. Вечером у нас Лида.

31 марта (ср). С 11 до 7 час. запись [на радио] (записали 1 и 2-ю ч. Десятой Шостаковича). Дома обедали с Б. Шальманом. Лег в 11 вечера.

1 апреля (чт). С 11 до 7.15 запись (записали 3 и 4-ю ч. Десятой симфонии Шостаковича).

У нас Маруся. Звонок Марианны из больницы, и срочно — в Мечниковскую больницу к ней...

2 апреля (пт). С 11 до 7 час. запись (записали 2 и 4-ю ч. Пятой симфонии Шостаковича). С 7 до 8 час. с Шостаковичем прослушали запись Десятой: хорошо! В 10 час. ввалился Иван со шуками, налимом...

12 час. операция Марианны...

3 апреля (сб). С 11 до 7 час. запись (записали 3 и 1-ю ч. Пятой симфонии Шостаковича и 3 ч. симфонии Овсяннико-Куликовского). Вечер — у Ипатьевых.

4 апреля (вс). Весь день у Черкасовых в Комарове. Дома в девятом часу.

5 апреля (пт). С 11 до 7 час. запись (записали 1, 2 и 4-ю ч. Овсяннико-Куликовского). Каторжная запись; как всегда, после выходного — нет музыки; Гитер¹⁰, его грубость и удаление с записи. Вечером — Л. у Лиды; я — на Неве.

6 апреля (вт). С 11 до 3 час. запись (записали краковяк из «Ивана Сусанина» Глинки). Вальс не смогли записать (!!)

из-за флейты и 3-й альтерны. В 7 часов на примере кос-

тюма у Александрова [портного]. 8.30 у нас вечером бригада по записи (ужин).

7 апреля (ср). С 11 до 3.30 в Филармонии прослушивание записей. Прихожу: сидит чешский нонет [ансамбль из 9 исполнителей], слушают Десятую. Когда ушли, прослушал Пятую Шостаковича. Великое огорчение: плох финал, но Гаклин обещает «вытащить»; потом прослушал Овсяннико-Куликовского. Дома после обеда дремал; пришла в 7 час. Леночка. В 1.30 ночи отъезд в Пюхьярви.

18 апреля (вс). Около 8-ми вечера дома. Встречают Лида, Аня, Клава, мама, Тиша.

19 апреля (пн). Утром навестил И. Левитина в больнице. Днем в Филармонии. В Куйбышевской больнице насчет Воронова. Вечером у нас К. А. и А. И. Кузнецовы.

20 апреля (вт). Репетиция 11–2.30 (работа над 1, 2 и 3-й ч. Моцарта; прогон Дебюсси и Болеро). Вечером на «Раймонде». <...>

21 апреля (ср). Репетиция 11–2.15 (работа над 4-й ч. Моцарта, прогон 1-й ч.; работа над Дебюсси; работа с трубами по Болеро).

Идет ладожский лед на Неве.

22 апреля (чет). Репетиция с 11 до 2.30 (прогон Болеро, Дебюсси, Моцарта, еще раз Болеро; история с саксофонистом, которого не отпускал Владимирцев; приход на репетицию французского дирижера).

23 апреля (пт). Репетиция 11–12 час. (прогон Болеро и Дебюсси; местами по Моцарту).

Вечером концерт (21-й):

Моцарт, симфония *Es-dur*

Дебюсси, Ноктюрны

Равель, Болеро

24 апреля (сб). Утром повтор партитур. В 2 час. — в Лен-исполкоме получение грамоты «На звание народного артиста».

Вечером концерт (22-й): повторение вчерашнего.

Потом — у Никольского собора.

25 апреля (вс). Утром — Ипатьев с «визитом». В 2 час. на концерт Тюлина в Малом зале. Вечером на спектакле французов в Михайловском театре [Ленинградском Малом театре оперы и балета] («Мещанин во дворянстве»).

26 апреля (пн). С Л. на могилке у дедушки. Отцветает ольха; выпускает метелки бузина; «дольшие» зеленые кончики у черемухи; видели трясогузку. Вечером у Курта: в 10 часов 1-я передача нашей записи Десятой симфонии Шостаковича.

27 апреля (вт). Утром звонок Твердохлебову и Шостаковичу о сталинском комитете; потом на репетиции Курта (Дворжак, Пятая симфония). Вечером у нас Васильевы и Ипатьевы. Ночью звонок Кабалевскому¹¹ (о Десятой симфонии).

28 апреля (ср). 11—3 час. на репетиции и прогоне партитуры Богданова-Березовского (в Малом зале). В 7 час. Богданов-Березовский у меня по поводу книги обо мне. Вечером у нас Черкасовы и Щербинские.

29 апреля (чет). Утром в Свердловке (налаживание для меня сан.-курортной карточки). Звонок Кафтанову о Десятой симфонии Шостаковича. С 1 до 4 час. собрание «медной» группы.

30 апреля (пт). Отъезд в Пюхьярви.

12 мая (ср). К двенадцати ночи возвращение в город.

13 мая (чет). Вечером читал удивительнейшего стихотворца — Тютчева¹².

14 мая (пт). Дома с 11 до 1.30: 2 и 3-я ч. Четвертой симфонии Брамса. Умер Шукарев в 4 часа дня. (Л. по примеркам). Днем на Колокольной¹³. Вечером на концерте Зандерлинга (Девятая симфония Бетховена).

15 мая (сб). С 12 до 2 час. на проигрывании [нрзб] (фантазии для скрипки с оркестром).

Валит густой снег огромными хлопьями.

Вечером на 1-м отделении концерта Зандерлинга. Л. — у Шукаревых.

16 мая (вс). Дома 11—1.30: 1 и 4-я ч. Брамса и «Менуэт блуждающих огней» Берлиоза. Обедает у нас Шостакович. Вечером у нас Рома и Т.

17 мая (пн). Дома 11—1.30 (Бизе и Берлиоз). Днем — в Филармонии (Саркисов). Вечером у нас Кирилл.

18 мая (вт). Репетиция 11—3 час. (прогон «Арлезианки» и симфонии; работа над 1 и 2-й ч. Брамса; прогон Менуэта Берлиоза). После репетиции — Летний сад. Вечером у нас Ромочка.

19 мая (ср). Репетиция 11—2.30 (Ракоци-марш — полуработа; работа над 3 и 4-й ч. симфонии и над «Арлезианкой»). Вечером с Жаем на «Щелкунчике»¹⁴.

20 мая (чет). Репетиция 11—1.15 (работа над «Менуэтом огней» и «сильфами», генеральная симфонии).

Заходил Титов с катушкой и Рома с Ромой ездили в Летний сад и у нас пили чай. (Поиск...)

21 мая (пт). Репетиция с 11 до 12.15. (Берлиоз и Бизе: кусочки и прогон).

Вечером концерт (23-й):

Брамс, Четвертая симфония

Берлиоз, три отрывка из «Осуждения Фауста»

Бизе, «Арлезианка», сюита № 2

22 мая (сб). Днем в Филармонии: с Колей Рабиновичем на репетиции Курта («Славянские танцы» Дворжака).

Вечером концерт (24-й): повтор вчерашнего. После концерта у нас Рома (остался ночевать).

23 мая (вс). Утром — немного на репетиции Вигнера¹⁵ и на 1-м отделении концерта Зандерлинга («Свадьба Фигаро»; концерт Грига). Вечером на выступлении хора Капеллы («Славься»). Потом у Лизы Кудрявцевой дома. Л. — у Маруси; дома у нас баба Женя.

24 мая (пн). 2—3 час. объяснение со Шпильбергом: о его концертмейстерском облике и авторитете. На обратном пути за Л. и А. Животовым в Пушкинский театр. Вечером на концерте Курта («Славянские танцы» Дворжака). «Попойка» в «Восточном» ресторане.

25 мая (вт). 8—9.30 партитуры на 27-е. Вечером у Хотховых (лицом к лицу с проблемой Л...).

26 мая (ср). Днем — Оник [Саркисов]. Вечером — Малый зал Консерватории (экзамен молодых дирижеров). С Ромой. Потом у зубного врача.

27 мая (чет). Репетиция 11—1.30 (все подряд, на вечер).

Вечером концерт (25-й): большое отделение балетной музыки.

«Конференция» 6-го абонементa.

28 мая (пт). Утром — Оник. И на репетиции Курта. Вечером на Вертинском¹⁶ с Л. в театре Эстрады. <...> Все после этого у нас — Маруся.

29 мая (сб). Немного на репетиции Курта. «Лавка писателей». (Л. у Фигурнова). В 6.30 у меня Салманов с новыми набросками (по Андерсену).

30 мая (вс). На репетиции Курта. Дома, 2.30—4 час. партитуры на 1-е. 4 час. — университет, в одиночестве. Вечером на концерте Курта (Вертинский, Ларионова, Гилельс, боль...)

31 мая (пн). Дома 11—12 час. партитуры на завтра.

Концерт памяти Глинки (26-й):

Глинка, увертюра к «Руслану и Людмиле», два танца из «Ивана Сусанина», Вальс-фантазия, «Арагонская хота»

Выступали в 3-м отделении (начали в двенадцатом часу ночи).

2 июня (ср). Утром Филармония (комок сердца). В Свердловке у Шапиро. Вечером дома играл «Валькирию» Вагнера. Поздно, у нас ненадолго Ромочка.

3 июня (чт). На репетиции Рахлина. (Милиционер!) Вечером на именинах у Леночки ([слушали] «Онегина»).

4 июня (пт). На репетиции Рахлина.

День моего рождения. Вечером у нас Рабинович, Курт [Зандерлинг] и Коля Черкасов.

5 июня (сб). 7—8 час. А. Животов («на отлично», «взрослая»...). На концерт Рахлина (Шестая Чайковского).

6 июня (вс). К Маслаковцам в Сиверскую (с 1 до 6 час.). 11.30 со «стрелой» Л. уехала в Москву с Б. Шальманом.

7 июня (пн). 3.30 — Оник. 6.30 — торжественное заседание в Театре (Глинка). Верфь, Нева, Коломна.

9 июня (ср). Репетиция Рахлина 1.30—4.30 (Оник). Гомеопат 8.30 (3 р.). Концерт Рахлина («1812-й год» и т. п.).

10 июня (чт). Целый день ожидание прибытия поезда (2.30!!!). В Филармонии — Эрмлер (4 час.). Вечером — Каменская со своей книгой (образы будущего).

11 июня (пт). Утром — репетиция Хайкина. 12 час. — Мариинский театр. Крюков канал в солнце! 7.30 вечера на концерте Рахлина (англичане).

12 июня (сб). 10.30 в Филармонию (*corni* [валторны]). Дома с 1 до 3 час.: 1 и 2-я ч. Пятой симфонии Чайковского. 7 час. — у Марианны. <...> 11.30 — у Ромы.

13 июня (вс). 9.30 на репетиции немецкого хора. Дома — сон, мытье, бритье и пр. Троица (День памяти умерших). Вечером на концерте Лейпцигского хора.

14 июня (пн). 2 час. — Филармония (автоматика). Сольный концерт Г. Рамина¹⁷ (чембало).

15 июня (вт). 3—8 час. сессия Ленсовета. Федя за мной к Таврическому дворцу. [нрзб]. Концерт мальчиков (6-й ряд — «старики»).

16 июня (ср). 11—2 час. культкомиссия. <...> У Пономарева; из Москвы появление Л. и Люси; анкеты абонементчиков. Дома — финал Пятой симфонии Чайковского.

Вечером концерт мальчиков (у меня было много горя, полное изнеможение...).

17 июня (чт). Дома — 3-я ч. Пятой симфонии Чайковского. Болезнь Янцата (ангина). В 8-м часу до Пушкинского театра автоматически; у Ромы — с ним, Т. И. за Л.; и Елагин (во всей сложности своего вечернего часа...). Дома к двенадцати.

18 июня (пт). В 11 час. на репетицию Рахлина; 6 час. — в Ленсовет (7—8 час. — у председателя Х-ва). Заключительный концерт и проводы хора. Сердце — в слезах, «легкости» и боли. (6 р.)

19 июня (сб). 10.45 — отъезд Лютика с Тишей. Пономарев: внесение ясности; 11.45—5 час. Филармония («обер-унтер генерал»). NB: продление срока «на 1 час». Вечером дома один...

20 июня (вс). Утром 10.30—12.30 дома («Франческа да Римини» и 1-я ч. Пятой). 1—5 час. по книжным лавкам и с Борей — «на шашлык»; сердце после обиды (жерлица). Вечером — на «Золотопромышленниках» в Пушкинском театре¹⁸. Дома в 12 час. — Ромочка (таинственные звонки).

21 июня (пн). Утром — на репетиции Курта [Зандерлинга] («Дон-Жуан», скрип. концерт Сибелиуса). Собрание по [поводу] пьянства валторнистов. Домой — обед и опять на собрание. 5.45—12.30 — из Филармонии на Елагин [остров] (грусть, Фленушка; «неорганичность» и столкновение с ней; о вероятности будущего, невозможность «ухода»; Русский музей в солнце).

22 июня (вт). Утром Филармония, репетиция Курта, райком: о дворничихе. 1.30—3 час. дома (Пятая Чайковского: план репетиции). Вечером с Ромой на концерте Курта («Дон-Жуан»). Потом с ним на Финляндский вокзал встречать Лютика из Пюхьяярви (9.50).

23 июня (ср). 11—3 час. райком. Оник [Саркисов] (норма и пр.; предварительно прошел разговор о вариантах; впервые единство «мыслей»). В 4 час. — дома, Анна Максимовна у меня [домашний доктор]. Вечером я у Вали; у нас Ал. Вас. и наши.

24 июня (чт). Репетиция 11—2 час. (вся Пятая симфония: неожиданно легко, убедительно и без муки). После репетиции у нас А. Д. Каменская, потом Маруся. 7—9.30 с Ромой на Елагином: морской ветер... скамейка у пруда. (О физической «силе».)

25 июня (пт). Репетиция 1—12.15 («Щелкунчик», «Франческа», три места из симфонии; очень мучительно...) 7 час. — бритье в кухне «на отлично!»

Вечером концерт (28-й): закрытие сезона
Чайковский, Пятая симфония, «Щелкунчик»,
«Франческа да Римини»

26 июня (сб). Утро: на репетиции Янсонса. 12.30—5 час. райком-горком (планы, мучение). Дома — Л<ютика> нет. Вопреки всему отчаяние... вечером Л. у Ани на именинах. Один.

Гроза. Клятва Германа — «света!». Вызов Ромы, пришел мокрый.

27 июня (вс). Утром у Ромы. С ним до Витебского. Дожди... 3.15 за мной Борис: к Левитину (до 5-ти). 6—8.30 — Ботанический сад (утоление... надолго ли?). Дома Л. нет. Один. Потом к Янцатам. 12.30 ночи — ливень, далекая гроза.

30 июня (ср). Приход к Л. Елены Ивановны. И Шостакович. И она, и все — как в бреду. Мысли: нельзя потерять завтрашние мгновения. Вдруг в 8 час. звонок: «Выдумай завтра что-нибудь. Я буду очень ждать утром, я — в Таврическом». Вечером... у нас Рома. С ним кружок, на минуту к нему: телефон, о завтрашних возможностях.

1 июля (чт). Утром — сберкасса. Звонок. 11—2 час. — вместе («я все-таки буду ждать»). 2.30 у истфака [Ленинградского государственного университета]; на набережной, Летний сад... на солнце Нева. В Филармонии у Пономарева, с Федей опять к университету. 3.25—3.45 — ожидание чуда. Дома. Поиски возможности позвонить: Валя, блесна ему! 7.30 — к Балтийскому вокзалу. Обмен листками... в машине: «уезжайте, уезжайте...»

8.30 — дома. В доме Ромы в 9.45 поспешный звонок и иступленные слова. Последние полчаса дома. Пономарев с машиной. 10.30 — из дома. Вокзал. Безумие ожидания: вдруг появится. 11.25 со «стрелой» в Москву. Пономарев на уходящей платформе... а дальше — не сказать вторично. Ночью — замерзшая Л. ...

2 июля (пт). 10.40 — раскаленная Москва. Мусичка с Л. в номере. Я — по делам (путевки, билеты и пр.; 2 звонка от нее) до 5 часов. В 7 час. внизу, в вестибюле, письмо (за общим столом в поту и отчаянии). Вечер — у Литы.

3 июля (сб). 1 час. — Большой зал консерватории; 2 час. — радио: Пятая Шостаковича; 3 час. с Оником у Холодильна; 5 час. Гастрольбюро и в «садике» с Оником (мороженое). Опять Гастрольбюро; звонок к Роме; к 6-ти дома. Невозможность пообедать: буфет с сосисками. Вечером записи дней. В 9 час. Л. уезжает к Мусичке на дачу. 9.05 проводил. Звонил к Роме. В садике «Леонардо да Винчи». Ожидание звонка; около 1 час. ночи наконец звонок (Н: «у меня больше...»).

4 июля (вс). 11.30 — звонок к Роме. В 12 и около 1 час. — два разговора. Круг по «кошмару» улиц. Дома — «нет спасения». Появление Тани, уцепились за нее, с ней до 5-ти. 6.15 еще разговор по телефону. В 6.30 в «Националь» обедать (как приятно поест: двое суток не обедал). Вечером у Литы, к ней пешком, около 12-ти туда звонок Л.

Карловы Вары

7 июля (ср). 11.48 вечера — Киев. Ночь, огни над Днепром.

8 июля (чт). Вечером — Карпаты. Туманы, холодок веет...

9 июля (пт). Холодище... Туманные грозные Татры... взбухшие реки, залитые поля: дожди... 0.25 — Прага, «Вилла» [отель].

10 июля (сб). 1.30 на машине в Карловы Вары. 3.48 прибыли. Вечером... кино («Собака Ласси»¹⁹).

13 июля (вт). Утро — пропажка Лютиковых часиков... <...>

14 июля (ср). Укол (витамин В₁).

15 июля (чт). Укол. Утром — приезд Черкасовых. К ужину, вечером английская картина «Женевьева»²⁰.

16 июля (пт). Укол. Днем — финская картина «Белый олень», вечером «Школа мужества»²¹.

17 июля (сб). Укол. 5.30 — «Прощание со слоном» (итальянская к/к), вечером «Три мушкетера»²² (французская). Первый сон: Никольский собор; Плащаница; свеча.

18 июля (вс). 5 час. — фильм о птицах и рыбках (венгерский). Перед «водой» с Л. в Костеле. Вечером — «Злое море» (английский ф.).

19 июля (пн). Укол. После обеда до «воды» с Л. покупки (носки, «ру» [рубашки], сапоги [резиновые] и пр.). Вечером — «Цирк будет» (чешская к/к).

20 июля (вт). Укол. Наконец, солнечно. Днем — лежал, читал; Л. с «дамами» в городе (до «воды» на минутку в Костел). Вечером шведская картина о любви.

21 июля (ср). Укол. Плохое самочувствие (живот, горло). После обеда с Л. по ее покупкам до самого ужина. Вечером аргентинская картина (национальные игры на конях).

22 июля (чт). Укол. Днем — «Дети Хиросимы»²³ (японский фильм). Вечером Л. в кино; я — дома читал.

23 июля (пт). Укол. После обеда с Л. — «за почту»: духи ей к ее дню, «покупки». Вечером Л. в кино; я дома (Седьмая Бетховена по радио).

24 июля (сб). Укол. Утром — цветочки. Второе объяснение с Л. (попытка объяснить ей суть положения; сказал о возрасте и ситуации Н. ...). Потом я дома лежал и читал. Л. одна где-то (принесла колокольчики). Вечером я дома. Л. — в кино.

25 июля (вс). Я — один, окончил «Вступление в жизнь» Шереметьевой²⁴; по радио — «Мефисто-вальс» Листа (и над тем и над другим плакал горько...). Плохо с головой чего-то. Л. —

в кино. После обеда поспал. Потом с Л. — за «Ричмонд» и налево в горы. Лес из снов детства: ручеек; лягушонок, мышка, змея. Л.: «научилась, все-таки замечать...» (*Нерушима Л., как сама жизнь*). Отдых на пеньках среди спящего травяного «народца». Вечером у нас М. А., И. А. и Черкасовы (ужин Лютикова дня).

26 июля (пт). Укол. Новое в Л. — воспряла немного (*а дальше как?..*). Вечером английская картина «Мост Ватерлоо»²⁵.

27 июля (вт). Укол. Утром купил Жаю юбку (радостную, яркую). Днем Л. на целый день по лавочкам, я с Колей на «воду». У «Империаала» — симфонический концерт. Вечером у Черкасовых (рождение Коли) Громыки, Федоренко, Богомолова (!).

28 июля (ср). Укол. После обеда с Л. за пижамой — не взяли. Потом Л. дальше; я до 7-ми «присутствовал» на улицах, заходил в тихие «жилые» углы городка, доходил до конца речки, к железнодорожному мосту. Вечером дома: Л. — банки (до костей промерзла); я — в ванне.

29 июля (чт). Укол. Утром бегал между «водой» и завтраком за отрезом. Дождь, промерзла лысина, промок... После обеда — «Оттепель» Эренбурга²⁶ и с Л. до «Минервы» (фуфайки и пр.). Л. дальше на автобусе, я — домой (запись вчерашнего и сегодняшнего). Вечером дома (по радио: Прелюды и «Семирамида» — Тосканини!).

30 июля (пт). Укол. Утро — Л. охвачена грустью: по странному совпадению ей так же, как мне, представилась близкая действительность... У меня неполадки в кишках после вчерашней промывки. Сажу дома: с восторгом читаю Пушкина («Бориса», «Полтаву»). Я с Черкасовыми, днем — в лавки. С 5 до 6.30 один прошелся кругом (номерки для чемоданов, вакса, блокнот). Вечером на концерте самодеятельности. (Л. мрачна. Я — тоже: все еще неполадки в кишках).

31 июля (сб). Укол. Целый день дома. Лютиково состояние вызвало во мне примитивный протест. Но в 5.30 пошли с ней в церковь. Старик священник; Серафим Саровский; освящение хлебов... (сокровенно и тепло). Вечером американский фильм «Ночь в опере»²⁷ (гомерический хохот).

1 августа (вс). После завтрака компанией на кладбище. Мы с Казанцевой отделились: посидели. (Множество повсюду красных клопов.) После обеда — «Капитанская дочка» [А. Пушкина]. Л. дома. Вечером немецкий фильм «Ave Maria».

2 августа (пт). Вот и последняя неделя... Ночью Л. слабило. Я как будто в порядке. После обеда (с 4 до 7) с Л. на фуни-

кулере в горы. Чудный седой человек в вагончике; семья чехов. Чудный благодный вечер в горах и солнечной долине, на домиках черепица, чудесный воздух. Памятник трогательных бюргеров; дворики и лесенки... (страна мира...). Вечером — «Александр Невский»²⁸.

3 августа (вт). Днем сладкий сон; пробуждение: ранний благодный вечер в горах, тени на лесах; у нас Элла; тишина, легкость, покой; редкостное равновесие (счастье!). С 5 до 7 с Шапошниковой, Эллой и Л. — мимо лазней кругом на «воду». Чехи идут в «Почтовый Двор» на китайцев. С «воды» тоже пешком. Вечером — доклад Коли Черкасова об Индии.

4 августа (ср). Утром у Л. промывание (до этого отъезд трех семей; опять столкновение с внезапно ушедшим). С Л. за ее покупки: сумочкой, чемоданом. Я с этим — домой. Л. дальше, за обувь. Вечером у нас Шапошникова и Казанцева²⁹ (об усадьбе Ш., цыплятах и пр.; о ставках); под конец зашел Коля Ч.

5 августа (чт). После обеда с Л. — «за почту» (розовая кофточка, «литр», шурупы). Л. дальше, я — верхней дорогой гулять. Обсаженные каштанами тихие улочки с виллами; всюду еще дух безмятежной жизни; у церкви на скамье; карпы; белочка; мамы с детьми, с песенкой; «новые мосты» над колоннадой; над «замковым» — встреча с Л. внизу. На скамейке у прудика (соки с молоком). Вечером — плохая картина «Призрак оперы»³⁰.

6 августа (пт). В 10.30 проводы Шапошниковой и Казанцевой. Л. по лавкам. Дома — один: ласточки, ястребок, бледный месяц за тополем плывет; по радио — «Щелкунчик»... Сочетание оканчивающегося периода в настоящем с еще трепещущей действительностью 1936 года. Вечером укладка чемоданов.

7 августа (сб). Л. с утра «дотрачивает». Я — в библиотеке. Звонок: приехал Федин³¹. После обеда он у нас. (Федин и его народовольческая «совесть». О Твардовском!) В 6 часов после лазней «на воду» — церковь. Запах лип, влажной травы и деревьев после дождя. Ладан; «Ныне отпускаеши». Вечером — английская картина «Конец пути»³². После у нас Элла и Коля.

8 августа (вс). В 7 час. встали, в 8 — завтрак. Споры и ожидание поместительной машины. 10.45 отбыли; 12.30 — «Вилла» в Праге; 1.30 — на вокзале; 2 час. 7 мин. — отбыли из Праги.

9 августа (пн). Утром — Чоп.

10 августа (вт). Бедлам и жара на Киевском вокзале.

11 августа (ср). Около двух дня — Москва. 11.55 вечера со «стрелой» в Ленинград.

12 августа (чт). 10.40 — дома.

14 августа (сб). В пятом часу вместе с Гошей на филармонической машине в Пюхьярви. Приехали около восьми вечера.

Пюхьярви

15 августа (вс). В 5 часов всем почти поселком — спуск лодки.

16 августа (пн). С 6 час. утра Иван с мальчиками (Ефимовыми) перетаскивают причальную борону; мостки. В 10 час. с Митей проба мотора.

17 августа (вт). После обеда с Валею Янцатом под «полунье», на живцов. Вернулись в 10 час. вечера и еще ставили за угол рагони [снасть]. Полная луна.

18 августа (ср). Утром на лодке, один к Ипатьевым за канистрой и маслом. С 6 до 9 — один до «магазинчика» и обратно. Великая грусть...

19 августа (чт). Утром с Л., Лялей и Митей — в лес. Погожье, тихое утро. Обильная роса. В траве, по кустам и сосенкам пауки развесили свои паутинные гамачки. Усеянные капельками, они кажутся серебристыми. В лесу кой-где папоротник уже побурел. Часто встречаются особенно свеженькие, яркие лимонницы: это второе (летнее) поколение; они, выведенные в тепле, крупнее весенних, зимовавших в стадии куколок. По соснякам пышно цветет и местами уже отцветает лиловый вереск. На солнечных полянах над цветами «вдовьего цвета» вьется множество бабочек-белянок. После дождей по низинкам стоит крепкий, лекарственный дух, и даже сосенки пахнут сладковатой прелью. Все говорит о начинающейся осени...

На днях наблюдал шмелей на цветах «львиной пасти». Как, раздвигая их губки, забираются они в прохладную цветочную горенку и потом, пятясь, вылезают оттуда со спинками, густо вымазанными пылью. Замечал, опыленные цветы последующими шмелями не посещаются. Как они знают, что цветок уже использован?

После пяти с Валею на ту сторону со спиннингами. У «Лысой» после заката тщетная ловля плещущихся окуней.

20 августа (пт). Сильный ветер; проверка состояния причалов. На обратном пути хорошая беседа с Нонной. Наши в лесу. Вечером опять проверка причалов.

21 августа (сб). Целый день переписывал зеленый «летний» блокнот.

22 августа (вс). Парадный выход флота; в числе 11-ти лодок — на «Лысую». Обед у Ипатьевых (дичь); сон у Володи полчаса; потом с ними к «коралловым» (поиски мотора в воде). В 9 — дома.

23 августа (пн). Плохая ночь: Тихон будит своими гуляньями. Утром отчаянное состояние... Утром — к Ипатьевым (ружье отдал чистить Володе). После обеда на «Лысую» к Вальке. Жарко, слепит солнце, все неудачно и «ненужно». Не в состоянии и дома был скрыть душевный мрак. В 1 час ночи опять разбудил Тиша. Сидение в соседней комнате с горами тяжких мыслей... Рядом молчаливая Л. Тусклый свет свечи. Тишина. (Дирижерство, «пожизненные» с Л.).

24 августа (вт). Утром к Ипатьевым отнес деньги. У Вали сделали «смесь». На минутку к Гоше. Дома стал переписывать «сводные материалы», но выяснил, что, кажется, пишу уже раз переписанное... бросил. Перечитывал записи 1953 года. Все, конечно, в лесу.

После обеда лег вздремнуть; с грохотом, появление Володи Щербинского: достал сеть, привез нач. станции Вороновича, просит выехать на озеро, искать потонувшую часть мотора. Поехали с Митей, конечно зря. Дома подготовка к вечеру: водки, икра и пр. Придут Ипатьевы; побрился и я... Пришли к 9-ти. Были до 12-го часа. Уехали на машине, освещая кусты яркими лучами фар. (Второй день беспокойство, вновь появившаяся тяга к Н... Ощущение ее близости, присутствия; будто где-то недалеко — вот-вот увижу...)

25 августа (ср). Утром писание письма маме. С ним — к Володе Щербинскому. Поручение ему — привести мне папку. После обеда с Митей, по волне, по обоим «полулуньям». Несколько «килек» выловили. У амбарушки (до обеда?) с Л. Над лесом треугольник журавлей. Дома у нас Рома. У Л. Сиротинин: выслушал легкие.

26 августа (чет). Рано встали. С Ромой по дорожке. Фотографирование паутинок в росе. После завтрака с Ромой на лодке к Ипатьевым. На обратном пути «гонка» за пароходом. После обеда на Костерму, безрезультатно. После чая с Ромой и Лютиком к Гоше. До этого у нас Нина Хотхова — проститься. Таня, Нина и Н. с фонарем — домой.

27 августа (пт). Утром с Л. и Ромой проститься к уезжающему Ипатьеву. (Реяние множества ласточек вокруг домов.) Оттуда, Рома с «визитами». Мы — домой. В 5.15 проводы Ромы на Нойтерму, через лес. (Уже много «копеечек» [жел-

тых листьев] под березами.) На обратном пути «драма» с купленными Л. буханками.

29 августа (вс). Целый день дома, окончание «Господ Головных»³³. Путаница со сроками отъезда наших (из-за глаза Натальи). Отъезд их (Женюшки, Таточки, Мити). В 6 часов мы с Л. у Маши по делам устройства коровы. На обратном пути у Мичурина (с нами Верочка). У Ивана — Коноваловы!

30 августа (пн). Проснулся поздно: опять будил ночью Тихон. (Уши заложены, нервы болят.) Л. и Лида — в лесу. Вчера вечером (в связи с впечатлениями у Маши?) тихо и по-прежнему «мило все». Л. тоже тише. Разговор с ней перед сном о Жорже и Мише.

31 августа (вт). Дома с 11 до 3 час. попытка начать заниматься (Седьмая Бетховена; Седьмая Брукнера, «Море» Дебюсси).

1 сентября (ср). С 12 до 5 час. путешествие с Володей Щербинским, на «дупелей».

2 сентября (чт). В 4 час. с Л. и Леночкой и Вол. Щербинским на его машине — на Нойторму. В 5 час. 10 мин. — в Ленинград. С поезда — к Маслаковцам.

3 сентября (пт). День в городе. Ромочкин музей Менделеева. Л. — в Рождествене, на машине. В 9 час. Л. дома. У нас Рома.

4 сентября (сб). В 8 час. встали; 9.48 поезд; 1.25 — Нойторма. Вдвоем с Л. по солнечному лесному дню домой. В 7 час. с Л. на мыс к Володе. Ожидание и приезд Гоши с «авоськами». Все — у них.

5 сентября (вс). С 11 до 3 час. с Володей и Гошей на моей лодке, но с «Чайкой» [мотором], «с глубинными дорожками». Аня, Лида и Л. — в лесу. Пришли в пятом часу. После обеда с Л., со спиннингом к Сухопарине, в магазинчик, и в сумерках до дома «с дорожкой».

6 сентября (пн). Дома с 10.30 до 12.45 — 1 и 2 ч. Седьмой симфонии Бетховена. В 1 час с Л. и Лидой с тряпками «откачивали» лодку. Дома бодро (!?) накопал червей. После обеда с Л. на озеро: первое полулуние, «коралловые», «Лысая». Волна. Полчаса, около 8-ми, клев. Жай выгребает. Домой по волне. Гоша виднеется: идет под островом. Дома после заката. Лида на берегу. Холодный, оранжевый запад.

7 сентября (вт). Дома с 10 до 1.15 — 3 и 2-я ч. Седьмой Бетховена и проиграл внимательно 1-ю ч. Седьмой Брукнера. Л. в 10 час. с Гошей в Кексгольм [Приозерск] за лампой. Сел у клумбы; зазвонила лавка. С Аней — туда. В пятом часу пришла Л. После обеда с ней к Щербинским, кормить его собаку.

По дороге событие: у Янцата 30 шук! Быстро с Гошей на озеро. Но тщетно. Только гладь и закат...

8 сентября (ср). Дома 10—1.30: 4 и 1-я ч. Бетховена; 4-я ч. Брукнера; первое знакомство с Песнями Малера. Л. привела собаку, подкинутую Щербинским, в сарай. Все стоят чудные, чистые дни. Вышел, посидел. Собака непрерывно лает; Тихон испуган. Л. увела ее. Я — в сарай Янцата поднять бочку с бензином. Зашел к Гоше. После обеда писал «сводные» 1953—1954 гг. (до 5.30). Л. моет голову; потом они с Лидой трясли яблочки. (Л. у открытого окна, где пишу, с красным грибом-гномиком!) Тихо. Солнышко косое. Холодная глубь воздуха.

В перерывы [между] занятий выходил погреться на солнышке. Голубой день. Свежесть осени. Тихость.

На веселой клумбочке с карликовыми георгинами гудят шмели, цветочные мухи, перепархивают бабочки: со мной вместе доживают свой последний месяц благодати... Шмели, иногда по двое, собирают на одном цветке: толкаются, елозят лапками, но не мешают, видимо, друг другу, свои «люди»... Да и бабочки не особенно пугаются, когда на них, сидящих в цветке, обрушивается гудящая тушка шмеля: весь этот маленький «народец», видимо, знает друг друга хорошо.

В солнышке раскинулась тяжкими ветвями яблоня, густо усаженная красными, веселыми яблочками... Из-за забора глядит, наставив уши, телка: внимательно следит за каждым проходящим, нет-нет да и промычит что-то свое, просит обратить на нее внимание...

Вдвоем с Тишей, в вечерней благодати, до «горючего камня». Потом на именины Натальи. До этого еще к Володе на мыс — проведать собаку. Вечер у Васильевых (на именинах).

9 сентября (чт). Утром... потрясение, горе, заботы, гнет... Вместо занятий — ненужная подготовка блесен к завтрашней поездке. После обеда беготня к Гоше, запропавшем в лесу «на бруснике». Дважды, тут же появление Маковецкого. <...> Дома — до «горючего камня»; сидел в сосенках. Вечером в кухне все вместе: мои «бродяжные» воспоминания.

10 сентября (пт). Встали в 5 часов утра. В 6 выехали с Гошей за Маковецким (посылка), от него — на Тайпале. Тепло, солнечно. Пустыня на Вуоксе: ни ловцов, ни лососей. Уехали днем. Дома были около пяти. С Л. приехавший Володя Щербинский. С ним до вечера, с «дорожкой», к Сухопарине. Голубовато-серая гладь и небо. Просвечивает месяц. Темно-зеленые камни. Дома все в кухне: о «неведомом» (сны, магия, «глаз» и пр. и пр.).

11 сентября (сб). Дома с 10.30 до 2 час. — 1-я ч. Бетховена; песни Малера; 1-я ч. Брукнера. Л. и Лида распутывают мою

жилку. Дождик, серо. К двум разъяснело. Потом обложной дождь. Дома все на кухне — пасьянс. Я — читаю Горького (Варенька...) Тревога... В седьмом часу круг по шоссе, Яна — лесом. (Лес-храм. Дымка. Покой.)

12 сентября (вс). Утром приезд Ромочки. Л. внезапно, до завтрака, «в лесок». После завтрака он на сеновал. Я — дома с 10.30 до 1.30 — финал Брукнера и 4 ч. Бетховена. После обеда сон. Пасмурно. Около шести Рома ушел. Я с ним до повертки на мыс. Дома там — никого. Ясно все предстоящее... (задачи и ответственность... личное, надличное, имеется «не для себя»...). Пустым берегом — через Гошу — домой. Разговор с Л. о моей поездке в Ленинград во вторник.

13 сентября (пн). Заботы всех «поселян» в связи с объявленными на дома ценами. Проснулся от шума дождя. Дома с 10.30 до 2 — 4 и 3-я ч. Бетховена; в общих чертах вспомнил Четвертую Глазунова. Заходил Спиридов с Верой, с копченым окуном. Л. на машине Щербинского встречает Леночку. То солнечно, то низкие серые тучи, ветер сильный, с юга. Вечером у нас Спиридов с Верочкой.

14 сентября (вт). В 9 часов утра с Гошей, Юрой и обкомовцем в Кексгольм (о покупке домов; лампы, канистры). Днем у Янцатов и Ефимовых; продолжение хождения с оценщиком домов. В 5 часов с Гошей на Костерму. Вихрь, тучи, оживленный клев.

15 сентября (ср). В 7 час. с Аней «на Гоше» в Ленинград. К одиннадцати — Колокольная. С 12 до 4 час. встреча и решающий разговор с Ниной... (рождение «нового» из «обреченного»...). В 5 часов обед у Ани. В 5.30 — домой. Около десяти дома. Глаза Л. (с фонариком у сараюшки).

16 сентября (чет). Утром к Нонне с письмом «с Колокольной». Дома кардинальное, откровенное до конца, правдивое объяснение с Л. И здесь, зарождение «новой» жизни — через Правду. После обеда письмо Нине. Лампа обогревает у меня комнату. Тиша на ватнике у пианино. А я —писание «сводных материалов» до 10-ти вечера (1.XI по 18.XII 1953 г.). В комнате, где пианино, при лампе и свече. (Томится сердце... Н. — где-то большая, большая...)

Весь день то дожди, то светлеет; сильный южный ветер.

Перед сном после писания вышел на скамеечку: лунная ночь. Тихо. Большая ущербная луна на северо-востоке. Чистое, глубокое звездное небо. Бледный в нем огонек самолета и ползущий за ним луч прожектора. На лужайке легла лунная дорожка. Вокруг непроглядно чернеющие тени и силуэты деревьев.

17 сентября (пт). Проснулись — дождь. Дома с 10 до 2 час.: 1, 2-я ч. Десятой симфонии Шостаковича и 4-я ч. Четвертой симфонии Глазунова. Постепенно солнце, ветер. Лена и Лида — картошка. Л. с Тишей на скамейке с брусничкой. С Л. и Лидой откачивали лодку. После обеда полчаса сон. Бритье. 6—7 час. немного поиграл 3 и 4-ю ч. Пятой Малера. В 6 час. к Сиротининым; только сели — немой принес известие, что моя лодка оторвалась. Срочно туда со спиннингом и фонарем. В одежке прямо в воду. Дома к двенадцати. Вечером гроза!

18 сентября (сб). Выспались. Дома с 12 до 3 час.: 3 и 4-я ч. Десятой симфонии Шостаковича. После обеда на озеро: ремонт причалов. В 6 часов один на Костерму. Ливень. Переждал бурю у пристани. Потом еще «заезд» к камышам. В сумерках домой. На берегу Лида с фонариком и вестью: Арсений Арсентьевич Петров и Шальман приехали. Дома: лампы, свечи, водка. Опять поздно легли. Л. и Лида днем с Гошей в лавку на станцию.

19 сентября (вс). В 6 часов утра подъем. По скользкой траве и земле машина буксует; носка под нее сена, рубка березы, на которую она умудрилась сесть крылом... <...> Наконец, отбыли. Поспали. После завтрака с Л. и Лидой на лодке к Костерме. Я — у тростника. Волна. Они — в лавку. После обеда с Л. к Васильевым (шуки в долг). Вечером у лампы вечер воспоминаний сестер. <...>

20 сентября (пн). Дома 11—3 час.: «Ромео и Джульетта» Прокофьева и 1-я ч. Десятой симфонии Шостаковича. Кой-что «открыл» новое в возможностях исполнения «Ромео» (!) С умилением еще раз прошел песни Малера. В кухне стук, бряк — готовка к завтраку и «званому» вечеру. Утром ходило вокруг домика колхозное стадо. День сегодня тихий и солнечный, хотя свежо. В 5 часов поехал один на Костерму. На закате, «с дорожкой», вдоль острова (окунище!). Вечером у лампы вновь семейные воспоминания о родне, бабушке, бабушке, Кузьминых, Томсонах... хорошо.

21 сентября (вт). Ночью Тихон опять хрупал мышь и наследил лапками на моем столе; с утра продолжение суеты вокруг всяких блюд. Я — дома с 10.30 до 2.15: 4 и 1-я ч. Десятой симфонии и «Ромео». Ночью полно звезд. Утром дождь. К обеду ветер, и стало яснее, проглядывает солнышко вперемишку с дождем. С Л. к Гоше за посудой. Гоша собирается с Островскими на озеро. Дома дрема, потом бритье. Вечером гости (моя игра; Триумфов, Л. и Лида пляшут.)

22 сентября (ср). Скорбная ночь... Дома с 10.30 до 2.15 — 3 и 2-я ч. Десятой симфонии Шостаковича и внимательно 1-ю ч.

Пятой симфонии Малера. Потом до обеда писал «сводные материалы». После обеда вновь вмешательство невидимого: разговор с Сиротининым о Л. ... После к Гоше и на озеро, но поехать не удалось: гроза. С Гошей под навесом у пристани. В перерывах дождя — звонкие струи с крыши сарая и звонкое ржание из перелеска. Черное небо. Вечером у нас Сиротинины.

23 сентября (чт). Дома, с 10.30 до 1.30: 1, 2-я ч. Седьмой Бетховена и немного 2-й ч. Пятой симфонии Малера. Л. пошла в лес. Лена с Митей возят навоз. Серо, ветерок, иногда моросит, летят желтые листья. С трех до вечера с Гошей на «янцатовском месте» (гряде у «коралловых» островов). Ветер, волна, дожди, неудобно.

24 сентября (пт). Утром к Гоше и Ивану, условиться об уборке лодки. Встреча с триумфовским шофером; он — о статье Дзержинского... Дома не мог заниматься. Стал укладывать свои ящики. С 5 до 8 час. с Гошей опять на гряде. Из дома Лида с Л. идут встречать с фонарем. Часок с Л. на скамейке под окном, в сумерках и молчании...

25 сентября (сб). Утром с Л. — «заккрытие навигации»; на гряде, «с дорожкой», мимо нашего залива (ветер, волна) к «магазинчику». Заезд к Грану. Рябина на берегу; высадка. Дома в 4 часа. В 5 час. уборка лодки (моей и Гошиной), бензина, лодочных припасов и развозка их домой и к Ивану. (На берегу лодка, как капище...)

26 сентября (вс). Укладка ящика (железного), рыболовных снастей, заливка маслом мотора. В 5 часов проводы Лиды и уезжающего совсем Гоши. Л. к Грану за рыбой; я — один. Потянуло побродить. Проститься с памятной тропкой, что идет берегом озера по краю ипатьевского мыса. Там, 11 мая я «мечтал о несбыточном...»; казалось оно тогда возможным. И в тот день, когда стоял на берегу, мнилось, обернусь и — случится чуду: увижу Н., живую, рядом с собой... Верилось, верилось, что это может случиться, весна шла...

Сегодня все иное: осенняя тускло-зеленая, темная трава, багровые рябины, неживая жесткая листва олешика, низкая, сплошная пелена туч... И ничто не говорит об ожидании сегодня — ждать нечего, нечему радоваться... На маленькой поляне у края защищенного от ветра леса — присел на груды камней. Тогда, весной, встретился мне здесь комаришка, летевший по своим весенним делам, невзирая на падающие снежинки... он мне сказал тогда: «Сегодня ненастьем не огорчайся, все впереди... все будет...»

Знакомо, извечно знакомо стоят вокруг меня деревья, поникла непахучая, тяжелая от влаги трава. И тишина...

и ясность покоя. Вечного покоя. Подумалось: этот свой малый сегодняшний путь, посвящая тебе, Нина... И еще, с болью: Н., Н.! Если б ты была со мной сейчас здесь! Сколько бы могла узнать ты, как бы звучало это все потаенное, неведомое тебе, как бы оно ожило, открылось вновь для тебя, проникло бы в сны твои... Смотри, как все приемлет неизбежность свою в мире. Как всему есть место в жизни и Вселенной, на каждый час... Только мне нет в жизни места... лишь когда Вселенная приютит меня... Потому, что нет во мне лада... Нет лада...

...Прошел к озеру: в маленьком заливишке камыши клонятся, шуршат, делятся новостями, принесенными ветром... По той же, что и весной, тропке с густым олешником вдоль каменистого берегового вала прошел на мыс. Как и тогда, постарался представить себе: вот обернусь — увижу. Но нет: нет сегодня веры в чудо... Знаю — не увижу. Только свинцовое озеро, свинцовое небо, свинцовая морящая даль и покой непреложности... вот они передо мной... И как тогда весной, так и сейчас прошел посидеть на ипатьевское крылечко, прощально посидеть. Откуда-то появился малый паучок, пополз по рукаву, мелькнуло: неужели?! неужели возможно?.. Глянул на желтеющую туманную опушку далекого леса. И вот, за ней как бы встало, открылось, увиделось все Предстоящее мне. Нет... невозможно... не будет никогда... Горючим комком сжалось сердце. Что ж, надо идти. Надо идти...

На дороге стоят длинные лужи, обочины ее пестреют желтыми, опавшими листьями берез. Стайками расхаживают по ней сороки. Тихо. Пахнет мокрой травой... Сумерки. Мгла кругом.

После чая, как всегда, все под лампой «досиживаем». Вторая скорбная ночь...

27 сентября (пн). Солнечно, ясно. Наши «копаются». Я закончил к 1 часу дня переписку «сводных материалов» (сел в 10 час. утра). Потом почти до обеда писал за вчерашнее «предвечерье». Потом начал спиливать «обреченный» олешник на дорожке у колодца. После обеда, в 4 часа, пошел в лес на большое болото проститься. У входа в лес, у «горючего камня», груды перьев и пуха только что кем-то разорванной сойки: еще сухожилия на оторванной лапке не застыли и кусочки мяса на ней еще кровоточат. Лиса?

Не доходя полпути до болота, в сосняке присел на валежину. Тишь лесная. Невдалеке перекликается пара черных воронов: «крук-крук, крук-крук». Застывшие красноватые стволы сосен. Древние валуны в зеленых и седых мантиях мха. Ясное ощущение их «дела» в осени и «ожидания часа» в сегодня. Отдаленный, смутный шум пробегающего в вер-

шинах ветерка. И опять молчание. Давно неиспытанная благодать лесная, благодать осеннего леса... как улыбка успокоения. И снисходит избавление от боли, тоски и скорби, и осеняет (Великий мир, и легкость, и покой). Будто приникнул ты к груди Кого-то, большого, мудрого, ласково утешающего...

На большом болоте — ни звука, ни движения. Светлой пеленой подернутое, простерлось над ним небо. Сквозь дымку тихое, еле приметное озарение низким солнцем. Легкие, прозрачные тени. Нежно и ярко зеленеет все: мхи, осока, неподвижные болотные сосенки. В дуновении чуть дрогнет, качнется веточка — и опять застынет. Немая тишина. Только дышителей постукивает вдалеке на сушине.

По кочкам краснеют ягоды клюквы, кой-где виднеется побагровевший клочок обычно изумрудно-зеленого мха, сфагнума. Желтеют крохотные копеечки листьев тундровой березки. Растер между пальцами листик багульника: остро запахло смолой и чесноком, и еще чем-то неведомым, болотным, и будто ладаном, вербою... Долго сидел, отдавшись окружающему... И было давно не испытанное тихое счастье. Вот, где мой лад! Вот оно, мое, — «моя среда», в которой нашлось бы и мне «место в жизни»!..

У корновского ручья навел свою елочку-невесту: дремлет над омутком, расправив пышное свое платице, разросшееся за лето. Пушистые веточки. Дремлет, усыпанная желтыми листьями да повисшими на паутинах бурными хвоинками соседних берез и сосен... А ручеек все бежит и бежит, позванивает колокольцами струек да клубит на повороте шапку желтой, ноздреватой пены...

...Буйные ярусы сосновых крон. Впечатление мощи сосновых ветвей: мощь — в рисунке изгиба.

Вернулся в 7 час. Наши копают земляничник. Л. в платочке и передничке. Мы с бабой Женей на сарае около. Золотая опушка леса в заходящем солнце; летучие мыши. Тишина.

28 сентября (вт). Утром — укладка. Серо. Льет. Тиша на кровати, под ватником. С 12 почти до 3-х писал за вчерашнее (лес, болото). После обеда спал: холодно. С 5 до 7 час. в лес, вдоль оврага, левее сакколовской дороги. Если знать, как войти в лес, и знать, как быть в нем, то поистине это как коснуться Сущности вещей, как войти в «вещь в себе» (в нее).

Кстати, два эпиграфа: «Глаза есть, а посмотри — нету!» (Арсеньев «Дерсу Узала»); «Там-Таука... и пампасы...» (Жюль Верн «Дети капитана Гранта»).

Можно изучать лес долго и кропотливо, пересчитать в нем каждое дерево и пройти лес, пройти насквозь — не коснувшись его: ведь он расступится, пропустит... и вновь сомкнется (за тобой) в своем молчании.

Лес — это не только сборище деревьев; это — новое единство, новое качество. Жизнь леса это нечто иное, чем жизнь множества собранных вместе деревьев.

Лес — это как тело. Лес — это среда не только в смысле неких условий жизни. Лес — среда в том смысле, как вода, как воздух, как земля. Он — некое тело, некое высшее единство.

Лес — это безвестность бесчисленного (как пески, как вода...). Лес — это мудрость мхов. Лес — это Молчание Вершины. Лес — это тело, но тело, в которое можно войти, проникнуть.

Недалеко на сосне качнулась ветка: белка. Заметила меня. Уставилась, задергала хвостом, зацокала — насмешливо цокая, взлетела вверх по стволу, пробежала к концу длинной ветви, перенеслась, точно перелетела, на соседнее дерево. Там, у ствола, затихла, уставив ушки и бусинки глаз. Опять вся задергалась, завертелась и, цокая и насмехаясь, скрылась в густой кроне сосны.

Дятел у расщелины соснового ствола, работающий над шишкой. Солнце зашло. Под ногами шуршит осенняя листва. Воздух неподвижен и живительно свеж. Порой ощущается в нем особенно чистый, холодноватый запах озона. Особенно в чащинках, у кустов...

Перед обедом допилили аллеюку.

29 сентября (ср). В 10.30 пришла машина. Последние укладки. К Ивану — за лошадью; прощание с Ив. Мих. («свобода души!!»), с Наташей, Сиротиниными. Перевозка пианино; увоз «мебели». Ясно, солнечно, но остринка холодного воздуха совсем осенняя. Тиша заперт у Леночки. После обеда, около трех, поехали. В 2.45 тронулись от Машки и в 6 часов были в городе: дорога хорошая, яркое низкое солнце. Вечером у нас Лида и Гоша: распили венгерский токай.

30 сентября (чт). В 12-м часу — в Филармонию (письма, деньги, с Арсением и главным инженером — насчет тахты в дирижерской комнате). Первая репетиция в 3 часа: 2-го оркестра с Арвидом Янсонсом. Акклиматизация... Вечером с Л. на «Баядерке» в Мариинском театре³⁴.

1 октября (пт). 1—2.30 у Сериковой в Смольном по поводу хулиганской статьи Дзержинского в «Правде» от 22 сентября³⁵. Обедает у нас Шостакович. (Принес мне только что изданную партитуру Десятой симфонии). 6—7 час. у Александра [портного]. Вечером — Валя Ларионов с «тверскими» рисунками. 11.40 проводы Шостаковича.

2 октября (сб). Дома 11.30—12 час.: 1 и 2-я ч. Десятой симфонии и «Ромео». 1—2.30 работа с музыковедом Сохором³⁶ над аннотацией к Десятой. Дома у меня в 3 часа Рабинович.

В 5 — А. Животов. Вечером на 1-м отделении в Капелле (открытие сезона). Дома — Л. с бронхитом. У нее — Таня и Маруся. В 7 час. прибыли наши на грузовике.

3 октября (вс). Дома 11.30—1 час.: 3 и 4-я ч. Десятой симфонии и с 1 до 2.30 занимался Седьмой симфонией Бетховена, сверяясь с Вейнгартнером. В 2.30 пришел Ромочка. С ним в «Лавку писателей» и домой к нам обедать. Вечером дома — чтение.

4 октября (пн). Дома 11—12 час.: Четвертая симфония Глазунова для завтрашней «читки». 1—2.30 в Филармонии встреча с композитором Ключнером по его скрипичному концерту. К обеду у нас Шальман. С 8 до 9.30 вечера — у Щербинских (отвез пленку проявить) с Л. А завтра... с Божьей помощью, все опять как сначала... как и не было этого лета. Ну что ж, пора привыкнуть уж...

5 октября (вт). Репетиция с 11 до 2.30: «разыгрались» на 1 и 2-й ч. Четвертой симфонии Глазунова и на 1-й ч. Седьмой симфонии Брукнера; потом прогон 1-й ч. Десятой симфонии Шостаковича и работа над ней; потом прогон с небольшими остановками 2, 3 и 4-й ч. Десятой симфонии Шостаковича. Вечером с 8 до 9.30 у меня Пономарев (о статье Дзержинского, об Элби, о внутренних оркестровых делах).

6 октября (ср). Репетиция с 11 до 1.30 — работа над 2 и 4-й ч. Десятой симфонии. После обеда разборка с Клавой моей «кладовки». В 9 часов Анна Максимовна у Л. (боли под лопаткой). Немного почитали вечером — и спать.

7 октября (чет). Репетиция с 11 до 1.30 (первый «заезд», прогон и работа над «Ромео», 2 и 3-й ч. Десятой симфонии: работа и прогон). Присутствовал приехавший из Москвы Шостакович. Оркестр его приветствовал со Сталинской премией Мира [Международной премией Мира] и со званием Народного артиста СССР. 2—3 час. репетиция под рояль с Рихтером. В 7 часов Люся-массажистка.

8 октября (пт). Репетиция с 11 до 1.30 (генеральная симфонии; работа над концертом: рихтеровские «замыслы»). 1.30—2 час. с ним же за роялем. 3.30—5 час. в Главном штабе по вопросу отсрочек призывников из числа оркестрантов.

9 октября (сб). Репетиция с 11 до 12.30 (11—11.45 кусочки в «Ромео» и симфонии и проиграли гимн; после перерыва аккомпанемент).

Вечером концерт (1-й):

Чайковский, «Ромео и Джульетта», Концерт № 1 для ф-п. с орк. (С. Рихтер)

Шостакович, Десятая симфония

10 октября (вс). Дома с 11.30 до 1 час. партитуры на вечер. С 1.30 до 2.30 у Триумфовых (с Л. спиной?!).

Вечером концерт (2-й): повтор вчерашнего.

Исполнительски очень удачно. Шостакович был на репетициях 7, 8, 9-го и на обоих концертах.

11 октября (пн). В 1—2 час. в Малом зале Шостакович с Ойстрахом проигрывали скрипичный концерт Шостаковича. 2.30—4.30 на радио прослушал записи: Седьмой симфонии Бетховена (Тосканини³⁷); 3 и 4-го ч. Седьмой Брукнера (Бём³⁸) и «adagietto» Малера (Менгельберг³⁹). Вечером с Л. у Хотховых («ответы»). Заезжали к Щербинским за впечатлениями сентябрьских фотографий. 11.40 проводы со «стрелой» Шостаковича.

12 октября (вт). Дома с 12 до 8.30 (!) с перерывом на обед и поездку в ДЛТ [Дом ленинградской торговли], работа над Седьмой симфонией Бетховена (уточнение редакции по Вейнгартнеру и вписки ее в партитуру). Обедает баба Женя. Вечером заходил Рома. Я его проводил домой.

13 октября (ср). Дома с 12 до 2 час.: 4 и 1-я ч. Седьмой Бетховена. 2.30—4.30 в Филармонии у Пономарева по всем текущим делам (конкурсы, поездки оркестра в Москву и т. п.). 7—9.30 фотографии из «сборника».

14 октября (чт). 11—3 час. в Филармонии на репетиции Курта (Третья симфония Рахманинова и Классическая симфония Прокофьева). По пути домой — на Предчестенскую насчет Тайпале. Заезжали Ипатьевы, потом Гоша за фото. Вечером на концерте Рихтера (Шуман, Лист).

15 октября (пт). Дома 12—3 час.: вся Седьмая симфония Бетховена и «Мейстерзингеры» Вагнера. 3—5 час. от Летнего сада вдоль по Неве до Медного всадника и до Филармонии. К семи к Александрову со всеми пиджаками и штанами. Вечером на концерте Курта (Третья Рахманинова).

16 октября (сб). Утром баба Женя. Дома 12—2.30: «Мейстерзингеры» и Седьмая симфония Бетховена. Дома потом читал Пермитина «Две новости»⁴⁰. 7—8 час. прогулялся. Вечером дома.

17 октября (вс). Репетиция 12—3.15 (прогон Седьмой симфонии; работа тщательная над 1-й ч.; прогон и наметки «Мейстерзингеров» и антракта «Лоэнгрина»). Часики Лютику. Дома — Кирилл. Вечер с Л., на греках (!..).

18 октября (пн). Весь день дома; немного позанимался к завтрашней репетиции. Простужен, насморк... Дочитал Пермитина; прочитал Пришвина (новое в его последней книге). В 7 час. Лида с зарплатой.

19 октября (вт). Разыгралась простуда: пришлось отменить репетицию. Вечером заходил В. Щербинский.

20 октября (ср). Сажу дома. Весь почти день приводил в порядок рецензии, за последние годы неразобранные. Вечером пришел Пономарев; потом Люся.

21 октября (чт). Весь день приводил в порядок и наклеивал в большой альбом «дирижерские фотографии». Пришла баба Женя. Приходил в 7 часов и просидел до девяти Коля Рабинович.

22 октября (пт). До обеда подклеил разобранные рецензии. После, до чая, разобрал и приготовил к подклейке фото за 1948 и 1953 годы.

Вечером памятный чай втроем и с Тишей (об ушедших, об умершем, о Пилате...⁴¹).

23 октября (сб). В 1 час пришел тромбонист Семенов насчет моих разошедшихся спиннинггов.

До вечера готовил для наклейки фото за 1947, 1952 и 1951 годы. Заходила Маруся. Приход Ромы с «бедой» (ошибка, сделанная им на лекции).

24 октября (вс). В 12 часов на барахолке с Жаем. В 2.30 заехали за нами Кузнецовы. С ними в Зеленогорск. Счастливое будущее, плакатами обещанное человеческому обществу, — становится действительностью: несущаяся электричка; асфальт, стремительно выгибающий спину навстречу колесам; бесшумный «зис». Чего еще надо вам?! 5.30 — дома. Ждет уже Шальман... обедает.

Вечером оба читали и дремали в креслах. (Я — у письменного стола; Л. в уголке).

25 октября (пн). Утром Л. у Инны Валериановны. До трех порядок в блеснах и пр., к предполагаемой поездке в Тайпале. Разобрал после обеда фото 1951 года (сочинские) и подобрал для подклейки. Вечером на концерте Рабиновича (Шестая симфония Чайковского).

26 октября (вт). 2—4 час. в Филармонии у Пономарева (о предполагаемой поездке в Москву, в декабре, оркестра; Элиасберг тут же, с вопросом фаготной группы).

Дома привел в порядок бумаги, письма Шостаковича, Соллертинского, Пришвина. Вечером у Ипатьевых (с 9 до 11).

27 октября (ср). Разобрали с Л. все (!) наличные фото. Лишки выбросили. Зашла Леночка. Вечером начал приводить в порядок письма Л. ко мне.

28 октября (чт). До обеда в Филармонии на репетиции Курта (скрипичный концерт Прокофьева; Четвертая Чайков-

ского). Подготовка завтрашней поездки. Вечером у Ромочки на «дне его рождения».

29 октября (пт). В 6 часов утра выехали с Титовым и Большиновым в Тайпале. Вернулись домой в 9-м часу вечера. Дома у нас В. О. Оттен (!)

30 октября (сб). 11—2 час. на репетиции Абендрота⁴² (Пятая Чайковского и Первая Бетховена); 5—8 час. опять на репетиции Абендрота. Вечером продолжал разборку Л. писем.

31 октября (вс). 11—2 час. на генеральной репетиции Абендрота. 1.30—2.30 заседание конкурсной комиссии по вопросу принятия скрипача Бодера, в виде исключения, без конкурса. Днем — дома, отовсюду собрал все письма и записки Л. и начерно разобрал мамины письма и сочинения. Л<ютиковы> письма разобрал по годам. Вечером на концерте Абендрота (Первая симфония Бетховена; Пятая симфония Чайковского).

После концерта — партгруппа оркестра, по вопросу недопустимого поступка контрабасиста Зильпера, заставившего почтить память Дистеля вставанием всего оркестра (на репетиции 17 декабря).

1 ноября (пн). Опять разыгралась простуда: кашель и пр. Сижу дома, читаю «Обрыв»⁴³. Приходила медсестра делать уколы пенициллина. Около восьми пришла Маруся.

2 ноября (вт). Плохое самочувствие: в постели почти до трех. Л. сходила на репетицию к Абендроту; потом ездила за зарплатой и к часовщику (Г. И.). Опять приходила сестра с уколами. Читаю «Обрыв»... Долго писал анкеты для сектора кадров. Доходят похвалы Девятой симфонии Бетховена у Абендрота.

3 ноября (ср). Л. пошла на репетицию Абендрота. Я — дома, с 12 до 4 час. занимался: вспоминал всю Восьмую Шостаковича и немного Вторую Калинникова. Вечером на концерте Абендрота («Кориолан» Бетховена и Девятая симфония).

4 ноября (чет). 10—12 час. на радио показ Абендроту в магнитофонной записи «моей» Десятой симфонии Шостаковича. Дома чтение.

Вечером на концерте Абендрота и его проводы со «стрелой».

5 ноября (пт). Дома 11.30—2 час.: Седьмая симфония Бетховена. 2—4.30 у Курта на репетиции (симфония Хаджи). Баба Женя у нас. Вечером писание ответов на накопившиеся письма. В столовой, дядька работает над моими рецензиями; неожиданное «бдение» с ним до 4-х (!) ночи.

6 ноября (сб). Днем в Филармонии (получение премии). Немного на репетиции Курта. Оттуда с Жаем в комиссион-

ный (ковер и заячья кофточка). Дома массаж кисти (Люся). Вечером на премьере «Они знали Маяковского»⁴⁴.

7 ноября (вс). Дома с 12 до 4 час.: «Нюрнбергские мастер-зингеры», «Шелест леса» Вагнера, Седьмая Бетховена — кусочки; вспомнил всю Вторую Калинникова. В 4 час. пришел Кирилл. В 9 вечера, допоздна у К. А. и А. И. Кузнецовых.

8 ноября (пн). Дома 1—4 час.: Седьмая Бетховена, «Полет» Вагнера и разбирал «Море» Дебюсси (1 и 3-я ч.). В 7 — к нашим (Митин день). Дома в 11.30 и потом еще вниз, к Янцатам.

9 ноября (вт). Дома 11.30—2 час.: план репетиций по Седьмой Бетховена; 3 ч. «Моря». На полчаса выгнала меня Жай на прогулку. В 2 обедают у нас Янсонсы и Саркисовы. 7.30 у Александрова — примерка. Вечером дома.

11 ноября (чт). Репетиция 11—2.15 (работа над 4, 3 и 2-й ч.; работа над вступлением 1-й ч. и прогон 1-й ч.). После обеда читал (продолжал) «Обрыв». Вечером были Ромочка и Т. Юр.

12 ноября (пт). Репетиция 11—2.30 (работа над «Полетом», «Мейстерзингерами», «Шелестом»; маленькие кусочки симфонии, главным образом по 1-й ч. 3.30—5.30 партбюро (по статье Дзержинского). Дома — «Обрыв». Прочел вслух Л. «утро Марфиньки в день ее рождения». В это время мама приносит мне мой и папин крестики. <...>

13 ноября (сб). Репетиция 11—1.30 («Полет» и пр., кусочками; Седьмую прогнал почти всю). Отчаяние полное... нет сил.

Вечером концерт (3-й):

Бетховен, Седьмая симфония

Вагнер, «Нюрнбергские мастерзингеры», «Шелест леса», антракт из «Лоэнгрина», «Полет валь-кирий»

Удовлетворительно. После концерта у нас Пономаревы.

14 ноября (вс). Дома 12—1.30 партитуры к вечеру. Потом до «Лавки писателя» и обратно.

Вечером концерт (4-й): повторение вчерашнего.

Удачно. Повторили антракт из «Лоэнгрина».

15 ноября (пн). В 3—5 час. у Пономарева заседание по поводу предстоящей поездки оркестра в Москву. Вечером на концерте Курта (Первая Рахманинова).

16 ноября (вт). В 2—4 час. в Филармонии (собрание по поводу «творческого клуба»). Потом у Пономарева по вопросу юбилея Шпильберга и Третьякова. Дома вспоминал Девятую Брукнера!.. Вечером опять журналист Романовский и «работа» с ним вокруг «девиза» и «кем быть» до 12 ночи...

17 ноября (ср). Очень тяжелая ночь: в голове все предстоящие программы, непрестанно бьет ритм 1-й ч. Седьмой симфонии Бетховена ♯♯♯ ♯.♯♯ ...

Дома 2—4 час. и 5—6 час.: 1 и 2-я ч. Калинникова и «Экстаз». С 4 до 5 час. приходил С. В. Ельцин⁴⁵ с предложением работать в театре. Вечером у спиннингового мастера и Н. И. Васильева за катушкой для Шпильберга. <...>

18 ноября (чт). Дома 12—3 час.: 3 и 4-я ч. Калинникова и «Поэма экстаза» Скрябина. 4—7 час. — часы и история с ними: лопнула пружина! Л. у Ани (Лялькин день). Я — дома с К. Чапеком⁴⁶.

19 ноября (пт). Дома 12.30—1.30: «Поэма экстаза». 2—5 час. в Филармонии юбилей Шпильберга и Третьякова и совещание у Пономарева: репетиционный план для Москвы и т. п. Вечером дома; дважды к Александрову: все никак не удастся плечо в пиджаках.

20 ноября (сб). Дома 11.30—2.30: «Волшебное озеро» Лядова долго; потом вспомнил симфонию Моцарта *Es-Dur*; повторил 1-ю ч. Калинникова. Ненадолго в Филармонию. <...> В 7 часов пришли Лида, Аня и Таня, сегодня ведь день «моего ангела»... Утром на письменном столе Заячьи и «Тишины» подарочки. Вечером на концерте Арвида Янсона («миниатюры»).

21 ноября (вс). Дома 12.30—3.30: повторял Шестую Шостаковича. Обедает баба Женя. После обеда зашел Ромочка. В 8 вечера на Варшавский вокзал: проводы Арвида. Рано в постель, но... не спал до 4-х утра. У Л. печенка...

22 ноября (пн). Дома 12.30—2.30 (до трех в общем) — все партитуры к завтрашней репетиции. После обеда, к пяти к Н. Ф. Лебедевой (горло). От нее к Александрову за пиджаком. Л. дома полеживает, мается.

23 ноября (вт). 11—3 час. репетиция: работа над всем и прогон «Экстаза», симфония каторжная; с 3 до 4 час. с трубами по «Экстазу». Отповедь оркестру за «невыдачу».

Дома — чтение Сетон-Томпсона⁴⁷. Вечером у нас Лида и Вл. Вл.

24 ноября (ср). Ужасающая ночь. Репетиция 11—3 час.: первый «заезд» — работа над Лядовым; доработка по всей симфонии; прогон кусочков «Экстаза», связанных с трубой *solo*. Л. в Малом зале на итальянцах. Я — получил часы из гарантийного ремонта. Во время обеда у меня Валя Янцат. Вечером у Янцатов (телевизор: «Бахчисарайский фонтан»).

25 ноября (чт). Репетиция 11—1.30: первый «заезд» — тщательная работа над «Экстазом»; потом дважды «Озеро» и про-

гон симфонии. 2—4 час. беседа с Пономаревым о жилищных делах Генслера; беседа с Шпильбергом об «атмосфере» вокруг него. Наметка с Кертлингом составов к поездке в Москву. Вечером на дне рождения у В. В. Ипатьева.

26 ноября (пт). Репетиция 11—1 час.: тщательная и трудная доработка симфонии (вчера на генеральной много было «блох»); прогон «Озера» и почти целиком «Экстаз».

Вечером концерт (5-й):

Калинников, Вторая симфония

Лядов, «Волшебное озеро»

Скрябин, «Поэма экстаза»

Такого ужасного концерта еще не было; не говоря уж о себе (ничего не мог делать), но выскоч *F* [флейты] и *Fg* [фагота] и пр... Я промахнул даже аккорд в 1-й части...

27 ноября (сб). Дома 12.30—2 час. сидел с партитурами на вечер.

Вечером концерт (6-й): повтор вчерашнего.

Очень удачно. Слава Богу...

28 ноября (вс). Дома 1—2.30: Пятая симфония Чайковского. 3.30—4.30 на очередном «смотре» оркестра (квартет; Либман и Лейбенкрафт⁴⁸; дуэт Баха). Вечером у Сиротининых.

29 ноября (пн). 10.30—11.30: Седьмая симфония Бетховена и «Франческа» Чайковского. С 12 до 6.30 на конкурсе в оркестр (2-е вакансии в альтях и 1-я — во 2-х скрипках). Вечером дома.

30 ноября (вт). Репетиция 11—2.45 (подробная репетиция всей Пятой Чайковского). 3—6.30 продолжение и окончание конкурса в оркестр. В 9 часов сходил к Сакович смерить давление: что-то с головой паршиво. Потом в аптеку. В 10 часов вечера позвонил Курт: сегодня, в санатории в Швейцарии, 68-ми лет от роду умер Фуртвенглер...⁴⁹

1 декабря (ср). Репетиция 11—2.45 (три местечка в Пятой Чайковского; работа над отдельными местами Седьмой Бетховена; проработка «Франчески», прогон «Ромео» Прокофьева и ноктюрнов Дебюсси). В 3.30 с Близнюком⁵⁰ по делу полушубка. Вечером у Александрова. С 9-ти у меня Валя Янцат (водочка и пр.).

2 декабря (чт). Дома 11.15—2 час.: Шестая Шостаковича. Пришло письмо от Пришвиных! В 5 час. в Филармонии на репетиции Курта; объяснение с концертмейстером альтов Калмановичем, потребовавшим ставку 1-го места. Потом за часами. Вечером дома (А. Толстой).

3 декабря (пт). Дома 11—1.30: симфония Моцарта и Дебюсси. 2—3.30 в Филармонии (репетиция Курта: Гендель). Зашел

в «Лавку писателей». Вечером дома (А. Толстой «Хромой барин»).

4 декабря (сб). Дома 11–12.30: все партитуры на завтра. Днем в Филармонию (подписка на газеты). У Оника, обо всем помаленьку. Вечером на концерте Курта (Гендель, Брамс). В ночь с 3-го на 4-е Шостакович с Галиной вылетели в Ереван: у Нины Васильевны срочная операция (?). В 8 часов позвонила в филармонию Л.: сегодня в 4 часа дня в Ереване скончалась Нина Васильевна...

5 декабря (вс). Репетиция 11–3 час.: Шестая Шостаковича (прогон с повторением финала; тяжелая работа над 1 и 2-й ч.). В 7 час. к тромбонисту Семенову по спиннинговым делам. Дома у Л. — Елена Ивановна; вечером у нас Рома и Т. Юр.

6 декабря (пн). Репетиция 11–3.40 (!): прогон и доработка финала Шостаковича; прогон всей симфонии; работа над 1-й ч. Моцарта; прогон 2, 3 и 4-й ч. с черновыми пометками; с 3 до 3.40 работа с новой группой валторн по Десятой Шостаковича. 7–8 час. — у Александрова.

7 декабря (вт). Репетиция 11–3.30 (работа над финалом и отдельными местами всей симфонии Моцарта; работа и прогон Дебюсси, генеральная Моцарта; прогон финала Шостаковича. В 6 часов у Александрова. 9.30 — собрание у Янцатов «пюхьярвинцев».

8 декабря (ср). Репетиция 11–1.30 (доработка и генеральная репетиция Шостаковича; то же Дебюсси; Моцарт — куски).

Вечером концерт (7-й):

Моцарт, симфония *Es-Dur*

Дебюсси, два ноктюрна

Шостакович, Шестая симфония

Все удачно.

9 декабря (чт). Ночует Лида. Утром — нотариус (доверенность на Пюхьярви). 12–2 час. с Пономаревым и Близнюком у первого секретаря Горкома Замчевского⁵¹ (по статье Дзержинского и пр.). Дома — укладка. Поездом 9.45 вечера в Москву.

10 декабря (пт). Утром (10.45) Москва. На машине Левитина в гостиницу. С ним же к 2 часам к Шостаковичу. В 3 часа — вынос гроба Н. В. 6–7 час. пробная репетиция в БЗК [Большом зале Консерватории] (Курт — Третья Рахманинова; я — Моцарт и финал 5-й симфонии Чайковского). Вечером с Левитиным у Шостаковича.

11 декабря (сб). Репетиция 10.30–1.30 (симфонии Чайковского и Моцарта: тщательная проработка). Дома с Пономаревым пивко. Потом 3.30–5 час. партитуры на завтра. В 6 часов к Мусичке (Л. уже там). 9 час. дома.

12 декабря (вс). Репетиция 11—1.30 (куски Пятой и Моцарта). Дома — настоящая агония... но сладко задремалось, видел сон про кошек: Рыжик, янцатовские коты, еще что-то уютное...

Вечером концерт (8-й):

Моцарт, симфония *Es-Dur*

Чайковский, Пятая симфония

Удачно. Ночью у нас Пономаревы.

13 декабря (пн). Утром у нас кофе — Пономаревы. 12—1.30 — партитуры «Ромео» и 1-й ч. Шостаковича. Зашел Курт. В 2 часа заехал Шостакович и с ним — на кладбище. С 3.30 до 4.30 — 2 и 3-я ч. Шостаковича. В 5 час. к Мусичке. К 8-ми к Шостаковичу: девятый день Нины Васильевны. Дома в 10 часов.

14 декабря (вт). Репетиция 10.15—2.30 (прогон Шестой Шостаковича; трудная и тщательная работа над ней; прогон еще раз 2-й ч.; работа над «Ромео»; прогон «Празднества»). Дома обед с Куртом и с 6 до 8 час. — партитуры на завтра. Вечером у нас Лика (принесла атлас) и Хайкин с Куртом.

15 декабря (ср). Репетиция 10.15—1.30 (доработка и прогон Прокофьева; доработка Дебюсси; «местечки» и прогон Шестой симфонии.) Заснуть не удалось: отчаянное состояние...

Вечером концерт (9-й):

Прокофьев, сюита из «Ромео и Джульетты»

Дебюсси, два ноктюрна

Шостакович, Шестая симфония

После концерта, по инициативе Ю. Левитина, с ним к Шостаковичу. Дома, еще в номер к Пономареву. (И 14 и 15-го на репетициях был Шостакович.)

16 декабря (чт). С 10 до 2 час. на репетиции Курта (Рахманинов, Третья симфония, Гендель). Поехали с Л. обедать в ВТО к Натиличу. 4 час. — в книжную лавку и пешком домой. К 7-ми зашел Курт, а Л. поехала к Элле и Жене. Курт был до 9-ти. Я зашел к Пономаревым. Л. в 11 часов дома.

17 декабря (пт). С 11 до 1 час. на репетиции Курта; 1.30—3 час. в Министерстве с Пономаревым и Саркисовым у всякого рода начальства по накопившимся вопросам. Дома — один в ресторан. Подошли Пономаревы, Л. у Мусички. Бритье, мытье и в 7.30 на концерт Курта (Гендель, Бах, Рахманинов). Отчаяние от всей ситуации. Поздно пришел и сидел до двух Саркисов.

18 декабря (сб). Встали около 11-ти. Л. — по «делишкам». Я — дома с 1.30 до 3 час.: партитуры Седьмой Бетховена

и «Мейстерзингеры». 4.30—7.30 у В. Д. Пришвиной (ее «доклад», альбом Дунина, чтение дневников, приход Божьего старичка). Л. домой. Я — в зал Чайковского; скоро домой; у нас девочки, их пререкания.

19 декабря (вс). Дома 11.30—12.30 и с 2.30 до 4 час.: Десятая симфония Шостаковича (Черкасовы). В 3 пришла Лиля Гердт. В 4.30 поехали к «малышу». В 10 — дома. Зашли Черкасовы и Оник.

20 декабря (пн). Неожиданное и грустное появление Шустера... [друга детства]. Дома с 11 до 1.40: Вагнер и Седьмая Бетховена. В 2 часа Л. ушла в аптеку и к Мусичке. Я — с книжкой («По следам Робинзона»⁵²); перечел кой-что в этой своей книжечке... Около 5-ти машина от Шостаковича. Заехал за Л. и с ней на обед у Шостаковича. Дома в 9.

21 декабря (вт). В 10.30 пришел Гринберг (всякие «дела»), был до часу. У Л. в это время Каменская. С 1 до 3 час. занимался Десятой Шостаковича, «Мейстерзингерами» и Седьмой Бетховена. В 3.30 Близнюк (парторг), Пономарев и я в ЦК у Малина⁵³. С 5.30 до 9.30 на радио у Чапыгина, переговоры о записях и пр. До радио пообедали: я, Жай и Пономарев. Вечером на 1-м отделении концерта Курта. Л. с ним после концерта пришли к нам чай пить.

22 декабря (ср). Репетиция 10.15—2.15 (прогон Седьмой симфонии; тщательная и трудная ее проработка; наметка «Мейстерзингеров»). Дома, с Эллой у нас обед. Немного дрема. Проглядка «Мейстерзингеров» на завтрашнюю репетицию. Пришла Мусичка, около 8-ми Генслер. Пока Генслер купался, Л., Мусичка и я съездили к мастеру за мышонком из слоновой кости.

23 декабря (чт). Репетиция 10.15—1.30 тщательная работа над Вагнером и прогон кусков Седьмой Бетховена.

Вечером концерт (10-й):

Бетховен, Седьмая симфония

Вагнер, «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Шелест леса», антракт к «Лоэнгрину», «Полет валькирий»

(2 биса).

24 декабря (пт). 10 час. — за деньгами на пластинки. До 3-х на репетиции Курта (Брамс, Первая симфония); 2—6 час. у Пришвиных; 6—8 час. у Федина, зашел к нему по вопросу годовщины Пришвина. 8—10.30 у Мусички. Л. — днем у Дины Ивановны, потом тоже у Мусички.

25 декабря (сб). Дома 11—1.30: партитуры на завтра. 1.30—3 час. с Л. в магазин (подарок Левитину, палехская коро-

Альбом 2
Cantabile

*У дороги встретилась старая ель.
Такая могучая, такая стройная, с такой сочной,
густо-зеленой, мягкой хвоей, такая мохнатая
и широкая, что не мог удержаться:
подошел, поздоровался с ней за лапу
и пожелал ей еще долгого века...*

*Е. Мравинский и дед Нил с семьей.
Тверская обл. 1938*

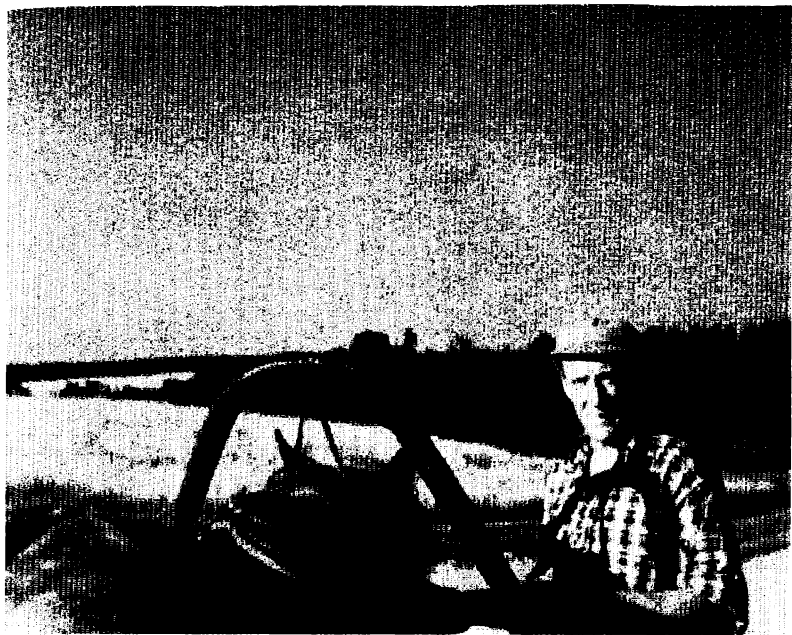
*Избушка-«пустошка» в Тверской обл.
1938*

*Лето в Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

*Лето в Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

*Лето в Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

*Пюхьярви.
Конец 1950-х гг.*

*Пюхьярви.
Конец 1950-х гг.*

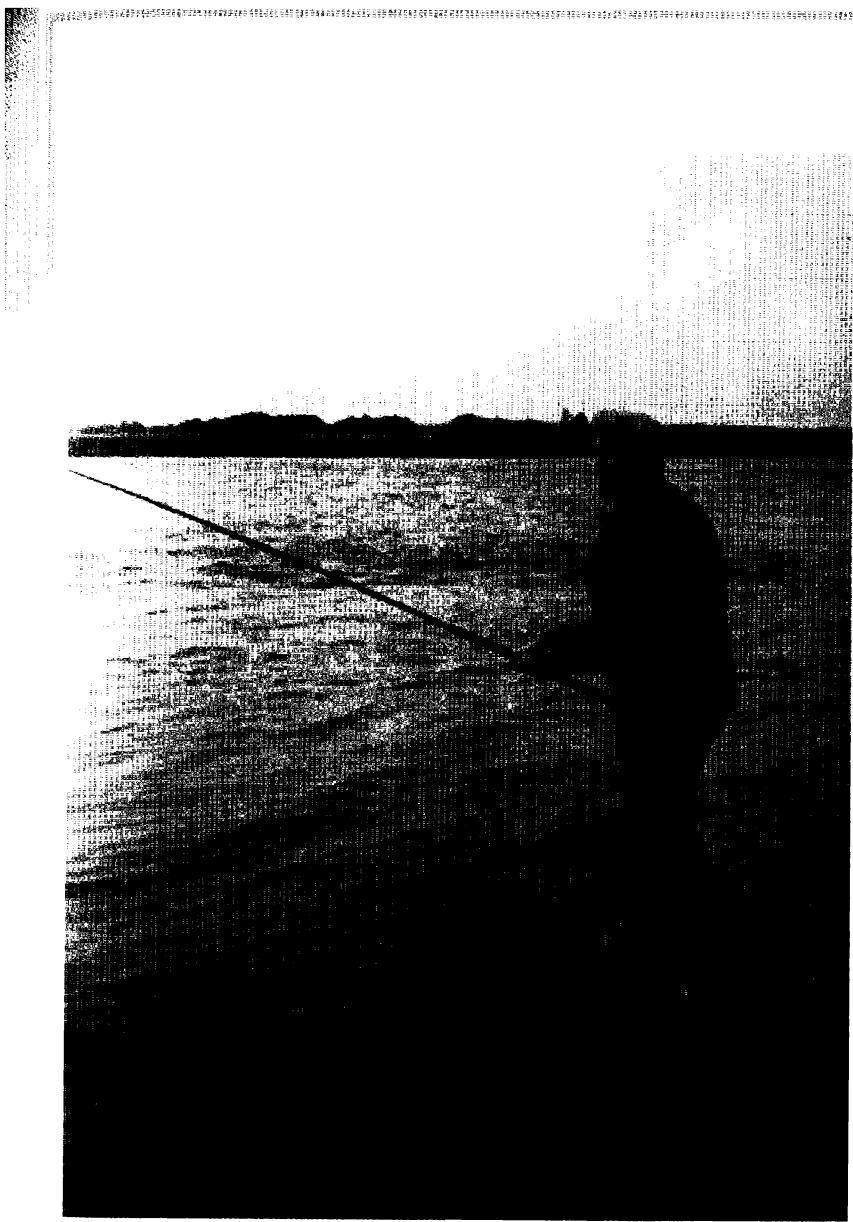
*Пюхяярви.
Конец 1950-х гг.*

*Е. Мравинский с Машей и Иваном.
Пюхяярви. 1953*

*Лето в Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

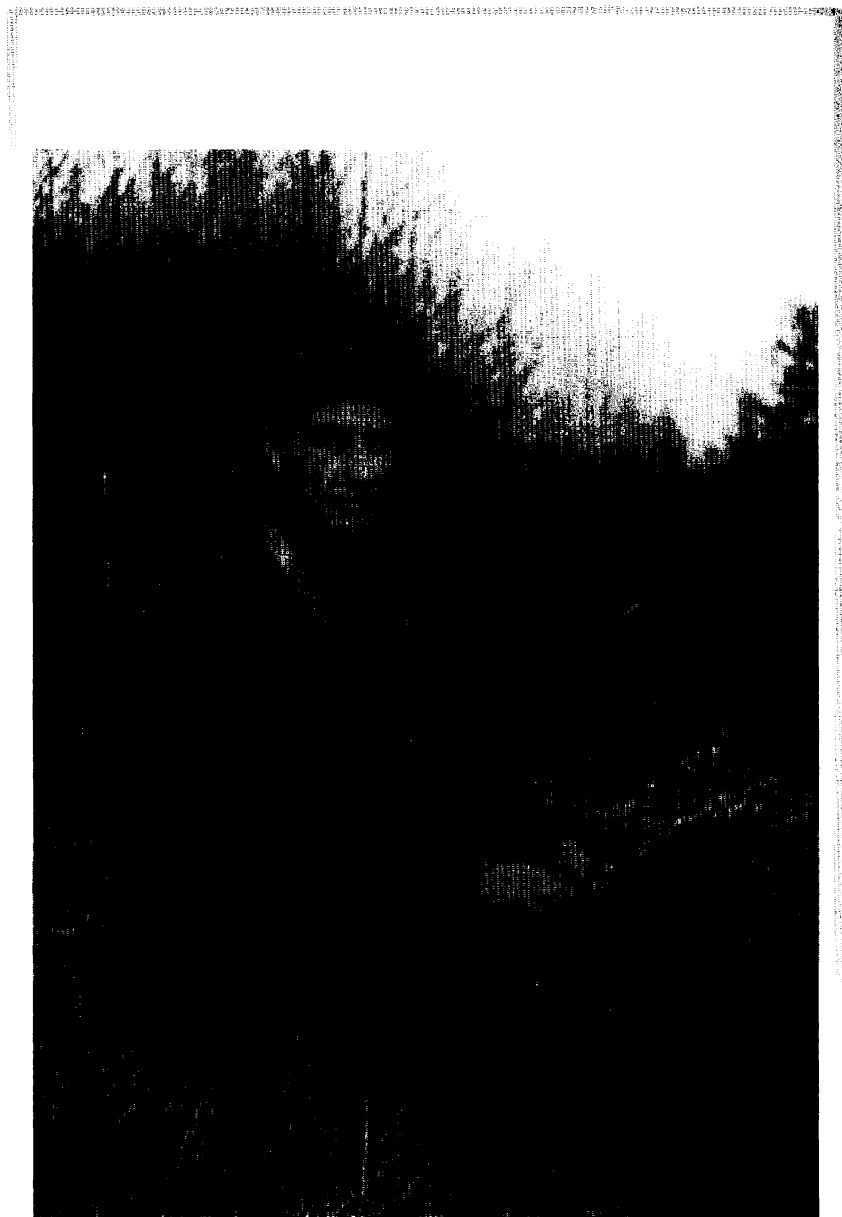
*Лето в Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

*Зима в Тюхяярви.
1946*

*Зима в Пюхьярви.
1946*

*Охотничий сезон в Пюхьярви.
1948 (1949?)*

*Охотничий сезон в Пюхяярви.
1948 (1949?)*

*С посохом по Тверской обл.
Конец 1940-х гг.*

бочка). Л. по поручению Н. Животовой, а я один в ресторан. Дома, неожиданно пришел некий Маркович (киевский журналист). Вечером на последнем концерте Курта (Первая симфония Брамса).

26 декабря (вс). Репетиция 10.15—1.30 (прогон Десятой симфонии и работа над 1, 2 и 4-й ч.). Репетиция 5—7 час. (вторая): работа над 3-й ч. и генеральная симфонии. После репетиции у нас до 10-ти Саква⁵⁴.

27 декабря (пн). Репетиция 10.15—1.30 («Франческа» и «Волшебное озеро» — работа; прогон Десятой симфонии).

Вечером концерт (11-й):

Шостакович, Десятая симфония

Лядов, «Волшебное озеро»

Чайковский, «Франческа да Римини»

Все как будто очень удачно; на 1-м отделении был Шостакович. Это его первый выход в концерт после смерти Нины Васильевны. После концерта у нас Н. В. Вешняков, Лика и Лита; потом пришли Пономаревы, Саркисов, Холодилин и приехавший сегодня Должанский.

28 декабря (вт). Утром всякие звонки (Шостакович в том числе). 1—5 час. поездка в Архангельское к Саше и Фале Сбродовым. В 7.45 заехал Шостакович и с ним вместе — в «Арагви», на празднование дня рождения Юрия Левитина. Дома около 12-ти.

29 декабря (ср). 9—11 час. звонки «всем и повсюду». 11—1 час. с Таней Соболевой в Союз композиторов на прослушивание записей: «Поэмы» Ал. Животова и «Зои» Разоренова. Оттуда в Дом звукозаписи (к Л. В.) и в БЗК. Пешком домой на минуту и дальше к Твердохлебову (зам. министра). У него с 3 до 4 час. (о загран. поездках оркестра; о Шостаковиче; о награждениях вообще; о Курте). Оттуда к Орvidу⁵⁵. У него с 5 до 6 час. (вопросы «приказа», прессы и пр.).

Придя в 6 часов домой, застал пустую комнату. Забеспокоился. Но скоро пришла Л. с Эллой М. [Микоян] с трогательным свертком, заключающим всякую закусочную снедь, сделанную Эллой для нас. К 7-ми пришла Кириена, вслед за ней Левитин. Сели поесть. Потом Левитин играл свою новую редакцию симфонии. Тем временем пришла Лика, подошла Эмма. Вскоре появился С. А. Микоян с чемоданчиком. Лютька, как всегда, «не умещалась», а там и Галантер. В 11 час. тронулись при помощи незаменимого консерваторского «Ив. Ив-ча». На вокзале был Шостакович, Левитин, Галантер и Векслер⁵⁶. На вокзал ехали в машине Юры Левитина. 11.55 — отбыли. (Лицо Шостаковича...)

30 декабря (чт). 10.40 прибытие [в Ленинград]. 12.30—5 час. в Филармонии по всяким делам (премия оркестру, распределение ее с Пономаревым). Вечером дома. В 10.30 Пономаревы у нас.

31 декабря (пт). С утра до 5.30 звонки и дела всякие (воротник, полушубок, примерка, Жаю духи и пр.). Дома; чтение доклада Хрущева у архитекторов; бритье, «подарочки», Л. украшает елочку. Целый час звонки ко всем с поздравлениями. В 12 часов впятером: мама, Лютик, Клава, Тиша и я. Очень чисто и хорошо. Потом к Янцатам.

1 января (сб). Около трех вместе с Л. — к бабушке и Стасе на кладбище. Оттуда к Ипатьевым; там больна Л. Ор. (сердце). Дома к 8-ми, до 10-ти письма (в Алексейково и Лятошинскому¹).

15 января (сб). В шестом часу вернулись в Ленинград. Вечером Малый зал: 1-е исполнение там «Еврейских песен» Шостаковича. После концерта ужин у Софьи Васильевны Шостакович.

16 января (вс). Утром переговоры по телефону с Ойстрахом об исполнении скрипичного концерта Шостаковича в Ленинграде. 12—4 час. на репетиции Курта (Вторая симфония Сибелиуса). Беседа с инспектором оркестра о предстоящих мероприятиях по оркестру. Дома с Л. — о задачах в нашем «завтра». Просмотр накопившихся газет. Вечером у нас А. Алиханян и его повествование о последних днях и смерти Н. В. Шостакович.

17 января (пн). Утром зашел Гоша В. [Васильев] (газовая колонка). 12.30—2 час. дома занимался: 3-я ч. Четвертой симфонии Глазунова; «Летучий голландец». С 2 до 4 Филармония, утрясание февральского плана в связи с концертами Шостаковича. 5—7 час. обедает у нас Шостакович (о трех этапах истории: Потемкин; Распутин; Желтов²). Вечером к Щербинским отвезли пленку «фэд»; потом у Ипатьевых; на минуту в «Европейскую» к Шостаковичу (уезжает).

18 января (вт). Утром дома часок — «Голландец». Пономарев у меня в связи с предстоящими «итогами поездки в Москву». В Филармонии с 2 до 4 опять утрясание [планов] февраля. Вечером пришел и посидел В. Янцат.

19 января (ср). Дома с 11.15 до 2.45: «Тангейзер», «Лоэнгрин», 1 и 2-я ч. Глазунова. 3—5 час. в Филармонии и в «Лавке писателей». Дома просмотр новых книжек (Лесник, О. Генри и т. п.). Заходила Люткина Маруся. Вечером на концерте Курта (Третий концерт Прокофьева и Вторая симфония Сибелиуса).

20 января (чт). Дома с 10 до 2.15: «Голландец», 1 и 3-я ч. Глазунова и проглядел концерт для скр. Моцарта (*A-dur*). Потом все еще нет-нет да и возвращался к партитурам. Обедали рано: в 4. Дочитывал Лесника. С 5 до 8 час. была Маша с сестрой Ивана [из Пюхярви], в 8 ушли в цирк.

21 января (пт). Дома 11.45—1.15 — партитуры на завтра. С 2 до 4 час. с Л. в Русском музее: выставка Коненкова³. На

обратном пути в гомеопатическую аптеку, к «Норду» и «Елисееву». Дома у нас неожиданный гость: Николай из Медведкова, устройство его дочери (!) к Н. Ф. Лебедевой (лору). С 8 до 10 заходил Ромочка. Потом сидели читали.

22 января (сб). Репетиция 11—3.15 (прогон финала Глазунова и мучительная, долгая работа над ним; черновая работа над вступлением 1-й ч.; прогон 1 и 2-й ч.). 4—6 час. у Пономарева о званиях; с Б. И. Анисимовым о трубаче Кобзии; о последствиях «Еврейских песен». Вечером у нас Лика.

23 января (вс). Репетиция с 11 до 3 час. (для начала прогон «Голландца»; доделка и прогон сначала 1, потом 3 и 2-й ч.). С 3 до 4 сидел в дирижерской комнате; пришел Генслер, Каравайчук⁴, Арвид [Янсонс]. Потом к Г. П. насчет колечка. В 4.30 у меня обедает Шостакович. Потом просмотр с ним скрипичного концерта. Зашел Курт, поручения ему от меня в Москву. С 8-ми вдвоем дома, сидели, читали.

24 января (пн). 11.30—3 час. (!) у меня композитор Салманов со своей новой симфонической сюитой на тему Андерсена. 3.45—5 встреча с композитором Николаевой⁵ в Филармонии и знакомство с ее первой симфонией. 6—9.30 у нас С. А. Микоян (обедал). Потом до 11.30 была Лика.

25 января (вт). Репетиция с 11 до 2.30 («Тангейзер», «Лоэнгрин», «Голландец»: прогоны, работа и чистовые прогоны). Пешком домой. Снег, дождь, ветер; словом, «циклон». Зашел к часовщику. Дома с 4.30 до 5 — партитуры на завтра (закладки и пр.). Л. к Татуське. Я почитал и пошел на именины к Добротиной, куда пришла и Л.

26 января (ср). Репетиция 11—1.15 (прогон третьего антракта к «Лоэнгрину», всей симфонии и остального, чего делать не надо было). Очень плохо, вяло соображал и не учел...

Вечером концерт (12-й):

Глазунов, Четвертая симфония

Вагнер, «Летучий голландец», два фрагмента из «Лоэнгрина», «Тангейзер»

После концерта у нас Пономарев.

27 января (чет). Дома 12—1.30 — партитуры к вечеру.

Вечером концерт (13-й): повторение вчерашнего. Ночью до 5-ти часов набрасывал вчерне завтрашний свой «доклад» оркестру.

28 января (пт). 12—2.30 у Пономарева, разговор с Чулаки по текущим вопросам (ставка Курбатову⁶, ССК и т. д.) и переписка начисто «доклада». 3—6 час. производственное совещание оркестра (мой доклад по итогам Москвы). Вечером сидел дома, переваривал мучительные (как всегда) впе-

чатления от оркестра на совещании и читал Ильфа и Петрова...⁷

29 января (сб). Утром покупка «Зоркого» [фотоаппарата]. С 3.30 до 6 у меня дома Лятошинский, приезжавший из Киева со своей симфонией. Впечатление и от симфонии, и от автора самое хорошее.

Вечером на концерте Кондрашина. Л. дома, у нее Елена Ивановна [портниха].

30 января (вс). С 12 до 3 час. по магазинам. 3—4 час. у Марианны. И до 5-ти у Г. И. с табакеркой; и в «Старую книгу». Л. со Щербинским на кладбище. Вечером Л. у Маруси (годовщина Коли). Я — дома, читал; в 11-м часу зашел Ромочка.

31 января (пн). С 12 до 5 в Филармонии: объяснение с Пономаревым о нетерпимом уровне собрания после моего доклада, о «вылазке» и «помощи» партгруппы, о плане февраля (плохо составлен Оником), о Праге и плане сезона в связи с ней. Вечером на концерте Рабиновича (Брамс, Четвертая).

1 февраля (вт). Дома, 10—2 час. — проверка партий и работа над 4, 3 и 2-й ч. Брукнера. Л. в столовой пишет письма. В 4.15 поехал в «Самоцветы» (собачка, часы), в обл. избирательную комиссию и к Черкасовым, где уже была Л. Дома в 10 вечера читал китайские рассказы.

2 февраля (ср). Дома 10.30—2.30 — концерт Ключнера. 3—4.30 в Филармонии с представителями «производственной комиссии» оркестра по предстоящим задачам работы. Обедуют у нас Янсонс и Микоян (5—7.30). Вечером сидел Глумов. (Очень, очень устал...)

3 февраля (чт). Дома 11—2 час.: Третий концерт Бетховена; просмотрел новую увертюру Шостаковича. 4—5 час. в ТАСС, снимался и заходил в «Старую книгу». Потом дома — чтение, «второй обед».

4 февраля (пт). Дома 10.30—1 час.: 1-я ч. Брукнера и 1—3.30 с Ключнером «чистка» партитуры его скрипичного концерта. 4—6.30 в Филармонии заседание по плану предполагаемой поездки оркестра в Прагу. 8—9 час. у Давиденкова. Вечер с Л. у Ипатьевых.

5 февраля (сб). Дома 12—2.30: Моцарт, увертюра «Дон Жуана» и 1 и 2 ч. Брукнера. 3—5 час. с Зайцем [Ольгой Алексеевной] в кино («Фанфан-Тюльпан»⁸). 6—8 час. (после обеда) за часами к Н. Н. и в «Лавку писателей». Л. — по лавкам за продуктами. Вечером чтение, ванна (!) и длинный разговор со Шпильбергом по телефону: о Зильпере⁹, строе, штрихах и прочих «проблемах».

6 февраля (вс). С 11 до 6 с Ипатьевыми и Гошей смотреть в Любани продающийся там домик (по дороге заехали за Лидой). С 6 до 8.30 все у нас обедают (теплое пиво; уютно и хорошо). Вечером — чтение. Лида сидела и играла с Л. в «хальму» [карточная игра].

7 февраля (пн). Дома 11.30—4 час.: Брукнер, 3 и 4-я ч.; увертюра Шостаковича. С 6 до 8 у меня Богданов-Березовский в связи с книгой, которую он обо мне пишет. С 9 до 11.30 вдвоем у Гоши.

8 февраля (вт). Дома 10.30—2.15 редактировал динамику и штрихи в концерте Клюзнера. С 3-х до половины 6 в Филармонии: 1) с Шальманом о голосах Клюзнера и Шостаковича; 2) заседание цехкома с дирекцией о плане репетиций Клюзнера и переносе выходного дня, а также о программах для Праги. 6.30—8 час. Салманов с поправками своей новой вещи («Сказки месяца»). Вечером у нас Маруси, Иван с рыбой, Валя.

9 февраля (ср). Дома 12—2 час.: Моцарт и концерт Бетховена. Зашла Леночка. С 2 до 3 на радио прослушивание Моцарта и Концерта Бетховена. На обратном пути в Филармонию: подписал характеристики оркестрантам для Праги. 4.30—6 у нас обедает Шостакович. После его ухода немного вздремнул, почитал. Вечером на концерте Кондрашина (Вторая симфония Чайковского). С 11 до 12 партгруппа по вопросу строя «духовых».

10 февраля (чт). Дома 11—1 час: Моцарт и Брукнер — «последний обзор». У Л. в кухне Ел. Ив.: закусочка, тряпки, пуговицы. Почти все время лежал, скверное, тяжелое самочувствие; что-то почки шалят? Вечером у нас Сиротинины и Ромочка.

11 февраля (пт). Репетиция с 12 до 5 час. (12—2: скрипичный концерт Клюзнера без солиста; с 2.30 до 5 — 2 и 4-я ч. Брукнера с «медной» группой). С 5.30 до 6 подписывал характеристики оркестрантов.

Статья гнусная в «Советской музыке»¹⁰. Огорчился сильно... Вечером дома. Вызвал Ромочку.

12 февраля (сб). Репетиция 1—3 час. (прогон всей симфонии Брукнера; работа над 4 и 2-й ч.; наметка отдельных мест 1-й ч.). На репетиции просидел, наслаждался Брукнером Шостакович. В 8 час. вечера Л. к Маслоковцам, завезла меня к Щербинским. Оттуда я прошел к Ипатьевым. И около двенадцати заехала Л.

13 февраля (вс). Репетиция 10—1.30 (прогон финала, доработка кусков по 1 и 2-й ч.; работа над 3-й ч.; работа над Мо-

цартом). Вновь на репетиции был Шостакович, сидел с партитурой.

Дома отлеживался (очень плохо себя чувствую), почитал. В 6.30 пришел Вайман, Ключнер, Эйдлин¹¹ с пианисткой. Работали над концертом Ключнера. Сидели за чаем до 10.30.

14 февраля (тн). Репетиция 12—4 час. (11—13.30 Брукнер — полугенеральная, не доиграли финал; с 2 до 4 с перерывом Ключнер с солистом Вайманом для членов ССК). В антракте — почечная колика (!..). Вызов в Филармонию врачи. Укол. Вызов домой Шапиро. Ванна. Облегчение.

15 февраля (вт). Репетиция 11—2.15 (заплатки и генеральная репетиция симфонии; после перерыва — Концерт с Гилельсом¹², 2-ю ч. повторили дважды).

С 5.30 до 7 занимался партитурами на завтра. Потом до 8.30 читал и закончил (в который раз...) «Чертухинского балачирия»¹³. Вечером в аптеку. Заходил Ромочка.

16 февраля (ср). Репетиция 11—12.40 (заплатки по симфонии; прогон Моцарта; работа и прогон Концерта с Гилельсом).

Вечером концерт (14-й):

Моцарт, увертюра к «Дон-Жуану»

Бетховен, Концерт № 3 для ф.-п. с орк. (Э. Гилельс)

Брукнер, Седьмая симфония

17 февраля (чт). Дома, с 1 до 2.30 партитуры к вечеру.

Вечером концерт (15-й): повтор вчерашнего.

Очень хорошо.

18 февраля (пт). Утром, к 9-ти, рентген почек в Свердловке. С 1.30 до 4 час. в Филармонии работа над увертюрой Шостаковича с Шальманом и над Концертом Ключнера с Вайманом. (Присылка Шостаковичем американских рецензий). Вечером дома («Гек Финн»¹⁴). Печальный инцидент с мамой (брошка и пр.). Пришел Рома.

19 февраля (сб). Дома 12—2.30: увертюра Шостаковича и Концерт Ключнера. С 3 до 4.30 в Свердловке на приеме у Шапиро. 7.30—8.30 в Филармонии беседа с концертмейстером Шпильбергом.

Вечером на концерте Янсонса (Пятая Глазунова).

20 февраля (вс). Репетиция 11—2.30 (увертюра Шостаковича; 1 и 2-я ч. Ключнера). 3—5.30 собрание «деревянной» группы по вопросу строя.

Дома почитал [нрзб]. Л. — к Ане. Вечером у Гоши. Еле досидел: так устал.

21 февраля (пн). Дома 11.30—1 час: Пятая симфония Чайковского. В 1 час к Гоше в гараж; от него — охотничий билет. 199

До 4.30 в Филармонии на репетиции Матсова¹⁵; потом у Оника с Куртом и Арвидом обо всем. Дома блины в одиночестве. После обеда чтение «Трильби» [романа Дж. Дюморье]. Просмотр партитур Сибелиуса (будущий год?). Приход Тани.

22 февраля (вт). Репетиция 11—2.15 (доработка Концерта и прогон 3, 2 и 1-й ч.; после антракта — генеральная; прогон и доработка увертюры). Половина 3-го прослушивание альтистки Манизер. С 3 до 6 собрание группы «меди» (по вопросу строя). После обеда с Берловичем смотреть приемник. Дома с 8.30 до 9.30 партитуры на завтра. Зашел и просидел вечер Валя Янцат.

23 февраля (ср). Репетиция 11—12.30 (15 минут — симфония Чайковского; генеральная увертюры и генеральная скрипичного концерта).

Вечером концерт (16-й):

Шостакович, Праздничная увертюра (**в первый раз**)

Клюзнер, Концерт для скр. с орк. (М. Вайман) (**в первый раз**)

Чайковский, Пятая симфония

После концерта до 12-ти собрание «деревянной» группы.

24 февраля (чт). До 5-ти в Филармонии, на репетиции Курта («Туонельский лебедь» Сибелиуса). Беседа с Оником о нынешнем сезоне и будущем годе (наметка репертуара). Беседа с зав. оркестром о проблемах (по коллективу); с Пономаревым и концертмейстером альтов — о группе альтов. Потом на почту, получить медаль Дворжака из Чехословакии. После обеда читал. Подремал. Вечером на концерте Матсова (Пятая Шостаковича).

25 февраля (пт). Утром — Свердловка. С 1.30 до 4 в Филармонии на репетиции Курта и всякие дела. 6—8 час. был у меня дома мой дирижер-ассистент (поляк) на консультации по Гайдну, симфония *D-dur* и Моцарту — *G-moll*. С 8 до 9.30 закончил «Трильби». В 4.30 — ванна. Потом прочел брошюру Вальтера о Направнике. Почему-то очень тяжело и грустно...

26 февраля (сб). Утром оформление путевки в Свердловке и Смольном. 1—2 час. в Филармонии встреча с «композитором» Финкельштейном. 2—4.30 на репетиции Курта и у Пономарева, по делам оркестра. Обедает у нас Кирилл. После обеда сон. Вечером на концерте Курта (миниатюры). Столкнулся с Л. из-за папирос (...не из-за них только...).

27 февраля (вс). Встал в 4, тяжело и грустно. Голосование. Дрема в кресле. Л. встретила в агитпункте в платке... С 12 до 2 был Н. И. Васильев с аппаратами и фото. К 2.30

пошел к Александрову на примерку пальто. От него к Марианне (горе, неиссякаемое «завтра»...). От нее за часами в ювелирторг (починка). Дома Л. одна, готовит блины. Чад... После обеда письма к Гауку и Кабалевскому. В 7 часов пришла Лида. Вяжет в столовой. Л. читает «Трильби», я — Жюля Верна.

28 февраля (пн). 10—12 час. в окружной избирательной комиссии. 12—1 час в «Астории» у Т. Вл. Буевской. Пешком в Филармонию (солнышко, мороз, «Морская»...). В Филармонии с Оником, «напутствие» ему в Москву. Дома чтение. Вечером с Л. на «Чайке» в Пушкинском¹⁶. После спектакля домой вместе с Янцатами.

1 марта (вт). В 12 час. вызвали в избират. комиссию. С 1 до 3.45 собрание всей «духовой» группы (принятие обязательств по улучшению строя). Дома пообедал и в 4.30 с Л. выехали «на Феде» в «Мельничный Ручей» (Всеволожское, санаторий Обкома). Прибыли в 5, а в 6 часов уехала Л.

3 марта (чт). Занимался дома [в санатории] 11—2 час.: вспомнил всю Шестую симфонию Бетховена, симфонию Мичи и часть штраусовского «Тиль».

4 марта (пт). Дома 11—2 час. («Тиль Уленшпигель»).

5 марта (сб). Дома 3.15—6 час.: 1, 2 и 3-я ч. Шестой Бетховена.

6 марта (вс). Дома 11.30—1.30: 4 и 5-я ч. Шестой Бетховена. В 2.15 пришла Л. 3—4.30 ходили с ней гулять. 5.15 я остался один на «перекрестке вброна».

7 марта (пн). Дома 11.30—2.30: «Тиль»; 1 и 2-я ч. симфонии Мичи.

8 марта (вт). Дома с 11.30 до 2.30: 1-я ч. Пятой симфонии Прокофьева и немного 1-я ч. Шестой симфонии Бетховена и с 4.30 до 5.45 — «Тиль».

9 марта (ср). Дома с 11 до 2.30 — основательно: симфония Мичи и 2-я ч. Пятой симфонии Прокофьева.

10 марта (чт). Дома 10.45—12 час.: 1 и 2-я ч. Шестой симфонии Бетховена. В 12 часов приехала Жай. В 5.40 уехала.

11 марта (пт). Дома 11.30—2.30: 3 и 4-я ч. Шестой симфонии Бетховена и 3-я ч. Пятой симфонии Прокофьева.

12 марта (сб). Дома с 11.30 до 2.30 — «Тиль». Дома с 3 до 5: Шестая симфония Бетховена, партитура и прочел Вейнгартнера.

13 марта (вс). Дома 11.30—2 час.: 1-я ч. Шестой симфонии Бетховена; симфония Мичи; начерно вспомнил финал Пятой симфонии Прокофьева.

14 марта (пн). В 5.30 приехала за мной Л. Тронулись домой в 6 часов 5 мин. Дома были в 7.30.

15 марта (вт). 10—11 час. дома проглядел партитуры на завтра. 11 час. — у Шальмана, по поводу удвоений Шестой Бетховена. 12—2 час. на репетиции Рабиновича (Салманов «Сказки месяца»). До 4 час. у Пономарева — обо всем, потом за часами. В 6 часов пришел [нрзб]. Потом я «лечился» от прилива в голове. Зашел Ромочка.

16 марта (ср). Репетиция 11—2.30 (дважды прогнал «Тюля»; проиграл симфонию с отдельными доделками; прогнал Мичу). В 2 часа Л. была у Фигурнова, и тот сказал (впервые), что может быть надо оперировать... (в апреле). Звонок по этому поводу Сиротину. Вечером был Иван.

17 марта (чт). Репетиция 11—3 час. плюс «кровоточащее» состояние: Лютик... Да и свое: работа и прогон «Тюля»; работа над Мичей. Л. — к Сиротину. Я пешком в «Лавку писателей». После обеда к Сокович (мерил давление), к Александрову (примерка пальто), к Н. Н., посмотреть «особенные» часы. Дома с 8 до 9 партитуры на завтра. Потом читали оба.

18 марта (пт). Репетиция 11—2.30 (тщательная работа над Шестой симфонией Бетховена, потом прогон «Тюля»). С 2.30 до 3.30 беседа с тромбонистами (Коршунов и Козлов) о строе и недостаточно проводимой работе. Вечером читал Ирвинга¹⁷, заходил Ромочка.

19 марта (сб). Репетиция 11—1 час (прогон «Тюля»; симфония — местами; генеральная Мичи с доработкой).

Вечером концерт (17-й):

Бетховен, Шестая симфония

Мича, симфония

Р. Штраус, «Тиль Уленшпигель»

20 марта (вс). Дома, 12—1.30 партитуры на вечер.

Вечером концерт (18-й): повторение вчерашнего.

Промах в 4-й ч. Бетховена!?

21 марта (пн). 12.30 в Филармонии (обсуждение с Пономаревым и Саркисовым накопившихся дел и, главным образом, поездки в Прагу). Остальной день — дома, чтение Ирвинга. Заходил ненадолго Ромочка, но расстроенный разговором о его житье, ушел. Л. пошла в кино. Я, как всегда, наедине с собой.

22 марта (вт). 11.30—4 час. в Филармонии, на репетиции Курта (Вторая симфония Рахманинова). Дела по оркестру: перевод контрабасиста Медведева на пенсию. Дома — чтение. В 7 час. к портному за пальто и Семенову — за новым спиннингом. Обедал один... Л. где-то «по делам». Вечером — чтение («Пять недель в Южной Америке»).

23 марта (ср). День памяти дедушки: Л. со своими на кладбище. Я дома, с 12 до 3 занимался симфонией Салманова. Поел и с 4 до 5 в фотомагазине и за починенными ипатьевскими часами. Пришла баба Женя. С ней, втроем в 7.30 — на Васильевский. В 10.30 — к Фигурнову с Л. Она пришла откуда в 12 час.

24 марта (чт). Утро, сборы Л. В 1.30 поехали в клинику. Л. осталась после осмотра (кабинет Ф.; «выезды» новорожденных...). Я с ее вещами уехал в 4.20. Л. в окне 2-го этажа (голубой рукавчик...). С трудом дождался 6-ти часов. Можно выйти. Пошел к часовщику и в «Лавку писателей». Вечером на концерте Стасевича¹⁸. Около 9-ти позвонила Л. Ночной звонок.

25 марта (пт). 11.30—1 час дома: симфония Салманова. С 1.40 по 3.20 у Л. (Л. идущая за мной вдоль окон...) 3.40—5.30 в Филармонии (у Лиды; о программе Праги; с Пономаревым о проблеме Шальмана). Домой пешком. После обеда сон до 8-ми. Звонок Лютьки. Вечером на концерте Курта (Моцарт, Рахманинов). 9.45 — туда звонок Л. Потом у Добротиных.

26 марта (сб). Утром всякие звонки. С 1 до 2 час. у меня Богданов-Березовский по поводу книги обо мне. За билетом в Пушкинский. За цветами и к 3-м у Л. Сидели в их коридоре. (За окном весенние тополя, всякие весны 20-х годов...) Ушел в 4.20. После обеда подремал. Пришла Аня. Вечером в Пушкинском театре на премьере «Персонального дела»¹⁹. Л. звонила домой в 7.30. Тревожно-томительный вечер...

27 марта (вс). Утром звонок Мусичке. Репетиция 11—2.30 (симфония Салманова). До 3 час. собрание оркестра о Праге. С 3.20 до 4.30 у Л. Там Лида и Лена; общий прием: все ближе друг другу. Дома — Лида и баба Женя. Дрема немного. Около 8-ми звонок Л.: «Покойной ночи...» К 9-ти — к Ноне. Вечер у них. (Ночует баба Женя у нас).

28 марта (пн). Еле проснулся. Долго мылся, брился, «убирался». К 2.30 к Л., Фигурнова нет. До полчетвертого ждал внизу, только тайком передал привет. В половине четвертого пришел Фигурнов — больной... может быть, операцию отложат... Четверть часа побыл с Л. у палаты. Она вся уже «подготовлена». Оттуда в Свердловку, за боржомом. После обеда дремал. Около 8-ми позвонила Л. Сказали друг другу: «До свидания».

Для того чтоб в нужную минуту суметь отнестись к человеку с полноценной чуткостью (суметь помочь так, как надо ему), надо иметь за спиной немалую «практику» в этом деле — деле внимания к живой душе другого. И если нет

в тебе этого навыка Целой жизни, будешь ты не помощью, а помехой для близкого в час испытания...

Пешком в Филармонию на концерт болгарского дирижера С. Попова²⁰. На концерте... по поводу симфонической сюиты Панчо Владигерова²¹: я всегда знал, что малые народы способны создавать великие вещи...

Ни в одном искусстве нельзя так легко и безнаказанно пустословить, как в искусстве Музыки: грех суесловия живет в Музыке, как нигде. Но зато и ни в одном искусстве не бывает так трудно, даже невозможно, скрыть пустословие. Конечно, только от нас, немногих Музыкантов (людей, понимающих Слово Музыки). Немногих. Ибо многое множество казалось бы «музыкальных» людей, людей «от музыки», — не музыканты.

Еще по поводу сюиты Владигерова. Особенно понравилось мне место, где флейта штраусовского «Тиля» тонет в пучине «Подводного царства» корсаковского «Садко», в то время как над волнами звучит зов из «Нового Света» Дворжака...

29 марта (вт). День Л<ютиковой> операции. 9.15 звонил Фигурнову, операция будет. С 9.30 до 2.15 дома: заполнял анкеты для ССК; вносил редакцию Вейнгартнера в партитуру Третьей симфонии Бетховена; Тиша — на Л<ютиковом> халатике на моей постели. Когда хожу, глядит в глаза, не спит; лампадка теплится. На письменном столе все мои часы: вот 12... Вот начали... Вот наркоз... Вот — совершается самое главное, телефонные звонки... Л<ютикины> портреты: вот она улыбается с тихой лаской и добротой, вот смеется, затаив в смехе себя, вот слушает тишину... Л. провезли в палату за несколько минут до меня.

30 марта (ср). В 10 заставил себя встать. 10.30 — на минуту в клинику: Л. благополучна. С 11 до 3.45 в Филармонию (на репетицию С. Попова). Совещание с Пономаревым и Шпильбергом о проблеме штрихов; хлопоты о яблоках и икре. В 3.45 — вновь к Л. Беседа с сестрой, радостные вести: Л. лежит без морфия, ведет себя как маленький герой. Сестра провела, показала мне ее издали: машет лапкой... Дома — звонки, обед, в 3 час. к Сериковой за яблоками. У нее Аня с икрой. В 8.30 — Филармония, концерт Попова. После совещание производственной комиссии по программе Праги. В 11.45 звонил к Фигурнову. Он сказал: еще не встречал такой пациентки! Проводы С. Попова. Дома, час ночи, звонок из Москвы Саши Сбродова.

31 марта (чт). Встал около часа дня. Тщательно привелся в порядок. В 2.15 машина: за цветочками и в клинику Л. Был около нее с 3 до 4. Встретил Фигурнова; он все-таки

доволен положением. Дома во время обеда пришел Кирилл. Вечером с ним. Нет-нет да звонит телефон: справляются об Л. Перед сном звонил Нине Тр. и Фигурнову: 37,6°.

1 апреля (пт). Встал около 11-ти. Звонок из клиники (?!!) о том, что я могу! До 2.30 — настоящая пытка... В 3 часа у Л. Впервые, наконец (!). Наконец — для меня, конечно, вижу в ней ее, вроде «торчит уже немного заяц»... Глядит, морфия нет, желудок действует. Все, видимо, терпимо. От нее (в 4 час.) пешком в Филармонию и — домой на машине. С 7 до 8 у Шостаковича в «Европейской». Вечером на концерте Курта (Вторая симфония Чайковского). Домой подвезли Кузнецовы. К 12 час. пришел Кирилл. Звонил Фигурнову: все хорошо.

2 апреля (сб). Утром звонила Св. Ал.: хорошо. С 1 до 2 у меня Саркисов по планам апреля — мая. С 3 до 4 у Л.: благополучна. «Уже мыслю о том, когда выйду...» <...> «Первый день воспринимаю музыку». С 5 до 5.30 в Филармонии (романсы Богданова-Березовского): Дома в 6 часов. Парикмахер. Кирилл весь день у меня. Вечером — дома, с Кириллом читали, играли балет и пр.

3 апреля (вс). Выспались оба (с Кириллом); мылся, прибирался, собирался. В 2.45 к Л. (там Лида и Лена). Л.: «Напиши Саше и Фале, что я весела и здоровее всех!» Заболтала ножками под одеялом: «Вот как могу!» Втроем поехали на Васильевский остров и потом я — домой. Дома Кирилл и баба Женя. Немного подремал после обеда. В 7.30 к Черкасовым и вечер у Триумфовых (их «неладья»). Дома — в 12 часов. Дома — Иван с рыбой.

4 апреля (пн). Бессонная ночь: переключение на предстоящие житейские задачи (Прага, партитуры и пр.). Кирилл тоже не спал до 5 часов. С 12.30 до 2 час. — занимался (восстановил «перспективу» на Четвертую симфонию Бетховена). <...> 4.30—6 час. в Филармонии с Оником (поправки и варианты упрощения предстоящих дел и концертов). Заехал в Свердловку за «маслом» и боржомом. После обеда (8—9 час.) — у Марианны. Потом у Янцатов (рождение Шуры). Дома в 12.15. <...>

5 апреля (вт). Дома с 12 до 2 час.: 1-я ч. Пятой Прокофьева. С 6 до 7.30 у меня зав. оркестром со всеми вопросами по Праге и вообще. В 7.30 — к Ипатьевым на именины. В 12 час. 5 мин. дома. Не спал до 5 утра, читал «Человека-невидимку»²².

6 апреля (ср). Заставил себя встать в 10.30. Дома с 12 до 2 час., с великим усилием, 2-я ч. Пятой Симфонии Прокофьева. <...> С 8 до 12 (почти) был Генслер: обговорили все «проблемы».

7 апреля (чт). Дома с 11 до 2 час.: 3-я ч. Пятой симфонии Прокофьева, потом 1 и 2-я ч. тоже. <...> В 7 часов — к Нине Хотховой, «Лавку писателей» и за вином. Вечером на концерте Шомоди (Моцарт). Дома — в 11 часов (вино «Мускат» достал в Филармонии Краснобородов).

8 апреля (пт). К 10 с Пономаревым в МГБ, по делам пражских списков оркестра. С 11 до 1.30 дома: финал Пятой симфонии Прокофьева. <...> Дома у меня Б. Шальман; с ним вместе в Филармонию. В 11.30 явился К<ирилл> <...>

10 апреля (сб). С 11 до 2.15 занимался: 1, 2-я ч. Четвертой симфонии Бетховена и 1-я ч. Пятой симфонии Прокофьева. С 2.30 до 3.30 с Кириллом читали «атомщину». <...>

11 апреля (сб). Я дома, 11—1.30: 4, 3-я ч. Четвертой Бетховена и 2-я ч. Пятой Прокофьева. 2—3.30 читал Сетона-Томпсона. <...> С 4 до 5 на репетиции финского дирижера. С 5 до 6 объяснение с первым валторнистом (о переводе его на [должность] регулятора) и вторым флейтистом (о его непоездке с нами в Прагу). Дома обед, чтение. Вечером на концерте Шомоди (отвратительно).

12 апреля (вс). Дома с 11 до 1.30: 3 и 4-я ч. Пятой симфонии Прокофьева. <...> С 3 до 5.30 в Филармонии (сбор подписей о мире). Пешком домой. <...> Дома — 9.45. Сидел, читал прелестного Сетон-Томпсона. Звонила Александра Дмитриевна Каменская <...>

13 апреля (ср). Опять тяжелый день: голова и пр. 11—1.30: симфония Салманова и Чайковский. С 2 до 3 час. в Филармонии (продолжение объяснения с Третьяковым). <...> Дома — 5.20. После обеда в Филармонию (концерт финского дирижера). <...> Домой пешком по дождю. <...>

14 апреля (чт). 10 час. — встал. 11—12.30: «Тиль» и прелюды Дебюсси. <...> Забегал в Филармонию. 5.15 — дома. Немного читал. Звонки (Валя о статье Паустовского) <...>

15 апреля (пт). Репетиция 11—2.30 (Пятая симфония Прокофьева: 1, 3 и 4-я ч. по два раза; 2-я ч. — один раз; кроме того, по всей симфонии общие наметки). <...>

16 апреля (сб). Репетиция с 11 до 2 час. (1-я ч. Пятой симфонии Прокофьева подробно; немного Дебюсси). После обеда спал обессиленный. <...>

17 апреля (сб). Репетиция с 11 до 1.45 (2 ч. Пятой симфонии Прокофьева и кусок «Тили»; инцидент с 4-й *cornu* [валторной]; прогон симфонии Салманова). Дома — отдыхали. Хозяйствует баба Женя. <...>

18 апреля (сб). Дома 12—2 час.: партитуры «Тили» и Салманова. В 3 часа в Филармонии (зарплата). С 4 до 8 час. кон-

курс на замещение вакансии зам. концертмейстера violini-II [вторых скрипок]. Заехал к Урусову за спиннингом, домой (закусил) и вечером на концерт Кабалевского.

19 апреля (вт). Репетиция 11—2 (куски и генеральная симфонии Салманова и сюита из «Лебединого озера»). 2—4 час. работа с концертмейстерами над штрихами Пятой симфонии Прокофьева. <...>

20 апреля (ср). Репетиция 11—12.15 («Щелкунчик», кусочки «Франчески» и куски Салманова).

Вечером концерт (19-й):

Салманов, симфония

Чайковский, «Лебединое озеро», вальс из «Щелкунчика», «Франческа да Римини»

После концерта съемка оркестра.

21 апреля (чт). <...> С 3 до 5 час. в Филармонии (торжественное собрание — Ленин). Оттуда за спиннингом к Семёнову. <...>

22 апреля (пт). Дома с 12 до 2.30 — партитуры на завтрашнюю репетицию. В столовой сидит художник Эпштейн за моими дирижерскими альбомами. С 3 до 5.30 Филармония (ответ на пражскую телеграмму, по плану концертов там). Сегодня вышло постановление Совета Министров о поездке. <...> С 7 до 10 час. у нас Н. С. Триумфова.

23 апреля (сб). Репетиция 11—4 (!): прогон 1, 2-й ч. и ка- торжная работа над ними; прогон финала Пятой симфонии Прокофьева и немного работа над ним. Дома приходил в себя. В 8 часов — за спиннингом к Урусову и отвез книгу Сиротину.

24 апреля (вс). Репетиция 11—2.30 (работа над 3-й ч. Прокофьева и над финалом; генеральное проигрывание Шестой симфонии Шостаковича). На репетиции впервые после болезни была Л. После обеда подремал и в 6 часов с Ипатьевым и Гошей на машине, почти до Тосно. Часок в лесу, около шоссе. В. П. надеялся на тягу. Но в лесу еще снег. Нежно пахнет сырой древесиной, осиновой корой и чуть-чуть вербами. Тихий, солнечный вечер.

25 апреля (пн). С утра до 1 часа дня разговаривал с Мусичкой, за которой заехала Ирина Михайловна. С 1 до 4 художник рисует мой портрет. Я — занимаюсь (Десятая Шостаковича, Пятая Прокофьева, «Тиль», Дебюсси). С 6 до 8 час. в Филармонии на заседании бюро по поездке в Прагу. <...>

26 апреля (вт). Репетиция с 11 до 3.30 (долгая работа и прогон «Тилия»; местечки и генеральная симфонии Прокофьева). 3.30—4.30 собрание оркестра по Праге. Обедает

у нас Арвид и Мусичка (подготовил завтрашнюю репетицию при Арвиде). С 9 до 10.30 у нас Оник, с абонементными будущего года.

27 апреля (ср). Репетиция с 11 до 1 час. (работа над Дебюсси; прогон «Тилия»; кусочки симфонии).

Вечером концерт (20-й):

Прокофьев, Пятая симфония

Дебюсси, два ноктюрна

Р. Штраус, «Тиль Уленшпигель»

Полное бессилие.

28 апреля (чт). Дома с 11.30 до 1 — партитуры на вечер.

Вечером концерт (21-й): повторение вчерашнего.

Удачно.

Ночует у нас Мусичка.

29 апреля (пт). С 12 до 5.30 в Филармонии (объяснение с дирекцией из-за недогрузки Рабиновича в будущем году и из-за 6-го подъезда). Потом на репетиции Курта (вальс Равеля). Вечером на первом отделении концерта Рождественского (Скрябин). Дома читал вслух сказки Андерсена для Л.

30 апреля (сб). Хотел было заниматься, но позвонил Пономарев: «Москва» требует в Праге одиннадцать концертов... Поэтому срочно в Филармонию. Там: 1) разговор с Твердохлебовым по телефону; 2) заседание производственной комиссии по абонементам будущего года. Дома — в 5 часов. <...>

1 мая (вс). Занимался с 11 до 1.30 (Четвертая симфония Бетховена и 1, 2-я ч. Десятой симфонии Шостаковича). Читал вслух про воробья Сетона. Очень плохо с головой. Непрестанно набегают слезы. <...> После обеда (7—8.30) пошел пешком через 1-ю роту, Подьяческие, Львиный мостик до Мариинского театра. Показалось: после долгого отсутствия возвращаюсь, наконец, к себе домой...

2 мая (пн). Дома с 11.30 до 1.30: 4, 3-я ч. Десятой симфонии Шостаковича и вся Шестая симфония Шостаковича, вернее 2 и 3-я ч. С 2 до 8 ч. «на Гоше» — в Комарово к Черкасовым. Видели: скворцов, бабочку... цепочку гусей, жаворонка, слышали зябликов; говорят, зацвела мать-и-мачеха. Идет сокодвижение у березы (бутылка у Андрея, Колиного сына, наполовину наполнилась). Из земли показались вершковыя ростки тюльпана. Травинки.

У нас баба Женя. Вечером вырезал из бумаги фигурки (по «Люшиным» сказкам), т. к. даже читать не мог от усталости...

3 мая (вт). Репетиция 11.30—3.45 (Четвертая симфония Бетховена, 1, 2 и 4-я ч.). <...>

4 мая (ср). Репетиция 11—3 час. (Четвертая симфония Бетховена, 3, 4-я и конец 2-й ч.; Шестая симфония Шостаковича, 2 и 3-я ч.). Очередные «милости» из Москвы: Пономарева не пускают в Прагу! Звонок по этому вопросу к В. А. Зорину²³ и Малину в ЦК. Дома — изнеможенный отдых. Обедала Мусичка. Вечером зашел Ромочка; принес свою книжицу.

5 мая (чт). Репетиция 12—3 час. (генеральная Бетховена — с повтором финала; генеральная Шостаковича — с предварительной работой над 1-й ч.). До репетиции звонок в Мининдел Зорину о пражских делах. <...>

6 мая (пт). Репетиция 11—1 час. (тщательная доработка Четвертой симфонии Бетховена и маленькие кусочки Шестой симфонии Шостаковича). Инцидент со Шпильбергом и аплодисменты всех струнников за мое высказывание по вопросу штрихов.

Вечером концерт (22-й):

Бетховен, Четвертая симфония

Шостакович, Шестая симфония

[В Бетховене] *Fa* в 4-й ч. вступил на 1 такт раньше!

7 мая (сб). 10.30, с Пономаревым в Горком по жилищным вопросам (Генслер). На репетиции Зандерлинга (Третья симфония Рахманинова). <...> Вечером разговор с Москвой (Тищенко) о музыкальной работе в Доме офицеров.

8 мая (вс). Дома, с 11 до 1.30: Десятая симфония Шостаковича; «Волшебное озеро». В сберкассе. С 3 до 5 час. у меня Богданов-Березовский и дядька из Госиздата отбирали фото для книги обо мне <...> Я подремал и пошел в Филармонию на концерт Курта (Рахманинов, Равель). По дороге заходил к кепчоннику.

9 мая (пн). Дома 12—1.30: Пятая симфония Чайковского, «Волшебное озеро». С 4 до 5 час. у Анны Максимовны — кардиограмма. 5—7 час. в Филармонии с Пономаревым разобрали дело 1-го валторниста Удальцова, запившего напропалую. Вечером у нас Добротины. У мамы — «кожник».

10 мая (вт). Репетиция с 11 до 3 час. (1, 2 и 4-я ч. Шостаковича Десятой симфонии). Дома после обеда до 9 разбирал все фото: искал для книги Богданова-Березовского. <...> Побрился. (О, диво!! пошла из крана горячая вода!)

11 мая (ср). Репетиция 11—2.40 (3-я ч. Десятой симфонии Шостаковича; «Волшебное озеро»; кусочки «Франчески»). Быстро в Свердловку и обратно (Шапиро). С Л. (4—6 час.) панихида по Я. И. Крайману. Посылка Хрущеву²⁴ телеграммы о Пономареве (чтоб он ехал в Прагу). Дома подремал <...> Вечером тихонько читал (Джека Лондона).

12 мая (чт). Репетиция 12—3.45 (2-я ч. Пятой симфонии Прокофьева; вся Пятая симфония Чайковского; кусочки Четвертой симфонии Бетховена, из-за нового фаготиста). После репетиции «инструктаж» оркестра. Новость о «гонораре», привезенная Оником из Москвы и т. д. После Филармонии в Свердловку за справкой, домой за паспортами, опять в Филармонию за зарплатой. Пономарев обедает у нас. <...>

13 мая (пт). К 1 час. в Филармонию. До этого с Гошей и Ипатьевым поступали в Гор. охотничье общество. С 1 до 4.30 в Филармонии (Малину звонок о Пономареве; с 3 до 4 час. репетиция с «духовыми», «деревянными» по Пятой симфонии Чайковского; потом еще инструктивное собрание оркестра). Пешком домой: по пути в «Лавку писателей» и за папиросами. <...> Вечером у нас Пономарев.

14 мая (сб). Отъезд в Прагу. (Поезд 4.45 дня с Варшавского вокзала).

12 июня (вс). Около 12-ти дня — дома (возвращение из Чехословакии).

13 июня (пн). Утром (10.30—11.30) у нас Шостакович (об успехе Десятой симфонии и пр.). С 12 до 16.30 в Филармонии (подарки, деньги, пресса и пр.). Письмо Стоковскому²⁵ о Десятой симфонии и т. д. В 7.30 у нас Ромочка. Около 10 вечера — Пономарев с Люсей.

14 июня (вт). В 12 час. в Филармонии у Пономарева. Перевозка домой вещей, находившихся в багажном вагоне. С 4 до 5 час. с Пономаревым у Сериковой в Горкоме («доклад» по Праге). 6—7.30 у Замчевского в Горкоме (то же). Вечером дома «разбирался». <...>

15 июня (ср). Съездил к А. М. Бомаш за врачебным заключением о состоянии сердца. Дома до 5.30 писал письма (Стоковский и пр.). Л. пошла к Фигурнову с подарками. К 6 час. пришел Курт с Томиком (налаживали проигрыватель). 7—9.30 был Богданов-Березовский, по книге обо мне. 9.30—11 час. я у С. В. Шостакович: там Митя. Проводил его до вокзала.

16 июня (чт). Репетиция 11—1 час (осваивали акустику, играли: «Времена года», «Мейстерзингеров», «Оберона», «большого Щелкуна», «Голландца», «Волшебное озеро»). До 3-х сидел в дирекции, писал ответ Стоковскому и др. Дома — с проигрывателем. С 6 до 7.30 партитуры на завтра. Потом ненадолго к Щербинским. <...>

17 июня (пт). Репетиция с 11 до 12.10 (маленькие кусочки симфонии и «Франческа»; работа над «Волшебным озером»). С 3 до 6 час. — крепкий сон.

Вечером концерт (28-й):

Чайковский, Пятая симфония

Лядов, «Волшебное озеро»

Чайковский, «Франческа да Римини»

18 июня (сб). В 11.45 с Куртом и Томиком в «Пассаж» за долгоиграющими пластинками. С 1 до 2.15 в Филармонии на репетиции Кондрашина (Мусоргский — хоры). С 14.30 до 4 час. в Свердловке у Шапиро (о боли в почке). Дома слушал пластинки своих записей и, как всегда, пришел в отчаяние: Шестая Бетховена. Заходила Таня. В 8 часов пришел Б.-Березовский. Делал выписки из моих записей.

19 июня (вс). Наконец, выспался (до 11!). Целый день разбирал и привел в порядок накопившиеся за два с половиной сезона бумаги, письма, прессу и т. д. до 8.30 (с перерывом в 5—7 час., когда приходил кларнетист Измайлов по своим делам, и на обед). С 9 часов до 11.30 были Черкасовы: славно поужинали с коньячком. Потом на их машине ездили на взморье (почти до стадиона). Свежо. Белая ночь. Тревожная волна, огоньки в заливе; силуэты деревьев еще весенние; удильщики над прудом (уклейка ловится). Колина фигура на асфальте: вот, когда воплотились «мечты». Л. и Нина в освещенной машине — «как настоящие». К часу ночи дома.

20 июня (пн). С 12 часов в Филармонии (звонки в Лесной р-н о дорогах; совещание с Пономаревым, Саркисовым, Близиюком об общем собрании по итогам Чехословакии, перевод из «Таймс» и т. д.). Дома у нас Аня с «транспортом» сахара (для лета). Вечером Гоша (сомнения о том, куда и когда ехать? Погода!!).

21 июня (вт). Выспались. Почитал О. Генри²⁶. Прослушал пластинку: «Море» Дебюсси. В 2 часа в Филармонию (у Мазьи готовы костюмы; с 3 до 4 час. заседание партбюро по вопросу общего собрания, в связи с итогами поездки). Потом в лавки, за пластинками («Оберона», «Леса»). После обеда почитал Е. Пермяка²⁷. Позвонила Е. П. Кудрявцева и пришла с Муриным²⁸ со своими очередными бедами (назначили Анисимова худруком). Ушли в 11.30. <...>

22 июня (ср). В Филармонию. В 2 час. звонок Малину (благодарность). 3—5 час. — бюро (опять по собранию). Вечером у нас Лида (разговор о сомнениях: куда все-таки ехать в связи с измотанностью). Вечером у нас Гоша.

23 июня (чт). 11—12 час. у меня Саркисов (разобрали чешскую прессу и наметили план октября, ноября, декабря). Потом до 11 вечера, как мотор: разбирал, паковал, укладывал пластинки, книги, ноты, рыбные принадлежности, наводил порядок в папках и «записках», вывозил в библио-

теку Филармонии комплекты «Советской музыки» и т. д. и т. д.

24 июня (пт). К 11 — Филармония, насчет билетов на Пестово. Потом покупки (гомеопатическая аптека), у Марианны. На репетицию Курта («Времена года»). С 3 до 6 час. общее собрание оркестра по итогам поездки в Чехословакию. С 6 до 6.30 — Третьяков в кабинете Пономарева и еще одно объяснение о переводе его в регуляторы. У нас Петр Сидорыч (!), Аня. Потом пришел Гоша. Л. укладывается. Я заряжаю кассеты, но даже это сейчас тяжело.

25 июня (сб). Утром ужасное самочувствие: не поеду в Пюхярви (Л. сомнение об истинных поводах). Вечером, когда пришел Рома, сообразил: ведь эти дни — «годовщина!..» С 12 до 1.30 хлопоты о билетах и транспорте (переключение на сорогожское МТС). В 2 часа Л. с Тишей уехали. Я — на репетицию Курта. В Филармонии рассказ дворников (по третьяковскому делу, его подкопы под меня и решение в понедельник идти в Горком). В 5 — у В. Д. Дома один обедал (знакомая ситуация...). Вечером пришел Рома (звонок к Сериковой).

26 июня (вс). Утром появилась усталая баба Женя. С 12.15 до 5.15 ездили вдвоем с Гошей до Шлиссельбурга. Здесь еще цветет сирень. Белая только зацветает. Облиственвшие яблони в полном цвету! Рожь только колосится. И тут же, видели несколько выводков молодых скворцов. Видимо, сегодняшние. Пообедали у меня. Гоша ушел отвезти машину. Я — поспал. В 8.30 с Гошей встретились: угол Гороховой и Садовой. Вечер провели у Ани. В 11.30 проводили [нрзб] Люсю — и домой.

27 июня (пн). Утром в Горкоме у Замчевского. С 11 до 2.30 на генеральной репетиции Курта («Времена года» Гайдна). Вечером, около 10 час., наконец, вернулась домой из Пюхярви Л. Вечером взаимные рассказы дней.

28 июня (вт). Утром к Нонне Хотховой с посылкой от Норы. Фотомастерская (объектив). В Филармонии с 1 до 2 час. беседа с моим ассистентом Семковым²⁹ и с 2 до 3 час. на его репетиции (Дворжак). Дома — укладка в письменном столе на лето. Вечером на 50-летнем юбилее Скоробогатова (Корякина)³⁰.

29 июня (ср). Л. — укладка, я — отлеживался до 1 час. дня. В 2.30 в фотомастерскую. С 3 до 4.30 РКК: поражение Третьякова. Потом с вернувшимся из Москвы Саркисовым, разборка привезенных им рецензий и письмо Малину и Молотову³¹ о приеме меня осенью. Дома доукладка и вечером на концерте Е. Семкова. У нас Лида с Л. упаковываются.

30 июня (чт). Утром окончательная упаковка, увязка чемоданов. Пришла Аня. Завезли ее домой, а сами в Никольский собор. Идет служба: акафист Николаю Чудотворцу (I) («О всех скорбящих», «Прости мне слабость мою в минувшие дни»). Три лика: у входа «Благодостный», налево в алтаре — «Прощающий» и главный лик — около службы. Дома пообедали около 2-х. В 3.30 машина. В 4.58 поезд и мамино: «прости меня» <...> Шухов и Ильин носят вещи: 14 мест! Ведь всю еду, крупу, муку, сахар — надо везти, на месте нет ничего! На вокзале бой с дежурной, озабоченный Пономарев, Краснобородов, Мендельсон.

Тверская [Калининская] губ.

1 июля (пт). 2.20 утра — Пестово. Грузовик ждет. Сразу тронулись. Ясно, очень холодно. Дорога не поддается описанию. Ехали 6 часов! В 10 вошли в дом, в Алексейкове. Чай. Мертвый сон. На озеро с Л. и Аней (до этого — распаковка, яишенка, чай). Немного за кузницу с Л. Сон.

2 июля (сб). За ландышами по застожской дороге.

3 июля (вс). В Сорогожское (МТС, почта, Тугариновы, лавка).

4 июля (пн). На Иловец и на озеро. Улов 3 кг! 2 больших окуня.

5 июля (вт). Я — на Шиле (около 3-х кг рыбы). Жай сидит дома с подорожником на стертой ноге. 6 час. — баня.

6 июля (ср). Утром попытка дойти до Чайникова. <...> Вечером — ночь на Ивана Купала.

7 июля (чт). На Иловец и на озеро (с 11.20 утра до 5 час. дня).

8 июля (пт). С Л. в Вакарино (через Сорогожское, обратно через Чайниково). Вечером у нас Тимофеевы.

9 июля (сб). До обеда вчетвером в поле за васильками. После обеда с Аней за керосином.

10 июля (вс). С Жаем и Арк. Ив. вокруг Шила. Потом вдвоем на «земляничных горках».

11 июля (пн). С 1 до 3 час. с партитурой Лятошинского. <...> Вечером с Л. до Застижья (запахи).

12 июля (вт). До обеда все вместе на кладбище. С 5 до 9 час. с Л. на дальний Иловец.

13 июля (ср). С 4 до 7 утра — одинокий кружок до Рыжни и через борик (восход солнца). После обеда до вечера всей семьей в садике (земляника, карты, блокнот).

14 июля (чт). С Л. через сундуковский лес — на Сорогожу; гроза, Тугариновы (с 10.30 до 6 час.).

15 июля (пт). Утром Л. на «горушках» (земляника). В 5.30 я (один) на Иловец («Приступ» 48-го...).

16 июля (сб). День — дома. Утром Л. полет грядки, я — читаю тут же. *Немного посмотрел симфонию Гайдна.*

17 июля (вс). Вдвоем в старое Чайниково. Вечером в гостях у Тимофеевых.

18 июля (пн). Дома: запись дней. Л. и Аня на землянике. После обеда встреча с «Совершением». (Кухня.)

19 июля (вт). С 1 до 6 час. с Л. по реке Застиженке.

23 июля (сб). После завтрака сон почти до обеда. После обеда до вечера записки. Аня и Любовь Дмитриевна стряпают на завтра. Л. с рубашкой. За окном ненастье. Дома хорошо и уютно.

24 июля (вс). День Жая. Полдня — приготовления. Вечером гости.

25 июля (пн). Один на Иловец и с И. И. по озеру. Вечером — «черствые» именины.

26 июля (вт). Утром Л. нездорова. Я — пишу дни. После обеда все в огороде. Вечером с Л. часок за банькой.

27 июля (ср). Плохо с головой. С 6.30 до 9.30 один, кружок через гору Сосновку на Чайниково. Л. дома пишет письма.

28 июля (чт). Появление Василия Павловича. С 5 до 10 час. вдвоем в Житенку.

29 июля (пт). С Л. на курганах за Рыжней. *Наступление жары.* Вечером, втроем после чая в поле за банькой.

30 июля (сб). Один на старое Чайниково и домой через Застижье. Вечером в огороде погружение в благодать. Баня.

31 июля (вс). День — в лесах, через Житенку до Гривы.

1 августа (пн). Л. и Аня на землянике. Я — дома, сон, отдых. Вечер у Тимофеевых (по случаю Ниночки и Васи).

2 августа (вт). Ильин день. Рождение Любове Дмитриевны. Кругом грозы. Все дома. Вечером гости.

3 августа (ср). 12—3 час. занимался Пятой симфонией Малера. Встречал своих в борике. Вечером в огороде.

4 августа (чт). 11—2.30 — Малер (5 и 3 ч.).

5 августа (пт). 11.30—4 час. Малер (5 и 3 ч.). Вечером один на Шиле (закат и печаль...).

6 августа (сб). 11.30—2.30 (Малер, 1 и 2-я ч.). С Л. за рыбой в Федотково и на сенокос. Вечером баня.

7 августа (вс). 11.30—3 час. Малер (2 и 3-я ч.). Л. в Вакарино к Ив. Вас.

8 августа (пн). 12.30—3.30 Бетховен, Пятая симфония (вся). Вечером все в огорожке. И с А<ней> и Л<ютиком> на застиженскую дорогу (часок вечере).

9 августа (вт). Утром письмо Мендельсону (об отъезде). В 4.40 поехали в Медведково.

10 августа (ср). В 12 — на Гриве. К 8-ми Алексейково, дома.

11 августа (чт). Днем дома. Вечером с Л. кружок через озеро и борик. (Тихое озарение.)

12 августа (пт). В Сундуки.

13 августа (сб). В 3 час. вышли домой из Сундуков. Вечером дома.

14 августа (вс). Утром запись дней. После обеда у нас Аркадий Ив. Вечером мы у них.

15 августа (пн). Утром запись дней. С 5 до 7.30 всей семьей на Шиле.

16 августа (вт). С 10.30 до 1.30 занимался (Бетховен, 4-я ч. и Малер, 1-я ч.). Неприятности с глазом. Банки на спину.

17 августа (ср). С 11.30 до 3.30 занимался (1-я ч. Четвертой симфонией Брамса и 2-я ч. Малера). После обеда Л. и Люб. Дмитриевна в Сорогожское.

18 августа (чт). С 10 до 1 час. дома (2 и 3-я ч. Четвертой Брамса).

19 августа (пт). С 12 до 2 дома (3-я ч. Пятой симфонии Малера). Вокруг целый день грозы.

20 августа (сб). 5 час. — встреча утра. 12.30—3 дома (5-я ч. Пятой симфонии Малера). Л. в бане. Я — вечер у своего стожа на застожской дороге.

21 августа (вс). Все днем в огороде. Вечером с Л. до Чайниково. Чай в комнате Любови Дмитриевны.

22 августа (пн). Один через озеро на дальний Иловец. Л. и Л. Д. перед обедом на озере.

23 августа (вт). В связи с телеграммой Мендельсона мы с Л. с 2 до 4 час. в Сорогожском. Вечер — на новоселье у Федосовых.

24 августа (ср). Днем мой прощальный обход озера (через Островку). Вечер опять у Федосовых.

25 августа (чт). Утром с Л. прощание с озером. Днем я на «выгороду» — к «человечкам». Вечер, мы с Л. у стариков, в Подережке.

26 августа (пт). 3.50 пришла машина; 4.35 выехали в Пестово; 7.30 — Пестово. 2 часа ночи — отход поезда на Ленинград.

27 августа (сб). 2 часа дня — Ленинград. Вечер, Леночка и Митя у нас.

28 августа (вс). Утром с Ромочкой в «Дом книги» и Михайловский сад. Днем у нас Аня.

29 августа (пт). Утром в Филармонию по всем делам. Вечер, у нас Добротины.

Пюхьярви

30 августа (вт). 3.25 на машине с Леночкой и Пушкой в Пюхьярви. В 7 часов прибыли. (Баба Женя, Женюшка, Татка, Коля уехали в 9-м часу.)

31 августа (ср). Утром у Нонны и Гоши. С Гошей на бережок. Вдали Новокольский; причалил Триумфов. Гоша весь в болячках ожога. После обеда у Машки «на срубе». Вечер, у нас Нонна. Проводы ее лунной ночью.

1 сентября (чт). Дома 9.30—1.30: 1 и 2-я ч. симфонии Лятошинского. С 5 час. до заката с Н. и М. Новопольскими на озере, на «гряде».

2 сентября (пт). Дома 9.30—11.30 и с 1 час. до 2.30: 3 и 4-я ч. симфонии Лятошинского; в промежутке заходил В. Янцат. С 4 до 5 переписывание «сводных материалов» за 1954—1955 годы. Днем дождь. В 7 часов, один, кружок на мыс Черкасовых. Зашел к Ив. Мих., потом к Гоше. Вечер с Л. у Янцатов.

3 сентября (сб). Дома 10—1.30: попытка охватить скрипичный концерт Шостаковича... задача... С 4 до 5 час. переписывание «сводных материалов». Порой дождь. Л. на клубнике с Митей. <...> Появление из лесу Нонны с малиной... Вечер, у нас Васильевы и Новопольские.

4 сентября (вс). Дома 10—1.30: Концерт Шостаковича (весь). 1.30—3 час. — «сводные материалы». Наши на ягодах; Тиша на сарае. Пришли Эренберги; погода — Коля Черкасов с Володи. Издали: «Эва ты, юж!» И солнышко на полу дрожащее... После обеда проводы Гоши, потом к Янцату. С ним у лодок, у сараев и — чай у них. Вечером дома у нас Тат. Петр. и Нонна.

5 сентября (пн). Утром пасмурно, ветрено. Дома с 10 до 2.30: 1 и 2-я ч. Концерта Шостаковича; просмотрел «Песни»! Симфония Гайдна — для души! <...> С 4 до 5 перепись «сводных материалов». Небо расчистилось. Тихо. Солнечно. Наши все в огороде. <...> С 5.30 до 7 один — на большое болото. <...> Рано легли. Неожиданно — Машка с бедой...

6 сентября (вт). С 10 до 12 час. у Маши и Ивана, на срубе, разбор их коллизий... 12.30—2 дома: 3-я ч. Шостаковича (больше не мог: что-то худо с головой). Коля и Володя, их утки к обеду. После обеда сон. Голове лучше. Чудесное предвечерие. Митя и Леночка полют под окнами землянику. <...> Я (с 4.30 до 6.30) за «сводными материалами» и... с грустью... <...>

7 сентября (ср). Дома 9.30—2 час.: Шостакович, 4-я ч. и все в целом (1-й этап кончен); в общих чертах вспомнил Гайдна. Утром — дождь и прохлада, голове легче. Днем разведрило. Сильный ветер. Я — за Володей и Колей: на озере гребни. Обед К. и В. у нас. В 5 часов дня с Л. и Лидой на «москвиче» в лес. Я, с 5 до 6.30, со «сводными материалами». <...>

8 сентября (чт). Дома 10—1 час: Гайдн, вся симфония. Дрема на сеновале под лепет осины. После обеда на мыс. Возня с мотором. В. за брусникой. Мы с Колей по старинке, без мотора, вдоль тростников до 8-ми. Проводы солнца и в надводном розовом сиянии — отблеск вчерашнего дня... В 8 часов к Наташе (там именины). Там чай, приход Л. Домой при луне.

9 сентября (пт). Дома 10.30—2.30: 2-я ч. Пятой симфонии Малера и немного 1 и 3-й ч. <...> После обеда я переписываю «сводные материалы» (5—7). Наши все в лесу. За открытым окном по-прежнему золотистый тихий сентябрь.

10 сентября (сб). Дома 10.30—12.30: 1-я ч. Пятой симфонии Малера. <...> Я — с 1 до 5 (с перерывом на обед) читал книгу Богданова-Березовского обо мне, прочел 1, 2 и 3-ю главу <...>

11 сентября (вс). Утром — мытье, бритье, все чистенькое. С 10.30 чтение книги Богд.-Березовского (главы 7, 8 и 9-я). <...> После обеда с Гошей на озеро. В молочной его голубизне — до заката. <...> Ночью — приступы кашля. В ночи маленькая гроза: короткий ливень с двумя ударами грома.

12 сентября (пн). Дома с 10.30 до 1.30 — Пятая симфония Малера (3 часа). Утро сумрачное. <...> После обеда начал читать «вводное» Богданова-Березовского. Потом к Черкасову. Дома до темна продолжение чтения. Конфликт с Л. из-за «нерасчетливости» ее в деньгах. Л. уезжает завтра в город: «Дай 100, дай 150!» Вечером прощание с Ноной в темной ее комнате, в ночном веянии через открытое окно.

13 сентября (вт). 6 часов — будильник: отъезд Лиды. С 11 до 12 час. начал заниматься: Пятая Малера, 4 и 5-я ч. Неожиданно, под окном Л. с Пономаревым! Серый день, моросит,

потом посветлело. Около 6 час. Пономарев уехал. Л. ездила с Федей к Грану и на станцию: хлеб, язи. Сел и до 8 час. писал «сводные материалы» (до сумерек). <...> Моросит дождь. К Сиротинину за патронами.

14 сентября (ср). Ночью ломотились крысы. В 7.30 вскочили: Дунай бегаёт под окнами, голос Кольки. Пошел «пугать» их дубиной. Чудное, молчащее, росистое утро. С 10.30 до 1 час. — финал Малера. Ветер, заносит, влажно. С 1 до 2.15 закончил (по сегодня) «сводные материалы». Приехала Лидка.

15 сентября (чт). В 6 час. утра гон и беготня Дуная у дома Колькиного. Опять «поход» против него. Опять чудесное, скромное утро. Солнышка еще нет. Круг через «лосевую» тропу. Сырая тишь леса. Желтая листва на тропе. Коля на шоссе около сиротининского поворота. Находка ворованных мальчишками яблок и ремня на месте вчерашнего ночного шороха.

16 сентября (пт). Встали рано: около 8-ми. До завтрака обошел «все владения»: яблоньки, цветочки, огород. Показал Леночке краски на стволах березок: желтый, розовый и «смуглый». С 10 до 2 час. работа над Пятой симфонией Бетховена (окончательное уточнение редакции всей симфонии и работа над музыкой 1 и 2-й ч.). Л., Лена и Митя — на бруснике. Лидка — «дежурила».

17 сентября (сб). Утром моросит. Но постепенно опять разгулялось, вновь все потеплело, солнечно. 11—2 час.: 3, 4-я ч. Пятой симфонии Бетховена. С 2 до 3 — запись дней. Сегодня — Л. «дежуйка!» С 5 до 7 круг через Корнов ручей, Янов к Ив. Мих. Островскому — оповестить, на мыс Ипатьевых, домой. Перед чаем к Сиротининым, о завтрашнем дне. Преоcharовательная фигурка уточки-кряквы с ленточкой.

18 сентября (вс). Около 8-ми горячие лепешки. Вновь сладкий сон с Тишей до 10-ти. Бритье, мытье. Письмо в издательство. Записки за вчерашний день. Серенько. Прохладно, но хорошо. Перебрал фотографии. 3—4.30 с Л. у Ипатьевых: уехали в Л-д. Дома: с 4 до 6 час. проиграл «Военную» и «Оксфордскую» симфонии Гайдна (!!!). Вечером у Сиротининых чай (дом заперт с кисками).

19 сентября (пн). Ночью звуки: Пушка на чердаке, Л. и Лидка — в кухне, под утро опять Дунай и, наконец, стучат клювики синичек по крыше. Пока занимался, Иван привез дрова и заходил Ф. Дома с 11 до 2 час.: Гайдн, симфония G-dur. (До этого в «уборную» — в олешиничек.) Л. — на поиски рыбы к Грану. Лена и Митя на картошке. Серо. Северовосточный ветерок. Прохладно. После обеда дрема. И с 4 до 6 час. на озере. <...>

20 сентября (вт). Всю ночь — дождь. С 10.30 до 3 — Лятошинский (читал «всю симфонию» и «посидел» на 1 и 4-й ч.). После обеда (4—5 час.) взял Пятую симфонию Малера (динамика и уточнение вариантов тематических оборотов в 1 и 2-й ч. и кое-что в вальсе). Дождя нет, порой светлеет. Л. и Лида после обеда в лес. После 5-ти зашел к Наташе Вас<ильевой> Вечером опять у лампы. <...>

21 сентября (ср). Дождь. Дома с 10 до 11.30 — Малер, 1, 2-я ч. (тональности). Неожиданно Пономарев с Люсей. Посидели, обогрелись. Прошел дождь, пошли в лес. Пробыли до 5-го часа. Л., несмотря на отсутствие грибов, нащелкала корзиночку маслят. Около 7-ми Пономаревы уехали. К 8-ми часам пришли Сиротинины. Были до 11-ти. Ушли в темноту, с фонариками.

22 сентября (чт). Снова северо-восточный ветер. Шумит. Тучи. Моросит. Дома 10—2.30: Малер, 5-я ч. — уточнение и местечки из 3 и 4-й ч.; Лятошинский, 2 и 3-я ч.; Шостакович, скрипичный концерт: расстановка знаков. Л. и Лида в лесу. 2.30—3.30 на озере: озеро бушует; около лодок Валя и Г. Н. строили сарай. Обед и крепкий сон до 5.30 в кухне (после холода озера и рюмки водки за обедом). Л. чистит грибы. Я — записал дни.

23 сентября (пт). Утро, вылезал «Дон Кихотом». После завтрака к Гоше, на мыс, к Вальке и к Ивану (насчет перевозки пианино). Холодный, затученный, но сильный и бодрый день (какие бывали), «мужественный»... С 11-ти дома разбирал бумаги в папки (к сезону и др.), записывал день. Л. на флоксах под окошком. Принес ей для могилки Р. песку, а потом и для флоксов (коромысло, Катай, Тиша).

24 сентября (сб). Утром разобрался в рыболовном барахле и ящиках. В 11 час. перевезли пианино. После ухода — все посидели у лампы и «вокруг» отъезда... С 12 до 3 час. у Наташи, на шоссе, даже у Киреевой в ожидании Л. и Гоши, уехавших на станцию. После обеда дрема, потом с Гошей на озеро: пустынно и мертво; упорная свинцовая зыбь. Скоро вернулись. Вечером у нас гостят Иван да Марья (фото сундуков, козел). Ушли в 12 ночи. <...>

25 сентября (вс). Бритье, мытье. Все так же стойко холодно и вместе светло и бодро. Л. рыбу чистит. <...> Я к Володе Щербинскому на мыс и обратно кружок через Загурского Яна и т. д., как весной. Дома на сарае: не хочется в дом. После обеда с Л. и Митей за проволокой в лес (для изгороди). Пришли в 6 часов. У нас уже Гоша с Наташей. Скоро и Володя. Володя днем привозил Ипатьевские тюки и обедал.

26 сентября (пн). Около 11-ти подъехал В. Щербинский: «Готовы?» На шоссе уже Гоша с прицепом. «Двумя домами» — все в лес на глухоманный участок — за проволокой. Васильев Гоша и я — там на «охоту». Следы, тропы лосей, свежий помет во мху, на мху — вальдшнепные бирочки; тишина, слабый запах багульника. «Бунт баб»: наматывали проволоку — прокололи руки.

27 сентября (вт). Наши в 7 час. утра в лес. Вдвоем с Л. и кисами. Я — за укладкой своего хозяйства. Холодно, дождь. Л. — по хозяйству, у плиты, утром к Маше за молоком. В 11.15 вернулись наши. Я отнес после обеда Маше самовар. Зашел проститься со стариком Островским. В домике нашем голо. Тиша скрылся, целый день сидит на чердаке. Сам бы скрылся тоже... да некуда...

28 сентября (ср). Утром окончательная укладка. В половине 12-го пришла машина. В 12.30 выехали в Ленинград (с Т. П. Сиротининой). В 4 — в Ленинграде.

29 сентября (чт). В 12 час. в Филармонию (по поводу открытия; по вопросу переноса концерта Шостаковича на октябрь).

Вечером разбор шкафа с партитурами. У Л. Маруся.

30 сентября (пт). С 10 до 11.30 с Пономаревым и Саркисовым в Горкоме у Сериковой (по открытию и пр. делам). В 8 часов на именинах у Софьи Васильевны Шостакович (Митя там; чужих никого; Митя о драме Марии Дмитриевны и Софьи Васильевны).

1 октября (сб). Дома с 10 до 3.30: Пятая симфония Бетховена, перенос всех моих пометок в партитуру Шальмана; работа над кусками по всем частям; в общих чертах вспомнил Пятую симфонию Прокофьева. Обедал Шостакович (побеседовали о темпах и пр. скрипичного Концерта).

Вечером у нас Валя. Я и пьяный Иван читали партитуру.

2 октября (вс). Дома с 11 до 1.30: Прокофьев, 1-я ч.; Гайдн, 1-я ч. и Щербачев, 2-я сюита. Около 6-ти Добротины у нас (до 9-ти). Потом с Л. в Малом зале Филармонии. (Там открытие сезона; мы на 2-м отделении: квинтет Шостаковича).

3 октября (пн). Дома с 10.30 до 1 час.: Прокофьев, 2-я ч.; Гайдн, 2-я ч. Днем в Филармонии: с Шальманом о Пятой Бетховена и др. нужных мне партитурах (взял один костюм из кладовой). 4—6.30 с Н. Рабиновичем в кавказском ресторанчике. Вечером дома один, читал. Л. в Филармонии на поляках. (Заходил Вас. Никол. Холмин по своим бедам).

220 | 4 октября (вт). Дома с 11 до 1 час.: Прокофьев, 3-я ч.; Гайдн, 3-я ч. Днем в Филармонии (надолго). Потом пешком скорб-

ный круг: в Михайловский сад, Летний сад, мимо Цирка. Жухлые липы; уголь стволов; дирижирование кажется спасением... вот до чего дошло... Дома у меня Богданов-Березовский со своей книгой обо мне. Сидели с 7-ми до 11-ти.

5 октября (ср). Дома с 10 до 12 час.: Прокофьев, 4-я ч.; Гайдн, 4-я ч. С 12 до 1.30 у меня Богд.-Березовский (окончательная беседа по 8 главам). С 2.30 до 4.30 в Филармонии совещание с Пономаревым и Кертлингом³² о всех мероприятиях по оркестру. Вызов и личные беседы с Удальцовым и Иткисом³³. Дома после обеда массажистка Люся. Вечером у нас Гоша Васильев.

6 октября (чт). Дома 10—11 час. (бегло: Пятую Бетховена и финал Пятой Малера). В 11 заехал Пономарев. В Филармонии с 11.30 до 2.30 (звонки по делу жилплощади Люси и на репетицию Рабиновича со 2-м оркестром). Репетирует увертюру Петрова и Концерт для виолончели Финкельштейна. <...>

7 октября (пт). Репетиция 11—2 (прогнали: финал Пятой симфонии Малера дважды; Пятую симфонию Прокофьева; Гайдна — целиком). 7—8 час. у доктора Пенькевича; с 8 до 9 у Лебедевой. Вечером дома у Л. Ел. Ивановна.

8 октября (сб). Репетиция 11—2.40 (прогон Пятой симфонии Бетховена, потом проработка 1, 3 и 4-й ч.). В 4 часа дома, Люся — массаж. Вечером дома. Л. съездила в Свердловку за лекарствами. Потом с журналом мод пришла Ел. Ив.

9 октября (вс). Репетиция 11—2 час. (работа над 2-й ч. Пятой симфонии Бетховена; доделки по Пятой симфонии Прокофьева; прогон «Оберона»). Вечером отвез Ел. Ив. журналы мод, потом в «Лавку писателей». Оттуда отвез Мар. Львовну к Эйхенбауму³⁴. Вечером дома (О. Генри).

10 октября (пн). На репетиции Элиасберга («Исламей» и вступление к «Парсифалю»). (Неприятности с продажей Бетти). Массаж. Сидит грипп и «зреет» насморк. И на душе черно тоже.

11 октября (вт). Утром Леночка у нас (по поводу Бетти). Репетиция 11—1 (генеральная Пятой симфонии Бетховена; доработка Гайдна). На репетиции Т. П. Сиротинина и Коля. Массаж. Сажу дома. В партитуры не заглянул... К ночи кашель, льет и пр. и пр.

12 октября (ср). Репетиция 11—12.40 (формально пришлось прогнать почти всю Пятую симфонию Прокофьева: заболел кларнетист Измаилов). Перед концертом температура 37°.

Вечером концерт (1-й):

Бетховен, Пятая симфония
Прокофьев, Пятая симфония

13 октября (чт). Дома с 12 до 1 час. партитуры к вечеру.

Вечером концерт (2-й):

Вебер, «Оберон»

Гайдн, симфония *G-dur*

Бетховен, Пятая симфония

14 октября (пт). Утром Лида с Ленкиной историей и Леночка со сведениями о Бетти. На репетиции Курта (Шестая симфония Бетховена). У меня репетиция с 2 до 3 («дерево» по скрип. концерту Шостаковича). Вечером Л. на Васильевском. Я с Гошей за катушками на Прядильную.

15 октября (сб). Я отсиживаюсь дома, с Тишей на коленях. Л. у Фигурнова на проверке. Была Таня, обедала. Вечером мы с Л. на «Лермонтове»³⁵.

Наводнение.

16 октября (вс). Л. — у Ани, спроведать, как у нее дела после наводнения. Я — в театре у Коли за бумагой для Люси-массажистки (посмотрел 2 картины «Маяковского»). Вечером на концерте Курта (Шестая симфония Бетховена). После концерта совещание с духовиками по приказу Министерства о строе.

17 октября (пн). Дома 12—2 час.: Концерт Шостаковича. 6—7 час. дома — концерт Шостаковича. Л. вечером на картине французов, потом оба у Щербинских.

18 октября (вт). Дома 12—3 час.: работа над Концертом Шостаковича с Ойстрахом и Шостаковичем, который специально приехал для этого на один день. Митя обедал. Ойстрах улетел в 5 часов домой, в Москву. Л. опять в кино. Вечером у меня Ромочка Добротин. В 10.30 вечера к Софье Васильевне Шостакович и оттуда с Митей на вокзал («стрела» в 11.55).

19 октября (ср). Утром, немного на репетиции Янсонса (симфония Шварца). Репетиция с 2 до 3 концерта Шостаковича (группа 1-х скрипок). Вечером с Л. на французском фильме «Любовь женщины»³⁶.

20 октября (чт). Дома 12—2 час.: Брамс, Четвертая симфония, 1-я ч. и немного 2-й ч. Днем в Филармонию за партитурой купленного мне Онегина. Приход Ромочки (тревога за «папу»). Вечером на концерте Янсонса (симфония Шварца). «Присутствуют»!

21 октября (пт). Дома 11.30—2 час.: Брамс, Четвертая симфония, 2 и 4-я ч. Репетиция 3—4 (группа альтов — Концерт Шостаковича). 4—5 час. у Пономарева (по вопросу конкурса гобоев). Вечером в кино с Л. на картине (франц.) «Красное и черное»³⁷.

22 октября (сб). Дома 11.30—2.15: Брамс (4 и 3-я ч.). 3—5 час. по приглашению начальника Метростроя Кузнецова — осмотр нового Метро. 6—7 час. репетиция (*Vcl* [виолончелей] и *Cb* [контрабасов]) Концерта Шостаковича. 7—8 час. — занятия с ассистентом Семковым.

Вечером на концерте норвежского дирижера (Гарагули?³⁸).

23 октября (вс). Репетиция 12.15—1.30 (*v-ni* II [2-е скрипки] и *cor* [валторны]) Концерта Шостаковича. До 4 час. на репетиции Элиасберга («Детская сюита» Уствольской. Очень славная вещьца). Дома пытался восстановить в памяти Шестую симфонию Прокофьева. Вечером я — у Янцатов, Лютик у Животовых.

24 октября (пн). Утром с Клавой на рынок. По дороге раскис совсем: голова, брюхо... Сидел дома. Л. к 4-м часам — на обед у Пономарева. Часов в 6 и я туда.

Вечер в Филармонии, на 1-м выступлении молодого Кузнецова с концертом Грига. Выступление очень удачное.

25 октября (вт). Репетиция 12—4 час. (Концерт Шостаковича с Ойстрахом: 1 и 2-й заезды, прогоны и работа; в 3-м заезде — целиком). С Шостаковичем — ему за очками. Обед с ним у нас дома. В 7 час. я с часами к часовщику. Вечером на 1-м отделении концерта чешского органиста.

26 октября (ср). Репетиция 11—3 час. (Концерт Шостаковича, 1-й заезд — 1 и 2-я ч. доработка и прогон; 2-й заезд — то же с 3 и 4-й ч.; 3-й час — прогон Брамса на полном накале). 3.30—4.30 у Саркисова о плане концертов в ноябре и декабре.

Утром ссора с Л. Поэтому я после обеда в «бегах»: у Хотовых, у Ольги, потом 2 часа у Нины Черкасовой.

27 октября (чет). Репетиция 11—3 час. (11—1.20 работа над местами Брамса; потом Шостакович: целиком и еще раз 2-я ч.). Дурнота Ойстраха; в 3 час. чешский органист с подарками от чехов. Дома читал чудесный рассказ Хемингуэя «Старик и море». Вечером с Л. на чешском органисте.

28 октября (пт). Репетиция 11—1.30 (11—12 час. — куски Брамса; 12.30—1.30 — генеральная Концерта, с доделками). С 2 до 4.30 в Филармонии писание писем и хлопоты по посылкам для «друзей чехов». Дома с 7.30 до 9.30 партитуры на завтра.

29 октября (сб). Репетиция 11—1 час (11—11.30 — кусочки Брамса; 11.30—1 час — весь Концерт без каденции).

Вечером концерт (3-й):

Брамс, Четвертая симфония

Шостакович, Концерт № 1 для скр. с орк.

(Д. Ойстрах) (в первый раз)

Финал бисировали. После концерта у нас Пономаревы и Левитин.

30 октября (вс). Дома 12.30—2 час. партитуры на вечер.

Вечером концерт (4-й): повтор вчерашнего.

Финал Шостаковича вновь бисировали. Дома у нас Левитины до 3-х ночи.

31 октября (пн). 1—2 час. у Пономарева встреча с зав. оркестром Мариинского театра (о валторнисте Буяновском, о переводе последнего к нам в Филармонию). 3—4 час. прослушивание новой редакции оратории Левитина «Отчизна», потом с ним к Е. Кудрявцевой; до 7-ми в «Восточном» ресторанчике.

Вечером дома с новыми книгами и партитурами, полученными от чехов.

1 ноября (вт). Утром встреча и с 12.30 до 3 час. на репетиции Джорджеску³⁹ (Первая Брамса и «Тиль»). Потом за «лососевыми» пропусками. Вечер — на концерте Тактакишвили⁴⁰ (Одиннадцатая симфония) и Янсона (Гольдфарб и Италья. Каприччио). Весь день — первый и обильный снегопад.

2 ноября (ср). Утро, у нас Леночка. Дома 12—3 час. (сюита Щербачева). В 4 час. в ювелирторг за цепочкой. Потом в Филармонию: совещание у Пономарева по вопросу неравномерной загрузки оркестров советскими вещами (зарплат). Вечер с Л. в Пушкинском театре на «Пучине»!⁴¹ Хорошо. Когда одевались в ложе дирекции, по радио голос Шаляпина: «Уймитесь волнения страсти...!!»

3 ноября (чет). 11—2 час. — на репетиции Джорджеску. После репетиции объяснение с зав. оркестром о причинах его отчужденности и формального отношения к делу. Вечер — на концерте Джорджеску (Брамс, Первая симфония, «Тиль»).

После концерта ужин у Джорджеску.

4 ноября (пт). Дома 1.30—4.30: «Ночь на Лысой горе» и сюита Щербачева. С 5 до 6 час. в Консерватории (приглашают преподавать) (?). С 5.30 до 8 час. старые места: Никольский собор, Театральная пл., 12, Средняя Подъяческая (дворик...), переулки, Малая Морская, сквер у туманной громады Исаакия, «Лавка писателей»...

Вечер, у нас Марта (из Праги) и Оник Саркисов.

5 ноября (сб). Утром Леночка; Л. убежала относить что-то Марте в гостиницу. Дома 11.30—3.30: Щербачев и Шестая Чайковского. В 4 час. — в театре у Ельцина (о переводе валторниста Буяновского в Филармонию). Потом к Пономареву с докладом о результатах беседы. Вечером на концерте Джорджеску.

6 ноября (вс). Дома 11.30—3 час. (Щербачев: штрихи, динамика). Генеральная уборка: придет вечером Джорджеску — и мы «моем шею». В 7.30 поехал за ним. Были кроме него Курт и Арвид, сидели очень долго: уехали только в 1.30 ночи.

7 ноября (пн). Встали поздно. Л. — на кладбище (сговорились с Каменской, у которой годовщина Александра Даниловича. Я — дома разобрал накопившиеся бумаги и письма. С 5 до 6 прошелся по снежку до Технологического. Вечер, оба дома, читал «Пушкинский Петербург». В 11.30 — на вокзал, проводы Джорджеску.

8 ноября (вт). Утром переполох у Добротиных: «пропал» Ромочка. Дома с 1 до 4 час. (Мусоргский, Щербачев и 1 и 2 ч. Шестой симфонии). В 4 часа Л. пошла пройтись. Я — дома с «Пушкинским Петербургом» [Сб. статей. Л., 1949]. В 8.30 с Л. — на Васильевский остров (50-летие Мити). Обратно пешком до Конногвардейской (на Неве корабли). Потом такси.

9 ноября (ср). Утром — звонок Шнеерсон: *ночью скончалась С. В. Шостакович*. Мария Дмитриевна легла спать в 3 часа. В 6 час. утра нашла С. В. уже мертвой: умирала одна... Митю вызвали из Вены. Дома с 10.30 до 1 час. (партитуры на завтра) и с 1 до 2 чтение *очередных глав книги Богданова-Березовского* обо мне. (Л. на Дмитревском.) С 6 до 7.30 у меня Богд.-Березовский. Вечером у нас Ромочка, а потом Иван с деньгами за Бетти.

10 ноября (чт). Репетицию отменил (довольно трех). Дома с 11 до 12 *партитуры на завтра*. С 1 до 3 прослушивал (на проигрывателе) «Тараса Бульбу» Яначека и «Море» Дебюсси. С 4 до 5 ходил к часовщику. После обеда читал «Семейное счастье» Л. Толстого. Очень, очень хорошо.

Л. пошла в концерт. Окончив чтение, прикидывал мысленно «книгу о Шостаковиче», которую мог бы написать... но вряд ли напишу, «не собраться», да и неспособен, верно... В 9 часов за Л. в Филармонию.

11 ноября (пт). Репетиция 11—3.15 (!) Оркестр разболтался за эти дни праздников: трудная работа над «Лысой» и сюитой. С 4 до 6 час. у Шостаковичей. Утром, наконец, добрался из Вены Шостакович. Вечер, тихо оба дома: я с «Двенадцатью стульями»; прослушали «Тараса» Яначека. У Л. маникюрша.

12 ноября (сб). Л. на похоронах С. В. Шостакович. Репетиция 11—2.45 (Шестая симфония: прогон; оркестр очень хорош сегодня. 2-й заезд — работа над местами симфонии; 3-й — доделки по симфонии и прогон с доработкой сюиты Щербачева. Потом до 6-ти обед у Шостаковичей. Л. в 8 час. в Николь-

ский собор и к Ане. Я — дома, читаю, томлюсь об «завтра». Звонок Вари: у Ипатьева инфаркт.

13 ноября (вс). Репетиция 11—12.30 (два раза Мусоргский и прогон сюиты).

Вечером концерт (5-й):

Мусоргский, «Ночь на Лысой горе»

Щербачев, 2-я сюита

Чайковский, Шестая симфония

Большая удача.

Был Шостакович; я съездил, проводил его на «стрелу». После концерта у нас Пономаревы; слушали пластинку «Море» (до 2.30 ночи).

14 ноября (пн). С 12 до 4 в Филармонии по текущим делам: о новых «настроениях» «меди», разговоры по телефону с Москвой о будущих поездках; с новым валторнистом Буяновским; о плане моих концертов после января; встреча с Файнштейном и писание с ним статьи для Чехословакии.

Звонки Щербинского об Ипатьеве. Л. с Лидой у Володи Щербинского. В 10 час. вечера — я тоже туда. Потом вместе все — к Ипатьевым. Там до 12-ти часов ночи и с Сиротинными домой.

15 ноября (вт). Дома 12.30—1.30 партитуры на вечер. Часок, прогулка с заходами к театру, к Гоше (с ним в машине посидели) и в дома 99, 97, что по Фонтанке (Пушкинская старина).

Вечером концерт (6-й): повторение от 13-го.

1-е отделение очень хорошо, зато Шестую не сравнить с 13 ноября...

16 ноября (ср). Утро, на репетиции польского дирижера Кренца⁴². Попутно ряд бесед: о концертмейстерах, о групповых, со 2-м трубачом о его накладке вчера и пр. и пр. С 4 час. в Мариинском театре на торжественном заседании, посвященном открытию Метро. После 7-ми дома прослушивал пластинки: «Море», Четвертую Малера. Л. — на Васильевском острове...

17 ноября (чт). Ночью в 4.45 скончался Б. В. Ипатьев. С 11.30 до 1 час. в Смольном с Пономаревым (по жилищному вопросу и награждениям). С 1 до 2-х у Ипатьевых. В Филармонию — зарплата и текущие «мелочи» (Курбатов, Зильпер; Синицына с чехословацкими слухами и т. д.). После обеда Л. — на Васильевский (Леньку засадили на 5 лет!) Я — с Тишей. Читал. В 7 час. пришел Рома. Вечером на концерт польского дирижера, оттуда к Ипатьевым за Л. Дома в 1-м часу.

18 ноября (пт). В 8 час. утра панихида у Ипатьевых. У нас Ирина Мих. до 2.30. Я — днем дома, дремал и читал «Золотую розу» Паустовского. Л. в Свердловке. К 5 часам я у Черкасовых. Л. у вязальщицы. С Колей — на «Терезу Ракен»⁴³. Потом после заезда в Пушкинский театр за Ниной вместе — к Ипатьевым. Дома к 11-ти. Л. — в ванне. Мама — с горчишниками (кашляет).

19 ноября (сб). 11.30 — машина: на гражданскую панихиду. Оттуда через Лесотехническую академию (траурный митинг) на кладбище. Зарыли в 4-м часу. Светлое, чуть просвечивающее голубизной осеннее небо: легкие оголенные березки; бледно-лимонная полоска за закатными черными сосняками. Трапеза у Ипатьевых в 9-м часу. Порхает снежок еще на кладбище; летящие вдаль гудки паровозов. Вечером дома. У нас Рома (о возможном, в связи с Ипатьевым).

20 ноября (вс). В 2 часа с Л. в машине по комиссионным (валит мокрый снег). Потом Л. к Леночке (у которой сердечный припадок). Я — в «Самоцветы», с цепочкой и пр. Немного на репетиции Курта. С ним в машине по домам. <...> Вечером с Л. слушали опять «Море» и «Тараса». Потом с ней кружок по вечернему морозцу по Фонтанке.

21 ноября (пн). Утром — прогулка и немного в Филармонии <...> После обеда дочитал «Золотую розу» Паустовского. <...> Вечером пришли Ромочка и Маруся.

22 ноября (вт). Дома 11.30—4 час.: Лятошинский (1-я ч.). Л. в Свердловке на гимнастике. До 5 час. походил у ворот, отдышался, встретил Л. После обеда Л. за закусками. Я — с лопающейся головой дома. В 9 часов пришли Янцаты. Посидели до 12.

23 ноября (ср). Дома 11.30—3.30: Лятошинский, 4-я ч. и подготовил групповую медной группы по Пятой симфонии Малера. Л. — у Леночки. С 4 до 6 час. у меня мой ассистент Е. Семков с Третьей и Пятой симфониями Бетховена. Вечером на концерте к пленуму лен. композиторов (Зандерлинг: Ходжа, Уствольская, Евлахов).

24 ноября (чт). В 11 час. в Горсуде по делу Лидино Леньки. Л. — у Леночки. С 11.30 до 2 час. на репетиции Янсона (Концерт Ключнера). С 2.30 до 4 — общее собрание (перевыборы месткома). С 6 до 8.30 дома у меня концертмейстер Шпильберг (опять бесконечное объяснение с ним о его свойствах и поведении). Вечером были просто так Пономаревы.

25 ноября (пт). Дома 11.30—2.30: Лятошинский, 3 и 2-я ч. С 3 до 5 с Л. в нашем кино на второй серии «Красного и чер-

ного». Идет крупный, густой снег. Третий день снегопад — улицы белые, напоминают давнее былое. После обеда почитал Пильняка. У Л. — беловшейка, потом она к Леночке с бульоном. Я побрился и в 8 часов — к Ипатьевым. Зашел за В. Щербинским. У Ип. уже Л. Дома — 12 часов ночи.

26 ноября (сб). Проспал... Дома 12.30—2 час.: Малер (подготовка репетиции концертмейстеров струнных групп). Репетиция с ними с 2.30 до 4.30 (3, 4 и 2-я ч.). Дома с 6.30 до 8.30 — прослушивание «Моря» и «Тараса». Пришла Лидка. А потом со слезами и ужасанием прослушал еще «казармы» и «комнату графини» из «Пиковой»... С 10 до 12 пешком с Л. к Гоше В. и обратно.

27 ноября (вс). Дома 11—3 час. (2-я ч. Лятошинского и посмотрел увертюру «Эврианта»). С 4.45 до 18.30 — репетиция с первыми пультами (Малер, 1 и 5-я ч.). Дома с 8 до 9 час. подытоживание репетиции и выписка мест 3-й ч., требующих еще штрихового уточнения. Вечером у нас — Алик Фридлендер⁴⁴ (из Свердловска).

28 ноября (пн). Дома с 10.30 до 2.30: Малер, 1 и 2-я ч., и 1-я ч. Лятошинского. С 3.30 до 5 интервью итальянского корреспондента (в фойе). С 5 до 6 час. на бюро парткома о текущих вопросах по «бытию» оркестра (статья Эпштейна, физиономия цехкома и пр.). Дома с 7 до 9.30 — Лятошинский: штрихи 1, 2 и 3-й ч. Вечером пешком с Л. на Васильевский остров, к Леночке. Сияет снег, луна, синее Нева. Блик Исаакия.

29 ноября (вт). Дома с 10.30 до 1.30: Малер, 2-я ч., и 1-я ч. Лятошинского. 2.30—4.30 репетиция с «медью» (Малер, 3-я ч. и куски 5-й ч.). 4—5 час. в Филармонии беседа с приехавшей из Москвы представительницей московской «звукозаписи». В 7 часов ввалились Валька Я<нцат> и Сиротинин. Ушли часов в 9. Потом была Лида.

30 ноября (ср). 10—11 час. репетиция с первыми пультами (Малер). Идет снег, вьюга. 11—1.30 работал (в Филармонии) над 4-й ч. Лятошинского. 1.45—2.45 репетиция с «деревянной» группой (3-я ч. Малера). С 3 до 4 час. беседа у Пономарева с Холодилиным о поездках. Домой машина еле прошла в сугробах. Вечером с Л. в Пушкинском театре: «Оптимистическая трагедия»⁴⁵.

1 декабря (чт). Дома 10.30—1.15 (Малер, 3-я ч.). До 2-х прошелся, подышал. С 2 до 4 работа с приехавшим из Киева Б. Н. Лятошинским над темпами и пр. по его симфонии (принял все мои предложения). Остался обедать. Вечером Л. к Маслаковцам. С ней пешком до цирка. Домой один, тоже пешком, зашел на часок к Ипатьевым.

2 декабря (пт). Дома 11.30—2.30 (Малер, 4-я ч.). С 2.30 до 4 час. Лятошинский (продолжение работы с ним). Обед, ушел в 6 час. Л. с утра у Л<ены>. Вернулась в 6 (утром, к сожалению, большая, трудная стычка с ней...). К 7.30 в Филармонию, с Шальманом о корректуре симфонии Лятошинского и на концерте Курта (монография Сибелиуса).

3 декабря (сб). Дома с 12.30 до 4.30: Лятошинский (закончил штрихи по всей симфонии и окончательную редакцию и правки). 5—6 час. в Филармонии (зарплата) и к Н. Н. за ча-сами (киска). После обеда пешком в Филармонию к Боре, сдал партитуру Лятошинского и слушал 1-е отделение концерта: Курт и А. Фишер. Домой пешком через Екатерининский канал, «Мещанскую», Среднюю Подъяческую. До Мариинского театра, откуда взял такси. По дороге — постучал в окошко Ане и поговорил с ней.

4 декабря (вс). Дома 11.30—1 час (Малер, 5-я ч.). Репетиция 1.30—3.30 (со струнным квинтетом) 3 и 4-й ч. Малера. Дома — чтение потрясающего «Путешествия на „Кон-Тики“» Хейердала⁴⁶. Вечером в 10 час. пришел Должанский с рассказом о перевыборах ССК (!!).

5 декабря (пн). Дома 10—1 час (Малер, 5-я ч.). Пришла баба Женя. Дома 1—2 час. слушал опять «Море» Дебюсси. После обеда Л. к Леночке. Я — один: по Обводному до Варшавского вокзала и по Измайловскому и Загородному домой. Минутка под липой и звездочками в темном синем небе на скамейке, угол 1-й Роты. В 7 — пришел Леша Животов (капитальное и очень хорошее объяснение с ним обо всем накопившемся).

6 декабря (вт). Дома 10.30—11.30: подготовка репетиции; «проглядка» *g-moll* Моцарта. Репетиция 12—1 час («медь»: 1 и 2-я ч. Малера). Потом беседа об организации работы новой «производственной комиссии» (с Капельницким и Синицыной). Беседа с 4-м трубачом о переводе его на 50% и назначение конкурса молодых трубачей. Звонок в Москву о молодом контрабасе. С 5 до 9 с ассистентом Семковым прослушали пластинки «Пиковой дамы», он ставит ее в Консерватории. Прочел № 12 «Советской музыки». В 11-м часу пришла Серикова (по поводу своего ухода). Ушла вечером. Был и Ромочка, а за С<ериковой> зашел позднее А. А. Пен.

7 декабря (ср). Дома 12.30—2 и 3.30—5.15 (с перерывом на обед) Лятошинский, 1 и 2-я ч., и «Приглашение к танцу». С 2 до 3 час. в Смольном у секретаря Горкома Родионова Н. Н. по вопросу Сериковой и Дзержинского (и вообще, обстановка вокруг музыки). Л. — целый день у Леночки (кардиограмма). Вечером Л. пошла к Янцатам смотреть телевизор.

Я — дома, читал. В 11-м часу пришел Ромочка. Сидели при свечах.

8 декабря (чт). Дома 12—3.30: Лятошинский, 3 и 4-я ч.; увертюра «Фигаро» и вступление к III акту «Лоэнгрина». Бабушку [Елизавету Николаевну] мыла Нюша. Поиграл с Тихоном, почитал изумительного Бернса. После обеда с 5.30 до 8.30 разбирал накопившиеся бумаги и писал письма. Л. днем по своим делам.

В 8.30 вышли в лавки и на почту. До обеда еще прочел брошюру Соллертинского о Малере⁴⁷.

Вечером отдыхал (плохо с головой: жжение в затылке и пр.). Л. копошилась.

9 декабря (пт). Дома 12—4 час.: Малер, 1 и 2-я ч., и Лист, фортепьянный концерт *Es-Dur*. После обеда Л. опять у Леночки. С 7 до 8 прошелся, кружок по Фонтанке — Гороховой. Придя, дочитал «Затишье» Тургенева⁴⁸. Л. ушла в парикмахерскую. Приступ мрака, отчаяния, небывалой очевидности неизбежного во всем, отовсюду... Разбилось утром, вдобавок, зеркало для бритья. Вызвал Ромочку. Немного полегчало...

10 декабря (сб). Дома 12—3 час.: Малер, 3 и 4-я ч., и прослушал «Море». С 4 до 5.45 в Свердловке (осмотры для будущего «Мельничного Ручья») и навестил Пономарева (нездоров). Вечером у Сиротининых на именинах.

11 декабря (вс). Дома — Малер (5-я ч.) с 11 до 1.30. С 2.15 до 3.30 репетиция с «медью» (разобрали трудные места симфонии Лятошинского). Дома читал «Красное и черное». Вечером на концерте Конвичного (Девятая симфония Бетховена). До него у Делазари с Л.

12 декабря (пн). С 11 часов утра до 9-ти часов вечера Конкурс в оркестр: в группы 2-х скрипок, альтов, гобоев и валторн. Прослушали 32 (!) человека. С 9.30 до 11 у меня дома Кутя с сыном Жоржа — Сашкой...

13 декабря (вт). Репетиция 1—3 час. (прогон и работа над 1 и 2-й ч. Малера; прогон 3-й ч. и прослушивание с оркестром валторниста Демина). Беседа с ассистентом Семковым по партитуре «Кориолана»; беседа с двумя участниками конкурса. Дома к 5-ти. Читал А. Толстого «Под старыми липами»⁴⁹. С 10.30 до 12.30 с Янцатами в кино — «Беглецы»⁵⁰.

14 декабря (ср). Шостакович, приехавший для выступлений в Малом зале, был на репетиции с 11 до 1 час. Также был и 16-го: прослушал прогон симфонии.

Репетиция с 11 до 2.45 (прогон и работа над 3-й ч.; прогон и работа над финалом; еще раз прогон 3-й ч., потом — 4-я ч.). Пообедал один: Л. у Леночки. После обеда вздремнул, сде-

дал закладки в партитуре на завтрашнюю репетицию. Л. — в Малом зале на концерте Шостаковича. Сижу читаю А. Толстого.

15 декабря (чт). Репетиция 11—12 час. (доделки по 1, 2, 3-й ч. Малера, по закладкам). Репетиция 12—2 час. (прогон всей симфонии с остановками и финалом). Репетиция 2.15—2.30 (прогон «Приглашения к танцу»). После обеда не удержался: вздремнул. Потом (7—8 час.) прошелся в аптеку и в садик на улице Правды. Вечером читал Толстого «Детство Никиты» и боролся с приливом.

16 декабря (пт). Репетиция 11—1.45 (прогон симфонии; маленькие доделки; работа и прогон «Приглашения» и Моцарта). После обеда 5—6.30 — партитура на завтра. Неожиданной радостью появилась Нинушка — дочка Арк. Ивановича. Так получилось хорошо, что даже самочувствие мое стало покойное. Съездил на минутку к Шостаковичу в гостиницу проститься.

17 декабря (сб). Репетиция 11—11.40 (антракт из «Лоэнгрина»; Моцарт — прогоны; Вебер — местечки; мест 5 из симфонии).

Вечером концерт (7-й):

Моцарт, «Свадьба Фигаро»

Вебер, «Приглашение к танцу»

Вагнер, антракт из «Лоэнгрина»

Малер, Пятая симфония

[Вагнера] бисировали. [Малер] удовлетворительно.

18 декабря (вс). Дома 11.30—2 час. — партитуры на вечер. (Ниночка ночевала.) В 3 час. Л. ее проводила. <...>

Вечером концерт (8-й): повторение вчерашнего. Хорошо.

19 декабря (пн). В Филармонии по вертушке насчет «Мельничного Ручья». С 2 до 4 в Свердловке на обследовании у невропатолога и опять в Филармонии (звонок о «Мельн. Ручье» Замчевскому). Вечером с Л. и Ромочкой — в Цирке.

20 декабря (вт). Дома с 11 до 1 час.: 1 и 2-я ч. Лятошинского и Концерт Листа. 1.30—3 час. на репетиции Рождественского (3-я сюита Чайковского). По дороге домой пешком в «Лавку писателей»: Фейхтвангер «Гойя». После обеда читал Эдера (мемуары)⁵¹. Вечером приехал с рыбой Иван: покупали ее, «торговался», любовались ею.

21 декабря (ср). Дома 12—4 час. (с перерывами: Парамонова, телефоны) — 3, 4-я ч. Лятошинского, потом 1 и 2-я ч. и «Болеро». К обеду была знаменитая «пюхярвинская» уха и пришел Иван. С 6 до 8 был Салманов — советовался по своим делам (назначен зам. секретаря правления СК). Вечером на

концерте Рождественского (3-я сюита и «Александр Невский»).

22 декабря (чт). Дома 11.30—1 час (партитуры на завтрашнюю репетицию). В Филармонии писал поздравление оркестрантам в Мариинский театр. С 3 до 5 по пути домой — Театральный музей. Дома после обеда Л. ушла к Лиде (выпустили Ленку), а я читал «Волчьи тропы». Зашел Янцат, я отчитывал его за пьянство. Вечером читал «Ручные дикари». Л. пришла в 11-м часу. Долго не мог уснуть.

23 декабря (пт). Репетиция 12—3.45 (начерно разобрали всю симфонию Лятошинского). После обеда с 5 до 6.30 подготовил завтрашнюю репетицию. Почитал «Васька-путешественник»⁵². К 9-ти вечера поехали с Л. к Черкасовым. Была там егозливая Рашевская⁵³, и в 11 часов мы были дома.

24 декабря (сб). Репетиция 11—3 час. (работа и прогон по 1 и 3-й ч.; прогон 2-й ч. и Болеро). С 3 до 5 на открытом партсобрании совместно с представителями ССК. Дома продолжал чтение «Васьки». С 9 до 11.30 у Янцатов (вроде празднования Валиного пятидесятилетия; были Хиловы...).

25 декабря (вс). Репетиция 11—2 час. (прогон, работа и вновь прогон финала симфонии; местечки и прогон 2-й ч.). Все очень устали: отпустил в 2 часа. С 3.30 до 5 подготовка репетиции 27-го: закладки в обнаруженных недоделках по симфонии Лятошинского. С 6.30 до 8 — сон. Баба Женя у Клавы в укутке. Л. — по лавкам.

26 декабря (пн). Звонки в Свердловку и «М. Ручей» об устройстве в январе. Прогулялся. Л. — по хозяйству: Клава уехала в деревню (умер отец). С 6 до 8 час. был Лятошинский со своим яблочным вином. Вечером читал, потом вдруг влез в партитуры: все кажется не готовым.

27 декабря (вт). Репетиция 11—3 час. (с 11 до 12.30 прогон с небольшими остановками и запись симфонии; 11.10—2 час. Болеро; с 2 до 3 — аккомпанемент дважды (с Обориным). Беседа (наспех) с Семковым о его концерте. С 4 до 5 час. в Свердловке (у горловики). Дома после обеда с 6 до 7.30 с партитурами на завтрашний день.

28 декабря (ср). Репетиция 11—1 час (большие куски симфонии; Болеро — 1-я половина; Концерт с Обориным).

Вечером концерт (9-й):

Лятошинский, Третья симфония (в первый раз)

Лист, Концерт для ф.-п. с орк., *S-Dur* (Л. Оборин)

Равель, Болеро

Перед концертом выяснилось: Л. потеряла свои кунички...
Очень жалко.

29 декабря (чт). Дома 12—13.30 партитуры на вечер.

Вечером концерт № 10 (повторение вчерашнего). Хорошо.

30 декабря (пт). 11—12 час. прослушивание записи исполнения (вчерашнего) симфонии Лятошинского. Вполне приемлемо; оркестр — хорош. 12.30—5.30 конкурс и обсуждение; играли: виолончелисты Фишков и Никитин, консерваторские трубачи и альтист Миняев. С 5.30 до 9.30 на обеде у Лятошинских (в «Европейской» гостинице). Немного сон дома и проводы Лятошинских со «стрелой», вдвоем с Л.

В ночь на 31-е звонил Шостакович и сообщил, что скрипичный концерт в Америке исполнен 29-го с успехом. Пойдет еще 30-го и 1 января (дирижер Митропулос⁵⁴).

31 декабря (сб). 12—2 час. у меня Богданов-Березовский со своей книгой обо мне. С 2 до 5 час. в Филармонии (вопросы: трубача Большеянова, альтовой группы, утрясание итогов вчерашнего конкурса, беседа с Шафраном о группе Vcl (виолончелей) и т. д. По дороге домой — подарочки Жаю. Вечером на 1-м отделении Курта (миниатюры). Новый год вдвоем и с мамой, Клавой и Тишей. Потом — вниз у Янцатов.

Пюхьярви

17 марта. Выехали вдвоем с Федей в 11.10 утра. Пасмурно. Непролазные снега. Вокруг царство инея — белых кораллов. В 3 час. подъехали к переезду за Нойтарму. В сосняке лошадь с саночками. Перегрузились. Бодрой рысью за полчаса добрались до дома.

На обед: налимья уха, 100 грамм, блины. Достали из амбара тюфяк, Машка со знанием дела постелила мне постель. Толенька затопил печку, разобрался в припасах, сдал их Маше.

Часов в шесть прошелся до поворотки к нашему домику. К нему не попасть: глубокие сугробы; в лес без лыж — и думать нечего. Нигде ни тропки, только одна пробита от дороги мимо Янцатов на озеро. Сумерки. Седое молчание лесов. Тишина мертвая. Как в глубоком подземелье. Но там оно замкнутое. Здесь же — безграничное, всеобъемлющее.

За чаем беседа с Машей о русских царях. Легли рано, в 10 часов. Заснул крепко.

18 марта. На рассвете разбудил крик петуха: куры у Машки зимуют за стенкой в соседней комнате. Сквозь дрему с лаской и улыбкой слушал петушиный крик, тихие, тоненько журчащие курицы разговоры. Встал в 9. Маша уехала в Саккалу с творогом. В «домах» — Иван. В 10 час. пошел к домику. Толенька и вызванный в помощь Витька расчищают от шоссе к нему дорожку.

Густой туман. Лес в мохнатом инее. Морозит. Но с полудня туман поднялся, поредел. Сквозившая в нем белая облатка солнышка брызнула ослепительными лучами. На снегу легли синие тени. Нежное, заголубело небо. Только над мхами у озера долго еще мерцала туманная мгла. Иней на ветках стал просвечивать, таять. Ивняки закоричневели, зарделись на солнце. Каждый куст, деревцо очерчены белой гривкой не успевшего растаять с северной стороны инея.

Подошел на лыжах Иван. Открыли домик, вошли: надо изобретать двойные рамы, без них в домике не прожить, пока холодно. На обратном пути поднялся мимо Янцатов на высокий берег — постоял над озером. По снежной равнине его протянулись тут и там голубовато-сизые полосы: это яркое, теплое солнце уже начало свое дело. Дома посидел у амбара на припеке.

Чистота... Тишина... Благодать... Вдали неторопливо пролетела ворона. Каркнула на лету. С вершины березы ей отве-

тила другая... И опять тишина, морозная чистота, теплые лучи солнца...

Скоро появилась Маша. Стала стряпать обед. Я — у себя сел записать денек. По радио передача о Римском-Корсакове: «...слыхала я, слыхала...», Волхова Весна, «...спроси меня сто раз — сто раз отвечу...», и наконец, «люблю... и таю»...

И странно, больно и остро было сочетание этой моей новой, сияющей за окошком весны с веснами, несчетно минувшими, с пронзающей и нежной скорбью о навеки раставшей Снегурочке...

И еще глубоко в душе: мама, Лютик... и все мое зло к ним обeim... непоправимое...

После обеда рискнул встать на лыжи. Против ожидания дело пошло сносно. Пересек поле, прошел к домику нашему. Еще вчера окруженный нетронутой снежной пеленой, стоял он в глубоком сне, затерянный в молчании сугробов. А сегодня ведут к нему цепочки следов, прорыты вокруг в снегу дорожки-ходы, и вот, будто ожил он и стал зовущей к себе и укутной норкой человеческой...

Около 6-ти вернулся домой. Иван топит печку. Машка кейфует на кровати. Я — немного отдохнул и опять пошел на волю: манит весна. Прошел за Загурского, по шоссе. Около 7-ми солнышко коснулось леса. Заголубел снег, засияли крыши сараев. Вот уже закатилось солнце, вот уже погасла и багровая полоска, окаймлявшая зубцы леса, а на сиротининской горке еще долго полыхали огнем и не гасли стекла чердака.

Зашел навестить Островских-стариков. Когда шел от них домой, мороз заметно усилился, даже снег стал поскрипывать под валенками. Вечером (до чая) всей семьей, включая Фунтика, сидели в моей комнате, слушали «Пучину» Островского: «Я буду счастлив, ты будешь счастлив»...

19 марта. По ночам крепкие морозы: до 25°. Утром — царство белоснежных кораллов инея.

Никакими словами не сказать светозарность Весны света... Потоки низвергающихся солнечных лучей, сияние снегов, возносящееся в бездонье, голубое небо слепят, ошеломляют, даже оглушают... Сугробы усеяны искрами всех цветов спектра, будто горящими, переливающимися драгоценными камнями; на деревьях, как крохотные зеркала, дрожат и поблескивают кристаллы инея... Идешь, и еще, и еще раз дивишься неправдоподобности, с которой так часто встречаешься в Природе. Неправдоподобности Пространства... Молчания... Света...

В 11 часов пошел с Иваном к домику: я — пилить дрова, Иван — мастерить рамы. В 2 вернулись домой. Иван резал стекла, я подремал до обеда. После обеда опять отправились к домику. Я, на сей раз, — дрова колол, потом откопал коло-

дезь из-под снега. Пришла Маша. Затопили русскую печку. Запахло дымком. Похоже на то, что в домике можно будет жить и что он будет держать тепло при двойных рамах. Машка залезла в колодец, стала рубить лед. Колоть пришлось долго. Только на глубине полуметра показалась вода. Тем временем Иван закончил вставку рам. Мы закрыли трубу в печке, заперли домик и в 8-м часу пришли домой.

20 марта. С Ю. Островским пришла посылочка (рубашка) и письмо от Жая. После завтрака на лыжах прошелся до домика: проверить, как отразилась топка и держится ли тепло. Результат пока ничтожен: надо несколько раз прогреть печку.

В 12 час. сел писать дни. Иван с Машей ушли на озеро. За окном все сияет. Сегодня много теплей. По откосам снег заметно уступает солнцу: становится ноздреватым, а местами, на угреве, протаивает трубочками наискосок до самой земли.

В 2 час. пошел к озеру. Около Янцатов встретил возвращающихся Машу с Иваном. Отобрал у Ивана лыжи и прошел по озеру вдоль берегов к Ипатьевым и через прибрежный березняк и заросли ивняка — домой.

Голубое небо, снежные просторы — в светозарном молчании. Уже горяча ласка солнца. На снегу множество следов лисиц, зайцев. Шел и жалел, что не научился читать эту замечательную книгу ночной жизни зверьков. Но вот набрел на парный лисий следок: две цепочки отпечатков ровненько тянутся рядом. Ну, — тут и я понял в чем дело: лис с лисичкой.

Домой пришел потный, переоделся, вытерся одеколоном. С удовольствием с покряхтыванием вытянулся полежать.

С 6 до 7.30 провел у домика. Попилил дрова, протопил русскую печку. Зашло солнышко. Похолодало. Высоко в небе повисла бледная краюшка полумесяца. На тускло засиневших сугробах кой-где появились отблески: это затянуло ледяной корочкой оттаявший за день снег. Стало смеркаться. Над потемневшим лесом протянулась рыжеватая полоса зари. В ее отблесках олешники и березняки стали дымно розовыми, ивняки — багрово-желтыми.

Дома снисходительно встретил меня цепной, свирепый Жулька (овчарка), с которым я тщательно налаживаю добрососедские отношения. И он уже не рычит и не рвется с цепи при виде меня, как это было в первый день. За чаем беседовали о годах войны, вспоминали эвакуацию. Около 10-ти легли: Иван ночью поедет в город.

21 марта. Плохо спал. В 11 часов пошел на лыжах на уголок ипатьевского мыса, где вчера на камушке забыл перчатки. День, как и вчера, безоблачный и яркий. Над равниной озера — тонкий парок, берега затянуты дымкой — это в жарких лучах солнца испаряется снег. Обратно шел зарослями,

разглядывая следочки. В одном месте пребольно ивовой веткой захлестнул глаз. Придя домой — лег подремать. Сладко спал с 1 до 3.

Но глаз болит: такое чувство, будто осталась в нем соринка. После обеда Маша «лазала» — поднимала веко, прочищала краешком чистого платка. Как будто полегчало.

Долго беседовали с ней об всяких бабьих делах, ее родах, болях в яичнике (?) и пр. и пр. Мы оба с ней всегда с удовольствием беседуем. Темы самые разнообразные: от философских до похабно-частушечных. К домику решили с ней сегодня не идти по случаю моей глазной аварии. (А там надо заклеить щели в рамах, пилить дрова и еще сделать много всяких уютных дел.)

В 5 часов тихонько прошелся до озера, посидел там на опрокинутой лодке. Теплынь, тишина... На дороге темнеют пятна снеговой кашицы; южные склоны сугробов, бровки вдоль дороги изъедены солнцем: сделались в них пещерки, тонкие ледяные навесы, косые расщелины, повисли сосульки, искрится капель. На фоне синевы неба яркие солнечные снега озера кажутся желтоватыми. Нежно озаренное чернолесье стоит в коричневатом сиянии пушистых крон. Каждое дерево точно окружено нимбом, легким, неподвижно устремленным ввысь. Но все же видимых весенних явлений в природе пока еще очень мало: вербы покрываются барашками, да озабоченно летают и трещат парочками сороки — вот и все.

День мы с Машкой и Фунтиком прожили тихо. Событий у нас, если не считать «аварии» с моим глазом, произошло тоже мало: Маша впервые выпустила кур с петухом на улочку, да Иван забыл ночью, второпях, захватить с собой мое письмо к Жая. Тоже — «вот и все».

Около 8-ми Маша напоила лошадей, затопила плиту и у меня печку, а я пошел в сумерки пройтись. Морозит. В чистой синеве — серебряный месяц. Догорает за лесом заря. Никаких слов нет перечислить, описать неисчерпаемое изобилие тонов, красок, нежных, едва уловимых, тончайших и вместе с тем интенсивных и глубоких... Молчащую бездонную морозную высь, тонкий аромат снега. Покой и безмерность окружающего Мира...

Вернулся, Маша пригорюнилась у стола. У плиты пляшут отблески огня. У меня в комнате тоже перебегают огненные блики, потрескивают дрова... тепло, тихо, уютно. Около 10-ти улегся в постель. Послушал радио: «Рождение 2-й рапсодии Листа», последние известия. Позвал Машу: выключила радио, погасила лампу, притворила дверь.

За окном голубая лунная ночь, мерцают звездочки. Молчание.

22 марта. В 6-м часу проснулся. В ногах, свернувшись, лежит толстяк-мордан, кот Фунтик. Теплая, домовитая, густая тишина. За стенкой пропел петух. Чуть светает. Встал, попил, опять лег. Фунтик перебрался, улегся у самого лица, замурлыкал; незаметно заснули оба.

В 10 утра пошли с Машей к нашему домику. С ночи еще крепко морозит. Но солнце уже начинает пригревать. Сияют снега. В переулке голубеет тропка; вдоль нее глыбы смерзшегося за ночь, как сахар, снега; хрустальная тишь и такая пронзительно нежная чистота воздуха, будто это аромат звездных лучей остался с минувшей ночи в лесу...

Маша затопила обе печи — русскую и плиту; осталась в домике заклеивать рамы. Я занялся рубкой и пилкой дров, в промежутках слушал, как крапает по снегу за дощатой стенкой сарая веселая частая капель, смотрел, как вьется прозрачный дымок над крышей ожившего домика. На солнце так тепло, что я даже ватник снял, когда раскапывал из-под снега скамейку, что под окнами дома. Пришли домой в 1 час. Я прилег, подремал часок. Заходила Горошиха, поверещала, заторопилась — убежала. В 4 часа мы с Машей пообедали. С 5 до 7 прошел на лыжах до дома Осипенок.

Сегодня днем видел на горячей стене Машкиного дома первую муху.

Березки (стволики) уже окрасились по-весеннему: тут и румяные, нежно-розовые, и лимонного оттенка, и коричневатосмуглые, и всякие... Долго любовался на них около нашего домика.

В окрашенности ранневесенних перелесков — чернолесья — ивняки дают коричнево-желтый и красновато-желтый тона, березы — коричнево-розоватый, иногда лиловый, олешники отсвечивают фиолетовым, а зеленые оттенки дают бледно-замшевые стволы осин и вершинки некоторых ив. (Бредины?) Причем прутистая масса вершин чернолесья так воздушна, нежна и (будучи озарена солнцем) так неуловимо многоцветна и едина, что позволяет говорить о ранне-весеннем (коричневатом) «пухе» не одетого леса в той же мере, в какой принято говорить о «зеленом пухе», описанном Пушкиным и появляющемся много позже — с первыми листиками.

Шел целиной. Идти трудно: сильно оседает снег. Посидел на заборе Осипенок. Закатный час. Тепло. Густо-зеленые, озаренные косым солнцем сосны. Благодать. Снежная тишина. Начиная от нашей песчаной ямы и дальше — все испещрено следами: напрыгано, нахожено, набегано. Тут и зайки, и лисы, и беличьи попрыгушки, и лосевые тропы. Глубокие лосевые следы (снег нынче рыхлый до самой земли и очень глубокий) с громадными выволоками и отвалами кажутся

следами великанов. Много лежек, помета, погрызов. Под соснами много насыпано белками чешуек сосновых шишек. Захотелось провести где-нибудь в лесу ночь: поглядеть вочую на ночную жизнь зверей и зверушек. Забраться бы на ночь в стог!.. Обратно, по своей лыжне шел, как по маслу. Зашел в домик: в кухне совсем тепло, русская печь впервые прогрелась. Дома — переоделся, вытерся одеколоном, выпил теплого чайку. Маша сидит читает Шеллера-Михайлова¹. Давеча даже прослезилась над чувствительной страничкой. В комнате тепло, печка вытоплена... Да, если много я принял в жизни мук на своих дирижерских путях и от всего к ним прилегающего, то и дни счастья мне судьба дарит, как никому другому не снится! Это надо помнить в тяжкие часы.

Вечером (с 7.30) с небольшими перерывами слушал «Хованщину» из Большого театра, потом заключительную сцену пушкинского «Каменного гостя» с Тарасовой и Качаловым² и не знал — которому из этих Великих созданий отдать предпочтение.

23 марта. Утром вернулся Иван, навеселе. Привез письмецо от Л<ютика>. Машка ругается, поносит его, долбаёт, что есть мочи. Я с 10.30 до 1.30 провел у домика, попилил немного дров, наколотые снес в кухню, приготовил следующую партию, посидел на припекке на скамеечке под окнами.

С полудня стал подувать веселый, южный ветерок. Изда-лека слышно, как, набегаая, он перекачивается, шумит по лесу. Озабоченно перебирают хвоей, пошевеливают кронами сосны, покачиваются растревоженные березки и клонятся вслед уносящемуся в голубую даль ветерку.

Дома до обеда прилег подремать: что-то по случаю южного ветра пошаливает голова. После обеда разобрал патроны, приготовил для зарядки кассеты и на часок сходил посидеть, подышать у озера.

Дует плотный, теплый ветер. Снег заметно осел, дорога потемнела. На больших ивах — брединах — лопнули почки, показались барашки.

Перед чаепитием походил по полю на лыжах. Добрел почти до эренберговского сосняка. Над четкостью чернеющего леса, бледная, гаснет зорька, протянулись полосы тучек. Голубеют снега. Голубеют сумерки. В высоком бледном небе — первая звездочка.

24 марта. После завтрака с Иваном и пришедшим на каникулы Толенькой на лыжах пошли к острову: проверить сети. Рыбки нет, всего один снеток да толстый, икрайной окунь. Зато солнца, снежного простору, голубого неба — без меры, без края. Вернулись в 12.30. Обсох, утерся, отдохнул. Мужики — по хозяйству: Маша опять уехала с творогом в Сосново.

Но скоро и она вернулась, принялась за стряпню — будет сегодня уха. Мне что-то стало зябко, забрался на кровать, укрылся поуютнее, почитал «Из жизни натуралиста» Спангенберга³ и незаметно задремал до обеда. В 4.30 на лыжах пошел к домику. Жарко растопил плиту, нагрел мазь, смазал болотные сапоги. Потом тихо посидел в тепле и тишине домика у окна кухни, напротив «дедушкиного» места; глядел на розоватые от заката снега, представив себе, как было бы, если б жил здесь постоянно... что ж... хорошо было бы.

Вспомнился такой далекий, почти забытый за эти дни город... будто и нет его вовсе... а ведь он ждет, неизбежный, неотвратимый... И пусть ждет; не надо помнить об этом совсем!

Вернулся домой к 7-ми, отдохнул и зашел на минутку к Островским. Там Маша. Покаляли о весне, о поросенке, о свирепствующем в городе гриппе. Иван Мих.: «Да, нехорошо, нехорошо как-то все...» Чаепитие сегодня было раннее: к 9-ти я уже сидел у себя и записывал день. Перед сном выходил: полнолуние. Зеленоватые снега. Синее звездное небо. Светло-светло; каждый следок, каждый прутик видно. Снега за сегодняшний день испещрились оспинками, покрылись рябью крохотных барханчиков; лыжи на целине сильно проваливаются. Видел у нашего дома сегодня пару больших синиц, а вчера — снегиря-самку (продвигаются к северу?). Сегодня в 6 часов вечера (когда я был в нашем домике) Иван и Толенька слышали первое бормотание тетерева, доносилось оно со стороны «первого мостика».

25 марта. С 10.30 до 2.30 ходил на лыжах. Мимо Корнов прошел на большое болото и вдоль лесной опушки до знакомого круглого болотца. Идти трудно. Сильное солнце, и лыжи тонут. Кроме того, как-то грустно и неважное самочувствие, мало спал: ночью просились ночевать какие-то дядьки, сбили сон. А грустно от нет-нет да возникающего ощущения своей окончательной и непоправимой неполноценности физической: сон плохой, спина ноет, не найти удобного положения ночью и т. д.

На болоте, вопреки ожиданию, следов почти нет, не то что в лесу; снег девственный и нетронутый. Солнечная тишь; постукивает вдалеке дятел. На обратном пути зашел в домик, в кухне еще тепло от вчерашней топки. Долго и с удивлением любовался с крылечка на березы у дома; на фоне сильной, глубокой синевы неба их густые, увешанные сережками ветви образовали вокруг лимонно-желтых стволов красное (багряное), почти кровавое сияние.

Дома почитал Спангенберга и подремал до обеда. Иван у верстака строгают косяки будущих окон. Вокруг груды

вьющихся стружек крепкий запах скипидара. В 4.30 пошли с Толенькой к «первому мостику», подглядеть, не прилетят ли тетерева. Сидели почти до заката. Лесная полянка у шоссе постепенно погружалась в тень. Там, где на снегу еще лежали розовые полосы солнца, пробившегося из-за леса, воздух над снегом дрожал и струился, как бывает летом в жаркие дни; стало слегка подмораживать. Ни звука кругом. Только где-то в сосняке переговаривались черные вороны. Обычно низкие и грубоватые их «крук» звучат сегодня много выше и даже как бы певуче и нежнее: вьют гнезда. Сегодня видел над лесом их брачные игры. Солнышко спустилось низко. Только кой-где по перелескам еще рдела его прощальная ласка. В 7 часов пришли домой. Снежные поля и дальние леса еще были озарены нежно, тепло и радостно. Жарко горели на опушке желтые стволы сосен, и густо зеленели ярусы сосновых крон. Казалось, нигде в мире нет ни одной злой мысли, злого человека, — а только добро, радость, ласка и улыбка навстречу друг другу... Посидел часок у себя. Стояла густая — «очажная» — тишина. Комнату наполняли белые, снежные сумерки... В окно с темно-синего, вечеряющего неба глядел полный серебряный месяц.

Включил радио. Звучал рояль. Тихие, грустно-волнующие переливы... пахнуло детством, закатной грустью ранней юности... грустью, ставшей позже томящим зовом, «журавлиной» тоской, неумершей и сейчас, неизбежной никогда... Голос диктора сказал: «Аренский, „Грезы“, из Четвертой сюиты». Так вот почему так задела, колыхнула эта музыка душу: Аренский детства, 10-х годов, Петербурга, маминых романсов... незыблемость... неуловимость... Мир — это незыблемая неуловимость.

26 марта. В 7 часов утра выходил послушать, не токуют ли тетерева. Сначала ничего не было слышно. Потом издали доносилось одинокое бормотание. Токующий тетерев в лесу, за хутором Загурского, видимо. Встал в 10. Опять плохая ночь, спина ныла, проснулся разбитый, нездоровый. Может быть, это лекарство [нрзб] так действует? Превозмог себя и в 11 часов пошел к домику. До 1.30 пилил и колот дрова. Вернувшись, переодевшись (очень промок: слабость) — читал до обеда. После обеда вздремнул часок, записал вчерашний вечер и сегодняшний день. Опять видел днем синичку.

Иван строгаёт что-то у верстака, Маша пробрела сейчас мимо окошка с какой-то посудинкой к хлеву. Ласково голубеет небо, солнышко, теплынь, ветерок перебирает лапами елки у дороги... Весь день сидел дома: читал, калякал с Машей и Иваном. После захода солнца они пошли возить сено. Я вышел, прошелся до озера; вернувшись, посидел у дома на

скамеечке — любовался на темнеющее небо, глядел, как одна за другой выступают из мглы ласковые звездочки... Вдруг сообразил: а луны-то нет! Уже густеют сумерки, вчера в это время она уже высоко забралась в небо! Спрашиваю Толю. «Не знаю, — говорит, — где луна». Машку. «Не знаю... и вправду, нет луны! где же это она?!» Туда, сюда, нет луны... Пропала луна! Наконец, спустя некоторое время, кричит Машка от сараев: «Дядя Женья! А дядя Женья! Идите скорей сюда, глядите-ка!» Пошел к ней; над лесом всплывает, наконец, луна (круглая), огромная, безмятежная, золотая...

К 10-ти вернулся Иван, привез ворох колхозных новостей: реализуется последнее постановление по «укреплению» колхозов. Крутенько, надо сказать, реализуется... Перед сном слушал передачу о Мусоргском.

27 марта. Приехал Островский, привез письмо от Жая. Встал, позавтракал, сел написал ответ и расписал вчерашний вечер. День сегодня не такой яркий, как предыдущий. Солнышко светит сквозь поволоку высокой облачности. До обеда сидел дома; вносил разрозненные заметки из блокнота в еженедельник. В 3 часа сбежал к Островскому, отнес письмо к Л.

Бушует порывистый теплый ветер. Шумит в березах. Небо очистилось, опять светит яркое солнце, снег на дороге тает, кой-где стоит водица.

После обеда полежал немного. С 5 до 7.30 ходил по шоссе до 10-го километра посмотреть место, от которого, как сказал Островский, надо сворачивать, чтоб кратчайшим путем пройти на тетеревиные тока. На защищенном лесом шоссе тихо, но в вершинах гудит сильный ветер. На западе раскинулись полосы туч. Закат мутный и тревожный. На «горячем» местечке видел оголившийся от снега клочок ярко-зеленого брусничника. Снег нынче очень рыхл. Надо полагать, что он быстро сойдет, даже в лесу.

Заходил на обратном пути в домик. Посидел у окошка. Заглянул и к Островским. Там Маша. Дома — посылочка от Жая, привезенная Иваном с Нойтормы. После чая Маша раскинула на меня карты... Подошел к окошку: дымная, выползала из-за леса луна.

28 марта. Впервые за все дни, что я здесь, за окнами серо, ненастно. Включил радио. С нежностью слушал фрагменты Адана, кусочки Дриго... Как раз сегодня и вчера ночью ясно, подробно видел во сне балетную школу: будто держу журнал занятий и в одной графе значится аккомпаниатором на сегодня — «Евгений Александрович»... Потом видел Мариинский театр, спектакль «Спящей», кулисы, Лопухова, ложу дирекции, артистическую лестницу за кулисами... Еще не исчезнув-

шее ощущение сна, музыка Дриго — защемили, сжали болью сердце... а когда зазвучала «Серенада» из «Арлекинады», показалось: вот-вот развеется, исчезнет все окружающее, как сон, как химера, — и вот проснусь я от этого сна и окажусь в той давней, настоящей действительности — за кулисами театра; зазвучит «Серенада» въяве, увижу поющего Н. А. Большакова, услышу оркестр, приглушенный декорациями...

После завтрака сел переписал оставшиеся «нотатки» из блокнота в еженедельник. Выходить пока некуда; утром шел дождь, а сейчас летят косые снежные хлопья, дали помутнели, дует сильный западный ветер, мокро и неприятно. Но в комнате моей тепло, потрескивает печка и светло от белого, снежного света. Сажу, читаю Спангенберга, слушаю, как за дверью копошится Маша, радуюсь покою и тишине. Так и просидел целый день дома. Только после обеда вышел пройтись.

Дошел до леса за Загурским, заглянул на место, где лежат найденные вчера Островским остатки лося, кем-то убитого зимою: из-под снега вытаскивает голова, шкура, желудок, в стороне лежит передняя нога... Часов в 5 проглянуло солнышко, показался клочок голубого неба, ветер стих, потеплело. Совсем близко от дома, в мелколесьи, забормотал обрадовавшийся солнышку тетерев. Но ненадолго: небо опять затянулось, стал побрызгивать мелкий дождик.

Все же к вечеру раздвинулись тучи, очистился горизонт, зарумянилась над лесом зорька, затеплились звезды. Много за сегодняшний день село снега: на дороге снеговая каша, машины с лесом еле ползут, проваливаются, буксуют. Продолжает подувать теплый западный ветерок, пахнущий снегом и даями... За чаем рассказывал Маше о «Борисе Годунове», о Мусоргском. Перед сном послушал передачу «Сборник русских песен Р.-Корсакова».

29 марта. С 11.30 до 2 был у домика, колот дрова, погрелся в «зауви» на солнышке. На солнышке очень тепло, но ветер холодный, северо-западный. Легкая высокая облачность.

После вчерашнего дождя выползли из своих домиков кой-кто из малых сих: видел на снегу около нашего малинника снежного паучка, снежную блоху, а на горячей стене дома — пару мух. На сугробах на огороде стали различаемы очертания грядок: снег осел и лежит тюфячками. Чернолесье нежно и ярко расцвечено теплыми, будто изнутри светящимися тонами.

Пришел домой, печка натоплена, тишина, никого нет: ушли на озеро переставлять на новое место сети. Прилег, подремал, почитал и написал Л. большое письмо в связи с предполагаемым ее приездом в это воскресенье. Подошли Маша и Иван.

Неожиданно появилась девочка со станции с телеграммой от Мендельсона. Он завтра приезжает сюда с Саркисовым и просит выслать лошадь на перекресток (?!).

После обеда прошелся по шоссе «взад-назад» (до Загурского), все ломал голову, что бы это могло значить? Решил быть на всякий случай готовым уехать с ними в город: возьму с собой, когда поеду встречать их на лошади, портфель с самым необходимым.

30 марта. В 11 часов выехал с Толенькой на лошади к переезду у Нойтормы. В 12.10 были на месте, через 15 минут подошла машина с Саркисовым и Мендельсоном. В Министерстве культуры задумали очередную нелепость: передать Лен. филармонию в ведение РСФСР (!!). Пришлось сесть в машину и ехать в город. В Ленинград приехали в 4 часа. Саркисов от меня стал обзванивать Москву. Весь день был дома, не выходил никуда. Вечером заходил Семков (со своими «отчетами»).

31 марта. В 9 часов утра Саркисов у меня; все утро звонки в Москву: Михайлову⁴ (министру), Кабанову (его заму), в Горком.

1 апреля. К 12-ти собрались у меня мальчишки: Рома и Ежи. Сидели до 4-х. Увлекательно беседовали.

2 апреля. В 1.50 дня прибыл на Нойторму. Солнышко, но очень холодный ветер. Весь в поту (рюкзак, полушубок) добрался до Сухопарины. Здесь нагнала попутная машина. В 3-м [часу] я был на месте. Дом заперт, ключа нет. Нашел Машу у Островских. Быстро устроился в своем обжитом «купе», поел и прошелся к домику.

Холодно. Солнце спряталось за пухлые, совсем зимние тучи. Снег, выпавший вчера вечером, лежит и не тает. На горизонте по небу развесились космы снегопадов. Вокруг домика все на месте. Следов нет. Вошел, посидел в тишине; прислушивался к непокидающему меня, непрестанно сосущему сердце окружению Л., все думал о ее «путях», думал и думал...

Вечером, перед чаем, по похрустывающему ледку шоссе прошелся до Триумфовых. Тихо... Морозно... Чисто. Вот я и опять здесь, в своей «Весенней схиме»...

3 апреля. Хорошо проспал ночь. Проснулся — голубеет за окном. Но в комнате очень холодно: значит ветрено. Вместе с вошедшей ко мне Машей пришел, приветственно мяукая, Фунтик, вскочил на постель, устроился у самой подушки. Маша затопила печь. Быстро встал, позавтракал и сел записал дни.

С 12 до 3.30 был у домика: доколот оставшиеся с прошлого раза чурки и переносил в дом все наколотые за все время

дрова. День сегодня ослепительный. Но дует северный, ледяной ветер, так что даже на солнышке выпавший третьего дня снежок не тает. Только в самых защищенных и теплых ямках на шоссе пятнышки талой водицы. На снегу образовался толстый наст, который местами держит без лыж. Кой-где по свежему снежку сегодня ночью пролегли следочки зайцев. Вчера их не было. В 5.30 сделал большой круг: сначала к Эренбергам, где любезные соседи-колхозники вырубает кра-савицу основую делянку: лежат поверженные деревья, кой-где дымятся догорающие костры; к Корнам; к ручью; к своей елочке, только макушка ее глядит из сугробов.

Разыскал в лесу за Осипенками местечки, где должны цвести голубые перелески. Обычно в прошлые зимы этому помогали жухлые папоротники — обычные соседи перелески, — торчащие из снега; нынче их и в помине нет: снег местами доходит мне до бедра. Оглушительно шурхают по обледелому насту лыжи, особенно в лесу, где на снегу под соснами рассыпаны катыши обледелой капели.

На «горячих» местечках, по угревам, — снежные лунки у стволов вытаяли до земли; вокруг некоторых деревьев оголился мох и маленькие участки почвы. Проталины в лесу.

Посидел на осипенковском заборе. Вечерело. Ласково грело косое солнышко. Безветрие. Теплынь. Прошел к своему домику. Протоптал там через сугробы тропку к олешнику, стоящему в теплом, солнечном заветрии, чтоб иметь возможность следить за ростом сережек. Дома был в начале 8-го. Скоро зашло солнышко, и над лесом разлилась малиновая зорька, с сизыми полосками тучек, с четкостью прутистых вершин мелколесья...

Вечером слушал киевское исполнение «Руслана» с Гмырей. Должен сказать, что весьма профессионально и хорошие голоса.

4 апреля. Солнышко. Ветер южный. После завтрака посидел на солнышке у домика, но ветер прогнал, хоть он и южный, а пронизывает насквозь. Вернулся к себе, почитал рассказы Бунина⁵.

В 12 часов Маша дала команду идти на озеро — проверить сети. Рыбы не оказалось. Маша ушла домой, а я на лыжах пошел вдоль лесного берега в сторону Костармы. Ветер утих. Сильно пригревает солнце. В синеве неба поплыли низкие кучевые облака (первые нынче!), и легкие, сизые их тени заскользили по снегам озера. Отдохнул под бережком на упавшей осине. Вокруг много лосевых погрызов. Некоторые крупные осины объедены кольцом. Вернее будет: не «лосевые погрызы», а «лосевые затесы». (Когда смотришь на них, видишь, как громадный зверь *стесывает* кору мощными

передними резцами!) В тишине от еле приметного дуновенья слышался звенящий, трепетный шорох кой-где висящих на осинах прошлогодних листиков.

К 4-му часу был дома. Прилег, подремал до обеда. После обеда записал эту страничку. Кстати, кой-где в поле показались из-под снега прошлогодняя трава и хоть очень, очень мало, но местечками оголилась и земля. После обеда Маша ушла к Островским, я остался дома с книгой Бунина. С приближением вечера наросла в душе тяжесть, сосущая грусть... неясные, мелькали воспоминания, еще более смутное возникало будущее, давили тяжкие образы Бунина... Вечером Маша раскинула карты. Попросил ее погадать на Л. Втроем с Фунтиком долго сидели в кухне, потом пили чай... Солнце село за тучи.

5 апреля. С 10.30 до 3 пробыл у домика. Прокопал тропу к «дедушкиной роще», попилил дрова, пробрался на сарай, посидел на солнышке, грелся, ходил вокруг домика по насту. С утра еще острый, морозный ночной воздух, но горячее солнце. Бездонная, густо-синяя высь. Слепящие снега. Мир, растворенный в нежно-горячей светозарности, недвижимый, затихший.

На припекке нижняя ветка березки, вмерзшая в сугроб, внезапно дрогнула, оторвалась от снега и долго покачивалась, все не могла остановиться. Я тоже растворился в свете, тепле, синеве и чистоте: будто нырнул в глубины (в благодать) этого дня света и лазури неба, чистоты хрустального воздуха...

После обеда сделал небольшой кружок на лыжах: к озеру по черкасовскому заливу мимо ипатьевского причала, через ивняки на шоссе, к дому Островских.

Все также ярко, солнечно, но стал подувать холодный северо-восточный ветерок. Дома записал день. Вечер с Машкой и с Фунтиком. Маша ходила кормить поросенка, собаку; побыли с ней на дворе. Опять морозит; небо заволокло. Потом пили чай со свежими булочками и запеченной ветчиной. Фунтик на коленях, мурлычет, подъедает сальце... Завелась беседа о литературе; Машка выволокла мешок триумфовских книг, выложила на стол, вспоминала прочитанное: «Тараса Бульбу», Хаггарда⁶ и пр. Заговорились допоздна. Спихватилась: «Корова, верно, спать легла» — побежала доить. Стемнело. Выходили оба, послушать, не идет ли Иван. Полегли спать.

6 апреля. Утром прибыл Иван вдребезги пьяный. Машка ругается на чем свет стоит. Я с 10.30 до 2 был у домика. Сегодня тепло с утра. Легкий западный ветерок. Протопил плиту. Долго капризничала, дымила. Потом наладилась, загудела. Попилил немного дровец в сарае. Посидел на опушке

«дедушкиной рощи». Теплынь, благорастворение... не хватает только песенки скворушки, нежно-ликующей, как синее небо весны, как само весеннее солнышко... Удивительная вещь: при таких снегах можно бы ждать бурной многоводной весны! Ничуть не бывало, снег испаряется и оседает, а ночью прихватывают его крепкие морозы — не дают раскисать — до следующего дня. Вместе с тем уровень снегов заметно понижается. Этому способствует и то, что снег насквозь, до самой земли, — рыхлый. Земля почти не замерзла и впитывает без остатка всю снежную влагу. Потому и проталин почти нет, снега оседают равномерно — всем уровнем. И скворушки не прилетели сюда, т. к. негде им еще кормиться, несмотря на тепло, солнышко... голубую весеннюю благодать...

Домой пришел в 3-м часу. Машка в горестях, Иван отсыпается... Записал денек, подремал. С 5 до 6.30 вдоль прибрежных перелесков обошел весь черкасовский полуостров на лыжах. Вышел к ипатьевскому дому. Зашел на крыльцо. Дрогнула душа, затопилось сердце, больно ожили воспоминания, «воспоминания воспоминаний». Но когда подошел, заглянул в заколоченное окно, увидел неподвижную сумеречную пустоту комнат, плотно настрого запертые двери, охраняющие ушедшее и застывшие в ожидании часа, — смолкло, склонилось все и во мне... Перекрестился... и пошел себе.

7 апреля. День встал серый, угрюмый, ветряный. Скоро завилась поземка, пошел густой, косой снег; ветер усилился, поднялась метель, и в свисте ветра разыгралась снежная буря, завыл буран. Окрестности потонули в неприглядной, крутящейся снежной мути. Озабоченный Иван запряг лошадь — поехал в Нойторму выручать Машу, ушедшую туда еще рано утром со сметаной и творогом. Я тоже хотел было ехать на телеграф — отменить завтрашний приезд Л. с Леночкой, но, обдумав все, решил выждать, в крайности, сведу им завтра 2 полушубка, платки, как-нибудь доберемся.

Остался один в доме; сел в кухне с книгой; у меня в комнате, обращенной на север, холодью, гуляет ветер, и сидеть невозможно. Скоро и в кухне стало холодно, выдувало последнее тепло. Принес дров, наколот растопок и затопил плиту, а в комнате Маши и Ивана — времянку. Поставил чайник и чугунок с водой, чтоб не пропадали зря огонь. Очень скоро стало жарко, как в бане, чайник и чугунок закипели, а снять их было нельзя, т. к. нет камфорки; и вот я, под свист и вой ветра в трубе, как Робинзон, терпящий бедствие на корабле, метался от одной печки к другой, мешал, подбавлял дрова, ронял на пол головешки, доливал холодной водой чайник, пытался задержать его неистовое кипение, промок, вспотел, как мышь. Пришлось переодеваться. В самый разгар туалета — ввали-

лась Горошиха, но, к счастью, не задержалась, опять убралась куда-то дальше в метель.

Наконец, около 3-х на дороге замаячили сани: приехали за-снеженные, промокшие Маша и Иван. Скоро поспел молочный суп и гречневая каша, пообедали. Но опять в избе стало заметно холодать; ветер такой, что худенький, щелистый домишко ходит ходуном. Сидим. Бродим, как древние люди, поближе к очагу, в валенках, ватниках. Как подальше отойдешь, сразу становится зябко. Для довершения пейзажа Иван принес громадную лосевую голову (того самого лося, что вытаял из-под снега в перелеске), стал ее тут же рубить и разделять на корм собаке. Маша затопила на сей раз русскую печку. От ее жарко полыхающего желтодымного зева — в комнате опять поплыло благодатное тепло.

Так мы все и провели остаток дня в кухне; Маша закрыла трубу, забралась на теплую печь, Иван входил, выходил по каким-то своим делам. Пахло из печки теплом, распаренным крошечным, щами; капали редкие капли из рукомойника, тикали ходики...

Я с Фунтиком, свернувшись на коленях, сидел, клевал носом, с надеждой поглядывая на окна, за которыми в сумерках по-прежнему трепалась на ветру береза и проносились снежная муть.

После чая быстро разделся и забрался в постель, укрылся потеплей двумя толстыми одеялами и полушубком. Протопленная печь мало помогала: от окон тянет ветерком и морозцем... Долго не спал, слушал завывающие натиски ветра, шорох снега за стенами, постукивание антенны об угол крыши... С тревогой думал о завтрашнем путешествии, предстоящем Л., и болело и томилось за нее сердце...

Гастроли в Европе

20 мая. Ночью с 19 на 20 писал ответы на накопившиеся письма. Сидел до 3-х ночи. В 9.20 вечера поезд на Москву. В купе вчетвером, с Куртом и Ежиком [Ежи Семковым]. В поезде очень холодно, одеяла тонкие. Ночью промерзли.

21 мая. 9.30 утра — Москва. На перроне никого. Позже — Галантер, Векслер, с машиной. Солнечно. Весна здесь много опередила Ленинград. Там еще не выклюнули листочки, тополя только-только выпускают сережки, а под Москвой изумрудная трава и зацветающие березы, бледно-палевые билибинские осинки, множество нежных желтых глазков примулы в траве. Проехали с Л. и Б. Шальманом в гостиницу. Оттуда я — к Пришвиной. К 1 час. на инструктаж и в министерство (к Михайлову) с Пономаревым, Куртом и Вильницем. Тор-

жественные лица «коллекции марабу» и кисло-беспомощное «напутствие» министром Михайловым. «Бегом» на обед в гостиницу. Мусичка с Лютькой — хозяйки.

Спешно на вокзал. Оркестр толпой у входа в вокзал. Автобусы с вещами на площади. Цветы Т. Соболевой, Пономарев у микрофона. Ненастно, дождь. Погрузка и в 5.30 — отбытие на Берлин. Купе на 4-х. Договорились с проводниками и с Куртом и Ежом перебрались в международный вагон. Сразу полегчало, и стало легче дышать. Пономарев остался с Синицыной вдвоем в купе. <...> Перед сном пофилософствовали с Ежом в коридоре (о Есенине, природе, вытуплении стрекозы-«скачки» и сомнениях вокруг этой проблемы).

22 мая. Около 1 час. дня — Брест. Тут уже сирень в цвету, каштаны, отцветает береза. В полях шагают аисты. Прилетели чиби́сы, стрижи, ласточки. Л. кормит нас всех неиссякаемыми запасами. Оркестранты на такси разъехались осматривать места. Мы — тоже. Но смотреть нечего: жалкие кучки домов, рассеянных по зеленеющей, сырой низине, уставленной вековыми ветлами. Много воды, какие-то протоки, озерки. В воздухе и на всем — дух и «слеза» минувших и грядущих бедствий. Даже природа за долгие годы не скрыла их. Ничто не скрыто наслоениями нового, все выглядит каким-то «расслоенным».

У одной кирпичи, мимо которой мы проезжали, толпа. Идет служба. Празднично одетые девушки. Оказывается, сегодня (в день переезда нами границы!) — Николин день. Тоскливо, несмотря на солнечный день. Через 3 часа тронулись дальше. Мы с Ежом пошли объясняться к Пономареву о формах участия Ежи в нашей поездке. Потом Еж развлекал нас замысловатыми загадками. В интервале между 4 и 7 час. я и Курт занимались партитурами.

23 мая. Среди ночи проснулся от тишины. Нежный, волнующий женский голос диспетчера в гулком пустом молчании вокзала. Познань. 8 часов утра (6 час. утра по-местному) — Франкфурт-на-Одере. Яркий день. Множество фруктовых садов в полном цвету. Молодой тевтон со стальным перстнем на пальце взял паспорта. Еж и Курт, с их контрастной реакцией на окружающее. Типичный, знакомый по детству вид вокзала: чисто, пустовато, маленькие вагончики пригородных составов с пухлыми немками и поджарыми, но добрыми немцами.

Появление городской депутации с приветствием и неизбежными тюльпанами. Мы вышли к ним на перрон, но немедленно были водворены обратно фигурами в зеленых мундирах: не полагается ступать на перрон до возвращения паспортов.

На подступах к Берлину в солнечных смешанных, сосновых и дубовых, лесах светятся изумрудом копы ландышников. Кой-где опрятные старичок или старушка рвут ландыши, стоят с белыми букетиками в руке.

К 11-ти — Берлин. Довольно много встречающих с букетами и рукопожатиями. Среди них моложавая и сдержанная мать Курта. Появление Лии, прикрепленна к нам переводчицей. Одни с ней в гостиницу. Через уставленную руинами, но начисто прибранную и асфальтированную пустыню разбитого берлинского центра едем в гостиницу.

Кой-где на уцелевших улицах видны веселенькие витрины, редкие машины и многочисленные мотоциклисты и велосипедисты. В номере пахнет дымом (на улице очень свежо) — топится углем печь. Горничная, с извинениями, спешит закончить уборку. Пара комнат, уставленных случайной мебелью, окнами во двор. Кой-что поломано, кой-где облуплено. Внизу в ресторане завтрак втроем. Телефонный звонок Ойстраха (помещен над нами), сообщающего ворох недоразумений, связанных с гастрольным планом.

В 3 часа едем в гостиницу, где помещены Пономарев, Саркисов, Курт, — обедать. Встреча со множеством деятелей Министерства культуры ГДР и антрепренерами, закупившими нас с потрохами и вмешивающимися во все решительно. После обеда, в отдельной жаркой и душной комнате и дыму сигар совещание со всеми ними. Много неприятного: у Ойстраха выплывает в Западном Берлине сольный концерт, у меня 28-го там же намечается непредвиденный симфонический. Гамбургская филармония якобы не желает Шостаковича; к 28-му есть только одна репетиция, акустика, говорят, скверная и т. д. и т. д. Корпели до 6-ти, после чего я был отвезен, измученный и разбитый, к себе, а Л. с Куртом и Ежом пошли слушать «Дон-Жуана» Моцарта в Городской театр, где будет мой концерт 25-го. На минуту поднялся к Ойстрахам. Потом хотел утешиться С.-Томсоном («Джеком — Боевым Коньком») и отдохнуть в тишине.

Но не тут-то было. Заиграл наверху Ойстрах. Слышимость абсолютная. Играл долго и неумолимо. К счастью, забежал Пономарев. Решили, что перееду завтра в их гостиницу. Рано, совсем расклеванный, лег в постель, ослепительную, но, конечно, короткую и очень неудобную. Только задремал, вернулась Л.

24 мая. Сразу после завтрака переехали в гостиницу «Адлон», помещающуюся вблизи Бранденбургских ворот, которые отделяют нас от загадочного мира «запада». Номер светлый, солнечный, обширный, комфортабельный, напоминающий Карловы Вары; с балкона вид на большой пустырь,

где под развалинами открываются этажи подземной резиденции Гитлера; ныне развалины зеленеют густой травой и зарослями молодых деревьев. Из свежей, весенней чаши их льются песни черных дроздов. Тут же вблизи участок с уцелевшим массивным фундаментом, где стоял дворец Риббентроппа.

Сел на удобный диван, *перелистал партитуры, наметил план репетиции.*

В 12 часов сели в машину, отправились в Городской театр, где предстояло «работать». Нежный, розовато-желтый, нарядный зал. Прекрасная акустика. Удобная рассадка оркестра. Прогнал для освоения акустики «Франческу». *Проработал* Моцарта с повторением отдельных мест и, конечно, 2-й части; проиграли с Ойстрахом Шостаковича. Волнение мое на сей раз выразилось в замедленности каждого движения и речи. И только раз обнаружилось в выскочившей из дрогнувших пальцев палочке. Репетиция длилась с 2.15 до 4.45. *Дома* (примерно с 6 до 8) обстоятельно опять прошел партитуры. В сумерках после чая с Л., Лией и Куртом поехали навестить ее новую неправдоподобно игрушечную, чистенькую квартиру. На обратном пути заезжали в какой-то парк, где всей компанией, с шофером вместе, немного погуляли. Вернулись в темноте, легли и уснули как убитые.

25 мая. Репетиция с 10.15 до 12. На «разминку» сыграли сюиту из «Раймонды», которая, кстати, включена в программу неизбежного, к сожалению, и опасного концерта 28-го в Западном Берлине.

Починил, на основании вчерашнего прогона, кусочки «Франчески», местечками поиграл Моцарта и сделал генеральную Шостаковича. Вначале чувствовал себя довольно спокойно, но постепенно захватило знакомое дрожащее, ослабляющее волнение, до отчаяния.

В 3-м часу лег спать. Подремал, но заснуть не мог. Началось частое сердцебиение, длившееся до выхода на эстраду. К тому же где-то внизу непрерывно гудела какая-то машина, сотрясавшая кровать и барабанные перепонки. Немного стало легче, когда она стихла, а помрачневшее душное небо разродилось могучей грозой с ливнем, широкими громовыми раскатами и бурей, но не намного. Когда в театре Л. ушла в зал, я остался один с чувством полной беспомощности и сердцем, выскакивающим из горла...

Но вот пришло Чудо и этого вечера: я пошел в уборную. Было распахнуто окно. За ним простиралась высокая, покойная пелена неба. «Как спокойно... какое спокойное небо», — сказалось невольно вслух. И вдруг узнал я в покое этого неба тот покой и то небо, что открылось глазам князя Андрея, когда очнулся он, раненый, на Бородинском [Аустерлицком]

поле... Дальше: по пути на сцену бросился в глаза мигающий, настойчиво повторяющийся световой сигнал: «ruhe, ruhe, ruhe, ruhe, ruhe...» [спокойно].

С этими двумя впечатлениями я и вышел за пульт в переполненный, тепло встретивший зал. Моцарт удался сверх всякого ожидания, после «Франчески» (в которой очень бдительно пришлось рассчитывать силы, иначе их не хватило бы) — зал встал, как один человек, ну а после Шостаковича были долгие, очень долгие овации и много цветов.

26 мая. Утром, с 10 до 12 репетиция Курта. Л. с Лией в бегах по лавочкам. Курт в основном прогонял и Бетховена, и Рахманинова. Бетховена, 1-ю часть, даже дважды. Оркестр, несмотря на вчерашний вечер, приличен. С репетиции пошли с Куртом, Лией и Л. пешком. Зашли в книжный магазин, переполненный прекрасно изданными и разнообразными книгами. Соблазнился на книгу с фотографиями зверушек и насекомых. После обеда с 3.30 до 7 очень обстоятельно занялся партитурами к 28-му. На наших необъятных кроватях в это время Л. с Ежом разглядывали мою новую книгу и беседовали о нелегкой ситуации Ежи в поездке, непонятно почему созданной Пономаревым.

В 9-м часу поехал с Пономаревым за город, где размещены оркестранты. Провели *общее собрание* с «профилактикой», касающейся их поведения на репетиции 28-го в «мире капитала». Вернулся поздно. Очень плохо спал.

27 мая. В 11 час. утра (!) — концерт («Matinée» [утренник]) Курта, прошедший очень хорошо. Рахманинов понравился. Я же чувствовал себя очень плохо: готовятся желудочные спазмы, предвестники коих ощущаю уже не первый день. После обеда просидел дома с 4 до 6 с партитурами и обдумывал план завтрашней, очень трудной репетиции. Репетиция дана одна, длительностью в 4 часа; надо успеть все, как успеть, не замучив себя и оркестр? Хотел было просидеть вечер дома, в покое, но как-то машинально отозвался на предложение Л. и поехал за город (к месту, где живет оркестр). Это была редкая мука: разыгрались боли, тошнота, разразились спазмы. Еле дождался дома, лег с грелкой. Мои вызвали доктора. Жай, бедняга, сама мается с желудком — и вся в испуганных глазах... Как справлюсь завтра с четырехчасовой репетицией и концертом?? Одно получилось удачно: умаянный, я крепко заснул и проспал без просыпу всю ночь.

28 мая. Будильник прозвонил в 8 часов. В 9.15 выехали в «западный мир» на шикарную, лоснящейся машине лоснящегося импресарио Цёллера: сам за рулем, желтые перчатки, «полные лады» с проверяющими пропуск полисменами.

Долго крутились по многолюдным, нарядным улицам среди хаоса цветастых реклам, блеска витрин, неисчерпаемого многообразия автомобильных марок. Солнечно. Очень тепло. Многозначительным напоминанием тут и там высятся молчащие остовы разбомбленных зданий, куски обглоданных, закоптелых стен. Как ни странно, но при взгляде на них становилось покойнее, как-то мудрее...

Прибыли. Зал — громадный цивилизованный сарай. Чувствуешь себя не то в Нью-Йорке, не то в клубе им. Капранова. Акустика плохая, ватная, освещение тусклое, теснота на страде. С 10 до 10.40 приспособлялись, пересаживались... С 10.40 до 1.40 (с 20-минутным перерывом) репетировали: тщательно прошли всю Пятую симфонию (прогон части, доделки, следующая часть и т. д.), проработали места «Раймонды», проиграли подряд, вспомнили отдельные куски «Франчески». Оркестр держался до 12.30. После антракта раскис. Пришлось сказать несколько резкостей. Устали очень, но, правда, в меру. Но подложечка дает себя знать. *Дома*, после обеда мельком перелистал партитуры (нет сил). Лег спать. Было тихо. Удалось подремать. Обычного волнения нет совсем; причина, вероятно, в программе и в отсутствии сил: «сколько можно!», а также в специфике задачи «завоевать запад» и связанной с этим опасностью и риском; особая трудность условий (акустика) и их *неизбежность* создали странное спокойствие, фаталистическое безразличие, с некоторой толикой даже вызова. Тревожило, главным образом, физическое состояние: хватит ли сил, не подведет ли живот. И тревожило очень. И в общем, было, конечно, не весело: предстоял некий Рубикон. В итоге все произошло так: когда вконец растерянная, с дрожащей душой ушла от меня Л., меня минут за 10 до выхода вдруг вырвало. Стало легче физически. И вот в сочетании с отсутствием волнений, сознанием великолепно-го состояния оркестра, а также очень моим удачным дирижированием, — вновь был полный триумф, едва ли не больший, чем 25-го. Пожалуй, даже более «веселый» и значительный: были крики, стоящий зал, долгие вызовы, цветы, вспышки магния, проводы автобусов с оркестрантами и т. д.

После концерта долго сидел у нас Пономарев и Саркисов. Но от пережитого ночь с Л. мы почти не спали: глядели на Большую Медведицу, в ночное небо, яркие огни Западного Берлина. На рассвете, когда Л. задремала, долго сидел и слушал свежие, как роса, нежные, тихие голоса пробуждающихся птиц. В 6 часов утра взял хвойную ванну, немного вздремнул; окончательно проснулся в 8 часов.

29 мая. Утром — весть о смерти Абендрота... Отдыхаю. Жаркий летний день. После завтрака ходили с Ежом в спорт-

магазин. Ничего не нашли стоящего. Л. с Лией ушли в магазины. Посидели немного с Ежом у меня, беседовали: об одиночестве, его нерушимости, о женщине (на примере отца Савелия), о мешанстве — единородной основной массе любого народа, потом о детях, проблеме их и двух исходных к ней позициях: о детях как форме вечности (Жорж) и о детях, на которых ставится эгоцентрическая ставка продолжения пути «моего я».

Скоро Еж уехал в посольство, а я забрался в постель. Подремал. Потом вкратце записал истекшие (с 20-го мая) дни. Закончил в 5 часов. Яркое солнце забралось на мое одеяло. В открытую дверь балкона доносятся посвисты и щебетание дроздов и далекий, далекий шум города. В комнате, уставленной букетами красных и желтых роз, алых гвоздик, нежных тюльпанов и сирени, — тихо, просторно и немного даже празднично.

Обедали поздно, после того как Л. и Лия пришли домой в 6-м часу. До этого заходил Пономарев. Объяснялся с ним насчет обидного зажима Ежи. Обещал прекратить.

Во время обеда пришел к 7-ми часам усталый Курт: оркестр записал 2 части Рахманинова. После обеда все срочно собрались в театр на штраусовскую «Арабеллу». Я не пошел: не в состоянии. Оставшись один, прошелся немного до Фридрихсбанхофа и посидел в сквере, но скоро стала подступать желудочная спазма, и я поспешил домой. Потный и ослабевший, лег. С мутью и болями. Урывками читал Томсона. В комнате темно, только у кровати маленькая лампа. Балкон открыт. Доносится дыхание теплой ночи, мерцают звезды. В 11 вернулась из театра Л. с Ежом (рассказ Л. о том, как ее мучила совесть, что я один). Скоро пришли и Пономарев с Оником. Все сидели до 2-х ночи, долго выясняли положение Ежи и его причины.

30 мая. Основательно выспались. С Пономаревым и Саркисовым — прощальный визит к послу. У Оника в кармане газеты с рецензиями на 28-е. Начал их просматривать. Натолкнулся на «поносные» строки.

Никак не будучи подготовлен к «такому» гостинцу — внутренне раскрыт и благодушен, — не сумел избежать шока и очень, очень сильного. Когда на обратном пути Пономарев и Саркисов затащили меня в посольский магазин, я уже ничего не видел, сразу застило голову, схватила спазма желудок и т. д. и т. д. Дома, как на грех, ждет сотрудник посольства, ехать покупать мне электробритву в Западном Берлине. Насилу выпроводил его, Л. и Лию ехать без себя. Сам остался — очухаться. К счастью, остался Пономарев. Мы вдвоем тщательно исследовали прессу и выяснили истинную подоплеку

и удельный вес неприятных мест. Очень тепло вел себя Пономарь. Пришел после ухода Пономарева — Еж. Сел заниматься партитурами, я стал приводить в порядок накопившийся здесь архив и подклеивать рецензии.

Забегал Курт, тоже утешительно трактовал ситуацию в прессе. Потом зашел один из переводчиков оркестра, сидел, сделал выписки из прессы, чтобы кой-что из нее сообщить коллективу. Когда он и Курт ушли, я рассказывал Ежу о своих встречах с Блехом⁷ и Абендротом, некрологи о котором помещены в сегодняшних и вчерашних газетах. В 5 часов, потные и усталые, нагруженные пакетами и кульками, Л. и Лия. Долго и трогательно Л. демонстрировала и примеряла свои обновки. Ненадолго заглянули уезжающие завтра в Лейпциг Пономарев и Саркисов. Условились о делах на будущее (гостинице, машине и всем прочем). К 10-ти вечера пошли на ужин. В отдельной комнате за ресторанным залом (в той, где было первое общее заседание по «неувязкам» 25-го) сидели только свои: Лия, Жай, Курт, Ежи. К Курту заходила и сидела до ужина его мать: уезжает завтра «домой», в Лондон. Прощались вновь на неизвестный срок... Из открытого окна веяние теплой ночи.

31 мая. «Безумное утро, или отбытие филармонии в Лейпциг». Спозаранку у нас Пономарев, Саркисов с текстом, заготовленным для моего выступления по радио в связи со смертью Абендрота, Лия, переводчица Пономарева, Еж, наконец, толстый Янка из Министерства и некий Вальтер, который будет меня завтра эскортировать, когда я поеду за покупками в Зап. Берлин. Тут же веселым шариком появился говорливый портной: взять мой пиджак в переделку. В 11 вся суতোлка кончилась. Пономарь и Саркисов отбыли с усталым (только вчера еще записывавшим Рахманинова) Куртом. День жаркий, душный, тяжело солнечный. Ехать им будет мучительно. На смену им появилась передвижка, записала мое выступление для радио. Наконец, долго ждали доктора (в связи с моим брюхом), который так и не пришел. Завтракать пошли лишь в 1-м часу.

С 1 до 2.30, наконец в тишине (Л. и Лия ушли в лавки), сел с Моцартом (симфония *B-dur*). Потом до 4 час. переносил в эту записную книжку начерно записанные в блокнот здешние «дни». Обедали вчетвером (Л., Лия, Еж и я), все остальные уехали.

В 6-м часу поехали по покупкам на центральную улицу, выстроенную за три года во всей своей семикилометровой длине и носящую имя: «Аллея Сталина». Здесь расположены лучшие и многочисленнейшие магазины. По общему облику она напоминает новые кварталы Москвы. Но много простор-

нее, шире, параднее и отмечена лучшим вкусом. Высокие — однотипные — светлые ряды фасадов, бежевые и бледно зеленые, производят впечатление выложенных матовым кафелем. На уровне 2-х этажей — широкие террасы. Вдоль всей улицы идут две широкие полосы аккуратно стриженных газонов, надвое делящие проезжую часть и отделяющие ее от просторных тротуаров с проложенной по ним асфальтовой дорожкой для велосипедистов. Посреди лужаек стоят автоматически вращающиеся оросительные фонтаны, извергающие стремительные струи воды. Много цветов, цветущих кустарников.

Заходили в нотный магазин. Взяли кой-какие партитуры, которые очень дешевы: 3—4 марки штука. Дамы тоже куда-то забегали. Но невыносимая, давящая жара заставила быстро свернуться. В 7 часов были дома. К общей радости загремело, пошел дождь и хоть немного, но посвежело. Я сел дописывать дни. Остальные чего-то копошились, беседовали. В 10 час. был ужин. После него втроем (с Ежом) мы прошли до театра и обратно. Обращает на себя внимание какая-то особая мрачная выразительность зданий как уцелевших, так и разбитых. Еж верно отметил, что происходит это оттого, что дома не крашены. Все они — естественных цветов камня (то серые, то красные, то бурые) и сливаются в единую внушительно суровую и монументальную массу. Рано легли и благополучно уснули.

1 июня. Двенадцатый день нашей эскапады... Осталось 24 дня. Третья часть намеченного пути пройдена... Серый, прохладный день. Встали в 8. Быстро сходил к послу (увязать вопрос о поездке Лии с нами в Зап. Германию). Посла еще нет. Вернулся. Позавтракали. Зашел доктор, прописал мне снодобья от брюха. Позвонили из посольства. Сходил туда опять. По возвращении сел дописал дни, до сих пор. Еж у меня с партитурой. Л. и Лия ушли в город. Теперь о двух вещах. Первая: в один из первых дней здесь я получил теплую, отеческую телеграмму от Абендрота. 28-го утром он скончался. Это была последняя телеграмма, посланная им в жизни. Я послал ему ответ. Если он еще застал Абендрота в живых, то это была последняя телеграмма, полученная им в жизни. В журнале, поместившем предварительную статью о нашем приезде сюда, 2 фотографии: одна — мой портрет работы Верейского, а другая... снимок нашего оркестра в Ленинградском зале во время концерта... (Так «вышло», что снимка со мною не могли найти или получить, и вот, поместили другой — с Абендротом). Вот... Вторая: Курт бежал из Германии в тридцатых годах. Вся его семья была разнесена по всем концам света. Мать — в Англии. И вот теперь, 27 мая 1956 года,

он становится за дирижерский пульт в зале Берлинской оперы, где 20 лет назад работал концертмейстером, в городе, где прошла юность, жила семья, формировалась душа. И на концерте присутствовала его мать, приехавшая для этого из Англии. Мать — впервые увидевшая его за пультом. До этого встретившаяся с ним на короткое время (за все годы один раз) в дни своего приезда в СССР. Вчера вновь они расстаются: она уехала в Англию, он вернется в Сов. Союз... Вот...

Дамы пришли с покупок. Все вместе в 4.30 пообедали. С 5.30 до 7 ездили на посольской машине с сопровождающим лицом («охрана») в Зап. Берлин. Кой-что купили. Вечер прошел в укладке: завтра выезжать надо по просьбе посольства в 9 утра (машина в 3 час. нужна в Берлине для «внутренней работы»). За чаем напоследок рассказал Ежу несколько сказок, он, бедный, по «полит-орг. причинам имени Пономарева» с нами не едет в Зап. Германию, а прямо в Вену.

2 июня. Встали в 7.30. Машина опоздала на полчаса, как водится. Посольство, само затеявшее ранний отъезд, пыталось было переложить его на позднее время. Я запротестовал. Помахали бедняге Ежи рукой.

Полчаса быстрой езды, но все еще тянется город. Только в 10.15 выехали в поля. Фруктовые сады уже отцвели. Повсюду зато лиловые и белые пятна цветущей сирени. Долго ехали в тени каштанов. Вдоль дороги — хлеба. Просвечивает на солнце молодой зеленью уже высокая заколосившаяся рожь и пшеница. Окружающее напоминает Чехословакию: также изумрудна, кой-где холмиста земля, также выглядит из зелени черепица крыш, также бережно обхожена и устроена земля, такие же чистенькие, саженные попадают полосы соснового леса.

Останавливались, фотографировались. С прогретых болотец несется яростное урчание зеленых лягушек. Неожиданно, совсем близко от нашей проезжающей машины показался кроншнеп. «Сопровождающий» достал дробовик (!), шофер развернулся, раздался выстрел, — и секунду тому назад безмятежно перебегавший в траве и мирно кормившийся кроншнеп упал мертвым...

Ближе к Дрездену пошли крупные леса: сосна, дуб, береза. (Заметил кустики цветущей бузины.) Солнышко спряталось в облаках. На протяжении всей дороги часто проносятся мосты — то под нами, то над нами мелькают многочисленные разветвления, перекрестки, железнодорожные пути. И при всем этом в лесу и полях много дичи, где только возможно — бережно охраняемых уголков: кабаны, козы, леса, роши. Вот умеют люди сожительствовать с Природой, вмонтироваться в нее, не губя, не гадя ее! В 11 час. открылась широкая доли-

на, и в легкой дымке перед нами раскинулись крыши, башни, шпили большого города: Дрезден. Говорят, Дрезден — «город искусства». Ныне это город развалин, но и как ни странно — город садов и цветов. Ибо люди, живущие в нем, всюду, где только можно, посадили цветы, взрастили сады и парки (даже у разбитых зданий и на пустырях). Странное впечатление производит хорошо, во всяком случае пристойно и чисто одетая толпа, энергично снующая по улицам, уставленным руинами... Редкие кварталы остались нетронутыми. Они напоминают ленинградские острова: раздельно поставленными небольшими домами, стоящими среди зелени деревьев и аллей.

Поражает немецкая воля к жизни. В бивуачной своей жизни на разбитой земле они создают свой наилучший вариант ее, без всяких скидок на условия и трудности. То ли не хотят они жить, не радуясь жизни, то ли это неистребимая ничем дисциплинированность, — не знаю... Через вновь отстроенные стальные арки моста переехали через Эльбу на высокий ее берег, общим видом (виллами, стоящими по полю в зелени, мягкостью и ласковостью пейзажа) напоминающий склоны Карлсбада. «Заход» в гостиницу «Астория» был временным; скоро предложили переехать в район вилл за рекой на горе, носящий название «Белый олень». Места напоминают пражское «Старе-Место»; уютные улочки, сказочно чистые домики, пансионы и сады, сады — без конца. Машина остановилась около одной из вилл, с надписью на башенке «Felsenburg». Полный, благообразный, с седой шевелюрой, могущий быть профессором, хозяин-немец — ласков, уютен, предупредителен. Комнатки, постели, умывальник — белоснежны, сияют чистотой. Тишина. Поют в вековых липах дрозды.

Домовито пропел петух: старая немецкая сказка. Завтра в Дрездене начинается празднование 750-летия города. Весь город в флагах — национальных и городских. Поэтому на улицах особое движение, ажиотаж и приподнятость настроения.

...После обеда поехали в город, хотелось найти саксонский фарфор. Увы, в Саксонии его не оказалось. Есть нынешние изделия, ничем не похожие на старинные, какие мы знали под названием «сакс<онский> фарфор». Вечером были билеты на веберовского «Фрейшюца» [«Вольного стрелка»]. Пошли. К сожалению, у меня начались сильные боли: опять спазм. Высидели до третьей картины. Пришлось Лие искать такси, и срочно мы поехали домой. Конечно, под влиянием боли и нервов непростительно опять я разобидел Л. за то, что не отговорила меня пойти в театр и не убедила остаться дома, когда я колебался: идти или нет.

Несмотря на боли и ужасное самочувствие или именно благодаря им (так как музыку слушал и смотрел спектакль чисто аналитически да и со злобой) — многое неожиданно открылось мне в немецкой музыке, в сущности так называемой моцартовской гармонии, в вопросе происхождения и стоимости Вагнера, в «духе» немецкой музыки; вспомнил Глинку, не могшего принять веберовских V₇ аккордов, ужаснулся неумолимой агрессивности лендлера [немецкий народный танец] в 1-м акте; его убийственная логика гармонических тяготений, голых, страшных... Не думаю, чтоб эти ощущения возникли только оттого, что у меня болел живот. Как, по-видимому, изжил себя жанр оперы! Как смешны страхи, привидения, эти громы, тьма и ужасы — в свое время казавшиеся откровением... и как... жалок показался Вагнер со своими гиперболизированными перепадами всего этого...

Но играют всегда точно, поют всегда вместе, всегда все стройно и чисто... но и только... средненькие исполнители выдали основу немецкого исполнительства: дисциплина и только дисциплина.

Вот почему мы здесь звучим от первоисточника: от творений искусства, как документов человеческой души (вспомнил Александру Дмитриевну Каменскую и ее беседу перед нашим отъездом 20.V).

Заснул в 11-м часу, спал без просыпу.

3 июня. Встали около 10-ти. После завтрака — в саду, в тени лип и запахе скошенной сочной травы газона. Появился Боря Шальман с Картлингом. День не жаркий, серенький, с чуть просвечивающим солнышком. С 12 до 2 занимался партитурами Концерта Шостаковича с *B-dur* симфонией Моцарта. В 2 часа приехали из Лейпцига Пономарев, Саркисов и Курт. Началась расселенческая сутолока: мы перебирались на 3-й этаж в другую комнатку, где кровати подлиннее (вчера я спал на постели по диагонали) и где перед окнами колышется в ветерке молодая листва высоких лип. С 2.30 до 3 еще позанимался увертюрой «Свадьбы Фигаро». В 3 часа обедали всей компанией. Потом немного проšliсь с Л. по извилистым улочкам в тени деревьев и садов. Встретились группы прибывших лабухов, расположенных неподалеку в каком-то санатории. В 5.30 поехали смотреть Дрезденскую галерею. <...> Встреча с «Мадонной» Рафаэля, вновь оказавшейся на родине в заново восстановленном здании, разбитым в войну. Сегодня ее торжественное открытие после водворения картин на родину.

Старые великие полотна, побывавшие в войну в Сов. России и вернувшиеся в Германию... На площади остовы невыразимой красоты дворца, Большой (лучшей когда-то в Гер-

мании) Оперы... Голос громкоговорителя... Толпа на площади вопреки всему празднующая 750-летие своего уничтоженного города. Мы с Л., не видевшие Дрезденской галереи в бытность ее в России и увидевшие ее здесь, в день открытия...

Долго сидел перед Мадонной... внимал Ее Молчанию... Смотрел на нее и на новые квадраты нового паркета... на новую толпу... Страшно все... Страшно...

В начале 9-го приехали с Л. домой. Я сел записать дни.

4 июня. Каким-то образом немцы узнали, что сегодня день моего рождения. Во время завтрака за нарядно убраным, отдельным длинным столом — внизу, в ресторане, с открытой дверью в садик — появились какие-то представители от кого-то с цветами и поздравлениями. (От Жая утром появился маленький крольчатник, мышки; даже пономаревская переводчица поднесла резного, из дерева, крошечного пианиста за роялем; очень это все было трогательно, даже стеснительно. На душе стало как-то прозрачно, невесомо и трепетно, как в детстве.

Репетиция с 10 до 1. Концерт — в помещении Городского театра. Попытки администрации усадить оркестр на сцене, чтоб на места оркестровой ямы поставить 3 лишних ряда. Пономарев настоял на отмене этого, добился настила и вынесения оркестра вперед, в зал.

Дирижерская комната — в конце коридора за сценой, с роялем и письменным столом. Два окна. Одно — в узенький переулок, другое — на широкую площадь-пустырь, зеленеющую местами травой.

Для разыгрывки сыграли № 1 из «Раймонды». Потом «Франческу» и Моцарта. Затем с Давидом Ойстрахом — Концерт. Акустика хорошая.

С 3 до 6 довольно благополучно дремал в тишине. В 6 часов, внизу, хозяйка собственноручно приготовила ванну, которая была весьма приятна и успокоила разболевшийся было живот. В общем, чувствовал себя сносно, но как-то несобранно: мысли и чувства все время разбегались и суетились. И так — до самого выхода. Тем не менее Моцарт очень удался. *И весь концерт прошел* с большим успехом. Был Конвичный, приходивший в антракте и в конце с восторгами: Моцарт «tip-top!», «Fantastisch!» и т. п.

После концерта пришлось ехать на прием министра культуры. Тут же в театре срочно достали уют. Жай выглядела мокрую мою рубаху, и так, во фраке, я и поехал. <...>

Сидели до 2-х часов ночи. У себя — укладывались и пытались дремать, но это плохо удалось.

5 июня. В 8 часов встал. Выглянул в окно: внизу под липами сидит Пономарь. Общий завтрак, прощание, надписи авто-

графов. Трогательный хозяин поднес (за вчерашний день рождения) мне вазочку с цветами. Обоюдные благодарности, пожелания и в 10.15 — тронулись на Берлин. Уже большая выросла рожь в полях и ходят по ней сизые волны. Кой-где кровавыми бабочками трепещут в траве зацветающие маки. В 12 часов брызнул дождик. Мирная земля — прибранные леса с аккуратно сложенными кучками сучьев и валежника.

В 1 час — Берлин. Контрольный пункт. Удивительный контраст между Берлином и остальной страной ГДР! В Берлине бушует бурная, непрекращающаяся диффузия, все какое-то «ненастоящее» и вместе с тем — агрессивно величественное и пренебрежительное. В самой же стране мирно и дружно и устойчиво идет прорастание побегов новой жизни, подобных побегам от пня поверженного, но могучего дерева. Остановку сделали в санатории, где во время берлинских концертов жил оркестр. Суতোлка машин, людей, чемоданов, погрузки. Нам для отдыха отвели комнатку во флигеле, в стороне. По пути туда встретился выводок только что вылетевших скворчат, с их знакомой всюду — и здесь, и в Тверской — одинаковой радостью солнцу, небу и восторженным, оглушительным верещанием.

Во время обеда опять появился представитель какого-то общества, опять с подарками на день рождения: книгами, альбомами, фото. В 3 часа тронулись в посольство за паспортами («кадр» нагнавшей нас Лии). В 4 часа проехали Бранденбургские ворота, в 4.30 контрольный пункт ГДР (из «демократического» Берлина без пропуска не выпускают и в ГДР!).

Опять знакомая зеленая, ухоженная земля, саженные соснячки, фруктовые, уже отцветшие сады, черепица крыш, поля ржи, опрятные пахари, лошади сытые, крупные, а борозды на пашне такие, что радуют глаз. Впереди идут три автобуса с оркестрантами, за ними наши оба «БМВ». Идем со скоростью 70—80 км. Автобан — как паркет стелется под колеса. Кой-где густые дубовые, березовые рощи. Мелькают бесчисленные, похожие друг на друга как близнецы, мосты и перекрестки. В 6.30 переехали Эльбу. Стали попадаться поля ячменя такого густого и с таким крупным колосом, что кажется, по земле раскинули полосы нежно-зеленого плюша. Вдалеке дорога то протягивается бесконечным полотном, то поднимается узкой шейкой и, как бы обламываясь, пропадает за холмами. В 7.30 проверка: въезжаем в американскую зону. Вереницы автобусов, грузовиков, легковых машин. Какой кошмар придумывают люди!! ...А чернобыльник и черемуха за решеткой и колючей проволокой «границы» — точно такие же, что и в Тверской, так же кивают в ветерке вершинками, так же благоухают вечерним своим запахом...

В 8.30 зашло солнце. Обозначились в лесах копыя елок. Стемнело. Мелькают впереди красные глаза машины антрепренера Янки. Несемся мимо мелькающих силуэтов стволов, над нами, как дым, клубится летящая между черными кронами деревьев полоса еще светлого неба.

В 11.30, наконец, Гамбург. В темной бездне висящие, роящиеся огни, толпящиеся машины, мост через реку. По ослепительным улицам к гостинице. Красивая седая дама: директор Филармонии. Долгая выгрузка оркестра. Подозрительные типы около. Ресторан уже закрыт, есть только холодное. Номер просторный, чистый, затянутый толстым ковром, блестящий белизной постелей. Кафельная ванна. Повсюду поразительно яркое освещение.

Бесконечная усталость: ведь сегодня мы пробыли 11 часов в машинах! К 1 часу ночи мертвый сон, невзирая на лязг, грохот и стук улицы.

6 июня. Встал рано. Л. еще сладко спит, упрятавшись под пуховой периной. Уже гудит и рыкает улица. Тихонько умылся, принял ванну. В 10.30 завтракал. В 11.30 машина на репетицию. Очень красивый старонемецкий, большой зал (1900 человек). С хорошей акустикой. Какой-то седовласый, с видом профессора, работник местного оркестра помогает установить рассадку на эстраде. Репетиция с 12 до 1.45 (с 20-минутным перерывом): 1-й заезд — 1-й номер «Раймонды», 4-я ч. Пятой симфонии Чайковского, начало 2-й ч., середина вальса. 2-й заезд — шлифовка увертюры «Свадьбы Фигаро». После репетиции с Л., Лией и Куртом — по городу. Кипящая, бьющая через край динамика улиц. Неохватная, пестрая картина гавани с кораблями всех стран, спящими суденышками, точно висящей в небе осветительной сетью гигантского дока, с толпами ждущих найма матросов, целым районом, занятым увеселительными заведениями, красочными вывесками кабачков, с даже днем горящими неоновыми рекламными, названиями: «Монте-Карло», «Эльдорадо», объявлениями о показе «греховных» фильмов... с изображениями полуголых женщин. Несмотря на гораздо большую скромность и меньшую крикливость реклам, Гамбург выглядит гораздо параднее, богаче и как-то солиднее Берлина (западного). И конечно, монументальнее. В 3.30 дома. Обед. Еда строго лимитирована: антрепренер кормит нас у частного по строгим нормам. После обеда ожидание и приход к нам посла СССР в Федеративной Германии — В. А. Зорина. Его приход с женой и «свитой» — любезность, но тут же предложение принять мне участие в нашем концерте в Кельне, где значится концерт Курта. Причина: будет, дескать, весь дипломатический корпус (!!?) и, мол, неудобно, чтоб я не участвовал.

Долго после его ухода не мог очухаться и с 7.30 до 9.30 спасительно ушел в партитуры. Ужин среди столиков с совершенно неменяемыми от впечатлений, но старающимися сделать безразличное лицо лабухами, под писк и тяпанье салонного оркестра.

После ужина, вконец утюканные, вышли с Куртом протиснуться. Кишит толпа, огни, машины. По темным углам — молчат ожидающие фигуры женщин. Дома у меня Боря Шальман: указания ему на завтра (чтоб оркестр поехал в зал пораньше и позанимался там). Сосновая ванна и опять, несмотря на сильнейший шум улицы, крепкий сон.

7 июня. После завтрака забежал в фотографический магазинчик, находящийся среди нескольких других в вестибюле гостиницы, отдал проверить купленные в Берлине «Контакс» и поехал на репетицию. Репетиция с 10.30 до 1.30 с перерывом на целый час (ждали прилета Ойстраха из Берлина). 1-й заезд — Пятая симфония Чайковского с пропусками и увертюра «Фигаро»; 2-й заезд — Шостакович.

С 3 до 6 час. сон в тихой (во двор) маленькой комнате Пономарева (рядом с нашей). В 7 — машина. Чувствую сильную слабость.

Но 1-е отделение концерта прошло хорошо, если не считать эпизода с лопнувшей во время каденции струны на скрипке Ойстраха, конечно, отразившегося на силе впечатления от концерта Шостаковича. В антракте слабость моя усилилась. Но и на этот раз обошлось: симфония прошла очень хорошо и вызвала целую бурю в зале. Запомнились из послеконцертного кошмара, когда мокрый подписывал автографы и, как во сне, жал чьи-то руки, кем-то сказанные слова: «Да ведь это же второе рождение Чайковского!» Но мне хотелось только одного в тот момент: спокойно сесть и пить, пить, пить, пить... В гостинице заходят и уходят, мелькают у нас: Курт, Лия, Пономарев. Когда остались одни, Л. укладывалась до 2-х ночи. Потом легли, но заснуть не удалось вовсе, ни на минуту.

8 июня. Всю ночь за окном грохот и рев невидимых чудовищ. В 6.30 встал. Идет дождь. Очень свежо. Снес чемоданы к Пономареву, оттуда их возьмет Шальман. В 8 часов завтрак. В газетах уже есть 2 статьи о вчерашнем концерте. Обе, несмотря на признание, в недобром тоне.

9.15 опять садимся в машину. Дождь продолжается. Опять нескончаемый автобан, обсаженные липами изгибы шоссе, «гастхаузы», бензоколонки с яркими вывесками «Esso» и «Shell», поля, леса. Множество встречных и попутных машин. Все несутся сломя голову: скорость от 80—120 км! Мелькают громадные с громадными прицепами, затянутые

брезентом и расписанные названиями фирм, синие, красные, бежевые грузовики-фургоны! В одном месте пришлось делать объезд: въехали «вглубь страны». Вдоль дороги зашумели зелеными своими знаменами березы и влажные от дождя, лапчатые клены, замелькали аккуратные, тихие кирпичные строения деревень. С 11-ти показалось солнце. Проехали раскинувшийся в стороне Ганновер. В 12 час. показались невысокие горы, с краснеющими по зеленым склонам пятнами селений. В 1.30 «Rasthaus». Обедаем. Неожданное появление послухи Зориной, возвращающейся к себе в Бонн. Трогаемся дальше. Все чаще селения, маленькие города. Задымили трубы Рура. Запахло коксом.

На подступах к Кельну поток машин густеет, движение замедляется. Наконец, около 5-ти вдалеке Кельн. Мутно-серо-холодный Рейн, стальные арки мостов, сплошной поток медленно разменивающихся машин и за Рейном — город с возносящей в самое небо свои шпили скалоподобной глыбой Кельнского собора. Пробираемся среди кишаших улиц, мимо частных и неприбранных останков разбитых строений и в узенькой улице останавливаемся у вывески: «Atlantik».

Гостиница не первого разряда («разбора»), но очень чисто, горячая вода, уютные коридоры. Две пожилые, одетые в черное, крашенные «хозяйки», смахивающие на владелиц сомнительного заведения, не без плохо скрытого опасения — встречают нас.

Пока устраивались, знакомились с положением дел, приходит весть о прибытии автобусов с оркестрантами. Расселение проходит трудно и хлопотно: в 3-х гостиницах, одна из них в районе публичных домов, грязная, без удобств. Масса недовольных.

Идем вниз, в ресторан. Кормят медленно, не очень расторопно и неохотно. После ужина Пономарев собирает так называемый штаб. Мы с Л. хотим лечь спать. Но не тут-то было: то то, то другое отвлекает или мешает. Вдобавок почти под нашей комнатой (обрадовавшей нас надеждой на тишину, т. к. выходит на двор с поющим дроздом) начинает остервенело играть джаз. За всей сутолокой и растерянностью легли только в 12. До этого еще заходил Пономарев поделиться итогами вечера. Ах да, забыл! Часов в 7 появлялся Твердохлебов и не то приветствовал, не то высматривал, не то чего-то не договаривал, не то ожидал чего-то. Официально же приходил с вопросом о том, когда же нам будет удобным присутствовать на приеме в посольстве. Ну, мы, конечно, отправили его куда следует, рассказав о нагрузке и переутомлении коллектива. Джаз под нами грохотал до 3-х ночи. Но мы с устатку все же скоро заснули и крепко спали до утра.

9 июня. Встали по привычке в 9-м часу. После завтрака, прошедшего более организованно, чем вчерашний ужин, и даже с некоторой дозой почтительности ко мне со стороны ober'a, мы с Куртом поехали на репетицию. Зал — громадное спортивное помещение на манер того, что был в Острове в прошлом году, но с хорошей акустикой, хотя немного гудящий. Я продирижировал для Курта кусочки «Раймонды», затем он стал репетировать. Работа шла хорошо, и все звучало. В 12 за мной заехала Л. с Лией, и мы отправились покупать мне пальто. На обратном пути на несколько минут вошли в Кельнский собор.

Впечатление необычайной силы... Серого камня, могучие, почти крепостные стены. Недостигаемые своды. Линии, застывшие в вышине; некоторые из них стрельчатые, из разноцветного стекла витражей. Сумеречно прозрачное молчание. Молчание застывшее в формах... Таково Молчание, такова неизбежность, такова Смерть. Но не страх Смерти, а ее величие. Спокойствие, манящий покой. Прохлада Смерти... Да, если Православная церковь пытается помочь живущему на путях жизни, то здесь утверждение, пропаганда «увенчание» Смерти. Крепость, ограждающая от жизни безвозвратно, уносящая в холодную высь Неба...

В углу маленькая золотая, увешанная приношениями фигура Божией Матери с короной на голове. Перед ней горящие огоньки свечей. В сумерках фигуры коленопреклоненных людей.

Дома — обед. До обеда наконец один, в тишине и покое, сел с партитурой Шестой симфонии Чайковского. Работал с 1.30 до 2.30 и после обеда с 3.30 до 5. Внимательно вспомнил всю партитуру. Пришла обедавшая позже меня Л. Я ей отдал полученные за концерт деньги, и она с Лией опять уехала в город. Я остался вновь один и переписал начерно записанные в блокнот события последних дней в эту книжечку. Закончил в 9-м часу.

За это время опять появлялись Л., Пономарев; заходил одетый, едущий на концерт Курт с тихой Лией у локтя, проститься, пожать руку. К 8-ми все уехали. Опять я один. За окном ненастье. Уже темнеет. Спускаются сырые, ранние сумерки. Целый день то шел, то переставал дождь. Но это хорошо, хуже если б была жара, духота и пыль. Сажу в заточении: Пономарев посоветовал не выходить и даже запереться на ключ. (Сегодня у портье на имя филармонии был оставлен большой пакет газет с советскими заголовками, наклеенными над антисоветскими текстами). Из 1-го этажа, откуда вчера неслся грохот джаза, сегодня доносятся другие звуки: речи, аплодисменты, веселый, дружный смех. Кто-то играет Шо-

пена, кто-то декламирует. Под конец вечера стройно поют хором «Gaudeamus»⁸. В 12-м часу вернулись с концерта наши. Л. опять взялась за упаковку чемоданов.

10 июня. В 6 часов утра стук в дверь: побудка. Мы еще поспали до 9-ти. С 10.30 до 12 занимался партитурами к Мюнхену.

По-вчерашнему идет дождь. Тихо. Доносится колокольный звон их кирки. В 12.30 тронулись из Кельна, увозя впечатление развалин, немногих кусочков уцелевшей старины и душ-ка увеселительных заведений. Вновь двойной серой лентой потянулся нескончаемый автобан. По бокам его — лесистые холмы, вьется речка. Вдоль берегов речки палатки, машины, дымки костров: воскресные горожане выехали на воздух. Воздух, кстати, несмотря на огромное число машин, чист и живителен.

Природа ласковая и уютная, несмотря на серое небо и дождь. Далеко видная дорога вьется по холмам, проходит широкими виадуканами над долинами. Все чаще попадаются большие участки то высокого, то молодого ельника (саженного). Такого частого, что взрослые деревья несут хвою только по верху; последняя образует сплошной полог, непроницаемый для солнца. В самом лесу, кроме стройных серых голых стволов, нет ничего: только опавшая хвоя и постоянные сумерки. Тянутся также густые грабовые леса. Сосны мало. Но попадаетея лиственница. В 2.30 — в стороне — проплывает Висбаден, с когда-то здесь жившей тетей Верой, ее любимым доктором Бирмером и нашей ночевкой здесь в 1914 году, накануне Первой войны...

Ненадолго останавливаемся: что-то с мотором. Случайно нагнавшие нас две полицейские машины, с тоже почему-то вылезшей группой полицейских, наводят на Пономарева страх. «Наверное, власовцы, — говорит он. — Вот сейчас пересадят и увезут...» Но все кончается хорошо: мы едем дальше, полицейские исчезают. Проплывает аккуратно очерченное каменной оградой маленькое кладбище; белые крестики толпятся вокруг белой кирки: совсем овечки вокруг пастуха... На горизонте голубеют горы. Сворачиваем к ним. У зеленого самого их подножья — Гейдельберг. Въезжаем в него, находим старую улочку, старый кабачок «Zur Rose», где и обедаем. Узенькие, полные духа старины и уюта, в садах, улицы. Крошечные голубые вагончики трамвая. Старинные, разделенные садами дома со множеством балконов в цветах, окошками, вделанными вровень со стеной, так что стекла кажутся чуть выпуклыми, со ставнями по бокам... В нашем кабачке столы вымыты так, что доски кажутся атласными. Полки с рядами кружек, старинные лампы. Темная стойка уставлена какими-

то новейшими приспособлениями для заливки вина. В старых лампах «новые» электрические лампочки. Во всем стремление к усовершенствованию — к технике, облегчающей быт. И странно: все это не противоречит и не вредит аромату и духу старины. Вероятно потому, что в самом этом стремлении к усовершенствованию и заключается одна из основных черт немецкого духа старины. Седая, толстая, румяная хозяйка. За столиками семьи чинных воскресных — в черном — бюргеров с женами в маленьких шляпках; человек в тирольском костюме и шапочке с пером; у стойки некто седой, с румяным носом и щеками, в не очень свежем, но чистеньком костюме потягивает из большого стакана белое вино.

Безмятежность, чистота, уют... будто в гостях у гофмановского советника Штальбаума...

В 5.30 выехали дальше. Сегодня особенно большое движение. Великое множество разноцветно блистающих, похожих на реактивные снаряды американских машин. Попадают часто машины американской полиции с горящим на вращающейся башенке, ослепительным даже днем, рубиново-красным фонарем, — несущиеся с неистовой скоростью.

Проблема «востока», видимо, интересует здесь всех и каждого: не было ни одного человека, ни одного водителя, который бы не заинтересовался ГДР-овскими опознавательными знаками наших двух «БМВ», не говоря уж о провожавших нас внимательными взорами всякого рода полицейских лицах.

К 7-ми часам по горизонту кругом засинели горы. Мимо участвовавших черепитчатых городков и поселков приближаемся к ним. Поднимаемся лесистыми склонами вдоль зеленеющих долин все выше. Постепенно горы расступаются: мы выезжаем на холмистую равнину. Кругом открываются голубые необъятные горизонты. 8 часов — закат. Машин попадает совсем мало: воскресный вечер. Сумерки. Все чаще и гуще еловые леса. Темнеет.

Около 9-ти вечера в дожде и густых сумерках маячат огни — Мюнхен. Долго едем темными предместьями среди слабо освещенных домов и садов. В городе, как всегда, поиски отеля, один, другой... Слепящее месиво улиц. Комфортабельный номер, затянутый ковром, разделенный ступенями: внизу спальня, повыше — парадная часть. Но этаж второй, и потому оглушительный шум улиц царит и в комнате. Пономарев осмотрительно обеспечил мне темную комнатку в конце этажа — во двор — для сна. Очень измучены. Еле поужинали. В своей «амбарушке» заснул как убитый.

11 июня. Очень тяжело встал. Голова как с похмелья. Л. в 8 утра позвонила мне по телефону. Сама очень мало спала из-за шума.

С 10 до 1 репетиция (прогон в полную силу Шестой симфонии Чайковского, после антракта — места, доделки и увертюра «Фигаро»). Громадный, темный зал на 2000 человек. По стенам фрески «под Грецию». Одноярусный, нависает темный балкон. Оркестр сидит ступенчато, тесновато. Но играют хорошо: в форме. Акустика гудящая, но в общем вечером, видимо, хорошо будет звучать. Дирижерская комната этажом выше, в коридоре с рядом стеклянных дверей, как бывает в театре. Светлая. Выходит на солнечную площадь с каким-то водопадом. Пришла девушка с аппаратом, просилась на репетицию. Позволил. В антракте снимала меня во всем измочаленном моем виде.

Дома очухался. К 2 час. в ресторане по соседству общий и очень хороший обед. С 3.30 до 4.45 занимался партитурами. Потом один часок по магазинам. Л. — тоже где-то с переводчицей Ритой. (Купил еще утром соблазнивший меня нож, фонарь и т. д.) Почему-то очень расклеился: пришел домой с зудящей головой, весь перемолотый. Зашел Курт — тоже с покупок, потом Пономарев, потом Боря с «суточными». В 8-м часу появилась Л. Никак не может «истратиться»: чего хочется — в магазинах нет (не сезон, напр. нет драпа и пр. подобных вещей).

12 июня. В 7 часов утра Л. разговаривала по телефону с мамой. В 8 часов разбудила меня. Завтрак в ресторане на нашем этаже у надрессированного, пластическидвигающегося и жестикулирующего, почтительно-достойного *ober'a*. Репетиция с 10 до 12.15. (1-й час — «закладки» и места Шестой симфонии Чайковского и «Фигаро»; после вчера разрешенного оркестрантам «дня покупок» — пришлось их «шевелить». 2-й час — Ойстрах.)

Дома — часок партитуры. Жая еще нет: в городе. Бритье. В 2 часа обед у «обера». Его почтительное «*Herr Dirigént*», сервированная газета со статьей о нас — и просьба неизбежного автографа.

С 3 до 5 дрема в моем «амбарушке», днем оказавшемся тоже шумным: во дворе раздавалась какая-то стрельба. Пришлось позвонить Л., та бегала к портье, тот, в свою очередь, — во двор.

В 6 часов — ванна и прочие «агонии»... сердце — 130 в минуту... слабость отчаянная... Почему-то сегодняшний вечер кажется особенно зловещим... Сделал все, чтоб вызвать чувство «отданности», покорности неизбежному, следовательно Правдивости, а с ней и способности «причастию действовать». Думал о маме, ее комнате, папином портрете, Н<иколае> Ч<еркасове>.

Немного стало спокойнее... «спокойнее», конечно, не то слово... После ванны забрался в постель Жая: было еще

время; лежал, смотрел на переплет окна, образовавший высокий, прямой белый крест...

У зала — бесчисленные машины, нарядная толпа, тут же какие-то странные фигуры (говорят, власовцы). Нас высадили в темном переулочке у бокового входа под усиленной охраной «сопровождающих». Даже наверху, в коридоре у моей двери, маячит неотлучно один из них. Начали в 8.10. Первое отделение — очень хорошо. Симфония — тоже: успех громадный, публика стоя кричит, хлопает, вызовы, цветы, вспышки магния...

Но у меня — осадок: от недостатка сил вспоминается исполнение симфонии, как надсадный, тяжелый сон... (кроме того, сильно мешала, видимо, изменившаяся по сравнению с утром акустика зала).

Масса людей у меня после конца, кой-кто со слезами — Твердохлебов, старая профессорша консерватории, племянница Р. Вагнера (!), старик в слезах, махнувший рукой: «Лучше Никиша⁹, да, это Фуртвенглер!» и т. д.

Дома — просмотр фотографий; снятых на репетициях, и прессы, присланной из Гамбурга. Бедная Жай опять копошится: укладывается, неутомимая и, конечно, тоже усталая до последней степени. Заходили: Боря Шальман (сговориться о чемоданах), Саркисов, Пономарев, Рита. Хотелось остаться спать здесь, но Л. гонит меня в «амбарушку».

13 июня. В 6.30 утра телефон и голос: «Halb sieben!» [половина седьмого]. В 7 часов пришел «домой» — к Жаю. В ресторане у *ober'a* уже кормятся Пономарев и оркестранты. (Кофе, булочки, яйца, мешочки каждому на дорогу). Подсел к тем, к другим. Беседы о вчерашнем концерте. Вышла Л. Позавтракали, попрощались с *ober'ом*. Вышли с Пономаревым и Ритой поглядеть интересные какие-то часы. В фотомагазине зарядил кассету, стало худо: слабость, живот... Один домой. «Прононс», бессилие, сердце. Лег в постель. Наперекор визгу, лязгу и грохоту улицы задремал.

Пришли Рита, Жай, Пономарев. Собрались. В 11.15 тронулись в Штутгарт. В обратном порядке проходят знакомые места: плоскогорье, горы, спуск в долину. День облачный, но яркий, порой солнце. Цветут в лучах травы. Кой-где уже косят. Видел майского жука. По склонам — как вошки — стада овечек. Вся зеленая земля вокруг — мне, как врачевание.

В 1.30 Штутгарт. Сворачиваем с автобана. Долго едем извилистым шоссе. Начинаются леса, вернее рощи: светло-зеленый, весенний дубняк, бук, ясень, цветущая белая акация. Незаметно въезжаем в город: среди деревьев появляются черепичные кровли, башенки вилл, домики в садах, балконах, бельенких ставнях. Немного плутаем. Потом останавливаемся:

пансион «Ruhm». Мы с Жаем получаем светлую комнату во 2-м этаже, с окном во всю стену, выходящим в густой сад; во окно подувает ветерок и доносятся голоса птиц.

Пономарев, Рита и Жай едут в центр. Я — сразу в мягкую, чистую постель, под перину. Сквозь дрему — щебечущие голоса детворы, сочное пение дроздов. В 4-м часу зашел с репетиции (уехавший вчера утром из Мюнхена, чтоб хоть как-то поспать перед концертом) Курт. Быстро ушел обедать и спать. Я встал, спустился в садик. Л. вернулась около 5-ти: не попала ни в лавки, никуда, а попала в послерепетиционную сутолоку. О ней забыли, и она долго ждала машину. Съездили с ней вдвоем в город за еще одним экземпляром бритвы «Филипс». Город — в глубокой котловине. По дороге туда надо миновать район вилл, парков, садов, расположенных по склонам; после чего попадаешь в знакомую сутолоку улиц с бесконечными витринами и пробками машин на перекрестках.

Дома хозяйка накормила меня овсяной кашей. В 7.15 проводили собранного и подобранного Курта на концерт. Потом немного прошлись по парку и к 8-ми сели на диване у своего окошка, впервые за 3 недели почувствовали себя мало-мальски в «своей среде» — не при параде, без волнений и в тишости.

В 9 часов легли; но скрытое возбуждение истекших дней не дает уснуть. Пропищал в темноте комар, хлопнула дверь, простучали за стенкой шаги... Жай, наконец, задышала сонно. Я остался один с мыслями и заботами: о силах (хватит ли?), о Карловых Варах (пришлют ли путевки?) и пр. Наконец, в 11.15 Курт с добрыми вестями. Пономареву же пришлось после концерта идти на прием к мэру города (ни я, ни Курт не пошли: неловко). Стало спокойнее на душе; принял «люминал», прихлопнул надоевшего комара — и погрузился в сладкий сон (кровать — как маленькая люлька!).

14 июня. В 7.30 проснулся выспанный. Пасмурно. В доме шевеление. Внизу, в столовой, завтракают наши; тут же и Рита, бледная и слабая, после вчерашнего своего приступа печени. Уютная, опять седая и опять румяная хозяйка с дочкой — белянкой «Маргаритой» на выданье — обслуживают.

В 9.15 — опять в путь. Неизменный дождь. Долго шоссе петляет среди густых холмистых лесов, спускаясь все ниже и ниже. Распахиваются поля. В дождливых далях маячат горы. Мелькают частые поселки, стада овечек, красно-пегих коренастых коровок. Кой-где пасут на волах. На волах — попоны (!). Здесь еще цветут яблони и бузина, трава ниже и жиже, чем под Мюнхеном. Горы приближаются. Цепляясь за вершины леса, ползут по ним клочья туманных облаков.

В поисках какого-то лекарства заезжали в старинный город Rottweil с замком над рекой, старинными стенами, киркой. В 1.30 — граница Швейцарии. Дождит. Ждем отставшие автобусы с оркестрантами. Проверка паспортов, трогательное прощание с Ритой и Лией; пересаживаемся из легковых машин в общие автобусы (легковые уходят обратно в ГДР). В суете чуть было не теряем чемоданчика с обувью. В 2.30 трогаемся. Еще пара контрольных пунктов (у одного из них на склоне у опушки леса, шагах в двустах, дикая лань, обернувшись, наставила на нас ушки) — и уютнейшими городишками, долинами среди густых лесов и молодых виноградников, вдоль пока еще совсем безобидных гор едем по Швейцарии.

В 4 часа — Цюрих. Бесконечное блуждание по городу, улицы не вмещают автобусов: никак по извилистым коридорчикам их не подъехать к гостиницам. Так крутимся полчаса, задерживаем движение, вызывая любопытство и улыбки прохожих (на автобусах надпись «Len. Philharmonic»). Город солидный, старомодный, дома скромные, полные достоинства. Нигде ни одной крикливой вывески, витрины. Наконец-то остановка: по косой улочке тащим чемоданы в руках. Крохотная площадь, куда *vis-à-vis* выходят фасады двух отелей, скоро загромождается десятками чемоданов. С комнатами путаница, трудности. Оркестрантов срочно кормят. (Ведь в 8 часов концерт!) Обедаем и мы. Получаем комнаты. Курт у себя — лежит; дирижирует вечером не кормленный: заказанный обед (и то только после моего побега в кухню) появляется у него в 7-м часу. В 7.15 Курт едет на концерт. Отправляю Л. с ним. Все, наконец, отбывают. Остаюсь один. Несмотря на усталость, звон в ушах и боль под ложечкой, иду посмотреть город.

Выхожу на набережную. На фоне светлого вечернего неба — шпили, башни города. Гулко бьет колокол большой кирки на той стороне. Широкая, зеленоватая гладь реки. Мосты в развевающихся флагах. Потоки машин, трамваи, толпы веселых, нарядных людей. Тут же — на воде — лебеди. Стая лебедей на свободе. Над рекой с криканьем проносятся дикие утки. Парочка диких кряковых (в любом другом месте не подпускающих на выстрел) доверчиво подплывают к набережной, поглядывают глазком, ждут привычной подачки (!!). У одного из мостов большие сетчатые вольеры, где содержится коллекция всяких пород уток, простых, больших, маленьких, диких и домашних... Бетонными стрелками, параллельно набережной, тянутся пристани с массой причаленных наемных и «собственных» лодок, накрытых брезентом, разнообразнейших красавиц, блистающих лаком и моторами. Не переходя, пересекаю последний мост и выхожу на набережную Цюрих-

ского озера, засаженную тенистыми (четырьмя рядами) каштанами. На воде озера в лодках, и тут же на набережной стоят любители уженья в белоснежных воротничках; белеют паруса яхт, бегут моторки.

На противоположном берегу в зелени садов, среди зеленых свечей пирамидальных тополей, по холмам часто рассыпаны домики. За ними в вечерней дымке высятся смутные Альпы, со стелющимися по ним полосами тумана. Вдоль набережной — скамейки. Пары молодежи — откровенно влюбленных, пары седых, чинных старичков. Поднимаюсь в город. Узкие, темноватые, в садовых оградах, улицы. Видимо, район особняков. Почти безлюдно. Пахнет вечерней травой, влажной листвою, немного хвоей. Сумеречно и тихо. Совсем темнеет. Еще выше, в густеющих сумерках загорается свет в окнах, зажигаются рекламы отелей, начинают сиять богато-скромные огромные витрины «бьюиков», «шевроле» и др. Яркое освещенное здание «Neue Zürich Zeitung». Вновь выхожу к набережной. Темнеет. Разноцветно горят надписи, витрины; молча, не сигналив, скользят машины: на перекрестках почти нигде нет регулировщиков или светофоров. Стремительные машины, как вежливые люди, выжидают, уступают дорогу... никаких пробок, никаких заторов. В воде зыблются и отражаются разноцветные рекламы; на противоположной стороне — дома и огромная кирка ярко голубеют, освещенные прожектором. К 9-ти движение стихло: площади и улицы уставлены сотнями машин, ожидающих хозяев, где-то нашедших свой вечер. Высоко в небе, за тонкой облачностью, висит кажущийся мохнатым серп месяца. Такой был над Непрядвой, наверное... Перехожу мост. Попадаю в сеть старинных, извилистых и крутых, с трудом пропускающих машину, улочек. Здесь малоллюдно, но витрины также ярко освещены. В верхних, темных этажах сумеречно поблескивают стекла маленьких окон, белеют занавески. Очень тихо.

Удивительный город. Город естественного достоинства, уважительности, благородства, ни разу не поколебленных устоев. Ничего общего с кичливым Гамбургом, ни тем более с «временщиком» — Западным Берлином. В 10 часов вечера с сильной болью в желудке, которой все время старался не замечать, пришел к себе в гостиницу. Проглотил лекарство, принял хвойную ванну, лег в постель с Томсоном. За окном шарканье шагов, голоса, смех, восклицания, иногда пение: точно гриновский Гель-Гью¹⁰. В 11 час. — телефон: Жай. Скоро приехали. Концерт прошел блестяще. Был Хейфец, Клемперер¹¹, успех, играли хорошо. В 12 часов заснул как мертвый.

272 | 15 июня. Проснулись около 9-ти. Слабость, боли. <...>
Забегали навестить Пономарев, Курт, потом Толстая и Левант¹²

с лекарствами. Лежу в постели... Как будет завтра?? Л. ушла. Остался один. Записал вчерашний вечер. С 12 до 2 занялся партитурами. Приходил доктор. В 3 час. оделся, собрался. Внизу оркестр грузится в как-то проникшие через щелки улиц автобусы. На вокзал едем в отдельном маленьком автобусе. Солнечно. Светлый, многолюдный, с цветами и киосками, огромный вокзал. В 3 час. 35 мин. — поезд на Женеву. Едем долиной, почти сплошными уютными селениями, за ними плывут поросшие зеленой щетиной горы; проносятся нежно-голубые озера, виноградники, опоясанные низкими каменными оградами. По склонам стада бежевых коров.

Около 9-ти — Женева. С нами высаживаются 14 человек из оркестра. Остальные уехали в Вёве. Уже в темноте пригородных парков подъезжаем к отелю. Возникает недоразумение с часом завтрашней репетиции, часом приезда из Вёве оркестрантов и часом их обеда. В соседнем домике, построенном наподобие шале (где помещается ресторан гостиницы), долго утрясаю эти вопросы с импресарио. Номер нам дается маленький, бедноватый. Ванн при номерах нет вообще. Ужинаем в «шале». Два смазливых официанта, слегка фамильярных. Крепкий сон.

16 июня. 9 часов — завтрак. Подает хорошенькая француженка. Долго не может меня понять в вопросе каши. После завтрака Курт и Л. по инициативе и настоянию Ойстраха исчезают на какой-то прием, у какого-то нашего дипломатического работника. После завтрака позанимался и пошел один в город. Его красота, праздничность, воздух, водный холодок озерной глади. Все же это не Цюрих: формальнее, холоднее, меньше «души», глубины. Проглядывает солнце. Фотографирую лебедей, улицы, голубей, набережную. На скамейке отдохнул, впитывал живительный воздух, прохладу... окружающее. В 1.40 — дома. Обед со всеми. Слабость. Поэтому стараюсь «питаться» и ем по-настоящему: очень опасный предстоит вечер. Репетиция перед самым концертом, в 6.30.

С 3 до 5 дремал. В 5 часов внизу, в коридоре из вестибюля, ванна, о чем своевременно оговорила «Mädchen» [девушка].

Странно, но чувствую себя довольно хорошо, оживленно (!?) и даже нетерпеливо: скорей приступить. Задержка в утюжке фрака. Переговоры о нем, о чае и пр. с «бюро» гостиницы. В 6.15 — машина, ведомая самим импресарио. В 6.30 репетиция: дважды прогнал «Фигаро»; Шестую Чайковского: ответственные куски; 2-я ч. и кусочки Шостаковича с Ойстрахом.

В 7.15 кончили. Звучит тускло. Зал уютный, с нависшими балконом и ложами, уголками, но... места для публики не только сзади, а и вокруг и позади оркестра... В темной

дирижерской, отделенной от общей оркестровой комнаты лишь стеклянной перегородкой, переоделся во фрак, умылся, попил чаю. (Л. принесла «Альберти»).

В 8.40 — концерт. Все прошло удачно. 1-е отделение даже как-то чересчур спокойно. Только в антракте распалилось сердце. Симфония прошла на редкость правдиво и легко. Овации с криком и топотом.

Запомнилась в одной из лож немолодая дама вся в белом, белых мехах и искрах бриллиантов, и стройная молоденькая блондинка, до предела декольтированная, — в партере. Да еще две старушки, водрузившиеся прямо на стульях в самом оркестре, мешавшие мне выходить и уходить и отчаянно хлопавшие мне навстречу. После концерта Курт предложил завтра переехать в Вёве — побыть на Женевском озере. С нами в отель поехал некий Арутюнян (тот самый, который с Ойстрахом утащил утром Л. и Курта). Мы переоделись, после чего этот самый Арутюнян повез нас в старый город, в старый кабачок <...> Было очень мило и славно, но до последней степени непосильно... вернулись в 2.30 ночи, а бедная Жай не могла еще лечь спать, т. к. опять надо было укладывать чемоданы к завтрашнему переезду. Потом, когда легли, заснуть все равно не сумели... В середине ночи изнеможение мое дошло до предела: лежал и стонал.

17 июня. В 9.15 — завтрак. Пасмурно. Капли дождя. Прохладно. Вызвали такси и втроем, с Куртом, на вокзал. В 10.50 — поезд на Вёве. Едем почти вдоль самого озера. Между нами и водой — вьется шоссе. Мелькают машины. Горы за озером укутаны туманом, обложены тучами. Едем со скоростью более 100 км (тут все дороги электрические). Около 12-ти Лозанна. Маневрируем. Почтенный «обер» проходит с колокольчиком: «Le déjeuner est prêt!» [«Завтрак готов!»] Компания американцев встает и следует в вагон-ресторан. В 12 отбываем из Лозанны. Поезд идет над самой водой. Испуганные гагары ныряют. Тучи чаек поднимаются из-под берега. В 12.20 — Вёве. Встречают Боря и Кертлинг. Вновь пленительно чистыми улочками идем в отель «Три Короля». Довольно пустынно: воскресенье. Получаем блестящую новизной и лаконизмом бледно-фисташковую комнатку с окнами в зеленый дворик с неизменными дроздами. Втроем обедаем внизу в нарядном немногочисленном ресторане, от Саркисова получаем необходимые инструкции, от Бори — гоночары и идем к озеру.

Выходим на просторную площадь среди свободно стоящих старинных домиков под черепицей и башней с часами. Идем по набережной среди вековых подстриженных платанов. На фоне дымно-сизых гор нежно зеленеет вода озера. Накра-

пывает тихий дождик. Бегут белые пароходики, покачиваются на воде белоснежные лебеди. Дождь усиливается. Заходим в один из отелей, переждать. В вестибюле компания помещенных здесь оркестрантов.

Вернувшись «домой», ложимся поспать. Прохладно; довольно тихо, хотя и тут издали доносится рычание мотоциклов и прочих голосов цивилизации. Все время вспоминаются Софиано: дядя Петя с его страстью к путешествиям, властная тетя Шура, тихая, замкнутая маленькая Таня... Ясно представляются они здесь в далеких, ушедших днях... Заснуть не удастся. В 5 часов встаю разобрать и привести в порядок портфель, рецензии. Л. отправляется в душевую (ванн здесь нет) мыться, полоскаться.

На дворе все еще дождь. Курт в фойе с каким-то встретившимся ему здесь приятелем детства. Не дожидаясь, ужинаем без него. Кельнерша, ритуал сервировки, грелки под кушанья, вода с куском лимона. «М-г! Спаржу едят пальцами, после чего их обыкновенно ополаскивают», — сказала мне кельнерша в ответ на вопрос о назначении этой воды; чувствую себя дикарем...

Перед сном Курт и Л. пошли прогуляться. Я — домой, зарядил кассеты. В 12 часов легли, прослушали по радио прелестно кем-то сыгранную «Розамунду» — и крепко заснули.

18 июня. 9 час. встали. Птичьи голоса. Шорох дождя. Со стен глядят картинки из балетной жизни: «В школе», «За кулисами». В pandan [соответствие] — по радио уж совсем неожиданные глазуновские «Времена года». После завтрака с пресловутым «poritch'em» в 10.30 втроем пешком в Монтрё (!) и Шильонский замок. Идем по шоссе над озером, иногда набережной у самой воды.

Дождь перестал. Тихо. Кругом виллы, цветущие розы, запах влажных деревьев, каких-то пряно пахнувших кустов, газонов. Со всех сторон щебетание птиц, ябликов, дроздов. Кой-где по мелкому гравию дорожек проходит садовник. Пробегают машины по шоссе. Но очень малоллюдно: еще не сезон. Наконец входим в Монтрё; знакомые с детства, оживают забытые впечатления: островок с пирамидальным тополем и светлым особнячком, высоко на склоне — знакомый отель... Вот здесь я был 42 года назад... Здесь шел папа...

Идти хорошо: даже спазмы молчат. Только раз пришлось посидеть. Зеленоватая гладь озера, запах воды, укутанные туманами Альпы, невесомый воздух, благостность, благородство всего окружающего — вызывает чувство довольства, покоя, легкости и немного грусти воспоминаний. <...> Идем долго. К Шильонскому замку добираемся в 1.15. Заглядываем в ларек с шильонскими сувенирами к чете очаровательных

старичков. Бегло осматриваем дворы, дворики, залы, лестницы замка — времени мало. Идем поблизости в «Taverne de Chillon». Уютный ресторанчик, молоденькая француженка-кельнерша, блистающая сервировка, вкусная еда (зажженный фитилек под кастрюлькой с растопленным маслом); рядом компания веселых швейцарцев за пивом и картами. В 3 час. идем на пристань. Через полчаса подходит колесный пароходик; на палубе ветерок; пенится у носа голубовато-зеленая прозрачная вода, проплывают темные платаны набережной с белеющими под ними пятнышками лебедей, уходят темные леса и горы, Шильонский замок постепенно сливается с ними, наконец, за поворотом исчезает тесная группа домов, отелей Монтрё, издали похожая на вафельки.

В 4.30 — Вёве. Л. и Курт отправляются покупать шоколад, я — домой. В 6 часов все встречаемся внизу в вестибюле: через полчаса отходит поезд на Цюрих. В 6 час. 36 мин. отъезжаем из Вёве. На выходе из Вёве — прощально распахивается нежная гладь Женевского озера с туманными, молчащими громадами Альп. Вечер светлеет: проглядывает солнышко, тепло озаряет воду, леса, домики. Все... Прощай, Швейцария.

Наш поезд должен прибыть в Цюрих за полчаса до отъезда поезда на Вену. Но к вечеру выясняется: опаздываем. Общее беспокойство; на пересадку остается едва 10 минут, за которые надо успеть перебежать на другую платформу, получить и раздать билеты оркестру, погрузиться. Даже наш импресарио Броун, и тот нервничает.

В 12-м часу — Цюрих. Несемся на посадку. Но... судьба милостива: поезд на Вену тоже опаздывает, все всё успевают и в 12 часов, погрузившись в тесные двухместные довольно поношенные, но удобные купе 1-го класса, трогаясь на Вену.

Поезд неистово мчит, качает, но с устатку засыпаем, кстати, действительно прекрасных, длинных, широких, настоящих постелях под большими простынями и хорошими одеялами. Удивительное дело: наши вагоны шире, а купе короче и постели напоминают узкие лежанки, будто нарочно снабженные всеми возможными неудобствами... Ночью таможня, сквозь сон слышу голос Курта, ведущего переговоры.

19 июня. Встали поздно. Моемся в купе у маленьких, но удобных умывальников, пьем жидкий кофе из бумажных стаканов. По стеклам косые потоки дождя (на рассвете просыпался, выходил в коридор: отроги Альп, дожди, бедная земля, черные заборы, побитые дождем хлеба и травы; неудобно, убого). С 12 до 2 час. занимаюсь партитурами: симфония Моцарта *B-dur*, Пятая Чайковского. Начинает болеть голова.

У Л. тоже измученный вид: сильно устала вчера на прогулке и от вагонной качки. С нетерпением ждем Вену, где пробудем долго. Мечтается о хорошем отеле, ванне, комфорте, покое. Увы, неожиданности и разочарования были велики. Усталые, будничные, мы вышли в 4-м часу дня на перрон Вены и собрались, как всегда, без всякой помпы «распределяться», как вдруг появляется венский наш «хозяин» — антрепренер Гамсьегер с букетами цветов в сопровождении местного «отца города», представителей посольства, и тучи фотографов. Начались вспышки магния, торжественные рукопожатия, заиграл военный оркестр, выстроенный на перроне, и среди множества любопытствующих, аплодирующих венцев нас повели по перрону. Подскочил кто-то с микрофоном, и не успел я оглянуться, как уже говорил в этот микрофон какие-то слова, пожимал капельмейстеру в белом кителе руку и т. д. и т. д.

Посадили нас с Л. и Куртом в посольскую машину и повезли. Тут-то и начались злоключения: после всей помпы нас привезли в маленькую комнату, выходящую на шумный перекресток, с унитазом, отделенным от комнаты лишь занавеской, с какой-то коротенькой «сидячей» ванной и без ресторана... Оказалось — гостиница только что переоборудована из санатория, в Вене переполнение (конгресс, фестиваль) и получить что-либо приличное почти невозможно.

Смущенные «посольские» тем не менее отправились на розыски, а мы остались втроем и с Ежом (встретившим нас на вокзале) без шиллингов, инструкций и без багажа, в неизвестности, где кого искать, т. к. оркестр размещен будто бы в 10-ти различных гостиницах... Усталые, разочарованные, голодные (с одним утренним поездным кофе в животах) и злые мы сидели и ждали, пока не появился Саркисов, Пономарев, деньги и пока местная администрация не проявила доброй воли и, хоть и не очень охотно, предложила на выбор другие комнаты, такие же «лаконичные», но тихие, во двор. Этажом ниже была обнаружена ванная комната с большой ванной, возможность завтракать, глаженья фрака и белья и пр. и пр.

Пока, в ожидании устройства, пошли пообедать в ресторанчик, находящийся в доме, где и наша гостиница. Ресторанчик по первому разу тоже произвел неприятное, захламленное впечатление запахом жареного, темнотой, неприглядностью.

После обеда пошли пройтись. Ужинали где-то в кабачке, в дыму, чаду и гомоне. У меня разболелся живот, схватили спазмы; Л. тоже совсем как-то утратила равновесие, чего в такой мере еще с ней не случилось. Ночевали мы с ней

в тихой комнате Пономарева, среди груды привезенных чемоданов (наших, Курта, Пономарева). Так как постель была одна, то бедному Жаю пришлось спать на диванчике...

20 июня. Утром, выспанным, нам все показалось отраднее, лучше. Кроме того, появилась возможность тихой светлой комнаты, просторной, с окнами в зеленеющий травкой и виноградными листьями по стенам дворик.

Решили никуда не уезжать, отказаться от посольских предложений, от «шикарных» и наверняка шумных гостиниц; здесь же оказалось на редкость тихо. И вообще, все оказалось приятным: и предупредительные горничные, и уютная кельнерша в столовой («...о, Шаляпин!»), и утюжка фрака, и возможность ванны, и хозяин соседнего рестораника, скоро включивший нас в число почитаемых и постоянных посетителей и сменивший холодность на приветливость, и кормивший нас очень хорошо и по-домашнему. Л. все еще не пришла в себя: никогда не забуду ее мученического лица, когда вновь возилась с чемоданами при переезде в другую комнату. Утром она и все куда-то ушли. Я остался один в пономаревской комнате и занялся *аккомпанементом Моцарта* (скрипичный концерт, *A-dur*). В 1 час дня вторично заказал себе овсяную кашу, а в 2 часа поехали на репетицию. Ехал с тягчайшим волнением, старался ничего не видеть. *С 3 до 5.30 репетировал* (4-ю ч. Пятой Чайковского, 2-ю ч., середину вальса, вступление к 1-й ч.; всю симфонию Моцарта и куски аккомпанемента). Акустика для репетиции трудная: все гудит как в бочке. Но, как всегда, инстинктивно оркестр быстро освоился, и уже вальс звучал вполне понятно. Вернулись — чемоданы уже в новой комнате. Я сел за *партитуры*, а Л. взялась за мытье и устройство. Вечером без нее (с Пономаревым и Куртом) поужинали у «хозяйчика» и прошлись немного по старинным улицам, тихим и безлюдным. Дома застали уже прибранную комнату, успокоившуюся Л., а цветы в вазах — на столиках и комод.

В 11 час. легли в чистые, прохладные постели под «веские», но недушные одеяла и мягкие, пухлые перины, точно такие, как нарисованы у Буша в «Макс и Морице». Спали в тишине и покое сладко и долго: до 10-го часа утра.

21 июня. Страшный день: концерт в Вене... встреча с совершенно особенной, прихотливо-старомодной, избалованной публикой... а играем Моцарта. На душе тяжело и заботливо.

Завтрак с неизменным, спасительным овсяным «poritch'em» (живот все не в порядке), бритье и в 12 часов машина.

В дирижерской комнате мне предстоит встреча с Бруно Вальтером¹³, репетирующим вплотную до меня. Недолго пришлось ждать: открылась дверь и вошел Вальтер, одетый

в наглухо застегнутую черную курточку с белой полоской круглого воротничка. Те же черные, мягко светящиеся, глубокие глаза. Но 80 лет сказались: сутулина, под глазами мешки, желтая, восковая, будто неживая сухонькая рука.

«Maéstro! Вам надо отдохнуть». — «О, я не устал!» (Репетировал Реквием Моцарта). Встреча наша прошла тепло, с добрым флюидом с его стороны. Вспоминал свои приезды в Ленинград. Забыл, сколько раз там был: «О, в 80 лет уже трудно вспоминать, где побывал».

В ответ на мои страхи перед выступлением в Вене указал в открытое окно на Собор: «Вас ждет публика такая же, как этот город: лучшая, сердечнейшая во всем мире!» Очень одобрил программу. Сказал, что любит Четвертую и Шестую симфонии Чайковского (о Шестой сказал «бессмертная»), но Пятую меньше, «в финале — влияние Листа» (?!). На прощание пожелал счастья.

С 12.45 до 2 час. я репетировал: 1-ю ч. Пятой, полвальса, кусочки финала; 1-ю ч. Моцарта, кусочки финала и весь Концерт с Ойстрахом. Тревога души и тела усилились: остается очень малый интервал до концерта, который начинается в 7.30.

В 2.30 пообедали свежими и великолепными (вчера за ужином нам сосватанными) цыплятами. С 3.30 до 5.30 дремал. Л. уходила. В 5.30 постучала горничная: ванна. Еще немного полежал после нее, и в 6.45 — машина.

Состояние тягчайшее. Вдобавок очень болит живот. Как при всем этом начать беззаботный *B-dur* Моцарта? Переполненный, блестящий позолотой длинный зал; публика и логи тоже вокруг оркестра, как было в Женеве; теплый прием. Моцарт удачно — успех. После концерта овации и, как Еж говорит, «нескончаемый вой», автографы, фотографии, цветы; «триумф» — как говорили многие.

Дома — абсолютно выпотрошенный. Пономарев с бутылкой сбегал к соседу за чаем. Посидели... Курт — спать: завтра его репетиция. Не спал до 4-го часа.

22 июня. Встали в 9 часов. Как бы там ни было, что бы потом ни писали газетчики, — все же гора с плеч, и у публики несомненный успех. Во всяком случае, жить легче, чем вчера...

Посидел с партитурами. В 12 зашли с Л. за Куртом (он во втором этаже) и поехали на репетицию. К великому счастью, погода продолжает стоять прохладная и пасмурная. В 1.30 Курт закончил репетицию. Поехали домой. Перед обедом вверх по соседней улице прошли до часовщика, Л. отдала часики, капризничающие с 1-го дня покупки в Зап. Берлине. Обед у приветливого «хозяйчика», поздравляющего с успехом и хорошей «критикой». Газеты. Неизбежный шок, потом ана-

лиз, и убежденность восстанавливается. Но все же... неприятно.

После обеда Курт — спать, Л. — на маникюр. Я — записал дни. Скоро пришла Л. в слезах: заодно с маникюром ее убедили «причесать» голову. Потом появилась официантка, принесла чай, восторгалась концертом, который слушала по радио (!), служитель, принесший из утюжки костюм, — тоже (!).

Зашел Пономарев. Перевел ему газеты. Поговорили; он очень обозлился на «ситуации» Вены... Конечно, после вчерашнего концерта и его уровня даже мелкие укусы чувствительны... даже несправедливые... *В 6.45 поехали в зал.* Сидел с Куртом в дирижерской, пока его не повели «на эшафот» (беседа с ним о его неуверенности и причинах ее: «шаткость» замысла). Когда раздались первые звуки «Бенвенуто», пошел пешочком домой. С угрызением думал о своем последнем разговоре с Саркисовым по поводу напуганных им часов моей завтрашней репетиции. По пути восстановил по возможности равновесие — ощущение Правдивости на завтрашний день: «как могу» и «с верой и убеждением».

Думал о маме (как всегда, перед концертами в этой поездке). Возникла мысль ей позвонить, но почтампт был закрыт. Представил себе Бородинскую: у них там 10 часов; Пюхьярви... Тишу, верно уже ложатся или пьют чай. А вокруг — Вена. Пустоватые, уже разменявшие на вечер людей, красивые улицы. Просторно. Тихо. Чуть моросит дождик.

Дома вырезал и наклеил накопившиеся вырезки. В комнате тишина, немного грустная. Представил себе: что там Курт сейчас, все наши... зал сияющий, горячий... Спустился к «соседу» поужинать. По дороге осенило заказать телефонный разговор с мамой из гостиницы. И действительно: еще не успел поужинать, как прибежал старичок портье: Ленинград на проводе. Голос Клавы. Разбудила маму. Мама, конечно, только сама с собой и в себе: «Как проживу еще месяц без вас». Все же под конец: «Благословляю тебя». Когда уже заканчивал ужин, подошла хозяйка ресторана (она же мать «хозяйчика») с цветком в руке, подобранным рядом у подъезда отеля; это наши вернулись с цветами с концерта. Побежал к ним. Курт просветленный, освобожденный, Пономарев сияющий, довольный. Курт переоделся, после чего все отправились в ресторан.

23 июня. Встал выспанный, отдохнувший. *Репетиция в 10.* Кончили ее уже в первом часу (с 10 до 1.15 Шестая Чайковского; «Фигаро», которых я очень облегчил и снял по пульту в каждой группе струнных; потом с Ойстрахом, Шостакович по кусочкам).

Дома с партитурами. Спать лег в 3-м часу. Все идет спокойно, неторопливо, легко, не в пример 21-му, когда репетиция началась только в 12.30. Хорошо дремал, даже поспал. Л. ушла. В 5 часов выхожу в коридор, и радостно она из-за поворота навстречу. Как-то легко на душе, даже больше. Подсознательно: «завтра все будет позади!» Было в этом состоянии и вредное, мешавшее целиком отдаться предстоящему вечером. Но все встало на место; в 5.45 — ванна, принесли крахмальные рубашки; и вот, скоро наступающий вечер заслонил все: и «завтрашнее», и радостное, и встал стеной между мной и миром, как оно и должно быть... В 6.45 — машина. Около 7.30 Курт и Л. ушли из дирижерской в зал, в 7.40 — *я вышел на пульт.* «Свадьба Фигаро» сразу очень понравилась. Шостакович прошел исключительно. В антракте перед 2-м отделением я сидел в уголке, собирался с силами. Заглянул Гамсьегер (импресарио): «Was?» — «Die Schlacht ist schon gewonnen!» [Что? Бой выигран!]. После Шестой симфонии не сразу разразившиеся, но непрерывно растущие крики, топот, вызовы и пр., и пр., и пр.

Когда мылся и переодевался в боковушке около дирижерской, Л. не удержалась и к великому восторгу находившихся тут же Курта и Ежа начала припрыгивать, приплясывать, обниматься — не удержала радости. Пономарев, Еж, Курт — все вместе с нами в ресторанчик к «хозяйчику». Достали шампанское из ящика, подаренного нам Гамсьегером.

24 июня. Проснулись — солнце! (Впервые за все время.) Завтракали во втором этаже у «уютной» кельнерши. В 11 отправились на концерт Бруно Вальтера (закрытие Моцартовского фестиваля).

На эстраде царит домашняя атмосфера. Оркестранты и хористы приходят, уходят, настраивают инструменты, беседуют, обмениваются поклонами с кем-то в зале. Дирижерское место окружено со стороны зала маленьким заборчиком. Долго почтительные аплодисменты вышедшему Вальтеру. Кланяется дважды, но очень скромно. Симфония *g-moll* Моцарта прозвучала со всем своим бездонным и необъятным подтекстом, до сих пор мной только предполагавшимся и услышанным сегодня впервые.

Второе отделение — Реквием. Просто, величаво, но моментами все же как-то «машинально». Нигде никаких точек над «i», просто поют, играют музыку... Общее впечатление сложное: тут и величие 80-летнего старца, и потрясение (вероятно) «последней встречей», и немного жуткое веяние чего-то уже не здешнего, частично ушедшего (не только уходящего... маска лица с живой глубиной черных глаз, кисть руки, желтая, точно из гроба...), и трепетность ситуации — юбилей

Моцарта, Реквием, приход на пульт, с которым связан расцвет жизни...

С Л. зашли к нему в антракте. Мертвенно желтая рука на кресле. Испарина чела. Бледность. При всем том ни следа «автобиографических акцентов». Охотно разговаривает: о книге, которую пишет, о власти музыки, «призванной переделывать мир» (!!!), о месте Природы в жизни человеческого духа... (??). Только в лице дочери Вальтера, высокой, пожилой уже дамы с черными отцовскими глазами, когда я ей сказал: «Сегодня большой день», что-то дрогнуло, и на мгновение исчезла холодно-любезная улыбка, а в глазах блеснула влага. После окончания очень долго длились аплодисменты, множество раз выходил старик, солисты, причем всем ритуалом поклонов весьма искусно руководил сам Вальтер; под конец вышедший несколько раз один, чтоб принять приветствия зала, в которых все же явно преобладала нотка почтения над непосредственным увлечением.

В антракте, а также после концерта, во время поклонов Вальтера, ко мне подходили многие из публики с просьбой пресловутых автографов; на фоне происходившего меня это возмущало и корбило.

После обеда в какой-то пивной (наш «хозяйчик» по воскресеньям закрыт) Л., Еж и Курт пошли гулять, я же отправился поспать. В 7.30 заехали за нами Гамсьегеры и повезли после большого круга над Веной по окрестным горам, лесам и виноградникам — в старинный кабачок в Гринцинге. (Так называется район в окрестностях Вены, населенный сплошь виноделами и виноторговцами.) Приехали уже в сумерках.

Вплотную у кабачка домик, где жил Бетховен; в кабачке — стол, могучий, отполированный десятилетиями, за которым мы расположились и за которым будто бы сживал Бетховен; рога на стенах; древний пресс для винограда над головой, сделанный из цельного, почерневшего от времени толстого ствола; нарочито суровая сервировка: на тарелках куски кур, колбасы; местное золотистое вино в толстых стаканах.

Неяркий свет фонаря... немножко чадно. Во дворике за столами и столиками веселые люди; вьющаяся над головой густая, в пятнах-отсветах фонарей листва винограда; говор, смех. Картина старой Вены... Долго сидели. Я — с Гамсьегером, Л. — с его женой, довольный Пономарев, упивающийся окружающим Курт. Когда уходили и проходили опустевший дворик — гитарист, скрипач и аккордеонист у пустого столика играли нам песни старой Вены... Полная луна в листьях. Уже поздно, домой.

Гамсьегер настойчиво уговаривает меня приехать в Вену весной 1957 года, поработать 3 недели с оркестром, сделать 6 концертов при трех программах...

25 июня. День записи на пластинки. С утра появление почитительно обаятельного г-на Метаксаса — представителя фирмы. Л. проводила меня на запись и ушла по своим делишкам (были и в соборе). Заминка с технической частью. *Начали в 12 часов дня. Закончили в 9 вечера.* Хотя и были «страшные» минуты (например в финале 1-й ч. вдруг потерялся у «дерева» строй), но *записали всю Шестую симфонию Чайковского*, к удивлению и нескрываемому восторгу тонмейстеров и обоих «хозяев»: г-на Метаксаса и «frau Professor Schiller». Последняя все восклицала: «Es war eine Heldentat» [Это был подвиг]. Домой зато пришел мертвый. При моем появлении — радостные восклицания Жая. Умылся, передохнул; и опять все: Пономарев, заботливо привезший меня домой, Еж, Курт и мы — к соседу ужинать. Вновь — черное пиво, улыбающийся хозяин... Дома — мертвый сон.

26 июня. В ряде газет — рецензии. В большинстве хорошие. *В 10 часов — запись.* Но несмотря на бодрость с моей стороны, ничего не клеится: в оркестре реакция на вчерашнее переутомление. Пришлось «подкалывать», говорить резкости. Записали с трудом 2 и 1-ю ч. Пятой симфонии Чайковского. На вальсе — сели на мель. *В 5 часов* ввиду безнадежности — закончил запись.

К тому же сильно разболелся живот. Дома лег в постель и погрузился в полудрему, полузабытье. Л. ушла к Курту. Проснулся в сумерках; в открытых окнах тишина, прохлада, резьба вечерних виноградных листьев. Скоро пришла Л. с Ежом и Куртом. Изливался им в возмущении на оркестр, на необходимость писать, на все вместе и порознь. Накинулся на Л. (она как-то сказала, что вот теперь, когда меня узнали в Европе, она «может спокойно умереть» — «ныне отпускаеши») за непонимание главного и основного. Потом читал Л. и Ежу (переводил, вернее) рецензии. Еж пытался мне толковать что-то о «религии» моих достижений... Ушел в 12 часов грустный: завтра улетает в СССР.

Легли, но сон не шел. Овладел очередной кошмар, до слез (кошмар бывшего и будущего). Сидел в рубашке в кресле и не знал, как и куда деваться. Л. тоже лежала раздавленная моими «эмоциями». Тоже тихонько плакала от горести...

27 июня. В 10 часов опять запись. До этого в «салончике» на этаже разговор с Метаксасом о его предложении организовать наши гастроли в Англии, Франции и Америке в будущем году. Я просил его не торопиться с этим, не «запускать машину» до окончательного моего согласия. В 2 часа закончили запись Пятой Чайковского. Тут же обед. После него — еще раз прослушал запись финала. Сердечное и уважительное

прощание с техническим персоналом — и домой, в фургончике, в котором Пономарев и Саркисов куда-то ехали по делам. Ливень. Гроза. Дома Л. нет. Наклеил накопившиеся рецензии. Громыхает гром. В пустом дворике отвесный дождь. Когда дождь прошел, отправился в город, в фотомагазин, посмотреть радиоприемник. Вернулся, Л. все еще нет. Портье говорит: «Ваша Frau пошла в Drogerie [аптеку], сейчас вернется». На столе, в пакетиках со стружками, расставлены новые, купленные мне Жаем зверушки. В середке — символически посажен маленький плачущий зайчик. Скоро Л. пришла. Спустились в ресторан, тихий, почти пустой, к разговорчивому, источающему почтительность, не знающему, чем угодить, «хозяйчику». Дома записал дни. Л. опять окунулась в стихию укладки чемоданов; целая проблема; вещей — груды; часть идет с нами в Карловы Вары, часть отправляется в Ленинград с Борей Шальманом (в оркестровом багаже). Зашел измочаленный Курт: после меня так и не удалось ничего записать: оркестр изнеможен; поел земляники, посоветовал мне, какой брать приемник, ушел к себе. В 10 часов я закончил запись дней.

28 июня. С 10 утра на предоставленной нам посольской машине мы с Жаем отправляемся «осваивать» деньги. Обычно это канительное и малопродуктивное: то нет чего-либо (не сезон), то неизвестно, что и где искать, да и привычки к деньгам нету. В 5 часов, как условились, Л. вернулась. Оделись и всей компанией поехали на прием в наше посольство (к 7-ми). Эпизод с нелепым колоколо-кринолиноподобным платьем, в котором Л. хотела идти на прием, и мой категорический отказ сопутствовать ей в этом случае. Прием организован посольством в честь нашего пребывания в Вене. Нескончаемой чередой подходили люди с восторгами, просьбой автографов... Множество представлялось седовласых мужчин, почему-то все «президентов» чего-то; улыбатые, разодетые дамы; запомнились встречи: со старым, огромного роста, очень тучным человеком с умным, проницательным лицом, выразившим свое одобрение в коротких и очень теплых отеческих словах. Он, как мне потом сказали, является венским Асафьевым по авторитету и Глиэром по маститости. Фамилию, к сожалению, забыл.

Запомнилось злобное приветствие местного директора Филармонии (желтого, сухого, коротко стриженного седого человека), сказавшего: «Наши оркестры имеют вытянутые лица после вашей игры» и «мы вовсе не хотели бы, чтоб вас слышала Америка» — и тут же добавил: «а все-таки мы здесь живем лучше: у всех машины» и т. д.

Из другого жанра: жена посла на недавнем приеме сказала присутствовавшему Ойстраху: «Вы бы нам хоть попиликали

чего-нибудь». А посол на ходу хотел нас всей филармонией мобилизовать на завтра на возложение венка у памятника Моцарту, и присутствовавший на приеме Соловьев-Седой (приехал с делегацией Верховного Совета СССР) не преминул предложить: «При этом хорошо было бы, чтоб оркестр что-либо сыграл у памятника». <...>

В 10 часов были дома. Очень устал. Чай и ужин у «хозяичика» вдвоем: Курт ушел спать.

30 июня. Утром «дотрачиваем» деньги. Ездил в нотный магазин купить партитуру Воццека (только что изданного впервые) в подарок Шостаковичу и кой-что для себя. Ездил дважды: партитуры откуда-то доставались. Потом за готовыми куртками из замши (Л. и мне). Шофер такси, узнав, кто я, попросил автограф (!). <...> С 2.30 до 6 Л. укладывала чемоданы (6 штук). Я делал опись содержимого, готовил ключи для Бори на тот случай, если таможня заставит их открыть (чемоданы едут в Ленинград под его надзором). Л. — молодец: несмотря на спешку (после 6-ти должны прийти за чемоданами) не теряется. Я — наоборот: устал до дрожи, до горящих ушей.

В назначенный час появился Боря с подручными, забрали и увезли на такси и чемодан, и ящик с радиоприемником.

После обеда с Л. пошли вверх по ближайшей улочке, свернули вправо и нашли указанный нам костел «Maria-treu». Было мне как-то особенно трудно, окончательно бессильно и умученно: еле шел... В боковом маленьком приделе служба, яркий свет, звучит орган, празднично одетые молящиеся, вслед органу их негромкое пение. Вскоре конец службы. Все уходит. Многие — слегка касаясь пальцами святой воды в сосуде у входа. Возвращаемся в почти пустой, молчаливо вознесенный, сумеречный костел. Впереди, у алтаря, садимся на скамью. Невдалеке большое мраморное распятие. Упавшая голова, отвалившаяся челюсть Христа, — и все-таки веет от него утешение, упокоение измученным жизнью... утешающая прохлада смерти. Еще ближе к нам, парящая в сумраке, призрачно-невесомая, белеет фигура Мадонны <...> Опускаю голову на юпитр. Неудержимо, точно через край души — слезы. Все легче становится, *физически ощущимо* уходит измученность, раздавленность, тяжесть, будто слои их один за другим снимает невидимая рука... Свободно, глубже начинает дышаться... Чудо прохлады Храма, как бывало от волхования Природы.

Дивно: одни и те же Высоты открываются человеческому Духу, одна Истина — как через Природу (познание), так и путем внутреннего «религиозного» опыта: Приятие и Избавление. Вышел из костела просветленный, легкий, утоленный...

Домой прошли кругом: ажурные шпили в перспективе вечерних улиц, колоннады, сторожевые львы у садика...

Дома — укладка чемоданов, которые идут с нами. Вместе с Генслером — ужинать к «хозяйчику». Опять фигурирует подаренное Гамсегером шампанское. Надписываю фото — на память «хозяйчику». Скоро появляются Оник и Виктор Петрович (зам. Пономарева по поездке), потом бледно-зеленый, с записи, Курт: назавтра ему осталось, наконец, записать одну часть (первую) Второй симфонии Бетховена. После ужина идем с Куртом к нам, а Л. — мыться в Куртову ванну. В 12.30 ложимся спать.

1 июля. В 8 часов утра встали. Досборы. Боря с «суточными», за какие-то прошлые дни и серией рассказов о Пономареве. <...> В 11 — машины. К поезду пришло несколько человек из посольства. В 12.05 отбываем в Прагу. Все позади.

Солнечно, пухлые облака. Спеют хлеба. (Много где хлеб полег: прибит дождями.) Поля оторочены каемками алых маков. <...> На австрийской границе томительно стоим около 3-х часов: поезд опоздал и ждем следующего состава, чтоб к нему «прицепиться». Трогаемся только в 6-м часу. Чехословакия. Дымящий, в копоты, Брно. За ним, знакомые, начинаются горы. Поезд бежит долиной, вдоль густо заросшей деревьями горной реки. Мелькают туннели, грохочут частые мосты. Спускаются сумерки.

Не зажигая света, вытягиваемся каждый на своем диване (спальных купе нет: едем с Л. в просторном 6-местном купе вдвоем, обеспеченным заботами Пономарева). Дремлем. Темнеет. Мелькают огни станций, медленно вращается ночное небо, на полу — полосы света из ярко освещенного коридора. Наконец, в 12 часов ночи Прага. У вагона появляются Экштейн, профессор Садло, жена Пиштеллака, Марианна — все друзья по прошлогоднему Пражскому фестивалю. Носильщик с тележкой. У выхода вокзала подходит представительница «Виллы» Конева, ждет «победа». Прощание с милыми людьми, едем ночной Прагой на «Виллу». Хорошие постели. Одиссея наша кончена. Сон.

Карловы Вары

2 июля (пт). Утром — Градчаны. Собор Святого Витта. Золотой ответ витражей на колоннах. Неожиданно новое восприятие «моего» Распятия. Огорчение (показалось, нет в нем освобождения покоем, а только истерзанность, уничтожение; огорчило сначала, потом понялось, синтезировалось). Кроме того, Л. показала ракурс, который ускользнул от меня. Архитектурное чудо готических сводов, окружающих алтарь: их

незаметная глазу разница в высоте, кажущаяся естественной глубиной перспективы; «часок» в уголке двора. Потом «домой», на «Виллу». Около 12-ти машина и с вновь прибывшей с аэродрома четой — в Карловы Вары. В 2 часа на месте.

Канитель с комнатами. Беспорядок. «Империял» не узнать. С трудом получаем так называемый салон в 6-м этаже: две маленьких, низких комнатки со сборной, потрепанной и даже сломанной мебелью, но все же с «моими» любимыми удобными кроватями и хорошей ванной. Плюс этих комнат — «домашность», непретенциозность. Недостатки: 6-й этаж, канитель с лифтом и «не по рангу». Сделал все же заявку на лучшие. Первое впечатление плохое не только от «Империяла», но и от города: голые, пустые витрины; и даже от виденного в Праге и по дороге, как-то все обеднело, запылилось, потускнело — и улицы, и лица, и одежда. Потом оказалось, что витрины готовились к очередному Карловарскому международному кинофестивалю.

3 июля (*вт*). Начались обычные «водопойно-процедурные» дни. Помаленьку втянулись. Но еще новость: отменены машины к источникам. Три раза надо ходить пешком, что нелегко. Желаящим предоставлено право пользоваться восстановленным фуникулером, от которого тоже до «воды» не близко.

4 июля (*ср*). Погода плохая: дожди, грозы.

6 июля (*пт*). Утром приезжали представители Чешской филармонии гг. Кукла, Поспешиль и какая-то девушка «поприветствовать» и просить дирижировать в будущем году на «Пражской весне».

7 июля (*сб*). В 6 часов — церковь. Золотой, среди горящих свечей, образ Николая Чудотворца. Л. у него и у Серафима Саровского.

9 июля (*пн*). Погода налаживается.

10 июля (*вт*). Перебрались вниз, в 3-й этаж, в номер, где жили в 1954 году Черкасовы. Две большие комнаты, балкон, просторная ванна. Казалось бы — все хорошо. Но... эта часть этажа только что из «ремонта», и то и дело выясняются недоделки: нет стульев, стола, ламп на ночном столике, занавесок, капризничает горячая вода. При помощи настойчивости и доброжелательности сестры-хозяйки, хотя и с трудом, но постепенно все налаживается. Приносят даже старый, разбитый радиоприемник.

11 июля (*ср*). В 10 часов утра приехал из Праги Экштейн с женой и маленькой дочкой. Пробыл до 2-х. Как всегда, беседа с ним душевна и доброжелательна. Город украшается и прихорашивается: красят фасады домов, наполняются вит-

рины, вешают флаги, фанерные, ставят обелиски с эмблемами (!). В 5 часов у колоннады начались гулянья: близится открытие фестиваля.

12 июля (чт). Вечером портье передала: ищет нас Копецкий. Просит быть у него либо вечером поздно на приеме, либо завтра утром в 10 часов.

13 июля (пт). К 10-ти утра — к Копецкому, в «Пуп». У отеля окликает улыбающаяся, как всегда, немного экзальтированная, но сердечная и «своя» Марта. Из-за столика у входа поднимается и радушно приветствует нас Копецкий. День жаркий, но мы сидим за столиком на улице. Большой зонт мало спасает от жары. Подходят какие-то корреспонденты, редактор нашего «Огонька» (Кудреватых), киноактриса Соколова, чешский профессор-химик, другие лица. Копецкий все тот же: мил, весел, неутомим, несмотря на свои 60 лет, неиссякаем в речах, темпераменте, знакомит, занимает. К 1 часу дня приглашает присутствующих отобедать. Переходим в небольшой парадный зал отеля. Лакей, коктейль, вкусный обед, земляника со сливками, фарфор, золотые ложки, ножи и вилки. Усталые от все же не очень непринужденной беседы, около 3-х прощаемся. Вопреки зною, идем с Л. на неизменную «воду». Вечером тушим свет в 10.15 и неукоснительно засыпаем. (Вообще, ложимся здесь не позднее 11-ти).

14 июля (сб). Сон про Абендрота: сидим тесно рядом. Он показывает с партитурой, как надо исполнять «Свадьбу Фигаро» (увертюру). Подмахивал. Внезапно *sobino piano* [внезапно тихо] в одном месте. Общая свобода отношения к тексту.

Встаем в 7 часов. Очередной «трудовой день». <...> С 12 до 2 переписывал из чернового блокнота свои путевые заметки, которые вел во время поездки оркестра. К 2-м — опять на «воду». Около 3-х встречаемся с очень милыми своими соседями по столу (врач Дульцин с женой) за обедом. После обеда забежала к нам Плисецкая¹⁴, занесла пригласительные билеты на прием, устраиваемый советской киноделегацией. Идти очень не хочется, но придется. В 4 часа пришла Марта, села за изучение рецензий по нашей поездке. После жаркого утра разразилась могучая гроза и ливень. Из низин, навстречу ему, начинается клубиться теплый туман, ползет по потемневшим склонам гор. Около 12-ти ночи «сборы» — иду на прием. Ссора с Л. (ее очередная головомойка). Буря. Воеет ветер.

В 3-м часу ночи, измученный тоскливой натянутостью и непривычно поздним часом, убежал с приема. Пешком домой. Тьма. Хлещет дождь. Иду с фонариком. Дома свет, Л. не спит еще.

Альбом 3
Appassionato

*Искусство должно потрясать.
Иначе это не искусство.
Опаленность человека искусством, музыкой —
и слушателя и исполнителя — вот главное...*

*Всесоюзный конкурс дирижеров в Москве (1-й тур).
1938*

*Исполнение антракта из балета Глазунова «Раймонда».
«Ленфильм», 1939*

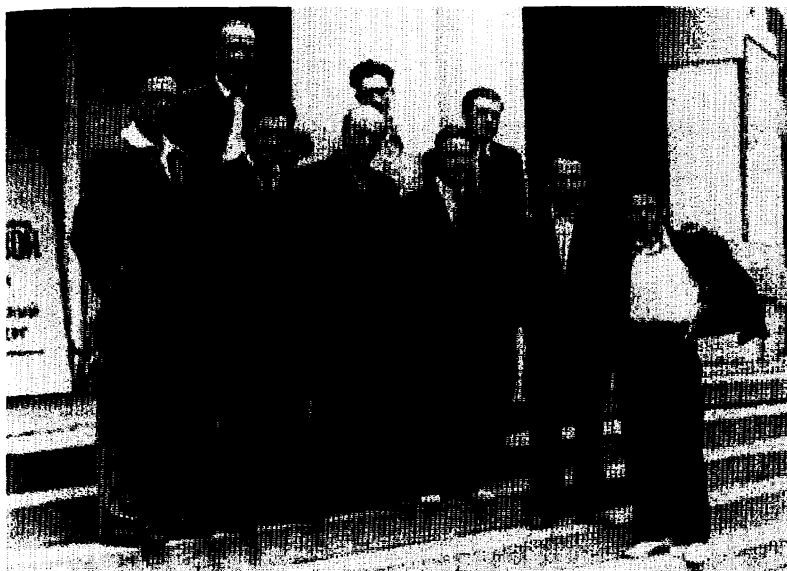
На репетиции.
Рисунок Г. С. Верейского. 1941

*Афиши концертов Ленинградской филармонии в Новосибирске.
В период 1941—1944 гг.*

*Здание Концертного зала в Новосибирске.
1941—1944*

*Музыканты Ленинградской филармонии в Новосибирске,
во 2-м ряду: Е. Мравинский, К. Зандерлинг, В. Генслер. 1944*

*Е. Семков, Е. Мравинский и переводчица
в гастрольной поездке по Европе. 1956*

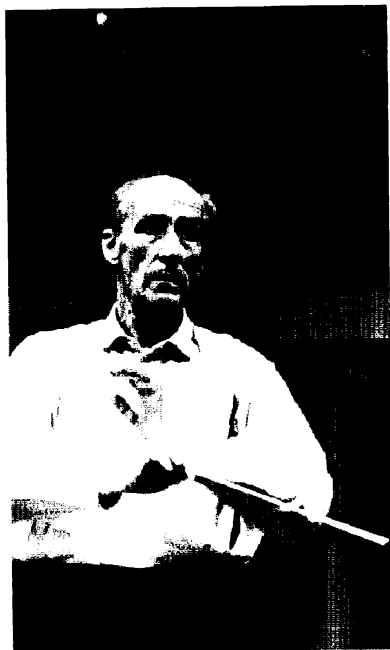

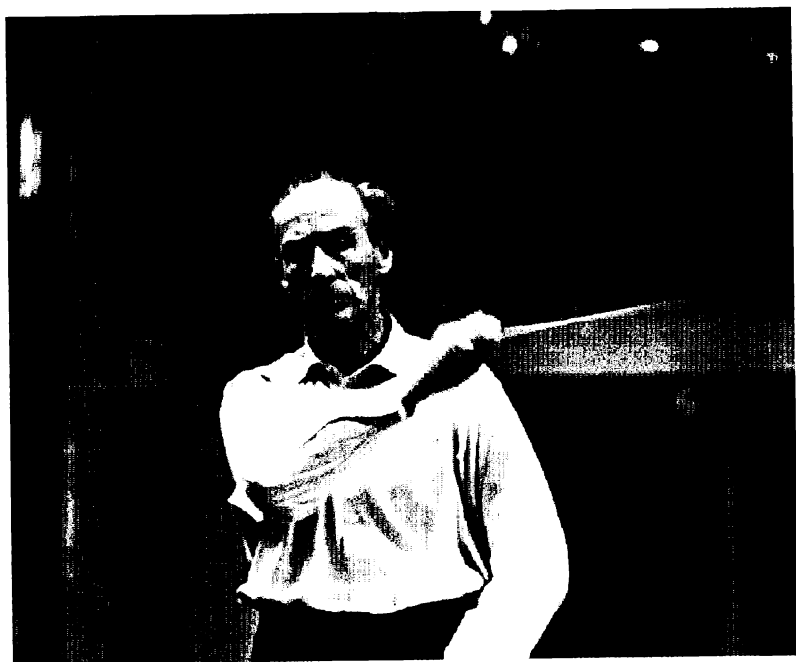
*Е. Мравинский, Л. Оборин, Д. Ойстрах
на фестивале «Пражская весна». 1946*

*Репетиция во время гастролей в Челябинске.
1969*

*Репетиция произведений Я. Сибелиуса.
1970*

*В дирижерской Ленинградской филармонии во время перерыва.
1980*

Исполнение Бетховена.
1978

*Исполнение Бетховена.
1978*

«Музикферейн». Вена

Музыкальный зал «Музикферайн» — 101, Арсенальная
улица, 14/778

Минувши 7-й день 1978
Оркестр симфонический «Музикферайн»
19.45 ул. Шапителовская

Явужени Мравински Ленинградский Филхармонический

Карл Мариус фон Вебер
(рожд. 1766 в Эйфел, ум. 1826 в Лондон)
Симфония для Оперы, Оркестр
1825/26

Адаптация симфонии / Аллегро с темпом

Франц Шуберт
(рожд. 31.1.1797 в Лехенвальд, близ Вены,
ум. 19.11.1828 в Вienne)
Единственный симфонический (оркестр) симфонический
Симфония в D-мажоре, «Неоконченная»
D. 759 (1828)

I. Аллегро умеренно — II. Анданте с темпом

Бетховен

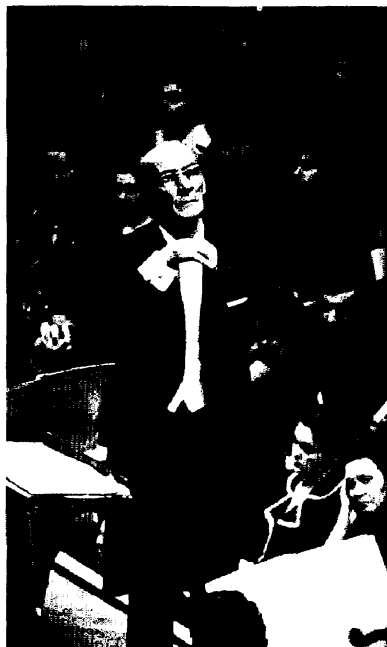
Йоханнес Бетховен
(рожд. 1770 в Бонне, ум. 1827 в Вienne)
Симфония № 2
в D-мажоре, op. 21 (1802)

I. Аллегро с темпом — II. Аллегро с темпом — III. Аллегretto
грациозно (почти Анданте) — IV. Аллегро с темпом

Программа концерта в «Музикферайне».
1978

*Концерт в Ленинградской филармонии.
1976*

Исполнение Вагнера.
1977

*Концерт, посвященный 100-летию
Академического симфонического оркестра
Ленинградской филармонии. 1982*

15 июля (вс). Тяжелая реакция на вчерашнюю ночь. Разбит, не выспан, болят нервы. Вечером смотрели очень хорошую аргентинскую (фестивальную) картину «Каменный горизонт».

18 июля (ср). В 6 часов закончил переписку «гастрольных нотаток» (по 1.VII).

20 июля (пт). Вечером — на кинофильме (французский фильм) «Если парни всего мира»¹⁵. Очень хорошо. В 6 часов пошел за папиросами. На «воду» еще рано. Свернул по улочке, идущей за домами, — расположенными по зеленому склону над городом, — такими нарядными со стороны фасадов. Во всех подробностях открылись «задворки» действительности здешней, весьма поучительной. Как часто бывает, через наглядность многие накопленные впечатления обобщились (капиталистическая сущность любого «устройства»; капиталистическая психика любых правительств; их различие и вероятное будущее; обстоятельства, им способствующие и противостоящие, естественность и насильственность порядков их и т. д. и т. д.). («Тотальность» и естественность).

21 июля (сб). После грозы 14-го погода так и не может наладиться: сумрачно; солнце только изредка; холодно; перепадают дожди, сильные ветры. А сегодня, невзирая на холод, была днем гроза. А в 20-ти км отсюда... выпал снег.

22 июля (вс). Уехали Дульцины. После обеда появилась измученная Нина Черкасова. Вечером сидели у нас.

23 июля (пн). Поиски хоть какой-нибудь мелочи для Л. к завтрашнему ее дню: нет ничего, чтобы «душевно» захотелось купить. Наконец, нашел голубые вязанные перчатки.

24 июля (вт). Л.<ютик>ин день. Как снег на голову — утром столкновение с ней. (Л. «упорство», букет, стол, «стул», шум в коридоре и прочие пустяки, в конце концов...) Полдня искал возможность сгладить. Только на пути к «вечерней воде» немного наладилось (подождал ее в вестибюле внизу). Что бы ни было поводом, я не должен был *сегодня* огорчать ее ни единым словом. Когда, Господи, я буду владеть своими побуждениями, хотя бы предвидеть их проявление...

Целый день дождь, туман, темнота, как осенью. Вечером у нас после ужина Лев Матусевич, Вербицкая¹⁶, Ал. Ос. с женой и с приятелем. Принесли букет роз. Красное вино, пирожные.

25 июля (ср). Вот уже дня три «приступил» к бросанию курения. Делаю это безвольно и бездарно. Л. сегодня после завтрака — уходящая на гимнастику с лицом «тети Поля» — знает, что закурю... когда уйдет, а я — с самочувствием Тома

Сойера, собирающегося сблудить и знающего, что тетя Полли это знает... И смешно, и глупо, и стыдно. После обеда Л. ушла. Я вынул папки с письмами, программками, проспектами и прочими памятками за поездку. Почти 2 часа я с увлечением все просматривал. Сейчас — «с птичьего» полета — видно, как содержательна и богата впечатлениями была поездка. За окнами — серо, свистит ветер.

26 июля (чт). Солнечный, хотя ветреный день. Впервые воздух ласковый и теплый. Пошли с Л. в горы: мимо «сталинской вышки», к Трем крестам. Пронизанные солнечными зайчиками, изумрудно светящиеся леса. Березовые рощи. Легкий живительный воздух. В голубой дымке — противоположные горы, зеленеющие дали. Белочка, бегущая древесной своей дорожкой по вершинам деревьев. Крутые склоны, уставленные пепельными стволами вековых грабов. В тенистых местах — сырые дорожки, затянутые изумрудным, скользким мошком. Высоты, нависшие над игрушечными улицами игрушечного Карлсбада. Наш с Л. страх высоты и пространства. За время нашего пребывания здесь цвела и уже начала отцветать липа. На бузине покраснели ягоды. Зацвел, обильно цвел и уже осыпался жасмин. Зацвел в горах иван-чай. Знакомым, родным, медовым духом веет от цветущей кой-где на полянках белой кашки. На обратном пути — «на воду». Дома обед и прием у доктора. После обеда неожиданное появление милых Бориса Пиштеллака с женой из Праги. Вечером на бразильском фильме. Плохо и непонятно, хотя заведомо «реалистично»: передовое искусство!

27 июля (пт). Вставал в 5-м часу. По еще сумеречным низинам таится туманная неизвестность утра. А высоко, в уже светлом небе, повис золотистый пузырек ушербного месяца, утверждающий, что все в мире по-прежнему и что новый день давно настал.

После обеда поднялись с Л. на фуникулере к Бенешовой вышке. Оттуда пешком по вьющейся по склонам дорожке спустились к 7-ми часам «на водопой». Шли «по-моему»: часто присаживались. Слышали скрипучие разговоры соек в чаше. Встретили компанию ребятишек в сопровождении овчарки — собирающих чернику. Слушали доносившееся из-под камня тонюсенькое верещание семьи мышат. Внизу на бульваре, где происходит ежедневный «фестивальный ход» чехов, тихо посидели — наблюдали за парочкой воробьев, кормящих птенцов в гнезде, устроенном под карнизом одного из окон 2-го этажа, над самым многолюдным местом. День по-вчерашнему теплый и солнечный. Вечер были дома. Зашла Нина Черкасова, Вербицкая, улетающая завтра в Москву, Ал. Ос. с женой, профессор Шабад.

28 июля (сб). Солнечное утро скоро потускнело. Небо затянулось. Поднялся ветер. (Который уже день опять плохо с головой: муть, побаливает, намеки на головокружение; особенно в первую половину дня, как бывало весной... Что ж, после всего, что было, оно не мудрено.) В 6-м часу вышли с Л. Заглянули в «обходный дом» по поводу обуви для А. Животова: нет ли № 42.5. Оттуда церковь. Прошли в уголок. Сначала — трудность приобщения. Растерянность. Несобранность физическая и душевная. Нестройный, мешающий 4-голосный хор. Батюшка с кадиллом у образов. И в наш уголок. Близкий его поклон Л. и мне. Л. со свечкой к Николаю Чудотворцу. <...> Свеча у Н. Ч. клонится, того и гляди упадет: Л. второй раз к ней. Долго все лишено значения. Плоский свет... убожество... Вдруг — ведающий взор Божией Матери рядом, со стены, как там, у Иверской... Появление матушки. Ставит свечи. Уступаем ей уголок. Женщина со свечкой к Серафиму Саровскому. Поставила. Отошла. Падение свечи. Ее неугасший на полу огонек: матушка поднимает, ставит. Постепенно: образа на иконостасе: Христос, Божия Матерь... Всевидящие... Те — как в детстве, те, что в детстве. Дома... Церковь, всегда Дом. Дом, к которому, кажется, утрачены тропы. Постепенно раскрывается, распахивается мгlistая глубина храма. Огни лампад теплеют... Хор стройнее, мягче. Возглас священника у врат: «Мир всем!» — и торжественность скромная совершаемого. На середине — столик. Серебро чаши. Пять хлебов; три огонька свечек над ними; «...хлебы, пшеница, вино и елей...» — благословение заботы человеческой, земной!.. Трепетное тепло, мгновение нерушимой огражденности души, как бывало в детстве... Церковь — Дом. Всегда обучающий, напоминающий: «Ты можешь быть Дома везде, всегда».

Сумерки. Ярче огоньки лампад, свечек, отсветы их на ризах образов. Великая ектенья: «...Себя и друг друга Христу, Богу предадим!»

На улице густеют сумерки. Клубятся тучи в горах. Отдаленный гром. Накапывает. Все темней и темней. Молнии. Близкий удар, ливень. В колоннаде, у мельничного источника, толпится, застигнутая, вся русская «колония». Расходимся с Л. по своим источникам, потом вместе, тихонько, под дождиком, пешком домой. Вечером Л. на «Фиделио» [Бетховена]. Я — домой. Столкновение с наглядностью своего невежества... шок. Еще бы: падение с «высот» последних «достижений»!.. Опять, опять и опять: не цени себя оценкой окружающего!!! Ни «хорошей», ни «плохой». Это лишает тебя Правды, чувства: и своей малости, и своей неповторимости. В «успехе», помни, *«есть завтра»*. В «неудаче»: *«Как могу!»*

10.45 вечера звонил Пономарев из Ленинграда.

29 июля (вс). ...Вышел на балкон. Ласточки в вышине. Тихое их щебетание. По пути «на воду» встретившийся В. Н. Орлов передает приглашение на торжественный обед с Запотоцким (закрытие Фестиваля). Вот еще не хватало... После завтрака появление Марты. Уговоры ее, чтоб мы непременно пришли. Зашли к Нине Черкасовой. Она на балконе. (О смерти под раковой; о данном человеку Прошлом, но отнятом Будущем.) 4 часа — машина. Кофе, коньяк с Капецким в «Пупе». В 6 часов домой. Дома поиски выхода: как отказаться от поездки в Прагу, на которую опрометчиво дали согласие Капецкому. Волнение. Повышенное давление. Решаем послать телеграмму с отказом. Вечером на концерт «артистов Большого театра». Неожиданное очарование семьей Батуриных.

30 июля (пн). Утром — авария на «субаквальной ванне». К хирургу: укладывает в постель с примочками. Лежу, читаю «Сестры» А. Толстого¹⁷. Яркие квадраты солнца на занавесках движутся к вечеру. Через открытую балконную дверь виднеется лес, горы в закатной тишине. Голоса, даже звуки машин на дорогах кажутся зовущими: грустно лежать...

31 июля (вт). Лежу. Читаю. Слушаю шум ветра, смотрю на плывущие облака... В овальном зеркале белого Л. туалета отражен солнечный «натюрморт»: в ослепительных точках света графин с водой, две розы в стакане. Еду приносят. Приходит — уходит Л. Посещают доктора: лечащий, главный, хирург. Последний осторожно меня «оперирует» [перевязывает]. Забежала, принесла три розы Маричка (медсестра). В сумерках навестил Шнейдерман (дирижер, товарищ по Консерватории). Вечером заходила уезжающая завтра Плисецкая, принесла свою фотографию, был профессор Шабад, Нина Черкасова.

1 августа (ср). «Ранение» мое — лучше. Встал. Спустился в столовую. Радостно быть здоровым. От Марички еще розочки между дверьми. Внизу — отъезжающая Плисецкая. За завтраком беседа с ней. Но у Л. потемневшие глаза: видимо, неизбывна затаенная ее боль моих так называемых «свободных граней», очень грустно это... После обеда лежу с книгой. Л. и Нина тут же уютно воркуют: о тряпках, туфлях, о том о сем. Так до самого ужина. Л. ушла «на воду», Нина — к себе. Я — часок на балконе. Тишина, вечерняя благодать гор; медленно уплывающее, слабо озаренное облако; невесомость; прохлада; легкость; в душе и в теле — равновесие... Необъяснимое чувство общения с Миром... Прекрасным Божиим Миром... Вечером Л. с Ниной в кино. Я — в постель, читаю.

2 августа (чт). В 1-м часу приехал Пиштеллак с женой. После обеда на их машине поехали в Марианские Лазни,

49 верст отсюда. Торопливо плывущая пелена туч. Дожди. Но хорошо, радостно и легко. В Марианских Лазнях побывали в гостинице, где 10 лет назад жили с Л. две недели. Обошли забытые, но как родные, местечки: колоннаду с магазинами в крытой галерее, с играющим на эстраде (тогда пустовавшей) оркестром, тенистый парк, нарядные улочки. Зашли в протестантскую церковь. В пустом храме звучит орган. Полумрак. Старые витражи окон, аркады балкона, образ Христа, возносящегося в алтаре. Потом посидели в ресторане за кофе. Домой ехали — уже темно. Сумрачные горы. Порывистый, качающий деревья ветер. Первые огоньки в редких селениях. Огонек костра у реки. Получилось все — как прощальная встреча с чешской, ласковой землей; ведь уже на днях уедем домой, и весь долгий, казавшийся непреодолимым, последний отрезок жизни — уйдет в Прошрое... <...>

4 августа (сб). Дождь. Один «на воду». <...> Дома — читаю Толстого. <...> Потом немного на балконе. Ясный вечер. Над аэропортом напротив кружат самолеты. Реют ласточки. Перед «вечерней водой» заходили с Л. в костел. Пробыли всю службу. Орган. Опять пение вслед за ним молящихся. Звоны в тишине. Светлый, белый с золотом алтарь; такие же фигуры на нем: парящие, склоненные ангелы. Много света, светлая праздничность. Но в центре, не сразу замечаемый, темнеет почти черный образ распятия, с проступающими из мрака отдельными ликами и зеленовато-белым, скелетоподобным, растянутым, с резко очерченными мышцами провалившегося живота, телом распятого Христа. Напоминание: лишь через Это... Только через Него...

Вечером у нас Нинка. При ней уютничаю: моюсь, раздеваюсь, лечу свои «раны», к великому ее возмущению. Рано легли. Даже грохот бильярда снизу не помешал: заснули.

5 августа (вс). Во время завтрака появление Пиштеллаков. С ними — в Пльзень. <...> Пустынные воскресные улицы города; фрески на фронтонах домов работы Н. Алеша; монастырь Святой Марии. За решеткой в сумраке группа фигур: Христос, молящий о чаше, на скале ангел, протягивающий ему чашу, спящие «от печали» Иоанн, Петр и Павел; в полутьме все они — как живые, в рост человека, настоящие и одновременно «кукольные» и — потрясающие; слева — распятый на кресте разбойник с судорогой смерти в сведенных руках и всем теле. Тяжелый, барочный, в темной позолоте иконостас. Напротив — нависающий трубами корабль органа. Молящаяся на коленях вся в черном маленькая седа старушка. Прислонившаяся к ней, трогающая пальчиками одеяние Мадонны, светловолосая внучка в длинных светлых

чулочках. Каменные погребальные плиты по стенам. Стертые надписи на них.

Потом — на площади. Большой костел Святого Бартоломея. Узкие, неяркие витражи длинных, во всю стену окон, сумрак вознесенных сводов напомнил Кельнский собор. Но здесь мрачнее, скованнее, теснее. Темные лики, Распятия. Темный иконостас, ярусы готических шатров, под каждым — фигуры святых, увенчанных коронами. В центре — небольшая фигура Богоматери (XIV век), высеченная из целого камня. Тоже с короной на голове. Слева у алтаря — ризница, пахнувшая воском и еще чем-то сладковатым; справа — маленький придел с иконостасом (работы 1900 года): в золоте модернизированного орнамента, с тремя фигурами (резными, из дерева) больше человеческого роста. В центре — Мадонна, свободно сидящая с младенцем у ног, справа коленопреклоненный рыцарь, слева высокий старик в мантии, бритый, с полуопущенными веками. Поражает совершенство работы и бросающееся в глаза игнорирование всякой условности; все до предела натуралистично. Кстати, сегодня вообще мне бросилась в глаза эта, почти нарочитая телесность, натуралистичность всех фигур в католическом храме, образов и распятий... А также повсюду *подчеркнутая* коронованность, увенчанность святых, апостолов и Мадонны *земными* регалиями земных царей. «Величие» — для малых сих (?)

Около костела на площади голуби. Колясочка. В ней протягивающий ручки к голубям белокурый ребенок. Мать бросает голубям крошки. Голуби толпятся, взлетают; скрип их крыльев в воздухе. <...> Перед тем как осмотреть костелы, обедали в гостинице. Философствовал, чистый душой, Борис о «текущих» своих бедах. В 4 часа выехали домой. Дождь. Потом рассеялись тучи. На мокрых колесах почерневшего асфальта — блеск вечернего солнца. Массовое цветение дикой рябины, покраснелись гроздья рябины, краснеют на вырубках поляны: много цветущего иван-чая: началась Осень.

Дома, хоть и устали, все же сходили «на воду». Нежданная встреча с чешским органистом, гастролировавшим в истекшем сезоне в Ленинграде. После ужина опять у нас Нина, и опять рано легли.

6 августа (пн). В 5 часов пошли в церковь. Проститься. Посидели в уголке. Аналой с цветами. Появлялся на минуту батюшка в дверях. Веребочка возле амвона. Темное дерево иконостаса. Молчание, недвижные хоругви. Ясные лики Христа, Божией Матери. У врат никого. По две свечи на каждом подсвечнике. Потушены: нет службы. Тишина. Светлая, утешающая. Полнится и душа через край светлой влагой.

Когда уходили — провожающий взор Божией Матери. С иконостаса персты благословляющие — Николая Чудотворца. На скамеечке у церкви. Сиверская... <...> Потом немного в горы над церковью. Прохлада вечернего леса. Пятна солнца.

Вечером у нас Казанцева.

7 августа (вт). Солнечная погода двух последних дней не удержалась. Сегодня опять серо и туманно, тихо. Проспал. Бегом «на воду». После завтрака начали укладываться. После обеда пришли письма: от мамы, Н. Черкасовой от Коли из Крыма.

Л. пошла за кастрюльками, я дома, заканчиваю «Хмурое утро»¹⁸. Перед вечерним «водопоем» немного прошелся по склонам промеж тесных домиков, по улочкам, со стороны обрывов огороженных решетками, по зеленым терраскам, соединенным узенькими каменными лестницами. Вышел к костелу. Потом тихонько, тихонько — домой. Кружится немного голова. Мысли об оставшихся силах и предстоящих: необходимости и возможности... О «нотатках». Немного посидел на Каштановой площадке у «Империаля». NB: Червь вопроса о Правоте. Нет: трагедия налицо. Она не в отсутствии уровня жизни, а в полувековом уничтожении *Представлений об уровне*. Именно это будет решающим фактором истории ближайших лет... Вечером — на фильме «Двойник». Очень хорошо.

8 августа (ср). Утром предотъездные дела: сдал книги в библиотеку, прощание с докторами, с Маричкой. <...> Я — у письменного стола, записал последние дни. Сегодня солнечно, тепло, плывут облачка.

Л. — на процедуры. Я — немного в комнате у Нины. (Рассказ ей о Мариинке.) <...> На балконе. День клонится к вечеру. Озаренные горы, голубое небо, шелест листвы. Белые бабочки, как лепестки, трепещут высоко в теплом воздухе. Написал письма: Копецкому, Гришину, Марте. Опять на балкон. Тихое веяние ветерка. Дрема. Щебетание проносящихся ласточек. В дреме — сладостные образы Мологи, вечернего Спаса-Забережья, А. и Н., вечера в Медведкове, полей льна... В 6.40 тихо, в последний раз — «на воду». Л. ждет у источника. С ней вверх, лесенками, террасами, улочками — моей вчерашней дорогой домой.

Сверху оглянулся на город: чистое, золотое солнце опускается за горизонт. Когда подошли к «Империялу», запад уже подернулся дымкой. Сумерки. Пахнет остывающей листвой, влагой.

После ужина Нина у нас. Л. заканчивает укладку. Я — переписал начисто письма. Заходили: Товстоногов¹⁹ с пакетом, Шнейдерман попрощаться.

9 августа (чт). Нервные столкновения... одно за другим. Получение паспортов и пр. <...> Зашла Казанцева. 12.30 — обед. 1.15 — машина. 2.10 — отход поезда. 6 часов туннель: Прага. Борис, О. И., художник, представительница филармонии с книгами, булочками, тортом, печеньем. Разговор о будущей весне, о записи *Седьмой Шостаковича с Пражской филармонией*. Появление Шабада с Буймановым. Весь просветлен, заряжен пражскими впечатлениями. Вечер, он у нас в купе. Его рассказ о Праге (швейковский кабачок); история злокачественного малокровия; ферменты, витамины; «дело», «ожидание часа», «скачок» (энтелехия?).

10 августа (пт). В 3-м часу дня — станция Черна. В 7.25 (по московскому времени) отбыли из Чопа (оттуда звонили Лиде). Ужгород. Исторические «нотатки» Шабада (Даниил Галицкий и пр.). В сумерках вагона мысленная встреча с Бородиным, с его «Игорем».

Ночью Карпаты; медленно постукивая, напряженно поскрипывая, поезд поднимается к перевалу. В горах гулко отдаются тревожные, настороженные гудки. Наконец остановка. Шипя паром, деловито перекликаются паровозы. Поезд трогается. На тускло «грущем» фоне тормозов все убыстрется, свободней звучит перебор колес: перевал позади.

11 августа (сб). Около 1 часа дня — Жмеринка. Втроем, с Шабадом, на рынок. Много яблок. Открывается знакомая картина: милиция, как в 1918 году, неумоимо продолжает проводить с торговками семинар по марксизму; милиция свистит, мелькают пятки удирающих баб... завидная последовательность!! После обеда — «лекция» Шабада о полиомиелите, о сути минувших недавно событий в области физиологии (Павлов — Орбели — Быков). Около 6-ти — Киев. Втроем до такси, хотели на Крещатик. Вечером, беседа о моей проблеме и «победе».

12 августа (вс). 12.40 — Москва. На платформе Мусичка, Галантер, Иван Иванович, Таня Соболева. Все, как всегда, в полном порядке: и номер в гостинице, и «стрела» и пр. Мусичка у нас целый день. К 3-м, к обеду, пришли Галантер и Таня Соболева. Уже вечером Л. съездила в Сокольники, но было уже поздно. В 11 часов вечера появился «волшебный карла» — Иван Иванович, и в 12.20 — мы со «стрелой» тронулись в Ленинград.

Гастроли в Венгрии

27 января (сб). 6 часов утра — Чоп. 4 часа по местному времени — Будапешт. Гостиница на острове. Тихо. Обслуга. Дрозды. Серная вода. Отдых с «привилегиями».

28 января (вс). До обеда занятия Бартоком и Шестой симфонией Чайковского. Репетиция 3.15—5.15 («Раймонда», 1, 5-я ч.; «Руслан», «Рассвет», «Баба Яга»; кусочки Двенадцатой Шостаковича; 4-я ч. Четвертой симфонии Брамса; 2 и 4-я ч. Бартока).

Вечером — дома; оркестр в Оперном театре.

29 января (пн). Репетиция 10—11.15 (куски Шестой симфонии и Двенадцатой Шостаковича).

Вечером концерт (1-й): в театре Эркеля (7.30 вечера)

Шостакович, Двенадцатая симфония

Чайковский, Шестая симфония

Глинка, увертюра к оп. «Руслан и Людмила»

Мусоргский, «Рассвет на Москве-реке»

Лядов, «Баба Яга»

30 января (вт). С 10 до 3 по городу. Памятник 1000-летия [Венгрии]; музей: Гойя, Эль Греко, Кранх; каток; крепость; Хоз. музей — кони; Старая Буда; римские раскопки, панорама от церкви, галерея, два монаха; старая кондитерская — кофе. Болезнь национализма и крохи старины («мозаика» реставрированных стен...). Турецкие бани!

Вечером концерт Арвида [Янсонса] (беспросветный кошмар).

31 января (ср). С 10 до 12.30 занятия Бартоком. У косуль и цесарок. В 2.10 выехали в Печь. В 6 прибыли. Вечером — бой за акустические условия и рассадку [оркестра] с местным руководством. Мертвый сон. Утром — бьющаяся за окном железина.

1 февраля (чт). Репетиция 9.30—12 («Раймонда»; куски Двенадцатой симфонии; большая работа по закладкам и прогон с остановками Бартока). Уютно и неожиданно хорошо звучит.

Вечером концерт (2-й):

Барток, музыка для 2-х оркестров

Шостакович, Двенадцатая симфония

Мусоргский, «Рассвет на Москве-реке»

Глинка, увертюра к оп. «Руслан и Людмила»

2 февраля (пт). С 10 до 1 по городу. Музей керамики. Костел Петра и Павла: гид — бывший монах-звонарь, ученый

и пьяница; внизу месса; горбун, органист и ксендз. С ними часок у содрогающего мощью органа. Покупка человечков. Оленьи колбаски с теплым пивом. В 2 часа — «домой». Город среди поля. Там, в роскошной гостинице — кофе. В 6 прибыли. Оркестр — в театре. Снега.

3 февраля (сб). Переезд в Дебрецен с Арвидом. Огненная уха на берегах Тиссы. Шумная гостиница.

4 февраля (вс). Репетиция.

Вечером концерт (3-й):

Шостакович, Двенадцатая симфония

Чайковский, Шестая симфония

5 февраля (пн). Переезд в Мишкольц. Те же черные пашни, голые виноградники, мокрые грачи.

6 февраля (вт). Репетиция.

Вечером концерт (4-й):

Барток, музыка для струнных

Брамс, Четвертая симфония

7 февраля (ср). Переезд в Будапешт. Горный район. Профсоюзы; гостиница; форелевый завод; пещеры; ресторанчик; непроглядный туман в пути.

8 февраля (чт). Утром прием у министра. По магазинчикам с Иштваном, Инке¹ шуба.

9 февраля (пт). Тщательная работа над партитурой Бартока и Брамса. Один у газелей и павлинов на берегу Дуная.

10 февраля (сб). Репетиция очень долгая и трудная.

Вечером концерт (5-й):

Барток, музыка для струнных

Брамс, Четвертая симфония

11 февраля (вс). Утром рано — поезд на Киев. В купе Арвид.

12 февраля (пн). Деловой день в поезде (оркестровые дела). 4 часа — Киев. Солнце. Радостно. Дикая небоскребная гостиница (обед «молитвами» американского оркестра).

13 февраля (вт). Репетиция.

Вечером концерт (6-й):

Шостакович, Двенадцатая симфония

Брамс, Четвертая симфония

14 февраля (ср). Утром на репетиции Арвида. Потом на Столыпинскую... (17—19). Софийский собор. Невидимый, молчаливый лик минувшего, Анны... Владимирская горка. Парящий в туманной мгле св. Владимир. Весь вечер у Зноско-Боровских². Дождь. Ручьи.

15 февраля (чт). Инкин День... Владимирский собор. Серо, холодно и... неповторимо (просвирка). Инна: «стоило родить-

ся». Н-е-сказуемое все... В 5 часов у Гмыри. К 11 на вокзал. Ввиду внезапно грянувшего мороза — отбытие в 4 часа утра.

16 февраля (пт). Отдыхание, отсыпание.

17 февраля (сб). Альбом Бруно Вальтера. Как потом выяснилось, Б. Вальтер скончался в этот день. 3.30 дня — Ленинград.

Комарово. Дом творчества композиторов

19 февраля (пт). Утром, один, в Комарово. Новый коттедж... и это логично...

20 февраля (вт). К обеду приехала Инна.

21 февраля (ср). Утром уехала.

24 февраля (сб). Слушал Альпийскую Штрауса. К 2-м приехала Инна. Вдруг — Гликман. С ним встреча Инны. *Радость*.

25 февраля (вс). До обеда у Агафонниковых³, на их «краю света». С 4-х у нас, утомительно, все Гликманы.

26 февраля (пт). Утром Инна уехала. Работа над 1 и 2-й ч. Шестой симфонии Бетховена. Появление П. <...> Вечером за письменным столом («проф. дневник»).

27 февраля (вт). Работа над 3, 4 и 5-й ч. Шестой симф. Бетховена. В 3 часа внезапный приступ и безумный отъезд в Л-д. Оттуда в 8 часов на такси обратно. Кристальная прозрачность морозной ночи.

28 февраля (ср). Работа над 5 и 4-й ч. Шестой симфонии Бетховена. В 5 часов приехала Инна. Вечером у нас Гусев. Слушали Альпийскую (появление Агафонникова с нальчинским дирижером).

1 марта (чт). Утром, в 11, Инна уехала. 12—2 и с 3 до 6 работа, кропотливая и тщательная, за роялем, над 1 и 2-й ч. «Моря» Дебюсси. Телеграмма Л<юттика> о смерти Наташи. Вечером за письм. столом («проф. записи»).

2 марта (пт). С 11 до обеда за роялем: 3-ю ч. «Моря» все целиком. В 3.30 приехали Оник [Саркисов] и Яша⁴. В 6 часов, полуспящая, вышла из автобуса Инна. В 8 часов уехали Оник и Яша. Ночью простудился за чаем в холодной комнате.

3 марта (сб). До обеда путешествие в Зеленогорск (апельсины, пепельница, аптека). Поездом домой. Болит горло. Дома. Вечером «большой» разговор об «абсолюте»... Ярви⁵.

4 марта (вс). С 11 до 2 с увлечением Бетховен, Шестая симфония (сначала 1, 2-я, потом за роялем — всё). Инна спит, сладко и светло. К обеду — Арапов⁶. У нас он со своей бездарной симфонией. Шок. Потом — агония завтрашнего отъезда

Инны. После ужина — долгая беседа о сущности этой агонии... и очередные поиски «спасения»... Вино на диване. Беременная кошка в кресле.

5 марта (пн). Утро — мечусь в крайностях. После завтрака слезы обоих. В 11.15 ушел автобус с Инной. Как никогда, почти до 12.30, приступ обмирания сердца и отчаяния. Лежал. Потом запись дней. Даже хорошо, что нет Инны. Покой. После обеда погожий день увлек — не заходя домой, в Комарово к Н. Н. Болен. Безотрадьё. Коньяк со слезами. (И... слова к Т.). Домой быстро, юно (!) по скрипящему снегу. К 8 звонок Инне. Вечером у меня «тетки» и спасительные Мурина и Селицкий.

6 марта (вт). Утром два звонка Инне. С 11 до 2.15 работа над «Морем», «чистовая»: в целом, 1 и 2-я ч. и бегло 3-ю ч. Устал. После обеда дрема. В 4 часа быстрые шаги за дверь: Инна! До ужина: как, что. Потом нежились. («Курьер»). Вечером вдвоем слушали Альпийскую симфонию; прошлись в гудящей, вьюжной ночи часок (следы валенок; пес). Дома Инна — вслух интервью Хемингуэя⁷. Чай с апельсинами. Шумит лес.

7 марта (ср). В 11.15 Инна уехала после «утра фавна». Дома, с трудом, с 11.30 до 2.30 3-ю ч. «Моря» начисто. Прослушивание его у Дезормьера⁸ и 3-й ч. — у Ансерме⁹. После обеда дрема и часок в кресле у крыльца. С 5 до 7 Серов¹⁰ с Бартоком. Вечером с Майзелем¹¹ и Селицким, сообщившим о звонке Инны, слушали Альпийскую. Очень устал... Снежок в ночи.

8 марта (чт). Ужасная ночь «имени О<льги> А<лексеевны>». 9 час. утра звонок и в 11 с «указаниями». 11 час. неудачный звонок И. (у М. М.). Сон до 12. До 2.30 успешно (!) 1 и 2-я ч. Шестой Бетховена. После обеда сон. 3.47 проснулся. Через 4 минуты на тропке — Инна. Легко и радостно в Комарово. В снегах жаркие сосны заката; почти забытая зоркость — чистота и воздетость вершин в заре, даже полет?! Дома коньяк вместе с пылающим оком заката. После ужина у крыльца. Долгая, тихая, с 10-ти вечера ночь (апельсины, чай).

9 марта (пт). Утром — серебряные ризы инея. В 11 час. Инна уехала. Завтракал один. Контора. До 12, в бледности, укладка. До 2-х малый кружок с аппаратом. После обеда на разоренной постели. Шемящая готовность отъезда. У крыльца. Катя. В 5 часов отъезд. 6.10 дома. Инна запоздала. Блины (без селедки). Левитин. Шампанское. Драма с Киской. Приход Инны.

300 | *10 марта (сб).* Ужас (Кисанка...) Инна на работе. Я с 11 до 2 с Шестой Бетховена и Дебюсси. Приход Инны и мой пре-

ступный разгул... (Регина! [сестра Инны]) Примирение великое. Сон. Всё.

11 марта (вс). Репетиция 12.30—2.30. Вечером на авторском концерте *Шостаковича* в Малом зале (Восьмой квартет, Вишневская¹²).

12 марта (пн). Днем на Колокольную за деньгами. У Л. У Колабашкина (в связи с директором). Вечером у Янцатов (очень тускло и устало).

13 марта (вт). Репетиция 12—3.30. Вечером у нас Гликман.

14 марта (ср). Репетиция 12—3.30 (каторга... еле жив...) У Инны взяли паспорт на прописку на Тверской!.. Вечером приходил в себя.

15 марта (чт). Репетиция 12—3.30 (счастливейшая репетиция!). Вечером на новоселье у Саркисова (с Гинсбургами...).

16 марта (пт). 12—3 — заседание дирекции Филармонии.

17 марта (сб). 11—2.30 репетиция. Вечером читал Цвейга. Пришел Гликман с фото своих работ:

18 марта (вс). Репетиция 11—11.45. Вечером концерт. С великим трудом, но удачно. Умерла Н. С. Рашевская...

19 марта (пн). Целый день отдых дома. Обедая Майзель. Инна с 11 до 2 на службе и с 7 до 8 у зубника. Я — один, с географическим атласом, перелистывал дороги прошлого... города, дни, годы, люди, Л<юттик>... Вечером прослушал «Паву» Кодая.

20 марта (вт). Репетиция с 11 до 12. Вечером концерт. Очень удачный. Потом у нас Элиасберги и... Александра Дмитриевна [Бушен].

21 марта (ср). Инна на работе. Я с Кисанкой дома. Разбирал партитуры, книги. *Солнце. Из окон свежесть предвесеннего морозца.*

22 апреля. Мать-и-мачеха, лягушки; зацвела осина; черемуха; пчелки; яблоки, скворцы, перелески, селезеночник, почки черники; лимонницы; тополя в небе; залив (дрема).

23 апреля. Зацвел вяз.

24 апреля. На кладбище — зацвела осина; шмели.

Усть-Нарва

31 июля. В 10 уехал. Внизу простился с Алей². Наверху осталась Маршида с Кисанкой и Кузькой на балконе. Во 2-м часу подъехали к калитке Веры Михайловны.

Все вокруг — ненастоящее, нестоящее, кажущееся... за всем — напряженное, сосущее ожидание... Привычное ожидание.

Ведь я привык ждать: вся моя жизнь до Инны — было ожиданием ее. Долгими месяцами, каждодневно, я ждал вечеров, свиданий с ней; ждал часами прихода ее с работы; ждал возможности увидеться с ней в больничной палате.

Ждал возвращения ее домой оттуда, вопреки Всему ждал ее выздоровления. Ждал каждого ее пробуждения ото сна; ждал каждого взгляда, прикосновения, слова...

И вот сегодня я тоже жду ее. Жду каждой частицей души и тела. Но (сегодня) я не дожусь ее, и ожидание мое БУДЕТ ВЕЧНЫМ...

Она придет. Она не может не прийти...

Придет завтра, послезавтра...

Не придет Никогда.

Море слепое, в шуме волн, в свинцовых отблесках тусклого солнца. Чуждое, холодное, отрешенное...

Вечное море, вечное небо, вечное солнце...

И вот — ныне — я с ними, я ныне как они, ибо жизнь моя обречена Вечности ожидания перед лицом Вечного Никогда...

...Нет, нельзя жить...

1 августа. С юга низкие тучи. Побрызгивает дождик. Прислушал «Туонельского лебеда» Сибелиуса... Был на почте, отправил Яше ответную телеграмму.

Старенькая наша почта, где прошло столько часов, полных то горя, то радости, переведена в новый дом-«модерн» с огромными и стеклянными кассами. Сосновый пустырь против дачи М. В. [Розановой] застроен кирпичными корпусами, дороги асфальтированы... Заходил к вдове Скипиной: горе ее глубже и сильнее, чем я ждал. На минуту к нежному, растерявшемуся, не знающему, как выразить сочувствие, Гершуни. Его «утешение»: некий физик (Шрёдингер?) в своей книге «Жизнь глазами физика» допускает Бытие недоказуемого, но *желанного*.

После обеда сильный дождь. У Андрея Митрофановича в домике. Сосенки у наших окон за 2 года поднялись на целый метр. Шоссе закрыто деревьями садика. Беседа о математике,

которая, «как и все созданное человеком, стоит на песке». Интереснейшее сведение об Ойстрахе (!), целиком подтверждаемое опытом моего общения с ним (Чикаго!). В 6-м часу дождь перестал. Вместе с Андреем Митрофановичем к Коле и Ирине [Рабиновичам]. Разговоры, окружающее — скользят, ненужные, бесследные...

И опять сердце, как полная чаша любви ликующей и торжественной, любви горестной и отчаянной, — любви сквозь Смерть и Вечность.

Моей любви к Инне, нашей любви!

2 августа. Воскресенье. Ильин день... 10.30 — к церкви. Переполнена платочками, старушками убогими... Но теплятся свечи, распахнуты Царские Врата, и паства — «малые сии» — теснятся вокруг... Последние к Последнему...

А день тихий, ласковый, «схимный», слабо озаренный лучами затуманенного солнца. На опушке цветущий куст жасмина. Порхающие над ним белые бабочки; будто белые цветы (сами) ведут тихий, трепещущий танец, взлетая и вновь опускаясь...

Где-то близко — песня дрозда, нежная, сочная, росистая.

Служба долгая, праздничная. Сидел на скамеечке со знакомым (еще с 1957-го!) фельдшером. Около 2-х повидался с батюшкой и матушкой, условился с ними о панихиде в 40-й день Инны...

Домой шел берегом моря. Там, где так хорошо нам бывало с ней: легкая, необъятная, возносящая лазурь моря и прохлада его дыхания... Пенный шум гребешков волн на отмелях и далекий медленный полет чаек...

За обедом отвлекся каким-то разговором. И вдруг — опять — точно небо разверзлось над головой: НЕТУ ЕЕ...

После обеда подремал, потом сел у окна к столу пописать. Тихо. Медленный ветерок покачивает листву клена, струит пряди березы у нашего — Инниного — домика, еле видного нынче за разросшейся зеленью кустов. Молчание. Ничего... Никого... Пусто... И нечем дышать...

7 часов вечера. Потянуло в музыку. Прослушал вновь «Туонельского лебедя», симфонию Сибелиуса, и 2-ю половину «Поцелуя феи» Стравинского. Все — прекрасно. На последних тактах ласковый голос Е. Г. Бейлиса под окошком: заехал на минутку с отцом навестить меня. Славные толстяки. Оба красивые, умные, сердечные... «Берегите одно: здоровье»...

За ужином беседа с Андреем Митрофановичем о Евангелиях, книге «Добротолюбие».

3 августа. Пасмурно, прохладно. В аптеку, на почту (ответная телеграмма Але), в поликлинику (об уколах). Через ули-

цу Рая — в лес. Устрашающие размеры строительства пионерских лагерей: на целые кварталы в глубь леса понастроены кирпичные «массивы», проложены бетонные дорожки. Весь наш соснячок «первого года» вздыблен, исковеркан колесами грузовичья... Еле выбрался на одну из наших троп.

У памятного колышка на пересечении просек сегодня, в свою очередь, оставил отметину...

Может быть, все же прекратить жить?? Уйти к ней? В то, во что ушла она? Но ведь это будет концом и ее последнего (?) сегодняшнего Бытия во мне... А вдруг, как сказал Андрей Митрофанович, «все-таки вертится»?

Мимо «места гадюки», мимо поворотки дороги к «дальним ландышам», мимо канавки, где собирала — не оторвать — маслята, через кладбищенский перекресток — домой.

Новая усть-нарвская свалка в лесу. Чайки над ней. Серые чайчата, в перевалку копошащиеся в отбросах, похожие на огромных вшей; туча сытых ворон, с карканьем поднявшаяся с сосен при моем приближении.

Пробуждение после обеда... Надо продолжать день, продолжать все... Невольно вслух: «Господи, когда же этому конец?!»

«Утешительная» беседа с Верой Михайловной [Шибяевой], одобренная сообщением о гнусных, черных речах М. В. по поводу Всего Совершившегося...

Вот она, одна из тех, которые, по словам Инны, «намолили»...

Вечером у Рабиновичей. Много и человечно — об Инне... Вышел с ними к морю. Ненадолго. В 9 час. дома. В. В.³ на скамейке у двери за набивкой папирос. Рядом Пуська с внучком, похожие как две капли воды. Как бы радовалась Она и на этих кисок! Как бы повторяла свое: «Посмотри, посмотри»...

4 августа. С утра моросит. В 10 час. «на Болотине», в монастырь. Обложной дождь. По-осеннему низкие тучи. В ограде монастыря пустынно. Одинокие монашки. Почерневшие от дождя, заросший высокой акацией, увешанной желтыми стручками, домик матери Силуаны. Темная горенка-келья. В углу смутные лики икон; во всю стену полки, уставленные старыми книгами. Письменный стол у окошка. Огонек керосинки на табурете. Черные, все еще... молодые, глаза; до белизны бледное лицо Силуаны: «Принесли свое горе и отчаяние?..»

«Вера — это дар Божий».

«Вам еще много надо пройти». О значении самого факта произнесения молитвы (по поводу молитвы И.). О книге «явлений».

«Молитва о другом человеке „поднимает“ самого молящегося».

В пустом соборе входная решетка приоткрыта; прибирает монашка; позволила войти.

Лик Божией Матери;
Глаза, исполненные Добра,
Устремленные на меня;
Всевидашие.

Ближе к алтарю — в золотой ризе — икона «Успения». Голос монашки: «Икона эта — чудотворная».

Обратный путь вновь в дожде и ненастье.

Возрождение уверенности в правомочности, более того, в необходимости молитвы. Но позже, дома, опять где-то в недрах существа шевельнулась и стала наплывать тоска по Инне, холодная, черная, неборимая, неизбывная... Поднялась к сердцу, завалила грудь, сжала горло, стала душить... и никаким криком не избыть... и никаким бегством не спастись...

После сна — вдоль реки к морю. На минутку к рыбацему причалу. Здесь все по-старому: морщинистое лицо рыбака в будке, ловушки для миног, лодки, качающиеся на приколах... Даль заречья, горизонт взморья — в сизой дымке ненастья; неприятные, но привычно зовущие...

Шумливо плещущее, серое море, низкая серая толща неба...

За чаем, опять мука по Инне... И в это время приход Пуськи — вообще неласковой и строгой, — вскочившей ко мне на колени, улегшейся и положившей с мурлыканьем лапки мне прямо на сердце...

5 августа. До чего же нужно скорей пойти рассказать Инке о том, что сегодня ясное утро, что в его свежести сидели в ожидании завтрака с Анной Мих. на Иннинном крылечке, о том, что и как говорили о монастыре, о молитве; рассказать о приходе к нам Пуськи (к И. порогу? а может быть, сегодня — ко мне?), о больших зеленых кузнечиках, рассеявшихся на ближайшем малиновом кустике...

С 10.30 до 1.30 сидел, довольно хорошо занимался (Прокофьев, Шестая симфония, и «Аполлон»), что, как всегда, создало состояние *видимости* удовлетворения и поверхностного равновесия.

В 5 час. по реке. Опять — на причал. Опять старый рыбак. Перекур. Жалобы на безрыбье. На перевозе на ту сторону.

Берегом, песками, в свежем ветре, плеске волн — в лес, к нашей лесной дороге, к поворотке на грибные местечки Инны.

Нигде — никого... Нигде — ничего...
Простор и воздух, простор и воздух.
Дыши — не хочу!..

Что это за необоримая власть, что за колдовская сила, именуемая «Благом Жизни», «Радостью Бытия», которая тебя держит в плену, в страхе потери, вопреки пониманию и всякому смыслу, и держит только тем, что дает воздух для дыхания, заставляя ширить ноздри навстречу ветру, дает синеву неба, чтоб видеть землю, чтоб чувствовать ее под ногами, чтоб осязать ее ладонью, — сила, с которой ты ничем не связан, кроме как растительной, первобытной, инертной, травяной связью??? И значение которой исчерпывается одним понятием — «среда»?!

Ведь не мешает помнить, что из дыхания рождается удушье, из осязания — потеря «тронутого», из видения — слепота... Чтоб ступить ногами, требуется усилие, приводящее к усталости, к остановке. А бессилие родит мечту о покое и в конечном счете — стремление уйти совсем, в небытие, ибо Смерть есть Совершенный Покой и Отдых.

Поэтому-то основой Жизни является стремление к самоуничтожению.

И ярчайшим выражением этого стремления — есть ЛЮБОВЬ (самоуничтожение в слиянии!).

С холодком смутной надежды, подобной вере в Чудо, и с растущим недоумением, почему же Инны все нет рядом со мной, — вышел на опушку, к любимому нашему «ржаному» полю.

Сегодня ветерок здесь колышет низенькие (хилые) колосья поспевающего, усатого ячменя. Вот и молодой сосняк опушки, с полянками — заветными земляничными, ромашковыми, колокольчиковыми полянками Инны, с которых ее было не дозваться, не оторвать...

Громко окликнул ее, как тогда... Молчание.

Только тихо шелестел ветер в кронах сосен и звенели желтеющие колосья...

Дома в гамаке. Равнодушно, зябко на сердце: ни боли, ни желаний... Пустота.

Да, непосильно человеку пребывать в предельном напряжении Духа, в созерцании, в отказе от действий внешних, в общении со Смертью, Вечностью, с существом Бытия...

В общении со всем, что являет истинную меру, обличительную меру, истинную меру вещей... Со всем, что не подчинено меркам повседневного. Организм протестует, защищается усталостью, изнеможением, отупением. Ибо поверхностность и тупость — это основные условия «нормального» Бытия в действии.

Они определяют даже так называемое Творчество, поскольку и оно есть действие, создающее *видимость* оправдания, *видимость* осмысления.

6 августа. Все утро мучительно восстанавливал и записывал вчерашние мысли и «день» по заметкам в блокноте.

Как и полагается, по окончании стало «удовлетворительно».

Но тут же во весь рост встал вопрос: теперь-то зачем эти записи?? Ведь *сегодня*, как никогда, важны простота и правдивость чувств и мыслей. Живая Правда, живая Истинность, со всей своей *незаконченностью*, непрерывностью становления, неуловимостью нюансов возникновения и течения.

Запись же есть насилие над этой «незаконченностью» жизни Духа, есть попытка фиксации ее, т. е. попытка противоестественной остановки, завершения, с неизбежной фальшью лепки «законченной формы», и следовательно, есть ложь. Не говорю уж о том, что записи — это попытка «остановить мгновение», сохранить его...

А теперь это не нужно ни мне, ни... Инне. И потому так это мучительно сегодня. Или надо покончить с этим совсем, или свести к кратким, фрагментарным отрывкам, не претендующим ни на законченность, ни на связность.

И то лишь постольку, поскольку они смогут послужить (может быть...) материалом для повествования об Инне... не более.

В 5 час. отправился, не торопясь, в гости к бабушке и матушке. Пошел морем. Слепящее солнце заставило свернуть на тенистую улицу Айя.

Вялость, усталость, опустошенность, физическая и душевная...

Опять свернул к морю и, не доходя, в тени сосен лег отдохнуть.

И тут вспомнил о «волхвовании» Природы, которое столько раз освежало, проясняло, утоляло и поддерживало в былые годы.

Как нельзя более кстати вспомнилось мне это сейчас. Подумалось и о схеме, о всегдашней своей мечте «уйти». И вот теперь неизбежность сама поставила меня в условия «ухода» — «схемы». Но с одной разницей. Прежде основной целью ухода была борьба с Любовью — освобождение от нее. Ныне же все силы и сам «отказ» и уход должны и призваны служить сохранению моей Любви и ее силы во мне.

С 7 до 10 гостил у бабушки с матушкой...

Трогательное, теплое и родное в них; невзирая на наивность непозволительную, допотопную, доходящую до лубочности... вопреки всему, душа тянется и льнет к ним и тому, что в них... и «за ними».

Бабушка разъяснил значение 9-го, 20-го и 40-го дня: «До сорока дней душа обеспокоена делами своими здесь; после 40 дней уходит в Вечность. Вам после сорока дней ста-

нет легче; молитесь каждый день: «Господи, помяни новопре-
ставленную Инну и сотвори ей Вечную Память».

7 августа. Рано проснулся: 5 утра. У окошка. Светает. Быстрое нарастание света. Цветы мальвы, свернутые трубочками, в крепком сне. Спят травы, деревья. Утро встает серое, тихое, печальное.

Все утро занимался «Аполлоном» Стравинского (за роялем) и прослушал 1-ю ч. Шестой симфонии Прокофьева.

Гроза, короткий ливень. Заглянули на минуту Рабиновичи, убежали, испуганные дождем. До обеда запись дней... (опять и все еще...). В итоге — измученность, неестественность, «неорганичность».

Только в 6 выбрался пройтись (У Веры Мих. опоздал обед). Прошел до конца Айя, полежал там среди прибрежных сосен, слушая негромкий шум моря, глядел на мягко озаренные стволы, старался ни о чем не думать, отдаться врачеванию и благостному влиянию Природы — «своей среды»... как бывало когда-то.

На обратном пути заглянул к Рабиновичам, они проводили меня до дома, посидели на скамейке у гамака.

Ночью, во 2-м часу, опять просыпался в холодном смятении...

8 августа. Занимался Шестой Прокофьева, «Аполлоном», прослушал «Лебедя». Сегодня легче, естественнее; вновь со мной Инка, в трепетной нежности и любви; сердце сочится, большое, влюбленное, как в первые дни наши...

Бывает чувство, будто ее присутствие окружает меня, будто весь я погружен в него...

Иногда покойно, а порой — в неуловимой тревоге мгновенных завихрений, непонятного смятения... Невольно вспоминаются слова батюшки о значении сорокового дня...

Ведь если есть Чудо ее Бытия, то эти ощущения тревоги и смятения, может быть, суть отражения ее тревоги, ее смятенности перед последним Прощанием?? О, Господи...

«Упокой, Господи, новопреставленную рабу Твою Инну и сотвори ей Вечную Память...»

Я люблю тебя, Инна моя, как любил, когда еще не знал тебя, люблю, как в первый час наших первых дней, как любил в последний миг наш — час твоей кончины, как всегда буду любить тебя, моя радость, моя девочка, моя гордость...

Не отходи от меня, пусть любовь наша будет всегда во мне, пусть общим будет крест наш и пусть брак наш — будет вечным.

Вечер сидел у Рабиновича, куда перевел телефонный разговор с Яшей и где ужинал вместе с Колиной «дамой» и ее подругой. Выпил джина, о чем потом жалел.

9 августа. Сороковой день Инны.

Около 4-х ночи вставал. Неизвестно откуда появился ночной мотылек, стал виться около меня, старался залететь в рукав, за ворот, потом скрылся в складках откинутой простыни. Когда я ложился, перепорхнул на ковер у изголовья и застыл.

Весь он был золотисто-бежевый, какой была Инка...

Я осторожно притронулся к нему несколько раз пальцем; он не улетал, только трепетал крылышками, как бы сигнализируя о чем-то в ответ. Так он и остался на ковре, когда я потушил. В слабом свете забрезжившего утра виднелся маленький, неподвижный силуэт...

Наутро он бесследно исчез...

В 9 часов с Колей, Ириной и Болотиным поехали в церковь.

Утро темное, пасмурное, тихое, в тучах. В пустой, сумеречной церкви теплятся огоньки лампад.

Матушка зажгла и раздала нам горящие свечечки и тихонько отошла к распятию — приготовилась к службе. Настало молчание.

Долгое, долгое... Потом с легким звоном отодвинулась завеса в алтаре и распахнулись Царские Врата...

Как бы естественно быть ей здесь, живой... Но нету. И панихида эта — по ней... ушедшей, «новопреставленной»...

Она там, «где нет болезней, печали и вздыхания, но жизнь бесконечная». И тут же слова: «...Сотворим надгробное рыдание...»

Жизнь бесконечная и... вечное, вечное, вечное рыдание...

В 10.15 выехали с Болотиным в Ленинград. Кишащий, летний, праздничный город-пустыня. Весь он мне — как гигантское кладбище, каждый квартал — могильник, каждый дом — склеп.

Страшно пережить свое время, людей, пережить себя...

В 1.30 — у Инны на могилке. День Пантелеймона, вдобавок воскресенье: всюду толпятся люди. Могила в порядке, но синие цветочки в цветнике пожухли. Кем-то посажены в уголке чужие цветы — ноготки, флоксы. Первое ревнивое движение — убрать. Но вовремя удержался...

Тем более что это, вероятно, сделали папа и мама. Инкины папа и мама... Поставил и свои гладиолусы, у подножия креста положил несколько колосьев ржи и васильков: «Тебе Инна — от рыдания земного...» Как указал мне батюшка, укрепил в земле и затеплил три свечечки, привезенные с панихиды, — те, что горели у нас в руках в церкви.

Поделился с Инной просфорой, данной батюшкой.

Потом подходили какие-то женщины, интересовались «могилой жены композитора Мравинского», подходил и стари-

чок-«сосед» Александр Павлович, все настаивал, чтоб над именем Инны я вырезал лиру и ее звание... «Чтоб люди потом могли знать о том, кто она была».

Под конец было неприятное: какие-то две женщины пришли к Инниной ограде. «Ага! Вот Серикова». На вопрос, знали ли Инну, одна из них со злым вызовом в глазах ответила: «Знали и не знали...» Постояли, упомянули какого-то Виктора и не по-доброму ушли...

Пахнуло больным, переболевшим, изжитым, но все еще легко тревожимым. Ил душевный легко поднимается со дна и мутит, хоть и ненадолго, но мутит душу... Прости, прости меня, Инка моя...

Время истекало: в 3.30 надо было уезжать.

И вот тут глянул мысленно на предстоящую мне обратную дорогу в Усть-Нарву, от могилки Инны, представил себе житейское застрашенное там, мир вокруг себя и холодный, пустынный, свой путь в нем, — и зашлось, захолонулось сердце...

Около 7 был «дома». Поел, пошел к Рабиновичам. Смотрел из их окошка на серый шифер соседней крыши, на бледное, плоское, холодное небо; и тоска еще небывалая, лютая, невыразимая, безысходная, немая гнула, пригинала к земле, не даваладохнуть...

10 августа. Серо, прохладно. Вышел к калитке. Из-за реки плыли тучи. Далеко синели леса, тянул легкий, душистый ветерок. И не было ее со мной. И не было ее нигде: ни за тучами, ни за лесом, нигде не было...

С 10.30 до 2 работал над «Петрушкой» и прослушал Пятую симфонию Онеггера. После обеда записал эти страницы.

Около 6-ти потянуло куда-нибудь. Вспомнилось море. Подумалось, что хорошо бы пройтись вдоль моря... хорошо.

Ты слышишь ли?! «Х-О-Р-О-Ш-О». И это «хорошо» во мне! Сегодня! Теперь?!?! Боже милостивый!

Вот оно, вот он — инстинкт, оголенный, неистребимый! Вот она — травяная сила «быть»!..

Пошел...

Дул легкий северный ветерок, поплескивали волны, просторно и легко дышалось и легко ступали ноги по плотному, влажному песку... Дошел почти до дальней заставы. Присел на чью-то скамейку в зарослях ивняка. Передо мной лежала широкая полоса пляжа.

За ним невысокой серой лентой поднималось море. Выше бледнела полоса чистого неба, и над всем плыли легкие тучи.

Медленно посветлело, проглянуло солнце, и листва ивняка и стволы прибрежных сосен затеплились в вечерних лучах.

Перед ужином сидели с Андреем Митрофановичем у его крылечка. Заря уже угасла. Был тихий, стынувший, чистый как

слеза вечер. И в покое (этом), стыни и чистоте — вновь — присутствие и участие Инны.

А перед сном Андрей Митрофанович зашел (ко мне) в мою «келью», и мы прослушали с ним Великую Песнь «Туонельского Лебедя».

Первую ночь спал, почти не пробуждаясь...

11 августа. С 10.30 до 1.30 занимался Седьмой симфонией Сибелиуса и «Аполлоном». Потом записал вчерашний вечер. Пришло второе письмо Али.

Написал ей ответ, а также, коротко, Мендельсону, Т. Буевской и Вере. Отнес письмо Коле Р. и проводил его на ленинградский автобус.

Очередной одинокий пробег берегом реки.

Свинцовый вечер, свинцовое небо, свинцовая вода... Холодное равнодушие и безнадежность души. И сомнения, сомнения во всем: в единственности и верности пути — продолжать жить; в идеях мужества и достоинства во имя Инны и любви к ней; в самой любви к ней: в ее силе и длительности...

Пахнуло давно минувшим, когда сам в себе я боролся с Инной.

Подумалось, что, вероятно, любовь и осмысление ею — не непременные условия возможности моего Бытия, а лишь оправдание его, оправдание слепого инстинкта жить во что бы то ни стало... и когда иссякнет его напор, придет час покончить с жизнью. Что, может быть, это надо сделать сейчас, что все осмысление мое надуманное, притянутое, фальшивое...

Вспомнилась даже когда-то жившая во мне оценка нашей любви как заболевания, как эпизода, который надо изжить и забыть...

Наказание не замедлило; под утро вижу сон: квартира моего детства. Гостиная. Инна. С ней рядом, тесно — П. [Пен Александр Абрамович]. Без боли и волнения, в спокойной уверенности давно пережитого и понятого, приблизился к ним. Подумалось даже, что вот, верно, Инна рассказала ему о моем предложении ей увидеться с ним, когда пришла весть о его тяжком заболевании.

Склонившись к нему и тронув за плечо, четко, до последней морщинки видя его осунувшееся лицо, спросил, получил ли он мое японское лекарство. Но он не ответил. Даже не взглянул на меня.

И тут я увидел, что и он, и Инна самозабвенно поглощены друг другом, что они заново обрели друг друга...

В потрясении и боли, с беззвучным воплем отшатнулся я от них... Темнота.

Дверь. Папин кабинет. Сидит много людей. Какое-то заседание, с Холодилиным во главе. Сел и я, не будучи в силах

скрыть сотрясающую меня дрожь рыдания... Общее замешательство... Темнота...

Опять гостиная. Инна и П. все там же.

Она — (молитвенно) склоненная и прильнувшая губами к его рукам, сложенным на коленях. Рванулся к ним.

Слова П. мне навстречу: «Она завтра придет ко мне». Мое отчаянное: «Нет!!!» Его: «Придет». Темнота.

Передо мной — Инна. Руки мои судорожно сдавливают ее затылок, шею. Прекрасное, бестрепетное лицо ее у моего лица. Нежная хрупкость, теплота ее тела под моими ладонями.

Молнией мысль: «Но ведь она больна, у нее слабые кости и ломкие позвонки!» Темнота.

Некто самодовольный, смеющийся говорит мне, как он был с Инной и как в иступленной чувственности она, целуя, искусила ему губы. Ножом полоснуло: Инна вырвалась, наконец, из плена моей любви и, свободная, упивается своей свободой... Темнота.

Площадь, многолюдная, духота. Со звериным рычанием, воем, в слезах, проталкиваюсь, рвусь куда-то... Никто не понимает меня, все шарахаются... Только какой-то старик проникается моей мукой, подводит к машине, я сажусь, машина трогается... Темнота.

Проснулся, скрученный болью, но не с ощущением виденного сна, а с чувством реально пережитой действительности, непоправимо совершившихся фактов... Стоном вырвалось: Инна, Инна, из Смерти ли караешь меня???

12 августа. Весь день напролет под гнетом «случившегося». Весь день перед глазами Инна, целующая ему руки... Судорожные поиски причин и поводов. Ни места не найти, ни возможности начать работать... И некому сказать, и никому нельзя сказать... Один только человек исцелил бы муку слепого отчаяния — она, Инна... Только ей я могу сказать, только ее еще раз спросить, еще раз, еще раз спросить... Ибо ведь она ушла от меня, не сказав мне Последнего, всеобъемлющего слова, которого я так ждал, так ждал...

И в последнем взоре, который она обратила на меня, было непонятное...

Потом, позже, за эти 40 дней, за вечностью этих сорока дней, я сам все понял, я на все сам ответил, и за Инну, и за себя. И не было больше сомнений, ни в чем.

Была Правда, ее и моя...

Но вот вчера вечером на реке, в слабости и немощи, я усомнился во всем: и в правильности Пути, в идее его, усомнился в самом главном и высоком — в любви нашей... А усомнившись, освободил дорогу кровавой боли давних лет, освободил

дорогу забытому неверию, минувшей борьбе своей с Инной внутри себя. И вот эта боль, неверие, вернее следы их, лежавшие глубоко в подсознании, ожили и, ничем не подавляемые, вылились из неведомой тьмы души и воплотились в почти осязаемые события, в страшные, смертельные образы сна, равно яви.

Да, это была кара. Но кара не Инной посланная, а порожденная самим мною, внутри себя.

Но вот что еще: почти весь день пыток, поисков и ужаса пережитого сна, вопреки всему, сквозь мрак и клубящуюся муть моей души, вопреки всему — мягко и неопровержимо светилось Бытие Инны...

Да будет так.

13 августа. Вчера вечером не мог заставить себя лечь спать, пока не сформулировал и не записал событий последних суток. Было это мучительно трудно, и сидел за столом до первого часа ночи.

Утро. За роялем тщательно работал над симфонией Салманова и над «Лебедем». Потом «со стороны» прочел и переписал вчера написанное.

С 5.30 до 8 час. большой круг лесом. Переменная облачность. Иногда яркое, косое солнце. Все эти дни по-осеннему холодно.

В шерстяной куртке и кожанке идти было не жарко. Вошел в лес по первой нашей, травяной дорожке. Долго слышались обезьяньи звуки пионерлагеря. Бором, мимо «уголка перелесок» к деревянному грибу на перекрестке просек; здесь были с Инной в благодатный, тихий, «прощальный» вечер осени. Посидел немного...

Две возможные трактовки понятия «Природа». Природа — как Благо (к чему я всегда был склонен). Развитие этой идеи допускает самоощущение Природы как единства. (Пан!)

Природа — как Среда (теперь я чаще ощущаю ее именно так).

В этом случае «образ», «содержание» Природы определяются самоощущением воспринимающего.

«Дорожкой» маслят — на вересковую дорогу жуков-скакунов. Не сразу узнал ее: ведь мы выходили к ней с другой стороны.

Здесь глуше, мало хожено. Тихий гул сосен и старых елей. В легком ветерке покачиваются вершины. Каждая по-своему: у березы — трепетно струясь, у елок — медленно склоняясь, у сосен — величаво пошевеливаясь...

Воздух чист и бездонен. Лиловеет вереск. Еще совсем свежее, цветут семейки ивана-да-марьи, высунув ярко-желтые язычки своих цветочков.

У дороги встретилась старая ель. Такая могучая, такая стройная, с такой сочной, густо-зеленой, мягкой хвоей, такая мохнатая и широкая, что не мог удержаться: подошел к ней, поздоровался с ней за лапу и пожелал ей еще долгого века...

Домой по просеке, где 2 года назад ставили столбы электрической линии.

Вот и скамейка, на которой сидели с Инной и пытались починить молнию ее любимой кожанки, точно такой, как сейчас на мне.

...Как пронзительно больно было тогда за огорченную Инку...

То была одна из последних наших прогулок здесь, в Усть-Нарве...

Свернул на памятную «папоротниковую» аллею. Пеньки наши... Присел отдохнуть. Крик желны, друга давних лет, — «вестника безвестности лесной»... Мелькнула вдалеке и уселась где-то, стала звать протяжным своим зовом...

Завтра 2 недели, что я сюда приехал. Медленно, емко и нелегко идет время мое здесь... не то что с Инной, когда оно несло, стремительное и быстрое, дни хоть и разные, но мелькали — не удержать...

14 августа. Утром в аптеку. Там, на углу, расписание пароходиков. Не долго думая, поехал с ближайшим пароходиком в Нарву. Купил очень нужные здесь нынче теплые носки и верхние рубашки и совершенно не нужный мне широкогорлый термос (для «второго»).

Вернее всего, подсознательно это произошло так: наш широкогорлый термос нынче разбит. Но ведь он был очень необходим, чтобы носить Инке горячее второе блюдо... Хотелось зайти и в ювелирный магазин и посмотреть керамику, чтобы привезти, подарить, обрадовать...

15 августа. С утра занимался: «Петрушка» и немного Франк. После обеда ответил на письма: Маршиде, Марианне, Слонимскому; телеграммы — Але и Яше. День теплый. Солнце. Курчавые облака.

Но сердце в слезах по Инне...

Отправил письма и прошел к морю. На море — синева, теплынь, дыхание ветерка, легкое журчание волночек. Посидел у устья.

С гордостью предъявил пограничнику пропуск — доказательство своей причастности к этим Инкиным местам.

На песках того берега, как всегда, белыми яблочками расцелись чайки и, мягко озаренные, зеленеют дальние сосняки, неподвижно уходящие, извечно зовущие... на песке, у самой воды, кем-то написанные слова: «Пусть всем будет хорошо!!!»

(подчеркнуто было писавшим). Пусть всегда будет солнце!!! Пусть всегда будет небо!»

Боже мой! Ведь это слова песенки, которые так часто полусерьезно любила напевать Инка, смеясь и подражая маленькой девочке...

Но только она всегда пела и последнюю строчку: «Пусть всегда буду я!»...

За последнее время (случайность ли, нет ли, не знаю) обстоятельства дают мне повод, вернее, утоляют мою жажду, хоть на минуту допустить, поверить, что Инна слышит меня, чувствует...

Вчера, например, перед сном, когда, импровизируя на своем крохотном пианино, пытался говорить с Инной, когда, неудовлетворенный, бросил и с необъяснимой, смутной надеждой включил радио, — вдруг в тишине, постепенно усиливаясь, зазвучало пение и слова: «...люблю его, я все его люблю...»

После чего одна за другой последовали вещи, будто намеренно Инкой подобранные, подобранные для меня, для этого моего часа: «Серенада» Чайковского, «Сирень» Рахманинова («В жизни счастье одно...»), ария Шарлотты Массне, ария Далилы...

16 августа. Воскресенье сегодня...

Солнечно, тепло. Не стал работать и я. Пошел в церковь, к обедне.

«...Твоя от Твоих, Тебе приносяще, от всех и за вся...»

Чей Дух, чей великий Дух был осенен этими (великими) словами, этой формулой из формул?! (откровением этих слов).

Вспомнил, как в прошлое воскресенье Светка за обедом сказала мне: «Бабушка говорила, что сегодня в церкви поминали Инну Михайловну!» Ожидая матушку после обедни, присидел в уголке церкви еще и молебен и чью-то панихиду.

«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков».

«Во блаженном успении — вечный покой»... во блаженном...

Домой морем, в солнце, свежем ветре, запахе водорослей.

...Как гордился я, когда шел здесь с Инной!

Как широко и молодо шагали мы рука об руку, тесно ощущая друг друга... Даже и сейчас радость та — легкая и влюбленная — трепещет во мне...

Почему же, почему ее нет здесь самой? Почему сама она лишена радости?

Почему дано ей жить только во мне?

За что же, Господи, ты пресек ей возможность благодарить Тебя за каждый миг дыхания?.. Ведь она так умела славить Тебя своим даром радоваться!..

После обеда навестил меня Ефим Григорьевич. Сказал мне: «Вы даже в своем несчастье счастливы...» 8 час. вечера. Впервые пишу при электрическом свете... Небо затянуло, зашуршал дождь... Осень идет...

После ужина у меня Андр. Митр. Снова о молитве, Писании, религии...

17 августа. Ночью томительно проснулся, было 1 час. 40 мин. — час Инны... До самого обеда сидел вспоминал Седьмую симфонию Бетховена. Зашел Коля Р. Сел писать, бедняга, письмо своей Тамаре.

Пошел дождь. Холодно. Ветрено. В городе тоже, верно, ненастье...

И над могилкой... с креста свисают светлые, холодные капли, качаются мокрые, тяжелые березы на ветру...

И впереди вот так же: холодная, одинокая жизнь в пустом Инкином доме...

Навсегда...

После обеда поиграл «Лебедя». Выглянуло солнце. Вышел подышать. Посидел у «Виллы Иренэ» и на бревнах у моря. Над заречьем сгрудились тучи. Море холодное и пустынное. У Рабиновичей; беседа с Верой Евгеньевной о болезни Инны.

18 августа. Утро погожее, тихое, теплое. Позвонил Коле. Условились идти на хутор. Переехали на тот берег и пошли, не торопясь.

Пройдя деревню, отдохнули в тени сарайчика у зеркально-солнечной протоки. На дальнем берегу пестрой лентой тянулось стадо, высились стога, синел боровой берег Тихого озера.

На хуторе, у стариков, закусили, попили чай, побеседовали, прикидывали, что где сделать по дому, если придется жить. Старики совсем подрыхтели. Особенно бабка, в чем только душа держится... Вынесла показать шерстяные носки, связанные ею для Инны... «Это я — для хозяйки... а хозяйка-то и ушла...»

Сходили на бережок, я умылся холодной речной водицей.

Вместе с дедом высоким берегом реки — все я боялся, как хватит сил увидеть его, — дошли к Лидии Григорьевне. Над дорогой, над рекой реют щебечущие стаи ласточек. Провода сплошь унизаны ими. «Готовятся к отлету», — сказал дед. Вернулись на хутор. Малый часок посидели в тени на пороге крыльца у пчельника. Скитская тишина. Гудят пчелки.

В солнце и тепле раскинулись старые сосны. Появился дедов кот, ластился, разлегся неподалеку в траве. Впервые понялось: ведь это все мое... может быть, здесь будет моя Пустыня, жизнь грядущих дней...

Бабка, провожая, сказала: «Каждый должен готовиться в путь печальный, дальний путь, неизбежный путь...»

Необычаен был сегодня мир: после ненастья и холода — зеленеющая земля раскинулась в безмолвии, тепле и свете, окутанная нежной, прозрачной дымкой. Поля, опушки лесов, излучины реки, дали — все будто курилось, истаявая в тончайшей синеве...

Но легче, тоньше и нежнее был трепет в Душе моей, рожденный то ли полнотой любви, то ли неутолимой скорбью, а может быть, прикосновением живого присутствия Ины, ибо не она ли это простерлась и таяла сегодня голубой дымкой, окутывавшей землю светлым покоем и несказуемой лаской?!

Коля сказал мне: «Ты богаче, чем когда-либо!» Да, может быть, это и так, но все богатство я отдал бы за минуту простого, осязаемого присутствия Ины...

Стукнула калитка — и я дома. Никто не ждет меня.

«И возвращаются ветры на крути своя».

Вот и я вернулся на свой круг: Ее нет.

19 августа. День ясный, жаркий, летний, в солнце и упругом, плотном ветре. Даже кобылки застрекотали. Над самым моим окошком верещат прилетающие клевать черемуху стаи молодых скворцов, шумливых, веселых, неугомонных.

До обеда занимался Седьмой симфонией Бетховена и Шестой Прокофьева. Поправил вчерашнюю запись.

Вечером гостил у батюшки с матушкой. По дороге к ним посидел у беседки в парке, у пруда.

Часто теперь, чтобы смочь осмыслить окружающее, я должен представить себе Инну около себя. Вот и сейчас: вся прелесть, ласка летнего вечера, отраженная в прудике, прощально озаряющая стволы сосен (пока я не представил себе Инну рядом), была для меня лишь одной из опустевших горниц Природы...

Домой возвращался пляжем, в густом сумраке. Мерцали звезды. На горизонте клубилась непроглядная мгла. Мертвенно отсвечивали влажные отмели. Из-за черных силуэтов сосен поднимался золотистый диск луны.

20 августа. Утром проснулся в угрызениях совести по поводу невоздержанности у бати и невладения чувствами (у моря).

Занимался до обеда Салмановым и прослушал Седьмую симфонию Сибелиуса. День по-вчерашнему жаркий, ветреный, с кобылками, мухами и скворцами.

Но над всем сегодня — грусть... Грусть тяжелая и бездонная...

После обеда привел в порядок записки.

Днем заметил на стене, в ногах своей кровати, золотистый отсвет. Оказалось, это ярко-желтый Инкин домик отражает солнце и бросает отражение мне в окошко.

Вот еще, может быть, почему нельзя кончать с собой: самоуничтожение будет ведь и концом последней возможности общения с Инной, хотя бы в мыслях и чувствах.

Перед ужином — ненадолго к морю. Залив и небо в дымном мареве. На закате — прорыв в тучах и вонзаются в море бледно-сияющие мечи Бога Саваофа.

Потом посидел под окошками Инкиного домика. Окна были открыты. Тихо колебались занавески. И было так, будто Инна только на минутку вышла. Садик ее за эти два года превратился в маленькую чашу. На нашей березе уже первые желтые листья. Земля густо усыпана березовыми летучками. Никогда не видал такого обилия их. Медленные, густели сумерки. И была медленная пытка безвозвратного отсутствия Инны...

21 августа. С утра до обеда: «Петрушка», «Аполлон», «Лебедь».

Тихо, серо, моросит. День сегодня изобилует «общением»: письмо О. И. Ачкасовой, насыщенное атмосферой последних дней Инны; письмо от Маршиды — принесшее весть из покинутой и ждущей меня тишины на Тверской; посещение мной Фукс, привезшей мне лекарства и деньги; наконец, мой визит к милой и ставшей нечужой Наталье Антоновне, прошедший в разговорах о судьбе Марианны. Там застала меня гроза.

Возвращался домой автобусом, в сумерках и ненастье.

22 августа (сб). Не могу без злобы и омерзения думать о себе, о своей никчемной борьбе с курением... отсюда, наверное, и некая расхлябанность, которую замечаю последнее время.

Решил не заниматься, поехать на ту сторону в лес, продышаться, позаимствовать сил.

Солнечно. По горизонту — тяжелые облака. На реке сильный ветер, но в лесу даже припекает слегка. Свернул вдоль второго болотца, дошел до картофельного поля и прошел дальше, куда с Инной не попали из-за топкой низины. Нынче тут сухо. Окружной, новой дорожкой вышел, как и ожидал, к началу Чертовой горы, против заветной опушки «ржаного поля».

Там сегодня пустынно... Особенно так пустынно, будто ни Инны, ни меня, ничего нашего там и не бывало никогда... Вообще, пустынен сегодня и лес, и в душе пусто и отчужденно...

Шел без обычной упругости, вяло вдыхая лесные запахи, изредка поглядывая в чашу, прислушиваясь.

Зов леса, зов безвестности звучал совсем слабо, замолкая надолго... Зашел на хутор. Небо заволокло. Потемнело. Пошел частый дождик. Сегодня и здесь все глянуло на меня непри-

ветно; показалось все особенно темным, безрадостным, дряхлым и неопрятным.

У деда с бабушкой гости: сын и какие-то тетки. А из ворот сарая вдобавок высовывались фары их «москвича»...

Переждал дождь и пошел восвояси. На переправе опять хлынул ливень, с порывами ветра, с темными полосами ряби на воде и плеском волн. Спасся от него, накрывшись хляндой перевозчика.

Домой пришел в 5-м часу. Почти ни с чем... если не считать ощущения маленькой удовлетворенности от общения со «своей» средой. Пообедал один. Прилег.

И тут ни с того ни с сего началась пытка, которой я в минуты слабости, вероятно обречен навечно: пытка неразрешимого вопроса к Инне, ответ на который она унесла с собой...

23 августа (вс). Ночью остановились часы; утром на них было 1 час 35 мин. ... Перед обедом на крыльце Ант. Мих. с четой Павловых.

Шершавая листва винограда, вьющегося по стене, листики на березе легонько трепетали в льдистом ветерке, в то же время нежась в ласке осеннего солнца. Теплой была дощатая ступенька крыльца, под ней знакомая щелка, где любила прятаться Кисанка... Все, все было ИННИНО: и солнце, и ветерок, и крыльцо...

Тонкой иглой стала вонзаться в сердце боль, все острее, глубже... Видимо, что-то передалось всем: наступило молчание...

Вдруг понял: сам я — с умершей Инной в сердце, сам я — наполовину живущий в смерти, сам-то я — как же должен быть невыносим людям... и как же они должны мучительно не знать, как себя вести со мной!

И верно, именно поэтому люди со мной «тактично» молчат, спасая этим не столько меня, сколько себя и обходя тем самым все, чего не знают как коснуться.

...А мне хочется рычать, кричать звериным криком...

И хочется, чтоб кто-нибудь прижал мою голову к себе... И не надо тогда больше ничего...

И вот, о зверином рычании: тысячелетний опыт пройден человеком в поисках и нахождении средств самовыражения. А вот в запредельном горе все они — ничто; и только звериный вопль, первобытный волчий вой способен хоть как-то выразить его, излить, дать подобие освобождения. И еще: зверь, днями ходящий взад и вперед по клетке, это не только проминка, выход накопившихся сил, нет; просто легче, когда тело в движении; легче ходить, чем лежать, когда грызет тоска.

Вот так и я пошел утром к морю, до дальней заставы.

Был сильный ветер. По потемневшему, исчерна-синему морю катились белые пенистые гивы. Над морем низко шли грядами бело-синие курчавые облака и разорванные сизые тучи. На горизонте свисали мутные космы дождей, открывались и исчезали изменчивые прорези голубого неба. Все плыло в смене размытых очертаний и бело-синих округлых контуров.

Каждую пядь земли, весь мир перелистываю я, как страницы книги, где внезапно, злым чудом, исчезли когда-то начертанные, живые слова.

...Почти все равно мне, быть ли здесь, лицезрея природу в проступающем багреце осени, или быть в каземате, в одиночной камере, и видеть перед собой трещины мертвой стены... Ибо мир сейчас как каземат для меня, как одиночная камера без стен и без границ...

24 августа (пн). Утро напролет тупо, но упорно занимался Салмановым. Прослушал симфонию Онеггера. Голова мутная, памяти никакой. Видимо, перенапряжение.

После обеда зашел Болотин, ехать исследовать дорогу к хутору. Нечего было делать: условились — надо ехать.

Ненастно; дорога отчаянная; лужи, мокрые олешники. Еле пробирались. Раз даже крепко засели.

Всё вместе, да еще чувство ненужности сейчас всего, что касается планирования будущего, несколько раз вызывало желание повернуть назад.

Тоскливо было — не сказать. Когда же машина вломилась на дедово тележную дорожку, заросшую нетоптаной изумрудной травой, и, пыхтя, остановилась у крыльца дома, показалось, что все Неприкосновенное, связанное с этими местами, я собственноручно перечеркиваю и оскверняю все, что есть здесь Инкиного... Дед, его сын — пьяненькие; третий день празднуют дедово восьмидесятидвухлетие. Заставили сесть за стол. И тут, как ни странно, от сумеречных, потемневших стен избы, от деда, сидящего с рюмкой водки в руке, от потчевавшей нас бабки, от всей этой мужичьей застольи вдруг пахнуло давним, минувшим, кондовым, «сундуковским», забытым, но родным и кровным...

25 августа (вт). Не засыпал долго и спал плохо. Решил сегодня опять не работать, а оставшееся до отъезда время не пережимать с занятиями: что смогу, то смогу. Занялся «чисткой» старых своих перьев: вымыл голову, побрился, даже сходил постричься...

День серый, тихий, осенний. Начался листопад; клен, липа, черемуха роняют лист. Скворцов не видно уже третий день: видно, тронулись в путь, рановато... После обеда порывистый, холодный ветер, налетают дожди. Сел за пианино, проиграл-

вспомнил милую сердцу Вторую симфонию Калининкова. Пришло письмо от Али — как большая волна. Отправил ответную телеграмму, прошел к морю.

Над морем мгла, дожди, холодно, но неизменно бездонен и чист воздух. Встретил Ирину с Колей. Подышали вместе. После ужина слушал с Андреем Митрофановичем 2 и 4-ю картины «Петрушки». Старик — в восторге.

26 августа (ср). Приснился сон: хоронят Инну. Но Инну живую... Молчаливо толпятся люди. Я знаю: это всё люди доброй к ней воли. Инна лежит на высоко натянутом полотнище, одетая в свое любимое бежевое пальто. Я стою около, касаясь рукой ее колена. Мелькает мысль: «На этот раз крик ее из могилы донесется и будет услышан». Инна с трудом подтягивается на руках, поворачивается. Ее ложе вместе с ней отплывает от меня, поднимается выше. Инна садится и чистым своим голосом явственно произносит: «Мне плохо».

Если все виденное мной вмещалось во внутренний мой кругозор, в атмосферу сна, то голое Инны, наоборот, был мной воспринят не внутренним слухом, а прозвучал как бы извне, коснувшись уха, — и я проснулся с ощущением его звучания.

Было 6 часов утра. Долго и тщетно пытался уловить сущность и причину виденного, проверял свою совесть перед Инной... Да, Инна определяет мою жизнь, мои мысли и чувства. Ею олицетворяется самое высокое, мое *credo* сегодня. Это так.

Но в своем горе, в стремлении к ней, в ежемгновенном усилии я ведь люблю ее не только ушедшую, но люблю ее как бы продолжающую жить, желанную до радости, до влюбленности первых дней.

Настойчиво я зову ее, жду ее возвращения до иллюзии, кажется мне, ощущаю ее присутствие. И хотя в моем подсознании живет допущение чуда ее существования в Неведомом, более того, мечта о нем, я ни разу серьезно не подумал о том, что, если действительно оно есть, то я в своем непрестанном устремлении, в культе ее воскрешения здесь, *для себя*, в общении с ней почти как с живой, — я не могу не влиять на нее в «Том», не тревожить ее в Неведомом, если оно есть и если есть в нем Она.

Может быть, я препятствую ей на ее Пути, мучаю ее, раздваиваю эгоистическим напряжением своих сил?

«Мир ти! мир! я тя тревожу!» — воскликнул Ахилла [из романа Н. Лескова «Соборяне»], читавший псалтырь над умершим отцом Савелием, потому что показалось ему, что Савелий поднялся в гробу. Мир ти... я тя тревожу...

Но как же жить, как быть с Тем, чем живешь, если нельзя, чтоб Оно было?! Не знаю...

Единственное, что для меня возможно, это еще и еще помнить о Простоте, Правдивости перед собой и Естественности; без предвзятости, насильственности чувств и мыслей...

Кажется мне, что соблюдаю я этот завет... кажется... но, видно, недостаточно.

И, верно, Инна и Совесть хотят от меня большей непосредственности, больше приятия сущего вокруг, большей простоты дыхания и, конечно, не хотят, чтоб «мир был мне как одиочная камера без стен»...

В печали и подавленности пошел к бабушке с матушкой поговорить, попросить отслужить панихиду.

«Вы омываете Инну слезами...» — сказала мне матушка.

Вечером видел стайку чечеток: осень...

27 августа (ср). День теплый, нежный, с коротким ливнем в обед. Все утро занимался «Аполлоном» и симфонией Сибелиуса.

В 5 часов была панихида по Инне.

Как и в пасмурное утро сорокового дня, зажжены лампы. Но сегодня в церкви светло и на цветах у образа Спасителя теплится луч вечернего солнца. Никого, кроме бабушки, матушки и меня.

Ни о чем старался не думать, но только следовать за словами произнесенных молитв.

Перед службой была беседа об ИННЕ. «Вы слишком горюете... Вы тревожите ее... ей тяжело...»

«А чем же я тревожу ее, — спрашиваю, — когда часто во мне нет ни горя, ни тоски, ни отчаяния, а есть только радость Любви к ней? Неужели же и они ей в тягость?!» «Нет, — отвечают, — а только ей тяжело...» — «...А может быть, она просит молитвы...»

Провожая меня, на крыльце церкви бабушка добавил: «Помните: ей теперь ничего не надо, никаких «любвей», но только молитва, только молитва...»

На обратном пути посидел на камнях у устья, в синеве, просторе и ветре.

На той стороне реки серебряной метелью кружила стая чаек. Уходили в море, возвращались с лова тралышки. Шумели волны, разбиваясь о камни, и растекались пеной по песку.

Возвращаясь домой, долго смотрел, с каким наслаждением молодая мама с сынишкой и дочкой купались, играли в волнах, брызгаясь и смеясь; и как маленький веселейший жесткошерстный фокс носился по пляжу и приносил своему хозяину брошенную палку.

...Господи! Ведь на могиле Инны я молился о том, чтоб любовь моя была всегда со мной. На могиле Инны я умолял ее никогда не отходить от меня. И на могиле Инны я произнес клятвенные слова: «Да будет брак наш вечен и крест наш — общим».

Нет, Господи! Я не хочу отречься ни от любви своей, ни от жажды Инны, ни от своей клятвы, ибо даже если любовь и горе мое Инне в тягость, то не могут быть избавлением ей бремени моего — мое отречение и мое отступление.

Нет, Господи! Я не могу отречься ни от чего, ибо как же мне смотреть на этот клен, озаренный солнцем, без боли за то, что Инна не видит его вместе со мной, и как же я могу ласке и радости вечерней земли воспрепятствовать подняться во мне новой волны живой любви к Инне?!

Нет, Господи! Если Инна слышит землю, то она не может осудить и не может не оправдать, ибо так было, так есть и так будет.

Если же она за Пределами Пределов и недоступна Ничему, — тогда вообще ничто не может тяготить ее.

И даже если ушла она в Ничто, то и тогда я хочу верить, я имею право верить, что есть силы Неведомые, есть Пути Неизведанные, таящие чудо Сотворения Несотворенного, чудо Явления Неявленного.

Но да не будет во зло Никакая Мысль моя об Инне, никакое Побуждение мое. Да будет воля твоя, Господи.

28 августа (чт). Серо. Моросит. До обеда занимался Онеггером и «Петрушкой». После обеда долго сидел над записью вчерашнего дня, почти до 8-ми. Потом написал письма: Л<ютику> и Але.

29 августа (пт). Проснулся в 7 часов. Лихорадочно ясная голова. Понял — больше не заснуть. Пошел, опустил письма — и на море.

Утро вставало в тумане. Во мгле неба белел диск солнца.

На тусклой, ленивой зыби моря мерцали голубые отсветы. Клубясь, туман поднимался, открывал синеву неба и нежно-белыми облаками уплывал к горизонту. По воде брызнуло золотом, затеплились горячим румянцем сосны, засияло ослепительное солнце.

В ожидании завтрака зашел к Журавским. Неожиданное тепло и проникновение ко мне Евгении Митрофановны.

Дивный ее рассказ о событиях после смерти ее мужа. Все во мне дрогнуло в надежде...

После завтрака у домика Инны, под березкой в шезлонге, в точности как бывало, с партитурой Седьмой симфонии Бетховена.

После обеда — на ту сторону, к полю. День синий, знойкий, но прозрачный, с льдинкой. «Дилин день». Ин-н-кин день...

День, какой бывает только в сентябре, — *Осень света* (по непонятной причине, непонятно почему не воспетой Пришвинным). Как и пришвинской весной, осенью бывает и «Осень воды», и «Осень неодетого леса». И может быть, если прелесть «Весны света» в нарастании света, то прелесть осени заключена в лучезарности света убывающего!

Берега узкими полосками плывут в синих безднах: неба и реки. В лесу — теплынь, жужжание, неугомонное, как летом. Молодые сосны одеты золотым сиянием.

Косые вечерние лучи пронизывают лес до последней тайности. И горит в солнце каждый ствол, ветка, каждая мшистая кочка.

На поле — Тишь Великая. Склоненные колосья. Благодать неправдоподобная. А что же я тут? Что отведено мне в этот час?? В этом часе?

Вот Инкины полянки... Сотвори чудо, Господи! Сотвори чудо...

Но не достоин я чуда. И как же смею просить о чуде, если даже безгрешная птица — дикий лебедь — обречен на ту же муку, что и я...

И есть же кто-то, кто своей радостью причастен Радости земли в этот час. Но мне день этот, чистый, прозрачный и синий, — как глаза Инны, наполненные слезами...

30 августа (сб). Утром уехали Журавские. Сходили с Колей на море: шторм... море кипит, рвет ветер, пляж под водой почти до скамеек. Дома обедали вчетвером. В доме необычно тихо, тепло, пусто.

А в Инкин домик вместо Андрея Митроф. уже вселились Павловы... Наглядность пустоты сжала горло. Взял партитуру и прослушал «Поцелуй феи» Стравинского. Удивительное произведение: поражает, как никто его до сих пор толком не понял!

Вечером ужинали у Веры Михайловны Павловы. Была водка, и было нудно.

31 августа (вс). Утром явилась Лида, будет стирка. Сбежал в аптеку, заглянул к Рабиновичам. Солнце, но очень холодный, пронзительный ветер. Дома застал переполох и разгром своей комнаты. Все, включая матрац, развешано на дворе: Лида обнаружила в моем белье лосиных мух — «вшей», как она их называет. Чувствую себя плохо: вялость и какое-то странное безразличие. Еще ночью, проснувшись, *как обычно в Инкин час*, подивился своему тихому равнодушию. Лег подремать. Потом заставил себя заниматься Салмановым. Только проснувшись с небольшим ознобом от послеобеденного сна, понял, что нездоров: видимо, продуло вчера на море.

В 5 часов все-таки отправился к Рабиновичам, чтоб показать им далекий лес.

По мере того как шел и дышал, стало бодрее и теплее на сердце.

Помогли, конечно, Иннины местечки... Ведь все вокруг — ее. И лес, и дорожки. С тихой полнотой души показывал Ирине и Коле Иннины владения. Дошли до моей старой елки. На обратном пути глянул на меня с дальнего просека заветный столбик...

1 сентября (пн). В 8 часов пошел проводить Рабиновичей.

Тяжелые, сизые тучи, резкий ветер, холодные, редкие капли дождя... Вот он — мой горизонт, распахантый передо мной во всей своей неумолимой ясности, холоде и непреложности.

Много машин проводил я за эти годы и во многих из них уезжал... И всегда была живая боль разлуки и трепет ожидания, и любые проводы обычно вызывали инстинктивную тягу куда-то, «вослед».

Впервые сегодня не было ни боли, ни ожидания, ни тяги... Было нечего ждать, некого ждать... и некуда было стремиться...

Помню, как 2 года назад мы провожали с Инной тех же Рабиновичей. Была поздняя осень. Мы оставались. Никакой «тяги вослед» в нас тоже не возникло. Но мы были горделиво счастливы тогда своим преимуществом остающихся здесь, остающихся в осени, в неприютной, суровой ее красоте, остающихся вместе друг с другом. И ничего, нигде нам было больше не надо.

Дома упрямо изучал Шестую симфонию Прокофьева.

Обед был молчаливый, «своей семьей», как говорит Вера Михайловна. Туговато мне стало здесь: Журавский, Рабиновичи уехали, Светка — обслуживающая — и та сегодня отбыла в школу, в Нарву...

Нагладная пустота вокруг меня ширится.

А на дворе холод, ветер гудит на чердаке, перед окном мотается клен, только мухи жужжат в комнате. Но ничего, «выдюжу»... К тому же это неплохая подготовка к предстоящей зимовке — к «житию» на Тверской...

Вечером — малый час на море. По горизонту слева виснут ливни; направо — розовеют кучевые облака; прямо — громоздятся пенные валы.

Подняться на сильных крыльях — и лететь на закат, к горизонту!!.

На выходе с пляжа, на тропке, перо чайки. И голосок Инны: «Возьми для Кисанки...»

2 сентября (вт). Проснулся ночью, на часах — 1 час 40 минут...

Понятие «никогда» само по себе способно вызвать страдание. Поэтому эмоции, им вызванные, не могут отражать истинной меры горя, с которым оно бывает связано.

Об истинной силе горя говорит только боль, испытываемая непосредственно от факта отсутствия ушедшего.

Боль, подобная голоду, удушью.

Чувства, связанные с понятием «никогда», обобщенные. «Никогда» — включает опыт утраты вообще.

Как часто путаем мы боль обобщенную (*Weltschmerz* [*мировую скорбь*]) с болью непосредственного горя, как часто подменяем их — одну другой.

Настоящее горе может только довершаться понятием «никогда», поскольку это понятие несет с собой (привносит) отчаяние ЗНАНИЯ.

Утро, занимался Шестой симфонией Прокофьева и прослушал ее. Потом Сибелиус, Седьмая симфония и «Лебедь».

Вечером были Павловы. На сей раз тепло и содержательно. Ночью играл им «Поцелуй феи» и 3-ю ч. Пятой симфонии Онеггера.

3 сентября (ср). Утро голубое. Не работал. Ранний обед: уезжают Павловы. В 5-м часу тихонько по шоссе, навстречу Яше, как когда-то шел встречать Инну с Гусевым. Осень света. День синий, в маленьких белоснежных облачках.

Но нет связи с ним. Нет причастности, даже ощущения Присутствия... Позвал Инну. И вот всему — свой час. И бледная пожухлая былинка, что дрожит и клонится в ветерке, приемля конец свой, празднует конец свой — голубую сияющую неизбежность.

А мое неприятие заключается в том, что я знаю: нельзя, невозможно не принять...

Вместе с Яшей на почту, за папиросками, и круг морем. Вечером читал ему записки. Его: «Грех так звать ее...»

4 сентября (чт). День благословенный. С Яшей в монастырь. Подъем на горку. Высокая обочина дороги со столбами, будто над обрывом в голубое небо.

Подъемы впереди на шоссе, обрывающиеся прямо в синеву неба.

Сжатые поля, скирды соломы, воспоминания былой осенней домовитости.

Все теплее: у монастыря даже ласточки, скворцы.

Главы, кресты монастыря. Вокруг, в благодати, в даях осеннего дня, — уходящие в дымку ярусы лесов.

Но Силуаны нет, уехала. Игуменья [Ангелина] занята. «Придите через 2 часа». Подумалось: «Не судьба. Не угодно все, чего мне здесь хотелось...»

Пошел вдоль монастырской стены за ушедшим в лавку Яшей, чтоб ехать домой. Спросил вышедшую из избушки седую женщину, где эта самая лавка. Зашагал было дальше, как вдруг женщина окликнула меня. С внезапной убежденностью в важности приближающегося мгновения подошел к ней. Вошли в избушку.

«Я — близкий друг Н. А.⁴ Вы пришли к ней. Говорите здесь, говорите мне все, что хотели сказать ей самой. Я узнала вас. Минуту сомневалась. Потом подумала: приехал к Н. А. Тяжело. Надо окликнуть...»

В радости и светлой благодарности распахнулось сердце навстречу чудесной этой встрече. А потом была беседа, и в беседе — все, чего ожидал, — и даже больше, чем ждал...

Беседа: всегда молится обо мне и об Инне. Видела Инну в наш приезд сюда в 1962 году. Коснулась самых дорогих для меня черт Инны. Даже легковейности ее волос, синевы глаз.

Сокрушалась моими зовами-заклинаниями Инны: «Вы мучаете ее».

На вопрос: «В тягость ли Инне и радость моей любви к ней?» — ответила, что для «Там», как и для «Здесь», есть худшее и лучшее. Понимающе кивнула, когда сказал, что все противится во мне отказу от зова Инны и надежды ее увидеть, пусть даже ценой осуждения.

— Ведь если даже она придет к вам, вы не будете знать, как поступить с ней. Вы искалечите ее.

— Берегитесь людей, которые пойдут навстречу этим вашим желаниям и дадут вам чуть ли не осязаемое общение с Инной: вы погубите ее.

— Вы имели неповторимое счастье — платите за него. Молитесь за Инну. Молитесь вообще, как умеете. Творите милостыню именем Инны.

— Вы должны гореть. Но вы коптите. А можете гореть свечой.

— Вы большой, и в большом вашем смятении вам необходим наставник, который помог бы вам и *привел вас к Чаше* и который был бы вам как сильное плечо, на которое бы вы оперлись, чтобы потом самому стоять сильно и самостоятельно.

— Вот это все, что в вас, например: куда оно, как оно может исчезнуть?!

— А матушке игуменье я передам все, что вы хотите, и все будет исполнено так, как лучше.

Невесомый и радостный вернулся я в монастырь, где меня ждал испуганный моим долгим отсутствием Яша.

Не хотелось еще ехать домой. Отправились к Чудскому озеру. К тому самому месту, где были с Инкой и Рабиновичами...

Тот же голубой, распахнутый простор озера, те же обточенные водой и ветром валуны на молу, те же нетронутые пески берега, вдали та же ярко синеющая полоса Наровы и нежная зелень уходящих в дымку берегов с неподвижными, озаренными косым солнцем стогами...

Тот же льдистый ветерок и вольный шум прибоя.

Возвращались домой, когда завечерело и на дорогу легли длинные тени. Слева «бежала» опушка леса, уже погруженная в сумерки, и мелькал промеж стволов огненный диск солнца; а справа лес еще горел в лучах вечернего озарения. Закат угадал в малиновом дымку. Сгустились сумерки. По низинам поднялись и белой пеленой простерлись туманы.

Когда отдыхали и обедали в сосняке у Чудского озера, мелькнула догадка *о самосожженцах*; явление это не исчерпывается мелким определением «сектантства» в социально-церковном смысле.

Это — большое явление. Оно — одно из отображений стремления Жизни к самоуничтожению. А поскольку любовь — ярчайшее проявление того же стремления Жизни, постольку Эрос был объявлен самосожженцами одним из действ, дозволенных и сопутствующих «Красной смерти».

5 сентября (пт). ...В 5.30 с Яшей тихонько по Айя, к церкви. Доносится матушкин благовест. Всенощная. «Господи, да не вниди в суд с рабом твоим...»

Комплекс моего Бытия сегодня и комплекс таинства Причастия — вот проблема, которую надо решить и которая кажется мне сегодня неразрешимой, но которая так или иначе должна быть разрешена. (Проблема права на Причастие).

6 сентября (сб). К проблеме Причастия: проблема, может быть, вся решится не запретом для меня: ибо Причастие есть Всепрощение... (?)

Проснулся утром с почти зрительным ощущением лица Инны, смотрящей на меня не без иронии, выжидая, когда же я, наконец, разрешу все эти споры с самим собой, всю эту «диалектику» с противником, может быть вовсе не существующим, на которые у меня уходят *невосполнимые мгновения счастья живой Любви и живой... боли...*

Да! Да!

На ту сторону с Яшей, по всяким местечкам леса вокруг нашего поля. Старался ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать, а только непосредственно воспринимать окружающее.

Но подспудно накопилась и дома все заполнила и все вытеснила Тоска по Инне.

Будто каждый перелесок, лужайка, каждая горница лесная, вопреки мне и незаметно для меня, оставила во мне (свой) зов Инки моей...

Мне с кошками легче, лучше и как-то полнее, чем с людьми... И Пуська и Чижик явно благоволят ко мне. Особенно сдержанная Пуська. И когда мы вместе, мне кажется, она чувствует, слышит и понимает все, что непрестанно живет во мне, во всех неуловимых нюансах, в каких мне даже самому не выразить. И своим теплым, животным контактом дает мне больше утешения, чем самое напряженное сочувствие людей.

7 сентября (вс). Яша видел во сне повторение нашего вчерашнего хождения по той стороне. Но только была с нами и Инна... Вижу по его лицу, что весь он под впечатлением сна, т. к. сон был, как явь...

Все утро писал, приводил в порядок последние записи.

В 6 часов сходил к бабушке с матушкой, простился.

Проблема Причастия — это еще и проблема внутренней Необходимости в нем.

12 мая (пн). Москва. Репетиция с 4 до 6 (главным образом Пятая Глазунова). «Обстановочка», уготованная Мос. Филармонией («проблема Глазунова» и пр.). Вечером был и принес «благо» — К. С. Родионов¹.

13 мая (вт). Большой зал Консерватории.

Концерт (1-й):

Глазунов, Пятая симфония

Шостакович, Пятая симфония

На концерте был Шостакович.

14 мая (ср).

Концерт (2-й):

Глазунов, фр. из бал. «Времена года», «Раймонда»

Чайковский, фр. из бал. «Щелкунчик»

15 мая (чт). У меня в номере в 3 часа интервью для Центрального телевидения (Золотов). В 7 часов у Тamarочки Беляевой (Алексей Сергеевич показывает цветные кадры своего путешествия по «Пути на Голгофу»). <...>

16 мая (пт).

Концерт (3-й):

Вебер, увертюра к оп. «Волшебный стрелок»

Гайдн, симфония № 88, соль-мажор

Брамс, Вторая симфония

После концерта у меня Либерман. Просидели до восхода солнца, ослепительно взошедшего из-за крыш Театра Островского.

Гастроли в Сибири

17 мая (сб). Отъезд в Челябинск.

19 мая (пн). Челябинск. Отвезены в тихую отдельную трехкомнатную квартиру; два «услуживающих»: повар Володя и «хозяйка» Елена Михайловна. Там завтрак <...> в 7.30 утра (к столу масла все же нет). Передача по телевидению моего интервью, данного в Москве Золотову.

20 мая (вт). Театр оперы и балета им. Глинки.

Дирижер Ю. Симонов. Солисты В. Либерман и В. Селицкий

Прокофьев, Седьмая симфония

Бах, Концерт для двух скрипок с оркестром

Чайковский, Пятая симфония

Был на концерте на 1-м отделении.

21 мая (ср). Театр оперы и балета им. Глинки.

Концерт (4-й):

Глазунов, Пятая симфония

Шостакович, Пятая симфония

Толпа при входе в театр.

22 мая (чт). В 11 часов прием у Н. Н. Родионова².

Путешествие в дымах Челябинской индустрии и по бездорожью; ненастье.

Отъезд в Красноярск.

24 мая (сб). Утром за окнами вагона зацветающие березы Енисейского края. Солнце... Красноярск; встреча. Умудреннейший, сердечный, все и всех знающий, усталый Павел Тимофеевич везет нас далеко за Енисей, в специальную гостиницу. Специально предоставленная нам официантка Аннушка. Тихо. (Масла тоже нет; по части мяса существует некая «1-я категория», но идеальное обслуживание, точное).

25 мая (вс). Красноярск. Театр музыкальной комедии.

Концерт (5-й):

Глазунов, Пятая симфония

Шостакович, Пятая симфония

26 мая (пн). В 12 часов с Павлом Тимофеичем на Енисейскую ГЭС.

Краса Природы, смешанная с адом Индустрии и осквернения...

Вечером я на концерте Ю. Симонова. После концерта его «речь» публике.

27 мая (вт). Отъезд в Новосибирск. Проводы зам. председателя Крайисполкома; Павел Тимофеевич; 30 000 000 «деловой древесины и прочее... красавица-девка («молодая Тарасова») с фантастическими розами — Але.

28 мая (ср). Новосибирск. Дождь. Лужи. Машина на перроне у самого вагона... везет нас в «Академ. городок» за 25 км (!) от Новосибирска. В неузнаваемости Новосибирска мелькает «100-квартирный» дом...³ Гостиница «Интурист», мост через Обь...

Лужи, брызги, взрывы воды под машиной, поток грузовиков, мгла, смутная Обь... Завтрак в ресторане. (Масло появилось). Утром, после сна, занимался Брамсом; после обеда — Глазуновым и Шостаковичем.

29 мая (чт). Концертный зал Филармонии.

Концерт (6-й):

Глазунов, Пятая симфония

Шостакович, Пятая симфония

На репетицию — 25 км; домой — 25 км; на концерт, — 25 км; домой — 25 км. Итого, кроме репетиции и концерта, — 100 км пути в машине. Несостоявшаяся подача обеда в номер. Почти не спали до концерта.

30 мая (пт). Утро: пытаюсь спать после завтрака. Цуц [Александра Михайловна] ковыряет бритву.

В 3 часа прием у первого секретаря обкома Ф. С. Горячева. <...> Аля, полупростуженная, дома. Вернулся. Спустился выпить пива. Аля — сладко спит. С 6 до 8.30 с ней на «море». Водомерки на мертвых лужах. Скворешник на балконе; тропки в березняке; на бревне пляжа; лекция о полупроводниках; тучи; фиалка; сорванные листики березы; ветер; дождь редкий; дома, сон в 11 часов.

31 мая (сб). Встали в 10 часов. Солнце. Пустой ресторан; ели одни; в вестибюле — Буяновский. 11—2 час.: партитуры Вебера, Гайдна, Брамса (хорошо!). Нудный обед (1.15). Сон. В 6 часов <...> рецензии. 7—9 час. — прием у зам. пред. исполкома (Прасковья Павловна).

Цуц без меня «свистала» и сидела внизу на лавочке: встретила. По настоянию Али вылил вино, посланное ей от приема, в клозет!!!

1 июня (вс). Поздно встали; завтрак — на своих харчах дома. Аля — на почту и в магазин. Принесла березку: Троица! Я сидел с партитурами; смятение: потерял начало Брамса! (Страх, мелочность...) Аля занимается в соседнем номере. Я — с Фединым.

Одержимость потерянными аутфактом Брамса. Сердце стучит. Вечером Аля — утешит. Ужин дома. Не знаю, как успокоиться... На ночь — рассказ Пермяка («Саламаты», «Пухлевенькое болотце»).

2 июня (пн). Выспались относительно. Основательная репетиция с 10 до 12.

Концертный зал Филармонии.

Концерт (7-й):

Вебер, увертюра к оп. «Волшебный стрелок»

Гайдн, Симфония соль-мажор

Брамс, Вторая симфония

Вечером клякса <...> в Брамсе и мой перехлест... Но очень хорошее 1-е отделение.

3 июня (вт). Пробуждение в муках совести по поводу «перехлеста» в Брамсе.

12—4 поездка к И. И. Соллертинскому⁴ <...>. (Телеграмма Жени).

Вечером сборы и долгая беседа с Анной Ивановной (дежурной по этажу).

4 июня (ср). Утром подарок от Али: пара ежей, ложечка. После завтрака — немного в холле. Телеграмма Марголина⁵: «Две шестерки — очень мало, две шестерки — лишь двенадцать! Начинайте все сначала и живите лет сто двадцать! Ваш всегда герольд и воин, штаб-трубач В. С. Марголин».

Доукладка. В 1 час — обед с коньяком (с позволения Али), в 2 часа — на вокзал. Депутатская комната, где сидели в 1944 году... Посадка. (В вагоне ревет радио). На станции Тайга — прицепка паровоза. Его свистки и наконец-то нормальная скорость поезда. За окном ветер гнет березы. Припозднившаяся листва: еще только курчавятся бежевые осины... Оранжевые семейки цветущих «огоньков» в совсем еще молодой траве. Много воды. Грязь на дорогах непролазная.

В 9.30 Томск. Отцы города. Водоворот приветствий, цветов, чемоданов, машин, гостиницы, банкета. Потом еще 20 км на машинах. В итоге — загородный дом, отдельная квартира. Тишина. Сон.

5 июня (чт). Встали в 9. Ненастье. В комнатах холодно, но внимание, obsлyга и абсолютная тишина. Разобрались. После завтрака Аля занимается; я — спал. В обед приезжал Игорь Федорович, хлебали небезопасный рассольник. После обеда, зарывшись от холода под одеяло, занимался. <...>

Ужин «своими» силами. В 9 — появление ужина казенного.

6 июня (пт). 10—12 репетиция. Перед ней — приветствие оркестра, цветы, подарок, адрес. Искренне тронут... Ответил «от сердца». В антракте — намек на головокружение... Дома тоже (??) В 5-м часу проснулся, все еще есть непорядок в голове... Бережно, спокойно, с печалью и с допущением... в Концерт.

Областной драматический театр.

Вебер, увертюра к оп. «Волшебный стрелок»

Гайдн, Симфония соль-мажор

Брамс, Вторая симфония

Лучший в моей жизни Брамс. Так мне кажется. Домой, белой ночью среди полей, холмов, в отсветах плесов далекой Томи.

(Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно...)

7 июня (сб). Солнышко наконец. Вышли на скамейку (котенок и мальчик). В 12 часов мэр города, на 2-х машинах.

Ботанический сад. Университет. Бревенчатый, весь в деревянных кружевах квартал старинных потемневших домиков (Детский сад).

Катер. На нем вверх по Томи ползли 3 часа... Могучая, но мертвая река. Одинокaя утка. Природа меньше осквернена, чем где-либо. Живительный, холодный речной ветер. Могучая броня «Синего камня». Водовороты. Трап!!.

Спал как мертвый с 6 до 7. Лежал до 9-ти. Машина на концерт.

Областной драматический театр. Дирижер Ю. Симонов⁶.

Слонимский, Симфония

Бах, Концерт для двух скрипок и оркестра

Чайковский, Шестая симфония

Тревожения Али: аварии; падение Зильпера; путаница с «чествованием» оркестра. Прием чуть было не сорвался... Спас Либерман. Дома во 2-м часу. Шофер сдает меня с «рук на руки». Перемолотая от волнения, уложившая все чемоданы — Цуц⁷.

8 июня (вс). Уложил чемоданчик. Аля — внизу со скворушками, травками, солнцем. В 12 — машины. Всеобщие проводы. Статья. 12.58 — отход поезда. Очень хороший, новый вагон. Отдыхаем. Аля спит. Мне — не удастся. Заболевание Симонова... Видимо, мне неожиданно придется дирижировать завтра... Склочка Синицы и К° по поводу «разложенцев». Об этом — с Либерманом. Спал с 9-ти до 1 часа ночи.

2.30 — Омск. Несмотря на ночь, встреча, цветы. Со всеми в гостиницу на берегу Иртыша. Под окнами пристань. Симонов окончательно разболелся.

9 июня (пн). Хорошо спали в очень хороших постелях до 11-ти утра. Окончательно ясно: мне сегодня дирижировать.

Номер очень хороший, но на пристани — громкоговоритель, который не дал заснуть после обеда. С 12 до 1 час. партитуры Брамса и пр. Дождь, ветер, ненастье. 6 часов — машина. <...> С 6.15 до 7.30 репетиция (фанерная акустика, но играть легко).

Концертный зал Филармонии.

Концерт:

Вебер, Гайдн, Брамс.

После концерта — Либерман (опять о «разложенцах»).

10 июня (вт). В 8 часов встали. 9.30 — на репетицию. В 10 начали, кончили — 10.40. Дома обычные приготовления и запись дней. Но причалила и стала оглушительно тарыхтеть землечерпалка в реке... Отчаяние. <...> Ничего сделать нельзя... От отчаяния (после мытья, горячей воды нет; принесла кипяток в ведре «ваша горничная») грохот «врос» в уши: дремал до 6.15.

Концертный зал Филармонии.

Концерт:

Глазунов, Пятая симфония

Шостакович, Пятая симфония

Концерт — хорошо; 3-я ч. Глазунова — чудодейственно...
Все хорошо кончилось. У нас Буяновский⁸ <...> и потом пере-
сидевший всех Либерман: «Поезжайте за границу...»
ВСЁ.

1969

Дом творчества кинематографистов «Репино»

8 февраля. В 1.15 выехали, в 2 — обед. Аля у меня устраивает, в 3.20 — скрылась. Пешком, узнаваемыми ельниками, — в СК [Дом Союза композиторов]. Мальчик и его мнение о моих «пеших» возможностях. «Вам идти час туда. Лучше вам на автобусе!» — «А ты?» — «Я на лыжах: 5 минут». — «А сколько туда километров?..» — «Да 1,5, наверно!» Араповы, его: «Природа, семья, работа и красота». И тут же нотки ущемленности, обойденности наградами. <...> В 5 дома. Толубеев¹. Чтение «Львов». 8 час. — шведская картина (о старом профессоре — Тибо...). От очков, духоты — тяжесть, сердцебиение, усталость. Сразу удобно (!) заснул. Пробуждение в 3 и в восьмом часу.

9 февраля. 8.30 — встал. После завтрака дрема. 10—12 час. — Брамс, 1-я ч. Синички за окном на березах. 12—1.30 — до станции, вчерашним подъездом — домой. (О Рыссе... Крайняя дача с высоким забором: «Злая собака. Берегитесь!») Заснеженные с севера стволы. Две абонементщицы, показавшие мне дорогу (футболисты на льду, воспоминания о Гликмане). За обедом «лечебная» снедь соседок. Потяготная дрема. В 4 часа с трудом, насильно, до санатория Горького. Хотел до шоссе, но вернулся, сидел у входа. Ветерок. С деревьев косо падают, летят комья снега. Нет-нет да вспомнутся Шерман² и его подозрения... ну, что ж делать.

5.30 — у себя. Запись дней. Легкие, светлые сумерки. Потом белая кафельная теплынь ванны и тишина. В 6 часов поговорил с Алей. Всё, слава Богу... (их четверо!) Смерклось: стемнело, засияли окна. Ужин; вереницы полуушедших, умирующих, молодящихся скелетов, вступающих в гибель: Гайдаров³, Шапиро, Толубеев, вчерашний багровый Арапов и вступивший в их ряды сегодня — я (окончательно ли???). Дочитал «Нгоньяма желтогривый» [Э. Гленвилла].

В 8 час. кино «Берегись автомобиля»⁴ со Смоктуновским. После кино беседа с Шапиро и Т. А. Луговской (!) и ее мужем (о куреве, о Караяне⁵, дирижировании, целомудрии в музыке). Возбужденность, бессонница. В 12.30 пришлось допринимать (синтолан) (?).

10 февраля. За окном качаются березы, сосны; каждая ветка, каждый ствол по-своему и в свою сторону, ветряное смятение в лесу. В воздухе крутится снежок-порошок, густо толкутся снежинки, как комары-толкуны летом. Попархивают синицы.

Встал в 8.30. После завтрака дрема. С 10.30 до 12.30 Брамс, 2-я ч. Наконец-то не без толка. 12.30—2 час. мимо «Горького», репинскими снежными переулочками — на шоссе. Вдоль мутно-белой стены (мглы) залива, слившегося с небом, по шоссе до СК. 15-минутный передых у Араповых. (Тамара Павловна пасет ребят. Арапов работает над своей родословной?!). Домой — лесом. Ветер стих. Небесное сито сыплет отвесный снежок. Если остановиться, слышно, как по лесу от него идет тишайший шорох.

Моя молодежь за столом усиленно потчевала меня спиртным. От соблазна сего отказался...

2.30—3.30 полудрема. Дважды внезапно ускорялось биение сердца. Казалось, что от мыслей. А может быть, наоборот, и мысли — тоже результат какого-то физиологического толчка? (как и в снах?).

За окном все порхают синички, присаживаются напротив на молодых березах. Верно, кто-то их подкармливает здесь, на балконах. Нет-нет да пронесется облако снежной пыли с крыш. А в доме стоит густая, звенящая тишина: ни звука. Сейчас (4.15) насчитал на березах 16 синиц! Потянуло выйти. С 4.30 до 5.15 мимо «Горького», аптеки, по шоссе — домой. Немного снежит, немножко метет, небо низкое, резкий ветерок с востока. Неуютно... и все-таки хорошо. Вернувшись, встретил отбывающего Толубеева. (Но сердце опять почувствовал; так бывало во время гребли летом и по утрам после ангины. Не сильное, но зловещее какое-то ощущение; не то боль, не то спазм, не то воспаленность... Может быть, переходил сегодня? Получилось всего 7 км. Ну, там будет видно...)

В 6 час. звонил Але: досадует, волнуется по поводу путевки сюда. «Часок» у себя, без огня, в сумерках. Стемнело. Береза опустела. Синички где-то на ночевке. 2-й звонок к Але: успокоил, чтоб не делала проблемы из устройства путевки. Обойдемся! До ужина почитал Даррелла⁶. Между ужином и кино — тоже. Картина — советский детектив. После сеанса опять долгое сидение у глядящих в ночные снега окон фойе.

11 февраля. 8.30 встал. <...> Ясное утро. 10.30—12 час.: Брамс, 3-я ч. 12—1 час — кружок мимо кочегарки до полотна, к станции, мимо катка — домой (буфетчица с собачками: Цыган и Найда!). Бледная голубизна неба, подернутая дымкой. Бледно озаренные солнцем сугробы. Крепко подмораживает; свежий снег похрустывает, посвистывает под ногами. В воздухе мелькают искры снежных кристаллов. Дома — ожидание Мар. Мих. с ее милостью по поводу Алиной путевки. Ее прибытие и полное мое удовлетворение. Чтение немного до обеда. Часок полудремы. В 3.30 солнце (прежде чем опус-

титься за оснеженные макушки сосен) заглянуло между неплотно сдвинутых портьер и бросило прямо мне в лицо светящее золото косых лучей. Мы улыбнулись друг другу, после чего я поднялся. Солнце стало медленно скрываться в предвечерней дымке, поднявшейся из-за леса. В 5 пойду пить чай. Закончил очередную прелестную главу Даррелла («...он смотрел на нас словно рассерженная пуховка»).

Тускло-огненное, оранжевое солнце прощально глядит сквозь сосны. Снега потускнели. Синицы скрылись. Безветрие. 5.15 — посидел на лавочке у входа, 15 градусов, а не зябко. Потом взад-назад по улочке, понизу, вдоль участка киношников! Медленные сумерки; тут и там затеплились желтые пятна окошек. Пес Тузик с Найдой еще у ворот. До ужина — Даррелл. Звонил Але в 6.30 — еще нет дома. В 6.45 — застал. Рада. Завтра приедет.

Кино: грузинский фильм, со специфической грустью и юмором. Краткий разговор с Т. А. [Луговской]: о ее руках, о гадании ей, о застенчивости, о несостоявшейся ее славе. Холодно в фойе. Дома обогрелся...

P. S. Сегодня у дежурной, когда ждал Мар. Мих., молодая, красивая женщина (соседка по столу) хотела уступить мне единственное кресло... Вечером на горке, в сумерках, одинокая молодая женщина предложила свои финские сани! «Хотите покататься?» Я ей сказал: «Это для молодежи». Ответила: «Ничего (!), здесь никто не увидит!...» Все со мной предупредительны, сугубо почтительны; с кем ни зайдет разговор, все знают имя-отчество... готовы к услугам. Старость заслуженного человека — это сегодняшняя реальность, сегодняшняя данность (а никак не могу привыкнуть...). Записал сегодняшний вечер.

12 февраля. 8 часов утра. В прозрачных сумерках утра — серебряные сети заиндеветших берез (неподвижно раскинулись). День взошел голубой, в седых опушках леса, сияющих снегах, пляшущих в воздухе искорках...

После завтрака дремал до 11-ти: тяжело спал ночь. Тяжкие сны: обреченное бегство по каким-то лестницам, потом репетиция в Филармонии, которую никак было не начать из-за неверной рассадки и кончая отсутствием партитуры... (Брамса, между прочим!)

11—12 кружок (мимо кочегарки, до «злой собаки», через «пруд» — домой). Шагалось бодро. Подгонял резкий морозный ветер. Дома — комната, полная солнца. Спустился, посидел на уже пригревающем солнышке у входа. В 12.30 из-за угла — Аля со своим клетчатым мешочком и моей хламидой под мышкой (в комнате сразу появились газеты, журналы). После обеда сон и растеплившийся Цуц.

В 5 часов — лесной дорогой, вдоль горок в Комарово. В гаснущем небе над силуэтами сосен — высокие розовые тучки. Тамара Павл., одна, с жиденьким своим, беленьким, очкастым и температурающим внучонком. Домой в снежном сумраке чернеющих ельников. Над лесной поляной — серп прибылого месяца, окруженного зеленоватым нимбом. Алина забота: хорошо ли я иду? Поет снег. Дома — отопревание ног. После ужина, Аля — с неизбежной «Литературкой», я — с «Вокруг света» (в тепле, тишине, бездумье и отдыхе отяжелевшего тела и душевной дремоте).

13 февраля. Тяжкий сон о подводном (?!) медведе и спасении от него. Преодолев «скорбь пробуждения», встали вовремя. Деревья за ночь обросли пушистым инеем. Синицы, перепархивая, сбрасывают его. Пушистые комочки его косо летят, подхваченные дыханием ветерка. После завтрака дремал. Аля читает болгарские стихи в переводе Солоухина. 10.30—1 час Аля улеглась поспать (подглядывает сквозь сон), а я — Брамс, 4-я ч., и запись вчерашнего дня и сегодняшнего утра. Пошел мелкий, косой снежок. Аля в аптеку, за носовыми каплями, я — с Дарреллом. На березах наших кроме синиц часто гостит еще пара дроздов. Прилетают, видимо, отдохнуть. Распушат шариком грудь, втянут голову — поглядывают, подергивают хвостом.

После обеда в починенную утром фрамугу Аля накрошила хлеба и мяса синичкам. Потом я дремал. Аля читала журнал. С 3.45—5.15 мимо «злой собаки», по верхнему просеку вышли выше черкасовского поворота. Домой — вдоль полотна ж. д. — и по 2-й Новой улице (у кочегарки два «тяв-тява»: мне и Але).

Солнечные сосны просека.
Чистое голубое небо.
Над головой белый глазок
Полумесяца.

Отдаленный дятел, услышанный только Алей.

Мой, «внутренний» дятел.

Поначалу трудно идет: очередная волна недомогания. Потом все лучше и лучше. У ж. д. полотна запах: гарью, углем, железом, смазкой (почти запах детства).

У аптечной поворотки встреча с Цыганом и «ссора» его с рыжей лайкой Найдой. Аля о том, как любила маленькой, чтоб ее возили в сани, сделанных отцом, но и как удовольствие всегда было испорчено тем, что мерзли ножки, как их ни кутали.

Дома, не зажигая огня, сидели до густых сумерек, когда стволы моих березок затеплились отраженным светом от

освещенных окон 1-го этажа. Невольно всплыли предстоящие проблемы: Япония, разлуки, Алиной ситуации в связи с моим уходом из Филармонии, званий ее, педагогики и т. д. и т. д. Все, что и на сегодня не поддается разрешению... В 8 час. кино. Совершенно страшный, бездарный венгерский фильм «Мужья в командировках». 10.15 — Аля пошла звонить своим. Я — записал день (с обеда).

14 февраля. Пасмурно, ветрено, летит с крыши снежная пыль, метель клубится. После завтрака дремали. Так и не вышли на улицу: полеживали, подремывали, читали. Радовались на мелькающие фигурки синиц, шум крыльев голубей, на неуклюжий «стоящий» полет сороки над лесом. К величайшему удивлению, на наших березах появился сегодня ни больше ни меньше как черный дрозд с золотым своим клювом?!. Каким образом он остался зимовать?! Вышеупомянутые дрозды (подозрительно темной окраски) не его ли дамочки? Очень вероятно.

Так и просидели до обеда в комнате, тишине и покое. Только не надолго выходили в холл (пока очередная Машенька убирала), где Гайдаров рассказал эпизод из своей киноработы с Лилей Бутти (Боже мой! Я помню ее хорошо. А жила она как будто 5000 лет назад...) да местный директор «жалился» всячески на строителей и будущий ремонт. После обеда — опять тишина и дрема, чтение. В проеме окна по-прежнему мельтешатся снежинки, и мотаются на ветру березки. Показалось было сквозь тучи бледно-розовое пятно солнца, но скоро исчезло...

В 5 ходили на чаепитие (неожиданные уколы электрических разрядов, когда тронул Алю за локоток ее розового свитера!). Симпатичный, усталый человек — сосед наш по столу — разговорился о «таинственном», о гадалке в Болгарии, о «судьбе» на войне, об органичном и умозрительном восприятии в связи с возрастом. У себя, Аля с неизбежным журналом, я — записал день. В 8 часов кино «Возвращение прошлого» (Венгрия). После сеанса разочаровательный спор с Т. А. [Татьяна Александровна Луговская], С. А. [Сергей Александрович Ермолинский] и Шапиро, представшим во всей своей диалектической лояльности. У себя тихонько пожалели об еще одном излишнем сближении (Т. А. и С. А.).

15 февраля. Утром серо, идет снег. Около 11 вышли. Небольшой кружок мимо «Горького», направо, еще направо, к лесной горке — и домой.

Пронзительные рассказы Али о детских ее горестях: кража лыж, когда ей было 10 лет. Маме она объяснила отсутствие лыж «крушением» вагона, в котором лыжи якобы ехали. Кража номерка и пальто в поликлинике, которое только что

с трудом «построили» папа и мама; кража флейты, когда уже работала в кино, флейты, тоже приобретенной усилиями всего дома... Правда, флейта была найдена и возвращена. И наконец, в школе кража каким-то ежеподобным Сидоровым — соседом по парте — коробочки из-под папирос, содержащей «драгоценности» вроде корпуса от часов (без механизма) и пр.

Шлось мне очень тяжело: 1) синдром⁷, 2) сердце очень шалит и 3) то новое, неопределенное, еще не определившееся? Дома Аля размела скамейку у входа. Я поднялся, надел шубу (ходил в «искусственной»), и мы еще посидели часок. Поднялся ветер, закружилась метель. Во 2-м часу появления Араповых (Твардовского сняли, судороги Павла и пр., пр.).

После обеда немного отдохнули и, соблюдая друг перед другом разумное спокойствие, оделись, присели и в 3.35 пошли на поезд (Аля оставила у меня свой мешочек). В последний момент прощальное появление дрозда на нашем балконе. 4.06, Аля за стеклом вагонной двери. Толчок, мелькание окон, растущее в хвосте поезда снежное завихрение в молочной дали — всё. 4.30 — дома, у себя. Сторожкая тишина покинутости, стиснувшая сердце. Не сразу сообразил, какое же сегодня число? Вдруг вспомнил (и с Алей вспомнили это перед ее отъездом): День Инны. В тишине и Молчании Неотвратимости... молитва...

Одинокое чаепитие. Вернулся к себе, записал день. Густеют сумерки. Вечером в 6.20 звонил к Але: благополучна, но почему-то внезапный приступ тревоги, беспредметной, не испытываемой давно, до дрожи... до метания... В 8 час. кино «Ущелье ведьм». О лыжниках. Хорошо очень. На пути домой беседа с Медведевым о его возможной слепоте (отслоение сетчатки), зашел ко мне, рассказывал. Страшно. Не знал, что и сказать ему...

16 февраля. Встал в 8.25. В 8.35 появились первые две синички на березе. Почти совсем светло. Голубеет небо. Над лесом медленно, неторопливо махая крыльями, протянула ворона, словно проплыла. Значит — тишь, безветрие. Когда пришел в столовую, над березняками торжественно взошло розовое солнце. Крепкий мороз сегодня: 20 градусов! После завтрака полежал (сердце стучит). С 10 до 12 час. занимался симфонией Моцарта (вспомнил всю, но... с насадом). В 12.30 вышел подышать. Сияющий день, синева неба, нерукотворная белизна сугробов. Снег покряхтывает, поет под ногами; сильно морозит, а солнце уже заметно пригревает. Прошел лесом к Араповым. Бабка и внучек. <...> Домой — по кишащему грузовичьем шоссе, влево по Новодеревенской улице через «лунную» лужайку. Пришел в 2.05. После обеда дремал до

3.30. До полдника читал Даррелла. В паузе поглядел за окно на свои березки, и вот внезапно наткнулся на полное свое невежество, в связи с аналогией Даррелла (в «Пути кенгуренка») между тропическими реками и системой кровообращения человека; затем вспомнил и свою аналогию между древесной кроной и кровеносной системой и вот застрял над вопросом: что же, откуда, как и куда «течет» в дереве?! — конфуз... Не забыть почитать о физиологии растений: системе (системах?) питания (2 встречных потока: от листвы и от корней???) Позорное невежество!..

Процесс профессионального развития всегда двояк: развиваясь и углубляясь, он одновременно мельчает и тупеет в своей будничности. Только редкие таланты избегают иссушающего влияния специализации, сохраняя творческую возможность Прозрений через и над материалом, как таковым (сквозь материал).

Истинное познание — есть Преодоление материала???

В 6 час. звонок домой. Все благополучно, но что-то Цуцик слишком бодрячком говорил, какие-то мелочи неполадливые, видимо, скрыла... У себя до ужина дочитал даррелловского «Кенгуренка». Бедные, бедные донкихоты — защитники Природы... Но какая радость, какая отрада, что они еще есть, эти Дарреллы, Хейердалы и др. 8 часов кино «Годен к нестройной»⁸. Картина военная, наша, но, как ни странно, и в ней проглянули крупницы человечности и добра, ныне «котируемые» как мелодрама и дешевый сантимент...

Сегодня символом чистоты и благородства становятся Дельфины!

В 11 час. 2-й звонок Але. Все хорошо. Учужала-таки, что я под снотворным!

17 февраля. 24 градуса мороза! Деревья в тончайшем инее. Лыжни на поляне кажутся голубыми, а стволы берез — розоватыми. 10—1 час: «Оберон» и 1 и 2-я ч. Брамса. Пока занимался, прошел крупный снежок. В 1 час вышел. Аптека. Обратно через «лунную» поляну.

Морозная тишь;
Ликующий свет;
Бирюза неба;
Скрип снега;
Отдаленный гул поезда;
Близкий стук дятла...

После обеда до 3.30 полудрема (призраки оркестровых дел: конкурса, пенсии и т. д.). Потом до 5-ти читал: Даррелл «Под пологом пьяного леса» (о птичке «печнике», спевшей благодарственную песню тому, кто спас ей жизнь. «Птица, кото-

рая способна таким образом выражать свою благодарность, достойна того, чтоб ее уважали», — говорит Даррелл!).

В 5 почаевничал, наполнил термос <...> 5.45 — звонок к Але. Все как будто слава Богу. Прошелся. Кружок: мимо кочегарки, через «основной въезд» и т. д., со «спиралью» вокруг дома. В лиловатом сумраке, за тонкой облачностью почти полный месяц то серебрится, то тускнеет и гаснет.

В 8 часов советский, да еще ленинфильмовский! детектив. Потом в холле моего этажа долгая (почти до 11-ти) беседа с соседями по столу на всякие трудные и для всех больные темы (об информации; о конце, как с ним быть? о чем музыка? Брукнер, Чайковский).

18 февраля. Ночью проснулся в тревоге и испуге (как Робинзон), показалось, что простудился вчера. На часах 2.30, стоят. Забыл вчера завести. Принял кое-что и кое-как заснул. Но инстинкт не подвел, без 3-х минут 9 час. был в столовой.

Ночью прошел снегопад: деревья вновь густо осыпаны снегом. Утро серенькое, тихое. За окнами столовой — серебряный, оснеженный березняк; вдалеке, на одной из макушек, силуэт сороки. 10—12 Брамс, 3 и 4-я ч. Потом запись дня. 12.30 в аптеку, к некой кудеснице Аллочке, у которой «все можно достать» (седуксен!!). Очень тихо и очень светло. Солнечный диск пробивается сквозь дымку. Домой — через главный въезд. Пришел в 1.30. После обеда подремал очень мало; в 3-м этаже так называемый косметический ремонт, «операция» для слуха неутешительная. Читал Даррелла до 5-ти. Чаевничал, опять почитал. С 6 до 6.30 прошелся «взад-назад» вокруг дома. Придорожные березы; на фоне вечеряющих снегов большинство из них «телесные», несколько «смуглянок» местами с диковинным рыжим отливом и только одна чисто белая, мелово-белая (*Betula alba*! [береза белая]), сливающаяся со снегом. Посидел на скамеечке у входа; сквозь тонкие волнистые тучки еще различима бледная, гаснущая голубизна с плывущим, уже золотящимся месяцем... Приветливо подошла, обнюхала, поглядела в глаза и потрусила дальше по своим делам Аленкина лайка, что живет под горкой. Кино: очень плохая картина о ленинградской блокаде. Перед сном, несколько минут прощания у Т. А. и С. А.

19 февраля. Тяжелые, гнетущие сны. Ранний, почти одинокий завтрак. После него прощание с Кацевым и Гайдаровым. Немного дремы. Укладка, как всегда, с внутренней дрожью, растерянностью, боязнью. Только уложившись и сев за окончание Даррелла, понемногу успокоился (относительно); я так привык к тому, что я живой, что я жив...

За окном серенький, тишайший денек, медленное падение снежинок, белый шарик солнца в небе. В 1 час дня дочитал

Даррелла. Перед обедом — немного на скамеечке у входа; Найда и кот (?!).

Около 4-х постучала Аля с Володей. В 4 выехали; в 5 были дома.

Репино. Дом творчества композиторов

8 марта. С утра сильная боль в пояснице. Побуждение остаться дома... Все же решение ехать; все равно часами быть в доме без Али. Вдобавок, погрузить ее в новый круг волнений и забот. А одиночество теперь приучило меня к себе; одиночество, сопряженное с запретом протеста, а подчас и благом отрешенного отдыха от Всего. Выехал в 1.45; 2.30 — на месте. Сильные боли. С трудом в столовую. Еле шагал. Волны пота.

Таает. Серо. Угрюмо, голо. Влажный ветер. Дома — расположился. Посидел, с трудом находя удобное положение. <...> Прилег. Неподвижно лежал в полудреме. Перешел к столу. Полистал Манна.

За окном знакомый березняк, в снегу елки. Полная тишина... Только отопление <...> словно далекий, далекий церковный перезвон — гудит. Вот и сумерки. Вот и новый час одиночества. И хотя нет протеста, но и с каждым ударом сердца в крови льется, пульсирует моя беспредметная тоска. Извечная, молчаливая, неизбывная, покорствующая... Бьется пульс моего Бытия. И одновременно — мысль о благе его, о том, что есть Аля, и обо всем том, что заново ценить научила меня моя последняя болезнь, словно разрешившая меня и от нарастающей агонии, и от губельного мрака последних лет. Одинокий ужин. <...> Плохая еда. 5 минут до 1-го коттеджа. Домой. Опять разболелась поясница. Общее очень плохое самочувствие. Невольно лезут в голову лимфоциты, Шерманы и пр. Что ж, ведь ничего нет невозможного в том, что все это начало (близкого) конца... Часто думаю об этом...

Читал Т. Манна («Будденброки»). Маялся. Лег в 11. Но еще в 1-м часу не спал.

9 марта. Ночь неплохая. В 9.20 — завтрак. Аня черненькая тут же поймала меня на похвале Дому кино: сплетня обеспечена. Поясница моя — лучше. На крылечке встретила меня дробь дятла. Тишь, простор. Чистота. Белизна снега. С утра слегка подернутое сизыми тучками небо; проглядывает солнце. Весна света. 11–1.30 — Шестая симфония Чайковского, 1-я ч. Перед обедом кружок до Инкиной горы, немножко в лесок, обратно вдоль залива. Морозит. Крепкий ветерок. Чистое голубое небо. Солнце. Вдоль крыш сверкают сосульки, роняют капель. В лесу барабанят дятлы. Видел одного, работающего на сухой олешине. Вновь подивился силе его ударов

и целостности при этом маленького его мозга. К вящему удивлению, набрел на заячий (малик!) след. В густом ельнике среди снежных кочек мелькнула, голопцем проскакала, распустив хвост, белка.

Выйдя из столовой, встретил крепкого, бодрого А. Г. Дембо⁹. Дома подремал до 4-х (в пояснице опять что-то набухло и побаливает: явный песок). В комнате косые лучи солнца. За окошком — озаренные предвечерние снега, березы и бледно-замшевая зелень осинового стволов. Почитал Манна. В 6 позвонил Аля: бодра, здорова; гостит у нас Ева¹⁰.

Домой — заливом, «лесной» улицей, репинской тропкой. Хмурые сумерки. Мгла в небе, мгла на заливе, по горизонту — узкая серебристая полоска. Резкий ветер. На закате розовое сияние и огненная щель солнца, низко, над краем земли. Дома посидел, не зажигая света. Ясно так видится, как там Аля, как кисы, как все, голоса даже слышатся... 7 часов — ужин. Небольшая беседа с Дембо в вестибюле и — прямо к себе. Вечер — читал и грустил... («странно... очень странно», — говорил старый Иоганн Будденброк...).

10 марта. После завтрака, выйдя из столовой, несмотря на недомогание (голова, поясница), долго стоял, заново охваченный и пораженный окружающей благодатью: чистотой воздуха, светом, тишиной, свежим веянием ветерка, белизной снега. И это здесь, в непосредственной близости от шоссе, машин, города... Боже мой! Что мы творим, живя городской жизнью, обрекая себя на замедленную ежечасную казнь на электрическом стуле...

Медленно шел, останавливаясь, здороваясь, мимо 3-го (Иннинного) коттеджа, аллеи березок, еще недавно при Инне бывших совсем маленькими, присел у акимовского домика. Из леса доносится воинственная перекличка, барабанная дробь и весенняя руготня дятлов. Подошел Дембо, издали испуганный моими остановками: думал, не могу идти из-за поясницы.

Дома сон до 11.30. До 1 час. Шестая симфония Чайковского, 2-я ч. Приход Дембо, принесшего лекарство от почечных дел. После обеда крепкая дрема «навзничь». (Идя обедать, видел на углу «лесной» сойку.) Около 4-х проснулся. Не шевелясь, лежал в блаженной прострации. Тело мое продолжало спать. Ровно билось сердце, глубоко, редко было дыхание, как в глубоком сне. Только глаза следили игру линий, очертаний, зрительных ассоциаций, что рождались за окном в ветвях, на стволах деревьев, в смене света и теней. Вот на стволе березы выступила половина лица египетской царевны, вот появился смутный профиль Ершова, а вот — просвет в сосновой кроне стал головой обезьяны и покачивание оной

от ветра — медленным миганием ее глаз. В сознании медленной чередой текли бездумные мысли, ассоциации, образы... Но вот Ершов. Его нет. Янцата нет. Коли нет. Кирилла нет. Всего почти моего поколения, которое, казалось когда-то, могло быть только свидетелем «чужих» уходов — ухода «стариков»; все это мое поколение само ушло, само исчезло, само умерло...

А сам я сегодня много старше тогдашних стариков — Ершова, Любоша... И если от нас тех, «молодых», до сегодня пришли считанные дни, часы, если не минуты, то сколько же осталось быть мне? Сколько мгновений??? Уже явственно шелестит последняя страничка — вот-вот перевернется. И для кого-то и я буду причислен к тем, умершим, как будто никогда и не бывшим, но и к вечно продолжающим быть и действовать в Душе и мыслях вспоминающего, пока не исчислится и его последний срок!..

Посмотрел оставленную мне Дембо книжку: «Музыканты смеются»¹¹. Пошло и неинтересно. В 6 час. говорил с Алей: здорова, спокойна. Дома недолго почитал «Будденброков»¹² и — на ужин. У телефона Пен. Сидим в столовой вместе. Держится очень хорошо. Но несколько слов о «суетности» и ставшем непонятным ему интересе к ней [Инне] все же обронил. В этой связи мечтает о загороде («просто, хорошо, покойно»). ...Опять Тибо, опять старый Будденброк.

Дома записал день (предварительно стрелнув в кочегарке покурить... ох, как быть, опять и опять... Прямо беда). Чтение до 11. Сон.

11 марта. Погожее, ласково озаренное утро! Тонкая дымка. В лесу гулкая дробь дятлов. Живительное дыхание с залива. 10—1 час.: Шестая Чайковского, 3-я ч. (Три «несчастья»: разбил абажур; лопнула под мышкой голубая кофта; разорвал страницу в партитуре Шестой. Приходил «дружок» по куреву: исправил телефон, прибил полку). Перед обедом — тропкой, мимо трансформаторной будки до Инниной горы; посидел у акимовского домика:

Свет. Снега. Теплынь.

Тишина и чистота, чистота, чистота —

Дыхание Весны Света...

После обеда дрема до 4-х. Проснулся весь в недомоганиях, но перемогся, надел «легкую» куртку и в 4.15 пошел по репинской дорожке, мимо Дома кино до аптеки. Тихо, тепло. На открытых местах дорога расквасилась, стоят лужицы. В ельниках снег кажется бурым от массы вытаявших, опавших за зиму хвоинок. Кой-где по косограмм показалась уже земля. На лесных склонах журчат родниковые ручейки.

Когда пошел обратно, предзакатное солнце протянуло по снегу длинные ломаные тени, бросило в чащу леса снопы косых лучей, затеплилось на опушках, на маковках старых елей, зарделось на стволах сосен. А когда подходил к домику — лес уже угас. Только редкие бледно-розовые пятна света еще лежали, теплились промеж стволов на снегу да кой-где в чаще еловых лап и сосновых крон словно золотой паутиной ослепительно пылала хвоя (в последних лучах).

Дома был в 5.40. Отдыхался (очень теплый свитер, упрел весь), переоделся, отдохнул. В 6.30 позвонил Але. Всё слава Богу. Посидел до ужина у входа в столовую. Солнце давно закатилось, но еще совсем светло. Тишина несказуемая. Бездонное, бледное, чуть тронутое голубизной небо. Серебряное перышко новорожденного месяца в вышине. Строгий покой воздетых к небу деревьев. Не оторваться было, не войти в дом...

Какое счастье, какой Дар Божий быть вот так, вот здесь, во всем этом хоть иногда, хоть днями... После ужина записал день и читал Манна.

12 марта. Утро, как вчера, погожее, в ласке влажного дуновения. До 11 час. сладко подремал, потом до 1.30 занимался Шестой Чайковского (4-я ч.). Перед обедом, как вчера, тропкой до горы. После неосязаемого, ежесекундно претворяющегося, сокровенного, сумеречного, текущего во мгле безвременья Мира Музыки — мира стихийного совершенства — окружающая явь Природы показалась Благостью неправдоподобной. Мир вещиности со всей своей зыбкостью, иллюзорностью, представший во всей своей видимой незыблемости и очевидности, был так ярко, захватывающе, прекрасен, неопровержим и конкретен, что поверилось в нерушимость Вещности, в абсолютное Бытие предметного мира как в свершившееся чудо. Когда-то в Вещности я услышал чудо Свершения через Молчание. Сегодня из глубин Свершения я вышел в мир, созданный этим Свершением, вышел в мир, неременным условием бытия которого есть осязаемость... Я встретился с ним, и (справедливо) охвачен был единым чувством и мыслью о том, что Мир этот есть НЕПРАВДОПОДОБНАЯ БЛАГОДАТЬ... (Благо).

На обеде задержался с Дембо (о пересадках сердца, почек и пр.). Дремал до 4-х. Опять не хотел идти. И опять, переодевшись, пошел в Комарово. Зашел в гастроном (сахар), отдохнул на платформе, постоял у ворот черкасовского участка. Вместо обычно расчищенной дороги от ворот тянется в глубоком снегу узкая тропка. За соснами виднеется дом, молчаливый, неживой, потемневший... Мысленно совершил маленькую литию, помянул усопшего раба Божьего Николая, с болью и скорбью...

И вообще, шел сегодня с печалью: ибо всё и все, «кто» и «что» имело здесь ко мне какое-либо касание, — сгнуло, ушло, кануло в безвременье... и все окружающее меня сегодня здесь — лишь то, что было тем, ушедшим. Не более. Солнце садилось. Как и вчера, затеплились закатные сосны у дороги, и даже ворона, медленно протянувшая над лесом, была вся розовая.

Пришел в 6.30. Переоделся, принял лекарство, пошел к столовой, посидел с Дембо на скамеечке (*NB!* о смерти человека как гибели целого мира). Он ушел куда-то, а я, поужинав, вернулся к себе.

Мысли, оказывается, тоже шумят. И чувства тоже. И мало того: они ослепляют; придя домой, раздумался об Але, Себастьяне¹³, представил себе репетицию, кусочки Вагнера... и так углубился во все это, что когда мысль «запнулась», смолкла суета образов — я вдруг очнулся: внезапно окружающее молчание хлынуло в меня, тишина стала Слышимой, охватила меня своим покоем и глубиной, глаза вдруг прозрели — увидели мудрую неподвижность предметов. Спокойное пространство кресла и затворенного шкафа; и стало мне так, будто после напряженного движения, шумного и ослепляющего, прозревший и обрывший слух, я оказался в глубинах утешающего, отдохновенного покоя, в глубинах глухого молчания, услышавший Его и Прозревший.

До 10.45 читал Манна, но все время отвлекался ожиданием звонка к Але. В 11.15 говорил с ней. Себастьян ей подарил цветочек («за вторую пикколку»). Приедет в субботу. В итоге напряженных записей, звонка и еще не знаю отчего — разволновался, нагнал себе прилив в голове и заснул в духоте ватного одеяла очень нескоро и тяжело.

13 марта. Проснулся позже обычного, так что даже Дембо пришел узнать, все ли в порядке. День сегодня серый, с тревожным ветерком: недаром вчера заря уже поздними сумерками разлилась фиолетовым полымем. В 11 часов сел за Четвертую Бетховена. Но спокойствие дня суждено было порушить: только вспомнил 1-ю часть Бетховена и перешел ко 2-й части, как мне на голову свалился Никитин¹⁴ со своими групповыми интригами. Из-за него опоздал на обед. Лег было отдохнуть, но сообразил, что Никитин до моего приезда натворит «дел». Пришлось звонить Крастину¹⁵ и проинструктировать его на этот счет. Раздерганный, пошел к Дембо притулиться, поделиться, успокоиться. Не успел прийти к себе, как уже настало время звонить Але. Долго не соединяли. После разговора с ней забежал принять лекарство и отправился ужинать. Долго, до 9-ти, задержался с Пенем по поводу союзно-филармонической распри. («Разогнать бы союз палкой, всю эту

кормушку паразитов сжечь!..») И вот сижу у себя с сердцебиением, потерянным днем и досадой на себя за неумение внутренне изолироваться от напастей, тем более таких сравнительно пустяковых, типично «сегодняшних».

А вот дополнение к затронутым вчера темам «вещности» и «совершения»: если б можно было видеть, слышать и осязать Внешний мир только таким, каков он есть, вернее таким, каким он кажется нам; если б было возможным как можно реже уходить в мир внутренний и уж во всяком случае не быть во власти лукавой его самостийности; если б стало возможным, преодолевая его (внутреннего мира) стихийную инерцию, ограничивать ее прямой связью с предметной средой, какое здоровье душевное могло бы установиться при этом, какая мудрость и ясность духа! Вот когда, на склоне дня, вспомнилось мне:

Мудрость мхов,
Путь ежесекундности
И неосуществленный завет:
«Знай, но не помни».

Теперь-то уж... поздно (?). Или никогда не поздно??? Ведь прощает Господь раскаявшегося!

О формах аскетизма как выборе «приятной среды» и об истинном освобождении только как пути внутреннего преодоления (Мысль, Власть мысли и Воли) в ЛЮБОЙ СРЕДЕ! (Например, одиночное заточение — не добровольное!)

14 марта. (сб). Попозже встал. После вчерашнего напряжения заниматься не стал — читал Манна. Заходил мой симпатяга монтер, чинил телефон; обменялись с ним: я ему трешку, он мне сигареты. День сегодня серый, идет мелкий снежок. Около часу по-особенному решительно звякнули двери, раздалось знакомое «топ-топ» и появилась радостная Аля, с клетчатой своей авоськой под мышкой. Уселась в кресло. Обмен днями: вроде ничего особенного не случилось, а выговорить все — кажется, то ли забудешь, то ли не успеешь... (Эпопея Евы Браудо... старенький Себастьян...)

В 2 часа обед. Дома дрема. Аля сладчайше, оттопырив губки (удивительной детской чистоты и прелести мордашка ее во сне); да и я заснул в укутной безопасности, с ощущением, что «ничего не надо, все здесь...». В 4-м часу проснулся. День низкий, хмурится, темнеет, и все сыплется и сыплется снежок.

Все же пошли: тропкой, Инниной горой, 1-м просеком вправо. Обратно лыжной, вдоль густых ельников, уже по-вечернему сумрачных, пахнущих влажной хвоей и корой. Под горой «переправлялись» через тихо звенящий струйчатый-

ми колокольцами ручеек в снегу. Воздух сегодня насыщен острой, пронизывающей свежестью. О таком дне летом сказали бы: «запогодило, моросит».

Прошли прямо в столовую, в тепло и уют. Рядом Вас. Мих. Решкин (!). Пришел Дембо с сыном. Местный котяга ластит-ся, кланчит кусочек белуги. Дома — в тишине, тепле домика, в близости лесной. Под тихую песню отопления я записал день, а Аля сидит с томиком Аксакова¹⁶. 9 часов 50 мин. вечера. *Sic*.

15 марта. (вс). Аля проснулась хорошая. Утро пасмурное. Идет густой снег. Тем не менее вышли. В лесу тепло, но на шоссе сильный ветер с залива несет колючую пургу. Снежные гребешки налипли на стволы; розовый березняк под горой. Незаметно дошли до черкасовской горки. Всюду стаи лыжников, толпы воскресных трудящихся. На склоне Инниной горы встретили красавца водолаза и тут же видели, как какой-то дядька, несясь на санках, переехал лапу знакомой моей собаке. Дома внезапный звонок телефона. Приехала некая особа от Нонны: скончалась вчера (14-го, в субботу, в 2.30) Нина Хотхова. Письмо Нонны. Умоляет устроить Богословское. Особа суетливая. Неприятность, которую трудно описать и которая на нас с Алей очень сильно повлияла (вместе с известием о Нине и трудностями хлопот, предстоящих Але). Аля проводила ее на автобус, довольно долго задержалась, я ждал в столовой. После обеда сон. По пробуждении неожиданная-негаданная вспышка Алиного раздражения в ответ на мою реплику по поводу этой особы. Я обиделся как дурак и тоже не сдержался. В итоге остаток дня прошел в молчании и обоюдном огорчении. Тем не менее Аля на ночь дважды сказала «спокойной ночи», не расслышав моего ответа. После ужина заходил Дембо (об аренде, о Кабалевском). Вдобавок в коттедже стало страшно жарко (25°!), пришлось звонить в кочегарку и выстуживать комнаты безопасной вентиляцией: форточками и дверьми... У Али на губе — большая лихорадка.

16 марта. Проснулись вялые. Поползли в столовую. Падают редкие снежинки. После вчерашнего снегопада сугробы лежат обновленные, пушистые, без единого пятнышка, следочка. Снега отражают лучи невидимого солнца, и высокая облачность, и воздух напоены ослепительным серебряным сиянием.

Дома сразу легли и оба уснули почти до обеда. После обеда Аля начала усиленно лечиться: пускать капли в нос, полоскать календулой горло и пр. Стало ясно: простужена и недомогает. Конечно, и вчерашняя ее вспышка (как сама призналась), и сегодняшняя вялость — нездоровье. Губа болит и дергает... лежит тихая и грустная. Решили: ей уезжать, не дожидаясь ужина, в 6 часов. В 5.51 скрылся увозящий ее авто-

бус. Промеж черных сосен кровавое пятно заходящего солнца. Давно я не испытывал такой острой, до слез, боли разлуки, внезапного одиночества и жалости к «отправленному» домой стоическому Цуцику. Вместе с очередной селянкой глотал слезы, с трудом сдерживаясь, чтоб не заплакать... Придя к себе, записал вчерашний и сегодняшний дни.

Господи, сохрани и помилуй... 9.30 говорил с Алей по телефону. Пока ничего, не хуже. Говорит: «Мне здесь лучше, нет смены температур». Обещала беречься. Зашел на 15 мин. на телевизор — и к себе. Чуть морозит. На снегу — искорки. Вдали одинокая фигурка Ани-черненькой. До сна читал Манна.

17 марта. Утра сегодня не было: не было ни утренней дымки, ни полутеней, ни хрустального ледка; золотистое солнце быстро поднялось из-за леса, раскинуло золото лучей и сразу стало делать свое (дневное) дело; и с ним сразу поднялся и засиял торжественный день Весны света, в легком ветерке, грузном падении комьев снега с деревьев, в налитых светом прозрачных тенях, в звонкой капели с крыш.

После завтрака дремал и занимался. С 11 до 1 час.: 2 и 3-я ч. Четвертой симфонии Бетховена. До и после обеда немного попетлял среди коттеджей и вокруг территории. После обеда сладостно дремал. Долго не вставал, отдавшись беззаботности, тишине и теплу домика, любовался на сосульки за окном, следил за лучом солнца, медленно передвигавшимся по одеялу, слушал тихий гуд отопления. Потом перешел к столу. Читал Манна.

В 6 часов позвонил Але. Чужой голос сказал: «У нее доктор» (?!). Голосом оказалась Ева, а доктором — Тамара. Аля никуда не пошла, вызвала доктора, взяла бюллетень по 20.03 (?!). А воды теплой нет как нет! Говорит, что 36,7. Если так, слава Богу. Тамара ей сделала укол полиглобулина. Голосок бодрый, видимо, правда, что ничего страшного. Дай Бог, дай Бог, дай Бог... Пока говорил по телефону, в домики носили новые ковры! После ужина записал эти странички и читал Манна. (А Нину, всю посиневшую, увезли куда надо...)

Вот любимое стихотворение Ганно Будденброка:

Луна на небе светит.
Плач детский будит спящих.
Бьет колокол двенадцать...
Утешь, Господь, скорбящих!

В 11 позвонил вернувшемуся из города Дембо, и он ненадолго заглянул ко мне. Хорошо и просто с ним. И отраднo...

18 марта. День хмурый. Низко нависло свинцовое небо. Еще вчера, с вечера, на закате поднялись тучи, и всю ночь был снегопад. Очень тепло и безветрено. Влажный снег

покряхтывая, оседает под ногами. После завтрака неодолимо дремал. (Перебрал опять валерианы вчера). С 11 до 1.30 — финал и 1-я ч. Бетховена.

После обеда опять спал до 4-х. Сел за «Будденброков». В окна сочится водянистый снежный свет. Елки стоят почерневшие. Сосульки слезятся, роняют частую капель. Несмотря на ранний час, в домике уже сумеречно. Пришлось зажечь лампу. В 6 часов разговор с Алей: 36,8°. Ничего не болит. Только ноздрю «заклинило», полежит в постели. Сережа (Попов, врач из Военно-мед. академии) вторично предложил любые услуги. Была Аннета. «Ломится» «Сами» (Бушен). Пока, слава Богу, ничего страшного нет, но гриппозное нездоровье налицо. Хорошо, что полную неделю может высидеть дома. Дома до ужина продолжал читать. После ужина сидел с Дембо в вестибюле, «очухивался» от синдрома своего несчастного (интересный разговор о неизвестной природе и сущности кожи как органа; о Ярошевском, московском гематологе, Вовси и др.; об Алиной родинке).

На улице оттепель, острая сырость, сумрак.

Еще один любимый стишок Ганно Будденброка:

Лишь пойду к своим тюльпанам
И начну их поливать,
Входит в сад горбатый карлик,
Чтобы всех их обчихать...

В 10 часов сбегал еще раз позвонил Але, попросил поставить горчичники. Голосок у нее бодрый. Дома продолжал чтение Манна. Поразительный Писатель...

19 марта (чт). После завтрака заходил Дембо за бинтиком: натер ногу. 10.30 пошел в аптеку. Поначалу (не переживая синдрома и «покуря») еле полз. Но постепенно кровь побежала быстрее, ноги «пошли», и стало хорошо и восприимчиво. Высокая облачность и снега струят встречные потоки ослепительного света. И на этом великом свете березы по опушкам уже обозначились шоколадными дымками. Теплынь. Следы шагов наливаются сизой снежной влагой. Еловая хвоя унизана светлыми каплями.

На обратном пути зашел на горку к детскому садику. После снегопадов здесь еще никто не был. Шел по целине, ступая вдоль желобка засыпанной снегом лыжни. Прошла здесь до меня по таинственным своим лесным делам только одна киска, оставив цепочку следов с ясно отпечатавшимися подушечками лапок.

Домой пришел в 12.30. Отдохнул, посидел и пошел за кипятком, увы, не принесенным обслуживающей теткой. У столовой на сосне пара ворон. Карканье самца, гортанное, пере-

ливчатое, нежное, певучее — явная любовная песнь. После 6—7 карканий — пауза. Во время «пения» разворачивает веером и сворачивает хвост, похлопывает легонько крыльями. Самка, подтянутая, слушает и во время пения проделывает те же движения, хотя слабее. Внезапный отлет самки. Карканье вслед ей самца. Но уже совсем иного «окраса» и колорита: резче, звучнее, значительно выше; не то вопрос, не то напутствие (не грубое). Появление вблизи сосны людей. На сей раз карканье обыкновенное, резкое, картавое, крикливое, что называется «во всю воронью глотку»; предупреждение всем: «будьте начеку!»

После обеда сон до 4-х и чтение Т. Манна. Потрясающе!!
Какой ум, какой дар, какое проникновение!!

Мое счастье — это моя ПЕРВОЗДАННАЯ способность «открывать» мир, как чудо. Присущей мне некий «антиснобизм». Черта эта, несомненно, связана с малыми знаниями (незасушенность «эрудицией»). Это как бы свойство человека, долго бродившего в сумерках и пораженного красками в луче света. Это навык в мелочах находить и видеть многое. Это навык в знакомом, обыденном открыть Новое (Дерсу Узала!).

В 6 часов звонил Але. Все так же. Чуть лучше. Тамара еще раз уколет полиглобулином. Зашел до ужина к Дембо. О том о сем (о Капелянских). Дома записал день и долго, как гениальную партитуру, читал и ИЗУЧАЛ «Будденброков» (!).

20 марта. Утро солнечное, но весь день мой сегодня неподладный, как внутренне (курево, валериана и пр.; явно перенапрягся вчерашними записками и поздним чтением Манна), так и внешне. После завтрака, подремав, по настойчивому совету Дембо, со знакомым чувством ненужности и тоскливости (как во время хождения по заграничным магазинам) обошел, оглядел и записал адреса дач на «лесной дорожке» на предмет предполагаемой аренды. Вернувшись, попытался читать, не смог из-за полной рассредоточенности.

Пошел пройтись на горку Инны. Хотел нарвать для дома почек и сережек, но, к удивлению, ничего не обнаружил: почки еще совсем зимние, а сережек просто не нашел даже на ольхе (!).

Встретил Пена, тут же заговорившего о союзно-филармонических делах... (в смысле моего контакта с союзом). Зашел на залив, подышал. Потом отправился на «акимовскую скамейку». Только расположился, как появился Мнакацянян <...>

Закончилось все обедом с ним, Пенom и подошедшим поздороваться Сохором... Надо же!!! После обеда крепко дремал. Проснулся разлаженным вконец, с болью нервов. Но Томас Манн на этот раз сделал свое дело: собрал-таки меня и увел

по стопам идущего в школу маленького Ганно. День нахмурился, потемнело, пошел отвесный редкий, мокрый снег. В 6 часов, как всегда, говорил с Алей. Ей не хуже, но и нельзя сказать, чтоб заметно лучше; говорит бодро, хоть и тоненько. Объясняет тем, что спала. Заглянул к Дембо. В 6.30 был у себя, принял лекарство. Зашел Мнакацян, как всегда хоть и приятный, но как-то все недоговаривающий. Опять озабочен своей лимфатической системой.

Утомительный ужин с Пенем и Дембо. Наконец в 8 часов оказался в тишине своего домика и, немного успокоившись, записал день. Потом, постепенно освобождаясь от пустячных тревожений, включился в Великое восхождение мысли и Духа и последних страниц «Будденброков» и закончил их в 11.37 вечера, что и отметил на последней странице книги, окруженный Молчанием ночи в полноте тяжело и медленно бьющегося сердца... Аминь.

Комарово. Дом творчества композиторов

13 февраля. 11.55 выехали с Володией в Комарово (Аля на репетиции Янсонса). 12.45 на месте. Занесли чемоданы в домик. Коттедж новый (№ 21), светлый, по-видимому теплый. Не стал раскладываться. Запер дом, проводил Володю и остался один с чувством неприкаянности и отрезанности. Знакомые домишки кругом, сосны, снега... Снежная тишь, хмурое небо, сыплющий мелкий снежок, безлюдье. Оформился в бухгалтерии, зашел к Арапову. С ним, как всегда: от Китая — до загробной жизни.

Обед. Почти никого знакомых. Дома разобрал барахлишко (планировка, как в 16-м коттедже, когда была Инна: так же виден из спальни кусочек «гостиной»). Перекур в «гостиной». Знакомое молчание, густое, шумящее в ушах. За окном — голые зимние березы. Окоченелость, чернота их веток, таких гибко-поплушных малейшему дуновению летнего ветра и похожих сейчас на связки проволочных прутьев.

Прилег. Задремал. Проснулся от мяуканья. Сквозь сон подумалось: «Опять Кисаня...» Очнувшись, не сразу сообразил, где нахожусь и что мяукают под окном местные коты. Было 4.30.

Стал листать «Франческу да Римини» Чайковского. Незаметно увлекся. Поражен был до глубины души, увидев, какое смутное, самое отдаленное понятие (!) я имел о ней, хотя дирижировал ее не один десяток раз! Сегодняшними глазами и ушами увидел и услышал в ней множество неувиденного, неслышанного, незамеченного?! Ряд мест текста ее открылись впервые. Сразу возникли «проблемы», неувязки темповые, динамические и пр. и пр. Можно сказать, что д. с. п. [до сих пор] я эту вещь просто не знал! <...> Посмотрел и вступление к «Парсифалю», да... вот где нужно знать НЕЧТО, чего и следа нет в нотах: Дух и стиль старика Вагнера!!

Тем временем незаметно смерклось. Пошел ужинать. Ровно в 7 позвонил Але. Сразу же — и она ко мне. Рада легкости и простоте телефонной связи: не надо ни заказов, ни талонов. Пришел к ней заниматься маленький «Алексей Николаевич» [Алеша Соболев].

Дома затеплил «свет». Записал первый свой день здешний... Уже 9.15. Боже мой! Еще звучит в ушах Алин голос, а утекло уже 2 часа после нашего разговора (в неотвратимости, молчании, мгновенности). Заболел Друскин: какие-то события в желудке...

14 февраля. Встал около 8-ми. Прибирался, брился. Когда отдернул шторы, окна уже светло голубели. Разгреб снег на крыльце (тетки-«услуживающие» — выходные) и пошел завтракать. (Работающий дятел). Дома позволил себе лечь: плохая голова (снотворное, курево). Проспал до 11 часов. С 12.30 до 2-х сделал первую проминку: к горе и до ж. д. полотна, шагалось неплохо. На горке сделал только одну передышку. Множество воскресных лыжников на дороге. День пасмурный, ветреный. Деревья роняют снег, летит снежная пыль. Лес сумрачен, совсем еще по-зимнему тускло чернеет. Еле заметный, проступает коричневый ореол олешиков, сережки еще скрюченные и совсем маленькие. Но несмотря на это, уже ясно ощутимо нарастание Весны света. Да и самец вороны на сосне долго каркал-токовал, ныряя на ветке совсем не по-зимнему, а призывно, нежно-утробно... Пронеслась электричка, опутанная снежными завихрениями...

В 2 час. позвонил Але. Два «удара»: 1) нет Гоши¹ и 2) подлый звонок Н. С. Московцева (КГБ) «с просьбой» отпустить Людевига со 2-м оркестром. Придя домой, почти до ужина пребывал в тряске и беспомощном возмущении. Особенно по поводу звонка Н. С. Сообщил Онику (Саркисову), тот тоже возмутился, зная суть дела и его «причины». Не мог, конечно, заниматься, как намеревался вчера, только переписал в новую книжечку московские адреса.

В 6 часов позвонил Але. Собирается на концерт. И [позвонил] Московцеву: только высказав ему свою категорическую точку зрения, немного успокоился... До ужина у Араповых. Там сплошь о Раке, о С. Пене, о Друскине, Онике и даже о Кремлеве (?!).

Кружок по территории. Дома — запись дня. Позднее листал «Франческу». Но прекратил: прилив, сердцебиение.

15 февраля. После завтрака крепко спал. Разбудила уборщица и приход Алексея Александровича (директора). Заглянул проверить горячую воду. Посидел в «гостиной», послушал радио: арию Ленского в исполнении Козловского и гениальные лоскутья «Половецких плясок» Бородина (Мелик-Пашаев). К обеду выглянуло солнце, зарделись, затеплились сосны, на снегу легли легкие тени. К концу дня меж черных стволов в лесу протянулись пылающие золотые щели безоблачного заката. Около 5-ти сел у окна ждать Алю. Неожиданно стукнула дверь, и Аля вошла, пройдя к моему домику дорожкой, на которую я не смотрел.

Радостная, бодрая, привезла сахар, кофей, «Обрыв». Но вести тревожные: на Рудика якобы жмут в связи с уходом Гинсбурга, и Ефим требует действий... А действовать, как говорится, не во что и не на кого... тупик. Мелькнуло: уж не

возвратиться ли в город?? Но к кому там сунуться? Решили позвонить Гоше, невзирая на новую его ситуацию. За ужином посоветовались с Наташей Петровой [женой Андрея Петрова]. Она «благословила». В 9 часов говорил с Гошей: приветлив, отзывчив, примет меня в четверг у себя на даче в Зеленогорске. Немного успокоенные, улеглись спать в мире и тишине.

16 февраля. Встали довольно бодро, но после завтрака вновь легли и проспали... до 12.30! До обеда разговор о Саше Пене. О его якобы возмездии. Когда шли в столовую, нам путь перелетел снегирь. Алым комочком уселся совсем близко на березке и, свесившись с веточки, вытянув шею, не торопясь, стал доставать и шелушить почки. Пошелушит — опять свесится, пошелушит, поглядит глазком — опять потянется.

Позвонил Онику, и тут меня настиг очередной шок: звонил «сам Александров» (отдел культуры Смольного) по поводу притязаний Кондрашина на Восьмую симфонию Шостаковича...

Безвыходность проблемы Крастина, претензии Людевига на поездку со 2-м оркестром, Кондрашин — все смешалось в один клубок, и я, совсем потеряв равновесие, все это обрушил на Алю, попытавшуюся мне что-то «не в жилу» подсказать, когда говорил с Оником... Она, не зная толком, в чем дело, опешила, расстроилась, и когда я вдобавок хлопнул перед ее носом дверью домика, даже собралась ехать в город. Я, конечно, «добавил» ей гадостей, и она уже шла по тропке от домика, когда у меня хватило благоразумия ее окликнуть. Все же от зла <...> послал ее узнать расписание автобусов. Когда ходила, опять встретился ей снегирек на том же самом месте. Долго я еще метался и захлебывался эмоциями, сам было хотел уехать в город, все здесь бросить и т. д., упрекнул Алю в том, что нарушила своим приездом (!!!) и без того трудную «агонию» моего привыкания здесь... и много еще наговорил всякого... Очень долго успокаивались и только после ужина более или менее пришли в себя. Долго говорили о проблеме флейтовой группы в связи с болезнью Беды и нечеловеческой нагрузкой Али. Оба разбитые и с тяжестью на душе легли спать...

17 февраля. Первая встала Аля: ей уезжать скоро... После завтрака до 11.30 сидели в кабинете (обнаружили дырочку на ее любимых теплых сапогах; сказала: «Это Бог меня наказал за вчерашнее»). Аля бледная, глаза огромные, синева под ними, но говорит, что спала хорошо... Очередной раз (в который?!) поклялся: впредь, что бы ни было, как бы ни было — беречь ее, беречь каждую каплю ее жизни, хоть она сама Твердо и Истинно знает «мое» к ней; все же такие незаслуженные

удары от меня стоят ей дорого... И всегда-то прощает она. Нет никогда в ней злобы, только обессиливающее потрясение, молчаливое, боль от него... и еще — УМНОЕ ПОНИМАНИЕ... Такие Прощения знал я только от Мамы...

Проводил Алю на автобус (автобус ушел в 11.47), у себя лег и проспал до 1 часу дня. Аля, верно, уже почти в городе. До обеда с 3 до 6 занимался «Франческой», и занимался с интересом и с толком.

Перед ужином, в густых сумерках, по хрустящему снегу сделал кружок по территории. Звонил в 7 к Але, не застал. У Шурочки узнал, что репетиция была отменена. Где же Алена?? Взволновался, позвонил к тете Вале. Аля туда не звонила тоже... Неужели в Консерватории? Заставил себя успокоиться, поужинал и, придя домой, записал деньки — до сих пор (9 час. в.). Пришел Арапов. Алены все нет. Не знал, что и думать. Наконец в 10.45 подошла к телефону; экстренно вызвала в 4 часа «мышей»² и занималась с ними в Консерватории. И конечно, не позаботилась предупредить [тетю] Валю на случай моего звонка. Ну, важно, что жива и цела.

18 февраля. День, посвященный посещению Георгия Ивановича. Рано встал, побрился, поел, подремал. Волнуясь, выехал автобусом в 11.18. Нашел дачу сразу. Сердечный прием. Поцелуй даже. Сначала вдвоем (о нем). Потом с семьей. О Филармонии, о Крастине, о многом вокруг. Дважды полшутливый намек. Проводил до поворота к шоссе. Было 2 часа, когда расстались. В автобусе встреча с лыжником — довоенным слушателем Филармонии. С ним долгое ожидание на стоянке; почтительнейшая его беседа со мной.

Обедал и лег дремать, еще и еще раз перебирая впечатление: вроде бы все хорошо, дела Филармонии в порядке, а что-то все мешало, какое-то чувство недоделанности чего-то. Только к 6-ти сообразил: намек-то был не шуточный!! Как быть??? Судьба сжалилась: подвернулся Алексей Александрович и отвез меня по месту назначения. Посещение было правильным; чувство мое не обмануло: за несколько минут договорились обо всем, и я уехал спокойный, с чувством большой удачи и удовлетворения. По телефону сообщил Але обо всем только намеком.

Мои тезисы: 1) это не унижение ему; 2) «поднятие» Дела; 3) не место красит... 4) конечно, «всяк кулик...», но: старейшее; лучше; зал; оркестр и пр. и пр.

Вечером был у меня Арапов. Зашел за книгой Фокина, и долго и много говорили с ним. Чего только не перебрали (от Свиридова до Курта...). Ведь мы почти одни остались от нашего поколения... Этакое два «ацтека», как называет себя Арапов...

19 февраля. Около 9-ти вышел на похрустывающее крыльцо. Мороз. Хрустальная тишина. Перестукиваются, барабаният дятлы, вдалеке стихает удаляющийся гул электрички; за лесом — туманное сияние, меж стволов оранжевым углем проглядывает восходящее солнце. С забора молчаливо и воровато нырнула в лес пара сорок. Вдали две другие сидят на дереве нахохленные, похожие на кастрюльки с длинными ручками. В 9 час. звонил Але. После завтрака поспал и с 11.30 до 2 сделал большой круг по «той» стороне жел. дороги, мимо станции, академ. поселка, дачи Черкасовых.

День взмошел сияющий, в еле заметной дымке, крепком морозе, скрипе снега и тонком инее, одевшем кустарник. Неужели же эта Радость вокруг только чувство мое от Блага среды? Нет, Радость эта — Радость Всего, она есть самовыражение Бытия. И наша Радость есть краткое участие в непреходящем самовыражении (Мира), в Радости, самоощущении Бытия, которое, наверное, — и есть Бог... «...И сказал Господь: — Добро зело...»

На пути домой знакомое «крук» заставило поднять голову: высоко, высоко тянули два ворона: он — большой — впереди; она, поменьше, следовала за ним. Послала мне судьба еще разок услышать и повидать их. За обедом Арапов сообщил о письме Маркевича³ к Фурцевой⁴, напечатанном во французских газетах.

Получили сообщение о кончине Кремлева...⁵ Дома подремал и 4—6 занимался «Спящей». Почему-то в домике стало жарко. Даже открыл окно и дверь... Когда пришел с обеда, задрав свечками хвосты, устремившиеся на мой зов кошки отказались от сыра (?!). Живут они вокруг, «на» и «под» соседней хибаркой, где обитает местная «сестра хозяйка». В 6.15 разговор с Алей. Все спокойно. Даже слишком (?). Идет играть концерт с американцем. («Тетя Маршида живет со мной».) Позвонил и Саркисову. Ему получше. Зашел к Арапову. После ужина записал дни. Почему-то к вечеру поустал. Тревожно как-то... И писалось с натугой...

20 февраля. «Пропаций» день! Подремав после завтрака, только хотел заниматься, ввалился Жордания [стажер-ассистент], а с ним и сонм всяких докук и «больных» тем. Зашел перед обедом и Арапов. Занес книгу Фокина. Втроем пообедали. Проводив Жорданию на автобус в 4.30, вернулся к себе. Сел у окошка. *И был во мне такой шум, что долго я не замечал и буквально не слышал окружающего меня Молчания и Тишины...* Когда очнулся от самого себя, тишина и молчание хлынули в меня (вся суета сгинула) и обнял меня благостный покой и освобождение. Когда-то умел я и во внешнем грохоте, шуме, мелькании и видимом движении расслышать, разли-

чить всепроникающее присутствие Великого Молчания. Вот когда человек в самом большом своем смятении и ослеплении сможет услышать и в себе это молчание, тогда он будет правилен и прав, тогда он — на предельной своей высоте (мера вещей!). И наверное, самый великий дар человеку — это в Смертный час свой — через муки и страх — смочь различить в себе неслышную поступь Великого Совершения. Вот какие неожиданные странички написались... а уже смеркается; 6 часов. А телефон испортился, и может быть, не удастся сегодня поговорить с Алей. Хорошо, что был Жордания: он передаст Але все, что надо.

Алена в утреннем разговоре долго и заботливо меня убеждала, чтоб «полегче» реагировал. «Вы там, — сказала она (имея в виду меня и Арапова), — на трагические судьбы знакомых, умерших и обреченных людей, которых за эти дни появилось множество... чтоб, выходя из тепла на мороз, принимали профилактически валидол...»

Бедная девочка, боится за меня, памятуя свою маму... Вечер сидел дома. Телефон испорчен — отрезанность. Тишина тяготит, смутно как-то на сердце... Читал «Обрыв» Гончарова. Оказывается, напечатан он в 1869 году!! Это 102 года назад. И все жив! Да как еще!.. В промежутках думал о всячине, в частности:

1) так ли уж хорошо директорство Г. И.??⁶ Ведь надо будет строить заново! Как будет со 2-м оркестром? <...>

2) О человеческой ж..., которая есть не меньшее чудо, чем мозг дятла и брюшко лягушки, в смысле выносливости и прочности.

Сидел, сидел и надумал мыться, что и выполнил без помех: и горячая вода шла, и тепло в домике. Завтра ведь воскресенье, надо надеть все чистое! Только расположился после мытья с кофеем и книгой — звонок дежурного: Аля у телефона. Пришлось идти в главное здание в валенках и прикрыв рот платком. Конечно, взволновался, торопился, стала одышка, которую Аля заметила. Но, кажется, не простудился. Условились о приезде Али в понедельник.

21 февраля. Утром за окном белая муть: сыплется частый, мелкий снег; безветрие; тишина. Идя на завтрак, встретил своего снегиря, сидящего на снегу, пощипывающего прошлогодние метелки злаков. Дома подремал и с 11 до 2 час. занимался «Спящей» и «Франческой». К сожалению, делал это с трудом, вязко и насильственно. После обеда опять дремал с 2.30 до 3.30. Проснувшись, долго не мог пошевелиться. Лежал как налитый свинцом. Чтоб встряхнуться, вышел с лопатой и расчистил крылечко и дорожку. Выглянуло солнышко. Сугробы после утреннего снегопада лежат неруко-

творной пеленой; снег пушистый, невесомый, искрящийся... Против крылечка — на люке водопровода — сидят греются мои знакомые киски, глядят на меня уже вроде как на своего.

Поставил у крыльца финские сани и долго сидел в морозной тиши, дышал, слушал разговоры ворон, стук дятла над головой, дальний перестук поезда. В 6 часов позвонил Але: сидит, причесывается, готовится к концерту. Потом вдоль залива дошел до черкасовской горы. Стустились сумерки. Мороз покрепчал. Над фиолетовыми снегами залива догорала тусклая заря. В небе, будто вырезанные, резко чернели силуэты стволов, сучьев, ветвей в неисчислимом своем фантастическом многообразии, которое никогда не бывает так приметно при свете дня. После ужина узнал от Адмони⁷ о скоропостижной смерти Н. Г. Близнюка, последовавшей после поездки в Москву, где его никто из начальства даже не счел нужным принять... И чем он был очень потрясен. Даже он!

Вот и еще одним человеком стало меньше между мной и моим смертным часом (очередь близится...). Ибо ведь до того, как пробьет мой час, должно уйти хоть и неведомое нам, но тем не менее определенное число людей???

Дома читал «Обрыв», еще и еще раз листая жизнь несказанно любимых мной бабушки, Марфиньки, Веры, Тушина... Пил кофей, пытался слушать радио... Вновь вернулся к «Обрыву». Что-то весь день сегодня худая голова. Эуфиллин и тот не помогает: верно, что-то с давлением в природе...

22 февраля. Плохая ночь, часто просыпаюсь, темнота ночи неприютна (Н. Г. Близнюк...), да и физически неладно: ноги «душные», не находят места. После завтрака (приехал Максим Шостакович⁸) тяжелая дрема, нездоровится; видимо, выход после мытья на мороз, к Але на телефон, не прошел даром. Стал глотать усиленные дозы аспирина, этазола, мазать нос. Через силу, плохо соображая, прозанимался все же Пятой симфонией Чайковского до обеда (1 и 2-я части).

После обеденного сна полегчало, усиленная «терапия» помогла. Выпил кофе, покрутил радио. В 5.10 появилась Аля. До ужина — она на диване, я в кресле, дележка новостями (мой рассказ о Г. И.; подробности о Николае Григорьевиче... об американском дирижере Саншайне; о посещении Сериковых⁹). Решение звонить к Г. И. о Близнюке. Ходил звонить, не застал: он уже в городе. Аля рано легла в постель, около 11-ти. Читал ей эти записки. Очень ей понравились... Самочувствие мое почти совсем исправилось. Легли и сразу крепко заснули. Уж не помню, когда я так безмятежно, уютно, спокойно и радостно засыпал, с чувством, что ничего больше мне не надо, что все, что только могу хотеть, — здесь со мной...

23 февраля. Просыпался в 6 часов. Встали в 8. Побежал звонить Г. И.; застал заспанного, сказал что следует. После завтрака спали до 12-ти. Мелочишки. Неожиданное обнаружение неполадок в Аленкином «обиходе». Необходимо показать врачу. Очень оба озаботились... После обеда, несмотря на обнаруженные неполадки, снова мелочишки. <...> Часов в 5 тихонько прошел в кабинет. Алена все дремлет сладко.

Когда шли обедать, повылезали из своих углов киски-«соседки», и Аля кормила их привезенной колбасой.

Настоящий сегодня был день начала Весны Света. Крепко подмораживало, а солнце уже заметно пригревало. Сейчас 6 часов. День гаснет. Начали стынуть, посинели снега. От заката за деревьями в пол небосклона разлилось бледно-розовое сияние. В открытой форточке дрожит струящийся теплый воздух. Неподвижно и молчаливо в чистом небе темнеет раскинутость сосен, устремленность берез и осин, установленность елей. Последние будто с самой высокой своей веточки-пальчика глядят в глубь себя и в землю, охраняя ее опущенными тяжелыми лапами... Зашевелился у себя в кровати Цуцик. Пошел к ней: лежит на подушке румяная, со своими голубыми цветками глаз...

У обоих у нас уж не знаю за сколько месяцев — впервые сегодня — абсолютный отдых, покой, освобожденность. И радость друг другу...

А сутки листаются и листаются, вращением своим напоминая электрический счетчик, накапливающий очередную сумму итога. Итога...

За ужином (рисовал младенцу Тищенко на салфеточке автомобиль, зайца, собаку) чувство уходящего времени дошло до необычайной остроты. До такой степени, что невольно спросил себя (увидев действительность уже ушедшей в прошлое): «Ведь это я Алю и все вокруг „находящееся“ во сне вижу?» Идя домой, ясно ощутил близкую, близкую последнюю разлуку одного из нас с другим. И именно *одного из нас*, ибо *другой* тогда *знать об этой разлуке уже не будет...* Боже мой! Как надо любить друг друга! Как надо радоваться друг другу! Неотрывно. Непрестанно.

Когда пришли домой и сели — Аля на диван, я в кресло, — показалось, что сидим в ожидании отхода поезда, готовые к нему, — вот-вот тронется... Потом в кабинете: немного радио, много Шалыт¹⁰, Буяновского и, наконец, Буси с Юрой.

24 февраля. Утром тихий снегопад. Со вчерашнего вечера опять немного недомогание, поэтому, несмотря на соблазн новых снегов, остались дома: Аля — с рекомендациями «мышам», я — с Мережковским. После обеда дрема и в связи с городом долгое обсуждение всех нависших проблем, и чест-

но говоря, довольно мрачных в перспективе... И опять долго гадали над вариантами лета, тут тоже довольно безвыходно... (Вот и деньги есть, а не найти летнего настоящего варианта.) Измучены оба... Одна мысль о хлопотах, о переездах и укладках пугает... Часов в 6 — появление «лыжника» с просьбой о билете на 5-е. Вслед за ним явление Тани Тауэр¹¹, с сообщением о вопиющем сволочизме Синицыной и Бауэр... Отправил Таню и озабоченную мной Алю ужинать. Показалось, что есть жар. Но на градуснике 36,4. Что же за недомогание?? Не хватало еще заболеть мне сейчас! Вечером Аля крутила радио. Оба немножко вздрючены...

25 февраля. За ночь деревья оделись снегом. Лес стоит белой стеной. Нависшее над ним свинцовое небо кажется особенно темным и тяжелым. Продолжает идти снег, частый, тихий, отвесный. Тепло. Пахнет талым снегом. На сосульках нарастают и, блеснув, падают длинные капли.

Позавтракав, уложились. Аля сходила к Ане, отнести конфет. Часок дремали сладко. В час Аля сходила за приехавшим Сергеем. В 1 час. 7 мин. выехали, около 2-х были дома. Дома чисто, приветливая Маршида [помощница по дому], встречающие Тиша и Кисаня. Около 3-х Аля уехала в Консерваторию. Маршида тоже ушла. Остался опять один, опять в тишине и опять с неугомонной тревогой сердца. <...>

Репино. Дом творчества композиторов

15 февраля. Морока со звонками Мариса [Янсонса]. Аля с утра тусклая: голова. Серо. Тает. 12.20 с Володей отбыли, не хочется уезжать... В 1.10 — на месте. Бухгалтерия. Пустыня, серый снег, мокреть. Пасмурное молчание. Только вороны разговаривают вдалеке. Быстрая раскладка в пустынных комнатах минувшего лета. В доме тепло. Обед. Неизменная Аня. Как всегда, сообщение новостей: в воскресенье разбило параличом Г. Попова¹, валяется без движения и языка, один в 15-м коттедже.

В столовой человек шесть. Оперированный Гутников². Звонок Али: сегодня Иннин денек — «Помолись». Ездил в этой связи, искала мне подарок. Видела Инну во сне. Завтра утром приедет. Домой с термосом. Вытащил стул на памятное крыльцо, посидел... Капель. Немое молчание. Постукивает дятел. Редкие машины на шоссе.

До 5-ти сладко дремал, укрывшись. 5.15 — у стола. За окном смеркается. Не шелохнет. Чернеют стволы елок. Зажег свет. Полистал вступление к «Под старыми липами». На ужин шел мимо домика, где жил в августе Шостакович, где видел его в окне в свете лампы склоненным над столом, судорожно и торопливо наносящим на бумагу иероглифы Пятнадцатой симфонии... Уже 7 месяцев прошло с тех пор...

Дома — глухое молчание. Тьма за окнами. Яркий свет лампы. Страх долгого очередного одинокого срока здесь... Сел было почитать... не читалось, думалось: напрасен страх, еще не успел я приготовиться, чтоб начать Быть здесь, как уже миновал целый день моего пребывания здесь... Достаточно вспомнить двухмесячный искус минувшей осени в Усть-Нарве, казавшийся неодолимым и нескончаемым³ и ныне в семи-месячную давность скользнувший как миг; так скользнут и эти предстоящие 2 недельки, малые, не истекшие, — они уже в прошлом... Значит ли это, что вообще преодолен ужас сроков? Нет, конечно. Значит ли это, что готов ты к последнему своему мигу. Нет и нет... Но что-то есть уже «сегодняшнее» в будущих сроках и в последнем часе, в неизбежном их и осязаемом Приближении.

Жизни свойственно нетерпение. Ей свойственно хотеть. В основе Бытия лежит Движение. Движение — есть стремление. Стремление же — всегда поспешение... И только понимание этого осеняет нас знанием, гласящим: «не спеши», «терпи», «будь недвижим» (если можешь). Стремление Бытия

и его самосознание — суть две противоборствующие, равнодействующие силы, фиксирующие мгновение Истины (фиксирующие «момент Вечности». Жорж!!).

16 февраля. Около 10-ти позвонил Але. Выезжает. Лег спать. Время остановилось. Но пространство между нами сократилось и ушло! В 11.15 подъехала фисташковая машина. До обеда беседа о Ксении Владимировне, судьбе ее разграбленных вещей, пустой комнаты и т. д. Аля вчера объездила город — привезла мне Тургенева. До 5-ти — сон. Потом — вместе... Вечером немного радио. Рано легли. Вместе. Алины глаза обо мне: «чтоб я был, был, был...» Свет неистойвой ее души...

17 февраля. Ночью будил Алю «своими темами»: Саркисов и пр. дрянь. Перед обедом, на скамеечке у залива: три вороны вдалеке, на льду. Их расхаживание, мизансцены. Внезапный, точно по уговору, отлет их в лес. Весна света (глог! [дерево слепокура]). Солнце ощутимо греет: теплый мех воротника. После обеда — сон. Варюсь в проблемах предстоящих программ и поездок (проблема Фалика⁴). Вечером настоящее слушание Онегина (Хайкин). Как хорошо!

18 февраля. Весь день отравил себе и Але своими «дымящимися» проблемами... Ночью опять будил Алю на тему Пятнадцатой симфонии Шостаковича и надуманных сложностей отношений с ним (с осени по сегодня). В 7 час. ужин. В 8 час. позвонила дежурная: пришла машина за Алей. В 9 часов ее звонок уже из города.

19 февраля. В 9 часов — восход солнца. Звонок к Але. До обеда: 1-я ч. Девятой симфонии Брукнера. Ясно. Светло. Явное начало Весны света. Изобилие нераскрытых, рыжеющих на солнце, гроздьями висящих чашечек на вершинах елок. После обеда — сон. Вечером «Дворянское гнездо» [И. С. Тургенева] и разговор с Алей.

20 февраля. Как и вчера, до обеда — 2-я ч. Брукнера. Перед обедом — на скамеечке у залива. Воскресенье, много людей, лыжников. <...> С 5 часов до 9 у меня Фомин⁵ (поправки в книжке о Филармонии, вообще, в частности о Саркисове. Коньяк, дружески). В 10 звонил Але. Полумесяц. Звезды. Тихо.

21 февраля. В 9.15 вышел из домика, а мне из-за деревьев навстречу золотой шар солнца. До обеда 3-я ч. Девятой симфонии Брукнера. Круг до горки мимо будки. Сон после обеда потяготный. С 4 до 8 у меня Данилов⁶ с «докладом». Толково; вызывает доверие (пока?). Ужинали. Вечером «Дворянское гнездо». Удачно заснул.

22 февраля. Беспробудно спал почти до 8-ми. Но утро хмурое, тяжелое, давящее. Грустно, насквозь печаль. Но... не занимался...

вялость... После завтрака спал. Прочел оставленные Фоминым очередные гранки книги о Филармонии. По инерции многим уязвился, замельтешился в «завистях», «обидах», в «жадности». Вовремя вспомнив утреннюю печаль (и себя в зеркале), опять протрезвел (в который раз?!). Все это мышаच्या возня, все это даже не однодневки, а одномоментки. Чепуха... только возникающая, все эти отзывы, оценки, «достижения» — не успев возникнуть — уже исчезают бесследно... Да что говорить! Благодарить Бога надо за все, за Алю, за нее надо молиться, чтоб была благополучна!! И работать в меру сил.

Закончил «Лаврецкого» и «Лизу». Вечное Создание! Для тех, кто имеет уши слышать, конечно. Вечное Создание о неотвратимом уходящем. В вечность всего, всегда, заново и как впервые... Записал кое-как (вот эти странички). А день тускнеет. В мертвенной тишине, тонкие, неодолимые, опускаются сумерки...

Часок до ужина сидел в молчании, не зажигая огня. Очень было благостно и утешно... Вечером Тургенев — «мелочи» (Белинский, Гоголь, Тютчев, «Клара Милич»).

23 февраля. После завтрака до 12-ти провалился в крепчайший сон. Укладка, бритье (бьет предотъездная лихорадка...). Появление Саркисовой с еловыми ветками (их потом выбросил). После обеда немного дремы. (К Миллеру) и лихорадочное ожидание. 4.15 — черная «Волга» между елок. 5.20 — дома. Переодевка, седуксен. С Алей в 6.30 в Филармонию. Беседы с Даниловым, Б. Никитиным (библиотекарем). Пришла партитура Пятнадцатой [Шостаковича], но какая! Тихо-Хренниковская мясорубка музыки, толчеи, конъюнктур... Дома около 11-ти (ехали с Н. Рабиновичем). Никитин о Ларичеве в антракте.

24 февраля. С непривычки всю ночь не хватало воздуха... Жара, удушье, просыпания... В 10.15 один в Филармонию. С Зоей Николаевной⁷ и Саркисовым о Марисе⁸, о поездке в Молдавию; сообщение Стрижовой о никитинском подвохе по поводу Ларичева. В 1-м часу — за Алей, и в Комарово, наконец, вместе. Я ей — о докладе З. Н., Аля — о безобразии сына Никончука⁹, удушившего никотином в интернате кошку... После обеда сон. Я встал часов в 5, ушел в «кабинет». Сел с Тургеневым. Вышла Аля. Я взял листать Пятнадцатую Шостаковича (ничего не понимаю... кошмар какой-то...). Аля исчезла — я, мол, взялся за партитуру, — закопошилась в столовой с нотами. Принесла мне Пильняка. Села с газетами. Я — с интересом — с новой книгой. После ужина Аля, наконец, дозвонилась домой: все в порядке.

25 февраля. Проснулись с радостью друг к другу. Аля, в рубашечке, ко мне. «Всячинка» и «удачный» вариант

у Али. Оба в кабинете: от покоробленной коробочки с шахматами, через коробочку Инсбрука — серия гастрольных воспоминаний: площадь Инсбрука, площадь Клуза, Краков, Вавель, лодзинский кошмар и т. д. Прогулка (кружок) по репинской лесной дороге, «мокрыми» арендными дачами, еще направо, и неожиданно для Али очутились на своей территории. После обеда <...> сон. На ужине — появление Оника. Вечером читал Пильняка. Кой-что вслух. Аля — с газетами.

26 февраля. Пробуждаясь в течение ночи, заметил: гул электрички ближе — значит, ветер подул с востока, значит, похолодает и будет ясно. Так и случилось. Вместе с нами встало и ясное утро, а над лесом разлилось сияние зари и выкатилось золотое солнце. После завтрака — к заливу. Вершины, каждая ветка деревьев оделись сверкающей хрустальной броней льда. Отдельные деревья стоят сплошь залитые точно стеклянной броней, ослепительной, искрящейся в солнечных лучах. Домой немного берегом и мимо «Друскина».

В 11 были дома. Легли спать. Аля — с Тургеневым. Долго смотрел на Алину спящую мордашку, такую серьезную, не по возрасту. Спали до 1 часа. Взял в спальную партитуру Пятнадцатой, опять попытался хоть что-то ухватить... Опять всплыли все неразрешимости вокруг нее и будущего (идея пригласить Максима). Коньячок: полрюмочки, и еще пол, и еще пол... После обеда на скамейке у «фонтана». Дома — в 4 час. Аля читала. Я — заснул. Потом дочитывал Пильняка.

Опять (но спокойно) беседа об очевидной неизбежности моего ухода (о праве на «сверчка» Пильняка). После ужина Аля звонила домой из голубой дачи. Я — один прямо домой. В 8.30 пришел Саркисов. Установили план моих работ в марте и апреле. Наместили программы Молдавии. Оговорили ряд мелочей. После его ухода пили чай с печеньем, а в 11 уже и погасили свет (перед сном «паника» по поводу сыпи у меня на пальце ноги).

27 февраля. Как вчера, ясно, морозит. Барабанят, перекликаются дятлы. После завтрака Аля улеглась с Тургеневым («Дневник лишнего человека»). У меня — синдром, но потом собрался с силами, засел за филармонические дела: состав худсовета, конкурсы. Позвал на «совет» Алю.

Потом она взяла саночки и ушла на горку. Я остался дописывать список текущих вопросов к Стрижовой. После обеда решили посмотреть щенка-овчара у погорелого в прошлом году домика. Дома, Аля опять у себя в уголке с книгой («Два приятеля» [А. Херодинова]). Я задремал. Потом заговорили о том, что читала Аля. Я попросил чаю с коньячком. Потом в кабинете длинный разговор о Тургеневе, его величии и его отличии от Толстого (у первого нет предначертанности,

толстовской тенденциозности обобщений). О различии двух других: Толстого и Гёте (первый — в борении с собой и естеством, в подавлении себя, второй — в полной гармонии творчества, натуры и даже тела). Бегство Толстого «от всего» и Гёте, женившийся на восемнадцатилетней в глубокой старости. С интересом слушал Алю. В частности, ее рассказ о том, что и как у нас ныне проходит в литературе.

Ужинали рядом с Толстым¹⁰ и его женой. Я очень развлял и «засиндромил», но дома заставил себя записать дни; нет-нет да окликаю Алю, чтоб напомнила забытое мной (голова у меня мутная...), Аля терпеливо отвечает из соседней комнаты, куда ушла посвистеть на флейте. В 9.50 вечера пришла ко мне в кабинет, а я как раз закончил писание. Аля позволила домой — предупредить о нашем приезде; ведь послезавтра мы уже уедем отсюда... Статья в «Лит. газете» о Солженицыне¹¹. Чай. «Кармен» с Караяном. Потрясающе!

28 февраля. Утро. Сойка. Дятел. Синицы на кормушке за окном. Мягкий день: серое небо, мохнатый сквозь него серебряный шар, как лунное солнце. После завтрака — о детстве, о санках; у Али — детская инициатива — мустанг... Подремали. Выскочила на крыльцо: пришли Черныш с Илюшкой. Кормление: косточки, булка.

В 11 всей компанией по комаровской лесной дорожке: впереди Черныш (хвост бубликом), свирепо облаивающий заблудшую машину, потом Аля с финскими санками и Илюшей на них. Позади, отстал, волочусь я. Покалывает сердце. Помаленько разошелся: хорошо, кровушка побежала, чувствую тело и дыхание... Свернули вдоль лосевых [крзб], Илья сиганул через забор какой-то дачи; явление милиции: нельзя здесь, придет консул — отвечать мне... Дорожкой вдоль залива. День серый, по горизонту даже дымный, но высокий, налитой светом. Вороны каркают на разные голоса — совсем уж по-весеннему. Выехали на залив. Илья прячется, «исчезает» в прибрежных траншеях между льдинами, Аля, разругавшаяся, разыскивает его, окликает, находит — обоим весело. Черныш затейно гоняет ворон, те <...> перелетают от него. Все они, и вороны, и Черныш, и Илья, наверное, хорошо знают друг дружку в лицо. Илья с Чернышом ведь живут здесь, в так называемой колбасе, где напиханы служащие нашего «Дома творчества». В 12.30 все вместе вернулись к нам в домик. Все получили угощение: Черныш — булку, печенье, Илюша — чай, я — тоже чаю и даже коньяку.

Черныш совсем свой, смотрит в глаза своими твердыми желтыми лисьими глазами, улыбочиво прижимает острые уши. Илья сел за рояль, тыкает в клавиши, извлекает звуки, порой

совсем не бессмысленные: чувствуется стремление познать связь звуков. Вот я — записываю наше утро, а Аля с Ильей засели... за шахматы и шашки, причем Илья в свои 6 лет что-то смекает в них, спорит. Черныш улегся на ковре, положил голову на лапы. Счастливые часы послал Боженька нам с Алей. Аля показывает Илье флейту, показывает ему, как дуть в дырочку. Раздается хоть и неустойчивая, и сипловатая, но все же флейтовая нотка. Илья опять у рояля. Слышно из столовой, как он спрашивает Черныша: «Ну что, хорошо тебе здесь?» Потом последовал рассказ о фильме «для детей»: «в нем была половина о войне, половина — мир». Мальчик часто бегают «за маленькое». Аля: «Чай, энергия, мороз» — поясняет.

После обеда опять всей гурьбой к нам. В ванной Черныш получает косточки, остатки от обеда. Илье предписана «тишина». Он действительно почти на час затихает в кабинете с шахматными фигурками. Я — заснул. Аля тоже подремала. Пес — клубком у моей кровати. Проснувшись, чувствую, как в домике распространился душок немытой одежды, затхлого житья и немножко псины... Да и как не быть ему? Мальчик живет с полунищей бабкой в знаменитой «колбасе» у залива, в тесноте, холоде, без водопровода... Мать-пьяница — в городе, отец — прошлой осенью бросился под электричку. Бедолага...

Вскоре опять началось гостевание: «игра чижика» на рояле, шелканье пистолетом, шахматы с Алей. Потом чаепитие и, наконец, рисование, за которым затихли оба: и Алена, и мальчик. Черныш в ванной звучно лакает из таза воду, и тоже пошел к ним, вскочил к Але в кресло, затих.

За окном тишь, безветрие, предвечерний час. В комнате тоже молчание, только слышен шорох карандаша по бумаге да старательное дыхание открытым ртом Илюши. В 6 часов, по ранним сумеркам, прошли втроем с Чернышом мимо Кетлинской до бывшей дачи Шостаковича. Илья не захотел идти. Пес куда-то там смылся и догнал нас, когда мы уже входили на свою территорию. Сразу — в столовую.

После ужина Аля ходила домой за тарелками. Я ждал ее. Представилось близко все предстоящее за март — Брукнер, Шостакович, аж до сердцебиения... Дома Алины трезвые уговоры меня, потом быстро уложились и около 9-ти сели оба с томиками Тургенева. (Алина боль за судьбу, ожидающую маленького Илюшу... даже до слез, что с ней случается редко). 10 часов. Прочел «Рассказ отца Алексея», Аля — «Однодворец Овсянников». Говорил Але о робких и греховных допущениях своих по поводу возникновения молитвы в старости, в беде... о силе ее. <...>

Вспоминали Черныша с его признательностью Але и «обнимки» его (голова к голове) с Ильюшей.

29 февраля. С утра весь день идет снег. За день густо осыпаны кроны и сучья деревьев. Потемневшие было снега укрылись пушистой целиной.

Лето. Усть-Нарва

6 июля (чт). 11.20 выехали, 2 — прибыли; Копель¹² у окна, осмотр комнат¹³. Домик! Обед. Не разобравшись — как мертвые — спим. Аля — предварительная разборка, и сидим на ступеньках веранды носами в зеленъ участка и водицу! Тишина после города. Поет дрозд, на сосне ворона разговаривает. Спортивный, с ракеткой, Синёв. Море за окном. Аля с Копелем. Рано спать. Хорошо даже на сетке!!

7 июля (пт). После завтрака спим. Ловля хозяйки, паспортистики: надо шкаф, графин, пододеяльники. Немного ссора (Аля: «Неудобно надоедать»). После обеда в хозяйственный магазин по Нурме. На море. Чайки, теплынь (юг), ветер с моря. Фира, Копель, ягоды. На минутку домой; на скамье под жасмином. Ирина Рабинович — беда у них. После ужина к ним. У Веры Евгеньевны допоздна. Гроза. Дома — внезапно тьма, за окнами черно, будто осенью... Но гроза — стороной.

8 июля (сб). Сегодня не кормят; Алин «пробный» завтрак. Я моюсь в саду, бреюсь. В 10 часов прибрались. Пишу расходы и записки. Аля с хозяйкой в лавке. Жаркий день опять. Ветрено, давяще; высокие облака, стрекозы. Аля в душе, в саду. Принесли шкаф. Аля в разборке, я — на постели с многочисленными темами «нотаток» (Арсен, Гмыря, Мусин, Рабинович), пришедшими ночью. Рабиновичи уехали в Ленинград. (У Веры Евгеньевны в сосняке — Ролан). Серо, дожди. Опять гроза.

9 июля (вс). Спячка. У Копелей — ягоды и Людмила Васильевна [Волкова]. Осмотр участков. «Голоден». После обеда сон до 7-ми! Вечер у Копелей.

10 июля (пн). Хорошая еда в «казне». Белочки. Море — до обеда с Копелями. Солнечная голубая благодать. После обеда не спали; позвонили Софе¹⁴; на почту; в парк; к Лиле¹⁵. Вечером у Копеля и Фиры (преферанс), ветерок, молодежь... Дома — Тонина «трагедия» с котятами. Спим все же плохо: сетки.

11 июля (вт). После завтрака — у корта; благодать утреннего парка. Птички. Дома, Аля с Тоней в шахматы. Бреюсь. Возня с бритвой. Аля в магазин за купальником и халатиком. В 1-м часу на море: ни Копеля, ни Веры Евгеньевны. У пово-

рота пляжа к устью — пересидели. Курцхар и его бег. Борейша¹⁶, спускающий лодку в море. Очень жарко и душно. После обеда долго дома: дрема, вдвоем на ступеньках. Книжка. Ласки. После ужина лазейкой мимо Веры Евг. (нет дома) — к Копелям: обучение Али преферансу. «Синдром»; усажен в мягкое кресло. <...> Сижу — провожу сквозь миг каждого, как «волну». Перед сном на балкончике «Лайне»: сумеречная зелень залива, кривизна горизонта. Тучи с юга...

12 июля (ср). Очень жарко и давяще. Аля — на почту. Я — после завтрака с книжкой. Бельчонок. <...> После обеда дрема. В горнице чудо: прохладно. На улице уничтожающая, слепящая, стиснутая высокой облачностью жара. Знакомый дуэт дрозда и вороны, точно воспевающий зной. У Али — голова... Лежит до 6-ти. Я — на крыльце с новой книжкой. Нет, нет — в комнату, в прохладу. В 6 часов опять грозища, ливень, треск. До 8-ми у Али — голова и даже у меня. Посвежело.

После ужина к Вере Евг., ненадолго к Вере Алекс., к Копелю. Там уютно, коньяк в яичных 'рюмках, «старушка» — голодная. О скрипачах, о «сынах», о Фишере, Спасском... 10 часов — дома. Спать стало удобнее — добавлен тюфяк. В 3 часа предрассветное молчание. Насвистывает дрозд.

13 июля (чт). Вторая неделя. Опять погожий день. К Копелям. Хозяева завтракают. Хотели на лодку, но показалось — заносит. На море. Мы еще домой и Аля в хоз. лавку: ни с чем — очередища. Море: голубень, рай, ветерок. Аля и Боря с шахматами. Долгий отдых, тяжело... В 6 часов Копп неожиданно на лодках (!) до отмелей Рабиновича¹⁷ (туда, у бани — пиво, обратно — пиво; *чудо у Али с птичкой*). Попытки закутить. В ресторане «не дают» и «не пускают». Ужин прелестный, «наскоро», у Коппа (анчоусы).

14 июля (пт). Очень тяжелая ночь; 3.30 — дрозд и безмолвный ливень. К утру грозища. День высоко затученный и опять жаркий. После завтрака — пешечный эндшпиль (!!!!). Споры о Фишере. Аля — генеральная уборка, мытье полов и дорожек. В хозяйственный магазин — успешно, я за вином для Коппа. В 5.30 к бате. <...> Перед ужином вино и пиво к Копелям. После ужина опять у них: столпотворение, преферанс¹⁸, Сергей... Фарберы.

15 июля (сб). Холодно, пасмурно. Дрема почти весь день. Топка благодатной печки. Аля в магазин: харчи (булка, постное масло) — на 2 рубля. Вечером у Коппа: пиво, «вобла». Я — на Алином плече, при сем растворяюсь, размагничиваюсь, как собака у ног хозяйки: смутное слежение голо-сов, слов...

16 июля (вс). ...Заходил Копп приглашать на лодку. Аля — дома, с игрушками. Я — морем до заставы: 50 минут. Скамеечка.

Чудный день опять! Анализ шума моря: шипение, бурление, падение воды на воду. 2.20 — дома. Александр Петрович снимал нас. После обеда к Анне Максимовне (садик, лес; о Коле, о ее наследнике, уходе, появление Юлия Максимо-вича...). Мы к Софе («просветленная», голубоглазая, похорошевшая, сознающая все, стоящая на рубеже... на ниточке...¹⁹). Заросли участка, Норка... Мишка. К дому, — пиво. Бутылку выпил с наслаждением; прошел 7 километров; подустали. Рано легли.

17 июля (пн). Благодатное утро. Тишина. Солнце. Столкновение с Алей из-за передвинутой (?) постели. Господи, неисправим я... 15 минут один на пляже, около тетки, занимающейся гимнастикой. После завтрака записал дни. У моря с Бобом и Мусей. Прохладный ветерок. Аля и Боря анализируют фишеровскую партию. *Из-за моря — облака, оплывающие землю.* Аля — 3 часа на солнце: перегрев. Вдобавок выкупалась. После сна раскисла: «висит» на мне. А мне самому кисло. «Тявкаюсь», все же пошли на лодку. Копели белеют уже в Россони. Нагнали их на «Рабиновичевом пляже» с компанией Михайловича. Очень хорошо, но Аля томится, нудится. Заплыли в заводь. Благодать вечернего часа. Стрекозки любят. Тишь. Берега «моей среды» и мечтаний... Долго все у причала: Боб повязывает лодки. Аля совсем «стухла». Один на минутку к Копелям: «не придем». Аля — «тюфячком», я под лампой с книжкой, долго не мог заснуть.

18 июля (вт). ...В 4-м часу заехал Сергей Александрович с Копом и Фирой. Обед (!!!) в заросшем яблонями и травой домике — осуществленной домовитости. Солнце. С котятками и стариком-псом. Потом в саду с коктейлем и баяном. Опять за столом с грибочками и сбитыми сливками. Вечером у Копеля (я сбежал за пивом домой). Демонстрация Яшиных проектов домика. Бесконечное пиво (недоволен собой). <...> Аля и Боря за доской. Домой к 12-ти ночи.

19 июля (ср). После завтрака у дома. Очень свежий ветерок. Легкое похмелье. Толкусь у дома на крыльце. Аля с Надей в шезлонгах — журналы мод, пустые газеты. <...> Я — дрема, Аля — у огородика. После дремы я туда же. Благодатный уголок, лес кругом, полянки, никого и ничего не видно... Аля принесла хлеба и свежий огурчик — наслаждение! <...> Встретили Корхиных²⁰, идущих с моря. После обеда дома оба легли. Вдруг «заболели» шезлонгом. Быстро решили — в Нарву. Нежданная удача: купили шезлонг и раскладушку

(толстяк шофер — виртуоз: 130 км в час!). К вечеру холодеет, но ясно. После ужина к Копелю и Фире. <...> Всем кланом к Волковым²¹: дома нет. Нудное таскание по участкам. Копель с велосипедом, настырно доказывающий преимущества 1-го участка²². <...> Опять к Волковым. Он очень приветлив, но Людмила Васильевна очень холодна. Занудно. Скорей домой. Провожали все, взяли для Муси будильник. Хрустальный воздух. В конце улицы бледно-бежевый небосклон и лазурная полоска моря в черной резьбе деревьев. Оба с наслаждением под одеяла, в неприступную укутность постелей.

20 июля (*чт*). До завтрака — у моря. Соседи по столу. Аля: «Хорошо было!» Опять очень тепло. Аля — уборка. Я сладко дремал. Потом на вновь «мебелированной» веранде записал дни. Теперь у нас настоящая дачка. Аля — за газетами, тут же села за фишеровскую партию. У крыльца прыгают, клюют крошки воробышата. Веранда — в бликах и солнечных зайчиках. Открыта дверь в комнату, виднеется окошко. За ним трепещет золотистая листва: все почти так, как мечтал зимой! На шезлонгах в уголке сада. Знойная тишь: носятся коро-мысла [разнокрылые стрекозы], в траве охотится угольно-черный антракс. Аля снимает меня.

Перед обедом три «беды»: приехал под окна грейфер, сломался ключ от комнаты, на ухе шелушится какая-то блямба. После обеда Аля стала на ремонтные работы: подобрала и починила замок, исправила электричество на веранде. Грейфер ушел, а блямба на ухе, говорят, чепуха (лечение чистотелом!).

К 6-ти на море. Море, как молоко, сливается с невидимым горизонтом. Сквозь мглу поднявшихся на западе тучек солнце тяжело припекает. Тишь, не шелохнет. Кой-где на воде вспыхивают слюдяные искры. На камнях над устьем почему-то никто сегодня не прогоняет. Здесь чуть прохладнее, тянет запахом реки, водорослей, по заливу протянулись клинья ряби. Около свай лодка с рыболовами. В море вышел, мягко тархтя, тральщик. Вслед за ним проскочили несколько моторок. (Борейша.) Белые точки чаек на отмелях того берега... Алино желание походить по тому берегу (зеленые, волосатые головы свай). Вечером у Волчонков. Копель уехал в Нарву. Фира, расстроенная ночным отсутствием Яши.

21 июля (*пт*). Казанская Божия Матерь. Утром рано: Боб с будильником. Т. Дervиз: Рабиновича оперировали... Аля — нездорова. В 10.30 пошел один. В церкви много «платочков». Всё те же знакомые старички. Тот же тихий тонкий голос батюшки. Послал свечечку. Стою в своем уголке. Присутствую неприятно, непредвзято... но и не молитвенно. Почему? А потому, что просить Бога сегодня не о чем:

милость Его ко мне неизреченна. Поняв это, возблагодарил и прославил Его: «Благословен Бог...» Запели «Верую»: «...и в Духа Святого, Господа Животворящего...»

В церкви очень душно. Вышел, сел на скамеечку в тени. Неподалеку молодая женщина, недобрая, но притягивающая остро... Вспомнилась Нина... Внезапно — Аля. Крестный ход. Рядом с батей какой-то в черной рясе несет вместо матушки святую воду. Матушка поодаль, батя, лишенный ее помощи, явно растерян... на висках красные пятна... Кропит, несколько капель упали на лицо и мне... Немного на скамейке с Пигулевскими...

Домой морем. Очень тяжело и душно. Над морем с запада вздымается дымная мгла.

После обеда Але плохо: сильнейший приступ головы... Раскаты грома. Мощные грозы, одна за другой, ливни стеной, быстрые гряды туч, порой солнце, сверкание в его лучах отвесных струй дождя. Вихрь. Шум сосен, листвы, громовой гул моря. К 6-ти разъяснело. Дал Але аспирин, грелку, закутал. В 6 часов ушел к Копелю. Там коньячок. Уха, к которой подгребла и Алена. Заходил Серг. Ал. Кротов. Условились о поездке по Нарове. Пили чай. Разговаривали о тяжелой, каторжной жизни Боба и Муси... ужас... Ушли поздно. Небо чистое. Но ветер очень сильный. Море почти черное, с грохотом несет медленные ряды пенных валов.

22 июля (сб). Завтракаем дома. Потом я — дремать. Аля — в магазин. Солнечно. Синё. Прозрачно. Свежий ветер. Море все еще штормит. Появилась с полной авоськой Аля: слава Богу, здорова, весела. Она вообще здесь очень довольна и счастлива. Даже в дни «бескормицы» исправляет хозяйственные дела с удовольствием. Вот и сегодня: убирает, готовит обед, верещит с хозяйками, шутит... Я в это время на веранде — записал дни (1 час дня).

26 июля (ср). *Смерть Николая Семеновича Рабиновича.*

28 июля (пт). Сомнения... о Коле²³.

День Владимира.

Советы «о Коле» Веры Евгеньевны и обида Ефима. Бутылка шампанского. Я — в злобе на ужин. Аля — позади. Такси; хотел «сам ехать»...

29 июля (сб). Аля в Ленинграде на похоронах [Н. Рабиновича]. Я и Ефим у Копеля.

30 июля (вс). Возмездие. Немоощь. Советы. Ефим за нами. Опять беда. Ночью пешком.

31 июля (пн). Еще худшее возмездие. Простуда. Этазол. Ефим — узнать обо мне. Жалуетесь на руку. Пью молоко... Не завтракаю и не обедаю. Заболеваю (?).

1 августа (вт). Еще болею. Кашель. Аля затеяла большую стирку у крана. Восхищена порошками. Появление за столом Елены.

2 августа (ср). После обеда появление Копеля: опять сложность с участком. Вечером нам полуотказ от дома. *Пусть дадут, что дадут...*

3 августа (чт). Копель — у Замахина, Фира — тоже в Нарву. Мы — до обеда вдоль моря. Давно так не проникал в среду; синь, тяжело парит. Аля очень устала, вдобавок — генеральная уборка. Я читаю. Аля — пилка досок для столика. После обеда «репетиция» ненастья, но разошлось. Проводы солнца. Елена Сергеевна. Пьянчужка и кости. Дома — читаю.

4 августа (пт). Деньги внес за путевки по 18 августа включительно. Аля — сколотила столик. Выстирала юбку. Ранний обед. К Анне Максимовне. Не застали. Серый хаос в небе. *Ненастье*. Я — домой. Аля в лавку. Дома подремали. Ранний ужин. Вечером у Копа — грибы (шахматная партия Али с Яшей).

5 августа (сб). Дождь. *Ненастье*. Аля собирает завтрак. У меня гость: Песня! Льет. Сплю. Аля в ливень в магазин, затопила печь. Вспоминаем дни. Бранится за то, что тягаю ее помочь вспомнить дни: теряем время. Наконец освободил ее, села за шахматы (10-я партия). За окошком ураган: дождь, южный ветрище, виднеется вздутое, почерневшее, пенное море, несущее гребни почти параллельно берегу. Появление Ефима в трагическом состоянии: все немеет и т. д. К 5-ти разведрило. Грибы у Копеля (о Ефиме и больнице). Немного шахмат²⁴. (Я — «О».) 6.30 — на море. Яркое солнце. Теплый, плотный ветер. Сверкающее, бурливое море. К Копе на автобусе — проводы детей. Все вместе к Ефиму и в 8.30 — у нас. Допоздна. (Проблема Яши [призыв в армию].)

6 августа (вс). День моей агонии и Алиного труда. Холодно. Лежу. Копель уехал за Фирой. Обедает у нас. Лежу. Аля отдыхает. Ясный вечер. К 8-ми к ним. Час в сумерках. Их беседа об актерах, литературе. Я — с видениями ушедшего (балета, Медведкова), страхом молчания близящегося. В 10 часов Сергей. Уехали.

7 августа (пн). Тяжкая ночь и утро. Впечатление воспаления легких? Злая обида на Алю (о вчерашнем хозяйстве, о ее «речах» и «Февронии»...²⁵). Не завтракал. 11.30 Сергей. Отвезли Ефима в больницу. Внезапно мне лучше. «Кризис»? От Сергея — пешком. Скамья в парке. Три климата: Рая, Нурме, Айя. После обеда Аля на веранде. Дрема. Проснулся: толчок в сердце. Косое, уже низкое, длинное солнце на полу, и только 4 часа. Мучает совесть: Аля с измученным лицом

спит. Пляж: до камней. <...> Урок геометрии на песке. Дивно, вечерне... Появление Анны Максимовны, поездка к ней; Юлий Максимович. Вечерний звонок Ефима: мечется...

8 августа (вт). ...Покупка Але «меховичков». Тупая жара. С обеда душный ветер. У Анны Максимовны (спаниель). После обеда подремал. (О трагедии Ефима.) Воробьи у крыльца. Аля с посудой, уборкой... До ужина в уголке сада, под сосенками (семена иван-чая, чаща трав, колокольчиков и кустиков). Жулан. Низкое солнце занавесилось. Темно-лиловые стволы сосен. И вновь Вещность, Совершение.

9 августа (ср). Зной. Один ненадолго в церковь. Две свечечки. Малолюдно. Автобус в Нарву. Невесомость тела! Покупка Ефиму бумаги и талонов. «Родной» вестибюль [городской больницы]. Расстроенный Копель: неожиданная операция руки. Ефим: не хуже, но размякший. Зардевшаяся Машенька [медсестра]. Обратный автобус — нечеловеческая давка. За стеклами спелая рожь, до боли влекущие домики, заречье.

После обеденного сна — толпы Алёниных воровьев. Чета Жордания. С ними на полчаса на море. Голубая теплынь, запах водорослей. После ужина с Еленами на Лайне. Закатное серебро моря. Гладь. Диск багрового солнца. Высокие светлые тучки. Остановить миг!.. Дома — жук-носорог (?!). Минувшей ночью мой и Алин сон о Девятой симфонии Бетховена. Аля начала «Соловья»²⁶.

10 августа (чт). Вечером собрались на ту сторону, но опять жарко. У Алены — голова, сердце, да и я скис, — конечно, не поехали. Аля в беседке — с «Соловьем» Стравинского, я около с «Советской музыкой». После обеда в уголке. Оба огорчены, каждый — собой. Аля — с паучками, сказала: «Чувствую себя виноватой», я — потеплел, подключился. Тучи, громыхает, свежо. Партия в шахматы (мой «эндшпиль!!»). После ужина заглянули на тревожное море и — домой. Аля позвала. Лежим в Алином уголке. У Али все колет сердце?! (Я — о бородинской Второй симфонии). Потом как-то естественно и хорошо — вместе. Потом уютно прибрались, улеглись и рано погасили.

11 августа (пт). У Али за завтраком — «зигзаг». Мои две попытки — на море. Вернулся, неуютно, ветер. Я зябну... Посиживаем на веранде. Шахматы. Очень прохладно, небо сереет. После обеда — печка. <...> После сна хотели к бате и в Нарву, за подарком. Такси нет: прямо в Нарву. Ювелир-торг. Обрато: очередища. Присоседились к девице, едущей за раскладушками. После ужина мы к Копам, а они — к нам. (Фото от Олега.) Вместе к ним. Неприятная встреча с Лавро-

вым; вышло — он напрасно хлопотал о «первом» участке. Ожидание Яши. У них — шахматы, Аля и Яша. Яша к нам за раскладушкой.

12 августа (сб). Крепко дремал. Уютно. Аля — топит, гладит. К 1 часу Коп и Яша. Пиво. Аля и Яша в саду за шахматами. Мы с Коппом — «философия» (о раке Природы). Обедать не пошли. Отдыхали перед «гостями». Питье (хотя и корректно). 6.30 — в гости Либерман. С ним в саду на опушке сосенок. Начало ненастья. Буря. Ночью домик сотрясается.

13 августа (вс). Завтракать не пошли. Совесть... Чугунная морская даль, кипящая белыми валами. Холодно, вихрь, но ясно. Пришел Сергей [Кротов]. Его больные темы: судьба отца, та эпоха... Анна Максимовна, с гвоздиками Але. Исчезли Копели. Звонок к ним: уехали еще вчера... Появление Либермана. Разбор 13-й партии вместе.

14 августа (пн). Морем к бате (молитвенник). Хрустальный, синий день. Тень холодная. Солнце печет. Договорились о воскресенье: *благожелательно, слава Богу*.

К Сергею. Неожиданно решили — в монастырь. Обед у них, и в 4 выехали. *Все удачно и благостно*; и матушка Силуана (художники, а благодати-то сколько!), и Лидия Сергеевна (за хлебом), и «старый Волк» (грузди и папироска), и все-нощная (трое мужчин; Алино лицо; Воскресение Христово на иконостасе и лучи вечернего солнца).

К Чудотворному источнику. Алино: «Умой лицо!» На обратном пути озерцо Глухое. Слава Богу!! Вечером с молитвенником. (Я: матушке Силуане — 30 [руб.]; Аля: Волку тоже 25).

15 августа (вт). Тихо. Сумрачно. Только прилег — приезд Юры и Бори [Никитина]. «Доклад» их. Аля — яишенка, салат; их коньяк. <...> На веранде — пиво. Моросит... Аля — с посудой. Проводили их на 6-часовой автобус. Вечером гнет совести достиг апогея. Аля стирает. После ужина — на море; встреча госпожи Лавровой (??), Пигулевского. Аля сильно затопила. Перед сном сегодня я — с молитвенником, но... почти не мог вникнуть...

16 августа (ср). Тепло. Пасмурно, ветерок. После завтрака на веранде. *Начал заниматься. 10.30—12.30: 1-я ч. Четвертой Брамса*. Сразу теснившие последние дни смятение и тьма духа — отступили... (немного). Аля рядом — с «Соловьем». У веранды воробышки и Алина дроздища клюют булку... Приходила белая киса. Аля: «ООН!!» Немного с молитвенником.

После обеда к Анне Максимовне: дремала. Сказочное благолепие в ее домике: под окошками полянка, тишина,

огородик. Вдалеке прошла гроза. Подождали. Налетели мокрые скворушки. После ужина — к Волковым. Его нет. Приветливо. <...>

17 августа (чт). Тяжкое пробуждение. После вчерашнего... не занимался. Вихрилась совесть в перемешку с очередным бессилием. <...> Аля же, наоборот, загрузилась: утром наколола целую поленницу, после обеда села за «Соловья». Я — в кошмаре, с детективом. Наконец, в 1-м часу пошел на море (один). Теплынь. Серебристая мгла неба и водной дали. Мягкое, влажное дыхание моря. Слабый плеск воды, пахучая полоса зеленых водорослей. Дошел до камней. В устье, как всегда, лодка с носатым старичишкой. Посидел в тихом безнадежье, дышал. Мой тополь вывернут бурей. В парке в позапрошлом году погибла моя ель. Теперь вот — тополь, тот, что был вехой еще при Инне...

После ужина молитвенник. Аля подтопила. Всеми силами старался выбраться из тьмы душевной. Плохо удавалось, но все же стало немного легче. До ужина Копель с парторгом и арбузом. Рано легли.

18 августа (пт). Заставил себя собраться, и с завтрака почти до обеда — 2-я ч. *Четвертой Брамса*. Поначалу ничего не слышал, но постепенно вник в звучание. *И читал молитвы*. После обеда подремал — и на море. Нельзя же совсем гибнуть. Но тут неуютно: сквозь дымку туч солнце печет, очень влажно, а ветер, хотя южный, — пронизывает. Поднялся в верхний парк, к пруду. Здесь благостно, тихо, шелестит листва, безлюдно... У Али с утра рецидив страшной головной боли. Утром пыталась работать «Соловья», а сейчас осталась лежать пластом. Отсиделся. Захотелось пройтись. Опять через рынок на море. <...> Распустился, надо остатнее время взять здесь что только возможно. Гнетет проблема Али: нет лада... Но есть любовь и понимание. И если быть на высоте, *будет и лад. Надо, чтоб был.*

На море — хорошо; ветер стих, солнце опустилось ниже. Голубая благодать, журчание прибоя... Даже крикнул вслух: «Ох, хорошо, ох, хорошо». Нет, нельзя больше распускаться! Надо идти, идти и надо дышать: спокойно, глубоко. *И быть в Добре и Приятии*. Дома 5.30. <...> Посидел у крыльца с воробышками, кишащими в траве в двух шагах: привыкли. Подошли Копели. Подсели к Але. Помаленьку оживилась. Условились вместе обедать. По уходе — молитвы.

19 августа (сб). Проснулся плохой, дергал Алю, чтоб взялась за обед. <...> Все-таки пошла в лавку. Я — на веранде: 3-я ч. *Брамса. Молитвы (жаль, что многого не понимаю по-славянски)*. На обед к Копелям, к сожалению — пиво... Осадок,

нечистая совесть. Аля. Нудно. Ушли поздно. День и вечер — благорастворенный. Теплынь, тишь...

20 августа (вс). 10.15 в церковь, по Айе. Райское, тенистое, свежее утро. В церкви жарко. Аля со свечечками почти всю службу выстояла. Я — выходил; сначала неприятие, одоление греховными образами до ужаса... С отчаяния стал взывать об исцелении от *болезней* <...> тупости и окаменения... Вышел на скамеечку, и когда вернулся — растворились Врата и зазвучали молитвы причастные и слова: «...но во исцеление души и тела» (!!)) Выждали молебен и панихиду усатого старичка по его жене. <...>

Благостный, солнечный, благословенный уголок опушки леса, обступившей обновленные стены церковного кораблика. Елки с особенно сильными нынче «пальчиками» вершинок, сосны, дубки изумрудные, в небе — кружевное оперение высокого ясеня... Легкие тучки. Теплынь. Изредка тихое дуновение. Потом замыкание калитки матушкой — пустой храм, две лампадки. Батя с трепетом сердечным и слезами: «Христос невидимо предстоит», «Раскаялись?» Оба на коленях. Исповедь. *Причастие*. Голос поющей матушки. «Теплота». Минутка на веранде у них. Подарок Але — молитвенник от бати. Приход людей с младенцем, крестить. Домой — пешком. Заходила без нас Стрижова с кем-то. Обед у Копелей. Все сегодня по-иному. 6 час. — домой. И Копели к нам. У крыльца с ними. Вечером благая тишь. Совершенно особенная, осенняя, затаенная сосредоточенность и неподвижность зеленой глубины листвы. Даже налетающий ветерок, пошевеливающий ветки, или птицы, порхающие среди них, не нарушают этой углубленной, приемлющей самое себя завершенности — последнего самопогружения блага.

В 7.30 Зоя [Стрижова] с мужем и некой Светланой Константиновной. Расположились в беседке под жасмином. Аля с Василием Платоновичем — за шахматы; Зоя — в неутомимых, самоупоенных рассказах о «содеянном» и «достигнутом»... Сидели дотемна. Потом провожали: мы — их и опять они — нас. Осмотр дома, где они остановились на Нурме. Палатка.

Известие о Софе и Ефиме... от тетки на улице.

21 августа (пн). Встали хорошо. Мои сны: 1) в поездке с Кнаппертсбушем, Вальтером, Коутсом!²⁷ 2) об измене Али... Подремал; до обеда на крыльце — запись дней. Аля рядом — с «Соловьем». Верещат рядом детишки. День погожий, но с ветерком.

Немного финал Четвертой: немного, но ярко. После обеда Аля на веранде, на раскладушке. Я только присел над тазиком — переполох: Зоя Николаевна со «свитой». В беседке

оживленная беседа о балетах со Светланой Константиновной. Через час уехали прямо в город. Мы с Алей на море — до камней. Знакомый пограничник с девицами. Посидели. Течение реки видно далеко в море — полосой всплесков. Шорох и шипение воды на песке. На полпути домой, у обрыва дюн — на ящике оба, рядком. По очереди в море — ополоснулись. Очень жарко. Следы: «ноги» и «гусиные лапы». Домой — кругом по реке. Душно. До и после ужина смотрели виртуозов бадминтона на корте в парке («девочка-окунек», с толстой косой, метким глазом, волей, содержанием и самолюбием). Дома вместе — увлеченный анализ шахматной партии (той, что кончилась вечным шахом Спасскому).

Легли в 10 с надеждой: завтра — на ту сторону. Ночью вставал, пил чай и долго слушал глухое молчание ночи...

22 августа (вт). Бодро встали. Но после завтрака вдруг немощь, муки безволия, поиски объективных поводов не ехать: «да жарко, да небо ненадежное, Аля, мол, вяловатая». Чуть не поссорились. Внезапная правдивость моего признания истинного состояния спасла: решили ехать куда удастся, как Бог даст. К реке. Тишь. Гладь реки как зеркало. Но с запада поднимается пелена мглы. Плыдем. На въезде в Россонь краткий дождичек. Лодка идет легко и ходко. У малой отмели Аля села на весла. Молчание затуманенных далей. Стога. Причал у баньки. Приветливая дама из прошлого с мужем — сугубым работягой (их голубой катерок). На выходе к Чертовой горе — дождь. Спорый, но недолгий; спасались под липой и у крайней избушки под навесом. Лес. Запах прибитой дождем пыли, смоченной хвои. У обрыва над моим плесом — привал, завтрак. Увы, какие-то дачники неподалеку, их костер под обрывом, кругом все какое-то мягое, затоптанное... В Горках — у дома Лидии Григорьевны. На дороге — дед²⁸. Узнал, заулыбался голубовато-белыми глазами. Гостевание; Тузик, рвущийся с цепи; овца у крыльца; доение козы. Приход его величества пьяного рабочего «класса», трапеза, кошмар пьяной трепотни, духоты (уха из линя). Приходил в себя на крыльце (отдышался). Жалостный и страшный распад бывшего моего крестьянского рая. Мира, где, казалось, было когда-то спасение от всего... (где жила «своя» среда!).

Стадо овечек, плотной одинокой кучкой уходящее по дороге. Неистовый треск мотоциклов на дороге, вдали туча пыли от спящих в совхозе грузовиков. Всей компанией — к Прасковье²⁹. Древняя изба. Лесная благодать, почти заплотинное царство. Прасковья, спящая на скамейке. Проснувшись — предстала этакой расплывшейся дачницей-гегемонкой. Посидели. Осмотрели избу. Поласкали Киску. Тронулись. Прасковья — «в желтых огурцах» с нами до полдороги. Аля,

потрясенная до глубины души Прасковиным обликом и флюидом...

На выходе из лесу просвеченная солнцем розовая поляна, поросшая крохотным пухом иван-чая. Отчалили. Солнце низко. Аля — на веслах, наслаждается. Речное молчание, речной запах, журчание воды, низкие ласточки над тростниками. Порой режущий треск проносащихся моторок. Дома были в 8.30. Голодные, съели подаренных Лид. Григ. копченых окуней и подлещика, с жадностью пили я — кофе, Аля — чай. Легли рано, но спали оба неважно. <...>

23 августа (ср). После завтрака разбирали шахматную партию. Потом я — под одеяло, Аля — на солнышке у крыльца с «Соловьем» и воробышками. Облачно. Ветрено. После обеда — сон. Я — недолго. Але никак не очнуться, долго не приходила в себя. К 5-ти часам нараставшая небесная мгла разрешилась короткой грозой. Похолодало. На веранде. Долгая беседа о предстоящих почти неразрешимых проблемах ведения хозяйства и быта. («Праскивида» и пр.) И о том, как выкарабкаться из них и как неоткуда нам ждать помощи.

После ужина продолжение темы о быте. Партия в шахматы. <...>

24 августа (чт). Ненастье. Ветер. Дождь. Холодно. Не пошли завтракать. Доспали. <...> Попитались чем Бог послал. Я дремал, Аля убирала, вытирала пол, затопила и впервые села заниматься. Я сходил за газетами, записал запущенные дни на веранде, при обогревателе.

После обеда смотрели партию Спасского — Фишера. Аля легла с журналом. <...> В 6-м часу кончил запись дней (до сих пор). Аля ушла в магазин. Дождь кончился еще утром. К 5-ти холодный, затученный день посветлел, кой-где голубые просветы. Ветер упал. Тихо.

После ужина покупка Але брючек. Кружок в тишине вечернего парка, домой — по безлюдной Айе. Много сильно пожелтевших лип; желтые косицы на берегах.

Дома — у круглого стола. Подвинули посуду — сели за шахматы. Сначала я сплошь портачил. Но когда Аля объявила «полную силу», вцепился в фигурки и я, и долго крутился, и сопротивлялся в Алиных лапах. Ночью пил молоко.

25 августа (пт). На зов будильника — отмолчались. Выспались. Мылся, как всегда, из крана в саду студеной водицей. Синее, холодное утро. Золотом горящие стволы сосен. Низко плывут белоснежные груды кучевых облаков. Обильная роса. Завтрак дома. Аля: «Есть всякая вкуснятина». Сварила кофе, на столе: сыр, колбаса, яички, помидоры. Сам Цуц лакомится какао.

Алена, одеваясь: «Мормазетка заработала штаны!» и «Балагур-весельчак — транжира!» *Аля села заниматься (работала до 12-ти)*. Я — около, на постели в сладкой дреме. Потом ходил за газетами. Аля, конечно, вцепилась в доигрываемую партию (Спасский — Фишер). Еле оторвал ее. До обеда на пляж (за батю и обратно). Ласковое солнце, свежий ветерок, вереницы облаков, журчание моря, невесомый воздух. Сияющий день. Хотели после обеда в дальний лес. Но пока Аля подклеивала свои вырезки о шахматах, день затучился, потемнел. Похолодало. *Я сел заниматься на веранде (Четвертая Бетховена, 1 и 2-я ч.)*. Аля в комнате — за «Соловья». К 5-ти часам к Анне Максимовне. Закутанная в платок мышь в своем домике. Очень рада и тепла (о «выводах» стариков, о «как быть»? о фильмах ее зятя — «Каникулы Банифация», об отъездах в Ленинград). Домой, очень похолодало. После ужина дома. Светло, тепло. Записал день. Аля с книжкой Эльяша о балете (взятой у Синёвых). 9 вечера — партия в шахматы, по окончании Алена: «Черные играли гениально!» (Это я — черные!)

26 августа (сб). Оба вялые. Завтрак опять дома. Пока Аля брякает посудой, убирает, подтапливает — дремлю. *Начала играть, занималась до 12.30*. Я медленно, недомогая, встал, наскоро брился, сплавал за газетами; придя, читал их. Холодно, сыро. До обеда проверка партии шахмат. В 5-м часу приехал на Дм. Вас. Копель. Поехали в Нарву. По дороге — гладиолусы Фире. У них очень холодно. Выручил ужин со всякой вкуснотой и тремя рюмками водки. Вечером Аля в ванной. Когда пришла ложиться, я уже засыпал. (Копель подарил еще один крестик.)

27 августа (вс). Проснулись веселые и выспанные. <...> Но после завтрака опять недомогание; видимо, простыл-таки у Анны Максимовны. Квартира здесь сущий ледник. Между завтраком и обедом весь день спасался под одеялом на диване. Аля с Копом — за бесконечными шахматными премудростями. После обеда схватка Копеля, Фиры и Алены на тему дымоходов в пресловутом «нашем доме»... Ушли около 5-ти на автобус. Ожидали около часа. На улице тепло и ласково. Наконец около 6-ти — автобус. Рыжая великанша кондукторша, севшая мне лобком на плечо...

За окном синева реки. Сжатые поля в вечернем озарении. Успели в столовую на ужин. Вечером Аля на моей постели. Долгая беседа о предстоящем: 1) о хозяйстве, с которым Але и думать нечего справиться одной (Филармония! Консерватория!) Перебрали всех бабок, к которым можно будет взывать о помощи... 2) о «трудовом капкане», в котором мы оба зажа-

пенсии, и т. д. и т. д. Просто не представляю себе, как выдюжим. И совсем не вижу себя и своих возможностей за пультом... Говорили спокойно, трезво... Будь что будет... Будем стараться плыть...

28 августа (пн). Завтракали в столовой. Аля — с флейтой. Сегодня она нездорова — голова болит и нос не в порядке. Я с 10.30 до 12 на море. Море в тонкой дымке. На горизонте, за рекой, смутные очертания облаков. Тишь. Ласковые журчинки. Чудотворная легкость воздуха и дыхания. Тихое солнце. Дошел до камней, на обратном пути посидел на скамейке. Подходил старик-носарь с мужем Одинцовой, Людевик (!!). Вдали, совсем низко, над гладью залива видел пронесшуюся стайку уток. Рановато... После обеда Аля с недомоганием — спать. Я — с Четвертой Бетховена (3 и 4-я ч.). Потом с журналом «Наука и жизнь». К 5-ти резко потемнело. Близится гроза. Непрерывные, во весь затученный небосклон, раскаты и удары грома, спорый дождь. Вышли на веранду. Домик вздрагивает от громовых раскатов. В 7 часов посветлело. Дома — немного у Синёвых. Аля опять с 18-й партией. Потом засела чистить заржавевшие от сырости свои ключики. Я — с журналом, читаю статью «Наслаждение — инструмент эволюции». (Обсуждали варианты дней отъезда.)

29 августа (вт). Столовая. Очень свежо. Мгисто. Дома Аля затопила и за флейту. Я записал дни. На веранде очень холодно. И сыро. Только бы нам от этой сырости не заболеть напоследок. Вдоль моря — до заставы; сегодня над морем голубое молчание. Серебристо-лазурная тишь. Даже журчания не слышно: только легкие всплески. В бледной синеве неба — редкие островки белых чешуек. Пригревает солнце. Порой северный бриз чертит на воде темные полосы ряби. По краю моря лежит узкая полоса осенней сизой мглы, с белеющими над ней вершинами далеких облаков.

На стоянке — автобус. Кондукторша, водитель, две дачницы, молчаливо объединенные благодатью зелени, тепла, тишины.

Дома еще слышны звуки флейты. Чирикают воробы.

Резко промерз в столовой. После обеда с Алей заходили на море, где стало холодно и темные кучевые облака заворачивают с востока. После обеда Аля легла с седуксеном: устала от занятий. Заболели нервочки. Спит. Подремав, сел рядом. Долго «открывал Америки» в Пятой симфонии Чайковского (1-я ч.).

Полная тишина. Ни звука. Пробурчал отдаленный гром, просыпался тихий дождь. Опять молчание. Стало будто и вправду «...и на земле мир, и во человецех благоволение». Забылся повседневный кошмар окружающего, и крохотный

шарик земли, ежемгновенно могущий рассыпаться, показался надежной, нерушимой вселенной, как в детстве, а комнатка наша — неприкосновенным и недоступным убежищем.

Аля долго не могла проснуться. Вечером заходили к Дервизам насчет машины в Ленинград (о Соловках, о нобелевской речи, о Рабиновиче). Татьяна озабоченная. Дома две партии шахмат и урок «эндшпилей»: король + пешка, король + ладьи. 12 часов ночи — звон струйки...

30 августа (ср). Неожиданно — утром весь в немощи. Наверное, результат ледяной столовой. После завтрака — лежу. День синий, холодный, в ледяном ветре. Аля — с флейтой: сонаты восьмилетнего Моцарта! Сквозь дрему слушал, как музыка струится подобно кристальному ручью: прихотливая, сверкающая, неудержимая, своевольная и вместе несущая великую закономерность единой причинной связи и страстности. <...>

Аля — в магазин, купить рубашку батю. Я лежу. Обедать не пошел. Аля одна там. После обеда вместе пошли к батю, снести подарок. Не застали. Сидящей на солнечной веранде старушке оставили пакет и записку. На обратном пути — долго у пруда в парке против беседки (до рынка — Аля за булкой, я на солнце на камушках). Яркая синева неба. Бездонной чистоты воздух. Многоцветность зелени деревьев. Переливающаяся рябь на воде, холодный ветерок шевелит купы серебристых ив, но солнце сильно греет. Чувствую себя немного лучше. Соседка по скамье с остроухим, трогательно преданным ей, Мурзиком. Печальный старик, присевший неподалеку на пенёчке. <...>

Вечер у Синёвых, предлагают машину в Ленинград. Аля подтапливает <...> В город едем 5-го или 6-го.

31 августа (чт). Слабоват, но здоров. Алины утренние труды: готовит завтрак, моет посуду, топит печку. В 10.30 уехала в Нарву за подарком для Петра Васильевича. Один... сел записал дни. День опять чистый, синий, очень холодный, но тихий. Чудесным образом Цуц обернулся молниеносно; вернулась в 11.30! Как раз в момент, когда закончил эти строчки. Перед обедом — за газетами и на почту, Аля — открытку Евгении Васильевне³⁰. Дома — анализ партии. Аля — спать, я ненадолго тоже. *Потом 2 и 3-я ч. Пятой симфонии Чайковского.* В 5 часов обсуждение спортивных новостей из Мюнхена. Вместе в магазин, занесли авоську домой и — на море. Здесь говорливо и сине. Яркое солнце, северный крепкий ветерок, цепочка курчавых облаков, уплывающая за горизонт. *До слез люблю покой уходящих облаков...* Игры псов. Тетка рядом: «Пилат, ко мне, Пилат, ко мне!» Так прозрачен воздух, что ясно виден северный мыс Нарвского залива.

Альбом 4
Con anima

*Я полагаю, что музыка — это такая стихия,
которая еще в существе своем не открыта.
Не сформулировано существо музыки...*

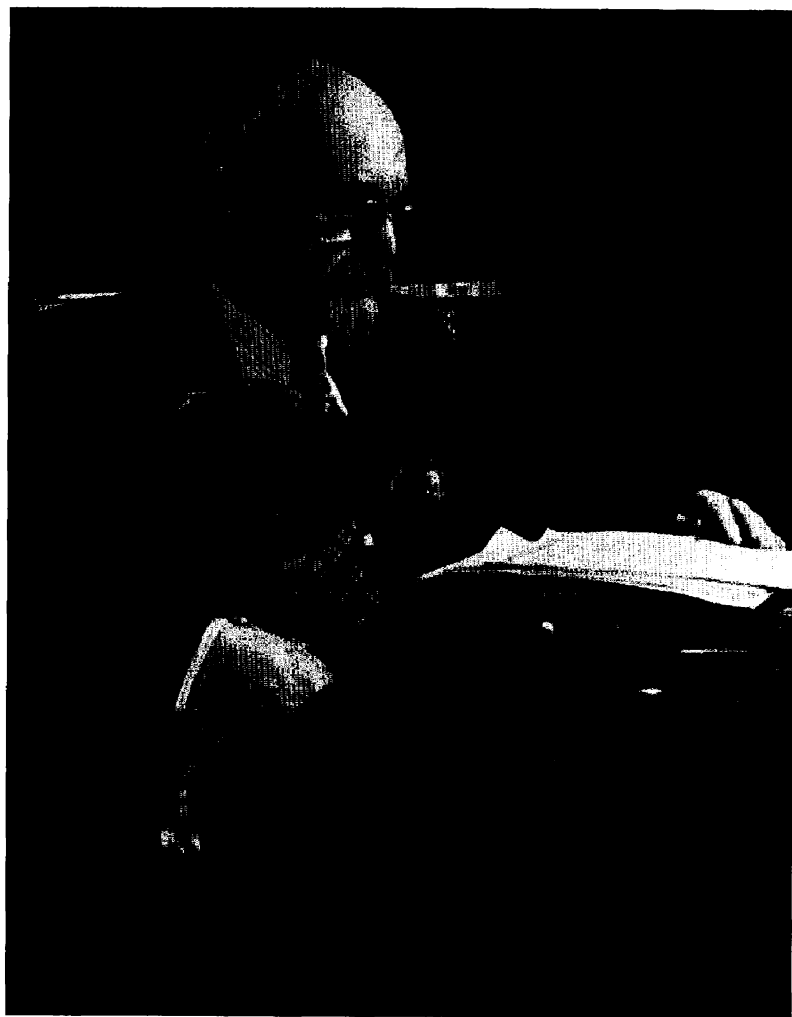
Арабеск с Галиной Улановой.
1934

*Е. Мравинский и Б. Асафьев.
1935—1936*

*В центре: Д. Кабалевский, Д. Шнейдерман, Е. Мравинский.
1950*

М. Пришвин.
1953

*Е. Мравинский и Н. Черкасов в Карловых Варах.
1946*

*А. Хачатурян и Е. Мравинский.
1947*

*Е. Мравинский и С. Прокофьев
в период работы над Шестой симфонией.
1947*

*После премьеры Шестой симфонии Прокофьева.
(На фото: В день блистательного исполнения
6 симфонии Е. А. Мравинским. 11 октября 1947)*

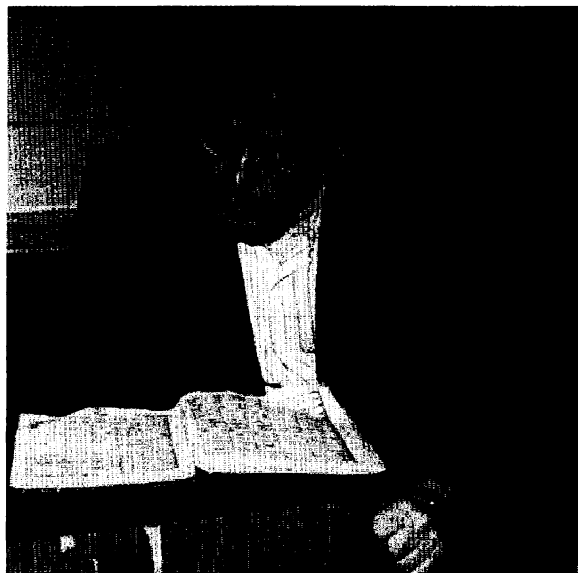
*С. Рихтер и Е. Мравинский.
1953*

Е. Мравинский и Д. Шостакович.
Концерт, посвященный 50-летию Шостаковича. 1956

Партитура Восьмой симфонии Шостаковича
с посвящением Мравинскому. 1943

Митра Евгения
Александровича
и
его семьи
Кир
Либман
Рос. 3.6.1955.

В. Талих.
1955

Исполнение Первого концерта
для скрипки с оркестром Шостаковича.
Солист В. Либерман. 1976

К. Зандерлинг.
1964

*Е. Мравинский и М. Ростропович.
Первое исполнение Первого концерта
для виолончели с оркестром Шостаковича. 1959*

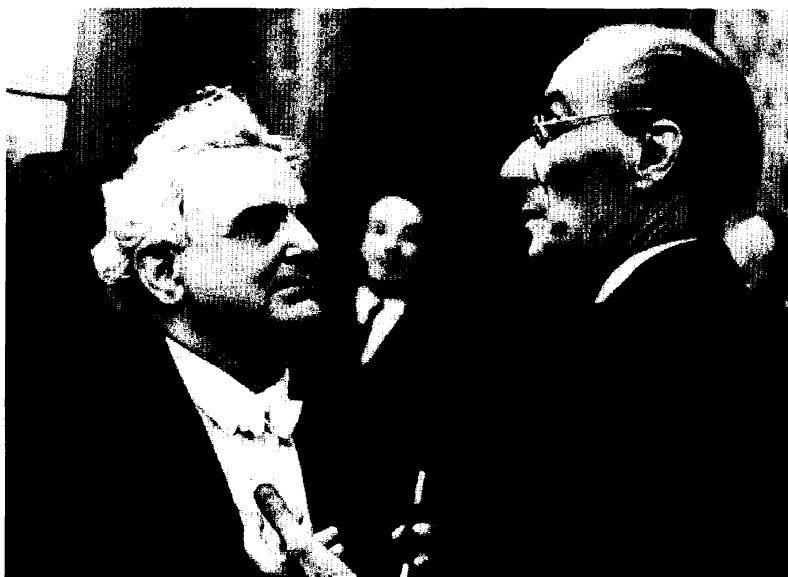
*На премьере Второй симфонии Салманова.
1960*

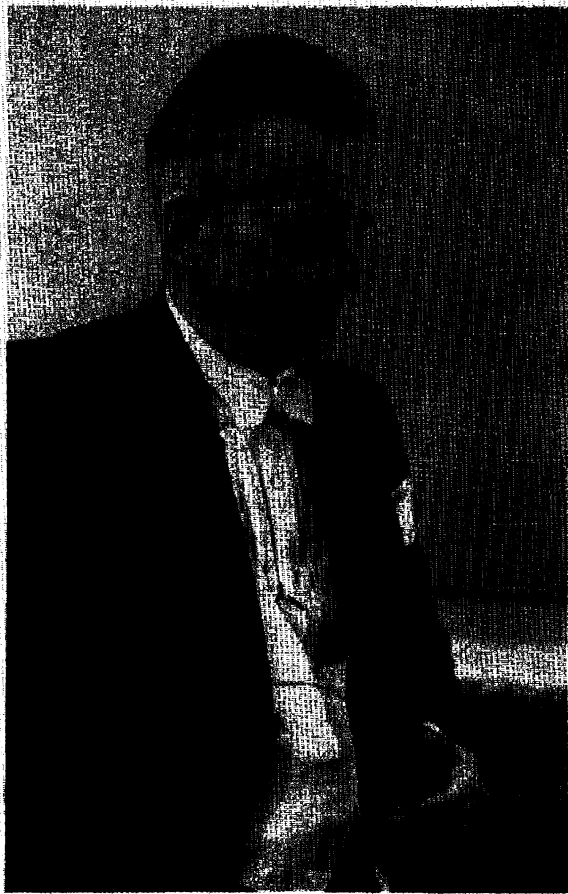

Я. Сибелиус

*П. Серебряков и Е. Мравинский.
1969*

Herrn S. Manovitsky, dem hoch-achtbaren
Präsidenten und Kollegen, dem lieben Freund —

14. I. 67.

G. Abendrot

Г. Abendрот.
1967

*А. Мелик-Пашаев и Е. Мравинский.
1963*

*В. Смирнов, Е. Мравинский, Ш. Брюк, М. Друскин.
1970-е гг.*

*Ю. Симонов и Е. Мравинский.
1980-е гг.*

*И. Уразова, Н. Быкова, А. Вавилина-Мравинская,
А. Каменская-Бушен. 1970-е гг.*

7.30 — дома. Аля чинит цепочку. В 8 час. внезапное появление благословенной и родной Анны Максимовны. Любуется в окно на пылание заката. (О Нине Черкасовой, о Наташе и Леше Животовых, об Осиновой роще, о Волчонке и его добре, о Болотине, собирающемся открывать музыкальную школу в своем доме [в Усть-Нарве]).

Приход Копеля. Сергей отвозит Анну Максимовну. Вечер согласований вопроса дымоходов в будущем доме. <...> Сергей приглашает зимой.

1 сентября (пт). Завтракаем дома; я опять полуболен (что за самочувствие: не то грипп сидит, не то, может быть, воспаление легких?). Аля — с флейтой (смешная пьеска Кванца). Обедать пошла одна. По дороге купила продуктов. Оставшийся день жуем газеты, «Огонек». Дома тепло, почти жарко, но сыро. День ясный, но очень холодный. Не выходил. Вечером Аля долго внушала мне (ключ) мудрости на будущее...

2 сентября (сб). Пасмурно. Но зато потеплело немного. День посещений. Утром Жордания. В сумерках появился бледный и слабый Ефим, только что выписавшийся из больницы. Ходил смотреть на закат. Невеселое ему предстоит житье. Но не сетует и мужествен, хотя грустен и все понимает. Ушел в одинокий свой дом. Уже по темноте пришли Василий Платоныч с С. Конст. с непонятными вопросами от Берловича³¹, наверное какие-нибудь пакости с переносом концерта и репетиций: приезжает амстердамский оркестр. Ефим сообщил о приезде завтра Мариса (?!). В этой связи Аля срочно уложила чемодан... <...>

В 5.30 ходил в церковь. Как и хотелось, приближаясь к ней, послушал матушкин звон... Поставил свечечки. В церкви сумеречно, теплятся огоньки лампад, шесть «платочков» кланяются, крестятся, одинокий матушкин голос на клиросе, подпевающий ей батюшка, распахнутые царские врата в дымке ладана... Молитва о здравии души и тела, благе Али, о ниспослании сил... Прощальный разговор с матушкой у церкви: пришел проститься — увижу ли еще?.. А шел не очень легко: слабость, потливость. Обратно, правда, легче. Дома застал Алю за флейтой. Но занималась недолго, пришел Ефим. Аля кормила весь день: кашка, колбаса, кофей — сытно и уютно. Ночью дважды вставал, чаевничал и переваривал возможные варианты филармонических пакостей...

С вечера поднялся ветер, шумит и ночью.

Дом творчества кинематографистов «Репино»

18 марта (вс). Вчера не уложили моего чемодана: у Али был концерт с Рождественским. Кроме того, оба испытывали отвращение к процессу сборов. Поэтому выехали с Володей только в 4 часа сегодня. До оскомины знакомая дорога, грязный снег, встречные «воскресные» «Волги». 5.30 — прибыли.

Большая двойная комната. Зябко, пусто, безрадостно и безразлично... В столовой — чай, Норка Бейлис¹. Раскладка. В 8 часов кино. Французская картина про жену, сделавшую косметическую операцию лица, ставшую красавицей, и про мужа, застрелившего за это хирурга... Последний кадр: лицо жены, смотрящей вслед самолету, уносящему ее счастье, любовь и будущее... Странно было вспоминать о людях, мечтающих о Будущем существовании. После сеанса знакомый стеклянный коридор с приникшей к окнам ночной тьмой и слабо озаренный изнутри дома снегом... Приступ отчаяния, тоски, одиночества: бежать... но куда бежать сегодня... Умные утешения Норки.

19 марта (пн). После завтрака — в аптеку. Голубой день. Иду бережно: медленно, шаг за шагом, т. к. не только отучился ходить, но и просто дышать. После 2-х месяцев сидения в комнате морозный, чистый воздух воспринимается как прямая опасность ожога. <...> Из аптеки пошел кружной тропкой, а придя, сидел на солнце у входа в Дом среди немислимых «прикиношных» дам и Норки.

Солнце уже сильное. С огромных сосулек под окнами струится частая капель. Воркуют голуби. После обеда вновь в аптеку. <...> По-весеннему тревожно вечернее солнце, зелень осиновых стволов, багрец кустов [нрзб], холодный ветерок, брызги от машин... Встреча у аптеки с дядькой, срывавшим почки осины. Вечером кино «Земля до востребования» (фильм о нашем разведчике). Повсюду здесь, в Доме кино, сквозняки и что ни помещение, то другая температура, опасаясь простуды...

20 марта (вт). Ночью почти не спал, маялся, вертелся. После завтрака лег доспать, а уже через час проснулся с сильнейшим насморком. Весь день просидел дома, глотал всякие таблетки, капал в нос, мазал его всякой всячиной, читал мудрого своего старика — Лескова («Некуда»). Читать его надо медленно и очень внимательно; он рассчитывает на терпеливого, «работающего» читателя.

За окном серо и вьюжно. К вечеру носу полегчало. Пошел все-таки в кино. Сел, где не дуло из окон и дверей. Фильм бездарный и глупый, под названием «Борьба с тенью». О молодом советском «вьюноше», боксере.

К Але звоню не часто. Разговоры наши кратки. Она обрекла себя на работу на износ. Основания у нее для этого, безусловно, верные: добывать доцентуру и переход в Консерваторию (исходя из вероятного моего близкого выхода из «игры»...). Не знаю только, выдюжит ли?? <...> Страшно все очень. Сегодня просил ее позвонить Золотову и отменить съемку фильма обо мне: не хватает мне этой съемки вдобавок к Японии, Риге и осенней Югославии?! Перед сном затащил к себе Норку, поплакался немного, наглотался лекарств, выпил сладкого кипятку с булкой и снотворных и покорно, один улегся спать. Покорно, как в детстве, когда болезнь бывала уютным лишним поводом, чтоб почувствовать себя укутанным и безопасным в заботе и любви мамы, папы, фрейлины... и даже горничной Маши.

21 марта (ср). Крепко, беспробудно спал. Проснулся, прислушался: здоров! И нос почти в порядке! 10.20 — пошел пройтись. В сторону «Композиторов» не дошел: много снега. Сделал кружок мимо аптеки и посидел на утраве около дома. К себе в комнату вернулся в первом часу.

День сияющий, морозный. Крепкий ветерок качает сосны. По лесу летит снежная пыль. Низко над лесом бегут редкие мелкие тучки. В синеве неба уже начали краснеть прутьистые кроны берез. Ярko зеленеют фисташковые стволы осин. Лес полнитися весенним вороньим граем.

У себя, сел почитать. Стук в дверь: Алик Мнакацян. Посидел с часок, все ужасался делами в Консерватории. После обеда опять с Лесковым и записал дни, чего, по правде говоря, совсем не собирался делать сейчас за ненужностью этого занятия вообще... Перед ужином мимо кочегарки взад-назад по лесной дороге. Бледное, чистое небо. Лес в предзакатном озарении. Стихающий ветерок пошевеливает кроны сосен. Тишина. Вдалеке — стрекотание сороки.

Кино. Таджикская картина «Невестка». Вопреки ожиданию, очень хорошая. Теплая, естественная, правдивая и очень живописная: барашки, верблюды... В уголке, под столовой, позвонил по автомату: долгий разговор с Алей; бодрa, голосок живой, температуры нет уже 3-й день. Слава Богу. <...>

22 марта (чт). В 3 часа ночи пробуждение: мое «реле» сработало. События со Светлановым² увязались с поведением Симонова и мгновенно выросли до кошмара. Решил звонить в 7 часов утра Данилову и, может быть, ехать в Ленинград (!). В 7.30 встал разбитым, позвонил Данилову. Пока в Л-д не

еду. После завтрака дремал. Никуда не пошел, конечно, но 1.30 сидел у дома на скамейке. День безмолвный, затученный, но светлый, тишайший — схимный. Высоко в небе с гомоном кружит большая стая ворон. Весенние их игры: пикирование на нижелетящую, крутые виражи, взмывание вверх, погоня друг за другом. В 1 час позвонил Але. Рассказал о своем светлановском психозе. Ехать, конечно, не советует и вдобавок вспала мне за мое обвинение лабухов. После обеда дрема.

Разбудила Ирина³, худенькая, геройски прошагавшая по лыжням сквозь сугробы леса, чтоб меня повидать. Пришла мокрая как мышь, сушилась, мылась. С ней, как всегда, тепло и уютно. Отвел немного душу и разрядил свою вконец сношенную психику. В 6 часов проводил ее до поворотки у «лосевых ложек». Смотрел вслед, как в сумеречном лесу промеж темных стволов мелькал и скрылся ее красный платок.

В 6.30 звонил Данилову, но решили, что мне ехать в Ленинград не надо. Кино сегодня нет. В 8 часов, в гнетущей тишине комнаты, сел читать Лескова. Впереди 3 часа очередного терпения: Аля будет дома только к 11-ти часам вечера. Время прошло быстрее, чем ожидал. В 11 позвонил: Алена хорошая, приветливая. Домой пришла раньше положенного. Сказал ей, чтоб в вопросе своего приезда ко мне руководствовалась *только* тем, что *ей самой надо* и как ей самой будет лучше, чтоб, спаси Бог, не нарушить налаживающегося здоровья и душевного состояния.

23 марта (пт). Приехали Шостаковичи. После завтрака: лесом — к ним. День бессолнечный, но налитой слепящим белым светом. За ночь выпало много снега, в лесу пушистая целина — ни следочка. Идти трудно из-за снега, да и с дыханием у меня совсем паршиво. Пройду немного, постою, отдышусь, бреду дальше. Шостакович встретил тепло. В коттедже уютно. Ирина — налитая, возмужавшая. Дали кофейку, виски. Шостакович тревожно жалуется на ухудшение в ногах и руках и на — впервые в жизни — столь длительный перерыв в творчестве: «Два года не написал ни нотки... Вот и не пью, а все лежу в больницах. Хочу начать пить. Вот давайте с вами выпьем как-нибудь».

Домой Ирина подвезла на машине. Дома подремал сладко. Сегодня «утро» в относительном порядке. Говорил с Алей. Она совсем прежняя, теплая, соскучившаяся, влекущая ко мне, бодренькая.

После обеда еще подремал в кресле и еще раз пошел продышаться: лесной дорогой до полотна и кругом — обратно. В природе резкая перемена: небо тяжело затянулось, сильно потеплело и, несмотря на отсутствие солнца, началась резкая оттепель: на шоссе замесилась снеговая каша, по обочинам

бегут ручьи. За какой-нибудь час рухнула зима, и «Весна света» перешла в «Весну воды».

Иду с трудом: влажно, парко, давяще. Со старостью все медленнее работает организм, сам себе становишься тормозом. Напрасно сердце, учащенно трепыхая, старается восстановить ритм обмена: движение будет все медленнее и медленнее, пока не остановится совсем, задушив отчаянную предсмертную вспышку обреченного сердца... У железной дороги тоскливые дали путей, на шоссе — разбрызгивающие грязь грузовики; серо и одиноко.

Дома стал записывать дни. Но не дали дописать Нора с Мишей, принесшие кулек сахарного песка. В кино приехала Ирина Шостакович, сидели с ней рядом (картина французская «Старая дева»⁴). Проводил ее до машины. Тьма крошечная, еще потеплело, и идет частый, неестественно теплый дождь; звонил по автомату Але насчет того, стоит ли ехать ей в сырость и как одеться.

24 марта (сб). 10.30 на скамейке у дома. Тихо, солнечно, продолжается сильная оттепель. При этом ветерок, против всякой логики, веет с северо-запада, от залива, отчего воздух еще чище и живительней. Вороньих голосов почти не слышно, уж не начали ли нестись в связи с таким потеплением?

С 11 до 2-го часа пошел до станции Репино, через репинский центр. Густыми косяками по парковой аллее идет предсубботний пенсионер, «пердовики и пердовичихи». Сидел на станции, «вникнув» в окружающее, потеряв чувство времени и самого себя. Совсем как при «волхвовании» Природы?! Вспомнился батюшка Александр с его: «Смерти не боюсь, но к жизни привязан». А я-то все еще думаю, что к жизни я не привязан, что не нужно мне ничего, что умер я... Вранье это: так же жаден к жизни, как в юности! За внешними омертвевшими слоями души (с ослабевшими силами тела) сердцевины моего существа будто даже и не жила еще — так иссушающе горяча жажда ее брать, осязать, видеть, обонять, слышать Бытие... «Вещное» Бытие. Пусть оно даже является в виде субботних пенсионеров, проносящихся переполненных электричек, вон тех двух собак, готовящихся к драке за будкой станции, или паралитика-инсультника, присевшего около меня на скамейку. Выходит, что и я, как отец Александр, «привязан к жизни», но только, в отличие от него, смерти боюсь до смертного ужаса... (Человек, бросившийся на шею дикарю, угрожавшему ему топором, — скорей бы уж!) Хотя приближение и близкая неотвратимость ее заставляет казаться иногда, будто есть какая-то готовность к ней, что будто приятие ее в самом деле существует... и будто оно и есть сегодняшняя реальность.

Домой пошел лесной дорогой. Присел на приступочке у Колиного дома; теплынь. Влажный снег на дороге садится под ногой, в следочках кой-где водица. На крыльце одного из киношных коттеджей на солнышке — два кота. Когда выходил из дома, на дороге была группа: «московская» мама с сынишкой и червеобразный, ушастый, прыгающий вокруг щенка, а махонькая собачья облаивала их со своего «собственного» крылечка: «не смейте, мол, ступать на мою территорию!»

Перед обедом заглянул Мнацаканян, плакался на свои личные дела. Позвонил Але: выезжает в 3. После обеда прилег, дремал и любовался на трепетную игру бликов на стене, отражающих световые вспышки падающей на балконе в талую воду капли и скользящую по воде волнистую рябь.

В 4.45 пошел проверить, как Аля. И в это время ее появление. Сидела. Отдыхала. Потом прилегла, закутавшись в «пунхо». Усталая, с разъезжающимися глазками, в шоке переезда и новой среды. Меня «посасывают» незаписанные дни и нарушенность холостого порядка в комнате (?!).

В 8-м часу на ужин. Субботний бедлам: наплыв «гостей», шум, тетки не успевают обслужить, жарко, слепящий свет от желтых занавесок на окнах... Появление Ирины Шостакович. С ней к нам. (О Мите, Баршае!⁵ Четырнадцатой симфонии Ш., дирижерстве Ростроповича⁶, записях, о том о сем. Утомительно.)

В 10-м часу Аля ее проводила к машине. Рано легли. Очень жарко как-то.

Аля — настоящая!!!

25 марта (вс). Оба плохо спали. Но проснулась Алена хорошая: на подушке — два «синих цветка». После завтрака — «и стирки всякие», и сон, конечно, глубочайший. С 12.30 до 1.30 на скамеечке у дома. Теплынь. Снега на глазах тают. По дорожке бегут струйки, искрятся, уносят пузырьки воздуха, кусочки снега, рушат хрусткие льдинки, скрываются под снег на обочинах... Веет свежий ветерок. Сидим, подставив солнцу носы. Красивый папа с мальчонком, упорно набирающим в резиновые сапожки снег; «московская» мама с детенышем, всякие вновь прибывающие кинодамы и господа во всяких кожах и мехах.

После обеда сон. Проснувшись, любовались на (по-вчерашнему) играющие и несущиеся на стене блики, на причудливые тени «жучка» и стерегущую его «щуку», на рисунок прямых и отраженных солнечных пятен... Потом сел записать дни, Алена — с А. Толстым («Хлеб»). Кино: «Комитет 19-ти»⁷. Потом Нора и Миша у нас. Шампанское.

26 марта (пн). Ночь. У меня: сознание невыполнимости всего предстоящего, неодолимость (Япония, лето, осень...). Небывалое чувство безнадежности; главное — физическая несостоятельность... (сердце болит). У Али: чувство полного одиночества в окружении общего предательства. <...> За окном теплынь, солнце, капель. Вторично проснулись повеселее. Опять разговор: как спастись от поездки в Японию? Конечно, выхода не нашли. Выпили кофе и 2 часа сидели в мягких креслах на балконе, в солнечной тиши. Вороны, летящие парами. Два события: на балконе снег стаял, появление первой мухи и крапивницы, пьющей воду из лужицы. Приехала Ирина Шостакович. После обеда — сон, Аля на тахте в уголке. Проснулся голодный. Кофе. На стене сегодня нет пляшущих отраженных бликов: лужи на балконе высохли, капели тоже нет. О треске нынешнего качества, картошке обмороженной (целыми поездами), о Системе, «Суслике» и его роли и о пр. Потом долго о [ритмической] фигурке «» (Гендель; Шостакович, начало Пятой симфонии) и прочих трудностях фразировки, расчете дыхания. Много о моих и Алиных путях в Любви. Наконец, о конкурсах и о гибели старичка-сапожника Ивана Семеновича. Проговорили почти до ужина. Кино: «Звуки музыки». Прелестно!

27 марта (вт). С утра оба вялые. После завтрака дремал. Вышли посидеть на скамейке. Появилась Ирина с пирожными. Когда уехала, пошли побродить. К лесной дороге не попали: непроходимая лужа. Встреча с псиной и угощение ее колбасой отдыхающими. Часок ходили дорожками вокруг дома. Серо. Просвечивает солнце. Но зябкий ветерок. На дорогах снежная слякоть. Снег стремительно тает, почернел от слоев вытаявшей, опавшей за зиму, хвои. В лесу оголились кочки, высунулись черничные кустики; под каждым деревом кольцо проталины. Все это показалось сначала неудобным; но когда представили себе возвращение в город — обернулось счастьем, почти раем.

С воронами я ошибся: еще только строят гнезда, носят прутики и веточки и большими стаями ведут брачные игры. Вот, расселись за домом в березовой роще, галдят хриплым хором, что-то решают нам неведомое. Аля узнает голос какой-то своей знакомой, особенно крикливой вороны, живущей где-то за дорогой, напротив нашего дома. После обеда оба в сон. В 4 час. проснулись. На стене полосы яркого солнца, за окном голубой, разгулявшийся денек. 4—5.30 Алины мысли в связи с моими записями. Прошное *записанное* всегда лучше прошлого, когда оно *еще было настоящим*. Ибо записанное — оно уже преодолено, оно мое, зыбкий «мостик» его преодолен мной. Преодоление его стало действительностью,

оно — мое. Будущее же состоит из надежд и намерений. Надо быть, знать, ценить только настоящий миг. <...> 5.30—6 на балконе. Предзакатный час. Солнце за вершинками леса. Скоро повеяла вечерняя стынь, набежали тени. Кино «Медная башня»⁸ (чешская картина, нудная и надуманная). Устал, недомогание какое-то. Зашли Мишка с Норой. Каким-то образом разговор набрел на тему Акима [Козлова]. Нахлынула «филармония», стало совсем «сумно».

28 марта (ср). Тягчайшая ночь. Сердце болит. Опять задавило сознание неодолимости предстоящего, страх, что «не выдюжить» всего чисто физически... Встал с сильной болью нервов... Аля проснулась хорошо, отдохнувшая, но тоже скоро заболела головушка. К сожалению, мое худое состояние (к счастью, немного) прорвалось: придрался к Але, что не так налила термос, дала мне с собой не те носки, что на столе оставила что-то не по-моему. <...> После завтрака спали до 12-ти. Встал с намеком на головокружение (еще не хватало?). Вынесли на балкон шезлонги и стулья и сидели на воздухе с 12 до 2.30.

Солнечно, но дует свежий ветерок. Подошла Нора. Заехала ненадолго Ирина Шостакович. Норка интересно и ярко рассказала фильм (с участием И. Монтана). После обеда Нора заставила Алю принять таблетку и лечь в постель. Я тоже дремал до 4.30. Потом налил себе и Але кофею. 15.15 Аля стала укладываться, сижу и потихоньку дрожу в «ожидании часа» ее отъезда... Сидели друг против друга грустные. Солнце ушло, стена погасла. Аля: о девочках, о семье Жанны, о Данилове, о «возрождении» В. Федотова⁹, его натуральных флейтах, его выступлении в Малом зале, игре на «piccolino» [блок-флейте], которая звучит как «хрустальные подвесочки под ударами молоточков гномов», и о наших оркестровых преступниках: на днях у Федотова кто-то на эстраде пополам перегнул клапан?! Закончила сказкой о мальчиках с коротким и длинным именем.

В 6.45 вышли на скамейки. Подошли Миша и Нора. Скоро подъехали Шостаковичи, и в 7 час. Аля уехала.

Поднялся в столовую. С моего места видна скамейка, на которой только что мы ждали с Алей машину. Показалось, что мы с ней все еще там, зримые, осязаемые, одновременно сосуществующие самим себе: ушедшим... Есть какие-то переходные мгновения, когда ушедшее еще не стало *полностью* прошлым: есть кадры Бытия хоть исчезнувшие, но еще зримые, осязаемые и существующие в какой-то своей реальности... В 7.55 позвонил. Аля уже дома. Кино: дрянная, крикливая «приключенчески-разбойничья» румынская картина. Вспоминаю свою мысль о возможности «великих» деяний

у малых народов... Простился с Аленой, лег рано, но очень долго не спал: вставал, курил, читал Лескова.

29 марта (чт). В 9 поздоровался с Алей. Она хорошая, бодрая. У себя открыл дверь на балкон. Утро — теплейшее, тишайшее. Березки стоят как вкопанные, не шелохнутся. Воздух — хрустальный. Солнышко сквозь дымку ласково пригревает. Сел писать дни. Писал почти до 12-ти. Вынес шезлонг: посидеть, подышать на балконе. К 1 часу пришла И. Шостакович. Рассказывала про вчерашний их визит к Тищенко¹⁰. Скоро озябла, пошли в комнату. Все насаждает на меня: «Надо больше дирижировать, ездить, делать новые вещи, нельзя уходить — погибнете сразу...» Что им всем отвечать? И правда это, и неправда. И верно, и совсем неверно. Сложно, все противоречиво, а главное, выбора нет и СИЛ НЕТ. После ее ухода — почитал. Читал и после обеда. Потом часок дремал. Проснувшись, вновь сел с Лесковым. Закончил 2-ю часть.

А денек тем временем нахмурился, небо затянуло. В открытую форточку ветерок наносит непрерывный гул машин со стороны шоссе: видимо, очень влажно. В 5 час. дня пошел дождь с мелким снегом. Рано стало темнеть. Так я и не пошел никуда: посиживал, почитывал, прислушивался к обрывкам смутных мыслей и ощущений... и так до ужина.

Появились дядьки из телевидения ФРГ, но я их не принял; отъехали ни с чем. После ужина с Ириной Ш. ездили в Зеленогорск на переговорный пункт. Странное впечатление: темнота, редкие фонари. Поблескивает мокрый асфальт, уходящий в ночь, и нигде ни души, совсем как зловещее начало трагического финала!

Дома — читал. В 10 часов позвонил к Але: она уже в постели; рядом «землеройка», ночующая эти дни у нас.

30 марта (пт). Утро и весь день в тумане. Похолодало, стынь, тишь; укутанное мглой, потайное действие Весны. В 9 часов утра звонок Але: уже в кухне, «на ходу». <...> Заезжала И. Ш. В 1-м часу дня поехал с ней. У Мити — Радчик, Ашкенази, Котикова. Шостакович «болтает» опять о двухлетнем своем бесплодии, Рахманинове, обязанностях «хорошего» гида в музеях, о случае с Тухачевским, взявшим где-то в музее на себя обязанность гида, по причине малограмотности последнего. Обед с Шостаковичами. Ирина отвезла меня домой.

На выезде из ворот застряли в мокрой мешанине снега. Вызывали «трех мушкетеров» с лопатами. 4 часа — дома. Дрема. Чтение. Зябко. Что-то смутно на душе. В 6 часов звонок к Але. Ее плодотворный день: утром репетиция с Тищенко (концерт для флейты с орк.), потом репетиция в оркестре и после нее еще репетиция с Тауэр.

Вчерашние немецкие телевизионщики толкуются у Оника (??). Зоя [Стрижова] на партсобрании хорошо осадила 2-й оркестр. Еще чтение. Японский фильм. Мой шок от наглядности предстоящих японских дел... 10.30 с Норой звонили к Але.

31 марта (сб). С 10.30 до 11.30 — до гликмановской горки. Пасмурно, тихо, но от снега тянет холодом. По дорогам много вытаявшей земли. В лесу снега совсем слабые, лежат неглубокими, рыхлыми пластами. Воды нынче почти совсем нет: слышал подснежное журчание только одного ручейка. Бывали годы, когда здесь весной весь лес полнился колокольцами, журчанием и даже шумом множества родниковых ручейков — песней воды.

Идетя вяло, ноги тяжелые... Дома надел шубу и целых два часа сидел дышал на балконе. Холодноватая, немая тишина. Даже ворон почти не видно и не слышно. Прилетела пара синичек, перепархивала в березках.

Пришли три местные псины, расположились около меня. Тигровая беременная сучка, грудастый кобель (видимо, ее супруг) и рыжий кобелишка, тоненький, тонконогий, поджарый и робкий. Их молчаливые, но такие выразительные мизансцены, окончившиеся добровольным уходом рыженького.

Подошла Нора с Мишей; рассказывали о своих нарвских делах. Заезжала на минуту Ирина Шостакович. Нора и Миша оставались до обеда. Беседовали о вкусной еде, о черепаховом супе, об эстонском супчике из креветок, об икре, блинах и пр. и пр. Зябко сегодня в комнате. После обеда забрался под два одеяла и крепко заснул. В 4 час. сел с Лесковым. В 5.50 закончил книгу.

За окном серо. Спускаются ранние сумерки. Обступило глухое молчание. И тихонько сосет сердце, будто тянет его кто-то за тонкую ниточку... Будто прицепилась к нему мышка и виснет неподвижно. «Некуда»...

Одиночество в молчаньи на часок или ненадолго — отдых.

Одиночество в молчаньи надолго — удушье, тюрьма

Одиночество в молчаньи навсегда — могила...

Но как же это?! Как представить это? Волосы дыбом?! Да! Но там не будет времени? Там не будет и «навсегда»? Ибо минует там Все мгновенно («момент вечности»).

6.15 — звонил к Але: собирается на концерт (Дмитриев: Рахманинов). Кино: одесское шарлатанское безобразие. Жарко, дышать нечем, тоска, устало сердце... После кино внезапное появление Ирины Ш. <...> Посидели у меня. Ирина в смуте, в очередном своем замкнутом «пике» (о Полноте

и Покое...). Проводил до машины. Рассказала сон Д. Д., от которого он проснулся в страхе: шел с ней вдвоем по краю пропасти. Около 11-ти позвонил к Але. Долго говорили. И как чудо, от нее, от ее слов, от ее сердца и существа пришли ко мне эти самые — Покой и Полнота! Вернулся к себе в комнату освобожденный, спокойный, с ровно бьющимся сердцем, лег спать и сразу крепко заснул.

1 апреля (вс). Утро светлое. В 9 к Але: через 15 минут уезжает. К 11-ти выглянуло солнце. Писал дни до 12-ти. Заглядывала на минуту Нора, тянула на улицу. Не пошел, остался дописывать. Сидел на балконе с 12 до 2. Появилась Ирина Ш. <...> Долго обо всем разговаривали. Д. Д. закончил вчера 1-ю ч. нового квартета.

Проходившая Ася Соловьева поздоровалась с И. По-видимому, приняла ее за мою жену. А Нора потом с подмигиванием сказала: «Опять у вас была дама в норке?»

После обеда подремал и в 3.30 пошел в сторону станции. Веселый день, в бодром северном ветре. Высоко в синеве плывут редкие прозрачные чешуйки. Снега на открытых местах почти не осталось. Только в тени домов да под деревьями лежат потемневшие лепестинки, отороченные ледком, роняющим светлые капли. Синеют лужи на огородах. Кудлатая, пожухлая прошлогодняя трава и та радуется и будто и сама радуется. На тополях налились почки. Громады их крон на фоне бледной выси неба выглядят набрякшими и особенно мощными. Ярко зеленеют сосны. Ослепителен на солнце смуглый румянец и белизна берез. Вершины олешиника рыжеют массой крупных сережек: вот-вот запылят.

Упоенно щебечут, трещат, заходятся песней скворцы, славословят свой день нежнейшими, умиленными посвистами.

Посидел на станции, потом перешел полотно и попал в уютную, уставленную разноцветными, ухоженными, явно личными домиками улицу под названием «Привокзальная».

Почему-то не рванулось, как когда-то, мое «очажное» начало — иметь вот такой домик. Видимо, и этот неутоленный уголок души почти перегорел, «избылся». Конечно, если удастся Але ее строительство, я восприму его как чудо и буду счастлив и за нее и, конечно, если доживу — то и за себя. Но пока еще нет ничего и не надо. И совсем не надо и думать об этом. Показалось, что из частого леса, примыкающего к домикам, послышалась песня дрозда. Может ли это быть? Так рано?

Дома был в 5.30. Посидел еще на солнышке, а потом записал эти строки. В 6.30 позвонил Але. Потом поздравил с днем рождения Александру Дмитриевну [Бушен]. Около

7-ми часов поползли над лесом тучи с северо-запада: быть перемене. 8 часов, югославский фильм «Свирепый». Слабо и бутафорски. В ожидании звонка к Але (у нее опять концерт с Дмитриевым) сидели в пустынном коридоре с Норой и Мишкой. Они нет-нет да клонят к «своим» темам гликмановского толка. 10.30 позвонил к Александре Дмитриевне. Але уже там, в гостях по случаю дня рождения «Сами». Возбуждена, еще вся в атмосфере своей удачной игры; разговор быстро закончили. У себя прочитал комментарии к лесковскому «Некуда». Комментарии, конечно, с сильным душком. Заснул благополучно.

2 апреля (пн). Как и ожидал, утро пасмурное, холодное, ветреное. В 9.30 позвонил Але. Собирается в Консерваторию. Вчера ушла от А. Д. в час ночи. Было уютно и «весело». Димка¹¹ сказал Але: «Когда вы у нас — это всегда бывает весело, и тогда у нас как весна!» Конечно, пока говорили, у нее убежало молоко...

До 11 писал вчерашний день. В аптеку. Серо, промозгло, ветрено, совсем (было бы) похоже на осень, если бы не все-проникающий Весенний Свет.

Дома у меня Нора, все со своими темами. Вскоре появилась Ирина [Шостакович] и была долго, почти до самого обеда. «Расскажите веселое, о гликмановском вчерашнем обеде» и т. д. и т. д.

С обеда совсем потемнело, небо заволочлось низким пологом хмари. На душе тоже тяжело и печально. Придя с обеда, лег подремать, но и в дреме была тяжесть и тревога. Встал в 4: на балконе мокреть, моросит дождь. Вот и хорошо: к Шостаковичам не пойду. <...>

Сел за Шовена¹². Вновь заглянула Норка (о закрытых просмотрах, гороскопах, кошках).

К 6-ти проглянуло бледное солнце. И тут все-таки позволила И. Ш. Пришлось ехать к ним... Дальше произошло то, что и должно было произойти: сколько-то посидели за курицей и водкой, смотрели даже торжественное заседание по поводу Рахманинова, Шостакович вскоре отстал, — а я... упился и вскоре потерял память. Прибыл домой в тягостнейшем виде. <...> Дома Миша и Нора около меня, какая-то моя агрессия к какому-то дядьке, пьяный разговор с Алей, звонок к И. Шостакович и т. д. и т. д. И тут же медленно, медленно проясняющееся осознание всего, что опять на-творил...

3 апреля (вт). День Суда...

Он начался с прихода вчерашней старушки-дежурной, которой я вчера от пьяных щедрот насовал пятидесятирублевку. Пришла со слезами отдавать их.

Позвонил Але. Она, к моему удивлению, как и всегда, не занимает прокурорской позиции: ласково, тепло, полна чувства поддержки мне, все втолковывает мне, что случившееся — пустяк.

Потом понесся к Норе выяснять подробности содеянного мною вчера. Завтракал в 10, когда все уже разошлись... Звонок Ирины: «Нигде не болит?», «Возьмите билеты в кино...» Попытка сна. Но заснуть немыслимо. Сел на балконе. Холодно. Серо. Нора, Миша, с покупками. После обеда дрема, довольно долго. Пытку совести, стыда и на сей раз удивления случившимся, которая длится весь день, не стоит и пытаться рассказать, нет слов. Бог наказал гордыню моего самодовольства этих дней, все ходил собой довольный: «Вот, мол, какой я хороший и разумный, даже поправился и похорошел... (да! да!).»

С 2-х сел за Шовена. Внимательно читал до самого ужина. В 6 часов звонил Але. В 8 час. кинокартина «Человек-оркестр»¹³. Если бы быть в нормальном виде, то, должно быть, очень смешная.

Около 11 в уголке под лестницей поговорил с Алей. Очень хорошо. Даже вроде бы полегче стал груз моей кармы, и с более светлой душой я вернулся в комнату, лег и заснул.

4 апреля (ср). На улице серо, безветрено, очень свежо. Свежо и в комнате. После завтрака долго дремал с «демпингом». Потом записал дни. Закончил в 12. Подошла Нора с «римлянином» Димой — принесла папиросы. Разговор о «хозяйствовании», обихоживание «любимых» вещей, квартиры. С 1 до 2 прошел до лесной дороги и по ней — до просеки и назад немного. Тревожно. Пасмурно. В лесу снег лежит отдельными пятнами; вся земля почти показалась на свет Божий. Последний это мой снежок нынче... После обеда — сон. Только проснулся (в 4 час.) — стук в дверь: Ирина-«худенькая». О чем только не переговарили мы с ней. Иришка, близкая и простая, и без выкрутасов, *любит меня и Алю искренне*: с ней хорошо. Ушла в 6 часов. Позвонил Але. Все хорошо, но есть и очередное, как Аля называет, предательство: «землеройка» изволит отбывать на дачу с 1 июня!!! Очень я расстроился сложностями, возникающими в этой связи. Ведь мы будем отсутствовать (если будем живы) почти 5 месяцев?! Выдюжит ли такой срок старая, глухая наша Евгения Васильевна?.. Почитал немного Шовена. После ужина — кино: югославская картина о женщинах партизанках. Очень плохо. <...> После кино в пустом коридоре беседовали с Серг. Марковичем Млодиком о старых годах, о старине, петербургских строениях, памятниках,

о Коломне и об изысканиях его жены в области этой самой Коломны.

Придя к себе, записал день. Завтра будет некогда... До этого поговорил с Алей. Сейчас 11.15 вечера.

5 апреля (чет). Встал рано. Светлое утро. Был заморозок: на балконе пленочки льда. 8.45 позвонил Але. Дома укладка. В 11.30 — Ирина <...> Ее печаль, прощение... и письмо от Д. Д. Была недолго. Быстро прошла мимо окон. Долго сидел, осваивал... Потом взял эти свои записи — перечел.

Лето. Усть-Нарва

16 августа (пт). День ужаса. Холодно. Дождит. Окаменевшая Алена. К Копелю, откровенно «тяпнуть». «Посидели»: Коп, Боб, Жданов с дочкой. Вечером у Копеля у камина. Опять о «Зигфриде», Вагнере... Закончилось все у нас изображением черкасовского паралитика под хохот Копы и Фиры. Ночью, Аля говорила, горланил и пел...

17 августа (сб). Проснулся, как в день казни. Аля, напротив, теплая, близкая, говорит — «все пустяки». Лег дремать. Аля в лавку. День погожий. С Копом на бревнах у ворот. Планы Копы по поводу избушки для нас. Приезд Миши и Норы. Ждут у Копелей, пока мы обедаем. Потом вчетвером до вечера с шезлонгами в сосняке на горке (дятлы; Нора, гоняющаяся за уходящим солнцем). Ужин у нас: синенькие. Приход Копы «на запах» жареного. Коньяк. Я не пил. Сидели допоздна.

18 августа (вс). Але не размяться по утрам (?!). Но друженько встали. Аля — в лавку, я — на веранду записать запущенные дни. Приход Миши и Норы. День ясный, в низких крупных облаках. Миша вешает на горке в сосняке гамак. 12 часов 15 мин. Целый почти день с Н. и М. там. Фото меня и Норы. Приход Мшанской с Копелем, Прасковьи с малиной. Чаепитие ее у Али на кухне. Наконец, Анна Максимовна с Маргаритой. С ними на веранде. Тем временем Брагинец с женой дожидаются «под верандой» Копы. Последний же с утра катает на реку... Вечером выпивали у Копы с Брагинцом допоздна. Фира в возмущении, но не теряет спокойствия. Фира, Коп, Брагинцы — все уезжают в Нарву. Тишина. Ночь. Катятся звезды. Черные силуэты сосен. Я пьян, но «в памяти». (Слава Богу...)

19 августа (пт). Осадок от вчерашнего. Плюс не занимаюсь: все «проблемы» наново... Плюс срок остатних здесь дней ничтожен, все нависает. Чуть было не решил ехать в Ленинград, или в Москву, или вообще к чертовой матери, только бы избавиться от всего гнета... Так — весь день. <...>

20 августа (вт). Пробуждение, утопленное в черной, ледяной туше безысходья и стыда. Даже Аля, видя меня: «Пиши заявление и немедленно поезжай с ним в Ленинград...» День хмурый, свежий. Нежданное и спасительное появление Мнацаканяна. Был прост, утешителен и, как всегда, умен. Очень одобрил дом и все прочее. С восторгом ел Алины кабачки.

До обеда ходили немного с ним — на речку. В 7 часов проводили на автобус <...> Читал Паустовского. Вечер наступил солнечный.

21 августа (ср). Тихий, осиянный день. С Алей по Мязь и Карья в центр искать мне свитер. Остановились и долго любовались на уютный, розовый от флокса, солнечный уголок Люси Пугачевой. Появление ее самой и ее рукопожатие. Вот родные... В гастрономе встреча с Верхоланцевой¹, с Верой Евгеньевной и «долдоном» ученым (спутником Уткиных...). К Синёвым. Наденька кушает, уезжает на работу в Силламяэ. Часок в райском их уголке, в густой зелени яблонь, зарослей, трав. Вот и еще родные... Мелькнули за окном седины и голубой шарф Анны Максимовны. Окликнул ее. Посидела и она с нами в садике...

На море. Ветерок северный, с ледком. Народу мало. Просторное синее небо. По горизонту, как часто осенью, залегли прощальные белоснежные цепочки облаков. Легкий переплеск волн. Чистота. Свет. Часок на скамейке. Еще раз Валя Иванова...² Свернули «на материк» за церковью. Тропкой. Вышли на Аугу, к уютным местечкам конца ул. Рая, за ней — опушка леса, залитая светом, начало просеки, ведущей к нашим «дальним» местам.

На обратном пути — в парк; посидели у пруда против беседки, синеющей из-за тоже родимых серебристых, но седых плакучих ив. Встреча с Анат. Ив. Розановым. Разговор Али с ним о дровах на зиму. Домой — мимо опустевших, просторных, молчащих пионерских лагерей. Дома в 5-м часу. После обеда Аля легла на веранде, я — в спальне. Потом записал дни. Аля затопила печку и готовит кофе. Потрескивают дрова в печи. А в окно глядит золотой тихий-тихий вечер ранней осени и озаренные низким солнцем сосны. 6 часов 40 минут вечера.

На участке в это время стихийное строительство: стучат плотники у дровяника, возят камни к дорожке, дятлом постукивает молоток в сортире Копеля. <...> 7.30—9.15 Аля занималась. Я читал Паустовского на веранде.

22 августа (чт). Погожий день. Но припозднились, чтоб успеть на ту сторону. Вместе на почту: Аля оплачивает счета за землю (!), свет, говорила с финотделом в Нарве и даже связалась с А. Д. (Бушен) по автомату. Я — в числе сопровождающих дворняжек — созерцал мелькающие мимо ноги и физиономии (это всегда как листание интересных картинок!). В книжном магазине оставил автограф (!). На море. Долго посидели на вымытых корягах не доходя до устья. Лазурь моря и неба (да! да!). Пятна ряби и глади, образующие как бы берега и русла реки на поверхности моря. Мимо Фарберов

и участка Лаврова — к пристани (купающиеся мальчики; ловля одним из них кем-то пущенного кораблика). Отходит нарвский пароходик (сирена). Медленно вверх по реке, с остановками, впитыванием окружающего (берегов, солнца, отъезжающих моторок, каждой со своими повадками, запахами, сетями...). Нежданная встреча с Барковым [начальником пограничной заставы]. Его «восторги», приглашения, рассказы об устройстве у Тихого озера (!!!). Не доходя трал-флота, тропкой на горку Анны Максимовны. Привал. Альтик флюид... Дома обедали, подремал. Аля села заниматься, а я с книжкой на веранде. Не тут-то было: нашествие семьи Пигулевских с приветствиями и кренделями. Всеобщий переполох хозяек-гостеприимниц. После отбытия П-ких, еще дотемна, с коньяком, с Копелем, Бобом и отцом Боба на веранде.

23 августа (пт). Высокое стеганое небо. Вместе — в лавку. Алины закупки в «тележке», не очень приспособленной для здешних мест (песок). Занесли покупки — и сразу дальше: Аля хочет найти баклажаны. Вокруг тихость, теплынь, ласковая хмарь. Безлюдье. Идем и мы совсем тихо, внемля ласке дня, по Карья, мимо Дома-утюга, моей площади. Зашли в зеленой (морковка, чеснок, картошка). У Большого гастронома — малина. В винном — коньяк. Обратно — за почтой, налево от Кудрикюла, скипинскому участку; показал Але эстонскую новостройку. Опять через площадь на Карья: хожу, ступая по всем этим улочкам с ощущением телесной ласки к ним и от них (как зверь, катающийся по земле). Баклажан был приобретен по пути у какого-то хозяина. Домой — по Вильде. На подходах к дому фигуры... (Стрижова и Смирнов³). Были недолго. Мы с Алей даже не смогли соблюсти вежливость — не удерживали. Топка плиты. Вкусный обед. Дрема. После сна — нежданно! и превосходно! Хмуро за окном, накрапывает. Прибытие грузовика с досками для дровяника. Кофей. Малина. Аля стала готовить баклажаны. Появление Анны Максимовны со сведениями об Ирине (на днях приезжает). Очень грустна и трепетна вся... в угнетении своих проблем. 8.30 Аля села заниматься — я на веранде записал дни. Почти темно. У детей (Копеля) светит окно. Также у Ждановых. Копель и Фира сегодня не прибыли. Тишина. Чернеют сосны. 9.30 Аля моет посуду, священнодействует с уборкой. Я — с Паустовским («Мещерский край»). Вот и он: тронул, возобладал — и исчез, ушел... Даже просто лишь притронулся, будучи охвачен страстью схватить, остановить и быть вечно, нету... ничего...

24 августа (сб). Сумасшедший день. Только Аля поспела с завтраком — явление Лидии Григорьевны с подношениями

(половик, пирог). Вскорости Гаврила [Гликман] в неприятнейшем флюиде, за ним — Нора, Миша. Последние — вскоре к нам. Вчетвером. В соснах. Заносит, темнеет, холодает. Дождь. Нора, Миша обедают после великой торговли у нас. Сплю в спальнной, Миша — мертвым сном на диване. Нора тюткает младенца. На веранде разговор: сидят Евг. Павловна и дочка Воробьева — принесли Але хват (!). Часов в 7, вчетвером, по очень насыщенному влагой воздуху — на море. (Дева в розовых чулках.) Автобусом домой. Ужин с вином. Слушание Райкина. Вечер песни и танца (!). В заключение — мои «нотатки».

Во мгле розовеет полумесяц низко над бором. Нора увидела тоже.

25 августа (вс). В 10.40 через парк в церковь. 11.10 — там. Очень благостно. Сидел. Крест. Батюшкина просфора. Легкая хмарь. Тихо. Тепло. 12 — домой. Дома — кофей. Дрема. <...> Миша и Нора забегали огорченные, ездили к Лильке Людвиговской проститься; и надолго исчезли. Мы с Алей у гамака: благодать, голубизна, тишь. Не могу надышаться, «натрогаться», до слез... Аля отыскала меня до обеда «растворенным» у воротичек.

Поздно (в 6 час.) — Миша и Нора. Аля накормила их. Вскоре появилась Синёва с Надей, просто так, а там подгребла и Анна Максимовна с Иришкой. Мелькнули Коршуновы, но, слава Богу, ушли. Забегали проститься Бейлисы (Норины родители) и уехали. На веранде с А. М. и Ириной до сумерек. Вечером недолго у Копы и Фиры, по поводу Яшиных дел. (Приехал Яша с невестой.)

26 августа (пн). 11 — 1-я ч. Пятой симфонии Бетховена.

Аля бродит в лесном своем раю, в соснах, тут же, у дома, — ищет грибки. 1.30 — с ней в лес. День несказуемый, голубой предосенней Благости. Воздух, небо — как ласка... Лес — «как вкопанный» — не шелохнет ни одной иголочкой. Дошли по низинной тропке до высоковольтной просеки. Верхней дорожкой и мимо Вишни — домой. Привал на новом местечке по Алиному зову, на пнях большой просеки. Трапеза. Непролазное царство пней и трав. Алино счастье: «иду параллельно все время», тихонько пересвистываемся. И не доходя дома, на нашей «лесной» улице — капеллане [Тамара и Павлуша Кузнецовы]. Вернулись тихие и счастливые.

Дома Копелево сумасшествие: ставят ему плиту. Газ отключен. Еле пообедали. Устали. Только подремали — появились Коршуновы⁴. Сидели на веранде и расстреливали нас в упор «умными» речами о гибели церкви и т. д. Аля немного спаслась, убегая готовить грибки, а я погиб совсем. Вдобавок выяснилось, что надо ехать завтра в Нарву делать доверенность на продажу Копелевой половины [дома]. Кончил я вечер за

Копелевым коньяком. Очень это плохо. Очень. Ночью опять во сне орал песни и стонал.

29 августа (вт). Проснулся совсем больным. С трудом поднялся: голова и, конечно, сердце. Но Аля добрая и родная — без жесткости. Появлялся Кротов поприветствовать. Затем Иришка. Сидели с ней в гамаке в соснах. Ушла в 1 час. Около 2-х поехали с Алей «на Михаиле Давыдовиче» в Нарву. День солнечный, жаркий и давящий. Пока нотариус оформлял бумаги, пили чай у Фиры; а у обоих нас с Алей сердце истекает слезами от близости надвигающегося отрыва от Всего, Всего, Всего этого...

Гастроли в ФРГ, Австрии, Чехословакии

28 августа (чт). Выезд из Усть-Нарвы в Ленинград.

3—7 сентября — репетиции.

8 сентября (вс). Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония
Бетховен, Пятая симфония

10—14 сентября — репетиции.

15 сентября (вс). Концерт:

Бетховен, Шестая симфония
Чайковский, Пятая симфония

Программы:

№ 1 Бетховен, Пятая и Шестая симфонии

№ 2 Прокофьев, Шестая симфония
Бетховен, Пятая симфония

№ 3 Прокофьев, Шестая симфония
Чайковский, Пятая симфония

20 сентября (пт). Выезд из Ленинграда.

23 сентября (пн). В начале девятого — Кёльн. Феддер: «Аллья!». В Бонне: номер 105 и 106. Феддер.

24 сентября (вт). Бонн. В 10 часов — репетиция (половина 1-й ч.; вся 2-я ч.; половина 3-й ч.; Буря и Финал — половина).

Концерт:

Бетховен, Шестая симфония, Пятая симфония
[Шестая] — очень, очень хорошо.

Редкая удача: и по совести, и у публики.

25 сентября (ср). Бонн.

Концерт:

Бетховен, Шестая симфония, Пятая симфония
[Шестая] — плохо (не было ничего...)

[Пятая] — хорошо (см. рецензии)

Прием: между зам. министра и непонятным незнакомцем с атташе. Ревность Стрижовой.

26 сентября (чт). Около 1 часа дня выехали с Феддером из Бонна. Приехали в Гамбург около 5-ти. Наша прежняя белая комната. За окном — лебеди. Прежний «обер», прежняя горничная. «Rheinnixe» (!!).

27 сентября (пт). Гамбург. 10.30 — репетиция (вся симфония Прокофьева). Перед концертом так называемый прием и Никончук (23 чел.).

Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония

Бетховен, Пятая симфония

Концерт начали в 8.25: речи посла и мэра города (хотели гимны). После концерта «потусторонний» Фалин⁵. Микроприем. Грохот успеха после Шестой Прокофьева.

28 сентября (сб). Половина утра — укладка. После завтрака Аля в город. Я — с газетами, пивом и телевизором. В 3-м часу Аля дома. Патрик [немецкий дирижер] с чудодейственным коньяком и милой жинкой. 7 часов — с Феддерами внизу, в ресторане. Наметка 1976 года (Господи...). 10.15 — такси (2 машины). Смирнов, тележки, водка; и конфеты в руках у Феддеров. 11.10 — поехали.

29 сентября (вс). 7 часов. Будит хриплый звонок. Полубессонная ночь «шлафвагена». Утром кофей и пр. Переход в другой вагон. Чтение Смирновым перевода рецензий. В 11 — Зальцбург. Скептически, чуждо (после Германии и Феддера). Ласковые «доктора». Зондаж программы. 1 час — «обед». Отбивка претензий. У нас со Смирновым и Патриковым коньяком: обо всем безнадежном. С половины второго Аля занимается. Я — пишу эти строки.

30 сентября (пн). В ночь на 30-е звонок Зои [Зои Николаевны Стрижовой], скандал... и решение играть Шестую Бетховена. Утром с профессором-«лириком» — в дом Моцарта. (Боже! До чего испохаблено макетами!) Обед со Смирновым в столовке. В 7 часов появление Метаксеса и всяческие его предложения.

1 октября (вт). Зальцбург. Оркестр приехал прямо на репетицию... ужас...

Концерт:

Бетховен, Шестая симфония

Пятая симфония

После концерта — Смирнов (коньяки. Моэм...).

2 октября (ср). 2 часа — Клир⁶. 2.45 — поезд на Вену. Около 7-ми — Вена. Гунтрам, Мейер⁷. Сведения о выезде оркестра в 6 часов утра?!

3 октября (чт). Аля — в городе. Я — с партитурами и книжкой. Около 6-ти обед на Кертнерштрассе с Алей. Сажу на круглых скамьях. Трудно иду домой.

4 октября (пт). Вена. 11—12.30 — репетиция (акустика...). 2—4 часа — крепкий сон.

Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония

Бетховен, Пятая симфония

Слава Богу!.. После концерта вызывали одного. Ужинали со Смирновым.

5 октября (сб). Аля — в городе до 2-х. Я — в 11 у Рудольфа! Во 2-м часу он подвез к *Марии Трой*. Три розочки и обед у хозяйчика — одинокого, в колпачке и... с сахарной болезнью. В 3 — дома. Вечером — с Алей.

Оркестр в 7 часов на так называемый прием. Безобразие с Ивановым.

6 октября (вс). Утром — партитуры к вечеру.

Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония

Бетховен, Пятая симфония

Прокофьев — много ярче, несмотря на «новые» валторны. У выхода со сцены — Рудольф!! После концерта Боря за чемоданами. (У меня — от Али новый чемодан.) Ужин со Смирновым.

7 октября (пн). Аля с 10 до 12.30 в городе. Я — один: укладка нового чемодана. Пивко во множестве... Газеты. Обнаружение очень хорошей статьи о нас. В 2.30 — обед со Смирновым. Проводы Раабом [импресарио]. Отъезд в 3.30. В 5 — Братислава. Парадная встреча. Огромный номер над Дунаем.

8 октября (вт). Братислава.

Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония

Бетховен, Пятая симфония

11 октября (пт). Прага.

Концерт:

Прокофьев, Шестая симфония

Чайковский, Пятая симфония

Лето. Усть-Нарва

1 июля (вт). В 1.50 выехали двумя машинами с Тамарой Михайловной и кисами. Жарко ехать. 4.10 — приехали. «Домик-праздник», окруженный зеленью лужаек. Все встречают. Нора. (Комнатка для Т. М.!) Фира всех кормит обедом на веранде, комнаты заставлены чемоданами. Светлые сумерки и ночь, крепкий сон. Кисаня — хозяйка, как дома. Тиша в углу, под Алиной кроватью. Рензер [Лемблит] мастерит «бассейн».

2 июля (ср). Синеющий, голубой день. До самого вечера сижу, дышу то на солнышке, то в тени сирени и клена. Аля разбирает груды шмоток. Визит Анны Максимовны с Иришкой. Кисанино сражение с Тузиком.

3 июля (чт). После завтрака сладчайший сон на диване. Потом с Алей и Норой у гамака в сосняке. Часов в 6 внезапное решение с Копом идти на реку. Встреча с заречьем с высоты нашего берега. Обзор лодок. Лодка Казимира. Часок у дома на участке Весиков... Новая баня в стиле перестройки... К Лидии Александровне¹. Казимир работает у нее. Молниеносное соглашение о покупке лодки (!). (Очередное чудо Копеля.) Часок в садике Л. А.

4 июля (пт). Один через Кургауз к морю и направо почти до камней. Против маяка посидел, дыша и по возможности бездумно (плеск и шуршание моря). Обратно — на метеостанцию (о барометре) и, на секунду, привет пигулевскому дому. Дома только сестра Зои Ивановны. Встреча с ними (в машине заворачивали от автобусной остановки). Заглянул и за девятиэтажные дома — страшили — к затаившемуся за ними непролазно и непроглядно заросшему участку Веры Михайловны... Инкиного почерневшего от времени домика не видно совсем в чаще сосенок. Вплотную к забору распластался асфальт стройки. Тут же забор Веры Александровны² выпятил брюхо — того и гляди свалится...

После обеда сон. Появление сияющей Али из Нарвы с Мишей и Норой во главе целого транспорта приобретений: холодильника, обогревателя, лампы и пр. и пр. Приехал Боб. Тиша вылез из-под кровати, осваивает комнаты, раза два высунулся в дверь на улицу.

5 июля (сб). В 11 часов с Копом на реку. Покупка, регистрация (тут же!) и перевод лодки на новое место. Казимир мастерски устроил причал. Резкий ветер. Река черно-синяя,

в белых гребнях. Безоблачное голубое небо. Пошли к нам с Казимиром. На веранде «обмывали» покупки. Появление могучего Саши — соратника, дружка Копы, правой его руки в постройке нашего дома.

Сон. В 6 часов показывал Але лодку. Вечером у нас Миша и Нора. Схватка на тему судьбы Сергея — внука Ефима. Ушли поздно.

6 июля (вс). 10.15 — в церковь. Перед уходом досадное столкновение с А. из-за кепки... Вокруг нет ни одной клумбы. Все поросло травой. Цветов тоже почти нет. Знакомые немногочисленные «платочки» в церкви. (Юренева.) Нетвердая походка батюшки, но строгость и, вопреки немощи, торжественность его ослабевающего голоса и служения: предстоит Богу по-прежнему... («Верую...»)

Из церкви — морем до заставы. Идется не очень легко, но для начала вполне прилично. Отдыхал раза два. У заставы довольно долго сидел. Внутри обычный шум осколков мыслей, обрывков чувств: обычный хаос послегородской инерции... Усилием воли заставил их умолкнуть — сразу распахнулась синева неба и зазвучал в ней мягкий шум волн. Домой автобусом. <...>

7 июля (пн). Утро — с Алей. (Слава Богу!..) После завтрака дрема на диване. На веранде — запись дней. Солнечно, чисто, но ветрено; не в нашем зауве [безветренное пространство], конечно, но на море очень холодно, и Копель с Муськой и Стасиком сбежали домой. После дремы до вечера читал Сервантеса. В небе — тонкие кошачьи хвосты и перемена давления. У Алены приступ головной боли.

«Вечер на хуторе»: Коп принес для вазочки ноготки и принялся за стрижку газона (стрекочет). Фира с молоком от соседки. Аля вышла, тоже пострекотала. Свежий дух срезанной травы. Кисаня тут же, ее нападение на пришедшую «голубую киску» и на огромного бродягу-кота: скачка кота, Кисани вослед и позади них Юмбы (соседкиного); шипение и мявы в гуще сирени. Победный хвост трубой Кисани.

8 июля (вт). Мир и тишина ясного утра. Но за ними, как сказал Лесков, дремал крокодил: у крыльца вопли Кисани, застигнутой и терзаемой вчерашним котом. Мигом поднявшаяся против Али муть моей «ущемленности» и «обойденности»: «говорил, что не надо везти кошек» и пр. и пр.

В общем, очередное изничтожение Али. Она после завтрака исчезла, поехала в Нарву за одеялами. Я — на веранде с книжкой, в кипении и одиноком метании... (в «полусправедливой» обиженности?). Ничего лучшего не нашел, как тайком вылакать Копелеву водку... а потом допить с ним бутылку

коньяка. Кончилось сие поздно вечером у Копелей на веранде пьяным (вдребезги!) слушанием Восьмой симфонии Глазунова.

...Придя к Але, Копель потребовал меня «убрать»!.. Дожил. Нечего сказать... Ночью пел, орал и «добавлял» Але всякую свою прелесть, а она отпаивала меня таблетками...

9 июля (ср). Проснулся размоленный, подышающий и... простуженный. Вчера вечером, говорят, было очень холодно. Долго лежал, глотал всякую всячину, мазал нос. Как на грех, в середине дня появление Левы Русова [художника] с сыном. Обе половины дома в смущении и превеликой напряженности. Аля спасла всех рыбным обедом, а вечером ужином из японской снеди. Я сказался простуженным, а все вместе было облегчено Левиной чуткостью и умом (зоркость и тепло его глаза: «вот, все узнаю внове»). Тем не менее чувствовал себя паршивой, блудливой собакой и еле дождался ночи. Недоразумение с ночевкой: Фира увлекла их к себе, а место у них одно.

10 июля (чт). День ослепительный, голубой, тихий, но все же пронизанный дыханием ледка... Пообедали нормально, втроем, с Тamarой Михайловной. Аля спит на веранде, а я после дремы записал сии доблестные мои дни... увы... (сейчас 5.30 вечера).

Часов в 6 с Алей первое посвящение меня в управление новым проигрывателем. Прослушал Вторую симфонию Брамса (Караян) и кусочек Восьмой симф. Глазунова. К вечеру заехали Пигулевские — папа и сын. Сын впился в проигрыватель, а мы с Дм. Александр. — о моих ушах, Японии и... совсем глухом Хилове. В сумерках событие: Тиша освоил газон у главного входа, ловил мотыльков.

11 июля (пт). 12—6.30 с Копелем осваивали мою лодку. Не торопясь, гребли по очереди вдоль нашего берега, добрались до тополей. Вылезали на дорогу. Обрато не гребли: вдоль песков несло течение. На реке тихо, синё, светозарно; налетает ветерок, гонит слепящую — в синих змейках — рябь. Коп (на песках) купался. <...> Греблось легко (слава Богу, без задыхания). Вода далеко ушла от берегов; еле причалили — втащили на песок лодку. Знакомая и хорошая усталость и насыщенность Природой... В 9-м часу пришел Гликман со своей Тасей, умной и утешительной. Очень хорошо и долго побыли.

12 июля (сб). Тяжелый денище: 1) Реакция на вчерашнюю порцию солнца и реки. 2) Очень давит: наплывают высокие, парные, тяжкие грозовые облака. Погромыхивает.

13 июля (вс). Всю ночь ливень. Выходил на веранду поглядеть в 9-м часу: сумеречно, тихо моросит. Встал в 11-м часу.

Опять недоброе в душе и голове... В церковь, как хотел вчера, не пошел... не то состояние, да и поздно. Хорошо помылся. Аля — добрая. Стало легче и чище на сердце. После завтрака слушал «свою» струнную серенаду и Итальянское каприччио [Чайковского]. Первая очень хорошо. Мелькнуло: так мне, пожалуй, сейчас ее не сделать.

Аля разбирается в шкафах. Я записал дни. В 2 часа пришли Нора и Миша. Все на веранде. Тихий дождь, как в детстве...

Поигрывание для Норы Серенады и Второй симфонии Брамса. 3.30 — гроза. Ливень. Обед вместе с Н. и М. около 6-ти. Аля, Миша и Нора ушли гулять. Мы с Тамарой Михайловной сидим, читаем: «Литературную газету» и так называемую «Иностранную литературу». Она на веранде с Кисаней, я у себя — на диване с Тишей. Тиша на мне. Тихо. Светлые высокие тучи. В 8 часов — аплодисменты под окном: все трое явились с улыбками и дирижерскими жестикуляциями. Были на море. Очень довольны. Приходил прощаться Миша: уехал часов в 9. Вечер спокойно вдвоем. В сумерках пасем кисок. В кустах тень кот-злыдня; переполох; водворение на веранду; две пары острых ушек, уставленных в сумерки за окном.

16 июля (ср). Облачно, переменнo, западный теплый ветер. С Копом к лодке: смазать замок и навесить замочек на лодочную корму. Опробовал высокие резиновые сапоги: очень хороши и удобны. Вода высокая; у лодки выше колен; толща тины вокруг; закапал дождик... После сна попросил Алю продемонстрировать Копу работу проигрывателя и наушников. Слушали Седьмую Брукнера (Караян). Незаметно увлекся, и демонстрация превратилась в прослушивание симфонии с партитурой в руках. Слушал и воспринимал очень трудно, финал, как впервые... а ведь я дирижировал ее, правда давно, в 1958 году.

Вскоре, как всегда, нахлынула неуверенность и знакомые, всегда кажущиеся неразрешимыми, проблемы, связанные с произведением, к которому заново приступаешь... В разгар прослушивания — явление Евгении Павловны [Штиглиц] с букетом лилий для Али и с Ирой, дочкой доктора Воробьева, только что умудрившейся поступить в муз. школу по классу рояля. Обе сияют, но девочка превратилась в собственную тень: еще бы, по 5—6 часов работала. А что впереди?! Концертмейстерская должность в классе тромбонов?! Скоро ушли, т. к. стемнело и начало накрапывать.

В сумерках напoлзла гроза, полил шумный ливень. Тишка, впервые попавший под дождь, пронесся из кустов домой. Многоопытная Кисаня спокойно с лужайки проследовала сюда же. Алин «часок» на темнеющей веранде. Смотрел на

нее из комнаты со своего дивана: чувствовал, как впервые она глубоко и благостно раскрылась...

17 июля (чт). Третья неделя уже идет... Господи, спаси, помилуй и помоги наладиться... Ибо опять я накинута на Алю из-за опоздания к завтраку, из-за незакрытых дверей и пр. и т. д. Ведь поклялся же я, едуци сюда, не вторгаться в ее дела, устройство и пр. И ведь все мои беды здесь — ничто, по сравнению с благом, которое имею, которое послано и сделано руками Али... Тем более что все «плохое», исходящее от Али, предпослано и обусловлено Всем, что содеяно самим мной, за многие годы... Помоги, Господи.

Сейчас 1 час дня. Аля с Копом уехали в Нарву за очередными хозяйственными покупками. Сижу пишу. За окном тихий, хмурый, но высокий день. Копошится Т. М.; кисы спят в спальне: Тишка под Алиным одеялом, Кисаня в ее кресле.

С 1 до 3.30 занимался Седьмой симфонией Сибелиуса; прослушал (4 раза): 2 раза — Караяна, Бичема³ и мою запись. Моя очень, очень неплоха... Вернулась Аля: привезла палки для штор, табуретки, подносики, ларец, англ. тарелки. После обеда «снизошла»: закрыла все двери и я спал в тишине. Проснулся — Алена обрадовалась. Застучала: ставит крючок у постели, сращивает провод для холодильника, включила обогреватель. Вечером холодно, но закат чистый, золотой. С Копом на веранде (о Фабре и пр.), потом в заходящих лучах — о неотвратимом укорочении дня, о зеленом контражуре травинки, и наконец, у камина. Книга о Рерихе на столе. Приход к Копу Нору и Лили. У последней отек ног.

У себя на диване с Рерихом (не пахнет ли он чуть-чуть «величием» во что бы то ни стало??). Вечер очень холодный.

18 июля (пт). Плохая ночь; после чая с «муссом» заболел живот. Злобное нападение на Алю из-за резиновых сапог («не там, мол, лежат»). Пришла Нора. С ней и Алей до 3-х на веранде. Помаленьку ожил, стал воспринимать и участвовать непосредственно. Подгрел и Сережа. А день опять голубой, солнечный, в крепком льдистом ветре. В 3.30 звонила Ксана⁴: контейнер из Японии прибыл. Аля хочет ехать в город в этой связи. После сна: у Копеля на веранде Виктор Иванович, директор рыбзавода, любезно предложивший нам причал для наших лодок. Коп выставил батарею: виски, водка, коньяк. Наскребли поесть при помощи Т. Мих. Аля крепко спит на веранде, Фира исчезла. Не пил!! Появилась Анна Максимовна с букетом и грустными вестями: у «Сами» [А. Д. Бушен-Каменской] воспаление поджелудочной железы. Попала-таки в Куйбышевскую [больницу]. Позже — всей компанией на главном входе (сильно пьяненький Викт. Ив., не мудрено!).

Закат ослепительно чист, пронзающий глаза бледно-золотистыми брызгами лучей. За дорогой, в его сиянии, — клубы комаров-толкунов, выющихся в вечерней пляске.

19 июля (сб). Райское утро. Синь. Тишь. Еще невысокое солнышко уже греет. Усадьба наша оживает: кто моется, кто сидит на солнышке у дома, кошки на окне, попискивает Стаська, хозяйки брякают в кухне посудой. Шуршит в траве фонтанчик поливочного шланга. К 11-ти с Копом на рыбзаводе. На двух катерах по Россони. Заезд на Тихое озеро. Белые лилии. Хутор... Обрыв, дом Лидии Григорьевны, совхоз. Дальше пошли берега, которые видел лишь 2—3 раза с Инной. Тем не менее многое сразу узнаю: так запечатлелось все тогда... Поиски мостков Олега Антоновича и его домика. На всем лежит отпечаток борьбы за то, чтоб удержать «очаг», не дать ему совсем рухнуть. В этом выражается сегодняшнее «строительство» недобитого частника... Доплыли до большой протоки, что в 15-ти минутах не доезжая Луги. Очень, очень хорошо. Но моторок тьма, почти на каждом уютном бережке, и уж конечно на «моем» высоком, за хутором — красные, синие и пр. палатки, дым костров, словом, туризм, развернувшийся вовсю... оставляющий за собой свинарник из бумажек, мусора, банок. Завал помешал пройти насквозь. На обратном пути по горизонту мглистые тучи в шлейфах дождей.

Дома в 4-м часу. Очень хороший день. Даже Коп говорит о насыщении средой... После сна: все вокруг Стаськи под кленом. Благостный вечер. Дачный уют. Тишина. Стрижи. Боб со Стаськой на надувном матрасе. Алена стережет свое «стадо», а Кисаня все норовит попасть на бабкину территорию, свести счеты с «голубой кошечкой», затаилась в клубнике. Тихон «дает концы» мимо нас вскачь. Кисаня пьет из «бассейна», пускает волночки в нем, надувная уточка покачивается. Жулан на вершине клена. Его охота. Коп и я наблюдаем его в бинокль. (Все время стучится мысль о дне Казанской Божией Матери... не завтра ли? Спросил волчонковскую (чудесную!!) нянюшку — она тоже не знает.)

В 6 часов рыбак предлагает лососку. Взяли. Взвесили у главного входа: 11 кг! Самка. Хозяйки немедленно принялись за разделку, засолку и пр. Муся: «Эта рыба заполонила всю кухню: с пола до потолка!» Няня: «Это не рыба, а поросля!»

Заходили Миша и Нора. Тянули гулять. Мы не пошли. Неожиданная стычка с Алей из-за отсутствия горячей воды в термосе... (что за безобразие). Поистине, живет во мне некий бес зла, ужас... Вечером с веранды глядел, как Коп вновь и вновь подстригает газон: летит травяная щетинка, стрекочет моторчик, пахнет влажной травяной душой.

нее из комнаты со своего дивана: чувствовал, как впервые она глубоко и благостно раскрылась...

17 июля (чт). Третья неделя уже идет... Господи, спаси, помилуй и помоги наладиться... Ибо опять я накинута на Алю из-за опоздания к завтраку, из-за незакрытых дверей и пр. и т. д. Ведь поклялся же я, едуци сюда, не вторгаться в ее дела, устройство и пр. И ведь все мои беды здесь — ничто, по сравнению с благом, которое имею, которое послано и сделано руками Али... Тем более что все «плохое», исходящее от Али, предпослано и обусловлено Всем, что содеяно самим мной, за многие годы... Помоги, Господи.

Сейчас 1 час дня. Аля с Копом уехали в Нарву за очередными хозяйственными покупками. Сажу пишу. За окном тихий, хмурый, но высокий день. Копшится Т. М.; кисты спят в спальне: Тишка под Алиным одеялом, Кисаня в ее кресле.

С 1 до 3.30 занимался Седьмой симфонией Сибелиуса; прослушал (4 раза): 2 раза — Караяна, Бичема³ и мою запись. Моя очень, очень неплоха... Вернулась Аля: привезла палки для штор, табуретки, подноски, ларец, англ. тарелки. После обеда «снизошла»: закрыла все двери и я спал в тишине. Проснулся — Алена обрадовалась. Застучала: ставит крючок у постели, срывает провод для холодильника, включила обогреватель. Вечером холодно, но закат чистый, золотой. С Копом на веранде (о Фабре и пр.), потом в заходящих лучах — о неотвратимом укорочении дня, о зеленом контражуре травинки, и наконец, у камина. Книга о Рерихе на столе. Приход к Копу Норы и Лили. У последней отек ног.

У себя на диване с Рерихом (не пахивает ли он чуть-чуть «величием» во что бы то ни стало??). Вечер очень холодный.

18 июля (пт). Плохая ночь; после чая с «муссом» заболел живот. Злобное нападение на Алю из-за резиновых сапог («не там, мол, лежат»). Пришла Нора. С ней и Алей до 3-х на веранде. Помаленьку ожил, стал воспринимать и участвовать непосредственно. Подгреб и Сережа. А день опять голубой, солнечный, в крепком льдистом ветре. В 3.30 звонила Ксана⁴: контейнер из Японии прибыл. Аля хочет ехать в город в этой связи. После сна: у Копеля на веранде Виктор Иванович, директор рыбзавода, любезно предложивший нам причал для наших лодок. Коп выставил батарею: виски, водка, коньяк. Наскребли поесть при помощи Т. Мих. Аля крепко спит на веранде, Фира исчезла. Не пил!! Появилась Анна Максимовна с букетом и грустными вестями: у «Сами» [А. Д. Бушен-Каменской] воспаление поджелудочной железы. Попала-таки в Куйбышевскую [больницу]. Позже — всей компанией на главном входе (сильно пьяненький Викт. Ив., не мудрено!).

Закат ослепительно чист, пронзающий глаза бледно-золотистыми брызгами лучей. За дорогой, в его сиянии, — клубы комаров-толкунов, выходящих в вечерней пляске.

19 июля (сб). Райское утро. Синь. Тишь. Еще невысокое солнышко уже греет. Усадьба наша оживает: кто моется, кто сидит на солнышке у дома, кошки на окне, попискивает Стаська, хозяйки брякают в кухне посудой. Шуршит в траве фонтанчик поливочного шланга. К 11-ти с Копом на рыбзаводе. На двух катерах по Россони. Заезд на Тихое озеро. Белые лилии. Хутор... Обрыв, дом Лидии Григорьевны, совхоз. Дальше пошли берега, которые видел лишь 2—3 раза с Инной. Тем не менее многое сразу узнаю: так запечатлелось все тогда... Поиски мостков Олега Антоновича и его домика. На всем лежит отпечаток борьбы за то, чтоб удержать «очаг», не дать ему совсем рухнуть. В этом выражается сегодняшнее «строительство» недобитого частника... Доплыли до большой протоки, что в 15-ти минутах не доезжая Луги. Очень, очень хорошо. Но моторок тьма, почти на каждом уютном берегу, и уж конечно на «моем» высоком, за хутором — красные, синие и пр. палатки, дым костров, словом, туризм, развернувшийся всюю... оставляющий за собой свинарник из бумажек, мусора, банок. Завал помешал пройти насквозь. На обратном пути по горизонту мгlistые тучи в шлейфах дождей.

Дома в 4-м часу. Очень хороший день. Даже Коп говорит о насыщении средой... После сна: все вокруг Стаськи под кленом. Благостный вечер. Дачный уют. Тишина. Стрижи. Боб со Стаськой на надувном матрасе. Алена стережет свое «стадо», а Кисаня все норовит попасть на бабкину территорию, свести счеты с «голубой кошечкой», затаилась в клубнике. Тихон «дает концы» мимо нас вскачь. Кисаня пьет из «бассейна», пускает волночки в нем, надувная уточка покачивается. Жулан на вершине клена. Его охота. Коп и я наблюдаем его в бинокль. (Все время стучится мысль о дне Казанской Божией Матери... не завтра ли? Спросил волчонковскую (чудесную!!) нянюшку — она тоже не знает.)

В 6 часов рыбак предлагает лососку. Взяли. Взвесили у главного входа: 11 кг! Самка. Хозяйки немедленно принялись за разделку, засолку и пр. Муся: «Эта рыба заполонила всю кухню: с пола до потолка!» Няня: «Это не рыба, а поросля!»

Заходили Миша и Нора. Тянули гулять. Мы не пошли. Неожиданная стычка с Алей из-за отсутствия горячей воды в термосе... (что за безобразия). Поистине, живет во мне некий бес зла, ужас... Вечером с веранды глядел, как Коп вновь и вновь подстригает газон: летит травяная щетинка, стрекочет моторчик, пахнет влажной травяной душой.

20 июля (сб). Вечером Аля была пренебрежительна. Вероятно, сие послужило основанием для очередного ночного моего безобразия: величественно и лаконично (!) воспретил ей ехать в Л-д, сказал, что с Т. М. уеду отсюда и т. д. После чего, приняв дополнительно снотворное, великолепно спал. Она же, конечно, не сомкнула глаз. Утром побежал к Норе и Мишке — запрещать Алькин отъезд. Погодя Нора пришла к нам, и как-то все сошло на нет. Отъезд Али был восстановлен, она же вновь меня простила и мирно занялась варкой ухи из головы и плавников лосося для общего с Волчонками обеда, который последовал в 3 часа с участием Норы и Миши и неизменной Там. Мих. во всем ее величии и «интеллигентности», а также с маслинами и небольшим количеством водки.

Сладко заснул на веранде на раскладушке. Потом была простокваша и чай. («Что так смотришь на меня? Ведь не надолго».) Аля помаленьку стала собираться. В 8.20 мы с Копом проводили ее до калитки. Внизу, у машины, толпились провожающие, и мы туда не пошли. Часов в 9 кисы были водворены в дом. Побрился, занавесил окна. В наступившей «тишине оставленности» как-то хорошо даже стало, «отпущенно»... Кисы тоже вели себя тихо, будто понимали задачу «потерпеть»... Муська позвала к ним пить чай с черничным пирогом.

21 июля (пн). Ночью не было ни страхов, ни тревоги, но спокойно и просветленно; будто чья-то длань охраняющая была простерта над домом, комнатой, Алиной постелью, надо мной и кисами. На рассвете было пасмурно, но к 8-ми разведрило и заголубело. (Сон: на пальце нет Иннинного кольца. Не знаю, где, когда исчезло. Непоправимость. Опускаю машинально руку в пустой рюкзак — кольцо там, лежит на его дне. Не грозит ли Инна покинуть меня, если не перестану губить Алю?? Защищает Алю???)

В 9.20 в церковь по Нурмэ, заново асфальтированной. Служба уже идет. Матушка читает Апостола. Много «платочков». Жарко. Постоял немного. Дальше слушал со ступенек крыльца и сидя на скамеечке. Ветерок, солнечная синева неба. Голубое, детское сияние глаз старичка, обернувшегося на бой часов: детская готовность к сроку своему. Слепой глаз батюшки, совершавшего «кажденье» у икон, устремленный на меня, но не увидевший меня... Черно-седая полная женщина, знакомая моя незнакомка, — жива. И платье все то же на ней.

Верую... в Господа нашего Иисуса Христа... Рожденна, несотворенна... прежде всех век... и вот, — мы, возвращающиеся, каждый в свой час, в Бездонность Бытия... Домой, в лоно... То самое лоно, которое было «прежде всех век» и ныне

пылающее в пустом храме золотым пламенем множества свечей, в то время как крестный ход обходит храм и батюшка, старенький, голосом ребенка возглашает: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» — и окропляет стены храма, травы и тесно толпящихся, идущих с ним... И несколько тяжелых, крупных капель святой воды упали и мне на голову и лицо. Господи! Избави меня от лукаваго!..

Прошел морем до заставы. На море такая чистота, свежесть животворная, что, выйдя к нему и вдохнув льдистое его дыхание, невольно поднялся на цыпочки: казалось, вот-вот поднимусь от земли и полечу!.. Домой автобусом. Пришел в 2 часа. Обед. Сон. На веранде с 4 до 6.30 — запись дней. Вечер погожий, свежий, в шелесте листвы клена, тонких полосах в неярком небе.

Утром Коп пришел ко мне: в 6.15 звонила Аля, собирается вернуться сегодня вечером.

На днях: трепещущий, неторопливый полет молодого скворушки, небольшой подъем вверх на неподвижных крылышках. Все вместе — точное воплощение в движениях трепетно ликующей весенней песни скворца. А момент паренья — как заключающий, умиленный посвист (объятие неба крыльями!).

К Копу на его веранду. Он в беспокойстве: у Фиры серьезное нервное расстройство: дрожит, слезы, напряжение... В 8 часов ровно открылась дверь из волчонковских комнат — появилась Аля: веселая, сияющая, с потоками слов, рассказов о своем путешествии, размеченного и удавшегося по секундам: с Мидори [переводчица Мидори Кавашима] обедала в ресторане (!), получила пакеты (привезла велосипед!), воевала с таксистом и т. д.

Внезапно кошачьи вопли: Кисаня избивает Тишу, а вдаль удирает «голубая». В этой связи совсем нечаянно разразился резкостями по адресу Т. М.; она даже твякнула что-то мне в ответ. Как всегда, «шепотом» вошла в дом. К тому же она простужена и едет 23-го в город. Не плюнула бы она на все...

22 июля (вт). Копель настоял на «вскрытии» велосипеда. И большую половину дна Алена его собирала, постигала, ласкала и вылизывала. Я сидел тут же на веранде, радовался за нее — и одновременно угрызался очередным своим вчерашним хамством по адресу Тамары Михайловны. Заодно вылезли призраки моего последнего пьянства у Копы, а с ними и все болясти стыда и совести во всей первоначальной интенсивности... Сидел и ужасался на себя и «внутри себя», в глазах людей, в потоке сплетен и пр. и пр.

Около 4-х приехал говночистный грузовик, а в 4 часа — легковая от Виктора Ивановича, и мы с Алей и Копом поехали в Нарву. Там в магазине: покупка занавесок, самовара,

а я «себе» купил «собственный» уютный клетчатый плед. В городе не продохнуть. День жаркий, даже знойный и на удивление безветренный (на море и на реке).

Вечером всеобщая тревога о Фире, которая не вернулась пока с работы и, главное, не отвечает на звонки. Аля по этому поводу в таком смятении, что даже почти не заметила и с трудом поддерживала разговор с пришедшими навестить нас Антониной Васильевной и Наденькой, людьми, по-настоящему родными и которых Аля сердечно любит. Кончилось поездкой Копы в Нарву. К счастью, выяснилось, что у Копы на квартире просто испорчен телефон.

23 июля (ср). Тамара Михайловна отбывает в город. День прекрасный, и поэтому одновременно и мы, и все Волчонки захотели на реку. Трудность с пустым домом, запирание кошек, приемкой заказанных дров, разговоры с шофером, который должен прийти в течение дня. В итоге — Аля осталась дома. Как кажется, не без удовольствия. Мы с Копом — вместе на реку. В момент нашего отбытия приход к Але Норы. На реке, с попутным ветерком, мы с Копелем быстро доплыли по Россони до песков, где уже расположились Боб, Муся, няня вокруг палатки, в которой совершал свой полуденный сон Стасик.

Не торопясь прошли в первую протоку вдоль стены густой кути [осоки], зарослей тростника и желтых кубышек. Причалили у высокого берега, поднялись по тропке к сосняку, пройдя через который можно выйти прямо к морю. Тишь лесная. Сушь. Песчаная дорожка на Саркуль. В кронах сосен молчаливо вспорхнувшая птица. Вернулись водой немного назад и, найдя узенькую протоку в чаще тростников и кути, цепляясь веслами за стебли кубышек, кой-где в пролешку — через чистинки — как бы водные полянки, на которых белели ослепительной белизной звезды белых лилий, — пробрались в Россонь, почти к самой деревне Саркуль. Притулились у противоположного берега, позавтракали. Вернулись к стоянке Боба и Муськи. Довольно долго отдыхали. К сожалению, даже в будни воют, рычат и гонят волну на берег частые моторные лодки. Из-за горизонта медленно и незаметно надвинулась мгlistая, широкая туча. Солнце зашло в дымку. Стало сильно парить. В 4 часа тронулись и около 5-ти были дома.

Усталость от воды, солнца и лодки — совсем особая. Чудом утоления оказалась тарелка домашней простокваши. Нора еще у нас: они с Алей принимали душ, сидели долго под кленом, отдыхали; и было им очень, видимо, хорошо. Аля: «Ведь это мой первый выходной день...» (!!) Аля приняла и дрова, и шофера, как было ей поручено. Туча тем временем совсем надвинулась. Пошел к барометру: он упорно показывает хоро-

шую погоду. Значит, если толковать по «старым книгам», перемены погоды не будет, но могут выпасть легкие, проходящие дожди — от Божией благодати.

Отдохнув, записал дни. Алена возится с обнаруженными (!?) в холодильнике цыплятами. О, Тамара Михайловна, о, Тамара Михайловна?! Копель с присными возится с привезенными дровами (чурками, как он их называет). А барометр не соврал: упало несколько капель дождя, туча постепенно истаяла и небо очистилось. Сейчас 9 часов вечера. Ясно. Восточный легкий ветерок. Вечереет... Вечером по просьбе Копа дважды прослушали Седьмую симфонию Сибелиуса. Пришли и Фира, и Боб, заметивший, что струнные «холодны» (!!).

24 июля (чт). Утром долгие Алины сборы и ожидание Норы. В 12.30 втроем на лодку. Долго крутились на корме, снимали лодку с мели... Крепкий ветерок с моря. На Нарове волнишка. Первый короткий причал у «рабиновического» места. Нора купалась. Дальше Аля на веслах. Сажу на корме, рулю, блаженствую. Аля легко гребет, лодка споро скользит вдоль цветущих, дышащих горячим ароматом берегов; вдоль саркульских домиков (новый зелененький домик), вдоль почему-то ныне не скошенных лугов (высокие, побуревшие травы), мимо «моего» леса, за которым стоит «мой» хутор, вдоль золотисто-розовых песчаных отмелей с неподвижными белоснежными чайками на них.

Помаленьку, не торопясь, глядь — и протока к Тихому. Алена настояла плыть дальше. На озере волнишка изрядная, свежий ветер. Причалили к высокому сосновому берегу. Аля и Нора поднялись наверх осмотреться. Скоро, однако, вернулись: в бору заели слепни. Мы с Алей ополоснулись, помылись. Завтракали и обедали на обратном пути, причалив на выходе из озера у коряжистого бережка.

Отдохнув напротив, в тени, среди покрытых ягодами опустившихся к воде веток черемухи, тронулись к дому. Я сел на весла. Против Саркуля встретился Барков с женой и какой-то дамой, едущий на моторке «к себе», на Тихое. Тащил в гости. Причалили у Шуры [Томм]. Но, увы, вместо ожидаемого молока мои дамы принесли печальные вести: корову Шура продала, перенесла тяжелую операцию, ходит на костылях, сама плавает в Венкуль за литром молока... Бабы Лизы нет: умерла два года назад. И кажущийся с реки таким милым и уютным крохотный ее домишко пуст и заколочен...

На песочке, где Аля вырезала когда-то рогатку, опять причалили, и Нора еще раз наслаждалась водицей и купаньем. К своему берегу причалили часов в 8. Хотя греб я без натуги и лодка очень легко идет, все же сильно устал, хотя меньше,

чем уставал два года назад (как это ни странно). Дома застали весь клан за уборкой дров. Коп очень озабочен: возил Фиру в Л-д и там врач нашел у нее «депрессию»... Фира все это время не в себе, неузнаваема. Вспышка Копы по адресу «дамского» поведения нашей Там. Мих. Я опять утешился простоквашей, а погода — вареной курой. Уже в сумерках опять пришла Нора — принесла подлещиков. Аля вышла на поленницу — чистить их. На вечернем холодке киски разыгрались, гонялись, охотились на мотыльков; Аля еле-еле их водворила домой.

25 июля (пт). Рано утром сквозь сон слышу: рычит Кисаня; сидит под кроватью; еле вышла, с трудом ступает, опухоль на брюшке сильно отекала. Видимо, дражайший сосед ее хорошо огрел третьего дня, когда она принеслась домой совсем обезумевшая. Очень мы с Алей испугались. Сидим весь день дома. После завтрака до обеда дремал у себя на диване, просматривал «Науку и жизнь». Но после обеда, приятно отдыхая после вчерашнего, все скопились под кленом. Волчонки без конца слоняются по лужайке: заболевший Стась хнычет, Боб, Манька не знают, что с собой и детей делать, Копель озадачен внуком и Фирой, которая после приезда с работы, под действием новых лекарств, спит без конца...

Мы с Алей очень болеем за Кисаню, которая отлеживается в «джунглях». День знойный, висит густая, к вечеру ставшая влажной жара, в небе ползут кучевые облака, но так медленно, что почти незаметно их движение. Так что день получился не ахти какой...

26 июля (сб). В 5 утра был на веранде. На востоке небо только начинает золотеть. Стоит легкая дымка. Молчание полное, нерушимое. В 9 часов встали. Аля охотно (!) согласилась идти со мной к батюшке и матушке насчет 9 августа⁵.

Вышли в 11.30. От Кургауза по Нурмэ. Всегда радостная мне дачная «сиверская» тенистость и запах влаги. В канавах даже в эту сушь стоит вода, затянутая могучей, ярко-изумрудной ряской. В электромагазине купили столь нужный нам складной походный стульчик с маленьким рюкзаком.

Часок у батюшки и матушки на веранде. Батя в домашней обстановке кажется бодрее, менее постаревшим, но плачет о судьбе своей... Как всегда, здесь ласка душе, от всего такого своего, дорогого, последнего... Аля подарила матушке японскую вазу, которую та очень оценила, потом рассказывала о зиме, о Японии... Договорились о 9-м. Вышли на море, свернули к маяку. Пляж и море кишат и кипят массой загорелых тел, взлетающими мячами, пестротой ярких трусов, разноцветных бюстгальтеров, арбузными животами, неистовыми буферами грудей и задниц... Но небо, море и его дыхание си-

неют и дышат так мощно, что заставляют не замечать всего окружающего, и каждый, если захочет, может себя ощущать единственным, парящим наедине с небом, морем, в их первозданной, пронзающей чистоте. Повстречали лежащих на пляже Копы, Фиру и няню. Потом у маяка поднялись по лесенке и посидели в тени и прохладе на скамейке над обрывом пляжа. Идя домой, мимо Пигулевских, вышли к реке. Долго сидели на бревне у берега и неотрывно наблюдали, как отбывали, прибывали рычащие моторки — разноцветные, разносистемные; как они проносились вдаль, исчезали в Россони, не оторваться было от того, как хозяева их выводили на простор реки, как заводили; кто бережно, кто лихачески, кто потихоньку, медленно ехал, у кого мощный мотор задирает нос лодки высоко над водой, оставляя за кормой пенный вал.

Аля: «Могу без конца смотреть на это». На сей раз у нас обоих не было чувства зависти к береговой отрезанности от водных далей, т. к. тут же, недалеко, стояла наша скромница — весельная лодочка, которая так ходко свозила нас третьего дня на самое Тихое озеро. Дома были около 4-х. Обед. Короткая дрема. Сел писать дни. Кисы вышли гулять. Кисане лучше, но опухоль очень велика. Повеяло прохладой. Аля ушла к Норе за какими-то делами. Приходила Шура, принесла белье. Заглядывал Коп, мешал писать, но не подолгу. Сейчас 8. Аля пришла с Мишкой. Уселись под кленом. <...> Вечером Аля стала готовить обед. Отрываю ее часто т. к. кошки, то одна, то другая, норовят удрать в соседкин огород. Сидели с Копом на площадке у веранд, покуривали. Тонкие сумерки. Аля в кухне зажгла свет. Люблю этот час, когда гаснущий свет раннего вечера почти равен первым бледным огням, затепленным в домиках.

Около 11-ти Копы тревожно окликнули от Ждановых: у маленького опять выскочила грыжа. Коп едет с ним в больницу. Уже стемнело, а окна у Ждановых еще долго тревожно светились. 11.40 зашли Нора и Миша, оставил их с Алей на веранде — пошел спать.

27 июля (вс). Опять Кисаня проснулась здоровая, «позавтракала» и исчезла. Вернулась же неизвестно откуда около часа дня совершенно инвалидом, почти не владеет задними лапками, кровит. Пока ее не было, Аля убирала комнаты. Ну и когда вернулась, ясно что было... День палящий, давящий. Ползут мутные, низкие, бесформенные облака. Барометр все на хорошей погоде?! В 2 часа пообедали втроем с Копом и на веранду. В 2.40 зашуршал дождичек, зачистил, стал гуще и, ровно и сильно нарастая, полил отвесным ливнем. Грохнул сухой, короткий удар грома. Слепо блеснула молния. Долгий раскат, нарастая, оборвался трескучим ударом совсем над

головой... Разлился по простору неба гулками перекатами. Каждый удар — все дальше, все реже, позже (после молнии) мягче и просторнее. Ливень был недолгим: минут 20—30, но хорошо промочил зелень и омыл травы и деревья.

Пришла, еле-еле шевелясь, Кисаня. Усадили ее на подоконник на чистый, освеженный воздух. Так она плоха на этот раз, что не чаем и увидеть ее выздоровевшей...

С Фирой окончательная беда: заявила Копу, что в таком виде не может идти на работу, сознание чего доводит ее до полного отчаяния, — мертвый круг. Посоветовал Копу перевести ее на бюллетень и тем насильно вывести ее из тупика.

Вечером Коп с Муськой возят дрова в сарай. Аля и пришедшая после отъезда Мишки Нора тоже повозили тачечки с дровами. Я, сидя на веранде, почитал великого Бунина. Вечером Нора у нас пьет чай (с головной болью). Вспомнили книгу «Сто лет одиночества»⁶, а потом вновь, как когда-то, утешительно усладились воспоминаниями о балете. Сидим на веранде. После грозы небо не очистилось, и вечер наступил затученный, темный, затаенный.

28 июля (пн). День Владимира. Как и предсказывал барометр, утро безоблачное, жаркое. После завтрака Аля пасет Кисаню в сосняке. Снес ей туда гамак и сам там водрузился. Кисане много лучше: побродила, улеглась в тени. В 11 пошел в церковь. Господь послал удачу: подошел к церкви в тот момент, когда начал выходить крестный ход. Очень много людей вокруг крыльца, в том числе Пигулевские. Вновь, как и прошлый раз, несколько капель святой воды и мне оросили голову и лицо. Морем прошел до маяка и посидел на скамейке над обрывом, где в субботу были с Алей. Дует плотный, порывистый, но, как ни странно, теплый ветерок с северо-востока. Людей сравнительно немного: и все больше не у воды, а у скамеечек (особенно титястые и брюхастые). На обратном пути встретил Копу с Муськой. Домой мимо «межколхозного» санатория, новой кухни Петра Васильевича, мимо далеких и близких «воспоминательных» мест (Федин), по «Бродвею» и за аптекой, — первым парком, мимо Кургауза — по Лесной. Стало очень жарко. Солнце печет вовсю. Шел тихо и бережно. К 2-м дома. Обед. В спальне повешен тюль на большем окне. Дрема. С Аленой, Кисаней, которая значительно бодрее, и Норой — вокруг гамака, в «соснах». Кисаня погуляла, сделала все дела и расположилась принять участие в беседе и подремать. Ненадолго «ввалилась» Муська со Стаськой, и Кисаня, не вынося их галдежа, брезгливо отошла от Али и Неры и улеглась около меня, как овчарка, положив головушку на белую туфельку передней лапки. Я записывал дни.

Ветер стал крепчать, налетать порывами, нагнал тучи, и мы все смылись домой. Упало несколько капель дождя, посвежело. Тучи ушли, оставив в бледно-голубом небе легкую прозрачную дымку. (В церкви: еще и еще об избавлении от лукавого: если и бываю обижен сейчас измученной Алей, то первым обидчиком ведь был я, да еще каким и еще как!!! Не забывать этого никогда!)

Дописал дни на веранде. Кисаня на окне. Приехали Коп и Фира, оформившие бюллетень Фиры. Сажу на веранде с Буниным. К вечеру опять нахмурилось. Аля постукивает в комнате, пытается накачать велосипед. Пошел помочь, но безуспешно.

Нежданное появление Эстрина⁷, не то с почтением, не то с расчетом попасть к Копелю (с пальцем). Свел их. Коп повезет его завтра «на грязи». Прошел тихий дождик. Рано потемнело, все разошлись по углам, задернул дома шторы, зажег свет. Сажу на диване с Буниным. Уютно, тихо, светло. Проем двери на веранду чернеет совсем по-осеннему.

29 июля (вт). В 10 часов Пигулевский, Эстрин с Копом уехали в лечебницу. Солнце. Очень холодный ветер. Плывут кучевые облака. Потом сидели с Алей и Копом и неким Борисом (очередным Коповым другом, чинившим Копу велосипед) на крыльце, беседовали о лодках, моторках.

В 2 часа закусили и с Алей пошли в «центр» покупать ей ремешок для часов. Кроме ремешка «оторвали» яиц в ларьке, эмалированное ведро (редкость), писчую бумагу, конверты, трубку Копу (в нашем газетном киоске на Айе), подсвечник...

Заходили к Синёвым, к славной, милой Наденьке (Антонины Васильевны и Александра Петровича не было), на их участок, разгромленный строителями соседнего «начальственного» коттеджа... Сел на ступеньки. До чего же хорошо! Близкое все! Свое! На обратном пути — долгонько в парке у пруда. Знакомство с мальчиком Юрой, каких уже сейчас нет: нежный, воспитанный, синеглазый, взхлеб упоенно рассказывающий о насекомых, под мышкой книжка о бабочках. «Сколько тебе лет?» Твердо: «Семь». — «Тебе надо сачок». Так же твердо: «Будет!»

30 июля (ср). Безоблачно. Жарко. Утром опять Норка. Мыла посуду. Алена готовит обед. (О Людвиковской). Коп усиленно тянет на реку. Сел на веранде готовить снасточку для «дорожки» на плавучую блесну. Решили ехать всем на двух лодках. Но идти никуда не хочется.

До обеда с Алей в сосняке пасли Кисаню. «Нападение» ее на старую черную овчарку, скромно уступившую поле боя. Коп около раскладушки под кленом — около Стаськи. После

обеда глубокий сон на диване. Встал, надо идти на реку: Коп ждет. Но отказался. Поднялся сильный ветер, и очень неважно себя чувствую: все сидел бы да сидел (желудок нет-нет да скулит, голова, рецидив на ягодице, вялость, а главное, полная нескоординированность в душе... Ни намек на осмысление всего текущего... качусь изо дня в день... И все курю, хоть и чувствую каждую минуту губительность этого).

В итоге все дамы ушли на пляж, Коп на велосипеде тоже уехал к ним, а я забрал записную книжку и пошел в сосняк, где опять Аля сидела с Кисаней. Аля надумала попробовать велосипед. После первой пробы вернулась неудовлетворенная: машина не «берет» песок. Сейчас (5.30) ушла во «2-й» заезд. В 6 часов прибыла из Л-да Тамара Михайловна.

9-й час: озарение тишайшего вечера. Слышно побрякивание посуды: у Копелей ужинают. Аля и я под кленом. Кисаня у калитки. Тихон изучает лужок. Привезли дрова — звонкий грохот сброшенных с грузовика березовых поленьев. Солнышко садится, гаснут стволы сосен.

10 часов. Бледная высь вечернего неба. Стремительные — роятся, носятся в ней стрижи. Вечер на большом крыльце, Коп и Аля заряжают карнизы для занавесок. Солнце ушло. Гаснет, тлеет бледно-оранжевая заря.

31 июля (чт). Сильно обострилась болячка на ягодице. Коп прописал подорожник. Целый день, огорченный, дома, на веранде около Али. Вяло закончил Арсеньева. Аля весь вечер трудится: прострочила занавески, починила шезлонг, к вечеру навесила карнизы, оглушительно стуча молотком. Чуть не разревелся от этого стука, но старался молчать, как мог (нервы...). К сумеркам все готово: висят занавески, веранда стала уютной третьей горницей. Кошки живо осваивают новшество — сидят между занавеской и окном, тщательно несут вечернюю вахту.

1 августа (пт). Во время завтрака в окне — Боря Никитин. У калитки машина. В ней Безрученко с Норой [Нуриджанян], привезли неправдоподобное черное кудлатенькое создание — трехмесячную пуделишку. Поначалу напугался за «нагрузку», очень волновался за реакцию Кисани. Но все обошлось, и день, в общем, прошел приятно. Алена на веранде угощала «своей» лососиной, тортом, кофеем со сливками, было как когда-то «на даче»...

День райский, но я с утра чувствую себя очень плохо; немного простужен, т. к. каждый вечер промерзаю. Принял японское лекарство. Помаленьку разошелся. С ягодицей лучше, но ради моего спокойствия Коп повезет меня сегодня на рентгенотерапию. Специально (!) едет и Фира, будет сама мне делать облучение.

Безрученко после завтрака поспал, мы, остальные, у клена. Гости наши уехали в 5. Вскоре вернулся Коп, ездивший с Фирой, Норкой и Мишей на моей лодке на ту сторону. Сейчас 6.30. Жду зова: должен заехать Миша, он обещал нас свезти в Нарву, в больницу.

2 августа (сб). Ильин день. Жарко. С 11.30 до 8 с Виктором Ивановичем и Копом на моторке по Россони. Под саркульским полем мотор отказал. Во встречных моторках множество знакомых или подчиненных В. И. (день субботний). Под палящим солнцем у «моего» хутора общими усилиями попытка наладить: дерганье, разборка, смена свечи — все без толку. А солнце палит, непрерывно режут проносающиеся лодки, гонят волну, на волне гремит железный корпус нашей лодки, качает... Стало голове тяжело; наконец, еду в сторону дома на буксире один: будут менять лодку. Впереди — Коп, В. И. и шофер, взявшийся нас выручить. Привал на высоком берегу, в тени. Перекус. Благодать отдыха: лежу, сквозь травки на краю обрыва — дальние синеют протоки, зелень берега, золото песков Лысой горы. На привезенном «Прогрессе» едем дальше, до Олега. Он сам на мостках у своей лодки. («А где же Аля?») Тут же импровизированная ловля на живцов, тут же у тростников — пара окунишек... Зной, муть на горизонте.

В доме Олега. Огромный бревенчатый старый дом, испещренный, поцарапанный следами усилий Олега воссоздать, обновить хутор... Трагедия непосильной борьбы: Олег один на один в схватке со всей действительностью... Показное удовлетворение его содеянным (вобла «своя», «коньяк» и чай... Бледная лежанка!). 7.30 выехали. Небо перечерчено тонкими белыми полосами. В 8 часов дома. С одной стороны, конечно, удовлетворение и насыщение «средой», но тяжелая печаль не оставляла меня весь день: сон скользкий... *непричастность, видимость* благодати... но все же Благодать!

Аля с утра долго и хорошо занималась. Приходила Анна Максимовна. Потом Аля на велосипеде ездила обкатывать машину, заезжала к Синёвым — не застала. Сама очень довольна; даже гаишники ее останавливали: восторгались велосипедом, его легкостью и мобильностью.

Вечером в темноте вопль кошек: Тихон с висающей у него на хвосте соседской киской — кубарем на веранде в сопровождении вопящей «прекратите безобразие!» Муськой.

3 августа (вс). Серо. Дождит. Вереница посещений: Фирун с женой и внучкой (Алины «политнаскоки»). Норка и Мишка обедают (Аля выдала лососину!). После обеда Миша настойчиво заставил слушать какие-то специфические пленки. Я отказался. Аля слушала через наушники. Вечером пришел Гаврила [Гликман] с Таей. В сумерках на веранде — чай.

Но натянуто из-за присутствия Там. Мих. и Копя... Аля — у клена, спасается около Тиши. Когда легли, загремело, замигали молнии, полил отвесный дождь. Близкие удары — обширная гроза загрохотала в ночи...

4 августа (пн). Ночью кололо сердце. Утром очень давит на виски. Но тщательно умылся, побрился. Еще немного подремал после завтрака. Не курил. Потом пошел к морю (проверить одышку и ноги: давно не топал...).

Аля осталась заниматься. Прямо, мимо Кургауза — на пляж. К удивлению и радости, шлось очень, очень хорошо и почти без одышки (некуренье!!). Посидел на обрыве у маяка. Оттуда — к Гликману. Там ждет Копель: разошлись с ним на пляже. Комнаты Рабиновича, такие когда-то темные и холодные, преобразились: светло, уютное барахлишко, Гликман простой, гостеприимный; очень приятна Тая. Очень (!). К сожалению, опять закурил...

В 4.30 были дома. Пообедал. В 7-м часу с Копом и Фирой в Нарву: второй сеанс рентгенотерапии. В 7 — дома. Запись дней. День безоблачный, в свежем ветре. На море завиваются гребешки. Людей не много.

На закате сидели у грядки мальв. Аля, Фира, Наталья Васильевна [Гуревич] и я. Кисаня «лечится» в картошке около нас. После ужина Аля чинит коляску-тачку.

5 августа (вт). Уже в 9 часов утра солнце сильно припекало. День поднялся палящий, давящий. Спасало только прохладное веяние северного ветра. Удивительно, что при такой жаре в небе нет ни намека на марево или дымку и воздух прозрачен и чист, как хрусталь. Сидим на балконе, жмуримся от света и ловим дыхание ветра, колышущего занавески. Почитывал Солоухина. Заходит Копель, стонет от зноя. Рыбаки принесли двух 12-килограммовых лососин. Хозяйки (Аля и Фира) принялись за разделку.

День отмечен трагическим событием: утром приехала на машине семья Муськиной начальницы. Пошли на пляж до 3-х. С 3-х до 5-ти плавали на Россонь. В 6-м часу хотели ехать, продолжать путь по Эстонии, но мужу стало плохо. Коп привел его к себе. Разыгрался инфаркт, вызвана «неотложная» и пр.; давление 60. В 7-м часу отвезли в больницу в Нарву, куда он прибыл без давления и где он в 1 час ночи (на 6-е августа) и умер...

Вечером все на крыльце в огорчении, обсуждали происшедшее...

6 августа (ср). Вдвоем с Алей с 12 до 4 на море. «Часок» у Наденьки и Антонины Васильевны на родимом крылечке, в простоте и сердечности. У моря живительный ветерок. <...>

У Пигулевских — под березой, потчевание в кухоньке кофеом, рюмочкой, фарфоровая коробочка Зое Ивановне (от Али): о процедурах, о летней нагрузке Зои Ивановны... Туча скворцов среди лип на лужайке. Усадебная прелесть участка и деревянного домика. Аля у Синёвых и Пигулевских. «Божьи люди». Домой по Партизани. Духота асфальта. Заболел Стасик: миокардит (!!!). В 6 часов с Фирой и Копом в Нарву (3-й сеанс рентгена). Аля занимается на блок-флейтах. Умиление Фиры и Копы, да и мое тоже, чистотой звуков и Алиного дела.

В 9-м часу Гликманы. Копель. Сумерки. Таисе Дмитриевне нехорошо с сердцем. Аля отлучается, как в прошлый раз. Напряженность, которую Гликман сразу ощутил. Сидим с ним в комнате. Т. Дм. затихла в темной спальне. В 11-м часу (!) явление <...> Норы и Миши, как всегда, сидели допоздна... Аля «загоняет стадо», покусывает меня за то, что пропустил Тишку...

7 августа (чт). Нездоров. Видимо, немного продуло сквозняками... Как всегда в таких случаях, слезы подступают, аморфность, безнадёжность. (Аля на раскладушке на веранде с Солоухиным).

Долго спал после завтрака и обеда. Часов в 5 Аля уехала на велосипеде к Анне Максимовне (сообщить о прибытии «плоскодонки» [Ирины Уразовой]). Собрался с духом, сел с батюшкиной книжечкой. Постепенно стало так, как надо; и как боялся, что не будет. Бог послал просветление и трепет Благодарности, вопреки всему, что во мне было все это время... Аля приехала, как всегда, счастливая своей машинкой. У Волчковов опять беда: ангина у Фиры. Температура 38,6. Это третье несчастье у них. Коп ходит потемневший, похуевший. К счастью, здесь умная и спокойная мать Боба — Наталья Васильевна, которая неотлучна при Стаське и вместе с тем блюдет хозяйство. После завтрака, прежде чем лечь спать, посидел с ней и с затихшим от нездоровья Стасиком под кленом. Стало жалко маленького человечка. Приехал и муж Нат. Вас., отец Боба, человек замечательный и утешительный.

Вечером заходила Лиля Людвиговская со своими девочками. Восторгалась нашим домом, всем, что в нем, и Алей, создавшей его.

8 августа (пт). Все то же солнце, все та же жара. Начинаем тяготиться. Но Копель вчера справедливо заметил: «Много ли таких дней осталось?» Ох как понимаю это... Встали поздновато. После завтрака Аля сбегала за молоком и пошла к Норе. Я записал дни. (Что-то еле-еле пишется...) Сейчас 1 час дня. Очередной полдень минует. Коп просит Алю сделать Фире компресс. Пошел за ней к Норе. Остался

побеседовать. Сидим на скамейке Ефима... (воспоминания о пути в 43 г. в Пустошку, о гейшах, о моих «официальных» выступлениях — Осака).

Дома — на веранде у окошка с Солоухиным. Теплынь-пере-теплынь. И тихо сегодня, ветерок только иногда шелестит листвой клена... Алин, для всех с Мишей и Норой, лукулловский обед: очередная лососевая уха. Дрема. На веранде копошится Алена: разбирает, сушит холодильник. Я — «у себя», с книжечкой о. Александра.

9 августа (сб). День св. Пантелеимона. 10.30 — в церкви. («Так хорошо вдруг стало»... Видно, милость: не «в суд» и не «в осуждение» мое предстоящее...). В уголке клироса оба: отпущение. Батино: «...от недостойности моего...» Матушка нездорова. Туда и обратно мимо Кургауза и по Нурмэ. После обеда Аля устроилась спать на веранде. Я — у себя. Около 6-ти Анна Максимовна с Иришкой. Копель начал «стрекотать» на газоне. Чаепитие: Дульцинея тут же, Копел, наконец, Мишка и Норка со своими «арабесками» из-за косяка двери. Не выдержал — ушел к Фире, уговорить ее полоскать горло. (Вечера холодеют.)

10 августа (вс). Вдвоем с Алей по «святым местам» прошлого, уходящего, еще живого: к Гордзевич, к Вере Александровне (отрадно до слез!). Потом — к Гликманам. (Тая с пляжа; коньяк.) На уходе от них — ВЕСТЬ О СМЕРТИ ШОСТАКОВИЧА. Дома у нас уже знают: звонил Радчик (Дом композиторов). Умер вчера, в 7.30 вечера (началось в 5.15).

11 августа (пн). День «проблемы» отъезда в Москву, телефонные переговоры с Радчиком и Кауфманом⁸. Сборы...

12 августа (вт). Болотин с машиной. В 4 часа в Ленинграде. Ирина с нами. Обед: болотинский судак «по-польски». Отрада чистой, прибранной квартиры. Черный костюм. В 11 Володя; с ним на «стрелу».

13 августа (ср). Встречает неожиданно родной Женя [муж Галины Шостакович]. Гостиница «Россия». Завтрак (икра!). День и обед с Золотовым. В 6 часов на дачу к Ирине. Огромный стол, сковородка макарон на всех. С Ириной вдвоем в спальне, ее рассказ о болезни и конце. «Бедный мальчик — какую муку принял». (Бой за Восьмой квартет и Четырнадцатую симфонию.) Домой с Левитиными.

14 августа (чт). 10.30 — в Большом зале Консерватории (пропуск на машине; милиция). Вдвоем с Алей идем через весь зал к «близким и родным». Черный гроб. (Сначала нос Мити: птичка подбитая; потом подбородок и руки — руки деревянных распятий; в конце — *Величие Предстояния и Рас-творения.*)

Шестая симфония: мы с Алей вместе звучим; Восьмая симфония, 4-я часть. Вынос около 3-х. Шествие автобусов и машин. Прощание. Гвозди в крышку, могильщик — красавец-убийца. «Убранная» яма. Издевательство над венками. Холод. Либерман — листки. Неотлучный Андрей. Гимн... Часов в 5.30 у Ирины на даче. Все промерзли, голодны. Обильные еды, водки. Мы с Холодилиным. Моя «выдача» Петрову (в состоянии беспамятства...) С Левитиными домой.

15 августа (пт). Поздно встали. К 2-м часам к Левитиным на обед. Наташа (!), Левитин, рыдающий, просит сыграть симфониетту! В 5 часов — дома. В 5.30 — Андрей. Он и Володя провожают. Поезд на Таллин, в 7.20. Небо светлеет, но все еще очень холодно. Международный вагон, цветы, чашечки, проводница эстонка.

16 августа (сб). Ночью в купе мороз. Прибыли в Нарву около 6-ти. Неожиданно трогательная встреча Копа «на Сергее Кротове». Небо светлое. Благость воздуха. Дома — почивающая на диване «Диана в ситцах». Темно. Спертый дух... Кисаня здороваается. Завтрак. Сон. Аля засела за шитье очередных Мишкиных штанов. Проглянуло солнце. Почитываю Солоухина. Холодно. Аля вечером затопила.

17 августа (вс). Вдвоем к Анне Максимовне. На углу навстречу Ирина, вместе к ним. С юго-запада — чернота. Дождь. Отвесный ливень. Сидим на веранде. Арбуз, шампанское. Сосны в ливне. Безмолвие. Домой с зонтиками по лужам, намокли по пояс.

18 августа (пн). Нездоровится: полупростужен (сердце — бурдюк, налитый слезами). С усилием читаю Солоухина (кроме всего — призраки партитур). Около 6-ти Коп с Виктором Ивановичем. Сидим на веранде: болтовня, коньяк, зябну. У Али в это время Ирина и Анна Максимовна за чаем на кухне. Появляется Эстрин (?!) Изнемогаю от напряжения «участвовать». Анна Макс. «потребовала» музыки. Слушаем Серенаду и Восьмую Брукнера. Поздно ушли. Ложная порча проигрывателя. Очень взволновались.

19 августа (вт). Золотой день, но в тени холодно. Все нездоров. Почитываю, дремлю. Часов в 6 вышел на главное крыльцо погреться на солнышке. Аля с кисами и фотоаппаратом снимает их и меня. Аля все утро до обеда долго занималась.

Появление Олега и Анат. Ив. ненадолго. Олег тоже поснимал нас. Вечером, только сели пить с Алей чай, пришли Коршуновы. Его рассказы о физической утренней тренировке и купании, которые он совершает «не от хорошей жизни». <...> Алена монтирует пленку. Марианна сидит около нее.

20 августа (ср). Проснулся, думал, совсем слягу: голова, дыхание... После завтрака сидели с Алей на лужайке. День опять золотой, но очень свежо, хотя солнце сильно греет. Алена штопает свою кофту, кисы погуливают вокруг. Стаська спит в тени клена. Там. Мих. убирает комнаты. С 1 до 2.30 вкратце записал дни с 9.VIII по сегодня. Аля занимается на блок-флейте.

Только пообедали — появление Б. Никитина, Безрученко и Норки с корзинкой фруктов и на 1/3 выросшей Лили. Несколько менее мучительно, чем прошлый раз. Кисанино «сверху вниз» на Лили, но зато Тиша — в страхе под кроватью.) На ужин — две сковороды салаки, утром принесенной Виктором Ивановичем, «по-рыбацки». Уехали в 9.30.

Вечером на моем диване Аля демонстрирует свои «блоки» Копу, который захлебывается интересом, я — растроган, как старая мама, дочкой и ее достижениями... Из-за чернеющего замка, с юга, выходит полный месяц.

21 августа (чт). Ночью лунный свет пробивает шторы. Проснулся в тревоге. Поменялись с Алей местами. В ее уютке сладко заснул.

С Алей по Карья, мимо лагерей, мимо Бортниковского (встретилась Гордзевич с внуком), Люси, мимо Розановых — к Межколхозному санаторию, к Лутусу (у Али болит зуб). На море — безоблачный купол неба. Море голубое, нежное, уходящее в марево без горизонта... легкий свежий ветерок. Встретились с кланом Дервизов. Аля — застряла (по мнению Веры Евгеньевны, Солоухин «не без способностей» в стихах...). А Олег отнес Солженицына к гениям... Я сидел рядом, молчал... С Гликманом под маяком, потом у них — у новой на камине «фрески Гамлета». <...> Утешительный приход Олега [Богданова] с чудесными снимками (мы все на крыльце). Потом с ним допоздна у проигрывателя — Восьмая Брукнера и Десятая Шостаковича.

На восходе солнца сосновый бор стоит в брызгах золота.

Смерть — есть присутствие при собственном ее исчезновении.

22 августа (пт). ...После завтрака спал. Дремал и после обеда. Аля после завтрака за швейной машинкой, отрезает рукава у старой кофточки. Я и Тиша тут же. После обеда Аля занималась. После обеденной дремы сижу на веранде с Солоухиным. Потом с Копелем. Подгребла Ирина. Аля тем временем ушла и застряла у Миши и Норы (как потом выяснилось, «выдавала» Мишке за «все»). Пришли Гликманы. Чаепитие с пирогом и булочками. Ирина подпущая. Ушла в 9 часов. Аля демонстрирует Гликманам мой проигрыватель. Темно. Проводы с фонарем. Около 11-ти наве-

дение порядка всюду, водворение кошек. Муська утащила Алю и Фиру в баню. Вернулись в 11.30. Аля, как всегда, на седьмом небе.

23 августа (сб). Решил попытаться наладиться; оставил Алю и один — на море. Попытался пойти до заставы, но очень сильный юго-западный ветер явился слишком большим препятствием, особенно с учетом одышки. <...> Отмели кипят частыми гребешками, набегающими наискось на песок. Свернул обратно к маяку. День очень жаркий, но плотный, попутный нажим ветра помог идти легко. Сидели с Гликманами под маяком. (Тая вдали купается.) Затем вместе через «Русалку» — в парк, к пруду. Здесь почти нет ветра. Сидели приятно и просто. Вместе до аптеки, оттуда я — домой, они — к себе. Дома в 3.30. Аля свистит, я подремал. К сожалению, за обедом стычка с А., опять она «одернула» меня, а я не успел смолчать. Ну, да это-то пустяки... Записал дни с 20-го до сих пор. Пока записывал, сидя на веранде, Аля, сначала вдвоем с Тишей, а потом с Фирой, у Стаськи, близ его раскладушки у клена. Очень тепло, но ветер шумит, дергает крючки на окнах, завевает занавески... Пока не курил сегодня, но, видимо, закурю сегодня (?!). «Покаянное» письмо от Юры Левитина; вдвойне жалко, перед кем извиняется?! Вот как настоящие люди относятся к своим прорывам и слабостям... не то что аз грешный.

6 часов вечера. Аля на велосипеде уехала в овощной магазин за картошкой. Заезжала к церкви. Через дверь послушала службу, пение и голос матушки. Ветер стих. Настает погожий, благостный вечер. После 8-ми прогнал Вторую симфонию Чайковского. Бездарно делает ее Мазур⁹. Потом «Классическую» Прокофьева. Подгреб послушать Копел.

24 августа (вт). С утра Алена заготавливает харчи: решила ехать с нами и с Викт. Ивановичем на Россонь, к Олегу. В 11 отчалили на 2-х моторках от пристани Тралфлота. Солнце. Ветерок. Веселая рябь. Алена сияет, снимает берега киноаппаратом. Олега не застали. У него на крыльце теплейшая встреча с черным котенком и приветливой женщиной, эстонкой, постоянно живущей в доме Олега. Обратный путь: неожиданный пикник с рыбным начальством («шефом») — Виктором Ивановичем. В тени старого дуба, на лужайке против «моего» хутора. Часок за высоким обрывом над рекой, в молчании осенних сосняков, зеленеющих ковров толокнянки, в чаше безмолвно перепархивающих птичек. «Поцелуй земли»... Давно, давно уже не ощущал губами шершавой нежности сосновой коры. Небо затягивается холодной мглой. Очередная авария с мотором. Покидаем Виктора Ивановича и едем домой на лодке какого-то попутного дяденьки.

Ранние сумерки. Сплошная облачность. Побрызгивает дождь. Аля занимается. Зашла Иришка с вязанием, одна: Анна Максимовна нездорова.

25 августа (пн). Неприятная ночь: и физически, и в смысле ощущения присутствия чего-то от Д. Д. [Шостаковича]. Утро и день тишайший, в глубинном дыхании холодка... Аля занимается. Сажу на веранде, читаю Солоухина, смотрю на благодатную зелень вокруг, залитую тихим неярким солнцем, а сердце, душа, все тело ломится в неодолимой, всецельной, рыдающей слезной печали, отторгающей меня от всего сегодняшнего в неизбежное, совсем близкое, более реальное, чем сама сегодняшняя РЕАЛЬНОСТЬ... старческие мои руки... мамины... Сил нет...

Письмо от Кабалевского, негодяй какой!!.

После обеда долго вдвоем с Алей и кисами у гамака, «в соснах». Недолгое вторжение Мишки и Норки. Аля с друзьями обходит границы наших владений. Позднее возвращение Копеля с работы. Поделился с ним своими «состояниями» (с Алей, к сожалению, окончательно не могу этого делать). Конечно, утешил он меня по-своему: рюмкой водки. Под вечер слушали с ним 1, 3, 4 и 5-ю части Восьмой симфонии Шостаковича. Кошмарная запись. Да и то, что делаю я, тоже достаточно посредственно... приемлема только 3-я часть... Не знаю, одолею ли эту симфонию нынче??? Да и не только ее... даже Шестая симфония Чайковского и та встает проблемой. Вечером у Волчонков Шапиро принес мне блесну. Я «отдарил» его тройниками... Боже, какая белиберда?!

27 августа (ср). Хмуро. Очень холодно. По-осеннему все двери закрыты. Топится масляный «камин». 12—3 прослушиваю Десятую Шостаковича и Вторую Чайковского. В это время Аля долго у Фиры и Муси (судачат о Мишке и Норке), потом пасет в сосняке Кисаню (Кисаня нездорова опять: все время рвотные движения). Придя домой, затопила печку и вешала с Муськой за временкой веревки для белья. После обеденного сна обнаружил ее на лужайке, забавляющей Стаську.

Небо расчистилось: солнце. Пошел на главное крыльцо погреться в его предвечерних, но еще теплых и ярких лучах. Пришла Аля с кошками и Тамара. По траве протянулись длинные тени. Тянет от них холодком. Зелень «диких огурцов». В 6 часов — светлая, спокойная фигура Л. А. Гордзевич с Наташкой и Емелькой¹⁰. Ее букетик мне. Осмотр нашего жилища. С добром одобрила все. В 7 часов ушли.

Аля в спальню села заниматься. Вечером Фира пригласила ужинать: Коп привез миноги.

28 августа (чт). Ночью обнаружил Кисаню в плохом состоянии. Аля не проснулась. Долго лежал в темноте с болью и заботой... Утро пасмурное. Сильный ветер. Серые стеганные тучи с голубыми заплатами. Побрызгивает дождик. Обсуждение Кисаниной проблемы. Тамара Михайловна отбыла в Нарву. Алена чистит кухню. Пошел в сосняк прогулять Кисаню. Подгрребла и Алена. С полудня разведрило. Устроились на стульчиках в «зауви» под защитой сосновой горки. Проплывают тучки, то пригревает, то прячется солнце. Сидели долго и хорошо, Алена никуда не торопилась. (Сосновые шишки; Кисаня и муравьи.) Кисаня ест «крабий» суп. Ей вроде получше. Зашла Ирина, выкладывала свои огорчения, связанные с трудностями характера Анны Максимовны. Вскоре убежала в «Маяк» обедать. Незаметно наполнила, накрыла нас тень сосен, стал пробирать зябкий ветерок. После обеда — Восьмая симфония Шостаковича через наушники: с ними очень чисто и хорошо слышна вся партитура. Появление Антса, а вслед за ним и Копеля с Олегом. Пришлось свернуть занятия. В доме — никого: ни Фиры, ни Муськи, ни Али, уехавшей куда-то на велосипеде. Скоро появилась с бутылкой коньяка!! Коп обедает у нас. Конечно, откупорили коньяк и подаренный Виктором Ивановичем бальзам для кофе. Изрядно я опять клюкнул... Вечер, 8 часов. Как короток стал день, уж и заря гаснет. Холодно. Закутался в плед. Сажу на крыльце. Тут же Аля и Т. М. Коп вычерпывает «бассейн». Ловля плавунца (Базаровского!). Алена бодрая и добрая. Приезд к Копу двух молодых людей с картошкой. Ужинаю с ними у Копы на веранде. Черная ночь. Звезды.

29 августа (пт). Холодно, но тихо. Высокий серый полотно тучи. Накрапывает. Иногда просвечивает бледное солнце. Встали довольно поздно. К завтраку явилась Т. М. из бани. После завтрака записал дни (с 26 августа). Аля долго у калитки с подошедшим Левинзоном (виолончелистом и хорошим человеком). Вернувшись в дом, забрякала полешками — затапливает печку. Хорошо! Кисане сегодня получше.

Аля: «Пойдем, покажу у сортирчика две породы сосен». Прохладно. Тихо. Путешествие по «владениям». Радость вещного (живого...) мира травинки, камней. Тишка и трясогузки; бабка с Юмбой; богородицына травка на Муськином альпинарии. Кисаня при Але.

Пришли Гликманы. Холодное веяние будущих опасностей, забот и печалей: через них — и о нашем... скоро ушли. Незаметно разошелся и тихо частит сыпучий дождик. Серое заволоженное молчание — леса, неба, земли. Я после обеденной дремы в тепле домика тоже затих, как все вокруг, как небо и дождик... Пусть все предстоящее забудется. Пусть будет

Покой... И все-таки в глухой глубине таится, шевелится, сжимает тупая боль и тоска...

Кисаня, не обращая внимания на мелкий, но такой мокрый, мокрый дождь, сидит столбиком на своем любимом месте — в картошке — и мокнет.

Читаю Солоухина. Аля в кухне чистит привезенного Копелем линия. В 8-м часу А. М. и Ирина. Кардиограмма Стаськи, тревожный диагноз А. М. Всеобщая волчонковская паника и разноголосица... Алена активно (внутренне) участвует. Я — в стороне. Молчу в скрытом раздражении. И очень, очень это печально — это мое раздражение и зло, зло, зло... (мое, конечно).

30 августа (сб). Пробуждение глубокой ночью. Ровный, сильный шум ливня за окном. Аля тоже проснулась. В добре и приязни вместе пьем чай. Кошки — каждая на своем окне — глядят в черноту ночи.

Утром очередное одоление бесом (да! да! бесом) на тему Тамары Мих. и ее «дефектов». К счастью, горькое раскаяние и просьба о прощении у Али. Поцеловала в лоб... 12—4 час. — углубленное и обостренное слушание 2, 3, 4, и 5-й ч. Восьмой с. Шостаковича и 1, 2, 3-й ч. Седьмой Брукнера. К сожалению, «на базе» многочисленных чашек кофе с пресловутым «русским бальзамом». Проблески горячего солнца в окно. Аля, пока работал, за чисткой маслят, в огромном количестве принесенных Муськой утром. После обеда, мирного и «прощенного» (слава Богу), глубокий сон. Пробуждение. Т. Мих. в кухне печет пирог.

На крыльце: золотой, безмолвный вечер с дрожащими искорками дождевых капель на просвеченных косым солнцем кустах и травинках. В далекой тишине — стрекотание сороки.

Подъехали на велосипедах Копель и Аля с покупками. Ездили по морю до Норуса.

Прилег на диван. Нарастание непонятного недомогания. И в сердце, и в дыхании... боль в желудке. Погружение в покой, пахивающий небытием. Неодолимая изолированность от окружающего. Сознание отторженности от сидящих рядом Али и Копеля, их беспомощность. Нарастание чувства конца при полном отсутствии протеста... Скорей на оборот, утопание в нем. Постепенно, но очень, очень медленно, улучшение А. и К. ушли ужинать (грибы). Лежу один: ясность нелепости и недоказуемости деяния в искусстве. (Ощущью всё, как кроты, темпы, например. Проблема «listesso» [сохранения темпа] хотя бы... Ковыляем как недоноски... и все-то — многие, очень многие — верят «убежденности»...). Боже мой, как смешно все это. Как смешна моя «интерпретация» той же Пятой Чайковского; а какие неле-

пости обнаружил я сегодня утром в «своей» Восьмой Шостаковича!! А ведь даже сам Шостакович не заметил их... (а может быть, сделал вид???). Окончательно пришел в себя, наверное, в 10-м часу. (Все то, что произошло со мной, конечно, результат курения и алкоголя... Так ужасаюсь смерти, а сам каждый миг приближаю ее...)

После ужина с Алей и Копом побеседовали весь вечер о том о сем...

31 августа (вс). Встали часов в 10. Солнечно. Медленно плывут, грудятся ослепительно белые («рыловские») облака. После завтрака записал дни: с 29-го по сию строку. 12 час. 15 мин. дня. Аля в это время «сделала большой вояж» в соснике с Кисаней. Гликманы. («Оборотни», «Антон Иванович» — вымысел отношений). Обед на веранде. Тихая беседа. Тишь вокруг, теплынь, солнце. Благо; как будто миг благостный остановился навеки (вернулся в детство...), и — затаенная грусть предвидения близких разлук и исчезновений. Ушли, и день стал гаснуть, клонится к вечеру, как и не было его... Вечером на веранде с Копом. Очень холодно (о критике, Соллертинском, моем архиве, Фейхтвангере). Аля занимается. 8-й час; близок закат. Кисаня все лежит в своем «гнездышке» на холодной влажной земле у картошки. 7.30 появление Иришки с сумочкой, вязанием (очень плоха). Аля проводила ее. Дядька за калиткой колет дрова.

1 сентября (пн). Аля к зубнику. Переменное солнце. Зябко. Нездоров (желудок, голова). Аля тоже, видимо, не знает, что с собой делать: кормила кисок, принесла дрова, посидела со мной на крыльце. (Приехали Яша и Лена.) Когда я прилег, укатила куда-то на велосипеде. Сказала утром, что забыла (!) как играть на флейте и как заниматься.

Иногда мне кажется, что я ей стал просто невыносим (хотя, уходя к зубнику, поцеловала меня в затылок, я еще дремал). Господи... А я, убивающий ее своей атмосферой, совсем не могу без нее. Когда утром уехала, все оборвалось во мне. Представился ужас ее «отсутствий» в городе. Вообще, иногда кажется, что оба медленно погибаем и никогда уже не наладиться ни ей, ни мне. 2 часа — все нет ее. Пришел Юмба, дружески улегся около меня на солнышке под верандой. Надменная Кисаня проскользнула с шипом мимо него домой.

Алена вернулась домой *Просветленная!* Была у бати, на кольцо автобуса, купила молоко, творог у добрых людей (встретила по пути 2-х коров). После обеда вдвоем на веранде. Потемнело. Дождь. Вечером Анна Максимовна и Ирина — обследование Стаськи. (6—9 час. пьянство с Яшей и его приятелем, приход Белоконя и т. д.)

3 сентября (ср). С утра очередное мое преступное нападение на Алю (из-за отопления дома на зиму). Долго вдвоем, в сосняке, выбирались из ужаса и отчаяния. Почти погибли оба... Алины слезы...

Около 6-ти заходили Евгения Павловна и жена Воробьева по поводу жизни в Л-де Ирины (дочери Воробьева).

4 сентября (чт). В 12-м часу вдвоем «по улочкам»: в аптеку и к Синёвым. А. П. лежит в саду на раскладушке с разбитой ногой: попал под мотоцикл. Их заботы вокруг темы приобретения домика.

От них морем до «Чайки». *Яркое солнце. Штормовой ветер с юго-запада. Косые мутные гребни. Метелица песка.* Часок в парке, в тишине прудика. (Аля: «трагический образ серебристых ив, выходящих в порыве ветра».) Круги на воде от играющих карасиков. У зеленого магазина странная старуха в валенках. Аля — ласковая, близкая, *спасительная*. Откуда берет она силы и ум на все это?! С 4-х тучи, громы-хает, редкие капли. Вечером Анна Максимовна и Иришка. Киносеанс для них. Ушли рано: обе еле-еле ползают (вчера ночью спасали соседа инфарктника). В темноте Аля и я с фонариком в лесу ищем Кисаню. У Али начало приступа головной боли.

5 сентября (пт). Ясно, солнечно. Тепло. Дремал после завтрака. Аля на велосипеде — за молоком и к Кротову. Проснулся совсем больным, но сел заниматься: 1) Серенада; 2) Вторая симфония Чайковского; 3) «своя» и караяновская Седьмая Сибелиуса. Занимался с 12 до 4. <...>

Сейчас заканчиваю запись запущенных дней. 8 часов. Аля затопила печку. Потрескивают дрова. Копошится в кухне, греет мне молоко. Вечером продолжение «Травы» Солоухина и поздний перекур с Копелем на веранде (об А. Толстом, Федине, А. К. Толстом, премьере Пятой Шостаковича в Доме писателей в 1937 году).

6 сентября (сб). Вдвоем круг лесом. Нашими дорожками к «большому просеку». Благодать. Легкий воздух осенних сосняков, высокая, пушистая, пожухлая, соломенно-желтая трава полянок. Синева неба. Редкие облака. Маслята. К сожалению, то тут, то там голоса и огорчительные встречи с субботними машинами на лесных дорожках, недавно еще бывших тропинками. Отдых на скамеечке у просека. Среди стволов дядька-грибник в красном головном платке. У скамьи розовые сосновые бревна. Из леса вышли на местечки, где Аля эти дни ездила на велосипеде и о которых мне рассказывала. Вот и я повидал их. Асфальтированный конец Нурмэ, «мой» домик на Вабадусе, сказочный (впору и Москве) магазинчик,

где закупили всячину: и шпик, и селедок, и колбасы, и корейки. Видел и огромный стог сена у домика старичков, откуда Аля привозит творог, сметану, молоко. Незаметно наполнила туча. Задожидло. Несмотря на это, вышли к морю. Серо, ветрено, побрызгивает. На песке расплываются рябинки дождевых капель (дядька-купальщик с велосипедом). Переждали дождь под тремя елками (смолистые раны) и под древней липой. Домой вернулись в переполненном автобусе, прошли к себе по Линде. После обеда сон. Очень холодно, пасмурно. 6—8 слушал дважды Восьмую симфонию Глазунова (1, 2 и 3-ю части). Озяб, с веранды в непритворенную дверь тянет сыростью и холодом. Вечером дочитал «Траву» Солоухина. Очень холодно дома. Несмотря на позднее время, попросил Алю затопить, что она и сделала без всякого недовольства. Осталась ждать, пока печка стопится. (Темный багрянец печного зева, трепет бликов, «пляска» на полу). А меня сморил сон: лег в 11 и мгновенно заснул. Даже не слышал, когда укладывалась Аля.

7 сентября (вс). Еще совсем теплая печка утром. Пасмурно, затучено. Свежо. Аля уехала за молоком. Я — с 11 до 1.30 прослушал 2 раза Вторую симфонию Брамса: Клемперера и Караяна. Аля, вернувшись, — в гамаке с кисами. Позанимавшись, и я к ним.

Коп, Боб, Муська копают ров вдоль забора для посадок таволги в будущем году. <...> Уютно посидели с Алей у кошачьего соснового «гнезда»: группа маленьких сосен, в гуще которой они налегали себе лежки. Внезапное появление жены Борейши (!). Настырно потребовала показать ей дом, тараторила, галдела, долго сидела. Внезапно дождь. Темная серая стена неба за соснами. Гроза. Ливень. Сильные гулкие раскаты грома. Резкая перемена ветра с северо-востока. После обеда — сон. Проснулся — полное молчание. Куда все девались? Стал звать. Слабый голосок испуганной Али из спальни: «Я сплю». Вскоре встала, затопила печку, с 5-ти стала заниматься. Я записал дни (сейчас 6 часов). Сумрачно. Идет дождь. Ползут низкие дымные тучи, раскачиваются сосны. Холодно. На веранде даже стекла запотели. Но в доме тепло и уютно. Т. М. копошится в кухне. (Заходил Коп, скоро ушел к Белоконю: Муська и Боб сегодня уехали в город. Фира плоховата; невесело у них...) В 6.30 неожиданно героические «мышы» [Анна Максимовна и Ириша] пришли по дождю проститься. В заботах об укладке и отъезде, ушли в 8. С Алей и Т. М. втроем тихое чаепитие. Грусть о «мышях» и всем оканчивающемся. Аля пошла продолжать заниматься. Мы с Т. М. сидим читаем (начал «Третью охоту» Солоухина). Конец вечера втроем в тепле и тишине.

8 сентября (пн). В 7 часов утра неожиданная, надорвавшая душу и сердце стычка с Алей на почве заболевания Тиши. Полдня оба под впечатлением от нее и в беспокойстве за Тишу. После обеда, закутанные в пледы, сидим у временки в лучах солнца, яркого, но почти не греющего. Тут же и Т. М., и кошки, и Наталья Васильевна, дрессирующая Стаську. Подошла и Фира с покупками, и Копель с работы, голодный, худой, усталый.

С утра дул сильный ледяной ветер, неслись рваные, низкие тучки, стлались бегущие тени, а сейчас в бледной безмятежной синеве медленно плывут белоснежными клубами редкие облака. Стихийный ветерок перебирает желтеющую листву клена. В 5.30 Аля прытко затопила печку, ушла в спальную — работать. Я — сел, записал эти строчки.

9 сентября (вт). Чудесное утро. Аля готовит еду в поход. В 11 — Сережа: едем в Куремяз. В Йыхве покупка лака для крыши. Аля весело болтает с Сережей. Быстро промелькнула дорога: на взгорье впереди маковки монастыря. На скамейке, в тени, перед входом в собор. Аля — бледная: головная боль (скрыла ее дома и в пути). Нигде ни души, только одна монашка, проходя, спросила: «Что вам? Посмотреть?» Успокоенная, ушла, переваливаясь на старых ногах. У матушки Силуаны. Ее привечание нас: «Дорогие гости!» Кисти винограда на столе, хлеб, книжки. Тут же очередная «молитвенница» с чемоданчиками. Ушла, принесла 2 котелка: обед матушке. Пока кушала, мы на скамейке под березой у домика ее.

Воздух возносящий, врачующий — как родник. Солнце, синь неба, купола, ласточки. Безбоязненно, медленно пролетевший около нас голубь. Старушка с посошком: «Рай на яви... какой еще надо юг?! — Показала вокруг: — Вот вам юг, вот юг!» Ушла за угол; и опять — ни души. Молчание. Тишь великая. Чистота Божия. Я — Але: «Пройдет боль головы — не может не пройти здесь!» Плывущий встреч тучек собор-корабль. Клонятся купола в поклоне Божиему синему небу, зеленеющей лесами до края земле родной...

Вернулись к матушке. «Без Бога, веры нельзя; самоубийств сколько!»; «Мысли о смерти — полезные мысли»; «Страх — так и надо...» По поводу моего «зла» — с соболезнованием: «Неудивительно, сколько всякого вокруг „такого человека“; все злое стремится завладеть»; «Надо искать помощи, чаще — причастие»; «Наставника надо...»; «Без помощи очень трудно». <...> У колодца с крестом надпись: «нажмите кнопку — пойдет вода». Эмалированная тарелка, в ней кружечка опрокинутая. Аля — пальчики, лоб — свежесть. Чудотворный воздух дубовой рощи. Много желудей в траве. Сжатое поле. Тропка сквозь заросли — под обрыв, к тети Фениной избушке. «Ста-

рый Волк» копошится в уголке у печки. Радость, поцелуи, благодарности... Усохло тело, лик — глаза; живые мощи; но — терпение, добро, ясность ума и даже шутка над собой... «„Старый волк“ нынче сдал: ни в лес, ни дрова — не могу: одышка...», «кабы не одышка, я еще сильная, могу сломать дерево...», «меня не обидишь, — это про пущенную жить тоже одинокую женщину, — я как топну!» Налила Але стаканчик чаю. Закурили. (Гроб заготовлен на чердаке, и могилка с крестом ожидает на кладбище.)

Время шло, надо идти; и этому часу конец... Проводила до дороги — все кланялась вслед. Было уже 3 часа. Сережа [Кротов] дремлет в машине над книжкой.

У святого источника. Монетки светятся на дне «крынычки». Домик-купальня над деревянным срубом, где водица родничка в сумерках светлая, холодная, молчаливая. Широкая скамья, деревянные ступеньки ведут в воду. Под кустиками, на камнях у края сжатого поля — завтрак. Диакон с собакой прошли мимо. Выехали на шоссе. Вновь прощание со Святой горой, главами собора. До свиданья ли? Окружной дорогой в заветные Сережины боры. Часок — по грибы. Буреют папоротники. Пресный свежий дух лесного осеннего предвечерья; увядающий багульник, темные травы. В Йыхве поиски игрушек для Стаски — ему сегодня полтора года. В сумерках подъехали в дому Сережи. Обед. Уютный, добрый (без пьянства!). Встречают веселые псы. Чета Сережиных друзей — добрых, простых, милых людей. Михаил Федорович с красавицей дочкой. Копел, терзающий, крушащий цыплят табака, не поддавшихся огню и сильно огорчивших этим Валюшку-хозяйку. Появление за нами некоего очередного Копелева усть-нарвского вассала — мужчины красивого, умного, но несомненного хищного и сильно донжуанистого. В 11 часов вечера (по темноте) дома.

День благодный, счастливый, «Божий» (Аля). (Рассматривание игрушек Стаскиных: все в умилении, особенно от маленького поезда.)

10 сентября (ср). Утром Сережа привез купленный вчера лак. Сидим на веранде. Безоблачный, солнечный день. Аля демонстрирует свой маленький магнитофон. Рассказы о микропередатчиках. Около 2-х появление Стрижевой с Василием Платоным. Обедали, уехали в 6. Впечатление доброжелательства и приязни (обсуждение всякого рода проблем).

В 7 Ирина из Нарвы. Плохо себя чувствует. Я тоже «дрожу» (филармонические дела и озяб на веранде). Рассказы о Киеве, Анне... Сумерки. Ирина решается остаться ночевать. Вечер «бабьего» уюта: стелется ей постель, жарятся собранные вчера грибы, принимаются всякие лекарства на ночь.

Ходит взад-вперед Кисаня, Тихон спит у обогревателя в уголке. Пьется чай...

11 сентября (чт). Ночью небольшая тревога с моим брюхом. Ирину «топтал» Тишка: ведь она заняла его место на диване. Встали в 9 часов. Все хорошо, но у Али приступ головы. Очень сильный. Легла на раскладушке на веранде. Глаза больные... Ирина с ней рядом, вяжет. Я — записал дни. 1 час дня. Тепло. Мягкий ветерок тянет откуда-то с юга. С 1 до 2 слушал Восьмую Глазунова. До обеда с Ириной под верандами. Теплень. Аля спит, накрывши голову подушкой. Стасик изво-лит поживать под сиренью. Поэтому на участке тишина. После обеденного сна застал Иришу и Алю у «бассейна». Ирина рисует уголок участка. К 5-ти с Ириной, вдвоем, к главному крыльцу, в травку. День клонится к вечеру. В тишине на соседних хуторах перекликаются, «отпевают день петухи» (Бунин). Похолодало. На закате мохнатое солнце, дрожа лучиками, зажгло в кронах сосен золотую паутину. Над забором в косом луче «толкут мак» комары-толкуны. Подъезжал Антс. Появился, притопал в одиночестве самостоятельно, Стаська. Полез к Але. У нее на коленях вдруг превратился в нормального, нежного, сосредоточенного, тихого ребенка. Только у Али в руках могло такое стать: куда девалось захватничество, разрушительство, грубая крикливость! Даже во мне проснулась к нему теплая приязнь, за что мысленно возблагодарил Бога... даже повозил ему его цыпленка на колесах. Подгребли и обе бабушки, расселись на крыльце. Приехал с работы Коп, умилялся, улыбался.

Вечером ужин у нас, с Копом и Ириной (кура и пр.). Звонила матушка: завтра день Александра Николаевича (батюшки). Приглашают. Как быть? Приедут завтра Янсонсы, и нужен А. Н. подарок... и Аля больна...

12 сентября (пт). Тяжкий день: Алена с утра — к зубному врачу. Захватив на обратном пути такси, поехала в Нарву искать подарок для А. Н. и Синёва, отсутствовала долго. Сама сказала, что устала очень (еще не в порядке голова и давление). Мы с Ириной под верандами: она вяжет, я жду, жду Алю, с болью за нее. Вернулась к 2-м. День жаркий, ясный, в тревожном порывистом ветре. После обеда Аля закрылась в спальне — спать. Я — на диване лежу, молю Бога о тишине. Поминутно смотрю на часы; в 6-м часу должны прибыть Янсонсы... успеет ли Аля отдохнуть? Вдруг, как гром в ясном небе, Безрученки всем кланом и опять с собакой (думал, лопнет сердце). Но Бог милостив: Аля появилась, голове стало лучше, рассадил их на большем крыльце, предупредила о приезде Арвида, а Арвид с семейством, к счастью, прибыли только в 8-м часу. Безру-

ченки отбыли. «Die Familie» [семья] пошла опосредствовать дом, исходила восторгами и восклицаниями, приветствовала «героя стройки» — Копеля. Стол был накрыт у дивана. Ужинали в тепле и простоте. Конечно, много «толкли» о том, как надо дирижировать, какой техникой, как плох Симонов, Кондрашин и пр., и пр. Не обошлось и без ауры. Но на сей раз все это не раздражало меня; ведь большой кусок жизни прожит с Арвидом, сегодня тоже уже старым и не чужим мне... Отбыли около 11 на своем красавце «мерседесе», предварительно продемонстрировав на вмонтированном в машине магнитофоне Седьмую симфонию Брукнера в записи Арвида и ослепив ночной мрак и спящие сосны, а также Мишкины окна гигантской силы прожектором.

13 сентября (сб). Нездоровится. Чувствую сердце, верно итог вчерашнего напряжения. С утра Аля уехала за молоком. Я накрепко и надолго заснул в спальней. Проснулся — все нездоровится. День сегодня серый, с ледяным ветром. К Алене приехали ученицы: Мичурина и еще какая-то. С ними она до начала 4-го часа сидела на веранде и, как всегда, когда касается дело флейты, — исключенная из всего окружающего, неотрывно чинила инструмент Мичуриной. Я записал дни. Заходил Коп, приглашал к ним: празднуется полуторагодовой юбилей Стаськи. С ним поели так называемых Тамариных вареников. Аля с девочками пришла обедать позже, а именно — в 4 часа. Сейчас 4 час. 20 минут, судя по тому, что слышу в голосе Алены, разговаривающей с девочками в кухне, — обедают, ей, слава Богу, лучше.

В 5-м часу у Копелей обед. <...> Аля ушла проводить своих девочек, мне все же пришлось пойти, дабы избежать ссоры с Фирой и Копом. Пока я там, Аля пришла домой очень измученная. Сидит с Ириной. Вечером от Копы зашли к нам душевнейшие Сережа и Валюшка условиться о поездке за грибами. Проводил их к машине. После чего втроем слушали «Онегина». Слушал потрясенный (Петр Ильич!!! А. И. Орлов! Рейзен! А. Иванов!¹¹). И передачу США. Перед сном — уже в постельке — Аля запустила свой магнитофончик с записанной моей игрой на рояле (когда учил Четвертую Брамса в Комарове). Ирина ночует.

14 сентября (вс). Тихо. Беспросветно серо. Мозгло. После завтрака сплю (очень нездоровится после вчерашней водки у Копы, ноет желудок опять...). Полеживал до самого обеда. Иришка прибирает комнаты, потом помогает на кухне, жарит рыбу. Т. М. «рожает» пирог с яблоками. Алена тоже копошится (на веранде за швейной машинкой), но напряженно вздрагивает, видимо с болью нервов, в итоге последних действительно тяжелых дней (голова, гости, ученицы...).

Прошел небольшой дождь. В 5 отбыла Ирина: в Нарву, а оттуда в город насовсем. Грустно, но, как и все, неизбежно. Аля проводила ее до Линде. В 7 час. пошли с ней к Синёвым отнести подарок (лампу Александру Петровичу). У них все уложено, прибрано. Комнаты опустошены, тоже уезжают завтра насовсем в Силламяэ. Но было у них, как всегда, тепло и по-родному: прощальная бутылка шампанского, сумерки, семья, арбуз, очередные горячие дебаты А. П. с его «девочками» в связи с намерением купить домик. Антонина Васильевна и Наденька проводили нас до аптеки. Домой мы пришли после 9-ти. Темно, зажжены по улочкам фонари. Безлюдье. Брегают собаки. Туда шел с очень большим трудом: задыхался в одышке. Домой шлось много легче: не курил у Синёвых. Куренье. Куренье. Куренье... У нас на кухне чаепитие: Аля, Фира, Нат. Вас. Тепло, светло. Легли и уснули в 11.

15 сентября (пн). Начало последней... нашей недели. Серый, но высокий день. Свежо. Иногда солнце. Сильный ветер. После завтрака Аля затопила печку и — за молоком на велосипеде. Я записал дни. С трудом и неохотой. Пришел и улегся рядом на своем пледе Тишка. 12.15 — приехала: слышу, вносит велосипед на веранду. Рассказала: ехал с ней рядом, кружил вокруг цыганенок на полусамодельном велосипеде с соплюхой на губе. Расспрашивал про Аленину машину, на повороте — кувыркнулся. Приехала бодрая. Вопреки всякому здравому смыслу, появилась у нас Нора; мы сами, побуждаемые непосредственным порывом сентиментальности, помахали ей в окно. Я внутренне пожалел об этом, и пока она с Алей болтала на кухне (довольно натянуто), я — у себя — разобрал папку «лето 1975 года». Затем Аля ушла в спальную заниматься, а я у своего окошка на диване с неизменным томиком Бунина. Приехал Сережа со стекольщиком (вставлять 3-ю раму нам в спальную), принесшим на крыльцо гигантское стекло из сарая, которое он стал резать без линейки, будто это было не стекло, а масло.

Тем временем Т. Мих. на кухне пытается изготовить блины. После ряда трагедий, консультаций с Алей, отчаяния чуть не до слез — блины из блинной муки наконец были изготовлены, и в 6 часов вечера мы сели за стол! Блины, хоть и холодноватые и бледноватые, шли великолепно, одобренные сметаной, селедкой, красной икрой (!) и горячими рублеными яйцами, и напоминали давно минувшие времена... Я налопался как следует и немедленно погрузился в сладкую дрему на диване. Алена же героически продолжила занятия. В 8-м часу побрел к Копелю. Подошла и Аля, обе бабушки, Коп, да и мы с А. — впятером гипнотически, как в телевизор, добрый час глядели на Стаську и его новые (не по дням, а по часам)

«житейские достижения», «ужимки и прыжки», пока Нат. Вас. не унесла его спать во времянку. 8 час. — пошел к себе, дописал сегодняшний день. Вечером «ловили» радио и прослушали Шестую симфонию Сибелиуса (восторг Али). Копель, глядя на нас с Алей слушающих, сказал: «Как красиво! Вам не видно, а мне-то видно!» Мирно легли в 11. Аля — немного с книгой матушки Силуаны.

16 сентября (вт). После завтрака подремал. Все разошлись. Аля — к зубнику. Один в солнечной лужайке у бабкиного забора, в сосняке. Тучки, невысокие, плывут с юго-запада, а поднебесная дымка медленно движется с севера. На мой свист отозвалась, прибежала из-за дома Кисаня, стала пастись около меня. Тихо кругом, свежий, живительный веет ветерок. Дома вокруг подобны кораблям: вот бабкин, старый, в дальнем своем плавании, надежно близится к концу пути; наш — новый, заново оснащенный, задорный, не ведающий предстоящего ему; дом Ефима, с поврежденным днищем, сносимый с пути случайными течениями.

Вернулась из ближнего леса Фира со Стаськой в коляске и кульком маслят. Говорят, нынче небывалое их высыпало множество. 11.45 вернулась Аля. Уселась на мой стульчик. Я — на досочке у сосны. Аля: «Рай...» К 1 час. дня пошел ненадолго к Гордзевич, проститься. Утешительная и дорога мне наша взаимная приязнь. Домой пошел берегом Наровы. Тихо на реке, легко, благостно. Неяркое солнце озаряет светлую спокойную гладь, побуревшие луга заречья, дальние боры. Ласков ветерок, ласково солнце, ласково небо с медленно плывущими размытыми тучками. Так хороша эта осенняя ласка Природы, просветленного приятия, завершения и прощания — как бывает прекрасна ласка предвечернего часа земли в погожий день в разгар лета.

Прошел давними местами Инны — вверх по реке, вдоль лугов, выходящей вдалеке речной синевы и золотящихся за ней песков, борового лесного берега. Поднялся на кладбище. Среди сосен, в молчании — распростертость крестов, указующих места скончания путей, лежащих здесь. Часок с ними... «Стукнуло 40 лет» или «Пошел 8-ой десяток». Боже, как это различно, хотя одинаково «ужасно»... Домой — краем, обрывом по-над рекой. Среди тусклых крон сосен — пламенеющие огнем багрово-розовые клены.

Дома — в 3. Обед. После него мгновенно сморил крепкий сон. Проснулся от говора и суеты: стекольщик приехал ставить раму в спальн. С ним Сережа и прелестный Мих. Федорович. Последний насел на меня и Алю, чтоб ехали с ним в Силламяэ. Я отговорился, а Аля согласилась. Рама была водружена, и все уехали в 6-м часу. Сразу все опустело,

смогло. Для меня теперь всякий отъезд — всегда сжимающая, режущая боль в душе и в перемятом моем сердце... Сел записал день. Сейчас 6.30. Небо затянуло. Сильно похолодало. Тиша спит на подоконнике над диваном, на котором я пишу. Затопил печку. Долго сидел в кресле, слушал потрескивание, смотрел на гудящую пляску языков огня. Ужинал грибками (увы, с рюмкой водки) у Фиры. Вечером пошарил в эфире. Около 11 с шумом и веселым говором вернулась Алена в сопровождении раскрасневшейся Валушки, Сережи и Михаила Владимировича, нагруженная пакетиком с яблоками, пирогами, балычком, гостинцами, посланными мне женой Мих. Влад.; вся в восторгах по поводу садового ее хозяйства, уклада и атмосферы семьи.

17 сентября (ср). С утра Аля уехала на велосипеде. Привезла в багажнике молоко, пакетик мяса, кулек лука. Тут же по кусочку мяса получила Кисаня и прибежавший бабушкин Юмба. Затем состоялось перетаскивание холодильника с веранды в переднюю (на зиму). Аля возилась с налаживанием проводки, и я долго ждал ее, чтобы идти проститься с батюшкой. В 12 час. вышли. Перечислю на память путь: по Калеви, мимо «цыган» (строят новенькие заборы), по Горной, по Кудреюла мимо участка покойных Скипиных, нового жилмассива с грохочущим краном, по пустынной улице Рая с сидящими за заборами зловеще молчащими овчарками. Домик батюшки. Милая, родная веранда, любимая моя иконка Божией Матери. Тихая беседа. Детское, бытовое любопытство батюшки к мирским «событиям»: недавно повесили какую-то девицу в лесу; о «деятельности» Фируна, выселение людей с некоторых участков для «строек»... матушкиных заготовках на зиму, нашей «устроенности» здесь («Слава Богу — свое»), здоровье батюшки, как служить, если ослепнет?.. о том о сем... Благословение.

От церкви на пляж. Серое, шумное море. На отмелях пенистые гребни. Тонкое серебристо-лазурное свечение воды от отраженных в ней голубых просветов между плывущих пухлых облаков. На западе из прорыва туч (от самого престола Бога Саваофа) дымные стрелы солнечных лучей падают широкими, гигантскими Мечами — за край земли.

Хорошо шагалось вдоль моря домой: эти дни море заливало весь пляж и повсюду песок плотен и упруг. Долго ждали автобуса. Не дождались, пошли пешком. Тут я поустал и позадыхался немного, хотя в целом сегодняшний путь мне легок и бодр. Дома ждали нас блины!! Коп принес чудесные отпечатки (от Олега) Алиных снимков. После обеда — мертвый сон. Проснулся от грохнувших дров: Аля затопляет. Когда затрещало, запылало и загудело пламя, Алена пошла зани-

маться. <...> Заболели нервы, и я бросил бесплодную попытку записать день. Аля долго занималась, а я все это время маялся и неприкаянно слонялся: то брался за Бунина, то курил на веранде и т. д. Вечером так же бесплодно пошарил в эфире. Немного побеседовали с Алей (на веранде) об ужасах и проблемах будущих гастролей, Буяновском и т. д. Перед сном почитал книгу Гаука. Аля — в постели с книгой матушки Силуаны.

18 сентября (чт). Ночь тоже была плоховата. Поэтому после завтрака, с благословения Али, опять забрался в постель и крепко заснул (до 11.30). Проснулся освеженным, здоровым. С удовольствием умылся и пошел к Але, которая за калиткой приводит в порядок, расчищает «подъездные пути» к нам, захламленные Копелевыми камнями, остатками дров, лучинами и прочим хламом, а также помойные ямки, неряшливо засыпанные нашей Тамарой и Муськой.

День благостный, и мы на стульчиках устроились в своей низинке у бабкиного забора вместе с обеими кисами (конечно!). Старая, полузасохшая сосна. Ее оголенные суки и сучья, пепельно-серебристые. Могучие их изгибы — окостеневшие в пространстве следы живого усилия (движения, пересечения времени и пространства). Вольный ветер веет в непорочной синеве, шумит в соснах, качает мохнатые кроны. Веселые тени дрожат, играют, зыблются промеж стволов, неся осенний глубинный холодок. О тонком, еле заметном издали золотом тоне увядших лесных злаков, об упругости их, гибкости на ветру, прочности стебля. О впечатлении (издали) пушистых их метелок-колосков, в действительности жухлых, пустых и как бы сидящих на соломенных проволочках. О золотистости их стебельков от переливов солнечной полоски на них при покачивании. Об изучении диких злаков!!

Сидели, счастливые, долго, почти до 4-х, передвигаясь вслед за пригревающим солнышком. Заходила Норка, рассказывала о своих одиноких хозяйственных (грибных и пр.) подвигах (о синицах, скворцах и чечетках, налетающих в ее сад около 6 часов дня). Обедала у нас. После обеда сладчайшая дрема у себя на диване. Такой сегодня чистоты и силы воздух, что сморил он меня, будто впервые сегодня я после долгой городской тюрьмы оказался на вольном просторе Природы.

Проснулся, не в пример вчерашнему дню, бодро и весело. Нашел весь женский персонал у временки, вокруг покупок Там. Мих. Аля в 5 часов пошла в спальню заниматься, а я записал дни (без особого напряжения). Сейчас 7 час. 15 мин. Смеркается... Из-за леса, над Ждановыми, поднимается блед-

ная, полная луна. Небо налилось синевой. Синева ночного неба совсем особенная: она мглиста и прозрачна одновременно.

Осталось нам быть здесь 3 дня... Господи, помоги. На большом крыльце. 8 часов, заря гаснет. В побелевшем небе чернеют неподвижные вершины сосен. Тишина полнится отдаленным гулом морского прибоя. 9 час. 30 мин. Стемнело. Зажглись редкие звездочки. Аля отзанималась. Готовится пить чай. Вечером с огорчением, как и всегда, перелистал эти записки. Аля — напротив в кресле, с книгой м. Силуаны. Уже в постели почитала мне «Исповедь» (удивительное совпадение слов «хлеб наш насущный» в чтении и во мне).

19 сентября (пт). День такой же, что и вчера, — синий, свежий, с веселым солнцем и ветром, но состояние духа другое. Когда Аля уехала за молоком, я начал укладываться. Упаковал почти все «свое». До обеда с Алей и почему-то с опять появившейся Норкой сидели под верандой, болтали. После обеда Аля уложила сколько-то чемоданов, затопила и ушла заниматься. Занималась долго. Я почитывал Мельникова, следил за печкой, дремал. Вечером у Копеля опять сидели за коньяком... Потом, когда Фира (справедливо недовольная) легла спать, перешли с Копом к нам. Долго трепали языками, а я — будучи под хмельком — все лез читать (и увы, читал) свои «нотатки», чем огорчил Алену. Когда К. ушел, она объяснила свое огорчение очень убедительно, хотя и печально для меня и моих «литературных» посягательств. Умница она, человек большой! (Не то что я со своим круговым банкротством...)

20 сентября (сб). Затученный, холодный, стынувший день. Алена за крупами и пр. Я — закутанный — на лужайке в раскладушке пью несказуемой чистоты, глубины и целительности воздух. Алена вернулась, стала помогать Т. М.: ведь сегодня «прощальный» обед с Копелями. С 3 до 5 обед. Очень хорошо все было. Передохнув, с Копом отнесли Белоконю Алин подарок. От них в ночи забрели к Ждановым. <...> Танечка у меня под мышкой. Аля после обеда и до позднего вечера занималась. Фира с Т. М. в бане.

21 сентября (вс). Утром скверное самочувствие. В природе все то же — безоблачно, чисто, тихо, но, пожалуй, еще холоднее (утром сороки, скворцы, синицы толпятся за окном). После завтрака и дремы укладка и со слезами в сердце на скамеечке под верандой. Жданов с тарелкой огурцов и помидоров. После поездки за молоком Аля за генеральной укладкой (кисы подрались на веранде). Грелись с Копом на солнышке у времянки. Вечер, все (кроме Фиры, занятой пирогами) —

у большого крыльца. Коп красит столбики и арматуру в подвале. Стаська со своим «ко-ко-ко» и бабой Лютой. Аля учит его ходить по ступенькам. Потом на лужайке разбирает велосипед (сердце мое и душа ломится, вспоминается смерть старого Джояконо...). Закатная травка, вся в вечерних тенях, золотится множеством трепещущих паутинок. Крик Копы: «Гуси, гуси». Быстро, с гомоном, высоко в небе, перестраивая треугольник на лету, протянул большой косяк гусей. 8-й час. Сумерки у Копы. <...> Стаську кормят. Аля с Т. М. у нас сидят: все почти готово к отъезду.

Лето. Усть-Нарва

13 мая (чт). 12 час. 12 мин. выехали с Тамарой Михайловой «на Володе». Аля и Борис у подъезда машут вслед... Вопреки продуманному варианту — уехать мне одному, у обоих на сердце горькое недоумение от разлуки, «могущей не быть».

По пути: солнечно, тепло. Легкие размытые тучки в вышине. Исчерна-багровые, отягченные сережками купы тополя черного. Серебристый тополь тоже зацветает. Неярко зеленеют березки, но еще не цветут. Массовое цветение мать-и-мачехи. В тени ограждающих дорогу ельников с северной стороны еще много лепешек серого, заledenевшего снега. Пролетела белянка. Редкие носятся скворцы. Желтеют купы покрытой барашками ивы-бредины. Лес распушился, налился, но еще не оделся. Я застал весну «неодетого леса». По мочёжинкам [непросыхающим местам] и опушкам высыпала белая перелеска, а в голубых лужах золотом горят кустики купальницы.

В 3 часа прибыли. 3.20 был у Кисани... Крышечка из кусочков дерна на могилке, очерченная усилиями Алиных рук (2 апреля 1976 г.). Почки сирени и черемухи распушились. Клен раскрыл цветочные почки, выпускает соцветия. Зацветают березки. Дома — топка плиты, готовый (Алин!) обед. Раскладка маленького чемодана. Большого не тронул, оставил у Алиной постели, нет сил. Тем не менее в 6 часов у Копеля со Ждановым; конечно, водка, рыбка и т. д., но в пределах... и ночь первая.

14 мая (пт). Солнце. Тихо. Вышел на крыльцо. Соседкины куры роются во главе с басистым, квохчущим серым петухом в прошлогодней листве под сиренью. Сидел у сирени на солнышке. На крыше дома у Копелей новая антенна: телевизор; кроме того, Коп сообщил, что стал «классным шофером». Это значит, не за горами и появление машины. У дома стоит уже не одна, а две детские коляски: Стаськина и Яшкиной дочки — «Чуньки». Размножились Копеля в геометрической прогрессии. <...> Тем не менее вокруг непередаваемая благодать и Благодсть ранней весны, травяного духа изумрудной молодой травки, веяние ветерка, тишины, далекой дробидятла... Только будучи здесь, понимаешь, чего мы лишены в городской привычной тюрьме... и чего лишена сейчас находящаяся там Алена. Вечером прибыли Муся и Боб. Весь вечер пытался представить себе Алю, Малый зал, ее «мышей» [учеников], начало, антракт.

15 мая (сб). Бритые, разборка лекарств, чемодана. Сидел на сосновой горке. Кисаня и тут около меня (неподалеку Лена «пасет» Чуньку).

Потом млею на припеке у дровяного сарая. Запах нагретых досок, сухих дров. На веранде Т. М. гладит белье. Сажу слежу мысленно за Алей. Вот 6 часов, встает: вечером концерт. И только подумал, *звонок Али* по телефону. Вся радостная — вчерашний концерт ее класса прошел очень хорошо. Вечером — ужин у Копы. <...> А до этого, конечно, поставил Брукнера, Восьмую симфонию. Тут же Коп и Боб. <...>

16 мая (вс). Утром долго отлеживался на своем диване и вышел из домика только в середине дня. Сердце изгрызено. Совесть скручивает в узел. Взял читать «Рождение оперы» [А. Д. Бушен-Каменской].

Черемуха выпустила листву и сероватые столбики будущих соцветий. В глубине, меж молодых крошечных листиков сирени, тоже можно рассмотреть зернистые зародыши будущих цветочных кистей. Клены стоят золотые, в полном цвету. Изумрудные березки увешаны цветущими сережками, клонятся, веют изумрудными ветвями в легком ветерке.

Вечером, тайком от Стасы, отъезд Муси и Боба «на Пигулевском».

17 мая (пн). Не сопротивляясь — «будь что будет», — долго спал после завтрака. Потом на стульчике — у сирени. Холодный ветерок. Парочка горихвосток залетает и выпархивает сквозь щели досок в дровяном сарае. Одиночные, иногда парами скворцы в стремительном полете (гнезда, птенцы?!). Иногда вороны пролетают деловито и всегда молча.

Гляжу, слушаю, обоняю, не фиксируя: как бы сам теку во всем... в Покое, отсутствии желаний и смутно грызущей сердце боли. Все еще с участка ни шагу не сделал, да и не могу, не говорю уж об одышке и частом удушье...

Видимо, к концу жизни организм *готовится* к акту смерти: постепенно рвутся связи с окружающим; почти не влечет ничто внешнее (даже природа) и ничто изнутри не побуждает ни к чему. Наступает нечто подобное анабиозу: нечто подобное последнему концу групповых репетиций, последнему концу... Да! Но как и чем жить до Его Прихода?? И тут мелькнула мысль, догадка выхода: постепенно облегчая себе встречу с ним, *надо жить утехой последнего присутствия, то есть вернуться в мир вещиности!* (Всю жизнь «разоблачал» иллюзорность «вещности», открывая Совершенство, теперь круг замкнулся... как глупо бывает любое «разоблачение»!!) Но это возможно при одном условии: *при наличии чистой совести!* Вот задача в последний и решительный раз, стоящая передо мною.

На сегодня же «практика» моего окаянства такова: в 6 часов выклянчил у Т. М. водку и «спасся» от себя в слушании Восьмой Брукнера. NB: и ложь «во спасение», и «правдивость» — равно святотатственны и губительны. И «убийственны». Что-то, может быть, надо не помнить: то, что «не изъять»?..

18 мая (вт). *Нормальная ночь.* В 6 часов хорошо проснулся. Оделся и вышел. Земля, небо, воздух — Весь Мир подобен необъятному Роднику. Солнце поднимается из-за леса. Трава в росе. Дыхание ветерка чуть колыхает хвою сосен. Далеко, далеко кукует кукушка... На Кисанкиной тропке зацвели скромные, еле заметные семейки фиалок и каких-то беленьких цветочков на высоких, тонких стебельках. (В окно вижу: Копель встает, уходит на работу.)

Встал в 9.30. После завтрака записал дни: с начала и до сих пор. Сейчас 2 часа 40 мин. День солнечный, яркий, но дует сильный и очень холодный ветер. Рыбак принес судаки: поделились с Фирой. Копель приехал с дяденькой, с которым был у меня в 1971-м и который меня снимал тогда в «Раковой шейке», в моей «ссылке»¹.

Много наговорил печальных прогнозов, в связи с чем наши хозяйки решили немедленно начать запасать все, что будет возможно и как можно больше.

В 5 часов звонок Али: выходная, «отлеживаюсь». Чтение «Рождения оперы». Т. М. неутомимо все время что-то делает по хозяйству. Даже Фира ей сказала, что она целый день «как заводная». В 8.30 вечера чаепитие. Беседа с Т. М. о судьбах творческих людей и обывательском любопытстве вокруг них (Чайковский).

19 мая (ср). День пасмурный, холодный. Сильный ветер. Изредка в разрыве туч — яркое солнце. Изумрудная зелень цветущих молодых березок кипит на ветру. Весь день одержим формулировкой темы «одиначества», но сил — сесть и записать — нету; еще и не додумано вдобавок...

На склоне лет Одиначество перестает казаться чем-то, на что можно повлиять внешними факторами, из чего можно выйти и что можно нарушить. Теперь — в старости — оно предстает как неизбывная реальность, нерушимая, неодолимая изолированность, не имеющая ни выхода, ни входа, проникнуть в которую (перейти за черту) не дано даже самой близкой душе и избавить от которой не в силах ничто. И новое это понимание, вероятно, *тоже служит постепенному привыканию к мысли о последнем одиначестве*, ужасном последнем одиначестве в смертный час... И единственное, что может облегчить одиначество, — это *ласка*: ласка души, ласка голоса, даже просто ласковое прикосновение руки. И когда

есть силы, конечно, неустанное, пристальное вживание в душу близкую, совершающую путь одиночества. В одиночестве же, отягченном разлукой, единственная радость — это ощущение обоюдного бытия и благодарственная молитва за то, что *оно есть!!* В этом, наверное, и заключается чудо: будучи врозь — быть вместе.

К вечеру закончил книгу Бушен. Из дома почти не выходил: зябко. Т. М. топил плиту.

20 мая (чт). Закончилась первая неделя жизни здесь. Уже... Но похвастаться мне пока, прямо скажем, нечем. День сегодня тихий, сияющий, но дышащий холодком. Клены за эти сутки вывесили нежнейшие, бледно-зеленые тряпочки молодой листвы. Сел за эти записки. В 11.30 звонок Али. Вчера был гос. экзамен Лены. Отзыв московской комиссии: вершины профессионализма. Это очень хорошо. Но Аля так устала, что даже почти не радуется. Сегодня опять надо ей идти к 3 час. в Консерваторию. В городе холод. Топить перестали. В квартире гуляет ветер. Храни ее Бог... К счастью, ночует Люся. Но она очень рано встает и будит Алену.

С 2 до обеда (4.30) сидел на солнышке у сирени. Бутоны ее уже почти догнали по величине бутоны черемухи. Несмотря на ветерок, очень тепло. Долго гудел над лужайкой черный, с красным хвостиком шмель, искал цветы не нашел. Налетели на Муськин альпинарий скворушки, бегали, торопливо что-то клевали, стремительно улетели. Промелькнула первая весенняя траурница.

Обошел участок. Новости таковы: цветет у времянки крыжовник. На альпинарии цветут фиалки и семейки каких-то веселейших разноцветных «народцев», зацветает тюльпан. У Алиной бабки зацветает коринка и вишня. Вдоль забора дружно зеленеет кайма акации. Недалеко от Кисани, из-за забора другой бабки, высунулась вишенка, вся в блестящих лаковых листочках и розовато-белых комочках-шариках, вот-вот готовых распусться цветочных лепестков (каждый комочек лежит — покоится — в ладошке цветоножа, бережно охваченный, как пальчиками, пятью чашелистиками). У калитки полил свою «собственную» мальву. К сожалению, она посажена в слишком темном месте.

В 4 часа показался в сопровождении Фиры из времянки, сдобный от сна, полупроснувшийся Станислав.

После обеда — дрема. В 6.30 проснулся. За окном — предвечерний час: на сосновой горке протянулись длинные тени, золотятся травинки. Не торопясь прочел парочку рассказов Честертона. В 8 часов появился Копель с новостями: 1) в Москве (?) организовано общество проверки исполнения решений(!) Хельсинского съезда; 2) Нарва, как невеста, убра-

на цветущей черемухой; 3) принес интересную статью (в «Неделе») о пустынных муравьях-«бегунках».

Т. М. и Фира опять купили судаков и возьмется с их разделкой. Летают комарики. Коп вечером бреет лужок. Остро пахнет срезанной травой. Зябко. Перед сном Коп «у нас». Беседа о хирургии, о моей операции, о Вл. Мих. Можайском и Инне...

21 мая (пт). Безоблачно, но очень холодно и ветрено. Зацвели одуванчики. С 12 до 3 сделал первую вылазку. Был у Лидии Александровны [Гордзевич], перенесшей операцию в Киеве и заметно сдавшей и будто переступившей порог старости. Сидели в ее зацветающем на солнце садике. Беседа с ней, как всегда, утешительна близостью, пониманием с первого взгляда и сердечной приязнью (и достоинством). Миновал 3 новых выросших девятиэтажных страшилища-дома. Постоял в заулке над участком Веры Михайловны, под облитыми белым цветом старыми черемухами. На участке еще нет никого: таится он в своей ложбинке, как зеленая чаша весеннего изобилия молодых трав и сияющей зелени листвы. Заглянул и к Евгении Павловне, окончательно ставшей подобной конскому скелету, и к Вере Александровне, распухшей, багровой, одинокой, с белым запуганным котенком на руках. Но обе, несмотря ни на что, продолжают враждовать, не разговаривают и злобствуют друг на друга из-за куска грядки... По пути к Кургаузу удачно посетил парикмахера, постриг космы. В книжной и канцелярской лавочке купил вкладыши для записной книжки. Домой — прямо по «лесной», мимо лагерей.

Когда вышел из калитки, показалось, что не одолею и нескольких шагов: было так, будто впервые встал после тяжелой болезни. Воздуху не хватало, давило грудь, кружилось все в глазах. Но, к удивлению, идя не торопясь, постепенно разошелся. Особенно утешили ноги: двигались нормально, даже легко. Но долго все же шел как одурманенный; могучая чистота воздуха, бездонная светозарная глубь неба, густая синь речного простора, холодные порывы ветра, летящего стенами из заречья, разноцветье весенней листвы и цветущих крон деревьев, слепящее золото одуванчиков на солнечных лужайках — все это невозможно было одолеть, охватить и принять сразу, в первую эту сегодняшнюю встречу... И все же так получилось, что в своем маленьком обходе я сделал кружок, коснувшийся *многих родных местечек и улочек*, а также и основных направлений дальних путей наших, проделанных за эти годы (был над рекой, близко у моря, в парке, видел заречье, уголок Веры Мих. и повидал живыми старых знакомых и близкого человека — Лидию Александровну). Я не думал,

что в первый же выход окажусь в силах пройти этот хоть и малый, но для меня сегодня «немалый» путь. *Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.*

Правда Алена: воздух! воздух! За одну неделю, пока пассивно сидел, даже не выходя за пределы участка, я из состояния гибнущего вернулся к жизни. Только я начал писать сегодняшний день (часов около 5-ти), Фира позвала к телефону. *Аленушкин голосок.* Сегодня была свободна. Сейчас поедет к тете Вале за крупой. Завтра днем в Малом зале Консерватории будет репетировать с «мышами». В воскресенье свободна. В понедельник с 10 час. экзамены в Консерватории. Вчера была в Мариинском театре (!!!) с Иришкой на «Левше» по Лескову. В восторге от спектакля и танцевавшей молодежи, и даже от Федотова. Вообще бодро. Но я слышу в голосе измученные нотки... Не скрывает, что терзают две вещи: безвоздушье (...а я-то здесь) и холод и ветер (!!) в квартире. Ужас какой. Бодрость же ее, конечно, главным образом от радости общения (хоть минутного) со мной и оттого, что я здесь благополучен. Спаси ее, сохрани, Матерь Божия... Вечер, заполненный тревогой за Алю, за ее здоровье, в связи с холодами и отсутствием отопления.

В 11 часов разразился «банный психоз», и Т. М. с соседками ушла в баню. Легли довольно поздно.

22 мая (сб). Плохая ночь. К утру холодно, но нет электричества и нечем согреть комнату. День солнечный, ветер же еще холоднее вчерашнего. Сажу дома: на диване, на веранде. Приехал Дима с сыном. С ними немножко на припеке под верандой. Разок донеслось кукование кукушки. Перед обедом взял молитвенник: посмотреть, не перечислены ли в нем праздники. Попутно прочитал некоторые молитвы. Горячо захотелось, потянуло в церковь. Решил пойти к 6-ти, не будучи уверен в наличии служения (здоровье А. Н.!). Около 5-ти пошел. Шлось довольно трудно. И увы, церковь оказалась закрытой, службы нет... Посидел с Александром Николаевичем, Антониной Матвеевной и Мотей на веранде. Матушка затеплила лампадку. Беседа о решении А. Н. уйти на пенсию, церковь дважды пытались обворовать, такие-то старушки умерли, у отца Елия, по-видимому, рак. <...>

Шел домой морем до «людвиковского поворота». Неуютно на пляже. И море неприятное... И на душе было нехорошо: как ни поверни, а *шел в церковь, а она была замкнута...* Вроде не допущен я был. <...> Дома был в 7.40. Постепенно как-то опустилось все в душе, и стало просто бесконечно печально. А с печалью пришло и простое успокоение. И естественно: все эти дни слишком был вздрючен и нарочито самодоволен. И немалую (опять!) роль стали играть мои пресловутые запи-

си дней, как и всегда ставшие *самоцелью* и вызывающие *ложное* удовлетворение. Что-то пахнуло Рудиним... нет?

В мое отсутствие звонила Аля. Говорила с Т. М., уверяет, что не мерзнет. Вот мысль: надо бы обязательно завтра утром быть в церкви. <...>

23 мая (вс). Проснулся в 8.30. Решение во что бы то ни стало идти и дойти. Попил молочка с булкой. Пошел. Путь этот стал настоящим испытанием: будто все встало на нем, чтоб не дать мне добраться: дыхания не было совсем, сердце трепыхалось в горле, холодно, ветер в лицо, сил нет, ну не дойти, да и все тут... Много раз останавливался, много раз хотел вернуться, но, с помутневшей головой, еле живой, в 10.20 все же добрел.

Купил свечечки. Давно знакомая в лицо строгая пожилая женщина отодвинула на моей скамейке чье-то пальто и показала рукой: сядь, мол. С наслаждением, бездумно плюхнулся я в свой уголок, отдыхая, принимая, слушая... К концу службы хор многократно стал петь «Христос Воскресе». А ведь я ныне лишен был этого на Пасхе (!). И Алена тоже. И было это — как свет и утешение и напоминание! («...и сущим во гробех живот даровав».) Воистину, мы сами укладываем себя во гробы... А ведь Христос не был в одиночестве: «...Отец во Мне и Я в Нем... и вы во Мне». Он был ВНЕ одиночества.

После службы с облегченной, просветленной душой подошел ко Кресту. Батюшка, подавая крест, поздравляя с *Праздником*, тем же голоском, что и поздравление, вдруг сказал: «Приходите ко мне обедать!» Матушка тоже присила подождать, пока отойдет панихида. К счастью, это «испытание» миновало меня: Мотя куда-то унес ключи от дома и я ушел восвояси. Прошел морем до «Лайны» (кафе у моря). Небо, море-синь: голубизна, лазурь, серебристое журчание, прозрачность, чистый, легкий, почти морозный ветерок... Застал Синёвых у домика: носят землю в новый парник. Он — молодец, загорел, она — похудевшая, озабоченная. А Надя очень болеет: язва желудка. Но теплы, сердечны, как всегда. Приезжают сюда только на субботу и воскресенье. В 2 часа был дома. *Опять без меня звонила Аля.* Беседовала с Фирой. Здорова. Спал-дремал до обеда. После обеда читал Честертона. <...> В 6 часов звонил Аленке. Разговор главным образом о том, чтоб никто не ввалился ко мне 4 июня [в день рождения]. <...> Вечер на диване. С книжкой. С мыслями о неприятной необходимости писать телеграмму Симонову.

Легли довольно рано; предварительно Т. М. основательно протопила плиту, на улице стало еще холодней...

24 мая (пн). День такой же, как вчера, чуть потише. После завтрака — запись дней. Пишется трудно (*не курю второй*

день). И сочинение телеграммы Симонову в связи с юбилеем Большого театра закончил в 2 часа... Звонил Гликман: придут сегодня. 2—4 на лужке. Кругом белизна цветущих вишенников. Зацвели наши черемушки. На сосновой горке цветет бузина — крохотная. Видел в небе первого стрижа. Вокруг времянки сорокопут гоняет самчика горихвостки: то ли нападает, то ли охраняет свою территорию. На акации показались первые желтенькие бутоны.

Цветущая вишенка, что недалеко от Кисаниной могилы, свесилась из-за бабкиного забора и будто тянется к могилке, будто хочет осенить, укрыть ее своей белизной...

4.30 — обед. Рюмка водки под копчушки неожиданно сильно работала. Поскорей укрылся в дреме и... *сделал еще раз вывод!* После обеда опять лужок. Нат. Вас. со Стаськой у ящика с песком и игрушками. Их разговоры. Стась все время бормочет о себе во 2-м лице (один из его перлов: «на автобус надеты колеса, а на Стасике тапочки!»). Увы, от пионерлагерей уже несется рык динамиков, хотя детей еще нет. Причем репертуар совершенно непонятного назначения: например, сюита Равеля!! Нат. Вас. спросила в этой связи меня: «А вы не можете абстрагироваться?» (?) <...>

6.20 звонок *Алешки*. Сегодня был экзамен малых «мышей». Прошел очень хорошо. 25, 26 и 27 мая репетиции и концерт в Филармонии с «ассистентом» Караяна [Эмилом Чакыровым]. В 8 час. пришли Гаврила и Таисья Дмитриевна. Сидели долго, и было просто. Удивительное совпадение мыслей Т. Д. с моими на тему «рвущихся с возрастом связей» («умирание заживо», постепенное, «подготовительное»). С удовольствием пили чай, ели «фиш» и Тamarin торт ало-розового цвета. Я даже рассказывал сказки («Городок в табакерке», «Черную курицу»). Доделывали телеграмму Юре [Симонову].

25 мая (вт). Около 9-ти — генеральное мытье, смена белья, бритье. Переписка начисто телеграммы Ю. Симонову. После манной каши Т. М. ушла на почту и еще куда-то. Я — лег на свой диван подремать. С приходом Т. М. второй завтрак (ливерная колбаса!!!), после которого Т. М. взялась за уборку и мытье пола в доме. Я — на диване с Честертоном. На веранде открыты дверь и окно, и в комнату веет дыханием свежести и чистоты.

Перед обедом посидел на лужайке. Сегодня у нас тишь и горячее солнце, хотя все еще в «глубине» воздуха таится льдинка. А после похода на почту Т. М. сказала, что чем дальше от нас к морю, тем холоднее, а у моря очень сильный ледяной ветер и грохот прибоя. *Видел над участком первую ласточку.* После обеда (4 час.) немного вздремнул. Потом записал день (вчера и сегодня). Сейчас 5 часов 35 мин.

Т. М. дремлет на веранде. Чтение Честертона и газет. В 7 час. с Фирой у дома на скамеечке: обсуждаем с ней мировую политику, а также перебои в подаче воды в Усть-Нарве.

Предзакатный час. Лужайка в тени. Тень от дома поднялась до половины клена и большой черемухи. Только узкая полоска песка у временки ярко озарена косым лучом, и в нем кажутся ослепительными фигурки Нат. Вас. и Стаськи.

9.15 выходил на крыльцо: солнышко хоть и стоит низко, но еще не думает заходить — медлит. 9.40 у себя на диване: вспомнилось все мельтешение и свалка, которая сейчас происходит в Москве, в Б. театре... а выглянул в окошко — тишь, молчание, белизна вишенников, сосны в свечечках... — миг Нестерова.

А в 10 — звонок *Аленушки*. Но ни она, ни я не заказывали разговора. Оба думали — «девушки» сами соединили. Потом оказалось, Коп устроил нам сюрприз. Но когда раздался звонок из Усть-Нарвы и Алена услышала голос Нат. Вас., а не мой, она так испугалась, что задрожал ее голосок и она *тихо* (!) спросила: «Ну, какую неприятность хотите вы мне сообщить?..»

26 мая (ср). Перемена погоды: тучи с моря. В 11 часов — дождь. А у меня так прихватило дыхание, что еле шевелюсь. После завтрака отлеживался. В 12 часов неожиданная, но желанная, как добрая весть, с букетом алых тюльпанов появилась Лидия Александровна Гордзевич: была на приеме у Копеля в Нарве.

На всех участках белеет кружевная пена купы цветущих вишенников и черепухи: апогей их цветения. С обеда стало проглядывать бледное солнце.

Авария с водопроводом: Лена обнаружила течь в подвале. Поднялся переполох, звонили Копу, появился водопроводчик; вскоре и сам Коп прикатил. Прочистили трубы и довольно быстро все уладили. Голодный Коп обедал у нас.

В 6 часов передача по телевидению «Торжественного собрания» из Большого театра. *Во время передачи звонила Аля*. Была очень плохая слышимость, да и волчонковский улей гудел вовсю. В общем, Алена на мои переспросы раздражилась, и быстро мы простились до 28-го. И это на меня накатило волной горести, не испытанной эти 2 недели еще ни разу...

Поданная крупным планом, восьмикратного увеличения, реставрация Светланова, открывшего концерт «Шествием князей» (?!) из «Млады», что надо понимать как решительную расправу с Ю. Симоновым... Было это мне как оглоблей по голове. Не успел моргнуть, как оказался во власти всяких «конъюнктурных» эмоций, домыслов и возможных

вариантов на тему «Симонов и Филармония», и все связанное с ней².

А так как до этого хлебнул у Копеля бокал «молдавского», то быстро потерял управление и, увы, закурил... А т. к. с воскресенья (23-го) не курю, то мгновенно образовался замкнутый круг мрака, отчаяния, мук совести и пр. и пр. («вот, все надо начинать сначала...»). С великим трудом вылезал из него, вспомнил, что последний период (отказ от Финляндии и приезд сюда) есть результат *готовности ко Всему* (внутренней независимости): к любому варианту в сфере деятельности и практической жизни моей, нашей жизни с Алёшей, готовности к Всеприятию и житию «как СМОГУ». Так прошел и ушел этот вечер...

На улице холодно, неуютно. У Ждановых зацветают яблони.

27 мая (чт). Ползут низкие серые тучи. Ветер. Очень холодно. Т. М. собралась и уехала после завтрака в Нарву. Говорит, что надо найти лук и морковь (!). Я полежал немного и записал вчерашний день. Сейчас 11 час. 10 мин. Сегодня 2 недели что я здесь. *Если б не вчерашний срыв, уже были бы кой-какие «достижения»*. Аленка, Аленка, Совесть ты моя!.. В час вернулась Т. М. Пьем кофе. Газеты. Т. М. чинит мою ночную рубашку. Потом готовит обед. Должен сказать, что она очень старательна, на удивление покладиста, тактична и весела. Но, помимо простого старания, несомненна в ее поведении некая подчеркнутая демонстрация перед Фирой и др. своих хозяйских совершенств, и особенно заботы обо мне. <...> До обеда читал «Путешествие на „Снарке“» Д. Лондона. Потом дрема. В 5.30 ввалился Коп с возмущением по поводу отсутствия у него казенного транспорта. Заходил Бутлер по лодочным делам. Беседовали с ним на крыльце. Разъяснено. Открылось голубое небо. Но по-прежнему очень холодно. Т. М. затопила плиту на ночь.

Но увы, увы: *закурив вчера, покуриваю и сегодня...* Боже мой, Боже мой! Ну и хорош же я! До чего же все ничтожное и гнусное во мне способно мгновенно одолевать все то, что чисто и высоко. В этой связи мелькнула следующая формулировка, отнюдь не направленная на самооправдание: чем выше моральный пласт, тем он слабее. Ибо он молод. А «низы» имеют толщу миллионов лет стихийных напластований, и одно их дуновение способно поколебать (сместить?) хрупкие устои Высот Духа... (Вспомни о. Силуана!)

Около 9-ти заходил к Копу: смотрит «Таланты и поклонники». В комнате густой дитячий «верещеж» Стаськи, шарканье и толчея «бабушки Наташи» и Лены. Фира в постели — простужена. Когда уходил, зазвучали позывные «Времени». Стукнуло что-то в сердце: мысленно увидел десятки вечеров

этой зимы, когда мы сидели с Алей в ее кабинетике, спасаясь от всех, всего и самих себя у телевизионного экрана. За окном вечер светел, тих и холоден (всего 9 час.). Перед сном был у меня Коп и много рассказывал о своих проблемах хирурга и врача. <...>

28 мая (пт). Ночью был заморозок: 3°! У Ждановых поникли огурцы, даже на сирени сникли бутоны соцветий, а на кленах повяла листва. Ярко светит солнце, но дует пронизывающий ветер. Никуда не пошел (кстати, с дыханием по утрам бывает все-таки очень важно), а с 11 до 2 сидел в заветрии под верандой Копеля. 3 часа наслаждался светом, теплом и первозданной чистотой солнца, неба, воздуха.

Сегодня пошла 3-я моя неделя здесь. А до появления Алены еще недели и недели... даже дыхание перехватывает... как дожждаться?! Вот что значит, когда человек просто любим, когда, помимо всяких (и может быть, вопреки всяким) аргументов, он просто НЕОБХОДИМ! Не зависимо ни от чего: в одиночестве, или не в одиночестве, или вопреки ему, а вот необходим, да и только. *Это, верно, самая Великая!! Величайшая ЛАСКА!*

Т. М. ушла в лавку. Около меня, на припеке, сидела «бабушка Наташа», а Стаська копошился в песке, непрерывно что-то под нос чирикал...

В 2 часа — второй завтрак и записи «вчера» и «сегодня». Сейчас 3.30 (2 письма от Черенкова-малого!!).

Бдите и Молитесь непрерывно.
И в беде и в радости,
И особенно в радости!

Появление Копеля с большим обогревателем. Нигде было до сих пор такого обогревателя не найти. Обед. Копель — с нами; конечно, приволок графинчик. Приняли по стопке, погода — еще по половинке...

5.10 — звонок Али: 1) «начну с сообщения радостей»: а) восторги от караяновского ассистента, б) статья в «Сов. культуре» о Ю. Симонове — очень хорошая; 2) вся какая-то торопливая, два раза бормочет кому-то реплики в сторону. «С кем ты?» — «С Тамарой Скаскевич (привезла лекарства)». 3) «ежедневно экзамены...» 4) по поводу долгого ожидания ее приезда сюда: «скоро пройдет!» 5) быстренько как-то свернула разговор. Осталось какое-то недоумение. <...>

29 мая (сб). В 6 часов утра проснулся в убеждении, что вчерашний разговор с Алей скрывает какую-то беду. Разбудил Т. М. Хотел чуть ли не ехать в город. Решили: позвоню в 9 часов. Опять лег спать. В 8 часов стук в дверь: Т. М. с утешениями. В 9 часов звонок к Але: ее голос из сладкого сна. Здорова. Благополучна.

После завтрака часок на солнце у сирени. Но ветерок холоденький залетает и сюда. На участке одновременно маячат: на крыльце Копель, в дверях — Фира, у детского песка Нат. Вас. и Стась. У дома Лена стирает пеленки; Муська полет землянику, Боб что-то пилит визгливой пилой у сарая (!!!) <...> От сирени перекочевал под окно к Алиному кленику, устроился на припеке против сосновой горки. Было очень хорошо и благостно. <...> Вечером заходил С. Болотин³ с судачками и ворохом побрякушечных новостей в связи с Большим театром (Хайкин!!.) <...>

30 мая (вс). Вчера с 2-х часов дня натянуло хмарь, в 6 час. даже покрал дожидчик. Сегодня дождя нет, но серо и довольно холодно. Восстав от сна (очень плохо дышу), записал эти малоутешительные «события» последних двух дней. Сейчас 11 час. 15 мин. утра. Кружок с Муськой по участку: посмотреть, где что цветет и зеленеет. Отцветает вишня и черемуха. Последняя нынче очень долго цвела: замедляли холода. Заходил к Фире: Стаську на кухне кормят обедом, отвлекая его внимание сказкой о коте и мышонке и тем временем засовывая ему в рот ложку супа. До обеда — Д. Лондон. Обед в 2.30. Брызгает дождик. 4 часа. Тихо. Серо. Потеплело («модуляционные» звенья в жизни Природы всегда связаны с сугубой влажностью: туманы, дожди. И с некой затаенностью, потайностью, скрытностью. Особенно весной и осенью, т. е. в главные периоды годового цикла).

В чем тайна Исповеди и отпущения грехов? В чем заключается отпущение, прощение, *снятие* грехов? И есть ли это избавление от грехов? Ведь свершенный грех не забывается, как и все в душе, — скрытно живет в недрах души, а будучи вспоминаем, совершается как бы заново, потрясая совесть болью и ужасом... Может быть, отпущение есть разрешение на *забвение* совершенного греха? Может быть, смысл отпущения в напутствии: «ИДИ И НЕ ГРЕШИ!» Исповедь и причастие (может быть) суть рубежи *причастности к Благодати*, которые дают «напоминание» и «возможность» если уж не перестать грешить, то хоть по крайней мере не погрязать все больше и больше в бездну тьмы. Ибо они связаны с *покаянием*, с потрясением покаяния, и с *прикосновением* (вот оно: «...страшных Твоих Тайн») к свету Прощения Любви (которые надо помнить, которые нельзя забывать). Вспомнить хотя бы исповедь Василия Великого! А молитвы покаянные, всегда и помимо «отпущения грехов» произносимые?!

В 5 часов звонок Алены (тихий грудной смех): «Что у тебя? Куришь? Женщина — и ее „отдых“ дома: перебираю, перекладываю книги, постирываю, повесила твой портрет против телефона...» Рассказала об обиженном до слез Онике

[Саркисове]: Стрижиха не дала его подпись на грамотах активу Кировского завода. Вторично звонил Кухарский о Западном Берлине. Уланова, как и Хайкин, тоже получила только грамоту (?!). «Завтра позвоню все-таки».

В 7 часов вечера у Копелей: фильмы Чаплина, пущенные на полную мощность... Боб и Муська уезжают в город. Вечером один, с книгой Гаука, знакомые чувства и мысли в связи с его и моим «дирижерским циклом»... Перед сном заходил Коп. С ним о Цвейге, Фуртвенглере, Вальтере, Гауке и других Больших...

31 мая (пн). Со вчерашнего вечера идет упорный мелкий дождик. Холодно. Т. М. уехала в Нарву с Фирой к парикмахеру. Я — записал день. Пришла газовщица, чинит сгоревшую горелку в колонке. С 12 до 2 слушал дважды Шестую симфонию Сибелуса. Стало зябко. Пытался затопить печку, не сумел нащепать лучину. Хорош, нечего сказать... Ограничился чашкой теплого кофея с булкой. В 3-м часу пришла Т. М. Живо наколола лучины и затопила, к моему стыду, печку. Сообщила: в Нарве сильный дождь и цветет сирень. Пока она топила, я разыскал среди Алиных книг рассказы Юлиана Семенова. 4 час. — обед. Дрема. Все еще дождит...

Около 5-ти звонок Алёши. Пока говорили, мимо окошка под дождем ходит, «земледельничает» Копель, а за ним бегают промокший Стась. Аля: «Даю слово 4-го не ездить», «Вот 17-го и отпразднуем».

Продолжаю читать Семенова: хорошо, хотя и очень несамостоятельно. (Хемингуэй). 8.30 — ужин (корюшка!). В 9 часов у меня Копель с очередной вечерней беседой... На улице тихо, тепло, моросит.

1 июня (вт). В 6 час. утра выходил на крыльцо. Светлые высокие тучки. Полная тишина. Переключка петухов: одного — басовитого и приглушенного, видно, еще из курятника, и другого — резкого, звонкого — на весь лес. В 10.40 пошел, наконец, в поход: рекой (от Кудрякуле) мимо Гликманов — к морю. По морю, за «Русалку», через Нурме и парк — домой. Усть-Нарва готовится к превращению в цветущий сад: все еще в полном цвету черемуха, цветет рябина, зацветает кустарник, который оденет белыми медоносными бордюрами все улицы и пустыри. *Зацветает сирень!* Желтыми мотыльками покрылась акация. Розовеют яблони. Они выглядят особенно веселыми, даже пестренькими. Это потому, что еще много на их ветвях не раскрытых ярко-алых бутонов вперемишку с белоснежными и уже развернувшимися лепестками. Позже яблони сплошь обольются торжественной белизной гудящих пчелами цветов. Все поляны в золоте огромных одуванчиков. Под кленами желтеют слои осыпавшихся цветов.

Гликманов нет: уехали в Ленинград. Среди цветущих яблонь — одинокая фигура Веры Евгеньевны⁴ со скребком в руках.

Море и тучи в легкой синеватой мгле, пронизанной светом. Прохладно. Чистота и легкость воздуха, как всегда, несказуемы: кажется, когда дышишь — воздух не успевает дойти до глубины груди, впитывается в стенки гортани, охлаждая ее чудесной, целебной свежестью. Идет уборка пляжа грейдером, тракторами: он неровный, перемолотый, песок вязкий, кой-где стоит вода целыми озерами. Склоны дюн изгрызаны зимними штормами, заметно отодвинулись от моря.

Пройдя «Русалку», долго сидел у моря. *NB*: первоначально в записной книжке: сижу беспечно. Не помню уж, когда так отсутствовал во мне любой гнет и любая забота: хорошо несказанно, легко и светло... и поплескивает водица...

Видел девчущку с бабкой. У девчущки в руках зацветающие ландыши (!!). На склоне одной из канавок у Нурмэ увидел и сам ландыш — с выкинутыми бутонами. Кроме того, множество на том же склоне уже цветет нерукотворных, наименее нежных, склонивших головки колокольчиков кислицы.

Дома был в 2 час. 20 мин. Вскоре поспел обед. Сон. Т. М. топит печку. Я — записал день. Опять слишком многословно!! (Сейчас полшестого).

У дома на скамейке: предвечерний час. Высоко плывет сплошная, светлая пелена медленных туч. Очень тихо. Прохладно. Парочка горихвосток порхает у дровяного сарая: там у них гнездышко.

Чтение Ю. Семенова.

9 часов — звонок Али. Ужинает. Еще вся в своем: только что пришла с экзамена Риты, которая очень волновалась (и получила 4 с плюсом), и Алексея Николаевича, получившего 5. Алена еще вздрючена и нервна. Звонила ей из Берлина настырная Шлезингер. Аля ее отшила. Завтра у Алены репетиция Арвида и опять экзамены.

2 июня (ср). Большой круг лесом. Из дома вышел в 11 часов. Миновал соседнюю стройку, обезобразившую большой квартал нашего соснового бора, вышел на дорожку, ведущую к можжевельниковому углу. В лесу очень тихо и, несмотря на пасмурный день, очень светло. Кукуют кукушки. Воздух легкий, как вчера на море, но только без холодка, ласковый.

В березняках и около одиночных берез идет брачный лёт майских жуков. Много их сидит на молодой листве берез поодиночке и парами, вялых, тяжелых, напоминающих желуди. Незаметно, по «тропке маслят», с отдыхами, добрал до просеки «высоковольтного напряжения». Присел (на то самое

бревно, на котором еще в прошлом году поджидал Алю, собирающую грибы).

Издалека заметивший меня черный ворон внезапно поднялся в воздух, тревожным карканьем оповестил лес о «вторжении ненавистного» и вместе со своей женой скрылся за соснами. Ненадолго проглянуло солнце. Но вскоре опять потемнело, и даже заморосил теплый дождь.

Шлось мне не могу сказать чтоб легко: все бедствую дыханием... Да и не рассчитал расстояние, слишком далеко зашел, да дорога песчаная оказалась изрытой грузовиками. В общем, поустал... Но все же благополучно добрел до конца улицы Рая и даже до рынка, где и сел в автобус. В общем же было хорошо, и видел я много зеленеющих и всяких зацветающих «человечков»: много цветущей купены, бутонов ландыша, нежную свежесть березняков, уже высокие вайи папоротников, елки, одетые изумрудными пальчиками молодых побегов; слышал малиновое посвистывание дроздов, бойкие песенки зябликов, чье-то торопливое щебетание, дробь дятла... На песчаной дороге видел даже следы семейства лосей. По обочинам дороги, там, где протянулась мочезинка, поднимается густая темно-зеленая поросль будущих непролазных придорожных джунглей. Встретилась парочка щеглов (впервые здесь!).

Дома был в 3-м часу. Вскоре последовал обед. После него сон. А проснулся — за окном солнечно, чистое бледно-голубое небо, за вершинами сосен белеют края уплывающих облаков.

Записал день. Сейчас 6 часов вечера. В 7 час. — часок на угреве в вечерних лучах у дровяного сарая с Нат. Вас. Потом с Копелем с «ревизией» по газонам, дорожкам, цветам. Стало свежо. Подзанашивает.

9 часов — звонок Алены. Только в 8 пришла с экзаменов. <...> Настаивает на приезде Симонова в Усть-Нарву (в этой связи я даже огорчился несколько настойчивостью и автономностью в решениях Алены). Получила чудесных 2 письма «с радио», а также — пленки.

3 июня (чт). В 6 часов утра немного «поварился» в темах: 1) Серов и 2) приезд сюда Ю. Симонова (Аля?!).

После завтрака с Нат. Вас. на скамейке у дома. Стась в песке; прилетают в сарай горихвостки; высокая, светлая, просвечиваемая солнцем облачность. Прохладно. Нат. Вас. — о трудности, появившейся у нее при чтении новых или незнакомых вещей, и о своих любимых писателях — Чехове и Бальзаке, которых она «может читать бесконечно». Мне же подумалось опять, что чувство отталкивания и даже раздражения по адресу ряда книг и писателей, число коих с годами растет и растет, — тоже есть возрастное *освобождение* от связей с ненужным и изжитым, с так сказать «изобличенным»

старостью. (Опять-таки разрыв связей в течение «подготовительного» процесса старения).

11—12 час. сон. Т. М. моет полы и перестилает кровать. Запись дня. Изъятие курения, алкоголя и др. немедленно выявляет истинное состояние «текущего счета» человека.

В ясное утро, перед восходом солнца, когда по небу разливается бледное золото зари, воздух бывает чуть розоватым.

2 час. дня. Принесли телеграмму от Бори [Никитина]. *Прслушал Шестую симфонию Сибелиуса*. Вышел на веранду, хотел пройтись, ан нет, идет дождь. Обед, дрема под кухонные побрякивания Т. М.: готовит пельмени на завтра. Чтение Семенова. На веранде в вазе — букет багровых тюльпанов. Увядających. Изредка с легким шелестом падают на стол лепестки. Как, когда неподвижность переходит в так называемое движение? Непостижимо! Вот она — тайна «Скачка» — воочию. 6 часов. Звонок Али (благополучна). <...> Тиша придет с ней в первый приезд. 6.30 мытье на кухне при помощи Т. М. Даже вымыла мне спину! После чего — тихонько в своем уголке на диване. За окном тоже тихо все и неподвижно. После ужина чтение Семенова.

4 июня (пт). В 6 часов утра опять «варка» на тему [Стрижовой] и по поводу предстоящей встречи осенью с Шестой симфонией Чайковского... и опять же не только с ней (уменьшил дозу снотворного: хуже сплю). Очень холодный, пасмурный, ветреный день. Когда встал, около 9-ти, с моря вдруг надвинулась чистая синева неба, но вскоре опять все затянуло сплошным пологом серой, белесой, размазанной облачности.

После завтрака поприжало с дыханием — лежал, пережидал, дремал... Трогательный «архитектурный» букетик, принесенный Леночкой [невесткой Копеля]. Записал вчерашний день и эту страничку. 11 часов сейчас.

12.30—2 на кладбище. В 5-ти шагах взлетел вальдшнеп. Могила А. И. Круглова. Могила Всеволода Евгеньевича Флаксберга. Под его именем высечено имя и Антонины Михайловны, его жены, которая еще жива и здорова (!). Хорошо тут у них на кладбище. Какие-то тетеньки кой-где копошатся. Чисто, не набезобразено нигде. Прибрано, ухожено. Тишина... На старом кладбище, по склонам, большие зацветающие ландышники. Над рекой холодный ветер пронизывает насквозь, как поздней осенью. Только свет говорит о весне... Домой — мимо Вишни, по развороченной просеке так называемой Лесной улицы.

В мое отсутствие была Анна Максимовна, оставила букет тюльпанов. Принесли пачку телеграмм. *Телеграмма Али*. Написанная словами, будто только что рожденными и впервые в мире произнесенными! Сердце ухнуло, стало в нем

горячо и прослезилось внезапными слезами... (*«Любимый-единственный. Поздравляю тебя светлым днем. Желаю долгой счастливой жизни. Обнимаю. Целую крепко. Всегда твоя — Аля»*).

Обед. Дрема, но с недомоганием. 4 час. звонок Али: «Получил ли телеграмму?» С пульта объявили о моем дне, «все хлопали, поздравляли», «и все близкие и друзья», «и Буся [Марголин] прибежал с цветочками, поцеловал», «чуть не приехала...» Едут в Финляндию в ночь с 6-го на 7-е (?!). Сегодня с 8-ми — экзамен. Тишка все время под одеялом, верно от холода.

С 3-х часов тучи ушли — голубое небо. Чем ниже опускается солнце, тем оно ярче и ослепительнее. На блики даже в комнате больно глядеть. А высоко в небе повис бледный, прозрачный ноготок молодого месяца...

6—9 час. у меня Анна Максимовна (чай с ватрушкой). Перед сном ужин с Копом и с двумя рюмками водки, разрешенными Алей: «одну за тебя, а другую за меня».

5 июня (сб). Часто просыпался... В 6 часов очередная «варка»: опять о «да плачу горько», о молниеносности течения времени — это только кажется, что 3 месяца это много. Вот-вот надвинется все, все, все... И тут же сам себе: «глупо забегать вперед» и т. д. и т. п. Вдобавок с раннего утра до 10-ти часов ревели динамики пионерлагеря... да как!

День погожий. И потеплело немного. До обеда сидел на лужайке. Вокруг циркулировали Копели: приехали Боб и Муся, уезжает Нат. Вас. Во времянке почивает Стась. Поэтому все говорят вполголоса (Ага! Значит, можно!) Перебрался к кленику. Здесь припекает. Плывут вперемешку высокие мутные тучи и низкие темные облака, одни плывут с севера, с моря, другие — с запада. А солнце все пробивается и пробивается; и очень было бы хорошо сидеть так тихонько, если б не фырчание трактора с ближайшего угла и не спорадические вопли динамиков из лагеря... После обеда дремал. Мешали какие-то странные ощущения в сердце. Да и нервы болят. <...> Вчера поустал с Анной Макс. <...> и два утра «варок» сказались, и какая-то странная дерготня погоды: вот сейчас (3.30) небо затянулось, и даже дождик прошел, хотя тучи светлые... 4.30 — звонок Али. Было утром оргсобрание, едут завтра в 9 часов вечера. Отказалась от гостиницы, будет жить с оркестром за городом. <...> Собирается все же поспеть сюда 12-го! («будь готов к моему появлению!»). В ответ на мое «ты у меня уж такой!..» — ответила: «Ничего особенного, но в общем ничего».

Заканчиваю Семенова. Заходил Боб с майским жуком на сосновой ветке. 5.30 — пошел посмотреть телевизор

(«В мире животных»). Песков увиделся, как родной, даже дрогнуло что-то: ведь и с ним связано много утешительных часов в Алином кабинетике нынешней тяжелой зимой. 8 час. у Фиры на пирогах по случаю полгода жизни маленькой Яшкиной Лизаветы. Смотрели комические грузинские фильмы. (Копель закатывается хохотом, как ребенок). Т. М. — в баню. Я — с оставшимся здесь томиком Бунина («Кострюк»).

6 июня (вс). Ночью дождь. В 9 час. утра — хрустальное утро. 11—2.30 ходил: улочкой Вильде, улочкой Карья — к Гликману. Его нет, зато есть Тая с дочкой и внуком (?!). На море — безоблачно. Подувает ледяной бриз. Бурлят отмели. Очень хотелось пройтись до конца пляжа, несмотря на помехи дыхания, но побоялся ветра и дошел только до поворотки к церкви, и то частью по Айе, где ветра нет. Заходил к Синёвым — не застал. Но, видимо, они здесь: стоит лопата и дверца в парник открыта.

Домой шел по Нурмэ и через парк. Посидел на пенке против беседки и отражения ее у прудика, смотрел, как трогательный дядька с мальчиком пускали самодельный кораблик. Ивы еще далеко не летние: не развесили своих серебряных прядей. Вообще же — «по старым книгам» — весна кончилась, началось молодое лето: цветет сирень, по полянкам, вдоль канав, сплошное золото одуванчиков.

4.15 звонок Али: «Собираюсь и ничего не соображаю: платье надо, флейту надо... Едем сегодня в 9.15. С директором [Стрижовой] в купе. Вчера с «Сами» [А. Д. Бушен] были на симоновском «Борисе Годунове»: великолепно управляется, и все компоненты хороши». О новой разлуке: «Ведь мы друг к другу будем даже ближе, чем сейчас, — напротив будут наши берега». «У меня Пенелопа [Ирина Уразова], принесла лекарство». *«Твой портрет мне все время говорит: не болтай долго, я тебя жду в кресле!»*

В 5 часов пошли с Копом на реку — проверить, как лодочные дела (куда-то пропали весла). Застали Бутлера на берегу красящим мою лодку. Посидели часов на опрокинутых моторках. Солнечно, но очень свежо и над заречьем появились «кошачьи хвосты», а с моря тянется тонкая хмарь. На обратном пути навестили непроглядно заросший участок Веры Михайловны. Копель с интересом все разглядывал, расспрашивал. Потом были у Лидии Александровны. Цветущее ее царство набирает силу; краски, тончайшие ароматы, пестрые, веселые «народцы», цветущая алыча, незабудки под ней, белизна облитых цветом яблонь. Сидели в тени у дома целый час и подзамерзли изрядно. Проходя лагерь, вдруг решили зайти к начальнику, по поводу рева динамиков. Визит был, кажется,

не безрезультатен. Полковник в отставке был корректен, но, конечно, малопривычен.

Дома были в 7 и голодные. Я устал за день (много ходьбы), забалдел от солнца и воздуха и визита к «начальству» в лагерь. Промерзли оба сильно. Получили от Фиры разрешение на рюмку водки. И вот: только поели и выпили, вдруг, смотрю, на часах 7 час. 20 мин. Аля-то вот-вот уедет... Рванулся звонить и не позвонил... вдруг, мол, уже не застану или будет это «не в жилу». И вообще, не знаю почему... но не позвонил. Верно, не подумал об этом вовремя потому, что все это долгое время звонила всегда она. И наш сегодняшний разговор отложился во мне как прощание напутственное, непосредственно относящееся к отъезду... А вдруг она поджидала звонка, все-таки поджидала?! И конечно же, случилось все это в наказание за грех опять появившейся водки. Хоть и капли, а водки. Мало того, пока делился с Копелем этой всей бедой, прозевал и момент отбытия поезда... Посмотрел на часы, глядь, а на часах уже 9.30. Ох, беда... Господи... Господи. Не знал, что и делать... Вечером Копель позвал смотреть юбилей Толубеева. И было это утешительно и правдиво, не в пример пресловутому 200-летию Большого театра.

7 июня (пн). Пасмурное, тишайшее утро, моросит дождь. Т. М. ходила в центр, потом затопила большую печку. Я записал день. С утра было очень тяжело: и вчерашние «события», и опять «все вообще», и Алена где-то за границей... На сей раз не прозевал ни часа ее пробуждения, ни «подъема» в поезде, ни прибытия... День полеживал, подремывал, почитывал Бунина, вспоминал Тишку, где-нибудь с горя и одиночества спящего клубочком. Тихо сегодня и тоскливо и у нас: Алена ведь не позвонит и не знаешь, что она, как она...

В 6 часов посветлело было. Погулял вокруг дома и по дороге вдоль бывших... Бейлисов. Виделись и обменялись приветами с Юмкой. Но к вечеру вновь занесло, похолодало и пошел дождь. А читаю я — «Веселый двор»... ох!

8 июня (вт). Утром битва небесных воинств: на безоблачное золото всходящего солнца надвигаются с моря легкие перистые авангарды тучек. За ними облака, несущие длинные тени. Солнце пронзает их золотыми мечами. Клубящиеся тучи наползают ближе; солнце, поднимаясь, прорывается сквозь них потоком лучей... Но тучи все же одолевают — закрывают солнце толщей мрака и ненастья.

Сквозь дрему после завтрака услышал постукивание в окошко и топотню лапок по подоконнику. Выглянул: на лужайке толпятся, бегают молодые скворушки, верещат, перелетывают... Торжественный день сегодня: вылет скворцов!

Бог знает что творится с погодой: северный, штормовой ветер то наносит низкие сизые тучи, сеющие ледяной дождь, то распахивает во весь небосклон безоблачную солнечную синеву. 12 час. Пошел навестить Пигулевских. Холодно так, что даже в теплой длинной куртке было мне только-только, хотя шел я, когда было солнечно. Грохот и движение грузовичья по Партизани неистовые, не говоря о бензиновой вони. Вообще, в Усть-Нарве почти нет местечка, куда бы не доносился лязг или рык моторов. Все мало-мальски укутанные, тихие улочки и старые, обжитые участки немедленно становятся средоточием клубящихся на них, ревуших, грызущих, лязгающих машин, точно специально спешащих уничтожить все мало-мальски живое и еще не раздавленное... Как это ни парадоксально, но самым сохранным, нетронутым за эти 18 лет местом на сегодня оказались развалины (!) «Виллы Ирэнэ», а также и пустырь между ними и школой.

Против нашей лавки большая рябина покрылась частыми белыми блюдцами соцветий. Пигулевские обрадовались. Увы, постарели, и (хотя больной числится она) как-то осел и обрюзг с прошлого года больше он...

От них, несмотря на бурю, все-таки зашел к морю — аспидно-свинцовому, катящему желтоватые гребни. Наползла синесизая, во весь горизонт туча; полил косой дождь, вперемишку с градом.

На минуту заглянул к Тае: Гаврила будет вечером здесь. Домой прошел через центр; от нашей с Алей столовой в Доме отдыха нет и следа: срыли. Потом мимо почты и пионерлагерей. Было 2 часа 15 минут.

Дома — тепло. Топится печка. Т. М. осваивает, обогревает радиатором свою «камеру» во времянке, хочет там переночевать сегодня. После обеда сон. Записал дни. Сейчас 5 час. 45 мин. Алена встает: ведь сегодня у нее концерт... Телевизор у Копа: прибытие Индиры Ганди⁵, потом очередная чепуха. Чтение «Суходола» Бунина. Опять телевизор — «Мятеж»... и опять Индира Ганди в «Новостях». Перед сном Копель зашел и, в связи с переходом Т. М. в свою комнату, начал о ней *мутить* что-то на манер прошлого года... А потом все допрашивал, что и зачем я пишу?..

9 июня (ср). Последствием Копелевой беседы была очень плохая ночь, частые пробуждения, накрутка всех возможных бед... После завтрака неожиданная, глупейшая, первая за все время, стычка с Т. М. из-за молока (!?).

День синий, яркий, но холодный ветер по-прежнему рассказывает сосны. Никуда не захотелось идти, расстроенный, пошел в солнечный закуток, к кленику. Сидел там до 2-х. Все

распутывал свои узлы... Пришел в дом. Полно в нем света, солнечно, чисто, радостно... по-Алиному. Как радуется она здесь всегда («на сосенки») и как хочет, чтоб и я был радостен... С приближением конца разлуки — как под гору катится и растет ком ожидания. И опять начинает казаться, что с концом разлуки придет конец и одиночеству... А мне сегодня совсем неладно... того и гляди потекут горькие слезы. Не то нездоров, не то «перетружен», не знаю... и стыдно, стыдно кругом. После обеда записал этот больной денек (4.30 дня). 5—6.30 слушал Восьмую Брукнера. Но с 3-й части что-то стало гудеть в проигрывателе. Пришлось прекратить: без Али не пойдет. Читал «Суходол».

В 8 часов пришли Гаврила и Тая. В новом каком-то качестве... Говорили главным образом о смерти... и возможных отношениях к ней (началось с нападения Таисы на Солоухина... конечно). Пили чай. Ушли около 11-ти. За лесом поднялась полная луна.

10 июня (чт). 11—12 круг: на море через «Мереранну»; в центр; к маяку; на реку; мимо тралфлота — домой. На море по пустому пляжу несется режущий, прямо-таки полярный ветер. Идти к заставе невозможно. Пляжем пробился к «Лайне», мимо Синёвых на Айю; тут захотелось прикоснуться к старым местечкам. Обошел «обеденную» тропку, заглянул в коридор, где был кабинет Петра Васильевича, зашел во все по очереди магазины — сапожный, галантерейный, в аптеку. Было так, будто перелистнул картинки старой, милой книги... Все-таки опять потянуло на море: прошел к маяку мимо «межколхозного санатория», остро пахнущих, только что постриженных газонов. Постоял под защитой высокого забора, что окружает его, но и здесь, несмотря на солнечный припек, очень холодно и зябко. Зато долго сидел в затишье над рекой у пристани. Тихонько тарахтели-маневрировали тральщики. Река курчавится белыми гребешками. Ветер несет по ней темные полосы ряби. Вольный простор, вольный воздух, вольный Дух!! Невозможно привыкнуть к этому ощущению пронизывающей, хрустальной, вздымающей чистоты! На ходу ли, на отдыхе ли — не покидает тебя чувство наслаждения, упоенности ею, погруженности в нее!

Домой — вверх по реке, мимо тралфлота. Попутный ветер усердно подгонял и даже сквозь кожаную куртку холодил спину. Благодаря холодам все события в природе задержались. И поэтому, несмотря на то что сирень уже в полном цвету и лиловыми купами своими ознаменовала начало лета, все зеленое царство природы: листва, травы — еще полно первозданной свежести, яркости и такого веселья, какое бывает только в разгар весны.

Дома не захотелось сидеть в комнатах, побыл на лужайке. Но сморила дрема. Спал до обеда и после него у себя на диване. После чего записал день. (5.30 дня). Часок посидел у дровяного сарая в косых лучах вечерних, пока не поползли тени. (Тут же Муська и Стась.) Потом дома читал «Худую траву» Бунина. В 8 час. Т. М. ушла на телевизор, а я в натопленной кухне основательно умылся, как всегда «по частям». В 9 часов закончил Бунина. <...>

11 июня (пт). Часто просыпался в сумраке и гнете всяческом. <...> «На воле» — все то же: густо-синее безоблачное небо, яростный свет, пронзительная чистота и все тот же ледяной ветер. Идти никуда не тянет, наоборот. Пошел сидеть в уголок к клёнику: здесь единственное местечко, где тихо и ласково греет солнышко. Прилетают сюда птички всякие — отдохнуть на заборе, повертеть головкой, потрясти хвостиком, тут же подцепить мушку... А то есть еще и такие, которые, внезапно возникнув на заборе, всплескивают над головкой крылышками, как ладошками, и при этом непрестанно низко кланяются, показывая белизну основания хвостика. («подорожник»?). В траве появились молодые колоски: скоро зацветут полевые злаки. Ветер стих немного. Я перебрался к сирени на лужайку. Налетают разрозненные выводки скворчат, преследуют стариков, непрерывно вереща, кланчат подачку. Те — не дают: идет урок самостоятельного добывания пищи. Кружат над участком чайки, пикируют, что-то склевывают в ящике для отбросов. Если на них, летящих, смотреть против солнца, то кажутся они очерченными серебряным нимбом: это просвечивает белизна махового и хвостового оперения.

До обеда дремал. Читал Бунина («Сверчок»). День ползет еле-еле. Не дожидаться, когда же настанет завтра... сосет сердце, даже мутит немного. После обеда сидел на веранде. Хорошо, тепло, солнечно... Если не видеть и *не замечать* (это главное!) помех: слева развешанных у временки пеленок, валяющихся игрушек, стаськиного матраца на дровянике, а справа не слышать духового оркестра и ударов барабана, несущихся из пионерлагеря...

Да я нынче почти и не замечаю никаких этих помех; во всяком случае, им не удается влиять на меня ощутимо, ибо они поистине — суть ничто! Но сегодня у меня немного «болят нервы»: видимо, переборщил вчера с пребыванием на ветру и солнце. Поэтому, наверное, и пойти никуда не захотелось утром. С 5 до 5.30 записал день. Попытка читать «Вестник» (очень, очень много хорошего). Но потом решил прекратить, т. к. сижу «на юру»; лучше потом. 6—8 кофе у Копеля с приехавшим главным архитектором Нарвы (его предложение оформить мне сосновую горку во временное пользование!⁶).

Ужин: макароны и ...бигуди. Прибежал Копель: в телевизоре Симонов с увертюрой из «Руслана». 10.30 — один. Перед сном еще приход Копя: рассказ об извлечении нитки из шва Лидии Александр. Гордзевич.

Предстоящий этот приезд Али сюда напоминает некое (правда, продленное) свидание в условиях *некоего* заточения... Свидание скоро кончится, а я останусь в *своем* заточении, в заточении в самом себе. <...>

12 июня (сб). Высокая белая облачность с голубыми прорешками. Очень свежо. К 11-ти тучи ушли, все опять синё и солнечно и... очень холодно. 12.20 — звонок Али: «Где вы все? Давно звоню! Здорова». На мое предложение не надрываться и не ехать сегодня: «А ты хочешь, чтоб я два дня надрывалась?!»; «Все прошло хорошо; выехали из Турку в 6 часов вечера, а поездом — в 10 часов. Разбудила таможня, а мы сразу заснули! Выеду часа в 2, буду часов в 5. Не сиди зря на крылечке».

Читал газеты; был у Фиры на веранде, поспал в спаль-ной, заходил опять к Копелям... а на часах еще только 3 часа. Почитал «Вестник» (за окном на заборе появился «птичик» с сынишкой: угощает его бережно какой-то букашкой).

4.45 Аля с Тишей в машине у калитки. 5.30 — обед. Тиша чувствует себя дома. До 9-ти вечера рассказы Алены о Финляндии: «бекары»⁷, ее отсыпание (!!), режим, комнатки, тишина. О «Борисе Годунове», о Юре [Симонове], золотых перчатках Бушен, о том, как все на них с Аленой пилились, сидящих в первом ряду. О событиях в Мариинском театре, о Крастине, поедающем Федотова («Лознгрин»). О Консерватории, о «наоборотах» во впечатлениях на экзаменах и великолепии самых малых «мышей». О «Левше» — с увлечением, в красках и подробностях. О том, как много сделала дома: книги, порядок, белье. Тиша все время, пока Аля рассказывала, тут же с ней... и никакие философии не лезли в голову, а просто было Благо, и Хорошо, и Добро. Вечером на веранде как-то незаметно и легко Алена собрала свой велосипедик.

13 июня (вс). Троица. Дал Але спать, пока сама не проснулась. (Тишкина заспанная рожица, вылезшая в ногах Али из-под одеяла..

День серый. Идет дождь. Очень тихо (непривычно!). Голова у меня очень «худая» почему-то, давно не было такой: то ли от резкой перемены погоды, то ли от незаметного, но сильно-го и непрерывного напряжения истекших недель, и особенно последних дней, получившего с появлением Али свое *разре-шение, утолнение и естественную реакцию*. После завтрака Аля занялась: доделала все с велосипедом (накачала), распаковала

и зарядила новый обогреватель, проверила и привела в порядок проигрыватель.

Вернулась Т. М. с газетами. Аля читала их на диване. Я дремал. Потом в общих чертах изложила планы будущих поездок оркестра (в Австралию — 1978, Италию и т. д.) и свои *правильные* ответы на эти темы, данные ею Стрижовой. («Господи! 1978 год!»)

В 4 обед. После обеда Алена легла спать в спальенке. Я, тоже немного подремав там, сел и записал последние деньки. Сейчас 5 часов 40 мин. Тучи поднялись, проглядывает тихое солнышко. Кроны сосен, листва березки и кленов неподвижны. Голова моя тоже пришла в порядок. 6 час. Аля проснулась, сели пить чай. «Проснулась и не знаю, где я, что я, то ли легла на ночь; куда бечь?» Затем рассказала, как в недавние холода в Ленинграде купила шерстяные портьеры для спальни: сразу стало тепло, темно, тихо; о том, как была в гостях у Ирины, об Ирининой улочке и Иринином «старом доме» напротив («жила вон в том окне старушка, часто подходила к окну, потом все реже, потом перестала, а там и занавески сменились...»).

Пошли к Кисане. Кружок вокруг участка. Цветение сосен. <...> Проходя на дежурство (на службу), Эльза Мартыновна⁸ с нами побеседовала... 8.30 — чай. В 9 часов уселись оба на моем диване «против сосновой горки». *Вот только сейчас проступает, становится видимой на лице Али степень ее усталости. После дневного сна заметно перемогается...* (Как она вообще осилила этот месяц?!)

Пришел Коп показать новую куртку. Болтает с Алей. Я же... (опять??) о близящейся неизбежности ухода. Независимо даже от субъективного «могу» и «не могу». Ибо *предрешена* близкая судьба искусства... особенно музыки, а Большой музыки — тем более... «Дункелизм-вседержитель», *Все вершащий «дункелизм»!!!* Читаем. Аля — газеты, я — Бунина. Тихо наплывают тучи, медленно смеркается...

14 июня (пт). *Духов день.* Вчера, когда легли, мелькнул отблеск зарницы и пророкотал отдаленный гром. В темноте и тишине мерное шуршание дождя.

Утро чудесное, но опять холодно. Низкие, круглые облака, похожие на дымы Бородина. С 11.30 до 3.15: в парке у пруда на пеньках. (В. К. Иванова и Т. Собинова.) У моря под «Русалкой». Черноватая синь моря, пустой пляж, ледяной ветер. По Айе, минутка в киоске. Хозяйская собачка — вежливая, тихая... Отдых у «Мереранне». За оградой, на которой присели, медовая золотистая лужайка сурепки, гудящая пчелами, за ней каштаны, уставленные свечами цветов. На участке Синёвых благодатный часок на скамейке у грядок; первая

стрекоза в заулье; трогательные горшочки с огурцами в парнике; «у нашего крыльца»: чистотел; «прижег» его соком родинки на шее Али. Под защитой забора у маяка (долгая посылка). <...> Припек солнышка, косой полет чайки, зеленый лак ивовых кустов. В уголках на участках у моря много пышно цветущей сирени, не то что у нас. Также и белых медоносных кустарников.

Благостная, полная, светлая, спокойная радость — быть вместе — в своей среде. Домой шли по Карья. Я после обеда спал почти до 5-ти часов. Аля спать не захотела. Мало устала! Проснувшись, застал ее на угреве на веранде, куда скоро явился и Тихон, и Копель (болит у него колено очень...).

На сосновой горке бродит черный соседский шенок, обуреваемый интересом к нашей калитке и желанием обследовать нашу территорию, но скованный наследственной осторожностью (совершенно сеттоновский персонаж и сеттоновская ситуация), опасением перед «неведомым». Угостились простоквашей. После чего я записал день, а Алена «стригла» травку под окном. 8.30 — ужин. Вечером оба на диване. Аля с газетами, я с Бунинным.

15 июня (вт). Алена долго спит, никак не проснется: голова плохая. Я хоть не сплю, но не встаю, чтоб не разбудить. Тишай тоже спит в кресле. Встали около 11-ти. После завтрака — на веранде, прогретой солнышком. Аля копошится, чинит свои шмутки. Я дремлю в шезлонге. Вернее не дремлю, а пасусь около Алены. Пасусь весь! И душой и телом... Около 2-х пошли под сосновую горку, к Кисане. Снуют скворушки, толпятся, верещат на Копелевой помойке. Порхают «птички». Аля принесла Тишу. Налетели воробы, подняли ругань. Пришли бело-грязные соседкины цыплята, безбоязненно ходили у наших ног, попискивали, поклевывали что-то в траве. Появилась бабка, забрала их в корзинку — унесла. Сегодня тихо, довольно тепло, медленно ползут облака (с юго-запада). Воздух мягкий и пахучий.

После обеда спали. Я — до 5-ти, а Алена до 6-ти; очень ей сегодня плохо с головой. Я заглянул в 6 (до этого — «долистывал» бунинскую «Деревню»: гиблая это и «заразная» вещь...). На подушке возникли незабудки. «Чего ж ты не позвала?» — «А я знала, что рано или поздно зайдешь; да и голова только-только прошла». В кухне похлебали простоквашу. До 7.30 сидели рядом под крыльцом. Похолодало. Наползает мутная хмарь (барометр очень упал). Я немножко замерз, ушел в дом и в своем уголке записал день. Пришла и Алена, села около и латает локоть моей красной кофты, которой уже 13-й год! Т. М. топит плиту.

16 июня (ср). Порывы ледяного ветра; попеременно то солнце, то сумрачные тучи, то припекает, то налетает холод. Очень тревожно. Никуда не хотелось вылезать. Но все же пошли в электромагазин. Навестили батюшку с матушкой. Там Пигулевский. Матушка красная, закутанная — работала на огороде. Посидели на веранде под болтовню Пигулевского. От них сунулись было к морю. Но даже не вышли на пляж: шторм. По пляжу шуршит, несется песчаная поземка, ветер сбивает с ног, мотает ивовые заросли на дюнах. Аля помалкивает, но вижу, ей неуютно и хочется уйти от моря.

По Айе, мимо рыночной площади — в парк. Застраили было у магазина, Алена углядела на прилавке колбасу, сардельки, но пошел обеденный перерыв и ждать надо было 20 минут. В парке посидели у беседки в запущенном уголке, где пригревало солнышко. Над прудом носятся, взмывают на ветру, падают до самой воды чайки.

После обеда спали. (Слава Богу, голова у Али не болит, просто отдыхает.) Около 7-ми приехал из Таллина Копель. Короткий ливень. В 8 час. послушали радио (Козловский). Принесли от Фиры лешей.

Вечером — солнце. Блестит мокрая трава. У калитки Аля, а по ту сторону забора — старушкин щенок. А из-под скамейки у веранды, сделав большие глаза, на них глядит готовый к бегству Тихон.

Чай. Прочел несколько страничек (таких кровных) из томика Тургенева, найденного Алей в шкафу («Рудин», «Дворянское гнездо»).

Ночью (на сегодня), после того, как я чаевничал, а Аля сходила в одно местечко, сказал ей: «Поеду с тобой в понедельник». А потом так трепетно стало у обоих на сердце, что гляжу — Алена утирает простыней слезки... На пути Понимания, Освоения и Претворения в действие, на который мне удалось встать с недавнего (увы...) времени, единственным стимулом является, конечно, Аля. Любовь к ней.

Вылезание из немоги и физическое оздоровление (помимо нужности их вообще; отказ от курения, питья) в конечном счете тоже ощущаются мной как некий «подарок» Алене. И это чувство «подарка» тоже есть главный стимул в «одолении себя». <...>

17 июня (чт). Ночью: в сумерках под одеялом четко очерчен Алин рельеф, а из-за него торчат Тишкины ушки.

Ненастье. Шторм. Дожди. Есть в непогоде и свое благо: не надо выбирать, куда пойти, и решать, пойти ли вообще куда-нибудь; можно безответственно сидеть дома, в тепле и дреме.

Записал день. Читал Тургенева. Алена принесла простоквашу. Стала чинить дверь на веранду, которая отходит.

Потом отремонтировала окно в комнате Т. М. (Т. М. жалуется на сквозняк). Последняя трудится над лещами, долженствующими появиться к обеду с гречневой кашей. Почти до самого обеда лежу, дремлю, засыпаю, вынырываю из дремы... Тишка на моих ногах лежит как грелка — крепко спит, вздрагивает. Алена копошится в своем уголке, наводит порядок на полках и в ящиках; починила заодно будильник; погода, слышу, консультирует Т. М. на кухне.

За окном стремительно несутся тучи, раскачиваются, клу-бятся кроны сосен, налетает, шумит, гудит ветер.

Обед — лещи с кашей. Копель — по делам «сосновой горки». Предлагает принять Урма... Аля в 4.30 легла спать. Я — с Тургеневым. Молчание... и страх исподволь спирает дыхание... Господи...

В 5.30 голосок Али: «Долго я буду петь, чтоб ко мне пришел?!» Ели простоквашу. Потом гуляла с Тишей. Я — с Тургеневым.

В 7 часов после отдыха пришла Т. М. Заботливая беседа Али с ней об усовершенствовании ее удобств здесь. Потом Аля с блок-флейточкой. Немножко посвистала. И так это было мне — как родная ласка в самое сердце. А за ужином Алена наслаждалась — обрабатывала лещевую голову. И в заключение дня — веселые перспективы в части снабжения населения мясом...

18 июня (пт). Серо. Прохладно. Сравнительно тихо. Почему-то после завтрака сильный «синдром», чем-то даже похожий на сердечный приступ: такой дикий пульс и дурнота. Крепко «отдремывался». Потом читали на диване газеты, казалось, что уже никуда не собратся. Но как-то незаметно все же собрались и решили пойти «до Петра Васильевича» в Дом отдыха, по поводу устройства туда Тамары Скаскевич⁹. Побыв у него дома, вышли на море. Море сегодня серебристо-зеленоватое, пахучее, дышащее свежестью, неугомонно бурливое в крепком ветерке. Нигде — ни души. Шли легко, бодро. Посиживали, отдыхали. Проглянуло солнце. Вдоль пляжа стал подниматься, поплыл, за клубился легкий парок. Алена: «Благодать фантастическая, благодать вечная...» В итоге, глядь-поглядь, очутились у заставы — о чем сегодня и не мечтали! Хорошо отдохнули на последней скамейке, потом прошли на автобус и в 4.30 были дома. После обеда — дрема. Я встал в 6 часов и записал дни (вчера и сегодня). А Алена выползла в 6 час. 15 мин. Идет и ворчит: «А меня никто не прикрыл, а я этого не забуду, это учту» (шутя). В 7.30 Аля варила кашку Тише. Потом сидела у «меня»; продолжение разговора об «Алых парусах», начатый еще на море. Аля с увлечением говорила, какую она представляет оперу на этот

сюжет: «И какой апофеоз!..» И о том, как бы эту оперу мог создать Чайковский. (Оперу «о воплощении мечты, о счастье».) Образ Ассоль должен быть выражен танцем. В 8.15 пошла в спальню, позанималась до 9-ти. (В это время дом стал сотрясаться от ударов: Копель дробит бут для «декоративной стенки», которую Муська желает поставить около своего «альпинария»...)

После чая почему-то раздумался и об О. А.¹⁰: о проблеме сопоставления оценки «настоящего» и оценки его же, но перешедшего в прошлое (ставшего прошлым). О различии «родного» и «близкого». О пристрастной (?) оценке О. А. последних лет. Поделится этими мыслями с Аленой. В ответ ее характеристика звеньев моей жизни: Марианны (!), Ольги Алексеевны, Инны и ее самой. Говорила взволнованно. «Я тебя расстроил?» — спросил я. «*Чем ты можешь расстроить меня?? Ничем. Разве только смертью*», — ответила она... 11.45 втроем в молчании ночи. Ночь и на рассвете: избыть, как??

19 июня (сб). Дождь. На веранде протек потолок. Алена огорчилась. Да и я еще добавил, сказав, что Тишу не надо было сейчас привозить. Что, мол, я буду с ним делать в ее отсутствие, если он занеможет? («не хочу месяцем расплачиваться за неделю»). Мерзавец...

Кроме того, конечно, доставил ей неприятные минуты, когда вчера вечером заговорил об О. А. А Алена сама вся как паутинка, вся на ниточке; очень ей и то и другое было, конечно, больно и тревожно услышать (особенно мой «рецидив» на тему Тиши), хотя и не показала вида. В 1.30 пошла в свой уголок поспать. Но опять грохот раскалываемого бута потряс дом... После обеда спал тяжело, гнетуще, почти так, как бывало в городе. Грызусь своей мерзостью... Разболелись нервы... Аля покормила кашкой Тишу. Коп позвал меня смотреть фильм о насекомых.

Аля села позаниматься. Когда вернулся к себе, прекратила: не клеится. Пошла гулять с Тишей: дождя нет, посветлело, тихо. А я сел и хоть с трудом, но записал вчерашний и сегодняшний день, до сих пор. Сейчас 5 час. 30 мин. Предзакатный час сидели у дома с Копом и Бобом.

Вечер провели у Волчонков: сначала на пирогах с луком (по случаю Дня медиков), а затем у телевизора на «Дон Кихоте». За всем тем, что было на экране, передо мной (вернее во мне) проплывали вереницы людей, образов и тех минувших «Дон Кихотов», того целого мира, что давно минул, «претворившись» в сегодня. <...>

20 июня (вс). Дождь с ночи. Аля затопила печь. Я полеживаю. Всякие мелочи: выдал Але денежки. Она у Копы уплатила за всячину. Читал газеты и т. д. и т. д.

В 3 час. посветлело, выглянуло яркое солнце. С 5.30 до 8 обретались на лужайке: то у черемухи, то у сарая на припеке. Прилетают горихвостки! Курсируют вокруг и Волчонки. Но Аля правильно заметила: как-то все устоялось и притерлось и толчая как-то перестала быть толчеей. Как-то стало семейно, общо.

Долго мучился вчерашним своим безобразием. Разбирался: что, откуда. 1) Как вообще я мог допустить какую-либо претензию, будучи тем, чем я являюсь??? Что заставило «забыться»? 2) Вспомнил, что не раз мелькала мысль о том, что Алин приезд на время, будучи связан с отъездом обратно в город, может нарушить мое хоть и напряженное, но все же довольно стройное Бытие здесь. 3) Ловлю себя на том, что последние 2 дня, когда вспоминаю о близком отъезде Али, сердце аж останавливается на миг, холод пробегает по спине...

Вот отсюда и вчерашний вечерний прорыв, и «боль нервов», и пр. Помнить: не допускать никаких «отрицательных» эмоций, а тем более их выражений.

Только Добро к Але, только забота. Только Любовь к ней.

4) Может быть, не надо из общения с человеком создавать «самостийного» дела, но общаться с человеком, только когда есть дело? Вряд ли это возможно... Да и вряд ли нужно?.. Да и в каком смысле это «дело» понимать?

Но Але всего этого объяснять и не надо: *она все понимает сама.*

21 июня (пт). Проснулись: пасмурно. С 11 пошел дождь. Как быть? Как добраться до автобуса? Звонил Куртынину — нет дома, нет на месте. К разлуке приплюсовалось еще и волнение. И еще какое... К счастью, в 12.40 дождь перестал. Пошли пешком. Я нес чемоданчик, что заставило всю дорогу Алю бояться за мои силы и уговаривать отдать ей чемоданчик. Кончилось все удачно. Около Болотина подвернулось такси, на котором Аля и уехала. Прощаясь, несмотря на тяжкое утро, *оба сияли...*

Пошел к Гликману и — в состоянии расслабленности и реакции — сидел у них до 4-х. Он проводил меня до школы. Опять дождь. Домой я пришел в 5 час. После обеда и сна *ткнулся* сидеть к Копелю. Перед перспективой *бесконечного* вечера без Али, принял приглашение к ним на ужин *с водкой...* Кончилось все сравнительно прилично, но с непривычки чуть-чуть все же не перешел «грань». И самое печальное — это курил. Комментарий излишни... Аля звонила часов около 7-ми. У нее благополучно, но все еще находится под впечатлением от моего утреннего волнения по поводу транспорта (не учла его «подготовленности»).

Вечером перед сном с Копом слушали Восьмую Брукнера и Пятнадцатую симфонию Шостаковича! (1 и 4-ю части.)

22 июня (вт). Конечно, пробуждение соответствовало моим вчерашним «подвигам». Опять серо. Дождит. В 11 час. сел «записываться». Т. М. топит большую печку. В 12 часов явление Никитина по поводу свалившихся на него бед.

Опять записывал. Пришел Копель в новых штанах. 3 час. — обед. После обеда наконец «дописался» до сих пор: 3.30 дня.

После обеда — печальная дрема. В 6-м часу тихонько обошел участок. Посидел на Кисанином пеньке, постоял у ворот... Щемяще грустно. Вот: и человека нет, и дела нет. Ни дела «общения» и никакого вообще (?!). Дома встретил Тишу, который до этого весь день спал у Али под одеялом. Вышли с ним на улицу. Но гуляет он плохо. Сидит под скамейкой. Даже в сирень не идет.

В 6 часов звонок Али. В городе холод, того гляди пойдет снег. Завтра будет на концерте Максима [Шостаковича]. (Приедет Ирина.) В четверг начнет репетировать с Ген. Рождественским. Рассказал о Никитине.

На диване с Тургеневым и Тишенькой. Вернулась откуда-то Т. М. Топит плиту: очень свежо в доме. После чая опять с Тишей и Тургеневым. Т. М. без конца брякает и елозит в кухне (затеяла мытье). 10 часов. Небо в тучах. Быстро потемнело. Прогрунул очередной дождь. Перед сном очередной «шип» на меня Т. М. за проверку куриных ошметков на Тишиной тарелке. А у меня (естественно) не получается игнорирование: всего бьет дрожь.

23 июня (ср). Проснулся ровно в 9. За окном яркое солнце. После завтрака посидел немного у сирени. Тиша вылез тоже под крыльцо. Ветер все еще ледяной. В голубом небе наползают с моря тонкие чешуйки. Побрился. И опять лег в свой угол, ушел в сон... Около 12-ти выпил какао, посидел на крыльце с Копелем — холодно. Пошел записал дни — до сих пор. Сейчас 1 час дня. Тиша опять под одеялом у Али. Тоже, видно, «ушел» в сон.

Заходил Копель, попросил тетрадку. Заходил и я к нему — взял газеты. Читал. Выходил «к горихвосткам». После обеда сладкий сон в спальне. Тиша — все под одеялом у Али. Пробуждение в тишине, в залитой солнцем келье. Тишкина заспанная рожица мне навстречу; 4.30 часа дня. 5—7 с Копелем были на реке: лодки наши выкрашены, причалены, покачиваются на воде.

Приехала Фира из Ленинграда, передала привет от Али. Но звонка от Али сегодня не было.

Сидел у себя, читал Уэльса «Россия во мгле». В сумерках появление четы Фирунов¹¹ с ворохом прогнозов по части мясных и прочих дел.

А в природе сегодня первый за все время тихий вечер, мирный и благодатный...

24 июня (чт). В 8 часов утра разбудил Тиша. Вышел с ним: золотое утро. Первый погожий день. 10.30 — на море. Иду тихо и грустно (дыхание...). С моря тихая ласка свежести. Море бледно-лазурное, молочно-лазурное; небо ярко-синее, прозрачное; горизонт очерчен сиреновой дымкой; плывет цепочка кучевых облаков. Море дышит; на песок набегают журчащие каемки пены.

Часто присаживался, отдыхал, дышал.

Мокрый, весь вихляющий на бегу
щенок черной овчарки с ребятами
плещутся в море.

Вершина березы в самой глубине синего неба, струящая листики. На пляже у заставы на скамейке. Благодатная, прозрачная дрема. «Голубая мечта»?! Какая чепуха! Голубым — бывает счастье! Вот здесь, сейчас оно!

После обеда — дрема. Т. М. ушла в баню. Сказала, что Тиша ел и гулял. 4.30 — проснулся. На лужайке с биноклем: горихвостики с червячками в клювах. 6 часов. Звонок Али (очень надсаженная, дерганая, «наколотая»): холод в квартире. Вчера вечер заняли водопроводчики: меняют треснувшую раковину <...> в ванной. <...>

В 7 часов — Пигулевский. С ним на крыльце. Его болтовня и обывательские допросы о Филармонии. <...> В итоге всего 3 рюмки водки у Копеля и вылезшие подспудные «слои»... Копель возился со мной как мог. Конечно, понять он может только малую часть, но и за это ему спасибо.

В итоге — пошел к Кисане и притулился к ее холмику, сосне, песочку и молчанию наступающего вечера...

Вечером, в 10.30, Коп еще раз приходил ко мне на веранду...

25 июня (пт). Ночь пыток совести и вообще. <...> Вдобавок спал со мной и на мне Тиша. Очень жарко, душно, кошмарно... прямо смертный час какой-то длился всю ночь. После завтрака я и Тиша немного на горке. Копель спугнул, тогда оба пошли спать: Тихон ко мне!! под одеяло, я — на диван. Проснувшись, записал день до сих пор. Сейчас 11.30 утра. Тихий день. Плынут высокие размытые тучки. С моря наносят влажным холодком.

Читал газеты. Закончил Уэллса. Посидел на Кисанином пеньке у ворот; Копель «бреет» газон. Мгла с моря. Сосны в туманной дымке. Обед и сон до 4.30. Посидел «подкидывшем» у Волчонков на веранде. Чашка кофе.

В 6-м часу втроем с Копелем и Муськой — к Анне Максимовне, у которой Копель обнаружил перелом мениска;

для А. М. это трагедия, но выдержка ее при сем удивительна. Коп и Муська устремились по местам бывших усадеб и покинутых участков выискивать кусты для будущих пересадок их к «нам». По мне, так это то же самое, что переносить к себе растения с кладбища... Не говоря уж о том, что, беря от погибшего, известного тебе, ты тем самым даешь осознанную гарантию стать самому пустырем, и стать им, учитывая советскую «устойчивость» в ближайшем же будущем. <...>

Я их ждал и с горы любовался синевой Наровы, бледной далью заречья и яркими пятнами тральщиков, подернутыми нежной дымкой, плывущей с моря.

Все скорбно наполнено отсутствием Алены, и пусто, и в то же время все наполнено горячим ощущением ее невидимого присутствия. Где-то. На шоссе встретился идущий домой С. Кротов. Поехали с ним посмотреть «форелевые садки» на Нарове. Говорить о них нечего: все форели поражены грибом поголовно, плавают с объединенными плавниками... ужасное и символическое зрелище. Дома: Т. М. изволит быть на телевизоре. Съел простоквашу и сидел, дышал на крыльце. Перед сном взял полистать «Войну и мир». Ночь благополучна. Алена сегодня не позвонила.

26 июня (сб). Солнце. Жарко. 10.30 — пошел к Синёвым. Очень парит. Идти очень трудно. И не столько одышка мешает, сколько очень высокий пульс (думаю, до 130). Антонина Васильевна одна, в беспокойстве: пропал куда-то Александр Петрович.

Над зеленым морем — мгlistая дымка. Ровный влажный ветер. Жаркое солнце, тяжелые всплески ленивых стеклянных волн на отмелях. Уселся на корягу, с наслаждением дышал, слушал, погружался. Мгла над морем потемнела, поднялась, надвинулась иссиня-сизым пологом, обронила тяжелые капли дождя... и разошлась.

Заглянул к Гликманам. Его нет. Она — кислая, старая, какая-то деланная... неладно у них. Зато, *перелистав* несколько улочек, с истинным наслаждением посидел у Лидии Александровны с ней на ее скамеечке. По пути домой встретил Антонину Мих. Флаксберт. Должен признать, что есть в ней многое, чему можно подивиться и чем полюбоваться (независимо от того, «созвучно» оно или нет).

Дома Коп продолжает свое сизифово вожение камней, а Рензор¹² изощряется в художественном возведении Муськиной стенки около альпинария... По-прежнему жарко, тяжело. Небо белесое и ослепительное. Обед. Сон на Аленкиной постельке (Тихон занял мою кровать). После сна — запись дня. Сейчас 5 часов дня. Парит... Устроился у сирени.

Вблизи пасутся молодые самки с приплодом. Появился Болотин: 1) передал поклон от Алены, сказал, что приедет 30-го или 1-го, 2) просил подписать книгу Фомина.

Простокваша. Вновь у сирени с Копелем. Со стороны Силамязя поднимается грозовая туча. Приближаются раскаты грома. Увы, все прошло стороной. 8 часов вечера. Я — у себя. Коп с Фирой — к Белоконю в баню. Внезапный недолгий, но полноценный дождь из туманного края ушедшей тучи. Сразу солнце. Лес — в голубом мареве. Я у себя в домике закрылся, занавесился. Сел с Толстым. Тиша — грустный и покорный — на подоконнике на веранде. Сумерки.

27 июня (вс). Опять жаркий и паркий день. Копель тянет на реку. После долгого раскачивания мне, наконец, удалось преодолеть утреннюю «развяленность», и в 1 час дня пошли к лодкам. На реке, конечно, стало хорошо и легко. Лодка моя в отличном виде. Не торопясь, с Копом на веслах, с перекусом в камышах (у начала обрыва), незаметно добрались до «тополей». На обратном пути — греб я. Без одышки! Легко и приятно. Небо подзатянулось. Поднялся ветерок. Посвежело. В 5 часов причалили к своему берегу. Очень было бы все хорошо, если б не рев множества воскресных лодок и пачки воскресных «туристов» на когда-то бывшем для всех запретном правом берегу, если б не палатки, дымы костров и пр. и пр. И конечно, бесследно погубленные, опустевшие колонии ласточек-береговушек.

6 часов: Аля не звонит... Попросил Копу добиться Ленинграда. После долгих неудач — наконец голосок Алены: ни сегодня, ни третьего дня она не могла соединиться с Усть-Нарвой. 1) Вчера играла сюиту Баха (!!) с Рождественским. Здорова. С Ириной Шостакович — все в порядке; виделись с Алей дважды. 2) Была на кладбище. 3) Приедет 30-го. 4) Наших «непроходных» — чуть ли не 15 человек <...> 5) Д. (Стрижева) бездействует.

После разговора поцеловал Фиру. Ибо молчаливое ее сочувствие по поводу моего волнения из-за отсутствия Алиного звонка — просто удивительно!

Телевизор: Кинопутешествие. Древние памятники Осетии.

Вечер, как вчера: в тишине, с Толстым и с Тишей рядышком. Заходил перед сном Коп.

28 июня (пн). После завтрака — Тиша на моей постели, я на Алиной. Сладко дремали (но, к сожалению, у Тиши опять боли в животике...) 11—12 записал вчерашний день и до сих пор. Утро, как вчера, жаркое и ясное, но ветерок к полудню натянул тонкую хмарь.

12.30 — к Синёвым; Антонина Васильевна успокоенная. 476 | Александр Петрович работает. Был у нее несколько минут.

Когда шел к Синёвым, на углу Карья, против пионеров, старушка около тяжелой авоськи отдыхает, держась за забор...

На пляже довольно многолюдно. Ветерок здесь тянет уютным холодком. Море опять зеленое, но шумное, в гребешках. Встреча с Верой Евгеньевной. <...> Зашел к Гликману. Его опять нет. И опять Таисия одна в своей «певучей» многозначительности.

По дороге домой — приложился к Камню, что положен на фундаменте дома *Игоря Северянина*¹³. (Я и не знал до сих пор, что он есть...)

После обеда и сна — на веранде с Буниным. Синее небо, но бушует штормовой ветер. Сосны гнутся, извиваются, как водяные растения в бурном потоке. Очень холодно. И солнце какое-то (не по времени дня и не по времени года) низкое, косое, слепое и будто не греющее...

Так и просидел дома весь остаток дня, читая Бунина и с ощущением приближающегося часа появления Алены. Перед сном заходил Коп. Прослушали по его просьбе 2 раза (!) 1-ю часть Пятнадцатой симфонии Шостаковича.

29 июня (вт). Ветрено. Пасмурно, затучено по-осеннему, холодно (14°). После завтрака, как всегда, спали с Тишей. Т. М. ушла «на промысел» в лавки. В тишине без нее выпил кофе, записал день до сих пор. Приглашал Коп ехать в Нарву: едут с Муськой за бегониями. Отказался. Выпили кофе у него на веранде. В ожидании обеда внимательно и с интересом читал газеты¹⁴. После обеда и дремы — на воздух, на лужайку. Безоблачная синь. Яркое жаркое солнце. Но ветер очень холодный. Устроился в заувье около стаськиного песка у временки (около меня цветущий крохотный кустик жасмина; горихвостки; Фира полет «огурцы»; Муська около ирисов; зеленая самочка клеста прилетала; Тиша на прогулке под кленом; паника и руготня по этому поводу у дроздов). В таком контексте никто не мешал друг другу и было мне хорошо сидеть — вроде бы в своей семье.

О тупике в судьбе ЗКР и неизбежность мне на него так или иначе реагировать в ближайшем будущем...

С 6 до 9 читал Булгакова «Белая гвардия». Ужин с Копом у нас. Т. М. еще долго брякала посудой. Тиша убежал в кусты, но не исчезал. Наконец, часов в 10, в тишине, тепле и уюта остались вдвоем. Двери заперты, окошки занавешены. Господи, помоги мне!

30 июня (ср). 8 часов утра. Встали с Тишей. Безоблачно, холодно. После завтрака дрема и запись вчерашнего денька (сейчас 11 часов утра). 2 часа сидел у клёника. Копель со шлангом поливает. Стаська с ним. 2 часа сидел на лужайке. Копель стришет газон, поливает, полеживает около меня.

После обеда только вышли с Копелем на «парадное» крыльцо, как подъехала болотинская «Победа», а в ней засияла Алина мордашка. Навезла 3 коробки продуктов. Разобрала их, часть подарила Копам. Вдруг вспомнили: сегодня день рождения Анны Максимовны. Надо зайти. К счастью, подвернулась дочка Флаксберт на машине, подвезла. Домой пешком. Сумерки. Капает дождик.

1 июля (чт). (Июль...) Четверг. Ясно. Холодно. Очень ветрено. Дал Алене выпасться: лежал и кочумал. После завтрака довольно долго на солнышке, на крыльце. Аля говорит, что даже шевельнуться не способна; легла и спала до 3.15 (слава Богу!). Я тоже поспал, но недолго, встал и читал Булгакова. После обеда сидели тихонько в комнате. Приход Стаськи и серия его мизансцен, связанных с «выпросом» ирисок.

В связи с ветром пошли с Коппом на реку проверить лодки. Оттуда — в обувной магазин, купили резиновые сапоги. Дома застали всех на лужайке. Тут же Тиша. Тут же и горихвостики с гусеничками в клювиках и тревогой в связи с присутствием Тишки. Ко всеобщему удовольствию, напялил новые резиновые сапоги и проверял их в Стаськином бассейне.

Простокваша. Вечером — рядышком на диване. Читаю Булгакова. Разговариваем. Когда легли, Аля: «Столько спала сегодня, а вот опять хочу спать». <...>

2 июля (пт). Знаю, знаю, теперь покатаются дни друг за дружкой, как горох — и не уследить... Под горку, под горку... ох, Господи! В 9 тихонько выбрался из спальни. К неудовольствию Тиши, запер дверь. Позавтракал с Т. М. Сел на крылечке. Заспанная Алена вышла в 10. После завтрака выдавала мне белье, делала кровати, чего-то копошилась у шкафов. Я, «отсиндромив», записал дни. 11 часов. День опять сияющий, но, увы, опять очень холодный и ветреный. Але захотелось идти. 12—3 час. вместе круг: к Лидии Александровне (ирисы всех цветов; дальняя грядка, в конце огорода переходящая в бурьян и крапиву, — заповедное и все «живое» царство детства); мимо Розановых, доска на веревке — «общественные качели»; мимо «Раковой шейки», встреча с Пигулевским (новость: в березовых лесах появились грибы); в винный магазин: нет ли хорошей водки, в хозяйственном Аля купила клей; <...> мимо Синёвых — пусто — к морю. Ветер здесь менее острый и резкий, более плотный и мягкий. Аля: «Ветер теплый» — и легла на песке. К последней лестнице. Аля: «Когда море в профиль, то видна несчетность все новых и новых катящихся гребней, все снова и снова возникающих и исчезающих...» Я сижу на коряге. На ее конце взад-назад ползает божья коровка. Море темно-зеленое, мутно-шоколадное на отмелях, накатывает и рушит грузные валы. Горизонт

резок и чист. Над ним бледно-прозрачная голубая бездна, с тонкосизыми полосками тучек (рыбками)... Я: «Когда уедем, возьмем с собой песочка отсюда». Домой — по реке. Резко пригревает в спину солнце. Светлое стеклянное поплескивание волн у берега. Белоснежный пароход у пристани. Тихонько звучит с него полдневная безмятежная музыка. Родные уголки нагретой солнцем речной дороги. Но... бешено рычащее, пылящее черным прахом грузовичье. На ней присели у наших лодок. Потом против тралфлота. Аля: «Браво, Виктор Иванович!» (это по поводу лестницы: с берега — к нам).

После обеда сон. Проснулся: Аля с Копом на досках за воротами. Посидели все (всей «семьей») на лужайке. Зябко очень. Дома — вдвоем на диване. Аля с моими «невыразимыми» (резинки меняет). Я — опять дремлю. Тут же и Тиша.

7 часов. Простокваша. Аля ходила за песком для Тиши, носила птичкам хлеб (из залежей Т. М. в буфете). 8 часов «интонационное» столкновение (!) Али и Т. М. на тему укропа. <...>

Читаю Булгакова.

Перед сном внезапное и болезненнейшее выяснение «произвола» Т. М. Вопрос: от дурости или нет? Моя двойная боль за Алю... Лег спать, не знал, как и начать ночь.

3 июля (сб). Ясно, холодно. Встали более или менее нормально. После завтрака я спасся <...> в дрему. Проснулся, вышел: Коп, Рензер лепят стенку; Алена за сараем мастерит подпорки для «ягодных» кустов Муськи. В общем, весь день с перерывами на обед и мою дрему, все всё время бытовали на лужайке.

Приходил фотограф — снимал Стаську; приезжал Олег [Богданов] — снимал Лизавету. Долго сидел со мной и Алей; милый, умный, единомысленный, близкий. Снял и нас порознь, а меня — с газетами (!) в руках.

После обеда Алена закончила подпорки. Ускоренным темпом, напряженнейше работают горихвостки. Грустнейший, патологически уязвимый Боб качает на качелях Стаську. Рензер укладывает последнюю черепицу на Муськину «стенку»; при всем и при всех присутствует и Т. М.; «девочки» подвязывают к колышкам кустики земляники на грядках. Алена красненькая, прихватило ее солнышко крепко, обветрил холодный ветерок. Около 6-ти стало очень зябко. Пошли домой. Я — на диване, рядом со спящим в уголке Тихоном, записал вчерашний и сегодняшний день. За окном тихий, погожий вечер, 7 часов. Алена сидела в спальне у окошка, а потом сказала: «дай полежу».

Пришла Фира, позвала к ним чай пить с пончиками. Алена уплела 3 пончика и исчезла! Пошла прогуливать Тихона.

Потом все собрались у телевизора, смотрели «Необыкновенный концерт». <...>

4 июля (вс). В 11 пошли в церковь. Заходили на рынок... Виталий Лавров¹⁵ и его «наезд» на нас на Нурмэ. Когда пришли, служба уже кончилась. Подошли к кресту и остались на молебен. («Иго мое благо; Бремя мое — легко»). По окончании с Мотей [братом матушки] на скамеечке. Приходила Антонина Матвеевна и какая-то болтливая бабка 89-ти лет: пойдет на перевоз; живет в Венкуле. Плаксиво рассказывала про потерянных сыновей, с упоением про свое давление, про лекарства, коими лечится, бодро потопала...

Заглянули на море, быть сегодня там невозможно: такой шторм. Пошли по Айе. Прелесть ее зелени, заросших участков, ярких сочных трав, канавок, полянок (благодаря холодам, еще совсем свежим, почти весенним), старых и огромных берез, сосен, чащи одичавшего парка. Зашли к Синёвым: Александр Петрович с транзистором на солнышке. Антонина Васильевна — плоховатая, нервная, бледненькая.

После обеда и дремы начал читать «Чужак с острова Барри» Фреда Бодсворта. Аля на горке — в «пунхо» — сидит под сосной. Неподалеку Тихон: гуляют. К вечеру неважно у нее с головой: принимала раувазан. <...>

5 июля (пн). Дождь. Ненастье. Холод. Весь день дома. Много дремлю: и после завтрака, и после обеда, и еще когда придется... Остальное время неотрывно читал «Чужака»: прекрасная книга. У Алены плохо с головой, болит. Дремала на диване между мной и Тишей, принимала никошпан. После обеда зажужжала швейной машинкой: осваивает премудрость «пошива» фрачного галстука (?!). Было очень уютно спать под звук машины и Алино копошенье. Т. М. допоздна брякает в кухне: печется пирог. Атмосферка от нее сегодня несколько легче... Вечером Фира позвала на «17 мгновений весны». (Копель в это время с Фроловым в сумерках... прорезал в заборе к Фроловым дыру, якобы чтоб облегчить хождение в баню. К вечеру Алене с головой полегчало, несмотря на бесконечную необходимость, не теряя ангельского терпения, убеждать, переубеждать Т. М. (что купить, когда пойти, как солить суп, как кипятить, жарить, парить и т. д. и т. д.).

6 июля (вт). Безнадёжно серо, угрюмо, холодно и дождливо. <...> Завтракаем вдвоем. После завтрака записал дни. Алена перебирает ящики буфета в кухне, чистит мою походную фляжку и обмывает подоконник. (Сейчас 11.30 утра). 12 час. — я с газетами. Аля топит печку: «Хоть моросит, а все равно благодать». Я читаю «Чужака». <...> После обеда, почти час, все на сосновой горке. (Вылетели птенцы горихвосток;

Альбом 5
Maestoso

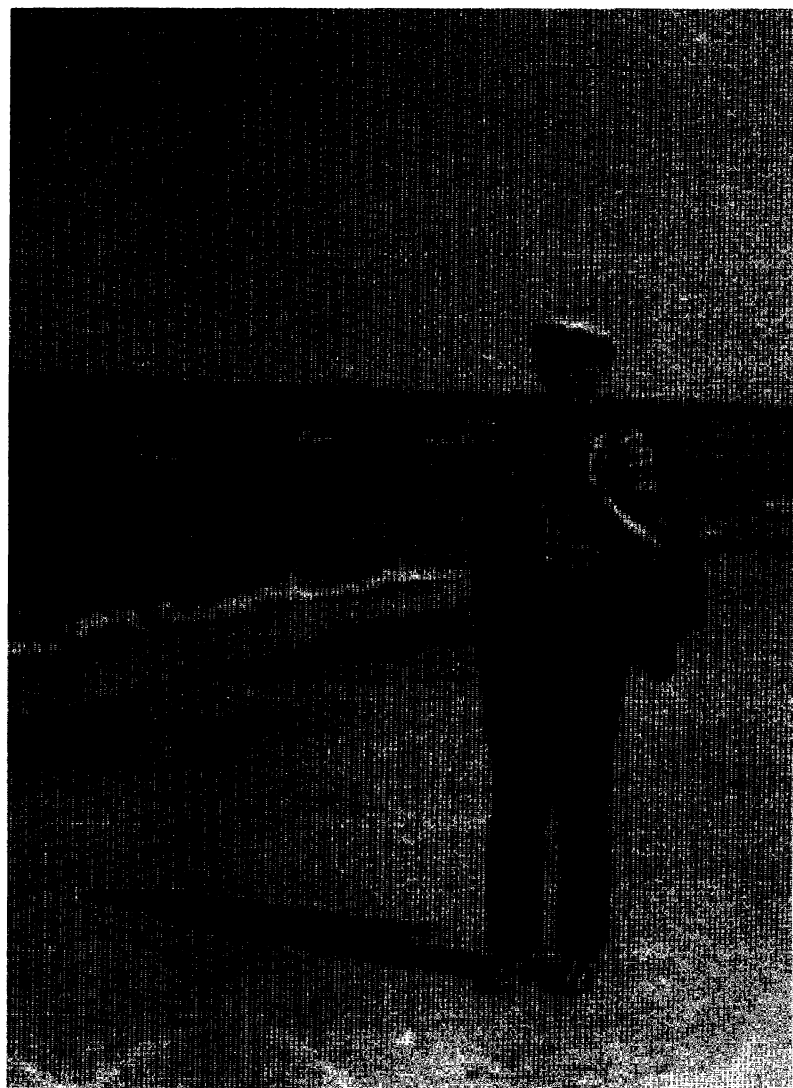
*Есть какие-то переходные мгновения,
когда ушедшее еще не стало полностью прошлым.
Есть кадры бытия, хоть исчезнувшие,
но еще зримые, осязаемые и существующие
в какой-то своей реальности...*

Д. В. В 9¹⁵ - сабуров. Басмачо. 68

Калин форті. Браклазно. Вукаши
Такси и вѣрси. Куртом-ка Стран.
В 10³⁰ - поезди на Вѣвѣ. Зден почти
вдоль самого озера. Между нами и
водой - вѣтиса гресса. Немецки ма-
мини. Горы да оураи. Чукотани бу-
маном, абночени. Турани. Зден со
скоростно боле 100 км. (буф вѣа
фозом - электрически). Около 12³⁰ -
Роганна. Маневричен. Богосиний
авер прокохит с колесомышном: „За-
дежени ет вѣт!“ Колѣпанни сме-
рекамуз в вѣтаст и смрчет в вѣла-
рѣтарам. В 12⁵⁰ убуваеи из Рѣла-
ни. В 12²⁰ - Вѣвѣ. Вѣвѣстанѣ Бѣри
и Керѣгани. Вѣвѣ тиенитишно-
мѣбани чѣмчани изѣа в отси
„Вѣри Керѣни“. Товѣтно чѣтѣвни-
воскресени.

получаем бланкетную повизку и
наконечник бланкетно-эпифантную
комманду с окнами в пленой фво-
тик а килементами проходами.

А также обичали вступать в кардком
немногочисленным братства, а
содержащая коллегия необходимых
инструментов, а также - похороны, и

Усть-Нарва.
1972

*Е. Мравинский в квартире на Тверской.
1963*

*Е. Мравинский с семейством Волчонков —
Копелем Ильичем, Мусей и Бобом на строительстве дома.
1970-е гг.*

В Усть-Нарве.
1972

*Дом Мравинских на улице Олеви в Усть-Нарве.
1974*

*А. Вавилина-Мравинская, Е. Агафонов и Е. Мравинский
в Усть-Нарве. 1970-е гг.*

Церковь в Усть-Нарве

*А. Розанов, отец Элий, матушка и отец Александр,
Е. Мравинский (1-й ряд) в окружении семейства Сидоровых.
1970-е гг.*

*У пристани на р. Нарове.
1960-е гг.*

*На Горной улице в Усть-Нарве.
1960-е гг.*

*Е. Мравинский и К. Волчонок в Нарве.
1970-е гг.*

*На веранде дома в Усть-Нарве.
1970-е гг.*

*Скульптор Г. Гликман.
1963*

На парадном крыльце. Усть-Нарва.
1970-е гг.

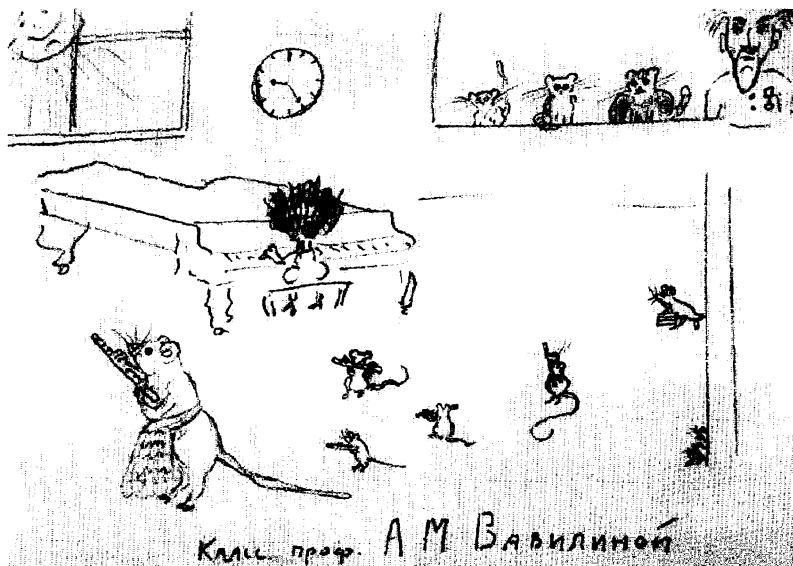
Перед выпиской из клиники
с доктором Ниной Васильевной Рыжковой.
1970-е гг.

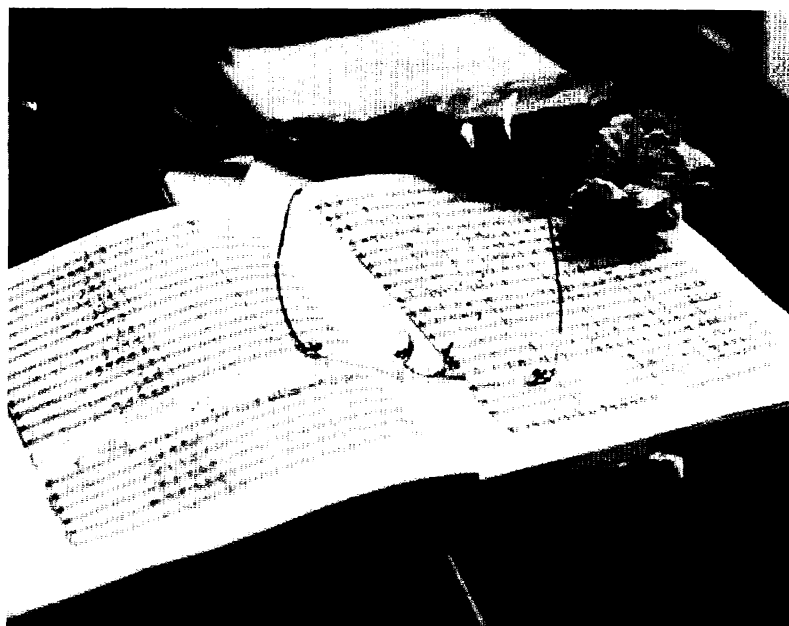

*А. М. Вавилина-Мравинская.
1970-е гг.*

*Рисунок Е. Мравинского
«Класс проф. А. М. Вавилиной»*

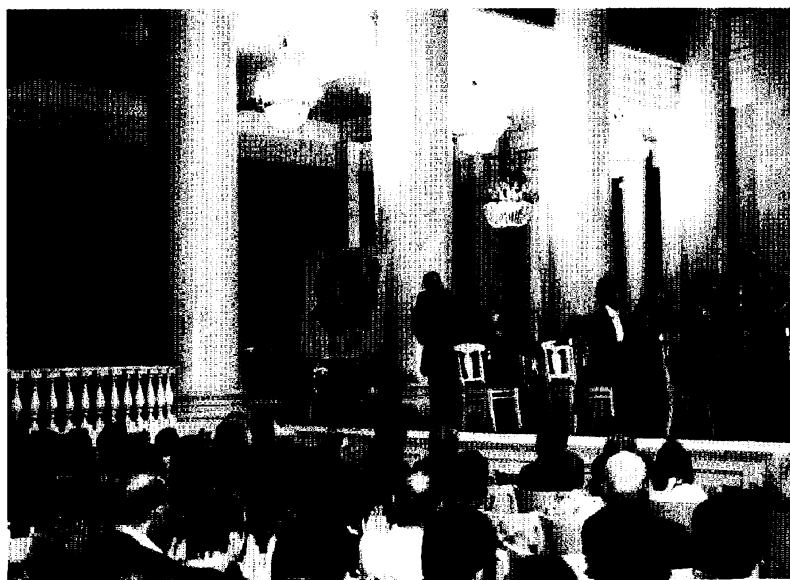

*Вручение диплома о присвоении имени Мравинского
малой планеты.
2003*

*Вечер, посвященный 100-летию В. А. Мравинского
в Санкт-Петербургской филармонии.
2003*

обнаружено в дровах гнездышко с одним бирюзовым невыведенным яичком.) Появление Копы и Стася с дороги, с одним масленком. Проверка шампиньона у калитки. Тут же коляска со спящей Лизаветой. *Зацвели колокольчики, невзирая на ненастье.* Опять заморосило. Зябко. Домой, в тепло. Я — читаю. Приход С. Кротова (приглашает на воскресенье; рассказы о новой его лодке и рыболовных принадлежностях; проблема картошки...). Ушел в 6.15. <...> А Тиша на прогулке. Скоро вернулся: не нравится дождь. Аля уселась против меня в кресло с французскими учебниками. Тишка — у нее на коленях. В 7.45 я закончил «Чужака». Очень, очень хорошая книга. 9.30 заходил Копель посоветоваться насчет подарка Кротову. 9.45 — кино.

7 июля (ср). Дождь. ...Спали до 10-ти. Аля на велосипеде — на «промысел». Второе утро навалился на меня гнет молниеносно надвигающегося конца лета, хоть рыдай, хоть беги... Очень неважно с сердцем: какие-то дикие быстрые пульсы, ни с того ни с сего...

Дождь. Приехала Аля, нагруженная всяческим изобилием и впечатлением от старичков-эстонцев, от гигантских их свиней и т. д. Пришла тетка — страховать имущество. После обеда с Алей на диване долгая беседа о велосипедах (четырёхколесных (!) и электромоторах для лодки). Эх... эх, я-то тут... а Алеша, еще молодая, как ребенок, ей хочется всего, и вот захотелось стационарный мотор для лодки...

5 часов, пили какао. 5.30 появился Стась за конфеткой. А в 6.30 явилась, наконец, Иришка-«плоскодонка», жалится, еще не устроенная, умотанная, но, как всегда, достойная и выдержанная... не то что я. В 9.20 была 3-я серия «17 мгновений весны».

8 июля (чет). 11° всего. Но ветер изменился. Тучи поднялись. Просветлело. Утром записал дни. Заходил Коп, принес старинный складень. Часок, до обеда, на сосновой горке втроем. За эти дождливые дни высыпали разные цветочки: льнянка, хлопущка, всякие колоски, вероника, клевер красный, лютики, еще какие-то желтушки. У Кисани Аленой посажен кустик черныбыльника и еще какой-то желтенький цветочек; оба как будто не вынут. Сладостно и печально напевал вдалеке черный дрозд.

...Хоть это и мелочь, но коляска с Лизаветой упорно ставится под нашей верандой...¹⁶ В 6.30 Коп и Стась у нас. Стась, конечно, с конфетой на коленях у Алены. Алена взяла магнитофон и тихонько пустила пленку со своей записью. Звук блок-флейты, как утешение и тепло души, дохнувший Аленой атмосферой, и добром, и чистотой. Часок перед чаем втроем в Кисанином уголке, за сосенками, Аля тут хочет по-

ставить скамейку. Вечером Т. М. заявила о сильной головной боли, даже на кино не пришла. 9.30 — 4-я серия кино.

9 июля (пт). Тамара Михайловна вышла, но голова все еще очень болит. В 10 часов Аля уехала на велосипеде за молоком. Дождя нет. Тихо. Тучи низкие с востока, но светло и воздух легкий, живительный и душистый. (Не удержался, сделал Лене замечание по поводу коляски под верандой... Очень плохо это. Прости меня, Господи... Идиот старый?..) Записал день; 11 час. утра. <...> В 12 часов Аля с Копом уехали «на Брускине»¹⁷ в Нарву. Вернулись в 1.40. Я в это время в дреме: Бог послал мне на этот раз дрему светлую и радостную. Выглядывало и пряталось солнышко, веяло ласковой чистотой с веранды, было тихо; и где-то перед мысленным взором плыли, как въяве, картины былого: Колокольной, Мелик-Пашаев в дирижерском классе, «живая» палочка Микеладзе... После обеда <...> Копель позвал: в леске — белка. <...> С востока продолжают плыть медленные свинцовые тучи, но дождя пока нет — тихо и не холодно.

Алеша взялась за разделку лосося, закончила в 8. Приехали Муська и Боб. На ужин Алена поднесла кусок лосося в собственном соку. 9.30 — кино.

10 июля (сб). Солнце. Всё те же медленные тучи. Оба встали неважные. Пока я дремал и раскачивался, Аля сварила лососевую уху. Около 12-ти сообща поднатужились — «поползли» на море. По Лесной, по улице Карья («утюг» Бортниковского, любимая моя площадь), наискосок мимо «Колхозного» санатория. (На выходе к морю, на синем его фоне — куча бута. Алена: «Не удивлюсь, если эта куча окажется на нашем участке»). Пока шли, ветер сменился, и у моря дует холодненький свежий ветерок. Пошли к маяку.

Море полосатое: черное по горизонту, потом красноватое, сине-зеленоватое... небо синее, безоблачное. Посидели на досках на песке под маяком, пока не стали зябнуть. Гликманы, которые по телефону сказали, что тоже идут на море, конечно, не пришли. Домой — по улочке «Абрамидзе»¹⁸, мимо стройки (уже готовый скелет огромного фундамента; Аля влезла на него, разглядывала; и тут же около кустов большая синяя-пресиняя семья вероники), по улице Айя наискосок, тропкой, «нижним» парком — к Кургаузу. Отдохнули в тепле на солнечной скамейке. Пахнет свежескошенной травой. Ходит субботний народ. <...> Домой, не торопясь, мимо лагерей. Шлось значительно легче. И меньше отдышка, и Алене с головой лучше.

Дома — Алена и Т. М. срочно накрывают на стол на веранде: сегодня Алена угощает весь колхоз лососевой ухой в честь просроченного моего дня рождения. Уселись: все Волчонки,

мы, Иришка и даже Стась. Очень получилось хорошо — в тепле на ярко залитой солнцем веранде. Все были веселы, поедали с аппетитом все изобилие, которое выставила Аленушка.

После обеда я тут же остался спать в шезлонге. Проснувшись, застал всех бабок и приплод у веранды на припеке. Потом сидели у вишенки. Я с биноклем глядел на своих «мухоловочек», охотящихся в косых лучах солнца в сосенках у забора.

Нежданное появление семьи Янсонсов. Как ни странно, получилось это даже приятно и никаких отрицательных эмоций во мне не породило. Как-то просто и по-близкому посидели, толкли, конечно, все наболевшее. <...> Я со стороны слушал и помалкивал... все же это люди отнюдь не чужие. Алеша и их уложила на обе лопатки своей ухой. Уехали в 10-м часу на двух машинах в Тарту (едут дирижировать в Ригу...). Арвид, уходя, сказал, что у нас «хорошая аура». Кончился вечер «17-ю мгновениями весны».

11 июля (вс). Встали хорошо, бодро. Ясно, солнечно, тепло. Аля сразу после завтрака на велосипеде к своим старичкам за молоком, я записал дни. У Копа в гостях некий Санька — гигант, принимавший участие в постройке нашего дома.

Аля вернулась от старичков, и мы попросили его отвезти нас в луга, что вдоль нарвской дороги. Очень давно хотелось побывать там. Высадил он нас у хутора, который на траверзе «Шести тополей»¹⁹. Домой оттуда шли лугами. Провели там с Аленой почти 3 часа. Счастливые часы. Тропкой служила старая колея грузовика; мерцающее перешептывание колосков тимopheевки; курчавая, тенистая, сочная глубина клевера; многообразие оттенков желтых цветов: медовых золотых цветочков вроде сурепки, желтого горошка, темно-желтых ромашек; семьи белых развесистых ромашек, хлопущек; ярко-лиловые полосы колокольчиков; рыжие пятна молодого щавеля, тесные толпы лаково-солнечных лютиков; изредка — бездонная синь васильков. Долго сидели у кустика бредины [ракиты], утонув в естественном парнике трав, дышащих теплой, нагретой солнцем влагой, насыщенной бесчисленными ароматами меда, тонкой горечи земли, простора. Мертвый крот на тропе. Видели нескольких жаворонков. «Причастились», — сказала Аля. *Но насекомых почти нет!!!*

Прошли кладбищем. Впереди приглянулась серая старенькая скамеечка. Подошли. «Скипин!» — сказала Аля. Побыли с ним... Вдалеке, меж крестов, медленная фигура Веры Александровны.

Дома в 3. По стакану молока с хлебом. Дрема сладчайшая на диване. В 4-м часу Сергей — за нами. И с 4 почти до 9

у него — застолье. Милые все люди, но я сидел, как всегда, изнемогая... Давно уже потерял я способность контактировать... а уж нынче так особенно и... окончательно.

Домой, втроем с Копом, — пешком. Шлось, несмотря на водку (правда, в очень малом количестве), весьма прилично. Успели ко второй половине кино.

12 июля (пн). Петров день. Проснулся рано. Надо было пойти в церковь, но не собрался: Алю не хотелось будить. За окном серо, неуютно; вялость, лень и убогость напала... не пошел. После завтрака потянуло лечь. Аля уехала навеситить Анну Максимовну. Вернулась только в 3-м часу. После обеда опять дремал. Аля на веранде засела за швейную машинку — перелицовывать юбку. Я тоже вылез туда с Булгаковым. Заходил Коп, Стась по конфетным делам, Фира. Мы с Копом даже глотнули сухого вина... (Аля ничего не сказала?!). На веранде зябко... Погода холодная, хмурая. Так и протянулся день пустехоньким... (К тому же вокруг Т. М. опять заиграли «спиральные зарницы»... даже по адресу Алены!) Вечером кино. В 12-м часу, когда уже легли, Болотин привез мешок картошки.

13 июля (вт). Тяжело спалось и пробуждение — холодное, почти черное, как бывало в городе... (Ну да! — близится все...) Сквозь шторы сквозит золото безоблачного, тихого утра, которое на поверку оказалось очень холодным и ветреным, с непонятными, почти снежными тучами — бледными, слепящими, размазанными и зловещими... Аля поехала к старичкам за молоком. Я поспал после завтрака, потом записал ничемную свою летопись дней. Пошли к Иришке. Снесли обогреватель. Она, выспанная, на балконе вывешивает сушить одеяло на солнышко. Сидели с ней, Лидией Александровной и мальчуганом Емелькой в царстве цветов, яблонь, около красавиц — трех берез²⁰. *Надо суметь видеть все это всегда как в первый раз.*

Синее небо, ласточка, прохладный ветер. После обеда очень легко подремал. Аля на веранде. С Копом и Стаськой — у качелей. Стась — «куличики», лепка, дрязготня. Соседские дымы: Ждановы топят баню.

6 часов. С Алей и Тишей — на горке. Вечно неповторимый (неповторимый и вечный) предвечерний час земли. Передвигаемся за солнечными лучами. Приход ласкового Юмки. (Аля: «Он со своей собачьей тоской...» и «Каждый день к вечеру открывается голубое небо». Я: «Мама говорила из Грина: утро всегда обещает, вечер грустит и прощает». Аля: «Вечер легкий, вечер легкокрылый».

Простокваша; 9.30 — кино.

14 июля (ср). Синее солнечное утро. Но конечно, холодный ветерок. 11 часов к Пигулевским — занести журналы. Просвеченная солнцем листва тенистых прядей плакучей березы, зеленый ее шатер, скамеечка вокруг ее ствола. Сидели под ним. Милые, заботные, копошащиеся в треволнениях о детях и внуках старики... Усадебная благодать их участка, скрытого вековыми липами, заросшего травами, сиренью, молодыми кленами. От Пигулевских — на море. Холодненький северный ветерок. Тем не менее потопали в сторону дальней заставы. Сначала не очень легко шло, потом получше, а перегон от «Норуса» до конца промахнули одним духом в хорошем темпе. Одышки второй день почти не ощущаю. Перед «Норусом» лежали под защитой поросшей ольхой дюной, погреблись в жарком солнышке; море сегодня ворчливое.

Домой — автобусом. Но час был довольно поздний, около 5-ти, и народу набилось несчетное количество; шофер хотел ехать без остановок в Нарву. Еле-еле, ценой неистовой Алиной руготни, удалось выскочить на Линде. Сладкая дрема после обеда.

На веранде с Аленой. Починка лопнувшего полотнища на маленьком шезлонге. Приход Иришки-«одалиски»: красненькая чалма с «бриллиантовой» звездочкой во лбу. Доклад ее о поездке в Нарву, обеде там, об Анне Максимовне и ее ногах. Простокваша — все вместе.

15 июля (чт). Проснулся рано: во все щели сквозь занавески льется солнечное золото. Хотел встать, но... не раскачался. Алена проснулась вяловатая. Намечается поездка на лодке. Но в связи с появлением С. Болотина порешили, не откладывая, ехать сегодня же в Куремяэ. Алена срочно поехала за молоком, я сел записал дни.

12.40 — Болотин у калитки. Не доезжая до цели, остановились у магазинчика. Полуденная оглушающая тишина полей и дороги. Вскоре за поворотом показались главы собора и весь «корабль» монастыря. Подъехали к избушке тети Фени: две чужих тетки. Лидии Сергеевны нет. Та, что живет в ее комнате, как и большинство теснящихся вокруг Божиего дела, демонстрирует свою «причастность», «посвященность» и даже что-то говорит о «послушании».

Тетя Феня слезла со своего чердачка, где «нет мух» («уж я их бью, бью, а вот опять налетели»); запричитала на Алю и на меня. Сидели в ее кухоньке у окна. (По поводу кривой лесенки на чердак: «А я и сама кривая». Насчет памяти: «Помню: где завтракаю, туда и ужинать иду»; насчет своих сил: «Давайте поборемся! Как тряхну!» Насчет аппетита: «Как поработаешь — только уши шевелятся»; и «не все в жизни гладко идет; все есть клочок — где-нибудь да споткнешься...»

Та, что помогает т. Фене, насадила в картошку бобов. Тетя Феня недовольна, а поправить — сил нет...

Солнышко на столе. Алена выложила свои припасы и все, что надо. От тети Фениной избушки поднялись крутой тропкой в гору, к бывшему ржаному полю. Теперь на его месте золотится поле сурепки. В тишине, насыщенной медом, в солнечных знойных лучах, равномерно и мощно гудят бесчисленные пчелки. Вокруг монастыря протянулся новый сплошной забор. Широкие ворота покрашены только зеленым, под цвет куполов. Как ни странно, цементный забор своим видом не коробит и не мешает смотреть. Он как-то даже вписался во все окружающее. Во дворе около собора, вдали, тихо шла фигура монахини в черном своем длинном одеянии. И вновь, еще раз в жизни, пахнуло несказуемо близким, ожившим, воскресшим из ушедшего или, вернее, из уходящего...

Около 2-х были у матушки Силуаны; занята. Сидим на скамеечке под березой, ждем, когда уйдет некий молодой человек. Как и в прошлом году, собор во всем величии и покое наплывает на нас в небе навстречу облакам. Воркуют голуби. Матушка Силуана уходит читать псалтырь. Очень похудела. В лице ее сквозь мученическую женственность уходящей плоти приметно проступает Лик. (Проехавшая в машине игуменья Варвара). У собора. Вход, как всегда, перекрыт сеткой. Но на этот раз монахиня открыла одну створку, пригласила нас молчаливым жестом руки («проходите, проходите») пройти в храм. Свет в храме, золотисто-белый иконостас, чистота, благолепие, порядок; милосердная легкость дыхания; взор очей Владимирской Божией Матери, зрящей меня, как когда-то было в Сокольниках у Иверской. Казанская — строгая икона; сверкающая, лучистая риза иконы Успения Божией Матери — иконы храмового праздника; случайно встреченный Алей образ Серафима Саровского (его «шутка» над ней²¹); в левом приделе Георгий Победоносец с копьем... Долго с Алей молитвенно *вдыхали* Благодать, будто погруженные в нее, сказали «спасибо» монахине, проводившей нас широко посаженными всезнающими глазами. На кладбище. Жаркое солнце. Ряды одинаковых серебристых крестов почивших монахинь. Чисто выметенный песок промеж них. В каждой раковине цветут свежие цветы. Около церкви могила игуменьи Ангелины. И тут, за гробовой чертой, они все вместе, *соборно*... Как это хорошо, как утешительно представить себя лежащим так — *соборно*... единая, святая, Соборная и Апостольская церковь... И она — и за гробом!

Заходили к *многосотлетнему* дубу. Прикоснулись к нему.

С кладбища, мимо спящего в машине Сережи, прошли к домово́й церкви Шаховских. В тени деревьев, на воле, тра-

пезовали постояльцы гостиницы. Заходили и на место, где когда-то была вышка. Посидели на травке.

В начале 4-го часа вернулись к тете Фене. Вновь мимо поля сурепки. («Поющее желтое облако», — сказала про него Аля.) В избушке т. Фени потрапезовали и мы.

А к 5-ти были у матушки Силуаны. О конце Православия... О старце и при нем состоящем, о чудесах его и чудесах святой воды. В 6 пошли ко всенощной. Когда проходили двором, ударил колокол — *Благовест к вечерне*... Благая Весть в Тьме вечерней земли. Поплыли вдаль мерные, певучие редкие удары... (служба; клир). (Аля около меня — солдатик Божий!!!)

В 6.30 уехали и около 8-ми были дома. <...>

17 июля (сб). Ночью сильная, короткая гроза. Утро встало теплое, парное, в белесой, просвеченной солнцем облачности. С 11 до 3 были у Иришки. Сидели в благословенном саду Лидии Александровны. Был Андрейка. Пришла и сама Л. А. в голубом летнем платье. Я пил чаек, состряпанный Иришей.

Дома после обеда и сна сидели с Алей за забором у калитки с Тишей, потом на веранде (листал Булгакова). Хмарь на небе все густела и темнела, пока к вечеру не обернулась дождем. «Копельё» отправилось праздновать серебряную свадьбу Фарберов (!!). Алену рано потянуло в кровать. Легли около 11-ти. Вставал около 2-х. Ночь темная-претемная, затученная и безмолвная.

18 июля (вс). Серо. Тихо. Дождь. Неодолимая сонливость. После завтрака спал с Тихоном у Алены в углу. Потом на диване около Алены, которая перешивает юбку.

В 12 с трудом сел за запись дней (с 15.VII). Закончил в 2.30. Алеша — пошла легла: очень болит брюшко. За окном светло-серая слепая гладь неба, тишина и отвесный дождик. До обеда читал газеты. После обеда их получила Алена, а я поспал на диване. Потом посидел в кресле у окошка в спальней: смотрел, как в лесу поднимается, синеет и густеет туман, как срываются с иголок хвои светлые капли, как пичужки перепархивают под дождем.

Перебрались на веранду. Аля — с французскими учебниками, я — с Булгаковым (грешно с моей стороны читать его для заполнения времени, а не специально...). К вечеру дождь перестал, а в 7 часов появились Гликманы. Сидели долго. До 11-ти. Уже совсем смерклось, когда ушли. Было просто и ненаятнуто.

19 июля (пн). У меня «черное» и холодное пробуждение... За окном серо, тихо, но дождя нет. В душе — очередная безнадежица... Сiju сложа руки на веранде; Аля уехала к ста-

ричкам за молоком. К 12-ти приехала с добычей: в дальнем магазинчике «оторвала» хорошее мясо и какую-то особую колбасу (I). Приехала довольная и бодрая! Попросил ее дать мне еще раз поесть: получил лососину... (второй завтрак). Пришла Т. М. Тоже с добычей: половиной индейки. Я еще раз лег спать, а хозяйки занялись распределением добычи на хранение и потребление. Потом сидели на веранде. Появление Брагинца с рабочими на предмет ликвидации (пробивания) в люке дна. Дренажи не работают. Потом посидели у черемухи — любовались на начинающий становиться уютным и укутным наш уголок. Зеленеющую лужайку, повитый плющом сортирчик, окруженный частенькими, пушистыми сосенками, уголок забора, тропку, уходящую за угол.

После обеда спал у себя до 5-го часа. Встав, застал Алену у люка, рьяно помогающей дядьке, поднимающему из люка ведра с осколками бетона...

Долго сидел у большого клена, наблюдал жите нашего участка. К Але с доверием подошла мама неполноценного мальчика, которого Аля не шуганула, а, наоборот, как она умеет, приветила. Пришел и Юмка на нашу дорожку, улегся, дружески издал поглядывает на меня. Тихое солнце. Легкий северо-восточный ветерок. Голубое небо. Воздух мягкий, ласковый. Веет ароматом жасмина, влажной травкой. Носятся в вышине стрижи.

Незаметно прошло время: 6 часов. Пришел Коп. Включился в чистку люка. Я поел простоквашу. Сел записал дни. 7 часов вечера. *Вечером втроем у Кисани.* Аля тихонько постучала по сосне, позвала... Тиша в можжевельнике совсем рядом, сидит, чутко оглядывает, «вникает» в вечернюю тишь. Розовый огненный глаз солнца в соснах, сияние зари. (Дома Тиша, усталый, сразу уснул «без задних ног».)

20 июля (вт). Бархатное утро. После завтрака я — под сиренью, Аля — за головомойкой. Пришла около меня сушить. От стриженной Копелем лужайки наносит тонкий запах сена. Тишь. Благодать. Сажу, в бинокль наблюдаю жизнь семейства голубей на дальней соседской крыше. В 11 часов — к Лидии Александровне. У нее Вера Александровна. Ее (Але) «кошачья новелла» минувшего года. (О киске, стучавшей «кулаком» в окно). Пришла с моря приехавшая Наташа с Андрейкой. Сидим с Ириной и Л. А. под навесом у сарая. Потом все перебрались в тень к сирени. Счастливое блуждание по нагретым огородным уголкам. Заглянул в сарай: чудесным образом пахнуло моей сундуковской избушкой... [в Тверской губ.].

А на горизонте над заречьем грудятся медленные кучевые облака. Сидели до 4.30. Обедать пошли к нам вместе с Ири-

ной. После обеда и дремы нашел Алю и Иришу (лежащую на раскладушке) на веранде. Приходил Коп со Стаськой по конфеты. <...>

21 июля (ср). [День Казанской иконы Божией Матери]. Вышли в 10.15. Были на месте в 10.45. День знойный.

В церкви народа много, не продохнуть. Я немножко постоял и вышел сидеть на скамеечке. На крылечке — мой старичок, усач. Подсел Круглов. Бабка с внучонком — ждет причастия. В церковь я больше не входил: только подошел, слушал в щелку дверей «Верую» и «Отче наш». Алена наоборот: вошла, поставила свечечки и долго, до самого крестного хода, оставалась в церкви. Только на минуту выходила, присела на крыльце — «посмотреть, где ты»... «Приходишь невесть с чем и невесть где находишься. А потом — сосредоточишься и себя не ощущаешь: надо стоять — и стоишь; слушаешь, участвуешь». «Когда ставила свечечки, так они так трепыхались, — думала, погаснут...» «Батюшка молодец! Смело, ничего не боится. Возглашает прямо на весь мир!» (Это она о батюшке, как тот молился во время крестного хода: «Пресвятая Богородице, спаси нас!») Солнце золотило скромную желтенькую ризу батюшки. Сияло на лике Иконы Божией Матери, озаряло тесную кучку молящихся, с пением бредущих вокруг церкви. Хоругви и крест в руках Моти. Капельки святой воды и до меня долетели все же... После службы — с Алей на скамеечке. Подошла с просвиркой в руке: «Это мне Божья Мать послала! я подошла к кресту, поцеловала, поздравила с праздником, а он — ручку в карман — и сунул мне просвиру» (*Едино понимаем себя, — каждый в своем одиночестве*).

Потом Алена уснула, а я дремал в кресле под сиренью. Через часок появилась и Алена. Сидели там долго, до самого вечера. За это время: роились, летали в поднебесье стрижи. В полной тишине, медленные, с юго-запада ползли разрозненные тучи. Фира тюткалась со Стаськой, а Лена с Лизухой: «Вот так, вот так, вот так...» Потом Лена вычерпала и вымыла Стаськин бассейн. Появился Копель: сначала сновал с лейкой, сопровождаемый Стаськой, у которого в руках тоже была маленькая красная леечка с водой (которой он брызгал). Потом возил плиты к веранде, которыми на нашей половине будет выложена дорожка. Подо мной прорвался шезлонг, и я провалился насквозь, к великому испугу Копеля. Алена долго копошилась под верандой — вытирала велосипед и выясняла, в каком месте побрякивает на ходу цепь. Я лежал около нее на скамейке, покрытой мягким одеялом.

А день становился все тише и тише, тучи незаметно затянули небо; в ранних сумерках трава как-то по-особому зазеленела. Алена с Тишей подолгу торчат на горке среди сосен.

Вечер наступил незаметно... Благословен Бог наш... Пошли, Господи, сон мирен... И послан был сон мирен.

22 июля (чт). ...И пробуждение светлое... День как вчера: тихий и знойный. После завтрака записал дни. Алеша на веранде за швейной машинкой. Веранда вся в солнечных полосах. Распахнуты окна. Тихо шевелятся в ветерке занавески. Полуденная тишина. В 1.30 — на реку. Зной. Душновато. Люблю утонуть в зное летнего дня, но сегодня идти трудно. На реке стало полегче. (Встреча на спуске с Белокоными и их притча.) Посидели у причала наших лодок. Река обмелела. Почти все лодки лежат киями на дне, в толще подсыхающей на припеке зеленой тины. Вдали от берега лениво плаваются на медленной струе чайки, сидя белыми грудками против течения.

Мимо загаженного, застроенного железными будками, смрадного бывшего эстонского причала (где когда-то держал свой мотор), мимо пристани, рыбзавода, участка Лавровых — на море. Здесь дует теплый ветерок от Силламяэ. Море зеленоватое, тревожное, пахучее и тоже теплое, обложенное по всему горизонту нависшей над ним зловещей хмарью. На пляжелюдно и бестолково. Алена прошлепала вдоль берега по воде. («Нападение» на нее Н. Корень.) Свернули к Синёвым. Ант. Вас. и Наденька. Беседа под жасмином. Совершенно *неправдоподобное* поручение Александру Петровичу, данное ему в связи с прибытием сюда их зам. министра (???!). Пивко. Вобла. (О, блаженство!)

В центр. В аптеку. В магазин одежды. В хозяйственном — покупка мне кружечки. В заулоч Веры Михайловны. У калитки. Встреча с теперешними владельцами участка. Тепло. Сердечно. Чутко (взаимно). Аккуратно покрашенная избушка В. М. Мой домик заколочен, почернел. Береза моя — ставшая большой и уже не молодой... Домой — по Горной, мимо Иришкиного балкона, по лесной. Пришли около 5-ти. Копель за работой по укладке плиток под моей верандой. Приехала Муська (жуть ее новостей). Фира сидит у окна с феном, готовится ехать в Ленинград.

После обеда — газеты на веранде. Алена не утерпела, взялась возить землю для засыпки вокруг и между плиток. Сажу под сиренью, любуюсь ее сновровкой. В 7.30 появление Иришки. Сидела довольно долго, жаловалась на себя: не может бросить курить.

Вечер, как и вчера, наступил тихий, влажный, затученный. До густых сумерек все толклись у дома: Копель продолжает работу, Алена консультирует, Муська — просто так толчется. Елена готовит ко сну свою лягуху, Тихон бродит вокруг, что-то ловит, с чем-то сумеречным общается — по-кошки-

ному. Кусают многочисленные комарики. У нас в кухне горит свет: Т. М. готовит холодец. Легли поздно.

23 июля (пт). Ночь душная, жаркая. Встали все же ничего. Алена после завтрака уехала к старичкам. Я — записал день. За окном — белое, слепящее небо; неподвижные сосны; молчание; душно и давяще. До обеда оба на веранде. Алена шила мне подушку из поролона для лодки. Потом возилась, налаживала швейную машинку. Я «пасся» рядом в шезлонге. <...> Непрерывно перекачивается, погромыхивает дальний гром. Над морем во весь небосклон повисла непроглядная мгла — там идут грозы. Постепенно стало темнеть и у нас. Пошел дождь. Когда к вечеру кончился, Копель возобновил прокладку плиток на дорожке. От земли поднимается туман. В лесу — сизая дымка. Тепло, парит. Посветлело, но тучи так и не разошлись.

24 июля (сб). Опять белая слепящая облачность, безветрие и тяжело парит. Долго не вставали: немножко вяло, немножко лень и так хорошо и уютно не торопиться! «Капали» в глаз капли, мазались жгучкой... Потом Алена стлала чистое белье на обеих постелях. Мне «зарядила» два комплекта одеял в пододеяльниках: потеплее и легкое. Кормила, уговаривала Тишу. После завтрака примеряла кремовое платьице в коричневом горошке. Но оделась, конечно, во все свое обычное — простецкое, и в 12.30 мы пошли *«листать свою родимую книжицу»* под названием Усть-Нарва.

Шли тихонько: очень давит. Были у Пенелопки²². Она завитая, прибранная. Андрейка острижен под машинку. Зацвел огромный куст жасмина, что у самой калитки. Лидия Александровна, как всегда, с радостью мне навстречу. Оттуда — к Вере Александровне. Но ее дома нет. Сидели у Евгении Павловны под окнами ее новой пристройки — с женой и дочерью доктора Воробьева. На море вышли у «Лайны». «Большой Бродвей» кишит массой. Алена купила тут пиво. Оказалось, что она осмотрительно захватила хлебца с сыром, помня, как я и она не любим бродить, будучи связанными сроками — обеденными и прочими. У маяка сидели на обломках поваленного тополя над дюнами.

Море в дымке, даль и горизонт укутаны густым туманом. Вода выносит на песок темно-зеленую кашичу водорослей. Гребешки волн у берега просвечивают изумрудом.

С моря к Гликманам. Там — новый мой портрет. Хороший и вместе с тем совершенно непонятный²³. Довольно уютно стало в комнатах заботами Таи, но атмосфера суетности, вибрации <...> — утомительны. <...> И у них под окном свежезацветший, ослепительно чистый в своей восковой белизне, куст жасмина. Гликман проводил нас до школы. Мы, поти-

хоньку, по Сулеви пришли домой в 6-м часу. После безобразно схалтуренного Т. М. обеда Алена улеглась на веранде на раскладушке с Тишей. Я — записал эти два дня. Сейчас 8.15 вечера. Чуть темнеет. Небо все такое же затянутое, и все так же тихо и молчаливо.

Перед сном в густых сумерках под старой сосной фигура Али и Тиша на задних лапах ладошками ловит белых мотыльков. У Кисани: сидит Тиша в травках *около веночков земляничника* — добрых мыслей Кисани. Отцвели его белые цветочки, кой-где листики покраснелись.

25 июля (вс). В природе все то же: жарко, затучено. Дремлю. Аленушка на веранде чинит лопнувшее полотнище шезлонга. После обеда продолжает и заканчивает. С 3-х часов облачность ушла. Постояла дымка; и она исчезла; стало голубое небо. Часов в 6 — к Ирише (плач Андрейки, не пожелавшего чего-то попить и лишенного моря за это). Л. А. и Наташа — над парниками: подвязывают огурцы. Втроем с Ириной к Анне Максимовне. Долго сидели в ее «лесу». Племянница Анны Максимовны. Чаепитие стараниями ее и Ириши.

Журчание кормящихся в соснах скворцов. Их шумный отлет как по команде и ставшая слышной внезапная тишина. (В светлом небе гигантская купа старого клена.)

26 июля (пн). Жарко. Безоблачно. Парит. Дышать нечем. Намеченный поход на Тихое озеро отпал. Все же решили пойти куда-нибудь: перемогаясь, потихоньку пошли лесом к гадючьей поворотке. В лесу — немой, неподвижный зной. Рои мух. Отсиживались на повороте, свернули к Сергею (Кротову). У него отдыхали в знойной тени яблонь. Валя поила смородиновой водой, знакомила со своими курами и мощным петьюхой.

Уходя, лежали вместе с подъехавшим Сергеем на опушке, против его гаража. (Краса трав лесных в солнце, лак березки.) На море густой запах водорослей. Тут немного легче: ветерок хоть и теплый, но обвевает.

Пообедали Алькиными запасами. Туча с дождевыми космами... гром. Закапало. Непрерывный рокот грома. Пошли к бабушке и матушке. Ее нет: на похоронах сестры. Он на крылечке с какими-то гостями из Таллина. Подошел к калитке. Поцеловались. Внезапно дрожащий голос, слезы его: «Два дня не ел...» — старенький, старенький.

Долго сидели в беседке над прудиком в парке. Дождь разошелся. Запрыгали по воде пузыри, сверкая на солнце. Женщина с мальчиком бросают хлеб в воду. Плещутся, хватают его, пускают круги рыбки. Трое мальчуганов, невзирая на спорый дождь, путешествуют на плоту — высаживаются на островке.

Домой мимо почты, налево, мимо нового здания санатория на Горную. (Встреча с Павлом Яковлевичем — почтарем. Идет на костылях. «Нет, пора отдохнуть...») Мимо Иришки и цыган — домой. Т. М. в прострации. Выпил пива. Поели что Бог послал (тресковую печень). Долго отдыхали: Аля в моем, а я — в ее уголке. Проснувшись, не торопясь беседовали. На веранде: демонстрация Аленой ее французской лексики: молодчинище она!.. *На лужайке* у кленика спасались от толчеи на участке. <...> Благодать вечерняя. Тиша «сам по себе» на горке, ходит, даже лежит, дремлет... Приезд и появление Нат. Вас. с фотографиями Боба в детстве. Вечером долгие охотничьи подвиги Тиши. Потом очередное столкновение с «бобошками»... Оба очень, очень огорчились.

27 июля (вт). Пробуждение от боли в сердце — необычной. Видимо, вчера немного надорвался, в жаре и духоте идучи. Лежал на спине, поджидая пробуждения Алены. Она, как и я, проснулась озабоченная «бобошками».

Ясно. Солнечно. Свежий ветер с моря. В 11 час. Алена уехала к старичкам. Вернулась в 12.30. Я записал за это время дни. Попили свежего молока. Опять меня потянуло в дрему. А Алена опять решила ехать: на этот раз к Вале Кротовой за тазом для варки варенья. Процедура же была препоручена Т. М. И вместе с чистой ягод заняла весь день; еще около 11 час. вечера Аля что-то обсуждала с Т. М. в кухне, касающееся варенья.

Перед обедом зашел ненадолго Леша Зильпер. А вечером появился В. Либерман²⁴ с кульком земляники. Восторгался нашими комнатками (которые действительно до слез милы и хороши). Вскоре подгрела Ирина. Ужинали в кухне жареным свежим лещем, запивая красным, очень хорошим вином, которое Аля достала в магазине здесь. Витя ушел поздно: светил ему фонарем, пока он выбирался на дорогу из нашего сосняка.

28 июля (ср). День Владимира. Аля не пошла в церковь: давит сердечко. Я тоже перемагаюсь, но нельзя не идти. А шлось очень трудно: жаркое солнце. Знойное небо, размазанные беспорядочные тучи, тревожный влажный ветер с холодком. Сердце шалит. Останавливаюсь.

В церкви тесно, жарко, не продохнуть. Пришел, как и прошлый раз, к молитве «Благообразный Иосиф». Постоял, прислонясь к конторке, пока не пропели «Верую». Потом сидел на скамеечке в ельнике с В. И. Кругловым. На скамейках людно: в церкви не выстоять и все ждут крестного хода; Зоя Ивановна с бабками, подошедший ко мне Пигулевский, знакомая моя «незнакомка», вышедшая на паперть продохнуть, седенькая бабка с внучонком в коляске... какие-то «дамы».

Крестный ход: «...князе Владимире, моли Бога о нас!» Евангелие: «Иго мое — Благо». Благодать холодных капель окропления... Горячее солнце. Порывы ветерка. Прикладывание ко кресту. Просфора из рук батюшки...

Домой шлось легче, *даже радостно*. Дома застал Алену на веранде, дремлющей на раскладушке. Поделили просфору. Сладко, отдохновенно подремал. А дальше весь день до вечера прошел на веранде <...> Я у себя на диване закончил «Альку» Абрамова. Погода все больше и больше свежела и хмурилась; сильный налетал ветер, выворачивал листья на яблонях. К вечеру поползли от Силламяэ низкие черные тучи, брызгал дождь. А под верандой с 4.30 и до самого вечера скреблись, топотали, галдели Копель со Стаськой — сажали и сеяли травку вдоль моей плитяной дорожки.

29 июля (чт). Резкий, холодный день. Яркая синева неба, низкие, быстрые, с темно-сизым подбоем кучевые облака. Частая смена светотени. Алена — к старичкам (утром беседа о «пересыпании» не как капризе). В 11.30 была уже дома. Я, как всегда, за это время «записался». (Алена говорит, что море сегодня «по-настоящему синее».) Во 2-м часу только собрались к Ирине — напозли серые тучи, пошел дождь. Переждали. Дождались синего неба. Сначала Ирину не застали; встретили ее у лавки, идущую с торгом в руках и с авоськой. Долго сидели в чистенькой Иришкиной мансарде у открытого балкона. И. и А. еди торт. Я получил бутерброд и ириски. Близкий, родной и очень бедный она человек. Около 4-х — в центр. Покупка кошельков, бумажников, в аптеке — борной. Алена тщетно искала ночные рубашки. Опять напозла в небе чернота. Дождь. Мимо почты, лагерей, под спорым дождиком, — домой. Алена нацепила из конвертика «гондончик» [непромокаемый плащ]. Пришли домой в 6-м часу. На сосновой горке, за окном, просвеченные солнцем, искрящиеся отвесные струи дождя.

Обед. Улегся в Алином уголке. «Любовали». Разобрали покупки. Алеша накрыла меня голубым халатом. Дрема. Проснувшись, нашел Алю на раскладушке на веранде. Подсел к ней. Читали газеты. Потом она с французской книжкой и магнитофоном, я у себя — с Абрамовым («Деревянные кони»).

Холодно, небо в тучах, низких, косматых, серых, совсем осенних. Перемежающиеся дожди. Вечер темный, неудобный.

30 июля (пт). Черное пробуждение... Жду, когда Алена шевельнется. Встали в 10-м часу. Утро ясное, холодное, ветреное. На крыше грохот: пришли Санька и Рензор ее чинить (стала протекать веранда). Быстренько после завтрака записал вчерашний день. (11 час. утра.) Опять, как вчера, пришлось переждать тучи и небольшой дождь. В 1.10 вышли к Боло-

тину. На [улице] Сулеви — микропесик; белый куб дома (угол Кудрекуле) продается за 10 тысяч. Болотина — распротужена, стала пожилой... но жеманство и стрельба глазами — как в былые времена. Но все же они чем-то милы (прошлым?) и трогательны вместе: опять предстоит починка «кабриолета»; «роскошная» умывальная и «тронная» в уголке участка, воздвигнутая Сергеем.

К Вере Александровне. (Встретили ее уходящей к Кисликам с цветами в руках; попросила: «В другой раз, „ребятки“».)

На море прошли заулком Веры Михайловны и мимо Межколхозного санатория. Густо усажены верхние балконы отдыхающими в солнышке; когда шли обратно, балконы опустели — все ушли обедать. Остались шезлонги с брошенными цветными полотенцами.

Низовой штормовой ветер с юго-запада; летящий песок; по горизонту синеют тучи с дождями; разрозненные облака с голубыми прорезями плывут над шумным зеленоватым, с белыми гребнями морем. Быстро увел Алену — вижу, зябнет — в «Буратино» (захотелось есть). В кафешке — неожиданная «полная чаша»: и сардельки, и пирожки, молоко и яички?!. Пили кофе с взятыми из дому Аленой бутербродами. <...> *В киоске* моя любовная встреча с прелестной некой «Муму», с шелковой шерсткой и челoveчьи глазами.

В саду «Мереранны» на скамейке: «синдром». Встреча с мамой и дочей Синёвыми. С ними — до Кургауза. Тропкой нижнего парка кругом «Ковчега»²⁵ и к пруду парка верхнего. Высохшие посадки дубов по берегу; мальчишки, обивающие кедр. На «Виллу Ирэнэ»²⁶ шли вдоль всего парка, мимо аптеки (зашел узнать о качестве борной), гастронома — по [улице] Партизани.

Как всегда, знакомый распах далей: далекое устье; взморье с катящимися, как на подшипниках, беззвучными рядами пенных гребешков; темнеющая рябью синева реки; заречье с широкими излучинами Россони; мягко озаренные солнцем дальние ярусы лесов за Тихим озером. Благостно. Не наглядеться... Встреча с интеллигентным человеком (напомнил мне Андрея Митрофановича), гуляющим с веселым, ухоженным пинчером, забредшим на «Виллу Ирэнэ». Домой шли по Партизани, мимо Лидии Александровны (показалась на балконе Плоскодоночка, обещала прийти к нам вечером). Дома — в 5.40. Обед. Дрема. Алена на веранде опять мучается со швейной машинкой. Пришла Иришка. После очередного доклада об Анне Максимовне и о себе подключилась к Алене, потом села вязать. Ушла после чаепития... Небо повчерашнему затучено. Вечер опять ранний и сумеречный. Алена легла в 11. Я дочитал рассказ Абрамова.

31 июля (сб). О, ужас... Аля к старичкам. Тучи сплошные, холодно, ветрено. Записал вчерашний день. (11.15). Попили привезенное Алей молоко. Я — опять в дрему. Аля легла на раскладушку на веранде с французским. Тиша, как всегда, с ней. Увы, он опять очень неважно себя чувствует: очень мало ест, опять что-то с кишечками, похудел сильно. Надрывается сердце глядеть на него и Алю... Проснувшись, взял книжку матушки Силуаны и устроился рядом с Алей. После обеденной дремы продолжил чтение. (Как хорошо!..) И так — до 6-ти.

...Около 3-х проглянуло солнце. Но скоро опять спряталось. Стали набегать одна за другой низкие тучи с короткими ливнями, грохотанием грома, порывистым ветром. В 6 часов поели крепко пересоленный Т. М. пирог с лососиной. Небо посветлело. Кое-где бледная голубизна.

В 7 часов появилась замерзшая Иришка, а попозже пришли Гликманы. Опять сидели долго и приятно. (Рассказ Таисии Дмитриевны об ее походе на ту сторону: заметила мои «китежские» хвощи; рассказ Гаврилы об их поездке в Таллин, о некоем гардеробщике Яше, аристократе еврейского духа и джентльмене.)

1 августа (вс). Солнце. Тепло. Южный, плотный (как бывал в старые годы в Тверской...), ровный ветер. В 11 часов на почту: Аля посылает своим телеграмму. Сажу долго на скамейке — жду. Рассматриваю вереницы идущих: лица, ноги; уподобляюсь томпсоновскому Вулли, потерявшему на перевозе хозяина и перенюхавшему сотни пар обуви, топавшей мимо него. <...> Оттуда, наконец, к Вере Александровне: традиционный визит с неизменной Алиной мздой... Сидим в огороде у земляничников, на припеке. Появление очаровательного очередного любимца В. А. — беленького, хвостатого, озорного Васьки-весельчака, а вслед за ним — Надьки-«арендаторши».

От Веры Ал. — к морю (наискосок на шоссе, мимо Пигулевских). На приморских участках мощное цветение *липы*. На пляже ровное, плотное, влажное тепло сильного ветра; на устье белопенные взрывы сталкивающихся волн; шумливое, зеленоватое море.

Прошли до «Лайне» по плотному, сырому, видно недавно бывшему под водой песку до половины пляжа. Мимо Синёвых: дверь открыта, но безлюдно, видимо, отдыхают; мимо еще позавчера полного товарами «Буратино», а сегодня пустующего, хоть шаром покати: ни яйца, ни торговли... Долго сидели в парке в тени веселых курчавых, густых березок, шумливых, пахнущих листвой. <...> Домой шли мимо маяка, «Дома услуг», рыбацких гостиниц и по Карья. Зашли к заводу дома отдыха Синёвых. Аля договорилась о печенке.

(С Тишей беда!) Дома были в 3. Увы... обеденный конь Тамары Мих. еще не валялся... Пришлось ждать довольно долго.

После обеденного сна увидел Алену с Тишей на горке. Забрал стулик и пошел к ней. <...> Солнышко спряталось. Похолодало. Аля ушла. Вскоре позвала есть простоквашу, после чего мы с ней устроились: она — в кресле, я — на диване. Она с французским, я с новой книжкой Юхана Лийва, купленной Аленой в одно из усть-нарвских наших путешествий-«перелистываний». Удивительное у нее чутье: книжка прелестная, чистая, светлая, умная. Алена протопила утром большую печь: стало чуть сыровато в доме за эти дни. Аля начала заниматься: посвистала вечером часок.

2 августа (пн). Ильин день. Пробуждение — смертный час... Господи, Боже мой! ...научи мя... Утро тишайшее, серенькое, «схимное». Аля после завтрака — к старичкам. Я — записал дни.

В 11.45 приехала Аля: «Сегодня у нас разгрузочный день». Стала обмывать велосипед. Заморосил дождик. Выпили свежего молока. Я — в дрему. Аля — на веранде с французским. Присоединился к ней. Дождь шуршит. Непонятно: тучи плывут с северо-востока! После обеда оба спим в спальне на «чужих» местах. Я проснулся — зажужжали мысли на извечные мои темы: видно, придется опять начать «делать дело»... Без этого как-то не склеивается ничего в представлении о будущем...

Аля спала долго. И так крепко, что «будто вдавилась в матрац». <...>

За окошком вершины сосенок усыпаны бисером капелек; дождь все сыплет и сыплет; лес затуманился в дымке; небо — беспросветно серое. Тихо-тихо и в лесу, и в доме. И вопреки «всему» — надо благодарить Бога! И не есть ли это мое Послушание??

Около 8-ми Алена начала заниматься. 8.30 — неприкаянный, больной Тиша. Аля бросила заниматься — и с ним в сумерках на сосновую горку. Смотрю на них в окно. Аля делает мне знаки: не ходи, мол, все нормально. Тихон улегся в Кисаниных сосенках, где его Аля и оставила.

В 9 час. пили чай. 9.30: «Чудо! Вавилина будет писать письмо!» — сказала Аля и, усевшись под красный грибок торшера, стала строчить письмо тете Вале²⁷. Не тут-то было: «стук-стук»: Виталий Лавров с поломанной дочкиной флейтой. (Маленькая девочка, на радостях прыгая на кровати, успешно прыгнула на флейту, прогнув ее до полукруга!)

3 августа (вт). Солнце. Частые, низкие кучевые облака. Тепло. В 11 — появление Бори Никитина. До обеда — на веранде беседа по всем «вопросам», сезонам и пр. После обеда — на

лужайке. К 6-ти пошли его провожать на автобус. С нами по пути Копель со Стаськой в коляске, едут «смотреть пароходики». У стоянки — копошащиеся ожидающие посадки.

Тихий ужас ущемил будущим, недалеким уже, отъездом... Ушли, не дождавшись отбытия автобуса. Аля захотела пить. Зашли к Гликману. Таи нет. Он — один, взъерошенный, лежит с головной болью. Посидели тем не менее хорошо и просто. Бледно-желтая келья, сделанная из бывшей веранды; отрадный свет; цветущий кремовыми цветами жасмин за окном. Потом все вместе по Айе, мимо Синёвых, морем до рынка, пошли к Фане Борисовне²⁸.

Вечер тихий, ясный, стынувший. Сильно пахнет морем. Встреча с Фаней Борисовной, закованной в «испанский воротник» своей старости и неотвратимости — близкой и понимаемой ею... Молодые ее черные огромные глаза, смотрящие с жадной надеждой и желанием верить всему хорошему, что ей говорят (в частности, Аля). Неумная ее компаньонка, выплясывающая свой 90-летний оптимизм и хозяйственную молодость... Печальный, припертый и бессильный Гаврила при всем этом. Угощение, чаепитие, хлеб, масло, варенье, селедка... Домой по Вабадусе. Вдали, в конце улочек, выходящих на море: сначала курчава тучка, оплавленная пылающим золотом садящегося солнца; под ней лазурный квадратик моря; потом этот же квадрат моря, но уже тускло-голубой, а вместо солнечного диска — гаснущий бледно-розовый горизонт. Темнеющее небо. В парке две девочки и бегущая за ними киска Мушка, догоняющая, обгоняющая своих хозяек, задрал торчащий длиннющий хвостик. Разошлись с Гаврилой у Кургауза.

Я дошел с трудом: «синдром» после чая... Да и усталость.

4 августа (ср). Ясно, солнечно. Аля с 11 до 12.15 у старичков. Я в это время вспомнил *Седьмую симфонию Сибелиуса*. До самого обеда сидели втроем (Тиша — в сосенках) на сосновой горке. Небо подзатынуло. Похолодало. Аля на веранде чистит черную смородину. На веранде: прохладная легкость воздуха; легкая сумеречность от набежавшей тучки... Вспомнил давний часок в Орлине. Прикосновение водицы озера к раздутым, натруженным, «городским» жарким ногам. Ноги — воскресшие, как творческие органы осязания, а не тупые подпорки, скованные кожей, стянутые шнурками, задохшиеся, тупые... (рассказал это Аленушке).

Потом «в четыре руки» Аля с Т. М. варит варенье. Управилась часам к 7-ми. Появилась уезжавшая на 2 дня в Ленинград Плоскодонка. Ушла к Копелям — смотреть кино; Алена готовит ужин (макаронь). Я болтаюсь и слоняюсь вокруг да около без толка и с осадком. Утешаюсь тем, что утром «приступил». Перед ужином вдвоем с Алей немного «на» и «за»

горкой у «стройки». Перед сном поцапались с Аленой из-за очередных «завихрений» Т. М. и «завихрений» вокруг нее... (сожгла сахар, обожгла руки об горелку и т. д. и т. п.).

5 августа (чт). Несказуемо плохое, черное, «смертное» пробуждение. Еле поднялся. Алена — немного лучше, чем я. Подремав, сел и с трудом, «насильно» записал дни. <...> Сейчас 11 час. 50 мин. День очень тихий, затученный, но высокий, и солнышко нет-нет да и проглядывает. В 1 час дня пошли к Лидии Александровне. Сама Л. А. уходит к зубному врачу: флюс. Сидим с Иришкой вдвоем на солнечной скамейке у берез. Ирина мотает новый зеленый клубок, все время теряя конец рвущейся нитки в мотке... Наташа — в уборке комнат (таскает кресла). Андрейка играет с Аленой в «футбол», потом у Алены на коленях слушает ее песенки про птичек. Свежий ветерок выворачивает, прижимает листья на деревьях, клонит вершинки в синеве. Хорошо, хорошо... Мы с Андрейкой ловим на ромашках бронзовок, пускаем их лететь... Домой в 5-м часу. У дома — заход в лавку. Жду Алену на углу.

И улочки, и лавка, и ожидание — все это ровно счастье. Счастье воздуха, свободы, синевы, свежести... Хоть сейчас опять идти к Ирине, хоть в лес, хоть домой, хоть куда глаза глядят — все это ровно погружение в Благо, в Стихию Бытия без границ, без сроков... Погружение в СВОЮ СРЕДУ, ненасытное дыхание, лицезрение, осязание, обоняние... как плавание в ней, как полет в ней. ВЕЩНОСТЬ и СОВЕРШЕНИЕ единосущно, и единотворно, и одновременно...

После обеда дремал в Аленином углу. А Алена сидела на лужайке в гуще Волчонков: Стасик учится соблюдать равновесие, балансируя на дощечках, окружающих его песочный ящик. Подсел к Алене. Сидели, пока светило солнышко; надвинулись тени, похолодало. В 6 часов Аля пошла заниматься (в третий раз). Я — под ее милое мне «бульканье» пишу эти строчки. <...>

Сумерки. Все трое на сосновой горке. Алена сидит, облокотясь о Кисанину сосну. Тиша — столбиком на самой могилке. Низко промеж сосен — огненный багрец заката, зари... от нее бледно-красный подбой на тучах. 10.10 Тиша отпущен погулять еще ненадолго.

6 августа (пт). Тихо, серо, прохладно. Опять тяжелое пробуждение. На сей раз — начало разработки Шестой симфонии Чайковского... (!) Аля: 10.30—12.30 у старичков. (Сильный ветер с моря.) Я — после завтрака — сон. С 11.30 до 12.45 «Туонельский лебедь» Сибелиуса. Аля на кровати изучает карту, ищет хутор сына старичков [г. Тапу]. Я — рядом в кресле — с «Лебедем» и лег вместо Али на ее кровать. Аля (она рядом) шьет. Я проснулся. Алена исчезла; сел

читать Ю. Лийва. Али что-то долго нет. Вышел на веранду. Глядь, она идет от сарая с деревянными калабашками; села у дров под окошком, чего-то стругает, мастерит. Я около. 2.45 — обед. После обеда Алена продолжает. Я — тут же. Живые (!) травинки, влажный песочек, сухие дрова, звук их, береста шершавая... 5 часов — прием какао. Чтение Лийва. <...>

8 часов. Мастер принес Копелям починенную лавровскую флейту. Спасенная эта флейта стала и флейтой избавительницей. Очень обрадовалась Аля, на душе и у меня стало легче от этого. А в кухне, не обращая ни на кого внимания, протопилась плита и дышит в комнаты теплом и успокоением... и постепенно спал с меня груз виноватости, и стало опять можно жить. <...>

7 августа (сб). Опять: тихо, серо, прохладно. Что-то Аля подшивала, сидя в постели. Вдруг пропала иглолка. Еле нашла, около моего коврика. Я — с 10.30 до 12.45 с симфонией Сибелиуса. Аля — с Тишей на горке. Потом «исчезла»: оказалось — моется. Нашел ее с Тишей. <...> Потом уселась на веранде, в голубом халатике, в платочке набекрень... Я продолжаю заниматься. Тиша за моей спиной — на окошке сопит. 1 час дня — оба за простоквашей. Я (с 1.15 до 2) — сон. Аля на моем диване смотрит «Руководство» Шумилова²⁹. Я подсел к ней (смотрю голосоведение в «Лебеде»). Во всем доме почему-то волшебная тишина. <...> 5.30 — Аля села заниматься (4-й раз). Я — на веранде с книжечкой [молитвенником].

Заходил С. Кротов на минуту: рассказывал о своей рыбной ловле вчера. 7 часов — Гликманы и Ириша. <...> Алеша (ее красная кофточка) у Кисани. Играют с Тишей «в шишки». Пришла в 9.30. Из-за чернеющих в темно-синем небе сосен встает налитая белым светом полная луна. <...> Звездочка над головой в осеннем небе. Ночью — моя «лунная» бессонница и тревога.

К вечеру 7-го «нотатки»:

Не знающему не опишешь, как ни изошряться!
А знающему — достаточно одного слова, намека.

* * *

Поэтому не заботься о том — дойдет или не дойдет;
и не старайся, чтоб дошло:
кому дано — услышит. («Имеющий уши...»)

* * *

Творить — значит, напоминать. Намекнуть. Не более.
Большее — невозможно.
Кому есть что вспомнить — поймет;
Кто не знает сам, будет всегда глух.

8 августа (вс). 6 часов утра: сквозь шторы — золото солнечных лучей на стволах сосен. Встали около 9-ти. В природе — благодатный день. В 10.15 у церкви на скамеечке — отдых. В храме людей больше, чем ожидал: день святителя Пантелеймона (перенесен с 9-го). Аля — свечечки Николаю Чудотворцу. Постояли почти до «Отче наш». На крыльчке с Пигулевской. («Отче наш» слушал в щелку двери). Аля — в церкви до конца литургии и молебна; я — и потом на скамейке. Деревья вокруг церкви. Панихида. Женщина, вдова, в черном. «...Упокой душу усопших раб твоих»... (Инна, ДД, мама Таня³⁰, мама, папа, все-все-все... Там. Вместе...)

Ожидание на скамеечке: матушка в заботах — кто-то привез крестить.

Предстоим алтарю. Черная ряса батюшки, беляшечные сидины, псалом: «Жертва Богу — дух сокрушен...»; «Христос невидимо присутствует...» Епитрахиль... отпущение. (Крест. Библия.) Причастие (Плат). Теплота. Кусочки просфор. Благодарение Али к батюшке в алтарь...

На первом же перекрестке — зелененькая Сережина машина. Подвез до Олеви. 12.50 — завтрак. Сон. Аля же сразу в 1.15 села на велосипед и уехала к старичкам за молоком. Подремав, в ожидании ее сел у черемухи в неправдоподобной благодати синего, золотого, теплого, дышащего травами и хвоей дня; вскоре показался мой всадничек, ведущий в поводу велосипед. Был 3-й час. <...> После обеда — на веранде. Алена со своими французскими сказочками. Рассказывала некоторые из них мне. Наблюдали за Стаськой, в одиночестве сосредоточенно играющим в своем песочке. Пришел Жданов с «дарами»: тарелкой белой и красной смородины. Появился и Стась: лопал ягоды.

Аля сказала: «Сегодня — выходной». Заниматься не буду. Около 7-ми пошли к Анне Максимовне. Не застали: ушла к Верхоланцевым. Мы тоже — туда. Милые, сердечные посиделки у Нины Соломоновны на веранде: Н. Сол., Иришка, Анна Макс., Аля, я, Ирина Болотина, Вас. Вас., какая-то балерина появилась... Рябина за окном — как моя береза у Веры Михайловны; огород и цветник Н. С. (заметный только мне крохотный уголок «Спящей красавицы» в тенистых зарослях у забора). Розарий³¹. Уходили все вместе в предзакатный час. Золотится небо. В этот час даже дом Болотина, густо затененный старыми деревьями, но еще озаренный предвечерем, — являл собой образ забытого замка, тишины таинственной, молчания зовущего.

Дома, в сумерках, сижу под верандой. Алена брякает лейкой, плещет водой — поливают «наших человечков»: мальву, георгины. Безветрие. В тишине вечерней земли далеко раз-

носятся разноголосый лай соседских шавок. Тиша носится, обманывает Алену, ускользает от ее рук, никак не хочет домой — ловит стрекоз. Полная луна.

Не могу заснуть: лунный свет просвечивает сквозь шторы. Выхожу на веранду: высоко поднялся полный месяц. Звезды мерцают. Земля затоплена лунным маревом. Черны, резки непроглядные тени. Молчание. Полночь. Попытался заснуть — не выходит: луна светит прямо на изголовье. Пришлось будить Алену: лег в ее уголок...

9 августа (пт). День такой же золотой, как вчера. По совершении всех ритуалов — 10.30 — Аля уехала к старичкам за свининой. Я сел записываться. В 1-м часу Аля вернулась. Привезла свиные ножки, ливер: мяса не досталось. Долго внушала Т. М., как поступить с привезенным. Приехал С. Кротов, привез Иришкины часы из починки. Сидели долго на веранде, в солнышке и легком ветерке, у открытого окошка. Разговор об электромоторах; подарил Сергею свой «Эвенруд» (!), дал ему письмо Васильеву³², чтоб мог получить и моторы и лодку в Филармонии. В 3 часа — обед. Небольшая дрема. Дописка дней, до сих пор. Алена дремлет на веранде. Самочувствие вялое: уже который день надо бы использовать, чтоб побывать на «той» стороне — у Лидии Григорьевны и на Тихом озере, а все не возникает должной охоты и позыва. Удерживает глупая боязнь физических трудностей, связанных с греблей и с дальними расстояниями... А дней-то осталось — всего ничего... К 5-ти Алена переползла на диван ко мне, где пишу, и притулилась к подоконнику, где Тиша. Внезапно Алена спохватилась: дата Д. Д.! [день кончины Д. Д. Шостаковича]. Надо телеграмму. Не торопясь, бережно (не очень «бодры» оба) собрались и в 6 часов пошли. Начало 7-го: час начала конца Мити... Встреча у почты Карандашевой: ее злобная тирада по поводу исполнения Дружининым³³ сонаты Шостаковича (...ну конечно...). Часок у Синёвых. Сидят у своей бывшей горки все трое — греются на солнышке. Благополучны и, главное, вместе. И все трое довольные и поправившиеся. (Посматриваю на часы: истекает час Митинога конца). Солнышко постепенно уходит. Наступает тень и холодок. На стене соседнего дома колыхаются тени березок и тени порхающих птичек. У ног, в густой траве, кустики гигантских зрелых колосков подорожника — одного из растений моего детства... (Сиверская). Александр Петрович собрался, переоделся, бодрый ушел на корт. Пригласила Антонина Васильевна нас на воскресенье на свое рождение. В 8-м часу на море. Очень хорошо и легко идет по влажному плотному песку. Прошли до церковного поворота, сели на скамейку.

Над низким солнцем простерты легкие размазанные белые тучки («кошачьи хвосты»), со странными, похожими на радугу, спектральными пятнами; и даже одно время можно было проследить в тучках подобие настоящей светлой радужной дуги, расчлененной на фрагменты.

Видели В. К. Иванову с подружкой, идущую бездумно, легко, спокойно, свободной поступью, стройной и горделивой. Встретили Анну Максимовну с Юликом и его супругой. Видели большого черного пуделя, перед которым встреченная им махонькая шавка подняла лапку в знак признания и нейтралитета. Смотрели на седую даму, идущую у самой воды, и на бегущего с ней рыжего пса, каждым своим движением выражающего обожание и преданность. Подувал холодный влажный ветерок. Становилось зябко. Прижались с Алей друг к другу, воображая, что согреваемся, но вечерняя стынь забиралась под куртки все ощутимее.

Солнце багровело, тусклоело, но так медленно снижалось к горизонту, подернутому полосой дымной мглы, что Алена заявила: «Солнце сегодня не сядет!» Но все же оно село, покинуло день свой, и багровый шар его коснулся воды и утонул за морем, оставив на краю его огненную полосу; и полоска эта скоро подернулась пеплом, угасла, и настал вечер. И было это в 9 часов 15 минут. И мы быстрым ходом — кратчайшей дорожкой — через конец Райя, мимо Кургауза (за 25 минут) пришли домой. И было это в 9 час. 45 минут вечера. Пока шли, небо неприметно заполнилось вереницами серых, бесцветных чешуеобразных тучек, и луна, показавшаяся было над лесом, скрылась за ними; быстро смерклося, и наступила тихая темная ночь — после чего последовала обычная серия Тихоновых бегств и водворений его домой.

10 августа (вт). Завороженная тишина. Светлое серое небо. Не шелухнет. 10.30—12. Алена к старичкам за молоком. 10.30—12. Я, тщательно, — с «Лебедем» (продолжаю анализ гармонии). Тихон у меня за спиной, на окошке. Вкусили малину с молоком. Тучи ушли. Синева. Свежий ветерок. Жаркое солнце. 1.30 — к Лидии Александровне. Как обычно, в сиреневом уголке с Иришкой. Густо краснеют вишневые деревца от массы спеющих ягод. Светло-зелеными пятнышками выступили на яблонях яблочки. Тщательно обошел царство цветов и грядок. Уже с неделю замечаю это: на берегах появляются скромные, пока затаенные, желтоватые пятна, а вот сегодня порядочно уже нападало на лужайку желтых березовых листиков. Увы, увы...

В запредельной вышине раскинулись, кажущиеся неподвижными, пологи прозрачных перистых облаков. Низко над

землей быстро плывут нежные, похожие на комочки ваты, крупные, полупрозрачные облака. Светлая, нежная голубизна неба в то же время необъяснимо интенсивна, ярка, почти осязаема... Сильный, плотный ветер налетает порывами, шумит, клонит деревья... В полчетвертого с Иришей вместе пошли к нам обедать. Потешил их обеих, изобразив походку каждой из них. После обеда подремал на диванчике. Тиша все еще на окошке. В 5 часов пришла Анна Максимовна с Женей. Принесла Алене цветочков. Сидели все сначала у черемухи. Но очень сильный и холодный ветер. Переселились к сараю, в зауей, в тепло снижающегося солнышка. Болтали, тарактели до 8-го часа. Алена ушла заниматься (5-й раз). Я — записал дни (9 часов вечера). Алена тоже вылезла из спальни, принялась читать тети Валино письмо. Вечером были приглашены на грибки к Волчонкам.

11 августа (ср). В Куремяз. Алена заготавливает харч. Сережа опаздывает. Выехали на его зелененьком «Запорожце» около 12-ти. Свежо. Затучено; прорывами — солнце. Желтизна сжатых полей ячменя. Частая, но невысокая и мелкая рожь. Колосья совсем легкие и пустые. Щемящие краски ранней осени: тусклая зелень мятых трав, вдоль дороги множество бодяка, особенно зеленого, «огородного», большие грубо-желтые семейства полевой рябинки... вдоль дороги бледно-розовая оторочка иван-чая, на березах заметная желтизна. В 1.30 подъехали к монастырю. За воротами окликнула дежурная монахиня, новая для нас, замечательная лицом и духом интеллигентности. Матушка Силуана. Искренне рада. («Мой» светлый Спаситель на стене). Столик необычно не загружен. (Монашеская кайма вокруг лица.) Рассказ о «запрещенной книге» и добрых отношениях с «работником», которому она изъяснялась в любви как к частице родины и который отпустил с уважением, сказав, что мать его тоже верующая. Рассказала, как нищему батюшке нищего прихода под Псковом нужны были тряпочки, просто на уборку церкви. И как неожиданно матушка Силуана получила из Мелитополя посылку с парчой, и какую радость доставила этому бедному бате, переслав ее ему для алтаря. Как мать Ангелина разгневалась на матушку Силуану за «книги» и как *после смерти* предстала м. Силуане... Та хотела «благословиться», но м. Ангелина не допустила, а сердечно обнялась... Рассказала как о чем-то самом обычном. Моя просьба (очень скорбная и заново горячая) нас *помнить*. Ответ м. С.: всегда и на первой странице. Прощаясь, опять вспомнила нашу странную связь через *дедушку Константина Иосифовича... Напутствие*: на благо и путь, и с Ангелом... (рука ее на ручке двери). Поле сурепки — бледно-зеленое, стебелечки ее усеяны острыми

коробочками плодиков. В дубовой роще монахини косят. Темно-зеленые купола — встречу тучам.

У тети Фени избушка закрыта: спящие в ней до нового срока старушки. (Оставляем их так, чтоб вновь увидаться; Аля занесла пакетик с записочкой; подошел с приветом и лаской тети Фенин кот. Аля впустила его в избушку.) Обратной дорогой Аля: «Тишина». Ветерок шевелит травку, шепчет в ушах, а вокруг — далекое молчание дали.

Едем дальше, в магазин: хлеб, рыба, еще что-то. Лесные дорожки, повороты, сосновые горки, березняки светлые; лужайка — *привал* на бревнах (Сережины гигантские белые грибы). Все разошлись, один; цветочная муха на иван-чае («целевая структура цветка» — тычинки пучком); жук в поле над «многолюдным» (необычно высоко) семейством тысячелистника; пролет беззвучный тетерева в сторону болота; кучи березовых дров; тишь вырубки; тихий шум ветра в березах и соснах. Еще раз углублялись в лес на перекресток «к пяти углам», как его назвала Алена. Опять побыл один у машины. Заезжали к знакомому глухому озерцу. У Йыхви встретил дождик, мелкий, как пыль. Жадно впитываю, запоминаю вечернюю землю, мелькающие хутора, бревенчатые сараи, поля, остатки густо поросших старыми темными деревьями усадеб, стада коров, немногочисленные глухие уголки убогого, но *уютного* житья... Около 8-ми были дома. Алиными заботами была нам сервирована жидкая рисовая кашка, в достаточном количестве. Аля чистила грибки. Посидели («побдели») с Фирой на скамеечке крыльца. В густых сумерках. Коп заходил, рассказал о «странном», как он выразился, звонке Левы Русова³⁴.

12 августа (чет). Пасмурно. Очень свежо. Встали вяловато. Я — весь день немощен: и телом, и духом. После завтрака дремал, после обеда дремал, чуть-чуть, но без всякого прока полистал «Лебеда»... Все это гнетет, особенно с учетом близящегося, совсем *близкого* будущего... Эх, что говорить (с 4 до 6 записывал день). А Алена молодцом: с 10.30 до 12.30 ездила к старичкам, готовила к обеду селянку из вчерашних грибов, после обеда сидела с Лизкой на лужайке и только сейчас, в 5.30, затихла, видимо, задремала в своем уголке. Заходил С. Кротов за ключами от лодки. К вечеру небо очистилось, стало тихо и солнечное. В 6 часов Аля вылезла, дала мне простоквашу, Тише что-то тоже выдала, после чего стала заниматься (в 6-й раз). Я — с 6 до 7.30 переписал партию рожка из «Лебеда». Аля окончила занятия в 8. Села около меня на диван с французской книжкой. 9 часов — грибки (я один...). Затем Аля и Там. Мих. погрузились в колдовство над студнем из «ножек» (от старичков), куры и еще невеста из чего.

Я поглядывал в «Лебеда» (очень труден он для настоящего знания *наизусть*) и читаю куски «Мастера и Маргариты» [М. А. Булгакова]. Почти полтора месяца гляжу помаленьку эту потрясающую эпопею... Готовлюсь к перечитыванию ее подряд и по-настоящему. 11-й час. Темно. Задернул шторы. Алена выносит «холодец» на веранду, что-то толкует Т. М. Последняя за весь вечер, кажется, не закидывалась.

13 августа (пт). Утро летнего, погожего дня. Зашел Сергей, занес ключи от лодки. Алена воспользовалась — уехала с ним в Нарву: надо купить подарок Антонине Вас. Отсутствовала долго, почти до 2-х, привезла всячину: лопату, обогреватель и т. д. Я — с 10.30 и почти до 2 занимался «Лебедем» и Седьмой симфонией Сибелиуса. <...> День чудесный, синее небо, тепло, тихо. Ветерок, набегая, пошевеливает листву. Наконец *зацвела моя мальва!* Алена надумала «званный ужин». Но посланный с приглашением к Жданову Копель принес отказ: ссылается на баню. Алена огорчилась, а у меня от напряженных занятий болели нервы, и мы оба немножко погорячились. Решили: пусть будут одни Копели. После обеда — спал. Проснулся — Алена исчезла: ездила по Олеви, приспособливала новое зеркальце к велосипеду. 5.45 — роскошное летнее предвечерье. Тишина. Повсюду: на стволах деревьев, траве, заборе — лежат пятна, брызги солнечного золота; на сосновой горке протянулись косые лучи, горят травинки; под большим кленом глубокая, прохладная тень (как грот). 7 часов вечера. Алена и Т. М. тихонько брякают в кухне. Носят на веранду тарелки, накрывают на стол...

Боже, Боже! Как все это напонило детство... Сиверскую... Покой безмятежный, радость тихую, прочную, незыблемую... всего сущего, всех живущих... БЫВШИХ...

8 часов. Собираемся на ужин. Фира докармливает Стасика «мордасика». Торопится. Нежданное появление Муськи из города. Было очень хорошо. Алеша довольна: удался и холодец, и жареная лососина, и... арбузы!! — всеобщий восторг!! 10.20. Темно. Входит на северо-востоке полная луна. В чернеющей тени под кленом опять глянул на меня образ «Спящей...». Опять... Перед сном читал Лийва. (До этого снес мебель по местам. Тихон «исчез». Алена вернулась, не найдя его. Но, умник, скоро появился сам.)

14 августа (сб). Такая же благодать, как вчера. 10.30 Алена уехала к старичкам. Я — прочел принесенные Копелем две статьи в «Науке и жизни»: о «попугайчике» и о «дельфиниуме» — и записал день. (11.35). Аля на веранде. Кажется усталой, но говорит, что с удовольствием пойдет куда-либо. С 1 до 5 были «на отдыхе» (душевном) у Лидии Александровны. (Иришка уже в саду.) Л. А. и Наташа с Андрейкой —

обедают. Алена им принесла арбуз. В обмен я получил свежепросоленный огурчик: «похрупать». Сидели все вместе (и с Л. А.). Алины «японские мемуары». Пришел Андрейка после обеденного сна, заявив: «Я иду». Появление велосипеда, похожего на орудие пытки. Наташа с тарелочкой с кусочками арбуза и оладушки. Кормление Андрейки на краю клумбы.

Плывут кучевые медленные, медленные облака. Еле видные в вышине, кружат чайки. Как-то особенно щемяще грустно было уходить... отсюда.

После обеденного сна, в 16.15, на кухне Алена начала варить сливовое варенье. <...> В 8-м часу Алена пошла заниматься (7-й раз). Удивительное дело: Тихон, когда убегает на горку, очень часто (почти всегда) прежде всего садится у Кисани и первый обзор окрестностей делает оттуда. Я дочитал Лийва. Свежо в доме. Закутался в одеяло, задремал. Сквозь дрему слушаю, как старательно, неутолимо работает Алеша. Этюд за этюдом, пассаж за пассажем... и я, как всегда, погружаюсь в атмосферу светлого журчания звуков, уносящего и утешительного. К сожалению, в кухне раздался каблучный топот Т. М. и стукание и бряканье ножей, кострюль и прочего. В 9 часов Аля кончила заниматься. Я не сдержался, опять выдал ей на тему Т. М. <...> В итоге вечер был напряженный и даже закончился «тявканьем» (обоюдным) по поводу стакана воды, который Аленка, лежа уже в постели, попросила ей принести.

Ночью мой испуг: проснулся, глухой мрак. И в щелку двери видно, что из кухни падает слабый свет... Тишина. Слабые какие-то звуки, как в детстве во время болезни... что-то там готовят, связанное с болезнью... не то лекарство, не то шприц или ингаляцию...

15 августа (вс). Опять «смутное» пробуждение. Тепло. Тучки. Записал день. Алена самоотверженно предлагает идти куда-нибудь. Ответил: будем дома. Стала варить сливовое варенье. Спокойно. Мирно, слава Богу. Отдаленный галдеж соседей не нарушает «нашей» тишины. Аля еще долго в кухне: моет посуду, отмывает духовку. <...> Я брился, полезивал, ходил к своей мальве. На ней уже 10 цветочков. Очень жарко и душно. В 3 часа понизу набежала размытая тучка с веселым громом и крупным дождем; быстро пронеслась, и мы смогли идти к Синёвым. Но все еще было очень жарко, и Алена шла с большим трудом: «Ноги не идут».

У Синёвых были только родные. Из «чужих» — только мы и Павловы. Как всегда, у них очень хорошо: тепло, дружно, просто, обильно и вкусно. В промежутки трапезы выходил на веранду — в наш бывший садик. Кусты, трава — все в каплях дождя; тихо, свежо, пахнет листвой. Не удержался, крепко

уснул на тахте Александра Петровича. Сквозь сон слышал, как Антонина Васильевна укрывала меня теплым платком, подложила подушку.

Алена же и жена Павлова весь обед горячо спорили о проблемах нынешней молодежи. Ал. Петр. тоже ушел спать. Но мы все сидели еще до 9-ти часов. Дома, на крыльце, в сумерках все, с Копом, Фирой, Бобом, калякали довольно долго. Ночь тихая, плывут, светлея, легкие тучки, мигают редкие звезды. Тиша скачет, ловит кого-то на лужайке.

16 августа (пн). Утро заботное: <...> после завтрака обсуждали транспортную проблему отъезда; сложно из-за Т. М., да и вообще, и — *главное* — *близится все...* День опять жаркий, солнечный; плывут с востока беспорядочные облака, размазанные тучки. Но дышится легче, чем вчера. 10—12 Алеша ездила к старичкам. 10.30—1 час. я занимался: прослушал 2 раза «Лебедя» и Седьмую симфонию; а потом и Шестую симфонию Сибелиуса. Потом записал дни. На веранде. Сейчас 1 час 40 мин. Алеша сидит напротив с французским, а под столом на табурете почивает Тихон. Звонил Боря [библиотекарь], сообщил приятные новости; позвонит в среду насчет приезда сюда. Боб чистит грибы у сарая. Т. М. с Фирой и Стасиком отбыли по грибы. <...>

После обеда Аля крепко уснула. Я у нее на постельке спал недолго. Заботы сосут... Я с Абрамовым на веранде. Набегают короткие отвесные ливни: то ненастные, то светлые, струящиеся серебром, то пробитые солнечными лучами.

Нует душа из-за «бобошки», из-за неумения совладать с собой и вести себя элементарно пристойно в вопросе Т. М. (уж не говоря «как нужно»...). Пришел Тиша, сказал, что хочет кушать. Алена услышала наш «разговор» — вышла из спальни. Был 6-й час. Пришел Стасик с «органчиком», просил Алю — «музыку»! Получил конфетку. Мне выдана была простокваша. Появились с работы Коп и Фира. Вслед привалил к нам «Марафон» с женой (!).

Около 7-ми Аля начала занятия (8-й раз). Я — пописал эту страничку. Появилась Ирина. Аля вышла около 9-ти. Чаепитие. Звонок Синёвой насчет завтрашней поездки в Силламяэ³⁵. В этой связи «миленькое» поведение Т. М.: рассчитывала ехать в С. (?!), а Алена пригласила Ирину. Перед сном я, конечно, взорвался на эту тему и выругал Алену (*отчасти* справедливо).

17 августа (вт). Тягчайшее пробуждение — и физически, и душевно, и во всех отношениях... Серо, свежо. Ночью был дождь. В 10.30 Аля на велосипеде к Антонине Васильевне.

Я — *сел за Шестую симфонию Чайковского (с 10 до 1.30)*. Каждый раз потрясает этот человек заново своим поистине сверхчеловеческим СЛЫШАНИЕМ!

Около 1 ч. стало проглядывать солнце, и, как говорит Боб, сидящий за чисткой грибов у сарая, резко и внезапно потеплело. Тиша после отъезда Али долго гулял, теперь спит, отдыхает на окне за моим диваном. В ожидании Алены устроился на веранде с газетами. В 3 — сели обедать. После обеда, как всегда, спали в «чужих уголках». Приехал С. Кротов сообщить, что он благополучно получил в Филармонии и перевез к себе сюда мои моторы и лодку, которую поставил у Борейши. По ходу разговора об устройстве гаража на реке, о бензине, починке старого и проверке нового мотора, канистрах, бочке и пр. и пр., *ощутил в себе болезненный протест и знакомую «оскомину», возникающую во мне всегда по поводу всякого нового обзаведения, всякого обростания, всякой лишней «ненужности»...* («оскомине» этой я обязан сравнительной свободе и независимости от материальных благ, но ей же обязан изрядной неустроенностью в старости своих дел... Если бы не ум и не энергия Али, — у нас бы полдомика в Усть-Нарве тоже не было...).

Посидели с Алей часок за нашим забором под сосновой горкой в ласковых лучах вечеряющего солнышка. Тиша ходит около. Появлялась и нас долго рассматривала маленькая собачонка с большими ушками; приходила знакомая белая киса с пушистым серым хвостом и своим приходом взбудоражила Тихона, ушедшего и улегшегося было на подоконнике на веранде. В 6 час. поели простоквашу, а с 6.45 до 8.30 оба занимались. Я прослушал с наушниками всю Восьмую симфонию Брукнера под управлением Караяна. Гениальный оркестр и удивительный дирижер... и, между прочим, удивительные наушники!! Сидишь будто в центре оркестра...

В 9 часов — ужин: жареная лососина и ватрушка, после чего долго с Аленой сидели на крыльце, пока совсем не стемнело и Волчонки не выкупали Стасика и не закончили свой многолюдный, разговорчивый ужин. В глубине души — нарастающий комок несказуемой печали в связи с близкой разлукой со всем здешним... (и даже с Волчонками) и с уходящим — еще одним — сроком...

18 августа (ср). Безоблачная тишь. Теплынь. Обильная роса. *Листва и цветочки мальвы в серебристой кисее пузырьков.* В еле заметном дыхании ветерка тихо покачиваются лесные травы. В 10 часов Аленушка уехала к старичкам, оставив свое тепло и заботу нам с Тишей. Я — записал день. Дома тихо: Коп, Боб и Стась отбыли на реку; Т. М. — в лавки. Лизавета почему-то не кричит... В 12 Аля вернулась; заезжала и к батюшке с матушкой, условилась с ними на понедельник. Пока отдыхала, мыла велосипед, я почитал газеты. К 1 час. дня пошли к Лидии Александровне, где Аля трудилась над

кустом красной смородины — собирала ягоды нам, а Лид. Алекс. рвала вишни, т. к. ночью разрезали сетку забора, что, несомненно, явилось сигналом недалекой опасности огороду и ягодам. Мы первоначально намечали после Л. А. пройтись. Но Алене не захотелось: устала рвать ягодки на солнышке в наклонку; и на часок я ушел один, сделал круг по Партизани мимо Пигулевских, по морю мимо Синёвых, по заулку Веры Мих. и обратно — к Л. А.

Жарко. Очень палит солнце. С удивлением заметил, как за короткое время на очень многих деревьях повяла, пожухла, пожелтела листва... Какой контраст с тем, первым, днем моей первой вылазки в мае!.. (Вязы — желтые, акации вянут, тополя побурели, сохнут ивы, жухлые пятна на липе, только-только успевшей зацвести...) И всего-то прошло 3 месяца. Заречные леса тают в голубой дымке, зовут... зовут... по-прежнему. Море темно-голубое, журчащее на отмелях, ослепительно сверкающее... Горячее солнце, свежий ветерок... Долго, долго стоял в заулке Веры Михайловны...

У Лидии Алекс. Алена сидит с Иришей. Ириша сервировала трогательный закусон: чай, яишенику... У Алены в авоське нашлась колбаса, булка. Я устроился в шезлонге в дровяном сарае, подремать на угре. Но тем временем с моря набежал туман, закрыл сплошной облачностью небо, принес сырой холод, и мы с Аленой пошли восвояси. По дороге побеседовали с Верой Алекс. и Антониной Мих. у ворот Флаксбертов. (Знаменитая киса Веры Мих. родила пятерых уродиков.) Дома, посидели с газетами на веранде, после чего Алена весь остаток дня чистила малину, варила варенье малиновое и даже съездила к Синёвым, которые звонили и просили заехать за лесной земляникой, которую прислал Александр Петрович.

Заметно похолодало. Небо пасмурное. Сыро и зябко. Я тунеядствовал. Вечером читал Булгакова.

19 августа (чет). Высокая белая облачность. Солнце. С трудом усадил себя за партитуру: с 10.30 до 12.30 «глядел» 3 и 4-ю части Шестой симфонии Чайковского. Алена под моим окошком у забора разбирает вишни. За забором Тиша на сосновой горке пытается общаться с той самой беленькой хвостатой кисой, которая всячески с ним заигрывает. С 12.30 до 1.30 записал день. Алена в кухне постукивает ложкой — варит вишневое варенье. Заходил к ней, получил чашечку лесной земляники с сахаром. Тихон спит на своем месте: за диваном на окошке, защищенном от припека специально задвинутой занавеской. С 2-х вдвоем — у калитки, с корзинкой красной смородины. День установился синий, теплый, с легким ветерком. 2.40 — Алеша прилегла у себя. <...> Встала вялая. Выяснилось, что перед обедом внезапно нача-

лась головная боль. Тем не менее решила выйти. Пошли к Нине Соломоновне Верхоланцевой (Алене надо что-то по поводу памятной композиции на цветочной выставке, посвященной Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу). Нина Солом. спала — не стали тревожить. Зашли в гастроном за коробочными селедками, о существовании которых сообщила встреченная И. Болотина. После толчеи и бестолковщины «оторвали» 2 коробки. Тут же встретили Ольгу Александровну³⁶ (Иннину), пахнувшую на нас многим, многим родным, кровным, утраченным. Мало изменилась и говорит, что и Жорж поправился, слава Богу... Хотели навестить Пигулевских, но у них в саду целая орава молодежи. Не пошли. Зато напротив обнаружили поливающего огород Всеволода Ивановича Павлова (с которым были у Синёвых). Пришлось зайти. Вышла Анна Павловна с чашкой ягод, которые она обрабатывает на зиму. Позвали дом посмотреть: уютно, любовно, хоть небогато и не показушно, зато удобно и мило; очень уютный, укутный, в старых кленах, в сирени, в жасмине участок.

Внезапное явление Пигулевского; вслед за ним — и Зои Ивановны. Ну, тут появились и рюмочки, и водка, и коньяк, и ветчина. Зоя Ив. и Алена, конечно, воспротивились, — и мы ограничились водочкой. Люди милые, чистые, приятные... И у всех сходные вкусы и стремления. Хорошо беседовали, долго сидели. Уже по сумеркам пришли домой около 10-ти часов. На «главном» крыльце — фигура Т. М., а в травке — сумерничающий Тиша. <...>

20 августа (пт). Ночью ливень. Утром бурный ветер, быстрые облака с севера, частая смена света, тени. Холодно. 10.30 Алеша — к старичкам. Я — за писанину.

В ожидании Али сидел на лужайке у времяночки. (Стась возился с водой у тазов на песочке.) Затем просмотрел газеты. Звонила Аля: просила не волноваться, она у Синёвых насчет машины. Когда приехала, уложила меня дремать на веранде, сама села заниматься. Занималась до обеда. Я же долго не продремал, пошел «обходить» участок. Долго сидел на березовом Кисанином пенёчке против окошка, в котором виднелась Алена и серебрился кончик ее флейты. Сидел и впитывал: сосны в ветре; облако в синеве; травы, розы и валун в лучах солнца. (Потянуло туда, где не удалось побывать нынче: на Тихое озеро, в Горки, в березовые кварталы...)

В 5 часов — к Лидии Александровне. Ириша, сама Л. А., Наташа с Андрейкой, еще дама с мужем (альтистка из Мариинского театра) сидели под навесом дровяного сарая — единственном месте, где пригревало невысокое осеннее солнце и куда не залетал ледяной, порывистый ветер. Сидели долго, пока не ушло солнышко. Я следил по вершинам берез, как

постепенно стихает ветер: сначала листва сильно, звонко шумела, березы гнулись, качались. Под конец вершины их только слегка клонились и листва спокойно струилась, поблескивая в синеве неба. С грустью и теплом простились с Лидией Александровной... скоро опять всех разнесет «необходимость».

Гликманов не застали: в городе. Немного посидели у Веры Евгеньевны в неустроенности, неприкаянности, неуюте и холоде. Алешка — вылитая помесь убитого Кеннеди и Светланова. Пес истеричный, добрый и глупый.

На море, густо-синем и холодном, шумят пенные тревожные волны, похожие на пляшущие по воде мелкие льдины. Берег Силламяэ тонет во мгле, и горы кажутся застывшими массами гигантских валов. Небо светлое, чистое, ледяное. Только по горизонту лежат цепочки тучек, подернутых сизыми тенями.

Вышли на море от Межколхозного санатория и, подгоняемые ветром, по пляжу дошли до «Мереранны». Там поднялись в парк; у Алены была галлюцинация: показалось ей, что мы в Бонне. <...> Домой — нижним парком, мимо маяка, мимо таинственного, любимого нами обоими, «покинутого» красного домика, мимо развороченного «строительством» (?) угла покойных Скипиных и по Горной, Вильде и — домой.

Увы, перед сном опять обоюдная вспышка из-за издевательского <...> наплеви́зма Т. М. (Тепло: топлена плита.)

21 августа (сб). Оба плохо спали. Утром разговор о вариантах переезда в город. После завтрака поспал. Сквозь сон слышал, как «курлыкали» бабкины индюшки, изгонявшие Тихона со своей территории. На улице — холодюга, северный ветер. Тяжелые тучи с серым подбоем. Пушистая синь между ними. Я — записал «дни». Алена попыталась посидеть на сосновой горке, но замерзла. Сейчас устроилась на веранде (12 час. 15 мин.), заклеивает прорешки на кожаной курточке, после чего укутала меня на своей постели потеплее, а сама поехала к Нине Соломоновне, Болотину и Наденьке Синёвой (насчет машины в Ленинград). После обеда Алеша долго спала. Я же — немного, потом сел на свой диван и стал читать *по порядку* «Театральный роман» Булгакова. Около 5-ти ели с Аленой рыбный пирог с молоком. Заходил ненадолго Сережа Кротов по поводу того, когда и куда поплыть на моей казанке с его мотором. В 7 часов Алена ушла заниматься. Я — с Булгаковым. Видно, как и у меня, на душе у нее было нелегко (конечно, в связи со всем предстоящим), т. к. ее возглас: «Гликман идет» — прозвучал как крик вахтенного на корабле, терпящем бедствие: «Земля! Земля!» Пили чай с пирогом вокруг моего стола. Посидели хорошо и долго. Светил им фонариком в черноте ночи между сосновых стволов, Гаврила прощально махал шляпой. «До свиданья, до свиданья!..»

22 августа (вс). Серо. Тепло. Светло. В 10.30 — пошел в церковь: ведь сегодня последний раз смогу нынче побыть там... Вышел с хорошим устремлением. Но шлось очень тяжело: сердце колотилось и трепыхалось... видно, «мучения извечных тем» наших с Аленой, тяжкие пробуждения по утрам, гнет всех неизбывных вопросов за последнее время не прошли даром... На Нурмэ догнала меня едущая к старичкам Алена.

Староста любезно дала мне скамеечку — сидеть у окна. В церкви, кроме «платочков», какая-то группа «чуждой» молодежи, правда ведущая себя безукоризненно, но явно критично. Служба недолгая. Батюшка благословил: «...и помилует и спасет нас, яко благ и Человеколюбец». И поздравил: «С праздником». Около 12-ти дня подошел к кресту; батюшка вновь дал просфорку. Была еще панихида по матушкиной сестре. Я остался на ней. «...Во *блаженном* успеньи Вечный Покой... и Вечную Память...» Посидел на скамеечке в прохладе; с вышедшей матушкой условился, что зайдем к ним завтра утром проститься. Домой — морем до маяка. Серебристо-серое море с веселым журчанием бежит на берег... набегает на песок. Светло-серые, высокие (волоконистые) и слоистые тучки, кое-где тронутые синевой и бледно-фиолетовыми тенями, насыщены светом. Над горизонтом распахнута прорезь нежной голубизны. В запредельной ее дали, за краем моря, полуутонувшая курчавая гряда кучевых облачков, озаренных невидимым солнцем. Легкий ветер свеж и ласков. Оттуда — мимо Пигулевских, автобусной остановки, по Партизани и Сулеви. (Алена утром после своих старичков заезжала к Л. А. насчет смородины для Гликманов. Встретила там Веру Александровну.) Дома в 1.15. Алена с неким Андреем на крыльце. В спальней лежит сложенная флейта: значит, Алена занималась.

Выпили с ней чаю с пирогом. И я сладчайше спал-дремал под уносящие в дрему и врачующие переливы *Алиной флейты*. Так было вплотную до обеда, т. е. до 3.30. После обеда просмотрели газеты. Я стал записывать дни, а Алена ушла поспать к себе в уголок. Сейчас 5 час. 15 мин. В 6 час. затребовал у Алены молока. С трудом добился, т. к. Алена в своем углу была оккупирована Тихоном. В итоге встала, выдала молока и затопила плиту: показалось ей, что в домике свежо. Получил заодно мясо и Тиша. Часов в 7 появилась Ирина с неполодками живота (съела сегодня творог недельной почти давности!!).

У Копелей в гостях Эстрин с семейством (?!). Жарят шашлыки. Коп принес нам попробовать (нам не хотелось идти туда, естественно). После чая в 10-м часу Ирина ушла. Около 10-ти Алена решила лечь в постель: чего-то на диване

неудобно спине. <...> Стемнело. Без зова пришел домой Тиша и сообщил, что идет дождик: шерстка в капельках.

23 августа (пт). К 11-ти к бабушке и матушке — проститься. Ночь была тяжкая, как в смысле тела — не найти было места ногам и т. д., так и всячески... Проснулись под шум дождя. Но около 10 показалась синева, солнце засияло, поплыли разорванные тучи, гонимые холодным ветром, так что удалось выйти.

После — немного на море. Море исчерна-синее, сияющее, в белых пенных гривах. По горизонту — бугры волн, белоснежные развороты медленных валов.

Домой — по Айя (с рынка) мимо Лили Людвиговской. Зашли к ней. Она, как всегда, в ремонтных проблемах, перестройках, дележках и т. д. <...> Шлось нам обоим плохо: и туда, и обратно. Особенно мне. <...>

Дома спал по приходе и спал после обеда. Алена тоже спала. Лежали долго. Я изложил очередную «решимость» уходить <...> из Филармонии и послать немедленно об этом телеграмму в Ленинград. Аля наложила дров в большую печку, но не зажгла ее, боясь ночной духоты, а ограничилась топкой плиты. Часов с 7-ми села заниматься. А я — у себя на диване опять в дреме. Вечером, после ужина, читаю Булгакова. Алена напротив в кресле с французскими книжками.

24 августа (вт). Ночь хорошая: ноги не «тянут», сердце не ноет, пробуждение не «смертное». Ночью, говорят, ливень, буря. Утро солнечное, тихое. Алена — к старичкам и в сберкассах, платить за свет и воду. Я за время ее отсутствия разобрал папки и уложил чемоданы (в основном) и лекарства. Обедали рано: я поспал. Алена доставала с антресолей чемоданы (увы...). <...>

Посидели на веранде. Собирались куда-нибудь пойти, но в это время появилась Ирина, а вскоре за ней Вера Александровна с трогательным (еще горячим) пирогом с капустой собственной выпечки. Алена совсем забыла, что В. А. должна была прийти к обеду сегодня. <...> Но вышла Алена из положения блестяще: Вере Алекс. был подан обед на веранде, нам остальным — чай с пирогом. Сидели мирно и долго, в свете и тепле погожего, совсем летнего дня. Очень Вера Алекс. одобрила наличие и устройство нашего домика. <...> Ушла в 6.30. Я остался на веранде и записал дни. Алена покопалась с Копом и Бобом в люках, где опять что-то куда-то не всасывается и не уходит. Сейчас около меня легла с Тишей на раскладушку с «французским». 7 час. 45 мин.

Лето. Усть-Нарва

7 мая (ср). «Волга». «Рафик». 2 часа выезд. Солнце. Холодно. Цветет черный тополь (черно-багровые кроны) и серебристый (бежевый на фоне синевы), зацветает клен. На мочажинках — калужница. Кой-где по опушкам белая и голубая перелеска. Мать-и-мачеха по откосам. Никаких птиц, один скворушка. Леса не окрашены — темнеют хвоей.

8 мая (чт). Весь день лежу, сплю. Алена героически разбивается.

9 мая (пт). Тихонько по участку. Черемуха в раскрытых почках показывает зачатки соцветий. Сирень же — только маленькие листики. Начинают зеленеть лужайки. Тюльпаны выбросили бутоны. Были на кладбище на машине. Скучно: холодно с реки. Ездили к «Танку»¹ проверить ольху: увы, отцвела! Зато «потрогал» мать-и-мачеху.

14 мая (ср). К Лениным старичкам. К морю. Ледяной холод. На пляже никого, ни следочка. Одна только воронья цепочка на обдутом песке. На скамейке, под защитой ольхи, окруженной упавшими (давно) сережками. В лесу — нежнейшая сетка свежей зелени. Массовое цветение селезеночника; «микрогиганты» — изумрудные елочки хвоей. Голубеют глазки синей перелески. Много перелески поздней, белой. Заросли молодой крапивы.

Золотые клены. Белочка на нем объедает соцветия. (Алины восторги к ней.)

15 мая (чт). Вознесение. 7 часов вечера к матушке. Мое место за столом²; смертное ложе батюшки; фотографии, матушка большая-большая... Вживание в «конец»... В его и в свой, как в одно.

17 мая (сб). «Авария» с синдромом. Аля одна на почту, потом на минутку к Лидии Александровне. Я — лежу.

18 мая (вс). С Копом к старичкам и на море. Лес светится свежестью и зеленью: уже стал единой весенней средой; деревья, кусты малины уже одеваются молодой листвой. Высыпала семейка кислицы. Нашли даже один ее цветочек. Показались вайи папоротника. На море прошли влево, до первого ручейка. Коп сбегал: замерз. От старичков поехали в поля. Не доезжая — в лес, к остаткам кирки. Пикник у пенёка. Неповторимое весеннее зрелище массы звездочек белой перелески, пробившейся сквозь слой полегшей жухлой, похожей на солому прошлогодней травы. Полями, лугами с взле-

тающими из травы жаворонками выехали хуторами на Таллинское шоссе.

19 мая (пн). Краснеют алыми рубашечками раскрытых и раздвинувшихся почек, пестреют светлыми их кончиками стоящие на угреве липы. Демонстрируют сугубую свою чувствительность к микроклимату. Даже на одном дереве — в разных местах — различна степень весенней подвинутости; а где самое теплое достаёт солнышко, там уже зелеными тряпочками раз-весились и маленькие листочки на тонких, как ниточки, черенках.

24 мая (сб). Родительская суббота. Были до конца. «Чаю Воскресение мертвых»... и батюшка... [отец Феодорит] ...Аля! *Зацветает черемуха.*

25 мая (вс). Троица. Мотя, зовущий выпить... Черемуха, залитая серебром кистей и золотом предзакатного солнца.

26 мая (пн). На машине к «Петру» [Петру Васильевичу Турчанинову] и пешком до камней. Обрато до «Мереранны» и по Айя. По пути, на угреве, под «Лайне» (чайка, ожидающая около...).

В 9 вечера на пенёке под акацией. *Первая кукушка*; из-за черных сосен поднимается почти полный месяц, наливается серебряной влагой. *Первые стрижи*. Над кленом в сумерках с заветренной стороны кружат майские жуки (начало брачной поры? и почему у клена?).

27 мая (вт). Теплеет. Пешком к Лидии Александровне. Андрюшка хвораёт — в окошко стучит. От Л. А. мимо «Веры Мих.» в «полуфабрикаты». Обрато — отдых у санатория «Ленэнерго». Иду плохо, с трудом, жарко оделся...

28 мая (ср). На машине к «Петру». На море — до камней. Голубизна Наровы неистовая. С моря пешком, мимо прекрасного дома Лаврова к Пигулевским. Следы Майи повсюду... Опять морем, мимо Синёвых и на машине к Вере Александровне. Белочка. Солнце. Уголок у забора. Цветничок (миндаль?). Евгения Павловна очень «плохая» (Аля здорова-лась с нею).

29 мая (чт). ...Черемуха в полном цвету. Клен сбросил почти все цветочки и чашелистики. Цветет у бабки и Ждановых купами — вишня и каринка. Очень тепло, почти жарко. Сидели под верандой против горки утром. *Появление Коли Ефимова*³. <...>

30 мая (пт). Алена в 12 час. на машине в Ранну. Я — на припеке у сарая. Наносит запахом цветов. Сильный тёплый ветер. Наползают тучи с юга. К 3-м занесло. *Зацвела бузина, позолтели соцветия и акация!* Первые «мотыльки». *Наконец сел*

и записал эти каракули. Впервые за эти годы над нашим участком появилась пара ласточек (!) и даже на миг залетала на нашу веранду.

Катькин котик с поломанной (?) лапкой на окне кухни у Али. Катька⁴ и сороки: сорочий гамм, переполох и стремглав, хвост трубой, утекающая Катерина.

В 5 часов Коля приехал доводить Аленину машину «до кондиции». Дождь. Уехал поздно, в 11 час. (Детство, Августина... [бабушка Колина])

31 мая (сб). Ночью шел дождь. Мгла облачная с юга. Ненадежно; к полудню пробивается солнце. Стало парить. По всему лесу поднялась парная дымка. Кругом занесло. Мы с Копом — к первой просеке посмотреть, можно ли проехать в лес на машине. Домой — горкой (березка). Должен приехать Левит⁵. Появился только к 3-м, а с ним — изобилие плодов земных (куры, пиво, мясо...). День ясный, жаркий. После обеда я очень долго спал. Ужин всей компанией у нас на веранде. Алена неутомима. <...>

1 июня (вс). Жарко. Ясно. Порывы плотного ветерка с востока. Левит с Алей все утро «облизывают» машины. Сижу около. Катя тут же, на альпинарии и вокруг. До обеда — за пивом, на веранде «исчерпывающая» (?) беседа с Левитом о Филармонии, А. Б.⁶ и пр. и пр. Появление Муси и Стася. Поздний обед у Фиры (селянка и пр.). Перерыв, во время которого Яша готовит шашлыки. Продолжение обеда на общем крыльце, первые комарики. Около 9-ти Левит уехал с Мусей. Очень рано лег в постель. Аля — у печки и долгая, долгая тихая беседа с Алей о всем светлом и прекрасном, виденном и встреченном «в путях» и посланном нам здесь... Вдали вечерней веранды виднеющиеся кисти черемухи; *расцветает жимолость; показались бутоны на жасмине.*

2 июня (пт). Летний день. Жарко. Уже три дня как разворачивает листья дикий виноград. *Начала отцветать черемуха:* по ветерку летят, подобно редким снежинкам, лепестки. Вдоль дорожек глазки незабудок. Аля, как всегда, в трудах на кухне... Я — записал эти полторы странички. Сейчас 1 ч. 40 м. Отцвел клен: пошел в листву; много бутонов на сирени; акация в полном цвету; готовится цвести сосна (?), зацветают яблони. (О причине разницы в сроках зацветания и облиствения: некоторые растения сначала цветут: клен, ива, а потом одеваются; другие — наоборот: черемуха, липа, акация и т. д.)

До обеда — под кленом; Стасик и Лиза у бассейна: кораблики. Нарциссы у бассейна в полном цвету. Путешествие на горку. Бельенькие крестоцветные; тревога у ворон, когда, видимо, приблизился к гнезду. *Цветет лесная земляника.*

В 4 часа с Алей на большом крыльце. Долгоносики, вылезающие из-под решетки у первой ступеньки. Впервые видел сегодня стрекозу. На кленах образуются крошечные будущие «носы» (!).

Стало заносить. Быстро набежала гроза с просторным громом и крупным частым ливнем; быстро иссякла; посветлело, небо заволокло дымкой. Все вокруг застыло, замерло в парном молчании. Из лавки пришли промокшие: Лиза бегом под кукольным зонтиком, Стасик на велосипеде, Аля — сияющая, освеженная, с мокрой головкой! Легла на веранде, задремала: много натрудилась на кухне за день... Пришла откуда-то Катя, стала умываться. Я — около нее на своей кровати у печки — побрился.

Грузные тучи продолжают наползать. Опять загремело и опять проливной дождь. Отвозила домой погостившую у нас недолго Лидию Александровну Гордзевич (беседа о Брукнере в связи с Веной; Алина характеристика моей «кривой»).

Вечером вновь появление Коли Ефимова (в связи со штакетником). Возможно, что он окажется человеческим приобретением. Я сижу в наплыве страха от маячащей вдалеке (пока, но все ближе) поездки...

3 июня (вт). В 9 часов Алена лежала с открытыми глазами: что-то решала. В итоге последовало предложение ехать в Нарву на рынок, в связи с «моим» днем, который «обязательно» надо отметить.

День ослепительный. И даже белая дымка в небе будто способствует концентрации солнечных лучей... Знойно. Леса совсем одеты. Луга, поля, озимые — ярко, сочно, густо зеленеют. Разливанное море, ручейки, реки цветущих одуванчиков, в полях их цыплячья желтизна. Деревья в Нарве намного опередили усть-нарвские: в полном и обильном цвету стоят рябины. В садах — яблони. Вовсю цветут — устались свечками — каштаны, распускаются медовые белые соцветия кустарников, золотом одуванчиков сплошь залиты откосы дорог, луговинки скверов... И наконец, цветущие купы сирени (!) в парках объявляют о *Конце Весны* <...> и *начале Молодого Лета* <...>

Долго ездили по магазинам в Нарве и <...> кой-что «отварили» к 4-му, но не нашли... водки??!! Дома были около 1 часа дня. Был творожок, кофеек и втроем с Катей — отдых на большом крыльце. Мы с Катей путешествует по полянке. Сидим на пеньке под акацией, усыпанной желтыми цыплятами. Алена умиляется, глядя на нас. Я — в дрему на диване; Алена созванивается с Копом и Кротовыми о завтрашнем «приеме» и... водке. Пробуждение. Вдвоем с Копом — по тарелке Фиринной селянки. Потом посидели с Копом и Бобом под кленом.

Аля все время трудится на кухоньке. У себя — запись дня. Сейчас 6 часов вечера. Безоблачно. Верховой ветерок покачивает кроны сосен. Смотрел балет «Гамлет» на музыку Шостаковича. (Двенадцатая, Одиннадцатая симфонии?!)

4 июня (ср). Аля: «С праздником» <...> Явление Кати. Была, оказывается, дома всю ночь, а я ее искал. Мытье «под большое декольте». (Алена!!!) Аля остается после завтрака в кухне. Я — под клен. Голубой, жаркий день. Крепкий ветер с востока несет холодок, шумит в клене, в соснах. «Пасутся» у дома Стась и Лизавета. (Да! Забыл: когда вылез на крыльцо, вышла делегация с поздравлением — Фира, Бобка, Стась, Лиза с розами, телеграммами.)

На лужайке бездумно погружаюсь в среду... Даже как «Лето» во «Временах года» [А. К. Глазунова]. Меняю места: на солнце очень печет, в тени холодновато... Белянки порхают, стрекозки. Аля показала мне любимое место Кати у колодца, где она «играет в прятки» с ней и подолгу пребывает во всяких своих «наблюдениях», и скрылась на кухне. Трогательно зашел с букетом тюльпанов Пигулевский — поздравлял. Алена в кухне обрабатывает огромного гуся и пр. и пр. Дома — почитал *молитвенник* (!). Сообразно предстоящие числа и праздники (перелистал календарь патриархата). В комнате порхают такие знакомые летние сквозняки, без них Алена испеклась бы в кухне у духовки вместе с гусем. Вырезал из «Огонька» репродукцию Нестерова, вынул и поставил портрет Чайковского на полку. (Приходил на окно Катин кот, меня не испугался, а даже поприветствовал «нос в нос».) Побрился. Аля уехала за «кока-колой». 3 часа 15 минут.

Я опять уселся в тени клена. Появление Саши Невзорова⁷. Рассказы его о Симонове (!?.). Алена вовлекает Сашу в накрывание стола на веранде (появление вороненка, видимо выпавшего). Гости: первая Анна Максимовна. В итоге: все Копеля, Пигулевские, Анна Макс., Кротовы, Саша, мы с Алей. Аленин стол ломится от яств и напитков. Разошлись, разъехались поздно. Я пил только шампанское и белое вино.

5 июня (чт). Саша ночевал на веранде. После завтрака его отбыл «куда глаза глядят». Мы с Алей у клена и у сарая. Дети около. Ходили с Алей выручать Катю, загнанную бабкиными псами на дерево.

Тихо. Тепло. Низкие облака. Медленное солнце. В обоих концах участка цветет сирень: и белая, и лиловая. Вечер тишайший. Теплынь. За калиткой, на дровах, второй вороненок. Аля возится и с первым, и со вторым.

6 июня (пт). Очень жарко. Оба не в очень хорошем виде. Возня с вороненком (Катя!). Тем не менее удалось раска-

чаться и отправиться к Лидии Александровне. Часов с 2-х были у нее до 4-х. Виделись с ее Наташей. Очень там у них всегда отрадно и утешительно. (Шумно струятся в синеве неба березы.)

Чудесные ваши березы, вытянувшиеся под самое небо —
шумят, струятся, переливаются на ветру...
И небо — синее, синее, безоблачное,
И стрижи реют, и жаркое печет солнце...

...Усть-Нарва вся в цвету: белая, лиловая сирень, акация, яблони, рябина, жимолость, барбарис. Все это цветет, благоухает, свешивает ветви через заборы, как из корзины. Вдобавок цветет сосна, и ветер несет целые облака желтой пылицы. Крепкая дрема. Аля увозит беднягу вороненка к Лидии Александровне. Я — дома кое-как <...> записал эти последние 3 дня. Дамы вечером в баню. С Копом ждем их на веранде. Пришли обе распаренные, счастливые. Сели пить «пепси-колу». Сумерки. За окном — белая ночь. Ярко освещенная наша анфилада комнат. Тишина.

Прибыли Муся и Боб. В 10 часов с Копом — «слушать соловьев» к сломанной кирке. Полная неудача: соловьи молчат, легионы комаров, наехали на камень, я в своем «стиле»...

7 июня (сб). Потихоньку встаю один. За завтраком «молчание»... (вчерашний вечер). Нападение на нашу горку пионеров из лагерей. Дрема. Чтение Штрауса. Соседи уехали на реку.

Аля одиноко у калитки. Спустился к ней. Аля, я, Катька, Васька — на солнышке у калитки. <...> Аля у забора мастерит скамейку. Всеобщее пиво с воблой у сарая. Комары!!! В сумерки вновь со Штраусом... мои сроки... его сроки... все прошло мимо, кануло, вот оно все и передо мной... Звонила Лидия Александровна: вороненок здоровствует.

8 июня (вс). *День смерти Т. В.* [Татьяны Васильевны]. В 10.30 — в церкви. Торжественная служба: кроме нашего — еще два священника. Церковь полна. Жаркий солнечный день. Тихо. Огоньки свечей не шелохнутся. Голос матушки в хоре. Хорошо тут, хорошо так... Наплывы Благостности... мгновения причастности и Благодарения.

Об Але: чтоб минуло, не трогало ее ожесточение... Вот, стоит внимательная, отдававшаяся, мудрая... и очень, очень усталая: вон глазницы даже углубились... О себе: чтоб дано было сил, избавление от окаянства... чтоб всегда *помнить!!* Отдых на крылечке. Вдруг, явственный, близкий, поет дрозд... очень давно не слышал я... После службы панихида по Т. В. и другим родным. Аля заметила, что стою без свечки, принесла, зажгла, встала рядом... Матушка в черном вся, как в прошлые годы, отпевала...

Дома «завтрак». Прилегли отдохнуть. Ненадолго нагрели лабухи с поздравлением. Долго сидели все на веранде. В 6.30 поехали с ней искать (!) хлеб и молоко. На Карья — нашли. На веранде вдвоем. <...> Пришла Фира, Копель, побеседовали. Вечером почти закончил «Штрауса». Какой-то родной стала мне эта книга. Перед сном обсуждение Катиных «ночей». Сегодня решили — пусть ночует дома.

9 июня (пн). Зной, тишина, благодать. Записал последние пару дней. Слишком жарко для моря. Закончил Штрауса... Как хорошо!.. (2 час. 15 мин.) Аля чинит в машине «стоп-сигнал». Заходил Коп, звал на линевою уху «с водкой», отвертелся... Звонила Пирская. Хотела приехать. Отставил. Потом позвонил ей сам: пусть приезжает, но не раньше как созреют осенние дела. <...>

Перед вечером листал «Подмосковные усадьбы» — книгу, подаренную лабухами. <...>

10 июня (вт). Наконец в 5-м часу мы с Аленой как-то взаимно «наладились» и поехали к «старичкам» — на дальний пляж. Подувает юго-западный ветерок. Теплынь; журчание; море ласковое, пахучее. Сели у самой воды: Аля на стульчике, я — на теплый, прогретый песок. Над морем, на западе, иссиня-мглистая стена туч. На востоке, за солнцем, вздымаются снежные вершины кучевых облаков.

Около 7-ми — внезапный шквал, холодный ветер, черные полосы ряби по воде. Скорей к машине, краткое свидание со старичками и домой. В Природе же вот отцвел почти повсюду одуванчик. Раскинул свои золотые [нрзб] лютик, зацвели «белые зонтичные» по канавам, цветет гравилат, в лесу забелели семейки звездчатки, и высоко и густо поднялись травы. В лугах готовятся к цветению злачные. Дома у нас жимолость густо оделась нежными розово-белыми бантиками, зацветает жасмин, отцветает, сыплет лепестки яблоня.

В 8-м часу поднялись с юга грозовые тучи, потемнело, вдалеке громыхает, посыпал реденький дождик. Природа и мы все, включая кисок, — в жадном ожидании грозы, дождя, свежести. Увы, зря: посветлело, тучи разнесло, дождь так и не разошелся как следует... Перед вечером, как идти спать, Алена разлеглась на веранде, всерьез стала засыпать и заявила, что так тут и заночует.

11 июня (ср). День опять взошел чистый, солнечный, очень жаркий. <...> К 12-ти поехали на море. Машину оставили на стоянке у Турчанинова. При виде кишащего телами пляжа, чуть было не отказались от моря на сегодня. Но все же остались. Потихоньку прошли в сторону камней. Не доходя их, в тенечке пристроились на своих стульчиках. Были в Благо-

дати голубого зноя, запаха сверкающего моря. (Впервые понял образ Горького в начале «Челкаша»: «Море смеялось». Действительно, ослепительно пляшущая чешуя моря создает впечатление *смеха*... (смеха стихии; смеха Посейдона?). Сидели долго, почти до 4.30, до чувства растворенности, насыщения в «своей среде». (Знакомство с «дамой с борзой», оказавшейся женой Пяхна⁸. Прошелся один до камней, сидел у самой водицы в синеве моря, реки, неба, Алена ходила полоскаться, даже я «омочил» ноги. Был и глоток кофе и корочка хлеба. Домой приехали в пятом часу. Дома неожиданно (!) обнаружили восточную половину неба затянутой наползающими тучами. Непрерывный гремел вдалеке, раскатывался гром. В 7.30 приехал Коля, и мы все трое, при «активном участии» Кати и Васьки, приступили к анатомическому исследованию неполадок в машине под писк легионов комаров и продолжающегося громохання в небе. Кончили в 12-м часу. Сделали пробную поездку. Причем на Линде имела место попытка пьяного нападения на едущую в одиночестве Алю, которая героически вышла из положения. Всей компанией, голодные, попили, поели, и чудесный наш Августинин внучек отбыл домой, проложив в лесу яркие световые лучи фар.

12 июня (чт). Серо, ветрено, тучи с севера. Побрызгивает. После завтрака Алена, как всегда, с посудой; я — в дрему. В 12 — сел записать дни. Алена затихла на веранде. Заглянул туда — спит. Пришла Катя, улеглась за мной на подоконнике, тоже крепко заснула. Отдаленно галдят Коп со Стаськой. (Около бассейна готовятся цвести ирисы: наливаются копыя бутонов. В 2.30 проглянуло солнце. Аля: «Прогуляйтесь с Катей». Пошли вокруг дома, к могилке, точила коготки, сидели рядом на новой, сделанной Алей, скамейке. Около обнаружили много побегов от корней деревца, которое считали замерзшим. Небо в 3 очистилось: с моря — синева, но ветер очень холодный. После обеда — дрема. Аля «брякает» на кухне. Ребяшня (Стась, Лиза, Вася) у сарая в песочнице «готовят настоящий обед». Вместе с Алей — к ним. У сарая, в зауве, солнышко печет. Только изредка залетает льдистый ветерок. Лена кормит кефиром Бобку⁹. Дышится просторно, невесомо. Алена чинит свой пропеллер-флюгер, у которого немного за год провис хвостик. Около 7-ми рыбак принес живых линей. И мы все, и Ждановы, и Фроловы налетаем, покупаем, уносим еще шевелящих жабрами и хвостами рыб по домам. Аля с Копом стучат на горке — строят у могилки еще скамеечку. Катя, конечно, тут как тут.

8 часов вечера, поужинали: жареная колбаса, жареный хлеб, сметана, чай. Звонил Пигулевский: в «Литературной газете»

есть интервью Максима Шостаковича и в нем хорошие слова обо мне (!?!). За окном свежий тихий вечер — золотой, прозрачный. После ужина Алена разбирает чистое белье. Вяленькая она сегодня почему-то. Сходила к машине, придя, включила радио. Я — с книгой «Вагемяэ» Таммсааре: очень хорошо. На подоконнике свернулась Катя. За окном — безоблачное, светлое небо и в предзакатном озарении затихшие вечерние сосны... До позднего часа слушали вместе «известия». <...>

13 июня (пт). Звонила Лидия Александровна, просила в 2 часа навестить вороненка. Долго колебался — идти или ехать. Решил ехать: очень неважно с сердцем, на ходу так поджимает — прямо беда. Третьего дня нелегко далось путешествие по пляжу, немного пережал... *Очень это горько, а часто и очень страшно...* У Л. А. с 2 до 4-х. Вороненок дает основание надеяться на благополучное повзросление. У Л. А. утешно, как всегда: об Але и очень много о счастливых годах в Тверской... Аля с Наташей чего-то о музыке и пр. высоких материях.

В 5-м часу Аля всех нас привезла к Волчонкам, где Л. А. и Наташа покупали какие-то побрякушки. Аля же их и домой отвезла. <...> (Надо забор переносить и добавлять новый в связи с увеличением участка почти вдвое — горушка теперь наша.)

14 июня (сб). Утром оба долго не вставали, перемогались. Как назло, звонки по телефону. <...> Замарачили всевозможные приезды, Алины 3 месяца «за свой счет», Пирская, поездка, мое самочувствие и пр. и пр. А день, как нарочно, теплый солнечный, тихий, а вот-вот пропадет из-за всей этой желчной нечисти... Пошли на горку, к соснам, и долго сидели, почти до 4-х, понемногу оба успокоились. Катя неотлучно с нами. Коп с Яшей переносят помойку к будущим «дальним» границам участка. Молодые колоски и метелки злаков в траве, юные рябинки. <...> В 7-м часу А. уехала искать хлеб, который бы не был зачерствевшим (!!), а также какую-либо рыбу для Кати. Долго не ехала; стоял у калитки, все поджидал ее... И то и другое нашла в Нарве (!!!) и, вернувшись в 8-м часу, села заниматься. Я — «записал» 12, 13 и 14 июня. Сейчас 8.30. 9 часов — чаепитие. Звонок Левита о гаражах и разговор с Пирской: японцам не дали визу (?) и они не приедут к нам... После чаю Алена мелет фарш на котлеты. Я — взял полистать Бунина; уже поздно: 10.20. А Алеша все чего-то брякает, шуршит (журчит вода), готовит на завтра. По всему дому пахнет жареными свежими пухлыми котлетами, аж слюнки текут. Пошел — получил пышашую жаром котлетку со сладким чаем... А труженичка моя, вдобавок ко всему, убежала в баню — суббота сегодня!

15 июня (вс). Ночью Катькин котяга появился у меня на кровати!

Ясно, тепло. Утренние дела: мытье, постель, бритье, Алена манная кашка, прическа, Катин завтрак, выжидание «синдрома» и пр. В 12 час. — на «море старичков». В бабкином заулке множество одуванчиков в нимбах летучек, подобных свечечкам.

В церкви — огоньки, идет служба. Толпятся на Вабадусе дачники, машины. На море безоблачно, жаркое солнце, холодный северный ветерок, на отмелях вскипают гребешки. Серп морского простора. В южном его острие — там, где солнце, — море бледно-голубое, в пляшущем серебре, веселых искрах; на севере — темно-синее, с лиловиной; далекие гребешки на нем кажутся вспышками зорких глаз чудищ морских. Посадил Алю и прошелся (довольно легко) до заставы и обратно [это 8 км]. Вернувшись, застал Алену сигналящей мне с другого места: нашла укуток, где и от ветра не было зябко и где солнышко не слишком палило, — около большой густой ивы, пряно пахнувшей, переливающей в ветерке лакированные свои листья-ленточки. Около нас три женщины: бабушка, дочь и взрослая внучка с терьером. Оказались дачниками Кругловых, и... слушательницами моего последнего Брукнера. Алена сегодня захватила с собой французский разговорник (!!). Видимо, не хотела себя расходовать даже на 100% восприятия окружающего: полный отдых! Отключение!! от всего! Мудрая она и очень сильная, каждый раз мне на удивление...

Дома около 5-ти. Был вкусный обед. Я — дремал. Алена — к сараю (там Фира и дети). В 6 часов пошел туда и я. В 7 — Алена пошла заниматься. Я — записал денек. ЗАЦВЕТАЕТ ЖАСМИН.

17 июня (вт). Тщетное ожидание юных Янсонсов. Около 2-х решил, несмотря на зной, проверить свои возможности — дойти до Пигулевских. Удачно прошла эта моя затея. Пигулевских не застал, посидел полчаса у Павловых, слушал рассказы о здоровье Анны Павловны и об ограблении домов минувшей зимой.

Дома был около 3-х и... наткнулся на Геню Черкасова и Агафонова¹⁰, приехавших с поручением от Лапина¹¹ — купить мои трансляционные записи. Обедали. Весть о смерти Нины Черкасовой... Уехали часов в 7. Вечером незаметно с юго-востока из-за леса подкралась мгла и пролилась сильным отвесным ливнем.

19 июня (чт). Вновь сияющий, жаркий день. Встаю с трудом. По-вчерашнему из лагерей доносятся вопли динамиков. Волчонки все отбыли на реку. Понемногу разошелся, после завтрака сел — записал запущенные дни. На море не поехали.

Один — на горку. Скоро и Аля пришла. Об Атлантиде; об исчислении возраста эпох «современниками»; о плотности неведомых глубин океана — о плавающей пуле (!). Аля — в лавку за питьем. Я один. Опять наплывает детство, мама, сосны Куллерберга...

После обеда (уха!) я — в сон. <...> В 7-м часу поехали к Синёвым. Их серьезные неприятности в связи с покупкой ими хибары, в которой до прошлого года жили на правах служащих. От них — на пляж. На море молочная гладь, парчовые искры, дымка на горизонте, солнечная предзакатная дорожка. Тишина, малолюдие. Силуэт одинокого Пигулевского, совершающего вечернюю прогулку до камней (до устья). К машине вернулись улочками, через санаторий. Дмитрий Александрович проводил нас. Дома были в 11-м часу. Опускаются легкие сумерки. Ужин — творожок со сметаной.

22 июня (вс). С 12.30 до 5.30 на «море старичков». (Нонна). *Длин день!!* Прогревает солнце, веет ветерок свежий. Нежность. Розоватый цвет дальнего края пляжа от тел... Устроились у ольшин; здесь были в этом году в первый раз на море, когда еще не было ни одного следочка. Алена лежит в штанишках, заголив ноги и живот. Радует, счастлива *отдыху*, солнышку, разговорились: 1) об увеличении участка, Колином штакетнике, гаражах, получаемых через Левита; 2) о большой тревоге за здоровье Нисиоки (Сан)¹², сожалении и раскаянии в том, что не были в Ленинграде, когда он был там; 3) о молодости и Мироне, о летних днях с ним под Одессой... 4) о релятивизме и неприятии ею эволюционной теории.

Сажу рядом с Аленой на железной раскладушке, слушаю, радуюсь за нее до слез, что ей хорошо, что расковалась, боясь нарушить ход ее мыслей, чувств...

Дома, она одна поехала к Кротовым, чтоб поздравить и подарить что-то. Я — с Яшей и Копом у Волчонков за пузатыми рюмочками коньяку. (Звонок Лидии Александровны о вороженке и матушки — приглашение.)

23 июня (пн). Именины матушки. Небо в светлых тучах. Очень тепло. Побрызгивает дождик. За о. Владимиром¹³, матушкой и ее сестрой. И с ними на могилку о. Александра. Засеял дождик. Панихида маленькая, могилка и крестик тоже маленькие, слезы нашей маленькой группы; сумрачный, затихший сосняк вокруг... («...о всех погребенных на этом кладбище».)

Отвезли их домой. От них — в Нарву в магазин (как всегда — пополнить съестное). В 4 часа у них — обед. О. Иоанн, о. Владимир (увы...) и другие. В середине трапезы долго сидел у «батюшкиного» окна, в его кресле, против иконы *Спасителя*. <...>

24 июня (вт). Утром — оба очень сонные. Дождя нет. Проглядывает солнце. Аля с Леной отвезли приبلудного котенка к цыганам, где его опознал пес (!!). В 1 час дня — к Лидии Александровне, в гости к вороненку, ставшему совсем ручным, идущим на зов, на речи, чего-то курлыкает в ответ, поблескивает зорким глазком. Солнышко сегодня бережное, воздух ласковый, нежащий, пахучий (влажный немножко...).

Краткое, но поразившее Катю появление неизвестного огромного сиамского кота и изгнание его. Аля съездила на велосипеде в лавку. С 7 до 8.30 занималась на флейте (4-й раз). Я в это время записал деньки.

29 июня (вс). Приезд «Марисят» [семейства Янсонсов]. <...> Едем на море. Но неуютный ветер прогоняет с пляжа под защиту леса. Здесь — упорядочение FL группы в поездке. После обеда у сарая добрый разговор о дирижерских задачах Мариса. В 10 часов, забрав Боба и Мусю, отбывают в Ленинград, оставив на сей раз впечатление приязни и близости.

1 июля (вт). Звонок К. С. Родионова. Живет здесь на даче!

2 июля (ср). В 3 часа ночи появление Кати, огорченной запертой дверью на веранду и выясняющей причину этого: встала на задние лапки, разглядывала сквозь стекло — что же там такое? (Там спал Сашка.) Отвезли С. на поезд. Заехали в торговый центр за съестным. Цветет донник; в полном цвету луговые травы; *зацвел иван-чай и дикая рябинка... Яркая зелень (переливающаяся усиками) ячменных полей.* В 5 часов за Родионовым, его чудесные старушки! Его тщательное освоение всего, что увидел у нас.

На диване (о Фете, Тютчеве; об Але; «Стучите и отворится вам».) Долгое, до сумерек, чаепитие и ужин на веранде. <...>

4 июля (пт). К обеду появились Безрученки с помидорами, вином, Лилькой [черным карликовым пуделем] и пр. В бликах заката сидели на горке. Расстались в 10 часов.

5 июля (сб). 11 час. Приехал Блажков¹⁴. Вечером Григорянцы. Интересные их с Игорем беседы (о Булгакове и пр.). Игорь — ночует.

9 июля (ср). Читаю Астафьева. Аля умудрилась заставить себя сесть и заниматься с 1.45 до 3.15 (в 7-й раз).

В небе грозовая муть. Но все же рискнули и поехали к Родионову. Там — с ним и старушками — БОЖЬИ ЧАСЫ. Сначала в комнатке, потом на пляже и вновь у них чаепитие (долгое ожидание разбуженного К. С.; хозяйки, кошка, песик на цепи; древние ножик и вилка).

21, 23, 24, 25 марта репетиции Восьмой симфонии Шостаковича.

26, 27 марта — съемка и запись Восьмой симфонии Шостаковича.

28 марта — КОНЦЕРТ.

5 апреля (пн). Аля в Консерваторию. Я — укладка. Перед сном обо всем. Чудо общения и любви. Едины!!!

Кардиологическая клиника на Пархоменко

6 апреля (вт). К 12-ти в кардиологический институт: ложусь... Аля бледна, суетлива. Потом выяснилось — адская головная боль. Скоро уехала. Тамара — булочки. «Все хорошо». Капельница (Лена!). Обед. Звонок Але (два раза: рубашки!). Осмотр Ниной Васильевной [Рыжковой]. Почти весь день чтение Веркора. Рядом телевизор, гул голосов... Лег рано. Почти не спал, но лежал неподвижно. Нагнетание предстоящих трудностей, плюс лечение и плюс партитуры Прокофьева... От окна холод. Провалы в дрему. Аля вечером допоздна правила рефераты, сунутые ей Никончуком. Кошки мешали, а вечером удивленно глядели на мою постель.

7 апреля (ср). Рано сестра с лекарствами. Потом ЭКГ. Около 9-ти уже капельница; взяли кровь из пальца; завтрак. Появление «лечащей» докторши. Рентген (еле добрел). «Прогон» 1-й части Прокофьева. Дочитал Веркора. Стук, медленное появление Алениной мордочки и Лариса с обедом. Аля — устала очень (ни соли, ни термос не привезла... такая забывчивость — совсем не она). <...> Уехала в 3; поторапливается пообедать при Людвиге¹ и работать... У себя запись этих суток, чтение журнала «Знание — сила». Заглядывают сестры: то что-то ищут, то приносят в стол «старшей» лекарства². 6 часов: солнечное предвечерье. Алена, Алена, Алена, Алеша... Все время трепетная больная нить к тебе... о тебе... тянется! С 7.30 до 8.30 на телевизоре («новости», футбол...). Дома наконец полчаса — Айтма-тов. Бритье; в 10.30 — лег.

8 апреля (чт). Сон периодами. С 5-ти нехватка воздуха, и до неприятного. В 8.30 — сестра с лекарствами. Лариса с завтраком. Появление «лечащей»: прослушивание (Лариса сообщила о «сжатии»³). В 10.30 — Лена (3-я капельница). В 11.30 — укол чего-то. За окном сумрачно, дождит. В паузах между «дел» — чтение «Знания».

С 12.30 сижу со 2-й частью Прокофьева. (Заходила Тамара, Инна — цветы.) Потом около 2-х — медсестричка и даже сам Алмазов (его сообщение об отказе Левиту !?!?).

В 2.30 закончил 1-й «заезд» по 2-й части Прокофьева. Аля, верно, занимается: а с 3-х у нее Консерватория; собиралась «дожать их (учеников) как следует». Лариса с обедом. <...> Счастливая дрема (4.30 дня). В 5 видел в холле, как ушла Лена домой. Потом Бог послал по телевизору прелестную картину о псине, потерявшей хозяина.

После ужина — «Скрипка Эйнштейна» (Фрида) и... продолжение Айтматова. В 10-м часу звонил Але: нету; тете Вале — узнал: все «ладно». 10.30 — лег; долго не спал.

Аля вчера только села заниматься — вызвали в «Управление», проводят прием консерваторских рефератов. Прошло хорошо. Потом к «малышам» в Консерваторию. В 4 — к Алиеву на репетицию, опять на занятия и домой. В 9 час., когда позвонил, сидела в ванной.

9 апреля (пт). 3 часа ночи проснулся — не хватает воздуха. Вставал утром — одышка. Серо. 9 часов — завтрак. Некий Вадим Иванович: психиатр. Я отказался от услуг «лечения меланхолии» ...Капельница ждет его ухода и прихода Лены. В 12 — «откашлялся». Пришла «лечащая» — осмотр (анализы хорошие). Шевельнулось ожидание Али. В час встретился с ней у лестницы. Тамара [массажистка]. Болтовня. Две старухи по поводу дыхательной гимнастики. Обед. Разговор о Левите, который вчера звонил. О том — *что-то будет?? и как быть в нем — том, что будет??* Нежданная ссора на тему — как интерпретировать мою «больницу»... и т. д. и т. д. обо всем... Я выразил желание, чтоб Аля реже приезжала, т. к. всякий приезд неизбежно связан с разлукой. В общем, Аля встала и ушла. В отчаянии послал за Тамарой. Голова как огонь... Тамара пришла, немного посидела, «утешала»...

Читаю Айтматова (?!). Вбиваю молотком слова в мозг... Приход Алмазова. Сидел, молчал, слушал мою «роспись» бедствий. Все понимал поверх мной произнесенного. В 6 — ужин. Запись дня. Айтматов. 8 час. 40 мин. Аля... До 10.30 — у телевизора.

10 апреля (сб). Ночь — благополучно. Встал в 8 часов. Началось удушье. После завтрака хуже. Взял Айтматова⁴, отвлечься, — хуже. Приступ откашливания. Чуть полегчало. <...> Лена увидела мое дыхание — велела отдохнуть. Потом капельница, как всегда благодетельна. Капельница была поставлена на «тихий ход». После нее сладко спал. Встал, умылся. Ну и рожу в зеркале...

В 12.30 — на телевизоре; передача для летящих космонавтов: Райкин и пр. Вдруг сестрица: звонит Алена (?!), «может ли

приехать?». Но вечером ей играть. Условились на завтра. Голос у нее еле-еле живой. Господи, Господи... До обеда с Айтматовым. После обеда засел за 3-ю часть Прокофьева. Занимался до 5-ти. После Восьмой Шостаковича поражает количество профессиональных «слабин», особенно в партитуре. Записал день. Сейчас 5.30. Как и вчера, в 7 часов пошел редкий, крупный снег. После ужина дрема, чтение, коридор, попытки тетки «приклеиться». До сна — телевизор (что-то о фашистах).

11 апреля (вс). Ночь — «мятая», но утром удушья почти нет. Вялость; перебойчики... немного. После завтрака — дрема. Чтение. Галдит телевизор (процедур-то ведь нет!).

В 11 часов повалили посетители к больным. Тоже загалдели. Проглядывает солнце, но, видимо, холодно. Холодно и у меня: выходной день, не топят... Аля появилась в 1.20. <...> Долго и восторженно говорила о зале Юсуповского дворца, публике, оркестре, Алиеве и даже о Бианке и ее помощнице, об успехе, приеме, тепле «хозяек».

...И самое важное для Али и нас обоих — проект решения проблемы Алиной пенсии. <...> Ушла в 4 часа. Видел ее уходящей во дворе. Помахала. У телевизора ткнулся в «Клуб путешествий». У себя читал, ужинал, опять читал. Неодолимая охватила без дна и краев печаль. <...> Покурсивал по коридору, записал день. Сейчас 7.15 вечера. Вновь с Айтматовым до 9-ти. С 9 до 10 высидел [программу] «Время».

12 апреля (пн). Ночью спал, но без отдыха. Встал в тяжести тела, безнадежности мрака и отчаяния от всех своих «дел». <...>

В 3.15 сел за 1-ю часть Прокофьева. Трудно сегодня давалась «музыка». <...> Сидел почти до 6-ти. Принесли ужин. Записал день: 6.45 вечера. В 9 позвонил Але. По голосу слышу: ждала звонка, а ведь условились, что, уставши, не будет брать трубку до 9-ти. Условились: придет завтра часов в 5 (утром репетиция и заедет домой поест и покормить «девочек»). У себя закончил в 10 часов книгу Айтматова. Спасибо Але.

13 апреля (вт). Сон об оркестре, Кертлинге, Большом зале, суетне дать концерт (I). Утром «заботливый» дядька со мной у моей двери. Заходил и днем насчет наличия книги Айтматова в библиотеке. Во время капельницы приходил Вад. Ив., с ним о Лескове, о музыке для его больных. <...>. Заглянула Тамара, массажистка. Почитывал в паузах журнал «Знание — сила». В 4.30 стук: Алена. Ее вчерашний день: после Консерватории была у Беляковых⁵, брала у Валечки журналы мод (II) для Журавлихи (II) в связи с поездкой. В 6 часов к ней домой пришла Анта: беседа была без границ. <...> Аля вела себя безупречно во всех отношениях. Умница моя... Звонил

Але Андрей: *пленка Восьмой очень хороша; сам же он бедствует с Леной*. Алин день сегодня: в оркестре рассказы о Сибири, о потрясающем первом секретаре Томска (Аля привезла мне от него телеграмму), но зато и об отравлениях и простудах в Новосибирске, о четверке «наших артистов», явившихся на посадку, чтоб лететь в Ленинград, на четвереньках... <...>. Почти все время, пока Аля у меня, идет отвесный снег с дождем. Алена даже попросила задернуть занавески: рябит в глазах, а я — будто на фоне окна несусь вверх. Аля была все время теплой, близкой, открытой. Ушла в 7.20 вечера. Смотрел из ординаторской, как она отъехала. (Взяла Айтматова, а привезла Лескова.) Записал день: 8 часов вечера. Поторчал на телевизоре; в 9 час. позвонил: Алена занимается. Проторчал «Время». В 10 — «дома», молоко с ватрушкой. Все.

14 апреля (ср). 8 часов. Сестра с лекарствами. На лавочке у двери дядька: «Максим Шостакович уехал?! Теперь отнимут у Филармонии имя Шостаковича». Откуда это?! «А население говорит...» Приход библиотекари с «Белым парохом» Айтматова. Зовет взглянуть на абзац обо мне в энциклопедии; уборщица; кардиограмма. Яркое солнце! 11—12 капельница; сестра с уколом, докторши: Рыжкова и «лечащая»: окончательный диагноз с предвидением обоих вариантов: 1) поездки; 2) ухода (если «не смогу»).

К лору: чистка, *просветление* и диаграмма слуха. Лично к Рыжковой один: подтвердила мои возможности «продолжить» дирижирование и гарантии в случае если будет «SOS» от меня. В 1.30 повалил отчаянный снег; быстро потом — светло. В библиотеке посмотрел абзац о себе в энциклопедии. Около 2-х массаж. В 2 — обед. Почитал. В 3 час. — Тамара. Вновь почитал. 3 час. 40 мин. — Аля (уселась со своими документиками выступлений, которые пойдут в качестве 2-й половины нагрузки). О дне следующего приезда ко мне, обо «аварии» с Михайловским на «политпроверке». <...> В 6-м часу уехала: киски голодные. Неудавшиеся мои проводы ее: разбил в ординаторской чью-то тарелку на подоконнике, тем временем машина ушла... Около 6-ти позвонил: все ли хорошо. Слава Богу, доехала хорошо. Записал день: 6.40. На хоккее до 8.30. Дома с Лесковым («Интересные мужчины») до 10-ти.

15 апреля (чт) *Страстной Четверг*. Встал до 8-ми. Светло. Солнышко. Дальше — все как обычно. <...> Полистал, вспомнил «Чертовы куклы». В 1.20 — Аля. Принесла новосибирскую грамоту, тарелки взамен разбитых мной в ординаторской вчера. Вспомнила у Астафьева: писатель не может быть ПЛОХИМ человеком; если он таков, то и кончит плохо. Не может найти 4-й том (?). <...> С 2 до 4.30 — 3-я часть

Прокофьева. Походил по коридору, побеседовал с Аболиной Яковлевной. <...> С 5.30 до 6.30 — Евангелие. *И вообще! Все это надо пере-пере-читывать!* После ужина посмотрел полтора заезда хоккея (наши с итальянцами). Записал день: 8 часов вечера. В коридоре застрял на скамеечке опять с А. Як. Она — человек, конечно. Вернулся домой около 10-ти. Почитал кусочки «Колыванского мужа»...

16 апреля (пт). Проснулся в 8.20. Пасмурно. В комнате очень холодно. Затопил [включил электрообогреватель]. Все — немного позже: капельницу закончили в 12. Лена простужена. У меня — перебойчики... (цепочка ассоциаций: умирающий Рома, Лева и его злопамятность к прошлому, милейковской моей юности, Галя Уланова — 1-я картина «Жизели»⁶. Лечащая не раздевала даже. «Завтра работаем (субботник), — послезавтра разговляемся...» Читаю «Грабеж» Лескова (!!!). 1—1.30 Тамара. Проветрила у меня. В это время И. В.: звонит Алена. В ее кабинет — о приезде завтра. 2.30 — обед: супец поистине синтетический... После обеда до 4.45 — 2-я часть *Прокофьева* (подзабыл темпы...). До ужина походил и опять болтал с Аболиной Яковлевной. К 7-ми на телевизор: матч чехов с канадцами (очень здорово). «Время» и полматча наших со шведами (не ахти). Досидел до оскомины. 10.30 — делал постель, зашторился, «повымылся», принял снотворное. Тамара днем передала: Аля будет завтра в 7 часов. Придется ей потом ехать по темноте, и я буду беспокоиться... Ну да Господь с ней: знает, что делает.

17 апреля (сб). Проснулся до 8-ми. Сердце замирает, слабость. Будущее кажется стеной непрелазной, непробиваемой... По коридору уже шумят: СУББОТНИК (!!!); галдеж, вскоре запустили чей-то магнитофон на всю железку. Лена с капельницей появилась уже в 9.30. Опять перебойчики, как вчера (но слабые и редкие). Попытался дойти до ванной: где там! Всюду трут, вытирают, моют, стоят лужи, толкотня. Сел, переписал вчерашний день и этот вот кусочек сегодняшнего (11 час. 30 мин.). Сел читать: «Скоморох Памфалон» (!) [Н. С. Лескова].

Во 2-м часу зашел Алмазов с теплом и вниманием, сказал, что в любое время я могу здесь у них «укрыться» (и чтоб предстоящая поездка была последней, «...больше не надо»). Пришел и Вадим Иванович. Посидел, побеседовал о том о сем (от психиатрии — до Мустве у Чудского озера). В 2.30 обедал. В 3 часа закончил «Памфалона». Сон в кресле почти до 4-х. Перечел «Прекрасная Аза». Коридорами прошел кругом весь этаж: всюду тихо, спят после обеда.

На дворе дождь, лужи, видимо, тоже тихо. Почему-то давит голову, будто повышено давление... Посидел в кресле. Старался «расслабиться»; прочитал «Человек с ружьем».

В 6.50 — с авоськами — Аля. Еле пролезла в щелку закрытых ворот! До меня была у тети Вали, взяла куличик и пр. и сама поела. И мне привезла яичко, пасхи, куличика кусок, что я тут же и съел. Долго ехала: за мостом — «кирпич»; в четверг (15-го) стирала, в пятницу (16-го) — гладила; и оба дня — концерты.

НВ: об Алином состоянии: будто все бежит, уже не может, замедляет, а все бежит... надо бежать...

Условились о приезде: завтра и во вторник (уже за мной...). Думая, что устает у меня, сказал ей: «Поезжай домой». Она: «Нет, еще посижу, отдохну». О моем отсутствии в доме: «*Будто нет одного бока*». <...> Кой-что увезла домой из моих шмукток и взяла Евангелие. Уехала около 9-ти, а думали оба, что уже почти 10 (!). Это я напутал сослепу.

У себя — дописал день до сих пор. 9 часов 40 минут. После ухода Али читал сибирскую «прессу», «закипел» было <...> но скоро удалось одолеть (молитва). Ровно в 12 похристосовался с Аленой и лег.

18 апреля (вс). ПАСХА. Проснулся в 6.30 (!). Потом еще дремал. В 8.30 — готов. Взялся было за Айтматова («Белый пароход»), но засосала совесть и с 11 до 12.45 изучал *партитуру «Ромео и Джульетты» Прокофьева*. Гудит телевизор, и множество посетителей. Все же бегло пролистал Айтматова. В 1.30 позвонил Але, но ее уже не застал. В коридоре сидит местный кот, умывается. Принесли обед. В 2.15 — Аля (баночка пасхи, яичко, Людвигины булочки). Желтое шерстяное платице на Алене. Съела мою обеденную картошку. В центральной прессе гимническая статья за подписью Пасхалова по поводу выступления оркестра Рождественского. <...> Я же получил «Золотой приз» «Мелодии» за Шестую симфонию Чайковского (!). А Караян 1-ю премию на Международном конкурсе за «Парсифаля»... При одной мысли об этом «Парсифале» холодок бежит по спине...

В Филармонии «трудно разбираемый пасианс». Некая должность названа в оркестре «социолог»!

Алена: «*Все время потихоньку надо стирать — иначе не успеть*» (!?!).

НВ: О «концовках» (это я — Але) Булгакова (мастер)! Лескова (скоморох)! Стравинский (Аполлон); Шостакович (Восьмая симфония); Шостакович (Пятнадцатая симфония).

Аля добавила: последний такт, как дымок гаснущего фитилька (описание того, как я «уходил» с того света⁷). Когда уже тяжело болела, Инна на Рождество сказала: «Огоньковые души улетают...» [Аля] вспомнила попевошки, подобные смертным гримаскам, возникшим из 1-й части или из детства. Много вообще говорила о Пятнадцатой симфонии («и сердеч-

ко, сердечко...»), ибо я, занятый «стройкой», не в состоянии охватить все то, что слышит здесь она. Под конец немного развляя и в 5.15 ушла.

Встретил Аболину Яковлевну. Немного побыл в коридоре. Сестра позвала. Принесла ужин. После него долгая и непростая запись сегодняшнего дня: сейчас уже 7 часов вечера. Немного давит голову, горят уши; все-таки каждое ожидание ухода Алены дается с трудом. Особенно в сочетании с желанием все запомнить и не упустить ничего, что от нее исходит, а потом и записать. В 7.40 позвонил домой: никого. Заволновался, что не преминула заметить Аболина Яковлевна, которая на проверку все больше смахивает на Веру Евгеньевну и К°. (Впрочем, Бог ее знает, да и Бог с ней!) Дядьки и их «допросы» обо мне... В 9 часов вечера Алена подошла к телефону: все время занималась в большой комнате. Придя к себе, обнаружил кота Ваську, изучающего оставшиеся от ужина макароны. Полчасика на хоккее. Скукота. Около 10-ти визит: зашел некий Лебедев Игорь Владимирович, с которым мы когда-то лежали в Свердловке.

19 апреля (пн). Отдернул в 8 часов шторы — крыши и двор в снегу, небо свинцовое. Отнес Айтматова в библиотеку. День обычный: и Лариса, и Лена, и «лечащая» (принесла 2 крашенных яичка!) и Вадим Ив. и пр. Аля сегодня с 11 до 3 в школе, с 3-х до неизвестного часа в Консерватории (храни ее Господь).

После обеда — дважды — Тамара с родедормом и рассказом о трагической судьбе моей «лечащей» (все время я *смутно* ощущал в ней ум и большую печаль). Уложил большую часть своих шмучок, урывочками успел прочесть и лесковского «Пугало». Сейчас 5 часов 15 минут. Походил. После 6-ти просмотрел матч чехов с США (6:0!). С 9-ти высидел «Время» и 2-й заезд наших с финнами (пока 6:1). В перерыве заходил ко мне вчерашний Лебедев, а около 9-ти я позвонил Алене. Она уже довольно давно дома. День у нее вообще ладный, если не считать очередных мелких пакостей. <...> Завтра придет за мной к 1 часу дня. Сейчас 10 час. 30 мин. Записал эту страничку, не удержался: досмотрел хоккей (8:1). На сегодня — все.

Гастроли в Австрии, ФРГ, Швейцарии, Франции, Испании

Программы:

Чайковский, Шестая симфония

Чайковский, Концерт для скрипки с оркестром

Брамс, Концерт для скрипки с оркестром

Прокофьев, Первый концерт для скрипки с оркестром
Гайдн, Симфония № 82
Бетховен, Седьмая симфония
Рахманинов, Второй концерт для ф-но с оркестром
Соллисты: В. Ереско и В. Третьяков (Москва)
[Второй дирижер: П. Лилье (Таллин)]

30 мая (вс). Утром — Вена.

31 мая (пн). 2—4 час. репетиция.

1 июня (вт). Зал «Музикферайн».

Концерт:

Шостакович, Восьмая симфония

3 июня (чт). Зал «Музикферайн».

Концерт:

Прокофьев, «Ромео и Джульетта», вторая сюита
из балета, Шестая симфония

После концерта — сборище у нас (Андрей, Люба, Пеетер, Третьяков, Левит, «мальчик»).

4 июня (пт). Половина шестого с Хашеком. Монсиньоре Киш!!!⁸ Его драгоценный Дар мне в 8 часов вечера на вокзале. Поезд в Цюрих (Люба, Рааб, Бём⁹). Проводник-крикун. Допль-купе [двойное].

5 июня (сб). 8.35 утра — Цюрих. Аля — в городе. Я — тщательно партитуру Восьмой Шостаковича. У телевизора. Обед в ресторане с Левитом. Испанец-официант (водка). Вереницы машин под окном. Засыпаем под грохот грома и ливня.

6 июня (вс). Зал «Тонхалле».

Концерт:

Шостакович, Восьмая симфония

На улице к вечеру 32 градуса! Катастрофическое пробуждение: совершенно «болен»... Кошмар, метание, «решение» ехать домой (???). Аля растерзана совсем. Но постепенно успокоение, мытье и... грандиозная Восьмая вечером в великолепной «Тонхалле», с успехом у публики (и каким) и золотовской записью моего интервью.

7 июня (пн). Хорошая ночь. Аля после завтрака в город. Я — разбираю «архив». Потом в сладком сне. «Проверяя», нагло постучавшись, Левит, даже не извинился за то, что разбудил. В 2 часа к телевизору: Онегин (!?!?). Чтение Брукнера (книжечки). В 3 часа Аля с белишком. С ней в банк, к портье и в ресторан («новобрачность», солнце). Вестибюль: ножичек. Покой — «правомочность» (Т. Манн). Вдвоем на скамеечке

в парке. Дома. Аля — укладка. Я — дрема. Из окна веет лаской. 6 часов. Поцелуй. В 8 часов чай и пр.

8 июня (вт). В 12 часов выезд в Лион. 5.30 — там. Блуждание по раскаленному городу. Отель — «домна»¹⁰. 35-й этаж. Дурнота от испуга Бёма. Весь «персонал» у нас: чай, кофе и ночевка с 8-го на 9-е в «домне».

9 июня (ср). Сборы во второй отель. Очень хороший, но с питанием полный затор. Выручила жена Бёма: полбыка на обед... Посидели, смотрели Миттерана¹¹. Аля в 6 часов в город: аптека, отрез. Я — с партитурами в ожидании перемен с Пятой Чайковского. Ненадолго враждебный Левит. Аля — занятия на F1 [флейте]. В 8 часов вечера передача о Горовице¹².

10 июня (чт). Целый день почти лежу. У Али — жена Бёма: организация питания. Обед. «Детский» сон Али. Моюсь, бреюсь, прибираюсь один. Опять — постель. 7.30 — Левит — на концерт. Зал «Аудиториум».

Концерт:

Прокофьев, «Ромео и Джульетта», вторая сюита из балета

Чайковский, Пятая симфония

Зал: бетонно-фанерная коробка. Блестящий «Ромео» (к сожалению, выскочил Кнеллера). Начало симфонии — каша 1-го такта... Выбит из колеи всей 1-й частью. Потом наладились. Большой успех. Норка с Мишей... (Но много пустых мест??) Аля забыла в зале платье... Левит. Чай.

11 июня (пт). Переезд в Испанию. Около 11-ти на машине в Барселону. Рона. Горизонт в горах. Равнина, виноградники. Жара. Обед с вином. Красавцы пограничники Испании. Седобородый шофер [Маноло], все знающий и понимающий. Около 7-ми гостиница. Захватывающая душа древнего духа улиц, домов Испании, кружева балконов, завесы из них. Встречает очередной «хозяин». Устроены мы в роскоши и щедрости: цветы, фрукты, подарок гойевских «Капричос». Долгая беседа. Ужин: «открытый счет»! Одни: раскладка. Алина потеря: забыла в Лионе ключики от чемодана. Тут же смастерила новый, который все открыл. <...>

12 июня (сб). Встали в 10 часов. Приход к Але приставленной к нам переводчицы [Виолетты]. Занимаемся после завтрака каждый в своей комнате (а их у нас 3!). <...> В четвертом часу отмененный обед (с Левитом *zusammen*!! [вместе]). После обеда с Левитом о ремонте Филармонии и Васильеве (?). В 5.30 Аля с Виолеттой ушли «походить».

Сиюю один в тишине. За окном — до горизонта чаша города: терракота Венеции. Над ней — бледная синева в дымке

Средиземного моря. На уровне нашего этажа (20!) носятся стрижи.

13 июня (вс). Вторичный «смертный» час пробуждения: сердце вот-вот остановится. Аля молчаливо помогает, моет меня. 11.15 — машина (начало концерта в 12 часов). Бодрящие слова шофера Манолы (!!). Платаны улиц.

Толпа у входа, пробиваемся к набитому, как в страшном сне, лифту. Духота... Поиски в тесноте коридоров дирижерской комнаты. Нежданно — легкость, пружинистость; *новости* в ауфтактах; *полный*, темный зев театра... Громовой успех, плачущая Образцова¹³, многие со слезами, восторги Альфонсо¹⁴, Манолы. В четвертом часу у нас обед с Андреем и Виолеттой. Аля в спальне спит. Внезапно Анта¹⁵ с переводчицей. Натянутость. Спасительная Аля. Ананас, чай. Сидели долго, перебирали балет, театр. Огорченный Андрей. Сумерки. Огни по горизонту и улицам.

14 июня (пн). В 9.30 подъехала Анта, укатили куда-то с Алей за «кожами». Я еще поспал. Встал поотдохнувший в 10. Сел, записал вчерашний день. Тихо. Слегка облачно. Мягкий гул улицы. В 12 Аля. Скоро Виолетта. Обед. До и после беседа о «вышних» делах. После я спал. Аля — укладка. Виолетта с книжкой. В 7 часов Маноло: чемоданы в Театр (пластинка и программка Маноле). Порт, взморье, сказочный ресторанчик. Вино. Красавец хозяин. Легли — *любовь!* В пути восторги Али.

15 июня (вт). Утро неторопливо. Но сердце неважно. После завтрака занялся укладкой чемодана¹⁶. В средней комнате опять в дрему. Слабость, жарко, душно. Звонок Анты: «консультация» по отлету и по «bis»... Левит с рассказами успехов. <...> Зашла Виолетта. Ненадолго. Чаек вдвоем в 1 час. Аля — занятия, я на диване у окошка. В 3 обед.

В 8 часов «факино» Маноло — и на вокзал. В 9 час. уже в блестящем чистотой, удобством и постелями «дубль-купе». Минеральная вода <...>.

В 10 тронулись. Тряское полотно: чувствую горы и подъемы. Долго не спал. Торможения поезда, остановки... Кое-как уснул, закрывшись с головой. Вижу Алю — стоит спиной ко мне. Утром: холмы, маки, тучи.

16 июня (ср). 8.30 — *Мадрид*. Гигантский вокзал — город. Роскошь улиц, неописуемых зданий, могучего роскошного тока жизни, красоты памятников, изобилия. В вестибюле «Палас-отеля» приветствует директор: вспышка съемки. Княжеские апартаменты, цветы и письмо помощницы Альфонса. Сверхание ванной, необъятные постели. Завтрак вчетвером. Сплю. Потом с книгой о Вагнере; Аля занимается, непрерыв-

ный зуд Левита вокруг нее (?!). 5—8 я — с *французской книгой (!) о Вагнере*. Девочки в городе. *Теленочек!* [Подарок]. Торчал Левит. Футбол по телевизору. Легли около 11-ти.

17 июня (чт). Около 11-ти встали. С 12 до 3 девочки «в городе». Я — за партитурами (?!). Потом с вагнеровскими книгами. Подарки Алены: теленочек, кораблик; от Виолетты — гребенка. Обед с вином. Появление Левита: берет опять машину. Мы — в Прадо на часок («бунинское» в Гойе, Эль Греко «Иеремия»). Дома долго в вестибюле с Андреем: жуем уголовщину «руководства». В 9-м часу у нас, с Левитом: не то злобным, не то смущенным. Очень издергались нервы за вечер. Аля — понимающая и не сердится. Спим.

18 июня (пт). Мадрид. Зал «Реал».

Концерт:

Прокофьев, «Ромео и Джульетта»

Чайковский, Пятая симфония

Целый день с перерывами на завтрак и обед (в 1.15) и «зарядки» чемодана лежали, но без сна. Аля «стирала» меня в ванной. Тревога моя и неуверенность... В 7.30 — в зал. Хорошие «кулисы» и комната мне. Переполненный партер, ярусы, галерка. *Неимоверный* успех. Масса автографов, посол. <...> Ужин у нас. Изобилие вина. Левит, Боря, Андрей. <...> Подарок: книги от Альфонсо.

19 июня (сб). Проснулся с горьким осадком от стычки Али и Левита, заслонившей даже *событие* вечера. Не удалось смолчать: головная боль Али... Укладка все утро. В 3 часа исчезновение Левита и ожидание его. В 4 часа все ушли «в город». Я — на кушетке в ногах кроватей, сплю. Потом смотрел футбол. <...> Алена — доукладка. Общий чай с «ветчинками»; в 9 отъезд на вокзал. (Что-то мне было идти худо.) Сумерки; один в купе. В своем. Алена — поэмы об Японии. В 10.40 тронулись.

20 июня (вс). Как в прошлый раз, в поезде долго не спал: потряхивало, приостановки, торможения. В 7 часов встал, умылся горячей водичей. За окном холмистые скалы, увалы в сплошных рядах маслинных деревьев. Поля спелых овсов; пахота на мулах. Изобилие. Солнечная земля.

В 8 часов — *Гранада*. Маноло. Гостиница — резиденция королей (?). Испанская рукотворная старина. Налитой тенью парк. За решетками окон — розы, пирамидальные тополя, бассейны с рыбками, стрекозы. Носятся стрижи. Из бассейна под нашим окном чье-то нежное урчание, посвисты дроздов. Около полудня — отдаленный благовест. Вдалеке свечи кипарисов кладбища. На вершине горы белеет мавританское строение, опоясанное оградой. Почти весь день бродим,

сидим, дышим в невероятном блаженстве тишины солнечного рая земли благословенной. Обед в малолюдном прохладном ресторане отеля.

К вечеру вызвали Левита: продолжение «войны» с его жульничеством в планировке будущих дней. После нее Аля спаслась на 1 час с Маноло в горы. С 9 до 10 Аля позанималась. Я — рядышком с книгой Уэльса. Аля — в ванной. Долгая беседа в постелях. Тихое кваканье лягушек, явно адресованное Алене.

21 июня (пн). Встали в 10. Скатерть-самобранка, завтрак. (Тут же шпионский нос Левита. Его допрос об окне у нас ночью ?!). Девочки ушли в сад. Я с 11.30 до 2-х с партитурами. Нашел девочек в тени акаций (долго плутал по коридорам и покоям отеля в поисках выхода). Обед вдвоем. По-вчерашнему день затоплен солнцем, молчанием и легким дыханием земли и деревьев. После обеда Аля и Виолетта уехали «в город». Я — часок поспал, потом записал деньки. Сейчас 5.30. За окном — молчание озаренного предвечерья.

22 июня (вт). В 10 завтрак; вдвоем с Виолеттой в саду до обеда. (До сада Аля занималась, а я сладко спал.) Обед в 3.30. Подходил очаровательный Фернандес. В 6 звонок Бори насчет «особых» условий зала эстрады: отсутствие крыши. Смятение, отключенность от «дела». 9.45 — на концерт.

Зал дворца «Альгамбра», начало в 22 часа 30 минут.

Прокофьев, «Ромео и Джульетта», вторая сюита из балета

Чайковский, Пятая симфония

Рогатки... Множество полиции, вспышка-молния при входе. Ад кулис, Борин «васисдас». Сквозняк...

«Ромео» очень хорошо. Пятая — надежная. После концерта явление Мидори! Пришли в 1 час ночи — бутылочка, сыры, чай; Але — молоко; убрались; легли в 3 часа.

23 июня (ср). Поздно встали; в 11 час. завтрак. В саду. Пришла Анта, Левит и Боря. Тащили на завтра Алю в город на «фабрику». В 3 часа обед у японца, Мидори. Девочки — в городе. Вернулись лишь в 8-м часу. Забрали меня и посетили горы, «трон мавра»; белый городской центр, Колумб, улочки, парк! Дома [в гостинице] ужинали в ресторане.

24 июня (чт). Осеннее утро. Окружающее воплотилось в грезы, и я вошел в них. (Окно, горы, солнце, решетка окна, молчание утра.) Перед обедом вторжение «живых демонов Гойи». Девочки — недалеко, в лавочки. Мы с Левитом — бутылочка вина. В 8 часов девочки дома. В 9 вечера — подарки. Вечером ужин опять у японца. Дама подошедшая. Ее рука в молчании...

25 июня (пт). В саду. Поливка. Аля «ведет» меня на обед по лабиринту. Появление Левита. Один с «Прадо»¹⁷. Девочки — в город. Уезжающий Левит. В 8.10 девочки вернулись с множеством пакетов. В 9 Левит уехал «на Маноло» в Мадрид. Мы вдвоем с Алей. Аля — разбирается, «сюрприз» (9 час.). Вскоре вернулась Мидори. Виолетта ушла. Мидори — до 12-ти. Проводы ее; дворик, фонари; молодой месяц, кисы, чета лягушек; ящерки; мышки. И потом сидели среди ночных аркад дворика в тишине и тесной близости былого и... будущего.

26 июня (сб). После завтрака — с девочками в сад. Прохладно в тени облака. Навещал нас там очаровательный Фернандес. Благодарил Алю за «культурное обогащение». Обед «на воле» среди белых столиков. Лепной мох кипарисов в чистом небе. Водочка... С 5 до 7-го часа я дома в дреме, потом на телевизоре (скачки). Там меня нашла Аля. Все четвером смотрели фильм о Мантуе (!!), архитектуре, живописи (художник Мантенья!!). В 9 часов дома. Мидори — к себе укладываться. Мы с Виолеттой — чай. Ушла. Аля делает постели. По пути вспомнили и заполнили «белые места» записей дней. В 11-м часу Мидори вернулась. Звонил из Мадрида Левит. Оркестр улетел.

27 июня (вс). 10.30 «на Маноло» — в Мадрид. Покидаем свой рай из цветов и долов. Провожает Фернандес. Сквозь знакомые улочки — в поля. Окружают мягкие очертания гор, извилистые долины. Влетаем и ныряем среди них. Склоны, стеганные рядами олив. Внизу — до белизны спелые колосья, изумруд виноградников, хлопка. Дали врезаны гребнями драконов. Воздух так чист, что горизонт нигде не слит в плоскости, наплывает живыми волнами. Могучие разломы скал, красно-рыжих склонов. Далеко внизу полоска железнодорожных путей. Серпантин. Мотели, белые домики. Силуэты быков, домик, повозка Дон Кихота и Санчо Пансы. Туннели. 4-й час пути — обед.

Очень жарко. Отклоняемся на *Тоledo* по тайному указанию Али. Тоledo — гигантское полукружие зданий, подобных скалам. Массивы скал, подобных пропасти. В невиданной синеве неба — шпили монастыря, домик *Эль Греко*... Под ногами у нас — глубокое ущелье и темная синь реки, окружающей город.

В *Мадрид* приезжаем к вечеру. Аля вся в счастье. Я, не смотря на усталость, в потрясении от виденного. Долгое ожидание Левита. Номер получаем «свой». Очередная книга о Вагнере от Альфонсо.

Левит. Я — в отчаянии от предстоящего завтра визита к послу; надо выручать «административную группу». Решили

с Алей: надо. Весь вечер с Мидори и Виолеттой. Ложимся в знакомом уголке.

28 июня (пн). Укладка в отъезд. Аля одолевает полчище пакетов, чемоданов. Девочки все — в город. Бреюсь, «наряжаюсь» в костюм. Сижу, жду. В 12.30 Левит и советник посла. Медленное петляние в потоке машин. Жарища. Загородное уединение тенистой резиденции посла. Он, как и после концертов, умен, обаятелен. Я обласкан им сверх всякой меры и обычности (территория сада, бюст жены, подарок нам, вино). Дома с Левитом бутылочку распили. Девочки. Обед. Левит с деньгами в посольство.

В 6.30 — на поезд. Альфонсо и его предложения: «solo» с ЗКР, с англичанами (!!). 7.40 отход поезда. На перроне Виолетта, почти плачущая, родной до слез Маноло, прелестный Альфонсо.

Купе тесное, неудобное. Поезд довольно ровно идет, но тревожат виражи, и свист, и вой где-то в колесах. Левит один с вещами; мы вдвоем; Алена наверху, отдельное купе с вещами; Мидори долго сидела. Ушла в свой вагон. Постели удобные, мягкие.

29 июня (вт). Встал, умылся в 7-м часу. Стук проводника в 7. Алешины ноги показались сверху. В 8.40 — *Париж*. Посольский флегматик, но машин две (!). Номер 4638 — 4-й этаж. Хороший двойной номер и хорошая обслуга: завтрак почти сразу. Девочки улизнули от Левита в город, оставили его «охранять» меня. Я — лег спать. Встав, съел булку с молоком, записал дни. В 4-м часу ввалился Левит — прервал. Смотрели с ним теннис. Я изловчился, записал дни до сих пор. Шумит проливной дождь!

В 5-м часу девочки с закупками провизии на дорогу и в Усть-Нарву (!). Алена — довольная. Обед вчетвером. Левит сразу «в город», вслед за ним и Аля с Мидори (вкладывать деньги...). Было 6 часов. Смотрел футбол (Аргентина — Италия). Вечером — фильм (красавец папа с сыном). Аля и Мидори лежат в спальней. «Столик, накройся» — ужин.

30 июня (ср). Мы с Алей *вместе...* Левит — на Монмартр. Велел не ждать к обеду. Поэтому звоним Норке и Мише! Их приход и горячая радость и слезы. (Книга кискот). Втроем с Мидори обед в блестящем кафе (мне стаканчик белого вина). Аля и Мидори ушли к портье¹⁸.

Один в немногочисленном, деловом коловращении огромного фойе. Невдалеке — «Незнамка». Рывок «былого» (Тарасова).

Прошел Левит «по нашим следам». В 6 — отъезд. Долго нет носильщиков и машины. В 7.40 — поезд на Москву. Русские

проводники, хороший вагон и купе. Быстрый, ровный ход поезда... на восток.

1 июля (чт). Долгий сон. Ночью всякие контроли. День у окна. Польские хлеба и безлюдье. В полночь Брест. С багажом все хорошо.

2 июля (пт). Укладка, завтрак Алиными припасами. Окно залито косым дождем. Небо обложное. Перелески, частые болотички. 3.15 — Москва. Марина, Паля, семья Андрея, Саша. К Марине налегке. Родные, редкостные люди. Вскоре и Андрей. (Планы). Около 11 на вокзал. Гроза, ливень. Куликов¹⁹. 11.55 — отбыли.

3 июля (сб). 8.20 — Ленинград и дома.

Усть-Нарва

1 сентября (ср). Але на хозяйство — 120 р. Деньги в бумажнике кончились. Начал пачку: 1064 р.

Встали — и сразу на горку. Чудесное появление пришедшей пешком (!) Анны Максимовны. В 2 часа протопил печку. После обеда Аля занималась *целый час*. Мы с Копом: сначала на скамейке на горке, потом... с графином, заедая жареной колбасой у Фиры. В это время на веранде Аля *приняла первый сеанс массажа*. Смеркается, зябко, но тихо.

2 сентября (чт). 11.45 Аля — на процедуры. Фира тоже с ней в город. Около 2-х вернулись. Я это время попытался восстанавливать Шестую Бетховена. После перерыва по просьбе Али прокрутил Брамса. Плынут редкие тяжелые тучи, прорываются потоки холодного слепящего солнца. Около 7-ми массажистка: поставила парафин и ушла. В 8 часов Аля *взялась за флейту*. Вечером — ужин, Коп вынес наши ведра, я — с томиком Короленко, Аля с «трудом» Фомина о моей персоне.

3 сентября (пт). Вялость, слабость. После завтрака принес дрова и лег спать. Аля затопила. Сквозь сон — треск огня. С 1 до 2-х *вторая половина Шестой Бетховена*: мало... Аля предложила проиграть Брамса, что и сделали. Около 3-х Аля с Фирой — в магазин. В 4 — поздний обед. Я опять — в неудержимый сон.

В 6-м часу Копель вытащил меня в лес. Золотые брызги низкого солнца, горящие на стволах сосен. Сперва еле шагал, понемногу раздышался. Дома; Аля с парафином уже после массажа. Вскоре *взялась за флейту*. Коп у меня. Вечером с Алей долгая горестная беседа о ее муках с рукой.

4 сентября (сб). Ночью, в 6-м часу, шквальный ветер, буря, грохот ливня с градом. Встали вовремя. Все сделали... Алена

протопила печку. Пришла и прибрала комнаты Шура. Явился Вася (кот), много позже — пропадающая по ночам Катя.

Копель погромыхивает с Яшей на крыше: наводит порядок после бури. Я — с 11 до 2-х занимался Первой симфонией Бетховена. «Напомнил» себе ее всю. Без особых мук.

Приехал Коля Ефимов. Обедали, Аля довольно весело кормила, сели с Колей в домино, пришла массажистка. Непрерывно шелестит дождик, небо высокое и непроглядное... Коля сидел допоздна. Уехал в темноту. Весь наш вечер был занят поисками выхода из трагедии с Алиной рукой...

5 сентября (вс). Утро, посвященное горестным размышлениям и разговору о судьбе Алиной лапоньки. Горе-то какое, Господи?! Съездили с Алей в «Ранну». Обедали у Копеля и Фиры (картофельные оладьи и грибной суп).

Массажистка у Али; я — в сне. После парафина — прогон Брамса в присутствии Копелей. Вечером у Копеля — камин (с водкой). Я ушел домой, а Аля долго еще сидела у них: всё разбирали положение с рукой Али, Фира анализировала снимки, возмущалась «портачеством».

6 сентября (пн). Пробуждение — «послеводочное»... и мученические Алины глаза. В 12-м часу приехал Боря Никитин. Сидел до 5-ти, обедал. Вели с ним невеселые разговоры... Аля уезжала с 12 до 3-х в Нарву на физиотерапию. В 6 часов массажистка и парафин. С Алей: очередные «итоги» сегодняшнего дня ее руки... неутешительно все. Сердце разламывается... Лежит, читает письмо тети Вали. С ней — Катя.

7 сентября (вт). Встали не рано. Заготовка обеда. К 2-м «на Сашке» приехал Фомин. Его новости: велено «снизить» тон книги об оркестре (!), снять при имени Шостаковича слово «великий»?!. «Впечатления» о Левите. В 5 часов уехал.

На смену ему Коля: привез и пошел ставить новый аккумулятор на машину Али. Аля готовит парафин. В 6 часов — массажистка и парафин. Потом поездка — проверка аккумулятора. Дома ужин вдвоем с бутылкой приличного вина. Долгое обсуждение проблемы моего архива и его и моей «ценности» (!).

8 сентября (ср). Ночью тяжелые боли руки и горестное смятение и терпение Али. Сидел около. Пришли кошки. (Наметили обратиться к Богданову.) Завтрак, уборка кухни, я принес дрова, топка печки (топила Аля). Аля после 12-ти часов с флейтой. Я подремал. Сходил в лавку. Холодьюга... Лавка (молоко, масло, колбаса, сыр, сметана — 5 р.). Массаж, парафин. Рука очень тревожит — ноет. Около 7-ми трудные сборы к Пигулевским. Алена с трудом одевается... Вечер на ужине у Пигулевских.

9 сентября (чт). Вчера [Аля] приняла димедрол. Ночь спала. Проснулась выспанная. Встали поздно (массировалась). После завтрака я лег поспать. Аля принесла дрова и топила. Села с флейтой. Через силу.

Дожди. Гроза. Сажу у своего «диванного» окна, смотрю в «заказник». После обеда легла на мою постель, почитала. В 6-м часу Евгения Ивановна с грибами. Массаж, парафин (долго остывал). Я вышел вокруг домика. Постучался к Але в окошко.

Плывут, громоздятся белоснежные редкие тучи. Сумерки. Фира и Коп — у Колкерова: смотрели принесенные ими грибы. Потом Алина грибная солянка. Копеля у нас вечер. Легли тихо.

10 сентября (пт). Тяжкое пробуждение Али в 7 часов утра из-за боли. Анальгин. Проспала до 11. Опять обсуждение вариантов руки: когда ехать к Богданову и когда уезжать отсюда? Аля в очень тяжелом состоянии. Я в отчаянии: беда-то какая!! Каждый миг она возникает заново... После завтрака в синеве и солнце сияющего прозрачного осеннего дня под верандой. Рука тяжелая, болит... бросаемся оба от одного проекта к другому, от ласки к обоюдному раздражению.

А около нас бабочка, стрекоза порхают у стены. И тепло. И чисто... После обеда Аля съездила в «Ранну», кой-что купила из провизии. Вся накаленная, мечущаяся... но приехала немножко стихшая и близкая. В 6 часов на веранде, в ярких солнечных косых пятнах. Массаж. Но к вечеру сильно холодает. В 7 часов протопил печку. Заходил Болотин к Але, а у соседей неожиданно прибыли Боб, Муся, Стаська. 7.45 — Аля с флейтой. Вечер с Гуревичами. Пришел поздороваться и пригласить к себе на рождение неизменно красивый, тихий и почти не стареющий Олег.

11 сентября (сб). К матушке. Нету: на могилке. Вскоре пришла. Условились на завтра. От нее на море. Сильный западный ветер. Чистота, свет, простор. Но Аля нервничает от ветра. Вышли на Айю. От матушкиных ворот — к Синёвым. Долго сидели вокруг теплицы, много говорили о несчастье у Павловых... И главным образом об Алиной руке. Дома массаж. Во время парафина — Коля Ефимов ненадолго. Съездил за лимонадом, ему 6 руб.

Ужинали у Волчонков по случаю присуждения Бобу ученой степени (проба сырых рыжиков...).

12 сентября (вс). День Александра Невского: к 12-ти в церковь. Молебен, панихида по батюшке (мое видение его: борода, черная ряса, наперсный крест). «Благословен еси Господи! Научи мя оправданиям Твоим!».

Пигулевские, Серафима Сергеевна. На машине с матушкой и Аней — на могилку отца Александра. Отвезли их домой; вернувшись к себе, сидели на солнышке и к 5-ти вновь к ним. Малочисленная, но обильная застольца: появление внуков матушки. Сижу «часок» в кресле у окна, где сиживал отец Александр в последнее свое лето... Образ Спасителя, лампадка, Серафим Саровский. Вот и надо мной все это нависло совсем близехонько... «Научи мя оправданиям твоим...»

К вечеру боли в руке. Беспокойство у кошек: Катька все ищет «гнездо». Матушке — 50 р. Отчаяние...

13 сентября (пт). Поздно встали. Солнце. Но тучи. Надо что-то предпринять... но не могу двинуться — ни в смысле партитур, ни укладки. Аля тоже на пределе. Но я дремлю до обеда, а Аля все-таки что-то мастерит. Разморозила холодильник! Звонил в Филармонию в связи с записью «Дон Кихота». Заглядывала прелестная дочка доктора Воробьева, сочувствовала, ужасалась... После обеда вдвоем в сберкассу и «Ранну». В 6 час. — массажистка. До 7.30 — парафин. 7.45 — за флейту... Я — с Короленко. Вечером ненадолго к Копелям: о завтрашнем посещении Олега.

14 сентября (вт). Проснулся после завтрака на своем диване. Потрескивают в печке дрова. Тихонечко звучит из спальни флейта. *У Али сегодня благополучная ночь.* Сейчас 2 часа. День молчаливый, холодный, одетый медленным пологом серых туч. Вечером — на дне рождения Олега и мой там дебош...

15 сентября (ср). День ужаса от содеянного.

16 сентября (чт). Утром Катя родила шестерых котят. Аля хотела завтра в Ленинград, но отменила: не в состоянии.

17 сентября (пт). До обеда вдвоем у дровяного сарая на солнце. В предвечерье — на горке. Алина беседа с соседкой старушкой и искреннее горевание последней при виде Алиной руки.

18 сентября (вт). Але за подарок Олегу плюс Але на хозяйство — 150 р.

21 мая (сб). Возвращение из поездки в Испанию.

30 мая (пн). Переезд в клинику.

3, 4, 5 июня — передачи обо мне¹.

10 июня (пт). Возвращение домой.

12 июня (вс). Отъезд в Усть-Нарву.

Лето. Усть-Нарва

23 июня (чт). День матушки (вечер у нее: Веня с семьей).

24 июня (пт). Вечер: «Кармен» (Караян).

25 июня (сб). *День поминовения родителей.* 11.30—1.30 — в церкви. Рынок. Дождик. После обеда — с «Церковным календарем» и «Дворянским гнездом» Тургенева. Аля вечером — в бане. Вечером Алена вслух читала молитвенничек отца Александра (заповеди!).

26 июня (вс). В 12-м часу в церковь. Многолюдно и как-то суетливо. (Столик, уставленный приношениями почившим.) На Величании — конец службы: коленопреклонение всего храма: «Царю небесный...» Серафима Сергеевна у окна, Пигулевский на скамеечке. После службы впервые на море. Счастье наконец увиденных и обнявших нас ветра, шума прибоя, криков чаек. Появление Коли Ефимова: тоже радость. Был у нас весь день. После обеда спали. В сумерках он читал вслух батюшкин Молитвослов. До этого долгая беседа Али на «всякие» темы. Сидели у кленика. Катя поймала мышку.

27 июня (пн). *Первая вылазка пешком;* ветрено, солнечно. Лидию Александровну не застали. От нее — рекой — посмотреть, как нынче перевоз (доступен ли). Долго были у лодок. Причал хороший, можно будет воспользоваться. В начале пути болело очень и пухло сердце. Но к концу шло все легче и легче. <...> После обеденного сна отвезли матушке «Вестник», и Аля зашла в библиотеку («Том Сойер»!). Дома — Аля с флейтой, я записал день. *Опять беспощадно замногословил!..* В 8 часов — Алина Машенька².

28 июня (вт). Ночью — дождь. Утро серое. Эстрин с подарком. Я — у себя с «Томом Сойером», Аля на верандешивает на мои кофты «локотки». К вечеру в Нарву: аптека, бензин. Цветет липа; многочисленные яркие островки кипрея <...> в полном цвету уже темнеющий рябинник.

29 июня (ср). До обеда у сарая. Жаркое слепящее солнце, но от свинцового полога на горизонте и медленных туч веет холодом. После обеда <...> к матушке — условиться о Пюхтице на завтра. На шее матушки белый платок от комаров. Прохладный дух земли с огорода. На море (впервые нынче): пахнувшая влажная тишь, еле слышное журанье, всплески, чайки, хватающие кусочки булки, брошенные Алей. Серафима Сергеевна с дамами.

Полосы тающих облаков. Вечером Аля с «Импрессионистами»; я — с «Томом Сойером».

30 июня (чт). День Куремяз. Мытье ног, стрижка (Аля), бритье. После завтрака дрема. Запись вчерашнего дня. В 4 часа были у матушки, с ней и Аней — в Куремяз. В 5 часов — прибыли. Матушка отпирает тяжелые ворота. Безлюдно. Через дубовую рощу — к Шаховским. Вокруг домовая церковка и к собору. Стройный негромкий женский хор.

Хлопотами Антонины Матвеевны предупредительная монашка принесла стул и табуретки. Неловко как-то, но сажусь. Появление матушки Варвары в мантии, ее приветствие, ласковая уважительность; слепящие лучи солнца на нимбах икон, темное золото трепетных огоньков свечей. Долгая служба. До 9-ти. Приглашение матушки на ужин. Вслед за Алей — прикладываюсь. При выходе из храма матушка Георгия: «Матушка просит». Матушкины покои. Сонмы ликов икон. Портреты отца Иоанна [Кроуштадтского]. Беседы об общих знакомых, матушке Силуане, отце Петре, Марии Ефимовне, Лидии Сергеевне. Ужин. Все свое: и овощи, и творог, и сливки. О задачах. Беседа, как в раю, но очень устал, преодолеваю оковы (своего) недостойинства. Оказывается, Серафим Саровский, которого привез Коля, — «подарок обители». Матушка — почти как чудо. Ее напутственные слова мне на пороге, когда уходили, и медленно благословляющая нас вослед ее рука... (в легких сумерках).

1 июля (пт). 19-я годовщина со смерти Инны. Сегодня утром в монастыре служат по ней панихиду, заказанную вчера Алей. Сегодня с утра до самого обеда все, втроем с Катей, сидели под нашей верандой. День золотой, теплый, в легких невысоких облаках. Пришла Шура убирать. Я после обеда попытался записать вчерашний день, который, кажется, и не кончался вовсе, а продолжает длиться и сегодня в невидимом присутствии всех и всего бывшего в нем... 6 часов. Аля повезла в Нарву Шуру с бельем. Вчера точно в этот час началась в монастыре служба...

По возвращении Аля наводила порядок в своей вновь купленной столярной технике.

2 июля (сб). Солнечная благодать. После завтрака с Фирой на «наш» рынок за ягодами. Толчея машин, тучи дачников. Аля готовит обед. (Пшеничную кашку!!) Сидим в тени клена у веранды. После обеда полежали и надолго потом устроились у забора, где мальвы. (Погоня ворон за соколом.) Беседы: о кленике; Аля — о былых поездках 70-х годов, о моем одиночестве здесь без нее у Веры Михайловны, ее телеграмма мне к 4-му июня в 68-м году, ее житье у Эмми³ в Милане; о белом ведре с букетом черемухи, приготовленным мной Але на встречу (оба возвращались в Ленинград в одно число).

Вокруг нас вся лужайка в головках белого клевера, подрагивающих под тяжестью пчелок. По своему проспекту на заборе пришла Катя. Все втроем перебрались в «заповедник». Нежная пятнистость вечернего солнышка на травах и стволах сосен. Телефон: Галина Даниловна⁴. Аля — в постельке, я тоже готовлюсь лечь. *Большая беседа* началась с огорчения нашим неведением всего духовного мира... (гимназия, ограничивающаяся Катехизисом), потом перешли на Алины прозрения... о религии, Святой Троице, непорочном зачатии, о Духе Святом (Аля) и о Духе Истины (я). «Пошлю Вам Утешителя». О разнице между наукой (расчленение) и религией (единение, соборность).

3 июля (вс). СИМБА⁵.

Солнечно, но холодно. Сидим дома. Нет-нет да сожмется сердце: Аля вечером поедет в город... Аля со Стасиком у сарая; я — с записью вчерашнего дня. Аля на веранде гладит. В доме тишина полная... (Заходил С. Болотин.) В 7 часов вечера Аля уехала в Ленинград: экзамены в Консерватории. А в 10 часов вечера уже звонила из дома!

4 июля (пт). Вопреки ожиданию крепко и непробудно спал всю ночь. Завтрак у Фиры (гречневая каша). Утром моросит. Накормил мясом Катю. Очень свежо. Дремал, читал «Тома Сойера», в 3 обед у Фиры. Дрема. Незаметно начинает посаживать ожидание Али. Ужин у Волчонков. Но уже сумерки, а Али все нету. Решили позвонить — подошел дядя Юра: выехала в 9 часов. Сел на веранде, чтоб видеть подъезд к гаражам. В 12 часов бледно-розовый отсвет, быстрые световые мечи фар — и встала белая Алина машина. Бежим, несемся: с одной стороны — я, с другой ликующая, выкинувшая хвост как знамя — Катерина. Из машины — Аля и тетя Валя! Ужин. Вкратце о событиях в Ленинграде. Постели. Тетя Валя — на веранде. Покой, все на местах, *слава Богу*, сон...

5 июля (вт). Сияющее утро, но очень свежий ветер. Тем не менее долго сидели в «заповеднике» у скамеечки. Тетя Валя очень довольная, все ей нравится. После обеда и после сна

я — с привезенной Алей чудесной книгой о животных. Копель сияющий: получил сборник иллюстраций Дали. Аля повезла тетю Валю показывать Нарву. Я остался с книгой: не оторваться. День пронесся как сон: уже 8.30 вечера.

6 июля (ср). День провели дома. Солнечно, но холодный ветер. Сидели у сарая и у нашей клеверной лужайки у «бас-сейна».

7 июля (чт). *Иванов день*. Утром серо, очень свежо. Потом солнышко, но ветрено. Церковь. «Избави от зла», «избави от лукавого». Малолюдно. Тихо. «Верую...» «Отче наш...» (*Вяение Благодати*). Серафимы Сергеевны не было. Свет тети Валиного лица. *Причащение детей*.

Аля и Валя на рынок и вообще в «город», я — по морю к синёвской поворотке. С утра болит сердце. Но по ходу, на холодном ветру, боль стихает. Море — шумное, серое, гривастое. А вот и машина Али. Встреча с Синёвым у его оградки. Отдыхаю у санатория на скамейке. Скоро и Аля, и тетя Валя появились.

Газеты и *анекдотический* журнал «Музыкальная жизнь», где мы оба с Тишкой [Хренниковым] «обпразднованы» (!!?) *рядом!!*

После шикарного обеда Алена обрабатывала лососку, принесенную утром, потом «девочки» отдыхали в спальней, а я записал день (сейчас 6 часов 40 минут).

8 июля (пт). Жаркое утро. Утром тетя Валя одна гуляла по территории. 4.30 — в монастырь. Чудесная встреча со Стародубцевыми⁶; их машинка. Аля с ними к Шаховским. Я — в храм. Звон: благовест. Сел в *свой* уголок налево. Подходят монашки, приглашают на стулик почета. Не иду (?). Палладий подходит и всегда неподалеку. Смятение... Сомнения... Марина обняла, поцеловала. Перешел в притвор к двум монашкам под образ Божией Матери. Всю службу — там. Акафист. *Вход матушки*. Подошла: один ли я? Но не благословила... Склоняющийся платочек тети Вали. *Алена колено-преклоненная*. Тайна души ее... от меня.

10 часов были дома. Веранда: яичница, творог, монастырский хлеб. Занял у Копа коньяк. Марина осматривает дом, восторгается.

9 июля (сб). Все толпимся на кухне. Беда между Себой и Катей; обида и исчезновение Кати за горкой. Палладий побывал на море: ад! Аля приступила к варке традиционной лососевой ухи. (Себа — таксочка, путешествующая вместе с Мариной и Палладием.)

Тетя Валя, Аля, Марина и Палладий еще успели смотаться в Нарву, что-то купить. За столом 13 человек! После обеда

«Кармен» Караяна и мою «продукцию» тоже. <...> Улеглось в 1 час ночи. Я уже спал. <...>

С 3.VI.83 г. прочел: 1) Вейс «Возвышенное и земное», 2) Моэм «Луна и грош», 2а) Солоухин — Дмитрова. 3) М. Твен «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», 4) Тургенев «Дворянское гнездо», 5) Томик Честертона, 6) Р. Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

10 июля (вс). Втроем с тетей Валею в лесочке, потом в магазин на Карья. На обратном пути на шоссе сижу в машине один, пока Аля показывает реку и заречье тете Вале. Во 2-м часу отбыли Стародубцевы. В 4 часа обед. Аля и тетя Валя на горке. В 7 часов отбыла и тетя Валя «на Гуревичах». Уехала с великим нежеланием и печалью... Вечером Аля наводит в доме порядок и — в баню.

11 июля (пт). В доме тишина. День, замерший в солнечном зное. С утра до 1 часа дня записал запущенные дни. Аля на горке. Я — к ней. Наблюдали за летком земляных ос (еще вчера обнаружили гнездо: Алена наступила на него, и мы долго думали, что это пчелы, все они вылетели, гневно жужжа).

Аля — в лавку. Дома готовит обед. Катка где-то исчезает. После обеда сон и опять на горку. На тропке убиенная полевка. Катя наконец с нами, спит в траве, потом враспашку на скамейке. Блаженство летнего дня. Розоватые стволы сосен. Тончайшие качаются травинки, метелочки злаков золотятся в лучах предзакатного солнца на фоне затененных мест, подобные японским рисункам кончиком кисточки. На горке пируют чайки — подбирают булку, брошенную Алей. Вечереет. Веет прохладный ветерок. Вечером заезжали Кротовы.

12 июля (вт). Петров день. Сороченята. Белочка за окном. Встали поздно. После завтрака Аля на веранде за швейной машинкой — чинит очередной шезлонг. Коп носит ведрами воду, кого-то поливает. День вновь знойный, тихий. Мне чего-то очередно скорбно... Вспомнились Евгения Николаевна и Нина Сергеевна... И все что-то беспокоит. <...> Рассказ Али о тети Валиной беде с пропавшими (?) облигациями. <...> Вечером в молчании и тишине все вместе долго сидели и беседовали о том о сем.

13 июля (ср). Вновь жаркое, молчаливое утро. Но небо мутное. Аля и Фира в 12-м часу уехали на рынок в Нарву и сделали рентген Алиной ноги. Копель где-то копошится и стережет Стаську, я подремал и записал вчерашний день. <...> В 1 час помаленьку затягивает, пошел теплый, частый дождик, громыкнуло. Медленное приближение грозы. В 3 часа — дождь, раскаты в небе из края в край. Звонок Левита. Страш-

ная ссора с Алей из-за поездки в ФРГ... Вечер безмолвный, влажный, затянутый сплошным серым пологом туч.

14 июля (чт). Весь день почти без перерыва с «Дворянским гнездом» и заново висящей над головой проблемой поездок... Соседи всей колонией отбыли «на Кротове» в некое путешествие. <...> День, как ни странно, ясный, солнечный, дышащий свежестью. К вечеру прибыли Гуревичи. Аля читает легенды и индийские сказания о возникновении мира. Пересказывала мне многое; удивительная у нее головушка!

15 июля (пт). Аля отправилась готовить, я пошел на горку: оски во всю работают, в Алькиной «столовой» кормятся вороны, сороки, голубок. Видел 3-х скворцов: имею некоторые основания предполагать, что они собираются вторично вывести птенцов <...> Заметно раньше стало смеркаться. Алена с Катей долго провожали день в «заповеднике». Аля — на березовой «скамейке», Катя на тропке.

16 июля (сб). Серо. Сильный ветер, но не холодный, а плотный, «полевой». Все утро вместе на веранде. Аля устанавливает новую электрообогревалку, что-то доковыривает в шезлонге, разбирает гречу. Около 3-х приступила к стряпне. Я — «жую» Честертона, подремываю. Катя на крыльце. За окнами летает Алино птичье царство, переговариваются сороки. Пошел дождик. <...>

17 июля (вс). Собор Новгородских святых. Батя [отец Феодорит], как всегда, еле читает. Новый хор с голосистым диакonom. Антонины Матвеевны — не слышно. Ушли оба почти «пустые». «Авария» в машине в противоугонном устройстве. Аля около гаража очень долго читит. Мы с Катей около. Вороньи сообщения об этом по участкам. Под конец Катя — к Колкерам!⁷ <...> Звонили матушке о посещении собора завтра в Нарве.

18 июля (пн). Але приснилась мама Таня, огорченная, в ожидании. Сегодня — *День Сергия Радонежского*. И в Нарве служит в соборе о. Александр (из Пюхтицы). Поехали туда. Застали службу у бокового образа *Сергия*, мощно звучащий хор. Сажу один на скамье. Аля ставит свечечки. Редкие слезы благодати и горести... После службы Ант. Матв. сказала мне — приложиться. Встреча меня отцом Александром, его привет, объятия... его жена, его сын. Тут же начали служить кому-то молебен, и Але удалось заказать панихиду по маме Тане. Счастье Али при этом...

Заехали на рентген Али, и с матушкой — в Усть-Нарву. Там пошли на море. <...> Я бодро прошелся по морю без болей (!) в сердце. Обед у матушки, с окрошкой. Дома были в 4-м часу. Полежал. В 6.30 сел, записал дни. Аля в спаленке

занимается. Я — на горке и у сарая, у яблонь. (Спящая панорама; не шелохнет; чайки в поднебесье; стрижи.) Пирог черничный и ужин у Копелей.

19 июля (вт). Небо белесое, заволоченное. Сомнения о Пюхтице. Поехали на море. Тут — тускло, ветрище. Прошелся. Издали — комочек Алены на скамейке с белой точкой кепки. В 3-м часу домой.

Матушка с бабками с уборки церкви. <...> В 6 — звонок *Левита о Кнеллере*⁸. <...>

Дождь в тишине. Звенит в водосточных трубах воды. После чая Аля занимается.

20 июля (ср). В 6 часов... в Ленинград.

21 июля (чт). (*Казанская Божия Матерь*). В 4 часа — панихида (Ладья...).

В 6 часов 25 минут — домой в Усть-Нарву.

22 июля (пт). Ненастно; тучи; дожди. Звонок матушки: надо ехать, отвезти в Пюхтицу рыбу. Расстроился... Аля с Фирой в 11.30 в Нарву (Але — на рентген). Задерживаются. Волнуюсь. В 1 час вместе с матушкой — в Куремяз. В заулке за домиком. Матушка Варвара принять не может — «принимают». Трапеза у матушки Клавдии. Очень хочется мне к матушке Силуане, но настрой не тот. А над кладбищем взошла черно-сизая туча (будто гнев м. Силуаны на меня за этот «настрой»). У матушки дома (Ант. Матв.) окрошка и графинчик вопреки Алиному недовольству... Часов в 7 — дома. Фира одна. Коп на Чудском озере. <...>

23 июля (сб). Утро ясное, чистое, хоть и свежо. Оба отдохнули, встали без «ершения». Записал дни. На смену кипрею — *пижма*, бодяк огородный, донник, *много рябины рдеет*, бузина багровая. Аля на веранде чинит старый насос: японский так и пропал... Потом пришла ко мне на горку. Катя с нами. Около наших сосновые микроборики. <...> Вечером перед сном, зашторив окна, оба читали. Я — Солоухина, Аля — Патриаршую книгу.

Как с неба — гость: племянник Любови Дмитриевны и Марии Дмитриевны [из Тверской губ.], отец которого приютил нас с Л<ютиком> ненастной осенью (при отъезде в Ленинград) в Пестове (?!).

24 июля (вс). Аля в 11.30 на велосипеде на наш рынок за ягодами. Дома была в 12. Я — с Катей на горке. Пришел М. Эстрин. Сидели до самого обеда Фирино, куда приглашены на леща.

День благодный, в медленных тучах, плывущих с востока. После сна записал эти 2 дня, Аля с 6-ти пошла в спальню — заниматься.

Под окнами вдоль заборчика кустики мальвы в полном цвету, сплошь усеяны розовыми бантиками, как когда-то в *Блавском*... Аля и Фира «работают» над лососем; я посидел в спальней, полистал «Журнал патриархии». Права Аля, что так вникает в него все время. Уже 10.30 вечера. Легкие сумерки сгущаются. Аля и Фира обрабатывают уже второго лосося для Эстрина. А закончили дела около 1 часа.

25 июля (пн). Жарко, солнечно. *На море*. (Причалили у матушки). Аля — в «заулке», я — до «хохолка» и обратно; несмотря на жаркое солнце, ветер с холодком. Сердце — так себе. <...>

26 июля (вт). Небо в туманных облаках. Солнце пробивает их, но ветер по-вчерашнему холодный. Аля пошла заниматься, Стаська с корабликами, Фира и Муся готовят очередную «великую уху». Я с Копом под верандой (о болях в сердце). Потом — я в лес. Благодать его вглубь и вширь. Научился бороться боль сердца: надо медленно ходить... Облака редуют. Солнечно.

Невероятная Лукуллова трапеза... Аля весь день светлая и радующаяся всему. <...>

Вечер озаренный, теплый, безмолвный. *Саморастворение Природы*. (Детство, Средняя Подьяческая).

27 июля (ср). В 12-м часу в Куремяз. На кладбище и «в поля». Первая часовенка, ближний крест: «Монахиня Силуана и Н.». Открытые двери церкви: огоньки лампад, м. Серафима убирает. На скамеечке у могилы висит забытая Алина сумка. Сели в тени. В храме идет отпевание; отдаленный хор; панихида (!), редкий погребальный звон... Вот и свиделись, матушка Силуана... Проходила молодая монахиня, свела Алю на могилку тети Фени.

На обратном пути заехали на заглохшую дорожку к заброшенному хутору. Стены, брошенное добро, запах дымка, звонкость бревен еще хранят дыхание ушедшего. Вековая ель, береза, сосна, рябина стерегут его. Аля одна — в доме. Я — во ржи окружающего поля, в зное и безветрии, среди склоненных спелых колосьев. По дороге домой заехали к матушке. Нюра одна: Аля условилась с ней о завтрашнем дне. <...>

Потом под верандой: Лиля, Лия, Аля. Все ушли, кроме Лили, просидевшей весь вечер, погруженной в свои беды... Ночью проводили ее под залошный лай собак.

28 июля (чт). *День Владимира*. В 11 в церковь. Масса людей. Налетевшая на меня Ирина Шиголова и моя ей грубость. Дурнота, плохо с сердцем, чуть не упал... Отстал от крестного хода... Водичка окропления до меня не долетела. (Нильсен⁹, митрополит Алексей и его изможденное лицо.)

Отвезли Пигулевских домой. После обеда — сон. Ягодный кисель. Очень не хотелось ехать к матушке, но надо, и мы в 6 часов поехали. Были весь вечер одни: Варки не пришли, но, как всегда, в доме отца Александра и матушки тепло, легко, любовно и вкусно. Мы с Антониной Матвеевной и Нюрой опустошили целую бутылку, но без дурных последствий. Дома застали Копу и Мусю, красящих гаражи. Сел под верандой и до глубоких сумерек проспал в шезлонге под звон ведер Копелевой поливки.

30 июля (сб). В 7 часов и весь вечер — весь святой, почти светящийся Нильсен. По темноте и мокроте свезли его на уже почти ночную Айю.

31 июля (вс). День солнечный, с очень холодным ветром. <...> В 4 часа — за матушкой и в монастырь. Частые гряды облаков. На скамье. Холодно спине. В 6 часов всенощная. У Серафима и у Божией Матери. Священство. Митрополит. Свечи. Хоры. Акафист. Аля исчезла в совершающемся. Сажу на скамье в углу налево. По знаку Анички встаю. Служба до 10-ти. Посидел на улице, опять замерз. Вера Федоровна. Аля все нет: пошла к миропомазанию.

Солнце по краю земли. Закат. Дома были в 11.30. Темно. Коп у входа. Еле добрал: очень изнемог...

1 августа (пн). Встали поздно. Солнце. <...> Вот и август опять. Господи, прости, До 12-ти записал дни. <...> С 12 до 3 с Алей на горке. Как всегда, я был не прав вчера в храме в отношении «исчезновений» Али. Долгий и подробный рассказ ее о служении, об ее участии в *действии*(!), об обороне монахинь...

Присутствие Эстрина... Допоздна пили коньяк...

2 августа (вт). *Первый райский день*. Базар, ягоды, на море у водички на стульчиках. <...> Небо чуть мутное. <...>

3 августа (ср). С 12 час. на море. Вновь солнечная благодать, теплынь, тишина, южный ветерок. <...> В час прошел почти до «Норуса». Благодать, Господи. Шел легко и крепко. Сердце молчало (!!). <...> В 3 часа — на пирогах у матушки. Как всегда, хорошо и глубоко по-родному. Только во мне нет-нет да тяжело шевельнется комок тревоги... Очень жарко у матушки, пришли распаренные. Переоделся. <...> Мы с Аленой — чай с ягодами. Я — сел записал дни, Аля в спальной занимается. Сейчас 9.30 вечера (чтение Баха!!). С Копом и Фирой на крыльце. Зеленое ночное небо над закатом.

NB: Аля, идя мимо жасмина: «За что так хорошо?? За горе прошлого? Или в счет будущей расплаты??» <...>

15 августа (пн). *Первый раз* начал занятия: прогон Пятнадцатой симфонии Шостаковича на проигрывателе. До обеда Аля

терпеливо учит меня управляться с ним: подзабыл. День мрачный, в перемежающихся дождиках. Холодно. <...>

16 августа (вт). Второй день занятий: «внедрение» в Пятнадцатую; прослушивание также «Поездки по Рейну».

После обеда Аля уехала с Норкой заправляться. Пришла мокрая Катя: облажное небо, целый день дожди. <...>

20 августа (сб). Приехал Андрей [Золотов]. <...> На веранде с бутылкой вина.

21 августа (вс). Гигантские монологи Андрея на диване о моем и его будущем (!) — уходить или нет и т. д. Обед. Опять вино. Пришла Лиля. Прослушивание «Оберона» и «Неоконченной». В 9.30 Аля повезла Андрея на вокзал. <...>

28 августа (вс). В 4 мы с Алей у матушки на обеде. В густых сумерках у нашего гаража нас ждут Петер Лилье и Алин ученик-флейтист¹⁰.

Лето. Усть-Нарва

8 июня (вс). 2.30 — выехали в Усть-Нарву. 5.30 — прибыли. Солнце, холодок. Запах печного тепла в домике, умытом, прибранном.

9 июня (пн). Первый Алин выезд на разведку. Попала прямо в пасть к ГАИ.

10 июня (вт). Хожение по мукам в ГАИ. Прием и потрясающие почести у начальника (!) [Василия Ивановича Корнейчука] в кабинете. «Прощение» Алены, кара ограничилась 20-ю рублями (!).

11 июня (ср). После завтрака на горке у сваленной сосны. Прибытие Волчат. Чук! [такса]. Ростки черныбыльника, две липки-самосейки у гаража.

12 июня (чт). Вознесение. Скамеечка квадратом в сосняке. Мотя, Пигулевский, Надя. Матушка одна: ее маленькое, усохшее личико. (О многих ушедших, о болезнях и старости; жена Моти, Аня... даже Пигулевский говорит о «сроках», недугах Зои Ивановны...)

Вечером на вокзал за Мусиными розами к «вагону № 6». Оттуда к Мельникову С. А. по машинным делам.

Предвечерняя ясность бескрайнего водного простора. Хохолки куги [тростника]. Тишь, благодать.

13 июня (пт). У Волчат гости: Миша и Наташа с дочкой [Эстрины]. Авария с антенной. Переполох, прибытие ремонтных дядек. Рензор обедает у нас и поражает цивилизацией. <...>.

14 июня (сб). После Алиной каши и ее экскурсий в магазинчик — все *вокруг* яблони и *под* яблонями. Аля и Боб — шахматы. После обеда я сплю, Аля починая зеркальце. Около 9-ти налет Копелей против моего намерения ехать в Ленинград с Алей. Коп у моей папки фотографий, письма Светланова.

15 июня (вс). Ночь спали. Я встал бодро в 6 часов утра, чтоб хоть немного зарядить Алену. В 9-м часу остался за калиткой. <...> В 12 звонила тетя Валя: Аля уже в Консерватории. В 12.30 прилетел непонятно откуда выводок уток (?) и так же непонятно скрылся. В 2 часа — кофе и Кате — почки. 5 часов — мясо Кате. До обеда «мужики» на крыльце за картами и я при них. У сарая вялятся на противне Леночкины сметки (?). В 9-м часу тетя Валя: Аля выехала в 8.15 вечера. Протомился вечер. В 11.15 вышел к гаражам. Очень скоро

с Лесной свернула белая Алина машина, остановилась, погасила огни и ненадолго ничто не шевельнулось, как бы сказав: «ну вот — все...» <...>

16 июня (пн). В 10 час., рано, начала стучать трясогузка. В 12 звонок тети Вали и разгрузка машины. Потом Аля — уборка на кухне. В 1.45 на горку (клевер, холодный ветер). 15.10 Аля — готовить; 3.45 — молочный суп, пельмени. Аля — уборка; я — на диване; потом Аля на веранде читает, в 5 часов с «Президентом» Сименона — к ней. Аля заснула. Вечером — на проигрыше наших футболистов. В 9 пили чай. От чтения «Президента» у меня «нервы» и даже удушье. <...> В 11.30 — спать.

17 июня (вт). Разбудила, как и во все эти дни, трясогузки стукотня клювиком в стекло (?). В 11.30, после завтрака, — оба в Нарву, в центр. Удача — есть рыба; и заправка бензином на шоссе. Обед у Алены готов заранее.

После обеда Аля, как всегда, на веранде, я — навзничь на своем диване. Появлялся Чук [такса], залакал у Катиной кашки. Я с великим трудом до 5.30 записал прожитые здесь (уже...) деньки, сначала и до сегодня.

18 июня (ср). Проснулись в 11-м часу и еще лежали. Опять, конечно, не горит колонка. Мытье ледяной водой (не лишено положительности!). За завтраком смотрю, как под яблонями Лиза и эстринская Инна тискают прелестного щенка, таксу, будущая встреча которого с Катей мне внушает опасение.

Еще и еще раз пробовал пустить горячую воду... тщетно: только первый раз удалось. Алин анализ причины. В час на горку с Катей втроем. Очередные речи Али: о симметрии в Природе (листья рябины), о собственной асимметрии (человека вообще), и как всегда, говорила много талантливого, глубокого. <...> Появлялся на горке необычный гость: Фира со щенком, потом Лиза. Вдалеке за домом мельтешит Коп. С 3.30 до 4.30 — обедали. Я до и после обеда записал 16-е и сегодняшние полдня. К вечеру (раннему) атмосфера наша с Алей сгустилась: ввалилась к нам со своим щенком Фира: видимо, это зондаж реакции Кати и моей. И она сама, и я — оба волнуемся... Аля, конечно, лицемерит в пользу «гостей»... «все, мол, благополучно будет...». Вечером Аля забрала читать «Президента», несмотря на то, что я его недошел; читать потом стала прессу и навалила мне на стол кучу газет... В общем, легли отчужденные, в молчании.

19 июня (чт). Неописуемо жаркий день, ни ветринки. Я уселся в креслице в густой тени большого клена. Аля героически сходила в лавку. Вернулась в дурнотном состоя-

нии и легла на постель. Я, как всегда, приписываю помимо жары все себе и своим «агрессиям». До 3-х сидели под кленом в обществе щенка и Лизиной топотни. После обеда — я на диване. Аля — сразу на веранде в своем углу. Проплыли облака «от Силламяэ», и вновь небо очистилось, заголубело, засияло из края в край. Легкий ветерок перебирает листвою кленов, яблонь. Тишь, знойное молчание. Шестой час.

Волчонки отбыли со щенком на реку. Около 7-ми вернулись, и Коп зашел к нам поговорить о моем «виде» и отношении его к приему лекарств. Я рассказал ему о перерыве, наложенном с сегодняшнего дня на прием *всех* лекарств и изменении самочувствия.

Вчера, уходя с горки, Аля обнаружила крохотную горку новорожденного муравейника. К вечеру опасение за возможный конфликт щенка с Катей достигло такого накала, что я начал изрыгать все возможные ругательства, и конечно, на ни в чем невинную Алю... (Прибытие Муси и Боба.) Разбитая, Аля молча ложится спать.

20 июня (пт). Проснулся в 11-м часу. Аля не шелохнется. На ней Катя клубочком. В испуге смотрю и думаю, что неподвижность Али результат разбитости вчера. Нет, слава Богу, зашевелились обе, начали вставать, как всегда «отпустившие» мне вчерашнее хулиганство... После завтрака мы с Катей на горку: путешествовали в дружбе, согласно меняли места. Помехой был только грохот машин, асфальтирующих нашу Олеви. Да порой налетавший свежий ветер. Пришла вскоре Аля, уселась у сосны, потом у своей дощатой сиделки; Катя рядом с ней. С сердцем у меня сегодня неважно, то ли от перемены погоды (небо в дымке, ветер), то ли от отказа от лекарств (?!). Дома застал Алю в креслице под верандой, наблюдающей щенка и принесшую от соседей Катю, а потом пишущей свои консерваторские бумаги. После обеда оба на веранде. Мне — кисло; пришлось попросить у Али лекарства. Стало легче. Сел записал сегодняшний день. Аля, как всегда, с автожурналом. Небо затягивается дымными полупрозрачными тучками. В 6 появилась Шура — убирать комнаты. Погода хмурится. Ждем Геллера¹. Приехал в 9 часов с женой: нужна моя подпись для получения участка. Долго сидели. Когда уезжали, моросило. Поздно вечером в сгустивших сумерках к нам на веранду собрались Коп, Муся, Боб и Катюшка. Катя вернулась мокрая: дождит.

21 июня (сб). В 10.15 встали. Аля скоренько собралась и — в церковь, сегодня *День Поминовения*. Мне сказала: «А ты полежи минут 40». Но недолго я полежал, встал, удачно управился с колонкой и привелся в бодрствующий вид. Почитал

молитвенник, а там скоро и Аля приехала; все было хорошо у нее.

Но небо все хмурое, дует холодный ветер, хотя помаленьку светлеет и вроде бы теплеет. После завтрака считал деньги, потом лег полежать; Аля взялась за уборку кухни и готовку обеда. Днем, в третьем часу, очень медленно и осторожно предпринял «путешествие» вокруг дома и на горку, туда и обратно. Сердце все трудное, пульс анархичный, иду с великим трудом... но иду... Аля — у временки. Я — к ней. Там и Боб.

Окончательно разясняется, ветер гонит с севера редующие облака, все шире в небе разливается синь. <...> Запись вчерашнего вечера и сегодняшнего дня — до сих пор. Аля — к временке, я отправляюсь к ней туда тоже. На часах половина седьмого. Нежданное появление Эммы, жены лечившего меня в прошлом году врача. Пришла предложить Волчонкам и нам шуку: Фира де пусть фарширует, а мы — оплатим. Предложение было принято, после чего состоялась уличная беседа на «культурные» темы между Эммой и Алей. Слушал и поражался интеллигентности обеих дам! В сумерках — все, кто мог, собрались на футболе. Я скоро изнемог и, к неудовольствию Али, в 11.30 повлек ее спать.

22 июня (вс). Ночью дождило, небо затучено, холодно, серо... Часов в 9 проснулся совсем плохим. Аля дала мне молока с булкой и поехала в храм, наказав мне лежать. Но я скоро встал и прибрался.

Улегся на диван, укрылся красным пледом и сладко дремал. Аля пришла в 2 часа довольная, но усталая: многолюдье, коленопреклоненная молитва, как всегда, привезла мне привет от «наших». Отправились оба к временке продышаться. У соседней двери — Муся вяжет, рядом на скамейке Катя. Коп ковыряет «травы». Ползут серые тучи, налетает холодный ветер. Боб моет машину. В 3 часа — обедать. Дома тоже холодно. Аля затопила печку. Жарко заплясали золотые язычки. После обеда — Аля на постели с журналами, я подремал на диване, после чего записал дни. В 7 часов за матушкой и Мотей и — к батюшке. Небо в тучах, но на кладбище светло и тихо. Мотя затеплил свечечки на могилке.

Дома тоже тихо, уютно и тепло от протопленной печки. Оба читали. Ужин — шука. Смеркается; дождит. Вечером опять все на футболе...

23 июня (пн). Ночью шел дождь. Катя утром пришла сыренькая. Аля — плохая... я тоже. Но оба одолеваем себя. После завтрака Аля протопила печку. Варит кашу. Лег с Сименоном. Аля чугунок с кашей поставила на угли в протопившуюся печку и устроилась на веранде с чтивом. К часу разведрило, но бует сильный ветер.

Около 3-х прогулялся вокруг дома, но поскорей смылся: очень холодно, ветер пронзительный. Пробирает насквозь.

В 7 часов 5 минут были у матушки. Все уже прибыли, но батюшка (о. Владимир) и Веня копошатся у своей машины, которая отказала. Поэтому трапеза опоздала тоже. Но не надолго. Вскоре отслужили молебствие и расселись в многолюдье за обильно уставленный стол на веранде. Как всегда, так хорошо, так благостно и так родны и близки эти люди: и Варки с женой, прелестная дочка Моти с мужем и девочками, о. Владимир с Ниной Васильевной и Леночка (жена Вени) с Никодимчиком. Отец Владимир сообщил печальную весть: скончался митрополит Антоний, скоро сорок дней. И в тяжелом состоянии лежит в больнице патриарх Пимен.

Ярко озарено все предвечерним солнцем, знакомые елки качаются на сильном ветру... Только матушка, в застывших в недоуменном вопросе, ушедших в себя глазах, нет-нет да уходит от окружающих в глубь своего горя и бед... Сидели долго, почти до 11 вечера. Подвезли домой Варки, дома тихо улеглись и хорошо спали.

24 июня (вт). Катя спит у нас поочередно. За завтраком потерялся свисток от чайника (найден был в холодильнике!). В 12 — разведка Али на улице: жасмин наш зацвел, на горке поспела земляничка (у Кисани). Аля кормит птиц, наконец-то появились несколько ворон. Я водрузил на место «Чура»². Аля у сарая. Ветрено, но солнечно. Я тоже у сарая. Вышла Катя, увидела нас и с явной радостью, быстрой рысью, тряся брюшком — тоже к нам. Стась — с реки с изрядным, хоть и мелким уловом. Аля — в лавку, потом — готовит. В 3 зовет обедать. После обеда с 6.30 до 9-ти дрема. Пляска на стене и за окном бликов листвы. Вечер вместе на диване читаем.

25 июня (ср). Бурный холодный ветер, яркое солнце. В 1 час поехали в Нарву, в «дамском раю» нашли одеколон. Очень мне плохо с дыханием и сердцем... Дома были к 3-м. Пошел было к сараю, но сразу сбежал домой. После обеда попросил Алю накрыть меня пледом, но тоже не улежал, а терпеливо записал дни. Сейчас уже 6 часов. Половина 8-го Коп пригласил на «Шерлока Холмса». Очень хорошая картина. Конец в 8.45. Вечер солнечный, ветер стих.

26 июня (чт). Встали в 10.20. <...> Аля отправила меня на веранду, открыла окошко: «надо мне дышать и дышать». Сама тут же взялась за ремонт футлярика от ключей (венский, «испанской школы») и своего любимого кошелька. Катя разлеглась на своем любимом столе.

В природе все то же: слепящее солнце и бешеные порывы ветра; им вторит вой налетающего и рвущего в клочья атмо-

сферу самолета. 3 часа: Алена села на мое «угловое» кресло, я — за стол к Катиным лапкам, решил записать сегодняшний день. Алена <...> заодно пришила все пуговики на синем джинсовом моем пиджаке.

Почему-то вспомнились кусочки балетной жизни: моя вписка (*crescendo*) в «Больших лебедей», как ее подтибрил Файер; предсказание Асафьева моей симфонической «карьерой» и т. д. и многое другое, о чем тут же рассказал Але. Милое, милое бывшее из жизни театра, флейты (Боброва, Альбова); Кушелевский, предсказавший оркестру мой крутой нрав, и т. д. После обеда поспал накрытый красным пледом. В 5.30 — на веранду. <...> Открыл пол-окна, но скоро закрыл, т. к. рвет ветер, аж страшно. Появлялся Коп. Я сел, записал день, до 7-ми часов.

С 7.25 до 9 — очередной сеанс «Приключений Холмса». Потом вдвоем с Алей попили чайку, потом пошли на веранду. Вечер тишайший; вдобавок на заборе сидит Катя, сложив лапки муфточкой. Все это заставляет Алю растворяться в блаженстве ранних сумерек и тишины.

27 июня (*пт*). Забыл принять с вечера снотворное, долго не спал, мерещились какие-то звуки, будто в кухню залез чужой кот... Заснул, когда уже совсем стемнело. Утром, только встал, авария в кухне: наступил Кате на лапку так, что она закричала. <...>

Сегодня сияющий, тихий день. Сажу на веранде в уголке, дремлю. Слышу — щенок опять погнал Катю. Даже Аля вмешалась, нашла лапу. Приносили сига, Аля купила 4 кг.

Записал кусочек «сегодня». Сейчас 2 часа дня. В 2.30 Аля начала готовить обед, «пошла по воду». Обед сказочный: уха из сига, очищенного от косточек, волшебное пюре, фруктовый сок. Говорит, что не устала, хотя кожа блестит влагой на лбу. Отдыхаем оба (!) на веранде. Приехал Коп, зашел ненадолго. Очень жарко. Открыто два окна. В одном — медленно покачиваются в невесомом хороводе зелененькие японские бумажные куколки. (Аля их вчера повесила.) За истекший год у меня все чаще возникает к Але чувство *потрясающего поклонения и любви*. Ясно одно: слишком много у Али нагрузок непосильных... Спаси Господи, помоги Господи...

5 часов — приход Шуры на уборку. Аля моется в душе. Потерял ее, ищу. Нашел на Алиной скамейке; с ней Катя и щенок. Посидел с ними. Вечерний час; многообразие золота листвы и трав. Аля и Катя — на кухню: 2-й обед Кати, после которого Аля опять за зубрежкой знаков управления машиной: говорит — «невозможно вызубрить». Вечером общее смотрение двух серий «Холмса». Приезд Муси и Боба. Мы с Алей укладываемся ко сну.

28 июня (сб). Особенно тяжкая реакция моего сердца на вставание, мытье и все прочие движения.

Одновременно заболел щенок: потуги на рвоту без освобождения. Видимо, болит внутри. Непробиваемое спокойствие семейства «Волчков» и Гуревичей... непонятно.

Недомогают Аля: ночью боль головы и все неприятности повышения давления, но активно пытается помочь не столько себе, сколько щенку; последний глядит человеческими глазами и попискивает от неведомой врачам боли. Кати не видно со вчерашнего дня. Пошел сделать кружок вокруг участков. Присел на скамейку на горке у Кисани. Вдруг толчок, смотрю: рядом столбиком Катерина. Довольно долго вместе, потом очень охотно к Але на веранду! Конечно, в итоге — угощение. Алена в 4 подает обед: как всегда, вкусно и как ни в чем не бывало: старательно и заботливо... После обеда полежал и записал день до сих пор, Алена со «знаками» на веранде.

29 июня (вс). 10 часов утра. Проснулись. Аля — хорошо, бодро. 11 часов. У «Волчков» — Пигулевские. Мы с Алей в 11.30 в Нарву на рынок. Солнце, тучки. Цветет иван-чай... уже. Донник белеет, рябинник зацвел. В 1 час дня дома; Коп и Боб колют дрова. В кухне — латка простокваши. Горка — чистая голубизна неба. Тянутся с севера редкие белоснежные облачка. Легкий ветерок.

Аля сегодня здорова. А вчера даже Фира зашла ее спросить «как здоровье?». То, что Аля объясняет «переменой погоды», на самом деле приступы гипертонии с сильнейшими головными болями, заработанными возней со мной. На грани гибели она из-за меня... Вот и сейчас: боясь за меня, принесла мне теплую куртку. Сидим сегодня у двух рябинок. Любуясь на них, вспоминаю Сабонеева, его советы, как делать из рябины удочку, как в Карелии ловят на эти удочки сига. (В «отвес на гребешках ряби мелких волн» — говорил об этом и покойный Федя Горохов.) А Аля наблюдала столь малую птичку, что наделена она была «не телосложением, а теловычитанием»! Думаю, то был королек. В 4.15 — обедали. Сделали попытку поспать на веранде — где там?! Собрались все старые и «новорожденные» Волчонки, такса орущая, гоняя футбольный мяч, поднялся топот, ор, гвалт... долго терпел, беря пример с Али, потом ушел к себе, стал записывать день. Но не тут-то было: Аля привела прабабушку Молчадскую с правнуком Семкой, могучим бутузом трех с половиной лет, который тут же прилип к Кате, проявившей ангельское терпение. Сейчас 8 часов вечера, только что «гости» ушли, и, слава Богу, все стихло. Но нет — не всё: Копель надел бежевый костюм, Фира — платье цвета молний и поехали к Пигулевским,

где Женька пропорол чем-то кожу на голове и Зоя Ивановна падала поэтому в обморок. <...>

30 июня (пн). Весь почти день оба на веранде: Аля с журналами «авто», я немного с Сименоном и все больше в дреме.

Облачность то открывает чистое небо, то затягивает синеву сплошным пологом. Порой начинает шуметь в листве ветерок. Звонила часов в 6 Лулу с новостями о назначении числа приемных экзаменов, куда надо Але поехать. Будет это 6—7 июля. Все наше спокойствие — вдребезги. Гнет и взрывчатая атмосфера этой новости понятна. Аля в соприкосновении с подобными делами совсем теряет почву под ногами и самообладание тоже. <...> Позавчера всему этому способствовала лапка Кати, на которую я наступил и которая, видимо, побаливает. Конечно, поэтому возникли болезненные споры.

1 июля (вт). За окном золото солнечного утра. Но мы проснулись не в блестящем виде (из-за «Катиных» и консерваторских «войн»...). Вдобавок мне понадобилось солидно помыться. В итоге сердце задало этаким спектакль, что долго приходил в себя на диване. Лежал долго, с трудом отдышался.

День безоблачный, жаркий, но ветерок дышит холодком. Осторожно, бережно сделал кружок через гаражи на горку. Как в прошлый раз, как по волшебству, рядом со мной на скамейке оказалась сидящая столбиком Катюша, выпрыгнувшая из кустиков бабки из-за забора, как только я сел.

Обедать сели в четвертом часу. После обеда — Аля с журналами, я записал день. Около 6-ти поехали к матушке. Оказались вовремя: матушка, в сером зипунчике, на огороде, одна-одинешенька: «хоть бы приехал кто». Рассказала ужас: у отца Владимира 24 июня был приступ. Местные эскулапы признали инфаркт; были непонятные судороги, потеря сознания и страшная головная боль. Никто его не уложил в постель и своим ходом увели домой.

В 8 мы уехали домой. В 9 был звонок тети Вали насчет приезда сюда Любы Кормут³. Оба мы с Алей долго, чуть не до 11 часов вечера обсасывали эту тему, влекущую за собой многие другие...

2 июля (ср). Ночь и пробуждение благополучны. Серый день. Холодно. Приходили после завтрака «налоговые» тетки. Аля в кухне разбирает гречу. Я дремлю на своем диване. Топится печь. Мы с 1.30 до 3-х с Катей на большом крыльце! Алена все волнуется «приездом Любы», перебралась на веранду. В 3.15 внезапно солнце прорвало облака, и стал неожиданный яркий солнечный день. Алена сотворила вкусный обед из «курявки», накормила и легла на мою постель. Встала в 7.

Рассказала, как ей всегда хорошо и благодотно спится на моей постели... (Взяла махонький молитвенничек полистать). 7.30—8.45 — на Алиной скамейке. 9 час. — звонок тети Вали: Люба приедет.

3 июля (чт). После завтрака в магазин и на рынок. В 2 часа дома немного отдохнули. Позвонил Марис, предупредил о приезде в 6 часов. Сели обедать. После — подготовка блюд для гостей: 1) салат помидоры и огурцы; 2) салат из редисок и сметаны; 3) кильки звездочкой; 4) икра; 5) суп с цветной капустой; 6) гречневая каша с молоком; 7) ягоды. На сладкое — чай с тортом.

Окончив готовку, Аля — на большом крыльце, я на диване. В 6 часов 10 минут появились Янсонсы и Люба. Трапеза на веранде: все — с наслаждением и вкусом; всякая разговорная толкотня.

Мой деловой разговор с Любой «aparté» [реплика в сторону] о будущих записях (?). Еще до «чая» все посидели на горке. В 11 — гости отбыли. Аля — за уборкой; обсуждали с ней; было отрадно.

4 июля (пт). После завтрака — к сараю, погреться на солнце. Коп наконец привез пропуск ГАИ на право проезда «под все» запрещающие знаки (!!). Общее ликование.

Поехали через Пигулевских. Было это в 2 часа. По улице Аля до матушкиной поворотки. *Блаженный* часок (с 2.30 до 5) на море. Ласка моря, ласка морского дыхания.

На минутку к матушке. Матушка мне про Алю: «Что бы вы без нее делали?!» Дома поздний обед. Оба вздремнули.

Небо незаметно набрякло, посерело. Краткая гроза.

Собравшиеся у себя Волчонки составили полк в 10 (!!) человек. Вместе немного посмотрели кадры конкурса Чайковского. От «встреч», ассоциаций у меня слезы выступили в сердце... (Горбачев — в зале!)

С 9 до 11 сидели на веранде со всякими разговорами (спокойными).

5 июля (сб). Проснулись от ударов топора: Боб колот дрова. Записал эти странички с помощью Алены. Встреча «зверей» (Чука и Кати). В 6.30 вечера уехали в Ленинград. Прибыли около 9-ти. Катя остается на попечение Фиры.

6 июля. Первый день экзаменов в Консерватории. (Воскресенье.)

7 июля (пн). Второй день экзаменов в Консерватории. Аля задерживается надолго. «Обсуждение».

День сереет, небо к вечеру обложено: ливень, гроза. Все очень волнуемся и «решаем» вопрос — можно ли выезжать в ливень и грозу?? Аля решается: едем. Выезжаем около 9-ти.

Рассекаем огромные лужи, несемся в тучах брызг, но к концу пути, около 11 часов вечера, сумерки светлеют, дождь прекращается. В доме темно, все улеглись спать. Встречает роденькая Катерина, каждый получает что пожевать, открыты постели, тишина и глубокий сон...

8 июля (вт). Аля полным ходом включена с утра во всякие дела, я — моюсь тщательно, записываю запущенные дни. Обедаем купленной до отъезда осетриной. День с утра ясный, к 6-ти мутнеет, наплывают пухлые тучки. Стоит безветренная тишина, ожидающая, напряженная, затаенная. «Отдыхающая», как сказала Аля.

После обеда, часов в 7, Аля на дороге ловила Чука среди соседских собак. Сидела с Мусей у альпинария. Мы с Копом — на крыльце. Любовались на облачные ярусы, ныряющих среди них стрижей, то трепещущих в голубизне, то почти скрывающихся в дымке облаков.

В 8 часов с Алей пили чай; звонил N. <...> Рассказал о раскрытом и ликвидированном при помощи Обкома (!) заговоре оркестра на тему присуждения новых званий (!!??). (Не тому, кому следует, конечно.)

9 июля (ср). После завтрака потянуло в сон. Аля у сарая. Пошел к ней. В третьем часу приехал Юрий Рост [московский фотограф] с женой, достойной всякого восхищения. Привез мне в подарок монтаж моих дирижерских фото. Выпили кофе, и долго он меня на веранде щелкал.

День с утра серый, прохладный. Скоро они уехали в Ригу. Мы сели за очередной вкуснейший обед Алиного изобретения. После чего я опять в сон, а Алена с журналами на веранде. Я проснулся и вылез к ней в 7-м часу. Небо по-прежнему затянуто светлой дымкой, и стоит полная тишина и безветрие. Впервые полистал Четвертую симфонию Глазунова. <...> В пятницу будет Петров день. В 8.30 Аля предложила чайку, после чего читала Булгакова. <...>

13 июля (вс). Ночной ливень: даже Катя ночует в спальной на подоконнике. После завтрака все втроем, с Катей, на диване в большой комнате. Очень плохо себя чувствую, какая-то общая жуть. Утром рано уехали Боб, Муся и Стасик; последний к «Симбору», чтоб отправляться в «поход». В 12 час. санитарная машина приехала за Копом; надо срочно оперировать.

В 1 час 50 минут приехала Ирина Шостакович с Баснером⁴. Алена кормит обедом. Все время, что они были у нас, вижу себя их глазами, волнуясь, чувствую себя раздетым... Но не смотря ни на что, они вошли и были родными людьми. В 3.45 их машина промелькнула и скрылась за соснами. <...>

Сейчас 6 часов 10 мин. Захотелось к матушке. Были у нее с 7 до 8.30. Договорились об обеде матушки у нас завтра. Вечером частые тучки, голубые просветы, яркое вечернее солнце. <...>

15 июля (вт). Небо в тучах. В слепящих просветах проглядывает солнце. Тихо. Аля после завтрака в лавку. Грустная, усталая... А у меня не хватает мужества скрывать свои перебои и прочие недуги, которые ее убивают... До 2-х втроем у дровяного сарая. Опять захотелось к матушке. В огороде — церковная староста, ждет косцов. Матушка почивает. Решили попробовать *пройти* к морю. Ни одышка, ни перебои не помешали, но помешал очень холодный ветер, и до моря немного мы не добрались. Для меня дойти до Айи — уже было достижением. Вернулись к матушкиной калитке. Появился Мотя, а там и матушка вышла. Спустились в долинку и устроились на скамейке в ярком солнышке «у картошки», не доходя до огорода. Опять взошла тема монастыря. Решили ехать в пятницу. Матушка за это время отдохнула, посвежела. В 4 часа простились, «поликвалились» и поехали «до дому». *Да Благо им будет, этим людям!*.. Дома стерляжья уха, мясо. Лег на диване, Аля с журналами на веранде. День устоялся голубой, безоблачный, с холодком. Захотелось молока; от теплого свежего молочка потянуло в дрему, и засыпая, я видел, как Алена прошла мимо меня и легла на мою постель.

17 июля (чт). Аля с утра готовит обед — накормить Серова. В 2 часа приехали втроем, с сыном и Геной. Часов около 4-х отбыли, восторгаясь всем, что у нас видели. Поехали в сторону Васкнарвы. День ясный, солнечный. Катя ведет себя настоящей хозяйкой: встречает, топает впереди всех. <...> После приборки в кухне Аля прихватила меня, и мы отправились к сараю, посидеть на сугреве горячего летнего солнца. Воскресло в памяти: маленький Жоржик, мой спутник по сбору энтомологических коллекций, папиросы его в голубых коробках «Зефир», изданная тогда книжечка «У горячей стены», название которой заключало мысль о весеннем счастье натуралиста, упивающегося весной у нагретой припеком дощатой или бревенчатой стены со вспышками взлетающих, звонко жужжащих синих и зеленых первых мух...

Фира, тут же сидящая под яблоней, вдруг упомянула, сколь болезненно столкновение с осознанием быстротечности, и примером привела цифру «37», число лет ее дочери, как нечто невероятное для нее. Часы к тому времени показали 7 вечера. Все разошлись, и беседа наша тоже унеслась быстротечностью в Вечность. («Навеки, навсегда»).

18 июля (пт). К 4-м к матушке и в монастырь. Массовое цветение иван-чая. С 6 до почти 9 часов вечера служба. *Вера Федоровна, ее поклонны, проводы*, когда уезжали, до самых ворот. На заправочной колонке не могли заправиться: мы 13-е в очереди. Пришлось ехать в Нарву, там удалось заправиться. Катя дома встречает.

19 июля (сб). Копель вновь затеял промазку крыши; вонь неистовая. Мы с Аленой спаслись на самой дальней «высоте» своей горки. Наблюдаю за ложным отсутствием ворон в кронах: все затаились, только изредка то тут, то там — шевеление веток.

Заходила к вечеру Фира с Борькой, долго с Алей разговаривали. <...>

23 июля (ср). Ждем приезда Лии с выписанными из Питера партитурами (в связи с «открытием» сезона?). Почти решил открывать сам... Лия привезла партитуры, отказалась от всякого глотка питья и еды, даже в уборную не сходила и пешком ушла на шестичасовой автобус. <...>

24 июля (чт). Во втором часу пришли Левитины. Часа 2 сидели у сарая. Милые, настоящие люди. Я сидел, молчал, обомлевший шириной и глубиной их знания сегодняшних дел и литературы. Аля просто сшибает меня с ног своим умом, глубиной понимания и информированностью. Во второй половине дня сидели на крыльце. <...> Приходила Шура делать очередную уборку. <...>

25 июля (пт). Жаркое, ослепительное утро. С сердцем скверно, пульс выплывает канкан. <...> Пошли под наш безымянный куст против окна. Налетают бурные порывы теплого ветра. Перешли к скамейке. Здесь старый клен шумит прибоем листвы. Стрижи носятся понизу, над самыми деревьями. Набежали с юга стаи облаков. В 3 часа Аля пошла за хлебом. Я — домой.

После обеда Аля на моей постели, в своем любимом углу, где на сей раз сладко уснула. Я сижу на веранде, претерпеваю шум ветра, дуновение сквозняка, тревожную, назойливую игру ветра с листвой. В 7 часов звонок Дервизов, а вскоре и их появление. Вновь Алина застолица. Очень славный и интересный разговор: еще одна встреча с настоящими людьми. Танин рассказ о «поимке» тайн кометы Галлея (!!). Ушли, уже стало смеркаться. <...>

26 июля (сб). Жарко, солнечно, но легче, чем вчера. В кухне трубочист. После завтрака поспал в спальне в кресле. Аля прибрала в кухне, ушла куда-то «побыть», я записал вчерашний день и эти строки. Обнаружил Алену с книгой у временки. Сидели с ней почти до 4-х. <...> После обеда Аленушка

захотела навестить Синёвых, что мы и выполнили. Выехали к ним в 6 час. 5 мин. (по данным Алены). Были до 8-ми. Участок их за эти два года неузнаваемо зарос, но по-прежнему мил и дорог сердцу. Антонина Васильевна очень постарела, он — молодцом, по-старому чуток и умен. Надя — оживлена. <...>

Сидим с Аленой на веранде с Катей и помаленьку готовимся ко сну. Вечер тихий, прохладный...

28 июля (пн). День Владимира. Первый мой памятный день Владимира был 62 года тому назад... Киев, вечерний благовест, неизбежность разлуки. Церковка полнехонька. «Платочки» толпятся даже на паперти. Поет стройный хор из Нарвы «Отче наш». День безоблачный.

Храм, изумруд трав, белое пятнышко Алиной машины вдалеке, благовест, возгласы и пение крестного хода, все, все окружающее как *воплотившийся* сон о счастье... о Вечном Благее...

С обычной приязнью и теплом подошел Нильсен. Сидим в соснячке на скамейках. Вернувшись домой, позавтракали. <...> В 6 часов поехали «на чай» к матушке. Гостями были только мы и Варки. Аля сидит с приступом головной боли, начавшейся еще ночью. Так от этого бывает страшно, сказать нельзя. Приступ сегодня длится долго, не уступает никаким таблеткам. В 9 мы домой, Варки — на море купаться, говорят, вода сегодня особенно нежная и ласковая. <...>

29 июля (вт). Голова Али все еще на грани... Опять жарко, ослепительное солнце. <...> В 12 часов дня ненадолго зашла Л. А. Гордзевич. Как всегда, веет от нее умом, пониманием и близостью. После каждого свидания всегда больно с ней расставаться и тянет поскорее вновь общаться с ней. 4 часа. Волчонки дома, новости о дебоширствах Женьки П.: хотят его отправить в Ленинград. Звонок Волковой об открытии сезона. <...> Приезд Лулу. <...> После ужина Алена устраивает «временку» для житья Лулу. Последняя уходит в гости к Яше. Мы с Алей укладываемся. <...>

30 июля (ср). ...Мужик приносит лососиху; Аля покупает. Сейчас (1.15) Аля разделяет ее на кухне.

День по-прежнему безоблачный, голубой, ослепительный. Сажу под «неведомым» кустом около кленика. Долго сажу один. Пришли и девочки. В 4 часа Аля зовет обедать: луковый суп, лососинка в своем соку. Звонок из Нарвы: Невзоров собирается по пути в Таллин захватить к нам. Будет ночевать. Долгая беседа Али и моя с ним под старым кленом. Лиля на море. Вечером Аля стелит постель Саше, укладываемся; все мирно и уютно.

31 июля (чт). Утро тусклое. С юга наползают тучи. Свежо. Лиля побывала на рынке, принесла ягод. И она и Аля наслаждаются, я на диване устроился, записал вчерашний день. Девочки у времянки. Я тоже — к ним. Лиля почти голышом в легком купальнике. Нападение Кати на лягушку. Истошный смертный крик последней. Незаметно темнеет, все ближе наползает облачная хмарь. Редкие капли дождя пятнают плитки дорожки. Тишина, безветрие. Обед: лососина, ягоды.

Волчонки прибыли домой. Лиля — к себе. Аля — на «баране» [ковре], я дремлю на диване. Сосет сердце, сжимается от близости мгновенного месяца, оставшегося до сентября... Спаси Господи...

Лето. Усть-Нарва

13 июня (сб). Аля героически довела до конца водопроводные дела, закончила все дела по Консерватории и школе и одновременно уложила шмотки к Усть-Нарве.

14 июня (вс). В 19 час. 42 мин. выехали. Прибыли в одиннадцатом часу вечера. Наше неожиданное появление с Катей во главе произвело радостный переполох с поцелуями и объятиями. Алена уютно, с радостной теплотой стелет постели, готовит ужин.

По дороге сюда — всюду цветущая сирень: конец весны, начало лета. Луга белеют цветущими зонтичными. Небывалое, не виданное мной изобилие, мощное цветение рябины; в старину говорили «будет война»... Видел одну ласточку-касатку и одного скворушку в стремительном, деловом прямом полете. Птиц, можно сказать, нет...

15 июня (пн). Крепко выспались. Катя дома спит. Неизвестный наш куст оказался грабом, разросся и даже заслонил вид на сосновую горку. Но следы зимних морозов заметны повсюду: большая яблоня облита точно снегом — цветет, нарушая все законы, одновременно с сиренью!

Погода неуютная: небо серое, набегает и подолгу льют дожди.

16 июня (вт). Около полудня прибыл «рафик», привез багаж. Но тут же нависла неприятность: на нас написан донос о незаконности наших гаражей, «губящих зеленую зону» (!?). Посему Алену Копель отправляет в Нарву за новым архитектором, которому поручено «разобраться» в сем деле... Аля его привезла, Волчонки поили водкой, я пригрозил Таллином. Не знаю, чем кончится. В 8 часов Аля увезла его в Нарву и... застряла по причине [проведения учебной] «воздушной тревоги» (!!). В конце вечера на веранде Аля осваивает «мангал». Легкие «белые» сумерки: совсем еще светло, а уже около одиннадцати.

17 июня (ср). За завтраком мальчики принесли новость: объявлено осадное положение (!?). К счастью, его скоро отменили. После завтрака кратко записал деньки. Алена ушла в лавку. Домой ее подвез Сергей Кротов-сын. Сейчас 2 часа 45 минут. Проглянуло солнышко.

Алена в кухне за ревизией банок, склянок, круп, муки и пр., а потом за готовкой обеда (вкуснота). Принесли рыбу: судаков и лосося. Из последнего сделана уха. После обеда лежу,

Аля — на веранде. В 7-м часу подняла меня ехать к матушке. Застали ее около картошки. Болела зимой Антонина Матвеевна: давление, голова болела, трясется рука. Сейчас — жалуется на слабость. И вступила наша Антонина Матвеевна... в старость. И глядит она на все серьезно, переносит строгость взора и мыслей на все окружающее... (серебристая прядка волосиков из-под платка). Только один раз блеснула в глазах бывлая искорка, это когда, уходя, поцеловал ей руку, сказав, что давно к этому готовится... Живет у нее неувыдаемый Мотя.

Сильный порывистый ветер не утихает. И вот опять мы на нашей веранде, я — в кресле батюшки Александра, и солнышко греет, и Матерь Божия, и Иисус Христос в уголке со стенки глядят...

Дома, на тропке, Катенька встречает. Ужин. Тишина. Безветрие. Вечер вдвоем, друг против друга в сумерках <...>. В 11 часов укладываемся. <...>

18 июня (чт). Очень скверно сердцу и вообще... Появление Али с тазом мыльной воды для мытья ног и стрижки ногтей (!). Мама она моя благословенная. В 1.20 в Нарву на рынок.

Серый, тихий, прохладный денек. Сразу легче стало дышать. Но масла нет ни в лавке, ни на рынке. В 2.15 легонько закапало, но не надолго. Дома — 3.30. Почти сразу обед, Катерина тоже обедает. Отдых: Аля с «Огоньком» на веранде, я там же за столом — с записками дня. В 7.30 Алена заявила: «озябла». Перебрались в комнату, включили обогреватели. Около 9-ти чаек с «коммерческими» сардельками (по рублю штука!). Катя не отстала — принесла мышь и тоже оттрапезовала, предварительно наигравшись ею.

Вечером звонок тети Вали: страшный ее рассказ об аде над и под ними, когда сбивали, рушили ванны. Ужас несказуемый: старики еле выносят, Ночка (киса) в трансе... Долго мы с Алей переваривали эти рассказы.

19 июня (пт). ...Утром плохо сердцу. Долго лежал, не вставал. После завтрака дрема в кресле у окна в спальней. Аля и Катя у сарая. Пополз к ним и я. Сидели до 3-х часов.

Плывут низко пухлые гряды тучек. Солнышко то прячется за ними, то ярко и горячо греет. Летают ранние стрекозы. В прошлом году они появились только перед самым нашим отъездом (?). Стась и Борька играют с новым Чуком. (Прошлогодний погиб...) Аля пошла готовить обед, Катя и я на веранде, записывал день. После обеда все на веранде: Аля с «Иностранной литературой» и Катей, я — в дреме. Незаметно день стемнел, нахмурился; далеко на юге глухо погромыхи-вает. Сходил попить кофе. Устроился на своем диване с письмами Асафьева к Оссовскому. Липковатое, прости Господи, от них ощущение...

Тучи сгустились, крепко громыхнуло, но на том и кончилось все: посветлело, проглянула голубизна, ветерок стих. (Аля попросила горсточку ирисок: понравились...) Наперекор всему, с юга незаметно напозла свинцовая мгла, резко стемнело, и прошел отвесный, шумный ливень, заставший нас за вечерним чаепитием. Недолго длилось ненастье: в 8.30 уже воцарилась безмятежная благость тишайшего летнего вечера, озаренного тихим светом низким солнца.

Оба сидим на моем диване, Катя на окошке спит. Перед сном неожиданная беда, ссора на тему боязни смерти (я) и не-боязни (Аля) смерти (напомнил о смерти Щербачева с куском наваги во рту), достигшая прямо губительного накала: у меня на сердце, у Али в голове... Каким-то чудом Аля довольно скоро уснула, да и я тоже.

20 июня (сб). ...Утром такое творилось в сердце, что просто побоялся принять вертикальное положение. Аля встала, а я еще долго лежал. С трудом ополоснулся, долго отдыхал. <...> Еще раз отсиделся в кресле, отдышался, и оба с Алей — к сараю. День солнечный, легкое дыхание ветерка пошевеливает листики на кустах и клене. Опять носятся стрекозы. Фира тоже вышла на грядки в сопровождении забавнейшего малыша Чука, всех пугающего тоненьким лаем, но и всего боящегося.

Болей и стука в сердце у меня нет... благополучно сходил в дом за очками. На веранде записал «от вчерашнего вечера до 3-х часов сегодняшнего дня». Аля с Катей проследовали на кухню по обеденным делам. Не знаю, как Аля умудряется, но ее «кормежка» просто чудо вкуса и разнообразия. Сегодня, например: два салата (редиска и огуречный в сметане), свежий суп с капусткой, паровые бифштексы с цельной картошкой в масле, неизбежный чернослив (это для моего пуза).

После обеда и до вечера (сейчас уже 7.30 вечера) Алена на веранде с газетами, я — в сладостной дреме на Катькином месте. Скоро и сама Катерина явилась из бабкиного заулка, завалилась спать.

Вернулся Коп с мальчиками от Олега Антоныча, привез в подарок нам пару копченых подлещиков, из коих одного мы с Алей тут же прикончили. Начали занавешиваться, укладываться, рано уснули.

21 июня (вс). В 9 часов принял лекарства. Не торопясь, без особой одышки встал, умылся, оделся. После завтрака Аля, Коп, Фира с Чуком — у сарая. Солнце печет вовсю.

Аля, Катя и я ушли в тень под грабом. В тени сидели до 2-х. Катя блаженно катается в траве, глаз не сводит с бельчонка, прыгающего в кронах сосен, возмущенно накепала

коту Алиной подружки, пришедшему выразить свои восторги Катей.

Перед обедом Аля постригла меня. Затем обед. После обеда дрема в кресле у Алиной постели. К Але приехал Ян: сидят беседуют на кухне. Я встал в 4, записал день. Он сегодня простенький и быстротечный, потому что хороший, как считает Алена, «Все хорошее быстро проходит», — сказала она. Часов в 5 — на горку. У Копова крыльца зацветает жасмин. Рябинки на горке все отцвели: не видно ни одного соцветия. В травяном уголке высыпали многочисленные едкие лютики, много вероники, у калитки отцветают незабудки. В 6.20 поехали к матушке по напоминанию самой Али, узнать насчет времени приезда во вторник (день ангела матушки). А матушка сегодня совсем другая, совсем прежняя: и искорки, и зоркость в глазах, и общительность, и ласка... Мотя организовал чаек, булочку, печенье. Дома были в 8.30. На веранду пришла Фира с коробом новостей и всякой прочей тематикой. (Новость о гибели в долгом параличе пугачевской Люси...)

Легли мирно, тихо.

22 июня (пн). Очень приличное пробуждение, удалось и мытье, и одежда. Полежал в кресле в спальне. Аля — в душевой моется. После завтрака еще раз в кресле. (С небывалой яркостью представилась фигурка Стебницкого, уходящего от Жени Хотхова в смерть по мертвым улицам...) Поиски Али. Обнаружил ее у Фиры играющей с Чуком. В кухне Аля разделывает судака. «Кате?» — «Нет, нам». А вот и Катя. Получила кусочки рыбы; берет только с пола(!).

Потрескивает печка. С ночи сеет не то изморось, не то мельчайший дождик с белесого слепого неба... Очень свежо. Аля готовит обед. Взял книжку Мары посмотреть, а из нее вывалилось несколько писем 1985 года (!) от «Сами» [А. Д. Бушен], *Друскина!* Микаэла.

В 3.30 обедаем. После обеда Аля на постельке, я немного на диване, потом на веранде записал день до сих пор. В 4 часа зашла Фира, позвала ехать к Кротовой (годовщина Сережи). В связи с холодным домом у Кротовых и погодой решили: поедет Аля одна. Так и сделали. Аля вернулась уже в 6 часов 40 мин. Выпили с ней кофеек. Аля заняла «мой» диван, я — на углышке столика записал эти строчки.

За окном по-прежнему серо, неудобно, полная тишь, ни один листочек не шелохнется и продолжает сыпаться невидимая дождевая пыль... Покашливаю с ощущением спастических бронх... (9 часов вечера). Стали готовиться ко сну, и тут Катерина исчезла. Аля необычно расстроилась ее исчезновением. Когда Катя уходит на ночь, окно на кухне остается открытым. На сей раз Аля этого не хочет, чтоб не влезли чужие коты.

К счастью, Катя скоро вернулась, и мы благополучно уснули, но Аля часто просыпалась...

23 июня (вт). Благополучное утро, хотя Аля чего-то кисленькая. Позавтракали, только я подремал в кресле и собрался бриться, как на веранде шаги, голоса и появилась Молчадская прабабка с рафаэлевским правнучком Сенькой. Мальчонка преинтересный, этакий кудрявый херувим из серии израильских надежд. Сидели очень долго. Я побрился, записал эти строчки, а Алена пошла с газетами на скамейку к сараю. День сегодня опять серый, прохладный и очень тихий.

К 3-м часам к матушке. На дворе ее уже стоит голубая машинка, и ворота открыты для нас. Отец Владимир отслужил молебен, пропели «Многая лета». Длинный стол на веранде ломится от обилия яств. Просто невероятного по нынешним временам! Матушка, измученная готовкой, хозяйством, как села на свое место, так и застыла, уставив глаза в одну точку. Сегодня она вновь глядит из глубокой старости, близкая, может быть, к страшному часу... А застолица такая поредевшая, столько главных родных, близких, любимых уже не стало за последнее время. Так мало их осталось, что даже чета Варки явилась как одна из самых ценных сердцу и душе, не говорю уж об отце Владимире, Нине Васильевне и радость несущего всем мальчике Никодимчике и его отце — матушкином внуке — Вениамине. (2-летняя девочка Женя, олицетворенная живость, обрешавшая жизнь и движение под ножом хирурга.) Сидели очень долго; дома были около семи часов вечера. Устал я бесконечно.

Придя домой, застали старуху Молчадскую, потерявшуюся в «трех соснах». Аля вводила ее на Линде, к ним домой. Дома Аля обложила газетами и журналами и зарылась в них. Я оказался «брошенным», начал приставать к Але с разными вопросами, чтоб «прогнать» одиночество. Она сначала терпела, потом стала раздражаться, а кончилось все это... у меня болью в сердце, у Али болью головы...

24 июня (ср). Оба стараемся не напоминать друг другу вчерашний вечер. В первом часу поехали в Нарву на рынок, в «Торговый центр», в канцелярский магазин (за тетрадями и блокнотами). День разгулялся: тепло, солнечно и... мирно (!). Дома в третьем часу. Аля разложила «товары», и вместе с Катей все пошли на горку. Крупные лакированные цветы лютиков, большие, точно синие, лужицы, колонии вероник, много крупных «курочек» и «петушков». Без пяти минут 4 пошли обедать. После него немного дремы в спальнoй в кресле. Аля убирает — и на веранду, конечно с «литературой». Я там же записал «вчера» и «сегодня». А время бежит и бежит... уже 6 часов вечера.

Яркое вечернее солнце, тишина, ни один листик не шелхнется... Предложил Алене навестить Лидию Александровну. Застали ее за одинокой трапезой. Наташка забрала Андрея в Киев. Л. А. очень обрадовалась, даже вскрикнула. Л. А. вышла к нам в сад сильная, красивая, седины убраны пышной прической. Проницательная, умная и близкая, как всегда. Новая красота — прежнее величие. Участок ее кругом обустроен таким советским Нью-Йорком: наставлены вплотную девятиэтажные болваны, но участок сохранил свой уют, зелень и жизнь (пока...). К 8-ми по предложению Али приехали к матушке. Сразу же появилась скатерть-самобранка и наставились тарелочки со всякой снедью, в том числе с моими любимыми кильками. Без особой войны мне были дозволены две рюмки «Каберне». На сей раз за столом только самая сердцевина еще живой семьи: матушка, отец Владимир с Ниной Васильевной, Веня с приехавшей сегодня Леной, Мотя, потрясающий маленький Никодимчик и мы с Алей, *принятые* ими всеми и счастливые этим. Почти весь вечер беседа об устройстве Никодимчика: Алена предложила устраивать его в Капеллу к Чернушенко, что всем пришлось по душе. Следующий «рассказ» Алены — это о Кате, ее приходе к нам, путешествиях в Нарву и в Ленинград. Дома были около 11-ти. Напутственное благословение отца Владимира при отъезде.

25 июня (чт). Серое небо. Дождь. Катя явилась сыренькая. Чувствую себя неважно. Полежал подольше, оклемался немного. За завтраком Аля пишет письмо к Норе об «испытании» Никодимчикиных данных и уезжает отдать его Лене. Скоро вернулась. Я записал дни до сих пор. А уже 2 часа дня. Аля по возвращении вымыла посуду, убрала, подмела горницы, затопила печку, сварила кашку-размазню. И только проделав все это, улеглась на веранде <...> В 6.15 вылез посидеть у сарая. Не очень-то посидишь, зябко, в воздухе острая сырость, комары лезут... Часов в 7 Аля пришла ко мне на диван: озябла на веранде. В 8 часов попросил Алю поесть. «Сейчас „Метрополь“ обслужит», — ответила Алена. Несмотря на частую топку печки, в доме очень свежо и прохладно.

26 июня (пт). По-вчерашнему холодно и дождливо. Вдобавок что-то неприятно в желудке. Да и горячая вода «не пошла». Аля помогла помыться и даже опять затопила печку. Утешительно заплескали язычки пламени, забагровели тлеющие уголья, запахло печным теплом. Внезапно телефон: звонит Лена Буслова, сообщает, что поручение Али по поводу оплаты флейтистов во время Алиного отпуска директором не выполнено. Тут уж мы оба с Алей накалились добела. Я даже предложил ехать сразу в Ленинград. Обошлось звонком

в Филармонию: как будто все в порядке, в чем заверил (не слишком надежный) Блиничкин.

Все-таки поуспокоились: я сел за писанину дней, Аля взялась за газеты. На часах — 1 час 50 минут. Аля — на моем диване, я у полки, где книги, на ней удобно писать. После обеда (снетки в томате, супчик из судака, пельмени, компот) дрема в кресле. Проснулся, Аля за чтением на моей постели. За окошком светло, ветерок покачивает ветки, светит яркое солнышко. Уже 5 часов 40 минут. В 8-м часу полистал томик Короленко. «В пустынных местах» — и сладостна старина, и горестно читать о ней... Ведь от нее и пепла-то не осталось, от *родимой*... А ведь в сердце-то она живет еще и будет жить, долго ли? Еще полистал «Рисунки Пушкина», «Печерскую лавру» и «Вечный город». А Алена читает что-то «потрясающее» про собачку! В 9 часов вечера приехали Муся и Боб. Около 9-ти позвонил Марис. Аля позастряла у Копелей. Муся очень тепло меня встретила. Мы с Алей улеглись рано, около 11-ти.

27 июня (сб) ...В 1 час 10 мин. поехали в Нарву закупить кое-что: помидоры, огурцы, черешни; книги по ботанике. Мне Аля подарила «Жизнь растений». В канцелярском магазине дополнительные блокноты. (Нежданные снетки!)

Небо затянуто пухлой облачностью, но светло очень и теплее вчерашнего. <...> Аля приготовила тем временем обед, в 4.40 позвала к столу. Был дождь, были и громовые раскаты... и по-прежнему серо и облачно. Подремал на диване, Аля у себя на постельке читает. Уже 6 часов 25 минут. Я просмотрел картинки в ботанических книгах. Плохо мне что-то... Неладно с сердцем. Уже 8.30. (Аля о Сикстинской Мадонне и *младенце*...) 9.30 сбитые сливки, колбаска, салат из огурцов и помидор. У окна кухни лежит убитая Катей ночью крыса. Топится плита, блаженно тепло. Оба на диване. Господи, спаси и сохрани. Алена восторгается автором, которого читает: Иоханнес Семпер.

28 июня (вс). Ночь благополучная, хотя вечером у Али болел затылок. После завтрака лежу в кресле, у калитки толпятся Гуревичи и Яков Михайлович. Аля проследовала в лавку за «водицей». День, конечно, холодноватый, но бодрый, в светлых тучах, без дождя пока. Топится печка; Алена пошла «к времяночке», я — тоже. Постепенно напоззли тяжелые низкие облака, и начал поплывывать дождик. В 2 часа ушли домой. Алена приступила к готовке. Присутствовал сегодня при готовке Аленой обеда. Все, что она творит, «кулинара», так же талантливо, сосредоточенно и умно, как и все, что она делает. Конечно, первая важность — это мое питание и сытость, но это же и последнее дело. Важно же: вкус, аппетит,

удовольствие от трапезы, кои я должен получать; глубочайшая забота о благе, пользе, делании мне добра. В пример приведу картофельное пюре, которое можно сравнить лишь со знаменитым пюре эконома Боброва из лесковских «Инженеров-бессребреников», которое не было жидким и струилось этакой волной с ложки и отличалось особенным вкусом... Отобедали в 3.30, и я — в кресло, Алена с книгой. Проснулся в 4.30, за окном ласковое светит солнышко, тихо, светло. Вечером в 6 часов пришлось попросить Алену опять постричь ногти на больших пальцах ног. Когда стригла, сжалось сердце при виде ее седых (пока отдельных) волосиков, тоненьких, как серебряные паутинки... Пошли к сараю; беседа о наших родных старушках, так горестно ушедших. Какая радость была бы *мочь* увидеть их, пойти к ним. Но нет... Алена рассказала мне еще раз, как все произошло, как «исполнился срок» (о кремации Нины Сергеевны...).

Потом Аленино *credo* будущей жизни, где «нет ни печалей, ни вздыханий, но Жизнь бесконечная...». (Совпадает ее ощущение со словами Церкви!)

Высоким, чистым становится прозрачный вечер; бездонность его. Коп пришел, помылся в баньке, подсел, «о том о сем». Незаметно опять нахмурилось, стемнело, комары налетели, реденько закапало... К 8-ми пошли ужинать. Аля — на телефон с тетей Валею. К 9-ти — дома: обсуждение ужасов хода ремонта в Ленинграде... Около 10-ти опять немного Короленко, затем уборка на ночь. Опять затучило, даже сумерки сгустились, тишь, молчание.

29 июня (пт). Ночью около 4-х вскочила ко мне на кровать Катя, мокрехонькая до волосинки: пришла с дождя, а дождь в ночи, слышно, дружный, упорный. Алена не пошевелилась: не хочет пробуждаться.

Утро ясное, солнышко. После завтрака Аля убирает комнаты, я — записал дни (12.30 дня). Потом Аля пошла в душевую «ополоснуться», потом посидели с ней у сарая. Ветер переменился: облака плывут на восток; вместе с пронизанным светом пологом облачности плывут пятна чистой синевы. В 2 часа Аля приступила к готовке обеда. Я — на горку один. Начал зацветать красный клевер; у самой земли, в чаще трав, медленно прогудел шмелик, летел, тщательно выбирая путь, не задевая ни травинки. Прилетала большая ворона, посидела на развилке высокой сосны, огляделась и полетела дальше. Это нынче первая ворона, которую я увидел здесь. Можно предположить, что «спасители» природы успешно уничтожают ворон, как и весь прочий живой мир... Этот мой участок уже сейчас можно назвать лесом, так он зарастает хорошо: быстро растут сосенки, очень много юных рябинок,

клёны. После обеда подремал. Как собрались в магазин, Алена еле встала: очень болела спина. <...>

К 6-ти — в электромагазин за штепселем для настольной лампы: конечно, выходной. К матушке. Она в платочке и пикейной шапочке от комаров на огороде. Живет матушка одна: Мотя смылся... Пока сидели, наплыла с моря туча, громыхнуло, полило... Дома ждет на телефоне Геллер. <...> Темно, затучено, ненастно. Поужинали. Гнездимся все на диване. <...>

30 июня (вт). День очень яркий, но сильно дует порывистый ветер. После обеда, в 4 часа, поехали промышлять в лавки в Нарву: в «Океане» нашли окуневое филе; в электромагазине — штепселя; в мебельном магазине Алена оторвала шелковые подушки, которых, по ее мнению, у нас нехватка; заглядывала Аля и в магазинчик, где фарфор. Вышла из него в полном упоении; домой ехали через «старый город» Нарвы. Прелесть этого района несказуема. Невольно вспоминаешь Кукуй, Лефортово, понимаешь влияние, кои они оказали на выпялившего на них зенки Петра-Котобыса! В Усть-Нарве зашли в «Альбатрос», и там послала нам судьба неожиданно-негаданно копченое сало! Что касается стиральной машины, то купить ее можно только при постоянной эстонской прописке.

Когда ехали домой, позанесло, но вечером опять медленно раззяснело, настлались высокие тучки и стала светлая тишина... (угощался у нас Катин кот).

1 июля (ср). Легли вчера мирно. Проснулись сегодня, — тоже. Утро серенькое (ночью был дождь), прохладное. Все как обычно.

На завтрак гениальная Алина пшеничная каша: крупинка от крупинки и корочки. Записал вчерашний день и до сих пор. Аля, слышу, у Фиры. Говорила с Левитом. Левит спрашивает, не нужно ли чего. 1 час дня. Аля затопила печку, зовет на воздух. Пошли к яблоне. На крыльце — Мура с очередной внучкой, Фира и еще одна тетка. Тучи — с юго-запада, но небо сохраняет голубой купол чистым. Аля излагает монографию Янсонса как принципиально правильную. 2.45 мин. ушла домой. До ухода рассказала содержание Р. Салури «Рыба в лесу» (жуть яви...). Остался один, слежу за полетом стрижей. Их нынче очень мало. 3.30 Аля на крыльце с веником, потом ко мне. Беседует с Софьей Васильевной. Обед. Сон в кресле. В 5 часов встал. День — все голубой. Сидим на веранде, Аля накрывает стол к приезду Янсонсов, которые приехали в 8 часов вечера. Когда коснулись оркестра, не удержался от волнения, резкости по отношению к Але, которая вмешалась в разговор. Получилось пренебрежительно. Уехали они около 12 ночи, а в 8 утра им надо уже отвозить Ираиду...

2 июля (чт). Весь день под знаком ядовитого осадка от моего поведения вчера вечером, осадка и физического, и уж конечно морального.

Провалился весь день почти... В 7 часов пришла Гордзевич с тончайшим букетиком, как всегда утешительная и умная. Вечер у нас с Алей благополучный, но у Али ночью страшный сон из ее цикла: даже кричала во сне.

3 июля (пт). День лучезарный, теплый. Записал эти дни, до сих пор. Аля, в своей голубой, такой милой кофточке, чинит белье на веранде (12 часов 15 мин.), а вчера вечером в заулке у колодца — чистила судаков (1).

Пошел к ней. Рассказала мне, что 1 июля был день Инны, о котором я... забыл, забыл и о вчерашнем дне ее похорон. Хорош, нечего сказать... Пошел и долго сидел между грабом и белой сиренью, слушал шелест большого клена, вскрики чаек, кружащихся над домом. К 3-м пришла Катя, а за ней и Аля. Посидели в нашей ложбинке под горкой, Аля сообщила, что готов обед.

После обеда, как всегда, дрема в кресле, Аля читает на «моем» диване, я — листаю книгу о С. С. Прокофьеве рядышком. К 6-ти подобралась всей колонией у сарая: Катя, Аля, Фира, Муся, Коп и я. Сидели, пока солнышко не опустилось за сосны, не наполнили предвечерние тени. Поднялся ветерок, сильно посвежело... Пошли с Аленой ужинать (форшмак!!!) — было уже около 8-ми часов. После ужина оба на старых местах, любовались пожаром заката на пылающих огнем стволах сосен, быстро отгоревших и утонувших в сумеречных тенях вечера.

4 июля (сб). Солнечно, но кой-где залегли тучки. Подувает свежий ветерок. После завтрака записал эти листки. Алена копошится, готовится к завтрашнему нашему отъезду в Питер... И уже утро пронеслось, и уже без десяти час дня. Аля: «Надо судачка оформить: часть поджарить, часть на уху. Поджаренного с собой возьмем». 2.30 — лежу, сердцу плохо. Последствие разговора 1 июня с Янсонсом... Голоса на кухне, появилась Таня. 3 часа, Аля готовит, ушла в магазинчик. <...>

5 июля (вс). Еще не погасили вчера на ночь свет, как на пороге возник Юлин кот. Когда заметил, что я его вижу, — исчез, как не был. Я разбудил (очень жаль) Алену. Ее хождение по восстановлению «хозяйских» прав Кати, открывание для нее окна в кухне.

Сегодня голубое утро и тихий разговор листьев. Полеживаю в кресле, Аля готовит багаж и обед. В 3 часа 12 мин. отъезд в Ленинград. Катя, как хозяйюшка, провожает до поло-

вины дорожки, где и остается: садиться в машину не в ее интересах. Едем благополучно, машин мало. В 7-м часу дома. Вопреки ожиданию, встреча с вещами и стариками приятна. Тетя Валя заботливо кормит. Ночка не отходит от Алены. Я не ощущаю своих недугов. Хорошо ложимся, засыпаю мгновенно.

6 июля (пн). В 7 часов нечаянно бужу Алю. В 10.40 она уезжает в Консерваторию. Сегодня, к сожалению, мокрота и очень чувствую сердце... Ну да что, ничего не поправить: пора уже не замечать... но легко сказать...

Почитал свои стихи: очередной раз подивился — ведь есть по-настоящему неплохие!

То сверху, то снизу несутся удары молотков, то грызущая стенку дрель, но, как ни странно, переносится это довольно легко и даже вызывает ощущение некой домовитости. В 3 часа (до обеда), как всегда, с потрясенным сердцем перечел страницы воспоминаний Ксении Георгиевны о последних днях Стравинского...¹ В 7-м часу Алена: все благополучно. Но без приключений мы все же не можем: отказал телефон. Тетя Валя все же добилась починки. Долго все вместе на кухне, беседа о том о сем. Дядя Юра выглядит неважно. Смотрели Шагала. Легли хорошо.

7 июля (вт). Утром все мирно, я не торопясь встаю, моюсь и пр. День солнечный, теплый. Тетя Валя сервирует традиционную кашу. Записываю эти строчки. Получаю кофею. Листаю монографию о Венецианове. В 4 часа обед. В 4.15 Алин звонок: свободна от экзаменов, но едет в аптеку. <...> В 8 часов фильм по Агате Кристи и позже китайский фильм. Мои все в него так и впились!

8 июля (ср). Сердце с утра колотится вовсю: соблюдаю все же «элементы» мытья. В 1.30 приход Лопатникова². Появление имени Азовской (!) <...> Около 5-ти отъехали от бензоколонки. Прибыли в 7.30. День мутный, в машине жарко, но Алена — герой.

9 июля (чт). День тусклый. Восстав, занялся переносом записей дней в этот блокнотик. Алена — в беседе с Ирой Шипулиной³ на веранде.

Пока суд да дело, 2 часа. Проглядывает бледное солнце. После обеда я на диване (неважно мне все-таки...). Аля — к сараю. Потом нашел ее у Фиры. В 7 часов поехали навестить матушку. Она — усталая, бледненькая, опять долго положила картошку; сдала, родименькая. В 8 часов домой. Катя провожала и встречала. Вечер тихий, ясный, пустынный. В густеющих сумерках Аля включила приемник: «Голос Америки». Легли вскоре спать.

10 июля (пт). Ночью переполох: Аля вставала, ходила, я решил, что ей плохо, тоже встал. <...> С плохим сердцем брился, полоскался. Завтракали около 1 часа дня. Аля предложила пойти на горку. Придя туда, я был возмущен и обижен: весь мой травяной склон вокруг горки был истоптан, измят и в углу у забора торчала какая-то ветка. От обиды меня «аж» трясло... Тем временем наполнили тучи, дохнуло холодком, быстро стемнело, громыхнуло, полил частый дождь, и мы с Катей вместе скрылись в домушке. Было около 2-х. Около 3-х обедали, после чего Аля на веранду, а я сначала подремал в кресле, после чего переписал в блокнот эти первые странички. Сейчас уже 5 часов 10 мин. День так и остался зловеще затихшим и затученным. Вечером втроем на диване у приемника. С сердцем моим скверно: даже занавесить окна и сделать постель не могу...

11 июля (сб). Несмотря на «большое» самочувствие и продолжающую спать Алену, встал. Легонько ополоснулся и лежал в кресле в большой комнате, пока Катя и Аля не вышли. После завтрака (гречневая кашка!) улегся в кресле в спальней: плоховато...

За окном голубое утро с нежно-лиловой глубиной, как бывает на юге. Бегут рваные тучки, вершины сосен клубятся на сильном ветру, лапчатые листья винограда трепещут вдоль стен и стволов деревьев. Поспал крепко, немного полегчало. Вышел на веранду к Але и Кате: обе сидят затопленные пляской солнечных бликов. А на часах уже 11.30! И все говорят, что очень, очень холодно!

К 2-м часам небо окончательно закуталось тучами и хлынул дождь с градом. В 3.30, как всегда, обед и как всегда — вкуснейший. Прибрав посуду, Аля — в магазинчик. В 5 дома. Выглянуло солнце. Но потом полвечера ползут тяжкие серые облака, роняют холодные космы дождей. Целый час смотрели у Волчонков «Вокруг смеха». Хороший один: *Александр Иванов* (ведь он «возник» у наших с Алей старушек...).

12 июля (вс). *Сегодня день Петра и Павла*: у матушки в 6 часов вечера — пирог. А помнишь ли ты, старик, этот же день в 1924 году в Киеве? <...> Небо опять белесое, слепое. Опять серые облака роняют короткие дождики. Обоим нездоровится: тогда и гляди «придет конец»... И вновь омовение свежей водицей помогло и оздоровило. После завтрака, как всегда, дрема тоже помогла. Катя — дома. Аля обрабатывает утку к обеду. Небо расчистилось, стало светлее. В Нарве — выставка кошек (!). Соседи хотели ехать, но помешала погода. Копель зато заходил за журналом к Але. Я записал деньки. А на часах уже третий час!! В 3.30 — обед без супа: утка! (с кашей), экономим аппетит на матушкин пирог. В 4 часа

у «Волчат» на телепередаче обо мне, Казальсе, Рейзене⁴ и Горовице. Мое пребывание в этой компании до сих пор воспринимаю как «не в сериоз». В 6 часов приехали к матушке: столик накрыт на троих. Мы одни, избранные, в этом священном углу. «Доктор»-Алена разрешила водочку, по полторы рюмки. Всегдашние беседы о Никодимчике, о «грядущем»...

В 9 час. солнце низко, вечер золотой, тихий, благостный... благостно озаренный. Дома пусто: только Катя встречает. Вечер на диване у приемника. Заметно потемнели и раньше опускаются сумерки. Матушка сегодня значительно бодрее, моложе, не надрывалась, видимо, на прополке. Легли мирно, тихо.

13 июля (пн). Проснулся, как это часто бывает, с ощущением смертного часа. Алене, чувствую, тоже никак не шевельнуться. Все же вылезли, ополоснулись (это всегда живоительно). <...> После завтрака появились две старшие бабки Молчадские, заверещали с Алей... Я смылся к себе, записал дни.

День облачный, но тихий, и дождя пока нет. (12 часов дня.) Аля проводила «бабок», вернувшись, затопила печку, теперь перестилает постели, после чего поедет в лавку. Я иду в 2 часа в «солнечную ложбинку» у горки. Цветет вдовий цвет, красный клевер, наготове дикий левкой. Поставил складушку на край соснового «борика» частых полуметровых сосенок. Катя улеглась неподалеку. В 2 часа 45 минут — Аля с авоськами. Катя ей навстречу. Потом Аля со стульчиком, журналом, в беленькой кепочке — ко мне. Вплотную за нашим забором «гуляют» три тетки. Одна идет за гаражами, видимо по нужде. Поют пьяными голосами.

Аля пересказывает мне рассказ, прочитанный только что, о выкопанной сыном могиле отца (причина: найти выигрышный билет!). В послеобеденном сне слышу некое шебаршение; окликнул — никого, еще раз — никого. Привстал, — передо мной новая помощница нашего домика — Таня, как раз такая, какой я ее себе представлял: складненькая, с искорками в глазах, с пушистой, стриженной головкой, горячей улыбкой... Аля у сарая; пошел к ней. Вскоре подошли Фира и Мура. Состоялся долгий дамский политдиспут...

Вскоре он кончился и Аля повезла Таню и белье к ней домой. Я дописал свою «летопись» до сих пор; на часах — 7 вечера.

Вечер солнечный, тихий, теплый... Были у Волчонков на новой серии «Шерлока Холмса». Дома в 11 часов вечера. Вечер застыл, густеют сумерки.

14 июля (вт). Около 9-ти проснулся. Самочувствие — хуже не бывает: и не описать его, и не рассказать. Но помаленьку

все пошло своим чередом, и в 11 сели завтракать. Поели, Аля прибрала посуду, и поехали на рынок: нет дома огурцов и помидор. Их, увы, не оказалось и на рынке. Поехали в Нарву. Тут обрели все и даже ягоды (землянику садовую и лесную). И то и другое — о чем мечтает уже несколько дней Аля. На пути две горестные заметы: зацветает рябинник и видел алый островок уже цветущего иван-чая — неизбежно близится уже конец лета. Вспомнил, что пишет Солоухин о зацветании дикой рябинки... И у меня тоже екнуло сердце... Дома — кофеек, бутерброд и... дрема.

Обедали в 4: молодая картошка с салакой, супчик с цветной капусткой. Какие-то дядьки привезли с Чудского озера судаков и лещей. Наши дамы налетели на них с азартом.

Небо затянуто высокой светлой облачностью, с бледными голубыми просветами; все вместе озаряет землю большим и сильным светом. Сижу, пишу; подошла Алена, обняла, поцеловала... хорошо это было. <...> Зашел в кухню; Аля разделывает судака; я получил кусок — волшебного изготовленного, без единой косточки и чешуйки, а Катя кусочек печенки. Ждем «Шерлока Холмса», но «Время» и Горбачев задержали начало. Дождались-таки и все трое (Катя активно присутствует) проглядели вторую серию.

А вечера все темнее, сумерки все гуще, все раньше...

15 июля (ср). 9 часов — встал. 10.15 кончили завтрак (Копелей нет: оба на службе). 10.45 Аля топил печку. Лес — весь в оседающем от сырости дыму: дождик. Лег спать: Аля закрыла. 12.30 — голоса, «бряк»: чинят газовую колонку две бабки. А газовщики все не везут баллоны, а уже 2-й час. Аля читает в спальне в кресле. Еще тетка по страховке имущества. Дрема. В 2 часа 5 мин. — Фира.

Серо, очень свежо. Дрема в кресле против окошка, за которым ветер треплет и гнет ветки граба. В 3.30 Аля — готовить, отообедали в 4 час. 20 мин. (слабость, слабость поперек живота...). В 4.30 привезли газ (Аля с Фирой на угреве у сараюшки). Сходил, посидел с ними. Потом сделал первый нынче кружок вокруг дома, через калитку у гаражей. Благополучно.

День золотой, свежий: в глубокой синеве с севера медленно плывут редкие облачка. В 6 часов с Алей домой. Письмо от Никитина: невероятно!!! <...>

Звонок тети Вали. В 7 часов Аля надумала к матушке (договориться о поездке в Пюхтицу завтра). Дома были в 9 часов. У «Волчат» смотрели третью серию «Холмса».

16 июля (чт). Невзирая на ужасное сердцебиение, вызванное мытьем, постелил свою и Аленькину постели. Она в это время кормила Катю, топила печку, готовила завтрак и заго-

товляла провизию на поездку в Куремяэ; заготовила целый баульчик.

Погода подозрительная, но тем не менее тронулись от матушки в 3.45. Поехали через Нарву: надо заправиться. Поехал и появившийся из Таллина Мотя. Светлым благом — появление одного за другим: родных домиков, ржаных полей, хуторов, знакомых магазинчиков... и наконец, над дальним лесом глав и куполов монастырских храмов. К сожалению, раскис в пути, с трудом добрался до своего угла в церкви, где мы с матушкой и Алей пробыли всю службу. Лучезарные люстры, убранные каплями зеленого хрусталя лампад, золото солнечных пятен на ризах икон... Тихое серебристое звучание женских голосов маленького хора... Убогие, бедственные люди, детская свобода шагов, как дома... Немногочисленные черные силуэты бдящих чин монахинь. И еще каждый раз, как надо было вставать, я чувствовал под левым локтем неженскую силу матушкиной руки, мощно помогающую мне подняться... Вот и дожил и я...

Вечер очень холодный. Небо в тучах, но обошлось без дождя и без грозы. Дома были в 10 часов, скоро легли. Кати — нет, пришла, когда мы уже спали.

17 июля (пт). Пробуждение тяжелое, но утро светлое. Аля, как всегда, — на пять фронтов: и Катя, и печка, и завтрак. После него я сел, записал 15, 16 и частичку сегодняшнего дня, до сих пор. От часа до двух сделал полтора кружка вокруг дома и через горку (не блестяще шлось... увы). До четвертого часа сидел на веранде. Обедали, как всегда, вкусно и долго. Звонил какой-то московский болван по вопросу «мелентьевского произвола» в назначении Минина⁵. Часов после 5-ти Алена пошла на яркий свет и в припек, к сараюшке. Пришла туда Фира, после подгребли я и Копель. Беседы уютные, о мало известных блюдах, как, например, Wienerwurstchen [сосиски по-венски], Sprotskuchen, Mozart Kugel и кнедлики, окончившиеся поэмой, посвященной Аленой Норкиному холодильнику.

Но вчера в храме озарило новое: не «избави от смерти» и не «повремени с концом моим», но: «Господи! Прими меня в лоно Твое!» Правда, озарение длилось недолго...

Небо сегодня — как у Ливеровского⁶ вещало синице: «синий день, синий день»; воздух чистый, *хрустальный* и бездонный, и плывут в нем малые тучки, и конца ему нет! Звонила Т. Самутина: желает приехать завтра. Разошлись около 8-ми. Вечером большой сбор у Волчонков. Собрался весь наш околоток: и Колкер с М. Пахоменко, и семья Яши, и Борька с Мусей приехали. Поднесен был рыбный стол (фаршированный Фирой лещ) и седло барашка (шашлык), организо-

ванный Колкером. Было и шампанское, и хорошие вина, и, конечно, водка. Алена — прелестна со своими «изречениями» и хохмами. Колкер приятен и очень не глуп. Пахоменко грустная (в газетах обхамили ее дочку). Уже смерклось, когда мы ушли к себе.

18 июля (сб). Утро светлое, с солнышком. Оба лежим в своих уголках, изучаем, в каком состоянии каждый... У соседей уже сутолока, «молодые» уже куда-то едут. Пришла Гордзевич — показаться Копелю: что-то плохо с глотанием (?).

Алена в первом часу — к сараюшке, я записал дни и тоже сейчас пойду к Алене. Сел в тени яблони. Очень высоко простерлись тонкие слоистые тучки. Пионы развесили мощные белые шары цветов, напоминающие помпоны на костюме Пьеро.

Сегодня сделал два кружка через горку с посадкой на симборовской скамейке (цветут: толокнянка, восковичка, богородицына травка, много клеверу белого и красного, зацвел поповник. Борькин щенок перед крыльцом предается радости жизни: приветствует всех и каждого... Ввиду ожидания прихода Самутиной, велено «через 15 минут» приходить обедать, что я и выполнил, после чего предался в любимом кресле в спальной очередной дреме.

Проснувшись, увидел Алену под яблоней поедаемой Самутиной и еще кем-то... День выстоял золотой, но пролетел так же быстро, как и ненастные до него... уже шестой час вечера. А в 6 часов вечера наконец взорвалась бомба поправления моей заветной лужайки... очень было сложно, болезненно и почему-то стыдно... В 7.30 Аля дома, и имела место жалкая попытка моя объяснить ей возникновение «взрыва». В 8.20 Аля пошла мыться.

19 июля (вс). Поездка в Нарву на рынок: приедет Левит. Оттуда к матушке: предупредить, что не приедем сегодня. Я — очень плохой: вставая, действительно казалось — умру, что лопнет сердце. Левит вскоре прибыл. Весь день были за столом и за поездочными темами (Толыпин, планы на будущее). Уехал он в седьмом часу. Его сообщение о Товстоногове: лежит в больнице, ноги не работают... Я записал эту пару страничек. Аля: «Воздух так чист, что иголки видны на соснах». Трогательное появление «Волчков» с приемником. Сначала появилась Фира с письмом от Стасика, в котором был привет мне. Передача о святом Сергии; в 9 часов они же (Фира) принесли два блюдечка с муссом. Алино резюме: «Ну вот, все хорошо» (имела в виду «взрыв»).

Но сама Аля очень огорчена «аварией» со студентом Шевченко⁷, проваленном на устном экзамене. Не совсем понятно, на что она рассчитывала в известной ей обстановке <...> но горько и больно за нее очень, очень.

20 июля (пт). Долго лежим, я — «жду» Алену, она в «раковине»; молчим оба. А день безоблачный, ликующий. Постепенно включились в него и мы. В 12 час. 45 мин. сижу пишу эти строчки. Алена у Фиры на кухне чинит зажигание в газовой колонке (не в колонке, а в плите!). Начало 2-го — пошли «под горку». В небе ни пушинки. Зацвело несколько колокольчиков. Стрижи сегодня охотятся над нашими головами: перелетели с заречья. Мы пересели на солнышко: Божья благодать! Мальва обещает близкое цветение. Порхает пара бычьих глаз [бабочек].

Вспомнилась поездка с Феддером через Швейцарию в ФРГ... Обед в дороге, волшебное ледяное белое вино... Как быстро ушли они — все они такие Большие и такие Родные, вопреки коротким срокам встреч... Феддер, Рудольф, Клецки, Ломбар, Шолти⁸ и все, все... А Ансерме и Селл⁹, и их отзывы о «моем» Бартоке! *Швейцария живет в сердце и в душе Алены.* <...>

Дома в 4 часа. Аля и Фира обсуждают поломку газовой плиты у Фиры. 4.30 — отобедали. Пришла Таня — убирать. Сейчас 6.30. В доме тишина.

21 июля (вт). Праздник КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. Перемена погоды: жарко, печет. И сердцу плохо, душит, слабость... Всё же — в церковь. Полно даже на паперти. Аля вовнутрь, я — в соснячке на скамеечке с Мотей. Аля приходит посмотреть, «как я», поглядывает и с паперти. Когда тронулся крестный ход, махнула мне рукой. *Холодные брызги окропления.*

К сожалению, еле иду. Но живительная благодать осеняет. Сворачиваю к дому матушки — присесть, отдохнуть. Вот и Аля, за ней и Мотя. Суетня выводка дроздов. Дома я под кленом, в тени, Аля — в лавку. Обед; самочувствие отчаянное. Прошу Копы о кардиограмме. Он мгновенно организует ее: Аля едет за сестрой с аппаратом; сам на речку, но не может купаться, столь холодная вода. Аля с сестрой. Съёмка и увоз сестры. Появление успокоительной Фиры. <...> Я в это время за чтением Короленко и... ягодами. Ужин: колбаса и спагетти. Долго сумерничали на веранде втроем с Копом, до 11 часов вечера!

22 июля (ср). Мытье сегодня прошло полегче. Катя завтракает вторично: блюдец овсяной каши. Около 12 втроем под яблони. Наливается красная и белая смородина. Звонок по телефону к матушке о вчерашнем нашем неприходе. Аля, выйдя на веранду: «курортный воздух». Я: «Трава еще пахнет ночью» (роса, тень, приход солнца). Аля пересказывает мне то, что читает. <...> От Толстого до Короленко — как о звеньях прогресса. Аля, откинувшись в креслице: «Как хоро-

шо! Как хорошо!» В 1.30 появление Фиры. Монтеверди, как убажнение душ «роботов» (на путях стерилизации). Эйнштейн и скрипочка; вспомнили и Шерлока Холмса! О спинках и донышках облачных цепочек; утренний запах травы — запах ночи.

После обеда недолгая дрема в спальнй, в кресле. Потом запись дней, до сих пор. 5 часов 40 мин. К 7-ми поехали к матушке, чтоб искупить свою неявку к вчерашнему праздничному пирогу. Она с двумя другими тетками убирала церковь. (Несметное число машин купальщиков). Милая ее веранда, насквозь пронизанная вечерним солнцем. Алины рассказы о «зарубеже», о японской кастрюле... 9.30 домой, оставил у матушки кепку и палочку. Мне чего-то уже у дома стало плохо, так что не смог повидать Лидию Александровну, пришедшую с букетиком маков к нам.

Вечер досидели опять с Копом, его диагностикой; и вновь пришлось мне услышать термин «легочное сердце». Балет сороченят у нашего окошка.

23 июля (чт). Утро безмятежное, сияющее. Встали около 11-ти. После завтрака втроем с Катей пробыли на веранде, Аля — размышляя (видимо) о педагогике и ее теперешней непереносимости, я — подремывая, Катя — растянувшись в глубоких снах, подрагивая лапками в сонном беге. Обедали рано, до 3-х. Немного подремал и пошел к Але, сидящей под яблоней с журналом. Пока шел, изрядно прихватило сердце... Господи!.. Неужели?! Неужели всё?!.

Половина шестого; пошел записал день. Аля привезла мою кепку и палку, но матушку не видела: она кого-то отпевает в церкви. В отсутствии Али приходили два дядьки по вызову Али (?) взять в ремонт пляжные складные стулья. Аля их еще застала и договорилась с ними, как и что делать.

24 июля (пт). 10.50 в Нарву. 11.10 — прибыли. Стеклянная гладь реки. 11.30—11.50 помаленьку заносит. 12.15 — наш рынок; 12.30 — дома. Аля на кухне трудится над курой. Я попил молока — и под клен к «Шишу». Тишина. Все затаилось. В воздухе влажная пыль. Все на кухне. Пришел и намокший «михрют» [Катя]. Фира принесла мясо, печенье. Отобедали. Я — в кресле в спальнй. Аля — на веранде. В 4 часа появился в калитке Коп. У меня сильный, долгий приступ кашля. Попросил у Али кофейку с печеньем.

Каплют редкие дождевики. Безветрие. Дым у соседей плывет в небо отвесным столбом (в седьмом часу). Полог туч все темнее, ниже... Коп героически бреет газон. Листья жасмина вздрагивают все чаще, капли сливаются в струйки, и вот уже шумит дружный ливень. Аля у Фиры: снесла долг и, конечно, застряла. До этого долго, почти час, мыла и прибирала посуду.

Подгреб к ним и я. В итоге гостевали у «Волчат» долго, смотрели «Время» и пили чай, смотрели и очередного «Ш. Холмса», к себе вернулись поздно вечером, почти по темноте. Явилась и мокренькая Катерина (между прочим, тоже гостевавшая по всем правилам у Копелей).

25 июля (сб). Сыро, зябко. Небо мохнатое, облачное. Встали ладно. Алена на своем «верандном» посту. Я записал дни. (После завтрака не удержался от дремы.) Уже 12 час. 25 мин., пошел «в кружок». Сделал только один, как Аля позвала в дом: будет передача (Вагнер) из Дрездена. Очень хорошо немцы спели ряд фрагментов опер: и профессионально, и с любовью к делу.

Аля затопила печку, и было бы совсем хорошо, если б не аварийное состояние сердца: боли, перебои, одышка и т. д. и т. д. Около 3-х Аля позвала к обеду. Еда, как всегда, у нее вкусная-превкусная. А за окошком опять струйки дождя и густая облачность, серая и молчаливая. Подремал. Вновь Алин зов: в кухне на полу лежит лососиха весом в 14 килограммов (!). Рассказ Али, как Катя ее сопровождала до лавки, переждала в кустиках и привела домой. Это они (!) ходили за солью. Разделявать помогает Фира. Я — довольно долго в прострации на веранде. В 7 часов — *первая проба проигрывателя* и пластинки «Литургическая симфония» Оннегера.

Вечер у Копелей: «Здравствуйте, я ваша тетя!» с Калягиным. Я не выдержал, скоро ушел «домой».

26 июля (вс). Холодное утро. Ветер. Частая смена облачной тени и яркого солнца. Копель спозаранку «косит» травку. <...> Поспал после завтрака, иду к сараю: там на солнышке греется Аля (1 час дня). Сидел с ней долго, до самого обеда. За это время сделал два кружка вокруг дома. <...> Около 3-х обед: свежесоленая лососевая игра, бульон с зеленью, тающая во рту пареная лососина и клубника в сбитых сливках. После обеда Аля ложится на мой диван, т. к. тахта на веранде занята «михрютом».

Ветер стих, плывут низкие белоснежные облака. Аля умудрилась услышать звучащую где-то вдалеке передачу Шестой симфонии Шостаковича. В 8 часов второй прогон симфонии Оннегера. Трудно воспринимается: все «ключи» где-то растеряны. <...> Издали погромыхивает, лениво темнеет, и в 9 часов вечера — гроза и дождь. На крыльце очередное предупреждение Копеля о моей легочной уязвимости.

27 июля (пн). Утро холодное, серое, безмолвное. После завтрака сон в кресле в спальне. Аля готовит чемодан с бельем — отдать Тане в стирку. В 2 часа будит меня: идет

в лавку за покупками. На смену ей, когда пришла, пошел «в кружок». Но так мне плохо идти, так плохо, хоть плачь.

На горке цветет белая ромашка, зацвели «гномики». Проглядывает бледное солнце. Аля навстречу: несет угощение птахам. Дома, «на парадном крыльце» увидел ее уже с Мурой.

Сердце болит и пляшет, лег поскорее в кресло, заснул. <...> Проснувшись, посидел на «семейном» крыльчке, подышал чистой. Аля готовит обед. В 4 обедаем. Фира принесла почту, в том числе зарубежные рекламы. Аля изучает их, переводит и толкует мне. Дело касается ежегодного «Концерта Мира» и участия в нем одного из моих скрипачей.

В 6 часов вечера по очереди все собрались у сарайчика. Сначала Фира и Аля, потом я, Катя и откуда-то на велосипеде прикатил Копель. Сидели долго, до 9 часов вечера. С опаской обсуждали грозные события по всей земле (50 градусов в Греции?!) и с опаской вспоминали деяния «меченого»... Вечером звонила тетя Валя. Я сорвался с цепи за то, что Аля «застряла» у Фиры и потом включила «Голос». Господи! Помогите мне сбросить мое негодяйство, окаянство мое и искупить преступные мои обиды Але, которой я всем, всем обязан, даже самой жизнью...

28 июля (вт). *День Владимира.* Ненастное утро: сыро, холодно. Аля все же собирается в церковь, куда и поехала около 11-ти. Я, конечно, смалодушничал: в церкви испугался духоты, на улице дождя... Пришла ко мне Катя, на Алину постель. Скоро появилась Аля с приветами (Пигулевские, матушка, Нильсен) и просвирками, *и без злопамятства* за мое вчерашнее безобразие (!!). Вернувшись, Аля затопила печь и приступила к готовке обеда, предварительно оказавши мне помощь. <...> В 4 часа обед и обычная дрема (Аля на диване, я — в спальней, в кресле). К 5-ти пришла Таня, а вслед за ней небо, затянувшись бледно-серой свинцовой пеленой, обрушилось хлещущими струями свирепо грохочущего ливня и порывами шумного буйного вихря.

В 7 часов уборка кончена. В 7.20 Аля повезла Таню домой. В 8 — у матушки. Беседы: о легкомыслии Моти; о смерти (смерть Мирона во сне Али и наяву); о молитвах и их пении (Аля); о поездке в Куремяэ на днях (с Владимиром Владимировичем [Нильсен]). В 9 часов мы дома. С 9.20 до 10 — ужинали. Аля — у соседей. Катя — на большом крыльце. Очень холодно и сыро. И темно.

29 июля (ср). Свежо, солнечно, плывут рваные тучки. Приезжали мебельщики. 12 часов, Аля во времянке чинит штепсель. Вскоре с этим делом перешла домой, за мой стол. День продолжался ясный, холодный, в кучевых облаках. До самого обеда — у сарая. Потом я — на веранде. <...> Коп косит под

самым моим углом. «Объяснение» с ним: почему нет Алексея Александровича? Почему вредит своей косилкой стволу у Алиного клена? Появление Стасика в связи с окончанием «симборовского» путешествия по озерам.

В 8 часов 45 минут — ливень и несущийся под ним «розовый» кот. Вечер: портреты Шостаковича (при Десятой симфонии), подаренные мне Барским, и начало с них беседы с Копом: об убийствах 1948-го года и сегодняшних злодеяниях вокруг издания Полного собрания сочинений Шостаковича; слушание моих записей Чайковского, проникновение в них Али! и Коп, и даже Стасика! И даже потрясение самого меня творческой атмосферой их — участников творческого познания. Впервые ощутил всю мощь мной содеянного... и ныне живущего! Коп: «Как все понятно и как все просто!»

Разошлись поздно, в ночи, под шорох неугомонного дождя, унося с собой великую значительность пережитого вечера и ликов Шостаковича и Чайковского.

30 июля (чт). По-прежнему хмуро, затучено и холодно. Пока пишу, на «семейном» крылечке появились и верещат Молчадские *in corpore* [в совокупности]. Было отчаянное самочувствие при вставании и завтраке. Аля уложила в кресло, я поспал и только тогда смог сесть за записки... В 1 час 30 минут — молния и сильный удар грома. Все на веранде. Аля угощает гостей моими записями. Задождало. Вдалеке продолжает погромыхивать. Приход семьи Молчадских всегда утешителен, особенно прабабушки, дай им Бог всякого блага.

В 3 часа Алена позвала обедать. Подремал немного после, а в 4 часа поехали в Нарву, прихватив с автобусной остановки Риту с мужем, тоже едущих в Нарву. Успех покупок оказался ничтожен: всюду очереди, а того, что надо, — нет. По небу бродят громады бледно-серых туч, сулящих ливни и грозы. Дома были в 6.10, выпили кофе, Аля — за журналы, я записал эти строчки. Вечером очень большая беседа с Копом о Евангелии и Библии.

31 июля (пт). Ясное, солнечное утро. Если погода удержится, можно ехать в Куремяэ. Перед самым выездом в Куремяэ приехал доктор Воробьев, осмотрел меня и кардиограммы; к счастью, не задержался. Поездка состоялась. В 4 — к матушке. Тут уже ждал Нильсен. Несколько минут на могиле матушки Силуаны. Служит митрополит Алексей и матушка Варвара. Много людей. С 6 до 9 сидел не вставая, очень устал (*всенощная по Серафиму Саровскому*). Недоброе шевельнулось в душе, пока были в храме. Посмел быть «недовольным» Алей. <...>

Но при отъезде сквозь решетку кладбища — прощальный крест матушки Силуаны. Часов в 10 — дома. Кроме того,

исчезла Катя и ночь отсутствовала. Появилась, когда мы уже проснулись сами, в сопровождении кота Юлиного...

1 августа (сб). Аля и Катя на веранде. Я — полусон в кресле. Выходил к ним; оказывается, сегодня совместный обед: Аля — уха, Фира — пирог. В 3.30 — обед. Дождя нет, но по всему небу бродят рыхлые, серые облака. В 7 часов пришел Эстрин, ему кусок пирога и коньяк. *Аля оживленная, благодарение Богу.* У меня нет-нет да мелькнут образы Куремяэ и вопрос: *что это: жертва искупающая или наказующая? <...>*

В 8 часов мы с Алей дома. Атака на нас Кати, и за ней кота, и конечно, стычка с Алей из-за этого. Алин рассказ *о служении отца Алексия* в храме и объяснение ее, почему она была в центре *ВСЕГО*: чтоб быть в нем (быть в глубине служения и причастной ему). 9.30 я — на большом крыльце: проводы дня и плавленого серебра захода солнца. Тишь полная. Мусья и Боб в калитке.

2 августа (вс). В 10 часов пробуждение. Аля в тягчайшем состоянии: болит сердце, страшная головная тяжесть. Еле ходит; после завтрака легла... молчит, лекарств, нужных ей, — нет... страшно. Сказал Копелю — никакой реакции: занят дровами. Пошел к Фире: она зашла к нам на минуту и тоже ушла... Аля же хочет только покоя, чтоб ее ни о чем не спрашивали... Лег сам — дремать в кресле. Гробовая тишина в доме и все неподвижно в мире, будто и вращение земли перестало... За окошками неживой сумрак. Сходил к Але; слава Богу, хоть Катя у нее на постельке... Уже половина четвертого. Аля, слышу, что-то закопошилась в кухне. После обеда — сон. Долгий и отрешенный. Навестил Алю. Что-то явного улучшения не видно. В одиночку выпил кофе. День становится светлее: легкая, прозрачная голубизна неба, тонкая белизна редких тучек. Ласковое предвечернее солнышко. Аля все лежит. Уже 8 часов! Катя — отсутствует. Пока. С утра появился выводок малых «Волчков» со щенком, пробыли, протопали, протягивали весь день и остались ночевать.

3 августа (пн). Ночью стало темнехонько: пока нашаривал штепсель, уронил и разбил стакан. Аля решительно встала, подобрала осколки. Утром проглядывают в лесу пятна солнца. Звенит где-то на участке щенячий лай: «Волчки» — здесь. Але немного лучше, пошла на обычную страду. Зато мое самочувствие отчаянное. <...> После завтрака Аля заявила, что «утопалась» и идет к сарайчику отдохнуть. <...> Я посидел тут же. Солнышко сегодня печет, и я ушел домой в свое кресло у печки — дремать. День затуманился, затих, задумался... чуть-чуть побрызгал дождик. Темнеет. Около пятого часа обедаем. Аля заметно бодрее, слава Богу. Звонила матушка, зовет

на пирог. <...> Вдруг, о удивление, звуки флейты: это Аля привезла Стасику инструмент и, увидев, как он крючится, дала ему импровизированный урок постановки. Вернувшись, легла на свою постельку и предложила мне сесть у ее изголовья в кресле, сама, конечно, с книгой о Брамсе, которой очень увлечена. К 8-ми поехали к матушке, оставив Катю на главном крыльце. Пребывание у матушки было долгим и на редкость проникновенным. Аля опять передала свое потрясение и свет во время служения отца Алексия. И прямо сказала, что горела желанием задержать меня в храме до конца службы. Тут-то я и понял, что казавшееся мне назойливостью было желанием мне *Блага (!) и Благодати Духовной*.

Стол у матушки даже сегодня был обилен, несмотря на обильный будний день. Мой рассказ о причастии меня отцом Александром однажды в алтаре, и *свете, счастье, радости*, охвативших меня после этого, *жгучем свете!!!*

Пошел дождь, быстро стало темнеть. Прощание с взаимным с матушкой благословением. Дома, укладывание на ночь под звуки шума дождя. Катя дома. Несколько дней назад пропал Юмба. Есть предположение, что ушел умирать...

4 августа (вт). Встали в 10 часов. Дождь все льет. Аля довольно благополучна, пошла хозяйствовать. Мое состояние тоже приемлемо. После завтрака лег в кресло, Аля *пошла заниматься на флейте со Стасиком*. За завтраком Алино откровение о Брамсе, такой глубины и постижения, что невольно назвал ее саму — «маленьким Брамсом»... И действительно, ее вникновение в музыку, а особенно в душу любимого ее композитора потрясает и умиляет до слез... Что Аля сама принадлежит к «великим» — это несомненно, и да простит ей Бог все пустяковины, на которые я, в своей мелочности, «изволю» обижаться и огрызаться. <...>

Сейчас половина второго, Аля пошла в спальную заниматься на флейте, *на сей раз сама* (предварительно закрыв печку, которая топилась, пока она занималась со Стасиком). Вернулась в 2.30. В это время появилась и Татьяна — убирать дом. Пока длилась уборка, мы с Алей и Катей были у Волчонков, где топился камин.

День с утра стоит хмурый, как заколдованный, замерший в молчании и неподвижности. Уже половина четвертого. В 4 часа пообедали: доедали уху, на второе — постная свинина с кабачком и компот. Аля — уборка кухни, посуды. Я — в кресле напротив граба и с томиком Гоголя, взятого у Волчонков. Аля поинтересовалась, чем я занят. Пошел к ней, устроился у окошка. Как-то мысли застряли на завещании: вытасил его и огорчился им. Несерьезно как-то все; надо пересмотреть все это, если хватит сил...

Нежданно пришла прабабка с Сенькой. Они, как всегда, явились с добром и лаской. К 8-ми часам мы с Алей, проводив их, поехали к церкви на свидание с Таней, оттуда с ней в Нарву за чемоданом с бельем и домой, где были около 9-ти часов вечера. Сейчас 9 часов 30 минут.

Закусили семужьей икрой, Аля разобрала белье, я кое-как записал эти строчки: плохо очень себя чувствую, болит сердце. Аля, слава Богу, сегодня ничего, хотя тоже жалуется на погоду...

5 августа (ср). В 10 часов встали. Приход «пожарного контроля». Завтрак и одновременно Аля готовит обед. Сон против граба. Плохо с сердцем: стучит и перебои сильные. Аля осторожно будит: уходит в лавку. «Зачем?» — «За всем». Это значит — потащит тележку с этим «все». 11 час. ушла. 12 час. — еще нет. Просил Стасика съездить посмотреть, в лавке ли Аля? Нету. Наверное, у Юли. Так и оказалось потом: вернулась, таща тяжелую тележку. Сразу приступила к топке печи, продолжает готовить обед.

С сердцем моим просто беда: колотит и болит, иногда замирает... амплитуда перебоев очень большая. Уже 2.30. А у «Волчат» тоже беда: что-то с машиной и с зубом у Боба: пришлось рвать.

В 3 часа обедаем: рассольник, постная свинина, мусс. Алена — мытье посуды.

Приход [нрзб] с подлещиками и судачками. Аля покупает (по 2 рубля кг), тут же приступает к чистке и заготовке. И тут наконец появляется возможность отдохнуть, ибо «пробило» уже 4 часа и тахта на веранде ждет давно свою хозяйку. Наступает полная тишина; день стылый, пропитанный холодной сыростью, какой-то затерянный в самом себе... И становится все темнее и темнее. А сейчас — в 4.30 — и дождь пошел.

Аля попросила принести ей оренбургский платок, под которым даже на веранде тепло. Потом, подумав, пошла в спальню, захватив флейту. (Это — второе занятие.) Ко мне в это время пришла Катя и тщательно умылась и прибралась. Выпили чайку. Аля легла на диван, я сел в кресло и... мы предались воспоминаниям. <...>

А в 19.45 пришла Фира и пригласила нас на «хачапури», которые она пошла изготавливать. Хачапури были белы, пухлы и румяны. Пробыли весь вечер, в конце которого Аля и Стасик удалились заниматься. Заморосило, и каменные наши «пешеходные» плиты залоснились от дождевой мокроты.

6 августа (чт). ...Утро взошло голубое, в легких облаках, теплое и ласковое. Муся, Боб, Аля, Катя и я собрались и до самого обеда сидели у сарая. Подошла с работы и Фира, курсировал неподалеку и Коп. К обеду подвалил и Яша с вывод-

ком и щенком. После обеда мы оба с Алей не могли выбрать вторую половину дня, пока я не сел за писанину, и Алене волей-неволей пришлось запереться в спальне и начать «чиркать» на флейте. (3-е занятие.)

За окном тишина, небо бледное, высокое, ветерок слабо пошевеливает листвою — седьмой час. <...>

7 августа (пт). Пробуждение, подобное смертному часу. Ночью был шторм невообразимый. Ливень, ураганный ветер, сломавший одну из яблонь. Утром темно, как будто не утро, а поздний вечер. Поехали с Алей на рынок в Нарву. Оттуда к Фире в больницу. <...> Узнали, что поездка Гуревичей на Чудское озеро таки состоялась. Мы с Фирой объехали несколько магазинчиков по хозяйским, продуктовым делам. Возвращались через «старый город», через «темный парк». Прелесть этих заповедных мест необычайна, маняща и полна красоты, и всегда почему-то ассоциируется для меня с «Панорамой» из «Спящей»... Дома были часу во втором. Аля — за готовкой, я — в кресло. После обеда Аля, прибравшись, пошла в спальню заниматься (4-е занятие), а я записал дни. День стоит молчаливый и беспросветно сырой. 6.45 взял томик Гоголя. Прочел «Нос» с тщанием, закончил в 7 часов 45 минут. <...>

8 августа (сб). Серо, свежо, ночью лило. После завтрака Аля — в магазин. Я остался с Катей под горкой. Редкое солнце, иногда холодненький ветерок. Катя рядышком, в травке. Перелетные перемещения любимых Алиных «воронок». Мелко заморосило. Пошел в дом, к себе в кресло. Очень скверное самочувствие: два раза стоял, пока дошел, застопоривается сердце. Скоро и Аля с Катей: устроились на моем диване; Аля открыла створку окна, Катя устроилась «дышать», улеглась «муфточкой».

В четвертом часу обед. Мытье, уборка посуды. Всегда страдаю душой за Алю, когда вижу ее за этим занятием... Отдых в кресле и на диване; и после долгих обсуждений Аля поехала в церковь одна (завтра День Пантелеймона целителя). Я себя чувствую слишком ненадежно, чтоб ехать с ней, поэтому остался дома. Сел за свою «конторку» и записал дни (6 час. 45 мин.). Часов в 8 Аля дома. <...>

9 августа (вс). День Пантелеймона Целителя. В 11 часов вдвоем в церковь. Полно «платочков». Настойчивый зов Серафимы Сергеевны: свободное местечко на деревянном диванчике занять, как дельвал все годы. Пошел — сел (все равно выстоять службу мне было бы не по силам). Подошла староста, вручила две просвиры и записочку «за здравие», поданную Алей, поздравила с праздником и пожелала здо-

ровья. Подошла и Аля, свела к «Празднику» и приложиться к кресту. После литургии служили еще панихиду. Подошла матушка, сказала зайти потом к ней.

С помощью Алены тихо-тихо дополз до родной верандочки. Там Мотя в парадном черном костюме. Матушка осчастливила меня желанием *собороваться* вместе со мной. Велела наведываться, чтоб узнать, когда этому Быть. Дома были в 1 час дня.

У Фиры бедственные новости: у Яши что-то с головой: еле один прибрел в больницу, такие боли, полусознательное состояние, почти не отреагировал на проезд своих... У окна Л. А. Гордзевич, со всей полнотой приязни и близости, побыла у нас, «побеседовала» об Андрее, о том о сем; пили кофе. Она ушла в 3 часа, и Аля, проводив ее, затопила печку. Обедали в 4 часа. Я лег, как всегда, в свое кресло, Аля пошла заниматься на флейте со Стасиком. Вернувшись, устроилась на большом диване.

День держится ясный, но очень, очень свежий. Печное тепло было блаженством. На часах 6 часов 30 минут. <...>

10 августа (пн). Ясное утро. В 12.45 выехали к Фире в больницу на второй рентген Алиной ноги. Оттуда на рынок. <...> *Заехали к матушке*, узнать, не выяснился ли еще день приезда отца Владимира. Матушки не застали. Оттуда к Л. А. Гордзевич. Здесь приязнь, добро, понимание — все, что может создать между людей радость, утешение в душе; и даже в самом участке была какая-то особая укутность и защищенность... Были долго, пока Наташа не позвала семью на обед. Андрей и тот радуется обликом и излучением... Дай им Господь всякого блага.

Аля, пока были, беседовала с двумя педагогами-музыкантами, старыми друзьями, консерваторками (жилищами-дачницами Л. А.). В 3.30 прибыли домой. После обеда — сон, а потом у сарая в обществе Али, Фиры и Муси.

Тучи идут совсем «неопределенного наклонения», но солнце пропускают, и день стоит теплый и тихий. Аля опять с Брамсом на диване, а я записал дни. 9.30 вечера.

11 августа (вт). После завтрака к матушке, узнать, нет ли вестей от отца Владимира. Были у нее приблизительно с 12 до 1 часа дня. Дома топится печка. <...> В 3.30 обедали. День сумрачный. Аля с 4.30 до 6 занималась.

12 августа (ср). Солнечное утро. Пошел к сараю. Сидя в креслице, сладко уснул. Аля в кухне готовится к приезду Серовых (видела, что я заснул). Кругом курсируют Волчонки, одержимые разногласием по поводу отпускной поездки «молодых». В 3 часа хлопнула дверка машины: прибыли Серовы.

Были долго и хорошо. Замечателен «молодший». Поразительна Гена [Генриетта, жена Серова]. *Алена во всю ширь своей гениальности*. Сидели очень долго, расстались в горячей симпатии и близости. Вечер мы с Алей у телевизора. Перед этим Аля занималась со Стасом на флейте. Вечером была Таня — убирала комнаты. Атмосфера тревожная: завтра — всеобщий разъезд.

13 августа (чт). 9 часов 45 мин. Эти дни почитываю иногда повести Гоголя. 12.30 дня. Сижусь один и чиркаю эти строчки; Фира, «младшие» и Стасик уехали, Аля — на рынке, Коп отбыл на велосипеде; вдобавок выключили электричество. Как будет с холодильником?? Воображаю расстройство Али?!

Утро и день солнечные, совсем летние. Около часу Аля дома. Отнеслась спокойно к проблеме электричества; и действительно, скоро дали ток. Посидели у сарая (о стрекозах, о бабочках). В 2.30 начала кухонные дела. <...> День каким взошел, таким идет к закату: чистым, ясным, голубым. <...>

14 августа (пт). К 1 часу дня на процедуру. Оттуда в торговый центр, потом заправка. Дома — Яшино семейство. Яша и все его семейство трогательно и умело организовали уход и атмосферу вокруг Копы. В 3 часа обед. Часов в 6 — к матушке. Там — ясность: в воскресенье приедет отец Владимир. В понедельник — совершение. <...>

15 августа (сб). Нет почти газа: затопили плиту. Весь день, кроме того, Аля возилась с холодильником. На флейте занималась с 5 до 6.30. Вечером шила халатик. <...>

Утро, как и в большинстве случаев, холодное, серое. Молодые Волчонки — тут как тут, уже съездили на рынок в Нарву. У нас с Алей сравнительно благополучно. Записал эти строчки. <...> В 3 часа обедали. Аля готовит и одновременно чистит холодильник. 4 часа дня. Пошла на веранду: «полежу немножко». Пошел и я за ней. Пробыли, слушая шуршание дождя, до 5-ти часов. Говорил Але о моем *неугасимом желании* еще раз повидать матушку Варвару... и вообще, еще раз побывать в Пюхтице... Наверное, уж в последний раз. *Божья Воля да сбудется... Не достоин я.* <...>

Вечером Лена утатила Алю в ждановскую баню; Але — хорошо хоть немного.

16 августа (вс). ...Погода: холод, тьма, дождь. Аля сказала: «Полярная ночь!» Дождь льет весь день. Кати нет, исчезает, услыша зов нового кота. Пришла только в 6 часов дня. Звонок матушки: сегодня не надо приходить: завтра прямо к 11-ти.

17 августа (пн). В одиннадцатом часу — к матушке. Отец Владимир в дверях встречает.

11.05—12.30 СОБОРОВАНИЕ. ПРИЧАСТИЕ. Антонина. Евгений. Александра.

СЛУЖЕНИЕ: Евангелия (молитвы). Елеопомазание. Крестные знамения (Але, мне). Причащение. Трапеза. За круглым столом отца Александра. Благословение отца Владимира.

Дома: НЕДУГУЮ.

18 августа (вт). После завтрака записал дни. Аля — в магазине. Предложила на воздух: расселись у веранды, изумрудной стеной дикого винограда оплетенной по самую крышу.

Стоит густо-синий летний полдень: даже не верится. Алена играет с Чуком. Появился маленький Борька, за ним Таня пришла убирать дом. Стайками пролетают Алины ижидивенцы: выводки ворон, узнающие Алену не только по виду, но и по голосу.

Очень скоро Аля подает обед. Отдых. Поездка с Копом в Кингисепп за иконкой, завещанной мне умершим приятелем Копы, хирургом [Востриковым]. Поездка тяжелая, заезжали во всякие места (чуть ли не петровских времен). *Завтра день Спаса-Преображения* и надо повидать матушку. К тому же в нашей церковке всенощная. В церкви почти никого; люстры погашены. В сумерках только огоньки лампад теплятся, как звездочки в ночи... Матушка приветствовала «на ты»: «Как себя чувствуешь сегодня? Ведь мы с тобой теперь как Брат и Сестра!» До этого Аля — в церковь, помолиться, я — у своего «диванчика». <...>

19 августа (ср). Утро и день по-вчерашнему лучезарны. <...> Сидим у веранды. Изумрудная стена лапчатых листьев винограда до самой крыши. Несколько семей ромашек. Опять голубизна. Солнечная тишь. Недавно расцвела мальва. <...>

В первом часу поехали на рентген Алиной ноги. Дома взяли раскладушки и пошли дышать в ямку «под горкой», сидели долго, до 4-х. <...> Пока Аля готовила обед, я сидел под большим кленом, Борька и Чук болтались около. В доме никого: Лена и Лиза — в лесу за ягодами, Коп уехал с Эстриным в Псков. После обеда — Аля к сараю, отдыхать, я подремал и записал дни. (Тяжкие.) Сейчас 6 часов 30 мин. Леночка готовила на ужин вареники, принесла и нас угостить тарелочку.

Их семейство уезжает домой в Нарву: окончился их срок «руководства» домом. Всякая перемена или отбытие (особенно) заставляет мое сердце обливаться горячими слезами, и вот тогда так хочется ласки, *демонстрации*, хоть маленькой, понимания... Уехал с ними и Чук.

А в десятом часу появились «основные» Волчонки. <...> Сейчас 10 часов 10 минут. Вокруг глухая тишина, ни звука

нигде. И ноет сердце, щемит и плачет безмолвно и неутолимо... и боязно чего-то...

20 августа (чт). У кленика. Голос птички-невидимки из чащи листвы граба. Голос тончайший, подобный иголочке (си, си, си-си-си!). Принес Але ириски. Она с номером «Огонька». В 3.15 Аля пошла готовить. В 4.15 вернулась. В 5.30 мы оба у сарая. Фира стирает. Стена веранды, заросшая виноградной листвой, запылала багряным огнем краснеющих листьев. Солнце коснулось верхушек сосен. По лужайке простерлись прозрачные тени.

21 августа (пт). Все ветви сосен затканы паутиными гамачками. Туман густеет. В воздухе частая висит капель. Поездка в Нарву, поиски электрокамина. После Нарвы к матушке. (Приезд ее племянника на «Волге».) К вечеру — густой туман. Все у сарая. Пришла Гордзевич: рассказы о концертах Андрея.

Наплывает холодная, туманная мгла. Плывущее по земле густое облако несет пронизывающий холод. Вечером Аля затопила плиту, в доме спасительно потеплело. Катя весь день дома (!). В 10.30 Коп пришел, рассказывал о Святогорском монастыре.

22 августа (сб). Аля проснулась с сильной головной болью: как всегда, погрузилась в анабиоз. Вставать стала около 11. Мы с ней с великим трудом восстановили забытое из течения последних дней. Потом обоими кланами расселись у сарая с газетами. День пасмурный, немного парной; весь небосклон укрыт пухлой облачностью, порой просвечивает солнце. <...>

23 августа (вс). 11 час. 40 мин. Аля — в лавку. Серо. Безмолвно. Свежо. <...> Аля дома около часу дня. Потом — «дышать» к сараю. Были до 3-х. За это время пребывания там Чук, не избежавший общей участи предпочесть всем Алену, пребывал у нее на коленях и играл с ней. Небо густеет, незаметно темнеет, изредка покапывает. Коп закончил курсирование с земляной коляской, пришел одетый в синюю фланель и уселся у стенки, на скамью. <...>

День нежный и светлый. В 6 часов приглашение на пончики и их запах (!!). В 7 часов поехали, наконец, к Синёвым. Красавец Александр Петрович и больной воробейчик Антонина Васильевна. Сидели долго и неутолимо. Уехали из загородки «особняка». В 8.30 ужин. Коп пил чай у нас. Аля и Фира уютно беседовали на крыльце. Уже почти ночь. Тишина. Освещенные окна кухонь. Подошел Боб, простуженный, как и Муся. *Легли мирно и с любовью.*

24 августа (пн). Ветрено, пасмурно и с утра дождливо. Аля до завтрака — к воронкам. Вчерашний вороненок прилетал

на кухонное окно, тюкал и ел из ее рук, что-то приговаривая. Пришли два поколения Молчадских, верещали, звонили по телефону от Волчонков.

До обеда у нас с Аленой большая беседа об управлении машиной, в этой связи о ней, о Бобе и... наконец, о незабвенном и дорогом душе нашей Вальтере Феддере и его золотом «мерседесе»... о дорогах, о 220 километрах в час...

Сейчас 3 часа 40 минут. Алена побрякивает в кухне: близится трапеза. После обеда Алена — к Фире. Отнесла какую-то посуду. Фира опять за лепкой пончиков (Муська попрекнула ее, что пончиков прошлый раз было мало ??). После 6-ти к матушке. Опять беседа соскользнула на происходящее в нашем велеем государстве. Я не выдержал и «окоротил» Алену. <...>

Дома после ужина сидели до глубоких сумерек, довольно благополучно и тихо. Смерклось, и пошли спать. Приходил Коп, условиться о завтрашнем дне и профилактике Алиной машины.

25 августа (вт). Яркий солнечный день. Очень холодно. Аля ждет сигнала Копеля — выезжать в автомобильную мастерскую. (Условились на 1 час 30 мин.) В половине второго две белые машины 'выехали на нашу Олеви и скрылись за бабкиными соснами. <...>

Приходил Коп, пригласил меня пообедать у них, что я и выполнил с благодарностью. Я остался один в пустом, солнечными лучами залитом домике, в тепле. Дремал, ходил, посидел у сарая. Катя — на тахте веранды. В 4.45 появилась довольная рожица Алены. Я — с одной стороны, Катя — с другой, бросились к ней, но она сочла необходимым идти и нести свое «спасибо» Копелю, устроившему всю операцию с машиной так успешно и быстро. Но Копя она не нашла, а вместо него была атакована влюбленным в нее Чуком, и они долго прыгали, лаяли и играли на лужайке. После чего она села обедать в одиночестве, не нашедшая и не обретенная... ну и конечно кисленькая. Мы с Катенькой остались тоже обиженные, не получившие радостного привета в первую очередь... Потом мы с Алей посидели у сарая, где была и кашляющая Муся, и Фира, скоро ушедшая. <...>

Потом небо затянулось, и мы пошли домой, где Алена подала горячий чаек, и потом мы тихо сидели, пока не смерклось и не пришлось ложиться.

26 августа (ср). Аля встала в приличном самочувствии. Утро встало не очень погожее. Тем не менее втроем с Копом выехали в 11 час. 45 мин. в Йыхви, чтоб найти какую-то пропитку для так называемой балалайки. Ее не нашли, но кой-что другое, нужное для машины, мои автомобилисты обрели. Аля,

например, купила глушитель. Заезжали в ряд магазинов в этой связи, я сидел в машине, не выходя, подремывал, дышал, поглядывал. Дома были в 3.30. По пути, на перекрестке после Йыхви, наехали на чудо: двое бакинцев (?) с полным шашлычным вооружением продавали великолепнейшие шашлыки, огурцы, помидоры, хлеб. Мы имели бутылку пива и угостились Божьим даром всласть, до отказа; особенно счастливо угощалась Алена, ахая, хрустя своими зубками... Дома посидели у сарая. Пришел Стась с небольшим уловом. Фира подошла послушать о наших успехах.

Похолодало, Аля возится у плиты, готовит сливы, отруби, *затопила печку*, т. к. дом подзастыл. Я записал дни: сейчас 6 часов 15 минут. Небо сплошь в серой вуали, холодное и неуютное. 7 часов. Пришел В. В. Нильсен. Был долго и трогательно. Дела «сердечные» у нас очень похожи. Но он герой по сравнению со мной...

27 августа (чт). 8 часов вечера. Пришла Таня делать уборку. Мы с Алей с 7 до 11-го часа весь вечер вдвоем на веранде. Утром приходила Раиса Марковна с Сеней. Аля проводила их «ходами» на улицу Линде. До обеда всем колхозом сидели у сарайчика. (Приходили, уходили.) Звонок Левита: предполагается смена директора! (лопата действует). Вечер, «накаченный» директорской темой.

28 августа (пт). Должны были поехать в церковь, но не поехали: очень худо было Але. (Дух занимается, когда с ней так...) Холодно, дождливо. Мусю уже свезли к доктору в больницу: глубокий бронхит. 6—9 час. у матушки с Мотей. Хоть и говорила она, что пирога не будет, но застолье все же накрыла, наставила всячину.

Дома допоздна с Катей втроем (о мечтах, об ошибках, непоездках: Финляндия, последняя японская и... о теперешних мечтах и сожалениях, увы...).

29 августа (сб). Весь день — мрак, дождь. После обеда Аля занималась со Стасом на флейте на Копелевой веранде.

30 августа (вс). В 3.30 Аля за матушкой и в монастырь на «захоронение» Богородицы. Домой приехала около 11-ти. Я был *это* время пристоем. Аля, как святая, вся светится, вернувшись! А я — Боже мой. <...>

31 августа (пн). Ослепительное солнце, сильный ветрище. Аля варит обед. Укладывалась после обеда. Коп и Фира пошли на работу (отпуск их кончился).

1 сентября (вт). Аля утром укладывалась. К 2-м пришел «рафик». В 4 часа выехали за бензином. Были в Нарве в электромагазине. Аля купила холодильник. <...> На обратном пути — к матушке. Сидели в столовой. Теплилась алая лам-

падка. Лежат матушкины священные книги. Окно отца Александра. И матушка, и Аля неутолимо делятся своей радостью от пребывания в храме 30 августа. <...>

2 сентября (ср). Сумрачно. Серое, беспросветное небо. <...> В 12 часов Аля, невзирая на дождь, моет клеенку, которой закрывала рыбу в подполье. Старушка Эльза позвала Алю посидеть, что Аля и выполнила.

Я смотрю, как пылают дрова и стреляют поленья в печке.
(Ювеналий).

Приложения

Примечания

Летопись жизни и творчества

Е. А. Мравинского

При подготовке настоящего издания использованы дневниковые записи из архива Евгения Александровича Мравинского, сохраняемого его вдовой А. М. Вавилиной-Мравинской.

Структура дневников сложна. В них присутствует и распорядок дня с репетициями, работой над партитурами, подготовкой к концертам, включены описания гастрольных поездок, записи, подводящие итоги деятельности за определенное время, наблюдения природы и размышления о жизни, оценка литературных произведений и пр.

Не все периоды жизни Евгения Александровича отражены с одинаковой степенью подробности, какие-то пропущены совсем. Это связано с тем, что дневники велись не всегда регулярно, некоторые из них были утрачены при жизни Мравинского. Для издания выбраны наиболее значительные записи.

Дневники публикуются впервые, они организованы по хронологическому принципу. Пропуски внутри каждогодневных записей обозначаются отточием в угловых скобках. Проведена унификация названий музыкальных произведений. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами в тех случаях, когда это не нарушает авторского замысла. В дневнике за 1918 г. сохраняются устаревшие формы написания, чтобы подчеркнуть своеобразие записей четырнадцатилетнего Евгения Мравинского.

В квадратных скобках поясняются некоторые музыкальные термины и дается перевод встречающихся иностранных слов. Авторское подчеркивание слов заменяется курсивом, а также прописным шрифтом.

1918

¹ Ачкасова-Брандт Ольга Ивановна, пианистка, давала домашние уроки игры на фортепьяно Жене Мравинскому.

² Речь идет о Елизавете Николаевне Мравинской (1871–1958) — матери Евгения Александровича Мравинского.

³ Речь идет о двоюродном брате Елизаветы Николаевны Мравинской.

⁴ Имеется в виду Александр Константинович Мравинский (1859–1918) — отец Евгения Александровича Мравинского.

⁵ Адель Константиновна — родная сестра Александра Константиновича Мравинского.

⁶ «Белый клык» — повесть американского писателя Джека Лондона (1876–1916).

⁷ Вера Николаевна — родная сестра Елизаветы Николаевны Мравинской.

8 «Иоанн Лейденский» — опера Дж. Мейербера, шедшая на сцене Мариинского театра.

9 Речь идет о романе «История детской души. Повесть не для детей» английской писательницы Мари Коррелли (1864—1924).

10 Опера Р. Вагнера «Парсифаль» исполнялась, вероятно, в Народном доме.

11 «Божественная комедия» — поэма итальянского поэта Возрождения Данте Алигьери (1265—1321).

12 Имеются в виду члены тайных обществ, преимущественно религиозно-мистического характера, в Германии, России и некоторых других странах в XVII—XVIII вв.

13 Опера «Борис Годунов» М. Мусоргского шла на сцене Мариинского театра, режиссер М. Циммерман, дирижер А. Коутс, декорации А. Головина.

14 Опера «Валькирия» Р. Вагнера шла на сцене Мариинского театра, режиссер О. Палечек, дирижер А. Коутс.

15 Речь идет о месте погребения Иоанна Кронштадтского (1829—1909) в Иоанновском женском монастыре, расположенном в Петербурге на набережной р. Карповки.

16 Глазунов Александр Константинович (1865—1936) — композитор, дирижер, общественный деятель. С 1905 г. директор Петербургской консерватории, с 1917 г. ректор Петроградской (Ленинградской) консерватории. Владимиров Михаил Владимирович (1870—1932) — дирижер, композитор, педагог.

17 Таня Софиано — двоюродная сестра Жени Мравинского, вместе с которой он проводил летние дни.

18 Трагический распад семьи Мравинских тяжело переносил впечатлительный Женя, ставший в этом конфликте на сторону отца.

1927—1928

1 Поступив в 1924 г. в Ленинградскую консерваторию на научно-композиторский факультет, в класс композиции профессора М. М. Чернова, перешел в класс профессора В. В. Щербачева.

2 Животов Алексей Семенович (1904—1964) — композитор. Засл. деят. искусств РСФСР (1957).

3 Шванк Марианна (1888—1978 ?) — первая жена Евгения Александровича Мравинского.

4 Дед Нил перестраивал для Мравинского старую баньку в избушку-«пустошку».

5 Имеется в виду Елена Якоби — «солнечная сестра», в которую Мравинский был возвышенно влюблен.

6 Речь идет о поселке «Сиверский», расположенном в Ленинградской обл., на р. Оредеж.

7 Молога — река в Тверской, Новгородской и Вологодской обл., впадает в Рыбинское водохранилище.

1928—1929

1 Щербачев Владимир Владимирович (1889—1952) — композитор, педагог. С 1912 по 1948 г. (с перерывами) преподавал в Петербургской (Ленинградской) консерватории, проф. (с 1923).

2 Малько Николай Андреевич (1883—1961) — дирижер, педагог. В 1925—1928 гг. проф. Ленинградской консерватории. С 1928 г. жил за рубежом, дирижировал многими оркестрами.

³ Гаук Александр Васильевич (1893—1963) — дирижер, педагог, композитор. Нар. арт. РСФСР (1954). Преподавал в Ленинградской и Московской консерваториях, проф. (с 1948).

1929—1930

¹ Речь идет о спектакле, поставленном Александром Николаевичем Феона́ (1879—1949) в Ленинградском театре музыкальной комедии.

1931—1932

¹ Талих Вацлав (1883—1961) — чехословацкий дирижер, скрипач, педагог. Нар. арт. ЧССР.

² Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, которая легла в основу одноименной драмы Ф. Шиллера.

³ Неточная цитата. В оригинале: «В Испании есть король. Он отыскался. Этот король — я» (*Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1977. Т. 3. С. 170*).

1944

¹ Шальман Борис Владимирович — заведующий библиотекой Ленинградской филармонии.

² Бесчинский Давид Борисович — валторнист, Шмидт Александр Николаевич — трубач симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Здесь и далее имеется в виду Заслуженный коллектив республики (ЗКР), с 1972 г. — академический.

³ Пономарев Афанасий Васильевич — директор Ленинградской филармонии.

⁴ Энтелис Леонид Арнольдович (1903—1978) — музыковед.

⁵ Зандерлинг Курт (р. 1912) — немецкий дирижер. В 1936 г. эмигрировал в СССР. В 1941—1960 гг. дирижер оркестра Ленинградской филармонии. В 1960—1977 гг. руководил Городским симфоническим оркестром Берлина. Засл. деят. искусств РСФСР (1956).

⁶ Саркисов Оник Степанович — художественный руководитель Ленинградской филармонии.

⁷ Друскин Михаил Семенович (1905—1991) — музыковед, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1962), докт. искусствоведения (1946). С 1935 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1947).

⁸ Генслер Владимир Иванович (1906—1963) — кларнетист, выдающийся виртуоз. Засл. деят. искусств РСФСР (1956). В 1930—1957 гг. артист симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1950). Дмитриев Сергей Васильевич — ударник, Елизаров Евгений Александрович — английский рожок симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

⁹ Коршунов Николай Сергеевич (1910—1989) — тромбонист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹⁰ Ойстрах Давид Федорович (1908—1974) — скрипач, педагог. Нар. арт. СССР (1953). С 1934 г. преподаватель Московской консерватории, проф. (с 1939).

¹¹ Рабинович Николай Семенович (1908—1972) — дирижер, педагог. В качестве дирижера был связан с Ленинградской филармонией, Большим симфоническим оркестром Ленинградского радио и Ленинградским камерным оркестром. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1968).

12 Янцат Валентин Иванович (1905–1967) — артист Ленинградского театра драмы им. Пушкина (с 1938). Нар. арт. РСФСР.

13 На протяжении многих лет дружеские отношения связывали Мравинского с Николаем Константиновичем Черкасовым (1903–1966) — артистом Ленинградского театра им. Пушкина, нар. арт. СССР (1947). Интересно, что сблизила их служба в группе миманса Мариинского театра в 1918 г.

14 Речь идет о жене Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

15 Красавин Владимир Николаевич — солист оркестра (кларнетист), засл. арт. РСФСР; Козлов Аким Алексеевич (1903–1992) — концертмейстер группы тромбонов симфонического оркестра Ленинградской филармонии в 1937–1989 гг.

16 Имеется в виду статья Ю. Шапорина «Новое в творчестве Шостаковича», опубликованная в газете «Советское искусство» (1944, 28 нояб.). В статье речь идет о Восьмой симфонии Шостаковича. Автор упрекает Шостаковича в том, что он игнорирует традицию обращения к русскому фольклору. Вместе с тем Шапорин признает, что «о симфонии нужно сказать много хорошего», называет Шостаковича самым талантливым из современных композиторов. Но те же недостатки автор видит и в квартетах Шостаковича, при этом Шапорин отмечает новые тенденции в последних сочинениях Шостаковича, его «стремление ближе подойти к песенной культуре страны». Шапорин Юрий Александрович (1887–1966) — композитор, педагог, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1954).

17 Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970) — пианистка, педагог. Крупнейший мастер пианистического искусства XX в.

18 Имеется в виду член семьи Жоржа Оттена — друга детства Мравинского.

19 Речь идет о Карповой Ольге Алексеевне (1903–1990) — жене Мравинского. В домашнем кругу Евгений Александрович называл ее Лютиком, Жаем.

20 Е. А. Мравинского связывали с Шостаковичем не только творческие, но и дружеские отношения. Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) — композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, нар. арт. СССР (1954), докт. искусствоведения. Преподавал в Ленинградской и Московской консерваториях, проф. Почетный член ряда зарубежных академий искусств, почетный доктор многих университетов.

21 Левитин Юрий Абрамович (1912–1993) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1980). Гликман Гавриил Давыдович (1913–2003) — скульптор. Каменский Александр Данилович (1900–1952) — пианист. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1945).

22 Эрмлер Марк Фридрихович (1932–2002) — дирижер. С 1956 г. дирижер Большого театра. Нар. арт. РСФСР (1980).

23 Соллертинский Иван Иванович (1902–1944) — музыковед, литературовед. С 1929 г. в Ленинградской филармонии, с 1940 г. ее художественный руководитель. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1939).

24 Хайкин Борис Эммануилович (1904–1978) — дирижер, педагог. Нар. арт. СССР (1972). С 1935 г. проф. в Ленинградской, а с 1945 г. в Московской консерваториях.

25 Вейнгартнер Феликс фон (1863–1942) — немецкий дирижер, композитор, музыкальный писатель.

26 Ныне эта площадь носит название: пл. Ломоносова.

27 Левитин Исаак Леонтьевич — концертмейстер альтовой группы симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

28 Тризно Борис Васильевич (1898—1968) — флейтист, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1956). В 1932—1962 гг. солист Академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии. С 1937 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1952).

29 Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский; 1818—1883) — писатель. Главный труд — эпопея «В лесах» и «На горах».

30 Элиасберг Карл Иванович (1907—1978) — дирижер. В 1937—1950 гг. главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета. Засл. деят. искусств (1944).

1945

1 Имеется в виду третья часть «Петр и Алексей» трилогии «Христос и Антихрист» Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866—1941) — писателя и философа.

2 В результате «Финской кампании» в 1939 г. жители Карельского перешейка поспешно покинули свои дома, бросив имущество на произвол судьбы.

3 Васильев Георгий Иванович — близкий друг Мравинского, работал в Ленинградском театре драмы им. Пушкина.

4 Соллертинская Ольга Пантелеймоновна — вдова И. И. Соллертинского.

5 Голованов Николай Семенович (1891—1953) — дирижер, пианист, композитор, педагог. Нар. арт. СССР (1948). С 1937 г. художественный руководитель и главный дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио.

6 Речь идет о больнице № 31 им. Я. М. Свердлова, в которой в описываемое время лечились представители должностных структур Ленинграда.

7 Имеется в виду кардиологический санаторий «Осиновая роша», филиал больницы им. Я. М. Свердлова.

8 Сказка «Час воли Божией» написана Николаем Семеновичем Лесковым (1831—1895) — писателем и публицистом, в начале 1890-х гг.

9 Бомаш Анна Максимовна — врач больницы им. Я. М. Свердлова.

10 «Серенада солнечной долины» — американский кинофильм (1941), режиссер Брюс Хамберстон.

11 Речь идет о членах семьи Марианны Шванк: ее прежнем муже Максимилиане и дочери Галине.

12 Эта поездка в Москву в 1943 г. была предпринята для постановки Восьмой симфонии Д. Д. Шостаковича (1-е исполнение).

13 Имеется в виду семейство Екатерины Павловны Корчагиной-Александровской (1874—1951) — артистки Ленинградского театра драмы им. Пушкина. Нар. арт. СССР (1936).

14 Мравинский и Черкасов исполняли «Уж вечер» — дуэт Полины и Лизы из «Пиковой дамы» Чайковского.

15 Речь идет о драме Дж. Байрона «Манфред». Музыка к одноименной драме написана немецким композитором Р. Шуманом. Упоминается также издание: Асафьев Б. В. Манфред (Байрон — Шуман), Пг., 1922.

1948

1 Кинофильм «Петр Первый» (1937—1939) поставлен режиссером В. М. Петровым, в роли Петра I — Н. К. Симонов, царевича Алексея — Н. К. Черкасов.

² Здесь Мравинский вспоминает о том, что впервые сюита к кинофильму «Петр Первый» В. В. Щербачева прозвучала в зале Ленинградской филармонии 21 ноября 1939 г. в его собственном исполнении; партии гобоя и фагота — солисты оркестра Амосов и Васильев.

³ Мурадели Вано Ильич (1908—1970) — композитор. Нар. арт. СССР (1968).

⁴ Кинофильм «Депутат Балтики» (1937), режиссеры А. Г. Зархи, И. Е. Хейфиц.

⁵ «Vita» — название дневниковых записей Елизаветы Николаевны Мравинской.

⁶ Кинофильм «Возвращение» (1940), режиссер Я. Б. Фрид, в роли Сергея Петровича Иванова — Н. К. Симонов.

⁷ Кинофильм «Александр Пархоменко» (1942), режиссер Л. Д. Луков.

⁸ По всей вероятности, речь идет о фильме «Счастливого плавания», режиссер Н. И. Лебедев, композиторы В. П. Соловьев-Седой и Л. А. Ходжа-Эйнатов, в главной роли Н. Черкасов, фильм вышел в прокат в 1949 г. «Белый клык» (1946), режиссер А. М. Згуриди.

⁹ Штидри Фриц (1883—1968) — австрийский дирижер. В 1933—1937 гг. художественный руководитель Ленинградской филармонии.

¹⁰ Чулаки Михаил Иванович (1908—1989) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1969). В 1948—1951 гг. секретарь СК СССР. Преподавал в Ленинградской, а с 1948 г. в Московской консерваториях, проф. (с 1962).

¹¹ Свиридов Георгий Васильевич (1915—1998) — композитор, пианист, музыкально-общественный деятель. Нар. арт. СССР (1970).

¹² Кинофильм «Подвиг разведчика» (1947), режиссер Б. В. Барнет.

¹³ Загурский Борис Иванович (1901—1968) — музыковед. Засл. деят. искусств РСФСР (1957). В 1938—1941 и 1944—1951 гг. начальник Управления по делам искусств Ленгорсовета. Михоэлс Соломон Михайлович (1890—1948) — актер, режиссер, педагог. Нар. арт. СССР (1939).

¹⁴ Андроников Ираклий Луарсабович (1908—1990) — писатель, литературовед.

¹⁵ Кинофильм «Марите» (1947), режиссер В. П. Строева.

¹⁶ Роман-сказка «Осударева дорога» написан Михаилом Михайловичем Пришвиным (1873—1954) в 1930-х гг.

¹⁷ Кинофильм «Сельская учительница» (1947), режиссер М. С. Донской.

¹⁸ Кинофильм «Юность Максима» (1935), режиссеры Г. М. Козинцев и Л. З. Тауберг.

1952

¹ Кудрявцева Елизавета Петровна (р. 1914) — хоровой дирижер и педагог. Засл. деят. иск. РСФСР (1953). В 1941—1944 и 1953—1955 гг. главный дирижер Ленинградской академической капеллы им. Глинки. С 1950 г. преподаватель Ленинградской консерватории, проф. (с 1965).

² Устовльская Галина Ивановна (р. 1919) — композитор. Ученица Д. Д. Шостаковича.

³ Рождественский Геннадий Николаевич (р. 1931) — дирижер, педагог. Нар. арт. СССР (1976). Сын Н. П. Аносова. Один из крупнейших современных дирижеров. С 1976 г. проф. Московской консерватории. В 1951—1960 и 1978—1983 гг. дирижер, в 1965—1970 гг. главный дирижер Большого театра. Был художественным руководителем и главным дирижером Большого симфонического оркестра Центрального телевидения и радиовещания, Симфонического оркестра Министерства куль-

туры СССР, главным дирижером Московского камерного музыкального театра, Стокгольмской филармонии, оркестра Би-би-си, оркестра «Венские симфонисты».

⁴ Зак Яков Израилевич (1913–1976) — пианист, педагог. Нар. арт. СССР (1966). С 1935 г. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1947).

⁵ Тюлин Даниил Юрьевич (1925–1972) — дирижер, педагог. Преподавал в Московской и Гаванской консерваториях.

⁶ Грикуров Эдуард Петрович (1907–1982) — дирижер, педагог. Нар. арт. РСФСР (1957). С 1937 г. дирижер, в 1944–1955 и 1964–1969 гг. главный дирижер Ленинградского Малого театра оперы и балета. С 1934 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1971).

⁷ Галантер Моисей Абрамович — директор Большого зала Московской консерватории.

⁸ Каган Моисей Самойлович (р. 1921) — доктор филос. наук, проф. СПбГУ.

⁹ Клюзнер Борис Лазаревич (1909–1975) — композитор.

¹⁰ Еремкин Григорий Захарович (1912–1990) — солист (фаготист) симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹¹ Балет «Раймонда» на музыку Глазунова был возобновлен в 1947 г. К. М. Сергеевым в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова.

¹² Салманов Вадим Николаевич (1912–1978) — композитор, педагог. Нар. арт. РСФСР (1972). С 1951 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1965).

¹³ Третьяков Михаил Николаевич (1903–1963) — концертмейстер группы валторн симфонического оркестра Ленинградской филармонии в 1943–1963 гг.

¹⁴ «Адрес неизвестен» — французский кинофильм (1951), режиссер Ле Шануа.

¹⁵ Островский Александр Исаакович — скрипач симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹⁶ Феррейро Вилли (1906–1954) — итальянский дирижер. Гастролировал во многих странах.

¹⁷ Спектакль «Дворянское гнездо» (инсценировка по роману И. С. Тургенева Н. И. Собольщикова-Самарина) шел на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина, режиссер А. А. Музиль.

¹⁸ Кужамьяров Куддус Ходжамьярович (1918–1994) — композитор. Нар. арт. СССР (1987). Преподавал в Алма-Атинской консерватории, с 1965 г. проф. Мачавариани Алексей Давыдович (1913–?) — композитор, педагог, общ. деятель. Нар. арт. СССР (1958). С 1939 г. преподавал в Тбилисской консерватории, проф. (с 1966).

¹⁹ Вайман Михаил Израилевич (1926–1977) — скрипач, педагог. Засл. арт. РСФСР (1957). С 1945 г. солист Ленинградской филармонии. Преподавал с 1945 г. в Ленинградской консерватории, проф. (с 1966).

²⁰ По этому адресу проживала семья Мравинских, здесь родился Евгений Александрович.

²¹ Свешников Александр Васильевич (1890–1980) — хоровой дирижер, музыкальный деятель, педагог. Нар. арт. СССР (1956). С 1941 г. возглавлял им организованный Государственный академический русский хор Союза ССР. С 1944 г. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1946).

²² Спектакль «Ревизор» по комедии Н. В. Гоголя шел на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина. Реж. Л. С. Вивьен и В. В. Эренберг.

²³ Мусин Илья Александрович (1903/04–2003) — дирижер, педагог. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1961).

24 Бекюл Ольга Павловна (1901—1975) — чтица, мастер художественного слова. Засл. арт. РСФСР.

25 «Тарзан» — американский кинофильм (1930), режиссер Ричард Торп.

26 Хренников Тихон Николаевич (р. 1913) — композитор, педагог, общ. деятель. Нар. арт. СССР (1963). С 1961 г. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1966).

27 Спектакль «Младший партнер» по пьесе А. Первенцева шел на сцене Большого драматического театра им. Горького, режиссер О. Г. Казико.

28 Балет «Лебединое озеро» на музыку Чайковского шел на сцене Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова (ныне Мариинский театр).

29 Спектакль «Яблонева ветка» по пьесе В. Добровольского и Я. Смоляка шел на сцене Большого драматического театра им. Горького, режиссеры А. В. Соколов и Е. З. Копелян.

30 Завидов Иван Иванович — валторнист; Жислин Ефим Григорьевич — альтист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

31 Холодилин Александр Александрович — начальник отдела музыкальных учреждений Министерства культуры СССР.

32 Воловник Иосиф Абрамович (1915—1984) — трубач, педагог. Выступал в качестве солиста в Московской и Ленинградской филармониях, Большом театре. В 1949—1959 гг. солист Всероссийского гастрольно-концертного объединения (Москва).

33 Рихтер Святослав Теофилович (1915—1997) — пианист. Нар. арт. СССР (1961).

34 Тимофеева Нина Владимировна (р. 1935) — артистка балета. Нар. арт. СССР (1969). С 1953 г. работала в Ленинградском театре оперы и балета, с 1956 г. — в Большом театре.

35 Дина Шнейдерман — скрипачка, солистка.

36 Вечером в Великий четверг читаются 12 Евангельских чтений, избранных из четырех Евангелий.

37 Синицына Елена Андреевна (1906—1993) — арфистка, педагог. Засл. арт. РСФСР (1956). В 1927—1972 гг. солистка оркестра Ленинградской филармонии. С 1927 г. преподавала в Ленинградской консерватории, проф. (с 1969).

38 Шак Семен Львович — скрипач, второй концертмейстер симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

39 Шпильберг Илья Абрамович (1908—2000) — скрипач, концертмейстер оркестра Ленинградской филармонии в 1932—1968 гг.

40 Фурер Мирра Львовна (1927—2003) — скрипачка симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

41 Рахлин Натан Григорьевич (1905/06—1979) — дирижер, педагог. Нар. арт. СССР (1948). С 1937 по 1962 г. (с перерывами) главный дирижер симфонического оркестра УССР.

42 Шафран Борис Семенович — концертмейстер группы виолончелей симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

43 Серикова Инна Михайловна (1923—1964) — окончила Ленинградскую консерваторию, аспирантуру. С середины 1950-х гг. работала зав. отделом культуры Горкома партии, затем музыкальным редактором Ленинградского радио, в начале 1960-х гг. художественным руководителем Областной филармонии.

44 Андрианов Василий Михайлович (1902—1978) — партийный деятель. В 1950—1953 гг. 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) (КПСС).

45 Чернышева Любовь Дмитриевна — учитель сельской школы в д. Алексеево Калининской обл., в доме которой иногда останавливался Мравинский.

1953

¹ Пригожин Люциан Абрамович (1926—1994) — композитор. Засл. деят. искусств (1979).

² Аносов Николай Павлович (1900—1962) — дирижер, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1951). С 1940 г. дирижер Оперной студии и преподаватель Московской консерватории, проф. (с 1951).

³ Серебряков Павел Алексеевич (1909—1977) — пианист, педагог, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1962). С 1932 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1939), ректор в 1938—1951 и 1961—1977 гг.

⁴ «Сын рыбака» — роман латышского писателя Вилиса Лациса (1904—1966), написанный в 1933—1934 гг.

⁵ Кинофильм «Пирогов» (1947) поставлен режиссером Г. М. Козинцевым, музыка Д. Д. Шостаковича, в главной роли — К. В. Скоробогатов.

⁶ Оборин Лев Николаевич (1907—1974) — пианист, педагог. Нар. арт. СССР (1964). С 1930 г. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1935).

⁷ Баласанян (Баласанянц) Сергей Артемьевич (1902—1982) — композитор, педагог, общественный деятель. Нар. арт. Тадж. ССР (1957), нар. арт. РСФСР (1978). В 1953—1954 гг. заместитель начальника Главного управления радиотелевизионной связи. Секретарь СК РСФСР в 1963—1979 гг.

⁸ Петров Иван Иванович (наст. фам. Краузе; р. 1920) — певец (бас). Нар. арт. СССР (1959). В 1943—1970 гг. солист Большого театра.

⁹ Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили; 1879—1953) — с 1922 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1941 г. Председатель СНК (СМ) СССР и ГКО.

¹⁰ Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953) — композитор, пианист, дирижер. Нар. арт. СССР (1947). Музыка Прокофьева — крупнейшего композитора XX в. — представляет собой передовое и новаторское явление современной эпохи.

¹¹ Кондрашин Кирилл Петрович (1914—1981) — дирижер. Нар. арт. СССР (1972). В 1943—1956 гг. дирижер Большого театра, в 1960—1975 гг. главный дирижер симфонического оркестра Московской филармонии; Грикуров Э. П. — см. примеч. 6 к 1945 г.; Иванов Константин Константинович (1907—1984) — дирижер, композитор. Нар. арт. СССР (1958). В 1946—1965 гг. главный дирижер Государственного симфонического оркестра Союза ССР.

¹² Янсонс Арвид Кривевич (1914—1984) — дирижер. Нар. арт. СССР (1976). С 1952 г. второй дирижер Ленинградского симфонического оркестра, одновременно руководил симфоническим оркестром Ленинградской филармонии в 1961—1968 гг. С 1972 г. проф. Ленинградской консерватории.

¹³ Готвальд Клемент (1896—1953) — Генеральный секретарь ЦК КП Чехословакии, с 1948 г. президент.

¹⁴ Должанский Александр Наумович (1908—1966) — музыковед, канд. искусствоведения. Преподавал в Ленинградской консерватории, с 1944 г. доцент.

¹⁵ Разорёнов Сергей Алексеевич (1909—1996) — композитор. В 1943—1973 гг. редактор издательств Музгиз (позднее «Музыка») и «Советский композитор».

16 Речь идет о Доре Сергеевне Фединой — жене писателя К. Федина.
17 Юдин Гавриил Яковлевич (1905—?) — дирижер, композитор. Ученик Н. А. Малько. С 1925 г. вел дирижерскую деятельность во многих оперных театрах и филармониях. Преподавал в Институте военных дирижеров в 1946—1955 гг.

18 Тонс Эдгар Оттович (1917—1967) — латышский дирижер. Нар. арт. Латв. ССР (1962). В начале 1950-х гг. стажировался в Ленинградском театре оперы и балета под руководством Б. Хайкина.

19 Титов Иннокентий Иннокентьевич — альтист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

20 Имеется в виду роман об освоении Сибири в XVII в. Даниила Ивановича Романенко «Ерофей Хабаров».

21 Вечеслова Татьяна Михайловна (1910—1991) — артистка балета, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1957). С 1928 г. танцевала на сцене Ленинградского театра оперы и балета.

22 Роман Добротин — физик по образованию, по возрасту значительно моложе Евгения Александровича, тем не менее был его близким другом и поверенным в личных делах.

23 Го Мо-жо (1892—1978) — китайский ученый, историк, писатель. Основные труды — о древнем Китае.

24 Петров Арсений Арсеньевич — ударник симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

25 Имеется в виду исторический роман Д. С. Мережковского «Смерть богов» («Юлиан Отступник»), составляющий первую часть трилогии «Христос и Антихрист».

26 Ходжа-Эйнатов Леон Александрович (1904—1954) — композитор. Засл. деят. искусств Арм. ССР (1945). В 1931—1936 гг. дирижер и зав. музыкальной частью ряда ленинградских театров.

27 Мухина Вера Игнатьевна (1889—1953) — скульптор. Нар. худ. СССР (1943), действ. член АХ СССР. В портретном творчестве Мухиной немалое место занимает «Портрет дирижера Е. А. Мравинского», созданный в 1945 г.

28 Балкашин Юрий Анатольевич (1923—1960) — композитор. Ученик Б. Арапова и В. Волошинова. С 1950 г. преподавал в Ленинградской консерватории; Дзержинский Иван Иванович (1909—1978) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1977). Ученик П. Рязанова и Б. Асафьева.

29 Каменская-Бушен Александра Дмитриевна (1891—1991) — пианистка, музыковед, жена пианиста А. Д. Каменского. Близкий друг Мравинского.

30 Спектакль «Доброе имя» поставлен в 1953 г. в Ленинградском театре драмы им. Пушкина режиссером Н. С. Рашевской, художник Д. Ф. Попов.

31 Шостакович Софья Васильевна — мать Д. Д. Шостаковича.

32 Вильниц Яков Александрович — скрипач симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

33 Вайнберг Мечислав Самуилович (р. 1919) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1980). Родился в Польше. С 1939 г. в СССР.

34 «Их было пятеро» — французский кинофильм (1951), режиссер Жак Пино.

35 Эпштейн Борис Исаакович — заведующий постановочной частью Ленинградской филармонии, председатель месткома.

36 Богданов-Березовский Валериан Михайлович (1903—1971) — композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1968). В 1951—1962 гг. заведующий репертуаром Ленинградского Малого театра оперы и балета. Автор большого

числа статей о русской классической и современной музыке, оперном и балетном театре.

³⁷ Соловьев-Седой Василий Павлович (1907—1979) — композитор, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1967). В 1948—1964 гг. председатель правления Лен. отделения СК РСФСР. В 1957—1974 гг. секретарь СК СССР.

³⁸ Гмыря Борис Романович (1903—1969) — певец (бас). Нар. арт. СССР (1951). С 1939 г. солист Украинского театра оперы и балета.

³⁹ Брюшков Юрий Васильевич (1903—1971) — пианист и педагог. Засл. арт. РСФСР (1949). С 1951 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1957), в 1951—1961 гг. ректор, в 1951—1967 гг. заведующий кафедрой по специальности фортепьяно.

⁴⁰ Катанян Арам Григорьевич (р. 1926) — дирижер. Нар. арт. Арм. ССР (1976).

⁴¹ Зис Исаак Абрамович — виолончелист; Шебанов Андрей Терентьевич — скрипач симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

⁴² Золотарев Василий Андреевич (1872—1964) — композитор, педагог. Засл. арт. РСФСР (1932), нар. арт. БССР (1949). Преподавал в консерваториях страны и музыкально-драматических институтах.

1954

¹ Пришвина Валерия Дмитриевна (1899—1979) — жена и исследователь творчества М. М. Пришвина, автор нескольких книг.

² Анисимов Борис Иванович (1907—1997) — дирижер, тромбонист, педагог. Нар. арт. РСФСР (1978). С 1926 г. артист оркестра, с 1938 г. дирижер Ленинградского театра оперы и балета. С 1944 г. преподаватель Ленинградской консерватории, с 1953 г. доцент, с 1976 г. проф. Ленинградского института культуры им. Крупской.

³ Чаплыгин Николай Петрович (1905—?) — композитор. Засл. деят. искусств РСФСР (1967). В 1949—1972 гг. главный редактор муз. вещания Всесоюзного радио, начальник главного управления художественного вещания, зам. председателя Гостелерадио СССР.

⁴ Имеется в виду книга «Дерсу Узала» Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930) — писателя и этнографа, совершившего ряд экспедиций по изучению Дальнего Востока.

⁵ «Рим, 11 часов» — итальянский кинофильм (1952), режиссер Дж. Де Сантис.

⁶ Шомоди Ласло — венгерский дирижер.

⁷ Лоуренс Эми Генриховна — секретарь и близкий друг Александры Михайловны Коллоной (1872—1952) — единоутробной сестры Александра Константиновича Мравинского.

⁸ Дудин Михаил Александрович (1916—1993) — поэт. В первой книжке стихов «Ливень» (1940) преобладает лирика, зарисовки природы. Как поэт сформировался на фронте во время Отечественной войны (1941—1945).

⁹ Кине Фернан (1898—1971) — бельгийский виолончелист, дирижер, композитор.

¹⁰ Гитер Роман Соломонович — контрабасист симфонического оркестра Ленинградской филармонии с конца 1930-х до середины 1950-х гг.

¹¹ Кабалевский Дмитрий Борисович (1904—1987) — композитор, педагог, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1963), докт. искусствоведения (1965), действ. член Академии педагогических наук (1971).

С 1952 г. секретарь правления СК СССР. В 1932–1980 гг. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1939).

12 Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — поэт, представитель русской философской лирики.

13 Часто упоминаемая в записях Мравинского Колокольная улица связана для него с именами друзей юности: Нонны Лошинской, Нины Хотховой и ее брата Жени, Стебницкого. Во время Отечественной войны, в самом ее начале, погибает на фронте под Ленинградом Стебницкий, а Женя Хотхов умер от голода в блокадном Ленинграде.

14 В марте 1954 г. балет Чайковского «Щелкунчик» вышел в обновленной редакции. Балетмейстер В. Вайнонен, дирижер Б. Хайкин. В роли Маши дебютировала И. Колпакова.

15 Вигнер Леонид Эрнестович (1906–?) — дирижер и композитор. Нар. арт. Латв. ССР. С 1949 г. главный дирижер Симфонического оркестра радио и телевидения Латв. ССР.

16 Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) — артист эстрады, певец, композитор. Автор лирических песен на собственные слова, а также стихи Блока, Есенина и др. С 1943 г. жил и работал в СССР.

17 Рамин Гюнтер (1898–1956) — немецкий органист, дирижер, композитор. Вел широкую концертную деятельность органиста и клависиониста, пианиста-концертмейстера и дирижера. С 1920 г. преподавал в Лейпцигской консерватории, проф. (с 1931).

18 Спектакль «Золотопромышленники» шел на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина, режиссер Б. М. Модхровский.

19 Некоторые из зарубежных кинофильмов (например, «Собака Ласси», «Прощание со слоном» и др.) не были закуплены для проката в СССР, или же приведенные названия фильмов не соответствуют общепринятым, поэтому сведений о них не имеется.

20 «Женевьева» — английский кинофильм (1953), режиссер Р. Г. Корнелиус.

21 «Белый олень» — финский кинофильм (1952), режиссер Э. Бломберг. «Школа мужества» — экранизация повести А. Гайдара «Школа» (1954), режиссеры В. П. Басов и М. В. Корчагин.

22 «Три мушкетера» — французский кинофильм (1921), режиссер А. Диаман-Берже.

23 «Дети Хиросимы» — японский кинофильм (1952), режиссер Канэто Синдо.

24 «Вступление в жизнь» — роман Екатерины Михайловны Шереметьевой (1901–?).

25 «Мост Ватерлоо» — американский кинофильм (1940), режиссер М. Ле Рой.

26 Повесть «Оттепель» Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967) — писателя, общественного деятеля — вызывала острые споры.

27 «Ночь в опере» — американский фильм (1935), режиссер Сэм Вуд.

28 «Александр Невский» — кинофильм, созданный в 1938 г. режиссером С. М. Эйзенштейном, музыка С. С. Прокофьева, в главной роли Н. К. Черкасов.

29 Казанцева Надежда Аполлинариевна (1911–?) — певица (лирико-колоратурное сопрано). Нар. арт. РСФСР (1947). В 1935–1954 гг. солистка Всесоюзного радио.

30 «Призрак оперы» — американский фильм (1925), режиссер Р. Джулиан, в главной роли Л. Чани.

31 Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель, общественный деятель. Академик АН СССР (1958).

³² «Конец пути» — английский кинофильм, созданный совместно с «Голливудом» (1931), режиссер Дж. Уэйл.

³³ Речь идет о романе «Господа Головлевы» Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826—1889).

³⁴ Балет Л. Минкуса «Баядерка» был возобновлен на сцене Ленинградского театра оперы и балета, балетмейстер М. Петипа, возобновление В. Пономарева, дирижер П. Шерман.

³⁵ Имеется в виду статья И. И. Дзержинского «О пропаганде советской симфонической музыки» (Ленинградская правда, 1954, 22 сент.). Автор высказывает озабоченность, считая, что оркестр Ленинградской филармонии слабо пропагандирует советскую симфоническую музыку. А недостаточная пропаганда, в свою очередь, по словам автора, не стимулирует творчество композиторов. «Не удивительно, что советские композиторы стали писать меньше музыки» (цитата автора). И далее следуют упреки оркестру в недостаточном внимании к творчеству русских композиторов, к музыке композиторов братских республик и т. д. В завершении статьи автор призывает Филармонию перестроить свой стиль работы, чтобы «активно помогать расцвету советского симфонического искусства».

³⁶ Сохор Арнольд Наумович (1924—1977) — музыковед, критик, музыкально-общественный деятель. Докт. искусствоведения. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1970).

³⁷ Тосканини Артуро (1867—1957) — итальянский дирижер. Один из крупнейших дирижеров XX в.

³⁸ Бём Карл (1894—1981) — австрийский дирижер. В 1954—1956 гг. руководил Венской государственной оперой.

³⁹ Менгельберг Виллем Йозеф (1871—1951) — нидерландский дирижер (немец по национальности). В 1895—1945 гг. (с перерывом) главный дирижер амстердамского оркестра «Концертгебау».

⁴⁰ Речь идет о книге Ефима Николаевича Пермитина (1895/96—1971) — мастера пейзажа, знатока русской речи.

⁴¹ Речь идет о Понтии Пилате — римском наместнике Иудеи в 26—36 гг., согласно новозаветной традиции приговорившем к казни Иисуса Христа.

⁴² Абендрот Герман (1883—1956) — немецкий дирижер. С 1945 г. генерал-музик-директор в Веймаре, позднее руководил симфоническим оркестром радио в Лейпциге и Берлине. Гастролировал во многих странах, неоднократно бывал в СССР.

⁴³ Речь идет о романе Ивана Александровича Гончарова (1812—1891).

⁴⁴ Премьера спектакля «Они знали Маяковского» по пьесе В. А. Катынина состоялась в Ленинградском театре драмы им. Пушкина, режиссер Н. А. Петров, композитор Р. К. Щедрин.

⁴⁵ Ельцин Сергей Витальевич (1897—1970) — дирижер, педагог. Нар. арт. РСФСР (1954). В 1953—1956 гг. главный дирижер Ленинградского театра оперы и балета. С 1921 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1935).

⁴⁶ Речь идет о чешском писателе Кареле Чапеке (1890—1938). Мировую известность ему принесли социально-фантастические произведения, в которых он развивал традиции Г. Уэллса и А. Франса.

⁴⁷ Сетон-Томпсон Эрнест (1860—1946) — писатель-анималист, ему удавалось сочетать в рассказах о животных научную точность с занимательностью изложения.

⁴⁸ Либерман Виктор Семенович (1930—1999) — скрипач, концертмейстер оркестра в 1970—1978 гг.; Лейбенкрафт Лев Константинович (р. 1928) — скрипач симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

49 Фуртвенглер Вильгельм (1886–1954) — немецкий дирижер, композитор, писатель. Основная деятельность была связана с Берлинским филармоническим оркестром и Венским филармоническим оркестром. Один из крупнейших дирижеров XX в.

50 Близнюк Николай Григорьевич — директор Малого зала им. Глинки в Ленинграде.

51 Замчевский Иван Константинович (1909–1979) — партийный деятель. В 1953–1956 гг. первый секретарь Горкома партии Ленинграда.

52 Речь идет о книге Н. М. Верзилина «По следам Робинзона».

53 Малин Владимир Никифорович (1906–?) — партийный деятель. В 1939–1947 гг. секретарь ЦК ВКП(б). Депутат ВС СССР в 1946–1950 и 1958–1966 гг.

54 Саква Константин Константинович (1912–?) — музыковед, музыкальный критик. Засл. деят. искусств РСФСР (1973). В 1951–1953 гг. главный редактор Главной редакции музыкально-художественного вещания, член Комитета радиовещания при СМ СССР, в 1955–1956 гг. начальник Управления музыкально-художественного вещания Главного управления радиовещания Министерства культуры СССР. В 1949–1951 и 1956–1962 гг. главный редактор, в 1962–1963 гг. директор Музгиза.

55 Орвид Георг Антонович (1904–1980) — трубака, педагог, музыкально-общественный деятель. Засл. деят. искусств РСФСР (1966), нар. арт. РСФСР (1972). В 1946–1961 гг. занимал руководящие должности в учреждениях Министерства культуры СССР. Преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1941).

56 Векслер Самуил Маркович (1921–?) — музыковед, педагог. Докт. искусствоведения (1968). Преподаватель Ташкентской консерватории, проф. (с 1968).

1955

1 Лятошинский Борис Николаевич (1894/95–1968) — композитор, педагог, музыкально-общественный деятель. Нар. арт. УССР (1968). Преподавал в Киевской и одновременно Московской консерваториях, проф. (с 1935).

2 Речь идет о Григории Александровиче Потемкине (1739–1791), государственном и военном деятеле, генерал-фельдмаршале, фаворите и ближайшем помощнике Екатерины II; о Григории Ефимовиче Распутине (1872–1916) — фаворите царя Николая II и его жены Александры Федоровны, убитом монархистами; о Алексее Сергеевиче Желтове (1904–?) — военачальнике, генерал-полковнике, Герое Сов. Союза, в 1953–1957 гг. начальнике Главного полит. управления Сов. Армии и ВМФ.

3 Конёнков Сергей Тимофеевич (1874–1971) — скульптор. Нар. худ. СССР (1958), действ. член АХ СССР (1954).

4 Каравайчук Олег Николаевич (р. 1927) — композитор. Более ста работ в кино.

5 Николаева Татьяна Петровна (р. 1924) — пианистка, композитор, педагог. Нар. арт. СССР (1983). С 1959 г. преподаватель Московской консерватории, проф. (с 1965).

6 Курбатов Михаил Михайлович — концертмейстер группы контрабасов симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

7 Илья Ильф (наст. имя Илья Арнольдович Файнзильберг; 1897–1937) и Евгений Петров (наст. имя Евгений Петрович Катаев; 1903–1942) — писатели-сатирики, авторы широко известных романов, рассказов, фельетонов и очерков, написанных совместно. Роман «Двенадцать

стульев» — первая значительная совместная работа — сразу завоевал признание читателей.

⁸ «Фанфан-Тюльпан» — французский кинофильм (1952), режиссер Кристиан-Жак.

⁹ Зильпер Аншель Генрихович — контрабасист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду редакционная статья «К новым успехам советского симфонизма» в журнале «Советская музыка» (1954, № 12).

¹¹ Эйдлин Юлий Ильич (1896—1958) — скрипач, педагог. Преподавал в Ленинградской консерватории, проф. (с 1935).

¹² Гилельс Эмиль Григорьевич (1916—1985) — пианист. Нар. арт. СССР (1954). Выдающийся пианист, гастролировал за рубежом. С 1938 г. преподавал в Московской консерватории, проф. (с 1952).

¹³ Имеется в виду роман «Чертухинский балакирь» Сергея Антоновича Клычкова (1889—1937) — поэта и прозаика.

¹⁴ Речь идет о повести «Приключения Гекльберри Финна» американского писателя Марка Твена (наст. имя Сэмюэль Ленгхорн Клеменс; 1835—1910), написанной в 1884 г.

¹⁵ Матсов Роман Вольдемарович (1917—2002) — дирижер, педагог. Нар. арт. Эст. ССР (1967). В 1950—1963 гг. главный дирижер симфонического оркестра Эстонского радио. Преподаватель Таллинской консерватории, проф. (с 1977).

¹⁶ Пьеса А. Чехова «Чайка» шла на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина в постановке Л. С. Вивьена, художник Попов.

¹⁷ Речь идет об Ирвинге Вашингтоне (1783—1859) — классике американской литературы, одном из ее родоначальников.

¹⁸ Стасевич Абрам Львович (1906/07—1971) — дирижер, композитор. Засл. деят. искусств РСФСР (1957). В 1944—1952 гг. дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио.

¹⁹ Имеется в виду драма А. Штейна «Персональное дело» в постановке Л. С. Вивьена в Ленинградском театре драмы им. Пушкина.

²⁰ Попов Саша (1899—1976) — болгарский скрипач, дирижер. Нар. арт. НРБ (1952). Организатор и дирижер оркестра Софийской филармонии.

²¹ Владигеров Панчо (1899—1978) — болгарский композитор, пианист, дирижер, педагог. Нар. арт. НРБ (1949). С 1932 г. преподавал в Музыкальной академии (с 1954 г. Болгарская консерватория), проф. (с 1944).

²² Имеется в виду научно-фантастический роман английского писателя Герберта Джорджа Уэллса (1866—1946) «Человек-невидимка».

²³ Зорин Валериан Александрович (1902—?) — дипломат. В 1947—1955 и 1956—1965 гг. зам. министра иностранных дел.

²⁴ Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) — партийный и государственный деятель. С 1953 г. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 гг. Председатель СМ СССР. Освобожден от обязанностей Пленумом ЦК КПСС в 1964 г.

²⁵ Стоковский Леопольд (1882—1977) — американский дирижер (по национальности поляк). Руководил многими американскими симфоническими оркестрами, в том числе Американским симфоническим оркестром в Нью-Йорке.

²⁶ О'Генри (наст. имя: Уильямс Сидни Портер; 1862—1910) — американский писатель, создал определенный тип американского рассказа.

²⁷ Пермяк Евгений Андреевич (1902—1982) — автор научно-популярных книг для детей, публицистических книг на экономические и политические темы.

28 Мурин Александр Григорьевич (1916—1992) — хоровой дирижер. Нар. арт. СССР (1976). С 1952 г. хормейстер, с 1961 г. главный хормейстер Ленинградского театра оперы и балета.

29 Семков Ежи (р. 1928) — польский дирижер. В 1951—1953 гг. совершенствовался в Ленинградской консерватории у Е. А. Мравинского, работал ассистентом-дирижером в Оперной студии Ленинградской консерватории, в 1956—1958 гг. дирижером-стажером в Большом театре.

30 Скоробогатов Константин Васильевич (1887—1969) — актер. Нар. арт. СССР (1953). С 1936 г. работал в Ленинградском театре драмы им. Пушкина, с 1951 г. директор. Снимался в фильмах «Пугачев», «Пирогов». Корякина Елена Петровна (1902—1979) — актриса. Нар. арт. РСФСР. С 1922 г. работала в Ленинградском театре драмы им. Пушкина.

31 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — политический деятель СССР. В 1941—1957 гг. 1-й зам. председателя СНК (СМ) СССР, одновременно в 1953—1956 гг. нарком Министерства иностранных дел СССР.

32 Кертлинг Вячеслав Георгиевич — инспектор симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

33 Удальцов Игорь Александрович (1928—1973) — валторнист; Иткис Марк Ефимович (1912—1991) — концертмейстер группы 2-х скрипок симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

34 Эйхенбаум Борис Михайлович (1866—1959) — литературовед, доктор филол. наук.

35 Имеется в виду спектакль по пьесе Б. Лавренева «Лермонтов», поставленный на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина, режиссер Б. М. Дмоховский, композитор И. И. Дзержинский.

36 «Любовь женщины» — французский кинофильм (1954), режиссер Жан Гремильон.

37 «Красное и черное» — французский кинофильм (1954), режиссер Клод Отан-Лара.

38 Гарагули Карл фон (1900—?) — скрипач и дирижер (по национальности венгр). Член Королевской музыкальной академии в Стокгольме. В 1952—1959 гг. главный дирижер и художественный руководитель оркестра общества «Гармония» в Бергене, затем главный дирижер оркестра в Арнеме.

39 Джорджеску Джордже (1887—1964) — румынский дирижер и общественный деятель. Нар. арт. СРР (1954). С 1920 г. главный дирижер оркестра Бухарестской филармонии, одновременно дирижер и директор Бухарестского оперного театра.

40 Тактакишвили Отар Васильевич (1924—1989) — композитор, педагог, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1974). В 1952—1956 гг. дирижер и художественный руководитель Государственной хоровой капеллы Груз. ССР.

41 Пьеса А. Н. Островского «Пучина» шла на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина в постановке В. П. Кожича и А. Н. Даусона.

42 Кренц Ян (1926—?) — польский дирижер и композитор. С 1945 г. дирижер филармонии в Лодзи, с 1949 г. дирижер (1953—1968 гг. гл. дирижер) Большого симфонического оркестра Польского радио в Катовице. В 1957 г. совершенствовался как дирижер в Париже.

43 «Тереза Ракен» — французский кинофильм (1953) по роману Э. Золя, режиссер Марсель Карне.

44 Фридлендер Александр Григорьевич (1906—?) — дирижер, композитор, педагог. Засл. арт. РСФСР (1958). В 1934—1973 гг. дирижер сим-

фонических оркестров и оркестров оперных театров Одессы, Свердловска и др. городов.

⁴⁵ Пьеса Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» шла на сцене Ленинградского театра драмы им. Пушкина в постановке Г. А. Товстоногова, композитор Кара Караев.

⁴⁶ Хейердал Тур (1914–2002) — знаменитый норвежский исследователь, этнограф и археолог, проплыл с экипажем на плоту «Кон-Тики» от Перу до Полинезии. В 1949 г. им написана книга «Путешествие на „Кон-Тики“».

⁴⁷ Речь идет о кн.: *Соллертинский И. И.* Густав Малер. Л., 1932.

⁴⁸ Имеется в виду повесть «Затишье» Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883), написанная в 1854 г.

⁴⁹ Имеется в виду кн.: *Толстой А.* Под старыми липами. М., 1936.

⁵⁰ «Беглецы» — французский кинофильм (1955), режиссер Ле Шануа.

⁵¹ Эдер Борис Афанасьевич (1894–1970) — артист цирка. Нар. арт. РСФСР (1939). Имеется в виду его кн.: *Мои питомцы.* М., 1955.

⁵² Речь идет о книге Герасима Александровича Успенского (1905–?) «Васька-путешественник» (Л., 1955).

⁵³ Рашевская Наталия Сергеевна (1893–1962) — актриса, режиссер. Нар. арт. РСФСР (1957). С 1914 г. работала в Александринском театре (потом Ленинградский театр драмы им. Пушкина).

⁵⁴ Митропулос Димитриос (1896–1960) — греческий дирижер, пианист, композитор.

1956

¹ Шеллер (псевд. Михайлов) Александр Константинович (1838–1900) — писатель. Произведения его, написанные на злобу дня, уже в начале XX в. утратили общественный интерес, хотя в 60–80-х гг. XIX в. пользовались популярностью у русского демократического читателя.

² Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) — актриса. Нар. арт. СССР (1937). С 1924 г. в труппе МХАТа. Снималась в фильмах: «Гроза», «Петр Первый» и др. Депутат ВС СССР в 1950–1962 гг. Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) — актер. Нар. арт. СССР (1936). На сцене с 1896 г., с 1900 г. во МХАТе.

³ Имеется в виду книга «Из жизни натуралиста» Евгения Павловича Спангенберга (1898–1968).

⁴ Михайлов Николай Александрович (1906–?) — государственный и партийный деятель. В 1955–1960 гг. министр культуры СССР.

⁵ Имеется в виду цикл рассказов Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953), составивших книгу «Темные аллеи» (1943) — единственную в своем роде, где все — о любви.

⁶ Имеется в виду повесть «Тарас Бульба» Николая Васильевича Гоголя (1809–1852) из сборника «Миргород», а также Хаггард Генри Райдер (1856–1925) — английский писатель, автор приключенческих романов «Копи царя Соломона» и «Дочь Монтесумы».

⁷ Блех Лео (1871–1958) — немецкий дирижер, композитор. С 1913 г. генерал-музик-директор Берлинской королевской оперы. В 1930-х гг. эмигрировал. В 1949–1953 гг. дирижер Городской оперы Западного Берлина.

⁸ Речь идет о студенческой песне «Гаудеамус», возникшей в средние века, ее исполняют на латыни.

⁹ Никиш Артур (1855–1922) — венгерский дирижер. Руководитель Бостонского симфонического оркестра, оркестра Гевандхауза, одно-

временно Берлинского филармонического оркестра, Оперного театра в Будапеште, Гамбургского филармонического оркестра.

¹⁰ Речь идет о придуманном Александром Степановичем Грином (наст. фам. Гриневский; 1880—1932) городе Гель-Гью, овеванном романтикой странствий и приключений. Он встречается во многих рассказах Грина, в романе «Бегущая по волнам».

¹¹ Хейфец Яша (Иосиф Робертович; 1901—1987) — американский скрипач, педагог. Родился в России. Был одним из крупнейших скрипачей XX в. Гастролировал во многих странах. Клемперер Отто (1885—1973) — немецкий дирижер, композитор. В 1947—1950 гг. работал в оперном театре в Будапеште, в берлинском театре «Комише опер», в последующем дирижер Лондонского филармонического оркестра, театра «Ковент-Гарден».

¹² Толстая Надежда Николаевна (р. 1923) — арфистка. Засл. арт. РСФСР (1973). С 1950 г. артистка оркестра Ленинградской филармонии, с 1956 г. — Государственного симфонического оркестра СССР. Левант Михаил Михайлович — альтист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹³ Вальтер Бруно (наст. имя Бруно Вальтер Шлезингер; 1872—1962) — немецкий дирижер. В 1913—1922 гг. генерал-музик-директор Мюнхенского национального театра, с 1925 г. — Берлинской государственной оперы, в 1929—1933 гг. дирижер Гевандхауза, в 1936—1938 гг. дирижер Венской государственной оперы. С 1939 г. жил в США.

¹⁴ Плисецкая Майя Михайловна (р. 1925) — артистка балета. Нар. арт. СССР (1959). С 1943 г. в Большом театре. Сочетает традиции русской хореографической школы с новаторскими устремлениями современного балета.

¹⁵ «Если парни всего мира» — французский кинофильм (1955), режиссер Кристиан-Жак.

¹⁶ Вербицкая Евгения Матвеевна (1904—1965) — певица (меццо-сопрано). В 1931—1947 гг. солистка музыкальных театров Ленинграда и Киева, в 1948—1959 гг. — Большого театра.

¹⁷ Речь идет о первой части «Сестры» трилогии А. Толстого «Хождение по мукам», написанной в 1922—1925 гг.

¹⁸ Имеется в виду третья часть «Хмурое утро» трилогии «Хождение по мукам» А. Толстого, написанная в 1940—1941 гг.

¹⁹ Товстоногов Георгий Александрович (1913—1989) — режиссер. Нар. арт. СССР (1957), докт. искусствоведения (1968). С 1956 г. главный режиссер Ленинградского Большого драматического театра. С 1960 г. проф. Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

1962

¹ Речь идет о жене Мравинского Инне Михайловне Сериковой.

² Зноско-Боровский Александр Федорович (1908—?) — композитор. В 1945—1963 гг. заведующий редакцией музыки издательства «Мистецтво» в Киеве. Двоюродный брат Е. А. Мравинского.

³ Речь идет о семействе Агафонникова Николая Николаевича (1918—1982) — композитора.

⁴ Вильниц Яков Александрович — скрипач симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

⁵ Ярви Неапе (р. 1937) — дирижер. Нар. арт. Эст. ССР (1971). Ученик Н. С. Рабиновича и Е. А. Мравинского. В 1963—1980 гг. главный дирижер Эстонского театра оперы и балета, затем Государственного оркестра Эст. ССР.

⁶ Арапов Борис Александрович (1905–1992) — композитор, педагог. Нар. арт. РСФСР (1976), засл. деят. искусств Узб. ССР (1944) и РСФСР (1957). С 1930 г. преподаватель Ленинградской консерватории, проф. (с 1940).

⁷ Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961) — американский писатель. Повесть-притча «Старик и море», написанная в 1952 г., посвящена заветной авторской идее — «трагическому стоицизму»: перед лицом судьбы человек обязан сохранять мужество и достоинство.

⁸ Дезормьер Роже (1898–1963) — французский дирижер, композитор. С 1924 г. дирижирует балетами в ряде театров Парижа, выступал также как оперный и симфонический дирижер во Франции и других странах.

⁹ Ансерме Эрнест (1883–1969) — швейцарский дирижер, композитор. Гастролировал в СССР.

¹⁰ Серов Эдуард Афанасьевич (р. 1937) — дирижер. Нар. арт. РСФСР (1990). Ученик Е. А. Мравинского, в 1985–1989 гг. дирижер-ассистент симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹¹ Майзель Борис Сергеевич (1907–1986) — композитор. Засл. деят. искусств Бурят. АССР (1959).

¹² Вишневецкая Галина Павловна (р. 1926) — певица (сопрано). В 1952–1974 гг. солистка Большого театра.

1964

¹ Сведения о событиях в жизни Евгения Александровича Мравинского в период 1956–1964 гг. собраны мною (А. М. Вавилиной) из переписки, сводных материалов, откровений самого Евгения Александровича, кроме того, мне довелось быть участницей некоторых из них. Читателю, не осведомленному об этом отрезке личной жизни Мравинского, трудно будет оценить глубину постигшей его утраты. Эти страницы названы мною Реквиемом, в них — кульминация его душевной трагедии.

Природа, щедро наделившая Мравинского, не поскупилась и на великий дар любви к жизни, окружающему миру, женской красоте. Это чувство независимо от возраста сопутствовало ему всю его жизнь. Так, уже в 1909 г. Елизавета Николаевна (мать Е. А.) узнала от своей родной сестры Веры «приятную новость». «Лиза, сегодня Женя признался мне в любви! Ведь ему еще только шесть?!»

И в последующие годы жизненное кредо Мравинского гласило: без любви — не быть! В записях Евгения Александровича за 1950-е гг. упоминаются его визиты в Смольный, в отдел культуры, к Инне Михайловне Сериковой. Их сблизили совместные действия в защиту оркестра Радиокомитета, исполнявшего в блокадном Ленинграде Седьмую симфонию Д. Шостаковича. Усилия увенчались успехом — оркестр был сохранен и вскоре стал вторым оркестром Ленинградской филармонии. Это общее дело, обнаружившее единство взглядов и взаимопонимание, стало началом красивой и страстной любви. Незаурядная личность Инны Михайловны, ее безграничное обаяние, женственность и красота — шквалом обрушились на Евгения Александровича. Дальнейшее разворачивалось по неотвратимому сценарию: метания между долгом и чувством, препятствия для развода, неустройство встреч, разлуки, скитания...

В те годы я с Инной Михайловной Сериковой уже была знакома по Консерватории, где она — аспирантка профессора Галины Тихоновны Филенко — проводила со студентами семинары по советской музыке. А с 1956 г. мы обе оказались в Радиокомитете (она — муз. редактором, я в оркестре им. Андреева). Несмотря на разницу в возрасте, мы с пер-

вых дней нашего знакомства испытывали друг к другу искреннюю приязнь и понимание. Ее музыкальная даровитость, распахнутость души, чувство юмора, доброта и расположенность к людям обладали какой-то особенной притягательной силой. В моем профессиональном становлении роль Инны неопенима: по ее рекомендации я приняла участие в московских конкурсах музыкантов-исполнителей (1956, 1957). Участливо откликнулась она на мое горе (гибель в автокатастрофе мужа — Мирона Самсоновича Вейса, известного скрипача).

Наконец, в 1959 г. Инне Михайловне предоставляют крохотную ведомственную квартирку на Тверской ул., 18. Еще тянется волокита развода, но счастье озарило их обоих. Мравинского — всплеском творческого подъема. И это было услышано в его музыке.

1960-й год. Большая гастрольно-концертная поездка по странам Европы вместе! Инна ведет подробные записи о концертах и Евгении Александровиче:

Лондон, 25 сентября 1960 г. (пятница)

[Концерт:] Моцарт, симфония си-бемоль-мажор; Шостакович, Восьмая симфония.

...В 14 ч. — обед. Утром Женя проглотил тонизирующую пилюлю — и не может заснуть. Шостакович тоже не находит себе места. Вечером концерт. Успех грандиозный... <...> Вечером у нас Шостакович рассказывал Славе [Ростроповичу], что плакал, когда зазвучал С-dur'ный переход от Пассакалии в финал...

В 1961 г. Инна тщательно заполняет календарь поездки по Скандинавии. Тогда же Мравинским сделаны сотни фотографий красивой, счастливой Инны.

В апреле этого года в оркестр ЗКР объявлен конкурс на должность солиста группы флейт. Двадцать шесть претендентов. Моей победе в конкурсе больше всех радовалась Инна. Но только после четырех туров моей «апробации на пригодность» Мравинские пригласили к себе отметить «праздник» под простенькую закуску и штоф водки с перцем. За столом Евгений Александрович с неподдельным интересом выспрашивал о моих былых днях, о Мироне, которого знал, о родных. «А вы верующая?» — главный вопрос. «Ну как же, конечно. И мама верующая, и я крещеная». — «Мне кажется, мы будем с вами большими друзьями. Инка так любит вас». Кто мог предвидеть тогда в словах Евгения Александровича, прозвучавших для меня музыкой света, их роковое пророчество?

Неожиданно на них обрушивается череда бед: перед гастрольями в Америку Мравинскому неудачно прививают оспу. Рука нарывает уже в поезде, в вагоне Инна «беспричинно» падает в обморок.

Из записей И. М. Сериковой:

Бостон, 17 октября [1962 г.]

В 11.30 приехали наши. У Жени нарвала одна оспа, у меня — тяжелая свинцовая боль в затылке. Меня на целый день уложили в постель. Женя обедал один...

Концерт:

Моцарт, симфония си-бемоль-мажор,
Шостакович, Восьмая симфония.

18 октября [1962 г.]

Из оспы ручьем течет гадость. Женя с трудом заснул. Адское сердцебиение перед концертом. Меня взяли с условием, что я буду сидеть

в дирижерской... <...> Симфонию Моцарта играли как никогда в жизни <...> Восьмая тоже выше всех похвал — пробрала зал до мозга костей. По окончании Женя совсем без сил, но с сознанием, что самый трудный концерт во всей поездке уже позади.

Бруклин, 21 октября [1962 г.]

...Концерт в 8.30. Зал полон. Женя чувствует себя свободно и уверенно. Брамс сегодня особенно вдохновенный. Оркестр играет с подъемом и удовольствием, на концерте Горовиц, Ваксман и Стоковский. Стоковскому особенно понравились Буяновский, Вавилина, Еремкин. <...> Две корзины цветов, которые по окончании мгновенно растащены публикой...

Гастроли по городам США и Канады проходят с триумфальным успехом, но длительные переезды утомительны для обоих; Инне худо. Опасаясь нарушить атмосферу выступлений, она старается скрыть свой недуг от Евгения Александровича. По возвращении в Россию она слегла. Пыталась сбросить усталость, отлежаться в репинском Доме композиторов. Выстрелом прозвучал для Мравинского окончательный диагноз: *mieloma multiplex*. Вероятность излечения невелика.

Весть о горе Мравинского разнеслась, и со всех концов земли друзья и коллеги высылали ему лекарства. Неукротимая жажда жизни помогала Инне выныривать иногда из кошмара болезни. Тогда периодические ремиссии казались ей выздоровлением и она была счастлива.

Вавилиной А. М.

Репино, 11 июля 1963 г.

Аленька, мы оба очень обрадовались твоему письму, потому что, как и ты, остро ощутили сразу твое отсутствие, хотя мы оба слишком торопимся в горячем желании видеть все в еще более неузнаваемом виде. Из города Евг. Ал. приехал в приподнятом настроении: его успокоили мои анализы. <...> На этом основании пока («впредь до особого распоряжения») отменили сарколизин. Кстати, тогда вся история с моими ногами и головой была прямым следствием шока от сарколизина! И вот уже несколько дней как я окончательно оправилась. <...> Меня каждый день обещают повести в лесочек и на море, но как-то все так складывается, что не успеваем. <...> За это же время Б. Тищенко играл свою симфонию и виолончельный концерт. Оказался очень одаренным парнем, и концерт в особенности, Е. А. очень понравился. Ключнер принес партитуру своей новой симфонии; тоже играл, но так, что лучше бы не играл. (Е. А. всегда выходит из себя, когда играют авторы совсем не то, что они пишут в партитурах.) <...>

Мы тебя крепко целуем, ждем. Твои Инна и Деда. [Евгений Александрович любил эту ласковую кличку, часто подписываясь Дед.]

Причем творческая деятельность Евгения Александровича в этот период не прекращается: в Репино Мравинский едет с партитурами. За это время поставлено несколько премьер: Сибелиус, симфония № 3; Онеггер, «Литургическая» симфония (1963); Хиндемит, симфония «Гармония мира»; Ключнер, Вторая симфония; Салманов, Третья симфония (1964).

А. М. Вавилиной

Репино, 25 января 1964 г.

Аленька, хоть это письмо придет с запозданием, но все-таки передай Татьяне Васильевне [матери А. М. Вавилиной], что мы поздравляем ее

с днем ангела, а тебя — с именинницей. Мы (с Е. А.) хотим, чтобы вы обе были здоровы, благополучны и обрели бы постоянное душевное равновесие и покой. Мы тебя нежно любим, и сегодня нам обоим показалось, что мы не видели тебя целую вечность. Приезжай скорее, как только подвернется ближайший свободный денек. Здесь все-таки прекрасно! <...>

Целуем тебя оба. Инна

15 февраля, последний день рождения Инны, мы вместе провели в Репино. Привезенный мною подарок Евгения Александровича — золотое кольцо с изумрудом — доставил ей детскую радость. Позднее она посетует на то, что на ее руке блеск изумруда потускнел, как и у Ивана IV, умершего от той же болезни. Состояние Инны вынуждает прервать отдых в Репино и лечь в клинику. Весна. Последняя ремиссия. Похорошела, румянец. К майским праздникам разрешено возвратиться домой при условии соблюдения строгого и сложного режима. Мравинским тщательно составляется график приема лекарств и процедур, диеты, приема сестер и врачей. С отчаянным усилием, любой ценой стремится он продлить каждую минуту Инниной жизни в надежде на появление нового сказочно-спасительного средства.

Вся моя любовь к Инне, все силы и терпение с материнским рвением брошены на облегчение ее страданий; требовалось уберечь и оградить Евгения Александровича от ежедневных «не мужских» забот по уходу за Инной. Оба — до последних минут — не могли себе представить ужаса НАДВИГАЮЩЕГОСЯ, оба молили о несбыточном.

Несомненно, Инна допускала и самое плохое, но в ней теплилась надежда на чудо-спасение. «Если со мной что-то случится, не оставляй Женю, хотя бы на первое время... обещай» — приходилось мне слышать всякий раз, когда ей становилось невыносимо.

28 июня концерт Мравинского. Во втором отделении «Альпийская» симфония Рихарда Штрауса. Символично, с оттенком трагедийности, прозвучала она в этот вечер.

30 июня последний визит А. Г. Панова, известного хирурга-невропатолога ВМА. Приглушенно-взволнованный диалог. Е. А.: «Только правду, пожалуйста». А. Г.: «Мужества вам, дорогой мой. Сражение проиграно». Проводив Панова, Е. А. остановился в проеме двери. «Ты так спокоен — безнадежно?» — «Нет, нет! Ты должна помогать мне в нашей борьбе за тебя». 31-го поздно вечером приходила Анна Максимовна Бомаш, в день своего рождения. Инна, как всегда, была приветлива, поздравила, поцеловала, силилась улыбнуться. В полночь впамя в дрему, в тихую смиренную агонию. Рука Евгения Александровича вбирала последние удары пульса. 1 июля в 1 час 40 минут сердце остановилось.

Сколько раз в жизни Мравинского решающую роль играли мужество и воля. Как велико было искушение покинуть осиротевший без Инны мир, как трудно было преодолеть порог отчаяния... Однако поднялся, устоял. Поддержала неизменная молитва и, конечно, правда и сила музыки.

Обрелось еще много новых друзей. Исполнен, в меру возможностей, и обет, данный мною Инне. Еще почти четверть века открывал для нас Мравинский прекрасный мир музыки.

² Речь идет об Александре Михайловне Вавилиной, ставшей впоследствии женой Е. А. Мравинского.

³ Речь идет о Василие Васильевиче — муже Веры Михайловны Шибаевой. В их домике на Горной улице в Усть-Нарве прежде жил Евгений Александрович с Инной.

⁴ Имеется в виду мирское имя матушки Силуаны — Надежда Андреевна Соболева.

1969

¹ Родионов К. С. — герой прижизненного рассказа «Заполярный мед», журналист, писатель, был репрессирован, затем реабилитирован. Многолетний друг Евгения Александровича Мравинского.

² Родионов Николай Николаевич — 1-й секретарь Ленинградского горкома партии в 1957—1960 гг., с 1965 г. 1-й секретарь Челябинского обкома КПСС.

³ В этом доме Мравинский жил в 1941—1944 гг. во время эвакуации оркестра Ленинградской филармонии в Новосибирск.

⁴ И. И. Соллертинский был похоронен на кладбище в Новосибирске.

⁵ Марголин Вениамин Савельевич (р. 1922) — трубач, солист симфонического оркестра Ленинградской филармонии в 1947—1974 гг., проф. Ленинградской консерватории.

⁶ Симонов Юрий Иванович (р. 1941) — дирижер, педагог. Нар. арт. СССР (1981). Ученик Н. С. Рабиновича, дирижер-стажер Е. А. Мравинского. В 1970—1985 гг. главный дирижер Большого театра. В 1985—1989 гг. художественный руководитель и главный дирижер Государственного малого симфонического оркестра СССР. Гастролирует за рубежом. С 1978 г. преподает в Московской консерватории, проф. (с 1985).

⁷ Цуц — шутовское прозвище Александры Михайловны Вавилиной, данное ей Инной Михайловной Сериковой.

⁸ Буяновский Виталий Михайлович (1928—1993) — валторнист. Сын известного валторниста М. Н. Буяновского, Нар. арт. РСФСР (1978), канд. искусствоведения (1955). С 1946 г. артист оркестра Ленинградского театра оперы и балета, в 1956—1988 гг. солист симфонического оркестра Ленинградской филармонии. С 1954 г. преподаватель Ленинградской консерватории, проф. (с 1973).

1970

¹ Толубеев Юрий Владимирович (1905—1979) — актер. Нар. арт. СССР (1956). С 1942 г. работал в Ленинградском театре драмы им. Пушкина. С 1967 г. жил в одном доме с Мравинским, частый его гость и единомышленник.

² Шерман Соломон Иосифович — гематолог, лечивший Инну Михайловну Серикову.

³ Гайдаров Владимир Георгиевич (1893—1976) — актер. Засл. арт. РСФСР (1940). Работал в 1938—1968 гг. в Ленинградском театре драмы им. Пушкина.

⁴ «Берегись автомобиля» — кинофильм (1966), режиссер Э. А. Рязанов.

⁵ Караян Герберт фон (1908—1989) — австрийский дирижер. С 1947 г. дирижер (с 1949 г. директор) Общества друзей музыки в Вене. В 1956—1964 гг. руководил Венской государственной оперой. Крупнейший симфонический и оперный дирижер, выступал как оперный дирижер и режиссер в разных театрах мира.

⁶ Даррелл Джеральд Малколм (1925—1995) — английский зоолог и писатель. Организатор и участник экспедиций за коллекциями живот-

ных в Африку, Южную Америку, Австралию. Создал зоосад на о. Джерси для животных, находящихся под угрозой исчезновения.

⁷ После хирургической операции желудка в 1957 г. у Мравинского после приема пищи всегда усиливалось сердцебиение.

⁸ «Годеи к нестроеной» — кинофильм (1968), режиссер В. А. Роговой.

⁹ Дембо А. Г. — врач из Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

¹⁰ Штраус-Марко Ева — талантливая скрипачка, покинувшая в 1960-е гг. СССР, затем эмигрировавшая в Израиль из Польши.

¹¹ Имеется в виду издание: Музыканты смеются: Были. Шутки. Небылицы. Анекдоты. Афоризмы. Рисунки. Изд. 2. Киев, 1969.

¹² Имеется в виду роман «Будденброки» немецкого писателя Томаса Манна (1875—1955).

¹³ Себастьян Георг (1903—1989) — венгерский дирижер. В 1931—1937 гг. дирижер симфонического оркестра Всесоюзного радио в Москве. С 1946 г. жил в Париже. Гастролировал во многих странах.

¹⁴ Никитин Анатолий Павлович (р. 1931) — концертмейстер группы виолончелей симфонического оркестра Ленинградской филармонии в 1953—2001 гг. Нар. арт. России. Преподает в Ленинградской консерватории с 1961 г., проф. (с 1982).

¹⁵ Крастин Максим Эдуардович — директор Ленинградской филармонии в 1963—1971 гг.

¹⁶ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — проникновенный поэт русской природы.

1971

¹ Речь идет о Георгии Ивановиче Попове (1912—1984) — 1-м секретаре Ленинградского горкома партии в 1960—1971 гг., который был освобожден от занимаемой должности.

² Так шутливо называл Евгений Александрович учеников А. М. Вавилиной-Мравинской.

³ Маркевич Игорь (Борисович) (р. 1912) — французский дирижер, пианист, композитор. По национальности русский. Гастролировал в СССР. В 1963 г. провел в Москве семинар по дирижированию.

⁴ Фурцева Екатерина Алексеевна (1910—1974) — партийный, государственный деятель. С 1956 г. секретарь ЦК КПСС, с 1960 г. министр культуры СССР. Депутат ВС СССР в 1950—1952, 1966—1974 гг.

⁵ Кремлев Юлий Анатольевич (1908—1971) — музыковед. Засл. деят. искусств (1957), докт. искусствоведения (1963). С 1937 г. научный сотрудник Ленинградского НИИ театра, музыки и кинематографии, проф. (с 1969).

⁶ Вероятно, на должность директора Ленинградской филармонии предполагалась кандидатура Георгия Ивановича Попова.

⁷ Адмони Иоганн Григорьевич (1906—1979) — композитор.

⁸ Шостакович Максим Дмитриевич (р. 1938) — дирижер. Сын Д. Д. Шостаковича. Проходил специализацию у А. В. Гаука и Г. Н. Рождественского. С 1965 г. возглавлял Симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

⁹ Речь идет о родителях Инны Мравинской — Зое Ивановне и Михаиле Романовиче Сериковых.

¹⁰ Шалыт Владимир Яковлевич — валторнист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹¹ Тауэр Татьяна — арфистка, солистка симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹ Попов Гавриил Николаевич (1904—1972) — композитор. Засл. деят. искусств РСФСР (1947).

² Гутников Борис Львович (1931—1986) — скрипач, педагог. Нар. арт. РСФСР (1978). С 1958 г. преподавал в Ленинградской (проф. с 1973 г.), с 1983 г. — Московской консерваториях.

³ Имеется в виду 1971 год, когда в Смольном Евгения Александровича Мравинского посчитали «невъездным» и в длительные гастроли по Европе оркестр отправился с А. Янсонсом. А. М. Вавилина-Мравинская также вынуждена была поехать с оркестром.

⁴ Фалик Юрий Александрович (р. 1936) — композитор, педагог. Засл. деят. искусств РСФСР (1981). С 1965 г. преподаватель Ленинградской консерватории, проф. (с 1987).

⁵ Фомин Виталий Сергеевич (1933—1994) — художественный руководитель Ленинградской филармонии в 1976—1994 гг., автор книги: Евгений Александрович Мравинский. М., Музыка, 1983.

⁶ Данилов Георгий Гаврилович — директор оркестра Ленинградской филармонии в 1971—1979 гг.

⁷ Стрижова Зоя Николаевна (р. 1922) — директор Ленинградской филармонии.

⁸ Янсонс Марис Арвидович (р. 1943) — дирижер. Нар. арт. РСФСР (1986). С 1971 г. ассистент Е. А. Мравинского в Ленинградском академическом симфоническом оркестре, с 1985 г. — второй дирижер. С 1970 г. доцент кафедры оперно-симфонического дирижирования Ленинградской консерватории.

⁹ Никончук Кирилл Никодимович (1921—1989) — солист (гобой) симфонического оркестра Ленинградской филармонии в 1950—1974 гг., с 1952 г. преподавал в Ленинградской консерватории, проф., зав. кафедрой.

¹⁰ Толстой Дмитрий Алексеевич (р. 1932) — композитор, педагог. Сын писателя А. Н. Толстого. С 1967 г. преподаватель Ленинградской консерватории (с 1977 г. доцент).

¹¹ Солженицын Александр Исаевич (р. 1918) — всемирно известный русский писатель. В 1960-е гг. печатался в советских журналах. В 1974 г. был незаконно лишен гражданства и выслан за пределы СССР. Вернулся в Россию в мае 1994 г.

¹² Имеется в виду Копель Ильич Волчонок (р. 1924) — заведующий больницей в Нарве. Семейство Копеля Ильича — жена Эсфирь Абрамовна (1922—2003) и их дети — было тесно связано с пребыванием Мравинских в Усть-Нарве, поскольку в дальнейшем они жили все вместе в одном доме, деля его пополам.

¹³ Первоначально предполагалось поселиться в коттедже дома отдыха «Мереранна», затем Мравинским предложили комнату в доме у моря, где жили Синёвы.

¹⁴ Софья Львовна и Ефим Григорьевич Бейлисы — близкие друзья Мравинского.

¹⁵ Речь идет о Лиле Людвиковской, жене Вадима Николаевича Людвиковского (р. 1925) — композитора, в 1948—1959 гг. музыкального руководителя и дирижера Эстрадного оркестра РСФСР под руководством Л. О. Утесова, в 1966—1974 гг. художественного руководителя и дирижера Концертного эстрадного оркестра Всесоюзного радио и телевидения.

¹⁶ Борейша Николай Николаевич — смотритель маяка в Усть-Нарве.

¹⁷ Имеется в виду правый берег р. Россони, на который любил причаливать Николай Семенович, его так и называли — «берег Рабиновича».

18 Мравинский не признавал карточные игры и никогда не участвовал в них.

19 Софья Львовна перенесла тяжелую операцию (астроцитому).

20 Речь идет о семействе Лео Корхина — дирижера, ученика Н. С. Рабиновича.

21 Волков Вячеслав Федорович — заведующий отделом административных органов обкома партии с 1971 г.

22 Этот участок у моря был предложен Е. А. Мравинскому, но на него претендовал партийный работник Бабаренко. Мравинский не стал спорить и с радостью согласился на участок, расположенный на «песках», напротив домика Е. Г. Бейлиса (ныне в этом доме проживают Колкеры).

23 Имеется в виду необходимость ехать в Ленинград на похороны Н. С. Рабиновича.

24 А. М. Вавилина вспоминает об отношении Евгения Александровича к ее игре в шахматы. Александра Михайловна: «Почему ты не любишь, когда я у шахматной доски?» — «А ты знаешь, какое в это время у тебя лицо?» — «Нет». — «У тебя такое лицо, как будто меня нет!»

25 А. М. Вавилина так комментирует эту запись: «„обида“ справедливая — много возилась на кухне, „разглагольствовала“, а главное — на репетиции в Ленинграде сюиты Р. Корсакова „Град Китеж“ неверно сыграла ритмическую группировку в фрагменте „Феврония“».

26 Речь идет о переложении А. М. Вавилиной пьесы И. Стравинского «Соловей» для флейты и фортепьяно.

27 Кнаппертсбуш Ханс (1888—1965) — немецкий дирижер. В 1951—1957 гг. ведущий дирижер Байрейтских фестивалей. Гастролировал, в том числе в СССР. Вальтер — см. примеч. 13 к 1956 г. Коутс Алберт (1882—1953) — английский дирижер, композитор. Родился в Петербурге. С 1946 г. руководитель симфонического оркестра в Йоханнесбурге (ЮАР). Гастролировал (в Ленинграде и Москве 1926, 1927 гг.).

28 Речь идет о Григории Ивановиче — хозяине хутора, принадлежавшего Мравинскому в 1961—1964 гг. Его дочь, Лидия Григорьевна, жила в Горках, отдельно от родителей.

29 Прасковья Васильевна, проработавшая много лет в Филармонии, а также помогавшая Мравинским по хозяйству при Инне, благодаря протекции Евгения Александровича жила летом с внуком в доме Лидии Григорьевны.

30 Речь идет о старушке, согласившейся жить в ленинградской квартире Мравинских и ухаживать за котами; она практически ничего не слышала, и ее нужно было предупредить о возвращении в Ленинград письменно.

31 Берлович Григорий Юльевич — директор Большого зала Ленинградской филармонии с 1961 г.

1973

¹ Нора Бейлис-Красавец — переводчица с французского языка, дочь Фима Григорьевича Бейлиса.

² Светланов Евгений Федорович (р. 1928) — дирижер, композитор, пианист, общественный деятель. Нар. арт. СССР (1968). С 1955 г. дирижер, с 1963 г. главный дирижер Большого театра. С 1965 г. художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра Союза ССР.

³ Уразова Ирина Алексеевна (1920—2001) — в этот период присматривала за домом Хейфица.

⁴ «Старая дева» — французский кинофильм (1971), режиссер Ж. П. Блан, в главной роли А. Жирардо.

⁵ Баршай Рудольф Борисович (р. 1924) — альтист. В 1956—1977 гг. руководитель созданного им Московского камерного оркестра. С 1977 — за рубежом. Выступает как симфонический дирижер.

⁶ Ростропович Мстислав Леопольдович (р. 1927) — виолончелист, дирижер. Нар. арт. СССР (1966). Один из крупнейших виолончелистов XX в. В 1973 г. дебютировал как дирижер. В 1948—1974 гг. преподаватель Московской консерватории, проф. (с 1960). С 1974 г. живет за рубежом. С 1977 г. возглавлял Национальный симфонический оркестр (Вашингтон).

⁷ «Комитет 19-ти» — кинофильм (1972), режиссер С. Я. Кулиш.

⁸ «Медная башня» — чешский кинофильм (1970), режиссер Мартин Голлы.

⁹ Федотов Виктор Петрович (р. 1942) — флейтист симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹⁰ Тищенко Борис Иванович (р. 1939) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1987). Ученик Д. Д. Шостаковича. С 1965 г. преподает в Ленинградской консерватории, проф.

¹¹ Речь идет о Диме — сыне Надежды Ивановны Быковой — приемной дочери А. Д. Каменской-Бушен.

¹² Имеется в виду книга Р. Шовен «От пчелы до гориллы» (пер. с фр. М., 1965). Это популярный очерк о поведении животных в природе.

¹³ «Человек-оркестр» — французский кинофильм (1970), режиссер Серж Корбер.

1974

¹ Верхоланцева Нина Соломоновна — бывшая скрипачка оркестра Ленинградского театра оперы и балета, ее муж — Василий Васильевич Верхоланцев — был прежде валторнистом этого театра.

² Иванова Валентина Константиновна (1898—?) — артистка балета, педагог. Засл. арт. РСФСР (1934). В 1916—1959 гг. работала в Мариинском театре (затем Ленинградском театре оперы и балета).

³ Смирнов Валерий Васильевич (р. 1937) — художественный руководитель Ленинградской филармонии, проф. Ленинградской консерватории.

⁴ Речь идет о Николае Сергеевиче Коршунове — тромбонисте симфонического оркестра Ленинградской филармонии, проф. Ленинградской консерватории.

⁵ Фалин Валентин Михайлович (р. 1926) — дипломат. В 1971—1978 гг. посол в ФРГ. Горячо любимый Евгением Александровичем друг.

⁶ Доктор Клир — австрийский импресарио.

⁷ Госпожа Гунтрам — многолетний секретарь «Музикферейна» Вены, г-н Мейер — генеральный директор «Музикферейна».

1975

¹ Гордзевич Лидия Александровна (1907—2001) — арфистка, до войны работала в оркестре Радиокомитета, затем с симфоническим оркестром Ленинградской филармонии в Новосибирске и в 1949—1964 гг. в оркестре Ленинградского театра оперы и балета. Преподавала в Ленинградской консерватории, доцент. Друг Евгения Александровича.

² Имеется в виду домик Веры Александровны Кузнецовой, вдовы тромбониста Ленинградского театра оперы и балета Василия Васильевича Кузнецова. В домике Кузнецовых Евгений Александрович жил в летнее время.

³ Бичем Томас (1879—1961) — английский дирижер, импресарио. Основал и финансировал ряд музыкальных коллективов. Основал Лондонский филармонический и Королевский филармонический оркестры. Гастролировал.

⁴ Абашидзе Ксения Сергеевна — секретарь директора Ленинградской филармонии.

⁵ Годовщина сорокового дня после кончины Инны.

⁶ Речь идет о всемирно известном романе Габриэля Гарсиа Маркеса (р. 1928) «Сто лет одиночества» (1967).

⁷ Эстрин Михаил Зальманович — скрипач, концертмейстер 2-х скрипок симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

⁸ Радчик Петр Цезаревич (1909—1987) — директор Ленинградского отделения Музыкального фонда. Кауфман Владимир Львович (р. 1950) — администратор Большого зала Ленинградской филармонии в 1971—1984 гг., в 1984 г. исполнял обязанности директора.

⁹ Мазур Курт (р. 1927) — немецкий дирижер. В 1955—1958 и 1967—1972 гг. генерал-музик-директор Дрезденского филармонического оркестра, с 1970 г. — оркестра Гевандхауза в Лейпциге. Гастролировал во многих странах, неоднократно в СССР.

¹⁰ Емелька — ласковое прозвище внука Лидии Александровны Гордзевич Андрея Измайлова — арфиста симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹¹ Орлов Александр Иванович (1873—1948) — дирижер, педагог. Нар. арт. РСФСР (1945). В 1925—1929 гг. главный дирижер Украинского театра оперы и балета, 1930 г. возглавлял Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио. В 1923—1929 гг. преподавал в Киевской консерватории, проф. (с 1927). Среди учеников Н. Рахлин. Рейзен Марк Осипович (1895—?) — певец (бас), педагог. Нар. арт. СССР (1937). С 1925 г. солист Ленинградского театра оперы и балета, в 1930—1954 гг. — Большого театра. Один из ярких представителей русской вокальной школы. Иванов Алексей Петрович (1904—1982) — певец (баритон). Нар. арт. СССР (1951). В 1938—1967 гг. солист Большого театра.

1976

¹ Речь идет о том периоде, когда Мравинский был отстранен от руководства оркестром во время гастролей по Европе и устроен А. М. Мравинской в гостиницу Балтийского завода Эстонии «Раковая шейка». В это время его и запечатлел Олег Иванович Богданов — фотограф из Нарвы.

² Мравинский считал, что Ю. Симонов мог быть его достойным преемником на посту главного дирижера Ленинградской филармонии.

³ Сергей Болотин (1912—1994) — в прошлом трубач оркестра Ленинградского театра оперы и балета, друг Евгения Александровича.

⁴ Вера Евгеньевна Гофман-Дервиз (1907—1995) — в прошлом врач, давний друг Мравинского.

⁵ Ганди Индира (1917—1984) — премьер министр Индии в 1966—1977 гг.

⁶ Предложение было вызвано желанием избавить Евгения Александровича от «любопытных глаз» из пионерского лагеря.

⁷ Бекар — нотный знак, уничтожающий действие предшествующего диеза или бемоля. Имеется в виду запрет Смольного и КГБ на выезд за рубеж некоторых музыкантов.

⁸ Эльза Мартыновна — старенькая эстонка, вынужденная работать, так как у нее не было «советского» рабочего стажа. Деликатный и добрый человек, всегда с почтением относилась к Мравинскому.

⁹ Тамара Александровна Скасевич (р. 1937) — медсестра кардиологического центра на Пархоменко, давний друг дома Мравинских.

¹⁰ Речь идет об Ольге Алексеевне, прежней жене Мравинского, с которой он расстался, чтобы жениться на Инне Михайловне. Но заботился о ней до конца своих дней.

¹¹ Имеется в виду Фирун Цалий Борисович — инженер-строитель из Нарвы.

¹² Лембит Рензор — искусный мастер на все руки из Нарвы, со вкусом отделал интерьер дома Мравинских в Усть-Нарве. Остроумный собеседник, интеллигент, друг дома.

¹³ Игорь Северянин (1887—1941) — один из любимейших поэтов Евгения Александровича, был в родстве с Мравинскими по линии Домонтовичей.

¹⁴ Как правило, информационные заметки о природе.

¹⁵ Виталий — сын директора Балтийского завода Виктора Ивановича Лаврова, благодаря которому Мравинский проживал в гостинице «Раконная шейка».

¹⁶ Леночка, невестка Волчонков, после рождения дочери спросила у Евгения Александровича, как ее назвать. Он предложил Елизаветой — «именем моей мамы». Возможно, поэтому Леночка «стремилась» приобщить девочку ко всему, что имело отношение к Мравинскому.

¹⁷ Брускин Борис Михайлович — артист балета Ленинградского театра оперы и балета, сосед по Усть-Нарве, друг дома.

¹⁸ В домашнем кругу улица называлась в честь Ашота Абрамидзе — контрабасиста, джазового музыканта, коллеги по Консерватории А. М. Вавилиной, — построившего дом в Усть-Нарве собственными руками.

¹⁹ На другой стороне Нарвы (ныне российской) прямо над рекой возвышаются шесть тополей. Это было любимое место отдыха Евгения Александровича.

²⁰ Эти березы побудили Евгения Александровича сочинить «белый стих», который преподнес Лидии Александровне, чем она была тронута бесконечно.

²¹ Радуюсь увиденной иконе Серафима Саровского, А. М. Вавилина осмелилась приложиться к ней. Не заметив неправдоподобно чистого стекла в раме, ткнулась в него носом, была слегка обескуражена, но потом вспомнила, что этот святой всегда иронично относился к женщинам...

²² Шутливое прозвище Ирины Уразовой за ее неумное стремление перевязывать вещи из привозимой ей в подарок шерсти: из платья — жакет, из жакета — берет и т. д.

²³ Мравинский был изображен сидящим по-турецки, в лиловом белье, с глазами никуда не глядящими. Александра Михайловна, спросив о цене, стала клянчить у Мравинского денег, чтобы выкупить портрет и скрыть его от людских глаз. Мравинский сказал: «А вдруг следующий портрет будет еще страшнее, так и будешь вечным покупателем?» И конечно, отказал в покупке.

24 Виктор Либерман снимал комнату на улице Нурмэ. Когда впоследствии в 1978 г. он покинул Россию, Евгений Александрович был огорчен его отъездом.

25 Так называли старый деревянный трехэтажный дом, никем почти не заселенный и напоминающий Ноев ковчег.

26 Над р. Наровой на возвышенности располагался раньше отель «Вилла Ирэнэ», куда Мравинские часто приезжали на отдых с маленьким Женей до 1917 г.

27 Речь идет о Валентине Васильевне Польше (1909—1996) — родной сестре матери Александры Михайловны Вавилиной, которая после смерти сестры (Татьяны Васильевны) в 1964 г. проявляла теплое участие в жизни племянницы.

28 Фаня Борисовна — мать скульптора Гаврилы Гликмана.

29 Иван Шумилов — талантливый музыкант, владеющий многими инструментами, обучался в Народной консерватории, в классе А. М. Вавилиной. Им опубликовано пособие для начинающих блок-флейтистов.

30 Мравинский упоминает Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, Татьяну Васильевну Вавилину, которую называл «мама Таня». Навестив ее уже тяжело больную, попросил благословения.

31 Композиции из цветов Н. С. Верхоланцевой неизменно получали призовые места на регулярно проводимых в Усть-Нарве фестивалях цветов. Выставки проходили под музыкальное сопровождение, иногда ансамбля (Фукс — фортепьяно, Верхоланцева — скрипка, Колотухин — виолончель).

32 Васильев Владимир Александрович — зам. директора Ленинградской филармонии.

33 Дружинин Федор Серафимович (р. 1932) — альтист, педагог. Засл. арт. РСФСР (1966). Один из крупнейших альтистов, первый исполнитель сонаты для альтя и фортепьяно Д. Д. Шостаковича (его последнего сочинения). С 1958 г. преподаватель Московской консерватории, проф. (с 1980), зав. кафедрой альтя и арфы (с 1978).

34 Русов Лев Александрович (1926—1986) — художник, друг дома, автор портретов Е. А. Мравинского.

35 Силамязэ в описываемое время был закрытым городом, попасть в который можно было только в сопровождении местного жителя или по специальному пропуску.

36 Ольга Александровна была секретарем Инны Михайловны Сериковой в период ее работы художественным руководителем Областной филармонии. Жорж — муж Ольги Александровны. Оба были близкими друзьями дома Мравинских в 1960-е гг.

1980

1 На берегу Наровы установлен поднятый со дна реки танк в память о Великой Отечественной войне.

2 После кончины отца Александра (1900—1979) его кресло за столом под иконой Божией Матери было предоставлено Евгению Александровичу.

3 Речь идет о внуке Ефимовых, служивших у Мравинских до революции.

4 Эстонская кошка Катерина завоевала сердце Мравинского тем, что, определив его главенство в доме, села на задние лапы столбиком и лизнула руку Евгению Александровичу, тем самым испросив разрешения на приют. Появилась она больная, облезлая и голодная — ничья. Неиз-

вестного возраста, но породистая, трехцветная. Умница и впоследствии всеобщая любимица.

⁵ Левит Борис Самойлович — зам. директора Ленинградской филармонии.

⁶ Речь идет об Алле Борисовне Пирской — директоре Ленинградской филармонии.

⁷ Александр Невзоров — дирижер, выпускник Московской консерватории, стажировался у Е. А. Мравинского.

⁸ Пяхн — врач городской больницы в Нарве.

⁹ Бобка — сын Леночки, невестки Копеля Ильича, брат Лизы.

¹⁰ Черкасов Геннадий Константинович — дирижер, музыкальный редактор Московского радиовещания и телевидения, племянник Николая Черкасова. Агафонов Евгений Александрович — заведующий музыкальной редакцией Московского радиовещания и телевидения.

¹¹ Лапин Сергей Георгиевич — директор Московского радиовещания и телевидения.

¹² Нисиока-сан — импресарио из Японии, с которым Евгений Александрович сотрудничал, а также почитал за профессионализм и организаторский талант.

¹³ Отец Владимир (1925—1996) — протоиерей, настоятель храма Петра и Павла в Вырице, сын отца Александра.

¹⁴ Игорь Блажков — дирижер, ассистент и стажер Е. А. Мравинского.

1982

¹ Людвиг Вацлавовна Барабанщикова помогала по хозяйству, служила до самой кончины Евгения Александровича. Пользовалась его уважением и симпатией.

² Мравинскому был предоставлен кабинет старшей медсестры Инны Григорьевны.

³ Речь идет об уплотнении нижней части легких от перенесенных пневмоний и курения.

⁴ Айтматов Чингиз (р. 1928) — писатель, пишет на киргизском и русском языке. Черты современной литературной манеры, психологический анализ сочетаются в его произведениях с традициями национального фольклора.

⁵ Имеются в виду: Беляков Михаил Михайлович — преподаватель Ленинградской консерватории по классу скрипки, проф.; его жена Валентина Андреевна Белякова — балерина Ленинградского театра оперы и балета. Оба друзья дома и неизменные поклонники Е. А. Мравинского.

⁶ В блокноте Мравинского есть запись: «Образ Улановой — нежный, хрупкий и мудрый — подарен мне в ранней юности и храню в сердце и памяти вечно. Каждая встреча с Улановой и ее искусством, воспоминание о ней всегда великое потрясение и счастье. Спасибо ей и благодарность за нее — Судьбе».

⁷ Александра Михайловна успела выбить ружье из рук Евгения Александровича, помешав его намерению уйти из жизни в 1964 г. после смерти Инны.

⁸ Монсеньор Киш — президент Общества Брукнера в Австрии.

⁹ Доктор Рааб — австрийский импресарио; доктор Бём — его секретарь.

¹⁰ Отель по форме напоминает трубу, где в центре находится вестибюль, а номера располагаются по окружности. Из-за своей боязни высоты Евгений Александрович брел в номер, держась за стену, и сразу же попросил устроить ему постель на полу.

- ¹¹ Миттеран Франсуа (1916–1996) — президент Франции с 1981 по 1995 г.
- ¹² Горовиц Владимир (Самойлович) (1904–1989) — американский пианист. Исполнитель-виртуоз, один из крупнейших пианистов XX в.
- ¹³ Образцова Елена Васильевна (р. 1939) — певица (меццо-сопрано), педагог. Нар. арт. СССР (1976). С 1964 г. солистка Большого театра. Она предложила Мравинскому осуществить ее мечту — спеть с его оркестром вагнеровскую Брунгильду из «Валькирии».
- ¹⁴ Дон Альфонсо Айхон — импресарио из Испании. Подлинный аристократ, будто сошедший с полотен Эль Греко.
- ¹⁵ Имеется в виду Анта Антоновна Журавлева — ответственный секретарь Ленинградского отделения ВТО, сопровождавшая оркестр в гастрольной поездке.
- ¹⁶ Укладка дирижерского чемодана с партитурами, блокнотами, бритвой и прочими «игрушками» не позволялась никому.
- ¹⁷ Альбом репродукций из собрания художественного музея Прадо в Мадриде.
- ¹⁸ Отправились рассчитаться с портье, но дон Альфонсо все уже оплатил вперед, предоставив открытый счет! Мравинский строго приказал ни в коем случае не злоупотреблять этим.
- ¹⁹ Куликов Борис Иванович — дирижер, ученик А. Свешникова, ректор Московской консерватории.

1983

- ¹ Цикл передач по Центральному телевидению, посвященных Е. А. Мравинскому и приуроченных к 80-летнему юбилею.
- ² Речь идет о Маше Федотовой, ученице А. М. Вавилиной и внучке ее учителя, Петра Яковлевича Федотова — солиста Мариинского театра. Ныне М. Федотова солистка Государственного академического Большого симфонического оркестра им. П. Чайковского.
- ³ Эмми Мореско Эреде — известная итальянская импресарио, очень тепло относящаяся к Евгению Александровичу и много сделавшая для оркестра в период «невъездной» ситуации.
- ⁴ Речь идет о Галине Даниловне Шитенковой — лаборанте кафедры духовых инструментов Ленинградской консерватории.
- ⁵ СИМБА — премия в Италии в области музыки, которой был награжден Е. А. Мравинский.
- ⁶ Стародубцева Марина Осиповна — альтистка, подруга А. М. Мравинской, Палладий Сергеевич, ее муж, — крупный инженер-авиатор.
- ⁷ Колкер Александр Наумович (р. 1933) — композитор, засл. деят. искусств РСФСР (1981), автор свыше 100 песен, мюзиклов, оперетт, музыки к драм. спектаклям и кинофильмам, и его жена — певица Мария Пахоменко — жили в Усть-Нарве в доме, приобретенном у Бейлисов, напротив Мравинских.
- ⁸ Кнеллер Геннадий — концертмейстер оркестра, ученик М. Ваймана, лауреат конкурса им. Чайковского — скончался внезапно, совсем молодым.
- ⁹ Нильсен Владимир Владимирович (1910–1998) — пианист, проф. Ленинградской консерватории. Евгений Александрович относился к нему с большим уважением.
- ¹⁰ Речь идет о Петере Лилье (1950–1993) — дирижере, руководителе оркестра Эстонского радио, главном дирижере Таллинского оперного театра; а также Яне Блупе — аспиранте А. М. Вавилиной в Ленинградской консерватории, солисте симфонического оркестра Эстонского радио, засл. арт. Эст. ССР.

1986

¹ Геллер Исаак Григорьевич — скрипач, концертмейстер 2-х скрипок, после кончины Евгения Александровича вынужден был покинуть и оркестр, и Россию.

² Имеется в виду деревянная скульптура «Чур меня», вырезанная Лево́й Русовым и подаренная Мравинским для оберега от всяких бед.

³ Люба Кормут — художественный редактор «Deutsche Grammophon Gesellschaft» в Вене. Близкий друг Мравинского.

⁴ Баснер Вениамин Ефимович (1925—1996) — композитор. Нар. арт. РСФСР (1982). Его талант был отмечен Д. Д. Шостаковичем. Близкий друг дома Мравинских.

1987

¹ Имеется в виду издание: *Стравинская К. Ю.* О И. Ф. Стравинском и его близких. М., 1978. Книга написана родной племянницей И. Стравинского.

² Лопатников Виктор Алексеевич — с 1980 г. зав. отделом культуры Ленинградского горкома партии, с 1985 г. зав. отделом культуры Обкома КПСС.

³ Ирина Шипулина — арфистка, коллега А. М. Вавилиной по музыкальной школе-десятилетке и соседка по Усть-Нарве.

⁴ Казальс (Касальс) Пабло (1876—1973) — испанский виолончелист, дирижер, композитор, музыкально-общественный деятель. Один из крупнейших исполнителей XX в. Рейзен Марк Осипович (1895—?) — певец (бас), педагог. Нар. арт. СССР (1937). В 1930—1954 гг. солист Большого театра. В 1965—1970 гг. зав. кафедрой сольного пения Московской консерватории.

⁵ Минин Владимир Николаевич (р. 1929) — хоровой дирижер, педагог. Нар. арт. СССР (1988). С 1972 г. возглавляет основанный им Московский камерный хор, с 1987 г. также главный дирижер и художественный руководитель Государственного академического русского хора СССР. С 1967 г. преподаватель Музыкально-педагогического института им. Гнесиных, проф. (с 1978).

⁶ Ливеровский Алексей Алексеевич (1903—?) — прозаик, детский писатель. В 1946—1950 гг. писал рассказы о природе для цикла радиопередач «Вести из леса». Евгений Александрович был дружен с Ливеровским, собирал его книги. Это были два единомышленника, влюбленных в природу.

⁷ Дело заключалось в том, что способного флейтиста, приехавшего из Белоруссии и сдавшего все предметы по специальности на высший балл, «засыпали» на экзамене по русскому языку.

⁸ Феддер Вальтер — потомственный импресарио; Гамсьегер Рудольф — генеральный музыкальный директор «Музикферайна» в Вене, затем директор Венской оперы; Клецки Пауль (1900—1973) — польский дирижер, композитор; Ломбар Ален (р. 1940) — французский дирижер; Шольти Георг (1912—2000) — английский дирижер. С 1983 г. живет в США. Один из крупнейших современных дирижеров. Гастролировал во многих странах мира.

⁹ Селл Джордж (1897—1970) — американский дирижер. По национальности венгр. Гастролировал во многих странах (в СССР в 1965 г.).

Летопись жизни и творчества *Е. А. Мравинского*

1903

4 июня (22 мая ст. ст.) родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье.

Отец — Александр Константинович Мравинский (1859—1918), юрист. Мать — Елизавета Николаевна Мравинская, урожд. Филкова (1871—1958), дворянка. Дед — Константин Иосифович Мровинский (написание начала XIX в.) (1829—1917), военный инженер, генерал-майор.

Из семьи Мравинских наиболее известны:

Сестра (единоутробная) отца — Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952), советский дипломат, политический деятель. Игорь Васильевич Лотарев (Игорь Северянин; 1887—1941), поэт. Сестра отца — Евгения Константиновна Мравинская (1864—1914), певица, солистка Мариинского театра в 1886—1900 гг.; сценический псевдоним Мравина.

Домашнее образование, изучение языков (французский, немецкий); тяга к естественным наукам (ботанике, зоологии).

1909

Первые уроки игры на фортепиано с педагогом Валентиной Августовной Стрэм.

Первое посещение Мариинского театра (балет П. И. Чайковского «Спящая красавица»).

1910

Слушает в Мариинском театре оперу Р. Вагнера «Зигфрид». В главной партии — И. В. Ершов. Дирижер — А. Коутс.

1914

Поступление во второй класс 2-й Петроградской гимназии (Казанская ул., 23).

Увлечение биологией, ботаникой. Начало домашних занятий музыкой с пианисткой О. И. Ачкасовой-Брандт.

1917

Смерть деда. Переход в школу-интернат на Крестовском острове.

1918

Начало года. Продолжение занятий музыкой с О. И. Ачкасовой-Брандт.

30 октября. Смерть отца.

Параллельно с обучением в школе-интернате поступление в группу миманса Мариинского театра (с 1919 г. Академический театр оперы и балета — Акопера, с 1920 г. Государственный академический театр оперы и балета — ГАТОБ) в качестве статиста, потом мимиста. Зна-

комство в группе миманса с Н. К. Черкасовым и зарождение дружбы, связывавшей их всю жизнь. Наблюдение за работой над ролью певцов Ф. И. Шаляпина, И. В. Ершова, И. В. Тартакова, В. И. Касторского, солисток балета Е. П. Гердт, Е. М. Люком, за постановками балетмейстера А. Я. Вагановой, дирижера Э. А. Купера и др. Дружеские отношения с И. В. Ершовым.

1919

Предположительно участие в работе И. В. Ершова над оперой Н. А. Римского-Корсакова «Кашей бессмертный» в Масловской опере.

1920

Весна. Окончание школы-интерната.

Осень. Поступление на естественно-научный факультет Петроградского университета.

1921

Весна. Уход из университета. Продолжает работать в театре. Поступает штатным пианистом-аккомпаниатором в Петроградское театральное балетное училище (с 1924 г. — Ленинградское хореографическое училище), в класс педагога Е. П. Снетковой.

1923

Осень. Неудачная попытка поступить в Петроградскую консерваторию в класс контрабаса.

Посещает учебные классы Петроградской государственной академической капеллы, изучает основы музыкально-теоретических дисциплин (теория музыки, гармония и др.) под руководством педагога И. Вишневого.

1924

Осень. Поступление в Петроградскую консерваторию на научно-композиторский факультет, в класс композиции профессора М. М. Чернова. Среди педагогов: профессор М. М. Чернов (мелодика, гармония), Х. С. Кушнарв (полифония), П. Б. Рязанов (анализ музыкальных форм), с 1925 г. Ю. Н. Тюлин (гармония).

1925

Оставляет работу мимиста в ГАТОБе.

Продолжает работать в качестве аккомпаниатора в Ленинградском хореографическом училище.

1927

Переходит в класс композиции профессора В. В. Щербачева. Не оставяя класса композиции, поступает на дирижерский факультет, в класс профессора Н. А. Малько.

1928

Осень. Руководитель самодеятельного симфонического оркестра при клубе советскислужащих (с 1931 г. — Дворец культуры имени Первой пятилетки) Я. В. Геншафт разрешает присутствовать на репетициях.

1929

4 марта. В студенческом концерте исполняется его Сюита для скрипки, флейты и фагота.

Лето. Переход в класс профессора А. В. Гаука после отъезда Н. А. Малько за границу на постоянное жительство. Среди соучеников А. Ш. Мелик-Пашаев, Н. С. Рабинович, И. А. Мусин, Э. П. Грикуров.

19 июля. Первый концерт с симфоническим оркестром клуба ССТС. В программе: увертюра к «Князю Игорю» Бородина, вальс-фантазия Глинки, сюита из «Лебединого озера» Чайковского, Шуберт (оркестровка Зауэра), фрагменты из «Пер Гюнта» Грига, марш из «Тангейзера» Вагнера.

Ноябрь. К 12-й годовщине Октября вместе с Е. Г. Брусиловским, В. Григорьевым, А. Теплицким, А. Биргер принял участие в коллективной работе по музыкальному оформлению празднества на Дворцовой площади.

В Ленинградском хореографическом училище назначен на пост заведующего музыкальной частью.

1930

23 мая. В концерте композиторского факультета дирижирует своими Фрагментами для голоса, трех виолончелей, трех тромбонов, фагота и литавры. Последний опыт в композиции.

В Малом зале консерватории дирижирует фрагментами из балета А. К. Глазунова «Времена года».

На отчетном вечере класса Гаука дирижирует «Хаффнер-сюитой» В.-А. Моцарта.

В течение года дирижирует двумя учебными постановками на сцене Оперной студии консерватории — «Фауст» Ш. Гуно и «Риголетто» Дж. Верди.

1931

Весна. На выпускном вечере Ленинградского хореографического училища дирижирует балетом А. К. Глазунова «Времена года» с оркестром Государственного театра оперы и балета. В Оперной студии Консерватории дирижирует учебной постановкой оперы Ж. Бизе «Кармен».

Окончание Ленинградской консерватории по классу дирижирования.

Начало лета. Соревнуется с Я. М. Пазовским и М. Школьниковым за право выступить с концертом в Саду отдыха с оркестром Ленинградской филармонии. Первая встреча с этим оркестром. Программа концерта включала увертюры Бетховена «Леонора № 3» и к «Эгмонту», вступление к опере Мусоргского «Сорочинская ярмарка» и др.

Оставляет службу в Ленинградском хореографическом училище.

Лето. Выполняет государственный заказ: работу по перестройке курантов Петропавловской крепости и замене мелодии «Коль славен» Д. С. Бортнянского начальной фразой «Интернационала» П. Дегейтера с использованием имеющегося набора колоколов.

Назначен дирижером-ассистентом в Ленинградский театр оперы и балета, но до конца сезона участвует в балетных репетициях только в качестве аккомпаниатора.

1932

4 марта. Присутствует на концерте чешского дирижера Вацлава Талиха; общение с ним произвело «сильное впечатление».

29 марта, 4 апреля. Проводит выпускные спектакли Ленинградского хореографического училища на сцене Государственного Малого оперного театра с оркестром театра.

20 сентября. Первое выступление в качестве дирижера в Ленинградском театре оперы и балета — возобновление балета «Спящая красавица» П. А. Чайковского (постановка М. И. Петица, реставрация Ф. В. Лопухова). Главные партии исполняют Г. С. Уланова и К. М. Сергеев. После второго действия оркестр и зрители устроили молодому дирижеру овацию.

В начале сезона введен в постановочную группу, работавшую над «Лебединым озером» П. И. Чайковского.

Октябрь. Дирижирует балетом «Корсар» А. Адана.

12 декабря. Первое выступление в Большом зале Филармонии с филармоническим оркестром (в смешанном концерте); исполнялась «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова.

1933

Февраль. Дирижирует балетом «Жизель» А. Адана.

13 апреля. Проводит премьеру «Лебединого озера» в постановке А. Я. Вагановой (художник В. В. Дмитриев). Восторженный отзыв о работе дирижера И. И. Соллертинского («Рабочий и театр», 1933, № 12); статья о Мравинском Л. А. Энтелеса («Рабочий и театр», 1933, № 36).

Май. Дирижирует выпускным спектаклем Хореографического училища — балетом «Тиль Уленшпигель» на музыку Р. Штрауса (постановка Л. В. Якобсона), в котором впервые выступил как автор либретто.

1934

Январь. Исполнение с оркестром Ленинградской филармонии фантазии П. И. Чайковского «Франческа да Римини».

18 февраля. Премьера новой постановки балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского (балетмейстер В. И. Вайнонен). Восторженный отзыв И. И. Соллертинского о работе дирижера («Рабочий и театр», 1934, № 4).

28 сентября. Дирижирует премьерой балета «Бахчисарайский фонтан» Б. В. Асафьева (постановка Р. В. Захарова).

1935

13 марта. На торжественном вечере, посвященном 70-летию Ленинградской консерватории, выступает с оркестром консерватории; в программе сочинения А. Г. Рубинштейна.

28 мая. Проводит в Ленинградской филармонии концерт-лекцию на тему «Балет в России и в СССР», явился инициатором программы, в которую вошли произведения Глинки, Глазунова, Чайковского, Рим-

ского-Корсакова, Асафьева, Стравинского. Лектор — И. И. Соллертинский.

Май. Гастроли в Москве Театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Критика особо отметила великолепный оркестр театра и блестящую работу дирижера.

Июнь. Участвует в фестивале искусств, организованном концертными учреждениями Ленинграда совместно с «Интуристом».

31 декабря. Дирижирует премьерой балета «Утраченные иллюзии» Б. В. Асафьева (постановка Р. В. Захарова, художник и автор либретто В. В. Дмитриев).

В течение года регулярно выступает с оркестром Ленинградской филармонии.

1936—1937

Параллельно с работой в театре постоянно выступает с оркестром Ленинградской филармонии. В течение сезона исполнены Первая, Пятая, Шестая симфонии Чайковского, Пятая симфония Глазунова, Вторая симфония Скрябина, Четвертая симфония и увертюра «Леонора № 3» Бетховена, «Прелюды» Листа, произведения Бородина, Рахманинова, Вагнера, Сен-Санса.

1937

Январь — февраль. Ставит свой первый оперный спектакль — «Мазепа» Чайковского.

19 февраля. Премьера оперы «Мазепа» Чайковского в Ленинградском театре оперы и балета. Выступление в Москве с недавно организованным Госоркестром СССР; в программе Пятая симфония Чайковского, концерт для фортепиано с оркестром Свиридова (солист П. Серебряков), «Танцевальная сюита» Животова.

Выступления в Киеве и Харькове с местными оркестрами.

20 октября. Поручено открыть сезон в Ленинградской филармонии (прежде это поручалось только главным дирижерам оркестра). В программе увертюра к опере Глинки «Руслан и Людмила», концерт для фортепиано с оркестром Хачатуряна (солист Л. Оборин), фрагменты из «Героической оратории» М. А. Юдина.

Ноябрь. Участие в декаде советской музыки, посвященной 20-летию Октября. В двух концертах были исполнены Первая симфония Томилина, фортепианные концерты Хачатуряна и Свиридова, «Молдавские песни» Ю. Вейсберг, фрагменты из балета Асафьева «Пламя Парижа» и др.

21 ноября. Премьера Пятой симфонии Шостаковича; подготовка симфонии шла совместно с автором. В течение сезона 1937/38 г. Пятая симфония была исполнена Мравинским 8 раз.

1938

Весна. Выступление в Баку с местным оркестром.

Первая студийная запись Мравинского (Пятая симфония Шостаковича).

Март. Участие в декаде русской классической музыки в Москве. В программе сочинения П. И. Чайковского (Вторая симфония, арии из опер, вариации на тему рококо и «Франческа да Римини»).

Сентябрь. Участие в 1-м Всесоюзном конкурсе дирижеров в Москве. Участвовало 46 претендентов. В жюри входили: С. А. Самосуд (председатель), Л. П. Штейнберг, Н. Я. Мяковский, Г. Г. Нейгауз, А. Б. Гольденвейзер, А. В. Гаук, Д. Б. Кабалевский, А. М. Пазовский, У. Гаджибеков, И. О. Дунаевский и др. В третьем туре исполнил увертюру к опере Моцарта «Импресарио», 2-ю часть Третьей симфонии Шебалина (партию по условиям конкурса получил накануне), 1-ю часть концерта для фортепиано с оркестром Хачатуряна, фантазию Чайковского «Франческа да Римини», Пятую симфонию Шостаковича (по собственному выбору).

После третьего тура места распределились следующим образом:

1-я премия — Е. А. Мравинский;

2-я премия — А. Ш. Мелик-Пашаев и Н. Г. Рахлин;

3-я премия — К. А. Иванов;

4-я премия — не присуждалась;

5-я премия — К. И. Паверман.

Предполагаемая поездка победителей на Международный конкурс дирижеров в Брюсселе не состоялась из-за начавшейся Второй мировой войны.

Конец сентября. Приказ Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР о назначении Мравинского руководителем оркестра Ленинградской филармонии.

18 октября. Открыл концертный сезон Ленинградской филармонии в качестве главного дирижера оркестра. В программу вошли: увертюра к опере Моцарта «Директор театра», вступление к опере Мусоргского «Хованщина» («Рассвет на Москве-реке»), концерт Хачатуряна для фортепиано с оркестром (солист Л. Оборин), Пятая симфония Шостаковича.

Ноябрь. Участие в декаде советской музыки в Москве.

16 декабря. Впервые исполнил с оркестром Филармонии Четвертую симфонию А. Брукнера.

1939

В программах впервые появляются фрагменты опер Р. Вагнера. Исполнение сочинений Бетховена: Второй, Четвертой, Пятой и Девятой симфоний, Фантазии для фортепиано, хора и оркестра (солистка М. Юдина).

21 ноября. Дирижирует Шестой симфонией Шостаковича.

12 декабря. Исполняет Седьмую симфонию Брукнера.

1940

20–26 мая. Первое выступление оркестра Ленинградской филармонии в Москве на Декаде ленинградского искусства. Из пяти концертов Мравинским проведено три; два других — Н. С. Рабинович и К. И. Элиасберг.

2 июня. Присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

13 декабря. Исполняет Девятую симфонию Брукнера.

1941

12 января. Первое выступление с оркестром Ленинградской филармонии немецкого дирижера Курта Зандерлинга (в программе днев-

ного концерта увертюра к «Похищению из сераля» Моцарта и др.). С Зандерлингом заключен договор на следующий сезон.

13 марта. Первое исполнение Сороковой симфонии Моцарта.

12, 19, 23, 25, 27 мая. Посещение репетиций и концертов гастролировавшего в Ленинграде австрийского дирижера Лео Блеха.

Май. На очередной конференции слушателей художественный руководитель Филармонии И. Соллертинский говорил о титанической работе, которую провел Мравинский в амплуа главного дирижера.

22 июня. Начало Великой Отечественной войны.

23–30 июня. Большая часть артистов оркестра включена в состав концертных бригад для обслуживания кораблей Балтийского флота, сборных пунктов воинских частей.

Июль. Выступления на Ленинградском фронте, призывных участках, в госпиталях. Большая часть оркестрантов участвует в строительстве оборонных объектов и бомбоубежищ; часть ушла в народное ополчение. Согласно решению правительства, оркестр готовится к эвакуации в глубокий тыл.

20 августа. Отъезд с оркестром Филармонии в Новосибирск.

4 сентября. Прибытие в Новосибирск. Разместились в одном из залов ожидания железнодорожного вокзала. На следующий день, не завершив выгрузки вещей, солисты оркестра начали выступления в воинских частях и госпиталях.

Деятельность оркестра в военное время ставилась под сомнение. Руководство Филармонии и местные общественные организации вошли с ходатайством во Всесоюзный комитет по делам искусств. И вопрос о сохранении оркестра был решен положительно.

Конец ноября. В Новосибирск прибывает К. Зандерлинг, который становится постоянным (вторым) дирижером оркестра.

Конец года. Симфонические концерты собирают столь большую аудиторию, что решено организовать специальные симфонические циклы в Доме Красной Армии и Клубе завода им. Чкалова. Постоянное участие оркестра в радиопередачах.

1942

9 июля. В присутствии автора состоялась новосибирская премьера Седьмой (Ленинградской) симфонии Шостаковича (премьера симфонии состоялась в Куйбышеве 5 марта под управлением С. А. Самосуда; в Ленинграде — 9 августа, дирижировал К. И. Элиасберг). В течение недели симфония исполнена в Новосибирске четырежды (9, 11, 12 и 15 июля).

Конец года. Исполнением Третьей, Седьмой и Восьмой симфоний завершен бетховенский симфонический цикл в репертуаре Мравинского. Неоднократно исполняются бетховенские Пятая симфония и музыка к трагедии «Эгмонт» при участии чтеца нар. арт. СССР Ю. М. Юрьева.

1943

Середина октября. Вылетает в Москву для работы над Восьмой симфонией Шостаковича.

3, 4, 10 и 19 ноября. Первые исполнения Восьмой симфонии с Госоркестром СССР. Во время репетиций Шостакович, восхищенный дирижером, вписывает в рукопись партитуры Восьмой симфонии посвящение Евгению Мравинскому.

Ноябрь. Участие в юбилейной сессии, посвященной 50-летию со дня смерти Чайковского. Выступление с Государственным симфоническим оркестром Союза ССР — открывает цикл концертов, посвященных этой дате.

Ноябрь — декабрь. Работа с Н. Я. Мясковским над партитурой его Двадцать четвертой симфонии.

1944

Январь. Возвращение в Новосибирск.

5 и 6 февраля. Исполнение Восьмой симфонии Шостаковича.

11 февраля. После смерти И. И. Соллертинского принял на себя художественное руководство Филармонией.

16 февраля. Премьера Двадцать четвертой симфонии Мясковского.

16 мая. Впервые исполняет Четвертую симфонию Чайковского.

Август. Закончен цикл прощальных концертов, объявленных Филармонией в Новосибирске.

Начало сентября. Возвращение с оркестром в Ленинград.

Всего за время пребывания в Новосибирске коллектив провел 56 выездных концертов (в том числе в Омске, Томске, Барнауле, городах Кузбасса, Ташкенте, Фергане, Самарканде). Среди исполненных в Новосибирске произведений современных авторов: сюита «Гроза» В. В. Щербачева, симфония В. И. Мурадели «Памяти С. М. Кирова», Вариации на тему русской народной песни В. Я. Шебалина, вокально-симфоническая поэма А. Л. Локшина «Жди меня» на стихи К. Н. Симонова, кантата «Александр Невский» и Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева и др.

В Новосибирске с оркестром кроме К. Зандерлинга выступали Н. Рабинович, М. Паверман, А. Стасевич, Н. Шкаровский, А. Пономаренко.

1945

28 февраля. Концерт из произведений французских классиков: Болеро и фортепианный концерт Равеля (солист А. Д. Каменский), Фантастическая симфония Берлиоза.

Исполнение музыки Шумана к байроновскому «Манфреду».

24 июня. Первое исполнение в Ленинграде Пятой симфонии Прокофьева (в концерте исполнены также Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта» и Первый фортепианный концерт; солист Каменский).

3 и 4 ноября. Премьера Девятой симфонии Шостаковича в Ленинградской филармонии (3 ноября в присутствии автора).

20 и 22 ноября. Девятая симфония впервые исполнена Мравинским в Москве с Государственным симфоническим оркестром СССР.

1946

26 января. Впервые исполняет музыку балета Стравинского «Петрушка».

27 января. Присуждена Государственная премия СССР 1-й степени «за выдающуюся работу в области искусства за 1943—1944 годы».

2—21 марта. Гастроли в Финляндии (второй дирижер К. Зандерлинг). Первый выезд за рубеж отечественного симфонического оркестра. Концерты проходят в помещении Национального театра и

в зале «Мессухали» в Хельсинки. Из 9 концертов пять проводит Мравинский, четыре Зандерлинг. Посещение Е. А. Мравинским, К. Зандерлингом и Г. В. Бариновой во время гастролей Я. Сибелиуса, жившего в своем загородном доме, из которого он почти не выезжал с конца 1920-х гг. Сибелиус дарит Мравинскому партитуру своей Седьмой симфонии с надписью: «гениальному дирижеру».

31 мая. Участие в юбилейном фестивале, посвященном 50-летию Пражской филармонии. Выступление с Пражским симфоническим оркестром. В программе Пятая симфония Шостаковича, Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта» Прокофьева, скрипичный концерт Чайковского (солист Д. Ойстрах) и фортепианный концерт Хачатуряна (солист Л. Оборин).

28 июня. Присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля искусств РСФСР».

5 октября. Первое исполнение «Героической поэмы» А. С. Животова.

1947

28 февраля. Первое исполнение Реквиема памяти павших героев Ю. А. Левитина.

26—28 июня. Поездка в Прагу без оркестра. В программу выступлений включена Восьмая симфония Шостаковича. Последняя поездка Мравинского на гастролы без оркестра.

11 и 12 ноября. Премьера Шестой симфонии Прокофьева (25 декабря симфония исполнена под управлением Мравинского в Москве).

Ноябрь — декабрь. Участвует — как главный дирижер и художественный руководитель Филармонии — в организации фестиваля советской музыки, посвященного 30-летию Октябрьской революции. Среди премьер: Симфония-поэма Хачатуряна, симфония Бунина, Торжественная увертюра Животова, оратория «Отчизна» Левитина.

1948

2 декабря. Премьеры Первой симфонии («Юность») Ю. А. Левитина и Пятой («Русской») симфонии В. В. Щербачева.

6 декабря. Оркестр под управлением Мравинского впервые после войны играл в цехе завода «Электросила».

1949

26 мая. Первое исполнение недавно обнаруженной и привезенной Мравинским из Праги Симфонии ре-мажор чешского композитора начала XVIII в. Франтишека Мичи.

15 ноября. Дает концерт, состоящий из новых произведений советских авторов: Праздничная увертюра А. Г. Арутюняна, концерт для скрипки с оркестром А. А. Бабаджаняна (солист Л. Коган), оратория Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах» на слова Е. Долматовского.

26 ноября, 22 декабря. Исполнение оратории «Песнь о лесах» Шостаковича в Москве.

1950

28 декабря. Исполнение забытой до этого времени Второй симфонии С. М. Ляпунова.

1952

13 января. Первое исполнение симфонической поэмы «Человек с горы высокой» Г. И. Уствольской.

20 марта. Первое исполнение оратории «На страже мира» Прокофьева (на слова С. Маршака), солисты З. Долуханова и Женя Тamarin.

5 мая. Впервые проиграна для Союза композиторов Первая симфония Салманова.

Лето. Приглашен главным дирижером художественного фильма «Композитор Глинка», режиссер Г. В. Александров.

Лето — осень. Работа по озвучиванию фильма.

1 октября. Выход на экраны фильма «Композитор Глинка».

1953

Май. В состав Филармонии вошел симфонический оркестр Ленинградского комитета радиоинформации. Мравинский снимает с себя полномочия художественного руководителя Филармонии (на эту должность назначен О. С. Саркисов).

22 октября. Концерт, посвященный памяти Сергея Прокофьева. В программу вошли фрагменты из балета «Ромео и Джульетта», Пятая симфония и Первый фортепианный концерт (солист С. Рихтер).

22 ноября. Премьера Первой симфонии Салманова.

17 и 18 декабря. Премьера Десятой симфонии Шостаковича в Ленинградской филармонии.

29 и 30 декабря. Исполнение Десятой симфонии Шостаковича в Москве с Государственным симфоническим оркестром Союза ССР.

1954

28 марта. Присвоено почетное звание «Народного артиста СССР».

1 октября. Встреча в Смольном по поводу критической статьи И. И. Дзержинского в «Ленинградской правде» об оркестре Филармонии и Мравинском.

12—27 декабря. Впервые после войны оркестр выехал на гастроли в Москву (второй дирижер Зандерлинг). Было дано 8 концертов, исполнено 6 программ: сочинения Моцарта, Дебюсси, Чайковского, Прокофьева, Шостаковича.

1955

21 мая — 7 июня. Гастроли в Чехословакии. Оркестр приглашен оргкомитетом фестиваля «Праздник весны» (второй в истории оркестра выезд за рубеж). Выступления в Праге, Братиславе, Брно и Остраве (концерты состоялись 21, 23, 29 мая, 3, 5, 7 июня; второй дирижер Зандерлинг).

29 октября. Первое исполнение Первого скрипичного концерта Шостаковича (солист Д. Ойстрах).

1956

22 мая — 30 июня. Гастрольная поездка ГДР — ФРГ — Швейцария — Австрия (Берлин, Дрезден, Гамбург, Мюнхен, Женева, Вена). В Швейцарии на концертах присутствуют крупнейшие зарубежные музыканты: Отто Клемперер, Яша Хейфец, Натан Мильштейн, Андрес Сеговия.

21, 22, 23 июня. Вена. Триema концертами оркестр завершал международный моцартовский фестиваль, посвященный 200-летию со дня рождения великого австрийского композитора. В фестивале приняли участие видные оркестры Европы и дирижеры Бруно Вальтер, Карл Бём, Герберт фон Караян, Эдуард Александер ван Бейнум, Йозеф Крипс, Энрико Майнарди. В 1960—1982 гг. ленинградский оркестр во главе с Мравинским приезжал в Вену 8 раз.

17 октября. Концерт, посвященный 50-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича. В программе: Праздничная увертюра, Шестая и Пятая симфонии. Вступительное слово произнес А. Н. Должанский.

1957

3 ноября. На фестивале советской музыки, организованном Филармонией к 40-летию Октябрьской революции, первое исполнение в Ленинграде Одиннадцатой симфонии Шостаковича (премьера состоялась в Москве 30 октября, дирижер Н. Г. Рахлин).

1958

10 октября. Гастроли в Польской Народной Республике. Участие в фестивале «Варшавская осень».

1960

30 марта. Премьера Второй Симфонии Салманова в Ленинградской филармонии.

6 сентября — 5 октября. Турне оркестра Ленинградской филармонии по Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Швейцарии и Австрии. Коллектив дал 34 концерта. В числе наиболее значительных событий — победа на Эдинбургском фестивале, огромный успех Восьмой симфонии Шостаковича в Париже, исполненной в присутствии автора.

1961

9—12 февраля. Поездка в Москву, с Заслуженным коллективом республики дано 3 концерта.

22 апреля. Первому из советских дирижеров присуждается Ленинская премия.

Весна. Гастроли в городах Ленинградской области (Волхов и Сланцы).

Май — июнь. Гастроли в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии.

25 сентября. Премьера Двенадцатой симфонии Шостаковича в Ленинградской филармонии в присутствии автора. Сделана студийная запись симфонии — последняя студийная запись Мравинского.

18 ноября. Впервые в СССР в Ленинградской филармонии исполнена Третья («Литургическая») симфония А. Онеггера.

16 декабря. Первое исполнение «Музыки для струнных, ударных и челесты» Б. Бартока (подготовлена для гастролей в Венгрии).

1962

29 января — 10 февраля. Гастроли в Венгрии.

13 февраля. Концерт в Киеве.

20 апреля. Исполнение «Альпийской» симфонии Р. Штрауса.

18 октября — 30 ноября. Турне по городам США и Канады. В программе Пятая симфония и Скрипичный концерт Чайковского (солист Д. Ойстрах), Пятая, Восьмая и Двенадцатая симфонии Шостаковича, Четвертая симфония Брамса, «Музыка для струнных, ударных и челесты» Бартока, сочинения Глинки, Моцарта, Дебюсси.

1963

26 октября. Первое исполнение в СССР Третьей симфонии Сибелиуса.

1964

17 января. Впервые в СССР исполнена симфония «Гармония мира» П. Хиндемита.

17 октября. Первое в СССР исполнение музыки балета И. Ф. Стравинского «Аполлон Мусагет».

21 ноября. Исполнение Седьмой симфонии Сибелиуса.

1965

21, 23, 26, 28 февраля. Концерты в Москве. Все сочинения, исполненные Мравинским в этих гастролях, записаны во время концертов и вошли затем в набор грамзаписей «Дирижирует Евгений Мравинский».

29 октября. Первое исполнение в СССР музыки балета Стравинского «Агон».

24 ноября. Участие в Декаде ленинградского музыкального искусства в Москве.

1966

31 марта. Возобновление (после 1955 г.) Четвертой симфонии Глазунова и сюиты из оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

15 и 16 октября. Гастроли в Вене.

19—27 октября. Турне по крупнейшим городам Италии.

1967

16 мая — 13 июня. Гастроли в ЧССР, Швейцарии и Франции.

1968

24 января. После долгого перерыва исполнение Пятой симфонии Глазунова.

1969

13, 14, 16 мая. Концерты с ЗКР в Москве.

Май — июнь. Гастроли оркестра в крупнейших городах Сибири (Челябинск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул, Томск и Омск). Мравинский выступает только в Новосибирске (21, 29 мая).

20 октября — 2 ноября. Поездка на фестивали русской и советской музыки в Польшу и Румынию.

1970

22 апреля. К 100-летию В. И. Ленина в Ленинградской филармонии исполнена Двенадцатая симфония Шостаковича и Пятая симфония Чайковского. Через несколько дней повторение программы в Ульяновске, в Большом зале недавно открытого Ленинского мемориального центра.

6—17 декабря. Гастроли оркестра в ГДР, посвященные празднованию 200-летия со дня рождения Бетховена. Возобновлены Третья, Четвертая, Пятая и Шестая симфонии великого композитора. Заслуженный коллектив — единственный зарубежный оркестр, принимавший участие в юбилейных бетховенских торжествах. Было дано 8 концертов в Дрездене, Лейпциге, Магдебурге, Эрфурте, Йене, Гере, Берлине.

1971

18—20, 22, 24, 25 декабря. Цикл концертов, посвященных 50-летию Ленинградской филармонии.

1972

26, 27, 29, 30 января. Концерты оркестра Ленинградской филармонии в Москве. В программе произведения Чайковского, Шостаковича, Прокофьева, Стравинского, Бетховена, Брамса, Вагнера.

Апрель. В связи с юбилеем Заслуженный коллектив Ленинградской филармонии удостоен почетного титула «академический».

5 и 6 мая. В Большом зале Филармонии в присутствии автора состоялась ленинградская премьера Пятнадцатой симфонии Шостаковича.

4 октября — 19 ноября. Гастроли в городах ФРГ, Австрии и Италии (33 концерта).

1973

4 июня. В день своего 70-летия Мравинский удостоен звания Героя Социалистического Труда.

21 июня — 7 июля. Гастроли в Японии.

1975

Май — июнь. В Большом зале Филармонии Заслуженный коллектив во главе с Мравинским исполнили концерт, посвященный памяти Шостаковича. В программу вошли Пятая симфония Шостаковича и Шестая симфония Чайковского.

1976

Январь — апрель. Цикл из 4-х концертов в память о Шостаковиче. Были исполнены Пятая, Шестая, Восьмая, Десятая и Пятнадцатая симфонии композитора (Четырнадцатая симфония была исполнена Ленинградским камерным оркестром из состава Заслуженного коллектива).

25 сентября. В день 70-летия Шостаковича в Ленинградской филармонии были исполнены Шестая и Пятая симфонии.

Декабрь. Специальное Постановление Совета Министров СССР «Об увековечении памяти Д. Д. Шостаковича», в котором говорится о присвоении имени Д. Д. Шостаковича Ленинградской государственной филармонии.

1977

30 января. Премьера Четвертой симфонии Салманова, которую автор посвятил Заслуженному коллективу Ленинградской филармонии и его руководителю — первым исполнителям всех его четырех симфоний.

Решением Лейпцигского городского совета Мравинскому присуждена премия имени Артура Никиша, учрежденная в Лейпциге в 1956 г. В решении говорилось, что дирижер удостоен премии «в знак признания его выдающихся достижений в области музыкальной культуры, служащих углублению дружбы между СССР и ГДР». Мравинский был первым зарубежным музыкантом, удостоенным этой премии. Ранее она присуждалась исключительно представителям немецкой музыкальной культуры (О. Клемперер, Б. Вальтер, К. Мазур и др.).

25 сентября — 16 октября. Гастроли в Японии.

1978

Январь. Избран почетным членом Венского Общества друзей музыки (список открыли в 1826 г. Л. ван Бетховен, К.-М. Вебер, Л. Шпор и Дж. Россини).

25 февраля. Сообщение в печати об избрании Мравинского членом Венского общества друзей музыки.

25 мая — 10 июня. Гастрольная поездка в Милан, выступление на фестивале в честь 200-летия театра «Ла Скала». Концерты в Венеции, Болонье, Флоренции и других городах Италии.

4 июня. Во время пребывания во Флоренции, в день 75-летия Мравинского, выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Дружбы народов.

11—13 июня. Концерты в Вене.

14 июня. В Вене происходит церемония вручения диплома члена Венского общества друзей музыки. Ответная речь Мравинского, начатая по-русски, была продолжена им по-немецки.

1979

14 июня — 8 июля. Гастроли в Японии. Последняя поездка в эту страну. Была для ЗКР и Мравинского шестой по счету.

17 декабря. В консульстве ГДР вручена премия имени Артура Никиша.

1980

Сентябрь — октябрь. Гастроли в Австрии, Швейцарии, ФРГ.

23—25 сентября. Три концерта в Вене (Австрия).

30 сентября. Концерт в Зальцбурге (Австрия).

5 октября. Концерт в Бёрне (Швейцария).

8 и 12 октября. Два концерта в Цюрихе (Швейцария).

17 октября. Концерт в Штутгарте (ФРГ).

20 октября. Концерт в Бонне (ФРГ).

23 октября. Концерт в Гамбурге (ФРГ).

30 октября. Концерт в Мюнхене (ФРГ).

31 декабря. Исполнение балетной музыки Чайковского и Прокофьева. После концерта Мравинский остановил аплодисменты и завершил вечер обращением к залу. Поздравив слушателей с Новым годом, заговорил об оркестре, заявив, что является одним из старейших слушателей оркестра и этому коллективу многим обязан.

1981

25 сентября. В день 75-летия Шостаковича в Ленинградской филармонии исполнены Пятая и Шестая симфонии.

1982

1—24 июня. 33-я зарубежная поездка Заслуженного коллектива во главе с Мравинским: Австрия, ФРГ, Швейцария, Франция, Испания.

18—24 ноября. 100-летний юбилей оркестра Ленинградской филармонии. Выступление Заслуженного коллектива во главе с Мравинским в Москве. Исполнялись сочинения Чайковского, Прокофьева, Шостаковича, Бетховена. На первом концерте при появлении Мравинского публика поднялась с кресел, приветствуя дирижера.

1983

19 марта и 8 апреля. Праздничные концерты в Ленинграде, посвященные 100-летию оркестра Ленинградской филармонии. В программе произведения Глинки, Мусоргского и Чайковского. Оркестр награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1984

29 апреля. Последняя запись в исполнении Мравинским Двенадцатой симфонии Шостаковича в Ленинграде (запись велась с концерта). В том же концерте прозвучала Пятая симфония Чайковского.

16 сентября — 8 ноября. Последние зарубежные гастролы. На фестивале Шостаковича в Дуйсбурге (Германия) исполнение Пятой и Пятнадцатой симфоний.

1986

20 ноября. Предпоследний концерт Мравинского. В программе вагнеровская «монография»: увертюра к опере «Нюрнбергские мейстерзингеры»; «Шелест леса» из музыкальной драмы «Зигфрид»; «Прощание Вотана», «Заклинение огня» и «Полет валькирий» из оперы «Валькирия»; «Путешествие Зигфрида по Рейну» и Траурный марш из оперы «Гибель богов».

1987

6 марта. В Большом зале Ленинградской филармонии последний концерт Мравинского. Звучит «Неоконченная» симфония Шуберта и Четвертая симфония Брамса.

1988

19 января. В День Крещения Господня, в 19 час. 30 мин. Евгений Александрович Мравинский скончался в Ленинграде, в своей квартире на Петровской наб., 4. Похоронен на Богословском кладбище.

1992

14 мая. Открыта мемориальная доска на здании Санкт-Петербургской академической Филармонии имени Д. Д. Шостаковича (Михайловская ул., 2; архитектор В. В. Исаева, скульптор Л. К. Лазарев).

22 мая состоялось освящение мемориальной доски.

Ю. Н. Кружнов

Содержание

Правды ради. А. М. Вавилина-Мравинская	5
--	---

Дневники. 1918—1987

1918	17
1920	32
1921	35
1927	36
1927—1928	38
1928—1929	43
1929—1930	45
1930—1931	47
1931—1932	50
1944	58
1945	68
1946	88
1948	90
1952	100
1953	118
1954	161
1955	195
1956	234
1962	297
1964	302
1969	330
1970	336
1971	355
1972	364
1973	386
1974	399
1975	406
1976	444
1980	515
1982	527
1983	545
1986	555
1987	569

Приложения

Примечания	603
Летопись жизни и творчества Е. А. Мравинского	636

Мравинский Е. А.
М88 Записки на память: Дневники. 1918—1987. — Санкт-Петербург:
«Искусство—СПБ», 2004. — 656 с., ил.

ISBN 5-210-01582-3

Впервые публикуются дневники Е. А. Мравинского (1903—1988) — всемирно известного музыканта, оставившего заметный след в дирижерском искусстве XX века, возглавлявшего в течение пятидесяти лет Заслуженный коллектив республики симфонический оркестр Ленинградской филармонии.

Страницы дневника раскрывают неизвестные до сих пор стороны его незаурядной личности — страстную любовь к природе и почти профессиональные знания о ней, склонность к философии и острое восприятие окружающего мира.

«Записки на память» свидетельствуют о несомненном литературном даре их создателя. Издание дополнено уникальными фотоматериалами из архива А. М. Вавилиной-Мравинской.

УДК 930.25

78

ББК 85.2

79.3

Литературно-художественное издание

Евгений Александрович Мравинский

Записки на память

Дневники. 1918—1987

Редактор *Т. А. Шпак*

Компьютерный набор *Г. П. Жуковой*

Компьютерная верстка *С. Л. Пилипенко*

Корректоры *Л. Н. Борисова, Т. А. Румянцева*

265 р. 48.

Подписано в печать 05.02.04. Формат 60 х 100 1/16. Бумага офсетная и мелованная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная. Усл. печ. л. 51,06. Усл. кр.-отт. 52,20. Уч.-изд. л. 50,67. Тираж 3000 экз. Заказ № 1674. Издательство «Искусство—СПБ». 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8.

Диапозитивы иллюстраций изготовлены ЗАО «Голанд». Санкт-Петербург, Невский пр., 93, оф. 5.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 197110 Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15